ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ

ВВЕДЕНИЕ

ТОМ 1 / КНИГА 2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты
В трех томах

Том 1

Введение

Книга 2

Редакторы-составители:
Ю.Б. Дормашев
С.А. Капустин
В.В. Петухов

Издание третье, исправленное и дополненное

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки (специальностям) ГОС ВПО 030300 «Психология», 030301 «Психология», 030302 «Клиническая психология»; направлению подготовки ФГОС ВПО 030300 «Психология» и специальности 030401 «Клиническая психология»

Москва
Когито-Центр
2013

УДК 159.9
ББК 88.3
О 28

Рецензенты:

Иванников В. А., член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заслуженный профессор МГУ

Романов В. Я., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, заслуженный преподаватель МГУ

О 28 **Общая психология.** Тексты: В 3 т. Т. 1: Введение. Книга 2 / Ред.-сост.: Ю. Б. Дормашев, С. А. Капустин, В. В. Петухов. М.: Когито-Центр, 2013. – 728 с.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-89353-378-1 (т. 1, кн. 2)

Курс общей психологии – фундаментальный для образования психологов всех специальностей, как исследователей, так и практиков. Трехтомное собрание оригинальных психологических текстов, дополняющее любой базовый учебник по темам и вопросам, определяющим структуру и содержание общей психологии, предназначено для проведения семинарских занятий по этому курсу и самообразования. Большинство текстов написано авторитетными философами, учеными и авторами учебников, имеющими мировое признание.

В первом томе представлен раздел «Введение», который закладывает основы для более глубокого изучения общей психологии и других психологических дисциплин. Он состоит из трех книг. В этой книге представлены тексты по теме «Общая характеристика психологии как науки».

Данное учебное пособие подготовлено сотрудниками факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова для студентов и преподавателей факультетов психологии университетов, а также других высших учебных заведений, в которых изучается психология. Многие тексты этой книги вызовут интерес и у широкого круга читателей.

В оформлении обложки использована схема лабиринта из дерна, расположенного в парке Боутона (Англия).

ISBN 978-5-89353-378-1 (т. 1, кн. 2)
ISBN 978-5-89353-376-7

Содержание

Предисловие

Вторая книга первого тома целиком посвящена теме «Становление предмета психологии». Цель этой темы — познакомить студентов с основными направлениями научной психологии в разные периоды ее истории, в рамках которых были сформулированы различные представления о ее предмете. Эти направления определили специфику того уникального пути, который прошла психология от момента своего официального рождения как науки в 1879 г. до настоящего времени, внеся в ее развитие свой непреходящий вклад.

Поскольку научная психология как и многие другие науки зарождалась в русле философии, а ее предметом в соответствии с первоначальным значением слова «психология» должна быть душа, то первые представления о ее предмете во многом были уже предопределены очень известным в философии определением души Р. Декарта. Согласно этому определению, душа — это прежде всего субстанция мыслящая, т.е. в соответствии с декартовским пониманием мышления обладающая способностью к осознанию[1]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в двух первых крупных научных школах, возникших в конце XIX в. и возглавляемых В. Вундтом и У. Джеймсом, предметом психологии стало сознание. Первый вопрос темы — «Сознание как предмет психологии» — представлен текстами основателей этих двух школ, а также их ближайших учеников и последователей, в которых они излагают свои точки зрения на сознание и задачи его исследования, приводят описания свойств сознания, а также его видов и состояний. Тексты ко второму вопросу — «Метод самонаблюдения: виды, возможности и ограничения» — посвящены методу самонаблюдения, характеристике его основных видов, возможностей и ограничений. Будучи когда-то основным методом изучения явлений сознания, этот метод до сих пор успешно используется в психологических исследованиях.

Также в конце XIX в., но несколько позже, в психологии возникло еще одно крупное направление, существенно расширившее представления о пред-

---

[1] «Под словом “мышление” (cogitatio) я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою» (*Декарт Р.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. С. 428.)

мете психологии — психоанализ. Основателем этого направления был З. Фрейд. С его точки зрения психику человека нельзя отождествлять только с сознанием, она состоит по крайней мере из трех структурных областей: сознания, предсознательного и бессознательного. В своих работах он убедительно продемонстрировал существование явлений бессознательной психики, создал методы их исследования. Тексты З. Фрейда, в которых излагаются основы психоанализа, включены в третий вопрос — «Бессознательное как предмет психологии». Кроме того, в этом вопросе представлены фрагменты работ К. Юнга, в которых раскрываются его представления об индивидуальном и коллективном бессознательном, методах его исследования и функциях бессознательного в жизни человека. Здесь же помещена оригинальная работа Э. Фромма, посвященная описанию так называемого социального бессознательного. И, конечно, мы сочли очень важным представить здесь тексты, отражающие другой подход к изучению неосознаваемой психики — понятие установки и ее исследования в школе Д.Н. Узнадзе.

В начале XX в. с резкой критикой психологии сознания выступил Дж. Уотсон. С его точки зрения психология как наука о сознании не может существовать, поскольку явления сознания не доступны внешнему наблюдению, а метод самонаблюдения, используемый для их изучения, нельзя считать достоверным. Следовательно, предметом научной психологии может быть только то, что доступно для внешнего наблюдения и объективной регистрации, а таким требованиям отвечает поведение человека и животных. Так в психологии появилось еще одно направление, известное как бихевиоризм. В его русле предметом психологии стало поведение, определяемое как любая внешне наблюдаемая реакция, возникающая в ответ на внешний стимул. Поэтому четвертый вопрос — «Поведение как предмет психологии» — по праву начинается с текстов основателя бихевиоризма Дж. Уотсона, раскрывающих его представления о поведении и основных задачах психологии. Бихевиоризм имел очень много сторонников, но не все из них были полностью согласны с точкой зрения его основателя на поведение. Суть этих разногласий (которые в итоге привели к возникновению внутри бихевиоризма нового направления — необихевиоризма) состояла в том, что реальное поведение человека или животного — это более сложный феномен, не сводимый к реакциям на стимулы. Как считали необихевиористы, реализация многих поведенческих актов невозможна без участия в них внутренних детерминант, например, целей и знаний. При этом в рамках этого направления было выдвинуто и эмпирически обосновано важное методологическое положение о том, что внутренние детерминанты, участвующие в поведении, можно выявлять и изучать так называемыми объективными методами, без какой-либо апелляции к самонаблюдению. Точка зрения необихевиористов представлена работами Э. Толмена.

Практически одновременно с бихевиоризмом возникла гештальтпсихология, представлявшая собой оппозицию, с одной стороны, структуралистской теории сознания В. Вундта и Э. Титченера, а с другой — теории поведения

Дж. Уотсона. Не оспаривая того, что предметом психологии может быть сознание, бессознательное или поведение, гештальтпсихологи предложили свой подход к изучению этих феноменов. Согласно их подходу, явлениям психики и поведения присущи свойства целого (так называемые гештальт-качества), которые отсутствуют у входящих в их состав частей, и потому они не являются простой суммой последних. Главные положения гештальтпсихологии раскрываются в пятом вопросе — «Основные положения гештальттеории» — в текстах ее основателя М. Вертхаймера и двух его ближайших учеников и коллег — В. Кёлера и К. Коффки.

Завершает тему шестой вопрос — «Современное состояние и тенденции развития психологии». В качестве основы в общей структуре этого вопроса мы взяли работу известного голландского историка психологии К. Мадсена, отрывки из которой помещены в самом начале данной книги. Этот автор предлагает перечень самых крупных современных направлений психологической науки (на момент публикации его книги), что, на наш взгляд, очень уместно именно для введения в общую психологию, и дает их характеристику. Таких направлений четыре: современный бихевиоризм, гуманистическая психология, марксистская психология и так называемое главное направление в психологии.

Современный бихевиоризм был основан и до недавнего времени возглавлялся Б. Скиннером. Предметом исследования в данном направлении является поведение, определяемое таким же образом, как и в бихевиоризме Дж. Уотсона. Для начального знакомства с этим направлением мы предлагаем обзорную статью Б. Скиннера, написанную им незадолго до смерти и посвященную его оценке положения дел в психологии как науке о поведении, а также текст из книги Л. Хьелла и Д. Зиглера, в котором подробно излагается его теория оперантного научения, существенно развивающая традиционные бихевиористские представления о научении.

Гуманистическая психология оформилась как направление под руководством А. Маслоу. Еще одним, не менее известным ее представителем был К. Роджерс. Предметом гуманистической психологии является прежде всего личность человека, рассматриваемая в контексте его сущностной природы. При этом особое внимание уделяется разработке представлений об идеале личностного развития человека, который в теории А. Маслоу обозначается как полноценно развитая или психологически здоровая личность, а в теории К. Роджерса — как полноценно функционирующий человек. Непременным условием движения к этому идеалу является актуализация заложенного в человеческой природе определенного потенциала личностного развития. Общая характеристика этого направления и его истории представлена в текстах самого А. Маслоу и Э. Валентайн.

Марксистская психология возникла и особенно интенсивно развивалась в Советском Союзе. Наиболее известными ее представителями были Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и П.Я. Гальперин. Более

детальные сведения об истории марксистской психологии можно найти в учебнике А.Н. Ждан[2]. В текстах К. Мадсена, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и др. раскрываются основные философские положения К. Маркса, на которых базируется это направление. Тексты с более подробным изложением культурно-исторической теории Л.С. Выготского и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, основанных на марксистской философии, будут представлены в третьей книге «Введения».

К главному направлению примыкают большинство психологов. Специфика этого направления состоит в том, что оно объединяет их, главным образом, по специализациям в различных предметных областях. Как считает К. Мадсен, начиная с 60-х гг. XX в. основные исследования проводились в таких областях, как психология научения, психология мотивации, психология личности и когнитивная психология. В рамках каждого из этих специализированных направлений существуют свои микрошколы. В этом же вопросе помещен текст М. Айзенка об истории когнитивной психологии. Кроме того, самые известные исследования психологов, относящихся к данному направлению, будут представлены едва ли не во всех темах книг второго и третьего томов настоящего издания, которые посвящены различным предметным областям общей психологии.

В шестом вопросе уделено внимание еще двум сравнительно недавно возникшим, но не столь крупным направлениям: трансперсональной психологии и позитивной психологии.

Тексты подобраны с учетом программы лекций и семинарских занятий по истории психологии, составленной проф. А.Н. Ждан. Пользуясь случаем, мы хотим выразить признательность Антонине Николаевне за ее лекции и труды, которые очень помогли нам при работе над этой книгой.

Ю.Б. Дормашев,
кандидат психологических наук, доцент;
С.А. Капустин,
кандидат психологических наук, доцент
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, факультет психологии)

[2] *Ждан А.Н.* История психологии: от античности до современности. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2007.

Тема 2

Становление предмета психологии

Различные значения термина «психология». Общее представление о психике и сознании. Из истории «донаучной» психологии. Психологическое знание в обыденной жизни. Примеры описаний индивидуальных психологических различий, способов поведения. Возможности обобщения типовых психических черт на примере классификаций темперамента. Психология и философия. Представления о душе в античной философии, их значение для современной психологии. Практическая и исследовательская психология. Становление научной психологии, общая характеристика ее предмета и методов. Сравнительные особенности житейского и научного познания в психологии. Психология как естественно-научная и гуманитарная дисциплина. Уникальность психологической науки: человек как субъект познания. Взаимосвязь научной и житейской психологии, формы их сотрудничества. Отрасли психологии и критерии их выделения.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Сознание как предмет психологии*
2. *Метод самонаблюдения: виды, возможности и ограничения*
3. *Бессознательное как предмет психологии*
4. *Поведение как предмет психологии*
5. *Основные положения гештальттеории*
6. *Современное состояние и тенденции развития психологии*

1 *Сознание как предмет психологии*

К. Мадсен

Очерк истории психологии*

Связующая метатеория состоит из двух частей. Первая — теория Куна[1] о *развитии* наук выбрана как оптимальный компромисс, т.е. *возможный синтез* как внутренней, так и внешней историографии, а также биографической или индивидуально-ориентированной и социально-исторической или общественно-ориентированной историографии. Вторая — сравнительная метатеория, названная *систематизациологией*. Она разработана с целью анализа, описания и сравнения психологических теорий разных периодов и школ. В дальнейшем изложении эти две теории дополняют друг друга следующим образом.

Теория Куна легла в основу *компоновки* данной книги. В частности, расположение основных разделов текста соответствует периодам [нормального и кризисного развития научной психологии. — *Ред.-сост.*] и *истории научных сообществ* во время этих периодов. Дополнительно к этому, для *описания научного продукта,* как в нормальные, так и в кризисные периоды, когда научные продукты школ не согласовывались друг с другом, используется *систематизациологическая метатеория*. Термин *научный продукт* мы применяем в смысле общего знаменателя суммарного числа научных текстов, как полных, так и неполных, которые опубликованы *данным исследователем или данным научным сообществом*. Этот суммарный, совокупный научный продукт описывается согласно систематизациологической метатеории на метауровне, уровне гипотез и уровне данных, опираясь на те классификации, которые мы уже ввели на каждом из этих уровней. Следовательно, мы описываем и *сравниваем* совокупные научные продукты различных исследователей и научных сообществ точно так же, как анализируем и описываем отдельный текст. Таким образом, в отличие от Куна, мы придаем особое значение *сравнению* продуктов различных периодов и школ.

---

* *Madsen K.B.* A History of Psychology in Metascientific Perspective. North-Holland, Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ. Com. Inc., 1988. P. 62—64, 70, 571—577. (*Перевод В.В. Петухова.*)

[1] Кун (*Kuhn*) Томас Сэмюэл (1922—1996) — американский историк и философ науки, создатель теории исторической динамики научного познания. — *Ред.-сост.*

Периоды истории психологии

Использование теории Куна

Эта теория применима только в том случае, если в развитии изучаемой области знания наблюдается *хотя бы один нормальный период*, в течение которого ученые придерживаются единой парадигмы (т.е. дисциплинарной матрицы). В этом, согласно Куну, заключается критерий определения любой отрасли знания как научной.

По нашему мнению, в развитии психологии было *два нормальных периода*.

1. Период классической экспериментальной психологии: ок. 1860 — ок. 1900.

2. Период объединенной психологии: ок. 1933 — ок. 1960.

И, кроме того, — *два кризисных периода*.

1. Первый период формирования научных школ: ок. 1900 — ок. 1933.

2. Второй период формирования научных школ: начиная примерно с 1960 г.[2]

Однако следует подчеркнуть, что в историографии психологии это разделение на периоды не является общепринятым, поскольку, помимо прочих причин, к развитию психологии теория Куна не применялась вплоть до 1970 г.[3] Споры о том, можно ли вообще *применять* теорию Куна к истории психологии идут до сих пор, так как считается, что нормальных периодов в ее истории не было. Одна из таких дискуссий прошла в 1980 г. на 22-м Международном конгрессе психологов в Лейпциге. И там многие психологи поддержали данное применение теории Куна.

В дальнейшем теория Куна служит основой *описательной модели развития психологии*. Проиллюстрировать эту модель можно с помощью схемы, показанной на рис. 1. Разумеется, ее надо рассматривать не как «абсолютную истину», а как удобный способ структурирования истории психологии.

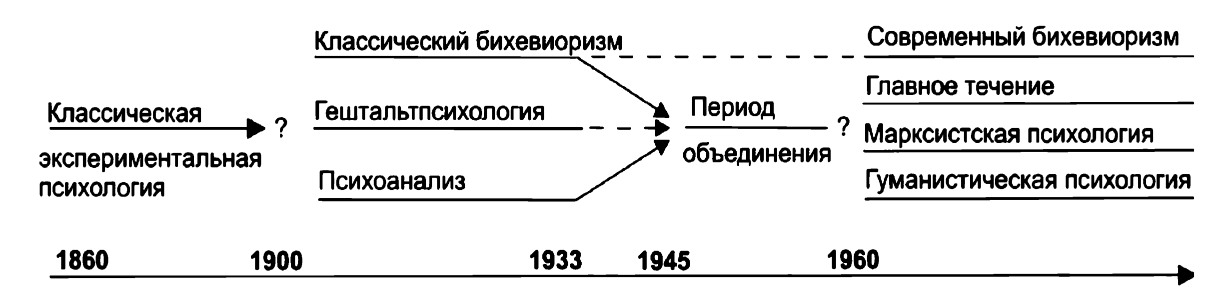

Рис. 1. История психологии с позиций модели Куна

Схематически показано развитие психологии и ее различных школ в соответствии с теорией Куна: за нормальным периодом идет кризисный, в котором происходит формирование школ и так далее.

---

[2] По мнению автора, этот период продолжается, по меньшей мере, до середины 80-х гг., т.е. до момента первой публикации данной работы. — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Madsen K.B.* Psykologiens Udvikling. København: Munksgaard, 1970.

<...> Попытаемся (1) дать ретроспективный обзор мировой истории психологии и (2) представить предполагаемую картину ее развития в будущем.

Ниже приводится краткое изложение истории психологии, рассмотренной в свете модифицированной теории Куна. Поскольку это изложение сжатое, описание периодов или *метапарадигм* школ сосредоточено на двух, можно сказать, важнейших, составляющих метапарадигмы: *концепции человека*[4] *и концепции науки*. Дополнительно к этому, мы даем краткие характеристики *теоретических парадигм* периодов или школ.

Классическая экспериментальная психология

Книга Фехнера[4] «Элементы психофизики» [вышла в свет в 1860 г. — *Ред.-сост.*] и организация Вундтом[5] лаборатории в Лейпциге [в 1875 г. — *Ред.-сост.*] утверждают психологию в качестве самостоятельной науки. Таковы начальные вехи первого нормального периода в истории психологии. Анализ и сопоставление двух книг, задающих парадигмы в психологии, — «Оснований»[6] Вундта и «Принципов» Джеймса[7] — показал, что несмотря на разные теоретические парадигмы этих авторов, у них была общая метапарадигма. Следовательно, они установили парадигмы двух *микрошкол* внутри одной *макрошколы* классической психологии.

Классическая метапарадигма. Метапарадигма классической экспериментальной психологии заключалась в сочетании биологической, нейтрально-монистической, детерминистской концепции человека и естественно-научной, номотетической, эксперименталистской концепции науки. Объект психологического исследования — *сознание*. Эта метапарадигма была общей для двух создателей парадигм [т.е. Вундта и Джеймса. — *Ред.-сост.*], школы которых стали микрошколами внутри одной и той же макрошколы. Следовательно, это был *нормальный период*.

Теоретическая парадигма Вундта. Выше говорилось, что на уровне гипотез теории Вундта и Джеймса были разными и, как следствие, образовались две микрошколы, каждая из которых обладала своей теоретической парадигмой.

---

[4] Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. — *Ред.-сост.*

[5] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[6] Здесь говорится о книге Вундта «Grundzüge der physiologische Psychologie», первое издание которой вышло в свет в 1873—1874 гг. — *Ред.-сост.*

[7] Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ; см. его текст на с. 74 — 93 наст. изд. Первое издание «Principles of Psychology» Джеймса вышло в свет в двух томах в 1890 г. — *Ред.-сост.*

Теоретическая парадигма Вундта была описана нами как структурализм, но лучше называть ее *элементаризмом*, так как сознание здесь рассматривается как сумма элементов сознания.

Теоретическая парадигма Джеймса. В отличие от вундтовской, теоретическую парадигму Джеймса можно описать как *целостную* (holistic) или *функциональную*, сознание рассматривается здесь как совокупность (*totality*) психических процессов или функций.

Итак, кроме метапарадигмы, общим у этих двух микрошкол был объект исследования — сознание, хотя представления о сознании в них были различные.

Первый период формирования школ

К началу столетия различие между этими двумя микрошколами увеличилось как в Европе, так и в Америке. Это привело к разделению на следующие макрошколы <...>

Гештальтпсихология. Метапарадигма этой макрошколы заключалась в сочетании биологической, нейтрально-монистической, детерминистской концепции человека и естественного (номотетического), эксперименталистского взгляда на науку. Объектом психологического исследования было *сознание*, которое рассматривалось целостно. Настоящих микрошкол внутри гештальтпсихологии не было. Метатеоретически мы проанализировали научный продукт Кёлера[8] как представляющий эту школу.

Психология поведения. Метапарадигма этой макрошколы состояла из биологической, большей частью материалистической, концепции человека и естественнонаучного, эксперименталистского взгляда на науку. Объектом психологического исследования было *поведение*.

Психология поведения состояла из трех микрошкол, каждая из которых имела свою теоретическую парадигму. *Рефлексология* Павлова[9] была физиологически объяснительной *S-O-R* психологией. *Классический бихевиоризм* Уотсона[10] был по большей части описательной *S-R* психологией. *Необихевиоризм* Халла[11] был конструктивно объяснительной *S-H-R* психологией. Мы проанализировали и сравнили научные продукты этих трех психологов.

Психоанализ. Метапарадигма этой макрошколы состояла из сочетания биологической, нейтрально-монистической, детерминистской концепции че-

[8] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 568—580 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[9] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904 г.). — *Ред.-сост.*

[10] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[11] Халл (*Hull*) Кларк Ленард (1884—1952) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

ловека и естественного (номотетического), герменевтико-клинического взгляда на науку. Объектом психоаналитического исследования была вся система психики (личность) с акцентом на *бессознательные* структуры и процессы. Здесь существовало несколько микрошкол: *психоанализ Фрейда*[12], *аналитическая психология Юнга*[13] и *индивидуальная психология Адлера*[14]. Метатеоретически мы проанализировали только научный продукт Фрейда.

Объединяющая психология

В США контакты и сотрудничество между тремя вышеуказанными психологическими школами увеличились. Это произошло в связи с политическими событиями (захват власти Гитлером и Вторая мировая война) и привело к появлению в научном сообществе психологов тенденций к объединению. В результате возникает новая макрошкола *объединяющей психологии* и примерно с 1945 г. начинается *второй нормальный период* развития психологии, продолжавшийся приблизительно до 1960 г.

Метапарадигма. Метапарадигма объединяющей психологии состояла из биологической, нейтрально-монистической, детерминистской концепции человека и естественного (номотетического) взгляда на науку в сочетании с методологическим плюрализмом (эксперименты, тесты и клинические методы). Объектом психологического исследования было *поведение*, определение которого являлось настолько широким, что включало в себя словесные отчеты о переживаниях.

Теоретические парадигмы. Во время периода объединения было несколько теоретических парадигм, но все они предполагали одну и ту же общую метапарадигму. С позиций связующей метатеории мы проанализировали и провели сравнение следующих теорий.

Необихевиористская *теория Толмена*[15] с целью объяснения поведения использовала нейтральные гипотетические конструкты, т.е. была *S-H-R* психологией и фокусировалась главным образом на психологии научения.

Теория поля Левина[16], психологически разработанная в духе гештальтпсихологии, также использовала нейтральные гипотетические конструкты (*S-H-R* теория) и первоначально фокусировалась на психологии мотивации. Позже эта теория распространилась на психологию личности и социальную психологию.

---

[12] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[13] Юнг (*Jung*) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр; см. его тексты на с. 345—357, 358—380 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[14] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, один из первых учеников Фрейда. — *Ред.-сост.*

[15] Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог; см. его тексты на с. 479—499, 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[16] Левин (*Lewin*) Курт (1890—1947) — немецкий психолог, представитель гештальпсихологии в области психологии мотивации и личности; с 1932 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

Вдохновленная психоанализом *«персонология» Марри*[17] использовала нейтральные гипотетические конструкты (*S-H-R* теория) с целью объяснения полного (*entire*) развития личности.

Кроме этих трех психологов, значительный вклад в объединение психологии внес Р.С. Вудвортс[18].

Второй период формирования школ

Около 1960 г. начинается новый кризисный период и образуется несколько новых школ. На развитие психологии в этот период прямое влияние оказали политические события (война во Вьетнаме[19] и «молодежная революция»[20]).

Гуманистическая психология. Под руководством Маслоу[21] оформляется новая школа с новой метапарадигмой, включающей гуманистическую, нейтрально-монистическую (?) и самодетерминистскую концепции человека и гуманитарным (герменевтическим и идиографическим) взглядом на науку, как опирающуюся на качественные методы. Объектом психологического исследования является *целостная личность,* включая сознание. Мы провели метатеоретический анализ научного продукта Маслоу.

Марксистская психология. В Советском Союзе разрабатывается марксистская психология, создателями парадигм которой были Выготский[22], Рубинштейн[23], Лурия[24] и Леонтьев[25]. Марксистская метапарадигма состоит из социальной, нейтрально-монистической (?), детерминистской концепции человека и естественного (номотетического), эксперименталистского взгляда на науку. В конце 60-х гг. образуются западноевропейские марксистские микро-

---

[17] Марри (Мюррей) (*Murray*) Генри Александр (1893—1988) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[18] Вудвортс (*Woodworth*) Роберт Сешонз (1869—1962) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[19] *Война во Вьетнаме* — вооруженный конфликт на территории Южного Вьетнама (1964—1973) между войсками Южного Вьетнама при поддержке США и повстанцами, которых поддерживали власти Северного Вьетнама, Китая и СССР. — *Ред.-сост.*

[20] *Молодежная революция* — массовые молодежные, студенческие выступления, захлестнувшие в 60-е гг. прошлого века множество стран Западной Европы и Америки. — *Ред.-сост.*

[21] Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог; см. его текст на с. 633—636 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[22] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*

[23] Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ; см. его текст на с. 697—703 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[24] Лурия Александр Романович (1902—1977) — отечественный психолог, один из основателей нейропсихологии. — *Ред.-сост.*

[25] Леонтьев Алексей Николаевич (1903—1979) — отечественный психолог, создатель психологической теории деятельности; см. его текст на с. 704—709 наст. изд. — *Ред.-сост.*

школы. Важнейшие среди них — «критическая психология» (берлинская школа) и «фрейдомарксизм» ганноверской школы. Как важнейший образец марксистской психологии мы проанализировали научный продукт Леонтьева.

Современный бихевиоризм. Появление этой школы стимулировал Скиннер[26]. Ее метапарадигма заключается в билогической, материалистической, детерминистской концепции человека и в естественном (номотетическом), экспериментанлистском взгляде на науку. Объект исследования — поведение. Мы провели метатеоретический анализ научного продукта Скиннера.

Теоретической парадигмой самого Скиннера является описательная *S-R* психология. Однако развиваются и другие бихевиористские микрошколы, которые объясняют поведение, опираясь на представления о когнитивных процессах и других гипотетических переменных (*S-H-R* теория). А. Бандура[27] — главный представитель так называемого когнитивного бихевиоризма.

Главное течение психологии. Это направление нельзя назвать подлинной школой. Его придерживаются психологи, большая часть которых продолжает разработку психологии, опираясь на парадигму объединяющей психологии (см. выше). Эта группа разделяется в соответствии с психологической специализацией.

Психология научения, вдохновленная в особенности ранним и современным бихевиоризмом. Н.Э. Миллер[28] и Д.Э. Берлайн[29] — ее главные представители.

Психология мотивации, вдохновленная в особенности психоанализом и психологией научения. Дж.У. Аткинсон[30] и Д. Макклелланд[31] — ее главные представители.

Психология личности, вдохновленная в известной мере психоанализом и в значительной степени методом факторного анализа. Ее главные представители — Р. Кэттелл[32], Х.Ю. Айзенк[33] и Дж. Ройс[34]. Научный продукт Ройса мы проанализировали метатеоретически.

---

[26] Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного течения радикального бихевиоризма; см. его текст на с. 589—605 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[27] Бандура (*Bandura*) Альберт (1925—1988) — американский психолог (родился в Канаде). — *Ред.-сост.*

[28] Миллер (*Miller*) Нил Элгар (1909—2002) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[29] Берлайн (*Berlyne*) Дэниел Эллис (1924—1976) — канадский психолог (родился в Англии). — *Ред.-сост.*

[30] Аткинсон (*Atkinson*) Джон Уильям (р. 1923) — американский социальный психолог. — *Ред.-сост.*

[31] Макклелланд (*McClelland*) Дейвид (1917—1998) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[32] Кэттелл (Кеттелл) (*Cattell*) Реймонд Бернард (1905—1998) — американский психолог и издатель. — *Ред.-сост.*

[33] Айзенк (*Eysenck*) Ханс Юрген (1916—1997) — английский психолог (родился в Германии). — *Ред.-сост.*

[34] Ройс (*Royce*) Джозеф Р. (1921—1989) — канадско-американский психолог. — *Ред.-сост.*

Когнитивная психология, вдохновленная гештальтпсихологией. Ж. Пиаже[35], Дж. Брунер[36] и К.Г. Прибрам[37] — ее главные представители. <...>

Проверяемость научных теорий[38]

Таблица 1

[Оценка проверяемости психологических теорий]

Скиннер:	0,00	Браун:	0,38
Каттелл:	0,09	Макдугалл:	0,43
Тинберген:	0,11	Левин:	0,50 (0,57)
Хебб:	0,13	Конорски:	0,54
Маслоу:	0,13	Вудвортс:	0,57
Уотсон:	0,13	Фрейд (сновидения):	0,60
Даффи:	0,14	Миллер (II):	0,60
Макклелланд:	0,14	Марри (Мюррей):	0,60 (0,71)
Миллер (I):	0,20	Джеймс:	0,60
Леонтьев:	0,23	Вундт:	0,67
Прибрам:	0,29	Фрейд (неврозы):	0,71
Биндра (Bindra):	0,30	Юнг:	0,82
Келер:	0,30	Фестингер:	0,84
Аткинсон и Берч:	0,33	Аткинсон:	0,86
Фрейд (ошибочные действия):	0,33	Оллпорт:	1,00
Павлов:	0,33	Фрейд (тревожность):	1,20
Халл:	0,36 (0,30*)	Толмен:	1,43 (1,50)
Берлайн:	0,38	Фрейд (топографическая теория):	2,00

**Примечание.* Некоторые психологи (напр., Аткинсон, Миллер, Фрейд) разработали несколько теорий, а в некоторых случаях (Халл, Левин, Марри, Толмен) показатель гипотез посчитан для двух различных реконструкций одной и той же теории.

---

[35] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

[36] Брунер (*Bruner*) Джером Сеймур (р. 1915) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[37] Прибрам (*Pribram)* Карл Гарри (р. 1919) — австро-американский нейрофизиолог и психолог. — *Ред.-сост.*

[38] К. Мадсен разработал метод количественной оценки проверяемости теорий (систем гипотез). Он состоит из количественного определения и выражения проверяемости теорий с помощью «показателя гипотез». Этот показатель представляет собой отношение суммарного количества теоретических гипотез к суммарному количеству эмпирических гипотез. Эмпирическая проверка системы гипотез возможна только при условии существования хотя бы одной эмпирической гипотезы, и чем больше эмпирических гипотез входит в систему гипотез, тем больше эта система доступна проверке, т.е. чем меньше показатель, тем больше проверяемость теории. Таким образом К. Мадсен оценил проверяемость 36 психологических теорий, показатель гипотез которых варьирует в диапазоне от 0,00 (теория Скиннера) до 2,00 («топографическая» теория Фрейда). — *Ред.-сост.*

Перспективы: развитие психологии в будущем

В этом, последнем, разделе мы отважимся предсказать развитие психологии в будущем с позиций середины 80-х гг. и на основе ее исторического развития до этого времени.

Прогноз: новая метапарадигма

Мы предполагаем, что в течение нескольких лет, возможно уже в 90-е гг., на смену текущему периоду формирования школ придет новый нормальный период, во время которого психологическое сообщество соберется вокруг новой общей метапарадигмы. С высокой степенью уверенности мы предвидим, что эта новая метапарадигма будет выглядеть следующим образом.

Онтология

А. *Концепция человека*. Это будет *объединенная био-социо-гуманистическая концепция человека*. Человека будут рассматривать как сложное биологическое существо, в развитии которого социализация играет гораздо большую роль, чем в случае других биологических организмов. И более того, особое влияние на его психическое развитие оказывают язык и другие формы культуры[39].

Б. *Психофизическая теория*. Психику будут рассматривать как иерархическую систему преобразования информации. Мир будут рассматривать как множественную, многоуровневую систему, в которой система психики вклинивается между биологическими и социокультурными системами[40].

В. *Проблема детерминизма*. Будет господствовать теория *пробабилизма*.

Философия науки

А. *Гносеология*. Множественная, эмпиристская, рационалистическая и интуиционистская гносеология с основным акцентом на *рационализм*[41].

Б. *Метатеория*. Идеал науки будет описываться в терминах теории систем. Каждая наука должна развиваться в соответствии с требованиям онтологического уровня своего объекта исследования.

В. *Методология*. Что касается психологии, то теория систем будет включать в себя *методологический плюрализм*, предполагающий использование как экспериментальных и психометрических (в особенности факторного анализа), так и качественных (клинических) методов.

---

[39] См.: *Royce J.R., Powell A.* Theory of Personal and Individual Differences: Factors, Systems and Processes. Englewood-Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1983; см. также работы Леонтьева.

[40] См.: Там же; см. также работы Леонтьева, Пиаже и Прибрама.

[41] См.: Там же.

Основания данного прогноза. Основания для заявления о рождении новой *метапарадигмы, базирующейся на информационной теории систем* (systems and information theory), можно найти в уже доступных наблюдению тенденциях текущего периода формирования школ.

Эти тенденции наиболее заметны в психологии главного течения, где как типичную и «прогрессивную» можно рассматривать теорию Ройса и Поуэлла. Об этой тенденции также свидетельствует господство *когнитивной психологии* (Пиаже и др.) и *когнитивно ориентированной психологии* в других дисциплинах — например, когнитивная психология научения Бандуры, когнитивная психология мотивации Берлайна, а также информационная системно-теоретическая психология личности[42].

Кроме того, на информационную и системно-теоретическую метапарадигму указывают тенденции других психологических школ, в особенности *марксистской психологии Леонтьева*. Эти тенденции можно обнаружить и в целостной метапарадигме *гуманистической психологии*. О когнитивных тенденциях в *современном бихевиоризме*, т.е. о когнитивном бихевиоризме мы уже говорили. Но особенно четко на информационную системно-теоретическую психологию указывает развитие главного течения психологии. Остальные школы могут по ходу следующего периода объединения развиться в отрасли психологического знания (как это произошло с тремя школами, которые объединились во время первого периода объединения). В таком случае гуманистическая психология могла бы стать трансперсональной психологией (занимающейся состояниями сознания), современный бихевиоризм — психологией научения (используемой с целью модификации поведения), а марксистская психология — теорией развития и социализации.

В итоге, опираясь на выводы из анализа конкретного исторического развития, мы находим разумные основания для следующего прогноза: ближайшее поколение психологов объединится в исследовании «системы психики» на основе информационной системно-теоретической парадигмы. Этот прогноз не назовешь особенно дерзким, поскольку движение в эту сторону, хорошим примером которого служит работа Ройса и Поуэлла, уже происходит.

---

[43] См.: *Royce J.R., Powell A.* Theory of Personal and Individual Differences: Factors, Systems and Processes. Englewood-Cliffs, N.J., 1983; *Gardner H.* The Mind's New Science: History of the Cognitive Revolution. N.Y.: Basic Books, 1985.

В. Вундт

[Задача и предмет психологии]*

Задача психологии

Два определения понятия психологии преобладают в истории этой науки. Согласно одному, психология есть «наука о душе»: психические процессы трактуются как явления, из рассмотрения которых можно делать выводы о сущности лежащей в их основе метафизической душевной субстанции. Согласно другому, психология есть «наука внутреннего опыта». Согласно этому определению, психические процессы принадлежат особого рода опыту, который отличается прежде всего тем, что его предметы даны «самонаблюдению» или, как называют это последнее, в противоположность восприятию через внешние чувства, «внутреннему» чувству.

Однако ни одно из этих определений не удовлетворяет современной научной точке зрения. Первое, метафизическое определение соответствует тому состоянию, в котором психология находилась долее, чем другие области человеческого знания, но которое и для нее отошло теперь окончательно в прошлое, после того как она развилась в эмпирическую дисциплину, работающую своеобразными методами, и после того как «науки о духе» признаны были самостоятельной, противостоящей естественным наукам отраслью познания, требующей в качестве своей общей основы самостоятельной, не зависящей от метафизических теорий психологии.

Второе, эмпирическое определение, видящее в психологии «науку внутреннего опыта», недостаточно потому, что оно может поддерживать то ошибочное мнение, будто бы этот внутренний опыт имеет дело с предметами, во всем отличными от предметов так называемого «внешнего опыта». Однако, с одной стороны, существуют действительно содержания опыта, которые, составляя предмет психологического исследования, не встречаются в то же время среди

* *Вундт В.* Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 3—6, 14—15, 22—33, 64, 69—77, 174—175, 177—181, 183—185, 192—195, 218—219. (***Здесь и далее заголовки в квадратных скобках даны редакторами-составителями.***)

объектов и процессов того опыта, изучением которого занимается естествознание; таковы наши чувства, аффекты, волевые решения. Но, с другой стороны, нет ни одного явления природы, которое с несколько измененной точки зрения не могло бы быть предметом психологического исследования. Камень, растение, тон, солнечный луч составляют, как явления природы, предмет минералогии, ботаники, физики и так далее. Но поскольку эти явления природы суть в то же время *представления* в нас, они кроме того служат предметом психологии, которая стремится дать отчет в способе возникновения этих представлений и выяснить отношения их к другим представлениям, а также и к чувствам, движениям воли и другим процессам, которые не относятся нами к свойствам внешних предметов. «Внутреннего чувства», которое можно было бы противопоставлять, как орган психического восприятия, внешним чувствам — как органам естествознания, вообще не существует, следовательно. Представления, свойства которых стремится исследовать психология, совершенно те же самые, от которых отправляется естествознание; а субъективные движения, которые оставляются без внимания при естественно-научном рассмотрении вещей, чувства, аффекты, волевые акты даны нам не через посредство особых органов восприятия, а связываются для нас непосредственно и нерасторжимо с представлениями, относимыми нами к внешним предметам.

Отсюда следует, что выражение «внешний и внутренний опыт» означает не различные предметы, а *различные точки зрения*, применяемые нами в рассмотрении и научной обработке единого самого по себе опыта. Эти точки зрения подсказываются нам тем, что каждый опыт расчленяется непосредственно на *два фактора*: на *содержание*, данное нам, и на способ нашего *восприятия* этого содержания. Первый из этих факторов мы называем *объектами опыта*, второй — *испытующим субъектом*. Отсюда получаются два направления в обработке опыта. Первое — то, которому следует *естествознание*: естественные науки рассматривают *объекты* опыта в их свойствах, мыслимых независимо от субъекта. Второму направлению следует *психология*: она рассматривает совокупное содержание опыта в его отношениях к субъекту и в тех свойствах, которые ему приписываются непосредственно субъектом. Поэтому естественно-научная точка зрения, поскольку она возможна лишь благодаря отвлечению от субъективного фактора, содержащегося во всяком действительном опыте, может быть названа точкой зрения *опосредствованного опыта*, а психологическая точка зрения, которая снова устраняет это отвлечение и все проистекающее отсюда следствия, точкой зрения *непосредственного опыта*.

Возникающая таким образом задача психологии как общей, координированной естествознанию и восполняющей ее эмпирической науки, находит свое подтверждение в способе рассмотрения всех *наук о духе*, основой которых служит психология. Все эти науки, филология, история, учение о государстве и обществе, имеют своим содержанием непосредственный опыт, поскольку он определяется взаимодействием объектов и познающих и действующих субъектов. Поэтому ни одна из наук о духе не прибегает к помощи отвлечений и ги-

потетических вспомогательных понятий естествознания; объекты-представления и сопровождающие их субъективные движения почитаются в них непосредственной действительностью, и они стараются объяснять отдельные составные части этой действительности из их взаимной связи. Этот прием психологического истолкования, применяемый в *отдельных* науках о духе, должен быть, следовательно, также и приемом самой психологии.

Так как естествознание исследует содержание опыта в отвлечении от испытующего субъекта, то обыкновенно его задача определяется также как «познание внешнего мира», причем под внешним миром разумеется совокупность данных нам в опыте объектов. Соответственно этому задача психологии определялась иногда как «самопознание субъекта». Однако это определение недостаточно, потому что, кроме свойств отдельного субъекта, к предмету психологии относятся также различные взаимодействия между ним и внешним миром и другими подобными субъектами. Кроме того, это выражение может быть легко истолковываемо в том смысле, как если бы внешний мир и субъект были отдельными составными частями опыта или по крайней мере могли бы быть разделяемы на независимые друг от друга содержания опыта; в действительности же внешний опыт всегда связан с функциями восприятия и познания субъекта, а внутренний опыт содержит в себе представление о внешнем мире как свою неотъемлемую составную часть. И это взаимоотношение проистекает с необходимостью из того, что в действительности опыт не есть несвязанная сумма отдельных различных областей, а образует единое связное целое, предполагающее в каждой своей составной части как субъект, воспринимающий содержание опыта, так и объекты, даваемые субъекту в качестве содержания опыта. Поэтому и естествознание не может отвлекаться от познающего субъекта, а лишь от тех его свойств, которые или отпадают, подобно чувствам, как скоро мы отбросим мысленно субъект, или же, подобно качествам ощущений, должны быть относимы на счет субъекта на основании физического исследования. Напротив, психология имеет своим предметом *совокупное* содержание опыта в его непосредственных свойствах.

Таким образом, последнее основание для отделения естествознания от психологии и от наук о духе следует искать только в том, что всякий опыт содержит в качестве составных факторов объективно данное содержание опыта и испытующий субъект. Впрочем, мы не хотим, само собой разумеется, этим сказать, что это разграничение предполагает уже *логическое* определение обоих факторов. Такое определение возможно становится, очевидно, только на основании естественно-научного и психологического исследования и ни в коем случае не может, следовательно, предшествовать ему. Предположение, общее естествознанию и психологии с самого начала, состоит в сопровождающем всякий опыт сознании, что в опыте даются объекты какому-нибудь субъекту, причем, однако, не может быть и речи первоначально о познании условий, лежащих в основе этого различия, или о каких-нибудь определенных признаках, которыми один фактор мог бы отграничиваться от другого. Поэто-

му самые выражения объект и субъект в этой связи представляют собой только позднейшее перенесение на ступень первоначального опыта различий, которые принадлежат уже логически развитой рефлексии.

Вследствие этого взаимоотношения естественно-научное и психологическое истолкование опыта дополняют друг друга не только в той мере, поскольку первое имеет дело с объектами при возможно большем отвлечении их от субъекта, а второе учитывает участие субъекта в возникновении опыта, но и в том смысле, что оба толкования становятся на различную точку зрения в рассмотрении каждого отдельного содержания опыта. Естествознание стремится исследовать, каковы свойства объектов в отвлечении от субъекта, и поэтому даваемое им познание есть опосредствованное, или ***познание в понятиях***: вместо непосредственных объектов опыта естествознанию остаются содержания понятий, получаемые из этих объектов путем отвлечения от субъективных элементов наших представлений. Но это отвлечение требует в то же время известных гипотетических восполнений действительности. Именно естественно-научный анализ показывает, что многие составные части опыта, например содержание ощущений, представляют собой субъективные действия объективных процессов, так что эти последние не могут содержаться в опыте в их не зависящих от субъекта свойствах. Поэтому естествознание стремится обыкновенно добыть эти элементы опыта путем гипотетических вспомогательных понятий, выстраиваемых относительно объективных свойств материи. Психология исследует, напротив, содержание опыта в полной его действительности, представления, относимые к объектам, вместе со всеми субъективными движениями, примыкающими к ним, и поэтому способ ее познания есть ***непосредственный*** или ***воззрительный***: воззрительный в том более широком значении, которое получило это понятие в новейшей научной терминологии и согласно которому оно означает не только непосредственные содержания восприятий внешних чувств, особенно зрения, но всю ***конкретную*** действительность, в противоположность мыслимому отвлеченно и в понятиях. Связь содержаний опыта, как она дана действительно субъекту, может быть установлена психологией только в том случае, если она, со своей стороны, будет совершенно воздерживаться от этих отвлечений и гипотетических вспомогательных понятий естествознания. Если, следовательно, и естествознание и психология суть эмпирические науки, так как они имеют своей задачей объяснение опыта, — правда, с различных точек зрения, — то все-таки психология должна быть названа ***более строго эмпирической наукой*** ввиду своеобразных особенностей, присущих ее задаче. <...>

Общие направления психологии

<...> Руководящие принципы той психологической точки зрения, которой мы будем придерживаться в нижеследующем изложении, могут быть сведены таким образом к ***трем*** положениям.

1. Внутренний или психологический опыт не есть какая-либо особая область опыта наряду с другими, а *непосредственный опыт* вообще.

2. Этот непосредственный опыт не есть какое-либо неизменное и неподвижное содержание, а *связь процессов*; он слагается не из объектов, а из *процессов*, именно из *общеобязательных человеческих переживаний* и их закономерных взаимоотношений.

3. Каждый из этих процессов имеет, с одной стороны, *объективное* содержание, а с другой — есть *субъективный процесс* и поэтому в нем заключены общие условия всякого познания и всей практической деятельности человека.

Этим трем определениям соответствует *трoякое положение психологии* по отношению к другим областям человеческого знания.

1. Как наука непосредственного опыта, психология является *дополнительной* опытной наукой по отношению к *естествознанию*, которое имеет своим предметом всегда только объективное, *опосредствованное* содержание опыта вследствие предпринимаемого в естествознании отвлечения от субъекта. Всякий отдельный факт опыта может быть, строго говоря, оценен в его полном значении только тогда, когда он пройдет пробу и естественно-научного, и психологического анализа. В этом смысле физика и физиология суть вспомогательные науки психологии совершенно так же, как эта последняя есть, в свою очередь, вспомогательная дисциплина естествознания.

2. Как наука об общих формах непосредственного человеческого опыта и его закономерной связи, психология есть *основа наук о духе*. Содержание наук о духе составляют всегда деятельности, проистекающие из непосредственных человеческих переживаний, и связанные с ними следствия. Поскольку психология имеет своей задачей исследование форм проявления и законов этих деятельностей, она сама представляет собой наиболее общую науку о духе и в то же время служит основанием всех частных наук, каковы филология, история, политическая экономия, наука о праве и так далее.

3. Так как психология равномерно учитывает оба основных условия, определяющие и теоретическое познание и практическую деятельность человека, субъективные и объективные, и стремится установить их взаимное отношение, то из всех эмпирических дисциплин она есть та, результаты которой имеют особенно важное значение прежде всего для исследования общих проблем *теории познания* и *этики*, обеих основных областей *философии*. По отношению к естествознанию психология есть *дополнительная*, по отношению к наукам о духе — основная, по отношению к философии — *подготовительная эмпирическая наука*. <...>

Общий обзор предмета

Непосредственное содержание опыта, подлинный предмет психологии, состоит всегда из процессов, сложных по своей природе. Восприятия внешних предметов, их образы воспоминания, чувства, аффекты, волевые акты не только

находятся в самых разнообразных связях друг с другом, но каждый из этих процессов, в свою очередь, представляет сам по себе обыкновенно более или менее сложное целое. Представление какого-нибудь внешнего тела, например, состоит из частичных представлений его частей. Всякий, хотя бы самый простой, тон мы относим в пространство, в том или ином направлении; мы ставим его, следовательно, в связь с представлением внешнего пространства, которое само опять-таки отличается чрезвычайной сложностью. Всякое чувство, всякий волевой акт мы относим к какому-нибудь ощущению, вызывающему чувство, к какому-нибудь объекту, на который направлен акт нашей воли, и так далее. По отношению к такому сложному материалу научному исследованию приходится разрешать последовательно *три* задачи. *Первая* задача состоит *в анализе* сложных процессов, *вторая — в установлении связей*, в которые вступают друг с другом найденные этим анализом элементы, *третья — в исследовании законов*, которые действуют при возникновении таких связей.

Из этих трех задач преимущественно *вторая*, синтетическая, содержит в себе опять-таки целый ряд проблем. Психические элементы, связываясь друг с другом, дают начало сложным *психическим образованиям*, которые выделяются как относительно самостоятельные части в постоянном потоке психических явлений. К таким образованиям принадлежат, например, представления, независимо от того, относятся ли они нами непосредственно к внешним впечатлениям или объектам, или же рассматриваются как возобновление воспринятых ранее впечатлений и объектов, далее — сложные чувства, аффекты, волевые процессы. Но эти психические образования вступают опять-таки в разнообразные связи друг с другом. Так, представления, связываясь друг с другом, ведут к образованию отчасти более значительных одновременных комплексов представлений, отчасти — закономерно протекающих рядов представлений. Точно так же процессы чувства и воли вступают в различные связи как друг с другом, так и с процессами представления. Таким образом получается *связь психических образований* как особый класс синтетических процессов *второй степени*, возвышающийся над более простыми связями. Отдельные психические связи, в свою очередь, вступают в более широкие связи друг с другом, в распорядке составных частей которых замечается также известная закономерность, и отсюда мы получаем связи *третьей степени*, которые мы называем одним общим именем — различных видов *психического развития*. Виды этого развития отличаются своим объемом друг от друга. Процессы развития, имеющие наиболее узкий объем, идут в каком-нибудь *одном психическом направлении*, например, касаются интеллектуальных функций, воли, чувств, или же какого-нибудь особого элемента каждой из этих отдельных функций, например, эстетических, нравственных чувств и тому подобного. К ним примыкают затем процессы *общего развития отдельной психической индивидуальности*, слагающиеся из многих таких частичных видов развития. Но так как уже животный индивидуум, а в еще более высокой степени отдельный человек находится в постоянных взаимодействиях с подобными ему существами, над этим индивидуальным разви-

тием возвышаются, наконец, процессы ***родового психического развития***. Эти разнообразные ответвления истории психического развития служат отчасти психологической основой других наук, как то: теории познания, педагогики, эстетики, этики, и поэтому представляется более целесообразным исследовать их в связи с этими дисциплинами; отчасти же они обособились в отдельные психологические дисциплины, каковы: психология ребенка, животных и собирательная психология. Поэтому в дальнейшем мы будем касаться только результатов, полученных тремя последними областями психологического исследования, имеющих наибольшее значение для общей психологии.

На исследование всех этих связей различной степени — образований, их связей, различных видов развития — опирается наконец решение последней и самой общей задачи психологии: установление принципов и общих законов психических явлений. Если исследование психических связей знакомит нас с действительными свойствами психических процессов, то своеобразные особенности психической причинности, которая находит себе выражение в этих процессах, могут быть установлены только рассмотрением законов, которые открываются в различных формах связи содержаний психического опыта и их элементов.

Согласно этому в дальнейшем мы будем рассматривать:

1) психические элементы;
2) психические образования;
3) связь психических образований;
4) виды психического развития;
5) принципы и законы психической причинности.

Главные формы и общие свойства психических элементов

Так как всякое содержание психического опыта бывает сложно по своей природе, то ***психические элементы*** в смысле безусловно простых и неразложимых составных частей психического ряда явлений представляют собой порождение анализа и отвлечения. Подобное отвлечение возможно только благодаря тому, что элементы связываются друг с другом в действительности различным образом. Если элемент a связывается в первом случае с b, c, d..., во втором с b^1, c^1, d^1 ... и так далее, то именно потому, что ни один из элементов b, b^1, c, c^1 ... не связан постоянно с a, мы можем отвлекаться от всех них. Когда мы слышим, например, какой-нибудь простой тон, мы можем относить его то к одному, то к другому направлению в пространстве, и вместе с ним мы можем слышать то один, то другой какой-нибудь тон. Но так как нет ни постоянного направления в пространстве, ни какого-нибудь постоянного сопутствующего тона, то мы можем отвлекаться от этих изменчивых составных частей и получаем в остатке отдельный тон как психический элемент.

Непосредственный опыт состоит из *двух* факторов: объективного содержания опыта и испытующего субъекта, и в соответствии с этим мы имеем *два рода психических элементов*, получаемых в результате психологического анализа. Элементы объективного содержания опыта мы называем *элементами ощущения* или просто *ощущениями*; например: тон, известное ощущение тепла, холода, света и так далее, причем мы отбрасываем все связи этих ощущений с другими ощущениями, а также пространственный и временной распорядок их. Субъективные элементы мы называем *элементами чувства,* или *простыми чувствами*. Примером таковых могут служить: чувство, сопровождающее какое-нибудь ощущение звука, вкуса, света, обоняния, тепла, холода, боли, или чувства, испытываемые нами при виде предметов, которые нам нравятся или не нравятся, чувства при внимании, в момент волевого акта и так далее. Эти простые чувства представляют собой опять-таки продукт отвлечения в двух отношениях: всякое чувство не только связано с элементами представления, но и входит составной частью в какой-нибудь психический процесс, протекающий во времени, с изменением которого оно ежеминутно меняется.

Так как действительное содержание психического опыта слагается из разнообразных связей между элементами ощущения и чувства, то специфический характер отдельного психического процесса определяется большей частью вовсе не свойствами этих элементов, а их связями, благодаря которым они составляют сложные психические образования. Так, например, какое-нибудь пространственное представление, какой-нибудь ритм, аффект, волевой процесс суть *своеобразные* формы психического опыта, которые, как таковые, никоим образом не даны нам уже вместе с элементами ощущения и чувства. В этом отношении всякое психическое образование можно уподобить до известной степени химическому образованию, свойства которого также не могут быть определены путем простого перечисления свойств химических элементов, из которых оно состоит. Поэтому *специфические* свойства и *элементарная* природа психических процессов — совершенно различные понятия. Каждый психический элемент есть специфическое содержание опыта, но не всякое специфическое содержание есть в то же время психический элемент. Пространственные, временные представления, аффекты, волевые действия суть, например, специфические, но не элементарные процессы.

В ощущениях и простых чувствах мы находим и некоторые общие свойства, и некоторые характерные различия. К общим свойствам относится, например, то, что каждому элементу присущи *два определения: качество и интенсивность*. Всякое простое ощущение, всякое простое чувство имеют определенное *качество*; но оно всегда дано бывает *в различной силе* (интенсивности). В названиях психических элементов мы руководимся исключительно их качествами; так, среди ощущений мы различаем голубой, желтый цвет, тепло, холод и так далее, среди чувств — серьезные, веселые, печальные, мрачные чувства и так далее. Напротив, различия интенсивности элементов обозначаются нами во всех случаях одинаковыми обозначениями величины, как то: слабый,

сильный, средней силы, очень сильный. В том и в другом случае эти обозначения представляют собой сложные классы, которые служат целям первого поверхностного распорядка элементов, и каждый из которых поэтому обнимает, в общем, неограниченное множество конкретных элементов. В нашей речи наибольшей, сравнительно, полноты достигло развитие этих классов в области обозначения качеств простых ощущений, особенно для обозначения цветов и тонов. Обозначения качеств чувств и степеней интенсивности, которыми располагает наша речь, значительно отстали, наоборот, в своем развитии. Иногда наряду с качеством и интенсивностью различаются еще ясность или неясность, а также отчетливость или неотчетливость. Но так как эти свойства, как мы увидим ниже <...> возникают лишь из связи психических образований, то их нельзя считать свойствами психических элементов самих по себе.

Так как всякий психический элемент определяется по качеству и интенсивности, то всякому психическому элементу, в пределах свойственного ему качества, присуща определенная *степень интенсивности*, которая может переходить в любую другую степень того же самого по качеству элемента, рядом непрерывных ступеней. Но при этом подобная градация возможна бывает всегда только *в двух* направлениях, одно из которых мы называем *усилением*, а другое *ослаблением* интенсивности. Различные степени интенсивности каждого элемента известного качества образуют, следовательно, одно-единственное измерение, в котором можно двигаться от каждой данной точки в двух противоположных направлениях, как от любой точки прямой линии. Это свойство можно передать в следующем положении: *степени интенсивности каждого психического элемента образуют прямолинейную непрерывность*. Конечные точки этой непрерывности мы называем в области ощущений *минимальным* и *максимальным ощущением*, а в области чувств — *минимальным* и *максимальным чувством*.

Напротив, *качества* элементов имеют более изменчивые свойства. Правда, каждое качество может быть представлено в виде известной непрерывности таким образом, что от определенной точки этой непрерывности мы можем путем постоянных переходов дойти до всякой другой точки ее. Но эти непрерывности качеств, которые можно назвать *системами качеств*, различаются друг от друга как по разнообразию свойственных градаций, так и по числу возможных в них направлений. В первом отношении можно различать системы *однородных* и *разнородных* качеств, в последнем — системы *одного* и *многих* измерений. Так, например, с точки зрения качества существует только *одно* ощущение давления, холода и боли, между тем как каждое из этих качеств может быть дано в очень различных степенях интенсивности. Отсюда нельзя заключать, что в каждой из этих систем существует действительно только *одно* качество. В таких случаях, по-видимому, разнообразие качеств бывает или не столь значительно, или же в нашей речи не хватает выражений для обозначения существующих различий. Если бы, следовательно, мы пожелали наглядно представить себе подобную систему в виде какой-нибудь пространственной схемы,

то, вероятно, ее никогда нельзя было бы свести вполне к *одной* точке. Так, например, ощущения давления в различных местах кожи имеют незначительные качественные различия, которые все-таки достаточно значительны для того, чтобы мы могли, руководствуясь этим ощущением, отличать данное место кожи от другого, значительно удаленного от него. Однако различия, которые мы имеем, например, при прикосновении острого или тупого, шероховатого или гладкого тела, нельзя причислять к различиям в качестве, так как они вызываются несколькими одновременно существующими ощущениями, которые, связываясь друг с другом и порождая психические образования, порождают эти впечатления.

От этих однородных систем качеств отличаются *разнородные* — тем, что в них мы находим большее число отчетливо различимых элементов, между которыми возможны непрерывные переходы. Сюда относятся, из числа систем ощущений, системы звуковых, световых ощущений, системы вкусовых качеств и качеств обоняния. Из числа систем чувства сюда относятся во всяком случае те, которые представляют собой субъективные дополнения перечисленных систем ощущения, т.е. чувства, связанные со звуком, светом и так далее, а кроме того, вероятно, многочисленные чувства, которые связываются, правда, объективно со сложными впечатлениями, но бывают простыми чувствами, как, например, разнообразные чувства гармонии и дисгармонии, соответствующие различным связям тонов. Однако различия *в числе измерений* могли быть с уверенностью установлены до сих пор только в некоторых системах ощущения. Так, например, система тонов имеет одно измерение; обыкновенная система цветов, обнимающая цвета вместе с их переходами в белый, имеет два измерения; полная система ощущений света, которая содержит кроме того темные цветовые тоны и переходы в черный, имеет наконец три измерения.

В этих отношениях элементы ощущения и чувства оказываются в общем согласными друг с другом; но они отличаются друг от друга в некоторых существенных свойствах, которые связаны с тем, что наши ощущения стоят в непосредственном отношении к объектам, а наши чувства — к субъекту.

1. В ощущениях, когда они изменяются только в своей интенсивности, в пределах одного и того же качества, мы находим вообще *чистые различия интенсивности*, которые возрастают от ощущения, равного нулю, непрерывно в одном направлении до максимального ощущения E ($0E$ на рис. 1). Напротив, чувства изменяются от состояния, не связанного с чувством, равного нулю, постоянно в *двух* противоположных направлениях, причем они переходят в *контрастирующие чувства*, как удовольствие и неудовольствие (там же $G'G''$). Точно так же ощущения, когда они изменяются только в своем качестве, но в одном и том же измерении качества, обнаруживают чистые различия качества, которые бывают всегда вместе с тем различиями одного и того же направления и доходят наконец до максимальных различий. Так, например, к максимальным различиям относятся в ряду цветов красный и зеленый или голубой и желтый, в ряду тонов — самый низкий и самый высокий воспринимаемый слухом

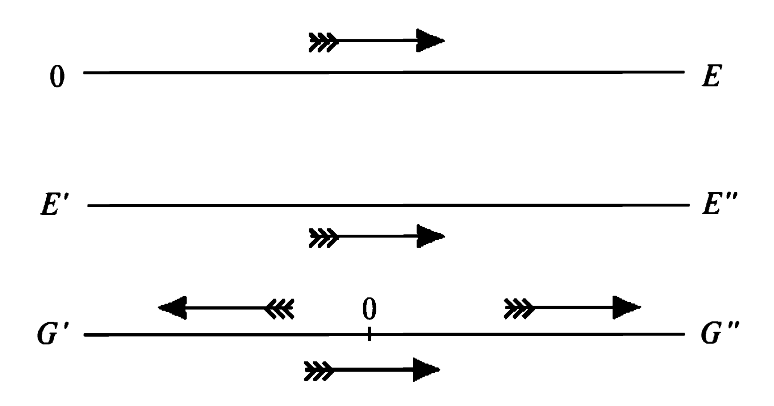

Рис. 1. Изменения ощущений и чувств при непрерывном изменении интенсивности и качества

тон, и вместе с тем они представляют собой чистые различия качества (*E' E"* на рис. 1). Напротив, каждый элемент чувства переходит и в данном случае, когда мы постепенно изменяем его качество, через нулевую точку, или точку безразличия *0*, в которой чувство отсутствует, в ***противоположное*** качество (как это показано нижней стрелкой между *G'* [и] *G"* на рис. 1).

Всего отчетливее это можно наблюдать на тех чувствах, которые постоянно связываются с определенными ощущениями, например на чувствах, связывающихся с тоном и цветом. Высокий и низкий тон представляют собой, как ощущения, различия, приближающиеся более или менее к максимальным различиям ощущения тона; а соответствующие им чувства представляют собой противоположные состояния. Следовательно, вообще говоря, качества ощущения отграничиваются друг от друга наибольшими различиями, а качества чувства — наибольшей противоположностью. Лежащая между этими противоположными состояниями полоса безразличия не всегда может быть улавливаема нами, так как при исчезновении каких-нибудь определенных чувств могут продолжаться чувства другого качества или возникать новые. Последнее имеет место тогда, когда переход чувства в полосу безразличия зависит от какого-нибудь изменения ощущения. Так, например, у средних тонов музыкальной шкалы исчезают обыкновенно чувства, соответствующие высоким и низким тонам; но средним тонам самим по себе присуще чувство известного качества, которое теперь только выступает отчетливо. Это объясняется тем, что чувство, соответствующее ощущению определенного качества, входит обыкновенно в состав какой-нибудь сложной системы чувств, в которой оно относится одновременно к различным направлениям чувства; так, чувство, связанное с тоном определенной высоты, относится по своему качеству не только к измерению чувств высоты, но и к измерению чувств интенсивности, и наконец к различным измерениям, по которым может быть распределяем тембр тонов. Следовательно, какой-нибудь тон средней высоты и силы может помещаться в полосе безразличия по чувствам высоты и интенсивности, между тем как присущее

ему чувство тембра может быть очень резко выражено. Следовательно, прохождение чувств по полосе безразличия может быть прямо наблюдаемо нами вообще только тогда, если мы в то же время будем отвлекаться от других сопутствующих элементов чувства.

2. Чувства специфического и в то же время простого неразложимого качества встречаются не только в виде субъективного дополнения простых ощущений, но и как характерные спутники сложных представлений и даже переплетающихся процессов представления. Так, у нас есть не только чувство, связанное с простым тоном, изменяющееся с изменением высоты и интенсивности его, но и чувство гармонии, которое, рассматриваемое как чувство, совершенно столь же неразложимо и меняется в зависимости от характера созвучий. Дальнейшие чувства, которые могут быть опять-таки чрезвычайно разнообразны, вызываются мелодическим рядом звуков, причем и здесь каждое отдельное чувство, рассматриваемое в данный момент само по себе, представляется нам неразложимым целым. Отсюда следует, что простые чувства гораздо более разнообразны и многочисленны, чем простые ощущения.

3. Все многообразие чистых ощущений распадается на несколько отделенных друг от друга систем, между элементами которых нет никаких отношений по качеству. Поэтому ощущения, принадлежащие к различным системам, называются *диспаратными*. В этом отношении диспаратны тон и цвет, но также и ощущения тепла и давления. Руководствуясь этим критерием, можно сказать, что каждое из четырех специальных чувств (запах, вкус, слух и зрение) представляет собой замкнутую в себе систему ощущений, несоизмеримую с другими областями ощущений, но имеющую в себе известное многообразие; а что касается общего чувства (осязания), то оно уже само содержит в себе четыре однородных системы ощущений (ощущения давления, теплоты, холода, боли). Напротив, все простые чувства образуют одно целое связное многообразие, так как нет ни одного чувства, отправляясь от которого нельзя было бы рядом промежуточных ступеней и через полосу безразличия дойти до всякого другого чувства. Поэтому, хотя и здесь можно различать известные системы, элементы которых связываются друг с другом более тесно, например, систему чувств цвета, тона, гармонии, ритма и тому подобного, однако эти системы не замкнуты в себе безусловно; мы находим везде между ними отношения отчасти родства, отчасти противоположности. Так, например, приятное чувство, вызываемое ощущением умеренной теплоты, чувство гармонии и тона, чувство исполненного ожидания и другие, как бы ни были значительны замечаемые между ними качественные различия, все-таки родственны друг другу в том, что ко всем им применимо общее обозначение «чувств приятных». Еще более тесные отношения мы находим между некоторыми отдельными системами чувств, например, между чувствами тона и цвета: низкие тоны, по-видимому, родственны темным, высокие — светлым качествам света. Если при этом обыкновенно приписывается родство самим ощущениям, то это зависит, вероятно, только от того, что мы переносим на них сопутствующие чувства.

Этот третий признак, отличающий чувства от ощущений, указывает на то, что чувства выходят из некоторого *единого* и *цельного* источника, в противоположность ощущениям, зависящим от множества различных, частью отделимых друг от друга условий. Это различие объясняется по всей вероятности тем, что чувства имеют отношение к единому субъекту, а ощущения — к многообразным объектам. <...>

Чистые ощущения

Понятие «чистого ощущения» предполагает [согласно вышесказанному. — *Ред.-сост.*], двоякого рода отвлечение: 1) отвлечение от представлений, в составе которых мы находим ощущение, и 2) отвлечение от простых чувств, с которыми оно связывается. Чистые ощущения, понимаемые в смысле этого определения, образуют ряд систем диспаратных качеств, и каждая из этих систем — ощущения давления, тона, цвета — представляет собой или однородную, или разнородную непрерывность, замкнутую в себе, не имеющую никаких переходов к какой-либо из прочих систем.

Возникновение ощущений приурочено, как учит физиологический опыт, неизменно к некоторым физическим процессам, которые берут свое начало частью во внешнем мире, окружающем наше тело, частью в определенных органах нашего тела. Эти физические процессы мы называем *чувственными раздражениями* или *раздражениями ощущения*, — термины, которые мы заимствуем из физиологии. Если раздражение состоит из какого-нибудь процесса, протекающего во внешнем мире, мы называем его *физическим*; если раздражением служит какой-нибудь процесс в нашем собственном теле, мы называем его *физиологическим*. Физиологические раздражения могут быть затем, в свою очередь, разделяемы на *периферические* и *центральные*, в зависимости от того, относятся ли они к процессам в различных органах тела, находящихся вне мозга, или к процессам в самом мозгу. В очень многих случаях ощущение сопровождается этими троякими процессами раздражения: так, например, внешнее световое впечатление действует как физическое раздражение на глаз; в этом последнем вызывается затем в зрительном нерве периферическое физиологическое раздражение, наконец в окончаниях зрительного нерва, лежащих в известных частях среднего мозга (четверохолмии, зрительном бугре) и в задней части коры большого мозга (теменная доля) — центральное физиологическое раздражение. Но нередко физическое раздражение может отсутствовать в то время, как физиологическое бывает дано в обеих своих формах: так, например, когда при сильном передвижении глаза мы воспринимаем свет. В иных случаях может быть дано даже одно центральное раздражение, так, например, когда мы припоминаем какое-нибудь световое впечатление, полученное нами прежде. Итак, только одно центральное раздражение постоянно сопутствует ощущению; периферическое должно связываться с центральным раздражением, а

физическое — как с тем, так и с другим, для того, чтобы могло возникнуть ощущение. <...>

Простые чувства

Способы возникновения простых чувств несравненно более разнообразны, чем способы возникновения простых ощущений, так как и такие чувства, появление которых мы наблюдаем только в связи с более или менее сложными процессами представлений, субъективно неразложимы для нас. Так, например, чувство гармонии тонов столь же просто, как и чувство, связанное с каким-нибудь отдельным тоном. Существенное различие состоит только в том, что чувства, соответствующие простым ощущениям, могут быть изолируемы и выделяемы из общей связи нашего опыта с помощью того же метода отвлечения, которым мы пользуемся для установления простых ощущений; напротив, простое чувство, связанное с каким-нибудь сложным образованием в области представлений, мы никогда не можем отделить от чувств, которые входят в состав этого образования как субъективные слагаемые ощущений. Мы не можем, например, отделить чувство гармонии, вызываемое аккордом *c e g*, от простых чувств отдельных тонов *c*, *e*, *g*. Эти последние могут отступать на задний план по сравнению с первым, так как они, вступая в связь с ним, образуют всегда одно цельное чувство, как мы увидим ниже <...>, но устранить их совершенно мы, конечно, никогда не можем. <...>

Качественное многообразие простых чувств необозримо велико, по-видимому; во всяком случае оно более значительно, чем многообразие ощущений. Это следует, во-первых, из того, что в области чувств, соответствующих системам ощущения нескольких измерений, каждая точка ощущения относится одновременно к нескольким измерениям чувства, а во-вторых, и главным образом из того, что совершенно различным образованиям, состоящим из разнообразных связей ощущений, например, интенсивным, пространственным, временным представлениям, наконец определенным стадиям в течении аффектов и волевых процессов соответствуют также чувства, неразложимые сами по себе, которые поэтому мы должны причислять также к простым чувствам.

Тем более приходится пожалеть о том, что наши словесные обозначения простых чувств еще несравненно более скудны, чем наименования ощущений. Собственная терминология чувств ограничивается исключительно выделением известных общих контрастов, каковы приятное и неприятное, серьезное и веселое, возбужденное и спокойное и так далее, — обозначения, опирающиеся обыкновенно на наименования тех аффектов, в которые чувства входят как их элементы. Кроме того, эти обозначения столь общи, что каждое из них может обнимать более или менее значительное число отдельных простых чувств. В других случаях, при изображении чувств, связанных с простыми впечатлениями, мы прибегаем к помощи сложных представлений, которым соответ-

ствуют чувства сходного характера: так, например, поступал Гёте, описывая чувства, вызываемые цветами, и поступают многие писатели по музыке при описании чувств, вызываемых звуками. Эта бедность нашей речи специфическими обозначениями чувства есть психологическое последствие субъективности чувств, благодаря которой здесь отпадают все те мотивы практического житейского опыта, под влиянием которых возникли обозначения предметов и их свойств. Заключать отсюда к соответствующей бедности качеств самого чувства было бы психологическим недоразумением, тем более роковым, что оно заранее делает невозможным основательное исследование сложных процессов чувства.

Вследствие указанных трудностей нельзя и думать, конечно, дать полное перечисление всех возможных простых качеств чувства; здесь это возможно еще менее, чем в области ощущений. Подобное перечисление было бы невыполнимо и потому, что чувства, благодаря вышеописанным свойствам, образуют не диспаратные системы, подобно ощущениям звука, света, вкуса, а сплошное связное многообразие <...>. Тем не менее, в пределах этого многообразия можно различать несколько главных направлений, простирающихся между контрастами чувства доминирующего характера. Такие *главные направления* могут быть поэтому передаваемы каждое с помощью *двух* обозначений, отмечающих эти контрасты. Но при этом каждое такое обозначение следует рассматривать лишь как собирательное выражение, обнимающее множество индивидуально изменчивых чувств.

В этом смысле можно установить три главных направления (рис. 2): мы будем называть их направлениями *удовольствия* и *неудовольствия* (*ab*), *возбуждения* и *успокоения* (*cd*) и наконец *напряжения* и *его разрешения* (*ef*). Отдельное

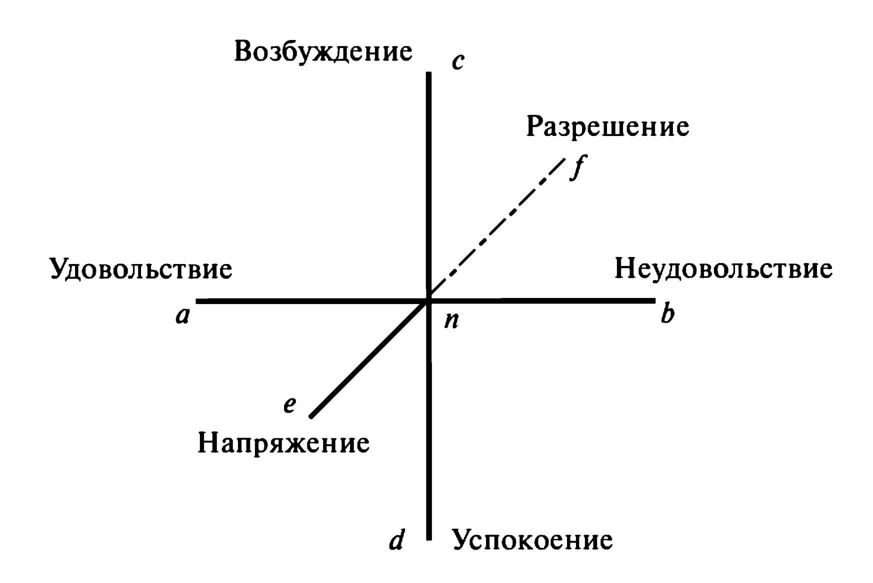

Рис. 2. Чувства как многообразие трех измерений

индивидуальное чувство может относиться ко всем этим измерениям или к двум из них, или, наконец, к какому-нибудь одному. Этой последней возможности исключительно мы обязаны тем, что названные направления могут быть вообще различаемы нами. Согласно сказанному, эти основные качества чувства могут быть изображены в форме многообразия трех измерений, главные направления которого исходят от одной нулевой точки, — точки безразличия (*n*; рис. 1); каждое отдельное чувство может относиться или к *одному* только измерению (*ab*, *cd*, *ef*), или к двум направлениям, или ко всем трем.

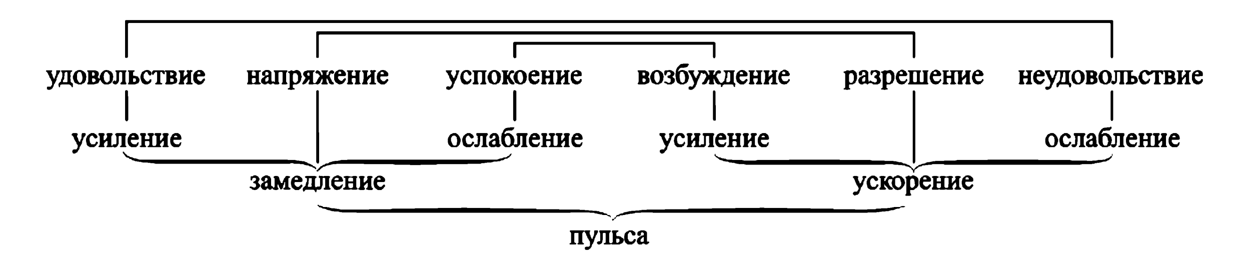
Примером чистых форм удовольствия и неудовольствия могут служить чувства, связанные с ощущениями общего чувства, а также с впечатлениями обоняния и вкуса. При ощущении боли, например, мы испытываем обыкновенно чувство неудовольствия без всякой примеси какой-нибудь другой формы чувства. Чувства возбуждения и подавленности могут быть наблюдаемы на простых ощущениях, в особенности при световых и звуковых впечатлениях: так, красный цвет действует возбуждающе, голубой успокаивающе. Чувства напряжения и его разрешения связываются обыкновенно с процессами внимания: так, при ожидании какого-нибудь чувственного впечатления замечается чувство напряжения, при наступлении какого-нибудь ожидавшегося события — чувство его разрешения. При этом как ожидание, так и его исполнение могут, правда, сопровождаться вместе с тем чувством возбуждения, или же, смотря по особым условиям, чувствами удовольствия и неудовольствия; но эти другие чувства могут и совсем отсутствовать, и в таких случаях чувства напряжения и его разрешения могут отчетливо выделяться из ряда других, подобно названным выше главным направлениям, как своеобразные формы, не сводимые к другим направлениям. Но подобному разложению поддаются очень многие чувства, принадлежащие к нескольким из названных направлений, имеющие однако, несмотря на это, по своему качеству характер простых чувств, совершенно подобно чувствам, о которых была речь до сих пор. Так, чувства серьезного и веселого настроения, связывающиеся, например, с чувственными впечатлениями низких и высоких тонов, темных и светлых цветов, можно считать своеобразными качествами, которые лежат как в главном направлении удовольствия и неудовольствия, так и в направлении возбуждающих и успокаивающих чувств, вне полосы безразличия. Не следует только при этом забывать, что удовольствие и неудовольствие, возбуждение и успокоение означают не отдельные качества чувства, а *направления* чувства, в пределах которых существует неопределенное множество простых качеств; например, чувство неудовольствия, связывающееся с серьезным настроением, не только отлично от какого-нибудь более возбуждающего осязательного раздражения, диссонанса и так далее, но и серьезное настроение само по себе может, опять-таки в различных случаях, изменяться в своем качестве. Далее, направления удовольствия и неудовольствия связываются с направлениями напряжения и его разрешения в чувствах ритма. Правильное чередование напряжения и разрешения сочетается с удовольствием, а нарушение этой правильности — с

неудовольствием, как это бывает при разочаровании, неожиданности; кроме того, в том и другом случае, смотря по обстоятельствам, чувство может еще иметь возбуждающий или успокаивающий характер. <...>

Вопрос о том, соответствуют ли простым чувствам определенные физиологические процессы, не так легко разрешим здесь, как в области ощущений. Но, принимая во внимание субъективную природу чувств, мы должны будем искать физиологических спутников чувства не в тех изменениях, которые вызываются в организме непосредственно внешними воздействиями, как в случае ощущений, а скорее в области тех процессов, которые возникают как *ответные действия* процессов, вызываемых непосредственно. Наблюдения над образованиями, составленными из элементов чувства, аффектов и волевых процессов, ведут в том же направлении, так как их физиологическими спутниками являются всегда те или иные внешние телесные движения или изменения в состоянии внешних органов движения.

В то время как при анализе ощущений и возникающих из них психических образований психолог вынужден бывает пользоваться непосредственным применением *метода раздражения*, при исследовании чувств и процессов, слагающихся из них, он может пользоваться этим методом только *косвенно*. Здесь более пригодным оказывается *метод регистрации выразительных движений*, если позволено будет назвать этим именем исследование физиологических *ответных действий* психических процессов. В качестве вспомогательных средств этого метода могут быть утилизируемы все те явления, в которых обнаруживаются внешним образом внутренние состояния организма: так, наряду с движениями внешних мускулов скелета, движения дыхания и сердца, сокращение и расширение кровеносных сосудов отдельных частей тела, расширение и сужение зрачка и тому подобное. Наиболее чувствительными из этих симптомов являются биения сердца, верную картину которых дает пульс, который можно исследовать на какой-нибудь периферической артерии. Наряду с ними более или менее характерными симптомами служат также сокращения малых артерий (так называемые вазомоторные иннервации), а также ритм дыхания. Мимические выразительные движения начинают отчетливо обнаруживаться только при переходе чувств в аффекты.

Из вышеназванных основных направлений чувства закономерное отношение к изменениям пульса установлено в особенности относительно *удовольствия* и *неудовольствия*. При удовольствии наблюдается замедление и усиление пульса, при неудовольствии — ускорение и ослабление его. Из других основных направлений *чувства напряжения* отличаются замедлением, *чувства разрешения* — ускорением пульса без какого-нибудь заметного одновременного изменения его силы, если только не происходит какое-нибудь осложнение другими чувствами. При возбуждающих чувствах пульс ускоряется и усиливается, при успокоении, наоборот, замедляется и ослабляется. Таким образом мы получаем следующую схему:

Эти изменения пульса сопровождаются сходными характерными изменениями иннервации дыхания. Так, при наступающем чувстве напряжения наблюдается отчетливо задержка дыхания, ведущая иногда к полной остановке дыхания, сменяющаяся затем при разрешении напряжения мгновенным усилением. При удовольствии дыхание бывает более поверхностно, но ускорено, при неудовольствии, наоборот, — углублено и замедлено. Так как большая часть отдельных чувств относится одновременно ко многим главным направлениям, то во многих случаях эти симптомы иннервации бывают очень сложны по своей природе, вследствие чего физиологические явления не всегда могут служить однозначным показателем соответствующих им состояний чувства. <...>

Понятие и деление психических образований

Под «психическим образованием» мы разумеем всякую сложную составную часть нашего непосредственного опыта, которая отграничена определенными признаками от остального содержания его таким образом, что она рассматривается нами как сравнительно самостоятельное целое, и там, где это вызывается практическими потребностями, обозначается особым именем. При этом этот процесс называния следовал обыкновенно правилу, которое вообще соблюдается нашей речью и в силу которого при назывании мы ограничиваемся обозначением *классов* и главнейших *видов*, под которые могут быть подведены явления. Такие выражения, как представления, аффекты, волевые действия и тому подобное, обозначают общие классы психических образований, а такие обозначения, как зрительные представления, радость, гнев, надежда и тому подобное — отдельные виды, содержащиеся в этих классах. Поскольку такие обозначения соответствуют действительно существующим отличительным признакам явлений, они могут иметь известную ценность и для психологического анализа. Однако при этом следует заранее остерегаться *двух* предрассудков, повод к которым легко могут дать эти первоначальные выражения. Одним из таких предрассудков является представление, будто бы психическое образование есть безусловно самостоятельное содержание нашего непосредственного опыта; другой предрассудок есть распространенное мнение, будто бы некоторым образованиям, например представлениям, присуща своего рода *веще-*

ственная реальность. В действительности же образования имеют значение лишь *сравнительно* самостоятельных единиц, которые, будучи сами составлены из разнообразных элементов, находятся в постоянной связи друг с другом, в пределах которой в то же время сравнительно простые образования могут соединяться друг с другом в более сложные. Далее, образования, как и входящие в состав их психические элементы, никогда не имеют характера *неизменного объекта*, а представляют собой текучие *процессы*, ежеминутно меняющиеся; они могут быть фиксируемы нами мысленно в тот или другой момент только путем произвольного отвлечения, необходимого, конечно, для исследования некоторых из них.

Все психические образования разложимы на известные психические элементы, следовательно на чистые ощущения и простые чувства. Но при этом эти элементы, согласно установленным [выше. — *Ред.-сост.*] особенностям простых чувств, существенно отличаются друг от друга. Получаемые при таком разложении элементы ощущения относятся всегда к одной из вышерассмотренных систем ощущения, между тем как в ряду элементов чувства получаются не только такие чувства, которые соответствуют чистым ощущениям, входящим в состав образования, но и такие элементы чувства, которые вообще получаются только вследствие сложения элементов в одно цельное образование. Поэтому системы качеств ощущений остаются неизменными в процессе развития самых различных образований, между тем как системы качеств простых чувств постоянно расширяются в процессе этого развития. Далее, для всех психических образований, из каких бы элементов они ни слагались, из одних ли ощущений или из одних чувств, или из тех и других, имеет силу следующее положение: ***свойства, присущие психическим образованиям, никогда не могут исчерпываться свойствами психических элементов, входящих в состав их.*** Благодаря тому, что элементы вступают в связь друг с другом, возникают всегда новые свойства, присущие образованиям как таковым. Так, зрительное представление содержит в себе не только свойства световых ощущений вместе со свойствами ощущений положения и движений глаза, которые входят в состав его, но кроме того обладает свойствами особого пространственного распорядка ощущений, каковых эти последние сами по себе совершенно не имеют; или волевой процесс состоит не только из представлений и чувств, на которые могут быть разложены отдельные акты его, но из связи этих актов возникают новые элементы чувства, составляющие специфическую особенность волевого процесса как такового. Но при этом связи элементов ощущения и чувства отличны опять-таки друг от друга. В первом случае, благодаря постоянству систем ощущений, возникают не новые ощущения, а своеобразные *формы распорядка ощущений*: к таким формам относятся *интенсивные*, а также *пространственные* и *временные экстенсивные многообразия*. Наоборот, когда связываются друг с другом элементы чувства, образуются *новые простые чувства*, которые, в соединении с первоначальным чувством, образуют всегда *интенсивные единицы чувства* сложной природы.

Деление психических образований на классы следует, конечно, различию тех элементов, из которых они слагаются. Образования, которые составлены полностью или преимущественно из ощущений, мы называем *представлениями*; те образования, которые слагаются предпочтительно из элементов чувства, — *душевными волнениями*. Но для психических образований имеют силу те же самые ограничения, как и для соответствующих элементов: хотя образования в большей степени, чем элементы, суть продукты непосредственного различения реальных психических процессов, тем не менее, все-таки никогда не бывает чистого процесса представления, как и чистого душевного волнения; мы можем только в области представлений отвлекаться от волнений, или, наблюдая последние, отвлекаться до известной степени от первых. При этом опять-таки между представлениями и волнениями наблюдается отношение подобное тому, какое мы нашли у элементов: в области представлений мы можем отбрасывать сопутствующие им субъективные состояния, между тем как при изображении душевных волнений мы должны всегда предполагать те или иные представления.

Согласно этому мы различаем прежде всего три главных формы *представлений*: 1) интенсивные представления, 2) пространственные представления и 3) временные представления; точно также три формы *душевных волнений*: 1) интенсивные связи чувства, 2) аффекты и 3) волевые процессы. Временные представления являются вместе с тем переходными звеньями между образованиями того и другого рода постольку, поскольку в процессе их возникновения существенную роль играют известные чувства. <...>

Сознание и внимание

Так как всякое психическое образование слагается из большего или меньшего числа элементарных процессов, которые не могут начинаться и кончаться все в один и тот же момент, то связь, объединяющая элементы в одно целое, простирается обыкновенно за его пределы. Поэтому одновременные и последовательные образования, в свою очередь, связываются друг с другом, хотя и не столь тесно. Эту более широкую связь психических процессов мы называем *сознанием*.

Понятие сознания не означает таким образом ничего такого, что существовало бы отдельно от психических процессов. Но это понятие не совпадает также и с простой суммой их, вне связи с их взаимным отношением друг к другу. Смысл понятия сознания состоит в том, что оно передает общую связь душевных переживаний, из которой выделяются отдельные образования как более тесные связи. Состояние, в котором эта связь прерывается, как состояние глубокого сна, обморока, мы называем поэтому *бессознательным*; и мы говорим о «расстройствах сознания», когда в связи психических образований происходят ненормальные изменения без какого-либо заметного видоизменения самих этих образований.

Сознание подчиняется тем же самым внешним условиям, как и содержание психического опыта вообще; оно служит лишь другим наименованием для обозначения этого содержания, выделяя и подчеркивая взаимные отношения отдельных составных частей его. Носителем симптомов индивидуального сознания всегда и везде служит индивидуальный животный организм, а в организме человека и подобных ему высших животных ближайшим органом сознания является кора большого мозга, в сетях клеток и нитей которого представлены все органы, имеющие отношение к психическим процессам. Эту связь элементов коры мозга мы можем рассматривать как физиологическое выражение данной в сознании связи психических процессов, а разделение отправлений между различными областями коры — как физиологический коррелят многообразных различий между отдельными процессами сознания. При этом, конечно, в этом центральном органе тела разделение отправлений проведено всегда лишь относительно: всякое отдельное психическое образование предполагает совместное действие многочисленных элементов и многих центральных областей. Если удаление известных частей коры мозга вызывает определенные расстройства произвольного движения и ощущения или же устраняет возможность образования известных классов представлений, то отсюда мы можем сделать тот вывод, что в этих областях содержатся посредствующие звенья, присутствие которых необходимо в цепи физических процессов, идущих параллельно соответствующим психическим процессам. Однако предположение, сплошь да рядом опирающееся на эти явления, будто бы в мозгу существует строго отграниченный орган способности речи, способности письма, или будто бы зрительные, слуховые, словесные представления и так далее помещаются в определенных клетках мозговой коры, — эти и подобные им предположения свидетельствуют не только о чрезвычайно грубых физиологических представлениях, но они несогласуемы и с психологическим анализом соответствующих отправлений. Рассматриваемые с психологической точки зрения, они представляют собой, строго говоря, модернизацию теории способностей в ее самой неудачной форме, именно френологии. <...>

Связь психических процессов, которой для нас исчерпывается содержание понятия сознания, бывает отчасти одновременной, отчасти последовательной. Сумма наличных процессов дана нам в каждый отдельный момент *одновременно*, как единое целое, отдельные части которого связаны друг с другом более или менее тесно. С другой стороны, состояние, данное в ближайший последующий момент, вытекает *последовательно* и непрерывно из состояния, относящегося к непосредственно предшествующему моменту, так как некоторые процессы прекращаются в то время, как другие продолжаются, а третьи только начинаются; после бессознательных состояний, вновь возникающие процессы вступают в те или иные отношения к процессам, протекавшим ранее. Во всех этих случаях объем отдельных связей между предшествующими и последующими процессами имеет в то же время определяющее значение для состояния сознания. Сознание переходит в состояние бессознательности, когда эта связь

совершенно обрывается, и оно становится неполным, когда связь между данным моментом и предшествующим делается более слабой. Так, после состояния бессознательности сознание достигает обыкновенно, только медленно, своей нормальной высоты, так как связи с прежними переживаниями восстанавливаются лишь постепенно.

Таким образом получается понятие *степеней* сознания. Низшая граница, нулевая точка степеней сознания, есть состояние бессознательности. От этого состояния, противостоящего сознанию как безусловное отсутствие психических связей, следует строго отличать тот факт, что отдельные психические состояния теряют свойство сознательности. В непрерывном течении психических явлений такая потеря свойств сознательности должна происходить постоянно, так как не только сложные представления и чувства, но и отдельные элементы этих образований могут исчезать, в то время как новые становятся на их место. Тот или иной психический элемент, исчезнувший из сознания, называется нами *бессознательным*, поскольку лишь при этом предполагается возможность его возобновления, т.е. новое вступление его в действительную связь психических процессов. Наши знания относительно элементов, ставших бессознательными, и ограничиваются только этой возможностью их возобновления. В психологическом смысле слова они представляют собой собственно *предрасположения* или склонности к возникновению в будущем элементов психического процесса, примыкающих к бывшим ранее налицо. Те или иные предположения о состоянии «бессознательного», или о «бессознательных процессах», допускаемых наряду с данными нам в опыте процессами сознания, совершенно бесплодны поэтому для психологии. <...>

Уже при описании процесса образования временных представлений указывалось на то, что из ряда следующих друг за другом представлений мы отдаем в нашем восприятии в каждый момент предпочтение непосредственно *наличному*. Точно также и в одновременной связи сознания, например в созвучии тонов, в пространственной смежности протяженных предметов мы отдаем предпочтение каким-нибудь *отдельным* содержаниям. В том и другом случае возникающие таким образом различия восприятия мы называем, как таковые, *ясностью* и *отчетливостью*, причем под первой мы разумеем сравнительно более благоприятное восприятие данного содержания самого по себе, а под второй — связанное обыкновенно с этим более определенное отграничение его от других психических содержаний. То характеризуемое своеобразными чувствами состояние, которое сопровождает более ясное восприятие какого-нибудь психического содержания, мы называем *вниманием*. Отдельный процесс, благодаря которому достигается ясное восприятие какого-нибудь психического содержания, называется *апперцепцией*; этой последней мы противопоставляем под именем *перцепции* то восприятие содержания, которое вообще не сопровождается актом внимания. Те содержания, на которые обращается внимание, мы называем, по аналогии с внешней оптической фиксационной точкой, *фиксационной точкой сознания*, или *внутренней фиксационной точкой*, а совокуп-

ность наличных в данный момент содержаний — *зрительным полем сознания*, или *внутренним полем зрения*. Наконец, переход какого-нибудь психического процесса в бессознательное состояние называется *падением его ниже порога сознания*, а возникновение процесса — *поднятием над порогом сознания*. Все это, конечно, образные выражения, которых не следует понимать буквально. Но ими удобно пользоваться благодаря наглядной краткости, которая им свойственна, при описании процессов сознания.

Попытаемся с помощью этих обозначений представить себе смену психических образований в их связи: она должна представляться нам в виде постоянного передвижения, в процессе которого отдельные образования вступают сначала во внутреннее поле зрения, затем попадают в этом последнем во внутреннюю фиксационную точку, а затем снова возвращаются в поле зрения, прежде чем совершенно исчезнуть. Но наряду с этой сменой образований, апперципируемых нами, существует, кроме того, постоянное передвижение тех образований, которые только перцепируются, следовательно, вступают в поле зрения и снова выходят из него, не попадая в фиксационную точку. При этом как апперцепированные, так и просто перцепированные образования могут иметь, кроме того, различные степени ясности. На апперцепированных образованиях это сказывается в том, что ясность и отчетливость апперцепции вообще изменяется в зависимости от состояния сознания. Это нетрудно проверить, например, если несколько раз подряд апперцепировать одно и то же впечатление: обыкновенно последующие апперцепции становятся более ясными и отчетливыми, если только все прочие условия остаются неизменными. Различные степени ясности просто перцепированных образований могут быть наблюдаемы всего легче при воздействии каких-нибудь сложных впечатлений. Если такие впечатления воздействовали в течение одного краткого момента, то мы замечаем, что и в ряду элементов этого впечатления, оставшихся более или менее темными, существуют все-таки различные степени, так как отдельные элементы кажутся более поднятыми над порогом сознания, другие менее.

Все эти отношения не могут быть установлены с помощью случайного внутреннего восприятия, а лишь путем планомерно поставленных экспериментальных наблюдений. При этом в качестве содержаний сознания, подлежащих наблюдению, более целесообразно пользоваться *представлениями*, так как их можно всегда без труда вызывать внешними раздражениями, и притом, при краткой длительности воздействующего раздражения, таким образом, что наличное в момент воздействия раздражения содержание сознания отчетливо выделяется на фоне предшествующих и последующих содержаний, а благодаря этому мы получаем возможность подвергнуть его анализу в самонаблюдении. Во всяком временном представлении тот элемент сознания, который относится к *наличному моменту*, стоит всегда в фиксационной точке сознания. Из прошлых элементов сознания впечатления непосредственно предшествующего момента находятся еще в поле зрения, между тем как те впечатления, которые отделены от настоящего более длинным промежутком времени, уже исчез-

ли из сознания. Напротив, пространственное представление может быть апперцепировано в один момент времени во всем его объеме лишь тогда, когда оно образует лишь ограниченное экстенсивное целое. Если же состав пространственного представления оказывается более сложным, то отдельные части его должны также проходить последовательно через внутреннюю фиксационную точку, для того чтобы мы могли вполне ясно воспринять их. Отсюда следует, что сложные *пространственные* представления (именно зрительные впечатления краткой длительности) преимущественно пригодны для того, чтобы служить мерилом числа содержаний *апперципируемых* в одном и том же акте, или мерилом *объема внимания*, между тем как сложные *временные* представления (например, правильные ряды слуховых впечатлений, ударов такта) могут быть с большим удобством употребляемы для измерения числа сопричастных содержаний, наличных вообще в данный момент в сознании, или *объема сознания для сложного совокупного представления*. Но так как кроме того небольшое число преемственно следующих впечатлений может быть воспринято *вниманием* непосредственно как одновременно данное целое, то объем внимания может быть легко определяем и на временных представлениях, специально слуховых представлениях, при подходящих условиях, именно при соответствующей быстроте их смены во времени. Произведенные таким образом опыты показали, что *для объема внимания максимальное число впечатлений равняется шести простым впечатлениям*, причем это число остается совершенно постоянным, как бы ни изменялись условия опыта. Для объема сознания, в указанном выше относительном значении этого слова, максимальная величина колеблется *между шестью и сорока простыми впечатлениями*, в зависимости от сложения и расчленения совокупного представления, которое избирается в качестве мерила.

Определение *объема внимания* на зрительных впечатлениях может производиться или с помощью моментального освещения их электрическими искрами, или, еще лучше, с помощью такого аппарата, в котором ширма, имеющая отверстие, падает перед какими-нибудь зрительными объектами (так называемого «тахистоскопа»). С этой целью перед моментальным освещением глазу должна быть дана какая-нибудь фиксационная точка в середине той плоскости, на которой находятся впечатления. В таких случаях непосредственно после выполнения опыта можно констатировать, что, если только аппараты были установлены правильно, объем видимых отчетливо в физиологическом смысле предметов был больше, чем объем внимания. Если впечатление, воздействовавшее в течение одного момента, состояло, например, из букв, то отдельные буквы, воспринятые в момент освещения лишь неотчетливо, можно затем прочесть в образе воспоминания, стараясь возможно быстрее воспроизвести в памяти полученное впечатление. Так как этот образ воспоминания резко отграничивается во времени от самого впечатления, то определение объема внимания не нарушается этим; при тщательном субъективном наблюдении можно без труда фиксировать состояние сознания в момент воздействия впечатления, и отличать его от последующих актов припоминания, всегда отделенных от

него заметным промежутком времени. Эти опыты, как и аналогичные опыты с последовательными слуховыми впечатлениями, показывают, что объем внимания остается постоянной величиной, при неизменном максимальном напряжении внимания, только в том случае, если отдельные впечатления не объединяются нами в более сложные цельные представления, если они, например, состоят из изолированных линий, цифр, букв или ритмически нерасчлененных ударов такта. По-видимому, тот же самый максимальный объем шести впечатлений существует и для осязания, с тем лишь различием, что здесь только простейшие доступные осязанию впечатления, именно точки, могут в лучшем случае схватываться одним актом внимания в числе шести, — особенность, которой очевидно пользуется на практике точечное письмо для слепых. При знакомых нам сложных впечатлениях число представлений уменьшается и в области зрения, между тем как число отдельных элементов увеличивается. Так, из ряда слогов, не имеющих смысла, могут быть одновременно апперцепируемы 6—10 букв. При знакомых предложениях, пословицах и так далее объем может как бы расширяться, и заключает до 4—5 кратких слов, состоящих в сложности из 20—30 букв. Однако при этом сказывается в сильной степени влияние процессов ассимиляции, о которых будет речь ниже, так что такие опыты непригодны для определения объема внимания. Если эти воспроизводительные ассимиляции задерживаются, благодаря сильной сосредоточенности внимания на самом впечатлении, то и в этих случаях объем падает до границы, наблюдаемой в случае изолированных впечатлений. Еще более значительное кажущееся расширение объема может быть наблюдаемо в тех случаях, когда впечатления действуют несколько более продолжительное время, так что в течение этого времени внимание может переходить от одного предмета к другому, и когда, следовательно, условия опыта приближаются более или менее к обыкновенному последовательному чтению. Но во всяком случае ошибочно высказывавшееся иногда в прежнее время утверждение — будто бы наше внимание в каждый данный момент может направляться только на одно впечатление или на одно представление. <...>

При измерении объема сознания для правильно расчлененных сложных совокупных представлений пользуются обыкновенно ударами в такт, следующими друг за другом через равные промежутки времени, причем отдельные удары делаются более сильными, чтобы получалось правильное расчленение такта. При этом экспериментатор исходит из предположения, что преемственный ряд впечатлений может быть объединяем в одно целое представление только тогда, когда они все присутствуют одновременно в сознании, хотя бы в течение одного момента. Так, при воздействии ряда ударов в такт, в тот момент, когда настоящий звук апперцепируется непосредственно, предшествующие ему находятся еще очевидно отчасти в фиксационной точке внимания, а отчасти, по крайней мере, в поле зрения сознания; но их ясность в поле зрения становится тем меньше, чем более они удалены во времени от апперцепированного в данный момент впечатления, и, на известной границе, более отдален-

ные впечатления совершенно исчезают из сознания. Если нам удастся определить эту границу, то мы найдем вместе с тем мерило для определения относительного объема сознания при соответствующих условиях. Средством для установления этой границы служит при этом наша способность сравнивать непосредственно следующие друг за другом представления. До тех пор, пока более или менее сложное представление присутствует еще в нашем сознании как единое целое, мы можем сравнивать с ним и следующее за ним представление и сообразно этому решать, равно оно ему или нет; но такое сравнение становится невозможным, если предшествовавший временной ряд не образует одного связного содержания сознания, так как часть его звеньев переходит уже в бессознательное состояние прежде чем мы успеем дойти до конечного звена его. Поэтому экспериментатор должен только отграничивать две следующие друг за другом серии тактов, отмечая начало каждого ряда каким-нибудь сигналом, например звонком. При этом для получения ударов в такт можно пользоваться простым метрономом; или же экспериментаторы пользуются особыми, устроенными специально для этой цели приспособлениями, в которых нетрудно совершенно устранить то различие в интенсивности ударов, которое обыкновенно наблюдается в ударах метронома. До тех пор, пока каждый ряд образует одно объединимое в сознании целое, можно решать на основании непосредственного впечатления, при обязательном, конечно, условии не считать числа ударов, равняется ли второй ряд первому или нет. При этом обыкновенно замечается, что впечатление равенства порождается вышеупомянутыми элементами чувства, входящими в состав временных представлений, так как каждому удару во втором ряду предшествует чувство ожидания, соответствующее сходному удару в первом ряду, так что ряд, имеющий одним членом больше или меньше, вызывает расстройство этого ожидания с сопутствующим чувством разочарования. Отсюда следует, что оба следующие друг за другом ряда не должны присутствовать в сознании одновременно для того, чтобы мы могли их сравнивать; для этого требуется только объединение впечатлений *каждого* ряда в одно целое представление. Сравнительное постоянство границы, присущее в этом отношении объему сознания, сказывается отчетливо в том, что равенство двух временных представлений, до тех пор, пока они не достигнут существующей при наличных условиях границы, во всех случаях узнается правильно, между тем как наше суждение, как скоро мы переступаем эту границу, становится совершенно не точным. При этом широта объема, определяемая таким образом при одном и том же состоянии внимания, зависит, как оказывается, отчасти от быстроты, с какой следуют друг за другом временные впечатления, отчасти от более или менее полного ритмического соединения и расчленения их. Когда быстрота их следования достигает низшей границы, соответствующей приблизительно 4 с, мы вообще утрачиваем способность связывать следующие друг за другом впечатления в одно временное представление: когда приходит новое впечатление, предшествующее уже исчезло из сознания. С достижением высшей границы, соответствующей приблизительно 0,12 с, становится

невозможным образование отчетливо отграниченных временных представлений, так как наше внимание не может уже более следовать за отдельными впечатлениями. Наиболее благоприятная быстрота соответствует средней быстроте смены ударов, равной 0,2—0,3 с. При такой быстроте число *аритмических* впечатлений, которые могут восприниматься нами непосредственно как одно целое и сравниваться с последующим рядом, равняется 6, — число, точно соответствующее тому, которое было получено для объема внимания в области зрительных впечатлений. Следующая схема дает затем наглядное представление о возрастании объема при введении расчлененного такта, для двух простейших случаев, для такта $^2/_8$ и $^2/_4$.

Аритмическое впечатление

Ритмические ряды:

Наибольший достижимый объем соответствует пяти $^4/_4$ тактам ($5 \times 8 = 40$). Однако достижение этой высшей границы зависит в значительной степени от упражнения, причем число 6 остается всегда высшей границей для поддающихся вообще объединению сложных представлений. Таким образом, объем сознания для несвязанных друг с другом простых впечатлений совпадает с объемом внимания, а для правильно расчлененных сложных представлений он обыкновенно бывает ниже величины этого последнего; что же касается числа *простых впечатлений*, которые мы способны объединять, то оно увеличивается вместе с возрастанием расчленения, пока, наконец, при такте $^4/_4$ мы достигаем высшей доступной нашему сознанию границы. Впрочем, не следует смешивать этого объема сознания для сложного совокупного представления с абсолютным совокупным объемом сознания. В этом последнем находятся всегда прежде всего еще те или иные чувства, а кроме того в нем могут также присутствовать другие изолированные представления. Отсюда становится также понятным, почему для несвязанного ряда впечатлений объем сознания и объем внимания совпадают друг с другом. Как скоро в этом случае данное впечатление выходит из фокуса нашего внимания, оно растворяется в массе многих других не связанных друг с другом содержаний, которые лежат в других местах поля зрения нашего сознания, и для которых, само собой разумеется, нельзя определять объема именно потому, что они не связываются ни друг с другом, ни с апперципированным содержанием. Напротив, если впечатления, вышедшие из фик-

сационной точки, связаны так или иначе с апперцепированными элементами, то они сохраняют эту связь до тех пор, пока они вообще присутствуют в сознании, хотя и неясно.

Если при ритмически нерасчлененных последовательных впечатлениях определение объема сознания превращается в то же время в определение объема внимания, то и наоборот, *одновременное впечатление* из нескольких зрительных объектов, позволяющее при однократном воздействии измерять только объем внимания, может быть употребляемо и вообще для определения объема сознания, если несколько сложных зрительных впечатлений кратной длительности будут следовать друг за другом через соответствующие паузы. При этом обыкновенно те части предмета, которые воспринимаются непрямым зрением, сознаются в то же время менее ясно. Эти содержания, которые не были апперципированы, но которые как бы лежат в объеме сознания, узнаются нами в таких случаях тогда, если некоторые из них в последующих воздействиях впечатления как-либо видоизменяются, так что *общее впечатление* от получаемых зрительных образов представляется изменившимся, хотя мы и не можем отдать себе отчета относительно действительного характера происшедшего изменения, как это обыкновенно бывает относительно тех изменений, которые лежат в объеме внимания. Следовательно, преемственные сложные зрительные образы относятся друг к другу в таких случаях так же, как, например, в вышеприведенной схеме такта $^{2}/_{4}$ два следующих друг за другом ряда, если во втором ряду прибавить или отбросить один удар. Опыты, производившиеся по этому методу, показывают, что и объе м внимания, и совокупный объем сознания имеют приблизительно ту же самую величину, как и в опытах с рядами тактов, так что, очевидно, мы имеем здесь дело не с какими-нибудь специальными условиями отдельной области ощущений, а с *общими свойствами сознания*. <...>

Связь психических образований, составляющая сущность сознания, имеет своим последним источником те *процессы соединения*, которые постоянно происходят между элементами отдельных содержаний сознания. Если подобные процессы проявляют свою деятельность уже при возникновении отдельных психических образований, то ими же должно объясняться, с одной стороны, единство наличного в каждый данный момент одновременного состояния сознания, а с другой — непрерывность последовательных состояний сознания. Сами по себе эти процессы соединения в высшей степени разнообразны: каждый отдельный процесс имеет свою индивидуальную окраску, которая никогда не повторяется в том же виде ни в одном другом случае. Тем не менее их общие различия можно подвести под те своеобразные особенности, которые мы нашли в состояниях нашего внимания, с одной стороны, при пассивном восприятии впечатлений, с другой — при активной апперцепции. В виде краткого обозначения этих различий, мы называем *ассоциациями* те из этих связей, которые образуются при пассивном состоянии сознания, а *апперцепционными* связями те, которые предполагают активное состояние его.

Ассоциации

Значение понятия ассоциации претерпело в истории новейшего развития психологии ряд необходимых и глубоких видоизменений; эти изменения, конечно, не получили еще общепризнанного распространения, так как первоначальное значение этого понятия удерживается теми психологами, которые еще и в настоящее время продолжают разделять основные воззрения, из которых выросла ассоциативная психология. Так как эта психология, вследствие преобладания в ней интеллектуалистического направления, учитывала обыкновенно только представления в процессах нашего сознания, то понятие ассоциации ограничивалось первоначально лишь пределами связи между *представлениями*. В этом смысле этот термин был введен Гартли[1] и Юмом[2], двумя основателями ассоциативной психологии, в специальном значении «ассоциации идей», причем согласно английскому словоупотреблению, термин «идея» соответствует немецкому понятию «представление». Так как далее представления рассматривались в ассоциативной психологии как объекты или по крайней мере как такие процессы, которые могут возобновляться в том же самом виде, в каком они возникли в нашем сознании в первый раз, то ассоциация считалась принципом объяснения так называемой «репродукции представлений». И так как, наконец, при этом не считалось нужным объяснить способ возникновения сложных представлений с помощью психологического анализа, так как предполагалось, что физическая связь впечатлений в чувственном восприятии может сама по себе объяснять и их психическое сложение, то понятие ассоциации кроме того применялось исключительно к тем формам репродукции, в которых ассоциированные представления следуют друг за другом во времени. Пытаясь установить главные формы этих последовательных ассоциаций, психологи следовали установленной еще Аристотелем для процессов воспоминания логической схеме.

Согласно принципу двухчленного деления по противоположности, ассоцианисты различали, с одной стороны ассоциации по сходству и контрасту, с другой — ассоциации по одновременности и последовательности. Эти родовые понятия, полученные путем логической дихотомии, украшены были именем «законов ассоциации». Новейшее учение об ассоциации стремилось затем большей частью уменьшить число этих законов. Контраст рассматривался как предельный случай сходства, так как только такие контрастирующие представления могут ассоциироваться друг с другом, которые в то же время относятся к одному и тому же общему роду; а все связи по одновременности и последовательности подведены были под понятие *внешней* ассоциации, или *ассоциации по смежности*, противопоставлявшейся *ассоциации внутренней*, или

---

[1] Гартли (*Hartley*) Дейвид (1705—1757) — английский философ и врач, один из основоположников ассоциативной психологии. — *Ред.-сост.*

[2] Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

по сходству. После этого сведения всех ассоциаций к двум формам, некоторые психологи думали, наконец, сделать в этом направлении еще один шаг дальше и свести все ассоциации к одному-единственному «закону ассоциации»; при этом или смежность рассматривалась как специальная форма сходства, или же, более часто, сходство признавалось действием известных связей по смежности. В том и другом случае ассоциация сводилась в большинстве случаев к общему принципу упражнения и привычки.

Два факта, сами собой напрашивающиеся с принудительной силой при экспериментальном наблюдении процессов представления, делают весь этот ход мыслей беспочвенным. *Первый* факт состоит в том общем результате психологического анализа восприятий, что те сложные представления, которые ассоциативная психология рассматривает как неразложимые психические единицы, возникают уже сами по себе в результате различных процессов связи или процессов соединения, которые, очевидно, стоят в тесной связи с более сложными соединениями, называемыми обыкновенно ассоциациями. *Второй* факт состоит в естественном выводе, который можно сделать из экспериментального исследования процессов воспоминания: *воспроизведения* в строгом смысле слова, поскольку под этим разумеют неизменное возобновление представлений, присутствовавших прежде в сознании, вообще не существует. Представление, вновь вступающее в сознание, в том или ином акте воспоминания, бывает всегда отлично от прежнего, к которому оно относится, и элементы, составляющие его, бывают обыкновенно распределены между несколькими предшествующими представлениями.

Из первого факта следует, что так называемым обыкновенно ассоциациям сложных представлений предшествуют еще другие, более элементарные процессы ассоциации между их элементами. Второй же факт показывает, что ассоциации в обычном смысле этого слова могут быть сами лишь сложным продуктом таких элементарных ассоциаций. Если признать этот двоякий вывод, то придется также признать, что психологи не имеют никакого права исключать из понятия ассоциации те элементарные изменения, продуктом которых являются не последовательные, а одновременные представления; точно так же нет никакого основания ограничивать это понятие пределами процессов представления. Существование сложных чувств, аффектов и так далее показывает, что элементы чувства вступают в не менее правильные соединения друг с другом, которые, кроме того, могут в свою очередь вступать в различные соединения с ассоциациями элементов ощущения и образовать вместе с ними более сложные продукты, как показывает процесс возникновения временных представлений.

Понятие ассоциации может в виду этого только тогда приобрести прочно установленное значение, одинаково приложимое к каждому отдельному случаю, когда каждая ассоциация будет сведена к тем *элементарным процессам*, которые бывают представлены в реальных психических процессах всегда только в более или менее сложном виде и могут быть, следовательно, получены из

этих их сложных продуктов только при помощи психологического анализа. Обыкновенно так называемые ассоциации (последовательные) представляют собой в ряду этих продуктов соединения лишь отдельные и притом наименее тесно связанные формы. Им можно противопоставить, как пример более тесного в общем соединения, те связи, из которых возникают различные формы психических образований. Мы назвали их выше *слияниями* в виду этой прочности соединения. К ним примыкают, как ближайшая ступень, те одновременные ассоциации, которые возникают в процессе изменения данных психических образований под воздействием элементов других образований: мы называем их по характеру тех элементарных процессов, которые при этом происходят, *ассимиляциями*. К ним присоединяются, наконец, обыкновенно также *одновременные ассоциации психических образований* из диспаратных ощущений, которые были названы уже Гербартом[3] *компликациями*. Уже после того следуют те ассоциации психических образований, которые связывают их во временные ряды: эту форму, поддающуюся легче всего наблюдению, и поэтому первоначально единственно признававшуюся, мы называем *последовательньми ассоциациями*. <...>

Апперцепционные связи

Ассоциации во всех их формах сознаются нами как *пассивные переживания*. Чувство деятельности, характерное для процессов воли и внимания, примешивается к течению ассоциаций лишь постольку, поскольку оно примыкает при апперцепции данных психических содержаний к сложившимся уже *соединениям*. Ассоциации представляют собой, следовательно, такие переживания, которые могут вызывать со своей стороны волевые процессы, сами по себе однако не подлежат непосредственному воздействию волевых процессов. Но это и есть критерий пассивного переживания. В этом отношении существенно отличаются от ассоциаций другого рода соединения, которые могут происходить между различными психическими образованиями и их элементами: *апперцепционные связи*. В этих связях чувство деятельности, сопровождаемое варьирующими ощущениями напряжения, не только следует за связями, как особое разряжаемое ими действие, но и предваряет их; поэтому эти связи сами по себе сознаются нами *непосредственно, как складывающиеся при участии внимания*. В этом смысле мы называем их *активными переживаниями*.

Апперцепционные связи простираются на множество психических процессов, которые различаются обыкновенно в нашем повседневном опыте с помощью некоторых общих наименований, как то: мышление, рефлексия, деятельность воображения и рассудка. При этом все они без различия считаются

[3] Гербарт (*Herbart*) Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий философ, психолог и педагог. — *Ред.-сост.*

обыкновенно психическими процессами, стоящими на более высокой ступени по сравнению с чувственными восприятиями и чистыми процессами воспоминания; но в отдельных частностях каждый из этих процессов характеризуется особыми, присущими ему одному чертами. Так, совершенно особое место отводится так называемой деятельности воображения и рассудка. Ассоциативная психология, в противоположность этому дроблению умственных отправлений, укоренившемуся в теории способностей, старалась внести известное единство тем, что подводила под общее понятие ассоциации также и апперцептивные связи представлений, причем понятие ассоциации употреблялось ею исключительно в применении к последовательной ассоциации, как это указывалось нами выше. Но при этом сведении всех указанных процессов к последовательной ассоциации упускались из виду важные субъективные и объективные признаки, отличающие апперцепционные связи. Иногда выход из затруднений при объяснении апперцепционных связей ассоциативная психология находила в том, что вводила некоторые вспомогательные понятия, заимствованные из вульгарной психологии, признавая, что известное влияние на устанавливающиеся ассоциации могут оказывать «интерес» и «разумность». Сплошь да рядом, впрочем, этот взгляд ассоциативной психологии поддерживался следующим недоразумением: будто бы признание определенных различий между апперцепционными связями и ассоциациями должно утверждать вообще полную независимость первых от вторых. Однако об этом, конечно, не может быть и речи. Все психические процессы связаны с ассоциациями, также как и с первоначальными чувственными впечатлениями. Но, подобно тому как ассоциации входят уже сами по себе в процессы образования чувственных восприятий и тем не менее отливаются в форму сравнительно самостоятельных процессов в процессах воспоминания, так в свою очередь апперцепционные связи покоятся всецело на ассоциациях, хотя тем не менее нельзя было бы вывести присущих им своеобразных свойств из ассоциаций.

Постараемся отдать себе отчет в этих существенных свойствах, присущих апперцепционным связям. Психические процессы, которые находят себе выражение в них, можно было бы прежде всего разделить на *простые и сложные функции апперцепции. К простым* принадлежат функции *отношения и сравнения*, а к сложным — функции *синтеза и анализа*.

Э.Б. Титченер

Значение и задача психологии*

Начало психологии

Знание есть плод досуга. Члены первобытного общества не имеют времени для накопления знаний: первобытные люди слишком заняты добыванием необходимых средств существования. Но как только какая-нибудь община накопит известное количество богатств и создаст внутри себя класс людей, имеющих досуг (жрецы, воспитатели детей, принадлежащих к богатым семьям), то желающие приобретать знания получают возможность посвящать этому свою жизнь.

Наука возникает благодаря любознательности. Присматриваясь к внешнему миру, люди замечают, что он полон явлений, еще не объясненных. Но мало-помалу человек заставляет неодушевленную природу обнаруживать свои тайны, открывает законы падения камня, морского прилива и отлива, распределения цветов радуги, — и вот появляется «мать наук» — физика. Птицы, звери, рыбы имеют свои особые привычки, свое особое строение, наблюдение которых составляет исходную точку зоологии. Как физика и зоология, так и все прочие науки первоначально основываются на *анализе*. То, что сначала представлялось простым, после тщательного исследования оказывается сложным и распадается на несколько простых частей; эти последние в свою очередь подразделяются на еще более простые части и т.д., пока, наконец, наука не доходит до своих *элементов*, т.е. до простейших предметов или процессов, которые уже не могут делиться на более мелкие составные части.

Анализ сначала затрагивает предметы внешнего мира. Как ребенок (история которого в сжатом, сокращенном виде представляет собою историю рода человеческого), получающий первые свои впечатления от окружающих его вещей и предметов и только впоследствии достигающий самосознания и начинающий говорить о себе «я», так и человечество на первоначальной стадии сво-

---

* *Титченер Э.Б.* Очерки психологии. СПб., 1898. С. 1—13.

его развития изучало только внешнюю природу и естественные предметы. «Разум», говорит Локк[1], который в данном случае мог бы употребить слово с более широким значением и сказать «душа», — разум или душа, «подобно глазу, видящему окружающие вещи, не сознает сама себя; надо много искусства и труда, чтобы душа, рассматривая саму себя на расстоянии, могла сделать себя предметом своего собственного наблюдения»[2].

Предположим, однако, что познание природы сделало некоторые успехи, что физик или зоолог собрал значительное количество наблюдений и расположил их в удовлетворительном порядке. Нельзя ожидать, что после этого жажда знания у него исчезнет; ибо, чем больше мы знаем, тем больше желаем знать, так как умственный аппетит растет по мере его утоления. Ученый постарается скорее расширить пределы своей науки, открыть новые факты, несходные с теми, какие он уже изучил. При этом он легко может задать себе следующий вопрос: как *я* могу открывать какие бы то ни было факты? Факты — одно; человек же, желающий ближе познакомиться с фактами и могущий понять и истолковать их, — другое. Наш ученый может поэтому прийти к заключению, что стоит присмотреться к самому себе, отнесясь к себе, как ко всякому внешнему предмету. Конечно, для этого потребуется много «искусства и труда»; но цель, какой может достигнуть ученый, достойна этих трудов. «Каковы бы ни были трудности, сопряженные с этим исследованием, — продолжает Локк, — я уверен, что свет, которым мы можем таким образом озарить нашу душу и сознание, окажется не только очень приятным, но и очень полезным»[3]. Когда исследование это было предпринято, когда был поднят вопрос о различии между самим собою и внешними предметами, то возникла философия, а наряду с философией и психология.

Итак, психология — наука, народившаяся довольно поздно; она могла появиться лишь тогда, когда естественные науки достигли известного развития. Сами же естественные науки могли возникнуть лишь тогда, когда человечество дошло до известной ступени цивилизации.

Определение психологии

Философия на первых порах была рефлективным знанием, и никакой резкой границы между областями мышления не существовало. Тем не менее, с самого начала философия содержала в себе зародыши многих наук, которые впослед-

---

[1] Локк (*Locke*) Джон (1632—1704) — английский философ. — *Ред.-сост.*

[2] В современном издании «Опыта о человеческом разумении» эта цитата из Локка переведена следующим образом: «Разумение, подобно глазу, давая нам возможность воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом» (*Локк Дж.* Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 91). — *Ред.-сост.*

[3] *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 91. — *Ред.-сост.*

ствии были резко разграничены. В настоящее время общее название «философ» почти не употребляется; мы говорим «логик», «моралист», «метафизик»; а под философией мы разумеем совокупность научных выводов из специальных наук — онтологию, этику и т.д. Одною из философских наук является психология.

Всякому в общих чертах известно, каков предмет психологии. Эта наука имеет дело с «душой» и с «сознанием» и устанавливает законы, по которым действуют «душа» и «сознание». Моя «душа» есть нечто внутри меня — думающее, понимающее, рассуждающее, выбирающее, руководящее моими действиями. «Сознание» же мое есть внутреннее мое знание о том, что я думаю и что я делаю: я «сознаю» неловкость моего движения или правильность моего ответа на экзамене. В этом смысле обыкновенно употребляются слова «душа» и «сознание».

Психология действительно имеет дело с «душой» и «сознанием» и с их законами. Но нередко научное значение слова не совпадает с обычным, общераспространенным его значением. Так, слово «закон» на разговорном языке означает предписание или распоряжение власти; на языке же естественных наук под «законом» разумеется правильность или ничем не нарушаемое единообразие в явлениях природы. Поэтому не следует удивляться, что в психологии «душа» и «сознание» имеют несколько иной смысл, чем в повседневной жизни. Впоследствии мы увидим, что в обычном своем значении слова «душа» и «сознание» имеют как метафизический, так и психологический смысл.

Пожалуй, всего легче будет нам отрешиться от наших предвзятых мнений о значении этих слов, если мы с самого начала дадим научное определение психологии и оставим пока в стороне наше рассуждение о «душе» и «сознании» в их специальном, психологическом смысле. Психология может быть определена, как *наука о душевных процессах.* Каждый из трех терминов, заключенных в этом определении, требует краткого объяснения.

Процесс есть такой предмет научного познания, который никак не может быть назван «вещью». «Вещь» есть нечто постоянное, сравнительно неизменное, резко отделенное от других вещей. Процесс же, как показывает самая этимология слова, есть «движение вперед». Это *достижение чего-то*, непрерывное действие, прогрессивное изменение, которое научный исследователь наблюдает в то время, как оно происходит. Процесс сливается с действиями и изменениями, предшествующими ему и следующими за ним. Химик, например, говорит о «процессе разложения». Изменения, происходящие при разложении, и составляют самый «процесс»; окончательными же результатами разложения являются «вещи». Размывание скалы водою есть процесс; скала же представляет собою вещь. Вещь «находится» в том или другом месте; процесс «совершается». Психология имеет дело не с вещами, а с *процессами*.

Душевный процесс — это такой процесс, который находится в области нашего внутреннего опыта, — процесс, в возникновении и в ходе которого сами мы необходимо принимаем участие. Теплота есть, несомненно, процесс. Но теплота, рассматриваемая как «род движения», не зависит от нас; движение

продолжалось бы, хотя бы нас, ощущающих его, вовсе и не было. Если же теплота испытывается нами, то мы, как личности, чувствующие ее, можем кое-что сказать о ней; отчасти *из-за нас* теплота является тем, что она есть. Физическое движение мы переводим в психическое чувство теплоты. Более того: если нам холодно, то же самое тепло покажется нам теплее, чем в том случае, если бы нам было жарко. *Этот* процесс ощущения теплоты есть процесс душевный. Или же возьмем такой пример: геометрическое пространство независимо от нас; оно управляется законами, действующими независимо от того, знаем ли мы их, или нет. Но пространство может быть познано и даже изменено нашим опытом. Мы можем, например, сказать: «У меня были такие приятные мысли, что дорога показалась мне гораздо короче обыкновенного». В данном случае пространство является душевным процессом. Психология имеет дело только с *душевными* процессами.

Под *наукой* мы разумеем совокупность знаний, классифицированных или приведенных в порядок по известным общим правилам или законам; наука представляет собою знание связное, объединенное. Еще детьми мы можем убедиться в том, что яйца многих чаек и болотных птиц покрыты бурыми и зелеными крапинками; но такое знание нельзя назвать научным. Оно станет научным, когда явится частью того знания, что яйца видов *Laridae* и *Charadriidae* покрыты крапинами, и когда мы употребим этот признак для объединения двух названных групп птиц, установив с его помощью взаимные отношения и происхождение данных видов. Психология есть наука, но отнюдь не ряд бессвязных наблюдений.

1. Можно возразить на то положение, что главный предмет психологии составляют исключительно *процессы*. Все руководства по психологии толкуют о том, что предмет этой науки составляют идеи. Мне вспоминается в данный момент большой каштан, осенявший мой родной дом; значит, у меня явилась идея дерева. Идея, по-видимому, есть нечто определенное, резко отграниченное от других идей, вызываемых ею, — например, идея дома, идея моей комнаты в доме и т.д. Не делает ли эта независимость одной идеи от других данную идею предметом постоянным, «вещью»?

Рассмотрение идеи или умственного образа дерева покажет нам, что это возражение неосновательно. Идея дерева сложная, она содержит в себе множество красок, множество оттенков и форм. Эти составные части идеи выступают с различною силой, пока данная идея занимает нас. То мы яснее представляем себе форму дерева, то его тень, то его клейкие почки, то какое-нибудь событие, связанное с этим деревом, например, вспоминаем, как под тяжестью снега подломилась ветка или что-нибудь в таком роде. Идея *меняется*. Идея дерева, кроме того, меняется в зависимости от того, на каком фоне мыслей она возникает. Идея может быть вызвана болью от ушиба, красками ландшафта, воем ветра в бурную ночь и т.д. Во всех этих различных случаях и идея будет различна: она до известной степени сливается со своим фоном мыслей и непрерывно движется и меняется на этом фоне. Идея дерева к тому же вовсе не дол-

жна быть умственным образом, связанным со зрением. Она может возникнуть под влиянием сказанных или слышанных слов, запахов (например, весеннего и осеннего), воспоминаний о движении, о принуждении или сопротивлении. Все эти факторы появляются и исчезают, меняют места, меняют значение, пока данная идея пребывает в нашей душе. Идея не вещь; она не стоит неподвижно, как скала; она действует или движется, подобно волнам, разбивающимся о скалу. Идея есть процесс.

Однако все-таки мы имеем идею *дерева*. Да, но и процесс разложения можно назвать «разложением». Название процесса — нечто постоянное; но название — один лишь фактор из множества, составляющих душевный процесс.

2. Невозможно с самого начала сделать перечень хотя бы только типических форм душевных процессов. Каждое явление нашей «внутренней» жизни, всякая идея, желание, решение, волнение, побуждение, мысль, действие — все это душевные процессы или совокупность душевных процессов.

3. Следующий пример покажет нам, что психология есть наука. Положим, вас просят нарисовать на бумаге круг такой величины, какой нам кажется полная луна. Слова «нарисовать круг» вызывают в вашей душе целый ряд идей; вы вспоминаете различные случаи, когда видели луну; вы смотрите, хорошо ли очищен карандаш и т.д. Когда идеи соединены между собою таким образом, причем каждая последующая вызывается предыдущею, то мы имеем дело с *последовательной ассоциацией* идей. Но при этом другой ряд душевных процессов вызывается нажимом карандаша и движением его по бумаге. Если ассоциация идей оканчивается идеей телесного движения, и это сопровождается ощущениями, следующими за движением, то все это вместе взятое мы называем *действием*. Поэтому просьба начертить круг может считаться задачей в области психологии движения.

Анализ этого движения показывает в данном случае, что нарисованный нами круг есть окончательный результат весьма значительного количества внутренних наших побуждений и внешних условий. Как ни проста просьба изобразить круг, но всякий из нас понимает ее по-своему; и как ни легко начертить круг, но побуждения, заставляющие нас в данном случае сделать *именно такой* рисунок, — иные, чем побуждения, руководящие нашими действиями во всех других случаях. Так, один рисует по воспоминанию, другой руководится картиной, возникшей в его воображении. Рисовать на память можно или по зрительному воспоминанию о луне, появляющейся на небе, или по воспоминанию о том, что мы видели на рисунке или слышали от других, будто луна, например, величиною «с монету» или «с тарелку». Кроме того люди отличаются друг от друга степенью практики в рисовании на память, т.е. степенью уменья передать идею (вспоминаемую луну) движением руки, необходимым для воспроизведения этой идеи на бумаге. К тому же во время рисования может меняться внимание — и притом двояким образом. Может изменяться сосредоточенность, «концентрация» внимания; действующее лицо может быть очень внимательно к действию, может быть то внимательно, то невнимательно, или же совершенно

невнимательно. Направление внимания может также меняться; действующее лицо может обратить главное внимание на размеры круга, оставив в стороне точность исполнения, но может устремить свое внимание и на то, чтобы получить точную геометрическую фигуру; или же может размышлять о том, что случится с рисунками после того, как они будут сделаны.

Память, упражнение и внимание составляют лишь некоторые субъективные факторы действия, и эти факторы могут меняться в различных случаях в зависимости от различных внутренних побуждений. Мы еще ничего не сказали о целом ряде объективных факторов, зависящих от внешних условий. Но наш анализ, при всем его несовершенстве, все-таки достаточно полон, чтобы на основании его установить два пункта: что рисование, как это ясно вытекает из всего предыдущего, есть конечный результат значительного числа влияний, и что эти влияния, будь они внутренние или внешние, могут быть классифицированы в известном порядке и могут быть рассмотрены психологом отдельно, причем их значение может быть взвешено в каждом отдельном частном случае. Возможность анализа и классификации показывает, что психология имеет право претендовать на название науки.

Душевный процесс, сознание и душа

Иногда психологи дают как техническое, так и популярное определение «науки о душе». Психолог может допустить и такое определение наряду с только что приведенным, если под «душою» разумеется общая сумма душевных процессов, испытанных личностью в течение жизни. Идеи, чувства, побуждения и т.д. — все это душевные процессы; совокупность же идей, чувств, побуждений и т.д., испытанных мною в течение моей жизни, составляет мою душу. Обыкновенно со словом «душа» соединяется понятие гораздо более широкое. Под «душою» разумеют нечто «нематериальное» или «духовное», проявляющееся в идеях и чувствах, но в сущности представляющее собою нечто большее, чем эти идеи и чувства, нечто скрывающееся за отдельными проявлениями нашей душевной жизни точно так же, как *вещь* (например, стол) скрывается, по-видимому, за отдельными атрибутами [свойствами. — *Ред.-сост.*] вещи (например, формой — круглой или четвероугольной, величиной, вышиной и т.д. каждого отдельного стола). При таком взгляде, однако, термин «душа» обращается в неясное запутанное метафизическое понятие, которому в психологии не место. Вопрос: есть ли что-нибудь, скрывающееся за душевным процессом, есть ли какая-нибудь постоянная душа и если есть, то какова природа ее — вопрос этот часто задавался и не может считаться праздным. Но психология понимает под душою только сумму душевных процессов, испытанных человеком за всю жизнь.

Однако душевные процессы детства, зрелого возраста и старости сильно различаются между собой. Говоря о «психологии», без всякого качественного

прилагательного, мы обыкновенно имеем в виду психологию среднего человеческого существа, вышедшего из детства и еще не ослабленного старостью. Поэтому психолог обыкновенно рассматривает душу как сумму душевных процессов, испытанных человеком в среднем возрасте его жизни. Нельзя в точности указать возраст, когда душа ребенка достигает совершеннолетия, и когда зрелый человек впадает в старчество.

Ясно, что «душа» более долговечна, чем какой-нибудь отдельный душевный процесс. К тому же следует заметить, что процессы, составляющие душу, не происходят последовательно один за другим. Наш душевный опыт, даже в минуты внимания к чему-нибудь одному, даже в моменты крайней сосредоточенности, все-таки сложен. При чтении этой страницы душа ваша составляется из множества процессов: вы видите напечатанную страницу, вам печать нравится или не нравится, вы испытываете в то же время давление от вашего платья, от стула и т.д.; внутренние ощущения или чувства заставляют вас чувствовать себя хорошо или нехорошо, и это дает вам знать о состоянии вашего тела; очень возможно, что с улицы или из соседних комнат к вам доносится смесь разнообразных звуков. Как жизнь слагается из совокупности одновременных процессов, из всасываний и выделений, из воспроизведения и разложения, так и душа является совокупностью более или менее многочисленных процессов, часто происходящих одновременно.

Мое «сознание» есть сумма душевных процессов, происходящих в моей душе в *данный* момент; сознание — это душа какого-нибудь данного, «настоящего» времени. Сознание можно, пожалуй, рассматривать, как «поперечное сечение» души. Сечение это может быть искусственное и естественное. Мы можем преднамеренно рассечь душу для того, чтобы исследовать ее для психологических целей. В таком случае мы нарушим естественное течение наших душевных процессов. С другой стороны душа сама собою распадается на ряд сознаний, причем в каждом отдельном случае сознание управляется какою-нибудь специальной группой процессов. Мы слушаем научную лекцию с научным сознанием; возвращаемся домой с сознанием предобеденного голода; мы оканчиваем повседневную работу с сознанием предстоящего отдыха. Все это естественные сечения души; эти сечения не так полны и радикальны, как ис-

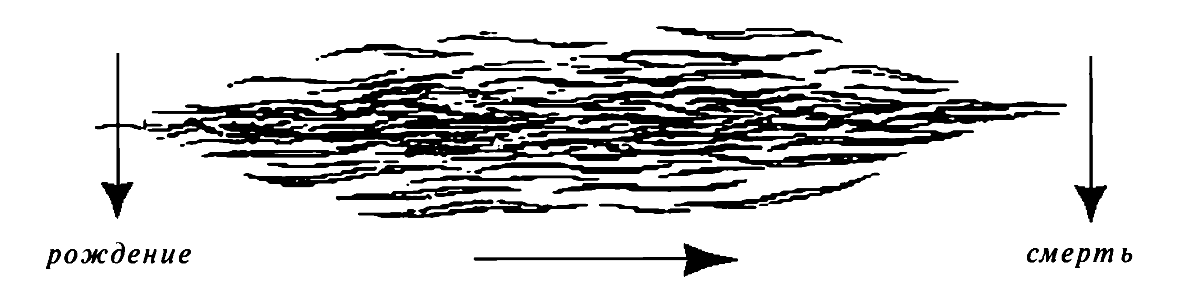

Рис. 1. Душа, представленная в виде общей суммы душевных процессов, испытываемых отдельною личностью

кусственные, но они достаточно независимы для того, чтобы мы могли констатировать их в нашей повседневной жизни.

Искусственное сознание продолжается обыкновенно только одно мгновение. Мы как бы рассекаем душу, рассматриваем интересные для нас процессы, а потом сразу переходим к новому сознанию. Естественное сознание продолжается от нескольких секунд до нескольких часов или даже дней. Если неожиданно раздастся выстрел из окна комнаты, в которой я читаю интересный роман, то у меня является сознание звука, а затем тотчас же возникает сознание прочитанного. Но если я предчувствую большое горе или радость, то группа процессов, составляющих специальное сознание радости или горя, может продолжаться в течение некоторого времени.

Естественное сознание может длиться столько же времени, сколько длится время, именуемое нами «настоящим». Мы говорим «теперь» и о целом часе, проводимом нами на кресле дантиста, и о нескольких часах дня, посвящаемых нами чтению новой книги. Для курьера, ожидающего сигнала для того, чтобы двинуться в путь, «теперь» продолжается лишь 2—3 с. Каждое из этих «теперь» в душевной жизни есть естественное сознание.

Большинство аналогий и сравнений в известном смысле вводят нас в заблуждение; и наше сравнение сознания с «поперечным сечением» души не составляет исключения из этого правила. Рассекая группу процессов, мы получим: 1) отрезанные концы (остатки процессов, так сказать, перерезанных сечением) и 2) «хвосты» или кончики процессов, в данный момент исчезающих. Рассматривая же искусственное сознание, мы никогда не обращаем внимания на эти остатки. «Рассмотрение» процесса в то время, как он продолжается, видоизменяет этот процесс, и таким образом нарушает свой собственный предмет. Единственные процессы, которые психолог может успешно наблюдать, это те, что исчезают в момент сечения.

Задача психологии

Цель психолога троякая. Он стремится: 1) анализировать конкретное, данное душевное состояние, разложив его на простейшие составные части; 2) найти, каким образом соединены эти составные части, какие законы управляют их комбинацией, и 3) привести эти законы в связь с физиологической (телесной) организацией.

1. Мы уже сказали выше, что всякая наука начинается с анализа. Первоначальный материал науки сложен: наука приводит хаос в порядок, разлагая сложное на его элементы, открывая, какова пропорция одинаковых элементов в различных сложных явлениях, и определяя, насколько это возможно, отношения элементов друг к другу. Психология не составляет исключения из этого правила. Наш конкретный душевный опыт, опыт действительной жизни, всегда сложен. Как бы ничтожно, по-видимому, ни было наблюдаемое нами явление — единичное желание, идея, решение, — но при ближайшем разборе его

непременно обнаружится его сложность и окажется, что данное душевное явление состоит из целого ряда еще более рудиментарных процессов. Поэтому психолог прежде всего должен выяснить *характер и количество душевных моментов*. Все душевные явления психолог исследует шаг за шагом, разделяя и подразделяя их до тех пор, пока деление не должно остановиться. Достигнув этого, психолог нашел сознательный элемент.

Элементы души или сознания — это те душевные процессы, которых далее разлагать уже нельзя, которые по природе своей абсолютно просты и потому даже отчасти не могут быть сведены к другим процессам...

Мы уже видели, что «идея» — процесс сложный. Сложность конкретных душевных процессов мы можем иллюстрировать, рассмотрев, например, какую-нибудь эмоцию. Эмоция *гнева* кажется на первый взгляд процессом простым, обнимаемым одним названием. Но на самом деле это процесс в высшей степени сложный. В нем содержится идея личности, вызвавшей гнев, идея поступка, возбудившего наше неудовольствие, идея нашей собственной мести, а также масса телесных ощущений, как например, выступление краски на лице, стремление сжать кулаки, напряжение всей мускульной системы, так как человек чувствует себя сильнее, когда сердится. Чувство гнева начинается с чувства неудовольствия вследствие неисполненного ожидания или уязвленной гордости; но скоро это неудовольствие уступает приятности самого чувства гнева, наслаждению при мысли о мести и о том, что для этой мести хватит сил, — наслаждению, унаследованному цивилизованным человеком от его первобытных предков и постоянно проявляющемуся в поступках ребенка. Эти процессы, сами по себе отнюдь не простые, участвуют в эмоции, скрещиваясь, перекрещиваясь, изменяясь и соединяясь друг с другом. Все они не должны быть необходимо налицо во всякий данный момент во время гнева; но все они играют известную роль в чувстве гнева.

2. Анализ проверяется двумя способами. Произведя анализ, мы всегда должны спросить себя, довели ли мы его до крайних его пределов и приняты ли нами в соображение все элементы данного душевного процесса? Для ответа на первый вопрос анализ следует повторить: анализ в данном случае является сам своей проверкой. Если один психолог считает известный процесс элементарным, то другие психологи должны повторить его анализ, стараясь довести разложение как можно дальше. Если лица, повторяющие анализ, придут к тому же, к чему пришел первый психолог, то значит, он совершал свое исследование правильно; если же то, что первый психолог принимал за простой процесс, окажется после более тщательного исследования сложным, то значит, первый наблюдатель впал в ошибку. Для ответа на второй вопрос проверкой анализа должен служить *синтез*. Разложив сложное явление на элементы *a, b, c,* мы проверяем наш анализ тем, что стараемся снова получить это явление при помощи соединения элементов *a, b, c*. Если таким путем нам удастся восстановить сложное явление, то анализ наш может считаться правильным; но если от соединения *a, b* и *c* не получится первоначального сложного явления, то зна-

чит тот, кто производил анализ, упустил из виду один или несколько ингредиентов данного явления. Поэтому психолог, произведя анализ сознания, должен сложить результаты своего анализа, т.е. сделать синтез и сравнить полученное с данным первоначальным актом. Если первоначальный душевный акт и акт, полученный с помощью синтеза, совпадают, то психолог достиг цели относительно данного душевного процесса и может перейти к другому; если же указанные акты не совпадают, то психологу придется повторить свой анализ, строго следя за тем, чтобы не опустить какого-нибудь фактора.

Если бы элементы сознания были «вещами», то не трудна была бы задача построения вновь какого-нибудь душевного акта. Мы могли бы в таком случае складывать простые части души, как ребенок складывает в ящик свои кубики. Но элементы сознания — процессы; их нельзя сложить так, чтобы они точно подошли друг к другу, причем каждый угол пришелся бы к другому углу; процессы эти сливаются, смешиваются, покрывают, усиливают, изменяют или останавливают друг друга, подчиняясь известным психологическим законам. Поэтому психолог должен стараться установить *законы, управляющие соединением душевных элементов*. Познание этих законов делает возможным синтез элементов, на которые разлагается данное явление и оказывается полезным при последующих анализах.

Анализируя в первый раз чувство гнева, мы легко можем проглядеть четвертый из вышеупомянутых факторов, а именно массу чувствований, сопровождающих взрыв гнева, как, например, чувствований, вызывающих сжимание кулаков и т.д. Но мы найдем, что нечто упустили из виду, когда соединим замеченные нами составные части и спросим себя, действительно ли эти ингредиенты составляют чувство гнева, и исчерпывается ли ими все, что мы чувствуем, «испытывая» гнев. Окажется, что *чего-то* все-таки не хватает. Это открытие показывает, что процессы, обнаруженные нашим анализом, вероятно, заслоняют собою другие процессы, связанные с ними в действительной эмоции. Поэтому нам следует повторить наш анализ, зорко следя за недостающими процессами; полезно будет также анализировать некоторые другие эмоции, ибо процессы, не совсем ясные при гневе, могут выступать в других эмоциях на первый план. После многих трудов и усилий мы, наконец, находим, чего раньше не приняли во внимание, и получаем тогда удовлетворительный синтез. При этом мы должны тщательно отметить, как связаны с душевными процессами при гневе те моменты, которые мы сначала упустили из виду, и постараться определить, каким образом эти моменты могли быть заслонены другими процессами. Сделав значительное количество подобных наблюдений и методически сравнивая эти наблюдения между собою, мы, наконец, будем в состоянии вывести закон соединения или связи душевных процессов. К этому закону мы можем прибегать в трудных случаях для того, чтобы облегчить наши последующие анализы.

3. Всякий душевный процесс соединен с телесным процессом: в душе нет ничего, что было бы совершенно отдельно от тела. Душа и тело неразрывно свя-

заны, и самое обыкновенное наблюдение убеждает нас в том, что тело так или иначе влияет на душу. Сознание при закрытых глазах иное, чем при открытых; при перемене телесного состояния меняется и душевное; при сомкнутых веках волны эфира[4] не могут достигать чувствительных частей глаз, и рука об руку с этим физическим фактом идут факты душевные — ощущение темноты, «чувство» телесной нетвердости и неуверенности и т.д. Душа человека, слепого от рождения, существенно отличается от души человека, наделенного нормальным зрением. Там, где последний видит, первый только слышит и осязает; я *вижу* дорогу, по которой иду, слепец же *слышит* ее, *ощупывает* ее. Даже высшие и самые отвлеченные умственные процессы доказывают тесную связь души с телом. Мы не можем мыслить без идей; а идеи получаются на основании впечатлений, воспринимаемых органами внешних чувств, органами телесными. Так, большинство из нас вспоминает, фантазирует, грезит на основании зрительных впечатлений. Вспоминая какое-нибудь событие, мы *видим*, как оно совершается перед нашим духовным взором; представляя себе какой-нибудь случай, мы рисуем себе духовный его «образ», мы точно *видим*, как он происходит; во сне мы *видим* самих себя или своих друзей совершающими то или другое действие; а когда думаем, то нередко *видим* слова напечатанными или написанными на воображаемой странице. Итак, психология не полна до тех пор, пока мы не привели результатов нашего анализа душевных процессов и элементов в связь со строением и отправлениями тела, обусловливающими эти процессы.

Если рассматривать проблему психологии с другой точки зрения, то можно сказать, что проблема эта состоит в описании и объяснении душевных процессов. Точное *описание* требует анализа и синтеза; вы не можете ничего точно описать, пока не разложите предмет вашего описания на части, не сделаете наблюдения над каждою частью, а затем водворите каждую часть на свое место и построите таким образом все целое. Описав явление, мы можем приступить к его *объяснению*, т.е. к определению условий, при которых происходит явление. Объяснение всегда есть определение условий или обстоятельств, при которых совершается описываемое явление. Условия душевных явлений частью духовного, частью телесного характера — с одной стороны это законы душевной связи, с другой — законы (функции), по которым телесное строение влияет на душевные проявления.

Психологу приходится разлагать душевные процессы на части, снова соединять эти части и отмечать, что происходит с данными, разбираемыми процессами, и что делается с телом во время этих процессов. Вот какова «задача» психологии.

---

[4] Согласно представлениям физиков XVIII—XIX столетий мировое пространство и промежутки между частицами вещества заполнены универсальной механической средой — мировым эфиром; с помощью этого понятия они пытались объяснить многие физические и, в том числе, световые явления. В данном контексте используемое автором выражение «волны эфира» можно без ущерба для общего смысла заменить современным термином «электромагнитные волны». — *Ред.-сост.*

Э.Б. Титченер

[Элементарные душевные процессы и уровни сознания]*

Элементарные душевные процессы

Очень важно правильно определить природу и число элементарных душевных процессов. Ведь эти элементы представляют собою тот простой материал, из которого нам придется строить всю психологию. Они должны быть поэтому достаточно разнообразны и многочисленны, чтобы из их сочетаний могли возникнуть все сложные душевные состояния: мышление и чувство, память и воображение, душевное движение и восприятие. С другой стороны, они должны быть в точном смысле слова элементарны; они должны оставаться неразложимыми, как бы тщательно ни производили мы анализ, как бы ни усовершенствовался наш метод исследования. Если наши указания будут несовершенны, нам скоро придется незаметно ввести новые элементы, а это указывает на дефекты логики и на дефекты науки. Если мы теперь сложный в действительности процесс выдадим за элементарный, то сделаем явную ошибку, за которую впоследствии придется поплатиться. <...>

Несмотря на все противоположные научные течения в этом вопросе, в психологии об элементарных процессах все же установилось достаточно определенное представление. Учение об элементах, представленное в настоящей книге, принято многими психологами, и оправдало себя в качестве рабочей гипотезы при синтетическом рассмотрении душевной жизни человека. Если бы его пришлось в будущем изменить, то изменение это, можно сказать с уверенностью, выразилось бы только в увеличении числа элементов, а не в уменьшении их, так что благодаря ему нам не пришлось бы ничего забывать. Мы начинаем с допущения, что существуют, самое большее, три класса психических

---

* *Титченер Э.Б.* Учебник психологии. Университетский курс. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914. Ч. I. С. 37—40, 42—44, 165—166, 192, 194—195, 233—236.

элементов, что два из них, несомненно, можно рассматривать как подразделения одной общей группы, хотя они и не образуют одного класса, и что все три, с некоторой вероятностью, можно рассматривать, в конце концов, как процессы одного и того же типа.

Эти три класса элементарных процессов известны под названиями ощущений, образов и чувств. Ощущения являются, естественно, характерными элементами восприятий зрительных, слуховых и других подобных им впечатлений, получаемых от окружающей среды. Образы являются, со своей стороны, характерными элементами представлений, психических изображений, которые по отношению к прошедшему опыту нам доставляет память, а по отношению к будущему — воображение. Ощущения и образы так похожи друг на друга, что их нередко смешивают <...>. Наконец, чувства являются характерными элементами душевных движений: любви и ненависти, радости и печали. На первый взгляд кажется, что они существенно отличаются от ощущений и образов, но более близкое рассмотрение обнаруживает между ними много основных сходств <...>.

Наша задача, следовательно, состоит в том, чтобы описать эти элементарные процессы, объяснить их и показать, что, будучи известным образом сгруппированы и распределены, они образуют различные сложные процессы, из которых и состоит наше сознание. <...>

Элементы и свойства

<...> Психолог распределяет психические элементы точно так же, как классифицирует химик свои материальные элементы. Химические элементы делятся, например, на металлы и неметаллы. Металлы обладают большой способностью отражения световых лучей, они непрозрачны, хорошие проводники тепла и электричества и имеют большой удельный вес. На основании этих признаков они отделяются от неметаллов в качестве особой группы. А эти последние, в свою очередь, распадаются на газообразные и твердые элементы. В этом смысле химические элементы и обладают известными свойствами или качествами, на основании которых их можно различать и распределять.

Точно так же обстоит дело и с психическими элементами. Они просты, правда в том смысле, что в них психический опыт сведен к своим последним составным частям; но они все еще действительные процессы, все еще актуальные содержания психического опыта. Поэтому, подобно химическим элементам, они обнаруживают известные качества или свойства, представляют, так сказать, различные стороны, из которых каждую психолог может исследовать в отдельности. По отношению к этим свойствам самонаблюдение и может распределять элементы по различным классам. <...>

Свойства ощущения

Ощущение в том смысле, какой мы придаем ему в этой книге, можно определить, как элементарный душевный процесс, который составляется по меньшей мере из четырех свойств: качества, интенсивности, ясности и длительности. Существуют ощущения с большим числом свойств, но только эти четыре свойства принадлежат к существу ощущения. Мы кратко рассмотрим их здесь в указанном порядке.

Качество — это, так сказать, индивидуальное свойство; то свойство, которое отличает один элементарный процесс от другого. Поэтому оно и является тем свойством, которое дает ощущению его специальное и отличительное название: холодный, синий, соленый, тонкий — все это названия для качеств ощущений. Интенсивность — это тот признак, который мы имеем в виду, когда говорим, что данное ощущение ярче или тусклее, громче или тише, тяжелее или легче, сильнее или слабее другого. При таких сравнениях мы имеем в виду ощущение одного и того же качества: и там и здесь синий цвет, тон, давление, холод или соленый вкус или асафетида[1] ; но эти два ощущения одного и того же качества лежат в двух различных точках некоторой конечной шкалы, на которой нанесены степени ощущения, начинающиеся от нижней пограничной величины и поднимающиеся до известного максимума. Более интенсивное ощущение лежит на этой шкале интенсивности выше, менее интенсивное — ниже. Ясность, дальше, — это то качество, которое дает ощущению его особенное положение в сознании: более ясное ощущение господствует над другими, держится самостоятельно и выделяется среди них; менее ясное подчинено другим ощущениям и сливается с фоном сознания. Если мы, например, прислушиваемся к тонам, чтобы решить, все ли они одинаково имеют свойство объема, то эти ощущения тонов ясны; если же мы поглощены своей работой, а в это время кто-нибудь в соседней комнате производит акустические опыты, то мы и в этом случае имеем ощущения тонов, но они смутны в нашем сознании. Наконец, длительность, как показывает название, есть временное свойство; это то свойство, которое характерно отличает по продолжительности течение одного ощущения от другого: нарастание данного процесса сознания, его пребывание в состоянии равновесия и замирание.

Все ощущения без исключения имеют свойства качества, интенсивности, ясности и длительности. Этот ряд свойств можно продолжить в двух направлениях: разлагая еще дальше те свойства, которые до сих пор рассматривались как простые, и отыскивая новые свойства, которые совершенно отличны от этих четырех основных свойств.

Относительно первого пункта мы уже заметили, что качество, которое при обычном рассмотрении кажется простым свойством, при более тщательном

---

[1] *Асафетида* — смолистое вещество с резким чесночным запахом, добываемое из корней растения ферулы асафетиды. — *Ред.-сост.*

исследовании может оказаться не разложенной при помощи анализа составной двух или трех различных свойств. Это имеет место у музыкальных тонов, а также, как мы скоро увидим, у цветов. Второй пункт лучше всего пояснить на примере зрения и осязания. Ощущения цвета распространяются в виде поверхности в длину и в ширину; они являются протяженными в пространстве. И это свойство протяженности для них существенно: если ограничить цвет даже острием иголки, то и в таком случае он все еще занимает некоторую поверхность; если мысленно отбросить это свойство протяженности, то вместе с ним исчезнет из сознания и ощущение цвета. То же самое можно сказать и об ощущениях давления: если слегка надавить на кожу концом жесткого конского волоса, то ощущение представляется уже протяженным, оно психически распространяется по некоторой психической поверхности. Некоторые ощущения имеют, следовательно, свойство протяженности; другие же, как запахи и тоны, не обнаруживают никакого следа этого свойства. <...>

Больше всего число свойств у цветового ощущения. Обыкновенное, так называемое, качество цвета представляет собой составную трех качественных свойств: цветового тона или оттенка, светового тона или светлости и густоты или насыщенности цвета. К этим трем качествам нужно присоединить еще свойства собственной интенсивности, ясности, длительности и протяженности.

Нужно заметить, что в известных случаях из соединения двух или более свойств возникает то, что мы можем назвать свойством второго порядка. Так, некоторые ощущения обладают свойством навязчивости. Они претенциозны и агрессивны; они монополизируют сознание, подобно тому, как в обществе нескромный выскочка-гость овладевает разговором. Мы говорим о пропитывающих запахах камфоры или нафталина; о назойливости и докучливости известных болевых ощущений или ощущений горького вкуса; о навязчивых или кричащих цветах, тонах и световых эффектах. Этот характер навязчивости все же не будет новым первичным свойством, это — составная, возникшая путем соединения ясности с качеством или с интенсивностью или с ними обоими вместе. <...>

Образ

Факты синестезии[2] ставят вопрос о природе образа и о его отличии от ощущения. Обыкновенно говорят, что образ отличается от соответствующего ощущения в трех отношениях: его качества относительно бледны, тусклы, бесцветны, туманны; его интенсивность и длительность значительно меньше.

Так как все это лишь различия по степени, а не по характеру содержания, то можно ожидать найти такие экспериментальные условия, при которых ощу-

---

[2] *Синестезия* — явление, когда раздражитель, соответствующий одной модальности восприятия, вызывает, кроме того, ощущение другой модальности, например, цветной слух. — *Ред.-сост.*

щение смешивалось бы с образом. И действительно, в этом направлении были произведены эксперименты, и они дали положительные результаты в области зрения, слуха и осязания.

Если, например, наблюдатель сидит в хорошо освещенной комнате, наблюдая за экраном из матового стекла, за которым находится снабженный диафрагмой проекционный фонарь, то он часто не может решить, вызваны ли те слабые цвета, которые он видит на экране, светом фонаря или же его собственным воображением. Ему говорят: представьте себе, что здесь на стекле находится изображение банана, — и во многих случаях нет никакой разницы, показывают ли ему полосу очень слабого желтого цвета, исходящего от фонаря, или же совершенно устраняют объективное освещение. Полоса воспринятого желтого цвета смешивается с полосой воображаемого желтого цвета. Экспериментатор, который направляет ход наблюдений, давая сигналы третьему лицу, когда нужно завернуть лампу, иногда бывает очень удивлен величиной ошибок, делаемых наблюдателем. То, что ему самому кажется несомненным ощущением, наблюдателем иногда без колебания обозначается как продукт воображения. Да и в повседневной жизни мы часто находимся в сомнении относительно того, слышим ли мы известный тон или только представляем его. И в лаборатории, если попросить наблюдателя, например, внимательно прислушиваться к непрерывному слабому шуму, который вызван падением тонкой струи песка, можно также констатировать это смешение. Эспериментатор может свести струю к простым каплям и, наконец, совершенно прервать ее; наблюдатель же во многих случаях будет продолжать думать, что еще слышен шелест песка.

Наконец, подобное смешение установлено и экспериментальным исследованием давления и щекотки. Если, например, производя ряд раздражений точек давления, экспериментатор спрашивает «теперь?», не дотрагиваясь, однако, в это время до кожи, то наблюдатель легко может принять свое переживание за реальное ощущение давления.

Далее, установлено, что наблюдатель, предрасположенный к зрительным переживаниям, но ничего не знающий о законах отрицательных последовательных изображений[3], может вместо внешних явлений описать, и притом правильно, последовательные изображения цветов, вызванных его собственным воображением. Всем известен также факт, что в известных патологических состояниях представление может перейти в так называемую галлюцинацию, т.е. принять характер ясного и интенсивного ощущения.

Почему же тогда в повседневной жизни мы так редко смешиваем образ с ощущением? Это смешение может быть и не столь редким, как оно нам представляется. Во всяком случае, можно объяснить различение, если оно имеет

---

[3] *Последовательные изображения*, или послеобразы, возникающие непосредственно после прекращения интенсивной зрительной стимуляции; вначале (около 1 с) — положительные, затем отрицательные, т.е. выглядящие как негатив, например, черно-белого рисунка при условии его предварительной длительной и непрерывной зрительной фиксации. — *Ред.-сост.*

место в широких размерах, различиями в связи и сочетании, в которых являются два процесса сознания. Образы, например, кажутся менее точно локализованными, чем ощущения; они изменяются и передвигаются быстрее и менее систематично; они двигаются вместе с движением глаз. Но автор не уверен в том, не обнаруживает ли образ обыкновенно некоторой разницы и в структуре, по сравнению с ощущением; не будет ли он более тонким, прозрачным, призрачным. Если это так, то ощущение и образ было бы лучше рассматривать как разновидности особенного типа душевного элемента, а не включать их в один класс. <...>

Чувство и ощущение

Теперь мы исследуем природу чувства, рассматривая его как психический элемент. Зададим себе вопрос о его сходстве и различии с ощущением. Сначала мы рассмотрим черты сходства.

Ощущение было определено как элементарный душевный процесс, который состоит по меньшей мере из четырех свойств: качества, интенсивности, ясности и длительности. Чувство имеет три из этих свойств: качество, интенсивность и длительность; таким образом, оно оказывается переживанием такого же общего характера, как и ощущение, и оно может быть таким же образом определено по отношению к свойствам, которые общи им обоим. Чувство имеет качества: оно имеет по меньшей мере два качества — удовольствие и неудовольствие, а некоторые психологи полагают, что оно имеет много больше качеств. Чувство обнаруживает различия интенсивности: переживание может быть умеренно приятным, слегка неприятным или удивительно приятным, невыносимо неприятным. Чувство обнаруживает и различия длительности: удовольствие может быть мгновенным или же продолжительным в качестве длительного душевного настроения; а равным образом и неудовольствие. Пока, таким образом, мы имеем общее сходство между чувством и ощущением. <...>

В чем же состоят различия? Первое различие состоит в следующем: чувство не имеет свойства ясности. Удовольствие и неудовольствие могут быть интенсивными и продолжительными, но они никогда не бывают ясными. Это значит, — если мы перейдем на язык популярной психологии — что на чувстве невозможно сосредоточить внимания. Чем больше внимания обращаем мы на ощущение, тем оно становится яснее, и тем лучше и отчетливее мы его помним. Но мы совершенно не можем сосредоточить внимания на чувстве; если мы пытаемся это сделать, то удовольствие или неудовольствие тотчас же исчезает и скрывается от нас, и мы застаем себя за наблюдением какого-нибудь безразличного ощущения или образа, которого мы совсем не хотели наблюдать. Если мы желаем получить удовольствие от концерта или от картины, мы должны внимательно воспринимать то, что мы слышим или видим; но как только мы пытаемся обратить внимание на само удовольствие, это последнее исчезает.

Отсутствие свойства ясности достаточно само по себе уже для того, чтобы можно было отличить чувство от ощущения. Процесс, который не может стать предметом внимания, радикально отличается от процесса, который удерживается и усиливается вниманием, и должен играть существенно различную роль в сознании по сравнению с ним. И нужно иметь в виду, что отсутствие ясности отличает чувство как от зрительных и слуховых, так и от органических ощущений; для нас ведь нетрудно сосредоточить внимание на сенсорных составляющих голода, жажды, усталости.

Но есть еще и другое различие. Удовольствие и неудовольствие, как показывают уже их названия, противоположны друг другу. Эта противоположность не есть противоположность контраста, которая имеет место в психологии ощущения, хотя ее часто отождествляют с контрастом: это скорее несовместимость в сознании. Подобной противоположности среди качеств ощущения не наблюдается.

Два уровня сознания

<...> Душевный процесс внимания всегда распределен по двойной схеме — по схеме ясного и темного, фокуса и границы сознания. Мы можем иллюстрировать это посредством двух концентрических окружностей: внутренней, меньшей по величине, заключающей область ясности сознания или содержащей то, что называется объектом внимания, и внешней, большей по величине, заключающей область смутности или рассеянности сознания. Но более удобна диаграмма, представляющая поток сознания как течение на двух различных уровнях, из которых верхний представляет ясные процессы сознания, а нижний — смутные (рис. 1). В дальнейшем мы воспользуемся этой диаграммой.

Начнем с наблюдения над собой. Рисунок 2 представляет собою загадочную картинку. Здесь изображено левое полушарие большого мозга, но на картинке изображено также и нечто другое. Всмотримся в нее и постараемся раскрыть, что в ней скрывается. В то время как мы делаем эти изыскания, все

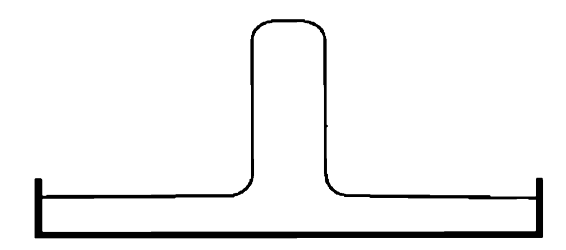

Рис. 1. Диаграмма переживания процессов внимания
Поток сознания, очерченный на фигуре тонкой линией, нужно представлять себе двигающимся к нам от плоскости бумаги; толстая линия представляет нервный канал, по которому течет поток

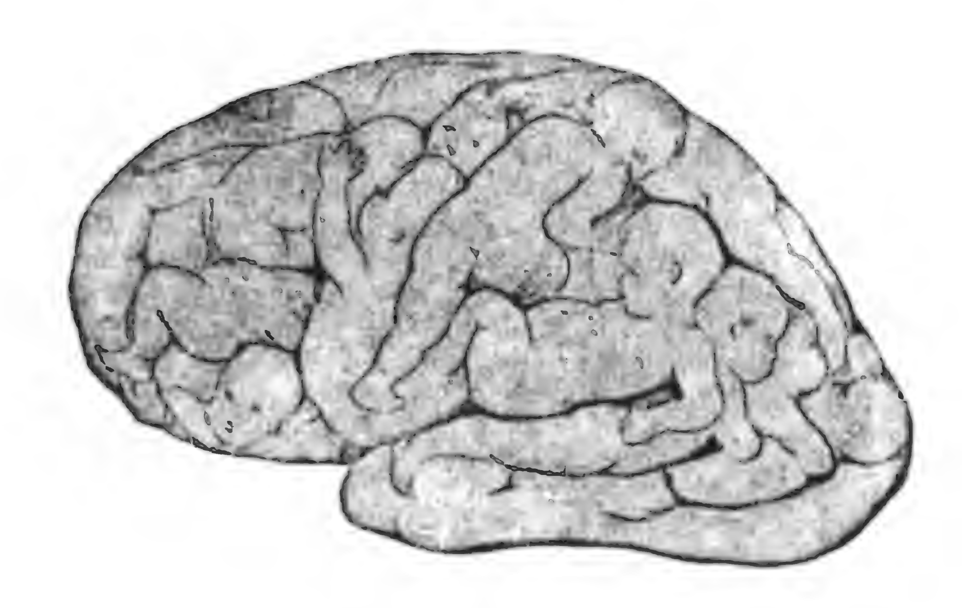

Рис. 2. Рисунок Гуддена из Франкфурта на Майне

изображение находится на верхнем уровне сознания, остальные же переживания — на нижнем уровне. Внезапно мы находим то, что искали. Что же происходит тогда? В тот момент, когда мы находим скрытое содержание, изображение мозга опускается с верхнего уровня на нижний: скрывавшиеся до сих пор очертания выступают со всей той ясностью, какую только можно представить, а форма мозга становится не яснее, чем впечатление от книги, находящейся в наших руках. Первоначальное сознание, распадавшееся на два уровня, заменилось другим сознанием, и падение первоначального предмета внимания с верхнего уровня на нижний здесь совершенно ясно.

В одном отношении это наблюдение нетипично. Когда мы уже решили загадку, мы испытываем явное удовлетворение; но аффективные процессы не всегда содержатся в душевном процессе внимания. Во всех других отношениях это наблюдение для автора является типичным. Предмет внимания не медленно ползет, ступень за ступенью, к верхнему уровню, а поднимается одним прыжком; в данный момент мы сосредоточиваем внимание на одном предмете, и в следующий момент мы находим наше внимание направленным уже на другой предмет. Но нужно сказать, что этот взгляд оспаривается. Некоторые психологи полагают, что душевный процесс внимания обнаруживает не два различных уровня, а один поднимающийся и опускающийся склон; они полагают, таким образом, что в одном и том же сознании могут сосуществовать процессы всех возможных степеней ясности. Другие полагают, что существует больше, чем два уровня, — три, например: уровень внимания, уровень невнимания и уровень еще более глубокой подсознательной смутности. <... >

Главным характерным признаком процессов, находящихся на верхнем уровне сознания, является высокая степень их ясности. <...> Процесс называ-

ется ясным или живым, когда он лучше всего проявляется в переживании. Ясность есть интенсивное свойство в том смысле, что она обнаруживает способность уменьшаться и увеличиваться; но она совершенно отлична от интенсивности в собственном смысле. Если, например, прислушиваться к очень слабому звуку, то ощущение шума может быть весьма ясным в сознании, хотя его интенсивность минимальна. И действительно, даже при небольшом навыке нетрудно субъективно различать ясность от интенсивности в любом данном душевном процессе.

Немало споров, однако, вызвал вопрос о том, не соединяются ли постоянно в переживании ясность и интенсивность, хотя они и представляют собою отдельные свойства ощущения. Не означает ли усиление ясности также усиления интенсивности? И очень слабый звук может быть ясным, несмотря на свою слабость: но так ли он слаб, каким он был бы и при меньшей ясности? Популярно выражаясь, не повышает ли внимание интенсивности своего предмета? На эти вопросы мы находим все ответы, какие только можно на них дать. Некоторые психологи полагают, что изменение ясности не делает никакой разницы в интенсивности. Другие думают, что оно обусловливает только кажущуюся разницу. Прирост ясности, говорят они, означает более независимое положение сознания; и эта независимость, эта свобода от вмешательства дает возможность другим свойствам ощущения во всей своей полноте проявиться в сознании. Интенсивность, таким образом, не производит никакого иного действия, кроме того, которое составляет ее функцию; она кажется усиленной, в то время как в действительности только дана возможность свободно проявиться в сознании, которой без ясности она не могла бы достигнуть. Третьи, со своей стороны, думают, что ясность приносит с собою прирост интенсивности и четвертые, наконец, утверждают, что ясность обусловливает понижение интенсивности. По мнению автора, наиболее вероятен третий из этих взглядов, считающий, что интенсивность возрастает с ясностью.

У. Джеймс

[О предмете психологии и потоке сознания]*

Введение

Определение психологии

Наиболее ясное ***понятие о предмете психологии*** дает профессор Ладд[1]: «Психология, — говорит он, — есть описание и истолкование состояний сознания, как таковых». Под состоянием сознания мы разумеем ощущения, желания, эмоции, акты познавания, суждения, решения, хотения и т.п. «Истолкование» всего этого, очевидно, должно включать в себя изучение их причин, условий и непосредственных результатов, насколько это поддается нашему исследованию. <...>

Факты душевной жизни не могут быть надлежащим образом изучены особо от той физической среды, знание о которой они образуют. Большой ошибкой прежней рациональной психологии было считать душу абсолютно нематериальным существом с известными свойственными только ей способностями, которыми объясняют различные деятельности души, как, например, воспоминание, воображение, суждение, хотения и прочие, почти без отношения к особенностям мира, к которым относятся эти деятельности. Но более богатое фактами воззрение последнего времени постигает, что наши внутренние способности ***заранее приспособлены*** к формам того мира, в котором мы живем, приспособлены, я разумею, так, чтобы обеспечить нашу безопасность и благосостояние в его сре-

* *Джеймс В.* Научные основы психологии. СПб.: С.-Петербургская электропечатня, 1902. С. 3, 5—8, 114—128, 130—133. (При редактировании источника проведена сверка отобранных фрагментов с изданием на языке оригинала (*James W.* Psychology: Briefer Course. N.Y.: Collier Books, 1962) и в текст внесены небольшие исправления и дополнения. — *Ред.-сост.*)

[1] Ладд (*Ladd*) Джордж Трамбулл (1842—1921) — американский психолог и философ. — *Ред.-сост.*

де. Не только наши способности к образованию новых привычек, к запоминанию последствий, к отвлечению общих свойств от вещей и к ассоциированию с ними их обычных следствий именно необходимы нам для того, чтобы направлять нас в этом мире, где смешаны разнообразия с однообразиями, — но и наши эмоции и инстинкты приспособлены к наиболее специфическим формам этого мира. Вообще, если какое-либо явление имеет значение для нашего благополучия, оно в первый же момент, как мы сталкиваемся с ним, интересует и возбуждает нас. Опасные вещи наполняют нас невольным страхом; ядовитые — отвращением; необходимые вещи — желанием. Коротко сказать, дух и мир развились одновременно и поэтому несколько приспособлены друг к другу. Специфические взаимодействия между внешним порядком и порядком сознания, эти взаимодействия, благодаря которым могла явиться с течением времени та гармония между ними, которая существует, сделались предметом многих соображений школы эволюционистских мыслителей (Гер. Спенсера[2]); хотя до сих пор эти соображения нельзя признать окончательными, однако, во всяком случае, они осветили и обогатили психологию в ее целом и поставили множество новых вопросов самого разного характера.

Главный результат этого сравнительно нового взгляда есть постепенно растущее убеждение в том, что *психическая жизнь есть прежде всего явление телеологическое*, т.е. что различные процессы чувствования и мышления развились до того состояния, в каком они оказываются теперь, благодаря их полезности для выполнения наших *воздействий* (reactions) на внешний мир. В общем, весьма немногие из новейших формул оказали психологии услугу больше той, какую ей оказала формула Спенсера, утверждающая, что сущность жизни духовной и жизни телесной одна и та же, а именно — «приспособление внутренних отношений к внешним». У низших животных и у детей существует приспособление к предметам, непосредственно находящимся перед ними. А когда степень душевного развития растет, все более совершенствуясь, то развивается приспособление к предметам, все более и более удаленным во времени и пространстве, и совершается оно при помощи все более и более сложных и точных процессов рассуждения.

Итак, прежде всего и в основании всего, духовная жизнь существует ради выполнения действий, имеющих характер охраняющий. Во-вторых, и в частности, душевная жизнь совершает и многие другие деятельности и может даже, если она дурно «приспособлена», приводить к гибели своего обладателя. Психология, взятая в наиболее широком смысле слова, должна изучать всякие виды духовной деятельности, т.е. и бесполезные и опасные, так же тщательно, как и те, которые «приспособлены». Но изучение «опасных элементов» душевной жизни стало предметом особой отрасли знания, называемой психиатрией — наукой об умопомешательстве, а изучение «бесполезного» передано эстетике. <...>

---

[2] Спенсер (*Spencer*) Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

Все душевные состояния (все равно, каково их отношение к полезности) *сопровождаются телесной деятельностью какого-либо рода*. Они приводят к незаметным изменениям в дыхании, кровообращении, общем мускульном напряжении, в деятельности желез или других внутренних органов даже тогда, когда не влекут за собою заметных движений мускулов, действующих по нашей воле. Итак, не только известные особые состояния души (такие, например, которые называются хотениями), но *все* состояния ее, как таковые, даже простые состояния мышления и чувствования по своим последствиям *суть двигатели* (are motor). Это будет подробно показано, когда наше изучение подвинется вперед. А пока запишем это положение, как один из основных фактов науки, в которую мы вступаем.

Выше было сказано, что должны быть изучены «условия» состояний сознания. *Непосредственное условие какого-нибудь состояния сознания состоит в деятельности какого-нибудь рода в мозговых полушариях*. Это положение поддерживается столь многими фактами из патологии и принято физиологами в основание столь многих из их рассуждений, что для ума, воспитавшегося на медицинских знаниях, кажется почти аксиомой. Во всяком случае, было бы трудно дать краткое и решительное доказательство безусловной зависимости умственного процесса от нервного изменения. Нельзя отрицать, что некоторая общая и обычная доля такой зависимости существует. Достаточно только принять в соображение, как быстро (насколько нам известно) может быть уничтожено сознание ударом по голове, или вследствие быстрой потери крови, или при эпилептическом припадке, или от очень большой дозы алкоголя, опия, эфира, окиси азота, — или как легко сознание может быть изменено качественно при помощи меньшей дозы некоторых из упомянутых веществ, а также и других, или в горячке, — чтобы видеть, насколько наша душа находится в зависимости от телесных случайностей. Маленькое засорение желчного протока, глоток лекарства, облегчающего желудок, чашка крепкого кофе в подходящий момент могут совершенно перевернуть на время взгляды человека на жизнь. Наше настроение духа и наши решения более определяются условием нашего кровообращения, чем нашими логическими доводами. Будет ли человек вести себя героем или трусом, зависит от временного состояния его «нервов». При многих видах помешательства, — но отнюдь не при всех, — были найдены ясные изменения в мозговой ткани. Разрушение некоторых участков мозговых полушарий сопровождается потерями памяти или приобретенной двигательной способности совершенно определенного рода, к чему мы еще вернемся в главе об *афазии*[3].

---

[3] *Афазия* — нарушение речи, возникающее при локальных поражениях коры левого (у правшей) полушария мозга. В главе «Функции мозга» Джеймс пишет: «...Эта болезнь (двигательная афазия) не представляет ни потери голоса, ни паралича языка или губ. Голос больного так же громок, как прежде, и все нервные токи его подъязычного и лицевого нервов могут быть совершенно нормальны, за исключением нервных токов, необходимых для речи. Он может смеяться, кричать и даже петь; но он не в состоянии выговорить ни одного слова; или же несколько бессмысленных отрывистых фраз составляют всю его речь; или, наконец, он говорит бессвязно и сбивчиво, дурно выговаривая слова, неправильно размещая их и неверно пользуясь ими» (с. 82—83). —*Ред.-сост.*

Соединяя вместе все такие факты, наш ум приходит к простому и коренному понятию, состоящему в том, что душевный процесс безразлично и безусловно должен быть функцией мозгового процесса, изменяясь соответственно изменениям последнего и относясь к последнему, как следствие к причине.

Это понятие является «рабочей гипотезой», которая лежит в основе всей «физиологической психологии» последних лет, и оно же будет рабочей гипотезой в этой книге. Взятое в столь безусловной форме, это понятие, вероятно, может оказаться слишком общим утверждением того, что в действительности составляет лишь частичную истину. Но единственным способом увериться в неудовлетворительности этого понятия является серьезное применение его ко всякому возможному случаю, который может нам встретиться. Применить какую-нибудь гипотезу ко всем случаям, где она достаточна, есть действительное и часто единственное средство доказать ее недостаточность. Поэтому я буду принимать, сначала без всякой проверки, что однообразное отношение состояний мозга к состояниям сознания есть закон природы. Применение этого закона в подробностях покажет лучше всего, где он встречает удобства и где для него лежат затруднения.

Некоторым читателям такое допущение покажется, вероятно, самым непростительным *априорным* материализмом[4]. Несомненно, в одном смысле это — материализм; а именно, это положение ставит высшее в зависимость от низшего. Но хотя мы утверждаем, что процесс мышления есть следствие механических законов, — ибо согласно другой «рабочей гипотезе», именно физиологической, законы мозговых процессов суть в сущности механические законы, — мы ничуть не объясняем *природы* мысли тем, что подтверждаем эту зависимость; и в этом последнем смысле наше предположение не является материализмом. Авторы, которые самым безусловным образом утверждают, что зависимость наших мыслей от нашего мозга есть факт, часто сильнее всех настаивают на том, что этот факт необъясним и что интимная (внутренняя) сущность сознания никогда не может быть объяснена какой-нибудь материальной причиной. <...>

Поток сознания

Аналитический метод

Порядок нашего исследования должен быть аналитическим[5]. Теперь мы подготовлены к тому, чтобы начать путем внутреннего самонаблюдения исследование самого сознания в его зрелом состоянии. Большинство книг применяет

---

[4] *Априорный материализм* — независимое от опыта утверждение, что материя — это единственная реальность. — *Ред.-сост.*

[5] Джеймс идет здесь не от частностей или элементов душевных явлений к сложным явлениям, — что было бы методом синтетическим — а, наоборот, от сложных явлений к их составным элементам. — *Ред. источника.*

здесь так называемый синтетический метод. Исходя от «простых идей ощущения» и рассматривая их как множество атомов, он приступает к построению высших состояний сознания из их «ассоциаций, интеграций» или «слияния» подобно тому, как дома строятся посредством склеивания кирпичей. Это имеет дидактические преимущества, которыми обыкновенно обладает синтетический метод. Но он заранее вверяется той очень сомнительной теории, что наши высшие состояния сознания составлены из единиц; и вместо того, чтобы исходить от того, что читатель знает непосредственно, а именно от его конкретных состояний сознания, взятых в целом, он начинает с суммы предположенных «простых идей», о которых читатель не имеет непосредственного сведения, и относительно приводимых взаимодействий которых он должен отдаться на веру какой-нибудь вероятной фразе. Следовательно, во всяком случае метод перехода от простого к сложному подвергает нас иллюзиям. Все педанты[6] и отвлеченные мыслители, естественно, будут против устранения этого метода. Но изучающий психологию, любящий полноту человеческой природы, предпочтет следовать «аналитическому» методу и начать с наиболее конкретных фактов, с которыми он ежедневно знакомился в своей собственной внутренней жизни. Аналитический метод найдет в надлежащее время и составные элементарные части, если таковые существуют, но он не рискует при этом опрометчивыми предположениями. Читатель должен помнить, что наши предшествующие главы об ощущении имели главным образом дело с физиологическими условиями ощущения. Они помещены вперед для удобства, так как входящие нервные токи идут вперед прежде исходящих. С *психологической* же точки зрения их лучше было бы поставить последними. Чистые ощущения были описаны раньше как процессы, которые взрослым тоже совершенно неизвестны, и нами намеренно не было сказано ничего, что могло бы хотя на мгновение привести читателя к предположению, что эти ощущения суть *элементы для образования* (elements of composition) высших состояний сознания.

Основной факт. Первый и первоначальный факт, который всякий признает присущим его внутреннему опыту, есть тот факт, что некоторого рода сознание происходит. Состояния души (*states of mind*) сменяют в нем друг друга. Если бы мы по-английски могли сказать «думается»[7] как мы говорим «дождит» или «дует», мы бы определили этот факт наиболее просто и с наименьшей предвзятостью. Но так как нельзя сказать так по-английски, то мы просто скажем, что мышление происходит.

Четыре свойства сознания. Как же оно происходит? Мы немедленно отметим четыре важных свойства в этом процессе, и предметом этой главы будет разбор этого процесса вообще.

---

[6] *Педант* — 1) придирчивый учитель, наставник, требующий неукоснительного соблюдения установленных правил; 2) человек, отличающийся мелочной точностью, приверженностью к устоявшимся привычкам, соблюдению внешнего порядка; формалист. — *Ред.-сост.*

[7] В английском языке нет такой безличной формы, как наше «думается», а пришлось бы употребить местоимение среднего рода *it thinks*, т.е. «это думает». — *Ред. источника.*

1. Каждое «состояние» сознания стремится быть частью личного сознания.

2. В каждом личном сознании состояния постоянно сменяются.

3. Каждое личное сознание чувствуется как непрерывное.

4. Оно заинтересовано в некоторых частях своего объекта, а в других нет, и все время оно или принимает или отвергает те или другие части, — одним словом, *выбирает* среди них.

Рассматривая последовательно эти четыре пункта, мы пойдем сперва промежуточным, неокончательным путем, в смысле собственно терминологии, которую будем употреблять: мы будем пользоваться психологическими терминами, которые могут быть вполне определены только в следующих главах книги. Но всякий знает, что обозначают термины, взятые в обычном, не обработанном смысле, а только в таком, в каком мы будем употреблять их. Эта глава похожа на эскиз художника углем по холсту, эскиз, на котором не видны еще тонкости отделки.

[1.] Когда я говорю: *каждое «состояние» или «мысль» есть часть личного сознания*, то слова «личное сознание» являются одним из таких вышеупомянутых терминов. Его значение мы понимаем до тех пор, пока никто не попросит нас определить его; но дать точный отчет о нем является самой трудной философской работой. С этой работой мы столкнемся в следующей главе; здесь достаточно предварительного замечания.

В этой комнате — скажем, в этой аудитории, — происходит множество мыслей, — ваши и моя; некоторые из них соответствуют взаимно друг другу, а некоторые нет. Они так же мало существуют каждая сама по себе и так же мало независимы друг от друга, как мало зависят все друг от друга. Они ни то и ни другое: ни одна из них не обособлена, но каждая связана с некоторыми другими, а с некоторыми не связана. Моя мысль связана с *моими* другими мыслями, а ваша с *вашими* другими мыслями. Находится ли где-нибудь в этой комнате *только* мысль, мысль сама по себе, т.е. которую никто не думает, в этом мы не имеем средств убедиться, ибо не знаем ничего о ее виде. Единственные состояния сознания, с которыми мы естественно имеем дело, находятся в личном сознании, в душе, в *Я*, в особых конкретных проявлениях моего и вашего *Я*.

Каждая из наших душ держится своих собственных мыслей про себя. Нет никакой передачи или обмена между ними. Никакая мысль невидимо не входит непосредственно в мысли другого личного сознания как принадлежащая ему. Абсолютная уединенность, несократимая множественность,— вот закон. Представляется, будто элементарный психический факт не есть *просто мысль* или «та мысль», но кажется, что есть только *моя мысль*, так как каждая мысль *свойственна кому-нибудь*. Ни одновременность, ни близость в пространстве, ни сходство по качеству и содержанию не способны заставить проникнуть друг в друга те мысли, которые отделены барьером принадлежности разным личным сознаниям. Пропасти между такими мыслями являются наиболее абсолютными в природе. Всякий признает, что это истина, поскольку дело идет о существовании этого *нечто*, соответствующего термину «личное сознание» (*personal*

mind), без каких-либо частных взглядов на его подразумеваемую природу. В этих пределах скорее личное *Я* (*personal self*), чем мысль, может рассматриваться как непосредственно данное психологии. Всеобщим сознательным фактом является не то, что «чувствования и мысли существуют», а что «я думаю», «я чувствую». Никакая психология не может ни в малейшей степени сомневаться в *существовании* личных *Я*. Мысли, связанные так, как мы их чувствуем связанными, являются тем, что *мы понимаем* под словами «личное *Я*». Самое худшее, что может сделать психология, это так истолковать природу этих *Я*, чтобы отнять у них то *богатство* (worth), каким они обладают.

[2.] *Сознание находится в постоянном изменении*. Я не думаю этим сказать, что ни одно состояние сознания не имеет продолжительности, — даже если это верно, то оно с трудом может быть установлено. Я желаю только подчеркнуть то, что *ни одно состояние, раз протекши, не может вернуться и быть тождественным с тем, которое было ранее*. Мы то видим, то слышим, то рассуждаем, то ходим, то вспоминаем, то ожидаем, то любим, то ненавидим; и мы знаем, что наши сознания заняты попеременно сотней других способов. Но все они, можно сказать, суть сложные состояния, производимые сочетанием более простых; — следуют ли эти более простые состояния закону изменчивости? Являются ли, например, *ощущения*, получаемые нами от одного и того же объекта, всегда одними и теми же? Неужели мы слышим разные звуки, когда с одинаковой силой ударяем по одной и той же клавише фортепиано? Дает ли нам одна и та же трава — одно и то же чувствование зеленого цвета, одно и то же небо — одинаковое всегда чувствование голубого, и получаем ли мы одно и то же обонятельное ощущение независимо от того, сколько раз мы прикладываем наш нос к одному и тому же флакону с одеколоном? Мнение, говорящее «нет», кажется многим продуктом метафизической софистики[8]; и тем не менее *напряженное* внимание к этому вопросу показывает, что в этом вопросе *нет доказательства в пользу того, чтобы входящий ток давал нам когда-нибудь дважды точно то же самое телесное ощущение*.

Дважды получается только один и тот же «объект». Мы снова и снова слушаем ту же самую ноту; мы видим одно и то же качество зеленого цвета, или нюхаем один и тот же объект благоухания, или испытываем один и тот же *вид* боли. Реальности (*the realities*) конкретные и абстрактные, материальные и идеальные, постоянное существование которых мы допускаем за этими ощущениями, по-видимому, постоянно проходят снова перед нашей мыслью и приводят нас, благодаря нашей небрежности, к предположению, что и наши «идеи» о них суть одни и те же. Когда мы спустя некоторое время приступим к главе «Восприятие», мы увидим, насколько укрепилась наша привычка пользоваться единственно нашими чувственными впечатлениями как ступеньками, чтобы идти выше к познанию реальностей, присутствие которых они обнаруживают. Трава, если смотреть из окошка, кажется мне одного и того

---

[8] *Метафизическая софистика* — здесь: использование умозрительных, чисто словесных ухищрений. — *Ред.-сост.*

же зеленого цвета, — как на солнце, так и в тени, а между тем художник нарисовал вторую темно-бурой краской, а первую ярко-желтой для того, чтобы дать реальный ощущаемый эффект. Общее правило состоит в том, что мы не обращаем внимания на различные способы, какими одни и те же вещи видятся нами, звучат и пахнут для нас на различных расстояниях и при различных обстоятельствах. Тождество *вещей*, — вот в чем мы заботимся убедиться; и какие-либо ощущения, которые убеждают нас в этом, будут, вероятно, приняты при этом грубом способе за одни и те же. Это дает нам поспешное свидетельство (*off-hand testimony*) субъективной тождественности различных ощущений, и мы его принимаем почти как бесспорное доказательство факта. Вся история того, что мы называем ощущением, является комментарием к нашей неспособности сказать, совершенно ли сходны два чувственных качества, воспринятых отдельно. Наше внимание вызывается гораздо больше, чем абсолютным качеством впечатления, его *пропорцией* относительно каких бы то ни было впечатлений, какие мы можем иметь в то же самое время. Когда все кругом темного цвета, то ощущение чего-либо менее темного цвета заставляет нас увидеть предмет белым. Гельмгольц[9] вычисляет, что белый мрамор, нарисованный на картине, изображающей архитектурный вид при лунном свете, был бы от десяти до двадцати тысяч раз ярче при дневном свете, чем при настоящем (реальном) лунном свете.

Мы никогда не узнали бы о такого рода разнице с помощью *ощущений*; о ней заключают из ряда косвенных соображений. Последние заставляют нас допустить, что наша чувствительность (*sensibility*) постоянно изменяется, так что один и тот же предмет не может давать нам то же самое ощущение. Мы чувствуем вещи различно, смотря по тому, спим мы или бодрствуем, голодны или сыты, бодры или усталы; различно — ночью и утром, летом и зимой; и сверх всего этого различно в детском возрасте, зрелом и дряхлом. И тем не менее мы никогда не сомневаемся, что наши чувствования открывают один и тот же мир с одними и теми же чувственными качествами и с одними и теми же чувственными вещами, находящимися в нем. Различие в чувствительности доказывается лучше всего различиями наших эмоций по поводу вещей, в различные возрасты нашей жизни, или когда мы находимся в различных органических настроениях. Что было ярко и возбудительно, становится скучным, избитым и бесполезным. Пение птиц делается утомительным, дуновение ветерка — унылым, небо — печальным.

К этим косвенным предположениям, что наши ощущения, следуя изменениям нашей способности чувствовать, всегда подвержены существенной перемене, следует прибавить еще одно допущение, основанное на том, что должно происходить в головном мозге. Каждое ощущение соответствует некоторому мозговому процессу. Для того чтобы повторилось тождественное ощущение,

---

[9] Гельмгольц (*Helmholtz*) Герман Людвиг Фердинанд фон (1821—1894) — немецкий физиолог и физик, основатель физиологии восприятия. — *Ред.-сост.*

оно должно произойти второй раз в *не измененном мозге*. Но так как это, строго говоря, физиологически невозможно, то не может быть одного и того же чувства; ибо мы предполагаем, что каждому мозговому изменению, как бы ничтожно оно ни было, должно соответствовать в равной степени изменение в сознании, которому служит мозг.

Но если предположение о «простых ощущениях», повторяющихся будто бы в неизменном виде, так легко оказывается лишенным основания, то насколько еще более неосновательно допущение о неизменяемости еще больших масс нашей мысли!

Здесь тем более очевидно, что состояние нашей мысли никогда не бывает точно одним и тем же. Каждая мысль, которую мы имеем в данном моменте о данном факте, строго говоря, *уникальна* и только носит подобие родства с другими нашими мыслями о том же самом факте. Когда повторяется тождественный факт, мы *должны* продумать свежим образом, увидеть его под несколько иным углом, постичь его в отношениях, отличных от тех, в которых он был предъявлен в предыдущем случае. И процесс, благодаря которому мы узнаем его, есть мысль о нем в этих отношениях, мысль, слитая с сознанием всего, что мы знали о нем прежде. Нередко мы сами поражаемся странными переменами в наших последовательных мнениях об одном и том же предмете. Мы удивляемся, как мы могли думать то-то месяц тому назад об известном вопросе. Мы не знаем, как, но очевидно мы переросли возможность того (прежнего) состояния сознания. С году на год мы видим вещи в ином свете. Что было нереальным, стало реальным, а что вызывало возбуждение — стало безразличным. На друзей, каждым словом которых мы дорожили ранее, наброшена тень; женщины, некогда казавшиеся нам божественными, звезды, леса и воды — насколько все это теперь нам представляется скучным и заурядным! Молоденькие девушки, сиявшие пред нами в небесном ореоле, теперь едва замечаются нами; картины утрачивают всякую содержательность; а что касается книг, так разве теперь мы признаем за Гёте[10] таинственную многозначительность или за Дж.Ст. Миллем[11] особенную вескость? Вместо всего этого, мы все больше чувствуем вкус к труду; для нас все яснее выступает значение наших общественных обязанностей и общего блага.

Я уверен, что такой конкретный и полный способ рассмотрения изменений сознания (*the mind's changes*) является единственно верным приемом, как ни трудно проведение его во всех деталях. Если в начале наших рассуждений кое-что и покажется темным, то по мере того, как мы станем подвигаться вперед, оно станет уясняться. Пока же следует отметить, что если правилен наш прием, то точно так же правильно и положение, которое мы выше пытались

---

[10] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[11] Милль (*Mill*) Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и экономист, основатель английского позитивизма. — *Ред.-сост.*

обосновать, а именно, что никогда две «идеи», явившиеся у нас, не бывают совершенно одинаковы. Положение это в теоретическом смысле представляет несравненно большую важность, чем может показаться на первый взгляд, ибо одно уже допущение его ставит нас в невозможность рабски следовать по стопам последователей Локка[12] или Гербарта[13], — словом, тех школ, которые пользовались почти безграничной влиянием в Германии, да и у нас тоже. Несомненно, впрочем, что часто представляется *удобным* формулировать факты психической жизни таким способом, который напоминает нечто вроде теории атомов, и рассматривать высшие состояния сознания так, как если бы они были построены из не изменяющихся простых идей, которые то удаляются, то возвращаются. Впрочем, ради упрощения нередко и кривые линии рассматриваются как составленные из бесконечно малых прямых линий, а электричество и нервные токи принимаются условно за жидкость. Но и в том, и в другом случае не следует забывать, что в нашей речи мы прибегаем к символам, а в действительной природе нет ничего такого, что соответствовало бы нашим словам. ***Непреходящая идея, в периодические промежутки времени появляющаяся пред светом нашего сознания, есть миф, метафизическая сущность, совершенно чуждая действительности.***

[3.] ***В каждом личном сознании мышление переживается как непрерывное.*** «Непрерывным» я могу назвать лишь такой процесс, который протекает без перерывов, приостановок и делений. Единственные перерывы, которые можно хорошо заметить в отправлениях мышления единичной особи, суть либо временные пробелы (*interruptions, time-gaps*), в течение которых сознание утрачивается, либо внезапные перемены (*breaks*) в самом содержании познаваемого, где последующее с предшествующим в связи не находится. Положение о непрерывности сознания вмещает в себя два понятия.

А. Даже временные пробелы сознание чувствует после их прекращения так, что предшествующие им и последующие состояния сознания выступают отдельными частями одного и того же *Я*.

Б. Перемены в содержании сознания от одного момента до другого никогда не бывают абсолютно резкими (*absolutely abrupt*).

Рассмотрим сначала случай временных пробелов, как наиболее простой.

Когда Петр и Павел, спавшие на одной кровати, просыпаются и сознают, что пережили сон, то каждый из них умственно возвращается назад и приводит себя в связь с одним только из двух течений своих мыслей, а именно с течением, которое нарушено часами сна. Подобно тому, как ток электрода, опущенного в землю, безошибочно пробивается через промежуточные прослойки почвы к другому парному с ним электроду, запрятанному в землю же, так и настоящее Петра немедленно смыкается с прошлым того же Петра, но никог-

---

[12] Локк (*Locke*) Джон (1632—1704) — английский философ. — *Ред.-сост.*

[13] Гербарт (*Herbart*) Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий философ, психолог и педагог. — *Ред.-сост.*

да по ошибке не сомкнется с прошлым Павла. В свою очередь, и мышление Павла также мало подвергается подобной ошибке. Прошедшее мышление Петра является принадлежащим единственно лишь теперешнему Петру. Он, конечно, может иметь *знание*, и очень правильное, о том, в каком состоянии были мысли Павла, когда тот был погружен в сон, но это знание совершенно иное, чем то, какое Петр выносит о самолично пережитых состояниях бодрствования и сна. Эти последние Петр *помнит*, а то, что происходило с Павлом, Петр себе только *представляет*. Воспоминание сходно с непосредственным переживанием, т.е. предмет воспоминания окрашен чувством сердечной теплоты и близости, какие недостижимы вовсе для объекта представления. Этим качеством теплоты, интимности и непосредственности обладает и мышление Павла о себе самом. С той же уверенностью, с какой он говорит, что это настоящее есть частица его *Я* и принадлежит всецело ему, с той же уверенностью он и все прочее, проникающее в его сознание, когда оно столь же тепло и близко, называет своим, называет *Я*. Впоследствии мы войдем в обсуждение того, в чем по существу заключаются качества, называемые сердечной теплотой и близостью. Но какие бы прошедшие состояния сознания не явились с этими качествами, они должны приниматься как родственные себе нашим сознанием данного момента, становиться его собственными и вместе с этим сознанием признаются за одно общее с нашим *Я*. Эта общность *Я* и есть нечто такое, чего временные пробелы не могут перервать, и эта же общность есть причина, в силу которой мышление настоящего момента, хотя и не находится в неведении о временном пробеле, тем не менее ощущает себя неразрывным с некоторыми избранными частями прошедшего.

Таким образом, сознание никогда не кажется самому себе раздробленным на куски. Выражения вроде «цепи» или «ряда» не описывают сознания так, как оно представляется самому себе. В нем нет ничего, что могло бы связываться, — оно течет. Наиболее естественно сознание представляет метафора «реки» или «потока». ***Поэтому позвольте нам впредь, говоря о нем, называть его потоком мысли, потоком сознания, потоком субъективной жизни.***

В. Но затем, даже в пределах одного и того же *Я*, и между мыслями, которые все одинаково чувствуются, как принадлежащие одному и тому же *Я*, наблюдается нечто вроде связности и бессвязности между отдельными их частями, о чем не говорится в только что заявленном положении. Я говорю здесь о тех внезапных переменах, которые вызываются в сознании неожиданными *контрастами качеств* в следующих друг за другом моментах (*segments*) потока мысли. Если выражения «цепь» или «ряд» по существу вовсе не пригодны для обозначения явлений, происходящих в области сознания, то почему же их употребляют? Разве, например, оглушительный взрыв не раскалывает на две части сознание, если он внезапно разражается над ним? Нет, ибо даже в наше осознание удара грома вкрадывается и продолжается в нем осознание предшествовавшей ему тишины; ведь слыша, когда грохочет гром, мы слышим не *чистый* гром, но гром, нарушивший тишину и представляющий контраст с нею. Пере-

живание, которое мы выносим о том же самом объективном громе, совсем иное, чем какое получилось бы, если бы этот гром был продолжением другого грома. Мы уверены, что гром исключает и упраздняет тишину, но переживание грома есть в то же время и переживание этой прекратившейся тишины, и трудно отыскать в конкретном действительном сознании человека переживание, которое бы исключительно ограничивалось настоящим без намека на то, что дали впечатления предшествующего.

Устойчивые и переходные состояния сознания. Окидывая общим взглядом дивный поток сознания, мы прежде всего поражаемся различием в быстроте течения отдельных его частей.

Подобно жизни птицы, сознание кажется состоящим из смены перелетов и посадок. Это сказалось даже на ритме языка, где каждая мысль отливается в отдельное предложение, а ряды предложений смыкаются в периоды. Моменты отдыха в области сознания обыкновенно заняты некоторого рода чувственными образами, обладающими той особенностью, что они могут неопределенно долгое время держаться пред душой и позволяют созерцать себя без всяких изменений; что касается тех частей сознания, которые можно сравнить с перелетами, то они наполнены мыслями о динамических или статических отношениях, которые получаются между предметами, созерцаемыми в периоды сравнительного покоя.

Мы обозначим эти моменты покоя сознания «устойчивыми состояниями» (substantive parts) потока сознания, а перелеты его — «переходными состояниями» (transitive parts) этого потока. Из этого оказывается, что наше мышление постоянно стремится от того «устойчивого» состояния сознания, которое оно только что покинуло, к какому-нибудь другому «устойчивому» же моменту. Значит, можно сказать, что главное назначение переходных состояний сознания заключается в том, чтобы приводить наш ум от одного «устойчивого» заключения к другому.

Весьма трудно путем самонаблюдения определить, для чего действительно служат переходные моменты. Если они составляют перелеты к заключению, то остановить их для того, чтобы рассмотреть раньше, чем наступил вывод из них, значило бы уничтожить их. Если же мы дождемся того момента, когда *завершится* вывод, самая сила и устойчивость последнего своим блеском поглощает и совершенно затеняет переходные состояния сознания. Попытка перехватить мысль на полдороге и окинуть взглядом ее отрезок убеждает, насколько затруднительно самонаблюдение в области переходных состояний сознания. Полет мысли всегда так стремителен, что доводит нас почти каждый раз до вывода, прежде чем мы успеем ее захватить в пути. Если же мы проявим достаточное проворство и поймаем переходную мысль на лету, то она немедленно перестает быть переходной, т.е. самой собою. Подобно тому, как снежинка, захваченная теплою рукою, утрачивает кристаллическую форму и превращается в каплю воды, так, вместо уловления «чувства отношения» между переходным состоянием сознания и выводом, мы захватываем нечто «устойчивое», по боль-

шей части последнее произнесенное нами слово, которое останавливаем, причем улетучивается его служебная роль, значение и соотношение со всем предшествующим и последующим рассуждением. В этих случаях попытки анализа потока мысли посредством самонаблюдения столь же малосостоятельны, как если бы мы, схватив юлу, надеялись понять ее движение, или как если бы мы старались закрыть кран газовой горелки с такой быстротой, которая дала бы нам возможность рассмотреть, как выглядит тьма. Требование *точно определить* переходные состояния сознания, которое, несомненно, будет предъявлено сомневающимися психологами к тем, кто высказывается за реальность существования этих состояний, мало добросовестно; ведь столь же неосновательно оспаривал и Зенон[14] защитников действительного существования движения вообще, предлагая точно обозначить место, где находится стрела в момент ее полета, и выводя из невозможности дать прямой ответ на нелепый вопрос несостоятельность основного положения о движении.

Эта трудность внутреннего самонаблюдения приводит к плачевным результатам. <...>

Подобно тому, как мы говорим о переживании *синевы* или *холода*, мы должны бы говорить о переживаниях, вытекающих из смысла частиц *и*, *если*, *но*, *через*. Этого, однако же, мы не делаем: мы настолько закостенели в привычке придавать значение лишь устойным элементам сознания, что наш язык почти отказывается схватывать все изменчивое. А теперь вновь обратимся к аналогии с головным мозгом. Мы считаем мозг органом, внутреннее равновесие которого постоянно колеблется от изменений, и эти изменения охватывают все части мозга. Пульс этих перемен, несомненно, в иных участках мозга сильнее, чем в других; точно так же этот ритм изменений временами то ускоряется, то замедляется. Так в калейдоскопе, однообразно вращаемом, фигуры хотя и перераспределяются сами собою, тем не менее, бывают мгновения, когда эти трансформации кажутся чрезвычайно незначительными, прерывистыми и почти отсутствующими, после чего наступает время, когда они следуют другом за другом с волшебною быстротою. Таким образом, сравнительно устойчивые формы чередуются со столь быстрыми, что мы бы и не узнали их, увидав вновь. То же и в мозгу, — постоянные перераспределения должны выражаться в некоторой форме сравнительно продолжительных напряжений, тогда как перераспределения непостоянные просто приходят и уходят. Но если сознание соответствует факту самого перераспределения, так почему же ряды перераспределения не останавливаются, а сознание должно постоянно приостанавливаться? А если сравнительно продолжительные перераспределения влекут за собою определенные процессы сознания, то отчего не допустить, что и скоропреходящие перераспределения вызывают иные формы сознания, соответствующие данным перераспределениям.

---

[14] Зенон из Элеи (ок. 490—430 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Парменида. — *Ред.-сост.*

Объект, проходящий пред сознанием, всегда имеет «ореол» (*fringe*). Существуют еще иные, не имеющие названия, видоизменения сознания, столь же важные, как и переходные его состояния, и они так же могут быть познанными, как эти последние. Примеры покажут, что именно я здесь имею в виду.

Предположим, что три лица последовательно восклицают в наш адрес: «Послушай!», «Эй!», «Смотри!». Наше сознание приходит тут в три совершенно отличных состояния ожидания, хотя перед ним нет никакого определенного объекта ни в одном из этих трех случаев. Никто, вероятно, не станет отрицать, что здесь существует реальное возбуждение сознания, чувство того направления, в котором сейчас появится впечатление, хотя никакого положительного впечатления еще нет. Тем не менее, никакого названия для этого душевного состояния у нас нет, кроме слов *слушай, эй, смотри*.

Или предположим, что мы хотим вспомнить забытое имя. Тут наше сознание окажется в особом состоянии. В сознании появится пробел, но не один только чистый пробел. Пробел этот обладает напряженною активностью. В сознании возникает нечто вроде призрака имени, манящего нас в известном направлении; мгновениями нас пронизывает чувство близости к отыскиваемому имени, а затем мы отступаем назад, не подыскав того, что искали. Если нам подсказывают неверные имена, то этот чрезвычайно определенный пробел непосредственно действует так, что мы отвергаем неверные имена: они не способны войти в его форму. И пробел одного забытого имени чувствуется совершенно иначе, чем пробел другого забытого имени, хотя при отсутствии в обоих случаях определенного содержания, казалось бы, оба пробела должны быть совершенно равнозначащими. Когда я тщетно пытаюсь припомнить имя Сполдинга, мое сознание напрягается совсем в ином направлении, чем когда я стараюсь вспомнить имя Боулза. Возникают бесчисленные сознавания того, что нужно, но любое из них, взятое в отдельности, не имеет названия. Однако каждое из этих сознаваний отличается от остальных. Это переживание недостатка отличается *toto caelo* [диаметрально (*лат.*). — *Ред.-сост.*] от недостатка переживания: напротив, оно само есть сильное переживание. Здесь может являться в сознании ритм забытого слова, но без звуков, которые включаются этим ритмом; или же возможно, что нас беспокойно дразнит что-нибудь вроде начальной гласной или согласной, с которой начинается забытое имя, но не выделяясь ярко и отчетливо. Каждый знает, какие танталовы муки[15] – производить размер белого стихотворения[16], когда забыт какой-нибудь стих: этот размер безостановочно отбивается в голове, усиливаясь заполниться забытыми словами.

---

[15] *Танталовы муки* — (иноск.) страдания вследствие неудовлетворенных желаний. Герой греческой мифологии Тантал за свои преступления против богов был наказан в подземном царстве вечными мучениями: стоя по горло в воде, он не может напиться, так как вода тотчас отступает от губ; с окружающих его деревьев свисают отягощенные плодами ветви, которые вздымаются вверх, как только Тантал протягивает к ним руку, и над его головой нависает скала, ежеминутно грозящая падением. — *Ред.-сост.*

[16] *Белое стихотворение* — метрически организованный стих без рифмы. — *Ред.-сост.*

В чем состоит тот мгновенный первоначальный проблеск понимания того, о чем кто-нибудь думает, которое обозначается вульгарным выражением «мы схватили это!» (*we «twig» it*). Несомненно, тут верно подмечено конкретное переживание сознания. Или, например, разве читатель никогда не задавался вопросом о том, какое душевное состояние переживается, когда возникает *намерение сказать какую-нибудь вещь*, но она еще не сказана? Это — намерение определенное, резко отличающееся от прочих намерений, и, следовательно, здесь переживается определенное состояние сознания, а между тем, много ли в состав его входит определенных чувственных образов, слов и предметов? Да почти никаких. Но обождите немножко: слова и предметы выплывут в сознании, а предварительное намерение, смутное гадание скроется в тени. По мере того, как на смену намерению выплывают слова, намерение производит им смотр, — соответствующие слова выбираются, а неподходящие отметаются в сторону. Весь этот процесс иначе не назовешь, как только намерением *сказать то-то и то-то*. Можно допустить, что по крайней мере добрая треть нашей психической жизни состоит из скоропреходящих, предварительных, усматриваемых в перспективе схем мысли, не ставшей еще членораздельной. Или как объяснить себе тот факт, что человек, принимаясь за чтение вслух произведения, им нечитанного, оказывается в состоянии придавать словам правильную интонацию, если не допустим, что с первых же слов смутно схватываются общие очертания фразы, и смысл каждого произносимого слова настолько сливается с сознанием, что самая интонация видоизменяется и диктуется сознанием, а голос придает словам надлежащую выразительность по мере того, как они выговариваются? Правда и то, что характер интонации в значительной степени определяется грамматическим построением фраз. Прочитывая *не более*, мы уже поджидаем появления *чем*; читая *хотя*, мы предвидим *но* или *однако*, или *тем не менее*. Это предчувствие развертывающейся грамматической схемы на практике столь безошибочно, что чтец, даже не способный взять в толк и четырех мыслей в книге, читаемой вслух, тем не менее станет читать с осмысленной выразительностью, соблюдая все надлежащие оттенки.

Как читатель увидит, мне главным образом важно обратить его внимание на тот факт, что смутным и нерасчлененным явлениям сознания надлежит в умственной жизни отводить подобающее значение. Ф. Гальтон[17] и профессор Гексли[18] <...> сделали значительный шаг вперед, подорвав странную теорию Юма[19] и Беркли[20], будто бы мы можем иметь только образы совершенно оп-

---

[17] Гальтон (*Galton*) Франсис (1822—1911) — английский психолог и антрополог, основатель дифференциальной (индивидуальных различий) психологии. — *Ред.-сост.*

[18] Гексли (Хаксли) (*Huxley*) Томас Генри (1825—1895) — английский биолог, соратник Ч. Дарвина и пропагандист его учения. — *Ред.-сост.*

[19] Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

[20] Беркли (*Berkeley*) Джордж (1685—1753) — английский философ. — *Ред.-сост.*

ределенных предметов. Другая такая же цель будет мною достигнута, если я опровергну столь же странное понятие, будто наше познание обнаруживает в «состояниях сознания» простые объективные свойства и качества вещей, а не их отношения. Но эти поправки все еще недостаточно фундаментальны и радикальны. Необходимо признать, что «определенные образы» старой психологии составляют ничтожную часть нашей душевной жизни, как она на самом деле слагается. Рассуждения психологии доброго старого времени можно уподобить тому, как если бы кто-нибудь стал доказывать, что река состоит исключительно из стаканов, кварт[21], ведер, бочек и иных мер емкости. Если бы все эти ведра и бочки и были погружены в реку, тем не менее в промежутках между ними текучая вода преспокойно катилась бы по-прежнему. С такою же решительностью психологи проглядели и текучую воду сознания, а ведь любой определенный образ омывается и окрашивается текучею водою сознания, окружающею все такие образы. Вместе с образом возникает сознание его отношений к прочему близкому и дальнему, замирающее эхо, знаменующее его первоначальное происхождение, и смутное осознание того, куда данный образ нас ведет. Все значение и истинная ценность образа заключается именно в этом ореоле или смутном сиянии, окружающем или сопровождающем данный образ, или еще вернее: образ и окружающий полусвет сливаются воедино, и одно становится плотью от плоти и костью от кости другого. Правда, этот образ представляет тот же *предмет*, что и прежде, но сам *образ* воспринимается и понимается по новому (*newly taken and freshly understood*).

Осознание этого ореола отношений, окружающих образ, мы и обозначим термином «психический обертон»[22] или «психический ореол».

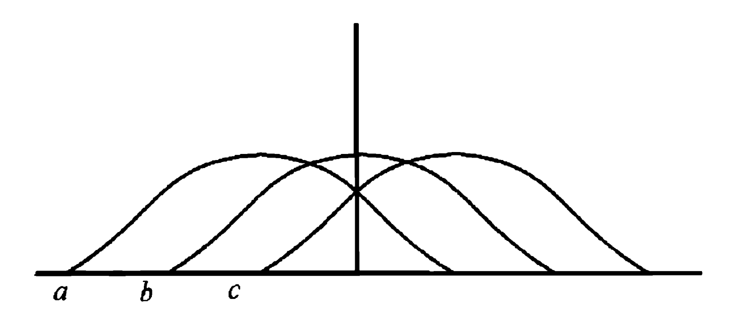
Мозговые условия «психического ореола». Ничего не может быть легче, чем символизировать эти факты с помощью терминов функционирования головного мозга. Подобно тому, как эхо несет в себе указание на то, *откуда* идет звук, — чувство исходного пункта нашей мысли, вероятно, следует приписать замирающему возбуждению тех процессов, которые ярко возникли на мгновение; точно так же чувство того, куда направляется сознание, то есть предвосхищение того, чем завершится умственный процесс, следует приписать растущему возбуждению тех путей или токов в мозгу, соответствующее проявление которых в сознании (их психический коррелят) через мгновение станет яркой чертой, присутствующей в нашей мысли.

Графически этот нервный процесс, образующий основу сознания, можно изобразить следующим образом.

---

[21] *Кварта* — единица объема жидкостей и сыпучих веществ; в США одна кварта жидкости соответствует 0,946 л. — *Ред.-сост.*

[22] Обертонами <...> Гельмгольц назвал те звуки (тоны), которые сопровождают основной тон, например, при звучании струны, когда одновременно колеблется вся она, ее половины, ее треть, ее четверть, а также и при звучании многих других предметов. — *Ред. источника.*

Пусть горизонтальная линия обозначает линию времени, а кривые линии, выходящие из *a, b* и *c,* — представляют нервные процессы, которые соответствуют (образуют корреляты) мыслям, представленным буквами *a, b* и *c*. Каждый из этих процессов протекает в известное время, и интенсивность его сначала растет, достигает кульминационной точки, а затем идет на убыль. В то время как процесс для *a* еще не завершился, процесс для *c* только начался, а процесс для *b* уже достиг кульминационной точки. В момент времени, графически представленный вертикальной линией, существуют все три процесса, с теми интенсивностями, которые обозначены кривыми: интенсивность процесса *c* все более возрастает, интенсивность процесса *a* падает, а интенсивность процесса *b* занимает положение среднее между ними. Если я стану повторять: *a, b, c*, то в то мгновение, когда я выговорю *b,* из моего сознания полностью не исчезнут ни *a,* ни *c*, но оба на особый лад примешают свой неясный свет к более резко выступающему *b*, по той причине, что их процессы тоже действуют, хотя и в различной степени. То же наблюдается в музыкальной области с обертонами; слух не различает их в отдельности; они сплетаются с основною нотою, сливаются с нею, видоизменяют ее. Вот таким же образом возрастающие и убывающие нервные процессы, смешиваясь с процессом, достигающим кульминационной точки, смешиваются с ним и видоизменяют его психический эффект.

«Тема» мышления. Рассматривая *познавательную функцию* состояний сознания, мы без труда убеждаемся в том, что разница между простым «знакомством» с предметом и отчетливым «знанием» о нем сводится главным образом к отсутствию или присутствию психических обертонов или психического ореола. Знание *о* предмете предполагает осведомленность об отношениях его ко всему прочему. Знакомство же с предметом сводится лишь к тому чистому впечатлению, которое он производит. А между тем большая часть отношений между определенным предметом и всеми прочими нам дается только зарождающимся, полусветлым ореолом, или «психическими обертонами», которые образуются нерасчлененными смутными впечатлениями, тяготеющими к данному предмету. <...>

[4.] Последняя особенность, на которой следует остановить внимание в этом грубом предварительном наброске потока мысли, заключается в следующем. ***Сознание всегда заинтересовывается одною стороною своего объекта пре-***

имущественно перед остальными и в течение всего мыслительного процесса одобряет, отвергает и выбирает. Наглядным доказательством этой деятельности выбора могут служить явления избирательного (*selective*) внимания и обсуждающей (*deliberative*) воли. Но только немногие из нас понимают, сколь непрерывна эта деятельность в операциях, обыкновенно не обозначаемых этими названиями. Выделение и ударение присущи любому из наших восприятий. Для нас абсолютно невозможно беспристрастно распределить свое внимание на ряд впечатлений. Монотонная последовательность ударов звука разбивается на ритм, который принимает то одни, то другие формы в зависимости от различных ударений, которые падают на разные удары.

Наипростейший из ритмов — двучленный, который можно воспроизвести следующим образом: тик-так, тик-так, тик-так. Переходя к области не звуковой, а, например, к зрительной, мы замечаем, что точки, разбросанные на поверхности, воспринимаются нами в рядах и группах. Точно так же разрозненные линии объединяются нами в определенные фигуры. Вездесущность таких различений на *это* и *то*, *здесь* и *там*, *теперь* и *тогда*, является результатом того факта, что мы применяем то же избирательное ударение на части пространства и времени.

Мы, впрочем, не ограничиваемся тем, что одни вещи подчеркиваем, другие объединяем, а третьи отстраняем. Мы в действительности *игнорируем* большую часть предметов, находящихся перед нами. Я попытаюсь вкратце показать, как это происходит.

Начнем снизу. Как мы показали ранее, наши органы чувств как таковые также являются органами отбора. Из бесконечного хаоса движений, о которых физика говорит нам, как о составляющих весь внешний мир, каждый из наших органов чувств отбирает такие движения, которые не выходят за определенные пределы скоростей[23]. Известный орган чувств откликается только на определенные движения, игнорируя все остальные, словно они и не существуют вовсе. Из того, что само по себе является неразличимым, нерасчленимой *непрерывностью* (*continuum*), лишенным различий или подчеркиваний, наши органы чувств, обращая внимание на одно движение и игнорируя другое, создают для нас мир, полный контрастов, резких ударений, перемежающихся моментов света и тени.

Таким образом, если ощущения, получаемые нами от данного органа чувств, обусловливаются причинами, коренящимися в строении концевой части этого органа, то с другой стороны из совокупности этих ощущений, уже отобранных самими органами чувств, наше внимание заимствует лишь наиболее его интересующие, а все прочие подавляет. Ведь мы замечаем только те ощущения, которые являются для нас знаками предметов, интересующих нас

[23] Так, ухо воспринимает только колебания воздуха, не превышающие нескольких десятков тысяч волн в секунду; глаз воспринимает только колебания от 400 до 600 биллионов в секунду (красный и фиолетовый лучи) и т.д. — *Ред. источника.*

в практическом либо эстетическом отношении; таким предметам мы даем существительные имена и возводим их в исключительную степень независимости и достоинства. Но взятый сам по себе, независимо от наших личных интересов, пожалуй, любой отдельный вихрь в ветреный день есть столь же индивидуальный *предмет*, и заслуживает в той же мере индивидуального наименования, как и мое собственное тело.

Но что же происходит далее со всеми теми ощущениями, какие нам доставляет каждый предмет в отдельности? Тут наша психика вновь производит отбор. Известные ощущения отбираются как нечто наиболее *правдиво* представляющее данный предмет, а остальные ощущения, полученные от него, считаются кажущимися видимостями, меняющимися согласно условиям данного момента. Так, крышка моего стола считается квадратной по одному из бесконечного множества впечатлений, вызываемых ею в глазной сетчатке, и хотя в данное мгновение действительный след от нее на той же сетчатке имеет два острых и два тупых угла, — я называю этот последний отпечаток на ретине *перспективным* видом столешницы, а четыре прямых угла — называю *истинной* формой стола и включаю свойство прямоугольности в сущность стола только по своим собственным чувственным основаниям.

Подобным же образом реальной формой круга мы считаем ту, которую получаем, когда линия зрения перпендикулярна к нему и проходит через его центр; все же остальные ощущения от круга суть лишь *знаки* этого ощущения. Истинным звуком пушечного выстрела мы считаем то ощущение, когда ухо от него глохнет. За истинный цвет кирпича принимается ощущение, воспринимаемое глазом, когда он видит кирпич под прямым углом на недалеком расстоянии, не на солнце, но, однако, и не в сумраке; при иных условиях получаются другие цветовые впечатления, являющиеся лишь знаками кирпича, т.е. кирпич кажется нам тогда либо более розоватым, либо более голубоватым, чем в действительности. Читатель не знает ни одного предмета, который бы он себе не представлял преимущественно либо в каком-нибудь типичном положении, либо в определенном обычном размере, либо на известном характерном расстоянии, либо в известной окраске и т.д. Но все эти существенные отличительные свойства, которые в общей совокупности придают, как нам кажется, естественную объективность предмету и противопоставляются тому, что называют субъективными ощущениями, которые могут быть у нас в данный момент, суть такие же и только такие же ощущения, как и эти последние, называемые субъективными. Наша психика следует своему собственному пути, когда решает, какие именно ощущения признать за более реальные и существенные, чем остальные.

Итак, в этом мире предметов, индивидуализированных с помощью избирающей деятельности нашей психики, то, что мы называем нашим опытом, почти исключительно определяется привычками нашего внимания. Какой-нибудь предмет может сотни раз проходить мимо моих глаз, но если я постоянно не замечаю его, то нельзя сказать, что он входит в мой опыт. Мы все ви-

дим мушек, моль и жучков тысячами, но кому, кроме энтомолога, говорят они что-либо о взаимных различиях. С другой стороны, предмет, увиденный за всю жизнь единственный раз, может оставить неизгладимый опыт в памяти. Или, допустим, четыре человека объедут всю Европу: один привезет домой исключительно живописные впечатления — воспоминания о костюмах и цветах, парках и видах, произведениях архитектуры, живописи и ваяния; для другого ничего такого как бы и не существует, но расстояния и цены, движение народонаселения, устройство орошения, затворы на оконных рамах и дверях или полезные статистические цифры займут место первых; третий будет в состоянии дать богатый отчет о посещении театров, ресторанов, публичных гуляний, не заметив ничего другого; наконец, четвертый в течение всего путешествия настолько будет погружен в свои собственные субъективные размышления, что кроме нескольких названий городов, через которые проезжал, не в состоянии будет ничего рассказать. Из одной и той же массы предметов, прошедших перед глазами всех четверых, каждый выбирал то, что возбуждало его особый интерес, и из этого слагал свой опыт.

Дж.Р. Эйнджелл

Область функциональной психологии*

В настоящее время функциональная психология представляет собой нечто большее, чем точка зрения, программа, предмет желаний. Она утверждает свою жизнеспособность, в первую очередь и главным образом, протестуя против исключительного превосходства другого отправного пункта изучения психики[1], и во всяком случае в данный момент обладает той особенной энергией, которая обычно свойственна протестантизму[2] любого типа на ранней стадии его развития до тех пор, пока он не станет уважаемым и общепринятым. По-видимому, наступила пора, чтобы попытаться охарактеризовать область функциональной психологии несколько точнее, чем это предлагалось до настоящего времени. Мы стремимся не к сухому и лишь словесному определению, за которое многих из нас так часто осуждают, а скорее к осознанной оценке тех мотивов и идеалов, которые вдохновляют психолога, идущего по этому пути. В глазах психологической общественности его положение выглядит крайне шатким. Представления о его целях, преобладающие в нефункционалистских кругах, располагаются в диапазоне от категорического, высокомерно превратного толкования, откровенной мистификации и подозрительности, до недостаточного понимания. И этот факт не является следствием чего-то скрываемого и недоступного для непосвященных в намерения функционалиста. Так происходит отчасти потому, что, во-первых, плохо определены его собственные планы и, во-вторых, ему не удается ясно и четко объяснить, что же он собирается

---

* *Angell J.R.* The province of functional psychology // Psychological Review. 1906. Vol. 14. № 1. P. 61—91. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] *... другого отправного пункта изучения психики.* Здесь автор имеет в виду структурализм, основоположником и лидером которого в США стал Э. Титченер, ученик В. Вундта, эмигрировавший в 1892 г. из Европы. — *Ред.-сост.*

[2] *Протестантизм* — одно из трех (наряду с католицизмом и православием) главных направлений христианства, состоящее из множества различных церквей и сект. — *Ред.-сост.*

делать. Кроме того, функционалистов довольно много и нет уверенности, что его мнения по всем основным пунктам совпадут с мнениями коллег. Подобной личной ограниченностью неизбежно страдают и соображения, приводимые здесь. Никакой психологический совет Трента[3] пока еще не провозгласил решения относительно истинной веры. Однако, несмотря на возможную неудачу, по-видимому, все-таки стоит потратить усилия и время на рискованную попытку описания сферы действия принципов функционализма. Я официально отказываюсь от цели построения каких-то новых планов и обязуюсь заниматься только беспристрастным и кратким изложением действительного положения дел.

Функциональная психология, какой бы она ни была, вовсе не является чем-то совершенно новым. В некоторых своих аспектах она отчетливо обнаруживается уже в психологии Аристотеля[4], а в более современном одеянии постепенно начинает проявляться с тех пор, как Спенсер[5] написал свою «Психологию», а Дарвин[6] — «Происхождение видов». На самом деле, любая серьезная попытка понимания психической жизни неизбежно включает в себя ключевые вопросы функциональной психологии. Особенность ее состояния в настоящем заключается лишь в более высокой, чем раньше, степени самосознания и в более выраженном и настойчивом стремлении к организации своих смутных намерений в виде реальных методов и принципов.

Обзор современной психологической литературы показывает, как вкратце уже было сказано, что задача функциональной психологии понимается поразному. К тому же, по-видимому, можно придерживаться одного или нескольких различных пониманий, скрывая при этом свое неприятие других. Я выделяю три основных вида этой функциональной проблемы [т.е. проблемы понимания задачи функциональной психологии. — *Ред.-сост.*] с различными, второстепенными их вариантами. С целью прояснения общей ситуации будет полезно вкратце на них остановиться, после чего я буду доказывать, что они, по существу, являются разновидностями одной и той же проблемы.

---

[3] *... совет Трента.* В г. Тренте (Италия) в середине XVI-го столетия заседал XIX Вселенский Собор — собрание высшего духовенства католической церкви, на котором, среди прочего, были перечислены и преданы анафеме (проклятию) основные положения протестантизма. — *Ред.-сост.*

[4] *Аристотель* (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[5] Спенсер (*Spencer*) Герберт (1820—1903), английский философ и социолог. «Основания психологии» — часть его обширного сочинения «Система синтетической философии», опубликованного в десяти томах в 1862—1896 гг. — *Ред.-сост.*

[6] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. Главный труд Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» вышел в свет в 1859 г. — *Ред.-сост.*

I

Во-первых, следует упомянуть понимание, вытекающее самым непосредственным образом из противопоставления функциональной психологии идеалам и целям так называемой структурной психологии. Оно предполагает отождествление функциональной психологии с попыткой выделения и описания типичных *операций* сознания в условиях реальной жизни, в противоположность попытке анализа и описания его элементарных и сложных *содержаний*. Например, в случае ощущений, структурная психология стремится определить число и характер различных не поддающихся дальнейшему анализу сенсорных данных (*unanalyzable sensory materials*): множества цветов, звуков, вкусов и т.д. Тогда как функциональная психология ощущения видит соответствующую ей сферу интересов в определении характера различных сенсорных деятельностей как отличающихся по своему *modus operandi* [способ действия (лат.). — *Ред.-сост.*] одна от другой и от иных психических процессов, таких как суждение, понимание, хотение и т.п. <...>

Более радикальные и откровенные концепции структурной психологии выросли на почве неподобающей терпимости к тому, что мы можем назвать доктриной «состояний сознания». Я считаю, что на самом деле она является современной версией «идей» Локка. Если в качестве материала психологического анализа вы берете изолированный «момент сознания», то легко и до такой степени погружаетесь в определение его строения, что возникает состояние забвения его искусственного характера. Самое важное возражение, которое в бескомпромиссной и последовательной форме функционалист выдвигает против структурализма, вытекает из этого обстоятельства. Функционалист говорит о возможности и ценности попыток улавливания психического процесса тогда, когда он *происходит* в условиях реального опыта, а не *представляется* только для того, чтобы его посмертно проанализировали. Конечно верно, что в целях самонаблюдения мы скорее всего и в каком-то смысле работаем с замещающими представителями тех особых психических процессов, которые собирались наблюдать. Но все равно есть большая разница в том, когда исследователь направляет внимание, главным образом, на раскрытие способа функционирования такого психического процесса и тех условий, при которых он появляется, и когда он занимается буквально «раздиранием» его на мелкие части. Последнее занятие полезно и для определенных целей необходимо, но зачастую оно резко прерывает то, что в качестве жизненного феномена является самым существенным, т.е. *modus operandi* данного феномена. <...>

Факт хрупкости и скоротечности психических содержаний существенным образом отличает их от сравнительно постоянных элементов анатомии. Сколько бы мы ни рассуждали о психических расположениях (*mental dispositions*), какое бы множество метафор мы ни приводили, чтобы описать хранение идей в неком гипотетическом складском помещении, все равно останется тот упря-

мый факт, что когда мы не переживаем какое-то ощущение или идею, то они, строго говоря, не существуют. Более того, когда мы ухитряемся при помощи той или иной процедуры обеспечить нечто, обозначаемое нами как то же самое ощущение или та же самая идея, у нас нет никакой гарантии, что это второе издание действительно является точной копией первого, зато мы располагаем большим количеством вероятных свидетельств, говорящих о том, что по своему содержанию оригинал никогда не был и никогда не может быть воспроизведен буквально.

Функции же сохраняются как в психической, так и в физической жизни. У нас никогда не может быть дважды одной и той же идеи, в точности одинаковой по своей чувственной структуре и составу. Но по-видимому нам ничто не помешает столько раз, сколько мы захотим, иметь содержания сознания, которые *означают* одну и ту же вещь. Они функционируют одним и тем же практическим образом, как бы ни различалось изменчивое строение их ткани. В первом приближении данная ситуация аналогична положению дел в биологии, где к выполнению тождественных функций могут, при различных условиях, быть призваны во многом разные структуры; и эта аналогия естественно распространяется на исходный пункт [эволюции. — *Ред.-сост.*] — случай протоплазмы, функции которой дифференцированы, по-видимому, весьма приблизительным и несовершенным образом. К тому же, устойчивыми являются не только общие функции типа памяти в целом. Специальные функции, такие как память на отдельные события, также оказываются устойчивыми и в значительной степени не зависимыми от специфических содержаний сознания, время от времени призываемых для обслуживания этих функций. <...>

С этим первым пониманием функциональной психологии по существу совпадает, но выражает себя несколько иным образом, точка зрения, которая рассматривает функциональную проблему как посвященную раскрытию того, как и почему сознательные процессы являются тем, чем они являются. При этом предполагается, что структуралист занят размышлением над проблемой определения не поддающихся дальнейшему анализу элементов сознания и типичных видов их соединения. В другом месте, отстаивая эту точку зрения, я уже говорил, что независимо от того, как обстоит дело в других науках, занимающихся жизненными феноменами, по крайней мере в психологии ответ на вопрос «что» подразумевает ответы на вопросы «как» и «почему».

Основание, на которое опирается эта позиция, вкратце формулируется следующим образом. Постольку, поскольку вы пытаетесь анализировать любое конкретное состояние сознания, вы обнаруживаете, что психические элементы, представленные вашему вниманию, зависят от конкретных настоятельных требований (*exigencies*) и условий, которые их вызывают. От текущего состояния, настроения и целей субъекта не только зависит эмоциональная окраска данного психического момента, но и качественная ткань самого ощущения определяется всей совокупностью субъективных и объективных обстоятельств,

внутри которой оно возникают. Вам не удастся получить, например, неизменное и определенное цветовое ощущение без удержания абсолютно постоянными внешних и внутренних условий его появления. Короче говоря, конкретное сенсорное качество определяется функционально необходимостями существующей ситуации, в которой оно соответственно возникает (*which it emerges to meet*). Итак, при достаточно глубоком изучении того, какое конкретное ощущение у вас есть в данном случае, вы всегда столкнетесь с необходимостью учета способа его переживания и причин, почему оно переживается вообще. Разумеется, вы можете, если захотите, отвлечься от этих соображений, но постольку, поскольку вы это сделаете, ваш анализ и описание будут явно пристрастными и неполными (*manifestly partial and incomplete*). Более того, в этом случае, когда вы попытаетесь описать определенные, поддающиеся изоляции сенсорные качества, ваши описания будут неминуемо сформулированы не в терминах самого переживаемого качества, а в терминах производящих его условий, в терминах какого-то другого качества, с которым оно сравнивается, или в терминах какого-то более явного действия, к которому приводит стимуляция данного органа чувств. Можно сказать, что само описание как таковое бывает и должно быть только функционалистским. Истинность этого утверждения может быть проиллюстрирована и проверена в любой ситуации, в которой исследователь пытается разложить сенсорные комплексы, например цвета или звуки, на элементарные составляющие.

II

В следующем понимании задачи функциональной психологии мы встречаемся с более широким взглядом и с одной более распространенной особенностью авторов. Это понимание – отчасти отражение господствующего интереса к основным положениям биологии и, в особенности, к гипотезам эволюции, в рамки величественного охвата которых в настоящее время включена история всей звездной вселенной, а отчасти отголосок одного и того же философского призыва к новой жизни, который слышится как прагматизм, как гуманизм и даже как сам функционализм. Я не хотел бы провоцировать нападки какой-либо партии, утверждая, что функциональная психология и прагматизм, в конечном счете, едины. На самом деле мне как психологу следовало бы усомниться в этом, навлекая на себя лавину метафизических обличительных выпадов, обрушиваемых авторами-прагматистами. Конечно, прагматизм сразил тысячи своих противников, но мне следовало бы питать скептицизм относительно того, сразит ли функциональная психология десятки тысяч своих противников, провозгласив наступательный и оборонительный союз с прагматизмом. В любом случае я утверждаю только то, что оба движения вытекают из сходной разумной мотивации, а также живут и распространяются, опираясь на сходные силы.

Итак, психолога-функционалиста, в его современном одеянии, интересуют не только операции психического процесса, рассматриваемые исключительно сами по себе и для себя, но также и в большей степени психическая деятельность как часть более широкого потока биологических сил, действие которых ежедневно и ежечасно разворачивается перед нашим взором, и которые формируют (*are constitutive*) самую важную и увлекательную часть нашего мира. Такой психолог обычно равняется на главную идею эволюционного движения, а именно: по большей части, органические структуры и функции обладают своими настоящими характеристиками благодаря той эффективности, с которой они приспосабливают организм к существующим условиям жизни, широко называемым окружающей средой. Имея в виду эту идею, он приступает к попытке хотя бы какого-то понимания того способа, каким психическое содействует прогрессивному движению к конечному результату органических деятельностей [т.е. к выживанию организма. — *Ред.-сост.*], рассматривая психику не только во всей ее полноте, но и главным образом в ее специфических разновидностях — психику как суждение, психику как чувствования и т.д.

Встав на эту точку зрения, психолог сразу же оказывается плечом к плечу с общим биологом. Исходная предпосылка любой философии, за исключением прямолинейного онтологического материализма[7], заключается в том, что у животных, обладающих психикой, таковая играет главную роль во всех приспосабливаниях к окружающей среде. Но обычно это убеждение имело статус никого не задевающего трюизма[8] или, в лучшем случае, бесплодного постулата, а не проблемы, требующей или допускающей научное исследование. Во всяком случае, раньше оно было истиной, не требующей доказательства.

Однако это старое и самодовольное отношение к данному вопросу стремительно вытесняется убеждением в необходимости выяснения приспособительных услуг (*accommodatory ervice*), предоставляемых различными многочисленными формами выражения сознания[9]. Если такая попытка будет успешной, произойдет не только расширение оснований для высокой биологической оценки внутренней природы процесса приспособления, но и резкое повы-

---

[7] *...прямолинейного онтологического материализма* — здесь автор, по-видимому, имеет в виду т. н. вульгарный материализм, для которого сознание и психика вообще выступают лишь как эпифеномен (побочное явление работы физиологических механизмов, не оказывающее на них никакого влияния). — *Ред.-сост.*

[8] *Трюизм* — общеизвестная, избитая истина. — *Ред.-сост.*

[9] Термин «выражение сознания» (*conscious expression*) в классической психологии сознания, в частности в психологии Вундта, первоначально означал любые внешне наблюдаемые формы проявления процессов сознания, происходящие в соответствии с постулатом психофизиологического параллелизма. Здесь же он используется в смысле поведения, контролируемого и управляемого процессами сознания в соответствии с принципом психофизиологического взаимодействия. — *Ред.-сост.*

шение заинтересованности психологов в точном изображении жизни сознания. Разумеется, с нашей точки зрения, именно это последнее соображение придает особое значение данному вопросу. Кроме того, можно ожидать, что в случае даже умеренного успеха данной попытки будет получено множество ценных практических следствий. И педагогика и умственная гигиена[10] ждут стимулирующих и направляющих рекомендаций, которые может дать только такая психология. Для их целей строго структурная психология оказывается бесплодной как в теории, так и, по мнению учителей и психиатров, на практике.

В качестве конкретного примера переноса акцента с более общих аспектов сознания как приспосабливающей деятельности на специфические особенности в частном случае, можно упомянуть оживление интереса к якобы биологической области, которую мы называем психологией животных. Это движение, безусловно, одно из самых изобретательных среди исследователей нашего поколения. Его проблемы никак нельзя отнести к разряду только теоретических и умозрительных, хотя подобно любому научному исследованию оно обладает интеллектуальным и методологическим фоном, на котором эти проблемы выглядят довольно крупными. Однако осваиваемая территория, на которую оно продвигает свои исследования, представляет собой область определенной, конкретной действительности, запутанной, смешанной и нередко труднодоступной, но тем не менее область реальную и, подобно любым другим фактам, доступную настойчивому и разумному обследованию.

На существо дела никоим образом не влияет то, что большинство наиболее плодотворных исследований в этой области проведено людьми, которые по своему образованию считаются биологами. Сходная ситуация наблюдается и в экспериментальной психологии ощущения, где множество прекрасных работ выполнено учеными, которые первоначально психологами не были.

Не будет преувеличением сказать, что на основании исследований в сравнительной психологии эмпирические концепции сознания низших животных подверглись полной перестройке. Были проведены блестящие исследования механизмов инстинкта, фактов и способов ориентировки, ограничений и специфики отдельных сенсорных процессов, возможностей обучения и диапазона способностей к избирательной приспособляемости в мире животных. Эти и множество других проблем впервые подверглись строгому научному рассмотрению — повсюду, где это было возможно, экспериментальному, а в остальных случаях с помощью наблюдения, но наблюдения в духе умеренного

---

[10] *Умственная гигиена* (mental hygiene) — термин, к настоящему времени вышедший из употребления, обозначающий искусство достижения и поддержания психического здоровья, предотвращения психических заболеваний. Движение «умственной гигиены» предполагало создание специальных общеобразовательных программ и служб профилактики психических расстройств, их ранней диагностики и оказания первой помощи, а также разработку и использование комплекса мер, направленных на укрепление эмоциональной сферы и семейной жизни человека. — *Ред.-сост.*

нон-антропоморфизма[11], тогда как прежние наблюдения почти никогда таковыми не были. В большинстве случаев им, конечно, придется показать дорогу к дальнейшему и более точному знанию, однако едва ли можно усомниться в том, что оставшийся путь по намеченному ими маршруту они успешно пройдут до конца сами.

Почти с такой же надеждой можно говорить о генетической психологии человека[12], которой с такой практической пользой занимаются в нашей стране. В этой области, как это часто бывает в психологии, соответствующие методы, обеспечивающие действительно твердые научные результаты, пока далеки от совершенства. Однако результаты, полученные с помощью генетических методов, разработанных к настоящему времени, уже подтолкнули к развитию и расширили нашу общепсихологическую теорию. Эти исследования постоянно подчеркивают необходимость скорее продольного (лонгитюдного), чем поперечного взгляда на явления жизни. <...>

III

Третье различаемое мной понимание на практике нередко сливается со вторым, но заслуживает отдельного упоминания, так как подразумевает акцент на проблеме, которая логически, пожалуй, предшествует проблеме, поднимаемой при втором понимании. Часто утверждают, что функциональная психология — это на самом деле некая разновидность психофизики. Конечно, [в функциональной психологии. — *Ред.-сост.*] цели и идеалы [психофизики. — *Ред.-сост.*] явно не формулируются в количественной форме. Тем не менее, свой главный интерес функциональная психология видит в определении взаимоотношений психической и физической сторон организма.

Несомненно верно, что большинство авторов, тяготеющих к функционализму, обычно приводят множество ссылок на физиологические процессы, которые сопровождают или обусловливают психическую жизнь. Более того, некоторые приверженцы этой веры готовы тотчас признать психологию непосредственной отраслью биологии и поэтому считают, что мы если не обязаны, то по меньшей мере уполномочены где только возможно использовать материалы биологии. <....>

Независимо от отношения, одобрительного или нет, к взглядам этого крыла партии функционалистов, на которое мы только что обратили внимание,

---

[11] *... в духе охранительного нон-антропоморфизма* (in the spirit of conservative nonantropomorphism). *Антропоморфизм* — наделение объектов живой и неживой природы человеческими свойствами. Здесь автор имеет в виду исследовательскую позицию, направленную против приписывания животным таких свойств, а также против объяснения психики и поведения животных по аналогии с психикой и поведением человека. — *Ред.-сост.*

[12] *Генетическая психология человека* (human genetic psychology) — психология развития человека или область психологии, занимающаяся исследованием изменения психики и поведения человека на протяжении всей его жизни. — *Ред.-сост.*

было бы несправедливо упрекать всех функционалистов за психофизиологическое препятствие (*mind-body difficulty*), в котором они, по логике вещей, виноваты не более других психологов. Любая психология воли отважно вступает в открытое столкновение с психофизиологической проблемой (*mind-body problem*), и фактически каждое существенное описание психической жизни содержит то или иное учение по данному вопросу. Стерильно чистая психология воли была бы чем-то вроде висячих садов Вавилона[13], удивительных, но недоступных земным психологам. Функционалист более грешен, чем другие, только потому, что считает необходимым и полезным чаще настаивать на переводе психического процесса в физиологический и наоборот.

IV

<...> Без указания на способ, которым психические процессы находят свое завершение в явлениях движения психологического организма, бессодержательно схематичным оказывается любое описание действительных обстоятельств, связанных (*attending*) с участием психики в его приспособительных деятельностях. Я считаю, что внешне наблюдаемый акт приспосабливания это всегда и в конце концов мускульное движение. Но, признав, что это именно так, при описании процессов приспосабливания придется отдать должное психофизиологическим отношениям и каким-то образом подчеркнуть их практическое значение. Только в этом отношении <...> функционалист слегка в практике и чуть больше в теории отличается от рядового состава своих коллег.

[13] *Висячие сады Вавилона* — одно из семи чудес света: построенные в VI в. до н.э. на искусственных террасах сады дворца царя Навуходоносора. — *Ред.-сост.*

К.И. Грау

Виды и градации сознания*

Когда сознание новорожденного мы представляем как состояние сна, время от времени прерываемое беспорядочными эмоционально окрашенными ощущениями, на помощь нам приходит тот факт, что нередко и мы, по ходу развитой душевной жизни, переживаем подобные состояния мало дифференцированного смутного сознания. Начиная с максимально возможной ясности дневного или бодрствующего сознания, существует бесконечное множество градаций его ясности вплоть до самых спутанных и смутных, в которых присутствует только смешанное общее впечатление без чего-либо внутри него различаемого и доступного различению. Характеристика степени ясности и, соответственно, неясности [смутности. — *Ред.-сост.*] сознания не является новой задачей психологии. Напротив, она играла большую роль уже в философии начиная с Декарта[1] и кончая Лейбницем[2] и Вольфом[3]. В частности, на ней основана вся психология Лейбница.

От бодрствующего сознания повседневной жизни, которое обычно имеет довольно высокую степень ясности своих содержаний, мы отличаем большую группу состояний, которую в целом можно обозначить как «сумеречное сознание». При нормальной душевной жизни сумеречное состояние сознания дает о себе знать обыкновенно и чаще всего в моменты перед засыпанием и полным пробуждением. В сфере патологии подобные явления возникают при обмороке и наркозе, в состояниях алкогольного, никотинового или опиумного опьянения и т.д. Тому, кто когда-либо путем ретроспективного рассмотрения изу-

---

* *Grau K.J.* Bewusstsein. Unbewusstes. Unterbewusstes. Munchen: Rosl & Cie, 1922. S. 148—180. (*Перевод Е.Д. Гиндиной, А.В. Разумовой.*)

[1] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[2] Лейбниц (*Leibniz*) Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, математик и физик. — *Ред.-сост.*

[3] Вольф (*Wolff*) Христиан (1679—1754) — немецкий философ и просветитель, последователь Г.В. Лейбница, профессор в университетах Галле и Марбурга (среди его учеников был и М.В. Ломоносов). — *Ред.-сост.*

чал такие состояния сознания, известно, сколь сильно понижена в них восприимчивость к внешним раздражителям и в то же время ослаблена интенсивность функции внимания, и вообще как тяжело поэтому, окунувшись в сумерки сознания, удерживать то или иное определенное впечатление и как смешиваются и спутываются иногда в поразительной степени внешние впечатления с репродуцированными содержаниями сознания[4]. Уже отсюда вытекает, что позже нам потребуется более точное определение тесных связей, существующих между функцией внимания и степенями ясности сознания.

Часто сумеречное состояние сознания перед засыпанием непосредственно переходит в *сновидящее* состояние сознания (Traum*bewusstsein*). Следовательно, между бодрствующим, сумеречным и сновидящим состояниями сознания провести жесткие границы невозможно. Напротив, между ними существуют многочисленные плавные переходы. По причине суеверных представлений психология сновидений довольно долгое время оставалась ущербной областью исследований до такой степени, что сны считались символами будущих событий. Сегодня уже нет сомнений в том, что сны являются не предвестниками будущего, а последствиями ранее пережитого или искаженными сном эффектами текущих раздражений. Характеристика сновидящего состояния сознания заключается в том, что в нем вспоминаемые, а также из них образованные фантастические представления принимаются, вследствие присущей им ясности сознания, за *реальные* факты непосредственно переживаемого, и как таковые иногда сопряжены с сильными эмоциями. Они нередко вводят в заблуждение[5] из-за того, что течение представлений и мыслей спящего по большей части является совершенно беспорядочным и скачкообразным и лишь изредка обнаруживает незначительные внутренние взаимосвязи, а по своему содержанию невозможно и даже нелепо. Стук в дверь становится пушечным выстрелом, а укус комара воспринимается как удар кинжала — вот примеры *иллюзорных* представлений, возникающих во сне на основе внешних раздражений. Как жажда нередко производит представление бесконечного питья, а голод — приема пищи, так и другие потребности и тайные желания, которые нас наполняют, и в которых днем мы едва ли отважимся себе признаться, вызывают представление их удовлетворения — в этом заключаются *визионерские* [призрачные, провидческие. — *Ред.-сост.*] представления, образованные во сне путем ассоциативной репродукции на основе потребностей, побуждений, желаний и вожделений. Довольно часто мы разговариваем во сне с давно умершими людьми и при этом полностью забываем о хорошо известном нам факте их смерти. Это доказывает, что здесь, как и при любых других переживаниях во сне, по мере надобности возбуждается только малая часть

---

[4] *... с репродуцированными содержаниями сознания* — т.е. с актуализированными содержаниями памяти — знаниями и воспоминаниями. — *Ред.-сост.*

[5] *... вводят в заблуждение* — т.е. воспринимаются как происходящие в действительности, как бы наяву. — *Ред.-сост.*

ассоциативно связанных следов памяти, в то время как другая [значительно большая часть. — *Ред.-сост.*] остается невозбужденной (состояние частичного бодрствования). Известно, что живые представления сновидений нередко производят, благодаря их сильному эмоциональному эффекту, даже моторные реакции: например, речевые движения и движения конечностей, а также, при случае, хождение во сне, когда могут совершаться определенные, чаще всего бессмысленные действия.

Гипноз, как и сон, представляет собой состояние частичного бодрствования, однако сновидение — состояние сознания естественное, а гипноз вызывается *искусственно*. Людей с живыми сновидениями и, кроме того, хорошо поддающихся посторонним влияниям, иногда удается перевести из состояния сна в гипнотическое состояние. Во сне говорящему задают определенные вопросы или отвечают на его вопросы. Таким образом между исследователем и спящим устанавливается некоторый «раппорт»[6]. Спящему дают определенные приказы, и он их выполняет, как если бы это было само собой разумеющимся. Следовательно, такое состояние сознания (полусон с полной зависимостью желаний и действий спящего от *чужой* воли) совпадает с гипнозом. Здесь невозможно описать психологию сновидящего и гипнотического сознания более детально. В качестве введения в эту область исследований можно сослаться на вторую главу и литературу соответствующих ссылок «Лекций по психологии» Освальда Кюльпе[7].

Как между бодрствующим, сновидящим, сумеречным и гипнотическим сознанием, так и между нормальным и болезненно расстроенным сознанием нельзя провести жесткие неподвижные границы, а можно лишь признать существование более или менее отчетливо выраженных ступеней. Изучение нормальной душевной жизни составляет задачу общей психологии, а исследование болезненно расстроенной душевной жизни выпадает на долю ее особой отрасли — *патопсихологии,* или психопатологии. Патопсихология как исследование болезненно расстроенного сознания является предпосылкой психиатрии как терапии помешательства. Здесь опять-таки мы, ограниченные недостатком места, не останавливаясь на соответствующих вопросах, только сошлемся на «Лекции по психопатологии» Густава Штёрринга[8].

Итак, опираясь на данные, мы провели обзор видов сознания, различив переживаемое и раскрываемое, неразвитое и развитое, бодрствующее, сумеречное, сновидящее и гипнотическое, нормальное и болезненно расстроенное со-

---

[6] *Раппорт* — здесь: связь между гипнотизером и испытуемым, при которой последний чувствителен к внушениям первого, но игнорирует все другие источники стимуляции. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Külpe O.* Vorlesungen über Psychologie. Leipzig: Hrsg. von Karl Bühler, 1920. [Кюльпе (*Külpe*) Освальд (1862—1915) — немецкий психолог, лидер вюрцбургской школы психологии мышления. — *Ред.-сост.*]

[8] См.: *Störring G.* Vorlesungen über Psychopathologie. Leipzig, 1900. [Штёрринг (*Störring*) Густав (1860—1946) — немецкий психолог и психопатолог. — *Ред.-сост.*]

знание. Иначе, чем установленные нами виды сознания, выступают вышеупомянутые градации его ясности. Не все, осознаваемое нами, достигает ясного сознания. Напротив, наряду со слоем ясного и отчетливого сознания мы находим второй, как правило более обширный слой менее ясно осознанных содержаний. Для различения этих двух слоев [сознания. — *Ред.-сост.*] в начале второй половины XIX в. были выбраны термины «надсознание» и «подсознание» (*Ober- und Unterbewusstsein*)[9]. С тех пор мы не перестаем размышлять над содержанием и объемом этих понятий.

Не так легко установить, кто впервые ввел термины «надсознание» и «подсознание» в научную терминологию, в особенности по причине их сходства с близким противопоставлением сознательного и бессознательного[10]. Густав Фехнер[11] уже в 1860 г. в «Элементах психофизики» говорит о «волнах сознания» и различает главную, верхнюю и нижнюю волну[12]. Принципиальное значение термины «надсознательное» и «подсознательное» приобретают среди прочих работ в «Основах психологии» Эдуарда фон Гартмана[13], во «Введении в философию» Фридриха Паульсена[14], в «Научных гипотезах о теле и душе» Бенно Эрдмана[15], где в том же значении используется выражение «передний и задний план сознания», и в его же «Основных чертах психологии репродукции». Макс Дессуар[16] в работе «Двойственность *Я*» пользуется названиями «надсознание» и «подсознание» в связи с исследованием сути гипноза, правда совершенно в ином смысле, чем мы[17].

[9] *... термины «надсознание» и «подсознание»* (Ober- und Unterbewusstsein) — более точным и правильным переводом терминов *Oberbewusstsein* и *Unterbewusstsein* было бы, соответственно, «верхнее сознание» и «нижнее сознание», или даже «главное сознание» и «подчиненное сознание». Однако с целью сокращения мы оставляем традиционный перевод этих терминов. — *Ред.-сост.*

[10] Некоторый материал по данному вопросу приводится в «Подсознании» Георга Вейнгертнера, несмотря на то, что автор существенно ограничивает свои исследования употребления понятия «подсознательное» областью психологии религии (см.: *Weingartner G.* Das Unterbewusstsein. Mainz, 1911).

[11] Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. — *Ред.-сост.*

[12] См.: *Fechner G.* Elemente der Psychophysik. Leipzig, 1889. S. 454 f.

[13] Гартман (*Hartmann*) Эдуард фон (1842—1906) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

[14] Паульсен (*Paulsen*) Фридрих (1846—1908) — немецкий педагог и философ. — *Ред.-сост.*

[15] Эрдман (*Erdmann*) Бенно (1851—1921) — немецкий философ-неокантианец и психолог, представитель ассоциативной психологии, ученик Гельмгольца и последователь Гербарта. — *Ред.-сост.*

[16] Дессуар (*Dessoir*) Макс (1867—1947) — немецкий философ, эстетик, медик и психолог. — *Ред.-сост.*

[17] См.: *Hartmann E. v.* Grundriss der Psychologie // System der Philosophie. Sachsa, 1908. Bd. III; *Paulsen F.* Einleitung in die Philosophie. 1892. S. 125; *Erdmann B.* Wissenschaftliche Hypothesen über Leib und Seele. S. 85 f; *Erdmann B.* Grundzüge der Reproduktionspsychologie. Berlin, 1920. S. 156, 159; *Dessoir (Dessauer) M.* Das Doppelich. Leipzig, 1896.

Тому, кто собирается научно использовать ставшее многозначным слово «подсознательное», следует решительно и в любом случае избегать его применения в смысле бессознательного (как это делают многие современные авторы). Бессознательное (*Unbewusste*) всегда обозначает некое душевное, о котором *Я* не имеет никакого сознания. Напротив, подсознательное — всегда *сознаваемое*, причем сознаваемое в меньшей степени, чем противополагаемое ему надсознательное. В 1825 г. Фридрих Эдуард Бенеке[18] в своих «Очерках психологии» говорит о «бессознательном» как о том, что по своей сути качественно идентично сознанию, отличается от сознания только количественно и связано с ним плавными переходами[19]. Бессознательное, поясняет он далее, обозначает «нижайшие ступени» или «ничтожную степень сознания». Таким образом, используя слова «сознание» и «бессознательное», он в действительности подразумевает то же самое, что сегодня мы точнее разделяем на «надсознательную и подсознательную душевную жизнь».

Где же располагаются факты, указывающие на действительную необходимость этого разделения на надсознательные и подсознательные душевные содержания? На этот вопрос в первом приближении отвечает Лейбниц, которому, вероятно, одному принадлежит честь быть названным первооткрывателем подсознательного в душевной жизни человека[20]. Он пишет:

> В каждое мгновение в нас существует бесконечно большое число впечатлений, которые остаются невоспринятыми и невнимаемыми. Это те изменения в душе, которые мы не замечаем, потому что впечатления либо слишком малы (слабы) и выступают в слишком большом количестве, либо настолько тесно связаны друг с другом, что не имеют ничего, различающего их в достаточной степени, но все-таки, собранные вместе, они не остаются бездейственными[21].

При достаточной тренировке, вне всякого сомнения, такие подсознательные содержания в конце концов может обнаружить в себе каждый. Допустим, что мы напряженно занимаемся решением какой-нибудь задачи. Вдруг кто-

---

[18] Бенеке (*Beneke*) Фридрих Эдуард (1798—1854) — немецкий психолог и педагог. — *Ред.-сост.*

[19] См.: *Beneke F. E.* Psychologischen Skizzen. 1825. Bd 1. S. 355—360. — *Ред.-сост.*

[20] Ср.: *Grau K.J.* Die Entwicklung des Bewusstseinsbegriffes im XVII, und XVIII Jahrhundert. Halle: Max Niemeyer, 1916. Kap. 3. — *Ред.-сост.*

[21] Эту цитату из «Новых опытов...» (1703/1704) Лейбница, мы можем привести в другом переводе, сделанном П.С. Юшкевичем: «Впрочем, есть тысячи признаков, говорящих за то, что в каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания и рефлексии, т.е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаем, так как эти впечатления либо слишком слабы и многочисленны, либо слишком однородны, так что в них нет ничего отличающего их друг от друга; но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются — по крайней мере неотчетливо — в своей совокупности» (*Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 53). — *Ред.-сост.*

нибудь нас спрашивает, сколько часов только что пробило. Тогда мы вспоминаем, что действительно слышали бой часов, в то время как непосредственно накануне бой не «доходил до сознания», потому что мы, вследствие устойчивого сужения функции внимания на других впечатлениях, не уделяли ему внимания даже в малейшей степени. И все-таки в данном случае мы задним числом, как правило, все еще можем установить, что впечатления боя часов у нас несомненно были. Приведем другой пример, который любой из нас тут же может проверить на себе. Во-первых, обратите внимание на то, что каждые две секунды наши веки опускаются, чтобы слегка увлажнить слизистую оболочку глазных яблок. При каждом мигании мы, лишь только начинаем их отслеживать, переживаем кратковременное ощущение сокращения мускулов. Но когда мы не уделяем этому внимания, кажется, что этого ощущения нет вообще, хотя в действительности оно постоянно происходит. Или: легкие давления одежды и обуви на поверхность нашей кожи мы замечаем, как правило, только тогда, когда у нас есть повод обратить на них внимание; в противном случае, эти постоянно присутствующие впечатления остаются в подсознании. Множество впечатлений на всем протяжении нашей жизни мы впитываем подсознательно, но несмотря на это они все-таки оказывают на нас влияние. Так, мы сотый раз взираем на какой-нибудь плакат или вывеску, не обращая на них никакого внимания и, более того, абсолютно не ведая об их существовании. Когда же впервые умышленно направляем на них свое внимание, они выглядят как давно известные и хорошо знакомые. На том, по большей части, и держится успех коммерческой рекламы.

Пока мы привели лишь несколько примеров подсознательных содержаний души. Теперь же попытаемся определить суть и размежевание надсознательного и подсознательного более понятным образом. Пусть, например, на стене рядышком, один над другим развешано множество сходных портретов. Внимательно рассматривается один из них. Тогда эта картина выступает в сознании ясно и отчетливо. Но кроме того, при соответствующей помощи памяти, мы опознаем, кому принадлежат особенности, изображенные на картине, а все следы памяти, связанные с осадком полученного впечатления, приходят в состояние более или менее скрытого возбуждения или некоторой готовности к возбуждению. Это как бы *центр* сознания (Mittelpunkt *des Bewusstseins*), предоставляющий нам высший уровень его ясности. Вкратце обозначим этот уровень стандартным выражением *ясно опознаваемый предмет* (*klar erkannter Gegenstand*). Если теперь мы заострим на происходящем внимание, от нас не может ускользнуть, что в момент, когда мы обращены к данному ясно опознаваемому предмету, в нашем сознании находятся и другие предметы. Мы замечаем, что вокруг опознаваемого предмета (скажем, портрета Гёте) мы воспринимаем и другие картины, которые хорошо опознаем как *картины*, но *не более*. Пока у нас перед глазами стоит портрет Гете, мы не знаем, кого или что они изображают. И на других примерах каждый может проверить, что тут мы имеем второй уровень (*Stufe*) ясности сознания: предметы, которые мы опознаем

в *целом*, но уже не можем различить *отдельные* признаки настолько, чтобы нам удалось опознать именно эти детали. Мы можем обозначить эту ступень как уровень *предметов со-опознаваемых частичным образом* (*teilweisemiterkannten Gegenstande*). Эти предметы окружают стоящий в центре сознания, ясно опознаваемый предмет настолько плотно, что мы не можем провести жесткую границу между ними и потому вправе обозначить их вместе как зону *надсознания*. Однако при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем в нашем сознании еще больше, чем ясно опознаваемый портрет Гёте и его окружающие, нами со-опознаваемые другие картины. Мы понимаем, что в течение всего времени нашего рассматривания изображения Гёте сверху вниз и справа налево тянется стена с обоями одинакового цвета, далее быть может украшенная картинами, и, в конце концов, слева от Гёте расположено окно, а справа — дверь. За дверью и окном все видится, образно говоря, на границах «поля сознания»: в пределе мы видим что-то еще, замечаемое нами всего лишь как присутствующее, без (пока, разумеется, портрет Гёте составляет центр сознания) малейшего опознания того, что же это такое. Так мы выходим на еще один уровень ясности сознания, как бы в *зону* его *периферии* (*Randzone*), которая может быть охарактеризована следующим образом: предметы *просто замечаемые, но остающиеся не опознаваемыми* (*gerade noch bemerkte*, *aber unerkannt bleibende*). Здесь степень ясности сознания уже сравнительно ничтожна. О предметах периферийной зоны сознания мы еще можем сказать лишь то, что там *что-то есть*, но уже не знаем, *что* же. Последнего уровня ясности сознания, представляющего собой пограничный случай уже не сознаваемого, мы достигаем в конце концов с теми предметами, которые хотя и выступают в сознании — как нам впоследствии нередко удается установить, поразмыслив вокруг вышеприведенных примеров — изредка, кратковременно и мимоходом, но не замечаются нами вообще. Поэтому такие впечатления кажутся вовсе не существующими, но в действительности они все-таки непременно оказывают отнюдь не мизерное влияние на нашу душевную жизнь постольку, поскольку от них в немалой мере зависит наше хорошее или плохое самочувствие. Например, равномерные ощущения тепла, возбуждаемые благодаря одежде, окутывающей поверхность моего тела, остаются абсолютно не замечаемыми до тех пор, пока у меня не будет повода обратить на них внимание. Будучи *не замечаемыми* содержаниями моего сознания, они, тем не менее, имеют для моего чувства благополучия решающее значение, признаваемое каждым при отсутствии таких ощущений тепла и восприятии противоположных им ощущений холода. Уровень просто еще замечаемых, но остающихся не опознаваемыми, и уровень не замечаемых предметов сознания мы можем обозначить, поскольку они также перетекают друг в друга через непрерывные промежуточные ступени, как зону *подсознательного*.

Таким образом нам удалось построить шкалу ясности сознания, на которой содержаниями ясно опознаваемыми и со-опознаваемыми частичным образом мы обозначили зону *надсознаваемого,* а содержаниями просто еще заме-

чаемыми, но остающимися неопознанными и не замечаемыми, мы обозначили зону *подсознаваемого*[22].

Анализируя состояние бодрствующего сознания в определенный момент времени, т.е. в поперечном разрезе, мы всегда приходим к такой же или похожей шкале. В центре сознания всегда или как правило находится более или менее ясно опознаваемый предмет, окруженный предметами воспринимаемыми менее ясно, но частичным образом все же опознаваемыми, к которым в конце концов в периферийной зоне сознания примыкают просто еще замечаемые, но неопознаваемые, а также, с чем мы должны согласиться, и содержания сознания, остающиеся абсолютно незамечаемыми. Предпринимались попытки символизации этих градаций ясности сознания с помощью изображений или понятных аналогов из окружающего мира. Вундт[23], опираясь на факты оптики, обозначает лежащие в области внимания, ясно опознаваемые и по меньшей мере опознаваемые частичным образом предметы сознания как *зрительный центр* (*Blickpunkt*), а совокупность вообще присутствующих в данный момент содержаний сознания в противоположность центру обозначает как *зрительное поле* (*Blickfeld*) сознания[24]. Правда, часто подчеркивают, что эти обозначения выбраны неудачно, поскольку выглядят как ограниченные зрительными впечатлениями, тогда как на самом деле они относятся вообще ко всем впечатлениям любого вида. Если и придерживаться предлагаемых Вундтом сравнений, то следует, по крайней мере, выбрать выражения *центр* внимания и *поле* сознания (*Aufmerksamkeits*punkt und *Bewusstseins*feld). Но и эти названия по сути неудачны, так как надсознательное и подсознательное в действительности не соотносятся друг с другом как центр и поле, а напротив, связаны между собой непрерывно перетекающими промежуточными ступенями. Недавно вместо двухмерной картины центра и поля Теодор Эрисман предложил трехмерный образ холма, который действительно может прояснить обсуждаемые градации ясности сознания более отчетливо. Поэтому стоит привести словесное описание сущности [этого сравнения. — *Ред.-сост.*]:

> Быть может, лучшей иллюстрацией, позволяющей наглядно показать это своеобразное свойство нашего сознания, является холм, освещенный лучами уходящего за горизонт солнца. Вершина холма озарена ярким солнечным светом, каждый предмет ясно виден и отчетливо выделяется из своего окружения. Но если спускаешься ниже, цвета бледнеют и хотя отдельные предметы все еще видимы, но отличимы друг от друга уже не столь четко, их особенно-

[22] Ср. также расстановку подобных уровней в работах Гуго Мюнстерберга и Освальда Кюльпе (*Münsterberg H.* Grundzüge usw. 1900. Bd. I. S. 228; *Külpe O.* Vorlesungen über Psychologie. Hrsg. von Karl Bühler, Leipzig, 1920. S. 114 f.).

[23] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832 — 1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии.; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[24] См.: *Wundt W.* Grundriss der Psychologie. 1911. S. 252 f.

> сти уже не выражены ясно. Дальнейший спуск приводит нас в область теней и сумерек. Теперь предметы едва отличимы друг от друга, они образуют бесформенные, неопределенно очерченные массы, взор неуверенно ориентируется в этом царстве полумрака. Еще несколько шагов вниз, и мы оказываемся в глубоком ущелье <...>, куда не проникает ни один луч ясного сознания, где царит мрак бездны, и невозможно какую-то отдельную вещь отличить от других <...>[25].

Очевидна, и выше вероятно уже обозначилась, та важная роль, которую играет функция *внимания* в этих градациях сознания. Тем самым мы как бы со стороны затрагиваем старую и до предела запутанную проблему психологии. Если бы настройка нашего *Я* на изменяющиеся в нем содержания сознания была одинаковой, то оно было бы обречено на пассивность, подобную пассивности стационарно установленного зеркала, в котором появляются изображения только тех предметов, которые двигаются мимо него. Но мы активны и произвольно или же непроизвольно обращаемся то к одному, то к другому впечатлению, и эту своеобразную направленность *Я* на постоянно меняющиеся предметы сознания мы называем вниманием. Внимание, рассматриваемое *субъективно,* представляет собой *умственный акт наблюдения* (*intellektuelle Akt des Aufmerkens*), который может быть направлен на любые возможные содержания сознания и физиологически проявляется в том, что мы стараемся придать нашему телесному организму такое положение и осуществляем такую его настройку (например, глаз или ушей), которые создают условия наиболее благоприятные для ясного восприятия соответствующих объектов. К этому присоединяются ощущения движения и напряжения, а также чувства удовольствия и неудовольствия с вытекающими отсюда желаниями, которые довольно часто принимают за само внимание, хотя в действительности это лишь явления, его сопровождающие. Внимание, рассматриваемое *объективно*[26], представляет собой состояние высшей ясности и отчетливости тех предметов, на которые обращен акт наблюдения. Акт наблюдения, грубо говоря, передвигает содержания, на которые он обращен, в область высшей ясности. Музыка, которая доносится издалека и спутанно проникает в мои уши в то время, когда я погружен в чтение романа, не становится громче от того, что я откладываю книгу и заинтересованно к ней прислушиваюсь. Однако благодаря этому процессу обращения внимания она становится более ясной и отчетливой, чем прежде. Таким образом, во внимании признают ту самую психическую функцию, на которой вообще-то и основана действительная разница надсознательных и подсознательных душевных содержаний. Предметы, на которые так или иначе обраще-

---

[25] *Erismann Th.* Psychologie II. Berlin, 1921. S. 7 f.

[26] ... *рассматриваемое объективно* — здесь, конечно, имеется в виду не сам процесс рассмотрения или анализа внимания в целом, а взгляд на *объекты* внимания (отсюда «объективно»), разумеется субъективный, поскольку речь идет о предметном содержании *сознания,* доступного только самонаблюдению. — *Ред.-сост.*

но внимание, стоят на переднем плане (в центре) сознания. Но по другую сторону поля внимания как бы простирается широкое поле сознания, которое наполнено содержаниями непрерывно убывающей ясности, составляющими задний план сознания и одновременно окаймление его переднего плана.

Благодаря перемене внимания, часть моего сознания, только что данная лишь как подсознательная, уже в следующий миг может выступить в центре или на переднем плане сознания, а прежде надсознательное может столь же быстро опуститься в подсознательное или даже вовсе исчезнуть из сознания. В этом заключаются эффекты внимания, которые каждый может легко пронаблюдать на себе. Чем более напряженно внимание обращается к своему предмету, тем у́же становится область надсознательного и шире область подсознательного. То, что в психологии XVIII и XIX столетий стали вслед за Локком[27] по обыкновению называть узостью сознания (*Enge des Bewusstseins*), означает, строго говоря, узость ***надсознаваемого*** по сравнению с широтой всего поля сознания. Известно, сколь далеко концентрация внимания человека, целиком погруженного в наблюдение, может отодвинуть все другие впечатления внутреннего и внешнего мира. По собственному военному опыту мы знаем, как часто солдаты, интересы которых полностью заняты боем и прикованы к его течению, в волнении не замечают свое собственное ранение и более того не чувствуют даже малейшей боли, которая довольно вскоре, разумеется, заявляет о себе после того, как они обращают на рану внимание. Как часто мы сами «забываем» о зубной или других болях при интенсивной работе! Причина этой узости сознания очевидно заключается во внимании. В связи с этим можно говорить и об узости самого внимания. Здесь мы также опять-таки прикасаемся к одной уже древней проблеме. О том, что в каждом мгновении душа человека может отчетливо воспринимать только небольшую часть своих содержаний, знал уже Аристотель[28] и благодаря ему этот факт перешел в психологию Средних веков. В философии Нового времени продвижение в постановке и решении этой проблемы было незначительным до тех пор, пока к ним не начали приближаться путем эксперимента. Самый лучший на данный момент обзор современного состояния этих исследований представлен в книге Алоиса Магера «Узость сознания»[29].

Но мы собираемся ввести еще одно дополнение к характеристике надсознания и подсознания. Выше мы намеренно односторонне говорили исключительно о ***предметах*** сознания и потому пренебрегали той не менее важной стороной душевной жизни, которая дана в состояниях удовольствия и неудовольствия, а также в связанных с ними стремлениях и сильных желаниях. Уже тесная взаимосвязь между предметными содержаниями и содержаниями состояний позволяет сделать вывод, что в области состояний, также как и в области

---

[27] Локк (*Locke*) Джон (1632—1704) — английский философ. — *Ред.-сост.*

[28] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[29] См.: *Mager A.* Die Enge des Bewusstseins // Münchener Studien zur Psychologie, I. Stuttgart, 1920.

предметов, имеются градации степени ясности сознания. Соотношение предметного сознания и сознания состояний и в самом деле обнаруживает такой своеобразный параллелизм, что ему не найдешь подходящего сравнения ни в физическом, ни в психическом. Как никакие элементы представлений и мысли не протекают в нас без сопровождающих чувств, так мы не находим в себе и никаких чувств без течений представлений, параллельно им идущих, и как чувства зависят от руководящих нами представлений, точно таким же образом течения представлений в значительной степени подталкиваются или нарушаются чувствами[30].

Насколько жизнь представлений обнаруживает в своем составе богатые сплетения с отдельными градациями степени ясности сознания, настолько же обильны переплетения жизни чувств и волевой жизни, скрывая в себе элементы, широко различающиеся по степени ясности своего осознания. Конечно, между ними есть и существенная разница, получающаяся вследствие того, что градации степени ясности сознания на предметной стороне тесно связаны с функциями внимания, а к сознанию состояний это не относится. Предмет сознания воспринимается либо внимательно, и тогда опознается более или менее ясно, либо остается расположенным по ту сторону «узости внимания», не наблюдаемым и не опознаваемым, а быть может даже не замечаемым. Но состояния удовольствия и неудовольствия, как чувственные состояния, сами по себе внимательно не воспринимаются, а переживаются нами лишь как имеющиеся в наличии. Чувства, которые (например, с целью психологического анализа) становятся предметом внимательного рассмотрения, прекращают тем самым свое существования как переживаемые состояния и преобразуются в предметные содержания сознания. Итак, чувства (*Gefühle*) — это состояния, которые как таковые могут только переживаться. Однако они могут стать ***предметами***, если им как объектам, которые нужно довести до полной ясности, ретроспективно (заглядывая в прошедшее) уделяется внимание. Предметы (*Gegenstanden*) можно определить как составные части сознания, которые то с меньшей, то с большей ясностью противостоят нам в воспринимаемых, представляемых или мыслительных познаваниях как нечто, чем мы не являемся сами. Состояния — это составные части сознания, которые мы с большей или меньшей ясностью переживаем в чувствах и желаниях как нечто, от нас совершенно не отделимое, как бы являющееся частью нашей самости (*Selbst*).

Установить посредством самоанализа, что в ясности сознания чувств и стремлений также имеются градации степени, разумеется, несравнимо труднее, чем факт градаций степени ясности сознания в предметном содержании. Здесь, конечно, столь же мало как и выше, следует говорить о разнице в ***интенсивности***. То, что одно чувство превосходит по живости (*Lebhäftigkeit*) другое, что в одном душевном состоянии мы спокойны и хладнокровны или даже подавлены, а в другом — напротив, взволнованы, относится к степеням ясности созна-

[30] Ср. также: *Maier H.* Psychol. des emot. Denkens, 1908. S. 408—409.

ния столь же мало, как и, скажем, факт, что один тон звучит сильнее или громче, чем другой или что один цвет светлее или темнее, чем другой, относится к градациям ясности сознания в предметном содержании. Тому, кто когда-то научился посредством соответствующего самонаблюдения проводить и психологический анализ жизни чувств, известно, что общее чувство, доминирующее в нас в любое время, является результатом взаимодействия немалого числа наполняющих нас отдельных чувств (*Teilgefühle*), и что не все эти отдельные чувства входят в общее чувство с одинаковой ясностью сознания. Мы знаем, как часто в переживаемом нами состоянии, как кажется, бурного веселья, как бы на заднем плане сознания нас может подкарауливать какой-то затаенный страх, тоска или уныние, которые на данный момент кажутся вовсе отсутствующими, но потом, в конце концов, снова и тем более разрушительно вторгаются в течение чувства радости. Как мне кажется, это психологическое падение, по случаю и с тонким чувством прекрасного, Герман Гессе[31] описывает в одном из своих стихотворений следующим образом:

Знакомо ли тебе, как иногда
В разгаре громкого веселья
На празднике, в шумящем зале
Ты вынужден внезапно замолчать
И ни на что не реагировать.
Потом ложишься ты один в постель.
Тебе не спится.
Вдруг ты чувствуешь сердечную печаль.
Веселье, смех развеются как дым.
Ты плачешь... плачешь без остановки.
Тебе знакомо это?

Подобным же образом движутся стремления, желания и склонности. Во многих случаях они, прежде чем выступить ясно, начинают шевелиться в темноте заднего плана сознания. Невыполнимые желания, после того как они давно были признаны как таковые, иногда в течение еще многих лет привычно ведут в подсознательном свою таинственную игру. В общем мы знаем, сколь устойчивым может быть последействие сильных чувств в подсознательном. Есть люди, которые, однажды испытав тяжелый удар судьбы, никогда не смогут стать снова полностью безмятежно радостными. И наоборот: «Рассказывают, что статуя Зевса, созданная Фидием[32] в Олимпии, производила настолько мощное и возвышенное впечатление, что никто из видевших ее один раз, уже не мог стать когда-нибудь снова *совершенно несчастным*»[33].

---

[31] Гессе (*Hesse*) Герман (1877—1962) — немецкий прозаик, поэт и эссеист. — *Ред.-сост.*

[32] Фидий (нач. 5 в. — ок. 432 до н. э.) — древнегреческий скульптор. — *Ред.-сост.*

[33] *Erismann Th.* Psychologie. Berlin, 1921. Bd. II. S. 25.

В связи с подсознательными следствиями сильных волнений чувств, можно предполагать участие в эмоциональной душевной жизни и какого-то вида непосредственной памяти[34]. Такая, выражаясь кратко, «эмоциональная память», конечно имела бы немалое значение для того явления душевной жизни, которое мы обычно обозначаем как «единство самосознания».

Проблема самосознания как вопрос о природе имеющегося у каждого человека знания о своей собственной личности относится, вне всякого сомнения, к самым сложным психологическим проблемам. В любой момент мы знаем не только нечто, здесь переживаемое, как переживаемое *нами*, но и то, что наши личности, которые имели определенные опыты вчера, позавчера, годы тому назад и имеют их сегодня — это личности те же самые. Как уже говорилось выше, благодаря изменчивости своих содержаний сознания, *Я* с каждым мгновением становится другим и все-таки в любой момент оно всегда остается тем же самым, тождественным самому себе *Я*, которое располагает содержаниями сознания теперь, имело их раньше и будет иметь позже. И сознание, которое имеет каждый о самом себе, — это одновременно сознание *Я* как остающегося тождественным всегда, сколько бы ни произошло внутри этого душевного единства различных психических моментов в течение всей жизни.

Мы знаем, но лишь как результаты болезненных расстройств, случаи проявления двух различных личностей у одного и того же индивида. Известно, что пьяница в трезвом состоянии иногда ничего не может вспомнить из опыта состояния опьянения, тогда как в следующем состоянии опьянения хорошо припоминает то, что происходило в предыдущем, но ничего не помнит о расположенном между ними опыте периода трезвости, и так далее. Подобные явления нередко наблюдаются у душевнобольных, особенно у меланхоликов, когда они ведут себя прямо-таки как совершенно различные личности, а их способность припоминания распространяется только на прошлое аналогичных состояний. Это своеобразное явление раскола сознания или, можно сказать, двойного сознания, изучено в психопатологии пока еще совершенно недостаточно, однако его причина, по-видимому, заключается в частичном заболевании головного мозга и, как следствие, в соответствующем нарушении памяти. Расстройства единства сознания обусловлены нарушениями головного мозга и памяти, а последняя, вне всякого сомнения, образует существенную основу нормального сознания *Я* как всегда тождественного и единого. Выше подчеркивалось, в какой мере интеллектуальная, т.е. имеющая отношение к представлениям и мысленным связям память непосредственно и опосредствованно проникает во всю нашу душевную жизнь. Но важнейшее предположение о единстве самосознания свидетельствует не только о знаниях памяти, говорящих о том, что мы, сейчас переживающие, — это те же мы, которые переживали раньше, но и о

---

[34] При *опосредствованном* виде памяти чувств, для того чтобы вновь пережить то чувство, которое нас когда-то наполняло, требуется только мысленный перенос и живое представление соответствующей ситуации прошлого опыта.

тесной внутренней связи жизни наших чувств с вышеописанным фактом «непосредственной эмоциональной памяти». О том, что мы как носители сознания всегда остаемся одними и теми же, мы знаем не только благодаря непосредственным и опосредствованным действиям интеллектуальной памяти, но и благодаря тесно с ними связанным, одновременно и всегда переживаемым состояниям радости и печали.

Итак, все наши переживания тесно связаны с представлением о нашем неделимом *Я* и одновременно с сопровождающим нас телом, которое представлено и познается только благодаря чувственному восприятию как часть так называемого окружающего мира (внешнего опыта), ставшая для нас незаменимым посредником между внутренним миром (душевных переживаний) и окружающим внешним миром (реально существующих и мыслимых вещей). Мы подошли к последнему, быть может самому важному и одновременно самому сложному из рассматриваемых здесь вопросов, — к вопросу, который можно сформулировать следующим образом: откуда мы, как обладающие сознанием, вообще узнаем о нашем собственном *Я*, и что мы можем узнать о самих себе, применяя к себе психологический анализ как к предмету? Нам никогда не удастся представить свое *Я* как стол, как какое-то тело или другой предмет. В качестве наших *Я* нельзя рассматривать и наши собственные тела. Ведь тогда мы должны признать за истину материалистические бредни (*Ungedanken*), что наше *тело* и есть то, что воспринимает, представляет, мыслит, чувствует и желает! Но пока, и в то время, когда мы воспринимаем другие предметы, размышляем о них или обращаемся к ним как-то еще, мы также знаем и чувствуем, что мы являемся тем *Я*, которое, воспринимая или представляя, в данное время и познает, и думает, и чувствует и желает. Но могут пожалуй сказать, что *Я* можно хорошо себе представить как объект познания в смысле не ***внешнего*** восприятия какого-либо телесно протяженного предмета, а как восприятия ***внутреннего***, или ***само***восприятия, которым располагает каждый. Что же находит это внутреннее восприятие или самовосприятие себя? Что же мы узнаем, если однажды сами попытаемся рассмотреть *Я* во «внутреннем» восприятии как объект познания? «Как только мы, чтобы это попробовать, входим в себя, — замечает по случаю Шопенгауэр[35], — и нам, когда мы направляем познание на внутреннее, хочется сразу и полностью осознать себя, мы теряемся в бездонной пустоте <...> и когда таким образом мы хотим схватить самих себя, мы с содроганием ловим не что иное, как исчезающее привидение»[36].

В самом деле, когда мы пытаемся схватить *Я* как объект познания, оно ***всегда*** остается субъектом познания и потому никогда не может стать предметом, познающим самого себя. С отменной ясностью об этом сказал Наторп[37]:

---

[35] Шопенгауэр (*Schopenhauer*) Артур (1788—1860) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

[36] *Schopenhauer A.* Werke / I. Deussen (Hrsg.). München, 1911. S. 327 Anm.

[37] Наторп (*Natorp*) Пауль (1854—1924) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

«*Я* обозначает существование не предмета, а отношения к любому предмету, только в котором и есть нечто предметное»[38]. Сознание нашего *Я* вообще дано нам потому и тогда, когда в сознании даны предметы и состояния. Сознание *Я* разгорается благодаря сознанию предметов и состояний. Но как объект познания это сознаваемое *Я* уже не осознается, так как в это время оно становится как бы предметом сознания, но в то же время прекращает существование как *Я*, имеющее осознание. Из этого круговорота нет выхода. «Как сетчатка глаза не может видеть сама себя в буквальном смысле, но может увидеть свое отражение в зеркале, так и сознание не может быть осознано самим собой опять же в действительном смысле, но может осознать как бы само себя лишь посредством своего отражения в содержании»[39]. Итак, в качестве *Я* в познающем осознании мы схватываем не какое-то содержательно определенное представление, а только последнее пограничное понятие нашего познания. Все имеющиеся у нас содержания сознания сознаются одним и тем же *Я*, которое оказывается в этом сознании общим, всегда остающимся неизменным центром отношений. Следовательно, мы можем сказать, что *Я* — это общий, постоянный и единый центр отношений всех содержаний сознания. Этим немногим исчерпано все, что можно сказать в области познания *Я*.

Осталась только область чувств (*Fühlens*) и вырастающих отсюда стремлений. В любых восприятиях, представлениях и мыслях мы воспринимаем, представляем и мыслим что-нибудь иное — нечто, чем мы не является сами. И мы узнаем в них самих себя только потому, что по ходу этих функций мы, как воспринимающие, представляющие и думающие, знаем не только о предметах, на которые они направлены, но и о самих этих функциях, которые мы, как единый центр всех душевных деятельностей, совершаем сейчас, осуществляли раньше и будем выполнять позже. Во всех чувствах мы как будто непосредственно чувствуем самих себя. Познаваемое *Я*, как уже говорилось, не может быть познано никогда, так как оно всегда остается познающим. Но здесь на самом деле чувствующее и чувствуемое *Я* совпадают, потому что *Я*, которое чувствует, чувствует в своих чувствах как раз ни что иное, как само себя. Поэтому все чувства — это, как выразился однажды Теодор Липпс[40], «манеры чувства *Я*»[41]. Следовательно, не может быть никаких сомнений в том, что в чувствах мы приближаемся к ядру нашей личности несравнимо ближе, чем в представляющем и мыслящем познании. Разумеется то, что мы как чувствующие индивиды узнаем здесь о реальности наших *Я*, можно с уверенностью считать лишь односторонним ознакомлением с нашими сущностями — разве знали бы мы что-нибудь вообще о мышлении и познании, если бы наши сущ-

---

[38] См.: *Natorp P.* Allgemeine Psychologie nach Kritischer Methode. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1912. Bd. I. S. 29.

[39] Там же. S. 30.

[40] Липпс (*Lipps*) Теодор (1851—1914) — немецкий философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[41] См.: *Lipps Th.* Vom Fühlen, Wollen und Denken. 1902. S. 1.

ности были только чувствующими? — и к тому же ознакомлением, которое не может быть каким-либо способом схвачено в понятийной форме и сформулировано. Потому и остается субъективным все, что мы ошибочно полагаем позитивным знанием, когда улавливаем, чувствуя глубину души, нашу личность. Только к опыту и жизни в пестром хороводе мира относится то, что пропел поэт: «Чувства — все, а имя – звук и дым»[42]. Для прогресса науки чувства — ничто, формулировка в понятиях — все. Поэтому чувство и не является источником познания в науке, и стать им не может. Мистики и мечтатели охотно стараются из погружения в жизнь своих чувств с обманчивым блеском вывести всякого рода понятийное знание о сущности духа или души. Такие спекулянты будут выдавать его [такое «знание». — *Ред.-сост.*] постоянно. И пусть тот, чья глубинная сущность подталкивает к этому, находит в образах своей фантазии спокойное удовлетворение. Только не надо представлять как науку то, что является в конечном итоге не более чем продуктом непроверяемой фантазии. Тому же, кто принимает задачи и цели науки всерьез, достигнув этой пограничной полосы, следует придерживаться часто — но никогда в достаточной степени — повторяемого изречения Гёте: «Наилучшее счастье мыслящего человека заключается в том, чтобы исследовать исследуемое и тихо почитать не исследуемое».

[42] Цитата из трагедии «Фауст» (1, Сад Марты) немецкого поэта и мыслителя Иоганна Вольфганга Гёте (1749—1832). — *Ред.-сост.*

Дж. Мандлер

Проблемы и направления исследований сознания*

Мои комментарии движимы традиционным и недавно реабилитированным интересом к функциям и структурам сознания. Его корни уходят в европейскую психологию начала XX в. — *Bewusstseinspsychologie*, т.е. в психологию сознания. Оживление теоретического интереса к оправданию сознания[1], его применениям и функциям происходит на протяжении двух последних десятилетий. В противоположность психологии XIX столетия, теоретическая когнитивная психология прошедшей четверти века объясняет мышление и действие, предполагая господство неосознаваемых процессов. Обороты речи с использованием таких слов, как умственная структура, репрезентация, процесс и схема, подразумевают обширный арсенал неосознаваемых функций, среди которых прямо засвидетельствованы в сознании могут быть лишь немногие. Когда по теоретическим соображениям главные функции отводятся неосознаваемым механизмам, сразу и естественно могут возникнуть вопросы относительно функций сознания. Посредством какого процесса неосознаваемые механизмы влияют на сознаваемые? Как из неосознаваемого мы получаем сознаваемое? Такие вопросы, разумеется, фундаментально отличаются от тех, которые поднимались в XIX в., когда за гипотезу неосознаваемых процессов резко критиковали Фрейда[2] и Гарт-

---

* *Mandler G.* Problems and directions in the study of consciousness // Psychodynamics and Cognition / M.J. Horowitz (Ed.). Chicago; London: The University of Chicago Press, 1988. P. 21—45. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] *... к оправданию сознания* — под оправданием, или реабилитацией, сознания здесь имеется в виду восстановление прав явлений сознания в предмете научной психологии, после того как в течение нескольких десятилетий в американской психологии господствовало бихевиористское определение психологии как науки о поведении, исключающее из ее предмета сознание, соответствующие понятия и методы исследования. — *Ред.-сост.*

[2] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

мана[3]. Неудивительно, что в когнитивных науках преобладают дискуссии о пользе сознания, тогда как среди теоретиков-клиницистов и теоретиков личности преобладают дебаты о функциях неосознаваемого. Последние, в традиции теорий психодинамики[4], посвящены тщательному обсуждению структуры механизмов неосознаваемой мотивации, тогда как главные интересы когнитивного изучения сосредоточены на неосознаваемых структурах знания. Однако в экспериментальной и когнитивной традиции, отчасти как следствие бихевиористского антракта, вопрос перехода от неосознаваемого к сознаваемому — это вопрос о функции сознания.

Вопрос теорий сознания — как неосознаваемые процессы порождают или определяют состояния сознания, — служит примером значительного изменения в нашем взгляде на сознание после XIX столетия. Тогда преобладала вера в разумную, сознательную природу человечества (а идея неосознаваемых сил была маловероятным предположением). В XX столетии психологи свели если не все, то большинство решающих факторов поведения к гипотетическим или, во всяком случае, неосознаваемым силам и появилась необходимость в объяснении того, как эти неосознаваемые события взаимодействуют с субъективной действительностью сознания.

Итак, в теоретическом исследовании и заключениях нуждаются не только неосознаваемые силы и процессы; для их изучения и понимания нам необходимо разработать теоретический аппарат, обеспечивающий подход к систематическому рассмотрению сознания. Конкретный человек испытывает чувства (*feelings*), отношения (*attitudes*), мысли, идеи, убеждения и другие содержания сознания, но эти содержания не доступны кому-то другому. Короче говоря, нельзя построить феноменальную психологию совместного пользования. Когда личное (*private*) сознание выражается в словах, жестах или каким-то другим способом, оно сразу и неизбежно становится преобразованием личного опыта. Никакая теория, внешняя по отношению к конкретному человеку (теория, которая рассматривает данный организм как объект наблюдения, описания и объяснения), не может одновременно быть теорией, использующей в качестве данных личные переживания, чувства и отношения[5]. События и объекты сознания не доступны внешнему наблюдателю без того, чтобы не стать перестроенными, перетолкованными и соответственно измененными. Определенное содержание сознания (или, коли на то пошло, нео-

---

[3] См.: *Hartmann E. von*. Philosophie des Unbewussten. Berlin, 1869. [Рус. пер. см.: *Гартман Э. фон*. Сущность мирового процесса или философия бессознательного: В 2 т. М., 1873—1875. Гартман (*Hartmann*) Эдуард фон (1842—1906) — немецкий философ, сторонник панпсихизма, считавший основой всего сущего абсолютное бессознательное духовное начало, а сознание — орудием мировой воли. — *Ред.-сост.*]

[4] *Психодинамика* — здесь: в смысле мотивации, т.е. побудительных и движущих сил поведения и умственной деятельности человека. — *Ред.-сост.*

[5] См.: *Gray J.A.* The mind-brain identity theory as a scientific hypothesis // Philisophical Quarterly. 1971. Vol. 21. P. 247—252.

сознаваемого) не выступает в психологии в качестве непосредственно доступного, исходного факта. С изучением сознания связаны и другие дополнительные трудности.

Во-первых, исследование сознания как таковое[6] влияет на сообщаемое содержание. А именно, сам акт рассмотрения может повлиять на содержания сознания, доступные индивидуальному наблюдению, поскольку акт исследования субъектом содержания своего сознания должен занять какую-то часть ограниченной емкости последнего. В результате такое исследование приводит к изменению доступного содержания.

Вторая проблема, встающая на пути исследования сознания, заключается в том факте, что содержания сознания нелегко перевести в словесный отчет посредством какого-то однозначного отображения. Даже если бы эти содержания словесно формулировались во всех случаях — а они не формулируются — нам понадобилась бы какая-то теория перевода. В результате мы сталкиваемся, с одной стороны, с индивидуальным знанием своих содержаний сознания, а с другой стороны, с теоретическим заключением психолога относительно этих содержаний, основанном на любых доступных ему, в том числе благодаря отчетам самонаблюдения, данных. При построении психологии познания, как подходящие, могут быть использованы знания того и другого рода, несмотря на то, что определить в точном смысле отношение между этими двумя толкованиями сознания в принципе невозможно.

Для конкретного человека опыт *является* исходным фактом и, как следствие, личные теории о собственных структурах познания могут быть проверены, в определенных пределах, на своем опыте. Эти индивидуальные, личные (и нередко культурные) теории о самом себе широко используются и играют важную роль в объяснении человеческой деятельности, но не рискуя их нельзя обобщать и распространять на других людей или человеческий вид в целом[7].

Современные взгляды на сознание

Отношение к сознанию в новой истории психологии характеризуется двумя крайними позициями. С одной точки зрения, сознание считается невыразимым и недоступным научному исследованию, с другой же оно рассматривается как доступное пониманию с позиций современной технологии. Первое, бихевиористское решение, уходит от сложных проблем, утверждая, что сознание — это эпифеноменальный[8], неинтересный и функционально бесплодный,

---

[6] В оригинале: ... *the very nature of an interrogation*; здесь автор имеет в виду процесс самонаблюдения. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Mandler J.M., Mandler G.* Good guys vs. bad guys: The subjekt-object dichotomy // Journal of Humanistic Psychology. 1974. Vol. 14. P. 63—87.

[8] ... *эпифеноменальный* — эпифеноменом называют явление, сопутствующее другим явлениям, в данном случае поведения, но не оказывающее на них никакого влияния. — *Ред.-сост.*

побочный продукт наблюдаемого поведения[9]. Другой взгляд, истоки которого иногда находят в исследованиях искусственного интеллекта[10] и в теории автоматического регулирования (*theory of automata*), заявляет свое право на исследование сознания путем предположений относительно возможных связей между сознанием и вычислительными машинами.

Доводы против позиции эпифеноменализма не могут ограничиться критикой прямого отрицания значения сознания или утверждением, что современные подходы обеспечивают возможность научного изучения сознания. Вместо этого необходимо как можно убедительнее показать, что сознание на самом деле выполняет важные функции в мышлении и действии человека. Бихевиористский анализ сознания был скорее уходом [от проблемы. — *Ред.-сост.*], чем ее критическим рассмотрением, что подчеркивал даже Скиннер[11], храбро взявшийся за решение сложного вопроса «личных событий»[12]. Мы должны внимательно прислушаться к его аргументации, поскольку она не исключает события сознания. Скиннер считает их по большей части ненужными «промежуточными станциями» (*way stations*) на пути между стимулами и поведением. А к его утверждению, что некоторые из наших намерений и мыслей нередко представляют собой не возбудители действий, а превратное истолкование текущих и начинающихся действий, следует отнестись серьезно хотя бы только потому, что иногда оно справедливо. Наша задача заключается не только в том, чтобы показать незаконность приговора, выносимого сознанию бихевиористским анализом, но и в том, чтобы продемонстрировать позитивно, что сознание делает, для чего оно необходимо, что мы могли бы и чего мы не могли бы сделать или помыслить, если бы такого механизма не было.

Еще одно психологическое доказательство неэффективности сознания проводится на основании того, что «осознание нередко происходит *после* [курсив мой. — *Дж. М.*] тех событий или действий, которые психика могла бы, предположительно, контролировать»[13]. Я докажу, что на самом деле существенный эффект сознания должен обнаруживаться среди событий, ***идущих вслед*** за появлением данного состояния осознания.

Иного рода обсуждения требует проблема возможности сознательных состояний компьютеров или сложных автоматических устройств. Сравним два

---

[9] Однако не только бихевиористы относят сознание к эпифеноменальному, побочному продукту психической жизни человека; среди нейрологов см. например: *Harnad S.* Consciousness: An afterthought // Cognition and Brain Theory. 1982. Vol. 5. P. 29—47.

[10] ***Искусственный интеллект*** (artificial intelligence) — здесь: термин, обозначающий решение компьютерами сложных задач. — *Ред.-сост.*

[11] Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного варианта радикального бихевиоризма; см. его текст на с. 589—605 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[12] См.: *Skinner B.F.* Behaviorism at fifty // Behaviorism and Phenomenology / T.W. Wann (Ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1964.

[13] *Gregory R.L.* Mind in Science. N.Y.: Cambridge University Press, 1981. P. 474.

вопроса: первый — могут ли компьютеры быть сознательными, и второй — могут ли они быть беременными. Последний вопрос нелепый, потому что мы знаем, что для беременности необходимо определенное оборудование и должны быть выполнены определенные предварительные условия. Компьютеры не располагают таким оборудованием и не могут осуществить предварительные деятельности, необходимые для беременности. В случае сознания нам известно лишь немногое о том оборудовании или условиях, необходимых для того, чтобы достичь этого состояния. Недостатком знания, этим неведением и объясняется то, что кому-то постановка данной проблемы покажется разумной. Однако если он задумается, что значит «быть сознательным» в терминах процессов и оборудования, он, возможно, сформулирует этот вопрос разумным образом. В настоящее время — это пустой вопрос.

Действительная проблема состоит не в том, могут ли компьютеры быть сознательными или могут ли определенные автоматические устройства проявлять характеристики, подобные сознанию, а в том, какое теоретическое объяснение мы можем дать сознанию. Если некто утверждает, что компьютеры могут быть сознательными, то ему следует определить, как эта функция осуществляется или указать то оборудование (как при беременности), которое сопоставимо с компонентами человека.

Благодаря тщательному анализу проявлений сознания и исследованиям его следствий оформились существенные направления развития возобновленного интереса к сознанию. Вдобавок, попытки выяснить роль, играемую сознанием, распространились практически на все множество различных пьес, поставленных на сцене современной когнитивной психологии.

В прошлом, как правило, сознанию отводили в потоке информации по сути пассивную роль. Так, Джордж Миллер[14] утверждал, что это «*результат* мышления <...> который спонтанно появляется в сознании»[15]. В настоящее время со-

---

[14] Миллер (*Miller*) Джордж Армитидж (р. 1920) — американский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

[15] См.: *Miller G.A.* Psychology: The Science of Mental Life. N.Y.: Harper and Row, 1962; *Lashley K.S.* The behavioristic interpretation of consciousness // Psychological Review. 1923. Vol. 30. P. 237—272, 329—353.

Ранние модели переработки информации рассматривали сознание как центральную управляющую систему (см. например: *Atkinson R.C., Shiffrin R.M.* Human memory: A proposed system and its control processes // The Psychology of Learning and Motivation / K.W. Spence, J.T. Spence. (Eds.). N.Y.: Academic Press, 1968. Vol. 2. [Рус. пер. см.: *Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения. М.: Прогресс, 1980. С. 53—203. — *Ред.-сост.*]). Сходные и более явные предположения сформулированы недавно в контексте обсуждения центрального «информационного обмена», который обслуживает (неосознаваемые) распределенные специализированные процессоры и производит «устойчивую и когерентную, глобальную репрезентацию, предоставляющую информацию нервной системе в целом» (*Baars B.J.* Conscious contents provide the nervous system with coherent global information // Consciousness and Self-Regulation / R.J. Davidson, G.E. Schwartz, D. Shapiro (Eds.). N.Y.: Plenum Press, 1983. Vol. 3).

знательные состояния и процессы обычно рассматривают как активные[16]. Подобным образом Познер и Снайдер обсуждают сознательную переработку как «механизм ограниченной мощности, который может быть направлен на различные типы деятельности»[17]. Сознание «направляется» на неосознаваемую структуру или процесс, которые и становятся в таком случае «сознательными».

Вышеуказанные различные взгляды на сознание можно разделить на придерживающиеся традиционной точки зрения, согласно которой сознательные содержания появляются тогда, когда какая-то структура проталкивается, вытягивается в сознание или в нем высвечивается[18], и на утверждающие, что сознательными являются только результаты или последствия психических процессов[19]. Общим между ними является то, что все они подразумевают тождество или частичное совпадение сознания и (фокального) внимания.

Построение сознательного переживания

Новую перспективу разработки модели активного сознания открывает конструктивный подход к его явлениям[20]. С этой позиции утверждают, что большинство сознательных состояний строится из предсознательных структур в ответ на требования данного момента. Сознание — это конструктивный процесс, где феноменальный опыт представляет собой специфическую конструкцию, в которую вносят вклад предварительно активированные схемы[21]. Сознавать мы можем только переживания, построенные из активированных неосознаваемых структур.

---

[16] См., например: *Marcel A.J.* Conscious and unconscious perception: An approach to the relations between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology. 1983. Vol. 15. P. 238—300; *Norman D.A., Shallice T.* Attention to action: Willed and automatic control of behavior // Technical Report San Diego: University of California, Center for Human Information Processing, 1980. № 99 [См.: Consciousness and Self-regulation / R.J. Davidson, G.E. Schwartz, D. Shapiro (Eds.). N.Y.: Plenum Press, 1986. Vol. 4. P. 1—18. — *Ред.-сост.*]; *Shallice T.* Dual functions of consciousness // Psychological Review. 1972. Vol. 79. P. 383—393.

[17] См.: *Posner M.J., Snyder C.R.R.* Attention and cognitive control // Information Processing and Cognition: The Loyola Symposium / R. Solso. (Ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1975. P. 64.

[18] См., напр.: *Freud S.* The interpretation of dreams // Standard Edition. Vol. 4, 5. L.: Hogarth Press, 1900/1975; *Posner M.J., Snyder C.R.R.* Attention and cognitive control // Information Processing and Cognition: The Loyola Symposium / R. Solso (Ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1975. P. 55—86; *Shallice T.* Dual functions of consciousness // Psychological Review. 1972. Vol. 79. P. 383—393.

[19] См.: *Lashley K.S.* The behavioristic interpretation of consciousness // Psychological Review. 1923. Vol. 30. P. 237—272, 329—353; *Miller G.A.* Psychology: The Science of Mental Life. N.Y.: Harper and Row, 1962; *Mandler G.* Consciousness: Respectable, useful, and probably necessary // Information Processing and Cognition: The Loyola Symposium / R. Solso (Ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1975.

[20] См.: *Marcel A.J.* Conscious and unconscious perception: An approach to the relations between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology. 1983. Vol. 15. P. 238—300.

[21] См. также о конструктивном взгляде на внимание Трейсман и Гилейда (*Treisman A.M., Gelade G.* A feature-integration theory of attention // Cognitive Psychology. 1980. Vol. 12. P. 97—136), весьма напоминающем предположения Марсела.

Согласно теории схем[22], мы не осознаем процесс активации и составляющие части схем. Сознательное переживание построено из активированных схем (*is constructed out of activated schemata*), репрезентирующих один или несколько составляющих процессов и свойств переживания. Получающееся в результате переживание представляет собой «попытку осмысления максимально возможного объема данных, по возможности, на самом высоком или функционально самом полезном уровне»[23].

Мы привычно осознаем важные аспекты окружения, но никогда не осознаем все данные, поступающие на сенсорные входы, или все наше потенциальное знание события[24]. В ряде экспериментов показано, что люди могут осознавать то, что обычно считается высокопорядковыми аспектами события, не осознавая составляющие его части. Испытуемые могут определить категориальную принадлежность слова, не осознавая специфическое значение и даже само предъявление слова[25]. О подобном разделении осознания категориальной и специфицирующей событие информации говорят и некоторые клинические наблюдения[26].

Сознательные построения репрезентируют самую общую интерпретацию, которая соответствует *текущим* потребностям и месту действия, придерживаясь как намерений индивида, так и требований окружения. При отсутствии каких-то специфических (внутренне или внешне вызванных) требований, текущее построение будет самым общим (или абстрактным). Так, мы осознаем ландшафт, когда разглядываем местность с вершины горы, но переходим к осознанию определенной дороги, когда возникает вопрос, как мы можем спуститься вниз, или к осознанию приближающейся грозы, когда какие-то темные облака «требуют» включения в текущее построение. При решении задачи мы будем осознавать текущие продукты умственной деятельности, наиболее близкие к субъективно самому вероятному решению проблемы.

Когда и что мы сознаем

Каковы наиболее очевидные случаи сознательных построений? Во-первых, мы нередко сознаем в процессе усвоения нового знания и поведения. Хотя сознается не всякое научение новому, построение сложных последовательнос-

---

[22] См. мое обсуждение: *Mandler G.* Cognitive Psychology: An Essay in Cognitive Science. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1985.

[23] См.: *Marcel A.J.* Conscious and unconscious perception: An approach to the relations between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology. 1983. Vol. 15. P. 238—300.

[24] См. также: *Köhler W.* Gestalt Psychology. N.Y.: Liveright, 1929.

[25] См.: *Marcel A.J.* Conscious and unconscious perception: Experiments on visual masking and word recognition // Cognitive Psychology. 1983a. Vol. 15. P. 197—237; *Fowler C.A. et al.* Lexical access with and without awareness // Journal of Experimental Psychology: General. 1981. Vol. 110. P. 341—362.

[26] См.: *Warrington E.K.* The selective impairment of semantic memory // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1975. Vol. 27. P. 635—657.

тей действий и усвоение или переструктурирование знания требуют участия сознания. Для взрослых характерно осознание мыслей и действий до тех пор, пока они не станут хорошо интегрированными и, как следствие, автоматическими. Научение вождению автомобиля является сознательным процессом, а опытный водитель действует автоматически и неосознанно. Отсюда следует, что сознательные оценивания своих действий должны более часто отражать те психические и поведенческие события, которые находятся в процессе усвоения и научения и реже — выполнение автоматических последовательностей[27].

Последовательность перехода от сознательного к неосознаваемому при научении соблюдается не везде. У малышей она обратная[28] и, по-видимому, оборачивается в простых функциях взрослых, типа перцептивного научения и выработки простых моторных умений, когда неосознанно заученные умения могут быть представлены в сознании только впоследствии. Продукты таких приобретений можно также разделить на сознаваемые и неосознаваемые, т.е. путем различения используемого при разграничении декларативного и процедурного знания[29]. Добавим, что сдвиги от неосознаваемой к сознаваемой переработке происходят нередко. Например, пианист овладевает умениями брать аккорды, выводить трели и читать с листа музыку, которые сначала представлены сознательно, но затем становятся неосознаваемыми. Однако аналитический (сознательный) способ используется тогда, когда опытный артист разучивает определенную пьесу с целью концертного исполнения, и сознательный подход необходим для того, чтобы добиться правильных ударений, фразировок и ритмов. Интересно, в какой мере этот процесс сходен с процессом, происходящем во время встречи с психоаналитиком, когда автоматические (неадаптивные?) способы обращения с миром выступают объектом сознательной теории

---

[27] Раннее и позднее изложение этого вывода см., соответственно, у Бэна и Андерсона (см.: *Anderson J.R.* Acquisition of cognitive skill // Psychological Review. 1982. Vol. 89. P. 369—406; *Bain A.* The Emotion and the Will. L.: Longmans, Green, 1859/1875. P. 541).

[28] См.: *Mandler J.M.* Representation and recall in infancy // Infant Memory / M. Moscovitch. (Ed.). N.Y.: Plenum Press, 1984.

[29] *...разграничение декларативного и процедурного знания.* По одной из классификаций видов памяти, получившей широкое признание среди когнитивных психологов, память, по основанию ее содержания, разделяют на декларативную и процедурную. Декларативная память имеет дело с различного рода знаниями, сведениями и фактами (содержания, отвечающие на вопрос «что»). Это память на слова, определения, имена, даты, события, идеи и понятия. Дополнительно в ней проводят различение памяти семантической — на содержания, не имеющие привязки к какому-то месту и/или времени (например, знание закона Ома), и памяти эпизодической — на датированные воспоминания личного опыта (например, о первом поцелуе). Процедурная память обслуживает различные навыки и умения (например, завязывать шнурки, плавать и читать, т.е. содержания, отвечающие на вопрос «как»). В отличие от декларативной памяти, она работает в основном на неосознаваемом уровне, автоматически, при выполнении тех деятельностей, которые не требуют намеренного припоминания (т.е. скрытым образом). — *Ред.-сост.*

их функционирования и затем становятся доступными для сознательного восстановления и изменения.

Во-вторых, сознательные процессы нередко активны по ходу выборов и суждений, в особенности в отношении требований действия. Эти выборы, нередко новые, требуют рассмотрения возможных результатов и последствий. Однако постулировать, что сознательное состояние наступает только при необходимости выборов, по-видимому, нет оснований. Как объяснить наше непрерывное осознание окружения? В качестве первого приближения, я предполагаю, что существует содержание сознания, которое построено из самых общих структур, свободно активируемых текущими заботами и требованиями окружения. Они выдают в сознание довольно абстрактное определение того, где мы находимся и что мы тут делаем. После выбор и избирательность произведут изменения в этом текущем «отражении» состояния мира.

В-третьих, сознательные процессы играют важную роль при «поиске неисправностей». Так, когда автоматические структуры почему-то не выполняют своих функций, определенный привычный способ действия оказывается неудачным или процесс мышления не может привести к соответствующему заключению, то необходимые аспекты мира выносятся на рассмотрение в сознание. Опытный водитель «осознает», где он находится и что он делает, когда происходит что-то новое и особенное, когда внезапно замечается какая-то осечка, полицейская машина или неожиданный светофор. Функция сознательного поиска неисправности позволяет устранить вызывающую затруднение или необдуманную переработку информации и произвести последующий выбор среди других возможностей. В противоположность представлению о созерцательности, рефлексивности[30] состояний сознания, эти доводы подчеркивают роль сознания в действии.

Текущее состояние сознания изменится, если не прояснит (не осмыслит) ситуацию, доступные возможности которой не удовлетворяют некоторому критерию действия или решения задачи. Наши ожидания могут быть опрокинуты, когда окружение все время меняется или когда невозможно усвоить какой-то внешний участок данных. Изменение определяется в терминах нашего текущего состояния сознания и особых событий, приемлемых и ожидаемых в рамках этого состояния. Бегущий трусцой может не заметить или не осознать попадающихся на его пути людей, потому что прежде те или иные прохожие постоянно встречались на данном маршруте, но слона он заметит. С другой стороны, если он получает удовольствие от длительного бега в одиночестве, то весьма вероятно станет осознавать незваных встречных, будь то слон или кто-либо еще. Когда окружение постоянно, мы отвечаем на внутренние требования и используем их для сознательных построений. Мечтатели не осознают свое окружение, пока чей-то вопль или капля дождя не потребуют объяснения в потоке сознания.

---

[30] *... о созерцательности, рефлексивности* — т.е. о пассивности состояний сознания, их замкнутости на самих себе. — *Ред.-сост.*

Одна из функций сознательного построения заключается в проведении прямого сопоставления двух и более прежде неосознаваемых содержаний психики. Именно такую функцию требует, по-видимому, феноменальное переживание выбора. Характеристика «выбора» применима к процессу принятия решения относительно двух пунктов меню, нескольких возможных телепрограмм или двух и более профессий, но не к процессу решения, определяющего, с какой ноги, правой или левой, начать прогулку по улице, почесать ухо пальцем или кулаком, отпить один или два глотка из чашки с горячим кофе. В первых случаях подразумевается необходимость выбора среди двух и более альтернатив, а в последних — лишь ситуативное господство какого-то действия. Однако при получении чашки горячего кофе мой «выбор» может заключаться в том, что я отопью один малюсенький глоточек, или при беге на сто метров я могу «выбрать» старт с правой ноги, располагая определенной информацией о том, что это улучшит время моего пробега на данной дистанции. Иначе говоря, даже для альтернатив, обычно отбираемых неосознанно, особые условия, типа возможных последствий и социальных факторов, могут увеличить вероятность подключения сознательных построений и такого же «сознательного» проведения выбора.

Выбор совершается при помощи сложных неосознаваемых механизмов, располагающих прямыми соединениями и связями с системами действия и другими исполнительными системами. Сознание допускает перераспределение активаций, благодаря которому механизм выбора действует на основании новых оценок схем и структур, активированных при данном состоянии сознания. Механизмы отбора определенных действий среди других возможных не осознаются, но условия новых выборов производятся сознательно, создавая тем самым видимость сознательных свободных выборов и действий воли[31]. Сознание открывает возможность беглого просмотра потенциальных действий и выборов, сосуществования альтернативных исходов, изменения важности схем в пользу схемы, обещающей большую вероятность успеха, и так далее. Одновременность объектов и событий в сознании открывает возможность появления новых ассоциаций, актуализации познавательных структур, прежде бездействующих, а теперь активируемых посредством сознательных структур. В деятельностях, направленных на решение задач, наше осознание различных возможностей и попыток решения нередко учитывается в том процессе, который определяет окончательный результат. Хотя эти сознательные деятельности и связаны с теми неосознаваемыми активациями и переработкой, на которые они оказывают влияние, они не являются единственными силами, прямо определяющими действия. Во многих ситуациях они подобны неосознаваемым деятельностям и отсюда делается вывод, что мышление непосредственно опре-

---

[31] См.: *Norman D.A., Shallice T.* Attention to action: Willed and automatic control of behavior // Technical Report. San Diego: University of California, Center for Human Information Processing, 1980. № 99. [См.: Consciousness and Self-regulation / R.J. Davidson, G.E. Schwartz, D. Shapiro (Eds.). N.Y.: Plenum Press, 1986. Vol. 4. P. 1—18. — *Ред.-сост.*]

деляет действия. Но мышление, определяемое как сознательные содержания психики, на самом деле эпифеномен в одном смысле и решающий фактор — в другом. Оно определяет дополнительные неосознаваемые процессы, но на несколько шагов удалено от тех действительных процессов, которые пропитывают нашу психическую жизнь. Сознательные мысли выступают в качестве хороших, фактически лучших из доступных первых приближений, но не замещают представлений и процессов, необходимость которых приходится постулировать для существенного понимания действия и мышления человека.

Цель вышесказанного заключалась, главным образом, в объяснении изменений содержаний сознания. Это обсуждение не затрагивало другого значения сознания, подразумевающего различие между осознаваемым бытием и неосознаваемым бытием как непрерывным состоянием. За состоянием «сознательного бытия» как отличающегося от бытия неосознаваемого и невосприимчивого к любым внутренним или внешним данным стоят какие-то постоянно активированные психические структуры, которые определяют текущее состояние нашего мира и ожидания, порождаемые такими структурами при всех обстоятельствах.

Сознание и отчет о переживаниях

К настоящему времени твердо установлен тот факт, что люди создают представления не только своих восприятий, мыслей и действий, но и *относительно* их продуктов. Одно из необходимых различений, которое не следует забывать при изучении сознания, — это различение между основными структурами и схемами, которые строят мышление и действия, с одной стороны, и познавательными структурами, которые истолковывают, описывают и порой присоединяются (*access*) к первым, определяющим структурам — с другой. Последние я называю ***вторичными структурами***. Такие вторичные структуры особенно очевидны, когда дело касается систем действия, которые нередко остаются недоступными сознательному построению. Эти вторичные схемы относительно наших мыслей и действий обычно представлены в доступных сознанию личных теориях и мнениях. Нечто, представленное в сознании и доступное отчетам самонаблюдения, зачастую вообще не является отражением действующих процессов и структур.

Наиболее широкое и подробное обсуждение отношения между предполагаемыми познавательными процессами и отчетами сознания провели Низбетт и Уилсон[32]. В таких разнообразных областях как исследования атрибуции[33],

---

[32] См.: *Nisbett R.E., Wilson T.D.* Telling more than we can known: Verbal reports on mental processes // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 231—259.

[33] *Атрибуция* — термин из области социальной психологии, обозначающий акт приписывания, нередко ошибочного, каких-то характеристик (личностных черт, эмоций, мотивов и др.) самому себе или другим людям. — *Ред.-сост.*

восприятия, решения задач, выбора, предсказаний и эмоциональных ответов они обнаружили убедительные данные, говорящие об отсутствии связи между тем, о чем люди сообщают как о пережитом, и тем, что произошло объективно. Отчеты, по-видимому, точны лишь тогда, когда условия являются заметными и правдоподобными причинами вызываемых ими действий. Низбетт и Уилсон приходят к выводу, что отчеты о переживаниях «основаны на не зависимых от опыта, подразумеваемых теориях причин или на суждениях относительно <...> правдоподобной причины данного ответа»[34]. Эти подразумеваемые теории и суждения я называю вторичными структурами. Нередко они являются житейскими теориями мышления и деятельности, которые дают людям данной культуры сведения относительно правдоподобных, социально приемлемых причин.

Должно быть очевидно, что всякий раз, когда сознательное содержание строится для того, чтобы попытаться восстановить ряды событий, происшедшие когда-то в прошлом, а [теперь лежащие. — *Ред.-сост.*] глубоко в психике, на такие построения повлияют активации как прошлого, так и настоящего. В результате отчеты самонаблюдения будут чаще всего отражать не то, что происходило «на самом деле», а то, что является наиболее приемлемым в момент самонаблюдения[35].

Чем определяется такое построенное содержание сознания? В конце концов, нечто, имеющее значение в одной ситуации, может не иметь его в другой. Более того, нечто функционально полезное может быть очень специфическим, как например, знание о том, где в холодильнике обычно лежит масло, или до некоторой степени общим, как, например, знание, что ножи для масла не годятся для резки огурцов на тонкие ломтики. Главными источниками отдельного построения являются текущие задачи и контексты, намерения и потребности. В рамках теории схем восприятия объясняются как результат и внешних данных, и внутренних процессов (переработки «снизу вверх» и «сверху вниз»[36]). Так и сознание в большинстве случаев определяется как активированными высокопорядковыми структурами, так и данными окружения. Взаимодействующие, многократно отражающиеся процессы переработки «сверху вниз» и «снизу вверх» обычно представляют умозрительно на примере схем, получающих начальную активацию от внешних данных — схем, которые, как только активируются, становятся избирательными в направлении и торможе-

---

[34] *Nisbett R.E., Wilson T.D.* Telling more than we can known: Verbal reports on mental processes // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 231.

[35] См.: Там же. P. 231–259.

[36] ... *переработка снизу вверх и сверху вниз* (bottom up and top down processing) — переработка «снизу вверх» начинается и контролируется процессами, запускаемыми и определяемыми физическими стимулами; переработка «сверху вниз» управляется правилами, знаниями, ожиданиями и мыслями относительно перерабатываемого материала. — *Ред.-сост.*

нии активации. В противоположность этому, структуры, представляющие намерения и толкования ситуативных требований, сначала активируются «сверху вниз»; они зависят от предшествующих оцениваний и активаций ситуативных опознаний и толкований, от текущих потребностей и целей. Они не нуждаются в получении активации от физических данных нашего окружения. При нормальном ходе событий такие более абстрактные и общие структуры определяют, что мы делаем, что мы хотим делать, и что нам надо делать. Их специальная роль заключается в удовлетворении требований ситуаций и намерений. Менее общие и более специфические схемы определяют сознательные построения лишь тогда, когда задача и намерение сводятся к частностям, детализируются.

В моем предположении, что высокопорядковые структуры формируют текущее сознание, но это построенное сознание не является отражением и не тождественно существующим неосознаваемым структурам, есть какое-то движение по кругу. Эти высокопорядковые структуры сами являются «существующими структурами». Настаивать на том, что эти структуры весьма абстрактны — это одно возможное решение указанного очевидного парадокса. Под абстрактностью я имею в виду то, что конкретный пример этих структур может быть нагружен множеством различных переменных и значений переменных. И наоборот, такие структуры сохраняют очень мало неактивированных значений. Они остаются пассивными, пока не будут нагружены специфическими данными, специфической информацией из внутрипсихического и внепсихического окружения. При наблюдении спектакля той из структур, которая строит сознание, потребуется некоторая информация об особенностях сюжета (кто, что и кому сделал) и какое-то опознание действующих лиц. Однако никакого бездействующего значения данного сюжета на этом уровне нет. Я не предполагаю, что это преднамеренное убийство или историческая пьеса Шекспира, если не доступна достаточная информация.

Поскольку «намерения» очевидно являются одним из видов структур, определяющих содержания сознания, нам следует провести различение между намерением как теоретическим положением и намерением как субъективным представлением. В качестве теоретического положения оно воплощает понятие цели, будущего состояния мира. Однако *субъективное* осознание намерений не обязательно соответствует этому теоретическому положению. Субъективные намерения нередко могут быть более личными, часто словесными истолкованиями наступающего последствия действия.

Сознание избирательно и отзывчиво и к сознательным, и к неосознаваемым намерениям. Очевидно, что его содержания могут моментально и значительно изменяться. Одна из причин быстрого изменения заключается в том, что *в любой данный момент времени переживаться может только одно сознательное построение*. Хорошо известные двузначные изображения (будь то поднимающиеся и опускающиеся лестницы или молодая и пожилая женщи-

ны)[37] представляют тот случай, когда при данной физической конфигурации переживается только одно сознательное построение, хотя мы и знаем, что возможны два разных построения. Сходное явление наблюдается в случае многозначных слов. Мы знаем, что слово *table* [стол, таблица. — *Ред.-сост.*] может обозначать объект, который встречается или в комнатах, или в книгах, но мы не в состоянии мыслить оба эти значения одновременно. С другой стороны, когда предполагаются два отдельных объекта — как в случае «таблица (*table*) количественных данных лежит на обеденном столе (*table*)» — мы легко строим *единое* сознательное содержание.

В скобках я должен отметить, что сознание неизбежно является последовательной системой хотя бы вследствие того факта, что [в данный момент времени. — *Ред.-сост.*] возможно лишь единое толкование данного события. Последовательность сознания является одним из главных решений проблемы, с которой сталкиваются современные теории распределенной параллельной переработки[38] — каким образом из параллельных структур создаются последовательные структуры.

Ограничение сознательного опыта

Мы, очевидно, никогда не осознаем все доступные данные, которые нас окружают, а осознаем только их небольшую подгруппу. В чем заключается природа этого ограничения? Сколько из окружающих нас вещей или внутренних событий мы можем представить в сознании? Моментальное сознание явно ограничено. В основе исторического интереса к ограничению сознания лежит убеждение, что в любой момент времени психикой могут быть схвачены только немногие (не более шести) «объекты»[39]. Такая общая характеристика функционирования человека как ограниченная мощность внимания (*limited attentional capacity*) должна играть еще более важную роль в мышлении и действии. Я предполагаю, что характеристика ограниченной мощности сознания

---

[37] ... *двузначные изображения* — рисунки, которые могут быть неоднозначно интерпретированы в системе зрительного восприятия, т.е. попеременно видятся различным образом. — *Ред.-сост.*

[38] ... *теории распределенной параллельной переработки* — в когнитивной психологии класс теоретических моделей структуры системы переработки информации как состоящей из множества параллельно работающих узлов, или единиц. — *Ред.-сост.*

[39] Уильям Джеймс твердо установил понятие ограниченной мощности (*the limited capacity concept*) в качестве краеугольного камня нашего знания о сознании или внимании, а Дж. Миллер сделал его центральным положением современных подходов к изучению переработки информации (см.: *Miller G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81—97 [Рус. пер. см.: Инженерная психология / Под ред. Д.Ю. Панова, В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 192—225. — *Ред.-сост.*]).

служит, прежде всего, для дополнительного уменьшения того «цветущего беспорядка»[40], который физический мир потенциально предоставляет организму. Как конечные сенсорные органы и центральные преобразователи резко уменьшают и категоризуют мир физических стимулов до функциональных стимулов[41], которые и отмечаются на самом деле, так и процесс сознания дополнительно уменьшает доступную информацию до небольшой, поддающейся управлению и последовательной подгруппы. Ограничение емкости сознания определяет, что на самом деле сознательно поддается управлению. Хотя мы и не знаем, почему уменьшение доходит до той величины, которую мы наблюдаем, разумно предположить, что какое-то уменьшение необходимо. Просто рассмотрим процесс последовательных парных сравнений (в ситуации выбора) среди *n* структурных единиц[42] в сознании. Ясно, что число *n* должно быть ограничено, чтобы организм сделал выбор за какое-то приемлемое время[43].

Бывают случаи и стимулы, требующие емкости сознания и построения почти автоматически. Среди них интенсивные стимулы и внутренние физиологические события, типа активности автономной нервной системы. Всякий раз, когда такие события предъявляют требования и занимают какую-то часть системы ограниченной емкости, пострадают другие познавательные функции; они будут вытеснены из сознательной переработки и деятельности решения задач ухудшатся. Когда прерывается текущее сознательное и неосознаваемое мышление или действия неудачны, то возникающие в результате висцеральные

---

[40] ... *«цветущего беспорядка»* — выражение У. Джеймса. — *Ред.-сост.*

[41] *Функциональные стимулы* — те стимулы или те их аспекты, которые действительно в той или иной степени определяют ответы, т.е. поведение. — *Ред.-сост.*

[42] *Структурные единицы* (chunks) — единицы переработки, хранения и восстановления информации в системе кратковременной памяти. — *Ред.-сост.*

[43] В другом месте я уже обсуждал тот способ, каким эти моментальные состояния сознания строят феноменальную непрерывность и поток сознания (см.: *Mandler G.* Mind and Emotion. N.Y.: Wiley, 1975). О других аспектах ограничения емкости сознания см.: *Graesser II A.C., Mandler G.* Limited processing capacity constrains the storage of unrelated sets of words and retrieval from natural categories // Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory. 1978. Vol. 4. P. 86—100; *Mandler G.* Organization and repetition: Organizational principles with special reference to rote learning // Perspectives on Memory Research / L.G. Nilsson (Ed.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979; *Mandler G.* Recognizing: The judgment of previous occurrence // Psychological Review. 1980. Vol. 87. P. 252—271; *Mandler G., Graesser II A.C.* Dimensional analysis and the locus of organization // Technical Report. № 48. San Diego: University of California, Center for Human Information Processing, 1975; *Miller G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81—97 [Рус. пер. см.: Инженерная психология / Под ред. Д.Ю. Панова, В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 192—225. — *Ред.-сост.*]. О феномене одномоментного схватывания (*suibitizing*), при изучении которого получено множество экспериментальных данных, см.: *Kaufman E.L. et al.* The discrimination of visual number // American Journal of Psychology. 1949. Vol. 62. P. 498—525; *Mandler G., Shebo B.J.* Subitizing: An analysis of its component processes // Journal of Experimental Psychology: General. 1982. Vol. 111. P. 1—22.

ответы[44] также требуют представленнности в сознании, тем самым еще сильнее мешая текущей сознательной деятельности[45].

Если мы рассматриваем сознание как интегрированное построение доступных данных — построение, которое феноменально выглядит «целостным», тогда ограничение до определенного числа элементов, объектов, событий или структурных единиц вероятно можно объяснить ограничением этих элементов *внутри* и *посредством* структур, определяющих целостное сознательное переживание. Схема или схемы, представленные в данном сознательном построении, с необходимостью сужены до определенного числа признаков или отношений. Познавательные «структурные единицы» (организованные пучки знания) действуют как единицы такого построенного переживания. Однако только ограниченное количество таких структурных единиц, образующих часть организованного целого, составляет часть текущего сознательного опыта. Например, когда я смотрю в окно, я осознаю наличие деревьев, дорог и людей благодаря ограниченному числу индивидуально организованных схем, составляющих «вид» из окна. Я могу переключить свое внимание — перестроить свой сознательный опыт — фокусируясь на одном из этих событий и заметить, что некоторые люди едут на велосипедах, другие же идут пешком, какие-то из них мужчины, а какие-то — женщины. Переключив внимание (сознание) еще раз, я вижу знакомого и замечаю, что он прихрамывает, несет портфель и разговаривает с человеком, идущим рядом с ним. Деревья, люди на велосипедах и так далее в этот момент уже не являются частью моего текущего сознания. В каждом случае в сознание входит новое переживаемое целое, состоящее из новых и иначе организованных структурных единиц.

Последствия осознания

Ранее я упомянул, что один из доводов против причинной действенности состояний сознания заключается в том, что обычно они происходят *после* того события, с которым они, предположительно, связаны. Основание этого аргумента лежит в непрекращающихся размышлениях относительно психотелесных отношений, а именно относительно того, каким образом эти неосязаемые сознательные состояния психики могут вызывать физические телесные события. Эти запутанные связи я обсудил в другом месте[46]. Здесь же хочу высказать предположение, что состояния сознания могут повлиять на *последующие* пси-

---

[44] *Висцеральные ответы* — здесь: реакции внутренних органов и физиологических систем на эмоционально воспринимаемые стимулы окружения. — *Ред.-сост.*

[45] См. обзор: *Mandler G.* Thought processes, consciousness, and stress // Human Stress and Cognition: An Information Processing Approach / V. Hamilton, D.M. Walburton (Eds.). L.: Wiley, 1979.

[46] См.: *Mandler G.* Cognitive Psychology: An Essay in Cognitive Science. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1985.

хические события и физические действия человека. Короче, я разрабатываю идею, что события, представленные в сознании, активируют релевантные[47] основные структуры.

Активация необходима структурам прежде всего для того, чтобы войти в состав состояний сознания. Нам нужно расширить эту идею, чтобы утверждать, что представленные в сознании возможные альтернативы, выборы и соревнующиеся гипотезы получают добавочную активацию и поэтому усиливаются. Эта гипотеза избирательной и ограниченной активации ситуативно релевантных структур не требует от сознания никакой напоминающей гомункулуса[48] функции, в которой некий деятель контролирует, отбирает и направляет мысли и действия, ставшие доступными в сознании. Это предположение можно легко расширить с целью объяснения некоторых феноменов решения задач человеком. Активация необходима, но недостаточна для сознательного построения. Последнее отчасти зависит от предшествующих сознательных построений. Поиск решений задач и мнемических целей (как при воспроизведении) обычно имеет двойника, который нередко выражен в протоколах самонаблюдения. В этих задачах по ходу поиска в сознании появляются именно те пункты, где совершаются шаги по направлению к решению и достигнут пункт выбора, в котором непосредственно следующие шаги не являются очевидными. В этом пункте текущее состояние мира отражается в сознании. Это состояние отражает продвижение к цели, а также возможные ближайшие шаги. Строится состояние сознания, отвечающее тем аспектам текущего поиска, которые *соответствуют*, правда частично и нередко неадекватно, искомой цели. В этих пунктах сознание точно изображает промежуточные станции на пути к решениям и служит для того, чтобы сократить и сфокусировать последующие пути, активируя те из них, которые в настоящее время находятся внутри данного сознательного построения.

Эта функция сознания в общем является консервативной в том смысле, что подчеркивает и вновь активирует те содержания психики, которые в настоящее время используются в сознательном построении и выглядят непосредственно значимыми и полезными. Она также касается наблюдения, что в условиях стресса[49] люди склонны к повторению прежних безуспешных попыток решения задачи. Несмотря на это неадаптивное последствие, можно привести разумный довод, что для организма часто бывает весьма полезно продолжать делать то, что явно выглядит успешным и самым уместным. Однако, как неизбежное следствие этого механизма, события, абсолютно разрушительные и несоответствую-

---

[47] *Релевантные* — уместные, относящиеся к делу или необходимые для решения поставленной задачи. — *Ред.-сост.*

[48] *Гомункулус* — буквально «маленький человечек»; здесь как метафора некой находящейся в головном мозгу автономной структуры, принимающей решения. — *Ред.-сост.*

[49] *В условиях стресса* — т.е. при любых обстоятельствах, вызывающих состояние физиологической и/или психологической напряженности. — *Ред.-сост.*

щие текущему контексту, должны выполнить совершенно иную функцию. Нет никакого очевидного сознательного построения, которое можно было бы принять на вооружение, когда оказываются явно неадекватными как тенденции к действию, преобладающие в настоящее время, так и их альтернативы. В этом пункте на службу будут призваны новые структуры, некоторые из которых уже могли быть ранее активированы до какого-то сравнительно слабого уровня.

Адаптивность сознания

Существует множество значений понятия адаптации; как адаптивный результат процессов эволюции его используют чаще всего. Однако последствия процессов эволюции не обязательно адаптивны, да и адаптивные функции организма не обязательно являются результатами процессов эволюционного отбора, сосредоточенного на рассматриваемой структуре или функции. Полезность и универсальность сами по себе не служат доказательствами эволюционного отбора. Только отметим, что люди универсально используют свои руки при письме; однако никто не стал бы доказывать, что эволюционные процессы отобрали человеческую руку в силу ее полезности для письма. Кроме того, эволюция сложных функций обычно является результатом эволюции множества разнообразных, иногда совершенно несвязанных функций и структур. Одной из таких сложных функций, вероятно, является сознание. Какое-то одно событие истории нашей эволюции едва ли могло привести ко всем обсуждаемым здесь аспектам сознания.

Сознание как феномен развивалось медленно и постепенно в качестве характеристики весьма сложных организмов с весьма сложной психикой. Сознательное состояние наступает в тех случаях, когда необходимо дополнительное представление психических событий: 1) для совмещения или сопоставления двух и более прежде не связанных содержаний психики; 2) для описания наиболее важных для человека аспектов текущего состояния мира; 3) при попытках понимания мотивов совершаемого действия, опирающихся на систему представлений, которая может функционировать независимо и параллельно другим психическим процессам. Мы слишком часто подавлены несомненной ощутимостью сознания, его особенным, связанным с *Я* статусом и очевидными явлениями, происходящими «в наших головах». Вопреки этому, своеобразной характеристикой сознания или осведомленности обладает такая вторичная система, которая иногда комментирует, иногда контролирует, иногда только автоматически проявляется. Некто может вообразить, что у этой системы должны быть какие-то другие проявления или свойства, но так уж случилось, что она была построена в процессе эволюции человека именно таким особым образом.

Что касается предположений относительно эволюции сознания, то я думаю, что необходимость в некоторой вторичной системе контроля (*secondary monitoring system*) назрела в то время, когда в достаточной степени возросли

сложность решаемых задач и сложность информации, которую надо было контролировать; тогда же произошел и ее отбор. Вторичная «сознательная система» могла возникнуть в связи лишь с одной из описанных здесь функций сознания. Впоследствии гомологичным образом[50] эта система адаптировалась к выполнению других функций и — за тысячелетия — превратилась в сложную самостоятельную систему. Мы продолжаем развивать сознание в онтогенезе, когда это нужно и становится возможным благодаря необходимым основным структурам. Самым удивительным представлением в сознании является, конечно, представление о самом себе с помощью структур и схем, репрезентирующих знание о том, кто мы такие, в чем заключаются наши потребности и желания, страхи и надежды. Способность осознавать самого себя не является характеристикой, развивавшейся отдельно или подаренной в каком-то тупиковом пункте истории. Это скорее всего результат непрерывного развития сознания.

Данный подход и не принимает, и не исключает возможность того, что система сознания развивалась на стадии эволюции, предшествующей появлению человека. Следовательно, сложноорганизованные животные могут обладать ограниченными вторичными системами «сознания», полученными по наследству от наших общих предков, или же они могли выработать эти системы независимо, в ответ на давление сложной переработки, или же могли не разрабатывать их вообще.

С этой точки зрения сознание не считается феноменом «все или ничего», т.е. вы либо имеете «его», либо не имеете. Вернее, оно появляется в ответ на требования переработки в специальных областях, различных в разное время. Сознание может быть, а может и не быть функцией, свойственной только человеку и, что еще важнее, оно не появилось внезапно и недавно. Такой взгляд прямо противоречит мнению тех философов и психологов, которые придают сознанию уникально человеческий оттенок ограниченности языком и умственными способностями. В частности, он отвергает заявления Джулиана Джейнза о том, что сознание появилось несколько тысяч лет тому назад[51].

Текущие содержания сознания строятся со схемой высокого уровня, которая связана с двумя или более низшими схемами и интегрирует последние в одно сознательное целое, отвечающее требованиям данного момента. Это предположение подтверждает тот факт, что пациенты с амнезией[52] не способны к такой интеграции; кроме того, об этом же свидетельствуют результаты исследования процессов построения перцептивного образа, полученные Марселом. Одним из следствий такой позиции является то, что наличие «созна-

---

[50] *Гомологичным образом* — т.е. без существенных структурных изменений. — *Ред.-сост.*

[51] См.: *Jaynes J.* The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

[52] *Амнезия* — любая потеря памяти (т. е. нарушение запоминания или припоминания какого-то материала), по своим масштабам и степени значительно превосходящая обычное забывание. — *Ред.-сост.*

ния» — это не какая-то характеристика, описывающая отдельного человека или животное; данный индивид обладает потенциалом построения содержания сознания тогда и только тогда, когда располагает высокопорядковой структурой, которая в любой нужный момент может построить специфическое содержание сознания. Поэтому люди не сознают и не могут осознавать все что угодно в своем окружении или в арсенале своей психики, но могут осознавать специфические виды событий в своей внутренней среде и внешнем окружении. Какие это будут виды событий, зависит от того прошлого опыта, который был у человека в отношении рассматриваемых явлений и переживаний. Этим объясняется, например, почему художники и музыканты могут воспринимать (сознательно) такие аспекты живописи и музыки, которые не воспринимаются необученным глазом и ухом. Необходим и прошлый опыт в отношении составных частей, и какое-то первоначальное построение и знание релевантных высокопорядковых структур. Иначе говоря, развитие осознания определенных объектов может быть медленным и кумулятивным[53] процессом.

Такого рода подход может быть полезен и для понимания развития сознания маленьких детей. Мы не думаем, что малыш внезапно осознает весь свой мир. Способность к построению содержаний сознания должна зависеть от развития взаимодействия ребенка с его окружением. Например, можно предполагать, что ребенок очень рано строит сознательные представления о заботящихся о нем людях, о режиме кормления и так далее, в то время как для понимания речи требуется гораздо больше времени. Это происходит благодаря развитию каких-то врожденных структур, которые впоследствии становятся компонентами высокоуровневых схем понимания и использования речи. Таким образом, с развитием языка и его овладением возникают металингвистические способности ребенка[54], т.е. он, в отличие от паука, который не знает своей паутины, познает, что такое язык[55].

В качестве еще одного теоретического препятствия можно обсудить проблему сознания животных. Дело, возможно, не в том, сознают или не сознают млекопитающие, а в том, развилась ли где-то среди них способность к построению сознания, и в том, что богатство и широта этого сознания зависят от богатства и широты имеющихся у них основных когнитивных структур, кодирующих и формирующих способность познавать мир и взаимодействовать с ним. Животные с относительно большей когнитивной сложностью, типа приматов, обладали бы более широким аппаратом сознания, чем менее сложные животные,

---

[53] *Кумулятивный процесс* — т.е. процесс медленного накопления, сосредоточенного в одном направлении или месте. — *Ред.-сост.*

[54] *Металингвистические способности* — способности к контролю и гибкому, соответствующему ситуации управлению средствами языка при его использовании в разного рода целях. — *Ред.-сост.*

[55] См.: *Gleitman L.R., Gleitman H., Shipley E.F.* The emergence of the child as grammarian // Cognition. 1972. Vol. 1. P. 137—164.

типа грызунов или псовых. Вопрос, возможно, заключается не в том, сознают ли животные, а в том, какое ограниченное число событий и объектов они могут сознавать.

Расхождения, ошибки и невнимательность

Я занимаюсь эмоциональными и в особенности автономными последствиями[56] прерываний и расхождений (*interruptions and discrepancies*) свыше двадцати лет[57]. Их связь с эмоциями заключается в том, что нарушение ожиданий, восприятие расхождений, блокировка или прерывание деятельности — все это является достаточными предпосылками автономного (симпатического) возбуждения. Вкратце, моя позиция состоит в том, что построенное сознательное переживание получается из представлений познавательных оцениваний, с одной стороны, и восприятия автономных и висцеральных реакций — с другой. В результате получается единое содержание сознания; оно «чувствуется» как единичная эмоция, а не как соединение или основных представлений или более простых фундаментальных эмоций. Отсюда становится понятной уникальность каждого эмоционального переживания (нет ситуации такой же или оцениваемой таким же образом как любая другая) и можно объяснить сходство различных эмоций (все они обладают висцеральными переживаниями как частью и, кроме того, есть сходство между различными ситуациями и действиями, порождающими оценочные познавания).

Итак, расхождения и приостановки являются одним из главных источников эмоциональных переживаний, так как обусловливают единый компонент эмоционального построения. Мы провели лабораторные исследования и обнаружили, что даже самые безобидные расхождения вроде банального, но неожиданного окончания простой истории вызывают увеличение частоты сердцебиения. В случае расхождения психическая система может без труда найти какой-то способ с ним справиться, но если этого не происходит, может наступить ряд различных последствий. В особенности нелегко найти соответствующую структуру, приспосабливающую свои характеристики, когда разрыв вызван текущими активациями из окружения. Однако распространяющаяся активация в итоге обнаружит какие-то альтернативные структуры, которые обеспечат поддержку новых, порожденных миром данных. В этом последствии и состоит то, что обычно включается в процесс овладения ситуацией. В более крайних случаях непрекращающиеся прерывания и расхождения могут привести к паническим и другим эмоциональным ответам.

---

[56] *Автономными последствиями* — т.е. результатами возбуждения автономной, симпатической и парасимпатической, нервной системы. — *Ред.-сост.*

[57] См.: *Mandler G.* The interruption of behavior // Nebraska Symposium on Motivation / D. Levine (Ed.). Lincoln, Nebr.: University of Nebraska Press, 1964; *Mandler G.* Mind and Body: Psychology of Emotion and Stress. N.Y.: Norton, 1984.

Умение создавать прерывания, новые необычные видения мира, вероятно, необходимо как для научного, так и для художественного творчества. Интересный пример получен французским психоаналитиком Лаканом[58] при использовании совершенно неожиданного сокращения и прерывания его сеансов с клиентами. «Окончание сеанса, неожиданное и нежеланное, было похоже на внезапное пробуждение, подобно громкому звону будильника, вырвавшему из сновидения. (Один пациент сравнил это с *coitus interruptus* [*лат.* прерванный половой акт. — *Ред.-сост.*])». Эти короткие сеансы, по-видимому, облегчали доступ к бессознательному, а «комбинированное давление краткости сеансов и непредсказуемости их прекращения создавало условие, значительно усиливающее тенденции субъектов к свободному ассоциированию»[59].

В заключение я хотел бы остановиться на программных вопросах, поставленных современной психологией сознания. Каковы цели удовлетворительной когнитивной теории сознания? Какие главные проблемы все еще нуждаются в объяснении и расчленении? Один из вопросов, которые здесь необходимо поставить, касается условий выпадений из сознания и вторжений в сознание. Некоторые авторы предполагают, что в таких случаях обязательны «действие эмоциональных мотивов и неосознаваемые операции защиты». Разрешите начать с утверждения, что эти выпадения и вторжения происходят постоянно, как аспект нормального функционирования психики человека, и что их изучение при таких нормальных обстоятельствах было бы весьма полезным, а исследование обычных функций психики человека может быть успешным путем к пониманию патологии, точно также как исследование патологии может быть быть полезным для понимания нормального функционирования[60].

В частности, полезно помнить, что вторжения составляют большую часть повседневного мышления. Нам постоянно, непроизвольно и автоматически приходят в голову важные и неважные факты, способы решения задач, «неуместные» ассоциации, о которых мы, напрягая все воображение, не сможем говорить как о «динамически» существенных. На самом деле эти вторжения фактов и воспоминаний мы без особого труда можем вызвать в лаборатории. Современные исследования ошибок человека открывают возможность понимания большинства ошибочных действий и оплошностей, совершаемых человеком[61], несмотря на то, что эмоциональным факторам в этих случаях уде-

---

[58] Лакан (*Lacan*) Жак (1901—1981) — представитель «структурного психоанализа», основатель и лидер т.н. парижской школы фрейдизма. — *Ред.-сост.*

[59] См.: *Schneiderman S.* Jacques Lacan: The Death of an Intellectual Hero. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983.

[60] Если мы пойдем за Фрейдом и назовем эти случаи психопатологией обыденной жизни, то упустим цель понимания нормальной психики, непатологической и адаптивной, какой она, вероятно и является.

[61] См.: *Norman D.A.* Categorization of action slips // Psychological Review. 1981. Vol. 88. P. 1—15; *Norman D.A.* Design rules based on analyses of human error // Communications of the ACM. 1983. Vol. 4. P. 254—258.

ляли очень мало внимания. Кроме того, такая теория, открывающая нам возможность понимания ошибок человека, вероятно, позволит детально разобраться с более драматическими и «динамическими» случаями выпадений и вторжений.

Конкретно, я описываю теорию активации и схем — идею взаимодействия предварительно активированных схем, облегчающего и/или тормозящего функционирование других структур и схем. Эти схемы если не тождественны, то подобны представлению Фрейда о бессознательном, предсознательном и сознательном. Для того, чтобы структура участвовала в построении сознания, она должна стать «предсознательной», или предварительно активированной. В соответствии с этим, когда мы обнаруживаем вторжения в повседневной жизни или в случаях динамических явлений, мы ищем те схемы, которые активированы и в настоящее время проявляют себя в новых и нередко неожиданных содержаниях сознания. В лаборатории мы можем вызвать эти активации экспериментально и обнаружить автоматические и непроизвольные ошибки восприятия и памяти, которые, как это может быть показано, должны быть функцией именно этих схем. Посмотрите, например, работы, посвященные исследованию эффектов предшествования, иллюзорных соединений и видения вслепую[62].

Большинство этих вторжений и выпадений не является, в обычном смысле этого термина, мотивированным. Они происходят автоматически и «по невнимательности». Одна из проблем, вставших перед нами, заключается в освещении действия «невнимательных» систем параллельной переработки информации при так называемом рациональном мышлении, в представлении о котором мы все еще остаемся детьми XIX в. и верим в рациональность человечества. Вместо этого нам следует больше заниматься вопросом о том, как «невнимательные» механизмы создают видимость рациональности. Цель теоретической психологии состоит в объяснении и развитии таких отвечающих здравому смыслу понятий, как рациональность. Однако видимости, отвечающие здравому смыслу, являются и должны быть признаны продуктами психологических механизмов. Нам надо показать, как строятся рациональное и нерациональное мышление и действие. К подобным пережиткам

---

[62] См.: *Neely J.H.* Semantic priming and retrieval from lexical memory: Roles of inhibitionless spreading activation and limited-capacity attention // Journal of Experimental Psychology: General. 1977. Vol. 106. P. 226—254; *Treisman A.M., Schmidt H.* Illusory conjunctions in the perception of objects // Cognitive Psychology. 1982. Vol. 14. P. 107—141; *Weiskrantz L. et al.* Visual capacity in the hemianoptic field following a restricted occipital ablation // Brain. 1974. Vol. 97. P. 709—728. [*Эффекты предшествования* (priming) — влияние предварительно воспринятой информации на выполнение задания, для которого эта информация не нужна; *иллюзорные соединения* (illusory conjunctions) — при условии отвлечения или рассеяния зрительного внимания испытуемый может увидеть иллюзорные соединения частей или свойств объектов, расположенных в различных участках поля зрения; *видение вслепую* (blindsight) — человек не в состоянии сознательно видеть какую-то часть своего зрительного поля, но несмотря на это в некоторых случаях может действовать так, как будто он ее видит. — *Ред.-сост.*]

XIX столетия относятся и такие понятия, как воля, цель и отмеченные мною выше намерения. Более детального теоретического обсуждения требуют даже такие понятия, как умственное сопоставление и внутреннее управление. Вернемся к моей идее вторичных схем — комментария и истолкований наших мыслей и действий, производимых неосознаваемыми процессами. В большинстве случаев сознательные намерения, цели и чувство контроля выступают как такие комментарии, житейские и уникальные модели и теории, предназначенные для того, чтобы сделать наше поведение понятным самим себе и другим людям. Как таковые они не являются психологическими механизмами. Подобным образом, чтобы показать, что содержание памяти остается «активным», потому что значимо для индивида, необходимо некоторое теоретическое развитие представлений о возникновении понятия значимости, отвечающего здравому смыслу.

Короче говоря, нам необходимо осознать скрытых гомункулусов, в особенности тогда, когда они становятся не просто метафорами и толкованиями культуры, а действующими психологическими механизмами. Тогда перед нами опять возникает как центральная теоретическая задача объяснения того, каким образом основные представления строят специфические умственные содержания сознания.

А.М. Людвиг

Измененные состояния сознания*

За тонкой поверхностью сознания человека лежит относительно неизведанная область психической деятельности, природа и функции которой никогда не были ни систематически исследованы, ни адекватно изучены. Несмотря на существование большого количества клинического и экспериментального материала, касающегося мечтаний и грез, сна и дремоты, гипноза и гипнотических состояний, сенсорной депривации, истерических состояний диссоциации и деперсонализации, фармакологически индуцированных психических расстройств и т.д., сделано мало попыток организовать и систематизировать эту разрозненную информацию в согласованную теоретическую систему. Я бы хотел интегрировать и обсудить современное знание о различных измененных состояниях сознания в попытке определить (а) условия, необходимые для их появления, (б) факторы, влияющие на их внешние проявления, (в) их общие и/или отличительные особенности и (г) адаптивные или дезадаптивные функции, которые они предоставляют человеку.

С целью дальнейшего обсуждения я буду считать измененным(и) состоянием(ями) сознания (далее — ИСС) любое психическое состояние(я), индуцированное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое субъективно распознается самим человеком (или его объективным наблюдателем) как достаточно выраженное отклонение субъективного опыта или психического функционирования от его общего нормального состояния, когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании. Такого рода отклонения могут быть представлены большей, чем обычно, озабоченностью внутренними ощущениями или мысленными процессами, изменением формальных характеристик мышления и ослаблением способности проверки реальности различной степени. Хотя в таком обобщенном определении существуют некоторые концептуальные тупики, они более чем

---

* *Людвиг А.М.* Измененные состояния сознания // *Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М.: Эксмо, 2003. С. 14—37.

компенсируются многочисленными клиническими феноменами, которые теперь можно рассматривать и изучать как предположительно родственные.

Продуцирование ИСС

ИСС можно вызвать в любой обстановке при помощи самых разных средств или приемов, которые препятствуют нормальному притоку сенсорных или проприоцептивных стимулов, нормальному выходу моторных импульсов, нормальному «эмоциональному настроению» или нормальному течению и организации когнитивных процессов. Для поддержания нормального, бодрствующего состояния сознания, по-видимому, существует необходимый оптимальный уровень экстероцептивной стимуляции, и если стимуляция ослабляется или усиливается, то это, вероятно, способствует выработке ИСС[1]. Более того, принимая во внимание точку зрения Хебба[2], мы можем сказать, что для сохранения нормального когнитивного, перцептивного и эмоционального опыта, по-видимому, необходимы разнообразные, сменяющие друг друга стимулы окружающей среды, и что в случае обеднения подобной стимуляции, вероятно, происходят психические отклонения. Хотя экспериментальных данных о подобных манипуляциях моторными, когнитивными и эмоциональными процессами не так много, по-видимому, существует достаточное количество клинических и житейских свидетельств, чтобы предположить, что такое грубое вмешательство в эти процессы может вызвать изменения в сознании[3].

Прежде чем перечислить общие методы, пригодные для продуцирования ИСС, мне бы хотелось отметить, что они могут во многом пересекаться и что многие факторы могут срабатывать не так, как они здесь представлены. Тем не менее ради классификации (хоть и искусственной) я распределил различные методы на основе определенных переменных или их комбинаций, которые предположительно играют ведущую роль в продуцировании ИСС.

А. Редукция экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности. В эту категорию входят психические состояния, возникающие в основном из-за полной редукции сенсорных входящих сигналов, изменения паттернирования сенсорных данных или постоянного предъявления повторяющейся, монотонной стимуляции. Значительное ослабление моторной активности также может спровоцировать факторы, благоприятные для продуцирования ИСС.

---

[1] См.: *Lindsey D.* Common factors in sensory deprivation, sensory distortion and sensory overload // Sensory Deprivation / P. Solomon et al. (Eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. P. 174—194.

[2] См.: *Hebb D.* The motivating effects of exteroceptive stimulation // Amer. Psychol. 1958. Vol. 13. P. 109—113.

[3] См. прекрасные статьи Р. Шора [*Shor R., Orne M.* (Eds.). The Nature of Hypnosis: Selected Basic Readings. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. Ch. 10, 11. — *Ред-сост.*] об условиях, необходимых для возникновения транса, — термин, приблизительно родственный моему определению ИСС.

Такие ИСС могут быть вызваны одиночным заключением[4], длительной социальной или стимульной депривацией, например, при нахождении в море[5], на полярном полюсе[6] или в пустыне; гипнозом автострады[7], феноменом «обрыва» у летчиков реактивных самолетов, находящихся на большой высоте[8], состоянием крайней скуки[9], гипнозом и гипнотическими состояниями, сном и близкими к нему состояниями, такими как дремота или сомнамбулизм. ИСС также могут продуцироваться ситуацией сенсорной депривации, созданной в экспериментальных условиях[10]. В клинических случаях изменения сознания могут возникнуть в результате двусторонней операции на катаракту[11], полной неподвижности[12], у пациентов с полиомиелитом, помещенных в респиратор резервуарного типа[13], у больных полиневритом, вызывающим сенсорную анестезию и двигательный паралич[14], и у престарелых пациентов с катарактой[15]. Описания более таинственных форм ИСС можно найти при упоминаниях состояний выздоровления и откровения во время «инкубации» или «сна в храме», что практиковалось у ранних египтян и греков[16], и «морской болезни», возникаю-

[4] См.: *Burney C.* Solitary Confinement. N.Y.: Coward-McCann, 1952; *Meltzer M.* Solitary confinement // Factors used to increase the susceptibility of individuals to forceful indoctrination. Group for the Advancement of Psychiatry Symposium. 1956. № 3.

[5] См.: *Anderson E.* Abnormal mental states in survivors, with special reference to collective hallucinations // J. Roy. Nav. Med. Serv. 1942. Vol. 28. P. 361—377; *Gibson W.* The Boat. Boston: Riverside Press, 1953; *Slocum J.* Sailing Alone around the World. L.: Rupert, Hart-Davis, 1948.

[6] См.: *Byrd R.* Alone. N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1938; *Ritter C.* A Woman in the Polar Night. N.Y.: E.P. Dutton, 1954.

[7] См.: *Moseley A.* Hypnogogic hallucinations in relation to accidents // Amer. Psychol. Abstr., 1953.

[8] См.: *Bennett A.* Sensory deprivation in aviation // Sensory Deprivation / P. Solomon et al. (Eds.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. P. 6—33.

[9] См.: *Heron W.* The Pathology of Boredom // Sci. Amer. 1957. Vol. 196. P. 52—56.

[10] См.: *Heron W.* Cognitive and physiological effects of perceptual isolation // Sensory Deprivation: A Symposium / P. Solomon (Ed.). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961; *Lilly J.* Discussion // Illustrative Strategies on Psychopathology in Mental Health. G. A. P. Symposium. 1956. № 2. P. 13—22; *Ziskind E.* Isolation stress in medical and mental illness // J. Amer. Med. Assn. 1958. № 168. P. 1427—1430.

[11] См.: *Boyd D., Norris M.* Delirium associated with cataract extraction // Indiana Med. Assn. 1941. Vol. 34. P. 130—135.

[12] См.: *Leiderman H. et al.* Sensory deprivation: Clinical aspects // Arch. Intern. Med. 1958. Vol. 101. P. 389—396.

[13] См.: *Mendelson J. et al.* Hallucinations of poliomyelitis patients during treatment in a respirator // J. Nerv. Ment. Dis. 1958. Vol. 126. P. 421—428.

[14] См.: *Leiderman H. et al.* Sensory deprivation: Clinical aspects // Arch. Intern. Med. 1958. Vol. 101. P. 389—396.

[15] См.: *Bartlett J.* A case of organized visual hallucinations in an old man with cataract and their relation to the phenomena of the phantom limb // Brain. 1951. Vol. 74. P. 363—373.

[16] См.: *Ludwig A.* An historical survey of the early roots of mesmerism // Int. J. Clin. Exp. Hyp. 1964. Vol. 12. P. 205—217.

щей у гренландцев, вынужденных по нескольку дней оставаться в лодке, охотясь на китов[17].

Б. Повышение экстероцептивной стимуляции и/или моторной активности и/или эмоций. В эту категорию включены психические процессы, продуцируемые под воздействием сильного возбуждения в результате сенсорной перегрузки или бомбардировки, сопровождаемого или нет напряженной физической активностью или усилием. Полное эмоциональное возбуждение и умственное истощение могут быть основными сопутствующими факторами.

Вот примеры ИСС, вызванных подобными влияниями: суггестивные состояния, вызываемые допросом или тактиками «третьего уровня»[18]; состояния в ситуации «промывания мозгов»[19]; гиперкинезийный транс, связанный с эмоциональным заражением, встречающийся в условиях группы или толпы[20]; религиозное обращение к богу и опыт целительного транса во время религиозных обрядов[21]; психические аберрации, вызванные теми или иными ритуальными церемониями[22]; состояния духовной одержимости[23]; состояния шаманского и пророческого транса во время ритуальных церемоний[24]; транс при хождении по углям[25]; транс во время оргий, которые практикуют вакханалы и сатанисты во время религиозных обрядовых церемоний[26]; экстатический транс, который, например, переживают дервиши, «завывая» и «кружась», исполняя свой знаменитый танец *devr*[27]; трансовые состояния во время продолжительных мастурбаций

---

[17] См.: *Williams G.* Hypnosis in perspective // Experimental Hypnosis / L. LeCron (Ed.) N.Y.: MacMillan, 1958. P. 4—21.

[18] См.: *Sargant W.* Battle for the Mind. Garden City; N.Y.: Doubleday, 1957.

[19] См.: Там же.

[20] См.: *LaBarre W.* They shall take up Serpents. Minneapolis: University Press, 1962; *Marks R.* The Story of Hypnotism. New Jersey: Prentice-Hall, 1947.

[21] См.: *Sargant W.* Battle for the Mind. Garden City; N.Y.: Doubleday, 1957; *LaBarre W.* They shall take up Serpents. Minneapolis: University Press, 1962; *Coe G.* The Psychology of Religion. Chicago: University of Chicago Press, 1916; *Kirkpatrick C.* Religion in Human Affairs. N.Y.: John Urley and Sons, 1929.

[22] См.: *Sargant W.* Battle for the Mind. Garden City; N.Y.: Doubleday, 1957.

[23] См.: *Sargant W.* Battle for the Mind. Garden City; N.Y.: Doubleday, 1957; *LaBarre W.* They shall take up Serpents. Minneapolis: University Press, 1962; *Belo J.* The Trance in Bali. N.Y.: Columbia University Press, 1960; *Ravenscroft K.* Voodoo possession: A natural experiment in hypnosis // Int. J. Clin. Exp. Hyp. 1965. Vol. 13. P. 157—182.

[24] См.: *Field M.* Search for Security: An Ethnopsychiatric Study of Rural Ghana. Evanston, Ill.: Northeastern University Press, 1960; *Murphy J.* Psychotherapeutic aspects of shamanism on St. Lawrence Island, Alaska // Magic, faith, and Healing / A. Kiev (Ed.). N.Y.: Free Press of Glencoe, 1964. P. 53—83.

[25] См.: *Thomas E.* The fire walk // Proc. Soc. Psych. Res. 1934. Vol. 42. P. 292—309.

[26] См.: *Dodds E.* The Greeks and the Irrational. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1963; *Mischelet J.* Satanism and Witchcraft. N.Y.: Citadel Press, 1939.

[27] См.: *Williams G.* Hypnosis in perspective // Experimental Hypnosis / L. LeCron (Ed.) N.Y.: MacMillan, 1958. P. 4—21.

и экспериментальные трансовые состояния гиперамертности[28]. Изменения в сознании могут также возникнуть в состояниях внутреннего эмоционального беспокойства или конфликта или дополняться внешними факторами, провоцирующими усиление эмоционального возбуждения. Примерами таких состояний, скорее всего, можно считать различные формы амнезии, травматические неврозы, симптомы деперсонализации, состояния паники, реакции гнева, истерические конверсивные реакции (например, состояния мечтательных грез и диссоциативной истеричности) и др.[29], состояния колдовской и демонической одержимости[30], острые психотические состояния, такие как шизофренические реакции.

В. Повышенная алертность, или психическая вовлеченность. В эту категорию входят психические состояния, которые возникают в результате сосредоточенной или избирательной гипералертности с последующей периферийной гипоалертностью в течение длительного периода времени.

Подобные ИСС могут возникать из следующих видов активности: длительное состояние бдительности при сторожевой работе или при продолжительном созерцании экрана радарного дисплея[31]; пламенная молитва[32]; интенсивная психическая поглощенность задачей, например, чтением, письмом или решением задач или сложных проблем; полная психическая вовлеченность в выступление динамичного или харизматического оратора[33]; сосредоточение внимания на звуках чужого дыхания[34] или продолжительное наблюдение за вращающимся барабаном или работающими метрономом и стробоскопом.

Г. Сниженная алертность или ослабление критичности. В данную группу входят психические состояния, которые можно охарактеризовать как «пассивное состояние ума», при котором активное целенаправленное мышление сведено до минимума.

Можно привести следующие примеры подобных состояний: мистические, трансцендентальные состояния или состояния откровения (например, сатори, самадхи, нирвана, космическое сознание); состояния, достигаемые

---

[28] См.: *Ludwig A.M., Lyle W. H., Jr.* Tension induction and the hyperalert trance // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1964. Vol. 69. P. 70—76.

[29] См.: *Arieti S., Meth J.* Rare, unclassifiable, collective and exotic psychotic disorders // American Handbook of Psychiatry / S. Arieti (Ed.). N.Y.: Basic Books, 1959. Vol. 1. P. 546—566. — *Ред.-сост.*

[30] См.: *Mischelet J.* Satanism and Witchcraft. N.Y.: Citadel Press, 1939; *Galvin J., Ludwig A.* A case of witchcraft // J. nerv. ment. Dis. 1961. Vol. 133. P. 161—168; *Jones E.* On the Nightmare. N.Y.: Grove Press, 1959; *Ludwig A.* Witchcraft today // Dis. Nerv. Syst. 1965. Vol. 26. P. 288—291.

[31] См.: *Heron W.* The Pathology of Boredom // Sci. Amer. 1957. Vol. 196. P. 52—56.

[32] См.: *Bowers M.* Friend or traitor. Hypnosis in the service of religion // Int. J. clin. exp. Hyp. 1959. Vol. 7. P. 205—217; *Rund J.* Prayer and hypnosis // J. Hypn. Psychol. Dent. 1957. Vol. 1. P. 24.

[33] См.: *Ludwig A.* The trance. Paper, 121st // Ann. Meeting of the Amer. Psychiat. Assn. N.Y., 1965. May 3-8.

[34] См.: *Margolin S., Kubie L.* An apparatus for the use of breath sounds as a hypnogogic stimulus // Amer. J. Psychiat. 1944. Vol. 100. P. 610.

при помощи пассивной медитации, либо возникающие спонтанно во время ослабления способности критически оценивать окружающую действительность[35]; состояния грез, сонливости или глубокой задумчивости; транс медиумов или самогипноз (например, среди индийских факиров, мистиков, пифических жриц и т.д.); глубокие эстетические переживания; состояния творчества и озарения[36]; состояние при свободном ассоциировании во время психоаналитической терапии; транс от чтения, особенно поэзии[37]; ностальгия; музыкальный транс, возникающий во время прослушивания мягкой, успокаивающей музыки или музыкальных партитур; психические состояния, связанные с абсолютной интеллектуальной и мышечной релаксацией, например, во время плавания или загорания.

Д. Влияние психосоматических факторов. В этом разделе объединены психические состояния, возникающие в основном в результате изменений в химии или нейрофизиологии тела[38]. Эти состояния могут вызываться преднамеренно или в результате обстоятельств, когда человек мало или вообще не контролирует себя.

Вот примеры физиологических нарушений, вызывающих подобные ИСС: гипогликемия, обусловленная длительным голоданием или самопроизвольная; гипергликемия (например, послеобеденная вялость); обезвоживание (частично отвечающее за психические отклонения, возникающие при долгосрочном нахождении в пустыне или в море); дисфункция щитовидной и надпочечной желез; дефицит сна[39]; гипервентиляция; нарколепсия; краткосрочные долевые приступы (например, состояния мечтательности, феномен дежа вю); мигрени и эпилептические припадки. Употребление с пищей ядовитых возбудителей или резкое прекращение приема наркотических веществ, таких как алкоголь или барбитураты, вызывает интоксикационный делирий, сопровождающийся лихорадкой. Кроме того, ИСС могут быть спровоцированы приемом большого количества фармакологических возбудителей — обезболивающих, психоделических средств, наркотических, седативных и стимулирующих препаратов.

---

[35] См.: *Bucke R.* Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind. New Hyde Park, N.Y.: University Books, 1961; *Ludwig A.* The formal characteristics of therapeutic insight // Amer. J. Psychother. 1966. Vol. 20. P. 305—318.

[36] См.: *Ludwig A.* The formal characteristics of therapeutic insight // Amer. J. Psychother. 1966. Vol. 20. P. 305—318; *Koestler A.* The Act of Creation. N.Y.: MacMillan, 1964.

[37] См.: *Snyder E.* Hypnotic Poetry. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1930.

[38] См.: *Hinkle L.* The physiological state of the interrogation subject as it affects brain function // The Manipulation of Human Behavior / A. Biderman, H. Zimmer (Eds.). N.Y.: John Wiley and Sons, 1961. P. 19—50.

[39] См.: *West L., Janszen H., Lester B., Comelisoon F.* The psychosis of sleep deprivation // Ann. New York Acad. Sci. 1962. Vol. 96. P. 66—70; *Tyler D.* Sleep deprivation // Factors used to increase the susceptibility of individuals to forceful indoctrination. GAP Symposium № 3. 1956. P. 103; *Katz S., Landis* C. Psychologic and physiologic phenomena during a prolonged vigil // Arch. Neurol. Psychiat. 1935. Vol. 34. P. 307—316.

Основные признаки ИСС

Хотя у различных ИСС есть много общего, существуют некоторые общие формирующие влияния, которые, по-видимому, отвечают за многие их очевидные различия во внешних проявлениях и субъективном опыте. Даже если при продуцировании определенных ИСС (например, транса) могут оперировать сходные базовые процессы, такие влияния, как культуральные ожидания[40], ролевое исполнение[41], одобряемые в обществе характеристики[42], факторы коммуникации, трансферентные переживания[43], личная мотивация и ожидания (интеллектуальные установки) и конкретные процедуры, задействованные для индуцирования ИСС, работают в полном согласии на создание и формирование уникальных психических состояний.

Несмотря на очевидные расхождения среди ИСС, мы должны выделить достаточно их сходных черт, которые позволили бы нам концептуализировать эти ИСС как некий единый феномен. В предыдущих исследованиях[44] мы с доктором Левиным смогли показать наличие многих этих черт в изменениях сознания, спровоцированных гипнозом, употреблением диэтиламида лизергиновой кислоты (ЛСД-25) и сочетанием этих переменных. Сходные черты (описанные ниже) в той или иной степени характерны для большинства ИСС.

А. Изменения в мышлении. Общие находки представлены субъективными нарушениями концентрации внимания, памяти и суждений. Ведущей становится архаическая манера мышления (простое процессуальное мышление), и, по-видимому, в той или иной степени нарушается способность к проверке реальности. Происходит стирание различий между причиной и следствием, силь-

---

[40] См.: *Wallace A.* Cultural determinants of response to hallucinatory experience // Arch. Gen. Psychiat. 1959. Vol. 1. P. 58—68.

[41] См.: *Sarbin T.* Contributions to role-taking theory: I. Hypnotic behavior // Psychol. Rev. 1950. Vol. 57. P. 255—270; *White R.* A preface to a theory of hypnotism // J. Abnorm. Soc. Psychol. 1941. Vol. 36. P. 477—506.

[42] См.: *Orne M.* The nature of hypnosis: Artifact and essence // J. Abnorm. Soc. Psychol. 1959. Vol. 58. P. 277—299; *Orne M.* On the social psychology of the psychological experiment: With particular reference to demand characteristics and their implications // Amer. Psychol. 1962. Vol. 17. P. 776—783; *Orne M.* Implications for psychotherapy derived from current research on the nature of hypnosis // Amer. J. Psychiat. 1962. Vol. 118. P. 1097—1103.

[43] См.: *Kubie L., Margolin S.* The process of hypnotism and the nature of hypnotic state // Amer. J. Psychiat. 1944. Vol. 100. P. 611—622; *Gill M., Brenman M.* Hypnosis and Related States: Psychoanalytic Studies in Regression. N.Y.: International Universities Press, 1959.

[44] См.: *Levine J., Ludwig A., Lyle W.* The controlled psychedelic state // Amer. J. Clin. Hyp. 1963. Vol. 6. P. 163—164; *Levine J., Ludwig A.* The LSD controversy // Comp. Psychiat. 1964. Vol. 5. P. 314—321; *Levine J., Ludwig A.* Alterations in consciousness produced by combinations of LSD, hypnosis, and psychotherapy // Psychopharm. 1965. Vol. 7. P. 123—217; *Ludwig A., Levine J.* Alterations in consciousness produced by hypnosis // J. Nerv. Ment. Dis. 1965. Vol. 140. P. 146—153; *Ludwig A., Levine J.* The hypnodelic treatment technique. Paper, 2nd conference on the use of LSD in psychotherapy, Amityville, L.I., N.Y., 1965. May 8—19; *Ludwig A., Levine J.* Clinical effects of psychedelic agents // Clin. Med. 1966. Vol. 73. P. 21—24.

но выражена амбивалентность, а также возможность сосуществования противоположных и противоречивых импульсов в отношении одного и того же объекта при отсутствии явного (психо)логического конфликта. Кроме того, как прокомментировали Рапапорт[45] и Бренман[46], многие из этих состояний связаны со снижением рефлексивного сознавания.

Б. Нарушение чувства времени. Чувство времени и восприятие хронологии событий сильно меняются. Это выражается в виде общей дезориентации во времени и характерном субъективном чувстве безвременья, остановки, ускорения или замедления времени и т.д. Время также может восприниматься как бесконечное или не поддающееся измерению.

В. Потеря контроля. Человек, входя или пребывая в ИСС, обычно ощущает страх перед утратой власти над действительностью и самоконтроля. Во время фазы индукции он может активно сопротивляться ощущению ИСС (например, во время сна, гипноза, анестезии), тогда как в других состояниях он может фактически приветствовать ослабление воли и полностью отдаться экспериментированию (например, при употреблении наркотиков, алкоголя, ЛСД, во время мистического переживания).

Опыт «потери контроля» — весьма сложный феномен. Снижение сознательного контроля может вызвать чувства бессилия и беспомощности либо, что парадоксально, обеспечить еще большим контролем и силой через утрату контроля. Последнее переживание обнаруживается у загипнотизированных людей[47] или аудитории, компенсаторно идентифицирующейся с силой и всемогуществом, которые она приписывает гипнотизеру или другому властному лидеру. Это также наблюдается в состояниях мистической или спиритической одержимости, когда человек фактически отказывается от контроля над своим сознанием — в надежде испытать божественную истину, ясновидение, «космическое сознание», единение с духами или сверхъестественными силами и пр.

Г. Изменения в эмоциональном выражении. С ослаблением сознательного контроля или запретов часто становятся заметными изменения в эмоциональном выражении. Происходят внезапные, неожиданные вспышки более примитивных и интенсивных, чем в нормальном состоянии, эмоций. Возникают крайние эмоциональные состояния — от экстаза и состояния, близкого к оргазму, до глубокого страха и депрессии.

Существует еще один паттерн эмоционального выражения, характерный для подобных состояний. Индивид может отдалиться, отстраниться или испытывать интенсивные переживания, никак не проявляя их. Чувство юмора тоже снижается.

---

[45] См.: *Rapaport D.* The autonomy of the ego // Bull. Menn. Clin. 1951. Vol. 15. P. 113—123.

[46] См.: *Brenman M.* The phenomena of hypnosis // Problems of Consciousness / H. Abramson (Ed.). N.Y.: Josiah Macy Jr. Foundations, 1950. P. 123—163.

[47] См.: *Kubie L., Margolin S.* The process of hypnotism and the nature of hypnotic state // Amer. J. Psychiat. 1944. Vol. 100. P. 611—622; *Gill M., Brenman M.* Hypnosis and Related States: Psychoanalytic Studies in Regression. N.Y.: International Universities Press, 1959.

Д. Изменение образа тела. В ИСС происходят многообразные искажения образа тела. Весьма распространенной также является склонность у индивидов испытывать глубокое чувство деперсонализации, разделения тела и души, потери самоосознания или размывание границ между собой и другими, миром или вселенной.

Если подобные субъективные переживания вызываются токсическими или делириозными состояниями, предвестниками припадков, или возникают после приема определенных наркотиков и пр., они нередко воспринимаются индивидом как странные и даже пугающие. Тем не менее при возникновении таких ощущений при мистических или религиозных обстоятельствах они могут интерпретироваться как трансцендентальные или мистические переживания «исключительности», «расширения сознания», «океанских чувств» или «забвения».

Имеются и другие общие характеристики, которые можно сюда отнести. Может не только показаться, что разные части тела увеличились, уменьшились, потеряли вес, потяжелели, отделились от тела, приняли необычный или смешной вид, но и появиться спонтанное ощущение головокружения, неясности зрения, оцепенения, потери чувствительности и ощущения покалывания тела.

Е. Искажения восприятия. Общим для большинства ИСС является наличие перцептивных аберраций, включая галлюцинации, псевдогаллюцинации, преувеличенную визуальную образность, гиперобостренность восприятия и самые многообразные иллюзии. Содержание этих перцептивных отклонений обусловливается культурными, групповыми, индивидуальными или нейрофизиологическими факторами и представляет либо скрытые желания и фантазии, выражение базовых страхов или конфликтов, либо простые явления незначительной динамической важности, такие как галлюцинации света, цвета, геометрических форм или очертаний. В некоторых ИСС, вызванных, например, психоделическими наркотиками, марихуаной, или при мистических переживаниях могут проявляться синестезии, когда одни формы сенсорных ощущений переводятся в другие. Например, человек может сообщить, что видит или чувствует звуки или способен ощутить вкус того, что видит.

Ж. Изменения смысла или значения. В этом разделе я бы хотел подробно остановиться на весьма занимательном качестве почти всех ИСС, понимание которого поможет нам объяснить некоторые на первый взгляд не связанные между собой явления. После исследования и изучения разнообразных ИСС, вызываемых различными способами или средствами, меня сильно поразила склонность людей в таких состояниях вкладывать повышенный смысл и значение в свои субъективные переживания, размышления или восприятия. Иногда кажется, будто человек испытывает что-то вроде опыта «эврика», во время которого часто возникают чувства абсолютного понимания, озарения и инсайта. При токсических и психотических состояниях это обостренное чувство понимания может проявляться в приписывании неверных значений репликам извне, идеях отношений и многочисленных случаях «психотических инсайтов».

Мне бы хотелось подчеркнуть, что это чувство повышенного значения, которое является в первую очередь эмоциональным или аффективным переживанием, имеет мало отношения к объективной «правде» содержания этого опыта[48]. Чтобы проиллюстрировать нелепость некоторых «инсайтов», достигаемых во время ИСС, я приведу личный опыт единичного употребления ЛСД в экспериментальных целях. Я помню, как уже в состоянии кайфа мне сильно захотелось помочиться. Стоя перед унитазом, я прочел надпись на стене: «Пожалуйста, смойте после использования!» Взвесив эти слова в уме, я вдруг понял их глубинный смысл. Взволнованный этим потрясающим открытием, я бросился к своему коллеге, чтобы поделиться с ним этой вселенской истиной. К сожалению, будучи простым смертным, он не смог оценить потрясающую важность моего сообщения и только рассмеялся в ответ!

Уильям Джеймс описывает свои личные переживания, связанные с другими случаями изменения сознания. «Одно из очарований опьянения, — пишет он, — бесспорно, заключается в глубинном чувстве реальности и истине, которая достигается через него. В каком бы свете ни представали перед нами вещи, они видятся безоговорочными, "совершенно совершенными", чем когда мы трезвые»[49]. В своей книге «Многообразие религиозного опыта» он добавляет:

> <...> Закись азота и эфир, особенно закись азота, достаточно разведенная воздухом, стимулирует мистическое сознание экстраординарной степени. Кажется, что глубина всей земной истины обнаруживается в ингаляторе. Однако, когда человек приходит в себя, истина растворяется или ускользает, и если остаются слова, в которых она, казалось, была воплощена, то они оказываются совершеннейшей бессмыслицей. Тем не менее чувство глубокого смысла остается. Я лично знаю людей, которые убеждены, что в трансе, вызванном закисью азота, возможны настоящие метафизические откровения[50].

3. Чувство невыразимости. Чаще всего из-за уникальности субъективного переживания, связанного с ИСС (например, трансцендентального, эстетического, творческого, психотического, мистического состояний), люди говорят, что бессмысленно или невозможно передать природу или сущность опыта тому, кто не испытывал подобных переживаний. Отдаваясь чувству невыразимости, люди доходят до той или иной степени амнезии в отношении своего опыта в состоянии глубокого изменения сознания, такого, например, как гипнотический или сомнамбулический транс, припадки одержимости, сновидческие состояния, мистические переживания, делириозные состояния, наркотическая

---

[48] См.: *Ludwig A.* The formal characteristics of therapeutic insight // Amer. J. Psychother. 1966. Vol. 20. P. 305—318.

[49] *James W.* Outline of Psychology. N.Y.: Dover Pub., 1950. P. 284.

[50] *James W.* The Varieties of Religious Experience. N.Y.: Modern Library, 1929. P. 378. [Рус. пер. см.: *Джеймс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1910/1992. — *Ред.-сост.*]

интоксикация, предвестники припадков, оргиастические и экстатические состояния и т.п. Амнезия имеет место отнюдь не во всех случаях, о чем свидетельствуют ясные воспоминания, остающиеся после психоделического опыта, курения марихуаны или некоторых состояний откровения или озарения.

И. Чувства возрождения. Хотя характеристика «возрождение» имеет лишь ограниченное применение к богатому одеянию ИСС, я включил ее как общий знаменатель, поскольку она проявляется во многих случаях подобных состояний и достойна того, чтобы обратить на нее внимание. Таким образом, многие, выйдя из некоторых состояний глубокого изменения сознания (например, после психоделического опыта, абреактивных состояний, вторично возникающих при применении закиси углерода, метамфитамина (метедрина), эфира или амитала, гипноза, религиозных обращений, трансцендентальных и мистических состояний, терапии инсулиновой комы, приступов спиритической одержимости, примитивных обрядов инициации и даже после некоторых случаев глубокого сна), заявляют о переживании нового чувства надежды, возрождения или перерождения[51].

К. Гипервнушаемость. Исходя из более широкой перспективы, я собираюсь рассматривать в качестве проявления гипервнушаемости в ИСС не только различные случаи «первичной» и «вторичной» внушаемости, но и возрастающую впечатляемость и предрасположенность людей некритично принимать и/или автоматически реагировать на конкретные высказывания (например, команды или инструкции лидера, шамана, вождя или гипнотизера) или неконкретные сигналы (например, культурные или групповые ожидания в отношении некоторых типов поведения или субъективных переживаний). К гипервнушаемости также можно отнести возрастающую склонность человека к ошибочному восприятию или пониманию различных стимулов или ситуаций, основанных на его внутренних страхах или желаниях.

Очевидно, что феномен внушаемости, связанный с ИСС, можно понять, проанализировав сами субъективные состояния. В последнее время теоретики, по-видимому, стали намного лучше осознавать важность субъективного состояния для объяснения многих феноменов, наблюдаемых у загипнотизированных

---

[51] См.: *LaBarre W.* They shall take up Serpents. Minneapolis: University Press, 1962; *Coe G.* The Psychology of Religion. Chicago: University of Chicago Press, 1916; *Bucke R.* Cosmic Consciousness: A Study in the Evolution of the Human Mind. New Hyde Park, N.Y.: University Books, 1961; *Ludwig A., Levine J.* Clinical effects of psychedelic agents // Clin. Med. 1966. Vol. 73. P. 21—24; *James W.* The Varieties of Religious Experience. N.Y.: Modern Library, 1929. P. 378 [Рус. пер. см. напр.: *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1910/1992. — *Ред.-сост.*]; *Blood B.* The Anaesthetic Revelation and the Gist of Philosophy. N.Y.: Amsterdam, 1874; *Ebin D.* (Ed.). The Drug Experience. N.Y.: Orion Press, 1961; *Huxley A.* The Doors of Perception. N.Y.: Harper and Bros., 1954 [Рус. пер. см.: *Хаксли О.* Врата восприятия // *Хаксли О.* Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. К.: «София» Ltd., 1994. С. 331—380. — *Ред.-сост.*]; *LaBarre W.* The Peyote Cult. Hamden, Conn.: Shoe String Press, 1964; *Pahnke W.* The contribution of the psychology of religion to the therapeutic use of the psychedelic substances // The Use of LSD in Psychotherapy and Alcoholism / H. Abramson (Ed.). Indianapolis.: Bobbs-Merrill, 1967. P. 628—652.

людей. Одни, например, утверждают, что «необходимый атрибут гипноза — это возможность субъекта пережить в гипнотическом состоянии как субъективно реальные внушенные перемены в окружающей обстановке, не соответствующие реальности»[52]. Сатклифф добавляет, что «примечательное качество этого состояния — эмоциональная убежденность загипнотизированного человека в том, что мир — именно такой, каким ему внушил гипнотизер, а не псевдовосприятие внушенного мира»[53].

Пытаясь разобраться в драматических особенностях гипервнушаемости, я посчитал, что лучшее понимание этого феномена можно получить, проанализировав некоторые субъективные характеристики, связанные с ИСС вообще. Параллельно с ухудшением у человека критических способностей ослабляются его способности к проверке реальности или различению субъективной и объективной реальностей. Это, в свою очередь, способствует возникновению у него компенсаторной потребности укрепить свои ослабленные способности через поиск постоянной поддержки или руководства, чтобы снизить некоторую тревогу, связанную с утратой контроля. Стремясь компенсировать свои ослабленные критические способности, человек сильнее доверяет внушениям гипнотизера, шамана, лидера, оратора, религиозного целителя, проповедника или доктора, которые представляются ему всемогущими, авторитетными фигурами. Кроме того, обычно с «размыванием границ себя», что является еще одним важным качеством ИСС, у человека появляется склонность идентифицироваться с авторитетной фигурой, чьи желания и указания воспринимаются как свои собственные. Противоречия, сомнения, несогласия и сдерживания сводятся на нет (все это характеристики «первичного процессуального» мышления), и внушения человека, наделенного авторитетом, принимаются как конкретная реальность. В состоянии измененного сознания эти внушения даже наделяются еще большей важностью, становятся первостепенными, внутренним и внешним стимулам приписываются возросшие значение и ценность.

Когда срабатывают все эти факторы, достигается мономотивационное или «надмотивационное» состояние, в котором человек стремится реализовать в поведении мысли и идеи, которые он переживает как субъективную реальность. Субъективная реальность может определяться многими влияниями, работающими по отдельности или сообща, например, ожидания авторитетной фигуры, группы, культуры или даже «внутреннего голоса» (например, в состоянии самогипноза, молитвы, массовых галлюцинаций, спиритических сеансов), отражая ожидания и страхи человека.

Если человек впадает в некоторые другие ИСС — панику, острые психозы, токсический делирий и т.д., когда внешние направления или структуры

---

[52] *Meltzer M.* Solitary confinement // Factors used to increase the susceptibility of individuals to forceful indoctrination. Group for the Advancement of Psychiatry Symposium. 1956. № 3. P. 237.

[53] *Sutcliffe J.* Credulous and sceptical views of hypnotic phenomena: Experiments on esthesia, hallucination, and delusion // J. Abnorm. Soc. Psychol. 1961. Vol. 62. P. 200.

двусмысленны или плохо определены, то он руководствуется главным образом тем, что происходит у него внутри, и это играет большую роль при определении его поведения. В таких состояниях он гораздо более восприимчив к голосу своих эмоций, фантазий и мыслей, связанных с ними, чем к указаниям других людей.

Функции ИСС

Теперь, когда мы рассмотрели конкретные характеристики, связанные с ИСС, можно поднять вопрос, удовлетворяют ли они каким-то полезным биологическим, психологическим или социальным функциям человека. Я убежден, что уже само наличие и распространение таких состояний человека[54] свидетельствует об их значимости в его повседневном функционировании. Мне трудно согласиться, например, с тем, что человеческая способность входить в транс эволюционирует почти так же, как в ситуациях гипноза на сцене либо в клинических или лабораторных условиях. Более того, массовое распространение и использование мистических и одержимых состояний, эстетических и творческих переживаний свидетельствуют, что эти ИСС удовлетворяют многие потребности человека и общества. Хотя мои тезисы могут оказаться телеологическими, я думаю, этот подход прольет некоторый свет на природу и функционирование этих состояний.

Итак, на мой взгляд, ИСС могут рассматриваться (используя терминологию Шеррингтона) как «конечные проводящие пути» для многих самых разных форм выражения и переживаний человека, как адаптивных, так и неадаптивных. В одних случаях психологическая регрессия, обнаруженная в ИСС, может оказаться атавизмом и быть вредной для индивида или общества, в то время как в других случаях та же регрессия «встанет на службу эго»[55] и позволит человеку переступить границы логики и формальности, выразить подавленные потребности и желания в социально санкционированной и конструктивной форме.

А. Неадаптивные выражения. Неадаптивные выражения или применения ИСС многочисленны и разнообразны. Проявления этих ИСС могут представлять: а) попытки разрешения эмоционального конфликта (например, реакции бегства, амнезии, травматические неврозы, деперсонализация и диссоциация); б) защитные функции в определенных ситуациях опасности, вызывающих повышенную тревогу (например, вхождение в гипноидальные состояния во время психотерапии[56]; в) прорыв запрещенных импульсов (например, реакции острого психоза и паники); г) бегство от ответственности и внутреннего напря-

---

[54] См.: *Shor R.* The frequency of naturally occurring hypnotic-like experiences in the normal college population // Int. J. Clin. Exp. Hyp. 1960. Vol. 8. P. 151—163.

[55] См.: *Kris E.* Psychoanalytic Explorations in Art. N.Y.: International Universities Press, 1952.

[56] См.: *Dickes R.* The defensive function of an altered state of consciousness // J. Amer. Psychoanal. Assn. 1965. Vol. 13. P. 356—402.

жения (например, использование наркотиков, марихуаны, алкоголя); д) символическое отыгрывание бессознательных конфликтов (например, демоническая одержимость, колдовство)[57]; е) проявление органических поражений или нейрофизиологических нарушений (например, предвестники, токсические состояния); ж) неосторожные и потенциально опасные реакции на определенные стимулы (например, гипноз от автострады, транс от длительного наблюдения за экраном радарного дисплея, монотонная длительная сторожевая работа).

Б. Адаптивные выражения. Человек использует различные ИСС, чтобы получить новое знание или опыт, выразить психическое напряжение или освободиться от конфликта, не подвергая опасности себя или других, и функционировать в социуме более адекватно и конструктивно.

1. Исцеление. История показывает, что продуцирование ИСС всегда играло значительную роль в различных исцеляющих действиях и практиках. Индукция этих состояний использовалась почти для любого возможного аспекта психологической терапии. Так, шаманы могут впадать в транс или состояние одержимости, чтобы диагностировать этиологию недомогания своих пациентов или выяснить конкретное лечебное средство или практику исцеления[58]. Более того, во время лечения или целительной церемонии шаман, хунган, медик, священник, проповедник, психолог или психотерапевт может считать продуцирование пациентом ИСС необходимым условием исцеления. Неисчислимые случаи практики исцеления строятся на преимуществах внушаемости, повышенной значимости, склонности к эмоциональному катарсису и чувстве возрождения, связанных с ИСС. Практики «инкубации» в храмах сна у древних египтян и греков, излечение верой в местах поклонения, исцеление через молитву и медитацию, выздоровление от «божественного прикосновения», наложения рук, при посещении мощей, спиритическое исцеление, излечение одержимостью духами, экзорсизм, гипнотическое и магнетическое лечение и современная гипнотерапия — все это очевидные случаи роли ИСС в лечении[59].

Фармакологически индуцированные ИСС также играли большую роль в исцеляющих действиях. Абреактивные или катарсические техники, когда употребляются пейот, эфир, CO_2, амитал, метамфетамин и ЛСД-25, всегда широко использовались в психиатрии[60]. Куби и Марголин комментировали тера-

---

[57] См.: *Galvin J., Ludwig A.* A case of witchcraft // J. nerv. ment. Dis. 1961. Vol. 133. P. 161—168; *Jones E.* On the Nightmare. N.Y.: Grove Press, 1959; *Ludwig A.* Witchcraft today // Dis. Nerv. Syst. 1965. Vol. 26. P. 288—291.

[58] См.: *Murphy J.* Psychotherapeutic aspects of shamanism on St. Lawrence Island, Alaska // Magic, faith, and Healing / A. Kiev (Ed.). N.Y.: Free Press of Glencoe, 1964. P. 53—83.

[59] См.: *Ludwig A.* An historical survey of the early roots of mesmerism // Int. J. Clin. Exp. Hyp. 1964. Vol. 12. P. 205—217.

[60] См.: *Sargant W.* Battle for the Mind. Garden City, N.Y. Doubleday, 1957; *Freeman T.* Some comments on views underlying the use of ether and carbon-dioxide in psychotherapy // Brit. J. med. Psychol. 1952. Vol. 25. P. 148—156.

певтическую ценность некоторых наркотических веществ, вызывающих временную диссоциацию и снижающих подавление[61].

Вероятно, не связанными со специфическими эффектами ИСС в лечении являются неспецифические последствия других изменений в сознании, направленных на поддержание психического равновесия и здоровья. Например, сон традиционно считается великим целителем и, по-видимому, служит важной биологической и психологической функцией у человека[62]. ИСС, связанное с сексуальным оргазмом, можно считать еще одним благотворным психическим изменением, которое имеет не только значение биологического выживания в виде позитивного подкрепления сексуального влечения, но также служит выходом для многочисленных человеческих желаний и фрустраций.

2. Путь к новому знанию или опыту. Человек всегда стремился вызывать у себя ИСС в попытке получить новое знание, вдохновение или опыт. Религиозный человек использовал горячие молитвы, пассивную медитацию, состояния откровений и пророчества, мистические и трансцендентальные переживания, обращение в религию и божественные состояния, чтобы открывать новые горизонты опыта, пересматривать нравственные ценности, разрешать эмоциональные конфликты; это часто позволяло ему лучше справляться с личными трудностями и проблемами окружающей действительности. Интересно также отметить, что у многих примитивных групп считается, что одержимость духами наделяет сверхчеловеческими знаниями, которые невозможно получить при нормальном бодрствующем состоянии сознания. Предполагается, что во время приступов одержимости демонстрируются такие паранормальные способности, как величайшая мудрость, «способность к языкам» или ясновидение[63].

ИСС, по-видимому, обогащают человеческий опыт во многих других сферах жизни. Интенсивные эстетические переживания, когда человек полностью захвачен некой величественной сценой, произведением искусства или музыкой, могут расширить его эмоциональный опыт и послужить источником творческого вдохновения. Известны многочисленные примеры внезапного озарения, творческого инсайта и разрешения сложных проблем, случающихся у человека, когда он погружен в такие ИСС, как транс, дремота, сон, пассивная медитация или наркотическая интоксикация[64].

3. Социальная функция. ИСС, случающиеся в групповой обстановке, по-видимому, обслуживают многие индивидуальные и социальные потребности. Хотя короткое обсуждение не сможет воздать должное широкому разнообра-

---

[61] См.: *Kubie L.* The value of induced dissociated states in the therapeutic process // Proc. Roy. Soc. Med. 1945. Vol. 38. P. 681—683; *Margolin S., Kubie L.* The therapeutic role of drugs in the process of repression, dissociation, and synthesis // Psychosom. Med. 1945. Vol. 7. P. 147—151.

[62] См.: *Snyder F.* The new biology of dreaming // Arch. Gen. Psychiat. 1963. Vol. 8. P. 381—391.

[63] См.: *Field M.* Search for Security: An Ethnopsychiatric Study of Rural Ghana. Evanston, Ill.: Northeastern University Press, 1960.

[64] См.: *Koestler A.* The Act of Creation. N.Y.: MacMillan, 1964.

зию функций, которым служат ИСС в различных культурах, мы можем упомянуть по крайней мере некоторые.

Если взять одержимость духами за парадигму потенциальной ценности ИСС, мы обнаружим весомость ее социального значения и последствий. С точки зрения личной выгоды одержимость одним из родовых или местных божеств или Святым Духом во время религиозных церемоний позволила бы индивиду достигнуть высокого статуса через исполнение своей культовой роли, получить временное освобождение от ответственности за свои действия и речи или позволить ему отыграть агрессивные и сексуальные конфликты или желания в социально приемлемой форме[65]. Напряжения и страхи рассеиваются, и новое чувство духовной защищенности и уверенности вытесняет отчаяние и безнадежность маргинального существования[66].

С социальной точки зрения потребности племени или группы удовлетворяются через их косвенную идентификацию с человеком в состоянии транса, который не только получает личное удовлетворение от божественной одержимости, но и отыгрывает некоторые ритуализированные групповые конфликты и устремления, например, темы смерти и воскрешения, культурные табу и т.д.[67] Более того, впечатляющие поведенческие манифестации одержимостью духами способствуют убеждению участников в сохраняющемся личном интересе их богов, еще раз подтверждают их местные верования, позволяют им осуществлять некоторый контроль над неизвестным, увеличивать групповую сплоченность и идентификацию, наделять высказывания человека в состоянии транса, шамана или священника таким значением, которого в обычной ситуации не присваивалось бы. Вообще существование таких практик представляет прекрасный пример того, как общество создает модели редукции фрустрации, стресса и одиночества через групповые акции.

В заключение, таким образом, можно сказать, что ИСС играют значительную роль в опыте и поведении человека. Также очевидно, что эти состояния могут служить как адаптивным, так и неадаптивным выходом для выражения многочисленных страстей человека, его потребностей и желаний. Более того, вряд ли следует сомневаться, что мы едва начали понимать аспекты и функций ИСС. В качестве заключения мне хотелось бы процитировать очень подходящее замечание У. Джеймса.

---

[65] См.: *Mischel W., Mischel F.* Psychological aspects of spirit possession // Amer. Anthropol. 1958. Vol. 60. P. 249—260.

[66] См.: *Davidson W.* Psychiatric significance of trance cults // Paper, 121st annual meeting of the Amer. Psychiat. Assn. N.Y., 1965. May 3—7.

[67] См.: *LaBarre W.* They shall take up Serpents. Minneapolis: University Press, 1962; *Belo J.* The Trance in Bali. N.Y.: Columbia University Press, 1960; *Field M.* Search for Security: An Ethnopsychiatric Study of Rural Ghana. Evanston, Ill.: Northeastern University Press, 1960; *Ravenscroft K.* Voodoo possession: A natural experiment in hypnosis // Int. J. Clin. Exp. Hyp. 1965. Vol. 13. P. 157—182; *Davidson W.* Psychiatric significance of trance cults // Paper, 121st annual meeting of the Amer. Psychiat. Assn. N.Y., 1965. May 3—7. *Deren M.* Religion and magic in Haiti // Beyond the Five Senses / E. Garrett (Ed.). N.Y.: J.B. Lippincott, 1952. P. 238—267.

Наше нормальное или, как мы его называем, разумное сознание представляет лишь одну из форм сознания, причем другие, совершенно от него отличные формы существуют рядом с ним, отделенные от него лишь тонкой перегородкой. Мы можем совершить наш жизненный путь, даже не подозревая об их существовании; но как только будет применен необходимый для их пробуждения стимул, они сразу оживут для нас, представляя готовые определенные формы духовной жизни, которые, быть может, имеют где-нибудь свою область применения. Наше представление о мире не может быть законченным, если мы не примем во внимание и эти формы сознания. Из них, правда, нельзя вывести точной формулы, и они не могут дать нам плана той новой области, какую они перед нами раскрывают, но несомненно, что должны помешать слишком поспешным заключениям о пределах реального[68].

Резюме

Несмотря на существование многочисленного клинического и исследовательского материала по определенным измененным состояниям сознания, предпринималось мало попыток концептуализировать взаимосвязи среди этих состояний и условия, необходимые для их возникновения. С этой целью автор попытался интегрировать и обсудить соответствующие открытия в различных областях в попытке достижения лучшего понимания этих состояний и функций, которыми они бы могли послужить человеку и обществу.

Наблюдения за многими измененными состояниями сознания, переживаемыми человеком, быстро позволяют сделать вывод, что есть некоторые обязательные условия, способствующие их возникновению. Более того, хотя внешние проявления и субъективный опыт, связанные с различными изменениями в сознании, довольно разнообразны, существуют базовые особенности, являющиеся общими для многих. С функциональной точки зрения становится ясно, что многие изменения состояний сознания служат в качестве «конечных общих путей» для различных форм выражения человека — как адаптивных, так и дезадаптивных.

---

[68] *James W.* The Varieties of Religious Experience. N.Y.: Modern Library, 1929. P. 378—379. [Рус. пер. см. напр.: *Джеймс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1910/ 1992. — *Ред.-сост.*]

Р. Фэнчер

Психология в университете: Вильгельм Вундт и Уильям Джеймс*

К настоящему времени психология так прочно укоренилась в университетах, что трудно себе представить, насколько она молода как основная академическая дисциплина. Немногим более века назад психология была, в общем и целом, второстепенной отраслью философии, и лабораторий, открыто занимающихся психологическими исследованиями, не существовало. Но затем, в 1870-е гг., курсы научной психологии начинают преподавать в университетах, а в 1875 г. формируются две психологические лаборатории: одна в Германии, другая в США. В начале следующего столетия число таких лабораторий перевалило за сотню, причем сконцентрированы они были главным образом в этих двух странах. Психология встала на путь становления той основной академической дисциплины, которой она и является сегодня.

Наибольшие заслуги в становлении академической психологии принадлежат двум профессорам — организаторам двух первых лабораторий. Немецкого профессора Вильгельма Вундта (1832—1920) всюду поминают как «основателя» новой науки — экспериментальной психологии. В своем учебнике «Принципы физиологической психологии», опубликованном в 1874 г., он пишет: «Работа, которую я представляю публике, — это попытка выделить новую область науки». Эту задачу Вундт решил окончательно, превратив в 1879 г. свою лабораторию, первоначально оборудованную только для демонстраций, в первый институт экспериментально-психологических исследований. Институт стал тем местом, куда студенты могли прийти открыто с целью изучения психологии и проведения психологических исследований. Первое время он был небольшим и существовал отчасти на средства самого Вундта, но вскоре начал притягивать студентов со всего мира, которые потом возвращались на родину и устраивали собственные лаборатории и институты по образцу вундтовских.

---

* *Fancher R.* Pioneers of Psychology. N.Y.: Norton, 1979. P. 126—168. (*Перевод М.В. Фаликман, Н.Ю. Федуниной.*)

Американский профессор Уильям Джеймс (1842—1910) — автор и преподаватель — быть может был величайшим среди всех когда-либо работавших в психологии. Джеймс никогда не основывал собственного института и сам экспериментальными исследованиями практически не занимался, хотя и использовал свою лабораторию для обогащения лекций. Психологическую литературу на французском и немецком языках он знал столь же превосходно, как и на английском, и всю эту обширную информацию озарял светом своей собственной выдающейся личности. Его курсы лекций и классический учебник 1890 г., «Принципы психологии», имели невероятный массовый успех, потому что представляли психологию как интересную и личностно значимую науку.

По иронии судьбы, два великих первопроходца академической психологии не питали особого интереса к работам друг друга. Вундт находил у Джеймса мало оригинального и предостерегал студентов от траты времени на этого «второсортного философа». Прочитав «Принципы психологии» Джеймса, он заметил: «Это литература, прекрасная литература, но не психология».

Джеймс, со своей стороны, считал большинство работ Вундта нудными и бесполезными для обычных людей. В своем учебнике после хвалебных слов в адрес нововведений вундтовской экспериментальной психологии Джеймс пишет, что она «вряд ли появилась бы в стране, жителям которой можно *наскучить* <...> В этих новых призмах, маятниках и философах-хронометристах мало блеска. Они предназначены и нацелены не на отважный и благородный бой, а на серьезную работу». Еще более откровенно он высказался в частном письме к другу:

> С тех пор как в мире должны были появиться профессора, среди представителей этого вида еще не встречалось столь типологически ценного и никогда не страдающего от избытка уважения к себе экземпляра, как Вундт. Он не гений, а профессор, т.е. живое существо, которое обязано знать и иметь собственное мнение обо всем, связанном с его [областью или специализацией. — *Р.Ф.*]. <...> О любом возможном предмете он скажет: «Я должен составить об этом заключение специалиста. Давайте-ка посмотрим! Каким же оно будет? Сколько тут возможно мнений? Три или четыре? Ага... только четыре! Не согласиться ли мне с одним из них? Но более оригинальным было бы высказать высшее суждение с *Vermittelungsansicht* [позиции примирения (*нем.*). — *Р.Ф.*] всех точек зрения. Этим-то я и займусь, и т.д., и т.п.» Таким образом он овладевает полным набором мнений как своим собственным; и, поскольку его память весьма хороша, он редко забывает, каковы же они! <...> Дарованное ему небесами при рождении он использует до последней капли и при этом делает все, на что способно непрерывное упорство. Он законченный пример того, сколь многое может быть дано человеку благодаря всего лишь *образованию*.

Несмотря на все свои различия и неприязнь друг к другу, воздействия Вундта и Джеймса на историю становления новой науки оказались взаимно

дополняющими. Вундт сделал экспериментальную психологию конкретной реальностью, предоставляя студентам место для работы и предлагая им для исследования подлинные психологические проблемы. Джеймс по-своему раскрыл содержание новой науки и наделил ее широким смыслом в глазах целого поколения студентов. Благодаря им обоим научная психология взяла резкий старт в университетах.

Вильгельм Вундт: ранние годы жизни и образование

Вильгельм Вундт родился 16 августа 1832 г. неподалеку от немецкого города Мангейма. Его отец был пастором, и в семейном прошлом обоих родителей были эпизоды интеллектуальных достижений. В семье он был четвертым — последним — ребенком, но раннее детство пережил только один его брат, бывший восемью годами старше. Брата отослали в школу, и большую часть своей детской жизни Вильгельм провел как единственный ребенок в семье. Он был очень одинок и его единственным близким по возрасту товарищем по играм был умственно отсталый, с трудом говоривший мальчик. Любимым собеседником Вильгельма стал хромой переплетчик, который рассказывал ему приключенческие истории и длинные сказки. Неудивительно, что при таком окружении у мальчика развилась сильная и отрицательно влияющая на учебную успеваемость склонность к мечтаниям. Прошло много времени, прежде чем ему удалось избавиться от этой привычки.

Когда Вильгельму было около восьми лет, его обучение было вверено служившему вместе с отцом молодому викарию. Это счастливое общение продолжалось четыре года — до тех пор, пока Вильгельму не пришлось прекратить частное обучение и поступить в среднюю школу. Первый год, проведенный им в маленьком школьном поселке, стал катастрофическим. Мечтания постоянно приводили к проблемам в обучении, и он часто получал оплеухи от своих жестоких учителей. Пределом интеллектуальных притязаний его одноклассников, по большей части крестьянских детей, была карьера сельского священника. Вундт ни с кем из них не дружил, не разделял их стремлений и в итоге не сдал экзамены.

На следующий год он снова поступает в среднюю школу, расположенную в университетском городке Гейдельберге, более пестром по национальному составу. Ситуация намного улучшилась. Два старших брата, родной и двоюродный, учились в местном университете, и впервые в жизни он подружился с ровесниками, разделявшими его увлечения. Интеллектуальные интересы Вильгельма начинают быстро развиваться, и хотя в целом его учебные успехи не стали выдающимися, он нашел учителей, разглядевших его перспективу и поощрявших его усилия. В этой более стимулирующей среде он, наконец-то, научился управлять своими фантазиями.

После окончания средней школы Вундта принимают на подготовительный медицинский курс Тюбингенского университета, в котором его дядя занимал должность профессора. Хотя жизнь студента университета ему понравилась, действительного и четкого определения его академических интересов не произошло, и весь первый год стал чем-то вроде ложного старта. В конце учебного года Вундт был вынужден серьезно задуматься о своем будущем. Отец умер, оставив ему деньги, которых хватило бы лишь на обучение в университете в течение еще трех лет. Только что он впустую провел один год, и для завершения медицинского образования ему пришлось бы работать до изнеможения.

Побуждаемый этими мыслями, он переходит в Гейдельбергский университет[1] и становится там лучшим студентом в своей группе медиков, но главное — развивает свои первые действительные интересы к исследовательской работе и сочинительству. Свое первое эмпирическое исследование он проводит под руководством Роберта Бунзена (1811—1899), знаменитого в то время химика, о котором сейчас вспоминают как об изобретателе лабораторной горелки, носящей его имя. Используя себя в качестве испытуемого, Вундт исключает из своего питания соль и отслеживает изменения ее концентрации в моче. В 1853 г. результаты этого небольшого исследования выходят в печать, что положило начало одному из самых выдающихся среди когда-либо установленных рекордов публикаций. На протяжении последующих 67 лет он публикует около пятисот статей и книг, занимающих в общей сложности примерно 60 000 печатных страниц[2].

В конце 1855 г. после получения медицинской степени *summa cum laude* [по сумме с отличием (лат.). — *Ред.-сост.*] Вундт приезжает в Берлин, чтобы в течение нескольких месяцев поработать вместе с Иоганнесом Мюллером[3] и Эмилем Дюбуа-Реймоном[4] в том самом физиологическом институте [при Берлинском университете. — *Ред.-сост.*], в котором проводились исследования, сильно повлия-

---

[1] *Гейдельбергский университет* — старейший германский университет, основанный в 1386 г.; расположен в университетском городе Гейдельберге на юго-западе Германии в Бадене. —*Ред.-сост.*

[2] Понадобилось бы около трех лет, чтобы, читая по пятьдесят страниц в день, прочитать все работы Вундта. Неудивительно, что столь необыкновенная продуктивность вызывала у противников Вундта сильное раздражение. Уильям Джеймс в частной переписке жаловался, что когда критики «рубят своими возражениями фарш из какого-то одного из его взглядов, он тем временем пишет книгу на совершенно другую тему. Разрежьте его, как червя, и каждый кусочек поползет сам по себе; в его умственном продолговатом мозгу нет *noeud vital* (жизненного узла), так что убить его сразу и целиком невозможно». Когда Джеймс Макин Каттелл, первый ассистент лаборатории Вундта, подарил своему шефу американскую печатающую машинку, один немецкий психолог, соперник Вундта, возроптал, что благодаря такому дьявольскому подарку Вундт напишет вдвое больше книг.

[3] Мюллер (*Muller*) Иоганнес (1801—1858) — немецкий физиолог и анатом; считается основателем современной физиологии; у него учились Г. Гельмгольц и Э. Дюбуа-Реймон. — *Ред.-сост.*

[4] Дюбуа-Реймон (*Du Bois-Reymond*) Эмиль (1818—1896) — немецкий физиолог, ассистент И. Мюллера, после преждевременной смерти которого сменил его на посту профессора анатомии и физиологии Берлинского университета. — *Ред.-сост.*

вшие на работы Гельмгольца[5]. Впечатление [от пребывания в этом институте. — *Ред.-сост.*] оказалось настолько сильным, что он решил специализироваться в области академической физиологии, а не медицины. Вундт возвращается в Гейдельберг, за необыкновенно короткий срок получает сертификат на преподавание и начинает пожизненную карьеру университетского преподавателя.

Ранняя психология Вундта

Первая книга Вундта, физиологический трактат о движениях мышц, была опубликована в 1858 г. В том же году он начинает еще одну работу под названием «К теории сенсорного восприятия», которая ознаменовала зарождение его интереса к психологическим проблемам. В предисловии к этой книге он вкратце пишет о возможности создания трех новых научных дисциплин. Реализации этой возможности он посвятил всю оставшуюся жизнь.

Во-первых, в этой книге он говорит об осуществимости *экспериментальной психологии*, задача которой заключается в систематическом варьировании стимулов и условий, вызывающих различные состояния психики. Он пишет, что факты сознания должны быть доступны экспериментальному манипулированию и наблюдению точно так же, как факты физики, химии или физиологии. Во-вторых, он говорит о возможности психологии, основанной на историческом, сравнительном и этнографическом исследованиях. Эти не экспериментальные методы могут оказаться особенно полезными при изучении высших функций человека, таких как мышление, т.е. функций, тесно связанных с переменными языка и культуры, и не поддающихся экспериментальному контролю в лаборатории. В-третьих, Вундт предлагает разрабатывать подлинно научную метафизику[6], которая будет интегрировать и устанавливать взаимосвязи данных, полученных всеми науками, начиная от физики и заканчивая психологией. К 1862 г. ни одна из этих идей не была тщательно разработана, но все они ясно указывают направления, в которых развивалась мысль Вундта.

Кроме того, в том же 1858 г. Вундта назначают на должность ассистента Германа Гельмгольца, которого незадолго до этого пригласили в качестве профессора физиологии в Гейдельберг. Далекий от вундтовских психологических интересов, Гельмгольц, по-видимому, прямо не повлиял на его развитие. Отношения между ними были всегда корректными, однако тесной дружбы или сотрудничества не возникло. Возможно, Вундт считал Гельмгольца довольно сухим и холодным человеком, и это мнение едва ли могло улучшиться в силу сути его обязанностей как ассистента. Как раз в 1858 г. правительство приняло новое постанов-

[5] Гельмгольц (*Helmholtz*) Герман Людвиг Фердинанд фон (1821—1894) — немецкий физиолог и физик, основатель физиологии восприятия. — *Ред.-сост.*

[6] *Метафизика* — философское учение о наиболее общих основаниях бытия, в том числе существования человека, выраженное в отвлеченных, непосредственно не выводимых из опыта понятиях. — *Ред.-сост.*

ление, обязывающее всех студентов-медиков пройти лабораторный курс физиологии. Формально ответственным за этот курс становится Гельмгольц, но проводить лабораторные работы должен был Вундт. Ассистента не вдохновляла работа по демонстрации того, как резать лягушек, не готовым к сотрудничеству и не испытывающим энтузиазма студентам — тем более за ту скудную заработную плату, которая едва удерживала его над чертой бедности.

Несмотря на тяжкий груз официальных обязанностей, Вундт продолжает писать и вести свои занятия в нескольких маленьких группах. Вероятно не без влияния Гельмгольца, или же как следствие пресыщения физиологией, собственные интересы Вундта становятся все более и более психологическими. В 1864 г. он произведен в ранг, в настоящее время приблизительно соответствующий должности доцента (*associate professorship*), что улучшило его материальное положение до степени, достаточной для того, чтобы прекратить работу в качестве ассистента Гельмгольца и сосредоточиться на своих собственных интересах. Курсы, которые он преподавал, сначала распространялись на такие традиционные дисциплины, как экспериментальная физиология и физиотерапия (*medical physics*), но затем в их содержание все больше включается психологический материал и так продолжалось вплоть до 1867 г., когда его курс получил официальное название «Физиологическая психология».

Тем временем Вундт начинает приобретать международную известность среди небольшого круга людей, заинтересованных в осуществлении полностью научной психологии. Одним из них был Уильям Джеймс — молодой человек, который пытался поправить свое здоровье, путешествуя в 1867 г. по Германии. Он писал другу:

> Мне кажется, что время становления психологии как науки уже, возможно, наступило: проведены некоторые измерения связи физических изменений в нервах и явлений сознания (в форме чувственных восприятий), а отсюда может последовать и большее. <...> Над этим в Гейдельберге работают Гельмгольц и некто Вундт, и я надеюсь, пережив эту зиму, посетить их летом[7].

В 1871 г. Гельмгольц покидает Гейдельберг, чтобы занять должность профессора физики в Берлине. Вундт, казалось бы, должен был стать его естественным преемником. Действительно, большинство обязанностей Гельмгольца возлагаются на него, но без повышения в должности, и потому жалованье Вундта составило только четверть жалованья Гельмгольца. Понятно, что у Вундта появляется желание бежать из Гейдельберга, и он начинает трудиться над тем, что станет в психологии самой влиятельной его работой — «Принципами физиологической психологии», где в 1873 и 1874 гг. он заявляет о своей «новой области науки».

---

[7] В действительности Джеймс до Вундта не доехал, поскольку не мог без риска для своего больного позвоночника преодолеть холмы Гейдельберга. Впервые лицом к лицу они встретились только в 1882 г. в Лейпциге. Джеймс был поражен личностью Вундта, но несколько разочарован тем, что Вундт уделил ему мало времени.

В этой книге разрабатывалась экспериментальная психология, о которой он говорил в предисловии к предыдущей работе только предположительно. Вундт утверждает, что состояния сознания можно изучать научно путем систематической манипуляции предшествующими им переменными и анализа, проводимого при помощи метода тщательно контролируемой *интроспекции*. Эта, по мнению некоторых авторов, самая важная книга в истории психологии, стала первым боевым кличем, призывающим к созданию чисто психологических лабораторий.

В 1874 г. прилежание и изобретательность Вундта наконец-то были вознаграждены назначением на должность профессора индуктивной философии в Цюрихе. В следующем году еще более заманчивое приглашение приходит из Лейпцига. Должность заведующего кафедрой философии оставалась там вакантной в течение 10 лет, отчасти по причине узкопартийных распрей внутри факультета. В итоге было решено разделить профессорскую должность пополам и пригласить двух людей помоложе на ставку одного знаменитого философа. Вундта взяли как представителя «научной философии», а другого преподавателя выбрали для того, чтобы он представлял более традиционные подходы к философии. Так Вундт, физиолог с медицинским образованием, самостоятельно читавший только один формальный курс философии, инициатор идеи экспериментальной, физиологически ориентированной *психологии*, во второй раз проснулся профессором философии. Ничто не может лучше иллюстрировать отсутствие четких границ между различными дисциплинами, которые объединились для того, чтобы разработать психологию.

Институт в Лейпциге

Устроившись в Лейпциге, Вундт незамедлительно приступает к воплощению в жизнь своего замысла экспериментальной психологии. В 1879 г. он переоборудует свою маленькую демонстрационную лабораторию — фактически единственную комнату в довольно-таки старом обветшалом здании — в «частный институт», в котором студенты могли проводить эксперименты. Администрация университета не проявила особого энтузиазма в связи с этим проектом, опасаясь того, что длительное применение вундтовского экспериментального метода интроспекции может привести студентов-психологов к помешательству[8]. Однако Вундт стоял на своем и поддерживал институт материально из

[8] *...может привести студентов-психологов к помешательству* — Кант в своей работе «Антропология с прагматической точки зрения» пишет: «Замечать (*animadvertere*) [что-либо. — *Ред.-сост.*] за собой — еще не значит наблюдать (*observare*) самого себя. Последнее есть методическое сопоставление восприятий, получаемых от нас самих, которое дает материал для *дневника* человека, *наблюдающего самого себя*, и легко приводит к фантазерству и помешательству. <...> Что же касается <...> указанного выше *предостережения*: не слишком увлекаться выведыванием и как бы преднамеренным составлением внутренней истории *непроизвольного* хода своих мыслей и чувств, — то это предостережение мы делаем потому, что такое увлечение

своего кармана вплоть до 1881 г., пока всем не стало ясно, что экспериментальная психология безвредна и пользуется большой популярностью. Но еще до того как слухи об опасности интроспекции полностью рассеялись, число студентов, захотевших заниматься ею и приезжающих с этой целью со всего мира, начало неуклонно расти. Лекции Вундта становятся наиболее посещаемыми в университете. Выдвигаются и осуществляются все более и более интересные экспериментальные проекты. Результаты исследований публикуются в новом журнале, который Вундт начинает издавать в 1881 г. Этот журнал, названный «Philosophische Studien» («Философские исследования»), становится, несмотря на название, первым в мире журналом, посвященным главным образом экспериментальной психологии.

Благодаря этим успехам авторитет Вундта среди профессоров и преподавателей увеличивается до такой степени, что в 1889 г. его выбирают ректором Лейпцигского университета. В 1892 г. психологическая лаборатория переезжает в одиннадцатикомнатный корпус, а в 1897 — в совершенно новое здание, в проектировании которого Вундт лично принимал участие. В 1909 г. его выдвигают официальным докладчиком на 500-летнем юбилее университета. Когда в 1917 г., после 42 лет непрерывного служения университету, Вундт уходит на отдых, он уже и сам становится чем-то вроде института.

О Вундте Лейпцигского периода рассказывают множество историй. Большинство из них посвящено его манере чтения лекций, которая, по всеобщему мнению, была впечатляющей. Даже Уильям Джеймс, побывавший на этих за-

---

прямой дорогой ведет к тому, чтобы запутаться в мнимых высших откровениях и силах, влияющих на нас неведомо откуда без всякого содействия с нашей стороны, впасть в иллюминатизм. или терроризм. В самом деле, незаметно для себя мы якобы открываем здесь то, что мы сами в себя вложили, как это делали Буриньон в заманчивых или Паскаль в страшных и пугающих образах. В подобном положении оказался даже такой превосходный ум, как Альбрехт Галлер, который так долго, часто без перерыва, вел дневник своих душевных состояний, что в конце концов обратился к знаменитому теологу, своему прежнему товарищу по академии доктору Лесу, с вопросом, не может ли он найти утешение для своей смятенной души в его обширной сокровищнице богословия. Вполне достойно размышления, а для логики и метафизики необходимо и полезно наблюдать в себе различные акты способности представления, *когда мы сами их вызываем.* — Но пытаться подслушивать их, когда они без зова сами собой появляются в душе (что совершается игрой непреднамеренно сочиняющего воображения), так как в этом случае принципы мышления не предшествуют (как надлежало бы) [нашим представлениям. — *Ред.-сост.*], а следуют за ними, — это извращение естественного порядка в познавательной способности и представляет или уже созревшую душевную болезнь (ипохондрию), или расположение к такой болезни, которая приводит в дом умалишенных. Тот, кто умеет много говорить о своем *внутреннем опыте* (о благодати, об искушениях), пусть совершая с надеждой на открытия путешествие для исследования самого себя, прибудет прежде всего в Антикиру. Действительно, с этим внутренним опытом дело обстоит не так, как с *внешним* опытом, касающимся предметов в пространстве, где эти предметы являются рядом друг с другом и как постоянно существующие. Внутреннее чувство воспринимает отношения своих определений только во времени, стало быть в движении, когда не может быть продолжительного рассмотрения, необходимого для опыта» (*Кант И.* Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 362—371). — *Ред.-сост.*

нятиях в 1882 г., признал, что Вундт владеет «более отточенным ораторским искусством, чем кто-либо другой из тех, кого я слышал в Германии». Более памятную запись сразу же после первого посещения лекции Вундта оставил Эдуард Брэдфорд Титченер (1867—1927), ставший впоследствии наиболее ревностным представителем Вундта в Америке:

> [Ассистент преподавателя. — *Р.Ф.*] распахнул дверь, и вошел Вундт. Разумеется, весь в черном, от ботинок до галстука; худощавая, узкоплечая, слегка согнутая фигура; он производил впечатление высокого человека, хотя я сомневаюсь, что в действительности он был выше 170 *см*. Он протопал — другого слова здесь не подобрать — по проходу и ступенькам кафедры: хлоп-топ, хлоп-топ, постукивая так, как будто подметки его ботинок были сделаны из дерева. Для меня было что-то явно вульгарное в этом печатающем топоте, но никто, казалось, этого не заметил. <...> Вундт совершал несколько характерных движений — сцеплял пальцы за головой, крошил мел, и, наконец, выставлял на обозрение аудитории свои локти, ставя их [на передвижную подставку для книг. — *Р.Ф.*]. Эта забавная поза создавала впечатление высокого роста. Лекцию он начинал очень высоким, слабым, почти извиняющимся голосом; но после одной-двух фраз, в течение которых в аудитории воцарялась тишина, его лекторский голос проявлялся полностью и сохранялся таковым до конца лекционного часа. Это был легкий и богатый бас, практически без полутонов, иногда с легким кашлем; содержательная и убедительная речь оживлялась чем-то вроде страсти — манерой говорить, которая поддерживает ваш интерес и предотвращает чувство монотонии. <...> Лекция читалась без обращений к записям; Вундт, как мне запомнилось, никогда не бросал взглядов на подставку для книг, хотя там, между его локтями, и была какая-то стопочка бумаг. Он закончил очень пунктуально, как раз вовремя, и протопал к выходу, слегка сутулясь и постукивая, как и входил. Если бы не этот смехотворный топот, происшедшее в целом вызвало бы у меня только восхищение[9].

В начале каждого учебного года Вундт вывешивал подробное, написанное неразборчивым почерком объявление о своем исследовательском семинаре, в котором приглашал всех желающих студентов собраться в его институте в определенное время. В указанный день и час студенты выстраивались перед ним в ряд либо в случайном порядке, либо в порядке прихода в комнату. Затем Вундт зачитывал заранее приготовленный список, называя определенные исследовательские проекты, которые он хотел бы увидеть реализованными в текущем году, а также часы лабораторных занятий, когда данный проект должен был осуществляться. Первый студент в ряду получал первое задание, второй —

[9] Когда Титченер стал профессором психологии в Корнелле, он проводил свои лекции почти таким же образом, как это делал Вундт, вплоть до черной профессорской мантии, которая, как он полагал, давала ему право быть догматичным. Позволим себе, однако, предположить, что он прилагал все усилия, чтобы его туфли не громыхали при ходьбе.

второе и т.д. Никто не осмеливался оспаривать эти назначения, и студенты, преисполненные чувства долга, начинали свои исследования, которые и становились, как правило, их докторскими диссертациями. По ходу исследований Вундт периодически консультировал каждого студента и затем руководил написанием отчетов для публикации. Свой синий редакторский карандаш он использовал безжалостно, хотя иногда и разрешал студентам высказать в своих отчетах собственную точку зрения. Один из последних американских студентов рассказывает, что «Вундт обнаруживал хорошо известную немецкую черту — ревностную охрану фундаментальных положений своей позиции. Около трети моих тезисов не согласовывались с вундтовской доктриной ассимиляции и потому были вымараны».

Несмотря на свой традиционный догматизм и формализм в учебных аудиториях, в других условиях Вундт мог непринужденно вести себя со студентами. Иногда он добродушно поддразнивал своих студентов-американцев в связи со своей вечно планируемой поездкой в Соединенные Штаты — путешествием, которого он в действительности так никогда и не совершил. Огромную помощь он оказывал студентам при подготовке к устным докторским экзаменам. Многие студенты рассказывали, что волновался он не меньше их, натаскивал и заранее предупреждал, каких вопросов можно ожидать от экзаменаторов-не психологов.

Методы Вундта оказались крайне эффективными, и вместе со своими студентами он провел сотни оригинальных экспериментов, посвященных множеству разнообразных психологических тем. Привести полную сводку этих исследований здесь невозможно, но для примера рассмотрим три типа экспериментов: имеющие дело с *умственной хронометрией*, использующие методику *интроспекции* и направленные на подтверждение вундтовской теории *апперцепции и перцепции*.

Умственная хронометрия. Приблизительно в шестой части от общего числа лейпцигских экспериментов измерялось время, необходимое для выполнения различных элементарных умственных операций. Здесь Вундт разрабатывал тематику предшествовавших работ по измерению *времени реакции*. В начале XIX в. астрономы осознали, что реакция человека на стимул не мгновенна, а требует определенного количества времени. Прямое физиологическое обоснование феномена времени реакции было получено Гельмгольцем, когда он показал, что нервный импульс распространяется по нервному волокну с измеримой скоростью. Время реакции есть сумма: (1) времени, необходимого для того, чтобы импульс от раздражения рецептора дошел по сенсорному волокну до спинного или головного мозга; (2) времени, затрачиваемого на обработку в головном мозгу, предшествующую возбуждению моторного нервного волокна и (3) времени, необходимого для прохождения импульса по моторному волокну и возбуждения мышечной реакции.

Гельмгольц отказался от изучения времени реакции человека из-за вариативности получаемых данных. Однако его друг Ф.К. Дондерс (1818—1889) под-

хватил эту линию исследований и усовершенствовал методику путем разработки *компликационного эксперимента* и *процедуры вычитания*. Дондерс утверждал, что время, необходимое для прохождения нервного импульса по сенсорным и моторным нервным волокнам, в любой данной реакции должно оставаться сравнительно постоянным. Поэтому различия во времени реакции индивида следует отнести на счет различий во времени, необходимом для протекания центральных процессов в головном мозге, учитывая при этом, что более сложные процессы требуют большего времени. Следовательно, измеряя время, затрачиваемое индивидом при реакциях возрастающей сложности, и вычитая время более простых реакций из времени более сложных, можно определить количество времени, необходимое для центральных процессов все большей и большей сложности.

Предполагалось, что эти центральные процессы являются физиологической основой *умственных* процессов. Идея Вундта состояла в том, что при тщательном контроле умственных процессов испытуемого в различных типах экспериментов на время реакции процедура вычитания может быть использована для измерения времени, необходимого для осуществления различных элементарных умственных актов. Таким образом, хотя Вундт и не изобрел самой методики, благодаря ему компликационный эксперимент вышел на новый, более высокий уровень[10].

Одно из открытий, совершенных в Лейпциге при помощи компликационного эксперимента, заключается в том, что время реакции испытуемого примерно на одну десятую секунды больше, если его внимание сосредоточено на ожидаемом *стимуле*, а не на требуемом *ответе*. Так, если стимул — звук, а ответ — нажатие на кнопку, то испытуемый реагирует быстрее, если он сознательно думает о движении, которое должно было быть произведено, чем когда он сосредоточивается на ожидаемом звуке. Согласно Вундту, эта дополнительная десятая доля секунды есть время, необходимое для осуществления процесса *апперцепции*. Когда испытуемый сосредоточен на стимуле, сначала должна произойти его *перцепция*, т.е. простая регистрация в сознании, а потом — *апперцепция*, или его сознательная «интерпретация» в свете того ответа, который с этим стимулом связан. Когда внимание сосредоточено на ответе, дополнительный шаг в виде апперцепции, или сознательной интерпретации стимула, не обязателен. Испытуемый может просто воспринять стимул и отреагировать на него автоматически. Но, несмотря на выигрыш в скорости, это условие представляет

[10] Название «компликационный эксперимент» автор использует здесь в широком смысле. Обычно о компликационном эксперименте говорят как о моделировании в лабораторных условиях ситуации измерения времени прохождения звезды через меридиан в астрономии. Испытуемый должен определить, в каком месте шкалы находится движущийся зрительный стимул, например стрелка, в момент звукового сигнала. В зависимости от предварительной установки внимания на звук или на стрелку, испытуемый определяет ее положение с отрицательным или с положительным смещением относительно того, в котором она находилась в момент звукового сигнала на самом деле. — *Ред.-сост.*

более «легкомысленный» подход к ситуации, т.е. подход, который с большей вероятностью приводит к преждевременным или ошибочным реакциям.

Для того, чтобы измерить время реакции при более сложных, чем апперцепция, умственных процессах, были проведены более сложные эксперименты[11]. При одном условии в случайном порядке предъявляли несколько разных видов стимулов и только на один из них нужно было ответить. Время реакции было больше, чем в том случае, когда испытуемый сосредоточивался только на одном виде ожидаемого стимула. Разница, утверждал Вундт, представляет время, необходимое для осуществления *познания* (cognition), т.е. здесь должна произойти не только перцепция и апперцепция стимула, но и его опознание и различение от других стимулов, не предполагающих ответа. Вундт совместно со своими студентами обнаружил, что время реакции увеличивается еще больше, если предъявить разные стимулы и потребовать особой реакции на каждый из них (например, нажать на правую кнопку правой рукой в ответ на вспышку света и на левую кнопку левой рукой в ответ на звуковой сигнал). Предполагалось, что время, дополнительное к реакции познания, представляет собой продолжительность процесса *ассоциации*.

Исследования, проведенные методом умственной хронометрии, иллюстрируют одну из главных особенностей вундтовской экспериментальной психологии — тенденцию анализировать феномены психики в терминах как можно более простых единиц. Используя различные экспериментальные методы, Вундт пытался разобрать на части сложные состояния психики, подобно тому как действует химик, когда разлагает химические соединения на составляющие элементы. Перцепция, апперцепция, познание и ассоциация рассматривались поэтому как элементарные психические акты, которые могут комбинироваться друг с другом множеством различных способов. Компликационные эксперименты служили средством для разделения их эффектов.

Интроспективные исследования. Систематическая контролируемая *интроспекция* в вундтовском экспериментальном анализе сознания играла роль, пожалуй, даже большую, чем компликационный эксперимент. Для Вундта интроспекция была не просто способом самоанализа и внутренним взвешиванием, которые обычно подразумеваются под этим термином сейчас. Напротив, это была строгая и весьма упорядоченная методика расчленения опыта сознания на основные элементы. Испытуемыми всегда были обученные студенты-психологи, тщательно подготовленные к тому, чтобы проводить интроспекцию соответствующим образом. Некоторые студенты считали эту методику слишком сложной для овладения, что расхолаживало их в отношении своей дальнейшей карьеры в психологии.

---

[11] По Вундту, разделение всех психических процессов на два класса — перцепции и апперцепции — является исчерпывающим, т.е. в данном случае правильнее было бы говорить об измерении не других умственных процессов, а тех же, но более сложных, процессов апперцепции. — *Ред.-сост.*

Цель вундтовской интроспекции заключалась в анализе сознательного опыта в терминах элементарных *ощущений* и *чувствований*. Под ощущениями Вундт подразумевал «сырое» сенсорное содержание сознания, лишенное какого-либо «значения» или интерпретации со стороны испытуемого. Все сознательные мысли, идеи, впечатления и т.д. предположительно являются комбинациями ощущений, которые могли быть описаны всего лишь в четырех базовых измерениях. Это были *модальность* (было ли ощущение зрительным, слуховым, тактильным и т.д.), *качество* (например, цвет и форма для зрительных ощущений), *интенсивность* и *длительность*. Так, интроспективный анализ переживаний кинозрителя содержал бы не ссылки на объекты, увиденные на экране, а детальное описание пятен света различного цвета, интенсивности и длительности[12].

Любой исчерпывающий интроспективный анализ переживания должен включать в себя и описание чувств, сопровождающих различные сенсорные впечатления. Способ анализа чувств с годами менялся, но окончательный взгляд Вундта на эту проблему, так называемая *трехфактроная теория*, состоит в том, что путем интроспективного анализа любое чувство может быть описано в трех измерениях. Классическим стал эксперимент, в котором в качестве испытуемого выступал сам Вундт, прослушивая последовательности ударов метронома разного темпа. Во-первых, он сообщал, что находит некоторые скорости более приятными, чем другие; соответственно, первым измерением чувства стало *удовольствие—неудовольствие* (*pleasantness—unpleasantness*). Во-вторых, он сообщал, что переживает легкое напряжение непосредственно перед тем, как звучит каждый предвосхищаемый удар, сменявшееся легким расслаблением сразу же после того, как этот удар слышался. Эти чувства возникали независимо от того, казалась ли данная последовательность приятной или неприятной и потому Вундт постулировал *напряжение—расслабление* (*tension—relaxation*) как второе независимое измерение чувств. Наконец, совершенно независимо от переживаний по двум первым измерениям, Вундт обнаружил, что более быстрые последовательности ударов метронома вызывают у него слабое чувство возбуждения (*excitment*), тогда как более медленные — успокаивающий (*calming*) эффект. По-видимому, это указывало на существование третьей оси измерения *активность—пассивность* (*activity—passivity*), проходящей через его чувства.

---

[12] Согласно Вундту, два класса элементов сознания, ощущения и чувствования, имеют только два базовых свойства — качество и интенсивность, выделение которых требует не только получения данных экспериментальной интроспекции, но и их интерпретации в терминах абстрактных, т.е. не существующих в действительности составляющих. Эти составляющие и есть базовые элементы сознания или, точнее, единицы анализа сознания. Модальность сводится к качеству, а свойство длительности также вторично, поскольку подразумевает организацию элементов во времени, т.е. свойство комплексное или относительное. В данном случае автор излагает взгляд на элементы сознания, более близкий Титченеру, чем самому Вундту. — *Ред.-сост.*

Главная цель вундтовской интроспекции заключалась в выходе за пределы заученных категорий и понятий, определяющих наше повседневное переживание мира. Вундт считал, что ощущения и чувства тренированных интроспекционистов являются теми исходными кирпичиками, из которых построены даже самые ранние детские переживания, подобно тому как химические соединения построены из водорода, кислорода и других химических элементов. Ощущения и чувства, обнаруживаемые интроспекцией, как правило, далеки от обычных уровней осознания, подобно тому как химические элементы, как правило, замаскированы, будучи связаны друг с другом в химических соединениях.

Апперцепция и перцепция. Хотя Вундт и подчеркивал необходимость выявления элементов сознания, с еще большим пафосом он утверждал, что сознательное переживание суть нечто большее, чем сумма его элементов. Некоторые комментаторы ошибочно упрекали Вундта в том, что по его мнению элементы сознания связаны друг с другом строго механическим, суммарным образом. На самом деле это было далеко от истины. Вундт, разумеется, признавал, что одни и те же психические элементы могут сочетаться множеством различных способов, и что одна и та же сенсорная стимуляция может вызвать различные сознательные переживания в разное время. Но он также понимал, что бывают ситуации, в которых психические процессы выступают как протекающие в привычной, предопределенной и механической манере, и в этих случаях они *действительно* таковы.

Вундт объяснял эти различия в психическом функционировании, постулируя существование двух отдельных процессов — *апперцепции* и *перцепции* (продолжительность которых измерялась в компликационных экспериментах). При описании разницы этих процессов Вундт использовал аналогию зрительного поля. Зрительное поле содержит небольшую зону около центра, соответствующую той части сетчатки, которую называют фовеа, и в которую зрительные объекты проецируются в очень ясном фокусе. Острота зрения резко уменьшается в областях, окружающих эту зону, и совсем незначительна на периферии поля зрения. Однако глаз — чрезвычайно подвижный орган: он быстро двигается, так что область фокуса постоянно перемещается с одного объекта на другой. Согласно Вундту, в общих чертах это очень похоже на опыт сознания. Небольшое количество идей всегда находится в зоне *внимания*, тогда как множество других идей переживается только периферически и не особенно отчетливо. Внимание быстро перемещается от одной небольшой группы идей к другой. Те ощущения, которым уделяется внимание, являются *апперцепируемыми*; а те, которые находятся на периферии сознания, являются только *перцепируемыми*.

Перцепируемые ощущения и чувствования самоорганизуются механически и автоматически в направлениях (*along lines*), жестко заданных прошлым опытом. Поток перципируемого опыта полностью определяется внешней стимуляцией и историей ассоциаций индивида. Апперципируемые ощущения и

чувствования, напротив, могут быть перекомбинированы множеством различных способов, создающих соответствующее множество различных содержаний сознания. Ход апперципируемых психических событий гибко определяется как «внутренними» переменными, такими как мотивы, естественные наклонности, воспоминания и эмоции, так и внешней стимуляцией, воздействующей на индивида. Вундт считал эти мотивационные, не механические влияния столь важными, что свою психологическую систему в целом иногда называл *волюнтаризмом*.

С целью иллюстрации различения перцепции и апперцепции рассмотрим простой пример ответа человека на стимул-карточку, на которой цифра 1 напечатана непосредственно поверх цифры 2. Если эти символы только *перцепируются*, ответом в сознании будет идея, наиболее часто ассоциировавшаяся с этими символами в прошлом. Возможно, это будет идея «три», поскольку символы напоминают арифметическую задачу. Но если эти символы *апперцепируются*, то помимо наиболее обычной ассоциации прошлого опыта возможных ответов будет гораздо больше. Кроме ответа «три», эти символы могут вызвать такие ответы, как «минус один», «двенадцать», «двадцать один», идеи относительно секретного кода или шифра и множество других представлений, число которых ограничено только воображением испытуемого и текущими обстоятельствами. Если внимание полностью сосредоточено на каком-то стимуле, прочно укоренившиеся и привычные ответы могут быть преодолены и замещены новыми. Но когда внимание сосредоточено в меньшей степени, то скорее всего возобладают старые привычки. В терминах Вундта, в центре внимания в результате любых актов апперцепции происходит *творческий синтез*.

В одном из самых известных лейпцигских исследований измерялся объем внимания, т.е. количество идей, которое может быть апперципируемо одновременно. Оказалось, что когда перед испытуемым на короткое время вспыхивают сложные стимулы, количество апперцепируемых единиц варьирует от 4 до 6. Например, если в качестве стимуляции использовали случайное множество букв, то одновременно испытуемые воспринимали отчетливо от четырех до шести букв этого множества (оценки, полученные путем измерения способности воспроизведения букв после мгновенного их предъявления). Главной переменной здесь была *единица*, а не абсолютный размер, т.е. общее количество букв предъявляемого множества или сложность стимуляции, которую надо апперцепировать. Так, если вместо отдельных букв предъявляли случайное множество шестибуквенных слов, испытуемый мог одновременно апперцепировать от четырех до шести слов, составленных из 24 — 36 букв. Этот испытуемый на самом деле «видел» не по отдельности каждую из этих букв, а их соединения в виде осмысленных и целостных слов, прочно заученных когда-то в прошлом. Для незнакомых слов апперцепция уменьшалась до уровня отдельных букв. Так, читатели этой книги могут апперцепировать все слово *высший* (taller) практически с одного взгляда. Но если они не знают польского

языка, то польский эквивалент этого слова такой же длины *wyzszy* будет апперципироваться как незнакомая последовательность из шести букв.

Планируя эти и другие экспериментальные исследования, Вундт энергично старался избежать кабинетного теоретизирования, которое было характерно для более ранних попыток анализа сознательных психических процессов. Соответственно, он всегда набирал группы испытуемых, тщательно подготовленных к требованиям эксперимента, и подвергал полученные данные статистическому анализу. Систематический контроль за переменными и повторное измерение эффектов оставались отличительными признаками всех проводимых им экспериментальных исследований.

Тем не менее, следуя своей намеченной в 1862 г. программе, Вундт считал, что существуют пределы, выйти за которые строго контролируемый экспериментальный метод не в состоянии. Эксперименты могут быть полезны для выявления базовых компонентов сознания и определения некоторых количественных показателей, характеризующих чувствительность и мощность (*capacity*) психических процессов. Однако он полагал, что *качественная* природа высших психических процессов прямым экспериментальным манипуляциям в лаборатории не поддается. Мышление, память и познание следует принимать такими, какие они есть, и изучать естественно-историческим образом в контексте конечных продуктов человеческой истории и культуры. Такого рода анализ должен быть согласован с результатами экспериментальной психологии, но методы их абсолютно различны.

Völkerpsychologie

В последние двадцать лет своей жизни Вундт занимался главным образом разработкой неэкспериментальной психологии высших психических процессов, которую он назвал *Völkerpsychologie* (в приблизительном переводе «этническая психология» или «психология групп [народов. — *Ред.-сост.*]»). Краеугольным камнем этой работы стал анализ языка, представляющий собой хорошую иллюстрацию общего подхода Вундта к высшим психическим процессам.

Согласно вундтовскому естественному анализу феномена языка, основной единицей мышления является не слово или какой-нибудь другой элемент языка, а «общее представление» (*Gesamtvorstellung*), независимое от слов. Процесс порождения речи и любой другой языковой коммуникации требует апперцепции общего представления и его последующего аналитического расщепления на такие отдельные слова и языковые структуры, которые будут его представлять более или менее адекватно.

На основании рассмотрения ряда переживаний, обычно возникающих у людей, когда они говорят или продумывают свою речь, Вундт утверждал, что общее представление не идентично словам, используемым для его выражения. Быть может самое яркое из таких переживаний бывает тогда, когда человек говорит и внезапно понимает, что его слова не передают в точности его мысль.

Он может воскликнуть: «Я хотел сказать другое. Разрешите попробовать еще раз!» Очевидно, что здесь мысль, как общее представление, вдохновляющее и лежащее в истоке речи, не идентична словам, которые неверно ее представили. В других случаях общие представления могут возникнуть и отчетливо заявить о себе в сознании еще до того, как их можно будет удовлетворительно описать. Например, иногда слушатель осознает суть расхождения во мнениях между ним и собеседником и прерывает разговор словами «что?» или «подождите минуточку!» еще до того, как сформулирует свое возражение в словах.

Акт *понимания* речи также дает свидетельства ее не идентичности с мышлением. Согласно Вундту, задача слушателя заключается в том, чтобы апперцепировать звуки речи и творчески синтезировать их в общее представление, аналогичное тому, которое желает передать говорящий. Здесь определенно участвует нечто отличное от запоминания речи слово в слово, потому что когда слушателя просят повторить сообщение, только что ему переданное, он часто высказывает те же идеи правильно, но словами, отличными от тех, которые были в первоначальном сообщении. В действительности, если слушатель вынужден слишком тщательно сосредоточивать внимание на сообщаемых ему определенных словах (как в случае, когда он недостаточно хорошо знает язык), то нередко он полностью теряет нить разговора.

Итак, в лингвистике Вундта предельной единицей анализа языка было не слово, а *предложение* как структура, содержащая законченную мысль и выражающая в таком случае общее представление. Когда человек говорит или слушает, его внимание сосредоточивается не только на определенном, произносимом в данный момент слове, но и на роли каждого слова в общей структуре предложения. Поэтому говорящий знает, что каждое из его слов занимает определенное место в общей «структуре мысли», в данный момент «заполненной» тем определенным общим представлением, которое он желает передать. Слушающий автоматически заполняет свободные места в своей структуре мысли в то время, когда он слышит различные слова предложения. Вундт отмечает, что психологически предложение в одно и то же время суть «симультанная [одновременная. — *Ред.-сост.*] и сукцессивная [последовательная. — *Ред.сост.*] структура»:

> Оно симультанно, потому что в каждый момент присутствует в сознании как целостность, несмотря на то, что частные подчиненные элементы могут случайно исчезнуть из него. Оно сукцессивно, потому что познавательное состояние этой конфигурации меняется от момента к моменту и по ходу того, как частные образующие одна за другой перемещаются в фокус внимания и снова покидают его.

В психолингвистике Вундт эффективно использует многие из тех понятий, которые он разрабатывал в рамках своей экспериментальной психологии. Например, общие представления должны быть апперцепированы, некоторые отдельные слова переводятся в фокус внимания, тогда как другие удерживаются

на его периферии. В общем и целом, завершение в 1920 г. десятитомной «Volkerpsychologie» ознаменовало выполнение той грандиозной психологической программы, которую Вундт наметил для себя почти 60 лет тому назад. К тому времени он включил открытия экспериментальной психологии в состав тщательного исследования высших психических функций, проведенного главным образом историческими и естественно-историческими методами.

Вундт интенсивно работал вплоть до самого завершения своей долгой жизни. С поста преподавателя он ушел в 1917 г. в возрасте 85 лет. В течение трех лет он занимался окончательным оформлением своей «Volkerpsychologie», а большую часть 1920 г. провел, работая над автобиографией. Он завершил ее 23 августа и через 8 дней умер, оставив не только тома публикаций, но и большинство из тех 24 000 студентов, которых он в разное время учил на протяжении своего длительного и необыкновенно продуктивного жизненного пути.

Влияние Вундта на современную психологию

В течение долгого времени американские психологи вслед за Джеймсом считали Вундта довольно скучным, заносчивым и склонным к догматизму типом, способности которого были главным образом административными. Ему отдавали должное в связи с созданием новой науки — экспериментальной психологии, но обвиняли в том, что он направил ее по неудачно выбранному и научно непродуктивному пути. Один из историков психологии зашел настолько далеко, что назвал вундтовскую психологию «перерывом в развитии естественной науки о человеке», временным завихрением, направленным вспять общему потоку научного прогресса.

Как правило, критика вундтовской психологии сосредоточивается на используемом ею методе интроспекции. Ненадежность интроспективных отчетов и трудность их проверки особо подчеркивал Джон Б. Уотсон[13] в 1913 г., когда он основал направление, известное как *бихевиоризм*. Будучи главной силой в американской психологии на протяжении многих лет, бихевиоризм утверждал, что подлинным объектом исследования психологии является только объективно наблюдаемое поведение организмов, неприкрашенное субъективными интроспективными описаниями состояний сознания. По Уотсону, достоверность таких описаний не может быть установлена никогда, и нет способа, позволяющего разрешить проблему расхождения данных, когда два испытуемых дают разные интроспективные отчеты в одной и той же экспериментальной ситуации.

Однако разногласия, связанные с методом, не были единственной причиной неприятия Вундта американцами. Задолго до того, как Уотсон выдвинул бихевиоризм в качестве отчетливой альтернативы, между Германией и Амери-

[13] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

кой сформировались культурные различия, уменьшавшие вероятность искреннего признания Вундта американцами. По немецкой интеллектуальной традиции со времен Канта было свойственно заниматься главным образом описанием человеческой психики *вообще*. Главным вопросом, на который пытался ответить Вундт как представитель этой традиции, был следующий: «Каковы те универсальные характеристики психики, которые могут лежать в основе универсальных аспектов человеческого опыта?» Американцев, с их традицией первопроходцев и исторически обусловленным подчеркиванием индивидуальности, больше интересовали вопросы *индивидуальных различий* между людьми и их полезности в борьбе за выживание и успех в меняющемся социальном окружении. Благодаря этим установкам американцы оказались особенно восприимчивыми к появившимся в XIX в. идеям Дарвина относительно индивидуальной изменчивости, эволюции путем естественного отбора и «выживания наиболее приспособленных». Они же послужили причиной определенного естественного сопротивления вундтовской психологии.

Наконец, эти естественные интеллектуальные различия между Вундтом и американцами были обострены далеко зашедшим и буквально физическим противоборством в период Первой мировой войны. Вундт проявил себя как страстный немецкий патриот, что вызвало горькое чувство обиды у большинства когда-то учившихся у него американцев. Отношения с Германией были испорчены, и американская психология сознательно отошла от всего немецкого. Это стало одним из факторов, приведших к обособлению американской психологии, проявляющемуся в определенной степени и по сей день в виде недостаточного интереса к психологическим достижениям во всем остальном мире.

Следствием столь недружелюбной атмосферы стало то, что большинство поздних работ Вундта, включая его поистине впечатляющую «Volkerpsychologie» в десяти томах, никогда не переводились на английский язык. Отсюда-то и берет начало традиция признания сквозь зубы заслуг Вундта как основателя экспериментальной психологии и вместе с тем очернения определенных положений его психологических теорий без малейшего полученного из первых рук знания о том, что же они в действительности собой представляют.

В последние годы эта ситуация начала меняться, поскольку некоторые американские и канадские психологи взяли на себя труд прочитать Вундта в оригинале и обнаружили соответствие его работ своим нынешним представлениям. Им стало ясно, что современное изучение таких когнитивных феноменов, как «переработка информации», «селективное невнимание» и «перцептивная маскировка» в основном идет по традиционному пути вундтовских исследований апперцепции. Они измеряют время, затрачиваемое на быстрые умственные операции, способами, аналогичными умственной хронометрии лейпцигских исследований. Они также открыли для себя, что вундтовская трехфакторная теория чувств, хотя и основана на развенчанном методе интроспекции, довольно точно воспроизводится в их собственных исследованиях эмоций и отношений методом факторного анализа. Современная теория шизофрении, согласно которой

данная болезнь вызвана расстройством внимания, прямо соответствует точке зрения Вундта, что у шизофренических личностей нарушены процессы апперцепции. И, быть может, больше всего североамериканские психологи удивились, когда узнали, что вундтовская теория языка, так никогда полностью и не переведенная на английский язык, представляет собой поразительное предвосхищение наиболее влиятельной в настоящее время «трансформационной грамматики», разрабатываемой такими лингвистами, как Ноам Хомский[14].

Итак, теперь американским психологам приходится рассматривать Вундта не только как «основателя» неэффективной экспериментальной психологии, не только как догматически настроенного тирана, подавлявшего другие точки зрения, и не только как неутомимого автора увесистых томов. Он был настоящим новатором, который благодаря своим открытиям занимает в истории психологии по меньшей мере такое же выдающееся место, как и его великий американский соперник Уильям Джеймс.

Уильям Джеймс: ранние годы

Уильям Джеймс родился 11 января 1842 г. в Нью-Йорке. В годы детства и отрочества он вместе со своей семьей часто переезжал сначала из Нью-Йорка в Лондон, потом в Женеву, Париж, Болонь (Франция), Ньюпорт, Дрезден и Бостон, пока окончательно не обосновался в Кембридже штата Массачусетс в 1866 г. Такое путешествие стало возможным благодаря наследству, полученному его знаменитым отцом Генри Джеймсом-старшим.

Генри-старший два года посещал богословскую школу, но ушел из нее, поскольку был недоволен суровыми догматами пресвитерианства[15]. Большинство его последующих взрослых занятий, включая годы постоянных путешествий, были направлены на свободное образование его пяти детей и распространение туманных религиозных взглядов Сведенборга[16]. Интерес к философии Сведенборга возник как прямое следствие тяжелого личностного кризиса, который Генри-старший пережил в 1844 г., — кризиса, повторившегося весьма сходным образом, подобно эху, 26-ю годами позже у его сына Уильяма. За кризисом последовали годы философских и религиозных исканий, но началось все это совершенно неожиданно, резким и жутким образом. Старший Джеймс оставил яркое описание этого события:

> Однажды <...> в конце мая, после спокойного обеда я сидел за столом уже после того, как остальные члены семьи удалились, и смотрел на догорающие в ка-

---

[14] Хомский (*Chomsky*) Ноам (р. 1928) — американский лингвист, философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[15] *Пресвитерианство* — одно из ортодоксальных течений протестантства. — *Ред.-сост.*

[16] Сведенборг (*Swedenborg*) Эмануэль (1688—1772) — шведский естествоиспытатель и философ-мистик. — *Ред.-сост.*

мине угольки, не думая ни о чем и только чувствуя приятную наполненность желудка пищей, как вдруг, словно вспышка света, «на меня напал страх и трепет, сотрясая все тело до последней косточки»[17]. По всей видимости, это было настоящее безумие, малодушный ужас без какой-либо явной причины, объяснить который мое расстроенное воображение могло только тем, что какая-то незримая для меня дьявольская тварь приземлилась внутри комнаты, распространяя из своей вонючей утробы лучи, губительные для жизни. За какие-то десять секунд я пережил полный крах; т.е. уверенное, энергичное и счастливое состояние зрелости превратилось в состояние почти беспомощной инфантильности.

Болезненные вздрагивания продолжались у Генри Джеймса-старшего в течение более чем двух пет после этого случая. Его не покидало чувство тревоги и общее чувство того, что опоры его существования выбиты из-под ног. Он консультировался у ряда знаменитых врачей, которые не могли рекомендовать ничего лучшего, чем отдых, прогулки на свежем воздухе и веселая компания. Наконец он узнал, что шведский мистик Эмануэль Сведенборг когда-то давно описал приступы тревоги, подобные тому, который случился с ним, называя их *vastations*. Он стал читать все, что удавалось найти из Сведенборга и о Сведенборге. Благодаря этому он каким-то образом приобрел необходимую уверенность и сумел справиться со своим неврозом. Всю оставшуюся жизнь он безуспешно пытался рассказать другим людям о своей новой философии в своих книгах и лекциях[18].

Независимо от степени непонятности, философия старшего Джеймса постепенно восстановила его душевное состояние до прежнего уровня здоровой живости и позволила ему со всей страстью уделить внимание другому важнейшему занятию — семейному образованию. Он твердо верил, что его дети должны получить как можно лучшее образование, но не мог четко определить, где именно. После смены нескольких частных школ и домашних репетиторов в Нью-Йорке он решил, что европейское образование — самое лучшее. Тогда-то и началась одиссея, во время которой пять его детей побывали во множестве различных школ Европы и Америки. Но ни одна школа не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались.

Тем не менее, дети урывками выучили несколько языков, познакомились с разными культурами и повсюду возили с собой самое полезное для их образования — чрезвычайно стимулирующую домашнюю атмосферу. Каждого из них подталкивали к участию в интеллектуальных дискуссиях, давали возможность открыто высказать свое мнение и каждый должен был гото-

---

[17] *«...на меня напал страх и трепет, сотрясая все тело до последней косточки»* — это, по-видимому, цитата из какого-то литературного произведения. — *Ред.-сост.*

[18] После публикации одного из его сочинений, озаглавленного «Секрет Сведенборга» и как всегда невразумительного, один его приятель шутливо заметил, что Генри-старший не только не раскрыл этот секрет, но и не объяснил, в чем он заключается.

виться к тому, чтобы отстаивать это мнение вопреки мощной семейной оппозиции. В пылу дискуссий за обеденным столом мальчики иногда вскакивали со своих мест, чтобы иметь возможность жестикулировать, или подшучивали над отцом, например: «в его картофельном пюре и комки должны быть всегда крупные» .

Скитальческий, интеллектуально бурный образ жизни, организованный старшим Джеймсом для своих детей, произвел разнородные эффекты. Три младших ребенка — Гарт Уилкинсон, Робертсон и Элис – были несколько напуганы энергичными выходками отца и старших братьев. Несмотря на ранние успехи, они оказались впоследствии подвержены невротическим заболеваниям и в последующей взрослой жизни были в общем-то несчастными. Для Уильяма и Генри-младшего (знаменитого писателя)[19] результаты оказались гораздо более положительными. Живость, чувствительность и словесная изощренность, которые позже стали отличительными чертами их сочинений, без сомнения имеют корни в опыте детства. Но и у них не все было гладко: в более зрелом возрасте у них периодически возникало эмоциональное расстройство.

Генри-младший родился через пятнадцать месяцев после Уильяма — разница не столь велика, чтобы не быть товарищем, но достаточна, чтобы всегда чувствовать, что находишься в тени брата. Выйти на уровень дерзких выходок брата не удавалось, и он удалился в мир книг и литературной деятельности. Уильям, как старший, был всегда «на коне», он стал первым и основным результатом образовательных экспериментов отца. Во многих отношениях он куражился в этой роли. Несмотря на склонность к заболеваниям, он был активным, увлекающимся и веселым ребенком, что привлекало к нему благосклонное внимание окружающих (и затрудняло прямое соревнование с братом для Генри). С детства Уильям любил экспериментировать, глотал разные вещества, чтобы определить на себе их фармакологический эффект, без разбора смешивал разные химические реактивы. Он устроил целый ряд взрывов, создал множество отвратительных запахов, на основании чего отец довольно рано пришел к выводу, что Уильяму предопределена карьера ученого.

Несмотря на особые условия и привилегированное положение в кругу семьи, домашняя жизнь Уильяма не была абсолютно безоблачной. На него, как на самого старшего и, следовательно, наиболее знающего и умелого ребенка, возлагали определенный груз ответственности. При планировании очередного образовательного паломничества обычно учитывались *его* интересы. Но, несмотря на подчеркнуто поощряемую независимость, многие решения старшего Джеймса относительно обучения оказывались далекими от этого. Так,

---

[19] Джеймс (*James*) Генри (1843—1916) считается классиком одновременно американской и английской литературы, поскольку большую часть своей жизни провел в Лондоне. На рус. яз. см., например: *Джеймс Г.* Повести и рассказы. М.: Худож. лит., 1973; *Джеймс Г.* Избранные произведения: В 2 т. Л.: Худож. лит., 1979; *Джеймс Г.* Женский портрет. М.: Наука, 1984. — *Ред.-сост.*

после решения, что Уильяму предначертана карьера ученого, старший Джеймс не пришел в восторг, когда его семнадцатилетний сын под влиянием одного ньюпортского художника заявил о своем интересе к искусству как к сфере будущей профессиональной деятельности. Он надеялся развеять это стремление поспешным переездом в Европу на целый год, но интерес Уильяма к искусству оказался устойчивым, и только тогда отец неохотно вернул семью обратно в Род-Айленд[20]. В конце концов, всем стало ясно, что художественные способности сына располагаются на уровне не выше среднего. Уильям виновато признал, что ошибался, и поехал изучать химию в Гарвард[21]. С одной стороны, это несколько успокоило Генри-старшего, но с другой — вызвало опасение, что как ученый Уильям будет слишком материалистичным и потеряет из виду ряд столь важных, по мнению Генри-старшего, духовных ценностей. Неудивительно, что выбор профессии стал для Уильяма делом нелегким, и потребовались долгие годы, чтобы он нашел свое призвание в качестве психолога и преподавателя.

Университетское образование Джеймса

Когда Джеймс поступил в Гарвард, официально он стал студентом-химиком, хотя его предыдущее обучение химии сводилось исключительно к взрывным домашним экспериментам. Химия в Гарварде ему показалась трудной и не такой уж увлекательной, и он начал интересоваться физиологией (которую раньше *не изучал* вообще). В то время эта наука бурно развивалась благодаря вкладу таких ученых, как Мюллер, Гельмгольц и Дюбуа-Реймон. Вскоре Джеймс столкнулся с необходимостью выбора между академической наукой, медициной и бизнесом. В семейном бюджете появились первые прорехи и Джеймсу, первому среди двух поколений семьи, пришлось учитывать финансовую сторону дела. Без особого энтузиазма он выбирает карьеру врача, поскольку она открывала возможность как научной подготовки, так и приличного дохода. В 1864 г. Джеймс переходит в Гарвардскую медицинскую школу.

Важное событие в жизни молодого Джеймса произошло в 1865 г., когда Луи Агассис (1807—1873), знаменитый гарвардский биолог и наиболее откровенный американский критик дарвинизма, снарядил и возглавил экспедицию на Амазонку. Уильям участвовал в ней в качестве неоплачиваемого ассистента, надеясь отыскать в себе скрытые биологические таланты. Но такого в этом путешествии не случилось. Большую часть плавания на юг он провел в мучениях из-за морской болезни, в связи с чем написал родителям следующее: «Никто

---

[20] *Род-Айленд* — штат на северо-востоке США, у берегов Атлантического океана; по площади наименьший в стране. — *Ред.-сост.*

[21] *Гарвард* — Гарвардский университет, основанный в 1636 г.; находится в Кембридже, неподалеку от Бостона, в штате Массачусетс, на северо-востоке США. — *Ред.-сост.*

не имеет права писать о “природе Зла” или иметь какое-то мнение о зле, не побывав в море». Его энтузиазм едва ли увеличило и первое по прибытии в Рио задание: собирать и консервировать медуз. Вскоре после этого он заболел оспой и, вылечившись, начал строить планы возвращения. Он пробыл в Бразилии несколько месяцев, не испытывая никакого чувства долга по отношению к экспедиции, и участвовал только в нескольких продуктивных вылазках вглубь страны. Но зато ему стало совершенно ясно, что жизнь полевого биолога не для него, поэтому Джеймс возвращается домой и продолжает свои занятия медициной в Гарварде.

К сожалению, это было только началом его действительных несчастий. Оспа имела страшные последствия: слабость зрения и сильные боли в спине, которые затрудняли ходьбу. Ограниченный в чтении, а также в проведении врачебных обходов и активных лабораторных исследований, он не находит достаточных оснований для дальнейшего пребывания в медицинской школе. Модным способом лечения болезней спины в те времена были весенние минеральные ванны в Европе, и в апреле 1867 г. Джеймс отправляется в Германию, надеясь улучшить свой немецкий и вылечить спину.

Через полтора года он осуществил первое желание, но надежды на успешное лечение спины не оправдались. Зрение улучшилось, и он много и жадно читал, в особенности литературу, посвященную физиологически ориентированной психологии, развивавшейся в то время в Германии. Тогда он впервые услышал о Вундте и предпринял неудачную попытку посетить его и Гельмгольца в Гейдельберге. В Берлине он посещал лекции Дюбуа-Реймона и был изумлен объяснительной силой новой механистической физиологии. Однако к концу 1868 г. стало ясно, что его спине не становится лучше, и он вернулся домой в весьма подавленном состоянии.

После возвращения в Кембридж боли в спине несколько уменьшились, и он делает вид, что стремится к получению диплома врача. Внешне он был полон энтузиазма, но внутренне находился в состоянии смятения и глубокой депрессии. Весной 1870 г., после смерти любимой кузины, эмоциональный кризис достиг высшей точки и привел к неожиданному срыву, сильно напоминающему то, что произошло с его отцом 26 годами раньше (*vastation*). Джеймс описал это состояние, выдавая происшедшее за случай с каким-то французом, много лет спустя в «Многообразии религиозного опыта»:

> В то время я был весь во власти глубокого пессимизма и полного уныния. Однажды вечером, в сумерки, я зашел за чем-то в уборную. Внезапно, без всякой постепенности, меня охватил ужасный страх, который, казалось, вырос из темноты: я испугался себя самого. Так же внезапно в уме моем возник образ несчастного эпилептика, которого я видел в одной больнице; это был совсем молодой человек, черноволосый, с зеленоватым цветом кожи, — совершенный идиот. Он сидел целый день неподвижно на скамье, окаймлявшей стены, с поднятыми до подбородка коленями, с головы до ног окутанный рубашкой из

> сурового холста, составлявшей его единственную одежду. Он сидел тут, как египетский сфинкс или перуанская мумия; все застыло в нем, кроме его черных глаз. Что-то было нечеловеческое в его облике. И этот образ как-то слился с моим ужасом. *Этот страшный человек — это я*, по крайней мере в возможности, — подумал я. Ничто из того, что у меня есть, не спасет меня от подобной участи, если пробьет мой час, как он пробил для него. Я чувствовал отвращение и ужас перед ним. И так ясно сознавал, что между ним и мною только временная разница! Что-то растаяло в моей груди, и я превратился в дрожащую массу страха. С тех пор мир изменился в моих глазах. Каждое утро я просыпался с ужасным ощущением страха, которое локализировалось в области желудка, и с таким чувством беззащитности и беспомощности, которого я не знал раньше и никогда не испытывал впоследствии[22].

Последствия этого переживания были катастрофическими: оно вывело его из строя так, как не случалось ни до, ни после, т.е. никогда (хотя легким приступам депрессии он был подвержен всю жизнь). Постоянно сознавая «этот страшный провал под поверхностью жизни», он не мог сосредоточиться на работе. На всех своих намерениях в сфере практической медицины он поставил крест, не помышляя при этом о каком-либо другом виде карьеры.

Одной из самых тягостных идей этого провального периода его жизни стала механистическая картина вселенной, пропагандируемая немецкими физиологами. Интеллектуально концепция механицизма его привлекала, но размышление о ее философских следствиях приводило к страданиям. Ведь если все во вселенной, включая физиологические и психологические феномены, механистически детерминировано, тогда все его физические и душевные муки были не чем иным, как неизбежным, предопределенным результатом взаимодействия физических частиц. Его отличие от пациента-эпилептика было также предопределено, и он, как и тот, ничего не мог поделать сам, чтобы изменить свою судьбу.

Эмоциональное выздоровление Джеймса, как и в случае его отца, стимулировало случайное прочтение одной удачно попавшей под руку философской работы. В случае Уильяма это был очерк о свободной воле французского философа Шарля Ренувье (1815—1903), который он прочитал 29 апреля 1870 г. На следующий день он пишет в своем дневнике:

> Думаю, что вчера в моей жизни произошел перелом. Я окончил первую часть второго из «Очерков» Ренувье и не нахожу причин, почему его определение свободной воли как «удержания мысли *по своему выбору*, в то время как у меня могут быть другие мысли» необходимо рассматривать как определение какой-то иллюзии. Отныне и по меньшей мере до конца этого года, я буду считать, что это не иллюзия. Мой первый акт свободной воли будет заключаться в том, чтобы

[22] Цит. по: *Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. С. 128—129. — *Ред.-сост.*

> поверить в свободную волю. <...> До сих пор, когда я поспешно и беспечно чувствовал, что как бы свободно беру на себя инициативу, как бы отваживаюсь действовать оригинально, не задумываясь при этом, что внешний мир все за меня определяет, самоубийство казалось мне предельно мужественной формой реализации моей отваги. Теперь же я по своей воле пойду дальше, по своей воле я буду не только действовать, но и верить; верить в свою собственную подлинность и творческую силу.

Это пробное включение веры в свободную волю привело к успеху и продолжалось не до конца года, а до конца жизни. Каким-то странным образом принятие этих максимально немеханистических убеждений освободило его от интеллектуальных оков и даже способствовало тому, чтобы рассматривать механистические идеи новой физиологии и психологии более серьезно. Он мог придерживаться механистических идей и проводить их как можно дальше *научно*, не позволяя их следствиям парализовать его *личностно*. С личностной точки зрения было *полезно* размышлять и действовать так, как будто он обладал свободной волей, а с научной точки зрения было полезно предполагать, что физиологические и психологические феномены имеют механистические причины. Обе точки зрения были пунктами веры, не поддающимися абсолютному подтверждению или отрицанию. При отсутствии какого-либо абсолютного критерия решения проблемы «свободная воля или детерминизм», полезность казалась ему критерием более разумным, чем любой другой. И поскольку Джеймсу как личности было полезно верить в личностную свободу, он пошел напролом, и поступил именно таким образом. Оценка идей с точки зрения их полезности стала пожизненным правилом и основой его будущей философии *прагматизма*.

После этого переломного момента физическое и эмоциональное состояние Джеймса непрерывно улучшалось, но до полного выздоровления было еще далеко. Он завершил обучение медицине, все еще жил у родителей в Кембридже и отныне проводил время, читая и беседуя с друзьями. Он подходил к рубежу тридцатилетия, но оплачиваемой работы у него до сих пор ни разу не было, и, располагая огромным количеством полезной информации, он оставался почти полностью зависим от родительской опеки и кошелька. Поворотный пункт наступил в 1872 г., когда ректор Гарварда Чарльз Элиот, сосед по Кембриджу и в прошлом преподаватель Джеймса, попросил его прочитать половину обновленного курса физиологии. После долгих размышлений Джеймс согласился. Оказалось, что он как будто создан для этой работы и преподавал настолько хорошо, что его пригласили на следующий год прочитать этот курс полностью. Однако Джеймс не чувствовал себя настолько поправившимся после кризиса, чтобы взять на себя такую ответственность, тем более, что к данному курсу необходимо было подготовить немало совершенно нового для него материала. Он отпросился на год и путешествовал по Европе, но затем вернулся в Кембридж и был принят на это место. На всю оставшуюся жизнь его ос-

новной идентичностью[23] становится «преподаватель Гарварда» — университета, в котором он превращается в одну из поистине легендарных фигур.

Джеймс как преподаватель

Джеймс был прирожденным преподавателем. Он разогревал аудиторию благодаря тому заразительному жару, с которым раскрывал предметное содержание, и общался со студентами как с коллегами, интеллектуально с ним равными, вовлекая их в коллективный поиск знаний. В том возрасте, когда преподаватели становятся гораздо более авторитарными, Джеймс нередко приходил на занятия и уходил из класса вместе со своими студентами, живо обсуждая какие-нибудь проблемы. Его общение со студентами было шокирующе неформальным, и один известный человек, посетивший занятия Джеймса, сказал, что он больше похож на спортсмена, чем на профессора.

Студенты запоминали его лекции во многом благодаря тому глубокому интересу к предметному содержанию, который ему удавалось передать. Один из студентов говорил, что «Джеймс вскакивал и резкими, размашистыми движениями набрасывал на доске какую-нибудь схему. Я помню, как он стоит в состоянии рассеянности, захваченный какой-то идеей, поставив ногу на стул, локоть на колено и подпирая рукой подбородок». Однажды Джеймс принес в класс переносную доску. «Он ставил ее на стул и в другие места, но не мог одновременно писать, держать ее неподвижно и показывать написанное аудитории. Полностью согнувшись над доской, он в конце концов поставил ее на пол, растянулся рядом во весь рост, придерживал ее одной рукой, чертил другой и при этом непрерывно комментировал».

Джеймс был искренне заинтересован в своих студентах и в их отношении к его занятиям. Возможно, он был первым преподавателем в Штатах, который настойчиво просил своих студентов оценить его курс в конце каждого семестра. Он всегда разрешал задавать вопросы как во время занятий, так и после них, и положил на лопатки целый ряд враждебно настроенных студентов благодаря своему остроумию, находчивости, веселому нраву и вежливости.

Одна из наиболее известных историй связана с именем Гертруды Стайн[24], одной из лучших его студенток, учившихся на последнем курсе Радклиффа. После ознакомления с вопросами итогового экзамена по философии она написала: «Дорогой профессор Джеймс, извините, но сегодня мне противно писать экзаменационное сочинение по философии», и покинула аудиторию. Джеймс письменно ответил: «Дорогая мисс Стайн, я хорошо понимаю ваши чувства.

[23] Идентичность (*identity*) — термин в психологии личности, обозначающий существенное и устойчивое представление человека о самом себе как индивиде; может быть идентичность половая, расовая, групповая и др. — *Ред.-сост.*

[24] Стайн (*Stein*) Гертруда (1874—1946) — американская писательница, училась в Радклифском колледже; с 1901 г. жила в Европе, в Париже. — *Ред.-сост.*

Нередко я и сам чувствую нечто подобное». Он поставил ей самую высокую оценку в группе[25].

Важной причиной успеха Джеймса как преподавателя стал его подход к предмету. Он был далек от представления читаемых им предметов как сугубо теоретических, сухих дисциплин, не имеющих никакой связи с повседневной жизнью, и постоянно прилагал усилия, чтобы выделить в них жизненно полезное содержание. Действительно, его собственный мотив обучения заключался в возможности лучшего понимания себя и своего мира. Он старался привить своим студентам определенное чувство личностной значимости знания именно потому, что философские и психологические идеи помогли ему выйти из собственного кризиса. Он не был профессором, живущим в башне из слоновой кости, и практическая ориентация в большей степени, чем что-либо еще, объясняет его неприязнь к академической манере Вундта.

Предметное содержание курсов Джеймса менялось соответственно его интересам. После получения медицинского образования никакого формального академического обучения он не проходил, но прежде чем обучать других, всегда был учителем самого себя. Своему первому, прочитанному в 1875 г., курсу по анатомии и физиологии он дал название «Отношения между физиологией и психологией». (В связи с этим курсом он организовал в том же году небольшую демонстрационную лабораторию.) В 1878 г. он исключил анатомию и физиологию из плана своей учебной нагрузки, и в течение ряда лет его курсы были сугубо психологическими. После 1890 г., когда Джеймс представил свой обзор психологии в «Принципах психологии», его интересы постепенно становятся главным образом и по существу философскими. Он начинает считать себя скорее философом, чем психологом, и на протяжении последних лет своей жизни его курс был почти полностью философским.

Хотя его штатное служение психологии было временным и сравнительно непродолжительным, оно оказало огромное воздействие. Благодаря его статьям, учебникам и лекциям существование новой науки становилось очевидным для всех, кто их читал или слушал. Вундт привел психологию в университет, а Джеймс завоевал ей признание во всем мире.

Принципы психологии

В 1878 г., приступая к чтению своего первого чисто психологического курса, Джеймс заключает контракт с издателем Генри Хоултом на подготовку психологического учебника. Он думал, что работа над книгой пойдет легко и быстро, поскольку прекрасно знал соответствующую немецкую, французскую и

---

[25] Этот хитрый ход Гертруды Стайн впоследствии пытались использовать многие студенты с разными преподавателями. Но результаты были далеко не всегда и не настолько положительными, чтобы его можно было рекомендовать в качестве общего практического указания. — *Ред.-сост.*

английскую литературу, и самонадеянно пообещал написать книгу за два года. Но к 1880 г. работа все еще находилась в самом начале, и теперь задача в целом представлялась ему как нависшее над ним грозовое облако. В следующем десятилетии он написал несколько журнальных статей на психологические темы и понял, что их можно довольно легко преобразовать в главы учебника. Книга начинает складываться в конце 1880-х гг., и Джеймс, зло насмехаясь над собой, сообщил своему издателю что «огромная *крыса* [rat — также *трус. — Ред.-сост.*] <...> десять лет беременная, разродилась». Наконец, в январе 1890 г. он посылает Хоулту 350 рукописных листов с заверениями, что вскоре последуют и оставшиеся четыре пятых книги. (Он не мог понять, почему издатель захотел подождать остальной текст, прежде чем отправить уже полученное в печать.) Джеймс сдержал свое слово, и в конце 1890 г. два массивных тома «Принципов психологии» были опубликованы.

Джеймс почувствовал огромное облегчение, когда освободился от мучительного груза, который несла его совесть. Вполне понятно, что за двенадцать лет работы он устал от него. Последние части рукописи сопровождало письмо к издателю, в котором он писал: «При виде этой книги никому не доведется испытать большего отвращения, чем мне. *Ни один* предмет не стоит того, чтобы его излагали на 1000 страницах! Будь у меня еще десять лет, я бы переписал ее на 500-х. Сейчас же вопрос стоит ребром — либо не печатать вообще, либо печатать все, т.е. тошнотворную, раздутую, опухшую, оплывшую жиром, отечную массу, доказывающую только два положения: (1) что нет такой вещи, как *научная* психология и (2) что У.Д. некомпетентен».

Эти два пункта самокритики Джеймса были, возможно, правильными: книга *действительно* получилась огромной и представляла психологию как несистематическую, неполную науку («подобную физике до Галилея», как он писал в письме своему другу). Но вместе с тем она была написана настолько прекрасно, что вскоре стала наиболее раскупаемой среди англоязычных психологических книг. Психологи во всем мире, за понятным исключением Вундта, встретили ее с большим воодушевлением, а качество этого текста оказалось таково, что студенты читают его с удовольствием до сих пор.

Джеймс применил в «Принципах» те же приемы, благодаря которым он достиг такого успеха в аудитории: раскрывая психологические идеи, он постоянно подчеркивает их полезность и потенциальную личностную значимость для своего читателя. Еще большую живость добавляет небывалая откровенность Джеймса при комментировании работ других психологов. Он может критиковать ошибки, которые находит, например, у Вундта, и в то же время высоко оценивать и цитировать некоторые из идей Вундта, ссылаясь на него как на одного из тех авторов, сочинения которых самым непосредственным образом вдохновили его «Принципы».

Пересказать вкратце содержание «Принципов психологии» можно не иначе, чем путем указания на то, что они включают в себя главы, посвященные, помимо прочего, таким темам, как функции головного мозга, привычка, «тео-

рия автомата», поток мышления [сознания. — *Ред.-сост.*], личность, внимание, ассоциация, восприятие времени, память, ощущение, воображение, восприятие, рассуждение, произвольное движение, инстинкт, эмоции и гипнотизм. Здесь мы приведем лишь несколько кратких примеров, чтобы почувствовать аромат стиля автора.

Привычка. В одной из наиболее известных глав этой книги — «Привычка» — он описывает чрезвычайно важное влияние, которое оказывает ***повторение*** на любое поведение организма. После указания, что повторение является основным фактом как физики, так и физиологии, он утверждает, что повторение действий, заученных всеми людьми, цементирует человеческое общество:

> Таким образом, привычка представляется огромным общественным маховым колесом, наиболее ценным охранительным агентом общества. Она одна держит нас всех в установленных границах; она одна спасает счастливцев, обладающих богатством, от завистливых восстаний бедняков. Она одна препятствует тому, что самые трудные и отталкивающие работы не покидаются людьми, которые привыкли иметь с ними дело. <...> Она принуждает нас всех продолжать борьбу за жизнь на том пути, на который толкнуло нас наше воспитание или наш первый выбор, и выполнять наилучшим образом те действия, которые нам неприятны, только потому, что к другим мы не приспособлены, а начинать снова приучать себя уже слишком поздно. Привычка удерживает различные слои общества от смешения. Уже в двадцать пять лет можно увидеть профессиональный отпечаток, лежащий на молодом странствующем приказчике, молодом докторе, молодом священнике и молодом адвокате. Вы заметите едва уловимые особые черты, смешивающиеся в характере, в особенностях мысли, в предрассудках, одним словом, отпечатки «магазина», от которых человек может избавиться не скорее, чем рукав его сюртука может внезапно принять новое расположение складок. В целом хорошо, что человек не может скоро избавиться от привычек. Для общества хорошо, что у большинства из нас к тридцатилетнему возрасту характер укрепляется подобно гипсу и никогда вновь не размягчается[26].

Джеймс подчеркивает неизбежность и силу приобретенных привычек, а затем в своем стиле пытается вывести из этого определенный урок. Очевидно, что для индивида очень важно, какого рода привычки он приобретает. Но законы, определяющие образование привычек, беспристрастны и способствуют развитию как позитивных, так и негативных действий:

> Всякий ничтожнейший порыв добродетели или порока оставляет свой след, как бы он ни был незначителен. Пьяница Рип Ван Винкль в пьесе Джефферсона прощает себе каждое новое отступление от зарока, говоря: «Я не буду считать этого времени!» Прекрасно! Он может его не считать, и милосердное Небо также может не считать его; но тем не менее оно будет учтено. Считают его

---

[26] Цит по: *Джеймс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 148. — *Ред.-сост.*

там, среди его нервных клеток и волокон, молекулы, записывая и накопляя это время для того, чтобы воспользоваться им, когда возникнет следующее искушение[27].

Практическая проблема заключается в том, чтобы понять, как позитивные привычки укореняются взамен негативных. Джеймс считал, что его аудитория студенческого возраста пока еще обладает некоторой гибкостью, позволяющей выработать интеллектуальные и профессиональные привычки, и давал определенные советы. Стараясь приобрести новую позитивную привычку, студент «не должен допускать никаких исключений, пока новая привычка надежно не закрепится в его жизни. <...> Использовать любую возможность действовать согласно каждому принятому вами решению. <...> Сохранять способность к усилию в живом состоянии с помощью небольших, немотивированных, ежедневных упражнений». Студентам, которые будут так делать, нечего тревожиться о конечном результате своего обучения: «Если [студент. — *Р.Ф.*] добросовестно занимается в течение каждого часа своего рабочего дня, он без опаски может совершенно не думать об окончательном результате. Он с полной уверенностью может рассчитывать, что в одно прекрасное утро проснется, оказавшись одним из компетентных людей своего поколения». Не подлежит сомнению, что производство «компетентных людей» было главной целью психологии Джеймса вообще.

Поток сознания. Еще одна знаменитая глава «Принципов», «Поток мышления», представляет собой наиболее влиятельную критику Джеймсом вундтовской экспериментальной психологии. Здесь Джеймс утверждает, что подходящей метафорой мышления является *поток*, а не совокупность абстрактных элементов или идей. Он цитирует древнегреческого философа Гераклита, который говорил, что нельзя дважды войти в ту же самую реку, и подчеркивает, что аналогично никто и никогда не может пережить дважды в точности то же самое ощущение, мысль или другой опыт. Каждое переживание формируется под влиянием или на фоне всех переживаний, которые происходили прежде, и поскольку одного и того же фона у каких-либо двух переживаний быть не может, они никогда не будут абсолютно одинаковыми.

Мышление подобно потоку, так как сознательно оно переживается как непрерывное. Даже когда происходят разрывы в сознании, как, например, во сне, непрерывность поддерживается субъективно. Джеймс сравнивает сознательный опыт, непосредственно предшествующий сну, и первый опыт сознания после сна с «неровными кромками чувствующей жизни», которые при пробуждении «встречаются и стыкуются над разрывом, подобно тому как переживания пространства противолежащих окраин слепого пятна встречаются и стыкуются над объективным разрывом чувствительности глаза». Поскольку созна-

[27] Цит. по: *Джеймс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 155. — *Ред.-сост.*

тельное мышление переживается как подвижный и непрерывный поток, оно не может быть когда-либо «заморожено» и изучено аналитически без разрушения его существенной природы. В этом заключается суть критики Джеймсом интроспективного анализа мышления как состоящего из статических элементов, таких как вундтовские ощущения и чувствования: «Попытка интроспективного анализа <...> подобна хватанию юлы, чтобы понять ее движение, или попытке достаточно быстро прибавить света для того, чтобы увидеть, как выглядит тьма»[28].

Эмоция. Одним из немногих оригинальных теоретических вкладов Джеймса в психологию, представленных в его учебнике, становится его точка зрения, согласно которой эмоция является не более чем восприятием внутренних телесных изменений, происходящих в ответ на некоторый стимул. Таким образом, эмоция суть *следствие*, а не причина телесных изменений, что противоречит здравому смыслу:

> Обыденный здравый смысл говорит так: «мы разорились, это нас огорчило и мы плачем»; «мы встретились с медведем, испугались и побежали»; «мы оскорблены врагом, рассвирепели и ударили его» <...> Но согласно гипотезе, которую я буду поддерживать здесь, этот порядок следования явлений не точен: одно душевное состояние не следует непосредственно за другим душевным состоянием, а сначала между ними должно появиться телесное состояние. Поэтому более рациональное положение должно быть сформулировано так: «мы чувствуем печаль, потому что плачем», «мы рассвирепели, потому что <...> ударили»; «мы испугались, потому что задрожали (обратились в бегство)»; но нельзя сказать, что мы плачем, наносим удар или дрожим, потому что огорчены, озлоблены или испуганы, — как это обыкновенно говорят[29].

Как обычно, Джеймс пытается извлечь практический урок из своей теории эмоций и предлагает определенные поведенческие приемы, которые следует использовать в периоды страданий:

> Это не просто фигуральное выражение, что свистом мы поддерживаем свою храбрость. С другой стороны, попробуйте целый день просидеть в сдавленной позе, вздыхая, отвечая всем подавленным голосом, и вы значительно усилите свое меланхолическое настроение. Все люди, опытные в моральном воспита-

---

[28] Эта критика в адрес вундтовской психологии может показаться абсолютно разрушительной, если не учитывать положение Вундта, что мышление суть нечто много большее, чем сумма его элементов. Ведь Вундт утверждал, что знание элементов полезно только тогда, когда оно рассматривается *совместно с* знанием процессов апперцепции и творческого синтеза. Джеймс честно признавал, что никогда по-настоящему не понимал вундтовскую теорию апперцепции, что, возможно, и способствовало его негативному отношению к взглядам Вундта.

[29] Цит по: *Джеймс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 413. — *Ред.-сост.*

> нии, знают, что в нем самое ценное правило таково: если мы хотим победить в себе наклонность к нежелательным эмоциям, мы должны терпеливо и прежде всего хладнокровно воспроизводить *внешние движения* тех противоположных наклонностей, которые мы предпочитаем воспитать в себе. Награда нашей настойчивости непременно придет в уничтожении злобного или мрачного настроения, которое заменится веселым и кротким[30].

Замечательная особенность этой теории заключается в ее соответствии личному опыту Джеймса. В молодости он вышел из собственного личностного кризиса благодаря преднамеренному решению верить в свободную волю, т.е. невзирая ни на что вести себя так, как будто свободная воля существует. Со временем поведение, соответствующее вере в свободу, стало привычным (согласно наблюдениям Джеймса относительно природы привычек) и кризис был в основном разрешен. Теория эмоций приобрела определенную форму вскоре после смерти обоих родителей Джеймса в 1882 г. и, вероятно, сходное целенаправленное преодоление горя сыграло важную роль в ее разработке. Несмотря на несколько нарочитую упрощенность, теория Джеймса имеет положительные стороны и до сих пор используется психологами для объяснения, по меньшей мере, некоторых аспектов эмоционального опыта[31].

Воля. Еще одна из сфер, в которых явно просвечивает личностный опыт Джеймса в «Принципах психологии», обнаруживается благодаря постоянному подчеркиванию *воли* как фактора человеческого поведения. В дополнение к акценту на том, каким образом воля может быть использована для воздействия на такие феномены, как привычки и эмоции, Джеймс посвящает области воли целую самостоятельную главу. Здесь он описывает *усилие*, или ощущение усилия, как основной субъективный показатель того, что акт воли происходит: «Самое существенное достижение воли <...> когда она наиболее “произвольна”, заключается в том, чтобы *внимать* неприятному объекту и прочно его удерживать в сознании (*before the mind*). <...> Следовательно, усилие внимания — существенно важный феномен воли».

Джеймс открыто ставит и обсуждает нелегкий вопрос о том, следует ли психологам признавать существование свободной воли. Этот вопрос, по его мнению, может быть сведен к следующему: является ли переживание осуществляемого с усилием внимания функцией объекта мышления, определяемой строго механистически, или же это субъективное осознавание оказывает свои собственные, определенные, недетерминированные и непредсказуемые воздействия, независимые от объекта. Научная психология принимает как истину первое, в то время как личностный, субъективный опыт говорит о втором.

---

[30] Цит. по: *Джеймс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 421. — *Ред.-сост.*

[31] Теорию, по существу тождественную теории эмоций Джеймса, опубликовал примерно в то же время датский ученый Карл Ланге (1834—1900). В честь обоих ученых мужей ту и другую представляют под единым названием *теория эмоций Джеймса—Ланге.*

Обращаясь к своему личному, глубоко запавшему в память и настойчиво дающему о себе знать прошлому опыту, Джеймс утверждает, что допущение существования свободной воли все же оставляет возможность теоретических представлений вселенной как полностью детерминированной:

> Если <...> воля бывает недетерминированной, то среди других возможных убеждений единственно подходящим становится произвольный выбор убеждения в ее недетерминированности. Первым действием свободы должно быть утверждение самой себя. Не надо надеяться, что мы когда-нибудь и каким-нибудь другим способом признаем истину существования недетерминизма как факта. Сомнения в этой особой истине будут поэтому преследовать нас во веки веков, и самое большее, что верящий в свободную волю сможет *когда бы то ни было* сделать, заключается в показе того, что аргументы детерминизма не являются принудительными[32].

Более того, с научной точки зрения, постулировать полную детерминацию желательно и *необходимо*: «Перед индетерминизмом <...> наука буквально *останавливается*». Благодеяния и успехи научной точки зрения очевидны, и *большинство* психологических явлений можно объяснить детерминистически, даже если свободная воля иногда и вступает в игру. Джеймс говорит об этом следующим образом: «Действие свободного усилия, если оно существует, может заключаться только в том, чтобы удерживать в сознании какой-то один идеальный объект или его часть чуть дольше или чуть более интенсивно. <...> И хотя такое оживление одной идеи может оказаться *морально и исторически исключительно важным*, с точки зрения *динамики* это действие может оказаться среди тех физиологических, бесконечно малых величин, которыми при расчетах следует неуклонно пренебрегать».

Итак, суть позиции Джеймса заключается в том, что противоречие «свободная воля или детерминизм» психология разрешить не может; однако оно несущественно *для психологии*, которая может развиваться, только предполагая детерминизм. Но это не значит, что вера в свободную волю должна быть отброшена в *остальных* ситуациях, так как «науке <...> никогда не следует забывать, что ее цели не единственные, и что порядок сплошной причинности, который она использует в своих интересах и, следовательно, имеет право постулировать, может быть упакован в более широкий порядок, прав на который у нее нет вообще». В роли психолога Джеймс придерживался принципов детерминизма и позволял им заходить настолько далеко, насколько это возможно. Но в роли переживающего, целеустремленного и социально ответственного человеческого существа он продолжал действовать, опираясь на свою веру в свободную волю. Согласно Джеймсу, психология не дает и не может дать ответы на все вопросы.

---

[32] *James W.* Principles of Psychology. N.Y.: Dover, 1959. Vol. II. P. 573—574.

Такова суть психологии Джеймса. Она не является законченной системой и не предлагает совершенно определенные выводы. Эту психологию лучше охарактеризовать как мысленное путешествие, предлагающее дразнящие проблески видов потенциально захватывающих, но лишь частично разведанных стран. Хотя Джеймс помогает нам как квалифицированный и услужливый экскурсовод, он не обещает сверх того, что может выполнить.

Влияние Джеймса на психологию

После 1890 г., отчасти потому, что Джеймс чувствовал ограниченность психологии, его интересы все больше и больше поворачиваются в сторону философских вопросов. Благодаря своему учебнику он прославился как психолог, но, несмотря на это, он начинает наполовину в шутку, наполовину всерьез, выражать недовольство тем, что его имя однозначно связывают с такой ограниченной наукой. «Психология — мерзкий, ничтожный предмет» — сказал он одному коллеге из Гарварда, и добавил: «Все, что она хочет знать, лежит на поверхности». Узнав о присуждении ему почетной степени Гарварда в 1903 г., он притворно ужаснулся, выражая опасение, что ректор Элиот публично представит его как «психолога, парапсихолога, волеверца, религиозного опытника». Титул «психолог» в этом воображаемом списке выглядит едва ли более достойно, чем остальные звания.

За исключением классического труда «Многообразие религиозного опыта» (1902), где исследовались отношения между религиозным опытом и «аномальной» психологией, после 1890 г. психологические работы Джеймса представляли собой лишь сокращения и популяризации уже сказанного в «Принципах». Он продолжал следить за развитием психологии и в 1894 г. первым из американцев обратил благосклонное внимание на недавно опубликованную работу сравнительно малоизвестного венского врача Зигмунда Фрейда[33]. Но собственно в психологии никаких новых идей он не предложил, ограничив свои творческие усилия областью философии. Там он пропагандировал учения *прагматизма* и *радикального эмпиризма*, в которых разрабатывалось его представление о том, что идеи следует оценивать по их полезности, а не по какой-то иллюзорной абсолютной истинности. Конечно, данное положение неявно присутствовало и в его подходе к психологии, но теперь он применял его с таким же успехом во многих других областях, в том числе в этике. Эта деятель-

---

[33] В 1909 г., за несколько месяцев до смерти, Джеймс поехал в университет Кларка, чтобы во время единственного визита Фрейда в Америку лично «посмотреть, что он из себя представляет». Впечатление было большим, хотя и с некоторыми оговорками. Своему другу он пишет следующее: «Надеюсь, что Фрейд и его ученики разовьют свои идеи до их крайних пределов, так что мы узнаем, каковы же они. Они непременно прольют свет на природу человека. Но признаюсь, что на меня лично Фрейд произвел впечатление человека, одержимого навязчивыми идеями».

ность Джеймса была настолько авторитетной, что после его смерти в 1910 г. он был провозглашен «самым известным американским философом после Эмерсона[34]».

Несмотря на сравнительно небольшой стаж пребывания в должности психолога, воздействие Джеймса на научную психологию оказалось чрезвычайно сильным. Вместо какой-то развернутой теории он предложил *точку зрения*, которая захватила воображение многих, в особенности американских, психологов. Он непосредственно вдохновил движение, известное под названием *функционализма*, которое процветало в начале XX в. и не только описывало поведение, но и подчеркивало его цель и полезность. С этой точки зрения особое значение приобретают индивидуальные различия в психологических характеристиках, так как они определяют, насколько хорошо или насколько плохо разные люди могут приспособиться к своему окружению. Собственно функционалистское движение продолжалось всего несколько лет, пока не уступило дорогу бихевиоризму. Но его наиболее фундаментальный принцип — заинтересованность в практических приложениях психологического знания и в его полезности для каждого человека, — остается отличительным признаком американской психологии и по сей день.

Быть может, важнее всего то, что Джеймс превратил психологию из малодоступной и абстрактной науки, которая отпугивала некоторых студентов трудностью интроспективной методологии, в дисциплину, непосредственно затрагивающую личные интересы и дела каждого человека. Психологические учебники Джеймса служат самым лучшим опровержением его же характеристики психологии как «мерзкого, ничтожного предмета», исключающего все, что человек хотел бы узнать.

---

[34] Эмерсон (*Emerson*) Ралф Уолдо (1803—1882) — американский философ, поэт и эссеист. — *Ред.-сост.*

Д.П. Шульц,
С.Э. Шульц

[Страницы жизни Эдуарда Брэдфорда Титченера]*

Большая часть активной творческой жизни Титченера связана с его работой в Корнеллском университете <...>. Каждая его лекция, на которой он неизменно появлялся облаченным в профессорскую мантию, представляла собой настоящее театральное представление. Сцену для этого представления готовили ассистенты ученого под его непосредственным наблюдением. Младший преподавательский состав, посещавший все его лекции, занимал места в первом ряду. Через отдельную дверь входил профессор Титченер и направлялся прямо на кафедру. Он полагал, что его оксфордская мантия и профессорская шапочка дают ему право считать себя непререкаемым авторитетом. Хотя Титченер учился у Вундта всего два года, он во многом напоминал своего учителя — как автократическим стилем руководства и приемами чтения лекций, так и бородой.

Титченер родился [1 ноября 1867 г. — *Ред.-сост.*] в Англии, в Чичестере. Он принадлежал к древнему, но обедневшему роду и привык с детства рассчитывать только на свои незаурядные умственные способности, благодаря которым смог добиться получения стипендий для продолжения образования. Сначала он учился в Малвернском колледже, а затем в Оксфордском университете[1], где изучал философию и классическую литературу, а позднее получил должность ассистента-исследователя на кафедре физиологии.

Находясь в Оксфорде, Титченер увлекся теориями Вундта, однако этот интерес не разделялся и не поощрялся никем из его коллег и наставников. Поэтому неудивительно, что он предпринял поездку в Лейпциг — тогдашнюю

---

* *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 118—122.

[1] Оксфордский университет — один из крупнейших и старейших университетов Англии, основанный в XII столетии в г. Оксфорде. — *Ред.-сост.*

Мекку многих ученых-пилигримов[2] — где стал заниматься под руководством Вундта и получил степень доктора в 1892 г.

У себя на родине Титченер собирался стать первопроходцем в области экспериментальной психологии. Однако, вернувшись в Англию, он обнаружил, что его коллеги весьма скептически относятся к новому научному подходу, который так полюбился ему. Поэтому, проработав в Оксфорде всего несколько месяцев, он отправился в США, чтобы преподавать психологию и руководить научной лабораторией в Корнеллском университете. В тот год, когда он покинул Англию, ему было 25 лет. Всю оставшуюся часть жизни он провел в Корнелле.

В период с 1893 по 1900 г. Титченер занимался оборудованием своей лаборатории, проведением исследований и написанием статей, число которых перевалило за шестьдесят. По мере того, как его направление в психологии привлекало в Корнелл все больше и больше студентов, он начал отходить от личного участия в экспериментальной работе, перекладывая задачу проведения опытов на своих учеников. Таким образом, именно благодаря исследованиям своих студентов Титченер сумел накопить огромный экспериментальный материал. За 35 лет работы под его руководством были написаны свыше 50 докторских диссертаций по психологии, большая часть которых носила непосредственный отпечаток его идей. Используя свой авторитет, он выбирал для студентов темы исследований, которые представляли для него особенный интерес. В итоге это позволило ему создать собственную систему, получившую название структурализма, по его словам, «единственную систему в психологии, достойную упоминания»[3].

Титченер переводил книги Вундта с немецкого на английский. Закончив работу над переводом третьего издания «Основ физиологической психологии», он обнаружил, что Вундт уже издал четвертое. Титченер перевел четвертое, но к этому времени неутомимый Вундт подготовил пятое.

Перечень книг самого Титченера включает «Очерки психологии» (An Outline of Psychology, 1896 г.), «Начальный курс психологии» (Primer of Psychology, 1898 г.) и четырехтомный труд под названием «Экспериментальная психология: руководство по практическим занятиям» (Experimental Psychology: A Manual of Laboratory Practice), который считался «одной из самых значительных книг в истории психологии»[4]. Отдельные тома последней книги, которые часто назывались просто «Руководствами», вызвали в США всплеск активности в области экспериментальной психологии и оказали влияние на целое поколение ученых, занимавшихся этой проблемой. Все учебники, написанные Титченером, пользо-

---

[2] *Ученых-пилигримов* — следует понимать в переносном смысле. Мекка — священный город мусульман в Саудовской Аравии, место, куда приезжает множество паломников (пилигримов). — *Ред.-сост.*

[3] *Roback*, 1952. P.184. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью.— *Ред.-сост.*]

[4] *Benjiamin*, 1988. P. 210.

вались большой популярностью и были переведены на русский, итальянский, немецкий, испанский и французский языки.

У Титченера было несколько хобби, которые отвлекали его силы и время от занятий психологией. Воскресными вечерами он дирижировал у себя дома небольшим любительским оркестром и в течение многих лет неофициально считался «профессором музыки» Корнеллского университета до тех пор, пока там не открылся музыкальный факультет. Интерес к нумизматике заставил Титченера взяться — со свойственной ему тщательностью — за изучение китайского и арабского языков, чтобы иметь возможность читать надписи на монетах. Титченер переписывался со многими своими коллегами, причем большинство его писем были отпечатаны на машинке и содержали дополнительные замечания, сделанные от руки.

С возрастом он все реже появлялся в обществе и все меньше участвовал в научной жизни университета. Титченер стал живой легендой Корнелла, хотя многие преподаватели не только не были с ним знакомы, но даже никогда его не видели. Большую часть своей научной работы он выполнял в стенах домашнего кабинета, проводя в университете сравнительно мало времени. После 1909 г. он читал лекции один раз в неделю по понедельникам только в течение весеннего семестра. Доступ посетителей к Титченеру тщательно контролировался его женой, которая всячески оберегала мужа от случайных вторжений. Даже его ученики могли звонить ему домой только в самых крайних случаях.

Хотя Титченер обладал деспотическими манерами немецкого профессора, все же он мог быть добрым и заботливым в отношении своих студентов и коллег — особенно, если они оказывали ему почтение и уважение в той мере, в какой он считал это необходимым. В университете рассказывались истории о том, как молодые преподаватели и аспиранты, безо всякого принуждения, мыли его машину и вставляли оконные стекла в его доме, движимые лишь чувствами искреннего уважения и восхищения.

Один из его учеников, Карл Далленбах, приводил высказывание Титченера о том, что «нечего даже надеяться стать настоящим психологом, не научившись прежде курить»[5]. Неудивительно, что многие его студенты начали курить сигары — по крайней мере, в присутствии знаменитого ученого. Другая аспирантка, Кора Фридлайн рассказывала, как во время обсуждения ее доклада у Титченера, постоянно курившего сигары, внезапно задымилась борода. Это случилось как раз в момент его выступления, которое никто из слушателей не осмеливался прервать. Наконец, собравшись с силами, Кора Фридлайн произнесла: «Прошу прощения, профессор, но у вас загорелись бакенбарды». В результате инцидента пострадали не только борода Титченера, но и его рубашка и даже нижнее белье.

Забота Титченера о своих студентах не заканчивалась с окончанием ими университета, как не заканчивалось при этом и его влияние на их жизнь.

[5] *Dallenbach,* 1967. P. 91.

К примеру, Далленбах после получения степени доктора собирался идти работать в медицинскую школу, но Титченер добился для него места преподавателя в Орегонском университете. Далленбах полагал, что его учитель одобрит принятое им решение работать в школе, но оказался не прав. «Я вынужден был поехать в Орегон, так как он (Титченер) не желал, чтобы время, затраченное на мое обучение, и совместные исследования оказались для него потраченными напрасно»[6].

Отношения Титченера с психологами, не входящими в его группу, иногда принимали натянутый характер. Вскоре после своего избрания в члены Американской ассоциации психологов он заявил о своем выходе из этой организации, так как ассоциация отказалась исключить из своих рядов одного ученого, обвиненного им в плагиате. Рассказывают, что друзья Титченера в течение многих лет продолжали платить за него членские взносы, только чтобы он по-прежнему оставался ее членом.

Начиная с 1904 г. группа психологов, назвавшая себя титченеровскими эксперименталистами, стала проводить регулярные встречи, посвященные обсуждениям результатов своих исследований. Титченер сам устанавливал порядок проведения этих встреч, определял темы для дискуссий и решал, кого из гостей следует пригласить. Неписаное правило запрещало присутствие женщин во время обсуждения работ. Один из студентов вспоминал, что Титченер хотел «находиться в кабинете, окутанном клубами табачного дыма, и слышать живые доклады, которые можно прерывать вопросами и подвергать открытой критике, не стесняя себя присутствием дам, так как <...> для курения они считались слишком целомудренными созданиями»[7].

Несколько студенток из колледжа Брин Моор, штат Пенсильвания, высказали пожелание присутствовать на собраниях группы, но получили отказ. Однажды им все же удалось проникнуть в помещение, где слушались доклады, и спрятаться там под столом. Невеста Боринга[8] и другие студентки находились в соседней комнате, «прислушиваясь к речам, доносившимся из-за приоткрытой двери, горя желанием услышать, что же представляет собой на самом деле та психология, которой занимаются мужчины. В тот раз им удалось остаться незамеченными»[9].

Несмотря на то, что Титченер продолжал запрещать женщинам присутствовать на встречах группы экспериментатистов, в вопросе равноправия полов он придерживался самых передовых взглядов. На свои курсы в Корнелле он начал принимать аспиранток задолго до того, как это стали делать в Гарвардском и Колумбийском университетах. Из 56 его учеников, защитивших доктор-

[6] *Dallenbach*, 1967. P. 91.

[7] *Boring*, 1967. P. 315.

[8] Боринг (*Boring*) Эдуин Гарриджуэс (1886—1968) — американский психолог, ученик и коллега Э.Б. Титченера. — *Ред.-сост.*

[9] *Boring*, 1967. P. 322.

ские диссертации, более трети составили женщины[10]. «По числу докторских диссертаций, написанных под его руководством женщинами, с ним не мог сравниться ни один из его современников»[11]. Титченер покровительствовал женщинам, стремящимся занять преподавательские должности, хотя такие действия казались многим его коллегам чересчур смелыми. Известен случай, когда он смог добиться назначения преподавателем одной из своих учениц, даже несмотря на возражения декана.

Первой аспиранткой, защитившей докторскую диссертацию по психологии, была Маргарет Флой Уошберн (1871—1939). Кроме того, она оказалась и первой из всех учеников Титченера, получившей докторскую степень. «Теперь он сам не знает, что со мной делать», — вспоминала она позднее[12]. Уошберн не смогла поступить в аспирантуру Колумбийского университета, как собиралась сделать сначала, поскольку туда не принимали женщин. Однако ее принял Титченер, и после защиты диссертации в Корнеллском университете она начала свою успешную карьеру ученого-психолога. Уошберн была автором серьезного исследования по проблемам сравнительной психологии «Разум животных» (Animal mind, 1908 г.) и стала первой женщиной-психологом, избранной в Национальную академию наук. Она исполняла должность президента Американской психологической ассоциации и была основателем Вассарского колледжа — «одного из самых значительных центров исследования проблем психологии в нашей стране»[13].

Мы упоминаем об успехах Уошберн, чтобы обратить внимание на ту поддержку, которую Титченер оказывал психологам-женщинам в продолжение всей своей жизни. Для них он охотно распахивал двери своей лаборатории, держа их закрытыми для многих психологов-мужчин.

Около 1910 г. Титченер начал писать книгу, в которой собирался наиболее полно отразить свою систему взглядов. К сожалению, он умер [8 марта 1927 г. — *Ред.-сост.*] в возрасте 60 лет от опухоли мозга, прежде чем смог закончить работу. После его смерти несколько глав этой книги были опубликованы в научных журналах, а затем и в отдельном издании. Говорят, что в Корнеллском университете до сих пор можно увидеть заспиртованный мозг Титченера.

---

[10] См.: *Furumoto*, 1988.

[11] *Evans*, 1991. P. 90.

[12] *Washburn*, 1932. P. 340.

[13] *Scarborough*, 1990. P. 314.

2 *Метод самонаблюдения: виды, возможности и ограничения*

П. Макеллар

Метод самонаблюдения*

Я не понимаю, почему отчет человека о своей психике не может быть столь же ясным и заслуживающим доверия, как отчет путешественника о посещении новой страны, ландшафт и обитатели которой отличаются от того, что мы когда-либо видели.

Сэр Фрэнсис Гальтон

Слово «душа» (*mind*) принадлежит словарю повседневной речи, а не науки. Отрасль науки, наиболее соответствующая этому слову, — психология человека — накладывает особенно строгий запрет на его использование. Современные психологи в большей степени подготовлены к изучению внешне наблюдаемого поведения, чем к интроспективному исследованию субъективного опыта человека. Данная работа посвящена обсуждению самонаблюдения (*introspection*) как метода, обзору основных моментов его истории, а также примерам его применения с целью исследования психической жизни человека[1].

Уоррен определяет *интроспекционизм* как «учение, согласно которому метод самонаблюдения является основным методом психологии»[2]. В настоящей работе мы не собираемся защищать эту концепцию. Разнообразные методы,

---

* *Mckellar P.* The method of introspection // Theories of the Mind / J.M. Scher (Ed.). N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1962. P. 619—644. (*Перевод С.А. Капустина.*)

[1] Исчерпывающим образом история интроспекции описана Борингом, статью которого мы рекомендуем читателям, интересующимся историческими деталями (см.: *Boring E.G.* A history of introspection // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P. 169—189. [Рус. пер. см.: *Боринг Э.* История интроспекции // История психологии (10—30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.И. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 26—46. — *Ред.-сост.*]

[2] *Warren H.C.* Dictionary of Psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1934.

предполагающие созерцание, рефлексию и субъективный отчет[3], уже не являются основными инструментами психолога. Почему это так и должно быть — в объяснении не нуждается. Однако, если психологи отказываются от этих методов, применяют их стыдливо или неохотно, а также если по складу своего ума они не готовы к их использованию, то теряется много существенного и могут возникнуть ошибки, которых можно было бы избежать.

Отчасти, низкий статус самонаблюдения — следствие доктрины раннего бихевиоризма и его ответвлений, типа теории поведения[4], оказавших влияние на современное мышление. В 1913 г. Джон Б. Уотсон[5] опубликовал статью, которую можно назвать манифестом бихевиористского движения. Он утверждал, что психология должна стать «полностью объективной экспериментальной отраслью естествознания» и заниматься «предсказанием поведения и его управлением», что психологу надо прекратить интриговать себя «объяснением в терминах сознания», и что отныне самонаблюдению не следует отводить главную роль среди психологических методов[6].

Однако, как известно, с водой можно выплеснуть и ребенка! Отказ от использования самонаблюдения в тех случаях, когда оно возможно, может привести к потере информации, которую зачастую разумно было бы учитывать. Как раз в год появления манифеста Уотсона один известный психолог[7], который относился к попыткам сделать психологию более «объективной» с большой симпатией, высказал следующее предостерегающее замечание: «Наука всегда следовала мудрому инстинкту тщательного сбора информации *повсюду* [курсив мой. — *П.М.*], где ее можно обнаружить»[8]. Прогрессу человеческого знания время от времени мешают те, кто испытывает какую-то тягу к объявлению вне закона определенных методик и к запрещению другим людям изучать те области, которые их лично не интересуют. Уотсон был представителем

---

[3] *...созерцание, рефлексию и субъективный отчет* (contemplation, reflection on and reporting of subjective experiences). Здесь термин *созерцание*, по-видимому, означает этап внутреннего опыта, следующий за простым восприятием какого-то объекта или собственного действия, на котором происходит более глубокое его осознание. *Рефлексия* — это анализ собственных психических состояний. Человек дает *субъективный отчет*, если каким-то образом сообщает другому человеку о результатах этих процессов. — *Ред.-сост.*

[4] *Теория поведения* — здесь, по-видимому, имеется в виду концепция Э. Толмена; см. его тексты на с. 479—499, 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[5] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[6] *Watson J.B.* Psychology as the behaviourist views it // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 158.

[7] <...> *один известный психолог* — как следует из ссылки на соответствующую публикацию, это американский психолог Джеймс Роуленд Эйнджелл (1869—1949); см. его текст на с. 94—102 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[8] *Angell J.R.* Behaviour as a category in psychology // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 269.

этой традиции, силу и слабость которой один, в настоящее время ведущий, теоретик[9] определяет следующим образом: «Эти люди были ограничены, они были не правы, но без них и без того упрощения, которого они добились, современная психология не могла бы существовать»[10]. Другие последователи той же интеллектуальной традиции теперь занимают более умеренную позицию. Так, Спенс подчеркивает, что сегодня найдется немного психологов, которые могли бы называть себя «бихевиористами», и готов даже сам, правда без особого энтузиазма, под видом «словесного отчета» отвести самонаблюдению место среди методов психологии, поскольку словесные отчеты человека являются в конечном счете формой поведения[11]. С позиций историка психологии Боринг[12] указывает, что «самонаблюдение все еще остается с нами и делает свое дело под различными прозвищами, одним из которых является *словесный отчет*»[13].

Более положительную установку по отношению к самонаблюдению можно обнаружить у некоторых современных философов, например, у Карнапа[14], согласно которому бихевиористское «полное устранение самонаблюдения было необоснованным». Резко критикуя узкий интроспекционизм, он считает, что метод самонаблюдения как таковой, хотя и ограничен своей субъективностью, все-таки является «законным источником знания»[15]. По сути та же позиция будет отстаиваться в данной работе. Хотелось бы разобраться, почему столь ценные источники информации о природе человека должны скрываться под маской «словесных отчетов» или, как говорит Боринг, «под различными прозвищами»! Термин «самонаблюдение» относится не к одному, а к целому семейству методов. Мы обсудим эти методы, их историю и необходимость применения в незамаскированном виде. Сначала рассмотрим основные моменты их истории.

---

[9] *...один, в настоящее время ведущий, теоретик* — как следует из ссылки на соответствующую публикацию, это канадский психолог Дональд Оулдинг Хебб (1904 —1985). — *Ред.-сост.*

[10] *Hebb D.O.* On human thought // Canad. J. Psychol. 1953. Vol. 7. P. 101.

[11] См.: *Spence K.W.* The postulates and methods of behaviourism // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 67—78.

[12] Боринг (*Boring*) Эдуин Гарриджуэс (1886—1968) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[13] *Boring E.G.* A history of introspection // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P.169. [Рус. пер. см.: *Боринг Э.* История интроспекции // История психологии (10—30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. /Под ред. П. Я. Гальперина, А. И. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 26—46. — *Ред.-сост.*]

[14] Карнап (*Carnap*) Рудольф (1891—1970) — австрийский философ и логик, ведущий представитель логического позитивизма. — *Ред.-сост.*

[15] *Carnap R.* The methodological character of theoretical concepts // Minnesota Studies in the Philosophy of Science / H. Feigl, M. Scriven (Eds.). Minneapolis: Univ. of Minnesota, 1956. Vol. I. P. 70—71.

Исторический очерк

Методы самонаблюдения тесно связаны с истоками экспериментальной психологии и ее первыми лабораториями. Уильям Джеймс (1842—1910) был «интроспекционистом», поскольку не сомневался, что психология должна опираться на самонаблюдение «изначально, в первую очередь и всегда». Для Джеймса слово «самонаблюдение» едва ли нуждается в определении: «Вне всякого сомнения, оно означает всматривание внутрь своей психики и сообщение о том, что мы там обнаруживаем»[16].

Вильгельм Вундт (1832—1920), которого называют «отцом экспериментальной психологии», тоже был интроспекционистом. Его позиция кажется, ***на первый взгляд***, сходной с позицией Уильяма Джеймса. Для Вундта объектом психологического исследования был непосредственный опыт, и потому методом исследования должно было стать непосредственное его переживание, т.е. самонаблюдение. Несмотря на согласие в том, что самонаблюдение является основным методом психологии, Уильям Джеймс и Вундт, когда употребляли слово «самонаблюдение», подразумевали довольно разные вещи. «Принципы психологии» и другие работы Джеймса говорят о том важном значении, которое он придавал в общем и целом обычной деятельности самонаблюдения (*casual introspective activity*), тогда как у Вундта было несколько иное представление.

В лейпцигской лаборатории Вундта практиковали так называемую ***классическую интроспекцию*** как довольно регламентированный, поэлементный анализ психических процессов. Этот анализ проводился согласно определенным предписаниям испытуемыми, тренированными в данном способе самонаблюдения. Для Вундта анализ был важен, так как он считал психологию чем-то вроде психической химии, а состояния сознания сложными соединениями, требующими искусного разложения на определенные элементы. Конечно, надо было тренироваться, чтобы анализ был исчерпывающим и точным. Как пишет Боринг, результаты самонаблюдения студента, учившегося у Вундта, считали материалом, пригодным к публикации от имени лейпцигской лаборатории, только после того, как он выполнил десять тысяч таких упражнений![17] Этот регламентированный метод интроспекции Вундта был перенесен на американский континент одним из наиболее влиятельных его учеников — Титченером (1867—1927) и практиковался в Корнеллском университете в период с 1900 по 1920 г. Когда психологи, подобно Уотсону, открыто выступали против самонаблюдения, их протест был направлен на этот метод и на определенные родствен-

---

[16] *James W.* The Principles of Psychology. L.: Macmillan, 1890. Vol. I. P. 185.

[17] См.: *Boring E.G.* A history of introspection // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P. 169—189. [Рус. пер. см.: *Боринг Э.* История интроспекции // История психологии (10—30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.И. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 26—46. — *Ред.-сост.*]

ные ему виды систематической интроспекции. Протесты против других разновидностей самонаблюдения лишь назревали или высказывались мимолетным образом.

Некоторые виды систематической интроспекции отошли далеко от родственных им «классических» методов Вундта. Примером такого отступления могут быть работы другого ученика Вундта, Кюльпе[18], и группы психологов, которая собралась вокруг него в Вюрцбурге. *Вюрцбургская школа* занималась, главным образом, психологией мышления, и применительно к этому объекту исследования Кюльпе и его коллеги сочли необходимым модифицировать методы Вундта. Так, Уатт с целью исследования ассоциативных процессов разработал свой *метод фракционирования*. Весь период интроспективного наблюдения условно разбивался на ряд последовательных стадий, и затем самонаблюдения повторялись с акцентом внимания на той или иной стадии при каждом повторении. Другой ведущий представитель вюрцбургской школы — Ах[19] — с помощью гипноза вызывал определенные процессы, и затем изучал их путем самонаблюдения. В экспериментах, проводимых в Вюрцбурге, как и в лейпцигской лаборатории Вундта, участвовали только тренированные в интроспекции испытуемые. Например, Бюлер[20] в своих исследованиях мышления опирался на данные только двух испытуемых — Кюльпе и Дюрра. Вюрцбургские исследователи отличались от Вундта тем, что отказались от поэлементного анализа, использовали свои методики как дополнительные и изучали несколько другие феномены психической жизни.

Интерес к другим объектам исследования время от времени приводил к модификации используемых методов интроспекции. Наиболее очевидным образом это произошло в школе *гештальтпсихологии*, которая приступила к изучению восприятия. Вертхаймер[21] и его сотрудники подчеркивали, что надо занимать наивную позицию по отношению к феноменам повседневного опыта, а не тренироваться в интроспекции. Их интересовало то, как обыкновенные люди воспринимают размер, форму, цвет, движение и т.д., а не интроспекции тренированных наблюдателей, которых обучали последователи Вундта и другие сторонники анализа сознания. Примеры такого рода самонаблюдения мы рассмотрим несколько позже.

Самонаблюдение внесло большой вклад в развитие лабораторного психологического эксперимента и способствовало разработке того множества методов, которым располагает современная психология. Фрэнсис Гальтон

---

[18] Кюльпе (*Külpe*) Освальд (1862—1915) — немецкий психолог, лидер вюрцбургской школы психологии мышления. — *Ред.-сост.*

[19] Ах (*Ach*) Нарцисс (1871—1946) — немецкий психолог. — *Ред.-сост.*

[20] Бюлер (*Bühler*) Карл (1879—1963) — австро-немецкий языковед и психолог. — *Ред.-сост.*

[21] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии; см. его текст на с. 528—539 наст. изд. — *Ред.-сост.*

(1822—1911) был автором не только первого опросника; его считают основоположником *метода тестирования психики* (*the method of mental testing*). Можно утверждать, что этот второй по важности метод, подобно лабораторному эксперименту, появился также благодаря интроспективным исследованиям. Гальтон использовал опросник как инструмент, предназначенный для изучения различий между людьми. Он применял его с целью выявления различий в субъективном опыте испытуемых, которые обнаруживались в записях их самонаблюдений, и разработал статистические методы обработки полученных данных[22]. С помощью опросников Гальтон изучал умственные образы и обнаружил значительные индивидуальные различия. С той поры стало традицией относить людей к образным типам: зрительному, слуховому и двигательному соответственно преобладающей форме их умственных образов. Слово «тип» едва ли подходит к описанию того богатого многообразия различий, которое было выявлено в работах Гальтона и в последующих исследованиях. Люди могут различаться по количеству чувственных модальностей, в которых они описывают образ, по доминирующей модальности, по способам связи таких образов с процессами мышления, воображения и припоминания, по способности произвольного управления образами, по живости (*vividness*) возникающих у них образов, а также по их локализации, устойчивости, полноте и т.д.

Гальтон обнаружил, что свыше 10 % школьников говорят о способности к продуцированию живых и устойчивых зрительных образов, которые они могли проецировать вовне. Умственные образы этого типа с тех пор стали называть *эйдетическими*. По живости, устойчивости и другим свойствам они оказались сходными с образами восприятия. Первым на это явление обратил особое внимание В. Урбанчич в 1907 г., а позже в Марбурге в связи с его изучением образовалась еще одна важная школа интроспективных исследований[23]. Работа самого Гальтона заключалась в измерении разного рода индивидуальных различий. Хотя его интересовали различия в строении тела и другие доступные измерению внешне наблюдаемые особенности, основной вклад Гальтона состоял в том, что он привлек внимание к скрытым, субъективным различиям между людьми. Мы еще вернемся к воображению и другим явлениям такого рода в последующих разделах данной статьи.

Еще одна разновидность интроспективного подхода к психической жизни связана с З. Фрейдом[24] и различными ответвлениями *психоанализа*. Бейкен высказал предположение, что вюрцбургская школа прекратила свое существование, возможно, потому, что входящие в ее состав психологи практиковали интенсивную интроспекцию друг на друге и столкнулись с теми эмоциональ-

---

[22] См.: *Galton F.* Inquieries into Human Faculty. L.: Everyman, 1907/1919.

[23] См.: *Jaensch E.R.* Eidetic Imagery. L.: Kegan Paul, 1930.

[24] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ными проблемами, которые позже исследовал Фрейд[25]. Очевидно, что вид самонаблюдения, практикуемый Фрейдом на самом себе, как следует, например, из «Толкования сновидений», предъявлял к нему жесткие эмоциональные требования. Автор настоящей работы в другом исследовании обсуждает вопрос: «Кто же анализировал самого Фрейда?» и приходит к выводу: «Сам Фрейд»[26]. Протокол этого самоанализа находится в книге «Толкование сновидений»[27]. К этому можно добавить, что значительную эмоциональную поддержку он получал от Вильгельма Флисса, который помогал Фрейду анализировать самого себя. К счастью, письма Фрейда к Флиссу, написанные в этот период интроспективного самоисследования, сохранились[28]. Они имеют большую ценность потому, что в то время психоанализ только начинался.

Следует подчеркнуть, что Фрейд и его коллеги, хотя и ставили акцент на «бессознательной» жизни психики, во многом опирались на данные самонаблюдения. Психоанализ привлек внимание к бессознательным аспектам мотивации и пошли разговоры о том, что он служит каким-то особым обоснованием для отказа от использования метода самонаблюдения. Но как мудро заметил О'Нилл, даже если некоторые феномены психической жизни с помощью обычного самонаблюдения поддаются изучению с большим трудом, это еще не является основанием для отказа от использования самонаблюдения в тех случаях, когда такое изучение возможно[29]. Для того, чтобы некоторые явления стали доступными исследованию путем самонаблюдения, может понадобиться применение специальных приемов, типа гипноза и свободных ассоциаций, т.е. именно тех методик, которые разрабатывал Фрейд. Как уже говорилось, в своей работе Фрейд опирался на обычное самонаблюдение гораздо в большей степени, чем это признано. «Толкование сновидений» Фрейда во многом представляет собой проведенное автором интроспективное исследование. Психоанализ включает в себя исследование того, как протекают ассоциативные процессы пациента, а также сообщение пациенту результатов этого исследования для того, чтобы он лучше понимал самого себя. В частности, пациенту объясняют способы, посредством которых сопротивления и стратегии самообмана управляют ассоциативным процессом и тормозят его.

Несмотря на очевидные различия, между методами Вундта и Фрейда существует определенное сходство. Вундт учил своих студентов проводить само-

---

[25] См.: *Bakan D.* A reconsideration of the problem of introspection // Psychological Bulletin. 1954. Vol. 51. P. 105—118.

[26] См.: *McKellar P.* Freud's self-analysis // Literary Guide. 1954. Vol. 69. P. 22—23.

[27] См.: *Freud S.* The Interpretation of Dreams. L.: Hogarth, 1900/1953. [Рус. пер. см. напр.: *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Академический проект, 2007. — *Ред.-сост.*]

[28] См.: The Origins of Psycho-analysis: Letters to Wilhelm Fliess, Drafts and Notes 1887—1902 / M. Bonaparte, A. Freud, E. Kris (Eds.). N.Y.: Imago, 1954.

[29] См.: *O'Neill W.* An Introduction to Method in Psychology. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1957.

наблюдение согласно определенным правилам, а Фрейд тренировал своих пациентов и учеников в понимании собственных мыслей, эмоций и мотивации. Цель такой тренировки состояла в «усилении *Я*», т.е. в том, чтобы научиться дистанцироваться от плохо понятых переживаний и эмоциональных процессов и не позволять себе быть захваченными ими. Деятельность Фрейда была направлена на поиск новых сведений о психической жизни, а не на узко терапевтические цели. То же самое, хотя и не столь явно, характерно для работы, например, Адлера[30]. Когда психоаналитики пытались расширить и приспособить методы самонаблюдения для изучения сложных проблем мотивации и эмоций, в исследование этой области привносился своеобразный акцент. Если курс психоанализа проходит, как это нередко бывает, человек интеллигентный, утонченный и высокообразованный, то аналитик, как правило, должен уделять много времени тому, чтобы препятствовать его стремлению порассуждать (*to discouraging such a person's tendencies to intellectualize*). Здесь фрейдисты стараются поставить преграду интеллектуальной деятельности, которую Вундт и другие ранние интроспекционисты должны были, по-видимому, поощрять. Психоаналитики придерживались рабочего принципа, согласно которому преждевременные разглагольствования могут помешать субъекту понять свои мотивы и эмоциональную жизнь. Благодаря такому подходу и усилиям распространить осознание на некоторые интроспективно наименее ясные аспекты мотивации, психоаналитики существенным образом расширили современный взгляд на возможности человеческого самопознания. Как уже отмечалось, Боринг утверждает, что самонаблюдение остается методом современной психологии, хотя и скрывается под разными «прозвищами», одним из которых является словесный отчет. Психоанализ — еще одно важное «прозвище».

В последние годы самонаблюдение и тесно с ним связанные методы приносят существенную пользу психологии личности. Как утверждает Макклелланд, психоанализ, с одной стороны, и проективные методики — с другой, внесли вклад в желанную переориентацию, выразившуюся в большей готовности исследователей собирать отчеты о фантазиях и субъективном опыте[31]. Ранние интроспекционисты не располагали проективными методиками, типа тестов Роршаха и тематической апперцепции[32]. Благодаря разработке этих методик,

---

[30] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, один из первых учеников Фрейда. — *Ред.-сост.*

[31] См.: *McClelland D.C.* The psychology of mental content reconsidered // Psychological Review. 1955. Vol. 62. P. 297—302.

[32] *... проективные методики, типа тестов Роршаха и тематической апперцепции* — проективными методиками называют большую группу тестов, заданий и процедур, с помощью которых можно обнаружить черты личности, переживания, желания и установки испытуемого путем анализа его ответов на слабо структурированный материал; например, испытуемого просят интерпретировать чернильные пятна (тест Роршаха) или придумывать рассказы по картинкам, на которых изображены персонажи в неопределенных ситуациях (тест тематической апперцепции). — *Ред.-сост.*

появились новые способы изучения «содержания» сознания человека, а не только процессов, как говорит Макклелланд, «стандартных мыслей» (*thought sampling*), и открылся новый подход в изучении личности.

Психологии личности и социальной психологии могут принести большую пользу биографические сведения. Хорошим тому примером может служить исследование Оллпорта[33] и его коллег, выполненное на материале биографических отчетов жертв нацизма, которые включали в себя сведения о мыслях и сновидениях[34]. Другие исследователи, пытаясь разобраться в приемах внушения идей и «промывания мозгов», использовали интроспективные данные отчетов бывших военнопленных[35]. При ознакомлении с материалом такого рода можно лишь с большой натяжкой провести границу между наблюдениями и интроспекциями. Когда людей просят дать такие отчеты, они могут рассказать не только то, что делали они или другие люди, но и о своих мыслях, сновидениях и фантазиях. Так, бывший узник концентрационных лагерей, психолог Беттельхайм, в течение всего периода заключения вел дневник[36]. Собранный им материал не ограничен наблюдениями за другими узниками; большое внимание он уделяет собственным интроспекциям и данным самонаблюдения, полученным им от других заключенных.

От интроспективных и других биографических данных, записанных или собранных психологами, следует отличать того же рода данные, полученные не психологами. Мнения относительно ценности этих сведений не совпадают. Показано, что психолог как собеседник, берущий интервью, ничем не превосходит не психолога, а клинический психолог не имеет преимущества в этом отношении перед другими психологами[37]. Превосходство профессионального психолога в самонаблюдении по сравнению с писателем научно не доказано. При отсутствии таких доказательств кажется разумным собирать интроспективные сообщения и не психологов, если они содержат данные, получить которые иным образом невозможно. Самонаблюдение этого вида можно проиллюстрировать следующим примером.

Русский писатель Достоевский, которому, кстати сказать, Ницше[38] отдавал должное как единственному психологу, у которого он чему-то научился, не был профессиональным психологом. Его описания жизни в сибирском каторжном остроге, основанные на биографических и интроспективных данных,

---

[33] Оллпорт (*Allport*) Гордон Уиллард (1897—1967) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[34] *Allport G.W., Bruner J.S., Jandorf E.M.* Personality under social catastrophe: ninety life-histories of the Nazi Revolution // Char. and Personal. 1941. Vol. 10. P. 1—22.

[35] См.: *Schein E.H.* The Chinese indoctrination programme for prisoners of war: a study of attempted «brainwashing» // Psychiatry. 1956. Vol. 19. P. 149—172.

[36] См.: *Bettelheim B.* Individual and mass behaviour in extreme situations // J. Abn. Soc. Psychol. 1943. Vol. 38. P. 417—452.

[37] См.: *Taft R.* The ability to judge people // Psychological Bulletin. 1955. Vol. 52. P. 1—23.

[38] Ницше (*Nietzsche*) Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

представляют ценность для понимания процессов десоциализации и регрессии[39] («Записки из Мертвого дома»). В другом произведении он описывает субъективный опыт, переживаемый перед эпилептическим припадком («Идиот»). Поскольку Достоевский был эпилептиком, можно утверждать, что здесь он описывает свои самонаблюдения. В «Игроке» Достоевский вводит читателя в субъективный мир переживаний человека, который борется со своим пороком и не может от него избавиться; биографические данные вновь указывают на соответствующий опыт автора. В другом месте писатель описывает мысли и чувства закоренелого преступника («Записки из подполья») и человека, переживающего опыт раздвоения личности («Братья Карамазовы»).

Психологи могут оценивать данные такого рода по-разному. Но большинство, пожалуй, согласится с тем, что по меньшей мере в начале исследования такие сведения заслуживают внимания, так как помогают сформулировать гипотезы, проверяемые другим способом.

Проблема эмпатии

До подведения итогов рассмотрения различных методов самонаблюдения и прежде чем перейти к обсуждению получаемых с их помощью данных, остановимся на возможной ценности самонаблюдения в связи с эмпатией. Под словом «эмпатия» здесь подразумевается отождествление себя в плане воображения с каким-то человеком, позволяющее более полно понять его психическую жизнь. Как пишут авторы одного из психологических словарей, понятие эмпатии имплицитно содержит в себе «я переживаю так же, как вы» (*I see how you feel*)[40].

Время от времени психологи предпринимают попытки найти способы, позволяющие больше узнать о тех формах психической жизни, которые по собственному обычному опыту им неизвестны. Так, некоторые исследователи в течение определенного времени носили светонепроницаемые очки с целью эмпатического ознакомления с проблемами слепых людей. Одни из них утверждают, что приобрели таким образом опыт, *подобный* переживаниям слепых, и этот опыт, который не передашь словами, помогал им в работе. Одной из наиболее трудных задач эмпатии является понимание субъективного опыта душевных расстройств. Как говорит Кречмер[41], между душевнобольным и нормаль-

---

[39] <...> *процессов десоциализации и регрессии* — десоциализацией называют постепенный уход от социальных контактов и межличностного общения, сопровождающийся погружением в мир собственных мыслей и переживаний; регрессия, в общем смысле, означает возвращение или обращение к простым формам поведения, характерным для ранних стадий развития. — *Ред.-сост.*

[40] *English H.B., English A.C.* A Comprehensive Dictionary of Psychological and Psychoanalytical Terms. N.Y.: Longmans, 1958. P. 178.

[41] Кречмер (*Kretschmer*) Эрнст (1888—1964) — немецкий психиатр. — *Ред.-сост.*

ным человеком «всегда находится оконное стекло»[42]. Многие считают, что до определенных пределов эмпатическое понимание душевных расстройств может быть достигнуто в процессе интроспективного исследования собственных сновидений и кошмаров. Путем приема наркотиков можно вызвать субъективные явления, подобные тем, которые возникают при душевных расстройствах. С этой целью с 1895 г. применяют мескалин[43], а с 1943 г. — диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД). Галлюцинации[44], особенно зрительные, можно изучать с помощью не только химических воздействий, но и методик сенсорной депривации[45], которые недавно были разработаны в университете Мак-Гилла. Экспериментальные методы, предоставляющие нормальным людям возможность пережить опыт галлюцинаций, нарушений восприятия и мышления, а также изменений личности, могут занять важное место в подготовке психиатров, клинических психологов и других специалистов.

Некоторые из этих методик могут поставить под вопрос точку зрения, согласно которой польза самонаблюдения ограничена только тем, что может быть «передано словами». Отношение словесного сообщения и других форм коммуникации к самонаблюдению будет рассмотрено ниже. Помимо сообщения экспериментатору, дополнительная цель самонаблюдения, по крайней мере в некоторых случаях, может заключаться в попытке исследователя усилить свою способность к эмпатии для того, чтобы лучше понять изучаемый феномен.

Методы самонаблюдения

Итак, самонаблюдение — это не один, а семейство методов. Как видно из проведенного исторического обзора, исследователи, изучавшие опыт и поведение человека, в действительности применяли *множество методов* самонаблюдения. Некоторые методологи хотели бы ограничить слово «самонаблюдение» рамками исследования субъективных явлений типа умственных образов, фантазий и галлюцинаций. Другие же в качестве интроспективных сообщений готовы рассматривать отчеты индивида о своих опытах восприятия, несмотря на то, что

---

[42] В оригинале: <...> *as Kretschmer put it «the pane of glass is always there» to divide the psychotic from the normal person* (p. 626—627). — *Ред.-сост.*

[43] Мескалин (*mescaline*) — наркотическое вещество, получаемое из кактуса лофофоры, или мескала. — *Ред.-сост.*

[44] *Галлюцинации* — умственные образы, подобные образам восприятия, возникающие без соответствующей или адекватной физической стимуляции органов чувств. — *Ред.-сост.*

[45] *Сенсорная депривация* — естественно или экспериментально созданная ситуация, в которой резко сокращен сенсорный вход; показано, что если человек находится в этих условиях длительное время, у него возникает измененное состояние сознания: нарушение чувства времени, галлюцинации, странные мысли, негативные эмоции и др. — *Ред.-сост.*

подобные отчеты могут быть получены — как в принципе, так и, возможно, на практике — от сторонних наблюдателей[46]. А кто-то не прочь согласиться с еще более широким понятием самонаблюдение, включая в него различные методики, по своему характеру более или менее биографические. Например, психотерапевт может собрать полезные сведения о данном человеке путем сопоставления сообщенных им автобиографических данных с показаниями других людей об указанных им событиях его жизни. Вместо того, чтобы пытаться дать формальное определение самонаблюдения, лучше признать существование *семейства методов самонаблюдения*, включив в него и те, которые плавно переходят в родственную группу методик биографического типа. Среди последних важнейшими являются некоторые из методов психологии личности и социальной психологии, в которых провести границу между «наблюдением» и «самонаблюдением» становится трудно.

Возвращаясь к нашему краткому исторический обзору, мы можем, во-первых, различить регламентированные методы «классической интроспекции» и сравнительно нерегламентированные методы. Во-вторых, использование тренированных в интроспекции испытуемых отличается от способа работы гештальтпсихологов и тех, кто пытался с помощью самонаблюдения исследовать явления наивного опыта. В-третьих, самонаблюдение можно классифицировать по условиям, в которых оно осуществляется — это может быть лаборатория, клиника, сеанс психоанализа и повседневная жизнь. В-четвертых, в одних случаях самонаблюдение проводится главным образом с целью сообщения его результатов экспериментатору, тогда как в других оно служит отчасти или в основном для расширения сферы эмпатического понимания самого исследователя. В-пятых, самонаблюдению при нормальных условиях можно противопоставить использование этого метода в специальных, экспериментально созданных условиях воздействия наркотиков, сенсорной депривации, гипноза и др. В-шестых, мы можем различать самонаблюдения, совершаемые или получаемые опытными психологами и другими людьми.

Теперь, после рассмотрения вариантов метода самонаблюдения, мы можем перейти к иллюстрациям их использования в ряде тех областей психологии, где они зарекомендовали себя в качестве информативных. Разумеется, такая иллюстрация может быть только выборочной, а не исчерпывающей.

---

[46] Автор имеет в виду, что сторонний человек, смотря на какой-то объект, может дать тот же отчет, что и наблюдатель-психолог, занимающийся при этом самонаблюдением. Иначе говоря, опыт восприятия объекта при самонаблюдении может не отличаться от опыта восприятия при обычном его наблюдении. Здесь, по-видимому, подразумевается метод наивного самонаблюдения, используемый гештальтпсихологами (см. текст К. Коффки на с. 261—262 наст. изд.). — *Ред.-сост.*

Феномены человеческого опыта

Психологию человека определяют как «науку об опыте человека и его поведении»[47]. Отсюда следует, что в сферу интересов психологов входят такие процессы, как мышление, воображение, восприятие, эмоции и мотивация. Вероятно, психолог должен найти возможность для применения результатов своих исследований в производстве, армии, образовании и т.д. Его методы исследования включают в себя психологическое измерение и эксперимент. Наша задача будет заключаться в том, чтобы привести примеры использования методов самонаблюдения в каждой из этих областей.

Мышление и воображение

Выше уже говорилось о работе Гальтона, посвященной изучению индивидуальных различий в мышлении. Мы отметили ее историческое значение в связи с созданием и развитием методов опроса и психологического тестирования. Проведенное Гальтоном исследование существенно расширило наше представление о возможностях психической жизни в плане ее отличий от нашей собственной. Гальтон и сам был удивлен некоторыми из скрытых различий между людьми, которые обнаружило его исследование, и отметил тенденцию к сомнению со стороны многих своих испытуемых. Сопротивление признанию существования этих различий возникало не только у них. Даже сейчас значение этого исследования в полной мере не оценено научным сообществом: ниже мы покажем это на примере сферы образования. Психолог Т. Пир заметил: «Некоторые авторы пишут так, как будто все люди либо принадлежат, либо должны принадлежать к зрительному типу!»

Еще одним продуктивным аспектом исследований Гальтона стала демонстрация существования и приблизительная оценка распространенности ряда феноменов субъективного опыта. Некоторые люди сообщают об этих явлениях, у других же они отсутствуют. Одним из самых редких является феномен пространственного представления чисел, который характеризует лишь немногих людей и состоит в том, что когда они думают о числах, то представляют их в некотором пространственно упорядоченном виде. С ним связан феномен пространственного представления дат: дней недели, месяцев и т.д. При этом у некоторых людей бывают цветовые ассоциации, что проявляется в виде устойчивой тенденции ассоциировать определенные цвета с днями недели, месяцами и числами. Другого рода переживанием является синестезия: тенденция стимула одной сенсорной модальности вызывать образ другой сенсорной модальности. Наиболее распространенная форма синестезии представляет собой возникновение зрительных образов форм и цветов при прослушивании музы-

---

[47] *Thouless R.H.* General and Social Psychology. L.: Univ. Tutorial Press, 1951. P. 1.

ки. В данной области исследований необходимо в первую очередь описать эти субъективные явления, а иногда и как-то их обозначить, и только затем можно перейти к изучению их распространенности и связей с другими феноменами. В качестве примера решения задачи оценки распространенности субъективных явлений такого рода можно сослаться на результаты моего исследования, проведенного на 182-х студентах университета[48].

О переживании феномена уже виденного (*deja vu*), т.е. переживании «я чувствую, что прежде пережил это, хотя и знаю, что этого не было», сообщили 69 % испытуемых. Гипногогические образы, т.е. яркие умственные образы зрительной или какой-то другой модальности, возникавшие в процессе засыпания, происходили у 63 % испытуемых. О подобных переживаниях по ходу пробуждения, т.е. о гипнопомпических образах, сообщил 21 % испытуемых. Также у 21 % бывали синестезии. Графические пространственные представления чисел, дат и т.д. встречались значительно реже: они возникали только у 7 % испытуемых. В другой группе студентов у 20 % был опыт цветовых ассоциаций.

Называние этих и родственных им явлений субъективного воображения представляет собой определенную проблему. Так, Фрейд для обозначения гипногогических переживаний использовал слово «галлюцинация», а не «образ»[49]. Границу между образом и галлюцинацией особенно трудно провести в случае гипногогических переживаний слуховой модальности, о наличии которых сообщили 45 % наших испытуемых. Подобная проблема возникает и в связи с эйдетическими образами, о которых говорилось выше. Многие из этих феноменов переходят один в другой и бывают нетипичные случаи, которые также затрудняют обозначение.

Стоит упомянуть еще о двух видах субъективных переживаний, которые возникают в гипногогическом состоянии, одно из которых, довольно интересное и весьма распространенное, тем не менее не имеет общепринятого названия. К первому виду относится опыт «падения» и пробуждения в начале засыпания (*the experience of «falling» and waking with a start when dropping off to sleep*). Это переживание встречается чаще феномена «уже виденного или слышанного»; оно происходило у 75 % наших испытуемых. Феномен второго вида включает в себя впечатление изменения формы и/или размера собственного тела. Опыт «расстройств образа тела» переживается во множестве аномальных состояний, но очень часто он возникает и у нормальных людей в гипногогическом состоянии. По целому ряду оснований и соображений изучение этих феноменов может оказаться важным для будущих исследований и теорий. Не менее важным является и то, что более детальное изучение нормальных явлений этого рода может помочь лучшему пониманию аномальных феноменов.

---

[48] См.: *McKellar P.* Imagination and Thinking: A Psychological Analysis. N.Y.: Basic Books, 1957.

[49] См.: *Freud S.* The Interpretation of Dreams. L.: Hogarth, 1900/1953. [Рус. пер. см.: *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Академический проект, 2007. — *Ред.-сост.*]

Люди осознают свои сновидения путем интроспекции или после перехода в состояние бодрствования путем ретроспекции. Слово «бессознательное» (*unconscious*) не должно нас вводить в заблуждение. Фрейд использовал это слово в качестве объяснительного понятия, не имеющего прямого отношения к тому состоянию «бессознательного», в котором находится спящий человек. Поэтому некоторые исследователи предпочитают говорить о сне как «подсознательном» (*subconscious*), а не «бессознательном» психическом состоянии. Мортон Принс[50] изучал интроспективные отчеты людей, находившихся в подсознательных состояниях другого рода, например, в состояниях диссоциации[51]. Иногда удается самонаблюдение во сне. Автор данной статьи наблюдал этот феномен в двух случаях и пришел к выводу, что анализ самонаблюдений спящих, которые утвердительно отвечали во время сна на вопрос: «Вы спите?», может дать ценные сведения. Такое интроспективное исследование может помочь пролить свет на функционирование неврологических процессов, доступных сознанию спящего человека. Сновидения рассматривались различными исследователями, в том числе Фрейдом, как умственная деятельность в состоянии сна. Очевидно, что в подобной деятельности умственные образы играют важную роль. Исследования показали, что в состоянии сна могут возникать образы зрительной, слуховой, тактильной, двигательной, обонятельной и вкусовой модальности. Самой обычной формой представления сновидений является одновременное переживание зрительных и слуховых образов[52].

Споры по поводу того, видят или не видят люди сны в цвете, стоят в одном ряду с обобщениями относительно связей между воображением и мышлением. Они устойчивы как памятники умственной установке, которая остается глухой к индивидуальным различиям. Большинство людей сообщает о зрительных сновидениях. Среди тех, кто видит зрительные сновидения, многие говорят о том, что их сновидения чаще всего ахроматические, хотя и цветные сны не являются для них абсолютно необычными явлениями. Получены определенные доказательства половых различий, состоящих в том, что женщины видят цветные сны чаще, чем мужчины[53]. Как и следовало ожидать, в сновидениях слепых от рождения отсутствуют зрительные, а у глухих от рождения — слуховые образы. Кимминс приводит данные, говорящие о том, что люди, ослепшие в возрасте старше 5-6 лет, видят зрительные сновидения; если сле-

---

[50] Принс (*Prince*) Мортон (1854—1929) — американский психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

[51] См.: *Prince M.* An experimental study of the mechanism of hallucinations // Brit. J. M. Psychol. 1922. Vol. 2. № 3. [*Состояния диссоциации* — в общем смысле диссоциацией называют процесс или результат процесса, при котором координированная группа деятельностей, мыслей, установок или эмоций отделяется от всей остальной личности и функционирует независимо от нее. — *Ред.-сост.*]

[52] См.: *Ramsey G.V.* Studies of dreaming // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P. 432—455.

[53] См.: Там же.

пота возникает раньше, то зрительные сновидения отсутствуют[54]. Он же приводит в качестве иллюстрации содержание сна четырнадцатилетнего слепого мальчика. В этом сне мальчик слышит крики матери о пожаре в их доме. Он одевается и чувствует, что мать хватает его и тащит вниз по лестнице, он чувствует обжигающее пламя и просыпается. Поскольку в этом сне нет никаких зрительных образов, он демонстрирует тот факт, что сны могут состоять из образов других модальностей.

Некоторые исследователи изучали во время сновидений самих себя. Рамзи собрал данные этих исследований[55]. Вопреки описанному Мори и часто цитируемому случаю мгновенного сна о французской революции, установлено, что сновидения могут длиться до десяти минут. Исследования гипнотически вызванных сновидений также говорят о том, что они могут продолжаться в течение несколько минут. С целью изучения содержания сновидений у лиц разных, в том числе возрастных, категорий проведено множество исследований. В целом было обнаружено, что содержания сновидений, как правило, производны от событий жизни в бодрствующем состоянии сновидца. Кроме того, нашло экспериментальное подтверждение предположение о том, что стимуляция спящего человека путем прикосновения к нему или каким-то иным образом может оказать влияние на содержание его сновидений.

Сновидения представляют собой тот случай, когда методы самонаблюдения позволяют получить такие данные, которые необходимо получить прежде, чем приступать к адекватному теоретизированию. Практически невозможно придумать какие-то другие, отличные от самонаблюдения, методики, которые могли бы предоставить подобную информацию.

Восприятие

Гибсон[56] описывает самонаблюдение как «превосходное руководство» для исследования восприятия и добавляет: «Культивируемое наивное представление о том, что мир *производит* подобную ему зрительную картину, звук и осязание, является совершенно необходимым для определения того, в чем же заключаются проблемы восприятия»[57].

Очевидно, что самонаблюдение является важным методом изучения восприятия. Боринг в качестве «главного примера» использования самонаблюде-

---

[54] См.: *Kimmins C.W.* Children's Dreams. L.: Geo Allen and Unwin, 1937.

[55] См.: *Ramsey G.V.* Studies of dreaming // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P. 432—455.

[56] Гибсон (*Gibson*) Джеймс Джером (1904—1980) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[57] *Gibson J.J.* Perception as a function of stimulation // Psychology: A Study of a Science / S. Koch (Ed.). N.Y.: McGraw-Hill, 1959. Vol. I. P. 461.

ния в этой области указывает на исследование иллюзий[58]. Также он указывает на работу Гибсона как на пример современного исследования зрительного восприятия в терминах феноменов опыта[59]. Мы уже видели, что гештальтпсихология также подчеркивала необходимость исследования феноменов восприятия. Иллюстрацию этому можно найти в работе гештальтпсихолога Катца[60]. Его интересовали различные способы представления цвета в опыте восприятия[61]. Существуют цвета поверхности (например, голубизна обложки книги, лежащей на моем столе), цвета дымки (например, голубизна неба) и цвета веществ (например, голубизна раствора сульфата меди).

Вопреки мнению некоторых критиков, гештальтпсихологи далеко не всегда пренебрегали индивидуальными различиями. Катц описывает случай повреждения затылочной области коры головного мозга, при котором у пациента оказалась нарушенной способность восприятия цвета поверхности. Окрашенные поверхности воспринимались им в большинстве случаев как цвета дымки. Например, движение руки с целью прикосновения к поверхности этот пациент воспринимал как *погружение в* цвет.

Метод самонаблюдения внес определенный вклад в исследование цветовой слепоты. В 1798 г. Джон Дальтон[62] сообщил о тогда еще безымянных нарушениях своего цветового восприятия: «Шерстяная пряжа, окрашенная малиновым и темно-синим цветом, выглядела для меня одинаково <...> красный и алый цвета выглядели как принадлежащие к группе, в целом не совместимой с розовым цветом <...> цвет лаврового листа был таким же, как цвет палочки красного сургуча»[63]. С этих первых и систематических самонаблюдений Дальтона началось изучение цветовой слепоты. Теперь у нас есть специальное название для обозначения нарушения цветового зрения у Дальтона, а именно «протанопия».

Несмотря на важность знаний о том, что максимальная чувствительность протанопа находится в пункте спектра 540 ммк, и что его спектр укорочен на красном конце на величину, которая может быть измерена, их нельзя считать достаточными. Нас по-прежнему интересуют сопутствующие субъективные переживания и проблемы приспособления протанопов, а также чем протанопия

---

[58] См.: *Boring E.G.* A history of introspection // Psychological Bulletin. 1953. Vol. 50. P.169—189. [Рус. пер. см.: *Боринг Э.* История интроспекции // История психологии (10—30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты. 2-е изд. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.И. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 26—46. — *Ред.-сост.*]

[59] См.: *Gibson J.J.* The Perception of the Visual World. Boston: Houghton Mifflin, 1950.

[60] Катц (*Katz*) Давид (1884—1953) — немецкий психолог, эмигрировавший в 1933 г. в Англию и затем в Швецию. — *Ред.-сост.*

[61] См.: *Katz D.* The World of Colour. L.: Kegan Paul, 1935.

[62] Дальтон (*Dalton*) Джон (1766—1844) — английский химик. — *Ред.-сост.*

[63] *Dalton J.* Extraordinary facts relating to the vision of colours with observations // Readings in the History of Psychology / W. Dennis (Ed.). N.Y.: Appleton-Century, 1798/1948. P. 104—105.

отличается от дейтеранопии, тританопии и других, как теперь известно, существующих разновидностей цветовой слепоты. Информация об этом может быть получена посредством опроса таких людей и изучения их самонаблюдений в тех случаях, когда они сталкиваются со стимулами различных оттенков цветов. Субъективные переживания дейтеранопа отличаются от субъективных переживаний Дальтона.

Житейское название «зеленая слепота», несмотря на сверхупрощение, все же отчасти соответствует дейтеранопии. Один такой человек, исследованный автором, не мог сформировать понятие зеленого цвета. Было показано, что, сталкиваясь с зеленым цветом, он мыслил в терминах яркости: черноты, серости и белизны (*in terms of brightness — blacks, greys and whites*). При случае он мог бы вполне аргументированно настаивать, что темно-зеленый обьект был «черным», а светло-зеленый — «белым». Подобно людям с нормальным цветовым зрением, он мог отличить синеву и желтизну от белизны. Все же, по его признанию, он не мог понять, каким образом *кто-либо* может считать зеленый цвет в некоторых ситуациях «отличным» от белого.

При полной цветовой слепоте, т.е. у человека с монохроматическим зрением, эта особенность обнаруживается более генерализованно: он утрачивает зрительный механизм, позволяющий отличать оттенок цвета от белизны. Автору довелось исследовать два случая (у одного мужчины и одной женщины) этого редкого нарушения цветового зрения. Разумеется, им предъявляли стандартные тесты на цветовое зрение, но в большей степени нас интересовали дополнительные данные о том, *что может быть* при монохроматическом зрении. Полезная информация была получена не только с помощью тестов, но и путем опроса испытуемых относительно их самонаблюдений.

Они не могли обнаружить красный объект на черном фоне. В связи с этим возник определенный интерес к исследованию понятий и особенностей мышления человека, у которого идея «черного» включает в себя темно-красное! Мужчина объяснил, что он делит цвета «обычно на темные или светлые, или ярко-белые». В его жизни восприятие цвета полностью отсутствовало. Женщина сообщила о том, что розовые розы могут выглядеть так же, как голубое небо, и восприняла красные и синие чернильные пятна на листе бумаги как одинаковые. В повседневной жизни у нее было немало трудностей, например, при выборе в магазине одежды, для чего она всегда брала с собой друга, а также в такой деятельности как сбор ежевики: она могла отличать ягоды от окружающей зеленой листвы только на ощупь.

Существует несколько основных видов цветовой слепоты и множество индивидуальных особенностей в границах нормального цветового зрения. Самые первые исследования и номенклатура аномалий цветового восприятия появились благодаря самонаблюдениям Дальтона. Нам еще предстоит выполнить много работы интроспективного типа, прежде чем мы сможем полностью понять те разнообразные трудности в приспособлении, с которыми сталкиваются люди с различными видами цветовой слепоты.

Мотивация и эмоции

В исследованиях депривации и фрустрации некоторые исследователи чрезмерно увлеклись вводящей в заблуждение «объективностью» в крайне бихевиористской ее трактовке. О «фрустрации» человека мы можем судить как по результатам наблюдения за ним при столкновении с препятствиями на пути достижения цели, так и по его отчету о чувствах, переживаемых в такой ситуации. Простой связи между этими данными наблюдения и отчетом, как это иногда предполагают, не существует. Следует отказаться от предположений о существовании жесткой связи между такими неоднозначными понятиями, как «фрустрация» и «агрессия»[64]. Агрессия, направленная только на устранение какой-то помехи, психологически отличается от агрессии, возникающей вследствие явного гнева и злости как определенной разновидности ненависти: у них разные цели и они появляются при различных обстоятельствах[65]. Гнев, как и другие эмоции, вызывается обстоятельствами. При анализе этих обстоятельств сразу становится очевидным, что они заключаются не в самой ситуации, приводящей к гневу или к какой-то другой эмоции, а в том, как человек воспринимает данную ситуацию. Человек может разгневаться, если решит, что ему кто-то мешает или угрожает, и может испугаться, если воспринимает ситуацию как опасную. Эмоции вызываются определенными восприятиями, зачастую не соответствующими действительности, как например, когда человек ошибается в оценке действий других людей, считая их угрожающими или оскорбительными. С позиций такого понимания возникновения эмоций автор данной статьи пытался исследовать гнев. В настоящее время в том же университете проводится аналогичное исследование страха[66]. Эффективный метод исследования в этой области эмоциональных явлений состоит в описании *конкретных случаев* переживания изучаемой эмоции и в сборе детальных сведений о том, что происходило в данной ситуации и что испытуемый при этом чувствовал и делал. В случае гнева становится очевидной еще одна трудность, связанная с использованием строго бихевиористских методик. Исследование показывает, что самой обычной реакцией на переживание своего гнева, по меньшей мере в группе наших испытуемых, было полное подавление словесных реакций, т.е. попытка никоим образом не выражать эту эмоцию[67]. Итак, использование объективных методов исследования эмоций может привести к существенной потере данных.

---

[64] См.: *Dollard J. et al.* Frustration and Agression. L.: Kegan Paul, 1944.

[65] См.: *McKellar P.* The emotion of anger in the expression of human aggressiveness // Brit. J. Psychol. 1949. Vol. 39. P. 148—155; *McKellar P.* Provocation to anger in the development of attitudes of hostility // Brit. J. Psychol. 1950. Vol. 40. P. 104—114.

[66] См.: *Garwood K.* A psychological study of human fear // Unpub. Ph. D. thesis. Univ. of Sheffield, 1961.

[67] См.: *McKellar P.* The emotion of anger in the expression of human aggressiveness // Brit. J. Psychol. 1949. Vol. 39. P. 148—155.

В следующем разделе мы рассмотрим методы исследования, родственные тем, о которых говорилось выше. Эти методы разработаны независимо друг от друга и широко применяются в области прикладной психологии, в частности и особенно продуктивно Фланаганом[68].

Прикладная психология

Разработанная Фланаганом «методика критического случая» нашла применение как в армии, так и в промышленности. Она включает в себя сбор ретроспективных отчетов о большом количестве конкретных происшествий, важных с точки зрения подготовки летчиков или отбора профессиональных кадров.

Так, пилотов, вернувшихся с боевых вылетов, просили сообщить о конкретных случаях переживания внезапной дезориентации и других феноменах такого рода. Затем изучали обстоятельства этих происшествий и в итоге анализа множества таких случаев давали рекомендации по переоборудованию кабины самолета, панелей управления и т.д. На производстве рабочих или руководителей просили сообщить о конкретных случаях, когда они были свидетелями образцовых, по их мнению, руководящих действий своих начальников. Таким же образом собиралась информация о случаях плохого руководства. На основе закономерностей, обнаруженных в результате анализа этих критических случаев, разрабатывались и проверялись различные программы отбора и обучения персонала.

Методика критических случаев вновь поднимает вопрос разграничения наблюдения и самонаблюдения. Фланаган и его коллеги умело использовали не только биографические сведения, полученные ранее в ходе наблюдения, но и ретроспективные самонаблюдения мыслей, чувств и суждений людей, которые находились на одном иерархическом уровне, или ниже, с начальниками, проявившими как желательные, так и нежелательные для руководителя черты. Между прочим отметим, что источником своего метода Фланаган считает раннюю работу Гальтона.

В прикладных исследованиях случаев нарушения ориентации человека, управляющего транспортными средствами, было бы полезно обратить внимание на феномены, вероятно связанные с расстройствами схемы тела, возникающие в гипногогическом состоянии, о которых говорилось выше. О подобных явлениях сообщают шоферы. Например о том, что в состоянии утомления у них возникало стойкое впечатление бокового наклона автомобиля, и о других странностях, не имевших под собой никаких реальных оснований. Гипногогические образы переживаются и при открытых глазах. По сообщениям шоферов, такое может произойти и в ситуации управления автомобилем, как это было в

[68] См.: *Flanagan J.C.* The critical incident technique // Psychological Bulletin. 1954. Vol. 51. P. 327—358.

случае с водителем, который «вильнув в сторону, не раздавил призрачного зайца»[69]. Определенные феномены квазигаллюцинаторного типа и нарушения восприятия, имеющие прямое отношение к проблеме безопасности дорожного движения, не могут быть выявлены исследователями, которые с неприязнью относятся к использованию методов самонаблюдения.

Различия в образах могут вызвать особый интерес у педагогических психологов и психологов труда. То, как наличие или отсутствие образов может повлиять на определенные виды научения, видно из следующего примера.

Проблема одной молодой женщины с очень высоким интеллектом, работавшей в университете, заключалась в неспособности к зрительному воображению. В школе ей трудно давались такие предметы, как геометрия, зоология и отчасти география. О своем опыте анатомирования в то время, когда она была студенткой-медиком, она сообщила следующее: «Со мной все было в порядке, когда я работала с простейшими, но я пришла в некоторое замешательство, когда мы перешли к изучению лягушек и раков: я не могла точно вспомнить, что было у них внутри». По-видимому, ее занятия медициной не были успешными вследствие недостаточной способности к зрительному воображению, и она решила, что изучение анатомии человека выходит за пределы ее возможностей к обучению.

Авторы учебных пособий иногда недооценивают важность различий в типах образов среди своих читателей-студентов. Приведем пример. Один неопытный редактор при подготовке нового издания учебника анатомии решил исключить цвет из всех схем. В предисловии он поясняет, что сделал так потому, что цвет не подчеркивает различия. Поэтому учиться по черно-белым рисункам будет столь же легко, как и по цветным. Автор настоящей статьи провел соответствующий опрос мнений группы, состоящей из сорока студентов-медиков, которым он преподавал психологию и которые в том же семестре изучали анатомию. О том, что цвет не имеет для них значения, сказали только десять человек; остальные тридцать студентов указали, что отсутствие цветных схем в учебнике анатомии они считали бы серьезным недостатком.

Вероятно, существуют особые виды дисциплин, при изучении которых различия в образах могут играть очень важную роль. То же самое можно сказать о видах трудовой деятельности, например, о профессиях анатома, хирурга, плотника и металлурга, в которых отсутствие способности к зрительному воображению может рассматриваться в качестве серьезного недостатка. Недавно проведенные исследования говорят о том, что между ЭЭГ-записями электрических ритмов головного мозга, умственными образами и психометрическими показателями могут существовать значимые взаимосвязи[70]. Вполне

---

[69] *Anon*. Motoring hallucinations // The Motor. 1958. 15 Jan. P. 917.

[70] См.: *Stewart C.A., MacFarlane Smith I.* The alfa rhytm, imagery, and spatial and verbal abilities // Durham Res. Rev. 1959. Vol. 2. P. 1—16.

вероятно, что последующее исследование воображения будет опираться на комбинированное использование экспериментальных, психометрических и интроспективных методов.

Методы психологии

«Переполненный кладезь знаний ломился из-за нехватки обобщений», — так говорят о времени, когда Дарвин[71] сформулировал свою теорию эволюции путем естественного отбора. О современной психологии такого не скажешь. В одних областях мы прямо и уверенно шагаем вперед, тогда как в других страдаем от недостатка простейших базовых наблюдений. Этологи, например Тинберген[72] и Лоренц[73], отчасти восстановили в правах методы естественных наук в психологии. Однако многие области психологии испытывают крайнюю нужду в общем крупном вливании в них духа естественных наук. Необходимо проделать большую работу по описанию, наблюдению и классификации, прежде чем более отдаленные задачи теоретического объяснения смогут стать своевременными, а не скоропалительными: психология мышления и эмоций представляют собой два ярких примера такой торопливости. Если нам не хватает доказательств, стоит вспомнить авторитетное заявление Эйнджелла о том, что надо тщательно собирать информацию повсюду, где ее можно обнаружить, и потому нам не следует пренебрегать самонаблюдением в тех случаях, когда это необходимо.

Теории можно уподобить графикам функций, а наблюдения точкам, через которые эти графики проводятся. Если точек, т.е. наблюдений, мало, то через них можно провести множество совершенно разных кривых, соответствующее множеству альтернативных теорий, построенных на основе этих немногих наблюдений. Если количество наблюдений увеличивается, то возможности проведения кривых становятся более ограниченными. В тех областях психологии, где количество наблюдений весьма ограничено, использование интроспективных методов будет довольно продуктивным. По меньшей мере, они могут помочь в начале исследования, указав на то, какая более «объективная» информация может быть получена другими методами. Разумеется, это не означает, что методы самонаблюдения неуместны в *более* разработанных областях психологии. Например, в области тестирования интеллекта психологов стали интересовать не только его общие оценки, но и закономерности, определяющие «неправиль-

[71] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[72] Тинберген (*Tinbergen*) Николас (1907—1988) — нидерландский этолог и зоопсихолог; с 1949 г. в Великобритании; лауреат Нобелевской премии (1973 г., совместно с К. Лоренцем и К. Фришем). — *Ред.-сост.*

[73] Лоренц (*Lorenz*) Конрад Захарис (1902—1989) — австрийский зоолог и этолог; лауреат Нобелевской премии (1973 г., совместно с Н. Тинбергеном и К. Фришем). — *Ред.-сост.*

ные» ответы. Готовность поставить на службу факты самонаблюдения позволяет увидеть эту в целом хорошо разработанную область в новом свете.

Значительного эффекта следует ожидать при использовании самонаблюдения вместе с другими методами. Главным методом современной психологии становится психометрия. Психологам, применяющим в своей работе психометрические тесты, необходимо достичь определенного понимания тех различных приемов, при помощи которых тестируемые люди могут попытаться скрыть информацию о себе. Согласно Бейкену, если психология собирается объяснить феномены, эмоционально значимые для тех людей, которых она изучает, то ей необходимо прежде всего расширить свои знания о закономерностях, которые лежат в основе раскрытия и сохранения секретов. Опираясь на самонаблюдение, Бейкен провел собственное «небольшое исследование», посвященное этой проблеме[74]. Необходимость данных такого рода для разработки методов допроса и обучения людей приемам оказания сопротивления этим методам достаточно очевидна. Быть может, менее очевидное, но не менее важное значение эти данные имеют для исследований, в которых используются психологические тесты.

В некоторых тестах есть «шкалы лжи» — например, в миннесотском многофакторном личностном опроснике (*Minnesota Multiphasic Personality Inventory*, сокращенно *MMPI*)[75]. Высокие оценки по этим шкалам указывают на обман или на легкомысленное отношение к тестированию. По мнению Бейкена, с учетом того, что могло бы дать всестороннее исследование процессов сохранения секретов, шкала лжи указанного опросника является довольно примитивной. В своем собственном исследовании он обнаружил несколько разных стратегий, используемых теми, кто хочет сохранить секрет, тогда как шкала лжи *MMPI* рассчитана только на одну из этих стратегий.

Особого внимания заслуживает использование интроспективных методов при разработке и усовершенствовании психометрических тестов. Кроме того, опыт автора в преподавании психологии говорит о том, что со студентами, обучающимися работе с такими тестами, необходимо провести специальный инструктаж по применению методов самонаблюдения. Было бы неплохо взять за правило, чтобы ни одному студенту не разрешали тестировать других людей, пока он не пройдет через этот тест лично. Тем самым студенту будет предоставлена возможность путем собственных самонаблюдений придти к какому-то пониманию назначения и ограничений применения данного теста.

---

[74] См.: *Bakan D.* A reconsideration of the problem of introspection // Psychological Bulletin. 1954. Vol. 51. P. 105—118.

[75] *Миннесотский многофакторный личностный опросник* (Minnesota Multiphasic Personality Inventory — MMPI) — один из широко используемых при изучении личности опросников; включает в себя несколько сотен пунктов, каждый из которых представляет собой утверждение относительно характерных переживаний или конкретных видов поведения; испытуемый должен ответить, согласен он с данным утверждением или нет. — *Ред.-сост.*

К важным и неизвестным первым интроспекционистам методам относится группа проективных методик. В ходе обучения студентов этим методикам возникают определенные проблемы. Их можно проиллюстрировать на примере тематического апперцепционного теста (TAT), при выполнении которого испытуемые сочиняют рассказы по стандартным картинкам. В лаборатории у студента могут возникнуть различные вопросы, связанные с обычными уловками тестируемых лиц. В таком случае студента следует переориентировать на задачу, которую ему придется решать позже, когда он будет использовать методики, подобные TAT, за пределами лаборатории. При случае студенту также необходимо показать, что психологическое тестирование, как правило, не представляет собой ситуацию открытого противостояния, в которой пациент стремится непременно обмануть психолога. Напротив, типичной является ситуация, когда и пациент, и психолог, проводящий тестирование, вместе стараются извлечь информацию, в которой они оба заинтересованы, но которую пациент сам не может получить путем обычного самонаблюдения. Если пациент каким-то образом начинает обманывать, то чаще всего достаточно спросить его об этом напрямую, а не прибегать к окольным приемам. Рассказ по картинке TATa, независимо от того, получен ли он в клинике или лаборатории, может просто-напросто оказаться описанием эпизода кинофильма, пьесы или романа. В подобном случае испытуемый признает этот факт с гораздо большей охотой, чем это представляется вновь обучающемуся психологу.

Сказанное выше относительно проективных и психометрических техник распространяется и на экспериментальные методики. Вполне возможно, как недавно заметил Рид, что «в психологии привлечение крыс в качестве испытуемых оказалось особенно полезным именно потому, что они не способны к комментариям!»[76] Но мораль этого высказывания не в том, что психологам следует отказаться от проведения экспериментов на животных[77]. Она скорее заключается в том, что когда психологи приглашают в качестве испытуемых людей, им не следует в интересах ложно понятой «объективности» обращаться с ними как с неспособными к коммуникации крысами или голубями. Бывало и такое, когда испытуемый — не крыса, а человек — ломал аппаратуру, потому что экспериментатор ударял его чрезмерно сильным током! Соблюдать меры предосторожности необходимо как с научной, так и с этической точки зрения. Поэтому экспериментатору следует испытать действие своей аппаратуры прежде всего на себе и только затем использовать ее в экспериментах с другими испытуемыми. Тогда бы он имел возможность обнаружить и устранить все неисправности и помехи, которые, в противном случае, могли бы погубить его ос-

[76] *Reid R.L.* Behaviour theory and ethology // Paper read to Annual Conference of the Brit. Psychol. Soc. 1960. 7th April, 1960.

[77] Упорное противодействие экспериментам на животных так же надоедливо, как и противодействие применению методов самонаблюдения.

новной эксперимент. Вторая мера предосторожности заключается в том, чтобы требовать от своих испытуемых данных самонаблюдения, а когда они не предоставляются, настаивать на этом. Позже, опираясь на эти данные, экспериментатор сможет улучшить процедуру эксперимента. Кроме того, данные самонаблюдения могут пригодиться для объяснения вариативности полученных измерений и, как это нередко бывает, наметить продуктивные направления будущих исследований.

Вследствие значительных индивидуальных различий в экспериментальных ситуациях с применением ударов электротока возникают трудности особого рода: удар током, едва заметный для одного испытуемого, может быть крайне болезненным для другого. Сказанное служит иллюстрацией общей закономерности, согласно которой условия, одинаковые с точки зрения внешнего наблюдения, могут субъективно переживаться разными людьми по-разному в пределах достаточно широкого диапазона. Поэтому независимо от мер, предпринятых для преодоления этого несоответствия, для экспериментатора было бы разумным всегда вначале пережить данный опыт самому и потом брать отчеты самонаблюдения у всех испытуемых.

В психологии самонаблюдение играет важную вспомогательную роль, и особенно в тех случаях, когда оно не используется в качестве основного метода. Примеры этого мы находим в сферах психометрического тестирования, использования проективных методик и лабораторного эксперимента.

Проблема коммуникации

Уильям Джеймс, как говорилось выше, определяет самонаблюдение не только как «всматривание внутрь своей психики», но и как «сообщение о том, что мы там обнаруживаем». Он добавляет: «Если бы было достаточно обладать переживаниями и мыслями в их непосредственной данности, то психологами, причем безупречными, могли быть и младенцы»[78]. Эту мысль детально обсуждает Мейс и утверждает, что даже такие исследователи, как, например, Титченер, не смогли понять, что трудность самонаблюдения заключается не столько в наблюдении фактов, сколько в знании того, как их описывать[79]. Очень нелегко рассказать о том, что человек «видит, всматриваясь внутрь своей психики», но, по Мейсу, «трудность заключается не в том, чтобы увидеть то, что там находится, — трудно рассказать об увиденном ясно и точно»[80].

Проблемы коммуникации могут быть следствием природы изучаемого опыта. Сновидения трудно передать словами, потому что они представлены,

---

[78] *James W.* The Principles of Psychology. L.: Macmillan, 1890. Vol. I. P. 189.

[79] См.: *Mace C.A.* Introspection and analysis // Philosophical Analysis / M. Black (Ed.). N.Y.: Cornell Univ. Press, 1950.

[80] Там же.

как правило, в зрительных образах. Описать словами сложные зрительные образы как восприятий, так и сновидений нелегко, так как эти переживания представлены не в словесной, а в зрительной форме. В качестве иллюстрации приведем сложный зрительный опыт другого вида — образы, которые появляются в ситуации эксперимента у испытуемого, принявшего дозу мескалина.

Эти образы могут быть довольно сложными, быстро меняющимися во времени и причудливыми по содержанию. Они могут быть необычными по цвету и яркости, могут представлять собой неизвестные или знакомые, но воспринимаемые в необычном ракурсе объекты. Некоторые испытуемые, сообщая об этих образах, прибегали к неологизмам (изобретаемым словам) или приписывали сугубо субъективное значение обычным словам. Например, одна из наших испытуемых стала описывать образ «квадринога», которого она определила как «существо, подобное осьминогу, но с четырьмя, а не с восемью щупальцами». Для описания возникающих при этих условиях образов испытуемым может не хватить их словарного запаса, о чем свидетельствуют сообщения типа: «они представляли собой сцены, которые хотелось нарисовать, несмотря на то, что я к этому не способен <...> они были как картинки из незнакомой мне книги о путешествии <...> они выглядели странными и непохожими на продукты моей психической жизни».

Испытуемые, участвующие в таких экспериментах, часто говорят о сильном чувстве разочарования, возникающем в результате несоответствия между тем, что они переживают, и тем, что они могут об этом сообщить. Те, кто принимал участие в этих экспериментах в качестве испытуемых, вполне возможно, займут более осторожную позицию в вопросе об отождествлении интроспекции и «словесного отчета».

С этой проблемой коммуникации автор в первый раз столкнулся, когда сам, будучи испытуемым, наблюдал вызванные мескалином образы. Его описание состояло в уподоблении этих образов другому субъективному опыту, который, как он думал, мог быть знаком некоторым из исследователей, а именно образам, возникающим в гипногогическом состоянии при засыпании. Сообщение о такой аналогии не является обычным словесным отчетом и содержит в себе нечто большее, чем просто указание «прочитать словесные отчеты о гипногогических образах». Дополнительно автор, он же испытуемый, решая эту сложную задачу коммуникации, попытался уточнить: «Припомните свой опыт зрительных гипногогических образов, если кому-то из вас приходилось его пережить; образы, переживаемые мною в данный момент, очень похожи на них». К той же аналогии, как позже выяснилось из литературы, независимо друг от друга прибегали все исследователи, пытавшиеся интроспективно изучать вызываемые мескалином образы. Одним из них был Уир Митчелл[81], его самонаблюдения, между прочим, превосходят [по своему богатству. — *Ред.-сост.*]

---

[81] Митчелл (*Mitchell*) Силас Уир (1829—1914) — американский врач и поэт. — *Ред.-сост.*

большинство полученных к настоящему времени интроспекций этих образов[82]. В обратном направлении проводит эту аналогию известная исследовательница гипногогических образов Лининг. Пытаясь подробно описать «переливчатый блеск» и «удивительную яркость» (*liquid fire and strange luminosity*) некоторых гипногогических образов, она использует митчелловские описания цвета и яркости мескалиновых образов[83]. Более полно и детально мы обсуждаем сходство между этими феноменами в другой работе[84].

Сходный акцент на роли коммуникации в самонаблюдении делает Мейс. Однако он ошибается, когда отождествляет коммуникацию со «словесным отчетом». Адекватность сообщения о переживаемом опыте во многом зависит от искусства испытуемого, который может с этой целью прибегать к различным ухищрениям. Так, одна из испытуемых, пытаясь описать образы или галлюцинации, которые она переживала в процессе всматривания в прозрачный кристалл, прибегла к демонстрации фотографий, расположенных за сферическим стеклом. Она утверждала, что образы в прозрачном кристалле очень похожи на фотографии, воспринимаемые через эту сферу. Некоторые наши испытуемые, принимавшие участие в исследованиях гипногогических и мескалиновых образов, говорили, что несмотря на отсутствие таланта к живописи хотели бы изобразить эти зрительные образы, а некоторые пытались их зарисовать. В Обществе психических исследований в Лондоне хранится коллекция рисунков собственных гипногических образов леди Баркли; репродукция одного из них напечатана[85]. Испытуемые Гальтона, сообщая о своих пространственных представлениях чисел и дат, в некоторых случаях, помимо словесных описаний, также использовали рисунки. Были попытки представить синестезии с помощью кинофильма. Недавно после обширного исследования монокулярной цветовой слепоты был сделан соответствующий цветной фильм для того, чтобы другие люди могли понять, как видит мир дейтераноп[86].

Еще одна трудность точного сообщения о переживаемом опыте обусловлена фактором времени. События могут происходить с такой скоростью, что ретроспекции испытуемых становятся обманчивыми. Например, опытный человек-оператор может действовать настолько быстро, что буквально «не знает» своих действий, т.е. не в состоянии о них что-нибудь сообщить или же его самонаблюдения не соответствуют его реальным движениям, записанным на

---

[82] См.: *Mitchell S.W.* Remarks on the effects of Anhalonium Lewinii (the mescal button) // Brit. M. J. 1896. Vol. 2. P.1625.

[83] См.: *Leaning F.E.* An introductory study of hypnagogic phenomena // Proc. Soc. Psychic. Res. London. 1925. Vol. 35. P. 289—409.

[84] См.: *Ardis J.A., McKellar P.* Hypnagogic imagery and mescaline // J. Ment. Sci. 1956. Vol. 102. P. 22—29.

[85] См.: *Rawcliffe D.H. The* Psychology of the Occult. L.: Derricke Ridgway, 1952. P. 14.

[86] См.: *Graham C.H., Hsia Y.* Colour defect and colour theory // Science. 1958. Vol. 127, № 3300. P. 675—682.

кинопленку. Бартлетт[87] обсуждает эту проблему на материале исследований бомбометания. «Спросите оператора о том, каким образом он выполнял свою работу, и разные люди могут описать или, чаще всего, придумать различные способы»[88]. Далее он добавляет: «Очевидный факт заключается в том, что многие из них не знают, как они это делают». Данную ограниченность метода самонаблюдения всегда следует иметь в виду. Однако в некоторых случаях расхождение между выполняемой деятельностью и ее интроспективным описанием содержит полезную информацию. Так, в психологии труда заслуживает внимания процесс анализа трудовой деятельности. Исследователь стремится разузнать о природе определенного вида трудовой деятельности у самого исполнителя, мастера, и, по возможности, у других людей. Различные «восприятия» одной и той же деятельности могут не соответствовать друг другу, и все они могут отличаться от того, что запечатлено на кинопленке. Но именно на основе сопоставления этих несоответствий психолог труда приходит к своим выводам.

Вследствие ограниченности словарного запаса появляется еще один источник трудностей. Эти трудности могут возникать даже в случае зрительного восприятия, когда человек старается детально объяснить какой-то специфический цвет. Манзелл цитирует письмо, в котором Роберт Льюис Стивенсон[89] просит своего английского друга прислать ему на Самоа обои, и пытается объяснить какого они должны быть цвета[90]. Его описание было крайне невразумительным в отношении как желательного цвета обоев, так и цветов других предметов домашней обстановки. Трудности такого рода побудили Манзелла разработать свою, теперь хорошо известную, систему условной записи цветов[91]. Предпринимались попытки разработать аналогичные системы применительно к другим чувственным модальностям, например, запахам[92]. Обучение таким системам коммуникации, особенно в случае образов незрительных модальностей, становится актуальным; так, в различных

[87] Бартлетт (*Bartlett*) Фредерик Чарлз (1886—1969) — английский психолог. — *Ред.-сост.*

[88] *Bartlett F.C.* The measurement of human skill // Brit. M. J. 1947. Vol. I. P. 13.

[89] Стивенсон (*Stevenson*) Роберт Льюис (1850—1894) — английский писатель, представитель неоромантизма; скончался на островах Самоа в Тихом океане, где провел последние годы своей жизни, будучи больным туберкулезом. — *Ред.-сост.*

[90] См.: *Munsell A.H.* A Colour Notation. Baltimore: Munsell Colour Co., 1954.

[91] Манзелл (*Munsell*) Альберт Генри (1858—1918) — американский художник, разработавший систему (первый вариант в 1905 г.) буквенно-цифрового обозначения тысячи стандартных цветов, образцы которых были включены в специальный атлас и различались по измерениям цветового тона, оттенку и насыщенности; эта система применяется в науке, промышленности и производстве для распознавания и спецификации (обозначения) цветов поверхностей. — *Ред.-сост.*

[92] См.: *Crocker E.C.* Comprehensive method for the classification of odors // Proc. Sci. Sect. Toilet Goods Association. 1946. Vol. 6. 5 Dec.

областях практики требуются специалисты по восприятию вкуса и запаха, работа которых напоминает в некоторых аспектах «классическую интроспекцию» вундтовского периода.

Для подавляющего большинства людей, за исключением экспертов, прошедших специальную подготовку, сообщение о незрительных чувственных переживаниях представляет большую трудность. Возьмем, к примеру, чувство боли. Некоторые люди прибегают к синестезическим способам представления боли, и такие сообщения могут привести в недоумение слушателей. Так, по словам одной испытуемой, в детстве она «пользовалась этим, чтобы досадить матери»; на вопрос «какая у тебя боль?», она отвечала — «желтая». Тенденция *представлять* боль таким образом у нее сохранилась, хотя *сообщать* о боли синестезически она перестала. Некоторые формы синестезического представления вошли в оборот повседневной речи. Так, мы говорим о «пронзительных» звуках, «кричащих» цветах, а также о «легких», «мягких» и «бархатных» винах. Такие сообщения незаметно переходят в бесполезные и сугубо индивидуальные. Например, химик-парфюмер говорит: «Иногда я приходил к выводу, что этот запах несколько уныл и противоречив, что он нуждается в большей телесности в средних тонах и меньшем бесстыдстве в верхних!»[93].

Синестезические метафоры, использующие характеристики другой чувственной модальности, представляют собой один из тех интересных способов, к которому люди, не всегда эффективно, прибегают для того, чтобы передать свой опыт. Как бы то ни было, необходимо признать, что виды самонаблюдения, интересующие науку, включают в себя коммуникацию, а эта коммуникация может быть затруднительна. С целью преодоления этого препятствия испытуемые могут прибегать к различным приемам, словарям и ухищрениям.

К определению психики

Что же такое психика (*mind*)? Когда ответ на этот вопрос выходит за рамки философии, он указывает по меньшей мере на часть предмета психологии, которая включает в себя феномены человеческого опыта и их исследование методом самонаблюдения. К таким феноменам относятся, например, образы восприятия и мысли, умственные образы и сновидения, галлюцинации, синестезии и другие странности опыта, типа ложных воспоминаний (*deja vu*) и пространственных представлений чисел. В прошлом самонаблюдение было, и, можно с уверенностью сказать, всегда будет важнейшим методом исследования, по меньшей мере, в этих областях психических явлений. Определенный вклад самонаблюдение может внести и в более изученных областях психологии. Кроме того, самонаблюдение может успешно использоваться в различных при-

---

[93] News Chronicle. 1959. 19 May.

кладных отраслях: педагогической, военной, клинической и индустриальной психологии.

Психология занимается описанием, классификацией и объяснением опыта и поведения человека. Мы изучаем «психику» в той мере, в какой данное слово соотносится с этими объектами наших научных интересов; путем их исследования мы приходим к все большему пониманию значения этого слова. В данной работе было показано, что для решения этой задачи применение методов самонаблюдения вполне законно и плодотворно, и что исследователи должны быть готовы к их использованию.

В. Вундт

Методы психологии*

1. Так как психология имеет своим предметом не какие-либо специфические содержания опыта, а *общий опыт в его непосредственных свойствах*, то она может пользоваться теми же самыми методами, которые применяются опытными науками вообще для установления фактов, а также для анализа и определения причинной связи их. То обстоятельство, что естествознание отвлекается от субъекта, между тем как психология этого не делает, может, правда, вносить некоторые видоизменения в способе применения употребляемых там и здесь методов, но не может существенным образом изменять самой природы их.

Естествознание, которое может служить примером для психологии как область познания, более и ранее ее разработанная, пользуется *двумя* главными методами: *экспериментом* и *наблюдением*. *Эксперимент* есть наблюдение, связанное с произвольным воздействием наблюдателя на возникновение и течение подлежащих его наблюдению явлений. *Наблюдение* в узком смысле рассматривает явления без такого воздействия в том виде, как они даются сами собой наблюдателю в общей связи опыта. Экспериментальное воздействие применяется обыкновенно естествоиспытателем везде, где оно вообще бывает возможно, так как, если даже явление само по себе доступно уже достаточно точному наблюдению, представляется все-таки всегда чрезвычайно выгодным иметь возможность определять по собственному усмотрению наступление и течение явлений или произвольно изолировать отдельные части данного сложного явления. Но в то же время в естествознании оба эти метода распределяются между известными областями исследования, так как вообще для решения известных проблем признается необходимым экспериментальный метод в большей мере, чем для решения других, в области которых желаемая цель может быть достигнута нередко уже с помощью простого наблюдения.

---

* *Вундт В.* Очерки психологии. М.: Московское книгоиздательство, 1912. С. 18—22.

Эти два рода проблем, за немногими исключениями, вызываемыми особыми условиями, связаны с общим делением явлений природы на *процессы и предметы природы*.

Всякий *процесс в природе*, например, движение света, звука, электрическое разряжение, мускульное сокращение, требует всегда экспериментального воздействия для точного установления его течения и для анализа его составных частей. Обыкновенно это воздействие является желательным уже потому, что точное наблюдение может быть производимо нами лишь в том случае, если мы имеем возможность определить момент наступления самих явлений. Но далее оно и необходимо, для того чтобы отделять друг от друга различные составные части сложного явления. Это можно сделать обыкновенно только тогда, если мы будем произвольно отбрасывать некоторые условия и добавлять другие, или же изменять количественно их. Иначе обстоит дело с *предметами*. Так как они представляют собой относительно постоянные объекты, которые всегда находятся в распоряжении наблюдателя и остаются неизменными, в то время как они подвергаются рассмотрению, то экспериментальное исследование нужно бывает в применении к ним обыкновенно тогда лишь, если мы пожелаем исследовать процессы их возникновения или претерпеваемых ими изменений. Там, где речь идет только о действительных свойствах предметов природы, достаточно бывает обыкновенно простого наблюдения. В этом смысле, например, минералогия, ботаника, зоология, анатомия, география и другие относятся к наукам чистого наблюдения, пока в эти науки мы не будем вводить, что, конечно, нередко случается, какие-нибудь физические, химические, физиологические, — словом, такие проблемы, которые касаются известных процессов в природе.

2. Если эти точки зрения применить к психологии, то мы, прежде всего, заметим, что ее содержание прямо указывает ей путь тех областей познания, в которых точное наблюдение возможно только в форме *экспериментального* наблюдения. Содержание психологии составляют исключительно *процессы*, а не постоянные и неизменные объекты. Для точного определения наступления и течения этих процессов, их сложения из различных составных частей и взаимоотношений, существующих между этими частями, мы должны, прежде всего, иметь возможность произвольно вызывать их наступление и по собственному усмотрению видоизменять его условия, что достижимо здесь, как и везде, только путем эксперимента. К этим общим соображениям присоединяется в психологии еще одно особое основание, не имеющее силы в такой же мере относительно явлений природы как таковых. В этой последней области мы постоянно отвлекаемся от воспринимающего субъекта, и поэтому при известных обстоятельствах можно и простым наблюдением с достаточной уверенностью устанавливать объективное содержание процессов, именно там, где, как в астрономии, наблюдению благоприятствует закономерная правильность явлений. Так как, напротив, психология никоим образом не может отвлекаться от субъекта, то условия случайного наблюдения могут быть достаточно благо-

приятны в ней только тогда, когда неоднократно одни и те же объективные части непосредственного опыта будут совпадать с одними и теми же состояниями субъекта. При чрезвычайной сложности психических процессов ожидать такого совпадения было бы тем труднее, что *намерение производить наблюдение*, которое должно присутствовать во всяком точном исследовании, вносит существенные изменения в наступление и течение психических процессов. Так как главная задача психологии состоит именно в точном установлении способа возникновения и течения субъективных процессов, то здесь это намерение наблюдения, если последнее производится в форме обычного самонаблюдения, не поддерживаемого экспериментальными вспомогательными средствами, должно или существенно видоизменять или же совершенно уничтожать подлежащие наблюдению факты. Уже естественный способ возникновения психических процессов отсылает психологию, совершенно подобно физике и физиологии, к экспериментальным приемам исследования. Ощущение возникает при условиях, благоприятствующих наблюдению, если оно вызывается каким-нибудь внешним чувственным раздражением. Наши представления о предметах порождаются всегда путем более или менее сложного совместного действия нескольких чувственных раздражений. Если мы пожелаем изучить психологический способ образования какого-нибудь представления, в нашем распоряжении не будет иного пути, кроме следующего: мы должны подражать этому естественному возникновению представления. Благодаря этому мы вместе с тем получаем одно важное преимущество, именно, путем произвольного изменения комбинации совместно действующих впечатлений, можем изменять самое представление и таким образом имеем возможность учитывать влияние, которое имеет каждое из этих условий в отдельности на возникающий продукт. Наши образы воспоминания не вызываются, правда, непосредственно внешними чувственными впечатлениями, а следуют за ними спустя более или менее долгий промежуток времени. Но и свойства этих представлений могут быть устанавливаемы нами с некоторой уверенностью лишь тогда, если мы, вместо того, чтобы опираться на случайные условия их возникновения, будем пользоваться такими воспоминаниями, которые вызываются предшествующими впечатлениями путем экспериментального воздействия. То же самое справедливо, в конце концов, относительно чувств, волевых процессов: мы можем получить их в наиболее пригодном для точного исследования виде, если будем произвольно воспроизводить воздействия, которые, как показывает опыт, постоянно связываются с реакциями чувства и воли. Поэтому из всех наиболее основных психических процессов нет ни одного, к которому нельзя было бы применить экспериментальный метод, а потому и ни одного, при исследовании которого нельзя было бы требовать его применения, по соображениям логического свойства.

3. Напротив, *чистое наблюдение*, как оно бывает возможно во многих областях естествознания, невозможно в пределах *индивидуальной* психологии в точном смысле, по самому характеру психических явлений. Оно было бы воз-

можно только тогда, если бы действительно существовали психические объекты, столь же неизменные и не зависящие от нашего наблюдения, как существуют относительно устойчивые и неизменяемые нашим наблюдением объекты природы. Тем не менее, и психология имеет в своем распоряжении факты, которые, не будучи действительными предметами, имеют все-таки характер психических объектов, поскольку им присущи признаки относительной неизменности свойств и независимости от наблюдателя, между тем как в то же время они не поддаются экспериментальному воздействию в обычном смысле слова. К таким фактам относятся возникающие исторически *порождения человеческого духа*, каковы: речь, мифологические представления, нравы. Их возникновение и их развитие покоятся везде на общих психических условиях, относительно которых мы можем судить по их объективным свойствам. Впрочем, все такие порождения человеческого духа, имеющие общеобязательный характер, предполагают существование духовного *общения* многих индивидуумов, хотя, конечно, само собой разумеется, в конечном итоге они коренятся в психических свойствах, присущих уже отдельному человеку. В виду этой связи их с духовным общением, специально с той или другой народностью, всю эту область психологического исследования порождений человеческого духа называют психологией народов, или *собирательной* психологией, противопоставляя ее обыкновенно индивидуальной, или *экспериментальной* психологии, как можно было бы назвать эту последнюю, имея в виду преобладающий в ней метод. Хотя при современном состоянии науки обе эти ветви психологии излагаются и трактуются обыкновенно еще отдельно, они все-таки представляют собою не столько различные области, сколько скорее различные *методы*, причем так называемая собирательная психология соответствует методу чистого наблюдения, отличающегося только тем, что в данном случае предметом наблюдения служат порождения человеческого духа. Связь этих порождений с духовным общением неопределенного множества индивидуумов, связь, от которой собирательная психология заимствует свое имя, объясняется побочным условием, именно тем, что порождения индивидуального духа бывают слишком изменчивы по своей природе, для того чтобы они могли быть доступны объективному наблюдению, и тем, что здесь явления достигают нужного постоянства только тогда, когда они становятся собирательными или массовыми.

Итак, подобно естествознанию, психология располагает двумя точными методами: первый, экспериментальный метод, служит целям анализа простейших психических процессов; второй, метод наблюдения общеобязательных порождений человеческого духа, служит целям исследования высших психических процессов и различных видов психического развития.

3а. Применение экспериментального метода в психологии ведет свое начало из физиологии, именно от применяемых в физиологии органов чувств и нервной системы способов исследования, и поэтому экспериментальную психологию называют также «физиологической психологией». В изложение физиологической психологии вводятся обыкновенно те вспомогательные знания из

физиологии нервной системы и органов чувств, которые сами по себе относятся, правда, к физиологии, однако требуют, кроме того, особого рассмотрения их, которое принимало бы в соображение особенно интересы психологии. Таким образом «физиологическая психология» имеет характер переходной дисциплины, которая однако же, как указывает ее имя, представляет собой, главным образом, отдел *психологии*, и которая, если отбросить упомянутые вспомогательные физиологические знания, совпадает по существу с «экспериментальной психологией» в том смысле, как мы определяли ее выше. Если поэтому некоторые исследователи пытались проводить различие между подлинной психологией и физиологической психологией в том смысле, что только первая имеет своей задачей психологическое истолкование внутреннего опыта, а вторая — выведение этого последнего из физиологических процессов, то такое размежевание их областей мы должны отклонить, как несостоятельное. Существует только *один* способ объяснения причинной связи в психологии, и состоит он в выведении более сложных психических процессов из более простых; привлечение физиологических промежуточных звеньев может входить в такой способ истолкования всегда только в виде добавочного приема вследствие установленного нами выше отношения естественно-научного и психологического опытов.

Э.Б. Титченер

[Метод и область психологического исследования]*

Метод психологии

Научный метод может быть выражен одним словом — «наблюдение»; единственный путь для научной работы — наблюдать те явления, которые составляют предмет науки. Но наблюдение предъявляет два требования: внимательно следить за явлениями и протоколировать их; оно есть, следовательно, ясное и живое опытное познание и отчет о его результатах в словах или формулах. Чтобы осуществить ясное опытное познание и точный отчет о нем, наука прибегает к помощи эксперимента. Эксперимент есть такое наблюдение, которое можно повторять, изолировать и видоизменять. Чем чаще можно *повторять* наблюдение, тем больше вероятность того, что наблюдатели ясно воспринимают явления и точно описывают воспринятое. Чем более строго можно *изолировать* наблюдение, тем легче его осуществить, и тем меньше опасность быть введенным в заблуждение отвлекающими обстоятельствами или выдвинуть на первый план ложные пункты. Чем разнообразнее можно *видоизменять* наблюдение, тем яснее выступит однообразие опыта, и тем больше вероятность открыть законы явлений. Все применения эксперимента, все лаборатории и инструменты изобретены и сооружены с той именно целью, чтобы исследователь был в состоянии повторять свои наблюдения, изолировать и видоизменять их.

Методом психологии является, как мы видим, наблюдение. Чтобы отличить его от наблюдения, которое применяется в естественных науках и состоит в наблюдении над внешними явлениями, в смотрении наружу, психологическое наблюдение определяется как самонаблюдение, как смотрение внутрь. Но эта разница в названии не должна закрывать от нас существенного сходства методов. Возьмем несколько типических примеров.

---

* *Титченер Э.Б.* Учебник психологии. Университетский курс. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914. Ч. I. С. 16—30; Ч. II. С. 186—192.

Начнем с двух совсем простых случаев.

1. Положим, нам показывают два бумажных круга; один окрашен однообразно в фиолетовый цвет, другой наполовину в красный, наполовину в синий цвет. Если быстро вращать этот второй круг, то красный и синий цвета, как мы говорим, будут смешиваться друг с другом, и мы увидим известный красно-синий цвет, т.е. один из оттенков фиолетового цвета. Теперь наша задача — определить ту пропорцию красного и синего цвета на втором круге, при которой получающийся при вращении фиолетовый цвет был бы совершенно равен фиолетовому цвету на первом круге. Этот ряд наблюдений можно повторять сколько угодно раз; эти наблюдения можно также изолировать, производя их в помещении, свободном от других цветовых возбудителей, которые могли бы помешать верному восприятию наших цветов, эти наблюдения можно видоизменять, если устанавливать равенство двух фиолетовых цветов таким образом, что один раз на двуцветном круге исходить из преобладающего синего оттенка, а другой раз из преобладающего красного.

2. Положим, дальше, дан аккорд *c-e-d* и нас попросили сказать, сколько он содержит тонов. Это наблюдение можно повторять, его можно изолировать, производя его в помещении, где совершенно тихо; его можно видоизменять, давая аккорд в различных местах музыкальной шкалы, в различных октавах.

Ясно, что в этих случаях практически нет никакой разницы между самонаблюдением и внешним наблюдением. Мы применяем тот же самый метод, как и при счете колебаний маятника или при чтении на гальванометрической шкале в физической лаборатории. Разница заключается в предмете: цвета и тоны — данные зависимого опыта, а опыт в физической лаборатории есть опыт независимый, метод же по существу один и тот же.

Теперь возьмем несколько случаев, в которых предмет самонаблюдения сложнее.

1. Положим, мы обращаемся к кому-нибудь со словом и просим его наблюдать действие, которое произведет в его сознании это обращение: какое впечатление производит на него это слово, какие представления оно вызывает и так далее. Это наблюдение можно повторять; его можно изолировать, — наблюдателя можно посадить в темную комнату, где, кроме того, нет никакого шума, так что ничто не мешает сосредоточиться; его можно видоизменять, обращаясь с различными словами или показывая это слово на экране вместо того, чтобы произносить его, и так далее. Здесь, все же, по-видимому, есть разница между самонаблюдением и внешним наблюдением. Наблюдатель, который следит за ходом химической реакции или за движениями микроскопического животного, может время от времени делать себе пометки относительно различных стадий наблюдаемых явлений. Когда же он пытается дать отчет об изменениях, происходящих в его собственном сознании, он вмешивается в ход этих изменений сознания, а когда выражает внутренний опыт словами, он вводит новые факторы в сам опыт.

2. Положим, мы наблюдаем, дальше, чувствование или душевное движение: чувствование разочарования или досады, душевное движение гнева или озлобления. Здесь еще возможен контроль при помощи эксперимента; в психологической лаборатории можно создать такие условия, при которых можно было бы повторять переживания этих чувствований, изолировать и видоизменять их. Но наблюдение этих чувствований еще больше, чем в предыдущем случае, вмешивается в течение самих процессов сознания. Спокойное рассмотрение душевного движения уничтожает это последнее; гнев остывает, разочарование исчезает, как только мы принимаемся за их анализ.

Чтобы обойти эту трудность метода самонаблюдения, обыкновенно исследователям психических явлений советовали откладывать наблюдение, пока не окончится подлежащий описанию процесс, и тогда уже воспроизвести его и описывать на основании воспоминаний. Самонаблюдение становится в таком случае наблюдением, направленным на прошлое; интроспективный анализ становится анализом *post mortem* [после смерти, посмертным (лат.). — *Ред.-сост.*]. Это правило, несомненно, полезно для начинающего, и бывают случаи, в которых и опытному психологу полезно им воспользоваться. Но такой способ наблюдения нельзя выдавать за общее правило. Мы должны напомнить о том, что (1) рассматриваемые нами наблюдения можно повторять. Поэтому нет никакого основания, почему бы наблюдателю, к которому обращаются со словом, или у которого возникло душевное движение, не отметить тотчас же первую стадию своего опыта: непосредственное действие слова, начало эмоционального процесса. Эта отметка, правда, прерывает наблюдение. Но, после того как точно описана первая стадия, можно продолжать наблюдения и аналогичным образом описать вторую, третью и следующие стадии, так что в результате получится полное описание всего опыта. Теоретически здесь есть некоторая опасность, что эти стадии будут искусственно отделены друг от друга; сознание есть поток, процесс, и если мы делим его, то подвергаемся опасности просмотреть известные промежуточные звенья. Практически же эта опасность оказалась совсем незначительной; к тому же, мы всегда можем прибегнуть к помощи ретроспективного самонаблюдения и сравнить наши частичные данные с данными памяти о непрерывном опыте. Сверх того, (2) опытный наблюдатель приобретает навык в самонаблюдении и в таком совершенстве справляется с предъявляемыми к нему здесь требованиями, что он бывает в состоянии не только мысленно делать себе пометки во время процесса наблюдения, не нарушая течения сознания, но может даже делать письменные пометки, подобно гистологу, который делает себе пометки, не отрываясь от окуляра микроскопа.

В принципе, следовательно, самонаблюдение очень сходно с внешним наблюдением. Предметы же наблюдения различны; предметы самонаблюдения принадлежат к зависимому опыту; они непостоянны, едва уловимы, неопределенны. Иногда они не поддаются наблюдению, так как находятся в движении; чтобы иметь возможность подвергнуть их исследованию, их приходится сохранять в памяти, подобно тому, как сохраняется нежная ткань в уплотняющей ее

жидкости. И точка зрения наблюдателя здесь другая; это точка зрения человеческой жизни и человеческих интересов, а не точка зрения изолированности и отстраненности. Но в общем метод психологии и метод физики во многом тождественны.

Не следует забывать, что в то время как метод физики и психологии по существу согласуются друг с другом, предметы этих наук обнаруживают самые большие различия, какие только вообще могут быть. В конце концов, как мы видели, предметом всех наук является мир человеческого опыта; но мы видели также, что рассматриваемая физикой сторона опыта существенно отличается от рассматриваемой в психологии. Равенство методов может склонить нас к переходу от одной точки зрения к другой, когда, например, учебник физики содержит главу о зрении и о способности ощущать цвета, или учебник физиологии содержит отделы об обманах суждения; но это смешение предмета должно неизбежно повлечь за собой и запутанность в мыслях. Так как все науки занимаются одним и тем же миром человеческого опыта, то естественно, что научный метод, к какой бы стороне опыта он ни относился, должен быть по существу одним и тем же. С другой стороны, необходимо, если мы желаем исследовать определенную сторону опыта, держаться этой точки зрения и не менять ее в продолжение исследования. Поэтому большое преимущество заключается в том, что мы имеем два обозначения: самонаблюдение и внешнее наблюдение, для того чтобы отметить наблюдение с различных точек зрения — психологии и физики. Выражение «самонаблюдение» постоянно напоминает нам о том, что мы имеем дело с психологией, что мы наблюдаем зависимую сторону опыта.

Наблюдение, как выше сказано, предъявляет два требования: внимательно следить за ходом явлений и описывать их. Первое должно выражаться в возможно большей концентрации внимания, описание же должно отличаться фотографической точностью. Наблюдение поэтому трудно и утомительно; и самонаблюдение, в целом, труднее и утомительнее, чем наблюдение внешних процессов. Чтобы получить достоверные результаты, нужно быть вполне беспристрастным и свободным от предубеждений, нужно принимать факты так, как они к нам являются, чтобы воспринять их такими, каковы они в действительности, не пытаясь подвести их под предвзятую теорию; и мы должны только тогда приступать к делу, когда мы, в общем, хорошо настроены, когда мы не утомлены и здоровы, когда мы находимся в надлежащих условиях и свободны от внешнего беспокойства и озабоченности. Если не выполнены эти правила, то не поможет никакое количество экспериментов. В психологической лаборатории наблюдатель находится в самых благоприятных внешних условиях, какие только возможны; рабочая комната обставлена и устроена так, что можно повторять наблюдения, что наблюдаемый процесс может отчетливо выступить на фоне сознания; и, наконец, в этих условиях можно видоизменять факторы процесса каждый в отдельности. Но все старания будут напрасны, если наблюдатель не проникнется внутренне своей задачей, не отдаст ей своего полного внимания, не будет в состоянии точно изложить словами свои переживания.

Область психологии

Если душа есть совокупность человеческого опыта, рассматриваемого с точки зрения его зависимости от познающего индивидуума, тогда каждый из нас может непосредственно знать только одну душу, а именно свою собственную. В психологии мы имеем дело с целым миром человеческого опыта, но только с точки зрения зависимости, пока этот мир опыта обусловлен нервной системой; а нервная система есть единичная вещь, которая принадлежит только одному индивидууму. Строго говоря, поэтому непосредственно известна каждому только собственная душа, непосредственно известен только опыт в зависимости от собственной нервной системы; только к этому ограниченному и индивидуальному предмету можно непосредственно применить метод экспериментального самонаблюдения. Как же, в таком случае, возможна научная психология? Как же может быть психология чем-нибудь иным, как ни группой индивидуальных убеждений и мнений?

Трудность эта скорее кажущаяся, чем действительная. Мы имеем полное основание допустить, что не только, в общем, другие люди имеют душу, как и мы, т.е. что они подобно нам способны познавать опыт с точки зрения зависимости, но что и в частностях отдельные человеческие души так же подобны друг другу, как и человеческие тела. В пределах расы ясно выступает много различий внешней формы: различия роста и фигуры, цвета волос и глаз, очертаний носа и рта. Мы замечаем эти различия, так как в обыкновенной жизни нам приходится отличать друг от друга людей, с которыми мы имеем общение. Но черты сходства здесь значительнее, чем черты различия. Если мы прибегнем к помощи точных измерений, то найдем, что в каждом случае существует известная норма, или известный тип, с которым в большей или меньшей степени согласуется индивидуум и около которого группируются все индивидуумы с большим или меньшим приближением к нему. Даже и без измерений можно привести доказательства в пользу этого факта: посторонние замечают такие черты фамильного сходства, которых сами члены семьи не могут открыть; и отдельные индивидуумы в толпе чужеземцев, китайцы или негры, до того похожи друг на друга, что их легко смешивают.

Все наши главные социальные установления покоятся на предположении, что индивидуумы, из которых составляется общество, имеют душу, и что эта душа у всех одинакова. Язык, религия, право и обычаи — все покоится на этом предположении, и все свидетельствует о его верности. Разве станет кто-нибудь изобретать язык, чтобы говорить с самим собою? Язык предполагает, что существует больше, чем одна душа. И возможно ли употребление общего языка, если души несходны друг с другом по существу? Люди различаются в умении говорить так же, как и в телосложении или в предрасположении к болезням; но всеобщее употребление языка свидетельствует о существенном сходстве духовной структуры у всех нас.

В виду этого психолог имеет право быть уверенным в том, что другие люди имеют душу такого же рода, как и он сам, и основывать психологию на показаниях самонаблюдения, которые получены от различных наблюдателей. Содержание этих показаний действительно подтверждает как раз то, чего мы должны были от них ожидать: согласие в главном и большая разница в частностях; психические различия группируются около одного центрального типа или одной центральной нормы, как мы это заметили уже для физических различий.

Но если мы приписываем душу другим людям, то не имеем никакого права отказать в ней и высшим животным. Эти животные снабжены нервной системой, которая в принципе так же устроена, как и наша нервная система, и их поведение и поступки в тех условиях, которые у нас вызвали бы известные чувства, часто свидетельствуют совершенно определенно, по-видимому, о подобных же чувствах и у них. Несомненно, нам придется признать наличность души у высших позвоночных животных, млекопитающих и птиц. Да и низшие позвоночные животные, рыбы, рептилии и амфибии, обладают нервной системой такого же рода, хотя и проще устроенной. И многие из беспозвоночных, насекомые, пауки и ракообразные животные, обнаруживают достаточно развитую нервную систему. Действительно, трудно определить границу духовной жизни у животных, которые обладают только зачатками нервной системы, так как живые существа, которые стоят на еще более низких ступенях органического мира, и без нервной системы практически производят то же самое, что более высокоразвитые существа производят с помощью нервной системы. Царство духа, следовательно, совпадает, по-видимому, с царством животной жизни.

С другой стороны, растения, по-видимому, неодушевленны. Некоторые из них снабжены приспособлениями, которые можно назвать органами чувств, т.е. дифференцированными органами для реакции на определенного рода раздражения: на давление, толчок, свет и так далее. Устройство этих органов аналогично устройству органов чувств у низших животных организмов; так, нашли «глаза растений», которые довольно похожи на примитивный глаз животного и которые могли бы доставлять ощущение света, если бы они принадлежали животным: так что развитие мира растений, очевидно, подчиняется тем же всеобщим законам приспособления к окружающей среде, которые оказывают свое действие в царстве животных. Но мы не имеем веских доказательств, говорящих в пользу наличности сознания у растений.

Как область психологии, наряду с человеком, обнимает и животных, так, наряду с индивидуальным человеком, она обнимает и группы людей, общества. Предметом психологии является человеческий опыт, рассматриваемый в зависимости от индивидуума. Но так как индивидуумы одной и той же расы и эпохи во многом организованы одинаково, и так как они живут в одном обществе, так что между их поведением и поведением других людей происходит постоянное взаимодействие, то их представление об опыте с точки зрения зави-

симости в известных основных чертах становится общераспространенным или общим. И это общераспространенное представление воплощается в тех социальных установлениях, на которые мы указывали выше — в языке, религии, праве и обычаях. Ничего вроде коллективной, народной или социальной души не существует, если мы под душой понимаем некоторую нематериальную сущность; но коллективная душа существует, если мы понимаем под нею совокупность человеческого опыта, рассматриваемого в зависимости от социальной группы похожих друг на друга индивидуумов. Исследование коллективной души приводит нас к психологии языка, мифов, обычаев и так далее; оно приводит также к дифференциальной психологии латинской души, англосаксонской, восточной и так далее.

Но это еще не все: область психологии обнимает, наряду с нормальной, также и ненормальную духовную жизнь. Жизнь, как мы знаем, не всегда бывает совершенно нормальной жизнью. Живой организм может обнаруживать дефекты, отсутствие какого-нибудь члена или какого-нибудь органа чувств; у него бывают расстройства и болезни, быстро преходящие, и длительные отклонения от здорового состояния. То же бывает и с душой. Сознание тех, кто от рождения глух или слеп, имеет дефект; ему недостает известных ощущений и представлений, которыми располагает нормальное сознание. В сновидениях и в состояниях гипноза, при отравлении, в состояниях, наступающих после долгой бессонницы или сильного утомления какого-нибудь рода, мы имеем примеры быстро преходящих душевных расстройств. А различные формы душевных болезней — *mania, melancholia, dementia*[1] — представляют собой формы длительных душевных расстройств.

Расстройства социальной души можно наблюдать на различных паниках, пристрастиях, эпидемиях спекуляций, ложных верованиях и так далее; все эти явления встречаются время от времени даже среди очень высоко цивилизованных обществ. Сознание черни относится к здоровому сознанию общества почти так же, как жизнь в грезах к действительной жизни. Длительное расстройство социальной души указывает на разложение общества. <...>

Применение аналогии в психологии

Мы пришли к заключению, что психолог может выйти за пределы познания своей собственной души. Хотя непосредственно он может применить метод экспериментального самонаблюдения единственно к своей душе, но косвенно он может применить его к какому угодно числу других душ. Психология основывается на самонаблюдении большого числа опытных наблюдателей.

---

[1] *Mania* (*мания*) — состояние болезненно-повышенного возбуждения; *melancholia* (*меланхолия*) — подавленное, угнетенное состояние; *dementia* (*деменция*) — приобретенное слабоумие. —*Ред.-сост.*

Но мы пошли много дальше. Мы говорили о психологии животных, о социальной психологии и о психологии ненормальных душевных состояний. Какой же метод следует применять к этим отраслям психологии? Животных, общество или душевнобольного мы не можем же спрашивать о данных их самонаблюдения!

Но в известном смысле мы это все-таки делаем. Напомним еще раз о том, что наблюдение предъявляет два требования: внимательно следить за ходом явлений и описывать их. Мы сами описываем свои переживания для целей психологии при помощи речи. Эта форма описания имеет большие преимущества: она гибка, так как мы имеем в своем распоряжении большой запас выражений; она постоянна, так как напечатанные или записанные показания можно долго сохранять; она общедоступна, так как мы пользуемся речью постоянно и в обыденной жизни. Но все же язык не является единственным средством выражения внутренних переживаний. С точки зрения физики, он представляет собой комплекс физических процессов: произносимые выражения представляют собой движения гортани, а записываемые — движения руки: эти движения принадлежат к классу движений, которые мы называем выразительными движениями. И мы можем выразить свои мысли не только устной или письменной речью, но и выражением лица или пожиманием плеч.

Психолог заключает по аналогии, что все, применимое к нему, применимо в принципе и к животному, к обществу и к душевнобольному. Он делает вывод, что движения животного, в громадном большинстве, суть выразительные движения, что они выражают душевные процессы животного или дают знать о них. Поэтому он старается, насколько это только возможно, поставить себя на место животного, найти условия, при которых его собственные выразительные движения были бы, в общем, того же рода; и затем он старается воссоздать сознание животного по свойствам своего человеческого сознания, постоянно имея в виду степень развития нервной системы у животного. Он обращается к помощи эксперимента и ставит животное в условия, которые допускают повторение, изолирование и видоизменение известных типических движений и поведения вообще. Животное, таким образом, принуждают, так сказать, к наблюдению, к самонаблюдению; оно внимательно следит за известными раздражениями и регистрирует свой опыт посредством выразительных движений. Естественно, что это не будет научным наблюдением; наука предполагает, как мы сказали [выше], определенное отношение к миру опыта и состоит в описании этого мира, как он представляется ей с определенной точки зрения. Тем не менее, это все же наблюдение и, как таковое, оно дает науке сырой материал. Психолог перерабатывает этот сырой материал; он наблюдает выразительные движения и регистрирует душевные процессы животного при свете собственного самонаблюдения. <...>

О социальной психологии можно сказать то же самое, что и об исследовании душевной жизни животного. Совместное самонаблюдение социальной группы мы находим выраженным в формах языка, в обычаях и праве, в мифах

и религии. Общество наблюдало само себя и результаты своего самонаблюдения оно запечатлело в этих различных установлениях. Очевидно, что для психолога невозможно непосредственно подвергать экспериментам социальную душу. Поэтому очень благоприятным обстоятельством нужно считать то, что для него сама природа произвела эти эксперименты. Сравнивая языки, обычаи и так далее различного типа человеческих обществ на различных стадиях человеческого развития, он может повторять свои наблюдения, изолировать и видоизменять их; история оборудовала ему лабораторию социальной психологии. <...>

Для исследования болезненных душевных состояний мы имеем прежде всего показания и поведение душевнобольных. Мы имеем также преимущества эксперимента. Больных, помещенных в клинику, можно подвергнуть систематическому исследованию, которое позволит нам заглянуть в их душевную жизнь. До сих пор эта отрасль психологии еще мало разработана, так как мы скорее призваны оберегать и по возможности лечить душевнобольных, чем описывать их сознание. А между тем, известные формы душевных болезней представляют для психологии большой интерес, и мы можем с уверенностью ожидать в ближайшем будущем удовлетворения этого интереса.

После всего этого не кажется уже более столь нелепым, как это казалось на первый взгляд, что от животного, от общества, от душевнобольных мы требуем данных самонаблюдения. Все трое могут внимательно следить за явлениями, все трое могут дать знать об их внутреннем опыте. Это наблюдение, по-видимому, отрывочно, случайно и беспорядочно, а регистрация поверхностна, неопределенна и неполна; таким образом, мы во всех трех случаях принуждены прибегать к аналогии с нашим собственным сознанием. Другими словами, вполне возможно при помощи психологического метода разработать психологию животных, общества и душевнобольных; но это очень трудно: психолог постоянно подвергается опасности неверных истолкований. Но и здесь, как и в других областях, развивающаяся наука сама себя контролирует. Раньше или позже ложные гипотезы исчезают перед вновь открытыми фактами. <...>

Свойства положения сознания

С начала XX в. главный интерес экспериментальной психологии сосредоточивается на области мышления. И случайным результатом попытки анализировать процессы мышления было открытие «положений сознания». Что касается точного определения психологических свойств положения сознания, то оно является еще делом будущего. Положения сознания характеризуются как непостоянные мимолетные процессы, которые заключают в себе, как в ореховой скорлупе, все значение объективного соотношения. Они имеют то господствующий эмоциональный, то господствующий интеллектуальный характер. Они обозначаются или одним словом, как «сомнение», «колебание», «неспособ-

ность», или целым предложением, как «уверенность, что деление может быть произведено без остатка», «воспоминание, что мы обо всем заранее переговорили и не могли прийти ни к какому решению». Если читатель теперь попробует вызвать у себя состояние сознания этого рода — сознание полной неспособности при опыте понять сложное доказательство или сознание, что 243 делится без остатка на 27, тогда он уяснит себе свойства положения сознания, несоответствие между логическим значением и психологическим содержанием его и вытекающие отсюда трудности анализа.

Невозможно перечислить все положения сознания, во-первых, потому что значение отдельных понятий еще не зафиксировано; такие выражения как «сомнение, желание, неуверенность», часто употребляются в различных значениях; во-вторых, и прежде всего, потому что, по-видимому, нет никакого сложного содержания сознания, которое не могло бы появиться в виде положения сознания. Под эгидой положения сознания мы можем иметь сознание того, что нечто действительно существует, что это нечто долго продолжается, что оно быстрее проходит, чем мы этого ожидали, что оно то же самое, что и раньше; что оно несовместимо с чем-нибудь другим, что оно имеет полный смысл, что оно ново, что оно просится у нас на язык, что оно будет трудным, что мы его не употребляем, что мы не готовы к нему, что мы можем его создать, если только приложим к этому усилия; что мы нечто взяли из этого и так далее. Или, с эмоциональной стороны, мы можем иметь сознание, что мы нечто одобряем или же держимся другого мнения, что мы подвергаемся испытанию, что все это очень обыкновенно, что мы, во всяком случае, сами виноваты; что мы могли бы поклясться в том, что это нас интересует больше, чем все другое; что никто не имеет права так с нами поступать и так далее. Такое перечисление могло бы быть на самом деле окончено только в том случае, если бы мы исчерпали все богатство языка в нашем лексиконе возможных положений сознания.

Когда внезапно появились описания положений сознания как результат субъективных наблюдений при опытах в лаборатории, то эти психические образования были охарактеризованы как непроанализированные комплексы душевных переживаний, и исследователи полагали, что положения сознания, которые при данных условиях не поддавались анализу, которые пока просто приходилось называть и признавать, при более благоприятных условиях могли бы быть разложены на знакомые элементарные процессы — на ощущения, образы и чувства. Но главный интерес позднейших исследований сосредоточивался на механизме мышления, суждения и умозаключения, поэтому положения сознания не подвергались, как таковые, специальному исследованию. При недостатке специального анализа и в виду постоянно увеличивающегося ряда отличающихся друг от друга положений сознания получилось впечатление, что эти последние субъективно неразложимы. Некоторые психологи определенно утверждают, что существуют «сознанности» (*awarenesses*) значения или сознанности отношения, которых нельзя свести к более простым составным частям; их приходится признать лишенными конкретности и нагляднос-

ти составными частями высших душевных процессов. Автор, наоборот, держится того мнения, что положения сознания, поскольку они вообще сознаются, всегда доступны анализу. <...>

Мнимый элементарный процесс мышления

Описательная психология мышления должна в аналитической форме излагать наши переживания во время процесса мышления. И если описание желает быть научным, описываемое им мышление должно быть изучено при экспериментальных условиях. Мы должны вызвать у наших наблюдателей мышление, действительное и серьезное мышление, и должны быть в состоянии вызывать его сколько угодно раз, видоизменять условия и формы этого мышления и исключать побочные влияния. Как можно достигнуть этого?

До сих пор это еще не вполне достигнуто. Но первый опыт этого рода был сделан при помощи сильно измененной формы опыта с реакцией. Руководители опытов читают наблюдателю изречение, афоризм или сентенцию или предлагают ему вопрос, который не выходит из круга его понятий. На вопрос наблюдатель должен ответить «да» или «нет», а изречение предлагается в виде вопроса таким образом, что ему предшествуют выражения: «Правда ли это? Понимаете ли Вы?» В тот момент, когда предлагают вопрос, приводят в действие часы с механизмом для остановки по желанию, и при ответе наблюдателя их останавливают; протекшее время служит приблизительным мерилом трудности задачи. После того, как наблюдатель дал ответ, он старается с возможной точностью описать все, что он переживал во время опыта. Достаточно будет одного примера.

> «Правда ли это? Каждому воздать свое, это значило бы хотеть справедливости и завершить хаос. — Да». — Сначала особенная стадия размышления с фиксацией поверхности передо мною. Повторение выражения с особенным ударением на начальных и конечных словах предложения. Склонность согласиться с утверждением. Затем мне внезапно пришла на мысль критика альтруизма, данная Спенсером, вместе с мыслью, которую особенно выдвигает Спенсер, что альтруизм не может быть осуществлен. После этого я сказал: «Да». Никаких представлений, кроме слова «Спенсер», которое я сказал себе самому.

Ясно, что опыт такого рода, если он производится тщательно и с пониманием дела, не слишком отклоняется от нашего определения экспериментального метода. Но ясно видны и его недостатки. В указанном примере мы находим значительные отрывки внутренней речи, повторение возбудителя и единственное слово «Спенсер». Мы находим также сообщение об особенной стадии размышления и о тенденции согласиться с утверждением. Так как мы не можем впоследствии ввести в опыт возбудители, которые дали бы наблюдателю возможность ближе исследовать это размышление и эту склонность, то

мы очевидно подвергаемся опасности принять за субъективно неразложимые те переживания, которые при восприятии с полным вниманием мы приняли бы за сложные.

До сих пор для устранения этого присущего методу недостатка не изыскано никаких средств. Просто собраны показания самонаблюдения и изложенные в них процессы распределены по классам в виде таких же общих понятий, как представления, чувства положения сознания и процессы, которые называются иногда сознанностью, иногда знанием, иногда «сознанием того, что», а чаще всего мыслями. Из этого сделали вывод, что знание, сознанность означает новое многообразие состояний сознания, которое охватывает все разнообразие мыслей подобно тому, как ощущение охватывает разнообразие отдельных ощущений, и что мысли в сознании могут появиться без малейшего заметного следа представлений. Существует, следовательно, элементарный процесс мысли.

Несомненно, этот вывод слишком смел в виду ограниченного круга фактов, на которые он опирается. При настоящем положении вещей мы имеем право по меньшей мере отложить решение этого вопроса. Ведь никто не имеет оснований принять какой-нибудь процесс за субъективно неразложимый, пока не будет установлено, что он и при самых благоприятных для анализа условиях упорно не поддается такому анализу, а таких условий этот метод, как он применялся до сих пор, еще не достиг. В действительности же можно идти еще дальше. Следующее сообщение одного из наблюдателей, а именно, опытного психолога, открывает нам свободу суждения. Он пишет следующее:

> За ходом исследования, в котором я должен был принимать участие в качестве наблюдателя, я следил с напряженным интересом. И я пришел к несколько неожиданному выводу, который совершенно изменил мое мнение о лучшем методе производства экспериментов над мыслями. С каждым наблюдением у меня все больше и больше укреплялось впечатление, которое я тогда не мог только ясно формулировать, что мое сообщение представляет собой лишь несколько видоизмененную словесную фиксацию мыслей, вызванных у меня руководителем опытов, и что эту словесную фиксацию собственно нельзя рассматривать как психологическое описание мыслей. То, что я обозначаю этим противопоставлением словесного выражения и психологического описания, станет может быть яснее, если я сравню его с таким случаем, когда психологически необразованный человек, желая поделиться мыслями со своим другом, станет сообщать ему о данных своего субъективного наблюдения; ведь в этом случае словесное выражение и психологическое описание до известной степени будут отличаться друг от друга.

Сущность этого различия совершенно ясна. Если мы обмениваемся мыслями во время обыкновенного разговора, мы обозначаем предмет нашего представления и даем знать, что мы о нем думаем; мы говорим о погоде, о политике, о хозяйстве, и каждый понимает это в одном и том же смысле; мы не имеем

ни малейшей склонности или повода переходить от содержания мысли к психологическому носителю этого содержания и интересоваться тем, например, что мысль нашего друга имеет формы внутреннего произношения, зрительных образов или положений сознания. Но этот вопрос о психическом материале, из которого состоит мысль, и есть именно тот вопрос, на который должна ответить описательная психология мышления.

Так, наблюдатели при рассматриваемом нами исследовании шли по тому единственному пути, который оставался для них открытым. Они добросовестно следили за тем, чтобы не оставить без внимания ни одного процесса, который будет протекать в их сознании. Мысли появлялись, и их отмечали; но они протекали слишком быстро для того, чтобы их можно было тщательно наблюдать, и обозначались, поэтому, как «мысли» и «сознания того, что». Этим не только не доказано, что эти мысли были элементарными процессами, но даже дано положительное доказательство того, что они не носили элементарного характера.

Э.Б. Титченер

[О самонаблюдении]*

Метод исследования ощущений

Каждая наука имеет дело со своим собственным специальным материалом и, следовательно, обладает своими особыми методами для разработки этого материала с целью нахождения фактов и законов. Физика и химия следуют «физическому» и «химическому» методу: изучающий эти науки не может делать успехов ни в одной из них, пока не научится, *как* надо работать, т.е. пока не поймет значения метода. Специальный метод, употребляемый психологией, сводится к интроспекции, т.е. к внутреннему рассмотрению или к самонаблюдению. Мы «всматриваемся» в душу, причем каждый рассматривает свою собственную душу, или же мы наблюдаем самих себя, чтобы видеть, какого рода процессы происходят одновременно, и как они влияют друг на друга.

Однако этого «рассматривания» своей души или наблюдения за своими собственными душевными процессами нельзя понимать буквально, как будто сознание есть нечто одно, существующее само по себе, а «я», т.е наблюдающее лицо, может стоять отдельно и смотреть извне на совершающееся явление. «Я», наблюдение и наблюдаемое сознательное явление — все это сознательные процессы; так что когда «я наблюдаю самого себя», то в сознание данного момента вводится новый ряд процессов.

Но это введение новых процессов должно, по-видимому, вызывать перемену в том явлении, которое мы собираемся наблюдать. Необходимо, однако, сохранить это явление неизменным, и метод исследования, неминуемо меняющий наблюдаемые факты, не может считаться особенно удобным. Прямое рассмотрение — наблюдение за процессом, еще совершающимся, действительно никуда не годится; такое наблюдение разрушает свой собственный предмет.

Положим например, что я с наслаждением слушаю юмористический рассказ или музыкальное сочинение, и вдруг (вспомнив, что я интересуюсь пси-

---

* *Титченер Э.Б.* Очерки психологии. СПб., 1898. С. 25—32.

хологией) спрошу себя, в чем состоит мое наслаждение, и из каких душевных процессов оно образуется. Но ответить на это мне не удается, так как сама постановка вопроса значительно изменила мое сознание. Я не могу в одно и то же время наслаждаться и исследовать мое наслаждение.

Но психологическое исследование не состоит в старании проследить процесс еще продолжающийся. Правило для разбора явлений, происходящих в сфере ощущения, состоит в следующем: *Будь насколько возможно внимателен к предмету или процессу, вызывающему ощущение, и когда предмет удален или процесс окончен, то вызови ощущение посредством воспоминания насколько возможно живо и полно.*

Предмет или процесс, вызывающий ощущение, называется *стимулом* этого ощущения. Если мы обращаем внимание на стимул, то ощущение становится яснее и занимает более прочное место в сознании, чем могло бы завоевать само по себе. Отсюда следует, что мы можем лучше всего наблюдать те ощущения, к стимулам которых мы были особенно внимательны. Мы должны избегать всякого вмешательства в деятельность сознания, откладывая наше наблюдение данного душевного процесса до тех пор, пока он не завершится и пока стимул, вызвавший его, не перестанет действовать на нас. Затем мы снова вызываем этот процесс, рассматриваем его со всех точек зрения и рассекаем его. Внутреннее рассмотрение должно быть исследованием *post mortem* (т.е. после смерти).

Сравнение может помочь нам выяснить значение этого правила. Мы можем сравнить сознание, на которое действует стимул, с воском, а сам стимул — с печатью, надавливаемой на воск. Внимание подготавливает душу к восприятию впечатления, как нагревание подготавливает воск к наложению на него печати; и чем мы внимательнее к стимулу, тем сильнее впечатление, производимое им на нас. После нажима печати воск твердеет: мы можем вновь вызвать ощущение, исследовать его, наметить пройденный им путь и т.д., точно так же, как можем поднести застывший воск к свету, разглядеть рисунок, заметить все трещинки на воске и т.д., так как это невозможно сделать, пока воск еще мягок и когда печать на него действует особенно сильно.

Но можно возразить, что подобное рассмотрение не может дать особенно надежных результатов. Каждая отдельная личность может прилагать этот метод только к своему собственному сознанию; и все мы знаем, как легко одному наблюдателю впасть в ошибку, и как необходимо иметь больше одного свидетеля чтобы прочно установить какой-нибудь факт. Нет никакой гарантии, что другие лица придут к тому же заключению после исследования своего сознания; нет также средств для сравнения заключения различных индивидуумов при сходных обстоятельствах.

На первое возражение отвечать нечего. Хотя мы не можем прилагать метода внутреннего рассмотрения ни к какому другому сознанию, кроме своего собственного, но мы можем устроить так, чтобы другие индивидуумы могли явиться свидетелями фактов, наблюденных нами самими. Этой цели мы достигнем, употребляя указанный метод при экспериментальных условиях.

Эксперимент есть опыт, испытание или наблюдение, тщательно произведенное при известных специальных условиях; цель этих условий — 1) сделать возможным для всякого, кто пожелает, ***повторение*** опыта, производя его совершенно таким же образом, как он был произведен раньше, и 2) помочь наблюдателю удалить на время наблюдения всякого рода мешающие влияния и таким образом получить желаемый результат в чистой форме. Если мы точно укажем, как мы работали, то другие исследователи могут пройти чрез те же процессы и судить о правильности или неправильности нашего заключения; и если мы будем работать в подходящем месте, употребляя надлежащие инструменты, без поспешности и без перерывов, остерегаясь всяких чуждых нашему предмету влияний, могущих значительно видоизменить наше наблюдение, то можем быть уверены, что получим «чистые» результаты, — результаты, непосредственно вытекающие из созданных нами условий и не обязанные своим возникновением каким бы то ни было непредвиденным и неурегулированным причинам. Опыт таким образом обеспечивает точность наблюдения и связь всякого результата с вызывающими его условиями; в то же время он дает возможность наблюдателям всего мира совместно работать над одной и той же психологической проблемой.

Психологической опыт не отличается существенным образом от опытов других наук — физики, физиологии и т.д. Одно только упомянутое уже различие всегда остается налицо: в то время, как новооткрытое насекомое или редкий минерал возможно уложить в коробку и переслать от одного наблюдателя к другому в отдаленную страну, — психолог никогда не может подобным же образом предоставить свое сознание на рассмотрение другого психолога. Но это различие не имеет существенного значения: оно не касается характера и отправления самого опыта, не мешает точности психологических результатов, не мешает и совместным психологическим исследованиям.

Правило экспериментального исследования таково: ***надо ставить такие условия, чтобы производящий опыт был как можно менее доступен внешнему влиянию; надо устремить свое внимание на стимул и, уделив его, вновь вызвать в душе воспоминание об ощущении. Затем надо выразить словами процессы, составляющие ваше сознание стимула.*** Описание условий должно быть сделано лицом, помогающим при опыте, создавшим для вас условия, при которых опыт производится. Его описание условий и ваше описание опыта представят собой данные, с которыми могут при своих работах сообразоваться другие психологи.

Какова бы ни была форма интроспективного метода, но она требует участия памяти. Поэтому нужно как можно лучше работать памятью; промежуток времени между опытом и описанием его не должен быть настолько краток, чтобы память не извлекла возможность восстановить опыта, и не настолько длинен, чтобы испытанное ощущение поблекло или смешалось с другими ощущениями. В своей экспериментальной форме интроспекция требует, далее, ***точности выражений.*** Термины, которыми описывается то, что мы испытываем, должны быть определенны, ясны и конкретны. Сознательный процесс подобен

фреске, написанной крупными мазками красок, со всевозможными посредствующими световыми и теневыми пространствами; слова же — это маленькие кусочки камней, из которых составляется мозаика. Если мы хотим изобразить картину с помощью мозаики, то должны следить за тем, чтобы наши камешки были маленькие, и притом всевозможных цветов и оттенков. Иначе наше изображение не будет очень похоже на оригинал.

Интроспекция — единственный метод, которым мы можем исследовать факты и законы ощущения. Мы можем плохо пользоваться этим методом, наблюдая, например, за ощущением, пока оно еще продолжается: мы можем применять этот метод несовершенным образом, употребляя его при меняющихся условиях, или давая неполный отчет о том, что мы испытали, или работая в такое время, когда память утомлена, и можем пользоваться этим методом правильно, при экспериментальных условиях и с надлежащею осторожностью. Но, как бы мы его ни прилагали, это единственный метод, которому мы можем следовать.

Когда мы переходим от первой и второй части к третьей части задачи психологии, — когда мы задаем себе вопрос не о том, каковы обнаруживаемые интроспекцией факты и законы ощущения, а о том, каковы телесные процессы, сопровождающие процессы ощущения, то мы должны принять во внимание деятельность тела, о которой трактуют физиологи и биологи, достигшие своих знаний благодаря методам, свойственным физиологии и психологии. Соединение физиологических и психологических методов для психофизических целей привело к созданию известного количества «психофизических методов». < ...>

Общие правила для исследования ощущений

«Экспериментальные условия», необходимые для того, чтобы придать научное значение результатам самонаблюдения, разумеется, различны при различных ощущениях. Правила, применяемые к чувству зрения, не годятся для чувства слуха, если не подвергнутся известным изменениям. Но есть известные условия, которые всегда должны быть соблюдены, с какими бы ощущениями мы ни имели дело; или, взглянув на наш предмет с другой стороны, мы всегда можем впасть в известные ошибки, которых нам постоянно следует остерегаться.

1. При интроспекции или самонаблюдении мы должны быть совершенно *беспристрастны,* совершенно свободны от предрассудков. Мы не должны руководиться никакими предвзятыми мнениями. Мы склонны думать, что, по всей вероятности, известное явление произойдет, или же можем пожелать, чтобы у нас получился данный уже результат для подтверждения заранее составленного нами мнения. И в том, и в другом случае мы находимся в опасности сделать ложное наблюдение. Мы должны быть готовы принять факты такими, как они есть.

Беспристрастие есть необходимое условие всякого научного наблюдения. Мы наблюдаем потому, что нас интересует результат наблюдения; какой-нибудь случай навел нас на объяснение известных явлений, и нам интересно произвести систематический опыт, чтобы убедиться, правильно ли наше объяснение. Опытный наблюдатель, психолог, физик и т.д., может сразу определить, чего стоит данное предположение; он не позволит ему оказывать влияние на его наблюдение. Но начинающий крайне склонен поддаться предвзятому мнению и видеть не то, что есть, а то, чего он ожидает или желает.

Но при психологических исследованиях беспристрастие особенно трудно. В большей части наук опасность быть пристрастным угрожает лишь после того, как некоторые случайные наблюдения внушили какое-нибудь мнение. В психологии животных и ребенка наклонность к подтверждению предвзятого мнения может существовать прежде, чем произведены какие бы то ни было наблюдения, и все наблюдения, начиная с первого, страдают от этого. Мать и нянька находят признаки ума в ребенке, когда беспристрастный наблюдатель не увидит ничего подобного; и любители животных рассказывают удивительные истории про ум своих любимцев. В психологии взрослого человека предвзятые мнения могут также предшествовать наблюдению. От психолога требуется известная решительность и ровность настроения, нравственное упорство и равновесие. Вредно может быть не только горячее желание, вызывающее веру: эта опасность точно так же грозит химику, как и психологу. Более важное значение имеет то, что предметы исследования психолога внутренне неуловимы, что их исследование требует быстроты и точности, и что наблюдатель должен позабыть все общественные отношения и принять совершенно независимое положение по отношению к фактам, которые, по крайней мере отчасти, создаются им самим. Многие люди слишком снисходительны, слишком поддаются влиянию рассудка (давая возможность рассуждениям об опыте заменять самый опыт), слишком впечатлительны и т. д., чтобы быть беспристрастными.

Для того, чтобы установить факты, мы должны быть свободны от всяких предвзятых взглядов; мы должны иметь общий интерес к предмету, но не желать во что бы то ни стало достигнуть известного результата.

2. При самонаблюдении мы должны управлять нашим *вниманием*. Внимание не должно ни рассеиваться, ни блуждать.

Причины этого правила приведены выше. Чем с большим вниманием мы наблюдаем какой-нибудь случай, тем более точно и продолжительно наше воспоминание о нем.

Начинающему трудно контролировать свое внимание. Во-первых, опыт не научил его, на что именно ему следует обратить внимание, и потому он склонен развлекаться случайными и посторонними стимулами. Когда же это затруднение устранено, то все-таки можно опасаться, что внимание будет рассеиваться или блуждать. Наблюдатель будет иметь возможность прерывать свое самонаблюдение и задавать себе вопрос, исполняет ли он предписания, достаточно ли напряжено его внимание, каково значение того или другого условия

опыта и т. д. Единственным средством для устранения этих ошибок является практика; и даже практика не может обеспечить сосредоточение внимания на одном предмете, если наблюдение длится слишком долго.

3. При самонаблюдении тело и душа должны быть *свежи*.

Утомление и изнеможение не дают возможности сосредоточить на чем-нибудь внимание. Мы не можем быть внимательны, когда нас одолевает дремота, или когда мы доработались до того, что мускулы наши становятся неподвижными от боли. А если нет внимания, то не может быть и речи о самонаблюдении.

Из этого следует, что лучше всего мы можем делать наблюдения над самими собой по утрам; или же, если утренние часы оказываются почему-нибудь неудобными, то после полудня, когда человек успел освежиться умеренным движением. Не следует заниматься самонаблюдением тотчас после еды, т.е. в такое время, когда нас естественно клонит ко сну. Отсюда следует также, 1) что, если психологическое наблюдение обещает быть продолжительным, то лучше в течение многих дней работать над ним понемногу, чем сделать его быстро и чем подолгу сидеть над ним в течение нескольких дней, и 2) что надо работать ежедневно в один и тот же час. Первое правило не даст нам утомиться в один сеанс; второе сохраняет состояние свежести и утомления неизменным каждый день.

4. При самонаблюдении наше *общее состояние,* как физическое, так и душевное, должно быть благоприятным. Мы должны чувствовать себя хорошо, приятно, быть в хорошем настроении и с интересом относиться к своему предмету.

Всякое физическое или душевное расстройство мешает самонаблюдению: одышка, насморк, слишком теплая комната, напряженное положение тела (как, например, в том случае, когда наблюдатель сидит на низком стуле у высокого стола), или раздражение по тому поводу, что приходится работать в данное время, самомнение, нервность (боязнь, правильно ли мы совершаем работу, правильно ли работает наш сосед и т.д.), нетерпение, сомнение в необходимости данного опыта, неприязнь к тем, с которыми приходится производить опыт, равнодушие, происходящее от частого повторения известного опыта и пренебрежение к нему вследствие слишком близкого знакомства с его условиями, и т. д. Трудно быть уверенным, что наши результаты получены при самом благоприятном физическом и душевном состоянии; но никакие другие результаты не могут иметь действительного значения.

Вот важнейшие общие правила, которым надо следовать при самонаблюдении. Можем ли мы иметь полную уверенность, что соблюли их?

Даже когда мы думаем, что приняли всевозможные предосторожности, то часто случается, что некоторые из необходимых условий остаются невыполненными. Как бы благоприятно ни было общее состояние души и тела, как бы опытен ни был наблюдатель, но всегда может произойти незаметное колебание внимания, или неподозреваемое влияние предвзятого мнения. Поэтому, хотя

во многих случаях мы имеем основание надеяться на получение совершенно правильных результатов, но не можем быть уверены в том, что единичный результат какого-нибудь одного опыта совершенно свободен от ошибок. Есть, однако, один метод, употребляемый как в науке, так и в практической жизни и помогающий нам установить известную меру или норму, с которой могут быть сравниваемы все отдельные результаты при всевозможных меняющихся обстоятельствах: это метод средних выводов — мы производим множество наблюдений и берем то, что они дают в среднем. Этот средний результат не представит наблюдателя в самом лучшем свете, но укажет на нормальное или среднее проявление, какого можно ожидать от данного лица при условиях настолько благоприятных, насколько они возможны в человеческой природе. Среднее данное находится между результатом, полученным при абсолютно благоприятных условиях и при условиях не вполне благоприятных. Чем опытнее наблюдатель, чем более он беспристрастен, чем лучше общее его состояние, тем средний вывод будет ближе к идеальному результату.

Метод средних выводов всегда употребляется при психологических опытах. Нередко средний вывод бывает чрезвычайно близок к идеальному результату благодаря тому, что ошибки отдельных экспериментов при среднем выводе взаимно уничтожаются, причем количество положительных и отрицательных сторон опыта уравновешивается.

Г.И. Челпанов

[Метод систематической интроспекции]*

В недавнее время эксперимент получил неожиданное применение в исследовании ***высших*** умственных процессов (суждения, умозаключения, мышления понятий, вообще процесса мышления); говорю «неожиданное», потому что раньше неоднократно высказывалось убеждение, что эксперимент может применяться только к элементарным психическим процессам. Экспериментальные приемы исследования высших умственных процессов вызвали возражение со стороны такого выдающегося психолога, как Вундт[1]. Поэтому чрезвычайно важно определить, какое место в психологии занимают эти исследования, являются ли они, как эксперименты, заслуживающими внимания.

Но в чем заключаются исследования высших умственных процессов? Поясню при помощи примера. Я желаю, например, изучить природу процесса, называемого *суждением*. Если бы я захотел исследовать этот процесс по прежнему способу [т.е. методом аналитической интроспекции. — *Ред.-сост.*], то я поступил бы так. Я представил бы какой-нибудь процесс суждения, как я его переживаю в своем сознании, затем другой, третий процессы, и на основании этого сделал бы вывод относительно природы суждения вообще. В настоящее время психологи находят, что для разрешения этого вопроса следует в лаборатории производить систематически опрос над другими лицами. Испытуемому субъекту предлагают вопрос, на который он дает ответ в форме суждения, высказанного или невысказанного, в форме «да» или «нет». Другими словами, субъект должен пережить то психическое состояние, которое называется *сознанием суждения*. После того, как он составил суждение, ему предлагают описать, что было в его сознании, когда он составлял суждение или переживал то пси-

---

* *Челпанов Г.И.* Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии. СПб.: Образование, 1913. Сб. 9. С. 31—37.

[1] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. —*Ред.-сост.*

хическое состояние, которое называется созиданием суждения. Если я произведу такого рода эксперимент над одним, другим, третьим, четвертым и так далее субъектами, у меня накопится материал, на основании которого я могу сделать выводы относительно природы суждения. Такого рода опыты впервые начали производиться в вюрцбургской лаборатории профессора Кюльпе[2].

Независимо от Кюльпе, такого же рода экспериментальные исследования процесса мышления производил французский психолог *Бине*[3]; он для этой цели воспользовался очень простым способом. Он задавал своим маленьким дочерям вопросы, на которые они должны были давать ответы, и просил сообщать, что у них есть в сознании, когда они думают о том или ином предмете. Для того чтобы получить представление о том, как он вел эти исследования, я приведу выдержку из его протоколов[4]. Он дает одной дочери своей (Арманд) такую задачу: «Я говорю ей название Ф. Это — имя лица, очень хорошо знакомого, которое прослужило у нас в доме в течение шести или семи лет, и которое мы видим от времени до времени раз пять или шесть в год. Арманд, после некоторых попыток представить себе Ф., оставляет попытку и говорит: “Это суть только мысли, я другого ничего себе не представляю. Я мыслю, что Ф. была здесь (когда она жила у нас в доме), и что она теперь в В., но я не имею никакого образа. Я думала, что я имею образ, но я такого образа не нашла”». Бине произносит слово *tempête* (буря). Его девочка должна сказать, что она себе представляет, когда мыслит понятие, обозначаемое этим словом. Девочка по выполнении этой задачи говорит: «Я ничего себе не представляю. Так как это не есть предмет, то я себе ничего не представляю. На этот раз я сделала усилие, но я образа все-таки не имела». По поводу слова *favorit* (любимец) испытуемая сообщает: «Это мне ничего не говорит. Я совсем ничего не представляю. Я говорю себе, что это обозначает то одну, то другую вещь. Но в то время как я ищу, никакой образ не появляется». Из этих исследований оказалось, что ***есть мысли без образов***. Сам по себе этот вывод представляет огромную важность.

Метод вюрцбургской лаборатории напоминает метод Бинэ с той только разницей, что исследования производились над людьми психологически образованными, приват-доцентами, профессорами, а потому задачи были сложнее, но выводы получились те же самые.

Для того чтобы показать, как производились эти исследования, я возьму выдержку из их протоколов. Руководитель опытов произносит какое-либо предложение; испытуемый должен, выслушав это предложение, сказать, понимает он его или нет. Если понимает, то должен описать то, что он пережил. Вот, например, предложение, которое руководитель читает испытуемому: «Понимаете ли вы следующее предложение: Нужно быть столько же сострадательным,

---

[2] Кюльпе (*Külpe*) Освальд (1862—1915) — немецкий психолог, лидер вюрцбургской школы психологии мышления. — *Ред.-сост.*

[3] Бине (*Binet*) Альфред (1857—1911) — французский психолог. —*Ред.-сост.*

[4] *Binet A.* L'etude experimentale de l'intelligence. 1903. P. 84.

сколько и жестоким, чтобы быть тем или другим». Через 27 с получается ответ «да». Затем испытуемый субъект описывает переживаемое: «Сначала я почувствовал себя беспомощным перед этой фразой, наступило искание, которое носило характер повторного восприятия обеих частей приблизительно так, как если бы я спрашивал, как можно быть жестоким, чтобы быть сострадательным, и наоборот. Внезапно меня осенила мысль, что исключительное положение того или другого понятия исключает само себя, одно с другим тесно связано, одно предполагает другое, то или другое может существовать вследствие контраста. То, что здесь пришлось передать многими словами, в мысли представляло один акт. Тогда все положение осветилось, и я понял его». Таким образом, испытуемый утверждает, что понял мысль в одном акте, а между тем традиционная психология учит, что здесь должно быть много процессов. Этот результат представляет, несомненно, огромную важность еще в том отношении, что доказывает возможность состояний сознания, имеющих не конкретный характер. Этот вывод опровергает, по-видимому, то, что до сих пор являлось общепризнанным в психологии[5].

Подобные эксперименты производились во многих лабораториях Европы и Америки. Нам следует выяснить, можно ли эти эксперименты считать научными, можно ли признать, что экспериментаторы стоят на правильном пути. Первый возразил против них Вундт. Он осуждает этот метод, называет его ненаучным. «Эти так называемые эксперименты, — говорит Вундт — даже не суть эксперименты в том смысле, который выработан естествознанием и воспринят психологией. Этому последнему понятию в качестве самого существенного признака принадлежит целесообразное, сопровождаемое возможно благоприятным состоянием внимания *созидание* и *изменение* явлений. Если же комунибудь предлагают неожиданные вопросы один за другим и заставляют его обдумывать какие-либо проблемы, то это не есть ни целесообразное вмешательство, ни планомерное изменение условий, ни наблюдение при возможно благоприятном состоянии внимания. Закономерное изменение условий того или иного процесса совершенно отсутствует, — и условия наблюдения так неблагоприятны, как только возможно, потому что наблюдателю внушается, что

---

[5] Вот главнейшая литература по вопросу об экспериментальном исследовании высших умственных процессов: *Marbe K.* Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Urtheil. 1901; *Watt H.* Experimentelle Beiträge zu einer Theorie des Denkens // Archiv für die gesamte Psychologie. 1905. Bd. 4.; *Ach N.* Über die Willenstätigkeit und Denken. 1905; *Messer A.* Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Denken // Archiv für die gesamte Psychologie. 1910. Bd. 8; *Bühler K.* Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge. I. Über Gedanken // Archiv für die gesamte Psychologie. 1907. Bd. 9. S. 297—365; *Binet A.* L'etude experimentale de l'intelligence. 1903; *Aster E. von.* Die psychologische Beobachtung und experimentelle Untersuchung von Denkvorgängen // Zeitschrift für Psychologie. 1908. Bd. XLIX; *Dürr E.* Über die experimentelle Untersuchung der Denkvorgänge. 1908. Bd. XLIX; *Störring G.* Experimentelle und psychopathologische Untersuchungen über das Bewusstsein der Gültigkeit // Archiv für die gesamte Psychologie. 1909. Bd. 14.

он должен воспринять воздействие впечатлений очень сложных, притом в присутствии других, его наблюдающих лиц»[6]. Далее Вундт говорит: «Лицо, над которым производится эксперимент, находится в неблагоприятных условиях: оно должно в одну и ту же минуту переживать нечто и наблюдать переживаемое. При таких условиях внимание не может работать с достаточной интенсивностью: оно разделяется между переживаемым и тем, что надо воспринять»[7]. Это возражение неосновательно, потому что во всяком психическом эксперименте мы имеем дело с тем же самым: мы сначала воспринимаем и затем воспроизводим то, что воспринимали. Во всяком психологическом эксперименте мы оперируем с образами воспринимаемыми. В этом отношении эксперименты в области мышления ничем не отличаются от других экспериментов.

Но самое веское возражение Вундта заключается в следующем. Эти эксперименты отличаются от психофизических[8] тем, что в последних мы имеем дело с раздражением, которое мы можем изменять по нашему плану произвольно, можем видоизменять условия, при которых протекает психической процесс, а в этих экспериментах мы этого делать не можем. Ошибочность метода состоит, таким образом, в том, что мы не можем планомерно варьировать и повторять переживаемое, чтобы обеспечить достоверность высказываемого. Когда я задаю испытуемому какой-либо вопрос, то процесс в уме испытуемого находится вне моей власти. В психофизических экспериментах я до известной степени властвую над экспериментом, потому что, видоизменяя раздражение, я в то же время видоизменяю и сам психический процесс. В этих же экспериментах процесс протекает по-своему; я жду, когда процесс закончится, и испытуемый субъект расскажет мне о нем. Этим, конечно, эксперименты над высшими умственными процессами решительно отличаются от обычных психофизических. Последний аргумент Вундта имеет, действительно, значение. Согласимся с Вундтом, что в экспериментах этого рода психический процесс не находится в нашей власти, мы не можем производить в нем изменений. В них есть существенное отличие от тех экспериментов, которые называются *психофизическими*, главным образом в том отношении, что в них не допускается никакого *измерения*, но ведь следует признать, что эксперимент мы имеем не только в том случае, когда может быть производимо измерение, но и в том случае, когда мы определяем качественные отношения. Здесь же эксперимент служит только для того, чтобы установить факты. Мы, конечно,

---

[6] *Wundt W.* Kritische Nachlese zur Ausfragemethode // Archiv für die gesamte Psychologie. Bd. 12. S. 174.

[7] См. также: *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Bd. III. S. 551—554; Bd. I. S. 10—11, а также: *Wundt W.* Logik. Bd. III.

[8] *Психофизические эксперименты* — эксперименты, направленные на измерение минимальной интенсивности раздражителя, при которой появляется соответствующее ощущение, или минимального изменения раздражителя, при котором замечается изменение этого ощущения. —*Ред.-сост.*

должны будем признать, что эксперименты этого рода менее совершенны, то есть приводят к менее определенным результатам, чем эксперименты психофизические, но, тем не менее, они имеют очень важное значение именно потому, что они служат для установления фактов мыслительной деятельности. Посредством этих приемов исследования нельзя измерить явлений, но вполне возможно установить факты.

Кроме того, в них все же есть признаки, сближающие их с экспериментом в собственном смысле слова. Прежде всего, мы можем по произволу вызвать любой мыслительный процесс; по желанию мы можем повторить его, — правда, не совсем в том виде, в каком мы его переживали, но все же можем повторить приблизительно в том же виде. Благодаря этим обстоятельствам мы можем избежать тех недостатков, которые присущи исследованию при помощи простого самонаблюдения. В силу этих соображений мне кажется, что названные нами экспериментальные методы исследования высших умственных процессов в будущем могут оказаться чрезвычайно плодотворными. Но при этом следует сделать весьма важную методологическую оговорку. Эксперименты этого рода могут сделаться плодотворными только в том случае, если в них в качестве испытуемых принимают участие лица психологически образованные. Это исследование высших процессов мышления, воли и тому подобного имеет то важное значение, что возвращает психологию на почву чисто психологического исследования.

К. Коффка

О феноменологическом методе*

<...> Уместно сделать одно методологическое примечание. Можно прочитать множество американских книг и статей по психологии и не найти вообще никакого описания [опыта сознания. — *Ред.-сост.*], тогда как в немецких работах они встречаются довольно часто. В этом отличии обнаруживается существенная разница в характере американских и немецких исследований. Американцы называют немецкую психологию спекулятивной и крючкотворной; немцы же считают американское направление поверхностным. Американцы прощают автору, если он приводит такие описания, уточняет их, играет с ними, но в действительности ничего с этими описаниями не делает. Немцы же правы в том, что американская психология почти никогда не пытается взглянуть наивно и беспристрастно на факты непосредственного опыта и, как следствие, американские эксперименты очень часто оказываются пустыми. В действительности же экспериментирование *и* наблюдение должны идти рука об руку. Хорошее описание феномена может само по себе опрокинуть ряд теорий и указать на определенные особенности, которыми должна обладать верная теория. Этот вид наблюдения мы называем «феноменологией» — словом, имеющим несколько значений, которые нельзя смешивать с нашим. Для нас феноменология означает как можно более наивное и полное описание непосредственного опыта. В Америке для обозначения того, что мы имеем в виду, используется только одно слово — «интроспекция». Но дело в том, что это слово приобретает совершенно другой [отличный от нашего. — *Ред.-сост.*] смысл, когда оно обозначает особый способ описания, при котором непосредственный опыт анализируют в терминах ощущений и свойств или каких-то других структурных, но не переживаемых, элементарных единиц.

---

* *Koffka K.* Principles of Gestalt Psychology. N.Y.: Harcourt Brace, 1935. P. 73. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

Я могу позволить не утруждать себя и читателей обсуждением этого вида интроспекции, так как это превосходно сделано Кёлером[1] в третьей главе его «Гештальтпсихологии»[2]. Этот способ интроспекции стал непопулярным в Америке, потому что американские психологи увидели его бесплодие. Но в своей справедливой критике они вместе с водой выплеснули ребенка, когда вместо этого стали проводить безупречно результативные эксперименты и решили вообще отказаться от феноменологии. Необходимость такой феноменологии должна быть очевидной благодаря предшествующему обсуждению[3]. Без такого описания окружающего поля мы бы не знали, что же нам надо объяснить.

Возникает вопрос о возможности феноменологии [описания сознательного опыта. — *Ред.-сост.*] как части поведения. Трудности, присущие этой проблеме, часто обсуждались; я могу отослать читателя к двум моим статьям, в которых они всесторонне рассмотрены и предпринята попытка их преодоления[4].

[1] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 568—580 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Koehler W.* Gestalt Psychology. N.Y.: H. Liveright, 1929.

[3] См. текст К. Коффки на с. 540—567 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Koffka K.* Zur Theorie der Erlebniswahrnehmung // Ann. D. Philos. 1923. Bd. 3. S. 375—399; *Koffka K.* Introspection and the method of Psychology // British Journal of Psychology. 1924. Vol. 15. P. 146—161.

М.Дж. Зиглер

Экспериментальное исследование восприятия липкости*

В своей недавно опубликованной статье Кобби и Салливан обратили внимание на то, что психологами выполнено сравнительно мало экспериментальных исследований, посвященных разложению «сложных осязаний» на первичные (*ultimate*) элементы[1]. Данное сообщение является ответом на это замечание, в нем излагаются результаты нашей попытки провести такой анализ и выявить существенные условия восприятия *липкости*. Под восприятием *липкого*, или *липкостью* (sticky *or* stickness), мы имеем в виду такой опыт осязания, который возникает в случаях, когда участок кожи, к которому приложен липкий объект (например, карандаш, смазанный жидким клеем), прилипает к нему и тянется за ним во время удаления этого объекта.

Анализ липкости

Наши эксперименты проводились с октября 1921 по май 1922 г. Предварительного опыта работы с восприятием кожных раздражителей ни у кого из наших испытуемых не было. Поэтому первые два-три месяца были посвящены тренировке испытуемых в общем наблюдении за осязанием, а также разработке методики, соответствующей задаче нашего исследования. В экспериментах участвовали семь испытуемых: профессор Маккомас (*Мк*); мисс Маргарет Макдональд (*М*), выпускница Вассара, работающая в настоящее время в Компании психологического обозрения; мистер Райс (*Р*), студент-выпускник; мистер

---

* *Zigler M. J.* An experimental study of the perception of stickiness // American Journal of Psychology. 1923. Vol. 34, № 1. P. 73—84. (*Перевод С.А. Капустина.*)

[1] См.: *Cobbey L. W., Sullivan A. H.* An experimental study of the perception of oiliness // American Journal of Psychology. 1922. Vol. 33. P. 121.

Шек (*Ш*), психолог-ассистент; мистер Джаксон (*Дж*), опытный психолог, работающий в Трентоне в отделе учебных заведений и агенств штата Нью-Джерси; миссис Зиглер (*З*) и протоколист *Зи*. *Р* участвовал только в аналитической части исследования. *Мк* не участвовал в эксперименте в течение первых трех месяцев, но, будучи тренированным испытуемым, оказался способным выполнить работу в срок. *Д* участвовал только в последнем эксперименте, посвященном синтезу липкости, и ничего не знал о предшествующей работе кроме того, что в лаборатории проводились какие-то эксперименты. Поэтому его данные использовались для контроля возможных предубеждений, которые могли сложиться у других испытуемых в результате предшествующей работы. Протоколист выступал в качестве экспериментатора за исключением тех случаев, когда сам занимался самонаблюдением, и тогда экспериментатором была *З*. Следовательно, *З* знала о процедуре эксперимента, но в отношении всех остальных аспектов его проведения была в полном неведении. *Зи* записывал свои интроспективные отчеты сам, чтобы избежать возможного влияния *З*.

1. В начале исследования мы использовали очень простую методику. Расположенный на конце карандаша ластик, кончик которого был подрезан вблизи его соединения с деревом так, что его диаметр составил 5 мм, погружался в липкое вещество типа жидкого клея, патоки, желе и тому подобного, а затем медленным и плавным движением вниз прикладывался к подушечке указательного пальца испытуемого или к тыльной стороне его ладони в области между третьей и пятой костями пясти. После того, как этот стимул находился на коже в течение приблизительно 3 с, его удаляли медленным и плавным движением вверх. За исключением коротких серий предъявлений, при которых участки кожи подвергались воздействию, испытуемые в течение всего эксперимента находились в состоянии покоя. На протяжении каждого эксперимента стимуляция проводилась приблизительно в одном и том же месте, одна за другой от 20 до 30 раз, чтобы избежать отвлечения внимания. Во время эксперимента испытуемый сидел с завязанными глазами, а руку, к которой прикладывались стимулы, заслоняли специальной перегородкой. В инструкции испытуемым говорилось, что предъявляемый стимул вызовет у них осязательное (*tactual*) восприятие, которому они должны дать название и как можно более полно описать все его сенсорные свойства.

В первую очередь все испытуемые указали на разницу между сложным переживанием давления, возникавшим во время прикладывания стимула к пальцу или кисти и сложным переживанием, вызванным прилипанием кожи к стимулу и отделением кожи от стимула во время его удаления. Все испытуемые сообщили, что наиболее заметным компонентом второго переживания была липкость и утверждали, что она появлялась только во время удаления стимула. Когда для испытуемых этот факт прояснился окончательно, им дали инструкцию сосредоточиться — если переживания ранней фазы стимуляции действительно не проливают свет или прямо не связаны с переживаниями вто-

рой фазы — только на описании переживаний, возникающих во время удаления стимула. Таким образом мы хотели упростить задачу испытуемых и обеспечить условия для более полного отчета о переживаниях, происходящих при удалении стимула. Следуя этой инструкции, испытуемые отделили переживание липкости от всего остального опыта сознания, а затем, раньше или позже, провели различение между «натяжением», «натяжкой» или «тягой» и «отрывом», «высвобождением», «отдиранием» или «поверхностным отпусканием» (*between a «pull» or «pulling» or «traction», and a «breakaway» or «breaking loose» or «tearing loose» or «superficial release»*). Временнáя граница между двумя указанными фазами целостного переживания липкости была расплывчата. Как правило, «натяжение» или «тяга», обычно включающее в себя всю область, занятую стимулом, и незначительно распространяющееся на примыкающие к ней области, предшествовало «отрыву», хотя последний возникал еще до того, как «натяжение» полностью заканчивалось. Иногда в начальной стадии «натяжение» было наиболее интенсивным на периферии области стимуляции, а затем по ходу переживания зона максимальной интенсивности сдвигалась к центру. В других же случаях «натяжение» было одинаково интенсивным по всей области стимуляции и по ходу такого переживания высвобождались или отрывались ее периферические части. Но в любом случае фаза «отрыва» на периферии начиналась прежде, чем исчезало натяжение в центральной части. Следовательно, два указанных компонента, «натяжение» и «отрыв», перекрывались во времени.

«Натяжение» описывалось как глубоко расположенное переживание, специфическим качеством которого было тупое давление. На первом этапе работы испытуемые нередко сообщали о напряжениях и слабых болях как главных образующих переживания на фазе «натяжения». Однако в результате практики они стали описывать эти особенности опыта как происходящие нерегулярно и несущественные. Компонент «отрыва» описывался испытуемыми как чисто поверхностный с присущим ему качеством легкого давления или прикосновения (*light pressure or contact quality*). Часто сообщали о щекочущем давлении и прикосновении, но эта характеристика присутствовала не всегда. На данном этапе работы все испытуемые считали как «натяжение», так и «отрыв» существенными и неотъемлемыми компонентами переживания липкости.

Кроме того, с самого начала испытуемые сообщали о различных видах липкости, обозначаемых как *гладкая*, *шероховатая*, *тягучая*, *густая*, *хрупкая*, *сухая*, а также *влажная* или *сырая* (*smooth, rough, tough, dense, brittle, dry*, and *wet* or *moist*). В отчетах одного и того же испытуемого все эти разновидности не указываются, но каждый из них по ходу исследования отметил у себя по меньшей мере четыре различных ее вида.

2. С целью выяснения вопроса, изменится ли восприятие липкости, если стимулируемый орган будет активным, с двумя испытуемыми (*Зи* и *З*) был проведен еще один небольшой эксперимент. Капля липкого вещества наносилась

на подушечку указательного пальца испытуемого; затем его просили плотно прижать большой палец руки к подушечке указательного и развести эти пальцы. В данных условиях никаких новых характеристик липкости обнаружено не было. Как и прежде, переживание липкости возникало только на фазе отделения стимула. Следовательно, на основании результатов этого и предыдущих экспериментов можно сделать вывод, что восприятие липкости вызывается только движущимся стимулом.

3. Методика, используемая на предварительном этапе нашей работы, была весьма примитивной и позволяла провести только грубый анализ. С целью лучшего контроля условий эксперимента и упрощения задачи, поставленной перед испытуемыми, мы сделали устройство, названное «измерителем натяжения».

Это устройство построено по принципу пружинного динамометра. Оно состоит из пустого тонкостенного латунного цилиндра длиной 20 см и диаметром 12 мм. Верхний конец цилиндра закрыт металлической крышкой. Внутри цилиндра к короткому металлическому стержню, расположенному в центре верхней металлической крышки, прикреплена небольшая витая цилиндрическая пружина. Другой, более длинный, металлический стержень прикреплен к нижнему концу пружины и через небольшое отверстие в центре металлической крышки, закрывающей нижнее отверстие цилиндра, выходит наружу. На его конце параллельно нижней крышке закреплен плоский металлический диск диаметром 12 мм. Продольный разрез в стенке цилиндра позволяет указателю, прикрепленному к более длинному металлическому стержню в месте его соединения с пружиной, выступать наружу за стенку цилиндра и перемещаться вверх и вниз соответственно растяжению пружины. Устройство имеет шкалу с ценой деления 5 г, расположенную по краю продольного разреза, и позволяет измерять силу тяги до 80 г. Помещая каплю клея на нижнюю поверхность металлического диска и прикладывая ее к подушечке указательного пальца испытуемого, можно, наблюдая длину, на которую растягивается вниз пружина, оценивать силу прилипания во время удаления стимула. Таким образом, экспериментатор мог непосредственно наблюдать величину силы натяжения с точностью до 5 г, действующей на кожу во время каждой стимуляции.

Единственным недостатком этого устройства было то, что мы не могли установить величину силы натяжения по своему усмотрению. Поэтому, когда мы собирались предъявить серию слабых стимулов, то предсказать и гарантировать заранее, что сила растяжения всегда будет, как мы хотели, меньше 5 г, было невозможно, и в результате ее величина иногда достигала 10 или 15 г.

С целью улучшения процедуры предъявления стимула это устройство было смонтировано в вертикальном положении на концах двух параллельных, горизонтально расположенных латунных стержней, два других конца которых прикреплялись шарнирами к вертикально стоящему штативу. Эти два стержня подвешивались на латунной пружине так, что удерживали измерительное уст-

ройство на расстоянии приблизительно 15 см выше того горизонтального положения стержней, при котором стимул прикладывался к пальцу испытуемого. Благодаря этому прикладывание стимула осуществлялось стандартным образом: легким нажатием вниз на конец одного из стержней, приводящим к растяжению связанной с ними пружины. Вследствие плавного сжатия этой пружины, возникавшего в результате постепенного прекращения экспериментатором давления на стержень, удаление стимула происходило медленно и регулярным образом.

При использовании этой усовершенствованной методики испытуемые подтвердили свое прежнее различение между глубоко расположенным сложным переживанием давления, называемом «натяжением», «натяжкой» или «тягой», и серией поверхностных прикосновений или легких давлений, которые обозначались как «отрыв». Кроме того, теперь все испытуемые определяли липкость как находящуюся на фазе «отрыва», причем одни уверенно утверждали, что натяжение служит сигналом, говорящим о наступлении липкости, другие же просто отмечали, что липкость не возникает до тех пор, пока не наступит фаза «отрыва». Приведем примеры отчетов испытуемых, на которых основаны эти обобщения.

Липкость в своем расцвете воспринимается как липкое в тот момент, когда кожа начинает отделяться от стимула (*Мк*). Натяжение вызывает у меня ожидание липкости, но ее нет до тех пор, пока не наступит отрыв (*М*). Когда возникает натяжение, я думаю, что должна появиться липкость. Натяжение как будто служит предвестником того, что произойдет далее. Затем, когда наступает отрыв, он воспринимается как липкость (*М*). Липкость не воспринималась до того момента, пока не наступило переживание отрыва (*З*). Липкость сводится к серии слабых прикосновений, которые чувствуются именно тогда, когда стимул отделяется от кожи (*Р*). Липкость наступает, когда кожа освобождается от стимула. Высвобождение приводит к липкости, как бы отслаивающей чешуйки кожи (*Ш*).

Качество липкости вновь описывалось как серия легких давлений или прикосновений, которые часто, хотя и не всегда, характеризовались как зуд или щекотка. Эта серия легких давлений вызывалась воздействием пространственно протяженного стимула; «отрыв» этого стимула от поверхности кожи, вызывавший комплекс легкого давления, происходил непрерывно в направлении от периферических частей стимулируемой области к центру, представляя собой серию «отрывов», близко расположенных во времени. Собственно «липкое» воспринималось как состоящее из области легких давлений, интенсивность, продолжительность и ясность которых менялись специфическим образом. Сначала эти легкие давления становились все яснее и интенсивнее, достигая средней, а иногда и довольно высокой интенсивности, но затем их интенсивность резко снижалась до низкого или нулевого уровня. Продолжи-

тельность качества давления в липкости гораздо больше, чем в переживании простого надавливания. Эти динамические особенности присущи поверхностной, кожной части данного опыта, а не более глубоко расположенным переживаниям «натяжения». Приведем ряд примеров из отчетов испытуемых, свидетельствующих об общей природе указанных изменений в свойствах данного опыта.

Одна прядь липкого сохранялась дольше всего. Кажется, что основу этого переживания составляет серия прикосновений переменной интенсивности. Сначала их интенсивность несколько увеличивалась, а затем резко снижалась. Фаза увеличения интенсивности продолжалась, по меньшей мере, в два или три раза дольше, чем фаза уменьшения (*Р*). Наблюдались три или четыре легких прикосновения, довольно продолжительные и меняющиеся по интенсивности, сначала немного возрастая, а затем уменьшаясь. В этом заключалась суть липкости (*Р*). Переживание продолжается гораздо дольше, чем в том случае, когда стимул удаляется, не давая липкого (*М*). Интенсивность серии прикосновений во время отрыва меняется. В этот период она меняется постепенно, когда ослабевает одно, одновременно усиливается другое (*М*). Липкость происходила из группы отдельных точек, которые стимулировались нерегулярно. Чаще всего наблюдалось заметное уменьшение давления при переходе от одной точки к другой (*Ш*). После исчезновения переживания натяжения наступила липкость. Она представляла собой ряд прикосновений все более заметной интенсивности, которая затем резко падала (*Ш*). Липкое обладает исключительно качеством давления. Только это давление продолжается несколько дольше, чем при простом касании и непрерывно меняется. Оно меняется по интенсивности и живости (*Мк*). Липкость прекращается довольно резко. Сначала она довольно интенсивна, но затем довольно быстро пропадает (*Мк*). Похоже на то, как будто легким пером проводят по пальцу, а кожа в это время чуть-чуть к нему прилипает. Прилипание происходило непосредственно к поверхности кожи и отличалось от *натяжения*. Это была небольшая область легких прикосновений, и во время их перехода от одной точки к другой получалось переживание плавного скольжения липкого (*З*). Характерной особенностью является непрерывное изменение интенсивности. Небольшая область проясняется, степень ясности немного возрастает и, кроме того, на короткое время становится интенсивнее, а затем постепенно исчезает. Обычно фаза убывания более кратковременна, однако убывание происходит постепенно (*Зи*). Наиболее важен период, в течение которого отдельные прикосновения становятся более ясными и постепенно все более и более интенсивными, а затем эта высокая ясность и умеренная интенсивность резко падают почти до нуля. Все это происходит в течение очень короткого интервала времени (*Зи*).

Кроме того, испытуемые стали указывать на определенные критерии различения видов качества липкости. В *сырой* или *влажной* липкости почти

всегда обнаруживается компонент холода или прохлады, а также отмечается однородность стимуляции по всей занятой стимулом области. *Шероховатая* липкость состояла из разбросанных или отдельных областей липкости, расположенных нерегулярным образом среди нестимулированных областей. При этом указывалось, что эти отдельные области липкости довольно больших размеров и разных форм сменяются в быстрой последовательности во время отделения стимула от пальца. *Гладкая* липкость, в противоположность *шероховатой*, возникает в том случае, когда удаление стимула вызывает ряд мелких, тесно упакованных стимуляций. Он обозначался как массированная структура (*massed pattern*); пучок точек был тесно сгруппирован и точки сами по себе плотно прилегали друг к другу. В этом *гладкая* липкость подобна *влажной* или *сырой,* хотя в отличие от последних у нее отсутствует качество холода. *Густая* липкость также состоит из тесно связанных друг с другом областей и отличается от *гладкой* тем, что интенсивность этих точечных областей почти всегда высокая. *Тягучая* липкость также отмечалась при высоких интенсивностях, но ее отличительной чертой было довольно медленное снижение интенсивности на этапе отделения. Иногда, подобно *влажной*, *густой* и *гладкой*, она состояла из тесно упакованных областей липкости, а иногда, подобно *шероховатой*, воспринималась как состоящая из отдельных или разбросанных областей. Довольно часто испытуемые сообщали о восприятии *сухой* липкости, но описать ее отличительную особенность им не удалось. Этот вид липкости отличается от *влажной* отсутствием компонента холода и обычно имеет разбросанную или раздельную структуру. Чаще всего о нем сообщали в связи с описанием *шероховатой* липкости и потому вполне возможно, что своей действительной сенсорной основы у него нет.

Эти различные виды липкости далеко не всегда воспринимались раздельно. Очень часто одно и то же переживание обозначалось двумя видами. Таким образом, переживание липкости могло быть влажным и гладким, сухим и шероховатым, густым и сухим и так далее. Одни сочетания видов липкости происходили довольно часто, другие же никогда.

Некоторые данные говорят о вспомогательной роли зрительных ассоциаций в различении видов липкости. Были сообщения, что *тягучая* липкость вызывается нитями, пучками и волокнами клея или смолы, *сухая* — пучками тонких нитей подсохшего клея, *шероховатая* — отдельными частицами липкого вещества, *гладкая* — скользкими и губчатыми веществами, а *густая* — какой-нибудь соответствующей этому названию массой, зрительно воображаемой если не в целом, то хотя бы частично.

В отчетах двух испытуемых иногда отмечалось качественное восприятие липкости в случаях, когда предшествующее натяжение было настолько слабым, что едва замечалось, а подъем кожи не воспринимался вообще. С целью проверки этих сообщений мы предъявили испытуемым серии стимулов настолько слабой интенсивности, насколько позволяла наша методика. При этом испы-

туемые сообщили, что качественные переживания липкости возникают даже при такой низкой интенсивности силы натяжения как 2,5 г, когда ни натяжение, ни подъем кожи ими уже не воспринимались. В действительности, движение или подъем кожи обычно воспринимаются при более интенсивной стимуляции. Однако все испытуемые более или менее часто и более или менее уверенно сообщили, что восприятие подъема кожи для восприятия липкости не имеет значения. Это подтверждает и то, что в отчетах испытуемых о движении или подъеме кожи говорилось сравнительно редко, несмотря на инструкцию полного отчета обо всех сенсорных компонентах субъективного опыта. В экспериментах (1) и (2) мы обнаружили, что липкость возникала только при удалении стимулов. Отсюда следует, что удаление стимула является существенным условием восприятия липкости, тогда как осознание этого удаления не столь обязательно.

4. Затем мы провели ряд наблюдений в тех же экспериментальных условиях, за исключением того, что вместо пространственно протяженного стимула применили точечный. Остроконечную иглу погружали в липкое вещество, а затем прикладывали к пальцу. Благодаря этому условия наблюдения стали намного проще, потому что теперь испытуемые могли обращать внимание на ход событий, происходящих в единственной точке прилипания, т.е. в наиболее простой его форме, тогда как во время воздействия пространственно протяженного стимула липкость воспринималась испытуемыми так, как если бы несколько точек прилипания исчезали и, одновременно с этим исчезновением, о себе как о более ясных заявляли другие точки; таким образом, верного представления о ходе восприятия липкости испытуемый достигал только путем соответствующего перемещения процесса внимания.

В этих упрощенных условиях испытуемым, у которых прежде было несколько неуверенное представление о свойствах восприятия липкости, удалось перейти к более решительным утверждениям относительно истинной природы последней. Поскольку в этих условиях воспринималось лишь точечное прилипание, сначала казалось, что липкость потеряла часть присущих ей свойств, представленных в прежних отчетах, но вскоре все испытуемые сообщили о том, что эта потеря была иллюзорной и обусловленной крайне слабой интенсивностью и, в особенности, сокращением времени восприятия липкого. Когда при единичном точечном прикосновении сначала наблюдалось небольшое увеличение, а затем уменьшение его ясности и интенсивности, полноценное восприятие липкости происходило несмотря на его низкую интенсивность и кратковременность. Однако полноценное восприятие липкости получалось не при каждой стимуляции. В случаях, когда восприятие липкости отсутствовало, испытуемые сообщали о прикосновении, вплоть до завершения которого никакого увеличения его ясности и интенсивности не происходило.

5. Затем мы попытались вызвать натяжение кожи при отсутствии условий восприятия липкости. Для этого мы использовали устройство, позволяющее

поднимать кожу без отделения от нее стимула. Ранее наши испытуемые сообщали, что натяжение представляет собой иное, отдельное переживание, не имеющее существенной связи с липкостью, и что восприятие последней возникает даже тогда, когда ни натяжение, ни движение кожи не воспринимаются. В новых условиях мы надеялись получить более убедительные подтверждения этих наблюдений испытуемых.

Липкую ленту приклеили липкой стороной вверх к полоскам картона, которые затем разрезали на квадраты со стороной 1,5 см. Затем квадраты прилепляли к безволосым участкам кожи запястья и предплечья испытуемых. Эти «липучки» с осторожностью, чтобы не вызвать их отрыва от кожи, поднимали с помощью коротких нитей, привязанных к сторонам квадратов и выше соединенных вместе. Таким образом, натяжение кожи происходило без ее отделения от стимула.

В этих условиях мы всегда получали отчеты испытуемых о глубоко расположенном сложном давлении. О липкости сообщили только в нескольких случаях, когда кусочек «липучки» отрывался от кожи. В этих случаях испытуемые всегда описывали свой опыт как специфическое явление поверхностного легкого давления, качественно отличающегося от натяжения.

На ранних этапах исследования некоторые испытуемые сообщали, что не в состоянии уверенно судить, возникал ли опыт, который мы называем словом «натяжение», в результате подъема кожи вверх или давления на кожу вниз[2]. Такие отчеты особенно часто встречались у двух испытуемых. При работе с «липучками» такого рода отчеты дали все испытуемые: «Это очень напоминает надавливание на кожу» или «Это могло быть натяжение или надавливание на кожу, но я не уверен, что именно». Нам показалось, что это смешение натяжения и давления заслуживает дополнительного исследования. Мы предъявили каждому испытуемому последовательно 40 стимулов-«липучек»; в одной половине случаев «липучки» поднимались за нити вверх, а в другой — на них слегка надавливали вниз. Экспериментатор специально тренировался, чтобы сила давления вверх и вниз была приблизительно одинаковой.

В результате оказалось, что давления вниз ошибочно воспринимались как натяжения вверх в 30—50 % случаев, а при использовании стимулов низкой интенсивности количество такого рода смешений увеличивалось до 40—50 %. Более того, во многих случаях правильных ответов испытуемые говорили, что сомневаются в том, давление это или натяжение, или же и то, и другое. Кроме того, в ряде случаев, когда испытуемые отвечали самым уверенным образом, оказывалось, что они ошибаются. Эти обобщения в особенности справедливы для предъявлений стимулов низкой интенсивности и в гораздо меньшей степени значимы для стимулов высокой интенсивности. В данном эксперименте

---

[2] См.: *Titchener E.B.* Textbook of Psychology. N.Y.: Macmillan, 1909. P. 147, 156. [Рус. пер. см.: *Титченер Э.Б.* Учебник психологии. Университетский курс. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914. Ч. I, II. — *Ред.-сост.*]

было два уровня интенсивности: 5 г (или, соответственно, 0,022 г/мм) и 20 г (или, соответственно, 0,088 г/мм). Результаты этого исследования представлены в следующей таблице.

Таблица

Ошибочное восприятие стимула

Испытуемый	Натяжение, воспринятое как давление, %		Давление, воспринятое как натяжение, %	
	Слабый стимул	Сильный стимул	Слабый стимул	Сильный стимул
М	40	10	50	5
Мк	50	15	30	5
Ш	55	15	50	5
З	40	10	40	10
Зи	50	10	45	10

Как следует из отчетов испытуемых, при различении натяжения и давления они опирались на определенные сенсорные критерии. Натяжение обычно распространялось вовне на примыкающие области, т.е. не ограничивалось областью, покрытой «липучкой», его нити или пучки распространялись в соседние области. Давление, напротив, ограничивалось областью, покрытой стимулом, и зачастую между этой областью и примыкающей к ней было разграничение вследствие резкого *перепада давления* на краях «липучки». Кроме того, давлению присуща однородная плотность и компактность, тогда как у натяжения однородность за пределами стимулируемой области, как правило, нарушается. Эти отличия гораздо более выражены при стимулах высокой интенсивности, а при низких интенсивностях они едва заметны.

С испытуемым *Мк* в течение нескольких недель проводилась специальная тренировка с целью определения ее влияния на данную иллюзию. Результаты показали, что по мере освоения этим испытуемым вышеуказанных критериев происходит улучшение различения. При предъявлении слабых стимулов количество ошибочных восприятий у него уменьшилось до 25 %, а в случаях стимулов высокой интенсивности иллюзии возникали крайне редко уже после двухнедельной тренировки.

Дополнительно к экспериментам, проведенным с «липучками», мы попытались выяснить, исчезнет ли липкость при анестезии кожи с помощью эфира. При полной анестезии кожи испытуемые сообщили только о наличии глубоко расположенного натяжения. Никто не сообщил о липкости, хотя любой из них мог бы уверенно установить ее присутствие благодаря опыту, накопленному по ходу предшествующей работы. Поскольку эфир вызывает онемение, мы не уверены в том, что натяжение в этом эксперименте тождественно переживанию, которое мы называли натяжением ранее. По-видимому, прежде описанное натяжение все-таки представляет собой сочетание кожного и подкожного давлений.

Синтез липкости

После анализа восприятия липкости и определения действительных условий вызывания этого переживания мы попытались разработать методику его синтеза. В отличие от восприятия *жидкого*, изученного Бентли[3] и восприятия *маслянистости*, описанного в работе Кобби и Салливана[4], которые являются соединениями двух отдельных качеств осязания, липкость включает в себя только одно качество осязания, свойства которого обнаруживают отчетливые видоизменения. Поэтому мы не могли осуществить такой же определенный синтез, как в вышеупомянутых исследованиях. Тем не менее, нам удалось вызвать специфическое восприятие липкости с помощью стимула, в котором никакого липкого вещества не было. Мы воспользовались маленьким острым рыболовным крючком или иголкой, кончики которых осторожно вводили под эпидермис [тонкий поверхностный слой кожи. — *Ред.-сост.*] подушечки указательного пальца испытуемых. Когда их медленно поднимали чуть-чуть вверх и быстро прекращали этот подъем, все испытуемые, в том числе *Дж*, который участвовал только на данном этапе исследования, сообщили о липкости в 50—70 % случаев такой стимуляции. Если рыболовный крючок или игла на фазе подъема случайно прорывали слой эпидермиса, то восприятие липкости либо отсутствовало, либо было недоброкачественным, и в результате получалось переживание шероховатого и царапающего. В тех же случаях, когда стимул прокалывал слой эпидермиса постепенно, испытуемые иногда сообщали о восприятии шероховатой липкости. Наилучшее переживание липкого возникало в тех случаях, когда стимул не прорывал слой эпидермиса, а осторожно приподнимался и затем опускался самостоятельно в исходное положение. Такое раздражение воспринималось как слабое давление, ясность и интенсивность которого вначале плавно увеличивались, а затем довольно резко уменьшались.

Попытка синтеза пространственно протяженного стимула оказалась еще успешнее. Мы взяли десять тонких иголок и проткнули ими кусок пробки под углом 45° так, чтобы острия иголок выступали наружу на 2 мм. Они были расположены нерегулярно на расстояниях приблизительно 3 мм друг от друга. Эту пробку осторожно прикладывали к подушечке указательного пальца испытуемого таким образом, чтобы все кончики набора иголок цеплялись за поверхностный слой кожи, и затем плавно чуть-чуть приподнимались вверх. По мере увеличения натяжения кожи, отдельные острия иголок последовательно прорывали ее верхний слой, вызывая тем самым серию отделений кожи от стимула. При данном расположении иголок эти прорывы не вызывали особого

[3] См.: *Bentley M.* The synthetic experiment // American Journal of Psychology. 1900. Vol. 9. P. 414.

[4] См.: *Cobbey L.W., Sullivan A.H.* An experimental study of the perception of oiliness // American Journal of Psychology. 1922. Vol. 33. P. 121.

беспокойства испытуемых вероятно потому, что натяжение, производимое другими точками, которые пока еще находились под воздействием стимулов, смягчало переживание прорыва, происходившего в данный момент в одной точке, скрадывая тем самым эффект шероховатости и царапания. Все испытуемые, в том числе *Дж*, в более чем 80 % случаев такой стимуляции сообщили о липкости. Чаще всего это восприятие описывали как сухую липкость. *Дж* дал отчет о липкости, напоминающей битум или асфальт, в 80 % случаев от общего числа (20) стимуляций. Приведем типичные отчеты испытуемых.

> Наблюдалось полноценное восприятие сухой липкости. Произошло слабое натяжение и некоторый подъем кожи, а затем отделение. Это был вид липкого, которое чувствуешь, прикасаясь пальцем к чему-то, смазанному конторским клеем, который почти что высох (*М*). Вслед за боковым натяжением наступила липкость. Большинство липких стимулов были сухими, но один показался смолистым (*Мк*). Эта липкость вызвала ассоциацию с чувством, возникающим, когда после ходьбы в жаркий день по битуму или асфальту потрогаешь пальцем подметку ботинка (*Дж*). Было слабое боковое давление и натяжение, а затем отделение. Произошло несколько последовательных высвобождений, дающих ощущение сухой липкости (*Ш*). Это была явно сухая липкость. Серии прилипаний проходили с заметными интервалами между ними. Все это чувствовалось так, как будто плотно приставший, почти засохший клей отдирается маленькими чешуйками (*З*). Это была типичная сухая липкость. У нее были все обычные характеристики сухой липкости (*Зи*).

Заключение

1. Липкость представляет собой простое осязательное восприятие, состоящее из области точечных слабых прикосновений или давлений, свойства которого обнаруживают следующие важнейшие характеристики: интенсивность слабых давлений или прикосновений постепенно увеличивается, а затем сравнительно резко уменьшается до низкого или нулевого уровня; длительность каждой точки липкости в данной области сохраняется заметно постоянной; пункт максимальной ясности непрерывно и быстро перемещается через различные давления или прикосновения, образующие структуру данной области.
2. Термин «липкость» в общепринятом употреблении подразумевает глубоко расположенное натяжение, а также слабые поверхностные прикосновения, вызываемые во время отделения липкого стимула от кожи; однако интроспективный анализ этих двух переживаний показал, что они отчетливо различаются и независимы друг от друга, хотя и возбуждаются обычно совместно.

3. Липкость вызывается только движущимся стимулом. Движение не является существенным осознаваемым компонентом восприятия липкости, хотя и представлено в сознании в большинстве наиболее определенных случаев.
4. Основание различения видов липкости заключается отчасти в сочетании свойств, образующих ту или иную структуру (*pattern*), и отчасти в зрительных ассоциациях. При этом первое, по-видимому, имеет большее значение для различения липкости по качеству, чем второе.
5. Восприятие липкости не обнаруживает существенных изменений, если воспринимающий орган активен.
6. Липкий стимул, предъявляемый в области кожи, анестезированной эфиром, восприятия липкости не вызывает.
7. Незначительный подъем участка кожи ошибочно воспринимается как легкое надавливание, и наоборот, легкое надавливание воспринимается как подъем кожи, в 30—50 % случаев стимуляции. При более высокой интенсивности натяжения или давления эти смешения происходят гораздо реже.

Р.Т. Херлберт

[Выборочное исследование внутреннего опыта]*

Мы занимаемся описанием внутреннего опыта человека. Нас интересует, как люди думают и чувствуют, каковы их телесные ощущения, сомнения и другие особенности внутреннего мира. Мы понимаем, что на пути описания внутреннего опыта встречаются ловушки, которых надо опасаться, и что универсального способа их обхода не существует. Наше положение в роли исследователей внутреннего опыта отчасти сходно с положением исследователей-географов. Они обычно располагают различными, более или менее достоверными сообщениями о том, что можно обнаружить на изучаемой местности. Однако метод и способ описания данных проводимого ими исследования определяются тем рельефом, с которым они столкнутся в действительности. Кроме того, сделанное описание должно включать в себя не характеристики «сущности» данной местности, а точные отображения главных особенностей изученного ландшафта.

В том же состоит и наша цель: описать главные *особенности*, а не *сущности* внутреннего опыта. Прежде всего, представим в общих чертах метод нашего исследования <...>.

Метод

Полное описание и обоснование метода выборочного описания (*descriptive sampling method*) внутреннего опыта можно найти в нашей предыдущей работе[1]. Вкратце, этот метод состоит в следующем.

---

* *Hurlburt R.T.* Sampling Normal and Schizoprenic Inner Experience. N.Y.; L.: Plenum Press, 1990. P. 17, 45—60; *Hurlburt R.T.* Sampling Inner Experience in Disturbed Affect. N.Y.; L.: Plenum Press, 1993. P. 9—13, 15—25. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] См.: *Hurlburt R.T.* Sampling Normal and Schizoprenic Inner Experience. N.Y., L.: Plenum Press, 1990.

Мы сразу предупреждаем испытуемого, что в любой момент он может отказаться от участия в исследовании, и неоднократно напоминаем ему об этом на протяжении всего процесса сбора данных. Мы говорим испытуемым, что попросим их дать отчет о своем внутреннем опыте — мыслях, чувствах, ощущениях, восприятиях, осознаниях и так далее, — происходящем в случайные моменты времени. Мы доводим до их сведения, что в любое время они могут, не стесняясь, сказать, что какой-то аспект их внутреннего опыта нас не касается. Мысли и чувства, делиться которыми мы не хотим, бывают у всех и потому они имеют полное право оставить их при себе. Однако мы просим, чтобы они не замалчивали существование такого материала и говорили об этом напрямик. При полном утаивании мы обычно чувствуем, что описание данного опыта остается неполным, но не знаем, по какой причине, и продолжаем, добиваясь чувства завершенности отчета, задавать вопрос за вопросом. Поэтому нам обоюдно будет намного лучше, если они просто скажут: «Я не хочу говорить об этом». (В нашем исследовании такие отказы происходили очень редко.) Мы стараемся, чтобы у испытуемого появилось и укрепилось представление о себе как о нашем коллеге-исследователе: ведь мы пытаемся обнаружить материал, а именно внутренний опыт человека, единственным свидетелем которого является сам испытуемый. Нам нужен проводник, указывающий на особенности этого опыта, и таким проводником может быть только испытуемый.

Испытуемому вручают генератор случайных интервалов, проще говоря «сигнализатор» (*«beeper»*), который выдает через наушник звуковой тон 400 Гц в случайные моменты времени. Продолжительность интервалов между звуковыми тонами выбирается случайным образом в самом сигнальном устройстве, запрограммированном на максимальный интервал в один час и на минимальный интервал около одной минуты. Среднее значение интервалов между сигналами составляет тридцать минут. Громкость сигналов испытуемый устанавливает сам. Его просят настроить громкость до такой величины, при которой звуковой тон ясно, моментально и в то же время не вызывая испуга, распознается как сигнал генератора интервалов. Фактически, необходимая громкость зависит от уровня шумов окружения и в каждой конкретной ситуации определяется испытуемым самостоятельно.

Испытуемого просят пользоваться сигнальным устройством в естественной обстановке в течение периода времени, достаточно продолжительного для того, чтобы произошло от шести до восьми сигналов. Обычно этот период занимает от трех до четырех часов.

(В серии ранних исследований, когда испытуемые носили сигнализатор с утра и до вечера, было установлено, что время дня не имеет особого значения для получения тех результатов, которые мы считаем важными.) Мы просим, чтобы испытуемые имели при себе сигнальное устройство при выполнении различных деятельностей (в первую очередь для того, чтобы ограничить чересчур большое число выборочных описаний, получаемых во время просмотра телевизионных передач).

Задание испытуемому состоит в том, чтобы при каждом сигнале как бы заморозить свой текущий опыт и письменно зафиксировать его в специальном блокноте. Это описание не должно быть полным и развернутым в виде завершенных предложений, а должно представлять собой набросок, достаточный по своему содержанию для того, чтобы через несколько часов этот опыт можно было в точности реконструировать. Мы говорим испытуемым, что нас интересует то, что они переживали «за одну микросекунду» *до того* как сбились на восприятие сигнала. Нас интересует не то, какой была их *реакция* на сигнал, а то, что происходило *непосредственно перед* этой реакцией.

Обычно проходит несколько дней пробного сбора данных, прежде чем испытуемый приходит к правильному пониманию, что же мы подразумеваем под замораживанием текущего опыта. Мы обнаружили, что пояснить это можно, опираясь на следующую аналогию. «Представьте, что с помощью вспышки Вы фотографируете свой внутренний опыт. Как Вам известно, когда фотографируешься, почти всегда кажется, что в момент вспышки мигаешь, но в действительности на фотокарточке глаза получаются открытыми. Дело в том, что мигание происходит *в ответ* на вспышку. Подобно этому, мы хотим, прежде чем произойдет, так сказать, мигание, схватить Ваш опыт целиком, когда он освещен вспышкой, т.е. до того, как Ваше тело и мысли успеют на нее среагировать». Затем мы тут же набрасываем соответствующий рисунок и говорим следующее: «Ваш опыт меняется подобно извилистому потоку, который можно изобразить в виде этой линии (указываем на кривую линию на рис. 1). Как видно из рисунка, после подачи сигнала кривая Вашего опыта становится зубчатой. Момент опыта, который мы просим Вас «заморозить», расположен в том пункте кривой, который находится *непосредственно перед* этим изменением».

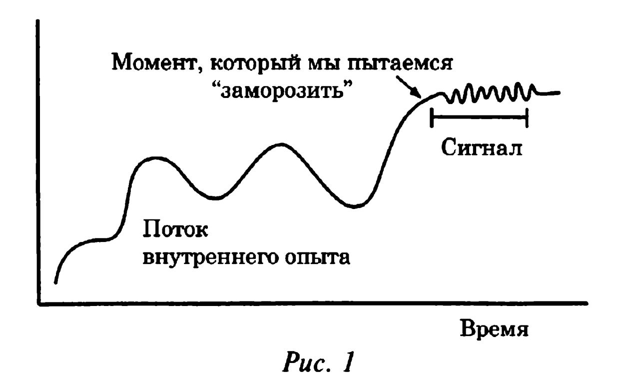

Рис. 1

Мы стараемся убедить испытуемых, что нас не интересуют их объяснения, *почему* они так или иначе думают или что-то делают. Пояснения необходимы нам только для понимания данного момента. (При этом мы говорим, что такие объяснения, разумеется, заслуживают внимания и зачастую бывают действительно захватывающими, но это выходит за рамки нашего исследования.) Кроме того, нас не интересует, является ли данный опыт часто повторяющимся,

типичным, необычным и так далее. Единственное, чего мы хотим, — чтобы они описали этот отдельный опыт так, как он происходил естественным образом.

Вопреки тому, о чем говорилось, когда мы подчеркивали мгновенность вспышки и так далее, испытуемые обычно думают, что под «моментом» мы подразумеваем гораздо больший промежуток времени. В начале исследования они, как правило, дают отчеты о продолжительных отрезках времени (например, о разговорах, которые они вели, со всеми вопросами и ответами), и только постепенно приобретают умение фокусировки своего отчета (для данного примера — на одном слове, фразе или высказывании).

После того, как испытуемые собирают данные в шести, семи или восьми случаях подачи сигнала, мы проводим с ними продолжительную беседу, посвященную этим выборкам. Этот разговор, за редким исключением, происходит не позднее, чем через сутки после сбора данных — мы говорим испытуемым, что нуждаемся в «свежих сигнальных событиях». Цель этой беседы состоит в получении как можно более точного описания каждого момента. Испытуемый то и дело возвращается к своим записям, а мы его спрашиваем и переспрашиваем, стараясь устранить двусмысленности и прояснить темные места описаний. Так продолжается до тех пор, пока мы, при условии согласия испытуемого, не решаем, что либо получили полное описание данного момента, либо достигли в его описании пределов наших возможностей и умений.

Нередко бывает, особенно в начале процесса сбора данных, что при описании какого-то выбранного момента «мы достигаем предела наших умений». Тогда мы успокаиваем испытуемого, уверяя его, что полное и точное описание каждого сигнального момента вовсе не обязательно; что лучше оставить описание такой выборки незаконченным, чем придумывать какие-то детали или симулировать его завершенность; что, если какое-то с трудом описываемое явление имеет важное значение, то оно произойдет когда-нибудь снова в последующей выборке, и тогда мы опишем его лучше; что мы точно не знаем, какие вопросы будем задавать тогда испытуемому и, тем более, это не удастся узнать самому испытуемому, и потому в момент первого сигнала ему будет неизвестно, каким деталям уделить внимание, однако последующие выборки будут, благодаря проведению текущей беседы, проходить легче; что явление, происходившее перед этим сигналом, быть может, действительно не доступно словесному описанию и, следовательно, описать его полностью не удастся никогда; что мы можем задавать ему вопросы, на которые невозможно ответить или которые он не понимает, и в таких случаях испытуемый должен сказать нам об этом; и так далее.

После того, как мы добиваемся как можно более полного описания первой выборки, мы переходим ко второй выборке прошедшего дня и повторяем вышеописанный процесс. На обсуждение одной выборки обычно затрачивается от десяти до двадцати минут. Как оказалось, процесс интервью выматывает и нас, и испытуемого; поэтому мы ограничили его продолжительность одним часом, описывая максимум шесть выборок. Если испытуемый получил данные

по большему числу выборок, чем укладывается во время, отпущенное на беседу, то данные остальных выборок мы выкидываем.

Сбор данных и процесс их обсуждения повторяется на следующий день (или в ближайший условленный день) и так далее, пока мы не решаем, что получили достаточное количество выборок (или по какой-то внешней причине сбор не прекращается вообще). Критерием «достаточности» является согласие между испытуемым и нами в том, что дополнительные выборки, по-видимому, будут подобны тем, которые мы уже обсудили. Произвольность этого пункта методики очевидна. Однако согласно моей практике он определяется на уровне переживаний абсолютно ясно. Обсуждение данных, собранных в первый раз, подобное мимолетному взору, брошенному с уникальной позиции на неизвестную страну, вызывает у меня острый интерес. Проходит от четырех до восьми дней сбора, и это очарование рассеивается. Исследование становится тяжелой, без энтузиазма, работой, выкачивающей энергию. Испытуемые чувствуют примерно то же самое и примерно в то же время, но это может быть результатом падения интереса у меня, а не одновременным признанием ими: «хорошего понемножку».

Наша цель состоит в том, чтобы в течение периода сбора данных письменно зафиксировать описания по меньшей мере нескольких выборок текущего дня, т.е. чтобы обсуждение и запись данных выборок были как можно ближе во времени. Это необходимо, хотя и не всегда возможно, так как письменная фиксация описаний вскоре после обсуждения приводит к их большей точности, во-первых, потому что подробности еще свежи в памяти и, следовательно, легче воспроизводятся и, во-вторых, потому что последующие события (типа обсуждений более поздних выборок) не влияют на описание данной выборки.

По окончании периода сбора мы определяем наиболее яркие особенности всей группы выборок. Чаще всего, яркие характеристики обнаруживаются уже в период сбора данных, так что ближе к его завершению большая часть итогового ряда этих характеристик, как правило, становится совершенно ясной. (Удивляться этому не приходится, так как мы работаем с каждым испытуемым от пяти до десяти часов и дополнительно в течение ряда часов письменно фиксируем описания отдельных выборок.) Кроме того, при анализе каждой выборки мы просматриваем записи всех предшествующих зондирований опыта данного испытуемого, пытаясь определить любые характеристики, которые будут обнаружены при совместном рассмотрении всех его зондирований. Затем мы представляем в письменной форме описания этих характеристик, иллюстрируя их соответствующими примерами уже описанных выборок.

По окончании полного описания ярких характеристик выборок внутреннего опыта данного испытуемого и изложения этого описания в устраивающей нас форме, мы показываем его нашему испытуемому с просьбой как можно более критично прокомментировать это описание. Мы учитываем любые примечания, вопросы и предложения испытуемого, включая их в суммарном виде в окончательный вариант описания. Крайне редко (если мне не изменяет па-

мять, в двух случаях, опубликованных в главах, посвященных опытам Боба и Джой[2]) нам не удалось согласовать наше описание с критикой испытуемого. В этих случаях мы приводим оба мнения, сопровождая их соответствующими пояснениями. Мы считаем, что мнение о том, что происходило во время сбора данных, как наших испытуемых, так и наше собственное, не является безукоризненным, и потому стараемся дать предельно честный отчет относительно любых противоречий в интерпретации этих событий.

Результаты этой процедуры представлены в отдельных главах, которые составляют большую часть этой книги; каждая из них посвящена описанию внутреннего опыта конкретного испытуемого. <... >

Студент-первокурсник университета[3]

Во время сбора данных Джейсону Корваллису[4] было 18 лет. Он учился на первом курсе университета штата Невада в Лас-Вегасе. Несколько месяцев тому назад он приехал из маленького городка, расположенного в северной части Невады. В данном исследовании Джейсон вызвался участвовать сам, после того как услышал о нем на одном из занятий вводного курса психологии. До начала сбора данных мы не были с ним знакомы вообще и, следовательно, ничего не знали о его личной жизни и особенностях умственной деятельности.

Джейсон был испытуемым в течение шести дней. За этот период мы получили и проанализировали 53 выборки его внутреннего опыта, которые охарактеризовали как Мысленные Образы (22), Словесное Воображение (12), Бессловесная Речь, или Безóбразное Ви́дение (8), Сосредоточение Внимания (7) и Чувства (4)[5].

Мысленные Образы

Более одной трети (22 из 53) внутренних опытов Джейсона, собранных им в указанный период исследования, составили Мысленные Образы (*Images*), т.е. случаи, когда у Джейсона был опыт «ви́дения», хотя в действительности видимые им вещи при этом отсутствовали. Следовательно, зрительное воображение было одной из наиболее примечательных особенностей умственной деятельности Джейсона. Эти образы существенно отличались друг от друга по своей яр-

---

[2] См.: *Hurlburt R.T.* Sampling Normal and Schizoprenic Inner Experience. N.Y., L.: Plenum Press, 1990.

[3] Эта глава написана совместно с Сузан М. Меланкон (*Susan M. Melancon*).

[4] Имя и фамилия испытуемого здесь, разумеется, вымышленные. — *Ред.-сост.*

[5] Здесь словами с заглавными буквами авторы обозначают некоторые из основных характеристик внутреннего опыта испытуемых, которые они выделили в результате своих исследований и подробно описывают в других главах, фрагменты из которых мы включили в данный текст. — *Ред.-сост.*

кости, окраске, сложности и возникали в самых разных ситуациях. Для настоящего обсуждения мы разбиваем эти зрительные представления на четыре класса по их функции: Грезы (*Daydreaming*), Образы Решения Задач (*Problem-Solving Images*), Сравнение Образов с Внешней Реальностью (*Comparison of Images with External Reality*) и Вторичные Визуализации Внешних Деталей (*Revisualizations of External Details*). Образов первой категории у Джейсона было больше всего. Однако нередко эти описательные категории перекрывали друг друга. Кроме того, образы любого класса варьировали в широком диапазоне вышеуказанных свойств.

Грезы. 12 из 53 выборок внутреннего опыта Джейсона мы решили назвать «грезами». В качестве своей типичной черты все они включали в себя мысленные образы. Здесь в момент поступления сигнала внимание Джейсона было сосредоточено на внутреннем «видении», а не на обстоятельствах окружения. Это были образы людей или мест, лишь отдаленно или косвенно связанных с его текущей деятельностью.

Например, однажды Джейсон получил сигнал на занятии по курсу управления отелями. На момент сигнала в плане воображения он видел горнолыжный курорт Холли (выборка № 53). Это был образ, который переживался где-то внутри, в центре его головы. Как будто с позиции автомобильной стоянки он видел лыжную базу на фоне горных отрогов. Эта умственная «картина» была «обрамлена» мраком, иначе говоря, ее края резко обрывались. Джейсон описывал эту картину как цветную, «яркую» и производящую «впечатление величия». Однако, поскольку Джейсон никогда на этом курорте не был, этот образ не был детальным. К примеру, он не мог сказать сколько этажей, один или два, у здания лыжной базы.

Джейсон описывал этот зрительный опыт как стоп-кадр, моментальный снимок репродукции, состоящей из смеси картинок из журнала, посвященного лыжному спорту, который он просматривал за несколько минут ранее по пути в аудиторию, а также из воспоминаний о тех горнолыжных курортах, где он отдыхал когда-то в прошлом. Хотя он и не осознавал частных подробностей, образ сам по себе переживался как резко очерченный и ясный. Т.е. вероятно, что Джейсон воспринимал эту картину как целое, не обращая внимания на те или иные детали. В данной выборке внутреннего опыта внимание Джейсона не было направлено на слова лектора, хотя внешним образом он, наверное, прислушивался к ним и, быть может, отслеживал речь профессора на каком-то ином уровне сознания. Но, скорее всего, в момент сигнала сознание Джейсона было всецело сосредоточено на картинном переживании грезы, а осознание внешних голосов и обстоятельств окружения должно было на какое-то время полностью прекратиться.

В другом примере сигнал поступил во время семинара по английскому языку, когда преподаватель объяснял структуру умозаключений. В момент сигнала Джейсон «на один шаг» отставал от преподавателя, сосредоточив свое внимание на мысленном образе древнегреческого философа Сократа после

формулировки следующего силлогизма: «Все философы — люди; Сократ — философ; следовательно, Сократ — человек» (выборка № 25). Здесь, опять-таки, картина сложилась сама по себе в некоторого рода пространстве внутри его головы. Он описал этот образ как черно-белое изображение, как бы представляющее смутное соединение разных рисунков, которые он мог неоднократно видеть в течение ряда лет в учебниках и энциклопедиях. Ему не удалось припомнить специфических деталей портрета или черт лица воображаемого философа, но он «знал», что это был образ Сократа.

В приведенных примерах грезы Джейсона представляли собой некоего человека или местность, которых раньше, в действительности, он никогда не видел. В других случаях мы называли грезами и такие опыты, которые представляли собой припоминания мест или событий, запечатленных в его памяти. Обычно эти воспоминания были сложными и очень подробными. Например, он смотрел в газете карту прогноза погоды и воспроизвел во внутреннем плане погодные условия своего городка в северной Неваде (выборка № 28). Он представлял себе цветной детальный вид родительского дома со стороны улицы. В этот образ вошли два соседних дома, расположенные справа и слева от дома родителей, бурая трава, голые деревья и «голубое с кудрявыми облачками небо».

Однако этот опыт Джейсона был не только зрительным. Он включал в себя слышание шума ветра, проносящегося сквозь голые ветви деревьев, пение птиц и ясное, охватывающее все тело чувство холода, как будто он стоял на улице в морозный день. Как и в вышеприведенных примерах, эта мысленная картина располагалась где-то внутри головы Джейсона. Но в данном случае никакой четкой рамки вокруг образа не было. Казалось, что он выходит за края фокуса внимания, занимающего часть поля зрительного воображения. Благодаря тому, что в этом целостном впечатлении принимал участие чувственный опыт всех модальностей (зрительной, слуховой, кожно-кинестетической), Джейсон описывал эту выборку так, как будто бы он «побывал там, не сходя со своего места».

Еще один случай этого типа ярко воспроизведенного опыта произошел в то время, когда в разговоре с другом по телефону Джейсон обсуждал поездку по программе международного обмена студентами (выборка № 26). В момент сигнала он переживал посещение рынка в Швеции, которую он однажды посетил в качестве участника данной программы. Он описывал эту выборку как охватывающую все его переживания и опыт пребывания в этой стране. Как и в предыдущей выборке, по словам Джейсона, он как бы вновь «побывал там, не сходя со своего места».

Это был яркий и детальный образ. Он видел голубые и золотистые флаги, растянутые между домами, и толпу людей, разгуливающих по площади. Хотя наиболее сильным переживанием этой выборки был опыт зрительный, он включал переживания и других чувственных модальностей, такие, как вкус пищи, звуки, запахи рыночной площади и чувство собственного движения сквозь толпу во время посещения рынка. Чувственные детали не были всего лишь метафорическими. Опыт этой выборки был таким, каким он был в дей-

ствительности, т.е. заполнен вкусами, запахами и т.д. и столь же сложным зрительно. Однако на Джейсона эта выборка подействовала вся целиком. Он утверждал, что если бы захотел, то смог бы сосредоточиться на любой детали этой картины. Т.е. в момент сигнала его внимание было направлено на всю поездку, схваченную и суммированную в том образе, который он видел.

В еще одном, заключительном примере яркого и сложного опыта памяти, Джейсон сидел дома, слушал запись «Олимпийских фанфар» Джона Уилльямза и представлял себе церемонию открытия Олимпийских игр 1984 г., на которой он присутствовал и где играли ту же музыку (выборка № 23). Он описал зрительный опыт в момент сигнала как «грандиозный» и «бесконечно подробный». Джейсону казалось, что в этой выборке прошедшее событие возродилось практически полностью. Он видел часть сцены в тех же красках, масштабе и размерности, что и в действительности, и как бы чувствовал людей, сидящих позади него. Джейсон говорил, что был возбужден, и чувствовал «душевный подъем», точь в точь как и в то время, когда он слышал ту же музыку, прозвучавшую в самый торжественный момент церемонии открытия Олимпийских игр.

Однако между этим образом и действительным событием были некоторые удивительные различия. Так, в образе игровое поле представлялось в виде пустого газона, тогда как на самом деле во время церемонии открытия оно было заполнено участниками Олимпийских игр. Во внутреннем опыте отсутствовала и музыка, идущая извне, которая перенесла Джейсона в прошлое к данному зрительному воспоминанию. Фокус его внимания был не на музыке и не на событиях, происходящих внизу на поле стадиона, а на массе зрителей. Казалось, что расположение зрителей в толпе меняется и в образе совершается общее движение, хотя в действительной картине никто не сходил с места.

Кроме того, в этой выборке Джейсон испытывал вторичное чувство «видения» самого себя и окружающей его толпы зрителей, как будто бы он наблюдал всю эту сцену сверху. Однако это дополнительное чувство обзора всей сцены было зрительным «знанием» того, на что она может быть похожа, но без видения действительной картины в прошлом (феномен, который мы обсудим позже в разделе, посвященном категории Безóбразного Ви́дения). Следовательно, здесь внимание Джейсона было сосредоточено в первую очередь на подробном, хотя и отобранном, зрительном воспоминании определенного события, переживание которого включает в себя эмоциональный опыт и опыт Безóбразного Ви́дения.

В остальных случаях мечтанья Джейсона были связаны с определенными предстоящими событиями, в которых он планировал участвовать. Например, разговаривая с другом по телефону, он условился позже, в тот же день, поиграть с ним в теннис (выборка № 34). Однако он не уделял внимания словам, которые говорил (или слышал) во время этой беседы, и впоследствии даже не мог их вспомнить. Вместо этого при звуке сигнала внимание Джейсона было сосредоточено на воображаемой картине, на которой он видел своего друга и самого себя, играющими на открытой битумной площадке для тенниса.

Отметим, что в этом внутреннем опыте присутствуют два воображаемых Джейсона: игрок, играющий в теннис со своим другом, и наблюдатель, видящий их игру. Образ игроков был дан в следующем ракурсе. Джейсон-игрок был представлен полностью на втором плане слева, а перед ним простирался корт и был второй игрок. Т.е. картина разворачивалась не с точки зрения Джейсона-игрока, который стоял на корте вместе со своим другом, а с точки зрения того Джейсона, который стоял позади и сбоку.

Как и в предыдущем образе, казалось, что с этой картиной связано чувство «общего движения», хотя никаких явно выраженных движений, таких как полет мяча над сеткой или перебежки игроков, Джейсон не видел. Однако, в отличие от последнего примера, ее окраска была блеклой, полинявшей, почти черно-белой. Джейсон сравнил ее с окраской телевизионного изображения, когда ручка настройки яркости цвета повернута до минимальной отметки.

Кроме того, этот образ включал в себя осознание Джейсона как наблюдателя, т.е. его присутствия в качестве наблюдающего игру двух игроков. Этот дополнительный Джейсон в образе представлен не был, но «зрительно» было известно, что он там должен быть (пример Безóбразного Ви́дения, которое мы опишем позже). Этот Джейсон занимал позицию наблюдения позади, о которой уже говорилось выше. К тому же Джейсон знал, что игра виделась как будто глазами этого Джейсона-наблюдателя.

Итак, в опыте данной выборки было три отдельных Джейсона. Во-первых, Джейсон-игрок, видимый в образе играющим со своим другом в теннис. Во-вторых, Джейсон, образно не представленный, но присутствующий в картине в качестве наблюдателя. В-третьих, реальный Джейсон, который говорил по телефону и услышал сигнал в момент переживания двух первых Джейсонов. Джейсон настаивал, что этот дополнительный компонент (Джейсон, наблюдающий «самого себя», наблюдающего самого себя и друга, играющих в теннис) явно отличался от того Джейсона, который переживался, например, в опыте Олимпийской выборки. Там Джейсон описывался в плане Безóбразного «ви́дения» самого себя по телевизору, как сидящего среди множества зрителей. Т.е. в Олимпийской выборке никакого переживания Джейсона-наблюдателя не было, а был Джейсон в толпе, видимый с нейтральной внешней точки зрения. Следовательно, мы можем отметить, что теннисный образ переживался Джейсоном как более личностный, как увиденный сквозь призму более личностного взгляда этого «невидимого» Джейсона-наблюдателя.

Образы Решения Задач. Шесть выборочных опытов Джейсона включали в себя Образы, которые, по всей вероятности, помогали ему в решении практических проблем. Например, в магазине одежды Джейсон выбрал четыре вещи и по пути к контрольному столу стал мысленно складывать их стоимость. В момент сигнала он видел Образ, состоящий из четырех цен, расположенных в столбик, с линией проведенной под нижней ценой, как будто бы для того, чтобы определить и записать сумму. Числа были представлены в виде черных цифр на светло-сером фоне подобно тому, как в действительности они высвечивают-

ся на экране кассового аппарата. При этом их разряды были упорядочены по вертикали. В крайней правой колонке непосредственно под линией суммы стояла цифра 9. В момент сигнала Джейсон «перенес единицу», т.е. сверху соседней колонки цифр, к сложению которых он приступал, только что появилась несколько меньшая по размеру цифра 1.

Опыт «мысленного сложения» был бессловесным: Джейсон не слышал и не проговаривал ни одной цифры. Сложение выполнялось в плане зрительного воображения. Однако этот зрительный опыт не был пассивным, как это было бы при наблюдении замедленной работы кассового аппарата. Здесь было переживание себя как складывающего столбик чисел, и цифры 9 и 1 представлялись в виде зрительной записи промежуточных результатов сложения, выполняемого самим Джейсоном. И тем не менее, как уже говорилось, опыт сложения был строго зрительным, и Джейсону казалось, что цифры появляются почти автоматически как следствие выполняемого им сложения.

В другом случае Джейсон играл со своим другом в теннис. Он услышал сигнал в момент наблюдения полета мяча в его сторону, т.е. сразу же после удара соперника по мячу (выборка № 35). Одновременно он видел (в Образе) в трех измерениях черную кривую в виде дуги, начинающейся там, где он должен был отбить мяч и заканчивающуюся в том месте площадки соперника, куда был нацелен его ответный удар. Итак, в виде черной воображаемой кривой была представлена траектория, по которой Джейсон хотел отбить мяч.

В опыте данной выборки Джейсон видел перед собой не только реальный мир (в том числе летящий по направлению к нему мяч), но и живую, вставленную в этот мир черную, дугообразную кривую. Джейсон видел эту кривую как им самим формируемую дугу, начиная с позиции, где он стоял, затем как проводимую над сеткой и в итоге заканчиваемую в том предвосхищаемом месте корта на стороне партнера, куда мяч мог бы попасть в результате ответного удара. Метафорически построение этой воображаемой линии он сравнил с полетом над кортом горящего мяча, оставляющего за собой шлейф дыма, а также с мазком кистью, оставляющей за собой красочный след (хотя ни горящего мяча, ни кисти в этом Образе он не видел). Скорость роста этой живой линии была приблизительно равной или, возможно, несколько большей, чем скорость того действительного полета мяча, который мог бы произойти после удара. Феномен кривой был кратковременным, — он исчез сразу же после того, как сформировался.

Итак, скажем повторно, что опыт данной выборки состоял в том, что в предвосхищении ответного удара, который Джейсон хотел нанести, он по-настоящему видел построение кривой, проходящей над сеткой корта. Вне всякого сомнения, этот опыт отличался от случая праздного наблюдения отдельного, исключающего реальность Образа в вышеприведенных примерах грез.

Во время игры в теннис произошла и следующая выборка (№ 36). Она тоже включала в себя сходное «видение» черной кривой, проходящей над кортом, но в данный момент Джейсон уже ударил по мячу и наблюдал его полет вдоль этой кривой по направлению к стороне корта, занимаемой соперником.

Между прочим, отметим, что Джейсон был начинающим игроком и не понимал, что эти зрительные феномены выступают как часть его манеры игры в теннис. После двух вышеописанных наблюдений, он сообщил, что постарается сосредоточиться на этих Образах как на средствах улучшения своей игры в теннис.

В остальных Образах этой категории Образы Решения Задач перекрывались с Образами Грез, т.е. их функциональное различие было смазано. Так было, например, на занятии по курсу введения в психологию, когда преподаватель рассказывал о строении глаза рыб (выборка № 52). В момент сигнала Джейсон отстал от преподавателя «на один шаг» и видел свою квартиру, нарисованную в плане праздного, грезоподобного воображения. Этот образ был представлен так, как будто Джейсон видел всю квартиру своими глазами со стороны дверного проема. Помещение было освещено, и он знал, что снаружи царит ночная тьма. Образ выглядел как неподвижный, ограниченный краями помещения стоп-кадр, вокруг которого ничего не было. Сам Джейсон в образе отсутствовал. В разных местах зрительно представленной квартиры находились три одинаковых аквариума. Один стоял слева, на журнальном столике перед диваном. Второй располагался справа на черной металлической подставке, у холодильника и стены коридора, ведущего на кухню. А третий аквариум находился прямо перед Джейсоном в области обеденного уголка кухни. В действительности этот последний вид был невозможен, поскольку перекрывался стеной.

В настоящей квартире Джейсона никаких аквариумов не было. Он вообразил свою комнату с аквариумами, расположенными в вышеуказанных различных местах как средство поиска самого лучшего места, куда бы он мог в конце концов поставить аквариум. Джейсон не переживал этот процесс примеривания как последовательные решения, принимаемые по каждому месту. Не было и словесно заданного самому себе вопроса о том, где лучше всего можно было бы поставить аквариум. Вместо этого он зрительно представлял всю квартиру целиком и одновременно видел все три аквариума в разных местах. Итак, в данной выборке визуальное мышление, хотя и переживалось в ненаправленном и бессвязном виде, помогало Джейсону оценить возможные варианты решения задачи.

Сравнение Образов с Внешней Реальностью. В семи случаях выборок опыта Джейсон проводил зрительное сравнение между Образом и определенными особенностями воспринимаемого окружения. Например, во время обеда в ресторане Макдональдса он зрительно сравнивал внутреннее оформление этого ресторана с Образом виденного в прошлом интерьера другого ресторана Макдональдса (выборка № 39). В момент получения сигнала Джейсон смотрел на определенные растения, расставленные в ресторане, где он сидел, и в то же время видел мысленную картину «типового» ресторана Макдональдса без таких растений. Другими словами, в его воображении было не какое-то воспоминание, соответствующее определенному месту и времени, а составная кар-

тина места, в котором он неоднократно бывал прежде. Это был цветной, вроде стоп-кадра Образ, располагавшийся чуть сбоку с правой стороны его поля зрения.

По ходу сравнения Джейсон поочередно фокусировал свое внимание то на разглядываемом окружении, то на созданном им внутреннем Образе. Когда Джейсон фокусировался на внешней реальности, этот Образ не прекращал своего существования. Внимание смещалось, а он «оставался там же», хотя и вне центра внимания, и Джейсон, разглядывая окружение, осознавал его наличие.

Переживание этого сравнения состояло в том, что ресторан, в котором он сидел, украшен лучше, чем другие рестораны Макдональдса, которые он посещал раньше, но никаких слов, выражающих это мнение, не было. Сравнение было строго зрительным. Джейсон дополнительно отметил, что хотя этот Образ по своей достоверности и напоминал фотографию, краев у него не было и чувство периферического зрения за его пределами не возникало. Образ буквально пломбировал поле зрительного восприятия, а Джейсон рассматривал внешний мир и одновременно присутствующую мысленную картину, сравнивая и оценивая их различия.

В другом примере Джейсон смотрел телепередачу и заметил яркое желтое ожерелье, украшавшее женщину, показанную на экране телевизора. К моменту, когда он услышал сигнал, он переключил внимание вовнутрь на изображение, состоящее из серии 10—15 оттенков желтого цвета, расположенных на белом фоне, подобно ряду фишек домино, в виде последовательности желтых прямоугольников. В этом ряду были только различные оттенки желтого цвета, т.е. никаких оттенков оранжевого или зеленого цвета в нем не было. Отсутствовало и впечатление того, что за пределами поля видения этот спектр продолжается по направлению к другим цветам. Джейсон описывал белый фон как «обрамленный», поскольку тот резко обрывался и, казалось, имел края, несмотря на то, что за этими краями не было ничего доступного восприятию. Ниже этого ряда прямоугольников была еще одна прямоугольная заплатка, цвет которой соответствовал желтизне увиденного ожерелья, и находилась она под прямоугольником точно такого же оттенка.

Переживание Джейсона состояло в том, что в данном случае проводилось отчетливое сопоставление между желтым цветом, увиденным на экране телевизора, и оттенками желтого, представленными в этом Образе. Он описывал это сравнение не столько и не только в терминах праздного, бессвязного опыта, сколько как деятельность, вызвавшую у него Переживание: «Ах! Вот в чем дело...»

Еще один пример зрительного сравнения того же рода лежит среди наиболее сложных зрительных представлений, о которых Джейсон сообщил за весь период сбора данных его внутреннего опыта. В этой выборке он смотрел вступительные титры-заставки телевизионного сериала (выборка № 49). В тот момент, когда Джейсон услышал сигнал, на экране телевизора было имя и темное, контурное изображение лица одного из персонажей в профиль, т. е. силуэт ак-

тера, исполняющего данную роль. Джейсон смотрел на телевизионный экран и в то же время вообразил лицо этого актера в цвете, в полный анфас и в масштабе, соответствующем силуэту.

Джейсон описывал этот Образ, как находящийся на розовато-лиловом фоне (который соответствовал фону на экране телевизора) и как подобный фотографиям, которые можно увидеть на «глянцевых обложках киножурналов». Однако это не было припоминанием журнальной картинки, которую он мог видеть когда-то в действительности. Джейсон мысленно «держал» эту цветную картину бок о бок с профилем-силуэтом (картинка «реального мира была слева, а мысленный Образ справа) и сравнивал их.

Однако в этой выборке появилось и третье зрительное представление. Он вообразил себе разговор с автором этих строк (С. М.), который происходил накануне, за день до этого опыта. Этот дополнительный Образ был в цвете и включал в себя подробности обстановки кабинета, в котором мы встречались, а также детали платья, которое тогда было на мне. Образ был дан так, будто кабинет видел некто, занимавший позицию чуть позади Джейсона, так что спина Джейсона тоже попадала в картину. Все три визуализации — вовне видимая телевизионная картинка, сравниваемый с ней Образ и Образ-воспоминание — для Джейсона имели одинаковое значение, и всем им он уделял равное внимание.

Когда Джейсон попытался пояснить опыт этой выборки, он утверждал, что Образ-воспоминание как бы покрывал другие зрительные картины, но не затуманивал лежащие под ним Образы, и его детали не мешали их восприятию. Он просто всматривался во все три картины в тот момент, когда услышал сигнал.

Вторичные Визуализации Внешних Деталей. В двух выборках, полученных во время периода исследования, Джейсон повторно визуализировал детали окружения. Иначе говоря, в момент сигнала его внимание было сосредоточено (в большей или меньшей степени) на созданном им зрительном представлении, которое в определенном аспекте отражало то, что он видел в окружающей действительности.

В первом случае Джейсон был на лекции по психологии, где преподаватель только что нарисовал схематическое изображение нейрона по горизонтали доски и в данный момент обсуждал миелиновую оболочку и ее функцию (выборка № 19). Когда Джейсон услышал сигнал, он зрительно представлял себе нейрон. Однако это не было простым повторением в плане воображения схемы, нарисованной преподавателем на доске. Джейсон визуализировал участок одного горизонтально расположенного аксона. Белый или освещенный участок аксона выступал на окружающем темном фоне, который выглядел как пустое пространство. Джейсон «знал», что воображаемый нейрон упакован в миелиновую оболочку, и что на ощупь эта оболочка, если бы ее можно было потрогать, должна быть скользкой (здесь нашло отражение то, что говорил лектор). Края участка были неотчетливыми. Джейсону казалось, что его внимание

сосредоточено только на участке видимого им нейрона, и что если бы он захотел, то смог бы увидеть продолжение нейрона и в ту, и в другую сторону.

Следовательно, данный Образ относится к вторичным визуализациям в том смысле, что хотя Джейсон и смотрел на находящуюся перед ним доску и слышал слова преподавателя, в момент сигнала его внимание было полностью сосредоточено на увиденной им внутренней картине. Другими словами, созданный Образ занимал в сознании Джейсона более высокое положение, чем видимое и слышимое снаружи. Можно отметить, что этот Образ выполнял и служебную функцию «решения задачи», поскольку Джейсон использовал его с целью понимания и усвоения лекционного материала.

Во втором случае в ожидании начала семинара Джейсон сидел в аудитории и бесцельно смотрел на людей, находящихся в помещении. Он говорил, что в данный момент он воспринимал зрительную сцену в целом, не выделяя кого-то в особенности (выборка № 51). В то же время он видел Образ той же аудитории, который он воспринимал как тождественный той зрительной сцене, которую обозревал вовне. Т.е. Джейсон видел и действительность, и в точности ей соответствующий Образ одновременно. Мысленная картина, представшая перед его «умственным взором», располагалась перед ним, почти полностью накрывая зрительную действительность.

Все это выглядело почти так, как будто Образ и внешнее зрительное восприятие были одним и тем же. Однако в описании Джейсона совершенно определенно говорилось, что в плане внутреннего опыта эти визуализации отличались друг от друга. Он описывал Образ как «более значительный, чем жизнь», происходившая перед ним. Однако жизнь располагалась не настолько далеко, чтобы он выпал из окружения или смотрел свысока на окружающих людей. Его внутреннее переживание состояло не в активном сопоставлении наружной сцены с мысленным Образом, а в том, что он всего лишь «убивал время» и с одинаковым вниманием наблюдал как действительность, так и ее Образ.

Джейсон оценивал этот зрительный опыт как единичное за весь период исследования событие, описать которое ему было нелегко. Он подчеркивал, что этот опыт не был ни видением мысленного Образа в умственном плане, ни рассматриванием помещения, заполненного людьми. И то и другое, т.е. Образ и наружный вид, переживались реально и отдельно друг от друга. Они совпадали в деталях по глубине, величине, цвету и в момент сигнала в равной степени занимали внимание Джейсона.

Словесное Воображение

Среди 53 выборок внутреннего опыта, собранных Джейсоном за весь период исследования, 12 выборок попали в категорию, названную нами Словесным Воображением (*Verbal Thought*). Переживание этой умственной деятельности происходило у Джейсона в двух формах. Во-первых, Внутреннее Слышание двух различных голосов: «аудиторного» и «преподавателя». Во-вторых, Внут-

ренняя Речь своим голосом. Каждый из этих голосов переживался как отдельный и отличающийся от двух других. Как следует из сообщений Джейсона, в любой из полученных выборок опыта он никогда не переживал более чем один из этих голосов. Интересно, что Джейсон за весь период исследования также ни разу не сообщил о случае, в котором зрительные Образы появлялись бы одновременно с Внутренним Слышанием или с Внутренней Речью.

Внутреннее Слышание. Первым был описан «аудиторный» голос. Джейсон переживал Внутреннее Слышание этого бестелесного мужского голоса как низкого, звучного и ясного, как если бы этим голосом читалось правительственное сообщение. Голос был «одиноким», как бы раздающимся в пустом пространстве, что придавало ему качество речи, произносимой в аудитории. Джейсон переживал этот голос как от него не зависимый, т.е. слова, произносимые этим голосом, не говорились им, а ему «слышались». Голос был беспристрастно публичным, т.е. таким, как будто он озвучивал слова, адресованные людям вообще, а не кому-то в частности. Джейсон сравнил его с голосом, которым передают объявления по системе городского вещания, рассчитанной на то, чтобы данное сообщение услышал каждый из множества людей, находящихся на улицах. (Разумеется, Джейсон знал, что хотя этот голос, как кажется, говорит для всех и для каждого, слышать его может только он.) Этот голос не принадлежал кому-либо из его знакомых или родных, и воспринимался Джейсоном внутри, в центре его головы.

Аудиторный голос мог быть сильным, изменяющимся по интонации. Так, Джейсон, просматривая юмористическую страницу газеты, услышал восклицание: «Какой глупый комикс!», произнесенное этим голосом с интонацией полного презрения (выборка № 2). В других выборках голос был спокойным и деловитым по интонации, как в том случае, когда этим голосом был задан вопрос: «Что сегодня вечером идет по телевизору?» (выборка № 5). В другом примере в аудиторном голосе явно присутствовала интонация раздражения: «Черт, это арахисовое масло такое густое, что не размажешь» (выборка № 8), хотя Джейсон утверждал, что у него самого, когда он слышал эти слова, никакого Переживания раздражения не было. Наконец, однажды Джейсон слышал как аудиторный голос сказал: «Черт, я засыпаю» (выборка № 31). Хотя эти слова говорились от первого лица, Джейсон не воспринимал их как адресованные только ему. Наоборот, у данного высказывания были те же характеристики силы, власти и беспристрастности, что и у обращений к множеству людей по системе городского вещания. Итак, во всех вышеприведенных примерах, несмотря на тот факт, что произносимое сообщение могло быть уместным только для Джейсона, этот голос воспринимался как беспристрастный, т.е. как обращенный ко всем и к любому, кто может его слышать.

Среди выборок, в которых Джейсон слышал аудиторный голос, была одна, в которой качество беспристрастности этого голоса отсутствовало. В этой выборке он услышал эмоционально заданный вопрос относительно эпизода фильма, который Джейсон смотрел в это время по телевизору: «Питер

пошел, чтобы получить пулю?» (выборка № 14). Джейсон сообщил, что этот вопрос был задан аудиторным голосом, но в этом случае он был адресован только ему, Джейсону, а не какому-то неопределенному «любому». Для Джейсона это было важным отличием, и хотя он не мог объяснить в точности, какие вокальные характеристики образуют это отличие, его специфика обнаруживалась столь же ясно, как и особенности публичного заявления или личного разговора.

Второй «голос» Внутреннего Слышания появился у Джейсона в конце периода сбора данных и был схвачен только в одной выборке. В момент получения сигнала Джейсон занимался домашним заданием по английскому языку и слышал слова: «Преподаватель подобен садовнику» (выборка № 46). Мы не отнесли этот феномен к Внутренней Речи, поскольку Джейсон слышал этот голос, и у него не было чувства, что услышанное является результатом его собственной активности. Это был приятный мужской голос, произнесший слова, прочитанные Джейсоном незадолго до этого. Этот мужской голос не принадлежал кому-то из знакомых Джейсона, не был его собственным голосом и голосом, который прежде он распознавал как «аудиторный». Казалось, что он обращен к группе людей и вместе с тем к каждому из этой группы в отдельности. Слышание этого «голоса преподавателя» Джейсон сравнил с опытом семинарского занятия, когда преподаватель общается с группой в целом и в то же время с каждым студентом индивидуально. Таким образом, голос преподавателя отличался от аудиторного двумя важными особенностями. Во-первых, Джейсон переживал тон и качество самого голоса как несомненно разные и, во-вторых, в «голосе преподавателя» чувствовалось личное обращение только к Джейсону и вместе с тем к Джейсону как члену какой-то формальной группы.

Внутренняя Речь. Вторую форму словесного воображения, которую Джейсон описал как высказывание самому себе, происходящее «внутри его головы» без каких-либо звуков и движений, мы назвали Внутренней Речью. В этих случаях он и «говорил», и слышал свой внутренний голос несмотря на то, что его переживание было сосредоточено на активном высказывании, а не на слышании. Характеристики Внутренней Речи переживались как тождественные его действительной громкой речи, т.е. у Внутренней Речи был тот же ритм, темп и модуляции, что и у внешней речи. Следовательно, в отличие от «аудиторного голоса» и «голоса преподавателя», при которых Джейсон воспринимал себя как слушателя, по большей части пассивного, словесное воображение этого типа переживалось в основном как его собственная активность. Кроме того, переживание «высказывания Джейсона» центрировалось где-то внутри его головы более рассеянным образом. Иначе говоря, Джейсон не воспринимал эти высказывания как изолированные или замкнутые в центре пустого окружающего пространства, как это было в случаях вышеописанного «аудиторного голоса».

Внутренняя Речь произносилась и слышалась Джейсоном в широком диапазоне интонаций. Например, однажды в магазине сигнал застал Джейсона

живо разговаривающим с самим собой с интонацией восхищения: «Эта девушка настоящая красавица!» (выборка № 3). В другой раз, когда Джейсон в спешке и нетерпении задержался у перехода через улицу, он подумал: «Я ненавижу светофоры!» (выборка № 40) с определенной интонацией (и Чувством) раздражения. В этих примерах переживание Джейсона состояло в том, что он говорил с самим собой, и в его словах никогда не подразумевалось обращение к кому-то еще.

При обсуждении опытов словесного воображения Джейсона мы ни разу не обнаружили какой-либо связи между содержанием данной мысли и «голосом», которым эта мысль безмолвно выражалась в словах. Например, во время просмотра телерекламы Джейсон сказал самому себе: «Это одна из самых абсурдных вещей, которые я когда-либо видел» (выборка № 50). Эти слова переживались как произнесенные его собственным голосом с мощной интонацией недоверия. По содержанию это высказывание сходно с Внутренним Слышанием слов «какой глупый комикс» (выборка № 2) в ранее описанном случае «аудиторного голоса». Следовательно, два сообщения, которые выглядят крайне сходными по содержанию, произносились и переживались абсолютно различным образом. Быть может, при условии более продолжительного сбора данных какая-то избирательная структура (*selective pattern*), лежащая в основе различных переживаний словесного воображения Джейсона, стала бы проясняться. Пока же мы можем только отметить, что словесное воображение Джейсона воспринималось им в виде ряда «голосов», которые не были связаны с предметом самого воображения очевидным образом.

Бессловесная Речь или Безóбразное Ви́дение

Вышеизложенное говорит о способности Джейсона к яркому, ясному и детальному переживанию словесного и зрительного воображения. Однако были получены и такие выборки, где он дал отчет о бесспорно словесном опыте, в котором определенных, мысленно произносимых или слышимых слов, тем не менее, не было. Похожим образом, встречались и выборки, в которых у Джейсона было отчетливое зрительное впечатление «ви́дения» при полном отсутствии сопровождающих умственных Образов. Эти опыты отличались от несловесных и незрительных переживаний «сосредоточения внимания» или фиксации мысли в памяти (см. ниже) тем, что при сосредоточении внимание Джейсона фокусировалось на какой-то трудной или интересной для него задаче. Более всего переживания Бессловесной Речи и Безóбразного Ви́дения казались сходными со словесным и образным воображением, если не считать того, что они располагались в наименее доступной яркому или ясному описанию части диапазона внутреннего опыта Джейсона.

Бессловесная Речь. В пяти выборках Джейсон сообщил об опыте, о котором ему было «известно», что он внутренне проговаривал слова (как в описаниях предыдущего раздела Внутренней Речи) и понимал их значение, но ника-

ких определенных слов не переживал. Т.е. у Джейсона было отчетливое впечатление того, что он говорит с самим собой, но без использования слов. Нам следует провести ясную границу между этой Бессловесной Речью и простым несловесным знанием или пониманием значения идей. Опыт этих выборок был опытом *высказывания*, а не только знания его значения. Другими словами, у Джейсона было переживание, очень похожее на то, которое мы назвали Внутренней Речью, и он в точности знал, что означает его высказывание, но никаких слов в его сознании представлено не было.

Например, в момент сигнала у Джейсона была сопровождаемая Чувством отчаяния идея, которую в словесном выражении можно было бы сформулировать следующим образом: «Я совсем не занимаюсь французским языком. Он действительно слишком сложный. Я завалю зачеты по другим курсам» (выборка № 7). Джейсон утверждал, что в действительности этих слов в его внутреннем опыте не было. В отличие от случаев словесного воображения, ни своим, ни другими голосами эти слова не говорились и не слышались. Однако у него было отчетливое впечатление высказывания этого значения, хотя никаких отдельных слов не говорилось.

Несмотря на то, что у Джейсона было ясное понимание отличия Бессловесной Речи от других выборок словесного и несловесного опыта, описать это переживание было очень трудно. Так, в еще одном примере, когда Джейсон смотрел телевизор, у него появилось соображение, которое, если выразить его словесно, звучит приблизительно следующим образом: «Почему все считают русских такими злодеями? Ведь они тоже люди» (выборка № 4). Одновременно он переживал чувство зрительного «видения» чего-то, связанного с этим вопросом, хотя никакой воображаемой картины, сопровождающей эту идею, не было. Следовательно, в этой выборке наряду с Бессловесной Речью был компонент Безóбразного Ви́дения. Здесь внимание Джейсона было направлено не на извне воспринимаемую телепередачу, а на его собственные мысли относительно этой передачи. Несмотря на это, никаких определенных слышимых или произносимых слов в этом соображении не было.

В остальных случаях Бессловесная Речь Джейсона была связана с переживанием попыток понимания или припоминания какого-то материала. В этих выборках Джейсон осознавал ожидание всплывания или выхода слов. Например, на занятии по французскому языку он хотел ответить на вопрос, как сказать по-французски «обеденный перерыв» (выборка № 15). По ходу поиска правильного ответа Джейсон осознавал, что необходимые слова внутренней речи каким-то образом сформулированы и собираются в различные пробные комбинации, но никакой картинки произнесения и слышания этих слов у него в действительности не было.

Безóбразное Ви́дение. Были и такие выборки, в отчете о которых Джейсон говорил о знании своего внутреннего видения, хотя никакого определенного Образа он не видел. Следовательно, такое переживание Безóбразного Ви́дения подобно обозначенному нами выше как видение Мысленного Образа; и Джей-

сон знал, что он видел, хотя сам Мысленный Образ отсутствовал. Например, он получил сигнал на занятии по курсу управления отелями, когда преподаватель рассказывал о хозяйственно-продовольственных складах (выборка № 21). В момент сигнала он отвлек свое внимание со слов преподавателя и «увидел» хозяйственно-продовольственный склад, хотя и визуализируя его, но без какого-либо действительного Мысленного Образа. Как и в случаях Бессловесной Речи, описать опыт этого рода Джейсону было нелегко. Он знал, что данная идея была зрительной, т.е. переживал себя как смотрящего на хозяйственно-продовольственный склад, и он знал, как этот склад выглядит, но никакой действительной картины или Мысленного Образа в этом переживании не было. И тем не менее, это необразное видение было для Джейсона абсолютно ясным. Он подчеркивал, что этот незрительный опыт воображения был очень ярким, несмотря на то, что он не мог его увидеть, выразить или описать словами.

Еще один случай Безóбразного Ви́дения произошел в выборке, описанной выше в разделе, посвященном Бессловесной Речи. Напомним, что Джейсон смотрел телевизор и подумал: «Почему все считают русских такими злодеями? Ведь они тоже люди» (выборка № 4). В этом опыте Джейсон знал, что данное соображение не только бессловесное, но и воспринимается им как отчетливо зрительное, хотя и без каких-либо умственных картин. Другими словами, переживание Джейсона заключалось в том, что в этом соображении есть определенный зрительный компонент. Он переживал какое-то «ви́дение», но не было ничего, что он мог бы описать как то, что он видит. Здесь опять-таки Джейсону казалось совершенно ясным, что то, что он пытается описать, было зрительным явлением, которое переживалось незрительным способом. Он утверждал, что знает о том, что это переживание действительно было, хотя сформулировать этот опыт в словах ему не удавалось.

Вклад Особого Внимания

В шести выборках Джейсон был застигнут в моменты более или менее интенсивного сосредоточения на чем-то, что он видел или слышал, или на попытках «зафиксировать» в памяти какую-то мысль концентрированным образом. Во всех этих случаях опыт погружения в то, что он делал, не сопровождался каким-либо явно словесным или зрительным воображением, хотя Джейсону казалось, что у него есть ясное чувство понимания или постижения чего-то. Иначе говоря, Джейсон не размышлял о чем-то, а просто уделял чему-то внимание.

Например, Джейсон сосредоточился на том, как составить фразу на французском языке (выборка № 9). Он смотрел на страницу учебника французского языка. Смотрел целенаправленно, но не читал строчку за строчкой или какое-то одно слово, а сосредоточился на всем абзаце. Одновременно он выписывал слова на лист бумаги. Однако его внимание не было направлено на то, что он записывал. В фокусе сознания была концентрация на данной странице

книги, понимание значения того, что он видел и попытки как-то использовать это значение для построения фразы. Никаких дополнительных умственных Образов или слов при этом не было.

В другом подобном случае Джейсон выполнял задание по английскому языку, читая рассказ, в котором встречались стереотипные выражения (выборка № 41). Описывая опыт этой выборки, он мог сказать только то, что был сосредоточен на странице книги. У него не было мысленного Образа данной страницы, и это не было чтением с безмолвным проговариванием самому себе одним из воображаемых голосов. Он был просто «сосредоточенным» без каких-либо связанных с этой концентрацией мыслей. В другой раз Джейсон вместе с другом смотрел фильм ужасов по телевизору (выбока № 37). В момент сигнала Джейсон видел действие, разворачивающееся на экране, и был полностью «погружен» в кинокартину. Он не мог вспомнить ни каких-то конкретных диалогов в данном фильме, ни каких-либо словесных или зрительных идей, возникающих у него в связи с тем, что он видел. Джейсон «вкладывал внимание», и в данный момент в этой концентрации заключалось все содержание его мысленного опыта.

В двух случаях Джейсон был сосредоточен на попытке «фиксации» определенной мысли в памяти. Хотя он знал, что думает, здесь его опыт был сходен с другими выборками опыта сосредоточения внимания в том, что он не мог описать, *каким образом* и о чем именно он думает. В этих случаях дело было не в том, переживал ли Джейсон мысли отчетливо в словесной или зрительной форме, и не в переживании отсутствия мышления, а в том, что эти мысли были малодоступны. К тому же он не мог сказать, каким образом происходит и где локализована эта «фиксация» или концентрация умственной деятельности. Он просто знал, что она была. Так, однажды сигнальное устройство сработало всего лишь спустя одну минуту после предыдущего сигнала (выборка № 10). Когда Джейсон услышал этот второй тон, он был сосредоточен на припоминании и записи опыта предшествующей выборки. Он не повторял этот опыт словесно в своей голове и не представлял его как-то зрительно. Но он знал, что «удерживал» его в уме, хотя и не мог описать, каким образом.

В более сложном примере он просматривал в газете рекламу и сравнивал характеристики трех тостеров, удерживая «в уме» стоимость каждого из них (выборка № 47). Отличие этого сопоставления от ранее описанных сравнений в плане зрительного воображения заключалось в том, что здесь не было ни мысленного образа тостеров, ни картинок трех цен, ни словесного повторения этих чисел в уме. Он только «знал», что они находятся где-то «там наверху». Это существование «там наверху» не переживалось как хранение в каком-то определенном месте внутри его головы. Джейсон не знал ни того, в каком порядке эти числа сохраняются, ни того, что он с ними делает по ходу сопоставления. Он знал только то, что они активно удерживаются и учитываются, но описать полностью, как это делается, он не мог.

Чувства

В четырех выборках в качестве своего основного переживания в момент сигнала Джейсон описал определенную эмоцию или Чувство (*Feeling*). То или иное Чувство или эмоция входила в содержание большинства сложных (вышеописанных) опытов. Например, переживание «Почему все считают русских такими злодеями? Ведь они тоже люди» (выборка № 4) включала в себя Чувство недоумения или замешательства, в опыт «Я ненавижу светофоры!» (выборка № 40) входило Чувство нетерпения, а переживание Олимпийской церемонии 1984 г. (выборка № 23) включало в себя Чувства «душевного подъема» и возбуждения, вызванные музыкой, которую он слушал. Другими словами, диапазон эмоций Джейсона был довольно широк, и он часто сообщал об этих эмоциях как об аспекте описываемых переживаний.

Однако четыре случая, включенные в данную категорию, можно считать особыми, так как здесь внимание Джейсона было полностью сосредоточено на том Чувстве или эмоциональном переживании, о котором он сообщал [позже. — *Ред.-сост.*]. Например, когда Джейсон смотрел утреннюю программу новостей, он почувствовал, сколь очаровательны телеведущие этой программы (выборка № 44). Позже, описывая этот эмоциональный опыт, он называл их «милыми, приятными, веселыми и дружелюбными». Однако в момент сигнала в его внутреннем опыте этих слов не было. Опыт этой выборки был сосредоточен на эмоциональном отклике, вызванном теми, кого он видел. В другом примере, когда Джейсон был дома, он с удивлением услышал, как кто-то за дверью забренчал ключами (выборка № 11). Здесь опять-таки в момент сигнала он не переживал никаких слов или умственных Образов, а осознавал чувство любопытства или «изумления» тем, кто бы это мог быть там, за дверью.

Иногда эмоциональный опыт этого рода был очень сильным. Например, на занятии по английскому языку он внезапно понял, что дома выполнил не то упражнение, которое было задано, а другое (выборка № 45). В момент сигнала у Джейсона было Чувство того, что он «спятил, бестолковый и крайне тупой». При этом он не осознавал ни мысленного проговаривания каких-то слов, ни каких-либо Образов. Кроме того, он описывал это Чувство самобичевания как имеющее привкус того, что ему следует как-то наказать себя за ошибку. Однако чувство необходимости наказания в этом эмоциональном опыте было менее сильным, чем Чувство искреннего гнева на самого себя. В еще одном случае, когда Джейсон услышал сигнал, все его внимание было сосредоточено на Чувстве голода, т.е. на переживании нужды организма в каких-то питательных веществах (выборка № 6). Здесь не было ни мысленной картины какой-нибудь пищи, ни словесного комментария голода. Весь опыт Джейсона заключался в этот момент в Чувстве осознания того, что он хочет или что ему надо пообедать.

Обсуждение

Одна из наиболее удивительных особенностей внутреннего опыта Джейсона во время периода исследования состоит в частом, а именно в 22 из 53 выборок, появлении зрительных Образов. Эти образы были очень сложными. В них было множество окрашенных деталей, а иногда им сопутствовали переживания других сенсорных модальностей, например, холода и шума ветра, когда в его воображении развернулась картина родительского дома в северной Неваде. Большинство Образов (12 из 53 выборок) были, по сути, бесцельными мечтаниями, которые овладевали его вниманием за счет временного исключения осознания внешних голосов и окружающих обстоятельств. В иных случаях эти Образы были вторичными визуализациями внешних деталей (2 из 53 выборок). В этих выборках внимание Джейсона в момент сигнала было сосредоточено на его собственном зрительном построении, в котором более или менее точно отражалось то, что он видел вовне, в действительности.

В остальных выборках Джейсон использовал Образы либо при решении задач (6 из 53 выборок), например, чтобы сложить в уме числа или с целью улучшения своей игры в теннис, либо при зрительном «сравнении» определенных характеристик внешнего окружения с тем Образом, который он видел (7 из 53 выборок). Итак, свыше одной трети опытов, собранных за период в шесть дней, включали в себя «видение» Образов, которые зачастую овладевали вниманием Джейсона более прочно, чем внешний, окружающий его мир.

Еще одна замечательная особенность выборок внутреннего опыта Джейсона в этот период заключалась в его привычке словесного воображения (12 из 53 выборок). Джейсон переживал словесное воображение двумя отчетливо различными способами. Во-первых, у него было Внутреннее Слышание слов, произносимых двумя разными голосами: властным, дикторского типа мужским голосом, слова которого обращались к любому и каждому, а не только к Джейсону, и мужским голосом преподавателя, который был более персональным и обращенным к Джейсону, чем голос диктора. Во-вторых, была Внутренняя Речь, т.е. Джейсон говорил самому себе своим голосом.

Когда сбор данных закончился, мы спросили Джейсона, знал ли он о существовании этих различных голосов раньше, до начала исследования. Он ответил, что голос диктора и опыт высказывания самому себе «были всегда и такими же», т.е. эти формы словесного воображения он осознавал всегда. Что касается голоса преподавателя, то здесь Джейсон казался менее уверенным. Он говорил, что, по-видимому, «третий голос» был всегда, но его свойства, возможно, со временем изменились.

Особенно удивительна третья особенность внутреннего опыта Джейсона, а именно, бессловесная речь и безобразное видение. В отчетах этих выборок Джейсон настойчиво утверждал, что описываемый им опыт представляет собой нечто большее, чем простое несловесное или незрительное «знание» словесно-

го или зрительного содержания выборки (хотя он всегда знал, что именно говорилось или виделось). Опыт этих выборок определенно включал в себя переживания высказывания или видения, и тем не менее никаких действительных слов или Образов при этом не было.

Комментарий к временному прекращению прений вокруг самонаблюдения: *интроспектирующие испытуемые согласованно говорили о «безóбразной мысли»*[6]

Среди психологов бытует твердое убеждение, если не сказать предубеждение, в ненадежности и невалидности любого метода[7], который можно назвать интроспективным. Рискуя головой, мы хотим выступить против этого тенденциозного мнения, потому что считаем его ошибочным несмотря на то, что разделяющие его умудренные читатели могут, не мешкая, забраковать наши данные вместо того, чтобы рассмотреть их непредвзятым и соответствующим образом. Опасность этого предубеждения приобретает для нашего исследования угрожающие размеры, когда мы начинаем приводить факты, говорящие о том, что феномен Несимволизируемого Мышления (*Unsymbolized Thinking*), который, по нашему мнению, входит в число важнейших результатов, опубликованных в этой книге, совпадает с феноменом, который интроспекционисты называли безóбразной мыслью (*imageless thought*) и тем самым вступаем на поле боя концепции безóбразной мысли, на котором прежнее самонаблюдение потерпело полное поражение.

Эта глава будет организована следующим образом: сначала мы продемонстрируем тождественность феноменов Несимволизируемого Мышления и безóбразной мысли; затем мы увидим, как исторически проблема безóбразной мысли привела к ниспровержению методов самонаблюдения, «потому что интроспекционистам не удалось прийти к единому мнению относительно существования безóбразной мысли»; далее мы покажем ошибочность этой точки зрения историков — испытуемые, занимавшиеся самонаблюдением, фактически согласованно говорили о феномене безóбразной мысли; наконец, мы приходим к заключению, что так называемый феномен безóбразной мысли в действительности подтверждается нашими современными наблюдениями и не служит основанием для того, чтобы забраковать методы самонаблюдения.

---

[6] Данная глава написана автором совместно с Кристи К. Монсон.

[7] *Ненадежность и невалидность любого метода* — о надежности метода говорят в тех случаях, когда при повторном его применении в одних и тех же условиях и у одного и того же испытуемого получаются сходные данные; метод считается валидным постольку, поскольку с его помощью получаются данные относительно именно того изучаемого объекта, который интересует исследователя.

Тождество феноменов Несимволизируемого Мышления и безóбразной мысли

Рассмотрим два типичных для начала XX в. исследования: первое провели Майер и Орт, второе — Бюлер[8].

Майер и Орт просили своих испытуемых (в том числе друг друга) дать свободные ассоциации[9] на произнесенное вслух стимульное слово и отмечать все, что происходит в сознании между предъявлением данного стимула и ответом. Они обнаружили три вида содержаний сознания, из которых для нас важен третий. Авторы описывают два первых вида содержаний сознания (образы восприятия и волевые акты) и затем пишут следующее:

> В дополнение к этим двум классам событий сознания мы должны ввести третью группу фактов сознания, на которые психологи вплоть до настоящего времени не обращали должного внимания. С действительным существованием таких фактов мы неоднократно и невольно сталкивались на всем протяжении нашего экспериментального исследования. Испытуемые нередко говорили, что переживали конкретные события, уверенно утверждая при этом, что не могут совершенно четко назвать их определенными образами и даже волевыми актами. Так, испытуемый Майер [один из авторов статьи. — *Р.Х.*] провел наблюдение, согласно которому в связи с предъявленным на слух стимульным словом *размер* произошло какое-то особое событие сознания, охарактеризовать которое более точно он не может, и вслед за которым было произнесено ответное слово *хорей*[10]. Иногда испытуемым удавалось дать более содержательный отчет об этих фактах психики. Например, Орт [также один из авторов статьи. — *Р.Х.*] провел наблюдение, согласно которому после стимульного слова *горчица* появилось особое событие сознания, которое можно, по его мнению, охарактеризовать как «припоминание обычной фигуры речи». Затем последовала реакция *зерно*. Во всех подобных случаях испытуемому не удавалось обнаружить в сознании даже малейшего следа присутствия «представлений», при помощи которых он мог бы определить такой факт психики более содержательно. Все эти события сознания, несмотря на их явно и часто абсолютно разное качество, мы объединяем в один класс состояний сознания под названием *Bewusstseinslagen* (нем. — положения сознания). Как следует из отчетов наблюдателей, эти состояния сознания

---

[8] См.: *Mayer A., Orth J.* Zur qualitative Untersuchung der Associationen // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie des Sinnesorganization. 1901. Bd. 26. S. 1—13; *Bühler K.* Tatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge. I. Über Gedanken // Archiv für die Gesamte Psychologie. 1907. Bd. 9. S. 297—365.

[9] *Свободные ассоциации* — при использовании метода свободных ассоциаций от испытуемого требуют, чтобы в ответ на предъявленное ему слово он без промедления назвал первое пришедшее ему на ум слово. — *Ред.-сост.*

[10] *Хорей* — двухсложный стихотворный размер. — *Ред.-сост.*

порой отмечены чувством, иногда же происходят без какого-либо чувственного тона[11].

Майер и Орт впервые использовали термин *Bewusstseinslagen* для обозначения состояний сознания, не имеющих сознательного образа и характеристик волевых актов. Позже другие авторы также применяли этот термин, и со временем им стали обозначать один из нескольких видов опыта, известных под единым названием «безо́бразной мысли».

В типичном исследовании, проведенном Бюлером, семи испытуемым (среди которых были знаменитые психологи того времени) задавались вопросы, на которые они должны были ответить *да* или *нет*. Вопросы были таковы, что приходилось подумать. Например: «Была ли теорема Пифагора известна в Средние века?», или: «Можно ли добраться отсюда до Берлина за семь часов?», или: «Чем меньше женская ножка, тем больше счет за туфельки?». Испытуемый отвечал и затем предельно подробно описывал свое сознание в интервале между вопросом и ответом.

Сами по себе ответы лежали на периферии интересов исследователя. Гораздо важнее были отчеты о сознании испытуемого между вопросом и ответом. Испытуемые часто говорили о словах, сенсорных представлениях (слуховых, зрительных, кинестетических и так далее), а также о чувствах. Но кроме того, они сообщали об умственных процессах, описать которые было трудно:

> Самые существенные фрагменты опыта представляют собой не поддающиеся никакому сравнению структуры, которые невозможно определить в терминах известных классов ощущений, образов, чувств и так далее. Главное, здесь нет никакого сенсорного качества, никакой сенсорной интенсивности. С уверенностью можно сказать, что некоторые из них довольно ясные и определенные, и благодаря своей живости (*vividness*) возбуждают в нас духовный (*psychic*) интерес; однако их содержание детерминировано совершенно иначе, чем у чего-то, сводимого в конечном счете к ощущениям; не имело бы никакого смысла стараться определить, обладают ли они большей или меньшей интенсивностью и даже то, можно ли их разложить на какие-то сенсорные качества. Эти реалии (*entities*) испытуемые, используя термин Аха[12], обозначали как осведомленности, иногда как знания или же просто как «сознание что», но чаще и точнее всего как «мысли»[13].

Bewusstseinslagen Майера и Орта и «мысли» Бюлера были в известной степени ясными сознательными осведомленностями, знаниями или состояниями

[11] Цит по: *Humphrey G.* Thinking: An Introduction to its Experimental Psychology. N.Y.: Wiley, 1963. P. 33.

[12] Ах (*Ach*) Нарцисс (1871 — 1946) — немецкий психолог, представитель Вюрцбургской школы. — *Ред.-сост.*

[13] Цит. по: *Humphrey G.* Thinking: An Introduction to its Experimental Psychology. N.Y.: Wiley, 1963. P. 57.

сознания, которые происходили в особые моменты времени (например, между стимульным словом и ответом). Они были достаточно четкими и имели вполне определенное значение, хотя и не могли быть отождествлены с какими-либо словами, ощущениями, образами, волевыми актами или другими более простыми событиями сознания.

Но в точности к тому же определению мы пришли в предыдущей главе при описании характеристик внутреннего опыта, названных Несимволизируемым Мышлением: никаких слов или образов; наши испытуемые «просто знают», о чем они думают в момент сигнала и эти мысли вполне определенны и различимы. Мы считаем, что полученные в нашем исследовании описания Несимволизируемого Мышления тождественны тем описаниям безóбразной мысли, которые давали Майер, Орт, Бюлер и другие интроспекционисты. Наш вывод состоит в том, что Несимволизируемое Мышление — это то же самое явление, которое интроспекционисты называли безóбразной мыслью.

Безóбразная мысль как причина ниспровержения самонаблюдения

Несмотря на то, что на раннем этапе психологии самонаблюдение играло ведущую роль, историки психологии не уделяют ему того внимания, которого оно заслуживает[14]. В настоящее время если не подавляющая, то большая часть психологов либо категорически отказывается от самонаблюдения, либо относится к таким методам крайне подозрительно, считая их малопригодными и/или ненадежными[15]. Термин «самонаблюдение» отсутствует даже в предметных указателях большинства современных учебников вводных курсов психологии. Там же, где он упоминается, о самонаблюдении говорят мимоходом в связи с историческим значением исследований Вильгельма Вундта[16] и истоками современной экспериментальной психологии.

К тому же о самонаблюдении ничего не говорят в большинстве современных текстов, посвященных *методам* психологического исследования. Если же о нем и заходит речь, то только в плане критики. Например, Вуд приходит к выводу, что «в психологии самонаблюдение находило широкое применение, но со временем многие психологи увидели ограничения этого подхода. <...>

[14] См.: *Danziger K.* The history of introspection reconsidered // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1980. Vol. 16. P. 241—262.

[15] См.: *Misiak H., Sexton V.S.* History of Psychology: An Overview. N.Y. Grune and Stratton, 1972; *Brennan J.F.* History and Systems of Psychology. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1982.

[16] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Полагаясь на свои <...> самонаблюдения, мы скорее и чаще всего придем к целому ряду ошибочных заключений[17].

Наиболее распространенное объяснение игнорирования или критики самонаблюдения состоит в подчеркивании большинством историков психологии того, что в разных лабораториях интроспекционистов эпохи самонаблюдения начала двадцатого столетия получались разные результаты даже при сходных экспериментальных условиях[18]. Это противоречие выступило на первый план главным образом потому, что с 1900 по 1925 г. интроспекционистам не удалось прийти к единому мнению относительно существования безóбразной мысли. Господствующим в то время учением, лежащим в основе объяснения функционирования психики, был сенсуализм[19], утверждающий, что любой «опыт имеет элементарное ядро и значение, обеспечиваемое контекстом[20]. У восприятий ядра сенсорные, а у идей — образные. Контекст может быть сенсорным (как при кинестетическом ударении ритма) или воображаемым (как в случае припоминания имени знакомого лица). Благодаря ассоциативному контексту любой опыт приобретает значение»[21]. Для нас важно положение сенсуализма о так называемом «образном ядре» идеи. Согласно сенсуалистам, существенной особенностью, т.е. подлинной сердцевиной любой идеи является определенный образ. Поэтому, согласно сенсуалистам, невозможно иметь идею без образа в ее ядре. Это могут быть образы зрительные, кинестетические, слуховые и так далее, но главное совершенно ясно: нет образа, — нет идеи. Данное положение сенсуалистов появилось в результате длительной традиции, простирающей свои корни, по меньшей мере, к Аристотелю[22]. В начале двадцатого века его придерживались такие психологи-исследователи как Титченер[23], Багли, Окабе, Кларк, Бук, Джейкобсон, Толмен[24], Мартин и другие.

---

[17] См.: *Wood G.* Fundamentals of Psychological Research. Boston: Little, Brown and Company, 1981. P. 7—8.

[18] См: *Danziger K.* The history of introspection reconsidered // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1980. Vol. 16. P. 241—262.

[19] *Сенсуализм* — философское учение, признающее единственным источником познания ощущения. —*Ред.-сост.*

[20] Здесь под *контекстом* подразумевается окружение или, так сказать, оболочка ядра или сердцевины любого опыта сознания, а не внешнее окружение или ситуация. — *Ред.-сост.*

[21] См.: *Wertheimer M.* A Brief History of Psychology. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1987. P. 111.

[22] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[23] Титченер (*Titchener*) Эдуард Брэдфорд (1867—1927) — английский, с 1892 г. американский психолог, ученик Вундта; см. его тексты на с. 54—64, 65—73, 236—248, 249—255 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[24] Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог; см. его тексты на с. 479—499, 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Как мы отметили в двух вышеприведенных примерах, исследователи, использующие методики самонаблюдения, обнаружили, что испытуемые иногда сообщают о том, что значение, осведомленность, знание, понимание, признание и так далее происходят *без* сознательных образов. Наблюдения такого рода привели к тому, что некоторые исследователи отказались от положения «нет образа — нет идеи» и вопреки этому предположили, что какое-то мышление может происходить без образных ядер; иначе говоря, они выдвинули гипотезу о существовании «безóбразной мысли». Сторонниками этой гипотезы стали исследователи Вюрцбургской школы (Кюльпе[25], Майер, Орт, Марбе, Ах[26], Уатт, Мессер и Мур), а также Бине[27], Вудвортс[28], Беттс, Эйвелинг и другие. В ответе на вопрос, существует или не существует безóбразная мысль, между ними и сенсуалистами пролегла линия фронта.

В течение примерно двадцати лет в том и другом лагере проводились интроспективные исследования с целью подтверждения или опровержения существования безóбразной мысли. В итоге ни сенсуалисты, ни сторонники существования безóбразной мысли не смогли убедить своих противников, и тупик, в который они зашли, стали принимать за свидетельство бессилия самонаблюдения. Если с помощью интроспекции не удается решить столь фундаментальную проблему в течение столь продолжительного исследования, то не отвечающим требованиям следует считать сам метод самонаблюдения и поэтому от него надо отказаться.

В нашем кратком очерке представлены типичные моменты большинства объяснений ниспровержения самонаблюдения. Например, Мук делает вывод: «Разные исследователи пришли [по данному вопросу. — *Ред.-сост.*] к противоположным заключениям. <...> Можем ли мы думать без образов? <...> Подходящего способа, чтобы выяснить это, по-видимому, не существует»[29]. Мисяк и Секстон подводят итог следующим образом: «Результаты, опирающиеся на данные самонаблюдения, собранные в разных лабораториях, противоречили друг другу иногда даже при одинаковых экспериментальных условиях»[30]. Таким образом на самонаблюдении ставят клеймо ненадежности и бесплодия для науки[31].

---

[25] Кюльпе (*Külpe*) Освальд (1862—1915) — немецкий психолог, лидер Вюрцбургской школы психологии мышления. — *Ред.-сост.*

[26] Ах (*Ach*) Нарцисс (1871—1946) — немецкий психолог. — *Ред.-сост.*

[27] Бине (*Binet*) Альфред (1857—1911) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

[28] Вудвортс (*Woodworth*) Роберт Сешонз (1869—1962) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[29] См.: *Mook D.G.* Psychological Reseach. N.Y.: Harper and Row, 1982. P. 362—363.

[30] *Misiak H., Sexton V.S.* History of Psychology: An Overview. N.Y.: Grune and Stratton, 1972. P. 47.

[31] Данцигер показал, что когда современные историки приписывают ниспровержение самонаблюдения разногласиям среди интроспекционистов, они упрощают историческую ситуацию. При более тщательном рассмотрении данного вопроса он находит доказательства,

Фактически большинство психологов до сих пор придерживаются общей идеи, что поскольку ранним интроспекционистам не удалось прийти к единому мнению, методы самонаблюдения ненадежны и их следует сторониться.

Данные самонаблюдения безóбразной мысли фактически были согласованными

В предыдущем разделе мы привели краткий типичный очерк истории разногласий вокруг безóбразной мысли: интроспектирующие сенсуалисты не могли прийти к единому мнению с интроспектирующими исследователями Вюрцбургской школы относительно существования безóбразной мысли. В данном разделе будет показано, что обобщение невозможности согласия между интроспекционистами приводит к ошибочной характеристике данных самонаблюдения, а именно, к характеристике, маскирующей тот факт, что отчеты большинства интроспектирующих испытуемых о феномене, названном безóбразной мыслью, на самом деле не противоречат друг другу. Итак, по нашему мнению, испытуемые в лабораториях сенсуалистов и вюрцбуржцев говорили о *наблюдениях одного типа*. В разных лабораториях различными были не сами наблюдения, а их *интерпретации*.

В двух вышеприведенных примерах испытуемые в лабораториях вюрцбуржцев давали отчеты о значениях, пониманиях, осведомленностях, знаниях и так далее, происходивших без осознания каких-либо образов. В действительности о таких явлениях говорили испытуемые во *всех* исследованиях безóбразной мысли (в конце концов, это и было тем определяющим фактором, который вербовал сторонников существования безóбразной мысли). Остается только показать, что испытуемые в интроспективных экспериментах, проведенных *сенсуалистами*, также сообщали о том, что значения, понимания, осведомленности, знание, опознавание и так далее иногда происходят без присутствия образов в сознании. Тогда мы увидим, что интроспектирующие испытуемые в экспериментах, проведенных как сенсуалистами, так и сторонниками существования безóбразной мысли, *приходили к единому мнению относительно безóбразных явлений* в том смысле, что давали действительно сходные (без указаний на присутствие осознаваемых образов) отчеты о содержаниях внутреннего опы-

---

что падение самонаблюдения произошло главным образом как следствие *иных* факторов, а не связки «разные лаборатории — разные результаты». Он приходит к заключению, что возникновение и рост интереса к психологии детей и животных, а также интереса американцев к материальной и умственной продуктивной деятельности привели «...к переформулировке целей психологического исследования и, как следствие, к новому выбору методов, необходимых для достижения этих целей. Самонаблюдение пало жертвой не столько своих внутренних проблем, сколько в результате гораздо более мощных исторических сил» (*Danziger K.* The history of introspection reconsidered // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1980. Vol. 16. P. 259).

та. Однако сенсуалисты и сторонники существования безóбразной мысли приводили абсолютно различные *теоретические объяснения* этих отчетов и в этом плане они никогда не достигали согласия. Таким образом, мы будем двигаться к заключению, что корень ненадежности, приписываемой самонаблюдению, находится не в противоречивости отчетов *испытуемых* о сознании, а в попытках *исследователей* уложить эти отчеты в структуру теории.

Мы не первые в ряду тех авторов, которые отмечают это сходство данных, полученных сенсуалистами и сторонниками существования безóбразной мысли. Например, один из представителей Вюрцбургской школы сторонников существования безóбразной мысли, Мур, проанализировал данные экспериментов сенсуалиста Окабе и пришел к выводу, что испытуемые последнего отчитывались о явлениях, которые вюрцбуржцы могли бы назвать безóбразными[32]. Тем не менее, в настоящее время о таких наблюдениях сходства, как правило, забывают.

Проведем теперь обзор ряда отчетов, полученных исследователями, стоящими на позициях сенсуализма. Мы покажем, что в каждом из этих исследований испытуемые сообщали о феноменах, происходящих во время интроспекции, когда согласно самонаблюдению совершался некоторый познавательный процесс (значение, убеждение и так далее), но без одновременного присутствия в сознании какого-либо образа. В каждом таком случае исследователи-сенсуалисты принимали отчеты своих испытуемых как данные, но не выделяли их в отдельный класс «безóбразной мысли».

Багли первым среди наших исследователей-сенсуалистов изучал апперцепцию[33] устной речи. Он обнаружил, что испытуемые иногда сообщали о «чрезвычайно тусклых и поэтому неописуемых образах»[34] и посредством слов пытались выразить то значение, которое присутствовало в их мышлении. Эти испытуемые подчеркивали, что используемые для выражения данного значения слова не были в точности теми же самыми, что и само значение (откуда следует, что это значение становилось известным испытуемому не словесным, а каким-то другим способом). Итак, испытуемые Багли иногда говорили о значении, ясно присутствующем в сознании и без слов, и без образов. Однако Багли называет такие переживания «настроениями» (*moods*), а не «безóбразными мыслями».

---

[32] См.: *Okabe T.* Experimental study of belief // American Journal of Psychology. 1910. Vol. 21. P. 563—596; *Moore T.V.* The evidence against imageless thought // Psychological Monographs. 1919. Vol. 27. P. 241—282.

[33] *Апперцепция* — здесь данный термин использован в классическом, традиционном значении, впервые сформулированном немецким философом Лейбницем: это заключительная, ясная фаза восприятия (перцепции), на которой происходит узнавание, опознание или понимание воспринятого. — *Ред.-сост.*

[34] *Bagley W.C.* The apperception of the spoken sentence: A study in the psychology of language // American Journal of Psychology. 1900. Vol. 12. P. 117.

Сенсуалистка Кларк провела прямое исследование *Bewusstseinslagen*, описанных Майером и Ортом. Она предъявляла испытуемым слова, отпечатанные шрифтом Брайля[35], чтобы они не могли прочитать эти слова «мгновенно», и просила заниматься самонаблюдением в период, когда они схватывали значение таких слов. Кларк обнаружила, что иногда образы были «неуместными, несоответствующими и противоречащими»[36] тому значению, которое осознавалось испытуемыми. Иначе говоря, значение могло стать доступным сознанию без поддержки со стороны сознательно воспринимаемых образов. Следовательно, испытуемые Кларк сообщали о переживаниях сознания, происходящих без ясно воспринимаемых образов. Однако она не называет эти значения «безóбразными мыслями», а начинает объяснять, что мысли, сопровождаемые несоответствующими образами, просто занимают крайнее положение на шкале все более и более увеличивающейся смутности образов.

Окабе исследовал убеждение, предъявляя письменные тексты испытуемым, которые проводили самонаблюдение по ходу формирования убеждения или недоверия. Автор отмечает, что время от времени у его испытуемых были ясные, опирающиеся на образы убеждения, как, например, у испытуемой *V* в пробе *A*102, когда она сказала: «Проговаривание про себя: разумеется, я этому не верю»[37]. Но иногда у той же испытуемой было переживание понимания, которое определенно предшествовало какому-либо образу или ощущению, как например в пробе *A*77, когда она сообщила: «Прочитала и поняла: я этому не верю»[38]. Однако Окабе не определяет это понимание или непосредственное недоверие как безóбразное явление, несмотря на то, что на ранней стадии оно присутствовало без доступных сознанию образов.

Бук изучал процесс научения машинописи[39]. Он отмечает, что у машинисток-новичков мышление было насыщено сенсорными образами отдельных печатаемых букв, но по мере того как они становились более умелыми, сопровождающее печатание мышление постепенно теряло свои сенсорные качества и в конце концов значение букв схватывалось непосредственно, без помощи образов. Вместо того, чтобы назвать такое прямо схватываемое значение «безóбразной мыслью», Бук объясняет его в терминах хорошего ознакомления и узнавания и предполагает, что сенсорные представления продолжают существовать на краю минимальной ясности в иерархии образов.

---

[35] *Шрифт Брайля* — точечный шрифт для слепых, разработанный французским учителем Луи Брайлем (1809—1852); различные комбинации, состоящие не более чем из шести выпуклых точек, обозначают все цифры и буквы алфавита; слепые и слабовидящие люди могут наощупь читать отпечатанные таким образом тексты. — *Ред.-сост.*

[36] *Clarke H.M.* Conscious attitudes // American Journal of Psychology. 1911. Vol. 22. P. 241.

[37] *Okabe T.* Experimental study of belief // American Journal of Psychology. 1910. Vol. 21. P. 569.

[38] Там же.

[39] См.: *Book W.F.* On the genesis and development of conscious attitudes (Bewusstseinslagen) // Psychological Monograph. 1910. Vol. 17. P. 381—398.

Кейкиз исследовал проблему значения и понимания на материале слов и фраз и обнаружил, что испытуемые говорят о «чистом чувстве понятия или значения», где под словом «чистое» он имеет в виду отсутствие в сознании сопутствующих образов; однако вместо того, чтобы назвать это чувство «безóбразным», он находит ему место в иерархии «сопутствующих обстоятельств процесса понимания»[40].

Джейкобсон просил испытуемых провести самонаблюдение после предъявления отпечатанных слов или фраз. Например, он пишет, что когда испытуемому был задан вопрос: «Понимаете ли Вы, что он убивает этого человека?»[41], в течение трех секунд не было «никакого значения», покуда не появился нагруженный этой идеей образ. Очевидно, что у испытуемого на протяжении этих трех секунд происходило понимание значения заданного вопроса, но вместо того, чтобы обозначить это понимание как «безóбразный процесс», автор делает вывод, что в течение трех секунд никакого значения не было, пока оно не выступило в форме образа, так как согласно его теории значение передается только посредством образа.

Лангфельд и Гейсслер просили своих испытуемых подавить действительное название знакомого объекта и ответить бессмысленным названием[42]. Их испытуемые говорили, что словесные идеи становились [при этом условии. — *Ред.-сост.*] неузнаваемыми и, более того, самостоятельно использовали термин «безóбразное», чтобы описать эту неузнаваемость[43]. Однако Гейсслер называет это «логическим процессом», а не безóбразной мыслью, и выносит его за пределы области психологии.

Мартин просила своих испытуемых припоминать последовательности игральных карт, во-первых, используя любой умственный способ, который, по их мнению, должен быть наиболее эффективным и, во-вторых, подавляя любые образы во время припоминания. Она обнаружила, что испытуемые «стали сомневаться в информирующей силе образов», но на позицию признания безóбразной мысли так и не перешла[44].

---

[40] *Kakise H.* A preliminary experimental study of the conscious concomitants of understanding // American Journal of Psychology. 1911. Vol. 22. P. 52, 42.

[41] См.: *Jacobson E.* On meaning and understanding // American Journal of Psychology. 1911. Vol. 22. P. 553— 577.

[42] См.: *Geissler L.R.* Analysis of consciousness under negative instruction // American Journal of Psychology. 1912. Vol. 23. P. 183—213; *Langfeld H.S.* Suppression with negative instructions // Psychological Bulletin. 1910. Vol. 7. P. 200—208.

[43] См.: *Geissler L.R.* Analysis of consciousness under negative instruction // American Journal of Psychology. 1912. Vol. 23. P. 194.

[44] См.: *Martin M.* Quantitativ Untersuchungen über das Verhältnis anschaulicher und unanschaulicher Bewusstseinsinhalte // Zeitschrift für Psychologie. 1912. Bd. 65. S. 417—490; см. также: *Woodworth R.S.* A revision of imageless thought // Psychological Review. 1915. Vol. 22. P. 1—22; *Spearman C.* The Nature of «Intelligence» and the Principles of Cognition. N.Y., 1923/1973. P. 191.

Фишер предъявляла своим испытуемым четыре группы абстрактных рисунков (по десять рисунков в каждой группе), названных *залофами*, *дералами*, *тефогами* и *карегами*, соответственно[45]. Затем она просила испытуемых при условии самонаблюдения провести абстрагирующие обобщения, которые позволили бы отнести один из рисунков к категории *дерал*, другой — к категории *тефог* и так далее. Испытуемые говорили о «недоумении» и «явной осведомленности»[46], которые, как утверждает автор, были более или менее фрагментарны, происходили без непосредственного присутствия образов в сознании и временами отмечались как напряжение в глазах. Кроме того, она обнаружила, что когда эти рисунки становятся испытуемым хорошо известными, то их припоминание происходит без ожидания появления в сознании соответствующих образов. Но вместо того, чтобы обозначить эти «недоумения» и «явные осведомленности» как «безо́бразные мысли», автор отмечает, что сознание «характеризовалось присутствием <...> напряжений, натяжений, органических ощущений и тому подобного»[47].

Итак, мы рассмотрели ряд случаев, когда интроспектирующие испытуемые исследователей-сенсуалистов сообщали о феноменах, которые вюрцбуржцы и другие авторы могли бы назвать «безо́бразными». Однако сами исследователи-сенсуалисты интерпретировали эти явления иначе (например, как расположенные на полюсе смутности континуума образов или же как чувства). Следовательно, нам приходится заключить, что испытуемые, интроспектирующие в лабораториях как вюрцбуржцев, так и сенсуалистов, по большей части согласованно говорили о существовании *феноменов* сознания, называя их «безо́бразными» или с помощью других ярлыков. Исследователи-интроспекционисты не могли прийти к единому мнению в плане *интерпретации* этих интроспективных наблюдений: например, надо ли для согласующихся сообщений о значении без осознаваемых образов вводить специальную, «безо́бразную» категорию мышления?

Тот факт, что интроспектирующие испытуемые дают правильные отчеты об «установках сознания» как о переживаниях без ясных, доступных сознанию образов, признавал и сам Титченер — один из лидеров сенсуализма. Он писал, что единственным продуктом

> этой попытки анализа процессов мышления стало открытие установок сознания (*the conscious attitudes*). Чем именно эти установки являются, каков их психологический статус, до сих пор остается предметом дискуссии. О них говорят как о смутных и неуловимых процессах, как бы передающих вкратце все значе-

---

[45] См.: *Fischer S.C.* The process of generalizing abstraction // Psychological Monograph. 1916. Vol. 21. P. 1—213.

[46] См.: Там же. P. 116.

[47] *Fischer S.C.* The process of generalizing abstraction // Psychological Monograph. 1916. Vol. 21. P. 83.

ние данной ситуации. <...> На них указывают, обозначая каким-то единым словом, таким как «сомнение», «колебание», «некомпетентность», или с помощью какой-нибудь фразы, например: «понимание, что деление может быть выполнено без остатка» или «припоминание, что раньше мы уже говорили обо всем этом и не смогли придти к заключению»[48].

Следовательно, Титченер признавал существование переживаний типа «смутных и неуловимых процессов, как бы передающих вкратце все значение данной ситуации», т.е. переживаний, которые другие авторы могли бы назвать безо́бразными. Однако по Титченеру проблема заключается в том, можно ли эти переживания разложить на сенсорные и образные элементы:

Некоторые психологи без колебаний утверждают, что существуют осознания значения и осознания отношения, которые невозможно свести к более простым терминам [ощущений, чувствований и элементарных образов. — *Ред.-сост.*], но следует признать как несенсорные и безо́бразные компоненты высших психических процессов. Автор же, напротив, считает, что эти установки, постольку, поскольку они вообще являются сознательными, всегда поддаются анализу[49].

Точка зрения Титченера состояла в том, что интроспектирующие испытуемые правильно наблюдают феномены значения или отношения, которые происходят без одновременного восприятия образов. Однако эти наблюдения не следует приписывать специальной категории мышления, называемой безо́бразной мыслью, так как он утверждал, что если бы интроспекционисты пошли дальше по пути правильного интроспективного анализа этих установок, то обнаружили бы сенсорное или образное ядро любой идеи.

Итак, мы провели по возможности ясное разграничение между ***наблюдением*** событий, происходящих в сознании (где испытуемые были в главном согласны) и ***интерпретацией*** тех же событий под углом зрения теории (где исследователи категорически расходились в своих мнениях). Современные историки психологи не всегда проводят это разграничение.

Феномен безо́бразной мысли подтверждается результатами нашего исследования

Мы показали, что сенсуалисты и сторонники существования безо́бразной мысли приходят к единому мнению относительно феномена безо́бразной мысли вплоть, но не включительно, до уровня его интерпретации, а нами описанное

---

[48] *Titchener E.B.* A Textbook of Psychology. N.Y.: Scholars' Fascimilies and Reprints. 1910/1980, P. 505—506. [Рус. пер. см.: *Титченер Э.Б.* Учебник психологии. Университетский курс. Ч. II. М.: Изд. т-ва «Мир», 1914]

[49] Там же. P. 507.

Несимволизируемое Мышление — то же самое явление, что и безóбразная мысль интроспекционистов. Наш вывод состоит в том, что феномен Несимволизируемого Мышления очевиден для всех исследователей, старавшихся тщательно проанализировать определенные моменты внутреннего опыта. Как следует из нашей практики описания феномена Несимволизируемого Мышления при общении с нашими коллегами, большинство из них не верит, что можно опознать и, тем более, описать такое явление. Тождество Несимволизируемого Мышления и безóбразной мысли служит подтверждением наших наблюдений — внимательные наблюдатели указывали на этот феномен на протяжении, по меньшей мере, ста лет.

Для любого современного исследования, которое пытается использовать отчеты о внутреннем опыте, из истории самонаблюдения безóбразной мысли можно извлечь два урока.

Во-первых, нам следует признать, что использовать самонаблюдение с целью доказательства или опровержения теоретической позиции, основанной на некотором априорном анализе того, как мышление *должно* выглядеть, скорее всего нельзя; описания внутреннего опыта должны *опережать* его объяснения.

Во-вторых, нам следует признать, что любые категории, которые мы можем предложить заранее, чтобы структурировать явления внутреннего опыта, не имеют ясных, однозначных границ; категории внутреннего опыта не обрываются, а плавно переходят одна в другую: например там, где интроспекционисты говорят о «континууме смутности». В нашем исследовании нередко получались выборки внутреннего опыта, которые мы помещали «где-то между» Несимволизируемым Мышлением и Внутренней Речью, или же такие, которые в каких-то аспектах принадлежали как к Несимволизируемому Мышлению, так и к Образам. Науке о внутреннем опыте следует довольствоваться тем родом понятий, границы которых неопределенны. Мы должны отметить, что в таких понятиях нет ничего неполноценного или плохого; например, слова «предгорье» и «гора» являются весьма полезными географическими терминами, несмотря на множество географических формаций, расположенных «где-то между» предгорьями и горами.

3 *Бессознательное как предмет психологии*

З. Фрейд

[Психоанализ ошибочных действий, сновидений и невротических симптомов]*

Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни. Вспомните, что мы, наоборот, привыкли идентифицировать психическое и сознательное. Именно сознание считается у нас основной характерной чертой психического, а психология — наукой о содержании сознания. Да, это тождество кажется настолько само собой разумеющимся, что возражение против него представляется нам очевидной бессмыслицей, и все же психоанализ не может не возражать, он не может признать идентичность сознательного и психического. Согласно его определению, психическое представляет собой процессы чувствования, мышления, желания, и это определение допускает существование бессознательного мышления и бессознательного желания. Но данное утверждение сразу же роняет его в глазах всех приверженцев трезвой научности и заставляет подозревать, что психоанализ — фантастическое тайное учение, которое бродит в потемках, желая ловить рыбу в мутной воде. Вам же, уважаемые слушатели, пока еще непонятно, по какому праву столь абстрактное положение, как «психическое есть сознательное», я считаю предрассудком, вы, может быть, также не догадываетесь, что могло привести к отрицанию бессознательного, если таковое существует, и какие преимущества давало такое отрицание. Вопрос о том, тождественно ли психическое сознательному или же оно гораздо шире, может показаться пустой игрой слов, но смею вас заверить, что признание существования бессознательных психических процессов ведет к совершенно новой ориентации в мире и науке. <...>

---

* *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 11—14, 17—20, 22—24, 35—36, 38—39, 40, 50, 52—53, 61—62, 64—67, 69—72, 75—77, 163, 157—161, 177—178, 182—183, 185, 186—188.

Ошибочные действия

<...> Мы начнем не с предположений, а с исследования. Его объектом будут весьма известные, часто встречающиеся и мало привлекавшие к себе внимание явления, которые, не имея ничего общего с болезнью, наблюдаются у любого здорового человека. Это так называемые *ошибочные действия* (Fehlleistungen) человека: *оговорки* (Versprechen) — когда, желая что-либо сказать, кто-то вместо одного слова употребляет другое; *описки* — когда то же самое происходит при письме, что может быть замечено или остаться незамеченным; *очитки* (Verlesen) — когда читают не то, что напечатано или написано; *ослышки* (Verhoren) — когда человек слышит не то, что ему говорят, нарушения слуха по органическим причинам сюда, конечно, не относятся. В основе другой группы таких явлений лежит *забывание* (Vergessen), но не длительное, а временное, когда человек не может вспомнить, например, *имени* (Name), которое он наверняка знает и обычно затем вспоминает, или забывает выполнить *намерение* (Vorsatz), о котором позднее вспоминает, а забывает лишь на определенный момент. В третьей группе явлений этот временной аспект отсутствует, как, например, при *запрятывании* (Verlegen), когда какой-либо предмет куда-то убираешь, так что не можешь его больше найти, или при совершенно аналогичном *затеривании* (Verlieren). Здесь перед нами забывание, к которому относишься иначе, чем к забыванию другого рода; оно вызывает удивление или досаду, вместо того чтобы мы считали его естественным. Сюда же относятся определенные *ошибки-заблуждения* (Irrtümer)[1], которые также имеют временной аспект, когда на какое-то время веришь чему-то, о чем до и после знаешь, что это не соответствует действительности, и целый ряд подобных явлений, имеющих различные названия.

Внутреннее сходство всех этих случаев выражается приставкой «о-» или «за-» (ver-) в их названиях. Почти все они весьма несущественны, в большинстве своем скоропреходящи и не играют важной роли в жизни человека. Только изредка какой-нибудь из них, например затеривание предметов, приобретает известную практическую значимость. Именно поэтому на них не обращают особого внимания, вызывают они лишь слабые эмоции и так далее. <...>

Начнем с *оговорки,* она больше всего подходит нам из ошибочных действий. Хотя с таким же успехом мы могли бы выбрать описку или очитку. Сразу же следует сказать, что до сих пор мы спрашивали только о том, когда, при каких условиях происходит оговорка, и только на этот вопрос мы и получали ответ. Но можно также заинтересоваться другим и попытаться узнать: почему человек оговорился именно так, а не иначе; следует обратить внимание на то, что происходит при оговорке. Вы понимаете, что, пока мы не ответим на этот

[1] Слово *Irrtum* переводится буквально как «ошибка», «заблуждение». В настоящем издании оно в зависимости от контекста переводится либо как «ошибка», либо как «ошибка-заблуждение». — *Ред. перевода.*

вопрос, пока мы не объясним результат оговорки с психологической точки зрения, это явление останется случайностью, хотя физиологическое объяснение ему и можно будет найти. Если мне случится оговориться, я могу это сделать в бесконечно многих вариантах, вместо нужного слова можно сказать тысячу других, нужное слово может получить бесчисленное множество искажений. Существует ли что-то, что заставляет меня из всех возможных оговорок сделать именно такую, или это случайность, произвол и тогда, может быть, на этот вопрос нельзя ответить ничего разумного?

Два автора, Мерингер и Майер (один — филолог, другой — психиатр), попытались в 1895 г. именно с этой стороны подойти к вопросу об оговорках[2]. Они собрали много примеров и просто описали их. Это, конечно, еще не дает никакого объяснения оговоркам, но позволяет найти путь к нему. Авторы различают следующие искажения, возникающие из-за оговорок: перемещения (Vertauschungen), предвосхищения (Vorklänge), отзвуки (Nachklänge), смешения, или контаминации (Vermengungen, oder Kontaminationen), и замещения, или субституции (Ersetzungen, oder Substitutionen). Я приведу вам примеры, предложенные авторами для этих основных групп. Случай перемещения: *Die Milo von Venus* вместо die Venus von Milo [перемещение в последовательности слов — Милос из Венеры вместо Венеры из Милоса]; предвосхищение: Es war mir *auf der Schwest...* auf der Brust so schwer [Мне было на душе (дословно: в груди) так тяжело, но вначале вместо слова «Brust» — грудь — была сделана оговорка «Schwest», в которой отразилось предвосхищаемое слово «schwer» — тяжело]. Примером отзвука может служить неудачный тост: Ich fordere Sie *auf, auf* das Wohl unseres Chefs aufzustossen [Предлагаю Вам выпить (дословно: чокнуться) за здоровье нашего шефа; но вместо anstossen — чокнуться — сказано: aufstossen — отрыгнуть]. Эти три вида оговорок довольно редки. Чаще встречаются оговорки из-за стяжения или смешения, например, когда молодой человек заговаривает с дамой: Wenn Sie gestatten mein Fräulein, möchte ich Sie gerne *begleit-digen* [Если Вы разрешите, барышня, я Вас провожу, но в слово «begleiten» — проводить — вставлены еще три буквы «dig»]. В слове begleit-digen кроется, кроме слова *begleiten* [проводить], очевидно, еще слово *beleidigen* [оскорбить]. (Молодой человек, видимо, не имел большого успеха у дамы.) На замещение авторы приводят пример: Ich gebe die Präparate in den *Brief*kasten anstatt *Brüt*kasten [Я ставлю препараты в почтовый ящик вместо термостата].

Объяснение, которое оба автора пытаются вывести из своего собрания примеров, совершенно недостаточно. Они считают, что звуки и слоги в слове имеют различную значимость и иннервация более значимого элемента влияет на иннервацию менее значимого. При этом авторы ссылаются на редкие случаи предвосхищения и отзвука; в случаях же оговорок другого типа эти звуковые предпочтения, если они вообще существуют, не играют никакой роли.

---

[2] См.: *Meringer R., Mayer C.* Versprechen und Verlesen: eine psychologisch-linguistische Studie. Wien, 1895.

Чаще всего при оговорке употребляют похожее по звучанию слово, этим сходством и объясняют оговорку. Например, в своей вступительной речи профессор заявляет: Ich bin nicht *geneigt* (geeignet), die Verdienste meines sehr geschätzten Vorgängers zu würdigen [Я не склонен (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника]. Или другой профессор: Beim weiblichen Genitale hat man trotz vieler V*ersuchungen*... Pardon: Versuche... [В женских гениталиях, несмотря на много искушений, простите, попыток...].

Но самой обычной и в то же время самой поразительной оговоркой является та, когда произносится как раз противоположное тому, что собирался сказать. При этом соотношение звуков и влияние сходства, конечно, не имеют значения, а замену можно объяснить тем, что противоположности имеют понятийное родство и в психологической ассоциации особенно сближаются. Можно привести исторические примеры такого рода: президент нашей палаты депутатов открыл как-то заседание следующими словами: «Господа, я признаю число присутствующих достаточным и объявляю заседание *закрытым*». Так же предательски, как соотношение противоположностей, могут подвести другие привычные ассоциации, которые иногда возникают совсем некстати. Так, например, рассказывают, что на торжественном бракосочетании детей Г. Гельмгольца[3] и знаменитого изобретателя и крупного промышленника В. Сименса известный физиолог Дюбуа-Реймон[4] произнес приветственную речь. Он закончил свой вполне блестящий тост словами: «Итак, да здравствует новая фирма Сименс и Гальске». Это было, естественно, название старой фирмы. Сочетание этих двух имен так же обычно для жителя Берлина, как «Ридель и Бойтель» для жителя Вены.

Таким образом, мы должны к соотношению звуков и сходству слов прибавить влияние словесных ассоциаций. Но и этого еще недостаточно. В целом ряде случаев оговорку едва ли можно объяснить без учета того, что было сказано в предшествующем предложении или же что предполагалось сказать. Итак, можно считать, что это опять случай отзвука, как по Мерингеру, но только более отдаленно связанный по смыслу. Должен признаться, что после всех этих объяснений может сложиться впечатление, что мы теперь еще более далеки от понимания оговорок, чем когда-либо!

Но надеюсь, что не ошибусь, высказав предположение, что во время проведенного исследования у всех у нас возникло иное впечатление от примеров оговорок, которое стоило бы проанализировать. Мы исследовали условия, при которых оговорки вообще возникают, определили, что влияет на особенности искажений при оговорках, но совсем не рассмотрели эффекта оговорки само-

---

[3] Гельмгольц (*Helmholtz*) Герман Людвиг Фердинанд фон (1821—1894) — немецкий физиолог и физик, основатель физиологии восприятия. — *Ред.-сост.*

[4] Дюбуа-Реймон (*Du Bois-Reymond*) Эмиль (1818—1896) — немецкий физиолог, ассистент И. Мюллера, после преждевременной смерти которого сменил его на посту профессора анатомии и физиологии Берлинского университета. — *Ред.-сост.*

го по себе, безотносительно к ее возникновению. Если мы решимся на это, то необходима известная смелость, чтобы сказать: да, в некоторых случаях оговорка имеет смысл (Sinn). Что значит «имеет смысл»? Это значит, что оговорку, возможно, следует считать полноценным психическим актом, имеющим свою цель, определенную форму выражения и значение. До сих пор мы все время говорили об ошибочных действиях, а теперь оказывается, что иногда ошибочное действие является совершенно правильным, только оно возникло вместо другого ожидаемого или предполагаемого действия.

Этот действительный смысл ошибочного действия в отдельных случаях совершенно очевиден и несомненен. Если председатель палаты депутатов в первых же своих словах закрывает заседание вместо того, чтобы его открыть, то, зная обстоятельства, в которых произошла оговорка, мы склонны считать это ошибочное действие не лишенным смысла. Он не ожидает от заседания ничего хорошего и рад был бы сразу его закрыть. Показать этот смысл, т.е. истолковать эту оговорку, не составляет никакого труда. Или если одна дама с кажущимся одобрением говорит другой: Diesen reizenden neuen Hut haben Sie sich wohl selbst *aufgepatz*? [Эту прелестную новую шляпу Вы, вероятно, сами обделали? — вместо aufgeputzt — отделали], то никакая научность в мире не помешает нам услышать в этой оговорке выражение: Dieser Hut ist eine *Patzerei* [Эта шляпа безнадежно испорчена]. Или если известная своей энергичностью дама рассказывает: «Мой муж спросил доктора, какой диеты ему придерживаться, на это доктор ответил — ему не нужна никакая диета, он может есть и пить все, что *я* хочу», то ведь за этой оговоркой стоит ясно выраженная последовательная программа поведения.

<...> Если выяснилось, что не только некоторые оговорки и ошибочные действия имеют *смысл,* но и их значительное большинство, то, несомненно, этот смысл ошибочных действий, о котором до сих пор никто не говорил, и станет для нас наиболее интересным, а все остальные точки зрения по праву отойдут на задний план. Мы можем оставить физиологические и психофизиологические процессы и посвятить себя чисто психологическим исследованиям о смысле, т.е. значении и намерениях ошибочных действий. И в связи с этим мы не упустим возможности привлечь более широкий материал для проверки этих предположений. <...>

Договоримся еще раз о том, что мы понимаем под «смыслом» (Sinn) какого-то психического процесса не что иное, как намерение, которому он служит, и его место в ряду других психических проявлений. В большинстве наших исследований слово «смысл» мы можем заменить словом «намерение» (Absicht), «тенденция» (Tendenz). Однако не является ли самообманом или поэтической вольностью с нашей стороны, что мы усматриваем в ошибочном действии намерение?

Будем же по-прежнему заниматься оговорками и рассмотрим большее количество наблюдений. Мы увидим, что в целом ряде случаев намерение, смысл оговорки совершенно очевиден. Это прежде всего те случаи, когда го-

ворится противоположное тому, что намеревались сказать. Президент в речи на открытии заседания говорит: «Объявляю заседание закрытым». Смысл и намерение его ошибки в том, что он хочет закрыть заседание. Так и хочется процитировать: «Да ведь он сам об этом говорит»; остается только поймать его на слове. Не возражайте мне, что это невозможно, ведь председатель, как мы знаем, хотел не закрыть, а открыть заседание, и он сам подтвердит это, а его мнение является для нас высшей инстанцией. При этом вы забываете, что мы условились рассматривать ошибочное действие само по себе; о его отношении к намерению, которое из-за него нарушается, мы будем говорить позже. Иначе вы допустите логическую ошибку и просто устраните проблему, то, что в английском языке называется *begging the question* [свести вопрос на нет. — *Пер. источника*].

В других случаях, когда при оговорке прямо не высказывается противоположное утверждение, в ней все же выражается противоположный смысл. «Я *не склонен* (вместо неспособен) оценить заслуги своего уважаемого предшественника». «Geneigt» (склонен) не является противоположным «geeignet» (способен), однако это явное признание противоречит ситуации, о которой говорит оратор.

Встречаются случаи, когда оговорка просто прибавляет к смыслу намерения какой-то второй смысл. Тогда предложение звучит так, как будто оно представляет собой стяжение, сокращение, сгущение нескольких предложений. Таково заявление энергичной дамы: он (муж) может есть и пить все, что *я* захочу. Ведь она тем самым как бы говорит: он может есть и пить, что он хочет, но разве он смеет хотеть? Вместо него я хочу. Оговорки часто производят впечатление таких сокращений. Например, профессор анатомии после лекции о носовой полости спрашивает, все ли было понятно слушателям, и, получив утвердительный ответ, продолжает: «Сомневаюсь, потому что даже в городе с миллионным населением людей, понимающих анатомию носовой полости, можно сосчитать *по одному пальцу*, простите, по пальцам одной руки». Это сокращение имеет свой смысл: есть только один человек, который это понимает.

Данной группе случаев, в которых ошибочные действия сами указывают на свой смысл, противостоят другие, в которых оговорки не имеют явного смысла и как бы противоречат нашим предположениям. Если кто-то при оговорке коверкает имя собственное или произносит неупотребительный набор звуков, то уже из-за таких часто встречающихся случаев вопрос об осмысленности ошибочных действий как будто может быть решен отрицательно. И лишь при ближайшем рассмотрении этих примеров обнаруживается, что в этих случаях тоже возможно понимание искажений, а разница между этими неясными и вышеописанными очевидными случаями не так уж велика.

Одного господина спросили о состоянии здоровья его лошади, он ответил: Ja, das *draut*... Das *dauert v*ielleicht noch einen Monat [Да, это *продлится,* вероятно, еще месяц, но вместо слова «продлится» — dauert — вначале было

сказано странное «draut»]. На вопрос, что он этим хотел сказать, он, подумав, ответил: Das ist eine *traurige* Geschichte [Это *печальная* история]. Из столкновения слов «dauert» [дауерт] и «traurige» [трауриге] получилось «драут»[5].

Другой рассказывает о происшествиях, которые он осуждает, и продолжает: Dann aber sind die Tatsachen zum Vorschwein [форшвайн] gekommen... [И тогда обнаружились факты, но в слово Vorschein — элемент выражения «обнаружились» — вставлена лишняя буква w]. На расспросы рассказчик ответил, что он считает эти факты свинством — Schweinerei. Два слова — Vorschein [форшайн] и Schweinerei [швайнерай] — вместе образовали странное «форшвайн»[6]. Вспомним случай, когда молодой человек хотел *begleitdigen* даму. Мы имели смелость разделить эту словесную конструкцию на *begleiten* [проводить] и *beleidigen* [оскорбить] и были уверены в таком толковании, не требуя тому подтверждения. Из данных примеров вам понятно, что и такие неясные случаи оговорок можно объяснить столкновением, *интерференцией* двух различных намерений. Разница состоит в том что, в первом случае одно намерение полностью замещается (субституируется) другим, и тогда возникают оговорки с противоположным смыслом, в другом случае намерение только искажается или модифицируется, так что образуются комбинации, которые кажутся более или менее осмысленными.

<...> В результате наших прошлых бесед мы пришли к выводу, что ошибочные действия имеют смысл — это мы и возьмем за основу наших дальнейших исследований. Следует еще раз подчеркнуть, что мы не утверждаем — да и для наших целей нет в этом никакой необходимости,— что любое ошибочное действие имеет смысл, хотя это кажется мне весьма вероятным. Нам достаточно того, что такой смысл обнаруживается относительно часто в различных формах ошибочных действий. В этом отношении эти различные формы предполагают и различные объяснения: при оговорке, описке и так далее могут встречаться случаи чисто физиологического характера, в случаях же забывания имен, намерений, запрятывания предметов и так далее я едва ли соглашусь с таким объяснением. Затеривание, по всей вероятности, может произойти и нечаянно. Встречающиеся в жизни ошибки (Irrtümer) вообще только отчасти подлежат нашему рассмотрению. Все это следует иметь в виду также и в том случае, когда мы исходим из положения, что ошибочные действия являются психическими актами и возникают вследствие интерференции двух различных намерений.

Таков первый результат психоанализа. О существовании таких интерференций и об их возможных следствиях, описанных выше, психология до сих пор не знала. Мы значительно расширили мир психических явлений и вклю-

---

[5] См.: *Meringer R., Mayer C.* Versprechen und Verlesen: eine psychologisch-linguistische Studie. Wien, 1895.

[6] См.: Там же.

чили в область рассмотрения психологии феномены, которыми она раньше не занималась.

Остановимся теперь кратко на утверждении, что ошибочные действия являются «психическими актами». Является ли оно более содержательным, чем первое наше положение, что они имеют смысл? Я думаю, нет; это второе положение еще более неопределенно и может привести к недоразумениям. Иногда все, что можно наблюдать в душевной жизни, называют психическим феноменом. Важно выяснить, вызвано ли отдельное психическое явление непосредственно физическими, органическими, материальными воздействиями, и тогда оно не относится к области психологии, или оно обусловлено прежде всего другими психическими процессами, за которыми скрывается, в свою очередь, ряд органических причин. Именно в этом последнем смысле мы и понимаем явление, называя его психическим процессом, поэтому целесообразнее выражаться так: явление имеет содержание, смысл. Под смыслом мы понимаем значение, намерение, тенденцию и место в ряду психических связей. <...>

Ну, а теперь, наконец, мы можем перейти к вопросу, который все откладывали: что это за намерения, которые таким необычным образом проявляются в качестве помех? Разумеется, они весьма различны, но мы найдем в них и общее. Изучив целый ряд примеров, мы можем выделить три группы. К первой группе относятся случаи, в которых говорящему известно нарушающее намерение, и он чувствовал его перед оговоркой. Так, в оговорке «Vorschwein» говорящий не только не отрицает осуждения определенных фактов, но признается в намерении, от которого он потом отказался, произнести слово «Schweinereien» [свинства]. Вторую группу составляют случаи, когда говорящий тоже признает нарушающее намерение, но не подозревает, что оно стало активным непосредственно перед оговоркой. Он соглашается с нашим толкованием, но в известной степени удивлен им. Примеры такого рода легче найти в других ошибочных действиях, чем в оговорках. К третьей группе относятся случаи, когда сделавший оговорку энергично отвергает наше толкование нарушающего намерения; он не только оспаривает тот факт, что данное намерение побудило его к оговорке, но утверждает, что оно ему совершенно чуждо. Вспомним случай с «aufstossen» (отрыгнуть вместо чокнуться), и тот прямо-таки невежливый отпор, который я получил от оратора, когда хотел истолковать нарушающее намерение. <...> Я бы пропустил мимо ушей возражения оратора, произносившего тост, продолжая придерживаться своего толкования, в то время как вы, полагаю, остаетесь под впечатлением его отповеди и подумаете, не лучше ли отказаться от такого толкования ошибочных действий и считать их чисто физиологическими актами, как это было принято до психоанализа. Могу понять, что вас пугает. Мое толкование предполагает, что у говорящего могут проявиться намерения, о которых он сам ничего не знает, но о которых я могу узнать на осно-

вании косвенных улик. Вас останавливает новизна и серьезность моего предположения. Понимаю и признаю пока вашу правоту. Но вот что мы можем установить: если вы хотите последовательно придерживаться определенного воззрения на ошибочные действия, правильность которого доказана таким большим количеством примеров, то вам придется согласиться и с этим странным предположением. Если же вы не можете решиться на это, то вам нужно отказаться от всего, что вы уже знаете об ошибочных действиях.

Но остановимся пока на том, что объединяет все три группы, что общего в механизме этих оговорок. К счастью, это не вызывает сомнений. В первых двух группах нарушающее намерение признается самим говорящим; в первом случае к этому прибавляется еще то, что это намерение проявляется непосредственно перед оговоркой. Но в обоих случаях *это намерение оттесняется. Говорящий решил не допустить его выражения в речи, и тогда произошла оговорка, т.е. оттесненное намерение все-таки проявилось против его воли, изменив выражение допущенного им намерения, смешавшись с ним или даже полностью заменив его.* Таков механизм оговорки.

С этой точки зрения мне так же нетрудно полностью согласовать процесс оговорок, относящихся к третьей группе, с вышеописанным механизмом. Для этого мне нужно только предположить, что эти три группы отличаются друг от друга разной степенью оттеснения нарушающего намерения. В первой группе это намерение очевидно, оно дает о себе знать говорящему еще до высказывания; только после того, как оно отвергнуто, оно возмещает себя в оговорке. Во второй группе нарушающее намерение оттесняется еще дальше, перед высказыванием говорящий его уже не замечает. Удивительно то, что это никоим образом не мешает ему быть причиной оговорки! Но тем легче нам объяснить происхождение оговорок третьей группы. Я беру на себя смелость предположить, что в ошибочном действии может проявиться еще одна тенденция, которая давно, может быть очень давно, оттеснена, говорящий не замечает ее и как раз поэтому отрицает. Но оставим пока эту последнюю проблему; из других случаев вы должны сделать вывод, что *подавление имеющегося намерения что-либо сказать является непременным условием возникновения оговорки.* <...>

На этом мы прервем анализ ошибочных действий. Но я хотел бы предупредить вас об одном: запомните, пожалуйста, метод анализа этих феноменов. На их примере вы можете увидеть, каковы цели наших психологических исследований. Мы хотим не просто описывать и классифицировать явления, а стремимся понять их как проявление борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга. Мы придерживаемся *динамического понимания* психических явлений. <...>

Сновидения

Трудности и первые попытки понимания

Мы хотим показать смысл сновидений и таким образом подойти к изучению неврозов. Этот ход оправдан, так как изучение сновидений не только лучший способ подготовки к исследованию неврозов, само сновидение тоже невротический симптом, который к тому же, что имеет для нас неоценимое преимущество, проявляется у всех здоровых. Даже если бы все люди были здоровы и только видели сновидения, мы могли бы по их сновидениям сделать все те выводы, к которым нас привело изучение неврозов.

Итак, сделаем сновидение объектом психоаналитического исследования. Вновь обычный, недостаточно оцененный феномен, как будто лишенный практической значимости, как и ошибочные действия, с которыми он имеет то общее, что проявляется и у здоровых. Но в остальном условия нашей работы менее благоприятны. Ошибочные действия всего лишь недооценивались наукой, их мало изучали; но, в конце концов, нет ничего постыдного заниматься ими. Правда, говорили, что есть вещи поважнее, но можно и из них кое-что извлечь. Заниматься же сновидениями не только непрактично и излишне, но просто стыдно; это влечет за собой упреки в ненаучности, вызывает подозрение в личной склонности к мистицизму[7]. Чтобы врач занимался сновидениями, когда даже в невропатологии и психиатрии столько более серьезных вещей: опухоли величиной с яблоко, которые давят на мозг, орган душевной жизни, кровоизлияния, хронические воспаления, при которых изменения тканей можно показать под микроскопом! Нет, сновидение — это слишком ничтожный и недостойный исследования объект. <...>

Посмотрите описание сновидения у Вундта[8], Йодля и других более поздних философов; с целью принизить сновидение они довольствуются перечислением отклонений происходящих во сне процессов от мышления в состоянии бодрствования, отмечают распад ассоциаций, отказ от критики, исключение всего знания и другие признаки пониженной работоспособности психики[9]. Единственно ценные факты для понимания сновидения, которыми мы обязаны точной науке, дали исследования влияния физических раздражений, действующих во время сна, на содержание сновидения. Мы располагаем двумя толстыми томами экспериментальных исследований сновидений недав-

[7] *Мистицизм* — мировоззрение, основанное на мистике, т.е. на вере в сверхъестественное, божественное и таинственное. — *Ред.-сост.*

[8] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[9] См.: *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1874; *Jodl F.* Lehrbuch der Psychologie. Stuttgart: Cotta'sche Buchhandlung, 1896.

но умершего норвежского автора, Дж. Моурли Вольда (в 1910 и 1912 гг. переведены на немецкий язык), в которых излагаются почти исключительно результаты изучения изменений положения конечностей[10]. Их нам расхваливают как образец исследования сновидений. Можете себе теперь представить, что бы сказали представители точной науки, если бы они узнали, что мы хотим попытаться найти *смысл* сновидений? Возможно, они уже это и сказали. Но мы не дадим себя запугать. Если ошибочные действия могут иметь смысл, то и сновидения тоже, а ошибочные действия в очень многих случаях имеют смысл, который ускользает от исследования точными методами. Признаем же себя только сторонниками предрассудков древних и простого народа и пойдем по стопам античных толкователей сновидений. <...>

Предположения и техника толкования

<...> Итак, нам нужен новый подход, определенный метод, чтобы сдвинуться с места в изучении сновидения. Сделаю одно простое предложение: давайте будем придерживаться в дальнейшем предположения, ***что сновидение является не соматическим, а психическим феноменом***. Что это означает, вы знаете, но что дает нам право на это предположение? Ничего, но ничто не мешает нам его сделать. Вопрос ставится так: если сновидение является соматическим феноменом, то нам нет до него дела; оно интересует нас только при условии, что является психическим феноменом. Таким образом, мы будем работать при условии, что это действительно так, чтобы посмотреть, что из этого следует. Результаты нашей работы покажут, останемся ли мы при этом предположении и сможем ли считать его, в свою очередь, определенным результатом. Чего мы, собственно, хотим достичь, для чего работаем? Мы хотим того, к чему вообще стремятся в науке, т.е. понимания феноменов, установления связей между ними и в конечном счете там, где это возможно, усиления нашей власти над ними.

Итак, мы продолжаем работу, предполагая, что сновидение есть психический феномен. В этом случае оно является продуктом и проявлением видевшего сон, который, однако, нам ничего не говорит, который мы не понимаем. Но что вы будете делать в случае, если я скажу вам что-то непонятное? Спросите меня, не так ли? Почему нам не сделать то же самое, ***не расспросить видевшего сон, что означает его сновидение?***

Вспомните, мы уже были однажды в данной ситуации. Это было при исследовании ошибочных действий, в случае оговорки. Некто сказал: Da sind Dinge zum Vorschwein gekommen, и по этому поводу его спросили — нет, к счастью, не мы, а другие, совершенно не причастные к психоанализу люди, — эти другие спросили, что он хотел сказать данными непонятными словами. Спро-

---

[10] См.: *Vold J.M.* Über der Traum. Leipzig, 1910—1912. Bd. 2.

шенный тотчас же ответил, что он имел намерение сказать: das waren Schweinereien (это были свинства), но подавил это намерение для другого, выраженного более мягко. Уже тогда я вам заявил, что этот расспрос является прообразом любого психоаналитического исследования, и теперь вы понимаете, что техника психоанализа заключается в том, чтобы получить решение загадок, насколько это возможно, от самого обследуемого. Таким образом, видевший сон сам должен нам сказать, что значит его сновидение.

Но, как известно, при сновидении все не так просто. При ошибочных действиях это удавалось в целом ряде случаев, но были и случаи, когда спрашиваемый ничего не хотел говорить и даже возмущенно отклонял предложенный нами вариант ответа. При сновидении же случаев первого рода вообще нет; видевший сон всегда отвечает, что он ничего не знает. Отрицать наше толкование он не может, потому что мы ему ничего не можем предложить. Может быть, нам все же отказаться от своей попытки? Ни он, ни мы ничего не знаем, а кто-то третий уж наверняка ничего не может знать, так что у нас, пожалуй, нет никакой надежды что-либо узнать. Тогда, если хотите, оставьте эту попытку. Если нет, можете следовать за мной. Я скажу вам, что весьма возможно и даже очень вероятно, что видевший сон все-таки знает, что означает его сновидение, *он только не знает о своем знании и полагает поэтому, что не знает этого.* <...>

Итак, очень вероятно, что видевший сон знает о своем сновидении, и задача состоит в том, чтобы дать ему возможность обнаружить это знание и сообщить его нам. Мы не требуем, чтобы он сразу сказал о смысле своего сновидения, но он может открыть происхождение сновидения, круг мыслей и интересов, которые его определили. Вспомните случай ошибочного действия, когда у кого-то спросили, откуда произошла оговорка «Vorschwein», и первое, что пришло ему в голову, дало нам разъяснение. Наша техника исследования сновидений очень проста, весьма похожа на только что упомянутый прием. Мы вновь спросим видевшего сон, откуда у него это сновидение, и первое его высказывание будем считать объяснением. Мы не будем обращать внимание на то, думает ли он, что что-то знает, или не думает, и в обоих случаях поступим одинаково.

Эта техника, конечно, очень проста, но, боюсь, она вызовет у вас самый резкий отпор. Вы скажете: новое предположение, третье! И самое невероятное из всех! Если я спрошу у видевшего сон, что ему приходит в голову по поводу сновидения, то первое же, что ему придет в голову, и должно дать желаемое объяснение? Но ему вообще может ничего не прийти или придет бог знает что. Мы не понимаем, на что тут можно рассчитывать. Вот уж, действительно, что значит проявить слишком много доверия там, где уместнее было бы побольше критики. К тому же сновидение состоит ведь не из одного неправильного слова, а из многих элементов. Какой же мысли, случайно пришедшей в голову, нужно придерживаться?

Вы правы во всем, что касается второстепенного. Сновидение отличается от оговорки также и большим количеством элементов. С этим условием технике необходимо считаться. Но я предлагаю вам разбить сновидение на элемен-

ты и исследовать каждый элемент в отдельности, и тогда вновь возникнет аналогия с оговоркой. Вы правы и в том, что по отношению к отдельным элементам спрашиваемый может ответить, что ему ничего не приходит в голову. Есть случаи, в которых мы удовлетворимся этим ответом, и позднее вы узнаете, каковы они. Примечательно, что это такие случаи, о которых мы сами можем составить определенное суждение. Но в общем, если видевший сон будет утверждать, что ему ничего не приходит в голову, мы возразим ему, будем настаивать на своем, уверять его, что хоть что-то должно ему прийти в голову, и окажемся правы. Какая-нибудь мысль придет ему в голову, нам безразлично какая. Особенно легко ему будет дать сведения, которые можно назвать историческими. Он скажет: вот это случилось вчера (как в обоих известных нам «трезвых» сновидениях) или: это напоминает что-то недавно случившееся; таким образом, мы замечаем, что связи сновидений с впечатлениями последних дней встречаются намного чаще, чем мы сначала предполагали. Исходя из сновидения, видевший сон припомнит, наконец, более отдаленные, возможно даже совсем далекие события.

Но в главном вы не правы. Если вы считаете слишком произвольным предположение о том, что первая же мысль видевшего сон как раз и даст искомое или должна привести к нему, если вы думаете, что эта первая пришедшая в голову мысль может быть, скорее всего, совершенно случайной и не связанной с искомым, что я просто лишь верю в то, что можно ожидать от нее другого, то вы глубоко заблуждаетесь. Я уже позволил себе однажды предупредить вас, что в вас коренится вера в психическую свободу и произвольность, но она совершенно не научна и должна уступить требованию необходимого детерминизма и в душевной жизни. Я прошу вас считаться с фактом, что спрошенному придет в голову именно это и ничто другое. Но я не хочу противопоставлять одну веру другой. Можно доказать, что пришедшая в голову спрошенному мысль не произвольна, а вполне определенна и связана с искомым нами. Да, я недавно узнал, не придавая, впрочем, этому большого значения, что и экспериментальная психология располагает такими доказательствами.

В связи с важностью обсуждаемого предмета прошу вашего особого внимания. Если я прошу кого-то сказать, что ему пришло в голову по поводу определенного элемента сновидения, то я требую от него, чтобы он отдался свободной ассоциации, *придерживаясь исходного представления*. Это требует особой установки внимания, которая совершенно иная, чем установка при размышлении, и исключает последнее. Некоторым легко дается такая установка, другие обнаруживают при таком опыте почти полную неспособность. Существует и более высокая степень свободы ассоциации, когда опускается также и это исходное представление и определяется только вид и род возникающей мысли, например, определяется свободно возникающее имя собственное или число. Эта возникающая мысль может быть еще произвольнее, еще более непредвиденной, чем возникающая при использовании нашей техники. Но можно доказать, что она каждый раз строго детерминируется важными внут-

ренними установками, неизвестными нам в момент их действия и так же мало известными, как нарушающие тенденции при ошибочных действиях и тенденции, провоцирующие случайные действия.

Я и многие другие после меня неоднократно проводили такие исследования с именами и числами, самопроизвольно возникающими в мыслях; некоторые из них были также опубликованы. При этом поступают следующим образом: к пришедшему в голову имени вызывают ряд ассоциаций, которые уже не совсем свободны, а связаны, как и мысли по поводу элементов сновидения, и это продолжают до тех пор, пока связь не исчерпается. Но затем выяснялись и мотивировка, и значение свободно возникающего имени. Результаты опытов все время повторяются, сообщение о них часто требует изложения большого фактического материала и необходимых подробных разъяснений. Возможно, самыми доказательными являются ассоциации свободно возникающих чисел; они протекают так быстро и направляются к скрытой цели с такой уверенностью, что просто ошеломляют. Я хочу привести вам только один пример с таким анализом имени, так как его, к счастью, можно изложить кратко.

Во время лечения одного молодого человека я заговариваю с ним на эту тему и упоминаю положение о том, что, несмотря на кажущуюся произвольность, не может прийти в голову имя, которое не оказалось бы обусловленным ближайшими отношениями, особенностями испытуемого и его настоящим положением. Так как он сомневается в этом, я предлагаю ему, не откладывая, самому провести такой опыт. Я знаю, что у него особенно много разного рода отношений с женщинами и девушками и полагаю поэтому, что у него будет особенно большой выбор, если ему предложить назвать первое попавшееся женское имя. Он соглашается. Но к моему или, вернее, к его удивлению, на меня не катится лавина женских имен, а, помолчав, он признается, что ему пришло на ум всего лишь одно имя: *Альбина*. Странно, что же вы связываете с этим именем? Сколько Альбин вы знаете? Поразительно, но он не знает ни одной Альбины, и больше ему ничего не приходит в голову по поводу этого имени. Итак, можно было предположить, что анализ не удался; но нет, он был уже закончен, и не потребовалось никаких других мыслей. У молодого человека был необычно светлый цвет волос, во время бесед при лечении я часто в шутку называл его *Альбино*; мы как раз занимались выяснением доли женского начала в его конституции. Таким образом, он сам был этой Альбиной, самой интересной для него в это время женщиной.

То же самое относится к непосредственно всплывающим мелодиям, которые определенным образом обусловлены кругом мыслей человека, занимающих его, хотя он этого и не замечает. Легко показать, что отношение к мелодии связано с ее текстом или происхождением; но следует быть осторожным, это утверждение не распространяется на действительно музыкальных людей, относительно которых у меня просто нет данных. У таких людей ее появление может объясняться музыкальным содержанием мелодии. Но чаще встречается, конечно, первый случай. Так, я знаю одного молодого человека, которого дол-

гое время преследовала прелестная песня Париса из *Прекрасной Елены* [Оффенбаха], пока анализ не обратил его внимания на конкуренцию «Иды» и «Елены», занимавшую его в то время.

Итак, если совершенно свободно возникающие мысли обусловлены таким образом и подчинены определенной связи, то тем более мы можем заключить, что мысли с единственной связью, с исходным представлением, могут быть не менее обусловленными. Исследование действительно показывает, что, кроме предполагаемой нами связи с исходным представлением, следует признать их вторую зависимость от богатых аффектами мыслей и интересов, *комплексов,* воздействие которых в настоящий момент неизвестно, т.е. бессознательно. <...>

Явное содержание сновидения и скрытые его мысли

<...> Вы видите, что мы не без пользы изучали ошибочные действия. Благодаря этим усилиям мы — исходя из известных вам предположений — усвоили два момента: понимание элемента сновидения и технику толкования сновидения. Понимание элемента сновидения заключается в том, что он не является собственным [содержанием], а заместителем чего-то другого, неизвестного видевшему сон, подобно намерению ошибочного действия, заместителем чего-то, о чем видевший сон знает, но это знание ему недоступно. Надеемся, что это же понимание можно распространить и на все сновидение, состоящее из таких элементов. Наша техника состоит в том, чтобы благодаря свободным ассоциациям вызвать к этим элементам другие замещающие представления, из которых можно узнать скрытое.

Теперь я предлагаю вам внести изменения в терминологию, которые должны упростить наше изложение. Вместо «скрытое, недоступное, не собственное[11] [содержание]» мы, выражаясь точнее, скажем «недоступное сознанию видевшего сон, или бессознательное» (unbewusst). Под этим мы подразумеваем (как это было и в отношении к забытому слову или нарушающей тенденции ошибочного действия) не что иное, как *бессознательное в данный момент.* В противоположность этому мы, конечно, можем назвать сами элементы сновидения и вновь полученные благодаря ассоциациям замещающие представления *сознательными.* С этим названием не связана какая-то новая теоретическая конструкция. Употребление слова «бессознательное», как легко понятного и подходящего, не может вызвать возражений.

Если мы распространим наше понимание отдельного элемента на все сновидение, то получится, что сновидение как целое является искаженным заместителем чего-то другого, бессознательного, и задача толкования сновидения — найти это бессознательное. Отсюда сразу выводятся три важных правила, которых мы должны придерживаться во время работы над толкованием

[11] По смыслу должно быть «собственное». — *Ред. перевода.*

сновидения: 1) не нужно обращать внимание на то, что являет собой сновидение, будь оно понятным или абсурдным, ясным или спутанным, так как оно все равно ни в коем случае не является искомым бессознательным (естественное ограничение этого правила напрашивается само собой); 2) работу ограничивать тем, что к каждому элементу вызывать замещающие представления, не задумываясь о них, не проверяя, содержат ли они что-то подходящее, не обращать внимания, насколько они отклоняются от элемента сновидения; 3) нужно выждать, пока скрытое, искомое бессознательное возникнет само <...>.

Теперь нам также понятно, насколько безразлично, хорошо или плохо, верно или неверно восстановлено в памяти сновидение. Ведь восстановленное в памяти сновидение не является собственным содержанием, но только искаженным заместителем того, что должно нам помочь путем вызывания других замещающих представлений приблизиться к собственному содержанию, сделать бессознательное сознательным. Если воспоминание было неточным, то просто в заместителе произошло дальнейшее искажение, которое, однако, не может быть немотивированным.

Работу толкования можно провести как на собственных сновидениях, так и на сновидениях других. На собственных даже большему научишься, процесс толкования здесь более убедителен. Итак, если попытаешься это сделать, то замечаешь, что что-то противится работе. Мысли хотя и возникают, но не всем им придаешь значение. Производится проверка, и делается выбор. Об одной мысли говоришь себе: нет, это здесь не подходит, не относится сюда, о другой — это слишком бессмысленно, о третьей — это уж совсем второстепенно, и вскоре замечаешь, что при таких возражениях мысли задерживаются прежде, чем станут совершенно ясными, и наконец прогоняются. Таким образом, с одной стороны, слишком сильно зависишь от исходного представления, от самого элемента сновидения, с другой — выбор мешает результату свободной ассоциации. Если толкование сновидения проводишь не наедине, а просишь коголибудь толковать свое сновидение, то ясно чувствуешь еще один мотив, которым оправдываешь такой недопустимый выбор. Тогда говоришь себе по поводу отдельных мыслей: нет, эта мысль слишком неприятна, я не хочу или не могу ее высказать.

Эти возражения явно угрожают успешности нашей работы. Против них нужно защититься, и при анализе собственного сновидения делаешь это с твердым намерением не поддаваться им; если анализируешь сновидение другого, то ставишь ему как непреложное условие не исключать ни одной мысли, даже если против нее возникает одно из четырех возражений: что она слишком незначительна, слишком бессмысленна, не относится к делу или ее неприятно сказать. Он обещает следовать этому правилу, но затем с огорчением замечаешь, как плохо подчас он сдерживает это обещание. Сначала объясняешь это тем, что он не уяснил себе смысл свободной ассоциации, несмотря на убедительное заверение, и думаешь, что, может быть, следует подготовить его сначала теоретически, давая ему литературу или послав его на лекции, благодаря

чему он мог бы стать сторонником наших воззрений на свободную ассоциацию. Но от этих приемов воздерживаешься, замечая, что и сам, будучи твердо уверен в собственных убеждениях, подвержен этим же критическим возражениям против определенных мыслей, которые впоследствии устраняются, в известной мере, во второй инстанции.

Вместо того чтобы сердиться на непослушание видевшего сон, попробуем оценить этот опыт, чтобы научиться из него чему-то новому, чему-то, что может быть тем важнее, чем меньше мы к нему подготовлены. Понятно, что работа по толкованию сновидения происходит вопреки *сопротивлению* (Widerstand), которое поднимается против него и выражением которого являются те критические возражения. Это сопротивление независимо от теоретических убеждений видевшего сон. Больше того, опыт показывает, что такое критическое возражение никогда не бывает правильным. Напротив, мысли, которые хотелось бы подавить таким образом, оказываются все *без исключения* самыми важными, решающими для раскрытия бессознательного. Если мысль сопровождается таким возражением, то это как раз очень показательно.

Это сопротивление является каким-то совершенно новым феноменом, который мы нашли исходя из наших предположений, хотя он как будто и не содержится в них. Этому новому фактору мы не так уж приятно удивлены. Мы уже предчувствуем, что он не облегчит нашей работы. Он мог бы нас привести к тому, чтобы вовсе оставить наши старания понять сновидение. Такое незначительное явление, как сновидение, и такие трудности вместо безукоризненной техники! Но, с другой стороны, именно эти трудности заставляют нас предполагать, что работа стоит усилий. Мы постоянно наталкиваемся на сопротивление, когда хотим от заместителя, являющегося элементом сновидения, проникнуть в его скрытое бессознательное. Таким образом, мы можем предположить, что за заместителем скрывается что-то значительное. Иначе к чему все препятствия, стремящиеся сохранить скрываемое? Если ребенок не хочет открыть руку, чтобы показать, что в ней, значит, там что-то, чего ему не разрешается иметь.

Сейчас, когда мы вводим в ход наших рассуждений динамическое представление сопротивления, мы должны подумать о том, что это сопротивление может количественно изменяться. Оно может быть большим и меньшим, и мы готовы к тому, что данные различия и обнаружатся во время нашей работы. Может быть, благодаря этому мы приобретем другой опыт, который тоже пригодится в работе по толкованию сновидений. Иногда необходима одна-единственная или всего несколько мыслей, чтобы перейти от элемента сновидения к его бессознательному, в то время как в других случаях для этого требуется длинная цепь ассоциаций и преодоление многих критических возражений.

Мы скажем себе, что эти различия связаны с изменением величины сопротивления, и будем, вероятно, правы. Если сопротивление незначительно, то и заместитель не столь отличен от бессознательного; но большое сопротивление приводит к большим искажениям бессознательного, а с ними удлиняется обратный путь от заместителя к бессознательному.

Теперь, может быть, настало время взять какое-нибудь сновидение и попробовать применить к нему нашу технику, чтобы оправдать связываемые с ней надежды. <...>

Разумеется, я выберу не самое непонятное сновидение, а остановлюсь на таком, которое хорошо отражает его свойства.

Итак, молодая, но уже давно вышедшая замуж дама видит сон: *она сидит с мужем в театре, одна половина партера совершенно пуста. Ее муж рассказывает ей, что Элиза Л. и ее жених тоже хотели пойти, но смогли достать только плохие места, три за 1 флорин 50 крейцеров, а ведь такие места они не могли взять. Она считает, что это не беда.*

Первое, что сообщает нам видевшая сон, — это то, что повод к сновидению указан в явном сновидении. Муж действительно рассказал ей, что Элиза Л., знакомая, примерно тех же лет, обручилась. Сновидение является реакцией на это сообщение. Мы уже знаем, что подобный повод в переживаниях дня накануне сновидения нетрудно доказать во многих сновидениях, и видевшие сон часто без затруднений дают такие указания. Такие же сведения видевшая сон дает и по поводу других элементов явного сновидения. Откуда взялась деталь, что половина партера не занята? Это намек на реальное событие прошлой недели. Она решила пойти на известное театральное представление и *заблаговременно* купила билеты, но так рано, что должна была доплатить за это, когда же они пришли в театр, оказалось, что ее заботы были напрасны, потому что *одна половина партера была почти пуста.* Она бы не опоздала, если бы купила билеты даже в день представления. Ее муж не преминул подразнить ее за эту *поспешность.* Откуда 1 флорин 50 крейцеров? Это относится к совсем другому и не имеет ничего общего с предыдущим, но и тут есть намек на известие последнего дня. Ее невестка получила от своего мужа в подарок 150 флоринов, и эта дура не нашла ничего лучшего, как побежать к ювелиру и истратить деньги на украшения. А откуда три? Об этом она ничего не знает, если только не считать той мысли, что невеста Элиза Л. всего лишь на три месяца моложе нее, а она почти десять лет замужем. А что это за нелепость брать три билета, когда идешь в театр вдвоем? На это она ничего не отвечает и вообще отказывается от дальнейших объяснений.

Но эти пришедшие ей в голову мысли и так дали нам достаточно материала, чтобы можно было узнать скрытые мысли сновидения. Обращает на себя внимание то, что в ее сообщениях к сновидению в нескольких местах подчеркиваются разные сроки, благодаря чему между отдельными частями устанавливается нечто общее: она *слишком рано* купила билеты в театр, *поспешила,* так что должна была переплатить; невестка подобным же образом *поспешила* снести деньги ювелиру, чтобы купить украшения, как будто она могла это *упустить.* Если эти так подчеркнутые «слишком рано», «поспешно» сопоставить с поводом сновидения, известием, что приятельница, которая *моложе* нее всего на три месяца, теперь все-таки нашла себе хорошего мужа, и с критикой, выразившейся в осуждении невестки: *нелепо* так торопиться, то само собой на-

прашивается следующий ход скрытых мыслей сновидения, искаженным заместителем которых является явное сновидение: «*Нелепо* было с моей стороны так торопиться с замужеством. На примере Элизы я вижу, что и позже могла бы найти мужа». (Поспешность изображена в ее поведении при покупке билетов и в поведении невестки при покупке украшений. Замужество замещено посещением театра.) Это — главная мысль; может быть, мы могли бы продолжать, но с меньшей уверенностью, потому что в этом месте анализу незачем было бы отказываться от заявлений видевшей сон: «За эти деньги я могла бы приобрести в 100 раз лучшее!» (150 флоринов в 100 раз больше 1 флорина 50 крейцеров). Если бы мы могли деньги заменить приданым, то это означало бы, что мужа покупают за приданое; муж заменен украшениями и плохими билетами. Еще лучше было бы, если бы элемент «три билета» имел какое-либо отношение к мужу. Но наше понимание не идет так далеко. Мы только угадали, что сновидение выражает *пренебрежение* к мужу и сожаление о *слишком раннем замужестве.*

По моему мнению, результат этого первого толкования сновидения нас больше поражает и смущает, чем удовлетворяет. Слишком уж много на нас сразу свалилось, больше, с чем мы в состоянии справиться. Мы уже замечаем, что не сможем разобраться в том, что может быть поучительного в этом толковании сновидения. Поспешим же извлечь то, что мы узнали несомненно нового.

Во-первых, замечательно, что в скрытых мыслях главный акцент падает на элемент поспешности; в явном сновидении именно об этом ничего нет. Без анализа мы бы не могли предположить, что этот момент играет какую-то роль. Значит возможно, что как раз самое главное, то, что является центром бессознательных мыслей, в явном сновидении отсутствует. Благодаря этому совершенно меняется впечатление от всего сновидения. Во-вторых, в сновидении имеется абсурдное сопоставление три за 1 флорин 50 крейцеров, в мыслях сновидения мы угадываем фразу: нелепо было (так рано выходить замуж). Можно ли отрицать, что эта мысль «нелепо было» выражена в явном сновидении именно абсурдным элементом? В-третьих, сравнение показывает, что отношение между явными и скрытыми элементами не просто, оно состоит не в том, что один явный элемент всегда замещает один скрытый. Это скорее групповое отношение между обоими лагерями, внутри которого один явный элемент представляется несколькими скрытыми или один скрытый может замещаться несколькими явными.

Что касается смысла сновидения и отношения к нему видевшей сон, то об этом можно было бы тоже сказать много удивительного. Правда, она признает толкование, но поражается ему. Она не знала, что пренебрежительно относится к своему мужу, она также не знает, почему она к нему так относится. Итак, в этом еще много непонятного. Я действительно думаю, что мы еще не готовы к толкованию сновидений и нам надо сначала еще поучиться и подготовиться.

[Смысл невротических симптомов]

<...> Я говорил <...> что клиническая психиатрия обращает мало внимания на форму проявления и содержание отдельного симптома[12], а психоанализ именно с этого начинал и установил прежде всего, что симптом осмыслен и связан с переживанием больного. Смысл невротических симптомов был открыт сначала Й. Брейером[13] благодаря изучению и успешному излечению одного случая истерии, ставшего с тех пор знаменитым (1880—1882). Верно, что Пьер Жане[14] независимо [от него] доказал то же самое; французскому исследователю принадлежит даже литературный приоритет, потому что Брейер опубликовал свое наблюдение лишь более десяти лет спустя (1893—1895), сотрудничая со мной. Впрочем, нам должно быть безразлично, кем сделано это открытие, потому что вы знаете, что любое открытие делается больше, чем один раз, и ни одно не делается сразу, а успех все равно не сопутствует заслугам. Америка не носит имя Колумба. До Брейера и Жане крупный психиатр Лере высказал мнение, что даже бреды душевнобольных должны были бы быть признаны осмысленными, если бы мы только умели их переводить. Признаюсь, я долгое время очень высоко оценивал заслугу П. Жане в объяснении невротических симптомов, так как он понимал их как выражение *idées inconscientes*[15], владеющих больными. Но после того Жане с чрезвычайной сдержанностью высказывался таким образом, как будто хотел признаться, что бессознательное было для него не чем иным, как способом выражения, вспомогательным средством, *une facon de parler*[16], под этим он не подразумевал ничего реального. С тех пор я больше не понимаю рассуждений Жане, но полагаю, что он совершенно напрасно лишил себя многих заслуг.

Итак, невротические симптомы, как ошибочные действия, как сновидения, имеют свой смысл и так же, как они, по-своему связаны с жизнью лиц, у которых они обнаруживаются. Этот важный результат исследования мне хотелось бы пояснить вам несколькими примерами. <...>

Я выбираю такой случай, который свеж у меня в памяти, также и потому, что его можно относительно кратко изложить. В любом таком сообщении просто невозможно избежать некоторых подробностей.

---

[12] *Симптом* — характерное проявление, признак болезни. — *Ред.-сост.*

[13] Брейер (*Breuer*) Йозеф (1842—1925) — австрийский врач, предложивший метод «катарсиса», при котором пациент в состоянии гипноза рассказывает о своих сексуальных переживаниях. Написанная им в сотрудничестве с З. Фрейдом книга «Исследования истерии» (1895) считается первой психоаналитической работой (Рус. пер. см.: *Фрейд З.* Собр. соч.: В 26 т. СПб.: Изд-во Восточно-Европейского Института Психоанализа, 2005. Т. 1). — *Ред.-сост.*

[14] Жане (*Janet*) Пьер (1859—1947) — французский психолог и психопатолог. — *Ред.-сост.*

[15] Бессознательных идей (*франц.*) — *Пер.*

[16] Речевым оборотом (*франц.*) — *Ред. перевода.*

Молодой офицер, ненадолго вернувшийся в отпуск, просит меня полечить его тещу, которая, несмотря на самые благоприятные условия, отравляет жизнь себе и своим близким, одержимая бессмысленной идеей. Я знакомлюсь с 53-летней хорошо сохранившейся дамой любезного и простого характера, которая без сопротивления рассказывает мне следующее. Она живет за городом в самом счастливом браке со своим мужем, управляющим большой фабрикой. Она не может нахвалиться любезной заботливостью своего мужа. 30 лет тому назад она вышла замуж по любви, с тех пор никогда не было ни одного недоразумения, разногласия или повода для ревности. Двое ее детей счастливы в браке, муж из чувства долга не хочет идти на покой. Год тому назад случилось нечто невероятное, непонятное ей самой: она сразу поверила анонимному письму, в котором ее прекрасный муж обвинялся в любовной связи с молодой девушкой, и с тех пор ее счастье разбито. В подробностях дело заключалось примерно в следующем: у нее была горничная, с которой она, пожалуй, слишком часто вела интимные разговоры. Эта девушка преследовала другую прямо-таки со злобной враждебностью, потому что та гораздо больше преуспела в жизни, хотя была лишь чуть лучшего происхождения. Вместо того чтобы поступить на службу, она получила коммерческое образование, поступила на фабрику и вследствие недостатка персонала из-за призыва служащих на военную службу выдвинулась на хорошее место. Теперь она жила на самой фабрике, вращалась среди господ и даже называлась барышней. Отставшая на жизненном поприще, естественно, была готова наговорить на бывшую школьную подругу всевозможных гадостей. Однажды наша дама беседовала с горничной об одном гостившем у них старом господине, о котором знали, что он не жил со своей женой, а имел связь с другой. Она не знает, как это вышло, что она вдруг сказал: «Для меня было бы самым ужасным, если бы я узнала, что мой добрый муж тоже имеет связь». На следующий день она получила по почте анонимное письмо, в котором измененным почерком сообщалось это как бы накликанное ею известие. Она решила — и вероятно, правильно, — что письмо — дело рук ее озлобленной горничной, потому что возлюбленной мужа была названа именно та барышня, которую служанка преследовала своей ненавистью. Но хотя она тотчас насквозь увидела всю интригу и знала в своей округе достаточно примеров, свидетельствующих о том, как мало доверия заслуживают такие трусливые доносы, случилось так, что это письмо ее сразу сразило. Ее охватило страшное возбуждение, и она тотчас послала за мужем, чтобы выразить ему самые жестокие упреки. Муж со смехом отрицал обвинение и сделал самое лучшее, что было возможно. Он позвал домашнего и фабричного врача, который постарался успокоить несчастную женщину. Дальнейшие действия обоих были тоже вполне благоразумны. Горничной было отказано, однако мнимая соперница осталась. С тех пор больная неоднократно успокаивалась настолько, что больше не верила содержанию анонимного письма, но это успокоение никогда не было полным и продолжительным. Достаточно было услышать имя той барышни или встретить ее на улице, чтобы вызвать у нее новый всплеск недоверия, боли и упреков.

Вот история болезни этой славной женщины. Не нужен большой психиатрический опыт, чтобы понять, что в противоположность другим нервнобольным она изобразила свою болезнь скорее слишком мягко, как мы говорим, диссимулировала, и что, в сущности, она никогда не теряла веры в обвинения анонимного письма.

Какую позицию займет психиатр в этом случае болезни? Как он поведет себя в случае симптоматического действия пациента, не закрывающего двери в приемную, мы уже знаем. Он объявляет его лишенной психологического интереса случайностью, которая его нисколько не касается. Но к случаю болезни ревнивой женщины такого отношения быть не может. Симптоматическое действие кажется чем-то безразличным, но в симптоме болезни видится нечто значительное. Он связан с интенсивным субъективным страданием, он объективно угрожает совместной жизни семьи, так что является предметом неизбежного интереса для психиатра. Сначала психиатр пытается характеризовать симптом по его существенному свойству. Саму по себе идею, которой мучается эта женщина, нельзя назвать бессмысленной; ведь бывает, что немолодые мужья завязывают любовные отношения с молодыми девушками. Но что-то другое в этом бессмысленно и непонятно. У пациентки нет никакого другого основания, кроме утверждения анонимного письма, верить в то, что ее нежный и верный супруг относится к этой совсем нередкой категории мужей. Она знает, что это письмо не имеет никакой доказательной силы, она в состоянии удовлетворительно объяснить его происхождение; она должна была бы себя уверить, что у нее нет никаких поводов для ревности, она и говорит это себе и тем не менее страдает так же, как если бы она признавала эту ревность совершенно оправданной. Идеи такого рода, неподвластные логическим и идущим от реальности аргументам, принято называть *бредовыми идеями*. Милая дама страдает, таким образом, *бредом ревности*. Такова, пожалуй, самая существенная характеристика этого случая болезни.

После этой первой констатации наш психиатрический интерес возрастает как будто еще больше. Если с бредовой идеей нельзя покончить ссылкой на реальность, то, пожалуй, она и не имеет корней в реальности. Откуда же она тогда происходит? Бредовые идеи бывают самого разнообразного содержания, почему в нашем случае содержанием бреда является именно ревность? У кого образуются бредовые идеи и, в частности, бредовые идеи ревности? Тут нам бы хотелось послушать психиатра, но здесь-то он нас и подведет. Он вообще остановится только на одном-единственном из наших вопросов. Он будет изучать историю семьи этой женщины и, *может быть*, ответит нам: бредовые идеи бывают у таких лиц, в семье которых неоднократно встречались подобные или другие психические нарушения. Другими словами, если у этой женщины развилась бредовая идея, то у нее было к этому наследственное предрасположение. Это, конечно, кое-что, но разве все, что мы хотим знать? Все, что послужило причиной болезни? Следует ли нам довольствоваться предположением, что если вместо какого-нибудь другого развился бред ревности, это

не имеет значения, случайно и необъяснимо? И следует ли нам понять положение, заявляющее о преобладании наследственного влияния, и в отрицательном смысле: безразлично, какие переживания потрясли эту душу, раз ей было предопределено когда-то заболеть помешательством? Вы захотите узнать, почему научная психиатрия не желает дать нам никаких дальнейших объяснений. Но я вам отвечу: плут тот, кто дает больше, чем имеет. Ведь психиатр как раз и не знает пути, ведущего к дальнейшему пониманию такого случая. Он вынужден довольствоваться диагнозом и неуверенным прогнозом дальнейшего течения болезни, несмотря на богатый опыт.

Но может ли психоанализ достичь в этом случае большего? Несомненно; надеюсь показать вам, что даже в столь трудном случае он способен открыть нечто такое, что дает возможность самого глубокого проникновения в суть дела. Во-первых, прошу обратить ваше внимание на ту незначительную деталь, что пациентка прямо спровоцировала анонимное письмо, на котором основана ее бредовая идея, высказав накануне интриганке мысль, что для нее было бы величайшим несчастьем, если бы ее муж имел любовную связь с молодой девушкой. Этим она навела служанку на мысль послать ей анонимное письмо. Так что бредовая идея приобретает известную независимость от анонимного письма; она уже до него имелась у больной в форме опасения — или желания. Прибавьте к этому еще то, что дали два часа анализа других незначительных намеков. Правда, пациентка отнеслась очень отрицательно к требованию после рассказа своей истории сообщить дальнейшие размышления, приходящие ей в голову мысли и воспоминания. Она утверждала, что ей ничего не приходит в голову, что она уже все сказала, и через два часа попытка дальнейшей беседы с ней действительно вынуждена была прекратиться, так как она заявила, что чувствует себя уже здоровой и уверена, что болезненная идея больше не появится. Она сказала это, конечно, только из сопротивления и страха перед продолжением анализа. Но за эти два часа она все-таки обронила несколько замечаний, которые допускают определенное толкование, даже делают его неизбежным, и это толкование проливает яркий свет на происхождение ее бреда ревности. Она сама была сильно влюблена в молодого человека, того самого зятя, по настоянию которого обратилась ко мне как пациентка. Об этой влюбленности она ничего не знала или, может быть, знала очень мало; при существовавших родственных отношениях эта влюбленность могла легко маскироваться под безобидную нежность. При всем нашем опыте нам нетрудно проникнуть в душевную жизнь этой 53-летней порядочной женщины и хорошей матери. Такая влюбленность, как нечто чудовищное, невозможное, не могла стать сознательной; однако она оставалась и как бессознательная лежала тяжелым грузом. Что-то должно было с ней произойти, какой-то выход должен был быть найден, и самое простое облегчение предоставил механизм смещения, который так часто участвует в возникновении бредовой ревности. Если не только она, старая женщина, влюблена в молодого мужчину, но и ее старый муж поддерживает любовную связь с молодой девушкой, то она освобождалась бы

от упреков совести из-за неверности. Фантазия о неверности мужа была, таким образом, охлаждающим компрессом на ее жгучую рану. Ее собственная любовь не осознавалась ею, но ее отражение, дававшее ей такие преимущества, навязчиво осознавалось в виде бреда. Все доводы против него, разумеется, не достигали цели, потому что направлялись лишь против отражения, а не против первоначального образа, которому оно было обязано своей силой и который неприкосновенно оставался скрытым в бессознательном.

А теперь сопоставим, что нам дал для понимания этого случая болезни короткий, но затрудненный психоанализ. Разумеется, при условии, что наши сведения получены правильно, чего я с вами не могу здесь обсуждать. Во-первых, бредовая идея не является больше чем-то бессмысленным или непонятным, она осмысленна, хорошо мотивирована, связана с аффективным переживанием больной. Во-вторых, она представляет собой необходимую реакцию на бессознательный душевный процесс, угадываемый по другим признакам, и обязана своим бредовым характером именно этому отношению, его устойчивости перед натиском логики и реальности. Она сама есть что-то желанное, своего рода утешение.

В-третьих, переживанием, независимо от заболевания, недвусмысленно определяется появление именно бредовой идеи ревности, а не какой-нибудь другой. Вы ведь помните, что она накануне высказала интриганке мысль, что для нее было бы самым ужасным, если бы ее муж оказался неверным ей. Не оставляйте без внимания также обе аналогии с проанализированным нами симптоматическим действием, имеющие важное значение для объяснения смысла или намерения и определения отношения к имеющемуся в этой ситуации бессознательному.

Разумеется, тем самым не дается ответа на все вопросы, которые мы могли поставить в связи с этим случаем. Больше того, этот случай болезни полон других проблем, таких, которые пока вообще неразрешимы, и других, которые не могут быть решены вследствие некоторых неблагоприятных условий. Например, почему эта счастливая в браке женщина поддается влюбленности в своего зятя, и почему облегчение, которое могло бы быть достигнуто и другим способом, осуществляется в форме такого отражения, проекции своего собственного состояния на мужа? Но не думайте, что ставить такие вопросы можно только из праздного любопытства. В нашем распоряжении уже есть некоторый материал для возможного ответа на них. Пациентка находится в том критическом возрасте, когда сексуальная потребность у женщин вдруг нежелательно возрастает; этого одного уже достаточно. Или к этому могло присоединиться то, что ее добрый и верный супруг уже в течение нескольких лет не обладает той сексуальной способностью, в которой нуждалась хорошо сохранившаяся женщина для своего удовлетворения. Опыт обратил наше внимание на то, что именно такие мужчины, верность которых вполне естественна, отличаются особой нежностью в обращении со своими женами и необыкновенной терпимостью к их нервным недугам. Далее, небезразлично, что именно молодой муж дочери стал объектом

этой патогенной влюбленности. Сильная эротическая привязанность к дочери, обусловленная в конечном счете сексуальной конституцией матери, часто находит свое продолжение в таком превращении. Смею вам напомнить в этой связи, что отношения между тещей и зятем с давних пор считались у людей особенно щекотливыми и у первобытных народов дали повод для очень строгих предписаний табу и «избегания» друг друга[17]. Эти отношения часто переходят желательную культурную границу как в положительную, так и в отрицательную сторону. Какой из этих трех моментов проявился в нашем случае, два ли из них, все ли они соединились, этого я вам, правда, сказать не могу, но только потому, что у меня не было возможности продолжить анализ данного случая больше двух часов. <...>

Фиксация на травме, бессознательное

А теперь примите во внимание, что это положение вещей, установленное нами <...> подтверждается во всех симптомах всех невротических явлений, что всегда и везде смысл симптомов неизвестен больному, что анализ постоянно показывает, что симптомы — производное бессознательных процессов, которые, однако, при разных благоприятных условиях можно сделать сознательными, и вы поймете, что в психоанализе мы не можем обойтись без бессознательного в психике и привыкли оперировать им как чем-то чувственно осязаемым. Но вы, может быть, также поймете, как мало способны к суждению в этом вопросе все другие, кто считает бессознательное только понятием, кто никогда не анализировал, никогда не толковал сновидений и не искал в невротических симптомах смысл и намерение. Для наших целей повторю еще раз: возможность придать смысл невротическим симптомам благодаря аналитическому толкованию является неопровержимым доказательством существования — или, если вам угодно, необходимости предположения — бессознательных душевных процессов.

Но это еще не все. Благодаря второму открытию Брейера, которое мне кажется даже более содержательным и которое не нашло сторонников, мы еще больше узнаем о связи между бессознательным и невротическими симптомами. И не только то, что смысл симптомов всегда бессознателен; между этой бессознательностью и возможностью существования симптомов существует также отношение заместительства. Вы меня скоро поймете. Вместе с Брейером я утверждаю следующее: каждый раз, сталкиваясь с симптомом, мы можем заключить, что у больного имеются определенные бессознательные процессы, в которых содержится смысл симптома. Но для того, чтобы образовался симптом, необходимо также, чтобы смысл был бессознательным. Из сознательных процессов симптомы не образуются; как только соответствующие бессознательные процессы сделаются сознательными, симптом должен исчезнуть. Вы

[17] Ср.: *Фрейд З.* Тотем и табу. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923.

сразу же предугадываете здесь путь к терапии, путь к уничтожению симптомов. Этим путем Брейер действительно вылечил свою истерическую пациентку, т.е. освободил ее от симптомов; он нашел технику доведения до ее сознания бессознательных процессов, содержавших смысл симптома, и симптомы исчезли.

Это открытие Брейера было результатом не умозрения, а счастливого наблюдения, ставшего возможным благодаря тому, что больная пошла ему навстречу. Но вам теперь не следует стремиться объяснить его непременно из чего-то другого, уже знакомого, однако вы должны признать в нем новый фундаментальный факт, с помощью которого можно прояснить многое другое. Разрешите мне поэтому повторить то же самое в других выражениях.

Образование симптома — это замещение (*Ersatz*) чего-то другого, что не могло проявиться. Определенные душевные процессы нормальным образом должны были бы развиться настолько, чтобы они стали известны сознанию. Этого не случилось, но зато из прерванных, каким-то образом нарушенных процессов, которые должны были остаться бессознательными, возник симптом. Таким образом, получилось что-то вроде подстановки; если возвратиться к исходному положению, то терапевтическое воздействие на невротические симптомы достигнет своей цели.

Открытие Брейера еще до сих пор является фундаментом психоаналитической терапии. Положение о том, что симптомы исчезают, если их бессознательные предпосылки сделались сознательными, подтвердилось всеми дальнейшими исследованиями, хотя при попытке его практического применения сталкиваешься с самыми странными и самыми неожиданными осложнениями. Наша терапия действует благодаря тому, что превращает бессознательное в сознательное, и лишь постольку, поскольку она в состоянии осуществить это превращение. <...>

Сопротивление и вытеснение

<...> Для того чтобы продвинуться дальше в понимании неврозов, нам нужны новые опытные данные <...>.

Во-первых: если мы стремимся вылечить больного, освободить его от болезненных симптомов, то он оказывает нам ожесточенное, упорное сопротивление (*Widerstand*), длящееся в течение всего лечения. Это настолько странный факт, что мы даже не ожидаем, чтобы ему поверили. Родственникам больного лучше всего ничего не говорить об этом, потому что они никогда не подумают ничего другого, кроме как принять это за отговорку, извиняющую длительность или неуспешность нашего лечения. Больной тоже демонстрирует все проявления этого сопротивления, не сознавая его, и уже большое достижение, если нам удается довести больного до понимания этого сопротивления и необходимости считаться с ним. Подумайте только, больной, который так страдает от своих симптомов и заставляет страдать своих близких, который готов пожертво-

вать столько времени, денег, сил и преодолевать себя, чтобы освободиться от них, этот больной оказывает сопротивление врачу в интересах своей болезни. Каким невероятным должно казаться такое утверждение! И тем не менее это так, и когда нам указывают на невероятность этого факта, нам остается только ответить, что этому есть свои аналоги, и любой, кто пригласил зубного врача при нестерпимой зубной боли, будет отталкивать его руку, когда он захочет приблизиться к больному зубу с щипцами.

Сопротивление больных чрезвычайно разнообразно, в высшей степени утонченно, часто трудно распознается, постоянно меняет форму своего проявления. Для врача это значит не быть доверчивым и оставаться по отношению к нему настороже. В психоаналитической терапии мы используем технику, которая знакома вам по толкованию сновидений. Мы просим больного прийти в состояние спокойного самонаблюдения, не углубляясь в раздумья, и сообщать все, что он может определить при этом по внутренним ощущениям: чувства, мысли, воспоминания в той последовательности, в которой они возникают. При этом мы настойчиво предостерегаем его не поддаваться какому-нибудь мотиву, желающему выбрать или устранить что-либо из пришедших ему в голову мыслей, хотя бы они казались *слишком неприятными* или *слишком нескромными*, чтобы их высказывать, или *слишком неважными*, *не относящимися к делу*, *или бессмысленными*, так что незачем о них и говорить. Мы внушаем ему постоянно следить лишь за поверхностью сознания, отказываться от постоянно возникающей критики того, что он находит, и уверяем его, что успех лечения, а прежде всего его продолжительность, зависят от добросовестности, с которой он будет следовать этому основному техническому правилу анализа. Из техники толкования сновидений мы знаем, что именно такие мысли, против которых возникают перечисленные сомнения и возражения, обычно содержат материал, ведущий к раскрытию бессознательного.

Выдвигая это основное техническое правило, мы добиваемся сначала того, что все сопротивление направляется на него. Больной всячески пытается избежать его предписаний. То он утверждает, что ему ничего не приходит в голову, то, что напрашивается так много, что он ничего не может понять. Далее мы с неприятным удивлением замечаем, что он поддается то одному, то другому критическому возражению; он выдает себя длинными паузами, которые допускает в своих высказываниях. Тогда он признается, что действительно не может этого сказать, стыдится и считается с этим мотивом, несмотря на свое обещание. Или ему что-то приходит в голову, но это касается другого лица, а не его самого, и поэтому он исключил это из сообщения. Или что теперь ему пришло в голову действительно слишком неважное, слишком глупое и слишком бессмысленное, ведь не мог же он подумать, что должен останавливаться на таких мыслях, и так продолжается в бесчисленных вариациях, на что приходится возражать, что говорить все — значит действительно говорить все.

Едва ли встретишь больного, который не пытался бы сохранить какую-то область, чтобы преградить к ней доступ для лечения. <... >

У вас не должно также складываться впечатления, что в появлении этих сопротивлений мы усматриваем непредвиденную опасность для аналитического влияния. Нет, мы знаем, что эти сопротивления должны появиться; мы только бываем недовольны, если вызываем их недостаточно ясно и не можем объяснить их больному. Наконец, мы понимаем, что преодоление этих сопротивлений является существенным достижением анализа и той части работы, которая только и дает нам уверенность, что мы чего-то добились у больного. <...>

Но если вопрос о сопротивлении так значим, то не следует ли нам выразить осторожное сомнение: не слишком ли многое мы объясняем сопротивлением? Может быть, действительно есть случаи неврозов, при которых ассоциации не возникают по другим причинам, может быть, доводы против наших предпосылок действительно заслуживают содержательного обсуждения, и мы поступаем несправедливо, так равнодушно отодвигая в сторону интеллектуальную критику анализируемого как сопротивление. Да, уважаемые господа, но мы нелегко пришли к такому выводу. Мы имеем возможность наблюдать каждого такого критикующего пациента при появлении и после исчезновения сопротивления. В процессе лечения сопротивление постоянно меняет свою интенсивность; оно всегда растет, когда приближаешься к новой теме, достигает наибольшей силы на высоте ее разработки и снова снижается, когда тема исчерпана. Если не допустить особых технических ошибок, то можно никогда не иметь дела с полной мерой сопротивления, на которое способен пациент. Таким образом, мы могли убедиться, что один и тот же человек в продолжение анализа бесчисленное множество раз то оставляет свою критическую установку, то снова принимает ее. Если нам предстоит перевести в сознание новую и особенно мучительную для него часть бессознательного, то он становится до крайности критичным, если он раньше многое понимал и принимал, то теперь эти завоевания как будто бы исчезли; в своем стремлении к оппозиции во что бы то ни стало он может производить полное впечатление аффективно слабоумного. Если удалось помочь ему в преодолении этого нового сопротивления, то он снова обретает благоразумие и понимание. Его критика, следовательно, не является самостоятельной, внушающей уважение функцией, она находится в подчинении аффективных установок и управляется его сопротивлением. Если ему что-то не нравится, он может очень остроумно защищаться от этого и оказаться очень критичным; но если ему что-то выгодно, то он может, напротив, быть весьма легковерным. Может быть, мы все ненамного лучше; анализируемый только потому так ясно обнаруживает эту зависимость интеллекта от аффективной жизни, что мы во время анализа доставляем ему так много огорчений.

Каким образом мы считаемся с тем фактом, что больной так энергично противится устранению своих симптомов и восстановлению нормального течения его душевных процессов? Мы говорим себе, что почувствовали здесь большие силы, оказывающие сопротивление изменению состояния; это, должно быть, те же силы, которые в свое время принудительно вызвали это состояние. При образовании симптомов происходило, должно быть, что-то такое, что мы,

разгадывая симптомы, можем реконструировать по нашему опыту. Из наблюдения Брейера мы уже знаем, что предпосылкой для существования симптома является то, что какой-то душевный процесс не произошел до конца нормальным образом, так что он не мог стать сознательным. Симптом представляет собой заместитель того, что не осуществилось. Теперь мы знаем, к какой точке прилагается действие предполагаемой силы. Сильное сопротивление должно было направиться против того, чтобы упомянутый душевный процесс проник в сознание; поэтому он остался бессознательным. Как бессознательный, он обладает способностью образовать симптом. То же самое сопротивление во время аналитического лечения вновь противодействует стремлению перевести бессознательное в сознание. Это мы ощущаем как сопротивление. Патогенный процесс, проявляющийся в виде сопротивления, заслуживает названия ***вытеснения*** (Verdrängung).

Об этом процессе вытеснения мы должны составить себе более определенное представление. Оно является предпосылкой образования симптомов, но оно выступает также как то, чему мы не знаем аналогов. Если мы возьмем, к примеру, импульс, душевный процесс, стремящийся превратиться в действие, то мы знаем, что он может быть отклонен, и это мы называем отказом или осуждением. При этом у него отнимается энергия, которой он располагает, он становится бессильным, но может сохраниться как воспоминание. Весь процесс принятия решения о нем проходит под контролем *Я*. Совсем иное дело, если мы представим себе, что этот же импульс подлежит вытеснению. Тогда он сохранил бы свою энергию, и о нем не осталось бы никакого воспоминания, а процесс вытеснения совершился бы также незаметно для *Я*. Таким образом, это сравнение не приближает нас к пониманию сущности вытеснения.

Я хочу сообщить вам, какие теоретические представления оказались единственно приемлемыми, чтобы придать понятию вытеснения большую определенность. Прежде всего, нам необходимо перейти от чисто описательного смысла слова «бессознательное» к систематическому, т.е. мы решаемся сказать, что сознательность или бессознательность психического процесса является лишь одним из его свойств, которое может быть неоднозначным. Если такой процесс остался бессознательным, то это отсутствие сознания, быть может, только знак постигшей его судьбы, но не сама судьба. Для того чтобы наглядно представить эту судьбу, предположим, что всякий душевный процесс — здесь должно быть допущено исключение, о котором будет упомянуто ниже, — сначала существует в бессознательной стадии или фазе и только из нее переходит в сознательную фазу, примерно как фотографическое изображение представляет собой сначала негатив и затем благодаря позитивному процессу становится изображением. Но не из всякого негатива получается позитив, и так же не обязательно, чтобы всякий бессознательный душевный процесс превращался в сознательный. Иными словами: отдельный процесс входит сначала в психическую систему бессознательного и может затем при известных условиях перейти в систему сознательного.

Самое грубое и самое удобное для нас представление об этих системах — это пространственное. Мы сравниваем систему бессознательного с большой передней, в которой копошатся, подобно отдельным существам, душевные движения. К этой передней примыкает другая комната, более узкая, вроде гостиной, в которой также пребывает и сознание. Но на пороге между обеими комнатами стоит на посту страж, который рассматривает каждое душевное движение в отдельности, подвергает цензуре и не пускает в гостиную, если оно ему не нравится. Вы сразу понимаете, что небольшая разница — отгоняет ли страж какое-то движение уже с порога или прогоняет его опять за порог после того, как оно проникло в гостиную. Дело лишь в его бдительности и своевременном распознавании. Придерживаясь этого образного сравнения, мы можем разработать дальше нашу номенклатуру. Душевные движения в передней бессознательного недоступны взору сознания, находящегося в другой комнате; они сначала должны оставаться бессознательными. Если они уже добрались до порога, и страж их отверг, то они не способны проникнуть в сознание; мы называем их *вытесненными*. Но и те душевные движения, которые страж пропустил через порог, вследствие этого не обязательно становятся сознательными; они могут стать таковыми только в том случае, если им удастся привлечь к себе взоры сознания. Поэтому с полным правом мы называем эту вторую комнату системой *предсознательного* (Vorbewusste), [понятие] осознания сохраняет тогда свой чисто дескриптивный смысл. Но судьба вытеснения для отдельного душевного движения состоит в том, что оно не допускается стражем из системы бессознательного в систему предсознательного. Это тот же страж, который выступает для нас как сопротивление, когда мы пытаемся с помощью аналитического лечения устранить вытеснение.

Но я знаю, вы скажете, что эти представления столь же грубы, сколь фантастичны и совершенно недопустимы в научном изложении. Я знаю, что они грубы; более того, мы знаем также, что они неправильны, и если мы не очень ошибаемся, то у нас уже готова лучшая замена. Не знаю, покажутся ли они вам столь же фантастичными. Пока это вспомогательные представления вроде человечка Ампера[18], плавающего в электрическом токе, и ими не следует пренебрегать, поскольку они помогают понять наблюдаемые факты. Могу вас уверить, что эти грубые предположения о двух комнатах, о страже на пороге между ними и о сознании как наблюдателе в конце второго зала все-таки очень близки к действительному положению вещей. Мне хотелось бы также услышать от вас признание, что наши названия отношений — *бессознательное*, *предсознательное*, *сознательное* — менее способны ввести в заблуждение и более оправданны, чем другие предлагаемые и употребляемые, как-то: *под*сознательное (unterbewusst), *около*сознательное (nebenbewusst), *внутри*сознательное (binnenbewusst) и тому подобные.

---

[18] Ампер (*Ampere*) Андре Мари (1775—1836), французский ученый, один из основоположников электродинамики. — *Ред.-сост.*

З. Фрейд

Сознание и бессознательное*

Разделение психики на сознательное и бессознательное является основной предпосылкой психоанализа и дает ему одному возможность понять в такой же мере частые, как и важные, патологические процессы психической жизни и причислить их к научным явлениям. Повторяю еще раз другими словами: психоанализ не может считать сознательное сутью психики, а должен смотреть на сознание как на качество психики, которое может присоединиться к другим качествам или может отсутствовать.

Если бы я мог себе представить, что интересующиеся психологией прочтут этот труд, то я приготовился бы и к тому, что уже тут часть читателей остановится и не пойдет дальше, так как здесь первый шибболет (пароль) психоанализа. Для большинства философски образованных людей идея психики, которая к тому же и бессознательна, настолько непонятна, что она кажется им абсурдной и отвергается простой логикой. Мне думается, что причина этого заключается в том, что они никогда не изучали соответствующих феноменов гипноза и сновидения (не говоря уже о патологических феноменах), делающих такое понимание обязательным. Но выдвинутая ими психология сознания ведь и не способна разрешить проблемы гипноза и сновидения.

«Быть сознательным» есть чисто описательный термин, ссылающийся на наиболее непосредственные и наиболее надежные восприятия. Но дальше опыт показывает нам, что психический элемент, например, представление, обычно не осознается длительно. Напротив, характерно то, что состояние осознанности быстро проходит; осознанное сейчас представление в следующий момент делается неосознанным, но при известных легко осуществимых условиях может снова вернуться в сознание. И мы не знаем, чем оно было в промежутках; мы можем сказать, что оно было *латентно* (скрыто), и подразумеваем под этим, что оно в любой момент было *способно быть осознанным*. Но и в том слу-

---

* *Фрейд З.* Я и Оно // *Фрейд З.* По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой. СПб.: Изд-во «Алетейя — СПб», 1998. С. 81—86.

чае, если мы скажем, что оно было *бессознательным*, мы даем правильное описание. Это бессознательное совпадает тогда с латентной способностью к осознанию. Правда, философы нам возразили бы: нет, термин «бессознательное» здесь неприменим; пока представление было в состоянии латентности, оно вообще не было ничем психическим. Если бы мы уже тут начали им возражать, то завязался бы спор, который бы никакой пользы не принес.

Мы, однако, пришли к термину или понятию бессознательного другим путем, а именно: обработкой опыта, в котором играет роль психическая *динамика*. Мы узнали, т.е. должны были признать, что есть очень сильные психические процессы или представления (здесь, прежде всего, важен количественный, значит, экономический момент), которые для психической жизни могут иметь все те последствия, что и прочие представления, в том числе и такие последствия, которые могут быть вновь осознаны как представления, но они сами не осознаются. Нет надобности подробно описывать здесь то, что уже так часто излагалось. Короче говоря, тут вступает в действие психоаналитическая теория и заявляет, что такие представления не могут быть осознаны, так как этому противится известная сила; что в иных случаях они могли бы быть осознаны, и тогда было бы видно, как мало они отличаются от других, признанных психических элементов. Эта теория становится неопровержимой ввиду того, что в психоаналитической технике нашлись средства, которыми можно прекратить действие сопротивляющейся силы и сделать данные представления сознательными. Состояние, в котором они находились до осознания, мы называем *вытеснением*, а силу, которая привела к вытеснению и его поддерживала, мы ощущаем во время аналитической работы как *сопротивление*.

Таким образом, мы приобретаем наше понятие бессознательного из учения о вытеснении. Вытесненное является для нас примером бессознательного; мы видим, однако, что есть два вида бессознательного: латентное, но способное к осознанию, и вытесненное — само по себе и без дальнейшего неспособное к осознанию. Наше представление о психической динамике не может не повлиять на номенклатуру и описание. Мы называем латентное — бессознательное — только в описательном, а не в динамическом смысле *предсознательным*, названием *бессознательного* мы ограничиваем только динамически бессознательно вытесненное и получаем, таким образом, три термина: сознательное (СЗ), предсознательное (ПСЗ) и бессознательное (БСЗ), смысл которых — уже не чисто описательный. ПСЗ, как мы думаем, гораздо ближе к СЗ, чем БСЗ, и так как БСЗ мы назвали психическим, то тем увереннее отнесем это название к латентному ПСЗ. Но не остаться ли нам лучше в добром согласии с философами и не отделить ли ПСЗ и БСЗ, как естественное следствие, от сознательно психического? Тогда философы предложили бы нам описать ПСЗ и БСЗ как два вида или две ступени психоидного[1], и согласие было бы восстановлено. Но

---

[1] *Психоидное* — психическое или психологическое, т.е. все то, что включают в предмет психологии. — *Ред.-сост.*

следствием этого были бы бесконечные затруднения при описании, и единственно важный факт — именно тот, что это психоидное почти во всех остальных пунктах совпадает с признанно психическим, — был бы оттеснен на задний план из-за предубеждения, которое создалось в те времена, когда еще не знали о психоидном или о самом в нем важном.

Теперь мы сможем манипулировать нашими тремя терминами — СЗ, ПСЗ и БСЗ, если только не будем забывать, что в описательном смысле имеется два вида бессознательного, а в динамическом — только один. Для ряда целей изложения мы можем опустить это деление, но для других оно, конечно, необходимо. Мы все же к этому двоякому значению бессознательного более или менее привыкли и хорошо с ним уживались. Но уклониться от этой двойственности, насколько я вижу, нельзя. Различение сознательного и бессознательного является, в конце концов, вопросом восприятия, на который можно ответить «да» и «нет»; сам же акт восприятия не дает нам никаких сведений о том, по какой причине что-то воспринимается или не воспринимается. Нельзя жаловаться на то, что динамическое в своем проявлении получает лишь двусмысленное выражение[2].

---

[2] Ср.: *Freud S.* Bemerkungen über den Begriff des Unbewussten // Gesammelte Werke. Bd. VIII.

Здесь следует отметить недавнее изменение в критике бессознательного. Многие исследователи, не отвергающие признания психоаналитических фактов, но не соглашающиеся с существованием бессознательного, получают сведения, опираясь на неоспоримый факт, что сознание как феномен содержит в себе большой ряд ступеней интенсивности или отчетливости. Как есть процессы, которые очень живы, резки и явно сознательны, так мы переживаем и другие, лишь слабо, едва заметно осознаваемые: а слабее всего якобы осознаются именно те, которые психоанализ хочет назвать неподходящим словом «бессознательные». Но они будто бы в то же время и осознаны или находятся в сознании, и их можно сделать в полной мере осознанными, если им уделить достаточно внимания. В той мере, в какой на решение в таком вопросе, зависящем или от традиций, или от эмоциональных моментов, можно повлиять аргументацией, следует по этому поводу заметить следующее: указание на шкалу отчетливости осознанности не содержит ничего обязательного и имеет не больше доказательности, чем, например, аналогичные положения: есть столько ступеней освещения, начиная от резкого, слепящего света и кончая слабыми проблесками мерцания, что темноты, следовательно, вообще не существует; или: есть различные степени витальности, значит, нет смерти. Эти положения, быть может, в известном смысле и содержательны, но практически они неприменимы, и это тотчас же обнаруживается, если выводить из них заключения, например: значит, света зажигать не надо или, следовательно, все организмы бессмертны. А кроме того, приравниванием незамеченного к бессознательному достигается лишь то, что отнимается единственная непосредственная достоверность, вообще имеющаяся у психики. Сознание, о котором ничего не знаешь, кажется мне все же много абсурднее, чем бессознательное психическое. И, наконец, такое приравнивание незамеченного к бессознательному производилось, очевидно, без учета динамических соотношений, которые для психоаналитического понимания были решающими, ибо при этом не учтены два факта: во-первых, что посвятить такому незамеченному достаточно внимания очень трудно и требует большого напряжения; во-вторых, если это и достигнуто, то ранее незамеченное теперь не узнается сознанием, а довольно часто кажется ему совершенно чуждым, противоречащим и резко им отвергается. Обращение бессознательного на малозамеченное и незамеченное исходит, следовательно, только из предубеждения, для которого идентичность психического с сознательным раз и навсегда установлена.

К.Г. Юнг

[Индивидуальное и коллективное бессознательное. Функция бессознательного]*

<...> я намереваюсь завершить рассмотрение структуры человеческой души. Обсуждение данной проблемы было бы неполным без учета существования бессознательных процессов. Но сперва позвольте мне кратко повторить мои <...> рассуждения.

Нам не дано иметь дело с самими бессознательными процессами — они недосягаемы. Их невозможно постичь непосредственно, ибо они являются нам лишь в своих продуктах; исходя из своеобразия последних, мы постулируем необходимость наличия чего-то такого, что стоит за ними и из чего они возникают. Эту темную сферу мы называем бессознательной *psyche*[1]. <...>

---

* *Юнг К.Г.* Аналитическая психология: ее теория и практика. Тэвистокские лекции // *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 45—53; *Юнг К.Г.* Отношение между *Я* и бессознательным // *Юнг К.Г.* Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. С. 240—249.

[1] С переводом термина *psyche* (в английском и немецком языках его написание идентично) в отечественном юнговедении царит путаница. Имеются следующие варианты его передачи на русском языке: псюхе (В. Бакусев), психея (С. Аверинцев), психе (Е. Мелетинский), психика (А. Руткевич). Ситуацию усложняет также и тот факт, что С.С. Аверинцев в одних местах переводит *psyche* как «психею», а в других — как «душу» (см. его перевод фрагмента из работы Юнга «К пониманию психологии архетипа младенца» в сб. «Самосознание европейской культуры XX века». М., 1991. С. 119—124). Ему же принадлежит и попытка разобраться со значением данного понятия. «Психея» (*Psyche*), — пишет он в примечаниях к упомянутой работе (там же, с. 126), — в словоупотреблении Юнга особый термин, не тождественный термину «душа», хотя этимологически он представляет собой латинское транскрибирование греческого *psykhe* — душа. По Юнгу, душа есть «ограниченный функциональный комплекс», строго организованный вокруг *Я*; психея же вмещает в себя полноту всех психических процессов, регистрируемых при наблюдении данного индивида, включая проявления коллективного бессознательного и вообще все эти прорывы внеличной стихии в его личность. Поэтому душа — часть, психея — целое». Как ни привлекателен выход, предложенный С.С. Аверинцевым, вос-

Итак, бессознательные процессы недоступны непосредственному наблюдению; однако их продукты, пересекающие порог сознания, можно подразделить на два класса. К первому принадлежит осознаваемый материал, имеющий явно индивидуальное происхождение; содержания подобного рода являются индивидуальным достоянием или же продуктами инстинктивных процессов, конституирующих личность в целом. Кроме того, имеются забытые или вытесненные содержания, а также содержания творческого характера. В них нет ничего особенного. У иного человека они могут даже приобретать сознательный характер. Некоторые люди способны осознавать то, чего не осознают другие. Я называю этот класс содержаний подсознанием или *индивидуальным бессознательным,* ибо он, насколько мы можем судить, состоит исключительно из индивидуальных элементов — тех, которые конституируют человеческую личность в целом.

Существует также другой класс, к которому принадлежат содержания практически неизвестного происхождения; понятно лишь, что они ни в коем случае не могут быть занесены в разряд индивидуально приобретенного. У этих содержаний есть одна удивительная особенность — их мифологический характер. Они как бы принадлежат строю души, свойственному не какой-то отдельной личности, а *человечеству вообще.* Впервые столкнувшись с подобными содержаниями, я задумался о том, не могут ли они быть унаследованными, и предположил, что их можно объяснить расовой наследственностью. Для того чтобы во всем этом разобраться, я отправился в Соединенные Штаты, где, изучая сны чистокровных негров, имел возможность убедиться в том, что эти образы не имеют никакого отношения к так называемой кровной или расовой наследственности, равно как и не являются продуктами личного опыта индивида. Они принадлежат человечеству в целом и поэтому имеют *коллективную* природу.

Воспользовавшись выражением св. Августина[2], я назвал эти коллективные праформы *архетипами*[3]. *«Архетип» означает: typos (отпечаток), определенное образование архаического характера, содержащее, как по форме, так и по смыслу, мифологические мотивы. В чистом виде последние присутствуют в сказках, мифах, легендах, в фольклоре. Вот некоторые из хорошо известных мотивов:*

пользоваться им нам не представляется возможным: во-первых, контекст, в котором слово *psyche* появляется в «Тэвистокских лекциях», не так однозначен, а во-вторых, аверинцевский вариант перевода (психея) носит несколько искусственный характер. То же самое можно сказать о словах «псюхе» и «психе». С другой стороны, переводя *psyche* как «психику» или «душу», мы бы пошли наперекор самому Юнгу, видимо, не случайно использовавшему помимо привычных *mentality*, *mind*, *soul* еще и *psyche*. См. также комментарий в кн.: *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. С. 476 (прим. 2). — *Пер.*

[2] Августин Блаженный (*Augustinus Sanctus*) Аврелий (354—430) — философ и христианский теолог. — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Jung C.G.* The Archetypes and the Collective Uncoscious // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 9 (1, § 5).

образы Героя, Спасителя, Дракона (образ, всегда связанный с образом Героя, который призван победить Дракона), Кита или Чудовища, проглатывающего Героя[4]. Вариацией мотива Героя и Дракона является катабазис — спуск в пещеру (в Некию). Вы помните, как в «Одиссее»[5] Улисс спускается *ad inferos* [подземное царство (лат.). — *Ред.-сост.*], чтобы испросить совета у ясновидящего Тиресия. Мотив Некии постоянно встречается в древних культурах и распространен практически повсеместно. Он выражает психологический механизм интроверсии[6] сознательной части души в более глубокие слои бессознательной *psyche*. Из этих слоев и возникают содержания, носящие надличностный, мифологический характер — другими словами, архетипы, которые вследствие этого я называю внеличностным или *коллективным бессознательным*.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что могу дать вам сейчас лишь самый приблизительный очерк проблемы коллективного бессознательного. Однако я приведу вам пример коллективно-бессознательного символизма и покажу, что я делаю для того, чтобы отличить его от индивидуального. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательное чернокожих, меня интересовала конкретная проблема: являются ли коллективные праобразы предметом расовой наследственности, или же это «априорные категории воображения», как их совершенно независимо от меня назвали два француза — Юбер и Мосс[7]. Один чернокожий рассказал мне свой сон, в котором среди действующих лиц был человек, распятый на колесе[8]. Нет смысла пересказывать весь сон; конечно же, наряду с аллюзиями на внеличностные идеи, в нем содержались и сугубо личные значения; я остановлюсь лишь на одном моменте. Это был весьма малообразованный чернокожий с юга, без намеков на особый интеллект. Учитывая общеизвестную религиозность негров, можно было с наибольшей вероятностью предположить, что он увидит во сне человека, распятого на *кресте*. Крест был бы частью его личного опыта. И, наоборот, было совершенно невероятно, что ему приснится человек, распятый на *колесе*. Это — довольно необычный образ. Я, разумеется, не могу полностью исключить возможности того, что по какому-то чудесному стечению обстоятельств, прежде чем ему это приснилось во сне, он мог где-то увидеть такую картинку или услыхать о чем-то подобном;

---

[4] См.: *Jung C.G.* Symbols of Transformation // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 5. (ind.).

[5] *Одиссея* — поэма древнегреческого эпического поэта Гомера, повествующая о долгих, полных опасностей и приключений странствиях «хитроумного» Одиссея (римская форма имени — Улисс), царя острова Итаки; предполагается, что эта поэма сложилась на основе народно-эпического творчества в 8—7 в. до н.э. — *Ред.-сост.*

[6] *Психологический механизм интроверсии* — в аналитической психологии К.Юнга: процесс, результат, качество, свойство и особенность личности, характеризующиеся доминирующей ориентацией на собственный внутренний мир. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Hubert H., Mauss M.* Melanges d'histoire des religions. Paris: Alcan, 1909. P. XXIX.

[8] См.: *Jung C.G.* Symbols of Transformation // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 5. § 154.

если же он не имел какой-либо наглядной модели для своего представления, то речь идет об *архетипическом образе*, ибо распятие на колесе является *мифологическим мотивом*. Это древнее Колесо-солнце, распятие на котором считалось жертвой, с помощью каковой предполагалось умилостивить солнечного бога, точно так же, как прежде принесение в жертву людей и животных должно было обеспечить плодородие земли. Идея Солнечного колеса крайне стара, быть может, это древнейшая из всех религиозных идей. Как свидетельствуют памятники, найденные в Родезии, мы можем проследить ее вплоть до мезолитической и палеолитической эпох[9]. Следует учесть, что настоящее колесо было изобретено лишь в Бронзовом веке[10], а в эпоху палеолита такого инструмента у людей еще не было. Видимо, родезийское Солнечное колесо относится к тому же периоду истории, что и предельно натуралистические рисунки животных — такие шедевры наблюдательности, как, например, знаменитое изображение носорога с птицами-клещеедами. Таким образом, Колесо-солнце, найденное в Родезии, было в свое время оригинальным прозрением, предположительно, архетипическим праобразом[11]. Образ колеса, однако, не натуралистичен: оно всегда строго разделено на восемь секторов (рис. 1). Такой символ — рассеченный круг — встречается на протяжении всей истории человечества, равно как и в снах современных людей. Можно предположить, что изобретение настоящего колеса началось с появления такого видения. Многие наши изобретения выросли из мифологического предвосхищения и первобытных образов. Например, из искусства алхимии родилась современная химия. Наш сознательный научный разум берет свое начало в матрице бессознательного.

Сон того чернокожего о человеке, распятом на колесе, представляет собой повторение греческого мифологического мотива Иксиона, в наказание за ос-

---

[9] *Палеолит* — древнейший период каменного века, начало которого совпадает с появлением на Земле древнейших обезьяноподобных людей (свыше 2 млн лет назад), а конец относится к периоду времени примерно 10 тыс. лет назад. *Мезолит* — переходный период от древнего каменного века (палеолита) к новому каменному веку (неолиту), т.е. от 12 до 6 тыс. лет назад. — *Ред.-сост.*

[10] *Бронзовый век* — период приблизительно с начала 3-го тысячелетия до начала 1-го тысячелетия до н.э. — *Ред.-сост.*

[11] См.: *Jung C.G.* Psychology and Literature // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 25. (§ 150). [Рус. пер. см.: *Юнг К.Г.* Психология и поэтическое творчество // *Юнг К.Г.* Собрание сочинений: В 19 т. М.: Ренессанс, 1992. Т. 15: Феномен духа в искусстве и науке. С. 138]; *Jung C.G.* Psychology and Religion // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol.11. § 100. [Рус. пер. см.: *Юнг К.Г.* Психология и религия // *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 129—202. § 100]; *Jung C.G.* Brother Klaus // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 11. § 484. Данные о родезийском Солнечном колесе не документированы, но подобные формы, высеченные на камне, были обнаружены в Анголе и в Южной Африке (см.: *Willcox.* The Rock Art of South Africa. Fig.23). Время их создания остается под вопросом. Что же касается «носорога с птицами-клещеедами», это изображение происходит из Трансвааля и сейчас хранится в музее в Претории. Оно было обнаружено в 1928 г.; по этому поводу имеется множество публикаций.

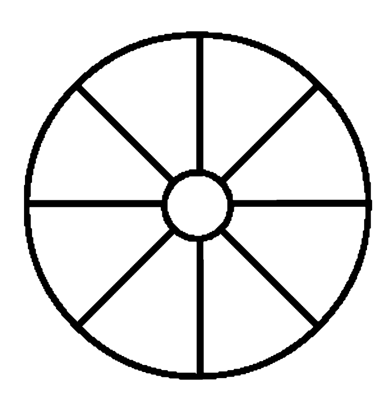

Рис. 1. Колесо-солнце

корбление богов и людей привязанного Зевсом к беспрерывно вертящемуся колесу. Я привел вам этот пример с мифологическим мотивом в сновидении просто для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, безусловно, ничего не доказывает. Но вряд ли кто-то сможет предположить, что этот чернокожий изучал греческую мифологию, и весьма маловероятно, чтобы ему довелось видеть какие-либо изображения греческих мифологических сюжетов. Кроме того, изображения Иксиона достаточно редки.

Я мог бы привести детально разработанную и убедительную аргументацию в пользу существования в бессознательном этих мифологических праформ. Но чтобы предоставить вам имеющийся у меня материал, мне пришлось бы прочитать двухнедельный курс лекций. Сперва я должен был бы объяснить вам значение снов и их серий, затем привести соответствующие исторические параллели, полностью разъяснив всю важность последних, — поскольку символизм этих образов не изучается ни в школах, ни в университетах, и в этой области редко бывают осведомлены даже специалисты. Мне пришлось годами изучать все это, самостоятельно изыскивая материал, и я не могу рассчитывать на то, чтобы пусть даже самая высокообразованная аудитория была *au courant* [в курсе (франц.). — *Ред. источника*] столь неясных материй. Когда мы подойдем к технике анализа сновидений, я вынужден буду хотя бы отчасти углубиться в этот мифологический материал, а вы сможете получить подлинное представление о подобной работе по отысканию параллелей тем или иным продуктам бессознательного. Пока что я просто вынужден ограничиться утверждением о том, что в этом слое бессознательного имеются мифологические праформы и что в нем продуцируются содержания, которые не могут быть приписаны деятельности индивида и даже порой находятся в прямом противоречии с индивидуальной психологией сновидца. Вы, например, будете сильно поражены, узнав, что совершенно необразованный человек пережил во сне то, что никак не могло бы с ним произойти наяву — настолько непостижимым может быть содержание его сна. Аналогично и детские сны; нередко они наводят на

такие мысли, что без дополнительного выходного вам не оправиться от пережитого потрясения; их символика ошеломляюще глубока, что заставляет задуматься о том, как вообще возможно, чтобы дети видели подобные сны.

На самом же деле объясняется это довольно просто. Так же, как и тело, наша душа имеет собственную историю. Можно было бы, к примеру, с таким же основанием удивляться тому факту, что у человека есть аппендикс. Кто знает о том, что у него должен быть аппендикс? Человек просто рождается с ним. Миллионы людей не знают, что у них есть щитовидная железа, но тем не менее она у них есть. Они не знают, что некоторые части их анатомии соответствуют классу рыб, но это так. Так же, как и тело, наше бессознательное является хранилищем реликтовых остатков и воспоминаний о прошлом. Исследования структуры коллективного бессознательного ведут к таким же открытиям, что и занятия сравнительной анатомией. Не спешите думать, что тут пахнет мистикой. Почему-то стоит мне только заговорить о коллективном бессознательном, как меня тут же обвиняют в обскурантизме[12]. В коллективном бессознательном нет ничего мистического. Это просто новая отрасль науки; допущение существования бессознательных коллективных процессов вполне согласуется с нормами здравого смысла. Дело в том, что хотя ребенок не рождается сознательным, его душа в то же время не является *tabula rasa* [чистая доска (лат.). — *Ред. источника*]. Ребенок рождается с определенно устроенным мозгом и, например, мозг английского ребенка будет работать именно в том ключе, в котором необходимо работать мозгу современного англичанина, а не австралийского аборигена. Мозг новорожденного имеет завершенную структуру, ему предстоит работать в соответствии с требованиями современности. Однако мозг этот историчен. Он формировался на протяжении миллионов лет и отражает всю ту историю, результатом которой сам и является. Естественно, он несет на себе следы этой истории — точно так же, как и тело. Если мы нащупаем фундаментальную структуру души, то обязательно обнаружим в ней следы ее архаического устройства.

Идея коллективного бессознательного на самом деле очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде, но я занимаюсь вовсе не чудесами. Я просто следую данным опыта. Если бы я мог поделиться с вами своим опытом, вы пришли бы к тем же выводам относительно таких архаических мотивов. По счастливому стечению обстоятельств я был знаком с мифологией и, пожалуй, прочитал на эту тему книг больше, чем кто-либо из здесь присутствующих. Но я не всегда был специалистом по мифологии. В один прекрасный день, еще будучи в клинике, я услышал от одного пациента, страдавшего шизофренией, рассказ о посетившем его видении. Он хотел, чтобы я тоже увидел его, но я был лишен способности вообразить подобное. Я рассуждал следующим образом: «Этот человек сумасшедший, а я здоров, следовательно, его

---

[12] *Обскурантизм* — крайне враждебное отношение к просвещению и науке; мракобесие. — *Ред.-сост.*

видение не должно беспокоить меня». И все же оно меня как-то заинтересовало. Я спросил себя: «Что оно означает?» Меня уже не могло удовлетворить стремление объяснять подобные явления исключительно фактом сумасшествия, и тут как раз мне попалась книга немецкого ученого Дитериха, в которой были опубликованы фрагменты магического папируса[13]. Я читал ее с огромным интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего сумасшедшего, все совпадало буквально «слово в слово». Я был потрясен и сказал себе: «Как могло оказаться возможным, чтобы подобному человеку такое привиделось?» Речь не просто об отдельном образе, а о совпадении целой последовательности образов. Сейчас я не хочу вдаваться в подробности, ибо это может увести нас слишком далеко. Но случай представлял большой интерес, и я специально писал о нем[14].

Это поразительное совпадение и послужило для меня импульсом. Вы, вероятно, не знакомы с книгой упомянутого профессора Дитериха. Однако случись вам читать те же книги, что и мне, и наблюдать те же случаи, вы и сами пришли бы к идее коллективного бессознательного.

Самая большая глубина, какой мы можем достичь в ходе исследования бессознательного, — это тот слой души, в котором человек перестает быть отдельным индивидом и его душа сливается с душой человечества — душой не сознательной, а бессознательной, где мы все одинаковы. Подобно тому как всем телам присуще анатомическое сходство — у всех людей есть пара глаз, пара ушей, сердце и т.д. лишь с незначительными индивидуальными отличиями, точно так же и души сходны в своей основе. На этом коллективном уровне мы уже не отдельные индивиды, тут мы все едины. Это можно понять, занимаясь психологией первобытных племен. У них отсутствует различие между индивидами, субъект и объект для них едины. Эту поразительную черту первобытной ментальности Леви-Брюль[15] назвал *мистическим сопричастием*[16]. Первобытное мышление является выражением фундаментальной структуры души, того психического слоя, который у нас представлен коллективным бессознательным — единой для всех подосновой. Поскольку фундаментальная структура души у всех одна и та же, опыт, возникающий на этом уровне, не позволяет сделать разграничения. Здесь невозможно сказать, идет ли речь о том, что происходило с вами или со мной. На этом залегающем в глубине коллективном уровне сохраняется нерасторжимая целостность. Если вы начнете видеть в со-

---

[13] См.: *Dieterich A.* Eine Mithrasliturgie. Leipzig: B.G. Teubner, 1903.

[14] См.: *Jung C.G.* Symbols of Transformation // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1963. Vol. 5. § 151 ff; *Jung C.G.* The Archetypes and the Collective Uncoscious // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1963. Vol. 9. § 105; *Jung C.G.* The structure and Dynamics of the Psyche // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1963. Vol. 8. § 228, § 318 f.

[15] Леви-Брюль (*Levy-Bruhl*) Люсьен (1857—1939) — французский этнограф и психолог. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Леви-Брюль.* Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

причастности факт, означающий нашу фундаментальную идентичность во всем и вся, вы неизбежно придете к весьма своеобразным теоретическим выводам. Но развивать их дальше не стоит, это рискованно. Правда, некоторые из этих выводов все же следует рассмотреть, ибо они позволяют объяснить многие непонятные вещи, происходящие с людьми.

* * *

В той мере, в какой это позволяет наш сегодняшний опыт, мы можем выдвинуть утверждение о том, что *бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием*. Я недвусмысленно употребляю слово «компенсаторный», а не слово «контрастирующий», потому что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого — *самости*. В соответствии с этой дефиницией самость есть вышестоящая по отношению к сознательному *Я* величина. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, и потому, так сказать, есть личность, которой мы *также* являемся. Мы хорошо можем представить себе, что у нас есть части души. Например, мы без труда можем видеть самих себя в качестве персоны. Но ясно осознать, что мы — это самость,— превыше нашего воображения, ибо тогда часть должна была бы понять целое. И нет надежды на то, что когда-нибудь мы достигнем хотя бы приблизительной осознанности самости, ибо сколько бы мы ни осознавали себя, всегда останется в наличии неопределенная и неопределимая величина бессознательного, которая тоже принадлежит к тотальности самости. Таким образом, самость всегда останется вышестоящей по отношению к нам величиной.

Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное *Я*, содержат в себе все те элементы, которые потребны для саморегулирования целокупной психики. На личностной ступени это не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные нами; или выводы, не сделанные нами; или аффекты, которые мы себе не позволили; или критика, которую мы оставили при себе. Но чем больше путем самопознания и соответствующего ему поведения мы осознаем сами себя, тем интенсивнее исчезает слой личного бессознательного, залегающий поверх коллективного бессознательного. Благодаря этому возникает сознание, не втиснутое больше в мелочный и личностно чувствительный мир *Я*, а сопричастное более широкому миру, объекту. Это более широкое сознание — уже не тот чувствительный, эгоистический клубок личностных желаний, опасений, надежд и амбиций, который должен быть компенсирован или хотя бы корригирован противоположной бессознательно-личностной тенденцией, а та функция отношений, связанная с объектом, миром, которая перемещает индивидуума в безусловное, обязывающее и нерушимое сообщество с миром. Возникающие на этой ступени коллизии — это уже не конфликты, вызванные эгоистическими желаниями, а трудности, касающиеся как меня, так и другого. На этой ступени речь идет в конечном счете о коллективных проблемах,

приводящих в движение коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не индивидуальной компенсации. Здесь мы можем наконец спокойно признать, что бессознательное продуцирует содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а и для других, даже для многих и, может быть, для всех.

Населяющие первобытные леса Элгона элгонцы объяснили мне, что есть два вида сновидений: обычное сновидение маленького человека и «великое видéние», обладатели которого — только великие люди, как то: колдун или вождь. Маленькие сновидения ничего собой не представляют. Но если у кого-то было «великое сновидение», то он созывает племя, чтобы рассказать сон всем.

Откуда же он знает, «великим» или «малым» было сновидение? Он знает это по инстинктивному ощущению значительности. Он столь явственно ощущает, что впечатление сильнее его, что не думает ни о чем другом, кроме как о том, чтобы удержать сновидение при себе. Он *обязан* рассказать его, психологически верно предполагая, что оно имеет значение для всех. Сновидение коллективного характера и у нас имеет чувственное значение, побуждающее к сообщению. Причиной этого сновидения выступает конфликт отношений, и потому оно должно быть поставлено в отношение к сознанию, так как компенсирует именно его, а не просто внутреннее личностное искривление.

Процессы, происходящие в коллективном бессознательном, касаются, однако, не только более или менее личностных отношений индивидуума к его семье или более широкой социальной группе, но и отношений к обществу — человеческому обществу вообще. Чем более всеобщим и неличностным является условие, запускающее бессознательную реакцию, тем более значительной, чужеродной и подавляющей будет компенсирующая манифестация. Она побуждает не просто к частному сообщению, а к откровению, к исповеданию, она даже вынуждает к представительской роли.

Один лишь пример может прояснить, как бессознательное компенсирует отношения. Когда-то я лечил одного несколько заносчивого господина. Он вел дело вместе с младшим братом. Между братьями установились очень напряженные отношения, что среди прочего было существенной причиной невроза моего пациента. Из бесед с ним мне было не совсем ясно, что было действительной причиной возникшего напряжения. Он постоянно критиковал брата, а также не слишком благоприятно отзывался о его способностях. Брат часто появлялся в его сновидениях, и притом иногда в образе Бисмарка[17], Наполеона[18] или Юлия Цезаря[19],

[17] Бисмарк (*Bismarck*) Отто фон Шенхаузен (*Schönhausen*) (1815 — 1898) — князь, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890 гг. — *Ред.-сост.*

[18] Наполеон I (*Napoleon*) (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте-июне 1815 г. — *Ред.-сост.*

[19] Цезарь Гай Юлий (*Gaius Julius Caesar*) (102 или 100—44 до н.э.) — римский диктатор и полководец. — *Ред.-сост.*

а его жилище — в виде Ватикана[20] или Йилдиз Киоска[21]. Таким образом, очевидно, что его бессознательное имело потребность существенно повысить ранг младшего брата. Из этого я заключил, что мой пациент оценивал себя слишком высоко, а брата слишком низко. Дальнейший ход анализа подтвердил этот вывод во всех отношениях.

Одна юная пациентка, страстно привязанная к своей матери, постоянно видела о ней весьма неблагоприятные сны: та появлялась во сне то как ведьма, то как призрак или преследовательница. Мать сверх всякой меры баловала дочь и своими нежностями так «ослепила» ее, что та оказалась не в состоянии сознательно разглядеть это вредоносное влияние, почему бессознательное и занялось компенсирующей критикой матери.

Был и со мной самим случай, когда я слишком низко — и интеллектуально, и морально — оценил одну из пациенток. И вот во сне я увидел замок на высокой горе. На самой верхней башне был балкон, там сидела моя пациентка. Я не преминул тотчас рассказать ей этот сон; успех лечения, естественно, превзошел все ожидания.

Как известно, более всего компрометируют себя как раз перед теми людьми, которых несправедливо недооценивают. Обратное, естественно, тоже может иметь место, как это, например, произошло с одним из моих друзей. Совсем молодым студентом он оказался на аудиенции у «его превосходительства» по фамилии Вирхов. Когда он, дрожа от страха, хотел представиться тому и назвать свою фамилию, то вдруг произнес: «Моя фамилия Вирхов». На это «его превосходительство», злобно улыбаясь, сказал: «Ах, ваша фамилия тоже Вирхов?» Чувство собственного ничтожества, очевидно, зашло настолько глубоко в бессознательное моего друга, что оно тут же побудило его представить себя идентичным Вирхову.

Когда дело касается более личностных отношений, то, естественно, нет нужды в компенсации уж очень коллективного характера. В первом из упомянутых примеров, напротив, использованные бессознательным фигуры имеют выраженную коллективную природу: это общепризнанные герои. В этом случае есть лишь две возможности толкования: либо младший брат моего пациента — человек, обладающий признанным и крупным авторитетом в обществе, либо пациент страдает завышенной самооценкой по отношению ко всем, а не только к своему брату. Для первого предположения нет никакого основания, а в пользу последнего говорят сами факты. Так как чрезмерная заносчивость моего пациента относилась не только к его брату лично, но и к более широкой социальной группе, то компенсация воспользовалась коллективным образом.

---

[20] *Ватикан* — резиденция главы римской католической церкви; здесь по-видимому имеется в виду папский дворец, расположенный на Ватиканском холме в столице Италии Риме. — *Ред.-сост.*

[21] *Йилдиз Киоск* — дворцовый комплекс в Стамбуле (Турция) — *Ред.-сост.*

Сказанное верно и применительно ко второму примеру. «Ведьма» — коллективный образ, поэтому мы должны заключить, что слепая привязанность юной пациентки относится не только к матери лично, но и к более широкой социальной группе. Это было именно так, поскольку девушка жила в исключительно инфантильном мире, еще целиком тождественном родителям. Приведенные примеры затрагивают отношения людей в рамках личностного. Но есть и неличностные отношения, которые иногда требуют бессознательной компенсации. В таких случаях возникают коллективные образы, имеющие более или менее мифологический характер. Моральные, философские и религиозные проблемы, видимо, раньше других вызывают мифологические компенсации — именно в силу своего общезначимого характера. <...>

Всеобщая проблема зла и греха — другой аспект наших неличностных отношений к миру. Вот почему эта проблема, как мало что другое, производит коллективные компенсации. Начальным симптомом тяжелого невроза навязчивых состояний у одного пациента было сновидение, посетившее его в 16-летнем возрасте. *Он идет по незнакомой улице. Темно. За собой он слышит шаги. Он идет быстрее и от страха старается не шуметь. Шаги приближаются, и страх его растет. Он пускается бежать. Но шаги, кажется, догоняют его. Наконец он оборачивается и видит дьявола. В смертельном страхе он прыгает в воздух и остается там висеть.* Этот сон повторился дважды в знак своей особенной важности.

Как известно, невроз навязчивых состояний благодаря свойственным ему проявлениям скрупулезности и церемонной навязчивости не только внешне выступает в качестве моральной проблемы, но и внутри полон бесчеловечности, уголовщины и жестокого зла, интегрированию в которое отчаянно противится личность, в остальном тонко организованная. По этой-то причине и необходимо столь многое делать церемониально — «правильным» способом, в известном смысле в качестве противовеса злу, угрожающе стоящему за спиной. После этого сновидения начался невроз, в основном заключавшийся в том, что пациент, как он выражался, пребывал во «временном», или «неконтаминированном», чистом состоянии, упраздняя или делая «недействительным» контакт с миром и всем тем, что напоминало о прошлом, посредством безумной обстоятельности, скрупулезных церемоний очищения и боязливого соблюдения бесчисленных, сверх всякой меры сложных заповедей. Еще когда пациент и не подозревал о предстоявшем ему адском существовании, сновидение показало ему, что для него речь шла о договоре со злом на тот случай, если он захочет вернуться на землю.

В другом месте я упоминал о сновидении, представлявшем собой компенсацию религиозной проблемы у одного молодого студента теологии[22]. Речь в

[22] См.: *Jung C.G.* Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten // Von den Wurzeln des Bewußtseins. 1954. S. 46 ff. Ges. Werke. Bd. 9. I. § 70 ff.; *Jung C.G.* Zur Phänomenologie des Geistes im Märchen // Symbolic des Geistes. 1953. S. 16 ff. Ges. Werke. Bd. 9. I. § 398 f.; *Jung C.G.* Psychologie und Erziehung. 1950. S. 96 ff. Ges. Werke. Bd. 17. § 208 f.

данном случае шла о некоторого рода религиозных затруднениях, смущавших его, что вовсе не является исключением для современного человека. И вот во сне он оказался учеником «белого мага», одетого, однако, в черное. Тот поучал его до определенного момента, а затем сказал, что теперь им нужен «черный маг». Черный маг явился, но был одет в белое. Он утверждал, что необходимо найти ключ от рая, но нужна мудрость белого мага, чтобы сновидец знал, что делать с ключом. Это сновидение явным образом содержит в себе проблему противоположности, решаемую в даосской философии[23], как известно, совершенно иначе, нежели в наших западных воззрениях. Фигуры, использованные сновидением, суть неличностные, коллективные образы — соответственно природе неличностной религиозной проблемы. В противоположность христианскому воззрению сновидение выдвигает относительность добра и зла способом, прямо напоминающим известный даосский символ — *Ян* и *Инь*[24].

Из таких компенсаций, разумеется, не следует делать вывод о том, что чем больше сознание растворяется в универсальных проблемах, тем более масштабные компенсации выдвигает бессознательное. Имеются, если можно так сказать, *легитимный* и *иллегитимный* [законный и незаконный. — *Ред.-сост.*] подходы к неличностным проблемам. Легитимны такие экскурсы лишь тогда, когда они исходят из самой глубокой и подлинной индивидуальной потребности; а иллегитимны, когда представляют собой либо чисто интеллектуальное любопытство, либо попытки бегства из неприемлемой действительности. В последнем случае бессознательное продуцирует слишком человеческие и исключительно личностные компенсации, откровенно имеющие целью вернуть сознание в стихию повседневности. Те лица, которые иллегитимным образом витают в бесконечном, частенько имеют смехотворно банальные сновидения, пытающиеся смягчить это «хватание через край». Таким образом, из природы компенсации мы без труда можем сделать заключение о серьезности и оправданности сознательных устремлений.

Конечно, есть немало людей, которые не отваживаются признать, что у бессознательного в известном смысле могут быть «великие» мысли. Мне возразят: «Вы что, действительно думаете, будто бессознательное в состоянии проводить, так сказать, конструктивную критику нашего западного духовного склада?» Конечно, если эту проблему рассматривать интеллектуально и неоправданно вменять бессознательному рационалистические намерения, это будет абсурдно. Не надо непременно приписывать бессознательному психологию

---

[23] *Даосизм* — одно из двух (наряду с конфуцианством) главных направлений древнекитайской философии, возникшее во второй половине первого тысячелетия до н.э.; согласно традиции, основателем даосизма считается Лао-цзы, а важнейшим мыслителем Чжуан-цзы. — *Ред.-сост.*

[24] *Ян* и *Инь* — основные понятия китайской философии, используемые для обозначения противоположных и сменяющих друг друга явлений: света и тьмы, неба и земли, мужского и женского начала и т.п. — *Ред.-сост.*

сознания. Его ментальность инстинктивна; у него нет развитых функций; оно *мыслит* не так, как мы понимаем «мышление». Оно просто создает образ, отвечающий состоянию сознания, содержащий в себе столько же мысли, сколько и чувства, и является всем чем угодно, только не продуктом рационалистической рассудочности. Скорее можно было бы обозначить такой образ как *художническое видéние*. Легко забывается, что такая проблема, как та, что была основой приведенного последним сновидения, даже в сознании сновидца является не интеллектуальным, а глубоко эмоциональным вопросом. Этическая проблема для нравственного человека — мучительный вопрос, коренящийся в самых глубинах инстинктивных процессов, так же как и в самых идеальных чаяниях. Для него эта проблема потрясающе осязаема. Поэтому неудивительно, что на это отзываются даже глубины его природы. Тот факт, что каждый думает, будто его психология есть мера всех вещей, и, если этот каждый случайно уродился тупоголовым и такая проблема вообще не появлялась в поле его зрения, не должен больше заботить психолога, ибо он обязан воспринимать объективно существующие вещи такими, каковы они есть, не калеча их в пользу субъективных догадок. Насколько такие более одаренные и широкие натуры могут быть легитимным образом захвачены неличностной проблемой, настолько же и их бессознательное может отвечать в том же стиле; и так же как сознание может предъявить вопрос: «Откуда берется этот ужасный конфликт между добром и злом?», так и бессознательное может на него ответить: «Приглядись внимательней: каждое из них нуждается в другом; даже в самом лучшем, и именно в самом лучшем, есть зерно зла, и нет ничего столь скверного, из чего не могло бы вырасти доброе».

К.Г. Юнг

[Ассоциативный эксперимент и анализ сновидений]*

<...> Перейдем к нашей конкретной проблеме: как достичь темной сферы человеческой души? <...> Прежде всего я хочу сказать несколько слов о словесных *ассоциативных тестах*[1]. Многим из вас они, возможно, покажутся устаревшими, но поскольку они все еще применяются, я должен упомянуть о них. В настоящее время я использую эти тесты не при лечении больных, а при расследовании криминальных случаев.

Эксперимент проводится — я повторяю хорошо известные вещи — с использованием списка, состоящего, скажем, из ста слов. Вы инструктируете тестируемого реагировать следующим образом: услышав и поняв слово-стимул, он должен как можно быстрее назвать первое слово, пришедшее ему в голову. Удостоверившись в том, что человек понял, чего вы от него хотите, начинайте эксперимент. С помощью секундомера вы отмечаете время каждой реакции. Пройдя сто слов, вы приступаете к другому эксперименту: вы повторяете слова-стимулы, а тестируемый должен воспроизвести свои прежние ответы. В некоторых случаях ему будет изменять память — воспроизведение станет нечетким или неверным. Эти ошибки весьма важны.

Первоначально совершенно не предполагалось, что для данного эксперимента будет найдена нынешняя область применения; он предназначался для изучения психических ассоциаций. Безусловно, это была крайне утопическая идея. Нельзя изучать подобные вещи столь примитивным способом. Но даже из самой неудачи эксперимента, из сделанных тестируемыми ошибок, можно кое-что узнать. Вы произносите простое слово, на которое может ответить и ребенок, и вдруг оказывается, что высокоинтеллектуальная личность этого сде-

---

* *Юнг К.Г.* Аналитическая психология: ее теория и практика. Тэвистокские лекции // *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 59—60, 85—87, 60—67, 88—109.

[1] См.: *Jung C.G.* Studies in word association // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 2.

лать не в состоянии. Почему? Это слово ударяет по конгломерату психических содержаний, который я называю комплексом <...>. <...>

Комплекс — это совокупность ассоциаций, своего рода картина более или менее сложной психологической природы; порой за этим психологическая травма, порой же просто болезненность и повышенная напряженность. <...>

<...> Комплекс, с присущим ему напряжением или энергией, имеет тенденцию формировать самостоятельную «мини-личность». Он наделен чем-то вроде своего тела и, в определенной мере, своей психологией. Он может расстроить желудок. Он мешает дышать, беспокоит сердце — короче говоря, он ведет себя как отдельная личность. Например, если вы хотите что-то сказать или сделать, но, к несчастью, это намерение сталкивается с комплексом, вы говорите или делаете нечто отличное от того, что намеревались. Комплекс расстраивает ваши лучшие намерения; вам просто мешают, как если бы вы столкнулись с человеком или с внешними обстоятельствами. Исходя из этого, приходится признать, что комплексы обычно действуют так, как будто им присуща известная доля волевой энергии. <...>

Поскольку комплексам в определенной мере присуща воля, т.е. своего рода эго, мы обнаруживаем, что в состоянии шизофрении[2] они настолько освобождаются из-под контроля сознания, что становятся видны и слышны. Они появляются в форме видений, говорят голосами, похожими на голоса определенных людей. Данная персонификация комплексов сама по себе не обязательно является патологическим состоянием. В снах, например, наши комплексы часто появляются в персонифицированной форме. Кто-то может натренировать себя до такой степени, что они станут видны и слышны ему даже в состоянии бодрствования. В йоге[3] имеется специальное упражнение по раскалыванию сознания на его компоненты, каждый из которых обнаруживает себя как отдельная личность. В психологии нашего бессознательного есть типические фигуры, живущие вполне самостоятельной жизнью[4]. Все это объясняется тем, что так называемое единство сознания является иллюзорным. На самом деле это лишь мечта. Нам хотелось бы думать, что мы предоставлены самим себе; но это не так, совершенно не так. На самом деле мы не хозяева в собственном

---

[2] *Шизофрения* — общее название группы тяжелых функциональных расстройств психики, с различными в зависимости от формы заболевания нарушениями познавательной и эмоциональной сферы. В данном контексте автор имеет в виду один из характерных симптомов шизофрении: зрительные и слуховые (чаще всего) галлюцинации, т.е. непроизвольно возникающие ложные восприятия несуществующих объектов, которые для больного носят характер реальных. — *Ред.-сост.*

[3] *Йога* — составная часть философско-религиозных учений в Индии, включающая в себя систему упражнений, используемых с целью управления психикой и физиологическими процессами организма. — *Ред.-сост.*

[4] Например, фигуры *анимы* и *анимуса*. Подробнее см.: *Jung C.G.* Two essays on analytical psychology // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 7. § 296 ff. [Рус. пер. см.: *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-центр, 2006. — *Ред.-сост.*]

доме. Нам бы хотелось верить в свою волю, в свою энергию, в то, что мы можем что-то сделать; но как доходит до дела, мы обнаруживаем, что способны на это лишь в определенной мере, ибо нам мешают эти маленькие дьяволы — комплексы. Комплексы — это автономные группы ассоциаций, движимые самостоятельными тенденциями, живущие своей жизнью, независимо от наших намерений. Я полагаю, что наше индивидуальное бессознательное, так же как и коллективное бессознательное, состоит из неопределенного (т.е. неизвестного) количества комплексов или фрагментарных личностей.

Эта идея объясняет многое. Она объясняет, например, тот общеизвестный факт, что поэт обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания. Создавая своих персонажей на сцене или же в поэме, драме, романе, он всегда думает, что это просто продукты его воображения; но эти персонажи каким-то неведомым образом создают себя сами. Любой писатель будет отрицать, что эти персонажи психологически значимы для него, но на самом деле вам, как и мне, известно, что они что-то значат. Следовательно, изучая созданных писателем персонажей, вы сможете читать его душу.

Таким образом, комплексы — это частичные или фрагментарные личности. <...>

Имеется около двенадцати типов нарушения реакции. Я остановлюсь на некоторых из них, и вы получите представление об их практической ценности. С практической точки зрения крайне важна задержка реакции. Было ли время конкретной реакции слишком долгим, вы решаете исходя из средней продолжительности реакции у данного тестируемого. Другими характерными нарушениями являются следующие: вопреки инструкциям реакция состоит из более чем одного слова; при повторении слова допускается ошибка; реакция выражена гримасой, смехом, движением рук, ног или всего тела, кашлем, заиканием и т.п.; неполная реакция типа «да», «нет»; реакция игнорирует реальный смысл слова-стимула; в качестве реакции постоянно употребляются одни и те же слова; использование иностранных языков — у вас в Англии опасность этого весьма невелика, а у нас это возникает довольно часто; искажения при воспроизведении, такие как забывание слов при повторном проведении эксперимента; полное отсутствие реакции.

Все эти реакции не подлежат контролю со стороны воли. Если вы подчинитесь условиям эксперимента, для вас это равносильно гибели, и если вы откажетесь от него, это также губительно для вас, ибо заведомо известно, почему вы не желаете этого делать. Если преступника подвергнуть этому эксперименту, тот может отказаться участвовать в нем, но это будет фатальное для него решение, — ведь очевидно, почему он отказывается. Но он обречен и в том случае, если идет на эксперимент. В Цюрихе меня приглашают в суд, когда бывают трудные случаи; я служу, так сказать, последней инстанцией.

Результаты ассоциативного теста можно схематически представить с помощью диаграммы (рис. 1). Высота колонки говорит о том, сколько времени затратил тестируемый на каждую реакцию. Нанесенная пунктиром горизонтальная

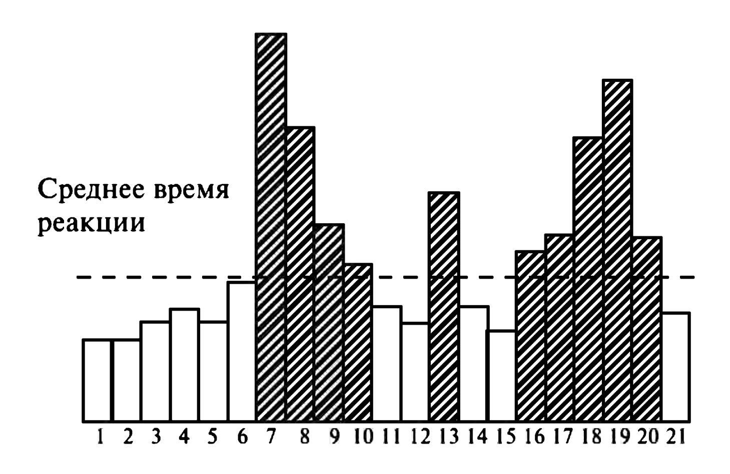

Рис. 1. Ассоциативный тест
Слова-стимулы: 7 — нож, 13 — копье, 16 — бить, 18 — острый, 19 — бутылка

линия показывает среднее значение времени реакции. Незакрашенные колонки соответствуют тем реакциям, которые прошли без нарушений. Закрашенные колонки соответствуют искаженным реакциям. В седьмой, восьмой, девятой и десятой колонках мы видим целую серию нарушений. Седьмое слово-стимул было критическим, и тестируемый даже не заметил, что последующие три реакции тоже затянулись по причине продолжения реакции на слово-стимул. Он совершенно не осознавал того, что у него возникла некая эмоция. Тринадцатая реакция сопровождалась локальным нарушением, а с шестнадцатой по двадцатую вновь была целая серия нарушений. Сильнейшие отклонения имели место в восемнадцатой и девятнадцатой реакциях. В этом конкретном случае мы имеем дело с так называемым повышением чувствительности, вызванным сенсибилизирующим действием бессознательной эмоции: если первый критический стимул вызвал пролонгированную эмоциональную реакцию, а второй — появился раньше, чем прекратилось ее действие, он может вызвать значительно более сильный эффект по сравнению с тем, которого можно ожидать в случае его появления в окружении серии индифферентных ассоциаций. Таков сенсибилизирующий эффект устойчивой эмоции.

Мы можем воспользоваться этим эффектом при расследовании криминальных случаев: нужно расположить критические слова-стимулы таким образом, чтобы они попадались, по возможности, в пределах продолжительности предполагаемого действия эмоции. Это делается для того, чтобы повысить эффективность критических слов-стимулов. Если тестируемым является человек, на которого падает подозрение, критическими стимулами должны быть слова, имеющие прямое отношение к преступлению.

В случае, изображенном на диаграмме, тестируемым был мужчина лет примерно тридцати пяти — человек весьма приличный, один из моих обычных тестируемых. Естественно, мне пришлось поработать с огромным количеством психически нормальных людей, прежде чем я оказался в состоянии делать вы-

воды относительно патологического материала. Если вы захотите узнать, что же беспокоило этого человека, вам нужно будет просто прочесть слова, вызвавшие беспокойство, и попытаться связать их воедино. Получится примечательный рассказ. Вот в точности как все происходило.

Началось с того, что четыре раза нарушение реакции вызвало слово *нож*. Затем причиной беспокойства были слова: *копье, бить, острый* и *бутылка*. Это была короткая серия, состоящая из пятидесяти слов, но ее мне оказалось вполне достаточно для того, чтобы пойти на прямой разговор. Я сказал тестируемому: «Я не знал, что вы имели такой печальный опыт». Он явно удивился и произнес: «Не понимаю, что вы имеете в виду». — «Вы ведь знаете, — сказал я, — однажды вы были пьяны и, на свою беду, ударили кого-то ножом». — «Как вы узнали?» — сказал он и тут же во всем сознался. Он был из весьма уважаемой семьи, из вполне добропорядочных людей. Как-то, будучи за границей, он ввязался в пьяную драку, схватил нож и ударил кого-то, после чего отсидел год в тюрьме. Этот факт бросал тень на всю его жизнь, поэтому он хранил его в глубокой тайне и старался вообще о нем не вспоминать. Никто во всем городе и его окрестностях ничего об этом не знал, и я был единственным, кто проник в эту тайну. На своем семинаре в Цюрихе я также делаю подобные эксперименты. Всем, кто хочет исповедаться — добро пожаловать. Однако я всегда прошу принести материалы о каком-нибудь другом человеке, которого *они* знают, а я нет. На таком примере я могу показать, как нужно читать подобные истории. Это крайне интересная работа; порой в ходе нее делаются замечательные открытия.

Приведу вам еще ряд примеров. Много лет назад, когда я был еще молодым врачом, один старый профессор криминологии спросил меня об этом эксперименте и сказал, что не верит в него. «Неужели, профессор? — сказал я. — Однако мы с вами можем в любой момент это проверить». Он пригласил меня к себе домой, и я приступил. После десяти слов он утомился и сказал: «Что же вы сможете из этого извлечь? Отсюда ничего не следует». Я сказал ему, что не стоит ожидать результата от десяти или двенадцати слов, нужно пройти все сто, тогда уж мы что-то увидим. «Можете ли вы хоть что-то сделать с этими словами?» — спросил он. — «Довольно мало, — сказал я, — но кое-что все же я смогу вам рассказать. Так, совсем недавно вы испытали волнения по поводу денег — их у вас было очень мало. Вы боитесь умереть от сердечного приступа. Вы, должно быть, учились во Франции, и там у вас был роман; сейчас он вам вспомнился, поскольку мыслям о смерти часто сопутствуют всплывающие из глубины времени милые сердцу старые воспоминания». — «Как вы это узнали?» — удивился он. Но тут все было понятно даже младенцу! Это был мужчина семидесяти двух лет; *сердце* у него ассоциировалось с *болью* — ясно, что он боялся умереть от сердечной недостаточности. *Смерть* у него ассоциировалась с *умирать,* что совершенно естественно, а *деньги* — с *очень мало* — тоже вполне объяснимый ответ. Затем пошли более сложные ассоциации, немало озадачившие меня. В ответ на *платить* он после продолжительных раздумий сказал *la Semeuse* [сеятельница (франц.). — *Ред. источника*]*, хотя наша беседа происходила в Германии. Это —*

известное изображение на французской монете, но с какой стати старик вспомнил о нем? Когда мы дошли до слова *поцелуй*, после долгой паузы в его глазах зажегся огонь и он сказал: *прекрасный*. Ясно, что после этого у меня уже сложился целый рассказ. Он никогда бы не перешел на французский, если бы это не ассоциировалось у него с каким-то конкретным чувством. Имело смысл подумать над тем, почему он так поступил. Были ли у него какие-то потери, связанные с французским франком? В те дни не было речи об инфляции и девальвации. Ключ к тайне не в этом. У меня вообще были сомнения на счет того, деньги это или любовь. Он не относился к тем людям, которые едут во Францию на склоне лет, однако студентом он был в Париже, изучал право, — вероятно, в Сорбонне. После этого было уже сравнительно несложно собрать воедино всю историю.

Но иногда можно столкнуться с подлинной трагедией. На рис. 2 изображены результаты тестирования женщины примерно тридцатилетнего возраста.

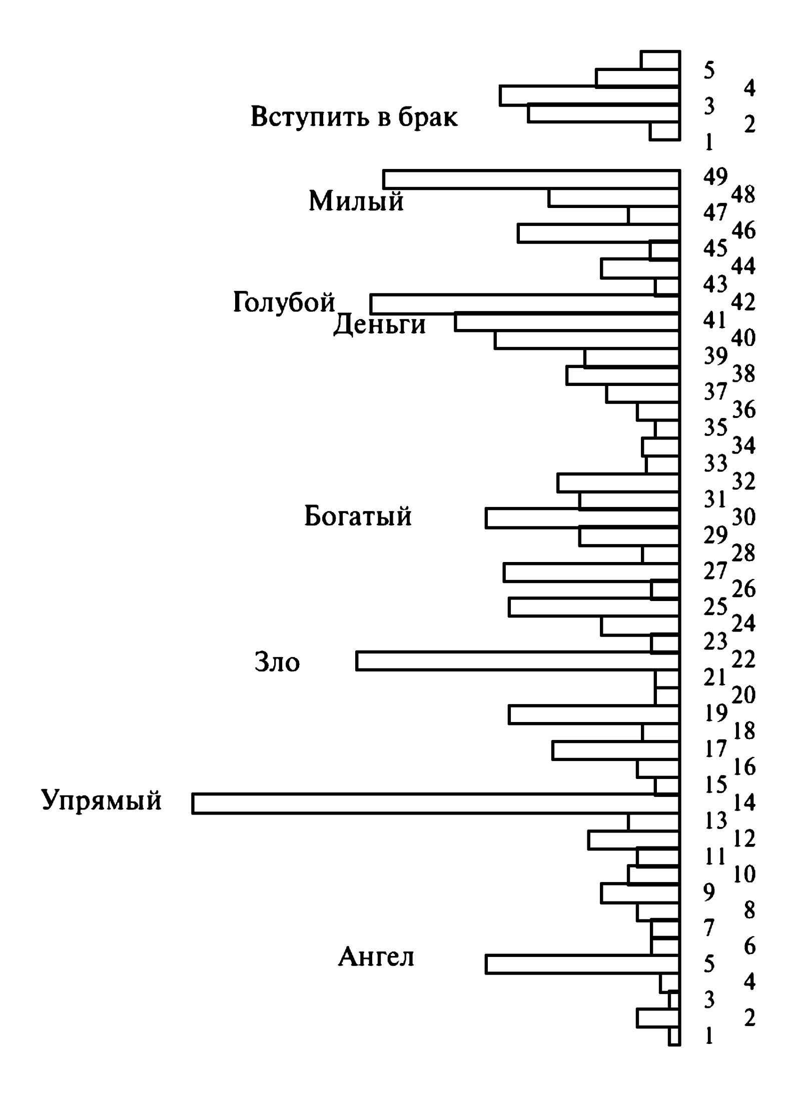

Рис. 2. Ассоциативный тест

Она находилась в клинике с диагнозом «шизофрения в депрессивной форме». Естественно, прогнозы были плохими. Эта женщина находилась под моим наблюдением и вызывала у меня особое чувство. Я чувствовал, что не могу полностью согласиться с пессимистическими прогнозами, поскольку и сама шизофрения представлялась мне чем-то весьма условным. Я полагаю, что все мы в каком-то отношении являемся сумасшедшими. А это был и сам по себе необычный случай, так что считать этот диагноз окончательным мне не хотелось. В те дни мы мало что об этом знали. Покопавшись в анамнезе, я не нашел ничего такого, что пролило бы свет на тайну ее заболевания. Поэтому я провел с больной ассоциативный тест, после которого пришел к очень интересным выводам. Первое отклонение было вызвано словом *ангел*, при слове *упрямый* не было никакой реакции вообще; кроме этого были еще слова: *зло, богатый, деньги, глупый, милый* и *вступить в брак*. Эта женщина была замужем за состоятельным человеком, занимавшим прекрасное положение, и, очевидно, вполне счастлива. Я обратился к ее мужу, но он лишь повторил то, что я уже слышал от нее: депрессия началась спустя два месяца после того, как умер ее старший ребенок — маленькая четырехлетняя девочка. Ничего больше об этиологии заболевания мне выяснить не удалось. Ассоциативный тест дал совершенно сбивающую с толку серию никак не связывающихся воедино реакций. Вы часто будете попадать в подобную ситуацию, особенно если у вас нет устоявшегося метода работы с подобными заболеваниями. В таких случаях сначала следует спросить тестируемого о тех словах, которые не касаются существа дела. Спросив сразу же о словах, вызвавших сильнейшее возбуждение, вы рискуете получить неверный ответ, поэтому начните с относительно безболезненных слов — тогда вы сможете получить искренние ответы. Я сказал: «Для вас что-то значит слово *ангел*?» — и получил ответ: «Безусловно, это ребенок, которого я потеряла». Затем она разрыдалась. Когда буря утихла, я спросил: «А что для вас значит слово *упрямый*?» — «Оно для меня ничего не значит», — сказала она. Но я возразил: «Это слово вызвало у вас сильное беспокойство и, следовательно, у вас с ним что-то связано». Увы, тут я ничего не добился. Затем я перешел к слову *зло*, но и тут выведать ничего не удалось. Была строго негативная реакция, из которой следовало, что она не намерена отвечать. Когда дошли до слова *голубой*, она сказала: «Это глаза ребенка, которого я потеряла». Я спросил: «Они вызывали у вас особое чувство?» — «Конечно, — ответила она, — они были такими голубыми, когда ребенок родился». Меня заинтересовало выражение ее лица, и я сказал: «Почему это вас огорчает?» — на что она ответила: «Да, у нее были совсем не такие глаза, как у моего мужа». В конце концов выяснилось, что у ребенка были такие глаза, как у ее прежнего возлюбленного. Я сказал: «Вас что-то огорчает в связи с этим человеком?» Так мне удалось выпытать у нее все.

В маленьком городке, где она росла, жил богатый молодой человек. Она была из приличной семьи, но и только. А он принадлежал к зажиточной ари-

стократии, был героем, о котором мечтали все девочки города. Она была симпатичной девушкой и считала, что у нее есть шанс. Вскоре, однако, она убедилась в обратном, и в семье решили: «Зачем о нем думать? Он богат и знать тебя не знает. Есть такой-то господин — превосходный человек. Почему бы тебе не выйти за него?» Она так и поступила и была вполне счастлива с мужем до тех пор, пока на пятом году их супружеской жизни к ней не явился в гости ее старый приятель из родного городка. Когда муж вышел из комнаты, гость сказал ей: «Ты причинила боль одному господину» (имелся в виду тот самый человек). Она сказала: «Вот как! Я причинила боль?» — и в ответ услышала: «Неужели ты не знала, что он был в тебя влюблен? А он ведь очень расстроился, когда узнал, что ты вышла замуж за другого». В душе у нее вспыхнул огонь, но она сумела его погасить. Спустя две недели она купала своих детей: двухлетнего сына и четырехлетнюю дочь. Вода в их городе — а дело было не в Швейцарии — была подозрительной: в ней содержалась инфекция брюшного тифа. Она заметила, что дочка сосет влажную губку, но не помешала ей, а когда сын сказал, что хочет пить, она и ему позволила пить эту, по всей вероятности, зараженную воду. Девочка заразилась брюшным тифом и умерла, а мальчика удалось спасти. Затем она получила то, что хотела (а может быть, этого хотел вселившийся в нее бес?) — отказалась от своего брака, с тем чтобы выйти замуж за другого человека. С этой целью она и совершила убийство. Сама она этого не понимала: просто сообщила мне факты, но не сделала вывода, что на ней лежит ответственность за смерть ребенка (ей-то было известно, что вода содержит инфекцию и пить ее опасно). Передо мной встала дилемма: сказать ей, что она совершила преступление, или лучше хранить молчание. (Вопрос был лишь в том, говорить ли об этом *ей,* сам факт преступления никаких сомнений не вызывал.) Сначала я подумал, что, сказав ей об этом, я могу резко ухудшить ее состояние, но поскольку, с другой стороны, прогноз все равно был никудышным, существовала и другая возможность: осознав содеянное, она могла поправиться. Поэтому я решил идти ва-банк: «Вы убили своего ребенка». Поначалу это вызвало у нее взрыв эмоций, но затем она не могла не признать факты. Через три недели мы уже смогли ее выписать, и больше она уже никогда не попадала в клинику. Я наблюдал ее в течение пятнадцати лет — никаких рецидивов не было. В ее случае депрессия объяснялась чисто психологически: она была убийцей и при иных обстоятельствах заслуживала бы уголовного наказания. Вместо тюрьмы она попала в сумасшедший дом. Возложив этот непосильный груз на ее сознание, я фактически спас ее от умопомешательства. Если грех признан кем-то, с этим уже можно жить. А если нет — неизбежны самые печальные последствия. <...>

Чтобы покончить с рассмотрением ассоциативных тестов, я должен упомянуть об абсолютно ином эксперименте. Надеюсь, вы простите меня за то, что в целях экономии времени я не буду входить в детали разработок, но эти диаграммы (рис. 3, 4, 5, 6) иллюстрируют результаты очень обширных исследований,

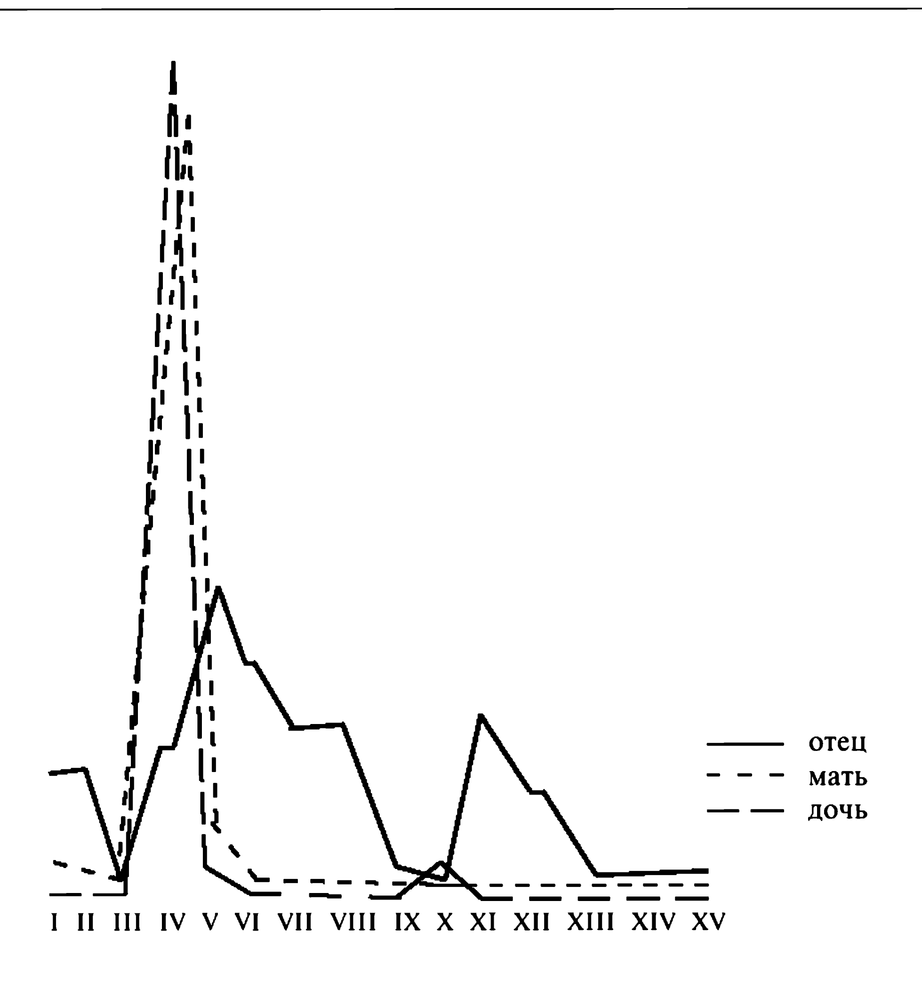

Рис. 3. Семейный ассоциативный тест

проведенных в семьях[5]. В них отражено качество ассоциаций. Например, небольшой всплеск, обозначенный на рис. 3 номером XI, является ассоциацией особого класса или типа. Принцип классификации — логический и лингвистический. Я не буду в это вдаваться, вы просто должны принять к сведению тот факт, что я подразделил ассоциации на пятнадцать выведенных мной категорий. Я провел тесты с огромным количеством семей, все это были люди, в силу разных причин, необразованные. Мы обнаружили удивительный параллелизм в типах ассоциаций и реакций у определенных членов семей; например, почти идентичны в своих типах реакций мать и отец, два брата, мать и ребенок.

Как-то мы имели дело с крайне несчастливым браком. Отец был алкоголиком, а мать принадлежала к весьма своеобразному типу. Вы видите, что шестнадцатилетняя дочь практически повторяет тип своей матери. Почти тридцать процентов всех ассоциаций составляют идентичные слова. Это исключительный случай сопричастности, психического заражения. Размышляя об этом слу-

[5] См.: *Jung C.G.* The familial constellations // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 2; *Jung C.G.* Significance of the father in the destiny of the individual // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 4. §§ 698—702.

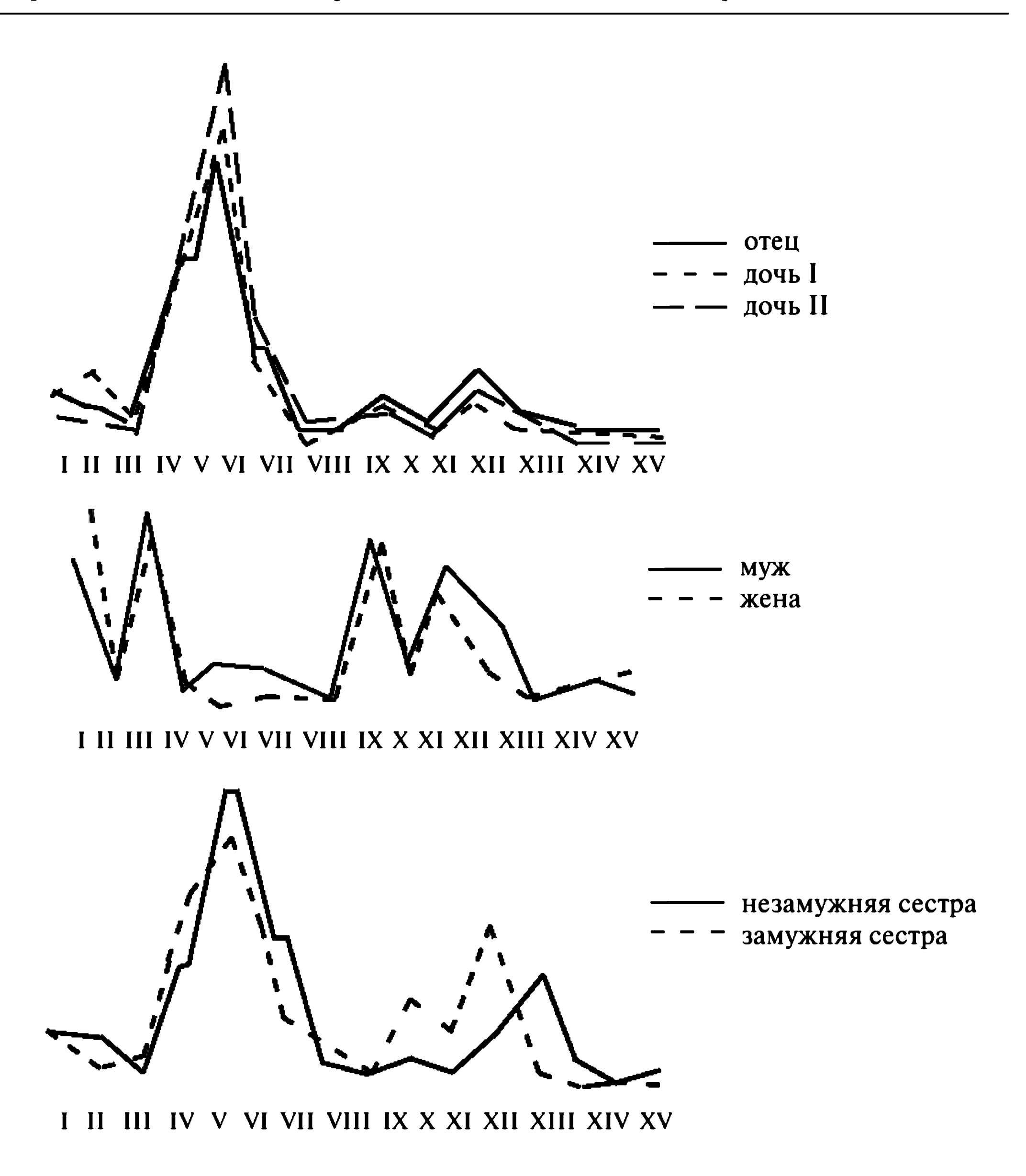

Рис. 4—6. Семейные ассоциативные тесты

чае, вы можете сделать определенные выводы. Мать была сорока пяти лет, ее муж — алкоголик. Жизнь ее, стало быть, не сложилась. И вот у дочери точно такие же реакции, как и у матери. Если эта девушка только вступает в мир, но так, словно ей уже сорок пять и она замужем за алкоголиком, вообразите, какой кошмар ее ожидает! Такой сопричастностью объясняется, почему дочь алкоголика, юность которой была сущим адом, в конце концов, найдет себе такого же алкоголика и выйдет за него замуж; если же волей судьбы он таковым не окажется, она его переделает — чтобы все было, как у нее в семье.

На рис. 4 представлен тоже поразительный случай. Вдовствующий отец имел двух дочерей, которые жили с ним в полном согласии. Реагируют они крайне неестественно: то ли у него девичьи реакции, то ли обе девочки реаги-

руют, как мужчина (у них даже была одинаковая манера говорить). Но вся эта психическая маска подпорчена примесью чужеродного элемента; все-таки девочка и ее отец — не одно и то же.

Рис. 5 — случай двух супругов. Эта диаграмма привносит более оптимистическую ноту в мои слишком пессимистические картины. Здесь вы видите абсолютную гармонию, но не впадайте в заблуждение, принимая такую гармонию за рай, ибо через какое-то время эти люди начнут конфликтовать — и как раз потому, что они такие гармоничные. Основанная на сопричастности глубокая семейная гармония вскоре вызывает яростные попытки обоих супругов освободиться, отделаться друг от друга; чтобы иметь основания чувствовать себя непонятыми, они специально выискивают болезненные темы для разговоров. Если вы займетесь обычной психологией брака, то обнаружите, что больше всего неприятностей возникает вследствие такого коварного изыскивания болезненных тем, не имеющих под собой никакой почвы.

Рис. 6 тоже весьма интересен. Эти две женщины — сестры, живущие вместе; одна одинокая, а другая замужем. Их высший показатель мы находим под номером V. Жена, чьи показатели мы видим на рис. 5, является третьей сестрой этих двух женщин, и хотя, скорее всего, изначально они все были одного и того же типа, она вышла замуж за мужчину другого типа. Их высший показатель находится под номером III (рис.5). <...>

Теперь мы переступим границу и обратимся к снам. Я не намерен давать никакого введения в анализ снов[6]. Я считаю, что лучше всего будет просто показать вам, как я разбираю сны; необходимости в особых теоретических разъяснениях тут нет, поскольку легко увидеть, из чего я исхожу. Безусловно, я широко использую сны, поскольку они являются объективным источником информации при лечении психопатологии. Когда врач имеет дело с неким случаем, ему трудно держать свое мнение при себе. И чем больше вы знаете случаев, тем больше героических усилий приходится делать, дабы не знать — для того, чтобы дать пациенту шанс. Я все время стараюсь не знать и не видеть. Во имя того, чтобы предоставить пациенту возможность выразить свой собственный материал, не грех назваться профаном или дать явственно понять это. Но это не значит, что вы должны совершенно устраниться.

Вот случай сорокалетнего женатого мужчины, прежде ничем не болевшего. Он выглядит вполне нормально; это директор крупной публичной школы, очень разумный человек, изучивший ныне уже устаревшее направление в психологии — психологию Вундта[7], которая не имеет ничего общего с конк-

[6] См.: *Jung C.G.* On the practical use of dream analysis // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 16; см. также: *Jung C.G.* General aspects of dream Psychology // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 8.

[7] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832 — 1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22—53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ретными обстоятельствами человеческой жизни и лишь парит в стратосфере абстрактных идей. Недавно его стали беспокоить невротические симптомы. Время от времени его донимали какие-то головокружения, приступы необычайной слабости, истощение, учащенное сердцебиение и тошнота. Этот синдром представляет собой хорошо известную в Швейцарии картину заболевания. Это горная болезнь, жертвой которой во время подъема легко могут стать люди, не привыкшие к большой высоте. Поэтому я спросил: «У вас, случайно, не горная болезнь?» И он сказал: «Да, вы правы. Ощущения точно как при горной болезни». Я спросил его, были ли у него сны, и он сказал, что недавно у него было три сна.

Я не люблю анализировать сны по отдельности, поскольку один самостоятельно взятый сон может быть проинтерпретирован произвольно, относительно изолированного сна возможны любые спекуляции; но если сопоставить серию, скажем, из двадцати или ста снов, можно увидеть интересные вещи. Вы видите процесс, протекающий в бессознательном от ночи к ночи, и непрерывность бессознательной *psyche* на протяжении дня и ночи. Вероятно, мы постоянно видим сны, хотя и не осознаем этого днем по причине высокой ясности сознания, но ночью, когда имеет место *abaissement du niveau mental* [понижение умственного уровня (франц.). — *Ред.-сост.*], сны прорываются из глубин и становятся видимыми.

В первом сне *пациент обнаруживает себя в маленькой швейцарской деревушке. У него очень представительный внешний вид, на нем длинное темное одеяние; под рукой он несет несколько толстых книг. Среди стоящих группкой молодых людей он узнает своих бывших одноклассников. Они смотрят на него и говорят: «Этот парень не часто тут появляется».*

Для того чтобы понять этот сон, вы должны вспомнить, что пациент занимал прекрасное положение и был человеком весьма ученым. Но начинал он с самого дна и поистине создал себя сам. Его родители были очень бедными крестьянами, а он поднялся до своего нынешнего положения. Он очень честолюбив и полон надежд на то, что поднимется еще выше. Он напоминает человека, который в один прекрасный день от уровня моря поднялся на высоту 6000 футов и там увидел возвышающиеся над ним пики высотой в 12000 футов. Он находится в той точке, откуда другие начинают свой подъем на эти вершины, и это заставляет его забыть тот факт, что он уже одолел свои 6000 футов, и он немедленно начинает штурмовать новую высоту. Но на самом деле, хотя он этого и не понимает, он устал от предыдущего восхождения и в данный момент совершенно не способен двигаться дальше. Вот это непонимание и является причиной появления у него симптомов горной болезни. Сон переносит нынешнюю психологическую ситуацию в его родной дом. Контраст между ним самим, когда он появляется в родной деревушке с важным видом, в длинном темном одеянии и с толстыми книжками под мышкой, и деревенским парнем, который бросает реплику, что он, дескать, не часто тут появляется, означает, что он редко вспоминает о том, откуда он вышел. Напротив, он думает о своей

будущей карьере и надеется занять профессорское кресло. Поэтому сон возвращает его назад — к его раннему окружению. Он должен осознать, во-первых, как много он достиг в сравнении с тем, кем он был, а во-вторых, что есть естественные пределы человеческим усилиям.

Начало второго сна — типичный пример такого рода сновидений, которые приходят тогда, когда сознательная позиция носит подобный характер. *Он знает, что ему нужно ехать на важную конференцию, берет свой портфель, но замечает, что уже довольно поздно и поезд вскоре должен уйти, и вот его охватывает то хорошо знакомое состояние, когда мы спешим и боимся опоздать. Он пытается собраться: шляпы нигде нет, пиджак куда-то запропастился; он мечется в поисках и кричит на весь дом: «Где мои вещи?» Наконец, он их находит и выбегает из дому; но тут же обнаруживает, что забыл портфель. Он бросается за ним назад, но, взглянув на часы, видит, что слишком поздно; он бежит на станцию, но дорога скверная — будто он идет по болоту, и ему все труднее переставлять ноги. Тяжело дыша, он добирается до станции, но лишь затем, чтоб увидеть, что поезд уже далеко. Его внимание приковано к железнодорожным путям, и перед ним разворачивается следующая картина:*

Сам он находится в пункте А, хвост поезда — уже в пункте В, а паровоз — в пункте С. Он наблюдает за длинным, изгибающимся вдоль рельсов составом и думает: «Только бы у машиниста, когда он достигнет пункта D, достало ума не рвануть вперед на всех парах; если он сделает это, длинный состав у него за спиной, продолжая следовать по кривой, сойдет с рельсов». И вот машинист в пункте D; он прибавляет пару на полную мощность, паровоз дергает, и состав рвется вперед. Сновидец видит — сейчас разразится катастрофа; поезд сходит с рельсов, человек кричит — и просыпается в ужасе, как от ночного кошмара.

Всегда, когда кому-то снится сон о том, что он опаздывает, что ему мешают сотни препятствий, это означает, что и наяву он пребывает в точно таком же состоянии, что он нервничает. А нервничает он потому, что сознательные намерения встречают бессознательное сопротивление. Больше всего раздражает, когда сознательно вы чего-то хотите, но какой-то незримый дьявол мешает этому, и этим дьяволом бесспорно являетесь вы сами. Вы противитесь ему, но делаете это нервно и суетливо. В данном сновидении этот рывок вперед тоже происходит против воли сновидца, он не хочет покидать дом и одновременно очень стремится к этому, и все помехи и трудности у него на пути созданы им самим. Он сам — тот машинист паровоза, который думает: «Сейчас мы вне опасности, перед нами прямая дорога, и можно рвануть вперед изо всех сил». Следующая за кривой прямая линия соответствует тем самым пикам высотой в 12000 футов — он думает, что эти вершины ему доступны.

Естественно, видя перед собой подобный шанс, никто бы не устоял и попытался бы использовать его оптимальным образом, ведь разум подсказывает: «Почему бы и нет, это твой единственный шанс!» Он не замечает, что в нем самом есть нечто такое, что противодействует этому. Но сон предупреждает, что не стоит вести себя так же глупо, как тот машинист паровоза, несущегося на

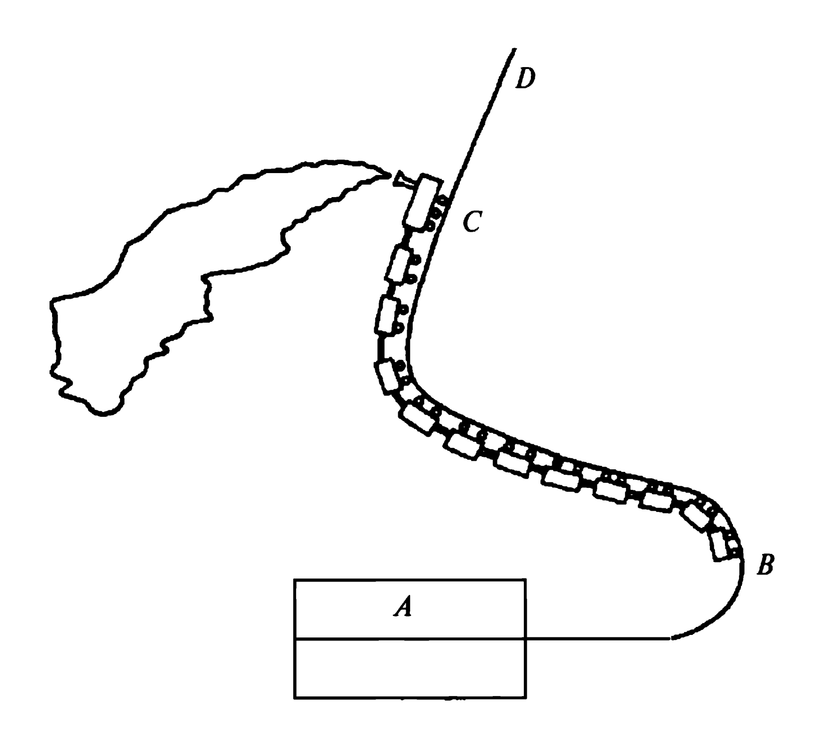

Рис. 7. Сновидение с поездом

всех парах вперед, тогда как хвост поезда еще не прошел кривую. Это то, о чем мы всегда забываем; мы постоянно забываем, что наше сознание — всего лишь поверхность, «передний край» нашего психологического существования. Наша голова — это лишь один конец змеи, но за нашим сознанием тянется длинный исторический «хвост» сомнений, слабостей, комплексов, предрассудков, наследственности, с которыми мы никогда не считаемся. Всегда нам кажется, что можно провести прямую, поскольку мы не желаем замечать наши изъяны, однако они перевешивают, и часто мы сходим с рельсов, ибо не обращаем внимания на этот наш хвост.

Я постоянно говорю о том, что за нашей психологией тянется длинный хвост, как у ящера, а именно: вся история нашей семьи, нашей нации, Европы и мира в целом. Люди есть люди, и никогда не следует забывать о том, что мы несем на себе всю тяжесть человеческого бытия — не больше и не меньше. Будь у нас лишь головы, мы были бы подобны маленьким ангелочкам, наделенным головою и крыльями; они-то, конечно, могут делать все, что им вздумается, им ведь не мешает тело, которое может ходить лишь по земле. Я не мог, конечно, не обратить внимания, — хотя не обязательно показывать это пациенту, — что путь поезда напоминает змею. Сейчас вы увидите, почему.

Следующий сон является критическим, и я должен дать определенные разъяснения. В этом сне мы имеем дело с особым животным — наполовину крабом. Прежде чем мы углубимся в детали сна, я хочу сделать несколько замечаний относительно методов уяснения его смысла. <...>

Я хочу узнать, что такое сон. Поэтому и обращаюсь со сном так, будто это текст, который я недостаточно понимаю, скажем, текст на латыни, греческом или санскрите, в котором мне неизвестны определенные слова, или же сам текст фрагментарен, и я просто применяю обычный метод, который применил бы любой филолог, читая подобный текст. Моя идея заключается в том, что сон ничего не утаивает; мы просто не понимаем его языка. Например, если я процитирую вам отрывок на греческом или на латыни, кто-то из вас его не поймет, но это не потому, что текст что-то скрывает или утаивает, а потому, что вы не знаете греческого или латыни. Точно так же, когда вам кажется, что пациент что-то путает, это совсем не обязательно означает, что он действительно запутался, но означает, что врач не понимает его материал. Предположение, что сон хочет что-то утаить, является простой антропоморфизацией[8]. Ни один филолог никогда бы не подумал, что сложная надпись клинописью или на санскрите что-то утаивает. В Талмуде[9] есть очень мудрое изречение, гласящее, что сон объясняет сам себя. Сон — это нечто целостное, и если вы считаете, что за ним что-то скрывается или он что-то утаивает, может быть, дело лишь в том, что вы его не понимаете.

Итак, когда вы имеете дело со снами, вы говорите: «Я в этом сне не понимаю ни слова». Я всегда приветствую это чувство некомпетентности, ибо знаю, что в попытке понять сон мне придется проделать большую работу. Вот что я делаю. Я заимствую метод филологов, не имеющий ничего общего со свободными ассоциациями, и применяю логический принцип, который называется *амплификацией*. Это просто-напросто поиск параллелей. Например, в случае с очень редким словом, никогда вам прежде не встречавшимся, вы пытаетесь найти текстовые параллели со сходными пассажами, где также встречается это слово, и, возможно, в сходном значении; затем пытаетесь применить в данном новом тексте формулу, установленную на основе знания прежних текстов. Если новый текст читается как целое, вы говорите: «Теперь мы можем его читать». Так мы научились читать иероглифы и клинопись, так же мы можем читать и сны.

Далее, как я обнаруживаю контекст? Тут я просто следую принципу ассоциативного эксперимента. Допустим, что человеку снится скромный крестьянский домишко. Знаю ли я, что этот простой крестьянский дом говорит сознанию этого человека? Конечно же, нет; откуда мне знать? Знаю ли я, что вообще значит для него простой крестьянский дом? Конечно же, нет. И вот я просто спрашиваю: «Как вы это себе представляете?» — т.е., иными словами, каков контекст, какова психическая основа, в которую вплетено данное понятие «простой крестьянский дом»? Он расскажет вам что-нибудь достаточно

[8] *Антропоморфизация* — здесь в смысле наделения человеческими свойствами сна как явления природы. — *Ред.-сост.*

[9] *Талмуд* — собрание догматических, религиозно-этических, правовых и бытовых предписаний иудаизма, сложившихся в 4 в. до н.э. — 5 в. н.э. — *Ред.-сост.*

неожиданное. Например, кто-то говорит: «Вода». Знаю ли я, что он подразумевает под «водой»? Абсолютно не знаю. Если я предложу это или другое подобное слово в тесте, один скажет: «зеленый». Другой скажет: «H_20» — т.е. нечто совершенно иное. Еще кто-то: «ртуть» или «самоубийство». В любом случае я узнаю, какова общая канва, в которую вплетены эти слова и образы. Это и есть *амплификация*. Мы пользуемся в данном случае хорошо известной логической процедурой, точно формулирующей технику нахождения контекста.

Бесспорно, здесь следует отдать должное Фрейду[10], поднявшему этот вопрос и давшему нам возможность приблизиться к проблеме снов вообще. Вы знаете его идею о том, что сон является искаженным выражением тайного неосуществимого желания, которое не согласуется с сознательным отношением и поэтому подвергается действию цензуры, т.е. искажается, чтобы, став неузнаваемым для сознания, тем не менее так или иначе себя проявлять, не исчезая совсем. Далее Фрейд вполне логично говорит: «Давайте восстановим то, что было до искажения; будьте естественны, уступите своим вытесненным тенденциям и позвольте вашим ассоциациям течь свободно, так мы приблизимся к фактическим проявлениям вашей природы, а именно к вашим комплексам». Это точка зрения, которая совершенно отлична от моей. Фрейд ищет комплексы, а я нет. В этом-то и различие. Я хочу проследить за тем, что с нашими комплексами делает *бессознательное*, ибо это интересует меня значительно больше, нежели тот факт, что у людей есть комплексы. У всех у нас есть комплексы; это факт совершенно банальный и неинтересный. Даже инцестуальный комплекс[11], если поискать, можно обнаружить где угодно, и он окажется очень банальным и, следовательно, неинтересным фактом. Интересно лишь знать, что люди делают со своими комплексами; это практический вопрос, который имеет большое значение. Фрейд применяет метод свободных ассоциаций и использует совершенно иной логический принцип, который в логике называется принципом *reductio in primam figuram* — сведением к первой фигуре. *Reductio in primam figuram* — это так называемый силлогизм, сложная последовательность логических умозаключений, для которой характерно, что вы начинаете с совершенно понятного утверждения и посредством неявных допущений и подстановок постепенно изменяете этот явно понятный строй, присущий вашей первой фигуре, пока она не искажается до полной неузнаваемости и становится непонятной. По мысли Фрейда, такое полное искажение характерно для сна; сон является ловким искажением, маскирующим исходную фигуру, и лишь разорвав эту паутину, можно возвратиться к первому, достаточно ясному утверждению, которое может быть таким: «Я желаю совершить это или то; у меня есть такие-то и такие-то неосуществимые желания». <...>

---

[10] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856 — 1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[11] *Инцестуальный комплекс* — желание и соответствующие представления половой связи с ближайшими родственниками. — *Ред.-сост.*

Таким образом, я позаимствовал метод, который филологи применяют к сложным текстам, и точно таким же способом истолковываю сны. Метод, безусловно, несколько сложнее и богаче; но я вас уверяю, что результаты гораздо интереснее, когда вы касаетесь собственно человеческого, а не тогда, когда вы занимаетесь скучнейшей и монотоннейшей интерпретацией. Я ненавижу скуку. Имея дело с такими таинственными процессами, как сон, нам прежде всего следует избегать спекуляций и теорий. Нам никогда не следует забывать, что на протяжении тысячелетий очень разумные, очень многознающие и многоопытные люди придерживались совсем иных взглядов на этот счет. Лишь совсем недавно мы изобрели теорию о том, что сон — это ничто. У всех остальных цивилизаций были совершенно другие представления о снах.

Теперь я расскажу вам большой сон моего пациента: «*Я нахожусь в деревне, в простом деревенском доме, со мной пожилая крестьянка — мать семейства. Я рассказываю ей о задуманной мной крупной поездке — путешествии из Швейцарии в Лейпциг. Это производит на нее чрезвычайное впечатление, чем я очень доволен. В этот момент я вижу луг за окном, где собирают сено крестьяне. Затем картина меняется. На заднем плане появляется чудовищных размеров крабоящер. Сперва он ползет налево, а потом направо — так, что я чувствую себя стоящим как бы посредине — в раскрытых ножницах. Затем у меня в руке оказывается небольшой жезл или прут, я слегка касаюсь им головы чудовища и убиваю его. После этого я долго стою все там же, уставившись на чудовище*».

Прежде чем заниматься подобным сном, я всегда стараюсь установить последовательность, ибо такой сон имеет предысторию в прошлом и будет иметь продолжение истории в будущем. Это часть психической ткани, а последней присуще свойство длиться — у нас нет оснований предполагать, что психологические процессы лишены связности, так же, как у нас нет оснований думать, что в природных процессах имеется какой-то пробел. Природа — это континуум, и весьма вероятно, что наша *psyche* тоже является непрерывной. Данный сон — лишь один из проблесков или выражений психической непрерывности, которая на мгновение стала видимой. Как часть континуума, этот сон связан с предшествующими снами. В предыдущем сне мы уже видели это своеобразное змееподобное движение поезда. Это сопоставление — лишь гипотеза, но я должен установить некоторые соответствия.

После сна с поездом сновидец возвращается в места, где прошло его раннее детство; он оказывается рядом с деревенской мамашей — тут, как вы понимаете, просматривается намек на мать. В самом первом сне он поражает сельских мальчишек своим величественным появлением в длинной мантии господина Профессора. В этом же сне он поражает скромную женщину своим величием и величием своего честолюбивого плана — путешествия в Лейпциг; это — намек на получение там профессуры. Чудовищный крабоящер находится за пределами нашего эмпирического опыта; очевидно, что это продукт бессознательного. Все это мы можем понять без особых усилий.

Теперь мы переходим к актуальному контексту. Я спрашиваю: «С чем у вас ассоциируется «простой крестьянский домик»?» — и к моему невероятному удивлению он говорит: «Это приют св. Якоба близ Базеля». Это был очень старинный лепрозорий[12], и здание его по-прежнему существует. Место это знаменито также большим сражением, в котором в 1444 г. швейцарцы бились с войсками герцога Бургундии. Его армия пыталась прорваться в Швейцарию, но была отброшена назад авангардом швейцарской армии — корпусом в тысячу триста солдат, разбившим вблизи от приюта св. Якоба бургундскую армию, состоявшую из тридцати тысяч человек. Тысяча триста швейцарцев полегли все до единого, но этой жертвой они остановили дальнейшее наступление врага. Героическая смерть этих людей является выдающимся эпизодом в истории Швейцарии, и ни один швейцарец не может говорить об этом без чувства патриотизма.

Всякий раз, когда сновидец сообщает такую информацию, вам следует ввести ее в контекст сновидения. В данном случае это означает, что сновидец находится в лепрозории. Приют называется *Siechenhaus* — дом для больных (*sick-house*); здесь, в немецком слове, под больными подразумеваются прокаженные. Таким образом, имеется в виду отвратительное заразное заболевание; он изгнан из общества и находится в доме для прокаженных. Кроме того, с этим домом связано то отчаянное сражение, которое, по причине неподчинения приказу, для почти полутора тысяч человек обернулось гибелью. Авангард имел четкие инструкции не атаковать, а ждать, пока к нему присоединится вся швейцарская армия. Но лишь завидев врага, они уже не могли удержаться и, вопреки приказам командиров, очертя голову бросились в атаку; естественно, все они были убиты. Здесь мы вновь встречаемся с этой идеей броска вперед в отрыве от основных частей, оставшихся в хвосте, и вновь это действие фатально. Мне стало не по себе, и я подумал: «Что же с этим парнем будет дальше, какая опасность его подстерегает?» Опасность состоит отнюдь не в его честолюбии и не в том, что он хочет быть с матерью и совершить с ней инцест или еще что-нибудь в этом роде. Вы помните, что машинист локомотива — тоже безрассудный малый; он мчится вперед, несмотря на то, что хвост поезда еще не прошел кривую; он и не думал дожидаться этого, он рвется вперед сам, не задумываясь о целом. Это означает, что сновидец имеет склонность бросаться вперед, не задумываясь о тянущемся за ним хвосте; он ведет себя так, как если бы он состоял из одной головы, подобно тому как авангард вел себя так, словно он был целой армией, забыв, что следует ждать; и именно потому, что он не ждал, все люди были убиты. Такая позиция пациента является причиной его симптомов горной болезни. Он поднялся слишком высоко, он не готов к такой высоте, он забывает, с чего он начал.

---

[12] *Лепрозорий* — лечебно-профилактическое учреждение для больных лепрой (проказой), хроническим инфекционным заболеванием, характеризующимся поражением кожи, нервной системы, глаз и некоторых внутренних органов. — *Ред.-сост.*

Вы, вероятно, знаете роман Поля Бурже[13] «Этап» (L'Etape). Его лейтмотивом является проблема низкого происхождения человека, которое неотделимо от него, и поэтому его восхождение по социальной лестнице имеет определенный предел. Вот о чем пытается напомнить пациенту сон. Этот дом и эта пожилая крестьянка возвращают его назад в детство. Женщина, похоже, является указанием на мать. Но следует быть весьма осторожным по части предположений. Его ответ на мой вопрос относительно женщины был таков: «Это хозяйка моего дома». Хозяйка дома — пожилая вдова, необразованная и старомодная, живущая, естественно, в соответствующем окружении. Он слишком возвысился и забыл, что другой стороной его невидимого *Я* является его семья в нем самом. Поскольку он очень интеллектуальный человек, чувства являются его подчиненной функцией. Его чувства в целом недифференцированны, следовательно, они отвечают уровню этой домохозяйки, и пытаясь произвести на нее впечатление своим грандиозным планом похода в Лейпциг, он тем самым пытается произвести впечатление на самого себя.

Что же он говорит о поездке в Лейпциг? Он говорит: «О, это все мое честолюбие! Я мог бы далеко пойти, я надеюсь получить профессуру». Отсюда и опрометчивый рывок, и неразумные попытки, и горная болезнь; он хочет взобраться слишком высоко. Этот сон относится еще к довоенному времени, а тогда профессура в Лейпциге была чем-то фантастическим. Его чувства глубоко подавлены и, в силу этого, чужды истинных ценностей, а также чрезвычайно наивны. В этом он остается подобным той самой крестьянке; здесь он ничем не отличается от своей матери. Есть множество талантливых и умных людей, у которых отсутствует дифференциация чувств, и те, вследствие этого, несут на себе печать материнских, как бы исходят от матери, идентичны ее чувствам, т.е. у этих людей, по сути, материнские чувства: они прекрасно относятся к детям, к красивым интерьерам, к порядку в доме. Порой случается, что, пройдя сорокалетний рубеж, такой человек открывает для себя мужские чувства — и тогда это беда.

Вообще чувства мужчины носят, так сказать, женский характер, и проявляются они в снах. Я обозначаю эту фигуру термином *анима*, поскольку она является персонификацией подчиненных функций, связывающих мужчину с коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное в целом представляется мужчине в женской форме. Женщине оно является в мужской форме, тогда я называю его *анимусом*. Я избрал термин *анима*, потому что его всегда применяют именно к этим психологическим фактам. *Анима* как персонификация коллективного бессознательного появляется в снах вновь и вновь[14].

---

[13] Бурже (*Bourget*) Поль Шарль Жозеф (1852—1935) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

[14] См.: *Jung C.G.* Psychological Types. Опр. 48, а также: *Jung C.G.* Two essays on analytical psychology // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 7. § 296 ff; *Юнг К.Г.* Aion. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. гл. 3. [Рус. пер. см: *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Издательская фирма «Прогресс-Универс», 1995. С. 511—517; *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного. М.: Когито-центр, 2006. — *Ред-сост.*]

Я собрал обширную статистику относительно фигуры *анимы* в снах. Таким образом, эти фигуры имеют эмпирическое подтверждение.

Когда я спрашиваю моего сновидца, что он имеет в виду, говоря, что крестьянка поражена его планами, он отвечает: «О да, это связано с моей заносчивостью. Я люблю покрасоваться перед теми, кто ниже меня, с тем чтобы показать, кто я такой; беседуя с необразованными людьми, я люблю выставить себя на передний план. К несчастью, я все время вынужден жить среди тех, кто ниже меня». Человека возмущает его низкое окружение, и он чувствует себя много выше, потому что все низкое *в себе самом* он проецирует на внешнюю среду и начинает замечать в ней то, что должен был бы видеть в самом себе. Когда он говорит: «Это означает, что мое окружение ниже меня», — ему следовало бы сказать: «Это означает, что происходящее во мне самом ниже всякой оценки». У него нет истинных ценностей, его чувство живет низшей жизнью. В этом его проблема.

В этот момент он смотрит в окно и видит крестьян, собирающих сено. Безусловно, это вновь видение, связанное с чем-то таким, что он делал в прошлом. Оно вызывает у него воспоминания о некоторых картинах и ситуациях; дело было летом, работали много и тяжело: приходилось вставать рано утром, чтобы весь день косить, а по вечерам собирать стога. Это, бесспорно, простой добросовестный труд, свойственный простым людям. Он забывает, что привести к чему-то его может лишь такой же скромный и достойный труд, а не чрезмерные притязания. Следует отметить также его утверждение о том, что у него есть картина, на которой крестьяне убирают сено, она висит на стене в его нынешнем доме; когда он говорит: «Отсюда и происходит то, что я видел во сне», — это значит: «Сон — ничто по сравнению с картиной на стене, он не имеет значения, я не буду принимать его во внимание». В этот момент сцена меняется. Всегда при смене декораций вы смело можете делать вывод о том, что выражение бессознательной мысли достигло высшей точки и далее продолжать этот мотив уже невозможно.

В следующей части сна все вообще покрывается мраком; появляется краб-ящер — вещь, несомненно, невероятная. Я задаю вопрос: «А краб откуда? На него-то вы как набрели?» Он говорит: «Это мифологическое чудовище, которое передвигается вспять. Крабу свойственно передвигаться вспять. Не понимаю, как я пришел к этому — вероятно, благодаря какой-то сказке или чему-то в этом роде». До сих пор все, что он отмечал, касалось вещей, которые вы могли бы встретить в реальной жизни, вещей, действительно существующих. Но краб не принадлежит к его личному опыту, это — архетип. Когда аналитик сталкивается с архетипом, он может приступать к своим рассуждениям. Имея дело с *индивидуальным* бессознательным, рассуждать слишком много и что бы то ни было добавлять от себя к ассоциациям пациента непозволительно. Что можете вы прибавить к индивидуальности другого человека? Вы и сами представляете собой индивидуальность. Другой индивид — постольку, поскольку это отдельная личность — живет своим умом и своей собственной жизнью. Но постольку, поскольку он не является отдельным лицом, мы совпадаем друг с другом, в его

душе есть те же базовые структуры, и тут-то мне уже можно начинать рассуждать, я могу присоединиться к нему. Я даже могу предложить ему необходимый контекст, ведь сам он его не найдет: он не знает, откуда взялся этот краб и понятия не имеет, что это значит, я же знаю и могу предоставить ему этот материал.

Я указываю ему на то, что этот мотив героя появляется в снах сплошь и рядом. Ему свойственны героические фантазии о себе — это и всплыло на поверхность в последнем сне. Вот он герой — большой человек в длинном одеянии и с грандиозными планами; он — герой, который умирает на славном поле св. Якоба; он должен показать всему миру, кто он такой; и, разумеется, он — тот герой, который побеждает чудовище. Мотив героя неизменно сопровождается мотивом дракона; дракон и сражающийся с ним герой — две фигуры одного и того же мифа.

Дракон появляется в его сне в виде крабоящера. Это, конечно же, еще не объясняет, что именно выражает дракон как образ его психологической ситуации. Последующие ассоциации относятся к чудовищу. Когда оно движется сначала налево, а потом направо, сновидец как будто попадает в ножницы, которые вот-вот могут сомкнуться. И это уже будет непоправимо. Он начитался Фрейда и, соответственно, интерпретирует ситуацию как желание инцеста: чудовище — это мать; угол, образуемый открытыми ножницами, — ее ноги, а он, стоящий между ними, только что рожденный или готовый возвратиться в лоно матери сын.

Как это ни странно, мифический дракон и *есть* мать. Этот мотив встречается во всем мире, и называется это чудовище матерью-драконом[15]. Мать-дракон вновь и вновь поедает свое дитя: сначала дав ему рождение, она затем поглощает его. Где-то в западных морях ждет-дожидается «страшная мать», как ее еще называют, с широко разинутым ртом, и как только человек попадает туда, она захлопывает свою пасть — и с человеком покончено. Эта чудовищная фигура является матерью-саркофагом, пожирающей человеческую плоть; это другое воплощение той же Матуты — матери мертвых. Это богиня смерти.

Но эти параллели по-прежнему не объясняют, почему сновидение выбирает именно образ краба. Я убежден, — а раз я говорю, что убежден, то значит имею для этого определенные основания, — что выражение психических фактов в образах таких животных, как змея, ящерица, краб, мастодонт и других, им подобных, является одновременно и выражением органических фактов. Например, змея очень часто символизирует церебрально-спинальную систему, особенно нижние отделы головного мозга, и в частности продолговатый мозг (*medulla oblongata*) и спинной мозг. С другой стороны, краб, имеющий лишь симпатическую систему, выражает главным образом симпатические и парасимпатические функции брюшной полости; это брюшной феномен. Итак, текст сновидения в переводе будет читаться следующим образом: если вы поступите

---

[15] См., напр.: *Jung C.G.* Symbols of transformation // *Jung C.G.* Collected Works. L., 1953—1964. Vol. 5.

так, то ваша церебрально-спинальная и ваша симпатическая системы взбунтуются против вас, и тогда вам несдобровать. Вот что происходит на самом деле. Симптоматика невроза выражает бунт симпатических функций и церебрально-спинальной системы против его сознательной установки.

Крабоящер представляет архетипическую идею героя и дракона как смертельных врагов. Но в некоторых мифах вы обнаруживаете интересный факт: герой связан с драконом не только борьбой. В противовес этому имеются указания на то, что герой сам является драконом. В скандинавской мифологии герой отмечен тем, что у него змеиные глаза. Есть множество других мифов и легенд, несущих в себе ту же идею. Основатель Афин, Кекроп, верхней своей половиной был человеком, а нижней — змеей. Души героев после их смерти также нередко появляются в виде змеи.

В нашем сне чудовищный крабоящер сперва движется налево, и я спрашиваю сновидца об этом движении влево. Он говорит: «Краб, очевидно, не знает, куда ползти. Левая сторона неприемлема, она гибельна». Гибельность (*sinister*) и в самом деле означает и что-то «левое» и «неприемлемое». Но и правая сторона неприемлема для чудовища, поскольку справа ему угрожает жезл и неминуемая гибель. Далее перейдем к положению сновидца относительно угла, образуемого движением чудовища, т.е. к ситуации, которую сам он интерпретировал как инцест. При этом он говорит: «По сути дела, я чувствовал себя осажденным со всех сторон, подобно герою, который должен сразиться с драконом». Таким образом, он сам осознает этот героический мотив.

Однако, в отличие от мифического героя, он побеждает дракона не оружием, а жезлом. Он утверждает: «По тому, как он действует на чудовище, можно предположить, что это магический жезл». Он избавляется от краба явно магическим путем. Жезл — это еще один мифологический символ. В нем часто усматривают сексуальные аллюзии[16], а сексуальная магия служит средством защиты от опасности. Можно также вспомнить землетрясение в Мессине[17], тогда сама природа вызывала в людях подобные инстинктивные реакции, направленные против всесокрушающих разрушений.

Жезл — это инструмент, а в снах инструменты обозначают то, чем они и являются на самом деле, — орудия воплощения человеческой воли. Например, нож — конкретизация моей воли резать; используя копье, я продлеваю свою руку; при помощи винтовки я могу переносить свое влияние и воздействие на большие расстояния; телескоп дает то же самое моему взгляду. Инструмент — это механизм, который выражает мою волю, мою мысль и талант, мою изобретательность. Эти орудия в снах символизируют аналогичные психологические

[16] *Аллюзия* — стилистическая фигура, заключающаяся в соотнесении описываемого (в данном случае сновидения) с устойчивым понятием или словосочетанием литературного, исторического, мифологического порядка. — *Ред.-сост.*

[17] Речь идет о трагических событиях 1908 г. в Сицилии, когда стихия разрушила 90 % городских строений и унесла 60 000 жизней.

механизмы. В данном случае инструментом сновидца является магический жезл. Он использует волшебную вещь, с помощью которой можно обмануть чудовище, т.е. его собственную нервную систему в ее низших отделах. Он может избавиться от этой чепухи, не тратя лишнего времени и не прилагая никаких усилий.

Что же это означает на самом деле? А вот что: он думает, что опасности просто не существует. Так обычно и поступают. Вы просто мысленно отрицаете нечто и, тем самым, якобы избавляетесь от него. Подобным образом ведут себя люди, которые живут одной головой. Они используют свой интеллект, с тем чтобы справиться со всем этим с помощью мысли: «Это — нонсенс, следовательно, этого быть не может, а значит, и нет». И он тоже так поступает. Он попросту выбрасывает из головы свое чудовище. Он говорит себе: «Такой вещи, как крабоящер, не существует, такой вещи, как противостоящая воля, не существует; я избавлюсь от этого, я просто больше не буду думать об этом. Я считаю, что это мать, с которой я хочу совершить инцест; это решает все, поскольку я просто не буду этого желать». Тут я ему говорю: «Вы убили животное — как вы думаете, какова причина того, что вы так долго продолжаете смотреть на него?» Он мне ответил: «О да, это, конечно же, просто чудо, что вы с такой легкостью можете избавиться от такой твари». И я сказал: «Да, это и в самом деле чудо!»

Затем я рассказал ему, что об этой ситуации думаю я. Я сказал: «Послушайте, наилучший способ разобраться со сном — это представить себя абсолютно невежественным младенцем или юнцом, пойти к тысячелетнему старцу или же к древней, как сама праматерь, старухе и спросить: "Что ты думаешь обо мне?" Она бы ответила вам: "У тебя честолюбивые планы, но это неумно, ибо ты рвешься наперекор своему природному чувству. Но твои вовсе не безграничные способности стоят преградой у тебя на пути. Ты хочешь устранить все препятствия магией своего мышления. Ты веришь, что с помощью умственных уловок сможешь разделаться с этим, но, поверь мне, все это еще напомнит о себе"». И я сказал ему: «В ваших снах содержится предостережение. Вы ведете себя точно так же, как тот машинист паровоза или как швейцарцы, которым достало безрассудства броситься на врага, не имея за собой никакой поддержки, и если вы поступите таким же образом, вас ждет катастрофа».

Он был уверен в том, что подобная точка зрения излишне серьезна. По его убеждению, куда вероятнее, что сны обусловлены неосуществимыми желаниями и что у него было неосознанное желание инцеста, которое и лежало в основе этого сна; сейчас же он осознал это инцестуальное желание, освободился от него и может ехать в Лейпциг. «Ну что ж, — сказал я, — счастливого пути». Он не вернулся, он продолжал строить планы, и потребовалось всего три месяца, чтобы он утратил свое положение и все пошло прахом. Для него это было полное поражение. Он столкнулся с непреодолимой для него опасностью, воплотившейся в крабоящере, и не понял предупреждения. Но я не хочу склонять вас к излишнему пессимизму. Порой люди совсем неплохо понимают свои сны и делают выводы, которые способствуют более благоприятному разрешению их проблем.

Э. Фромм

Социальное бессознательное*

Говоря о «социальном бессознательном», я имею в виду вытесненные сферы, свойственные большинству членов общества. Содержанием этих обычно вытесненных элементов является то, что данное общество не может позволить своим членам довести до осознания, если оно собирается и дальше успешно функционировать на основе собственных противоречий.

Термин «индивидуальное бессознательное», с которым имел дело Фрейд[1], относится к такому содержанию, которое индивид вытесняет, сообразуясь с индивидуальными обстоятельствами своей личной жизни. До некоторой степени Фрейд касается и «социального бессознательного», когда говорит о вытеснении инцестуальных стремлений[2], характерном для всей цивилизации; но в клинической практике он имеет дело в основном с индивидуальным бессознательным, поэтому и большинство аналитиков недостаточно внимания уделяют «социальному бессознательному».

Прежде чем приступить к обсуждению «социального бессознательного», необходимо кратко воспроизвести развитую Фрейдом концепцию бессознательного и соответствующую ей концепцию в системе Маркса[3].

Воистину нет более фундаментального открытия у Фрейда, чем бессознательное. Психоанализ можно определить как систему, основанную на признании того, что мы препятствуем осознанию наиболее значимых переживаний; что конфликт между бессознательной реальностью внутри нас и отрицанием этой реальности в нашем сознании часто приводит к неврозам и что невротические симптомы можно снять, а черты характера исправить, доведя бессознательное до осозна-

---

* *Фромм Э.* Из плена иллюзий // *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 336—353.

[1] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] *Инцестуальное стремление* — стремление к инцесту, т.е. к сексуальным отношениям с ближайшими кровными родственниками. — *Ред.-сост.*

[3] Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

ния. Хотя Фрейд считал, что разоблачение бессознательного является наиболее важным средством лечения неврозов, его проницательность вышла далеко за рамки медицинских интересов. Он видел, насколько не соответствует действительности большая часть того, что мы думаем о себе, с каким постоянством мы заблуждаемся относительно самих себя и других; страстный интерес побуждал его прикоснуться к реальности, лежащей за пределами осознанных мыслей. Фрейд признал, что *большая часть того, что реально внутри нас, не осознается, а большая часть того, что осознается, нереально.* Эта приверженность к поиску внутренней реальности открыла новое измерение истины. Человек, которому неизвестен феномен бессознательного, убежден, что говорит правду, если говорит то, что знает. Фрейд показал, что все мы более или менее заблуждаемся в вопросе об истине. Даже если мы искренни в том, что мы осознаем, не исключено, что мы продолжаем лгать в том смысле, что наше сознание «ошибочно»; в нем не представлены лежащие под ним, внутри нас, реальные переживания.

Фрейд начал с рассмотрения проблемы на индивидуальном уровне. Вот несколько первых попавшихся примеров: допустим, человек испытывает тайное удовольствие, рассматривая порнографические картинки. Он не допускает мысли о том, что ему это интересно; сознательно он убежден, что считает такие картинки вредными и что его обязанность — позаботиться о том, чтобы они нигде не фигурировали. Тем самым он постоянно имеет дело с порнографией, рассматривает такие картинки, что якобы составляет часть кампании против них, и тем удовлетворяет свое желание. Но его совесть совершенно чиста. Его действительные желания бессознательны, а то, что осознается, — это рационализация[4], полностью скрывающая то, чего он не хочет знать. Так он умудряется удовлетворить свое желание, не вступая в конфликт с моралью. Другим примером мог бы стать отец, обладающий садистскими наклонностями[5], имеющий обыкновение наказывать своих детей и дурно обращаться с ними. Но он убежден, что бьет их потому, что это единственный способ научить их добру и предостеречь от свершения зла. Он не осознает, что испытывает садистское удовольствие, он осознает только рационализацию, свою идею об обязанности и правильном методе воспитания детей <...>

Страстное нежелание признать существование вытесненного содержания Фрейд назвал «сопротивлением». Его сила примерно пропорциональна силе вытеснения[6].

---

[4] *Рационализация* — процесс, при помощи которого человек пытается объяснить логически связным и морально приемлемым образом свои действия, идеи и чувства причинами, не только их оправдывающими, но и скрывающими их подлинную мотивацию. — *Ред.-сост.*

[5] *Садистские наклонности* — склонность к садизму, т.е. к сексуальному извращению, при котором субъекту для получения удовлетворения необходимо причинять боль или подвергать унижению своего партнера. — *Ред.-сост.*

[6] *Вытеснение* — процесс, посредством которого неприемлемый импульс к действию, желание или представление устраняются из сознания и удерживаются в сфере бессознательного. — *Ред.-сост.*

Хотя любой вид переживаний, разумеется, может подвергнуться вытеснению, из теоретических представлений Фрейда следует, что наиболее сильному вытеснению подвергаются сексуальные стремления, несовместимые с нормами цивилизованного человека, и в первую очередь инцестуальные стремления. Но, по Фрейду, враждебные и агрессивные побуждения также вытесняются настолько, насколько они противоречат существующим нравам и Сверх-Я[7]. Каким бы ни было специфическое содержание вытесненных стремлений, с точки зрения Фрейда, они всегда представляют «теневую» сторону человека, антисоциальное, примитивное его содержание, не подвергшееся сублимации[8] и противоречащее тому, что считается достойным цивилизованного человека. Надо еще раз подчеркнуть, что, по Фрейдовой концепции бессознательного, вытеснение означает, что не сам импульс, а осознание импульса не допускается; в случае с садистским импульсом, например, это означает, что я не осознаю своего желания причинять боль другим людям. Однако это вовсе не означает ни того, будто я действительно не причиняю боли другим людям из чувства долга, ни того, будто, причиняя боль другим людям, я не осознаю, что они страдают от моих действий. Вполне возможно, что импульс не дает о себе знать просто потому, что я не сумел помешать его осознанию или найти ему подходящую рационализацию. В этом случае импульс будет продолжать существовать, но вытеснение его из сознания приведет к изъятию того, что касается его воздействия. Как бы то ни было, вытеснение означает искажение сознания человека, но не устранение запрещенных импульсов. А это значит, что бессознательные силы загоняются внутрь и скрытно определяют человеческие поступки.

Чем же, по мнению Фрейда, вызывается вытеснение? Мы уже говорили о том, что несовместимость этих импульсов с социальными и семейными нравами мешает им стать осознанными. Это положение относится к содержательной стороне вытеснения; но каков *психологический механизм,* с помощью которого осуществляется акт вытеснения? Согласно Фрейду, таким механизмом является *страх.* Наиболее ярким примером, который Фрейд использует в своей теории, служит вытеснение у мальчика инцестуальных стремлений к матери. Фрейд полагает, что маленький мальчик начинает бояться своего соперника — отца, особенно того, что отец кастрирует его. Страх заставляет его вытеснять свои желания из сознания и помогает ему переориентировать свои желания в других направлениях, хотя полученные в первом сражении шрамы никогда полностью не исчезнут. И хотя «боязнь кастрации» — это простейший вид страха, приводящий к вытеснению, согласно Фрейду, есть и другие страхи, такие,

---

[7] *Сверх-Я* — в классическом психоанализе одна из трех основных (наряду с *Я* и *Оно*) инстанций психики, выполняющая функции самонаблюдения, самокритики, формирования нравственного сознания и идеалов. — *Ред.-сост.*

[8] *Сублимация* — неосознаваемый процесс, посредством которого сексуальный импульс или его энергия отклоняются и выражаются в социально приемлемых, не инстинктивных формах деятельности (например, в художественном творчестве). — *Ред.-сост.*

как страх оказаться нелюбимым, быть убитым или покинутым, которые принуждают человека вытеснять свои глубочайшие желания с не меньшей силой, чем первичный страх кастрации.

Занимаясь психоанализом, Фрейд упорно искал индивидуальные причины вытеснения, тем не менее было бы ошибкой полагать, будто его концепция вытеснения относится только к индивиду. Напротив, у Фрейдовой концепции вытеснения есть также и социальное измерение. Чем более высокой степени цивилизации достигает общество, тем более несовместимыми оказываются инстинктивные желания с существующими социальными нормами и тем выше должна быть степень вытеснения. Рост цивилизованности, по Фрейду, означает усиление вытеснения. Фрейд никогда не выходил за пределы чисто количественного и механистического истолкования общества и не рассматривал ни особенностей структуры общества, ни их влияния на вытеснение.

Если силы, вызывающие вытеснение, столь могущественны, то каким образом Фрейд надеялся сделать бессознательное сознательным, снять подавляющее воздействие с вытесненного? Хорошо известно, что именно этой цели и служит изобретенная им психоаналитическая процедура. Анализируя сновидения, занимаясь истолкованием «свободных ассоциаций», не прошедших внутреннюю цензуру, а также спонтанных мыслей пациента, Фрейд пытался прийти вместе с пациентом к пониманию того, чего пациент раньше не знал: его бессознательного.

Каковы были теоретические предпосылки использования анализа сновидений и свободных ассоциаций для открытия бессознательного?

Вне всяких сомнений, в первые годы своих психоаналитических изысканий Фрейд разделял традиционную рационалистическую убежденность в том, что знание интеллектуально и теоретично. Он думал, что пациенту достаточно объяснить, почему имели место некоторые обстоятельства, сообщить ему, что именно обнаружил психоаналитик в его бессознательном, чтобы это интеллектуальное знание, именуемое «интерпретацией», вызвало в нем изменения. Но вскоре Фрейду и другим психоаналитикам пришлось признать правоту положения Спинозы[9], согласно которому *интеллектуальное* знание благоприятствует изменениям лишь настолько, насколько оно *эмоционально*. Стало очевидным, что интеллектуальное знание, как таковое, никаких изменений не производит, за исключением разве того, что благодаря интеллектуальному знанию о своих бессознательных стремлениях человек может лучше их контролировать, что является, однако, целью традиционной этики, а не психоанализа. До тех пор, пока пациент остается в позиции обособленного самонаблюдателя, он не имеет дела со своим бессознательным, в лучшем случае он лишь думает о нем, но не ощущает более широкой и глубокой реальности внутри себя. Обнаружение чьего-то бессознательного — это, конечно, не только интеллек-

---

[9] Спиноза (*Spinoza, d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

туальный акт, но и эмоциональное переживание, которое вряд можно выразить словами. Это не означает, будто мышление и умозрение не могут предшествовать акту открытия; но акт открытия — это акт не мышления, а *осознания,* или, лучше — просто *видения.* Осознать бывшие бессознательными переживания, мысли или чувства не значит *думать* о них, а значит *усмотреть* их, точно так же как осознавать, что ты дышишь, не значит думать об этом. Осознание бессознательного — это переживание, характеризующееся спонтанностью и внезапностью. Ваши глаза неожиданно открываются, и вы сами, и весь мир предстают перед вами в ином свете, с другой точки зрения. Пока длится переживание, оно обычно сопровождается заметной обеспокоенностью, после чего появляется новое ощущение силы. Процесс выявления бессознательного можно описать как ряд все расширяющихся, глубоко прочувствованных переживаний, превосходящих теоретическое, интеллектуальное знание.

Рассматривая вопрос о возможности превращения бессознательного в сознательное, особенно важно понять, какие факторы мешают этому процессу. Существует множество факторов, затрудняющих проникновение в бессознательное. Это косность мысли, отсутствие должной ориентации, безнадежность, отсутствие какой-либо возможности изменить реальные условия и прочее. Однако нет, пожалуй, ни одного фактора, несущего большую ответственность за трудности в превращении бессознательного в осознанное, чем механизм, который Фрейд назвал «сопротивлением».

Что же такое *«сопротивление»*? Как и многие другие открытия, оно настолько просто, что каждый может сказать, будто его может сделать любой человек; тем не менее, чтобы признать его, потребовался великий первооткрыватель. Возьмем пример: вашему другу предстоит поездка, которой он просто боится. Вы знаете, что он боится, его жена знает об этом, все об этом знают, кроме него самого. В первый день он заявляет, что плохо себя чувствует, на следующий день — что нет необходимости в такой поездке, еще через день — что есть лучшие, чем поездка, способы достигнуть того же самого результата, еще через день — что ваши настойчивые напоминания о поездке похожи на попытку оказать на него давление, а поскольку он не хочет, чтобы на него давили, он никуда не поедет, и так далее, пока он не скажет, что уже слишком поздно отправляться в путь, а поэтому нет смысла думать об этом и дальше. Если вы, однако, в самой тактичной форме упомянете, что он, возможно, не хочет ехать, потому что боится, вы столкнетесь не просто с отрицанием, а, скорее всего, с неистовым шквалом протестов и обвинений, который в конечном счете побудит вас извиниться или — если вы не хотите потерять его дружбу — даже заявить, что вы никогда не собирались говорить, будто он боится, и закончить свою речь внушительной фразой о его храбрости.

Что же произошло? Реальным мотивом нежелания ехать является страх. (В данном случае неважно, чего он боится; достаточно того, что его страх можно объективно оправдать или просто представить себе его причину.) Страх этот бессознателен. Однако ваш друг должен подобрать «разумное» объяснение сво-

ему нежеланию ехать — «рационализацию». Он может ежедневно изобретать новые виды рационализации <...> или, наоборот, настаивать на одном. Фактически не имеет значения, обоснованна ли рационализация как таковая; важно то, что она не является ни действительным, ни достаточным основанием для его отказа ехать. Самое поразительное, однако, в том, с каким неистовством он реагирует на ваше упоминание подлинного мотива его поведения, насколько сильно его сопротивление. Не следовало ли нам скорее ожидать, что он будет доволен этим замечанием и благодарен нам за него, поскольку оно дает ему возможность овладеть подлинным мотивом своего нежелания? Но как бы мы ни представляли себе, что он должен бы испытывать, факт тот, что он этого не чувствует. Он просто не может вынести мысли о том, что он боится. Но почему? Есть несколько возможных объяснений. Вероятно, его нарциссический[10] образ самого себя исключает страх, и если этот образ разрушить, его нарциссическое самолюбование, а вслед за ним чувства самоценности и безопасности оказались бы под угрозой. Или, может быть, его Сверх-Я, усвоенные им моральные правила о том, что хорошо и что плохо, сложились так, в них резко осуждается страх и трусость, поэтому признать наличие страха означало бы для него признать, что он нарушил этот свод правил. Или, возможно, он испытывает потребность сохранить для своих друзей представление о человеке, которому неведом страх, потому что он настолько неуверен в их дружбе, что опасается, как бы они не перестали его любить, если узнают, что он боится. Любой из этих доводов может сработать, но *почему* это так? В первом случае ответ заключается в том, что его чувство самотождественности связано с этими образами. Если они «неистинны», кто же он тогда? Что есть истина? Каково его место в мире? Раз уж встают подобные вопросы, человек чувствует серьезную угрозу: он утратил привычную систему ориентации и вместе с ней — уверенность. Пробудившееся беспокойство Фрейд рассматривал не просто как боязнь чего-то особенного, вроде угрозы гениталиям или жизни и прочее; оно вызвано угрозой самотождественности. Сопротивление — это попытка защититься от испуга, который можно сравнить с испугом при небольшом землетрясении: ничего надежного, все колеблется; я не знаю ни кто я, ни где я. В самом деле это переживание сродни некоторому умопомрачению <...>

В психоаналитической терминологии, ставшей теперь очень популярной, термином «бессознательное» пользуются, чтобы обозначить место внутри человека, нечто вроде подвала в доме. Эта мысль подкрепляется известным Фрейдовым делением личности на три части: Ид (Оно), Эго (Я) и Супер-эго (Сверх-Я). Ид (Оно) представляет собой совокупность инстинктивных желаний, и в то же время, поскольку большая их часть не допускается до уровня

---

[10] *Нарциссический* — здесь, отвлекаясь от терминологии психоанализа, можно сказать «самовлюбленный». Персонаж древнегреческой мифологии, юноша-красавец Нарцисс, увидев свое отражение в воде, влюбился в него, от этой любви умер и был превращен богами в цветок того же названия. — *Ред.-сост.*

осознания, его можно отождествить с «бессознательным». Эго (Я), представляющее оформленную часть личности, насколько она охватывает действительность и осуществляет реалистическую оценку ее, по крайней мере в том, что относится к выживаванию, можно считать выражением «сознания». Супер-эго (Сверх-Я), усвоенные отцовские (или общественные) требования и запреты, может быть и осознанным, и бессознательным, поэтому его нельзя отождествлять ни с бессознательным, ни с сознательным соответственно. Топографическое использование понятия «бессознательное» стимулировалось в дальнейшем основной тенденцией нашего времени мыслить категориями *обладания,* о чем речь еще впереди. Люди говорят, что у них бессонница, вместо того чтобы сказать, что они плохо спят, или что у них депрессия, вместо того чтобы сказать, что они подавлены; отсюда они говорят, что *имеют* машину, дом, ребенка так же, как у них есть проблема, чувство, психоаналитик — и бессознательное.

Вот почему столь многие сегодня предпочитают говорить о «подсознательном»; им кажется более ясным представить себе место, нежели функцию; но если я могу сказать, что действую бессознательно в чем-то, то нельзя сказать: «Я действую подсознательно»[11]. Другая трудность Фрейдовой концепции бессознательного состоит в том, что в ней прослеживается тенденция отождествлять некоторое содержание, инстинктивные стремления Ид с определенным состоянием осознанности или неосознанности, с бессознательным, хотя Фрейд позаботился о том, чтобы развести понятия бессознательного и Ид. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что мы имеем дело с двумя совершенно разными понятиями: одно связано с некоторым набором инстинктивных импульсов, другое — с определенным состоянием восприятия — неосознаваемостью или осознаваемостью. Так уж случилось, что обычный человек в нашем обществе не осознает желание некоторых инстинктивных потребностей. Зато каннибал осознает желание вобрать в себя другое человеческое существо; человек с расстроенной психикой осознает то или иное архаическое желание, как, впрочем, и большинство из нас, в сновидениях. Что такое бессознательное, станет более ясным, если мы последовательно проведем разграничение между представлениями об архаическом содержании психики и о состоянии неосознаваемости, бессознательности.

Термин «бессознательное» — это, в сущности, мистификация (хотя его можно использовать из соображений удобства, что я, грешный, и делаю на этих страницах). Нет такой вещи, как бессознательное; есть только переживания, осознаваемые нами или не осознаваемые, т.е. бессознательное. Если я ненавижу человека, потому что боюсь его, и если я осознаю свою ненависть, но не

[11] Применение Юнгом термина «бессознательное» не способствовало избавлению от топографического подхода к этому понятию. Если для Фрейда бессознательное — это подвал, полный пороков, для Юнга бессознательное — это скорее пещера, наполненная первобытными и забытыми сокровищами человеческой мудрости (хотя и не только) и скрытая под процессом интеллектуализации.

страх, можно сказать, что моя ненависть осознана, а страх бессознателен; но это не значит, будто мой страх покоится в загадочном месте под названием «бессознательное».

Но мы вытесняем не только сексуальные импульсы или эмоции, вроде ненависти и страха; мы не допускаем до осознания и то, что могло бы вступить в противоречие с идеями и интересами, которые мы не хотели бы ставить под угрозу. Хорошие примеры такого рода вытеснения предлагает нам сфера международных отношений <...>. Мы находим здесь много случаев вытеснения из памяти общеизвестного <...>. Например, весной 1961 г., обсуждая Берлинский вопрос[12] с очень умным и знающим корреспондентом, я упомянул о том, что мы дали Хрущеву[13] основание считать, будто склоняемся к компромиссу в Берлинском вопросе в тех аспектах, которые обсуждались в 1959 г. на конференции министров иностранных дел в Женеве: о символическом сокращении вооруженных сил и прекращении антикоммунистической пропаганды из Западного Берлина. Корреспондент стал настаивать на том, что подобной конференции никогда не было, как не было и обсуждения подобных условий. Он совершенно вытеснил из сознания то, что знал менее двух лет назад. Вытеснение не всегда бывает столь радикальным, как в данном случае. Чаще вытеснение хорошо известного факта представляется вытеснением «потенциально известного». Примером такого механизма служит то, что миллионы немцев, включая многих ведущих политиков и генералов, заявляли, будто они не знали о наиболее страшных зверствах нацистов. Рядовые американцы склонны были подозревать (я говорю «были», поскольку во время написания этой книги немцы — уже наши ближайшие союзники, поэтому все представляется в ином свете, чем это было в то время, когда немцы еще были нашими врагами), что они, должно быть, лгут, потому что вряд ли они могли не видеть того, что творилось на их глазах. Те, кто так говорит, забывают, однако, человеческую способность не замечать того, что не хочется замечать, стало быть, они могут искренне отрицать нечто такое, что они знали бы, если бы только захотели узнать. (Г.С. Салливан[14] ввел очень удачное обозначение этого явления: «изби-

[12] В итоге Второй мировой войны г. Берлин был разделен на две зоны: Западный Берлин, получивший статус самоуправления и тесно связанный с капиталистической Федеративной Республикой Германии (ФРГ), и восточный Берлин, оставшийся столицей социалистической Германской Демократической Республики (ГДР). Для предотвращения массового бегства граждан ГДР между Западным и восточным Берлином в 1961 г. построили укрепленную и заминированную границу (буквально, стену) и заблокировали транспортные связи Западного Берлина с ФРГ, что и привело к конфликту, названному здесь Берлинским вопросом, который удалось разрешить мирным путем. — *Ред.-сост.*

[13] Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) — политический и государственный деятель, с 1953 по 1964 гг. занимавший высшие посты в Коммунистической партии и правительстве СССР. — *Ред.-сост.*

[14] Салливан (*Sullivan*) Гарри Стак (1892—1949) — американский психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

рательная невнимательность».) Другая форма вытеснения заключается в том, что одни аспекты события запоминаются, а другие забываются. Когда сегодня говорят о политике «умиротворения» в 30-е гг., то вспоминают о том, что Англия и Франция, опасаясь перевооружившейся Германии, старались удовлетворить требования Гитлера в надежде, что эти уступки побудят его не требовать больше. При этом забывается, однако, что консервативное правительство Англии, будь то правительство Болдуина[15] или Чемберлена[16], симпатизировало нацистской Германии, как, впрочем, и Италии времен Муссолини[17]. Если бы не эти симпатии, разве нельзя было остановить милитаризацию Германии задолго до того, как возникла необходимость в умиротворении; официальное унижение перед нацизмом явилось результатом политического раскола, а не его причиной. <...>

Подведем итог: центральным звеном мысли Фрейда было то, что человеческая *субъективность* в действительности определяется *объективными* факторами — по крайней мере, объективными по отношению к сознанию человека,— которые скрытно детерминируют его мысли и чувства, а косвенно — и поступки. <...> Но Фрейд не остановился на фаталистической ноте. <...> Он утверждал, что человек может осознать действующие за его спиной силы и что, осознавая их, он расширяет сферу свободы и способен превратиться из беспомощной игрушки, движимой бессознательной силой, в самосознающего и свободного человека, самостоятельно определяющего свою судьбу. Эту цель Фрейд выразил такими словами: «На месте Ид будет Эго».

Учение о бессознательных силах, определяющих сознание человека, и о совершаемом им выборе имеет давнюю традицию в западной философии, восходящую к XVII в. Спиноза был первым мыслителем, разработавшим понятие бессознательного. Он полагал, что люди «осознают свое желание, но не ведают причин, детерминировавших это желание». Другими словами, обычный человек несвободен, но живет с иллюзией свободы, поскольку им движут не осознаваемые им причины. Для Спинозы само существование бессознательной мотивации составляет основу человеческого рабства. Но он на этом не останавливался. Достижение свободы, с точки зрения Спинозы, базировалось на все возрастающем осознании действительного положения вещей внутри и вне человека. <...>

Маркс был тем автором, который, помимо Спинозы до него и Фрейда после него, внес наиболее значительный вклад в опровержение представления о доминирующем положении сознания. Возможно, он находился под влиянием

---

[15] Болдуин (*Baldwin*) Стэнли (1867—1947) — премьер-министр Великобритании в 1923—1929, 1935—1937 гг.; консерватор. — *Ред.-сост.*

[16] Чемберлен (*Chamberlain*) Невилл (1836—1940) — премьер-министр Великобритании в 1937—1940 гг.; консерватор. — *Ред.-сост.*

[17] Муссолини (*Mussolini*) Бенито (1883—1945) — вождь итальянских фашистов и глава правительства Италии с 1922 по 1943 г. — *Ред.-сост.*

Спинозы, чью «Этику» он изучил основательно. Важнее то, что решающее воздействие на мировоззрение Маркса оказала гегелевская философия истории, включавшая в себя концепцию о том, что человек, сам того не подозревая, является орудием истории. По Гегелю[18], именно «хитрость разума» заставляет человека быть носителем абсолютной идеи, хотя субъективно он руководствуется осознанными целями и индивидуальными страстями. В философии Гегеля отдельный человек с его сознанием — это марионетка на подмостках истории, а Идея (Бог) дергает ее за ниточки.

Спустившись с небес Гегелевской Идеи к земной человеческой деятельности, Маркс сумел дать гораздо более конкретное и точное объяснение функционированию человеческого сознания и объективных факторов, влияющих на него.

В «Немецкой идеологии» Маркс писал: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»,— и в этом положении он усматривал решающее различие между взглядами Гегеля и своими собственными. <...> Хотя человек верит, что идеи формируют социальную обстановку, в действительности все наоборот: социальная реальность формирует мысль[19]. Применяя гегелевскую теорию о «хитрости разума» к собственной концепции социальных классов, Маркс более определенно констатировал в «Немецкой идеологии», что класс достигает независимого существования над индивидами и вопреки тем, чье существование и личностное развитие предопределено их классовой принадлежностью.

Маркс рассмотрел связь между сознанием и языком и подчеркнул социальную природу сознания[20].

Хотя уже Маркс использовал в «Немецкой идеологии» термин «вытеснение» (*Verdrängung*) во фразе «грубо вытесняя обыкновенное, естественное влечение»[21], одна из наиболее блестящих последовательниц марксизма периода до 1914 г., Роза Люксембург[22], выразила марксистскую теорию об определяющем влиянии исторического процесса на человека прямо в психоаналитической терминологии. В работе «Ленинизм или марксизм» она писала, что бессознательное приходит раньше сознательного. Логика исторического процесса приходит раньше субъективной логики человеческих существ, участвующих в историческом процессе. Эта формулировка совершенно ясно выражает мысль Маркса. Человеческое сознание, т.е. «субъективный процесс», определяется

---

[18] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 24—25.

[20] Там же. С. 29.

[21] Там же. С. 254.

[22] Люксембург (*Luxemburg*, польск. *Luksemburg*) Роза (1871—1919) — одна из руководителей и теоретиков польской социал-демократии и основателей компартии Германии. — *Ред.-сост.*

«логикой исторического процесса», которую Р. Люксембург приравнивает к «бессознательному».

Может показаться, что бессознательное в трактовке Фрейда и Маркса — всего лишь общее слово. Однако, если мы проследим дальше Марксовы идеи по этому вопросу, мы откроем для себя, что в соответствующих теориях гораздо больше общего, хотя они отнюдь не идентичны.

В отрывке, предшествовавшем процитированному, где употреблен термин «вытеснение», Маркс воздал должное роли сознания в жизни индивида. Он говорит о том, что бессмысленно верить, будто «можно удовлетворить одну какую-нибудь страсть, оторванную от всех остальных, что можно удовлетворить ее, не удовлетворив вместе с тем *себя,* целостного живого индивида. Если эта страсть принимает абстрактный, обособленный характер <...> это зависит не от *сознания,* а от *бытия;* не от мышления, а от жизни <...>»[23]. В этом отрывке Маркс устанавливает противоположность между мышлением и жизнью, соответствующую противоположности между сознанием и бытием. Социальное окружение, о котором он говорил раньше, формирует бытие индивида и тем самым опосредованно — его мышление. (Этот отрывок интересен также и потому, что Маркс развивает здесь наиболее важную идею, относящуюся к проблеме психопатологии. Если человек удовлетворяет лишь одну отчужденную страсть, он, целостный человек, остается неудовлетворенным; его можно считать невротиком именно потому, что он стал рабом одной отчужденной страсти и утратил ощущение себя как целостной живой личности.) Маркс, как и Фрейд, полагал, что сознание человека в значительной мере «ложно». Человек верит, что его мысли принадлежат ему, что они — продукт *его* мыслительной деятельности, тогда как в действительности они определяются объективными факторами, действующими за его спиной; в теории Фрейда эти объективные силы представляют собой психологические и биологические потребности, в теории Маркса они представляют собой социальные и экономические исторические силы, определяющие бытие индивида и, косвенно, его сознание. <...>

До сих пор я старался показать, как, по мысли Маркса, общественное бытие определяет общественное сознание. Но Маркс не был «детерминистом», как часто утверждают. Его позиция очень сходна с позицией Спинозы. <...> И для Спинозы, и для Маркса цель жизни — освобождение от рабства, и путь осуществления этой цели — в преодолении иллюзий и в полном использовании наших деятельностных сил. Позиция Фрейда в значительной мере та же; но он меньше говорил о свободе в противовес рабству, чем о душевном здоровье в противовес душевному заболеванию. Он тоже видел, что человек детерминирован объективными факторами (либидо[24] и своей судьбой), но он думал, что человек может преодолеть эту детерминацию, преодолевая иллюзии, пробуждаясь к реальнос-

---

[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 252—253.

[24] *Либи́до* — гипотетическая форма психической энергии, источником которой является тело, или Ид (Оно). — *Ред.-сост.*

ти, осознавая то, что реально, но не осознано. Как врач, Фрейд руководствовался тем, что осознание бессознательного — это путь к излечению душевных заболеваний. Как социальный философ, он верил в тот же принцип: только если мы осознаем реальность и преодолеем свои иллюзии, мы сможем достичь оптимального состояния, чтобы справиться с жизнью. Пожалуй, наиболее ясно Фрейд выразил эти идеи в работе «Будущее одной иллюзии»: «Кто не страдает от невроза, тот, возможно, не нуждается в наркотических средствах анестезирования. Конечно, человек окажется тогда в трудной ситуации, он должен будет признаться себе во всей своей беспомощности, в своей ничтожной малости внутри мирового целого, раз он уже не центр творения, не объект нежной заботы благого провидения. Он попадет в ситуацию ребенка, покинувшего родительский дом, где было так тепло и уютно. Но разве не верно, что инфантилизм подлежит преодолению? Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в "чуждый свет". Мы можем назвать это "воспитанием чувства реальности" <...>»[25].

Для Маркса осознание иллюзий — это условие свободы и человеческой деятельности. Он блестяще выразил эту идею в ранних произведениях, анализируя функции религии: «*Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества <...> Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа.

Упразднение религии, как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях*»[26].

Как может человек добиться избавления от иллюзий? Маркс думал, что этой цели можно будет достичь путем реформы сознания[27].

Концепции Маркса и Фрейда не исключают друг друга. Это именно потому, что Маркс исходит из признания реальных действующих людей на основе их реальной жизни, включая, конечно, биологические и психологические условия. Маркс считал, что сексуальное побуждение существует при любых обстоятельствах и может измениться под воздействием социальных условий лишь в том, что касается его формы и направления.

И хотя теорию Фрейда можно было бы некоторым образом включить в теорию Маркса, два фундаментальных различия сохраняются между ними. Для Маркса человеческое существо и его сознание определяются структурой общества, частью которого он является; для Фрейда общество воздействует на человеческое существо, в большей или меньшей степени вытесняя присущие ему физиологические и биологические механизмы. Из этого первого различия вытекает второе: Фрейд верил, что человек может преодолеть вытеснение без со-

[25] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 136.

[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 415.

[27] См.: Там же. С. 381.

циальных изменений. Маркс же был первым мыслителем, осознавшим, что реализация универсального и полностью пробудившегося человека может произойти только вместе с общественными изменениями, которые приведут к созданию новой, подлинно человеческой экономической и социальной организации человечества. <...>

Для того чтобы переживание дошло до осознания, его надо осмыслить в категориях, организующих сознательное мышление. Я могу осознать любое событие как внутри, так и вне меня, только когда его можно включить в систему категорий, с помощью которой я постигаю действительность. Некоторые категории, такие как время и пространство, могут быть универсальными, общими для всех людей. Другие, такие, как причинность, могут быть действительными для многих, но не для всех форм осознанного восприятия. Есть категории и еще меньшей степени общности, которые разнятся от одной культуры к другой. К примеру, в доиндустриальном обществе люди могут не осмысливать некоторые вещи в терминах рыночной стоимости, тогда как в индустриальной системе они это делают. Однако переживание может дойти до осознания только при условии, что его можно постичь, соотнести и упорядочить в рамках концептуальной системы с помощью ее категорий. Эта система сама по себе является результатом общественного развития. Благодаря особенностям практической жизни, а также благодаря специфике отношений, чувств и восприятий каждое общество развивает систему категорий, детерминирующую формы осознания. Эта система работает как социально обусловленный фильтр: переживание не может стать осознанным, пока не пройдет сквозь этот фильтр.

Проблема в том, чтобы понять более конкретно, как работает этот «социальный фильтр» и как получается, что он позволяет некоторым переживаниям пройти сквозь него, в то время как другие не пропускаются в сознание.

Прежде всего нам следует уяснить, что многие переживания не так-то легко воспринимаются сознанием. Пожалуй, боль — это физическое переживание, наиболее доступное для осознанного восприятия; столь же легко постигаются сексуальные желания, голод и прочее; совершенно очевидно, что все ощущения, соответствующие индивидуальному или групповому выживанию, легко доступны для осознания. Но когда это касается более тонких и сложных переживаний, как, например: «Любуюсь розовым бутоном рано поутру и капелькой росы на нем, пока воздух еще свеж, солнце восходит и птицы щебечут»,— это переживание без труда осознается в некоторых культурах (например, в Японии), в то время как в современной западной культуре то же самое переживание обычно не проходит в сознание, потому что оно не настолько «важно» и «событийно», чтобы его заметить. Достигнет ли осознания тонкое впечатляющее переживание, зависит от того, насколько подобные переживания культивируются в данном обществе. Существует масса эмоциональных переживаний, для выражения которых в данном языке нет подходящих слов, зато в другом — обилие слов, выражающих те же чувства. Если в язы-

ке нет специальных слов для выражения различных эмоциональных переживаний, то практически невозможно довести чье-либо переживание до ясного осознания. В общем, можно сказать, что переживания, для которых в языке нет подходящих слов, редко проходят в сознание.

Это замечание особенно уместно в связи с такими переживаниями, которые не подпадают под нашу интеллектуально-рациональную схему вещей. <...> Видимо, в языке тех народов, которые меньше, чем мы, акцентируют интеллектуальный аспект переживания, больше слов, выражающих чувства как таковые, тогда как наши современные языки имеют тенденцию выражать только такие чувства, которые способны выдержать испытание логикой. Между прочим, это явление составляет одну из наибольших трудностей для динамической психологии[28]. Наш язык не обеспечивает нас словами, необходимыми для описания многих внутренних переживаний, не соответствующих схеме наших мыслей. Поэтому психоанализ в действительности не имеет в своем распоряжении адекватного языка. Он мог бы поступить так, как сделали некоторые другие науки, и использовать символы для обозначения некоторых сложных чувств. <...> Если же не пользоваться абстрактными символами, то, как это ни парадоксально, наиболее адекватным научным языком для психоанализа действительно является язык символизма, поэзии или ссылок на мифологические сюжеты. (Фрейд часто выбирал последний способ.) Но если психоаналитик думает, будто может остаться на научной позиции, используя специальные термины нашего языка для обозначения эмоциональных состояний, он вводит себя в заблуждение и говорит об абстракциях, не соответствующих реальности чувственного опыта.

Но это только один аспект фильтрующей функции языка. Языки различаются не только разнообразием слов, употребляемых для обозначения некоторых эмоциональных переживаний, но также и синтаксисом, и грамматикой, корневыми значениями слов. Язык как целое выражает отношение к жизни и является в некотором роде застывшим выражением чувственной жизни. <...>

Другой аспект фильтра, делающий возможным осознание, представлен логикой, направляющей мышление людей в данной культуре. Подобно тому как большинство людей полагают, что их язык — «естествен», а другие языки просто используют другие слова для обозначения тех же самых вещей, они также полагают, что принципы, определяющие правильное мышление,— естественны и универсальны; то, что нелогично в одной культурной системе, нелогично и в любой другой, поскольку противоречит «естественной» логике. Хорошим примером этому служит различие между аристотелевской и парадоксальной логикой.

Аристотелевская логика базируется на законе тождества, устанавливающем, что А есть А; на законе противоречия (А не есть не-А) и законе исключенного третьего (А не может быть А и не-А, как и не-А и не не-А одновременно).

---

[28] *Динамическая психология* — общее названия теоретических подходов и систем, акцент в которых ставится на мотивации, т.е. на факторах, движущих и поддерживающих деятельность животных и человека. — *Ред.-сост.*

Аристотель[29] выразил это так: «Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении <...> — это, конечно, самое достоверное из всех начал <...>» [30].

Противоположностью аристотелевской логике является то, что можно было бы назвать *парадоксальной* логикой, которая допускает, что А и не-А не исключают друг друга в качестве предикатов X. Парадоксальная логика преобладала в мышлении Китая и Индии, в философии Гераклита[31] и затем снова под именем диалектики — в умозаключениях Гегеля и Маркса <...>

Пока человек живет в обществе, где правильность аристотелевской логики не вызывает сомнений, ему чрезвычайно трудно, если только вообще возможно, осознать переживания, противоречащие логике Аристотеля и, стало быть, бессмысленные с точки зрения данной культуры. Хороший тому пример — Фрейдова концепция амбивалентности, согласно которой утверждается, что можно испытывать и любовь, и ненависть по отношению к одному и тому же человеку в одно и то же время. Это переживание, совершенно «логичное» с точки зрения парадоксальной логики, лишено смысла с точки зрения логики Аристотеля. В результате большинству людей чрезвычайно трудно осознать амбивалентные чувства. Если они осознают любовь, они не могут осознать ненависть, поскольку было бы абсолютно бессмысленно испытывать два противоречащих друг другу чувства в одно и то же время и к одному и тому же человеку.

В то время как язык и логика — это части социального фильтра, затрудняющие или даже исключающие возможность того, чтобы переживание проникло в сознание, третья — и наиболее важная — часть социального фильтра та, которая *не позволяет* определенным чувствам достичь сознания и имеет тенденцию выталкивать их из этой области, если они ее достигли. Это делается с помощью социальных табу[32], которые объявляют некоторые идеи и чувства непристойными, запретными, опасными и которые пресекают достижение ими уровня сознания.

Введением в обозначенную здесь проблему может послужить пример, взятый из жизни первобытного племени. Допустим, в воинственном племени, члены которого живут убийством и грабежом людей из других племен, нашелся бы человек, испытывающий отвращение к убийству и грабежу. Но в высшей степени маловероятно, что он осознает это чувство, поскольку оно было бы несовместимо с жизнью всего племени; осознать это чувство означало бы опасность подвергнуться полной изоляции и остракизму[33]. Поэтому у человека с подобным чувством отвращения, скорее всего, стал бы развиваться психосома-

---

[29] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[30] *Аристотель.* Метафизика // *Аристотель.* Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 125.

[31] Гераклит (ок. 540—480 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[32] *Табу* — строгий запрет. — *Ред.-сост.*

[33] *Остракизм* — изгнание, гонение. — *Ред.-сост.*

тический симптом, например рвота как замена проникновения в сознание чувства отвращения. <...>

Другой пример: допустим, современный «человек организации» чувствует, что его жизнь лишена смысла, что ему опротивело то, чем он занимается, что ему не хватает свободы делать и думать так, как он считает нужным, что он гонится за призраком счастья, который никогда не осуществится. Но если бы он осознал подобные чувства, это сильно помешало бы ему в выполнении им надлежащих социальных функций. Поэтому такое осознание создало бы реальную опасность для общества в том виде, как оно организовано; а в результате это чувство вытесняется. <...> Иррациональность любого из данных обществ выливается в необходимость для его членов вытеснять осознание многих их чувств и наблюдений. Эта необходимость тем больше, чем меньше общество представляет интересы всех своих членов. Греческое общество не претендовало на то, чтобы осуществить интересы всех людей. Рабы, даже согласно Аристотелю, не были полноценными человеческими существами; и в этом отношении и свободным гражданам, и рабам не столь уж много приходилось вытеснять. Но для обществ, претендующих на заботу о благосостоянии всех, эта проблема по-настоящему существует, если у них этого не получается. На протяжении всей истории человечества, за исключением, пожалуй, нескольких примитивных обществ, стол всегда был накрыт лишь для немногих, а подавляющее большинство не получало ничего, кроме оставшихся крох. Если бы большинство полностью осознало, что оно обмануто, поднялось бы негодование, угрожающее существующему строю. Поэтому такие мысли должны были вытесняться, а те, в ком процесс вытеснения не прошел в должной мере, рисковали своей жизнью и свободой.

Наиболее революционное изменение в наше время заключается в том, что все народы мира открыли глаза и осознали свое желание иметь достойную, материально обеспеченную жизнь и что люди обнаружили специальные средства для выполнения этого желания. В западном мире и в Советском Союзе потребуется относительно короткий период, чтобы достичь этой стадии, тогда как для промышленно отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки потребуется гораздо больше времени.

Означает ли это, что в богатых, промышленно развитых странах почти не существует уже потребности в вытеснении? Среди большинства людей широко распространена подобная иллюзия, однако это не так. Эти общества тоже демонстрируют много противоречий и иррациональностей. Есть ли смысл тратить миллионы долларов на хранение излишков сельскохозяйственной продукции, когда миллионы людей в мире голодают? Есть ли смысл тратить половину национального бюджета на оружие, которое разрушит нашу цивилизацию, если его использовать? <...> Есть ли смысл выражать негодование по адресу систем, не допускающих свободы слова и политической деятельности, когда точно такие же — а то и хуже — системы мы называем «свободолюбивыми», если только они являются нашими военными союзниками. <...> Мы могли бы на многих страницах продолжать описание иррациональностей, вымыслов и противоречий на-

шего западного образа жизни. Тем не менее все эти несообразности принимаются как сами собой разумеющиеся и даже едва ли замечаются. Вне всяких сомнений, этим мы обязаны отсутствию способности критической самооценки; мы совершенно ясно видим эти несообразности и противоречия у своих противников, но отвергаем применение рациональной и критической оценки к самим себе.

Вытеснение осознания фактов дополняется, как и следовало ожидать, многочисленными вымыслами. Провалы, возникшие из-за того, что мы отказываемся видеть многие вещи вокруг нас, должны быть заполнены так, чтобы у нас получилась связанная картина. Что же это за идеологемы, переполняющие нас? И хотя их очень много, я упомяну лишь некоторые из них: мы христиане; мы индивидуалисты; у нас мудрые лидеры; мы хорошие; наши враги (кто бы ими ни оказался на данный момент) плохие; наши родители любят нас, а мы любим их и т.д. Советский Союз создал другой набор идеологем: они марксисты; у них социалистическая система; она выражает волю людей; у них мудрые руководители, которые работают на благо человечества; стремление к выгоде в их обществе — это «социалистическое» стремление к выгоде, отличное от «капиталистического»; их уважение к собственности относится к «социалистической» собственности и совершенно отличается от уважения к «капиталистической» собственности и т.д. Родители, школа, церковь, кино, телевидение, газеты с самого детства обрушивают на людей все эти идеологические положения, и они настолько овладевают умами людей, как если бы они были результатом их самостоятельного мышления или наблюдения. Если этот процесс происходит в противостоящем нам обществе, мы его называем «промыванием мозгов», не в таких крайних формах — «внушением» или «пропагандой»; если же у нас — мы называем его «обучением» и «информацией». И хотя верно, что общества различаются по степени осознания и «промывания мозгов», и хотя западный мир в этом отношении все-таки лучше, чем советский, разница не настолько велика, чтобы основательно противопоставлять их представления, состоящие из смеси вытесненных фактов и допущенных вымыслов.

Почему же люди вытесняют осознание того, что при других обстоятельствах они бы осознали? Несомненно, основная причина — страх. Но страх чего? Страх кастрации, как полагал Фрейд? Но мы не располагаем достаточными свидетельствами, чтобы верить этому. Или это боязнь быть убитым, посаженным в тюрьму, страх перед голодом? Это может прозвучать убедительно, если иметь в виду репрессии, совершаемые в странах, практикующих террор и притеснения. Если же этого нет, придется искать дальше. Нет ли более утонченных видов страха, которые порождало бы общество, подобное нашему? Давайте представим себе молодого руководителя или инженера крупной корпорации. Если у него есть «нездоровые» мысли, возможно, он постарается вытеснить их, чтобы не оказаться без повышения, которое получают другие. Само по себе это не было бы трагедией, если бы не то, что он сам, его жена и друзья сочтут его «неудачником», если он отстанет в соревновательной гонке. Так страх прослыть неудачником может стать достаточным основанием для вытеснения.

Однако есть еще один и, я думаю, наиболее сильный мотив для вытеснения: боязнь изоляции и остракизма.

Для человека, насколько он *человек* — т.е. насколько он превосходит природу и осознает себя и свою смертность,— чувство полного одиночества и обособленности близко к умопомешательству. Человек как человек боится безумия, а человек как животное боится смерти. Человеку нужно поддерживать отношения с другими людьми, обрести единство с ними, чтобы остаться в здравом уме. Эта потребность быть вместе с другими является сильнейшей страстью, более сильной, чем секс, а часто даже более сильной, чем желание жить. Боязнь изоляции и остракизма в большей мере, чем «страх кастрации», заставляет людей вытеснять из сознания то, что является табу, поскольку его осознание означало бы, что человек не такой, как все, особый, и, значит, он будет изгнан из общества. Поэтому индивид должен закрыть глаза на то, что группа, к которой он принадлежит, объявляет несуществующим, или принять за истину то, что большинство считает истинным, даже если бы его собственные глаза убеждали его в обратном. Для индивида настолько жизненно важна стадность, что стадные взгляды, верования, чувства составляют для него большую реальность, чем то, что подсказывают ему собственные чувства и разум. <...> То, что человек считает правильным, действительным, здравым,— это принятые в данном обществе клише[34], и все, что не подпадает под эти клише, исключается из сознания, остается бессознательным. Нет, пожалуй, ничего такого, во что бы человек не поверил или от чего бы не отказался под угрозой остракизма, будь она внутренней или внешней. Возвращаясь к боязни утратить самотождественность, о которой я говорил раньше, я хочу подчеркнуть, что для большинства людей их тождественность обычно уходит своими корнями в их подчиненность социальным клише. «Они» есть те, кем они считают себя, поэтому боязнь остракизма включает в себя страх утратить тождественность, и эта-то комбинация двух страхов оказывает наиболее сильное воздействие.

Концепция остракизма как основания для вытеснения могла бы привести к довольно безнадежному взгляду, согласно которому каждое общество может обесчеловечить и деформировать человека, как ему заблагорассудится, потому что каждое общество всегда может пригрозить ему изгнанием. Но допустить это означало бы упустить из виду следующее. Человек — не только член общества, но также и представитель человеческого рода. Хотя человек боится полной изоляции от своей социальной группы, он также боится оказаться изолированным от человечества, которое представлено в нем самом его совестью и разумом. Перспектива оказаться полностью обесчеловеченным пугает даже тогда, когда во всем обществе приняты бесчеловечные нормы поведения. Чем гуманнее общество, тем меньше потребность для индивида выбирать между изоляцией от общества и изоляцией от человечества. Чем острее конфликт между целями общества и человека, тем сильнее разрывается индивид между

[34] *Клише* — здесь: общепринятые, образцовые или шаблонные мнения. — *Ред.-сост.*

двумя опасными полосами изоляции. До какой степени человек чувствует свое единство с человечеством благодаря интеллектуальному и духовному развитию, настолько он способен вынести социальный остракизм, и наоборот. Возможность действовать по совести зависит от того, насколько человек преодолел ограниченность своего общества и стал гражданином мира.

Обычный человек не позволяет себе осознавать мысли или чувства, несовместимые с принятыми в данной культуре образцами, и поэтому вынужден вытеснять их. Следовательно, с точки зрения *формы,* что бессознательно, а что сознательно, зависит от структуры общества и от созданных в нем образцов чувств и мыслей. Что же касается *содержания* бессознательного, то здесь невозможны обобщения. Одно можно утверждать: оно всегда представляет целостного человека со всеми его потенциальными наклонностями к тьме и свету; оно всегда составляет основу для различных ответов, которые способен дать человек на вопрос, поставленный самим существованием. В крайне регрессивных культурах, повернувшихся вспять к животному существованию, именно это желание является преобладающим и осознанным, тогда как все стремления вырваться за пределы этого уровня вытесняются. В культуре, перешедшей от регресса к духовно-прогрессивной цели, остаются бессознательными силы, представляющие темное начало в человеке. Но в любой культуре человек содержит в себе все возможности: он и архаичный человек, хищный зверь, людоед, идолопоклонник, но он и существо, способное к разуму, любви, справедливости. Значит, содержание бессознательного — не добро и не зло, не рациональное и не иррациональное, оно и то, и другое, все человеческое. ***Бессознательное — это целостный человек за вычетом той его части, которая соответствует особенностям его общества.*** Сознание представляет социального человека, случайные ограничения, наложенные исторической ситуацией, в которую заброшен человек. Бессознательное представляет универсального человека, целостного человека, истоки которого в космосе; оно представляет прошлое, восходящее к заре человеческого существования, и его будущее вплоть до того дня, когда человек станет человечным в полном смысле слова, когда природа гуманизируется, а человек «натурализируется». Осознать чье-то бессознательное — значит соприкоснуться с воплощенной в нем человечностью и устранить преграды, которые общество устанавливает в каждом человеке и, следовательно, между человеком и его ближним. Полностью достичь этой цели — дело трудное и не всегда осуществимое, но приблизить ее — по силам каждому человеку, ибо приводит она к избавлению человека от социально обусловленного отчуждения от самого себя и от человечества. Национализм и страх перед всем иностранным противоречат гуманистическому опыту, приобретенному благодаря осознанию бессознательного.

Какие факторы делают социальное бессознательное более или менее осознанным? Прежде всего, совершенно ясно, что индивидуальный опыт порождает различия. Сын авторитарного отца, восставший против отцовского авторитета, но несокрушенный, будет лучше подготовлен к тому, чтобы видеть социальные рационализации насквозь и осознавать социальную реальность,

остающуюся неосознанной для большинства. Сходным образом члены расовых, религиозных или социальных меньшинств часто менее склонны верить в социальные клише; это также верно для представителей эксплуатируемого и страдающего класса. Но такое положение класса ни в коем случае не делает индивида более критичным и независимым. Зачастую его социальный статус не обеспечивает ему безопасности и делает более склонным принимать стереотипы большинства, чтобы стать приемлемым для него и почувствовать себя уверенно.

В дополнение к этим факторам существуют и чисто социальные, которые определяют, насколько сильно сопротивление осознанию социальной реальности. Если общество или класс лишены возможности использовать свои прозрения, потому что объективно у них нет надежды на изменение к лучшему, скорее всего, все люди в таком обществе стали бы настаивать на своих домыслах, поскольку осознание истины привело бы к ухудшению их самочувствия. Приходящие в упадок общества и классы обычно наиболее яростно держатся за свои вымыслы, ибо от знания истины они ничего не получат. Напротив, общества и классы, уверенные в том, что их ждет лучшее будущее, предлагают меры, облегчающие осознание действительности, особенно если это самое осознание поможет им произвести необходимые изменения. Хороший тому пример — класс буржуазии в XVIII в. Еще до того, как он завоевал политическое господство над классом аристократов, он отбросил многие вымыслы прошлого и выработал новый взгляд на социальные реалии прошлого и настоящего. Авторы — представители средних слоев — смогли прорваться сквозь иллюзии феодализма, потому что им не нужны были эти фикции; наоборот, им помогала правда. Когда буржуазия основательно укрепилась и стала бороться против атак со стороны рабочего класса, а позже — и колониальных народов, положение изменилось: представители средних классов отказались видеть социальную действительность как она есть, представители же передовых новых классов оказались более склонными обходиться без иллюзий. Очень часто, однако, люди, развивавшие взгляды в поддержку борющихся за свободу социальных групп, происходили из тех самых классов, против которых они боролись. Во всех случаях необходимо учитывать индивидуальные обстоятельства, которые настроили человека критично относительно собственной социальной группы и поставили его на сторону группы, к которой он не принадлежит по рождению.

Социальное и индивидуальное бессознательное взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии. Действительно, как показано в последнем исследовании, бессознательность и осознанность неразделимы. Имеет значение не столько содержание вытесняемого, сколько состояние разума индивида, или, точнее, степень его бодрствования и реализма. Если человек данного общества не в состоянии осмыслить социальную реальность, а вместо этого заполняет ум выдумками, его способность понять реальность, касающуюся его самого, его семьи или друзей, тоже ограничена. Он живет в состоянии полубодрствования, готовый принять предложения со всех сторон и поверить, что предложенные ему вымыслы — правда. <...>

Фрейд по преимуществу занимался раскрытием индивидуального бессознательного. Хотя он предполагал, что общество принуждает человека к вытеснению, имелось в виду вытеснение инстинктивных сил, а не социальное вытеснение, которое в действительности означает недопущение осознания социальных противоречий, вызванных обществом страданий, падения авторитета, чувств недомогания и неудовлетворенности и т.д. Проведенный Фрейдом анализ показал, что до известной степени индивидуальное бессознательное можно сделать осознанным, не затрагивая социального бессознательного. Однако из уже изложенных посылок вытекает, что любая попытка устранить вытеснение, исключая социальную сферу, неизбежно окажется ограниченной. Полное осознание вытесненного возможно только в том случае, если оно выходит за пределы индивидуальной сферы и включает в себя анализ социального бессознательного. Основания для подобного утверждения вытекают из вышесказанного. Пока человек не в состоянии превзойти свое общество и увидеть, как оно способствует либо препятствует разворачиванию человеческих потенций, он не сможет полностью слиться со своей собственной человечностью. Социально обусловленные табу и ограничения должны казаться ему «естественными», а человеческая природа вынуждена проявляться в извращенных формах до тех пор, пока он не поймет, что общество, в котором ему довелось жить, искажает человеческую природу. Если раскрытое бессознательное свидетельствует, что опыт достиг уровня человечности, тогда действительно он не может ограничиться индивидом, его надо продлить до обнаружения социального бессознательного. Это включает в себя понимание социальной динамики и критическую оценку собственного общества с точки зрения универсальных человеческих ценностей. Само проникновение в общество, данное нам Марксом, является условием осознания социального бессознательного, а значит, и полного пробуждения («устранения вытеснения») индивида. Если признать, что «на месте Ид должно быть Эго», то гуманистический социальный критицизм — необходимое для этого предварительное условие. В противном случае человек осознает лишь некоторые стороны индивидуального бессознательного, в других же аспектах он вряд ли пробудится как целостный человек больше, чем остальные. Необходимо, однако, добавить, что не только критическое осмысление общества важно для аналитического понимания человеком самого себя, но и наоборот — аналитическое осмысление индивидуального бессознательного тоже важный вклад в понимание общества. Только если человек прочувствовал размах бессознательного в своей личной жизни, он может полностью оценить, как это возможно, чтобы общественная жизнь определялась идеологиями, не являющимися ни правдой, ни ложью, или, иначе говоря, и правдой, и ложью — правдой в том смысле, что человек искренне верит в них; ложью в том смысле, что они представляют собой рационализации, призванные скрывать подлинные мотивы социальных и политических действий.

Как бы ни взаимодействовали индивидуальное и социальное бессознательное, но, если мы сопоставим соответствующие концепции Фрейда и Маркса о

вытеснении в плане социального развития, мы обнаружим серьезное противоречие. Для Фрейда, как мы уже указывали, развитие цивилизации означает увеличение вытеснения, следовательно, общественное развитие приведет не к исчезновению вытеснения, а скорее к его усилению. Для Маркса же вытеснение — это в основном результат противоречий между потребностью в полном развитии человека и данной социальной структурой, и поэтому полностью развитое общество, без эксплуатации и классовых конфликтов, не нуждается в идеологиях и может обходиться без вытеснения. В полностью гуманизированном обществе не должно быть потребности в вытеснении, а значит, не должно быть социального бессознательного. По Фрейду, вытеснение усиливается; по Марксу, — уменьшается в ходе общественного развития.

Есть еще одно различие между мыслью Фрейда и Маркса, которое не было достаточно подчеркнуто. Хотя я уже показал сходство между «рационализацией» и «идеологией», необходимо указать на их различие. С помощью рационализации человек старается представить дело так, как если бы поступок вызывался разумными и моральными мотивами, тем самым скрывая то, что он вызван мотивами, противоречащими осознанному мышлению человека. Рационализация — это преимущественно притворство, и ее единственная негативная функция состоит в том, чтобы позволить человеку плохо поступать, не осознавая, что он действует неразумно или аморально. Идеология выполняет сходную функцию, но в одном пункте есть существенное отличие. Возьмем для примера христианское учение: учение Христа, идеалы смирения, братской любви, справедливости, милосердия и прочее были теми подлинными идеалами, которые так воздействовали на сердца людей, что те были готовы пожертвовать жизнью ради этих идеалов. Однако на протяжении истории эти идеалы использовались и для того, чтобы служить рациональным прикрытием прямо противоположным целям. Истреблялись независимые и мятежные умы, крестьян эксплуатировали и угнетали, благословляли войны, поощряли ненависть к врагу — и все это делалось во имя тех же самых идеалов. В данном случае идеология не отличалась от рационализации. Но история свидетельствует, что у идеологии есть и своя жизнь. Хотя слова Христа использовались неправильно, они продолжали жить, они сохранялись в памяти людей, и снова и снова их принимали близко к сердцу и опять преобразовывали из идеологии в идеалы. Это происходило в протестантских сектах до и после Реформации[35]; это происходит и сегодня у той меньшей части протестантов и католиков, которая борется за мир и против ненависти в мире, которая исповедует христианские идеалы, хотя и использует их в качестве идеологии. То же самое можно сказать об «идеологизации» буддийских идей, гегелевской философии, марксистской мысли. Задача критики не в том, чтобы осуждать идеалы, а в том, чтобы показать, как они трансформируются в идеологии, и бросить вызов идеологии во имя поруганного идеала.

---

[35] *Реформация* — общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Центральной Европе XVI в., носившее в своей основе антифеодальный характер и принявшее форму борьбы против католической церкви.— *Ред.-сост.*

Д.Н. Узнадзе

Экспериментальные основы психологии установки*

Введение

Все многообразие явлений нашей психической жизни в основном распадается на три отличающиеся друг от друга группы: познание, чувство и воля, представляющие три основные, наиболее традиционные единицы обычной классификации явлений душевной жизни. Конечно, в истории нашей науки известна не одна попытка группировать душевные явления и на иных основах, но традиционная классификация до настоящего времени доминирует.

И вот, естественно, возникает вопрос: что же является спецификой всех этих групп, спецификой, делающей их основными категориями явлений душевной жизни? По-видимому, лишь то, что все эти процессы без исключения являются *сознательными* психическими переживаниями. Познание, например, так же как и чувство или воля, одинаково относится к категории явлений сознания. Субъект, переживающий какой-нибудь познавательный акт или какое-нибудь эмоциональное содержание или совершающий какой-либо волевой поступок, сопровождает все эти переживания определенными актами, делающими их вполне *сознательными* психическими содержаниями. С этой точки зрения, нет сомнения, что психика и сознание вполне покрывают друг друга: все психическое сознательно, и то, что сознательно, является по необходимости и психическим. <...>

Но если допустить, что психика не представляет из себя раз навсегда данной, неразвивающейся сущности, а проходит ряд ступеней своего становления, то не будет оснований полагать, что она существует вообще лишь в тех формах, в которых открывается сознанию, т.е. в формах сознательных процессов. Скорее, наоборот, придется принять, что ступени сознательных психических про-

---

* *Узнадзе Д.Н.* Теория установки. М.: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. С. 146, 151—165, 199—203.

цессов по необходимости предшествует активность психики, протекающая без всякого участия сознания, что существует, так сказать, досознательная ступень развития психики. <...>

Спрашивается, что же представляет собой конкретно эта досознательная ступень психического развития?

Этот вопрос — существенно важный для психологической науки — может быть разрешен лишь на базе конкретного психологического исследования. Однако до настоящего времени на это не обращали должного внимания, и среди достижений нашей науки мы не находим ничего, что можно было бы использовать непосредственно для его разрешения. Вопрос, по существу, ставится впервые, и в дальнейшем мы попытаемся на него ответить. Мы увидим, что предшествующей сознанию ступенью развития психики является *установка,* к изучению которой мы и переходим непосредственно.

Общее учение об установке

Постановка проблемы установки

1. Иллюзия объема. Возьмем два разных по весу, но совершенно одинаковых в других отношениях предмета — скажем, два шара, которые отчетливо отличались бы друг от друга по весу, но по объему и другим свойствам были бы совершенно одинаковы. Если предложить эти шары испытуемому с заданием сравнить их между собой по объему, то, как правило, последует ответ: более тяжелый шар — меньше по объему, чем более легкий. Причем иллюзия эта обычно выступает тем чаще, чем значительнее разница по весу между шарами. Нужно полагать, что иллюзия здесь обусловлена тем, что с увеличением веса предмета обычно увеличивается и его объем, и вариация его по весу, естественно, внушает субъекту и соответствующую вариацию его в объеме.

Но экспериментально было бы продуктивнее разницу объектов по весу заменять разницей их по объему, т.е. предлагать повторно испытуемому два предмета, отличающихся друг от друга по объему, причем один (например, меньший) — в правую, а другой (больший) — в левую руку. Через определенное число повторных воздействий (обычно через 10—15 воздействий) субъект получает в руки пару равных по объему шаров с заданием сравнить их между собой. И вот оказывается, что испытуемый не замечает, как правило, равенства этих объектов; наоборот, ему кажется, что один из них явно больше другого, причем в преобладающем большинстве случаев в направлении *контраста*, т.е. большим кажется ему шар в той руке, в которую в предварительных опытах он получал меньший по объему шар. При этом нужно заметить, что явление это выступает в данном случае значительно сильнее и чаще, чем при предложении неодинаковых по весу объектов. Бывает и так, что объект кажется большим в другой руке, т.е. в той, в которую испытуемый получал больший по объему шар. В этих случаях мы говорим об *ассимилятивном* феномене. Так возникает иллюзия объема.

Но объем воспринимается не только гаптически [т.е. наощупь. — *Ред.-сост.*], как в этом случае; он оценивается и с помощью зрения. Спрашивается, как обстоит дело в этом случае.

Мы давали испытуемым на этот раз тахистоскопически[1] пару кругов, из которых один был явно больше другого, и испытуемые, сравнив их между собою, должны были указать, какой из них больше. После достаточного числа (10—15) таких однородных экспозиций мы переходили к критическим опытам — экспонировали тахистоскопически два равновеликих круга, и испытуемый, сравнив их между собою, должен был указать, какой из них больше.

Результаты этих опытов оказались следующие: испытуемые воспринимали их иллюзорно; причем иллюзии, как правило, возникали почти всегда по контрасту. Значительно реже выступали случаи прямого, ассимилятивного характера. Мы не приводим здесь данных этих опытов[2]. Отметим только, что число иллюзий доходит почти до 100 % всех случаев.

2. Иллюзия силы давления. Но, наряду с иллюзией объема, мы обнаружили и целый ряд других аналогичных с ней феноменов и прежде всего иллюзию давления[3].

Испытуемый получает при посредстве барестезиометра[4] одно за другим два раздражения — сначала сильное, потом сравнительно слабое. Это повторяется 10—15 раз. Опыты рассчитаны на то, чтобы упрочить в испытуемом впечатление данной последовательности раздражений. Затем следует так называемый критический опыт, который заключается в том, что испытуемый получает для сравнения вместо разных два одинаково интенсивных раздражения давления.

Результаты этих опытов показывают, что испытуемому эти впечатления, как правило, кажутся не одинаковыми, а разными, а именно: давление в первый раз ему кажется более слабым, чем во второй раз. Таблица 1, включающая в себя результаты этих опытов, показывает, что число таких восприятий значительно выше, чем число адекватных восприятий.

Нужно заметить, что в этих опытах, как и в предыдущих, мы имеем дело с иллюзиями как противоположного, так и симметричного характера: чаще всего встречаются иллюзии, которые сводятся к тому, что испытуемый оценивает предметы критического опыта, т.е. равные экспериментальные раздражители как неодинаковые, а именно: раздражение с той стороны, с которой в предварительных опытах он получал более сильное впечатление давления, он расце-

---

[1] *Тахистоскопически* — т.е. с помощью специального прибора — тахистоскопа, позволяющего экспонировать зрительные объекты в течение определенных и кратковременных (от нескольких миллисекунд до нескольких десятков миллисекунд) интервалов времени. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Usnadze D.* Über die Gewichtsteuschung und ihre Analoga // Psycal. For. 1931. B. XIV.

[3] См.: *Узнадзе Д.* Об основном законе смены установки // Психология. 1930. Вып. 9.

[4] *Барестезиометр* — прибор для исследования чувствительности к механическому давлению. — *Ред.-сост.*

Таблица 1

Реакция	+	–	=	?
Иллюзия давления, %	46,5	25,0	15,0	14,4

Примечание: + — число случаев контраста; – — число ассимиляций; = — число адекватных оценок; ? — число неопределенных ответов. То же значение имеют эти знаки и во всех нижеследующих таблицах.

нивает как более слабое (иллюзия контраста). Но бывает в определенных условиях и так, что вместо контраста появляется феномен ассимиляции, т.е. давление кажется более сильным как раз в том направлении, в котором и в предварительных опытах действовало более интенсивное раздражение.

Мы находим, что более 70 % случаев оценки действующих в критических опытах равных раздражений давления нашими испытуемыми воспринимается иллюзорно. Следовательно, не подлежит сомнению, что явления, аналогичные с иллюзиями объема, имели место и в сфере восприятия давления, существенно отличающегося по структуре рецептора от восприятия объема.

3. Иллюзия слуха. Наши дальнейшие опыты касаются слуховых впечатлений. Они протекают в следующем порядке: испытуемый получает в предварительных опытах при помощи так называемого «падающего аппарата» (*Fallapparat*) слуховые впечатления попарно: причем первый член пары значительно сильнее, чем второй член той же пары. После 10—15 повторений этих опытов следуют критические опыты, в которых испытуемые получают пары равных слуховых раздражений с заданием сравнить их между собой.

Результаты этих опытов суммированы в таблице 2, которая показывает, что в данном случае число иллюзий доходит до 76 %. Следует заметить, что здесь, как впрочем, и в опытах на иллюзию давления (см. табл. 1), число ассимилятивных иллюзий выше, чем это бывает обыкновенно; зато, конечно, значительно ниже число случаев контраста, которое в других случаях нередко поднимается до 100%. Нужно полагать, что здесь играет роль то, что в обоих этих случаях мы имеем дело с последовательным порядком предложения раздражений, т.е. испытуемые получают раздражения одно за другим, но не одновременно, с заданием сравнить их между собой, и нами замечено, что число ассимиляций значительно растет за счет числа феноменов контраста. Ниже мы попытаемся объяснить, почему это бывает так.

Цифры, полученные в этих опытах, не оставляют сомнения, что случаи феноменов, аналогичных с феноменом иллюзий объема, имеют место и в области слуховых восприятий.

Таблица 2

Реакция	+	–	=	?
Слуховая ассимиляция, %	57,0	19,0	1,0	3,0

4. Иллюзия освещения. Еще в 1930 г. я имел возможность высказать предположение, что явления начальной переоценки степени освещения или затемнения при светлостной адаптации могут относиться к той же категории явлений, что и описанные нами выше иллюзии восприятия. В дальнейшем это предположение было проверено в моей лаборатории следующими опытами: испытуемый получает два круга для сравнения их между собой по степени их освещенности, причем один из них значительно светлее, чем другой. В предварительных опытах (10—15 экспозиций) круги эти экспонируются испытуемым в определенном порядке: сначала темный круг, а затем — светлый. В критических же опытах показываются два одинаково светлых круга, которые испытуемый сравнивает между собой по их освещенности. Результаты опытов, как показывает таблица 3, не оставляют сомнения, что в критических опытах, под влиянием предварительных, круги не кажутся нам одинаково освещенными: более чем в 73 % всех случаев они представляются нашим испытуемым значительно разными. Итак, феномен наш выступает и в этих условиях.

Таблица 3

Реакция	+	–	=	?
Иллюзия освещения, %	56,6	16,6	21,6	6,2

5. Иллюзия количества. Следует отметить, что при соответствующих условиях аналогичные явления имеют место и при сравнении между собой количественных отношений. Испытуемый получает в предварительных опытах два круга, из которых в одном мы имеем значительно большее число точек, чем в другом. Число экспозиций колеблется и здесь в пределах 10—15. В критических опытах испытуемый получает опять два круга, но на этот раз число точек в них одинаковое. Испытуемый, однако, как правило, этого не замечает, и в большинстве случаев ему кажется, что точек в одном из этих кругов заметно больше, чем в другом, а именно больше в том круге, в котором в предварительных опытах он видел меньшее число этих точек.

Таким образом, феномен той же иллюзии имеет место и в этих условиях.

6. Иллюзия веса. Фехнер[5] в 1860 г., а затем Г. Мюллер[6] и Шуман в 1889 г. обратили внимание еще на один, аналогичный нашим, феномен, ставший затем известным под названием *иллюзии веса*. Он заключается в следующем: если давать испытуемому задачу повторно, несколько раз подряд, поднять пару предметов заметно неодинакового веса, причем более тяжелый правой, а менее тяжелый левой рукой, то в результате выполнения этой задачи у него вы-

[5] Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. — *Ред.-сост.*

[6] Мюллер (*Müller*) Георг Элиас (1850—1934) — немецкий психолог. — *Ред.-сост.*

рабатывается состояние, при котором и предметы одинакового веса начинают ему казаться неодинаково тяжелыми, причем груз в той руке, в которую предварительно он получал более легкий предмет, ему начинает казаться чаще более тяжелым, чем в другой руке.

Мы видим, что по существу то же явление, которое было указано нами в ряде предшествующих опытов, имеет место и в области восприятия веса.

7. Попытки объяснения этих феноменов. Теория Мюллера. Если просмотрим все эти опыты, увидим, что в сущности всюду в них мы имеем дело с одним и тем же явлением: все указанные здесь иллюзии имеют один и тот же характер — они возникают в совершенно аналогичных условиях и, следовательно, должны представлять собой разновидности одного и того же феномена. Поэтому теория Мюллера, построенная специально с целью объяснения одного из указанных явлений, именно иллюзии веса, не может в настоящее время считаться удовлетворительной. Она имеет в виду специфические особенности восприятия веса и, конечно, для объяснения иллюзий других чувственных модальностей должна оказаться несостоятельной.

В самом деле! Мюллер рассуждает следующим образом: когда мы даем испытуемому в руки несколько раз по паре неодинаково тяжелых предметов, то в конце концов у него вырабатывается привычка для поднимания первого, т.е. более тяжелого члена пары мобилизовать более сильный мускульный импульс, чем для поднимания второго члена пары. Если же теперь, после повторения этих опытов достаточное число раз (10—15 раз), дать тому же испытуемому в каждую руку по предмету одинакового веса, то предметы эти будут казаться ему опять неодинаково тяжелыми. Ввиду того, что у него выработалась привычка правой рукой поднимать более тяжелый предмет, он мобилизует при поднимании тяжести этой рукой более сильный импульс, чем при поднимании другой рукой. Но раз в данном случае фактически приходится поднимать предметы одинакового веса, то понятно, мобилизованный в правой руке импульс к более тяжелому «быстрее и легче отрывает» тяжесть с подставки, чем это имеет место с левой стороны, и тяжесть справа легче «летит вверх», чем тяжесть слева.

Психологическую основу иллюзии, следовательно, следует полагать, согласно этой теории, в переживании быстроты поднимания тяжести: когда она как бы «летит вверх», она кажется легкой, когда же, наоборот, она поднимается выше медленно, то она как бы «прилипает к подставке» и переживается как более тяжелый предмет. Такова теория Мюллера.

Мы видим, что решающее значение, согласно этой теории, имеет впечатление «взлета вверх» или «прилипания» тяжести к подставке: без этих впечатлений мы не чувствовали бы различия между обеими тяжестями — иллюзия бы не имела места.

Но ведь явления этого рода мы можем переживать лишь в случаях поднимания тяжестей, т.е. там, где имеет смысл говорить о впечатлениях «взлета вверх» или «прилипания к подставке». Между тем, по существу то же явление, как мы видели, имеет место и в ряде случаев, где о впечатлениях этого рода и

речи не может быть. Так, мы имеем дело с иллюзиями объема, силы давления, слуха, освещения, количества, словом, с иллюзиями, которые по существу нужно трактовать как разновидности одного и того же явления, не имеющего существенной или вовсе никакой связи с какими-нибудь определенными периферическими процессами. Оставаясь одним и тем же феноменом, в тактильной сфере она становится иллюзией давления, в зрительной и гаптической — иллюзией объема, в мускульной — иллюзией веса и так далее. По существу же она остается одним и тем же феноменом, для понимания сущности которого особенности отдельных чувственных модальностей, в которых он проявляется, существенной роли не играют. Поэтому совершенно ясно, что для объяснения этого феномена мы должны отвлечься от теории Мюллера и искать его в другом направлении.

И вот прежде всего возникает вопрос: что находим мы общего, в условиях наших опытов, в деятельности отдельных сенсорных модальностей, что можно было бы признать общей основой, на которой вырастают констатированные нами аналогичные друг другу явления иллюзии?

Теория «обманутого ожидания». В психологической литературе мы встречаем теорию, которая, казалось бы, вполне отвечает поставленному здесь нами вопросу. Это — теория «обманутого ожидания». Правда, при ее разработке упомянутые нами аналоги иллюзии веса были еще неизвестны: они были впервые опубликованы нами в связи с проблемой об основах данной иллюзии позднее[7]. Тем больше внимания заслуживает эта теория сейчас, когда наличие этих аналогов определенно указывает, что в основе интересующих здесь нас феноменов должно лежать нечто, имеющее по существу лишь формальное значение и потому могущее оказаться годным для объяснения тех случаев, которые, касаясь материала различных чувственных модальностей, столь сильно отличаются друг от друга со стороны содержания.

Теория «обманутого ожидания» пытается объяснить иллюзию веса следующим образом: в результате повторного поднимания тяжестей (или же для объяснения наших феноменов мы могли бы сейчас добавить — повторного воздействия зрительного, слухового или какого-либо другого впечатления) у испытуемого вырабатывается *ожидание,* что в определенную руку ему будет дан всегда более тяжелый предмет, чем в другую, и когда в критическом опыте он не получает в эту руку более тяжелого предмета, чем в другую, его ожидание оказывается обманутым, и он, недооценивая вес полученного им предмета, считает его более легким. Так возникает, согласно этой теории, впечатление контраста веса, а в соответствующих условиях и другие обнаруженные нами аналоги этого феномена.

Нет сомнения, что теория эта имеет определенное преимущество перед мюллеровской, поскольку она в основе признает возможность проявления наших феноменов всюду, где только может идти речь об «обманутом ожидании»,

[7] См.: *Узнадзе Д.* Об основном законе смены установки // Психология. 1930. Вып. 9.

следовательно, не только в одной, но и во всех наших чувственных сферах. Наши опыты именно и показывают, что интересующая здесь нас иллюзия не ограничивается сферой одной какой-нибудь чувственной модальности, а имеет значительно более широкое распространение.

Тем не менее принять эту теорию не представляется возможным. Прежде всего она мало удовлетворительна, поскольку не дает никакого ответа на существенный в нашей проблеме вопрос — вопрос о том, почему, собственно, в одних случаях возникает впечатление контраста, а в других — ассимиляции. Нет никаких оснований считать, что субъект действительно «ожидает», что он и в дальнейшем будет получать то же соотношение раздражителей, какое он получал в предварительных опытах. На самом деле такого «ожидания» у него не может быть, хотя бы после того, как выясняется после одной — двух экспозиций, что он получает совсем не те раздражения, которые он, быть может, действительно «ожидал» получить. Ведь в наших опытах иллюзии возникают не только после одной-двух экспозиций, но и далее.

Но и независимо от этого соображения теория «обманутого ожидания» все же должна быть проверена и притом проверена, если возможно, экспериментально; лишь в этом случае можно будет судить окончательно о ее приемлемости.

Мы поставили специальные опыты, которые должны были разрешить интересующий здесь нас вопрос о теоретическом значении переживания «обманутого ожидания». В данном случае мы использовали состояние гипнотического сна, поскольку оно предоставляет в наше распоряжение выгодные условия для разрешения поставленного вопроса. Дело в том, что факт рапорта[8], возможность которого представляется в состоянии гипнотического сна, и создает нам эти условия.

Мы гипнотизировали наших испытуемых и в этом состоянии провели на них предварительные опыты. Мы давали им в руки обычные шары — один большой, другой — малый, и заставляли их сравнивать эти шары по объему между собой. По окончании опытов, несмотря на факты обычной постгипнотической амнезии[9], мы все же специально внушали испытуемым, что они должны основательно забыть все, что с ними делали в состоянии сна. Затем отводили испытуемого в другую комнату, там будили его и через некоторое время, в бодрствующем состоянии, проводили с ним наши критические опыты, т.е. давали в руки разные по объему шары с тем, чтобы испытуемый сравнил их между собой.

Наши испытуемые почти во всех случаях находили, что шары эти неравны, что шар слева (т.е. в той руке, в которую в предварительных опытах во вре-

---

[8] *Рапорт* (раппорт) — связь между гипнотизером и испытуемым, при которой последний чувствителен к внушениям первого, но игнорирует все другие источники стимуляции. — *Ред.-сост.*

[9] *Постгипнотическая амнезия* — неспособность вспомнить какие-то события, происшедшие в состоянии гипноза, когда испытуемому специально внушается, что после пробуждения он не будет их помнить. — *Ред.-сост.*

мя гипнотического сна они получали больший по объему шар) заметно меньше, чем шар справа.

Таким образом, не подлежит сомнению, что иллюзия может появиться и под влиянием предварительных опытов, проведенных в состоянии гипнотического сна, т.е. в состоянии, в котором и речи не может быть ни о каком «ожидании». Ведь совершенно бесспорно, что наши испытуемые не имели ровно никакого представления о том, что с ними происходило во время гипнотического сна, когда над ними проводились критические опыты, и «ожидать» они, конечно, ничего не могли. Бесспорно, теория «обманутого ожидания» оказывается несостоятельной для объяснения явлений наших феноменов.

8. Установка как основа этих иллюзий. Что же, если не «ожидание», в таком случае определяет поведение человека в рассмотренных выше экспериментах? Мы видим, что везде, во всех этих опытах, решающую роль играет не то, что специфично для условий каждого из них, — не сенсорный материал, возникающий в особых условиях этих задач, или что-нибудь иное, характерное для них, — не то обстоятельство, что в одном случае речь идет, скажем, относительно объема, гаптического или зрительного, а в другом — относительно веса, давления, степени освещения или количества. Нет, решающую роль в этих задачах играет именно то, что является общим для них всех моментом, что объединяет, а не разъединяет их.

Конечно, на базе столь разнородных по содержанию задач могло возникнуть одно и то же решение только в том случае, если бы все они в основном касались одного и того же вопроса, чего-то общего, представленного в своеобразной форме в каждом отдельном случае. И действительно, во всех этих задачах вопрос сводится к определению количественных отношений: в одном случае спрашивается относительно взаимного отношения объемов двух шаров, в другом — относительно силы давления, веса, количества. Словом, во всех случаях ставится на разрешение вопрос как будто об одной и той же стороне разных явлений — об их количественных отношениях.

Но эти отношения не являются в наших задачах отвлеченными категориями. Они в каждом отдельном случае представляют собой вполне конкретные данности, и задача испытуемого заключается в определении именно этих данностей. Для того, чтобы разрешить, скажем, вопрос о величине кругов, мы сначала предлагаем испытуемому несколько раз по два неравных, а затем, в критическом опыте, по два равных круга. В других задачах он получает в предварительных опытах совсем другие вещи: два неодинаково сильных впечатления давления, два неодинаковых количественных впечатления, а в критическом опыте — два одинаковых раздражения. Несмотря на всю разницу материала, вопрос остается во всех случаях по существу один и тот же: речь идет всюду о характере отношения, которое мыслится внутри каждой задачи. Но отношение здесь не переживается в каком-нибудь обобщенном образе. Несмотря на то, что оно имеет *общий* характер, оно дается всегда в каком-нибудь *конкретном* выражении. Но как же это происходит?

Решающее значение в этом процессе, нужно полагать, имеют наши *предварительные* экспозиции. В процессе повторного предложения их у испытуемого вырабатывается какое-то *внутреннее состояние*, которое подготовляет его к восприятию дальнейших экспозиций. Что это внутреннее состояние действительно существует и что оно действительно подготовлено повторным предложением предварительных экспозиций, в этом не может быть сомнения: стоит произвести критическую экспозицию сразу, без предварительных опытов, т.е. предложить испытуемому вместо неравных сразу же равные объекты, чтобы увидеть, что он их воспринимает адекватно. Следовательно, несомненно, что в наших опытах эти равные объекты он воспринимает по типу предварительных экспозиций, а именно как неравные.

Как же объяснить это? Мы видели выше, что об «ожидании» здесь говорить нет оснований: нет никакого смысла считать, что у испытуемого вырабатывается «ожидание» получить те же раздражители, какие он получал в предварительных экспозициях.

Но мы видели, что и попытка объяснить все это вообще как-нибудь иначе, ссылаясь еще на какие-нибудь известные психологические факты, тоже не оказывается продуктивной. Поэтому нам остается обратиться к специальным опытам, которые дали бы ответ на интересующий здесь нас вопрос. Это наши гипнотические опыты, о которых мы только что говорили. Результаты этих опытов даны в таблице 4 (в %).

Таблица 4

Реакция	+	–	=
16 испытуемых	82	17	1

Мы видим, что результаты эти в основном точно те же, что и в обычных наших опытах (см. таблицу 1), а именно: несмотря на то, что испытуемый, вследствие постгипнотической амнезии, ничего не знает о предварительных опытах, не знает, что в одну руку он получал больший по объему шар, а в другую меньший, одинаковые шары критических опытов он все же воспринимает как неодинаковые: иллюзия объема и в этих условиях остается в силе.

О чем же говорят нам эти результаты? Они указывают на то, что, бесспорно, не имеет никакого значения, *знает испытуемый что-нибудь о предварительных опытах или он ничего о них не знает:* и в том, и в другом случае в нем создается какое-то состояние, которое в полной мере обусловливает результаты критических опытов, а именно, равные шары кажутся ему неравными. Это значит, что в результате предварительных опытов у испытуемого появляется состояние, которое, несмотря на то, что его ни в какой степени нельзя назвать сознательным, все же оказывается фактором вполне действенным и, следовательно, вполне реальным фактором, направляющим и определяющим содержание нашего сознания. Испытуемый ровно ничего не знает о том, что в предваритель-

ных опытах он получал в руки шары неодинакового объема, он вообще ничего не знает об этих опытах, и, тем не менее, показания критических опытов самым недвусмысленным образом говорят, что их результаты зависят в полной мере от этих предварительных опытов.

Можно ли сомневаться после этого, что в психике наших испытуемых существует и действует фактор, о наличии которого в сознании и речи не может быть, — состояние, которое можно поэтому квалифицировать как *внесознательный* психический процесс, оказывающий в данных условиях решающее влияние на содержание и течение сознательной психики.

Но значит ли это, что мы допускаем существование области «бессознательного» и, таким образом, расширяя пределы психического, находим место и для отмеченных в наших опытах психических актов? Конечно, нет! Ниже, когда мы будем говорить специально о проблеме бессознательного, мы покажем, что в принципе в широко известных учениях о бессознательном обычно не находят разницы между сознательными и бессознательными психическими процессами. И в том, и в другом случае речь идет о фактах, которые, по-видимому, лишь тем отличаются друг от друга, что в одном случае они сопровождаются сознанием, а в другом — лишены такого сопровождения; по существу же содержания эти психические процессы остаются одинаковыми: достаточно появиться сознанию, и бессознательное психическое содержание станет обычным сознательным психическим фактом.

Но в нашем случае речь идет не о такого рода различии между сознательными душевными явлениями и теми специфическими процессами, которые, будучи лишены сознания, протекают вне его пределов. Здесь вопрос касается двух различных областей психической жизни, из которых каждая представляет собой особую, самостоятельную ступень развития психики и является носительницей специфических особенностей. В нашем случае речь идет о ранней, досознательной ступени психического развития, которая находит свое выражение в констатированных выше экспериментальных фактах и, таким образом, становится доступной научному анализу.

Итак, мы находим, что в результате предварительных опытов в испытуемом создается некоторое специфическое состояние, которое не поддается характеристике как какое-нибудь из явлений сознания. Особенностью этого состояния является то обстоятельство, что оно предваряет появление определенных фактов сознания или предшествует им. Мы могли бы сказать, что это состояние, не будучи сознательным, все же представляет своеобразную тенденцию к определенным содержаниям сознания. Правильнее всего было бы назвать это состояние *установкой* субъекта, и это потому, что, во-первых, это не частичное содержание сознания, не изолированное психическое содержание, которое противопоставляется другим содержаниям сознания и вступает с ними во взаимоотношения, а некоторое *целостное состояние* субъекта; во-вторых, это не просто какое-нибудь из содержаний его психической жизни, а момент ее *динамической определенности*. И, наконец, это не какое-нибудь определен-

ное, частичное содержание сознания субъекта, а целостная *направленность* его в определенную сторону на определенную активность. Словом, это, скорее, *установка* субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, — *его основная, его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи.*

Но если это так, тогда все описанные выше случаи иллюзии представляются нам как проявление деятельности установки. Это значит, что в результате воздействия объективных раздражителей, в нашем случае, например, шаров неодинакового объема, в испытуемом в первую очередь возникает не какое-нибудь содержание сознания, которое можно было бы формулировать определенным образом, а скорее, некоторое специфическое состояние, которое лучше всего можно было бы характеризовать как *установку* субъекта в определенном направлении.

Эта установка, будучи целостным состоянием, ложится в основу совершенно определенных психических явлений, возникающих в сознании. Она не следует в какой-нибудь мере за этими психическими явлениями, а, наоборот, можно сказать, предваряет их, определяя состав и течение этих явлений.

Для того, чтобы изучить эту установку, было бы целесообразно наблюдать ее достаточно продолжительное время. А для этого было бы важно *закрепить, зафиксировать* ее в необходимой степени. Этой цели служит *повторное* предложение испытуемому наших экспериментальных раздражителей. Эти повторные опыты мы обычно называем *фиксирующими* или просто *установочными,* а самую установку, возникающую в результате этих опытов, *фиксированной установкой.* <...>

Разновидности состояния установки

1. Фиксированная установка. При наличии потребности, которая должна быть удовлетворена, и соответствующей ситуации живой организм обращается к определенной целенаправленной деятельности. Но как мы убедились, эта деятельность, в первую очередь, зарождается в форме установки, которая в дальнейшем раскрывается в виде доступных наблюдателю внутренних и внешних актов поведения. Сейчас перед нами стоит вопрос, как и в каких формах происходит этот процесс зарождения установки.

В наших опытах дело начинается, как правило, рядом экспозиций экспериментальных объектов (установочные опыты) с тем, чтобы затем перейти к критическим экспозициям и показать, как подействовали на них предшествовавшие им установочные опыты.

В чем же заключается роль этих установочных опытов? Выше мы уже говорили относительно феномена фиксации, который является результатом повторного предложения этих опытов испытуемому.

Мы полагаем, что в итоге многократного повторения этих опытов у испытуемого фиксируется установка, возникающая при каждой отдельной экспози-

ции. Повторение в данном случае, по-видимому, играет решающую роль, оно дает возможность зафиксировать возникающую при каждой отдельной экспозиции установку. Поэтому эти повторные установочные опыты можно было бы назвать фиксирующими.

Другое дело, как возможно, чтобы повторение в данном случае играло роль фактора, содействующего процессу фиксации. Этого вопроса здесь мы не будем касаться. Отметим только, что однократной экспозиции установочных объектов в большинстве случаев не бывает достаточно для того, чтобы соответствующая этой экспозиции установка осталась у испытуемого до такой степени доминирующей, чтобы предлагаемые затем равные объекты воспринимались на ее основе и, следовательно, казались бы неравными. Поэтому число экспозиций должно быть увеличено настолько, чтобы можно было говорить о достаточно фиксированной установке.

Фиксация установки может происходить и в следующих условиях: скажем, в условиях какой-нибудь определенной ситуации у меня появилась соответствующая этим условиям установка, которая, повлияв на акт моего поведения, сыграла свою роль и затем прекратила свое действие. Но что же фактически происходит с ней после этого? Исчезает ли она совершенно бесследно, будто ее никогда и не было, или она каким-то образом продолжает существовать, сохраняя способность все же оказывать некоторое влияние на наше поведение?

Если верно экспериментально подкрепленное выше положение о том, что установка представляет собой целостную модификацию личности или субъекта вообще, то тогда не вызывает сомнений, что она, сыграв свою роль, сейчас же должна уступить место другой, новой, актуально действующей установке. Но это еще не значит, что она-то сама окончательно и раз навсегда выходит из строя. Наоборот, в случае, если субъект попадает в ту же ситуацию с теми же намерениями, что и раньше, в нем должна возобновиться и прежняя установка заметно быстрее, чем это нужно было бы для возникновения новой установки в условиях совершенно новой ситуации. Это дает нам право считать, что раз активированная установка, вообще говоря, не пропадает, то она сохраняет в себе готовность снова актуализироваться, лишь только вступят в силу подходящие для этого условия.

Само собой разумеется, готовность эта не всегда одинакова. Нужно полагать, что она зависит в значительной мере от степени прочности установки, которая измеряется числом повторных установочных опытов: чем чаще повторяются эти опыты (в пределах оптимума для каждого данного испытуемого), тем прочнее фиксируется установка и тем более сильная способность актуализации вырабатывается в ней.

С другой стороны, в наших опытах окончательно выясняется и то, что существуют единичные случаи действия установки, которые и помимо всякого повторения оставляют по себе значительный след; установки, лежащие в их основе, фиксируются и независимо от повторения установочных опытов и, таким образом, приобретают значительно большую способность к актуализации.

Во всех этих случаях достаточно, чтобы начала действовать ситуация, похожая на актуальную, чтобы это оказалось достаточным для активирования установки и направления субъекта в соответствующую сторону.

Таким образом, мы видим, что бывают случаи, в которых, вследствие частых повторений установочных опытов или высокого личностного их веса, установка становится до такой степени легко возбудимой, что она актуализируется и в условиях воздействия неадекватных раздражителей, закрывая этим возможность проявления адекватной установки.

Конечно, нет никакой необходимости, чтобы в условиях действия фиксированной установки адекватная данной ситуации форма установки всегда стушевывалась и заменялась другой, близкой к ней, но все же отличной от нее фиксированной установкой. Дело в том, что ничто не мешает нам допустить, что могут иметь место и такие случаи, когда субъекту приходится иметь дело с ситуацией, вполне тождественной с той, в которой выработалась данная форма фиксированной установки. В таких случаях, конечно, актуализированная фиксированная установка будет вполне совпадать с той, которую для данного случая мы должны считать адекватной.

Таким образом, в обычных, не экспериментальных условиях жизни мы встречаемся не только с случаями замены адекватной для данной ситуации установки близкой к ней фиксированной, но и с такими, в которых фиксированная установка оказывается вполне тождественной адекватной.

С другой стороны, могут иметь место и случаи, в которых к активности пробуждаются не те установки, которые фиксировались когда-нибудь в течение жизни данного индивидуума, а те, которые сделались фиксированными в истории его вида. Мне не раз приходилось в другой связи указывать на факты проявления такого рода активности, например, в жизни ребенка — на факты, относительно которых нельзя сказать, что они обусловлены потребностью получить именно средства, реализуемые этой активностью. В жизни ребенка часты случаи, когда он обращается к деятельности исключительно потому, что в нем проявляется сильное стремление к ней: в нем пробуждается потребность функционировать, быть активным. Эта потребность, которую я называю функциональной тенденцией, нужно полагать, является наследственно приобретенной формой фиксированной установки <...>.

2. Диффузная установка. Но установочные опыты не являются обязательно и во всех случаях фиксированными. В некоторых случаях они играют совершенно другую роль. Дело в том, что бывает редко, чтобы для возникновения какой-нибудь индивидуально определенной установки было бы достаточно одного-единственного случая воздействия ситуации на субъекта. Нужно полагать, что на начальных стадиях зарождения какой-нибудь новой установки она определяется как индивидуально очерченный факт не сразу. Становится необходимым более или менее длительный процесс для того, чтобы установка определилась как таковая, чтобы она дифференцировалась, вычленилась как состояние, специфически адекватное для наличных условий поведения.

Мы полагаем, следовательно, что при первом своем зарождении установка является сравнительно еще не дифференцированным, не индивидуализированным состоянием. И вот для того, чтобы она дифференцировалась как определенная, адекватная для данных условий, становится необходимым повторное предложение соответствующих раздражений. В таких случаях повторение установочных опытов имеет совершенно определенную, отличную от фиксационных, цель — она направлена на дифференциацию установки.

Это бывает особенно необходимо для зарождения новых, еще не знакомых субъекту установок. Когда в таких случаях начинает действовать на субъекта какой-нибудь новый, впервые ему встречающийся объект, то вызываемая им установка должна носить диффузный, мало определенный характер. Мы можем сказать, что она недостаточно еще дифференцировалась, и в результате этого субъект не может точно идентифицировать этот объект. Только с течением времени, по мере увеличения числа повторных воздействий того же объекта, вызываемая им установка постепенно дифференцируется и определяется как установка, специфичная именно для данного случая.

Следовательно, установочные опыты бывают не только *фиксирующими, но и дифференцирующими*.

А.А. Смирнов

Проблема установки*

Особое направление в советской психологии представляет система взглядов, известная как теория установки. Выдвинутая грузинским психологом Дмитрием Николаевичем Узнадзе (1886—1950) еще в конце 20-х гг., она в дальнейшем широко разрабатывалась его многочисленными учениками и сотрудниками (в основном в НИИ психологии АН Грузинской ССР).

Сам факт установки (предуготовленности субъекта к восприятию воздействующего на него предмета в зависимости от содержания предыдущих актов восприятия, или как определенной направленности действия) был отмечен в психологической литературе еще до работ Узнадзе. Однако теория установки как явление, наблюдаемое не только при восприятии, но и во всех областях психической деятельности и представляющее собой общепсихологическое явление, была создана Узнадзе. Проблема установки рассматривалась в этой концепции как основная, центральная, важнейшая, можно сказать, везде возникающая. Установка понималась не как частное, а как всеобщее явление психической жизни людей, играющая в ней основную, определяющую роль. Установка — это центральное, объяснительное психологическое понятие.

Исходный пункт психологии, согласно этой теории (и в этом вопросе она полностью солидарна с основными позициями других советских психологов), составляют не психические явления, а сами живые индивиды, у которых имеют место эти психические явления. «В активные отношения с действительностью, — писал Узнадзе, — вступает непосредственно сам субъект, но не отдельные акты его психической деятельности»[1]. Первичным является он сам, а его психическая активность есть нечто производное[2]. Поэтому и психология должна исследовать в первую очередь субъекта, личность как целое. Явления же

---

* *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. С. 280—282.

[1] *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. С. 169.

[2] См.: Там же.

сознания, изучавшиеся традиционной психологией как самостоятельные, независимые сущности, на самом деле представляют собой лишь дальнейшие определения, спецификации субъекта.

Фундаментальную роль при изучении поведения субъекта как целого, его жизнедеятельности играет, согласно Узнадзе, понятие потребности, без которой поведение живого существа вообще было бы немыслимо[3]. Но для того чтобы удовлетворить потребность, необходима соответствующая ситуация[4]. В окружающей среде должно быть средство, позволяющее удовлетворить имеющуюся потребность. Если налицо имеется и потребность, и необходимая для ее удовлетворения ситуация, у субъекта возникает особое состояние, которое можно охарактеризовать как склонность, направленность, готовность совершить акт, ведущий к удовлетворению потребности[5]. Это и есть установка на выполнение этого акта — готовность к совершению определенного действия[6]. Возникает она всякий раз лишь при наличии двух только что указанных условий, т.е. тогда, когда у субъекта возникает какая-либо потребность и имеется ситуация ее удовлетворения. Установка — необходимое опосредствующее звено между действием внешней среды и психической деятельностью человека, между действительностью и психическими функциями[7].

Опосредствуя воздействия внешней среды и тем самым определяя собой характер активности субъекта, его деятельность, сама установка не отражается в сознании субъекта в виде какого-либо самостоятельного переживания, не является отдельным актом сознания и вообще феноменом сознания. Вместе с тем Узнадзе считает ненужным понятие бессознательного, указывая на то, что обычно бессознательные процессы понимаются лишь в негативном смысле, как процессы, не сопровождающиеся сознанием, внутренняя же природа и структура этих процессов по существу не раскрываются, а толкуются как одинаковые с природой и структурой сознательных процессов.

Следует различать, указывает Узнадзе, недифференцированную (диффузную) установку, возникающую обычно при первичном воздействии какой-либо ситуации на субъекта, характеризующуюся более или менее значительной неопределенностью, не способную направить активность субъекта в строго определенном направлении, которое обеспечивало бы ему удовлетворение потребности, и дифференцированную, фиксированную установку, возникающую в итоге повторного воздействия на субъекта условий удовлетворения имеющейся у него потребности[8].

---

[3] См.: *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. С. 29.

[4] См.: Там же.

[5] См.: Там же. С. 169.

[6] См.: Там же. С. 170.

[7] См.: Там же. С. 100.

[8] См.: Там же. С. 174—175.

В обычных условиях жизни именно эта последняя форма установки является типичной. А вместе с тем она легко допускает и широкие возможности ее экспериментального изучения. Образцом ее может служить установка, вызываемая, например, следующими опытами: если попросить субъекта (у которого предварительно создана потребность решать предлагаемые ему экспериментальные задачи) определять, какой из данных ему неравных объектов кажется больше (или меньше), и предъявлять эти объекты несколько раз (10—15), то у него возникнет установка на неравенство объектов, на оценку одного из них как большего. В итоге повторений эта установка фиксируется, приобретает относительно устойчивый характер, вследствие чего в дальнейшем, в критических опытах, при показе испытуемому двух равных объектов они кажутся ему неравными.

Исключительно важно при этом следующее: если в критических опытах вместо объектов, сходных (кроме признака величины) с ранее показанными, предъявить другие равные объекты, то они будут оцениваться все же как неравные, т.е. в соответствии с установкой, образовавшейся при сравнении других объектов (генерализация установки)[9]. То же самое наблюдается и тогда, когда вслед за фиксацией установки в одной области, в одной из чувственных модальностей (например, в зрительной сфере) проводятся опыты с объектами, воспринимаемыми в другой чувственной модальности (например, в гаптической[10]). Установка, фиксированная в одной из чувственных модальностей (например, зрительной), оказывается одновременно фиксированной и во всех остальных модальностях (например, осязательной). Эти факты трактуются Узнадзе как иррадиация установки[11]. Так же как и генерализация установки, они означают, что установка — это не частный психический феномен в ряду других таких же явлений, не некоторое локальное явление, а нечто целостное, психологическое образование, характеризующее общее состояние субъекта, его личность. Это есть лишь модус состояния субъекта как целого[12]. В модификациях установки раскрывается психологическая сущность субъекта.

Видную роль наряду с понятием установки в концепции Узнадзе играет и другое, широко применяемое им понятие — понятие объективации[13], под которым он понимает задержку или прекращение реализации имеющейся установки, приостановку соответствующей ей деятельности, что дает возможность повторно пережить то, на чем остановилась эта деятельность, что только что было предметом переживания, но пережить его на этот раз по-особому — как

---

[9] См.: *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. С. 38.

[10] *Гаптическая чувственная модальность* включает в себя ощущения и восприятия, вызываемые всеми видами кожной рецепции и мышечной рецепцией. — *Ред.-сост.*

[11] См.: Там же. С. 36—38.

[12] См.: Там же. С. 176—178.

[13] См.: Там же. С. 101 и сл.; с. 189—190.

нечто независимо от нас существующее, объективное, как некоторый объект. Этот акт объективации, включающий в себя идентификацию того, что переживается сейчас, с тем, что переживалось только что перед этим, сознание тождества их, закрепляемого в акте номинации [называния. — *Ред.-сост.*], в речи, знаменует особое — познавательное — отношение к миру. Он является необходимым условием всей нашей познавательной деятельности, всех познавательных процессов: наблюдения, представления, процессов памяти, внимания, мышления, волевых процессов. По существу он равнозначен механизму сознания: тому факту, что человек не только действует в окружающем мире, но и видит, что существует и этот мир, и он сам частица этого мира.

Таковы основные положения установки, выдвинутые Узнадзе на основе многочисленных экспериментальных исследований, проведенных под его руководством.

В итоге этих исследований выявлены важнейшие закономерности установки, в частности ее иррадиирование, т.е. уже отмеченное выше распространение ее с одной модальности восприятия на другую, генерализация установки, или появление ее при восприятии объектов, отличающихся от тех, для которых она была выработана, константность (стабильность) и, наоборот, вариабельность (лабильность) и т.д.

Выделен особый и весьма важный вид установки: так называемая фиксированная установка, как результат многократного восприятия одних и тех же объектов, находящихся всегда в одном и том же отношении друг к другу (по величине, тяжести или по любым другим признакам).

Обнаружены два вида действия установки в восприятии: контрастное (когда изучаемое свойство объекта под влиянием установки контрастирует с тем, каким оно воспринималось в таких же объектах раньше) и обратное ему — ассимилятивное действие.

Явление установки было найдено и изучалось не только в области восприятия (где оно было открыто первоначально), но и во всех других видах психической деятельности. <...>

<...> Диапазон экспериментальных исследований, опирающихся на теорию установки и в свою очередь направленных на ее дальнейшее развитие, очень велик. <...> Продолжается углубление и уточнение теоретических позиций представителей концепции установки, что, безусловно, необходимо, поскольку здесь еще немало спорного, неясного, требующего дальнейших дискуссий, широкого обсуждения.

Особенно важно, как справедливо пишут Ф.В. Бассин[14], В. Рожнов и М. Рожнова, в целом высоко оценивая теорию установки, «уточнить дискуссионные представления об отношении психологических установок к сознанию». «Последователи Д.Н. Узнадзе, — развивается эта мысль дальше, — подчерки-

---

[14] Бассин Филипп Вениаминович (1918—1992) — отечественный психоаналитик, много сделавший для реабилитации теории З. Фрейда в нашей стране. —*Ред.-сост.*

вают, что установки изначально всегда являются неосознаваемыми. С подобным утверждением согласиться нельзя. Допуская одновременно, что установки всегда неосознаваемы и что под их регулирующим влиянием находятся наиболее сложные формы поведения, мы вынуждены прийти либо к недооценке активной роли сознания, либо к необходимости отказа от пользования идеей установки, когда прослеживаются истоки высших, то есть заведомо осознаваемых, форм регуляции деятельности»[15].

«Спорным, — отмечают те же авторы далее, — является также представление об установке как о состоянии всегда "целостном", т.е. неспособном разыгрываться, хотя бы преимущественно в рамках лишь отдельных, четко ограниченных функциональных систем»[16]. Это, пишут авторы, не соответствует современным представлениям о регулировании, о существовании «определенной иерархии уровней управления». Спорны подчас, замечают те же авторы, и представления о физиологической основе установок[17].

При всей спорности некоторых положений теории установки совершенно несомненна высокая научная ценность как самого понятия установки, выдвинутого Д.Н. Узнадзе и разрабатываемого его последователями, так и тех многочисленных экспериментальных фактов, которые получены в итоге обширного круга исследований, направленных на изучение закономерностей образования и действия установок.

---

[15] *Бассин Ф.В., Рожнов В., Рожнова М.* Фрейдизм: псевдонаучная трактовка психических явлений // Коммунист. 1972. № 2. С. 103.

[16] Там же.

[17] См.: Там же.

Э. Фромм

Ценности и цели в психоаналитической концепции Фрейда*

Психоанализ — это характерное выражение духовного кризиса западного человека и попытка найти выход из него. Это хорошо видно по последним направлениям психоанализа — «гуманистическому» и «экзистенциальному» анализу[1]. Перед тем как перейти к моей собственной «гуманистической» концепции, я хотел бы показать, что система Фрейда, вопреки широко распространенному мнению, выходила за рамки понятий «болезнь» и «лечение», что она была направлена не только на лечение душевнобольных пациентов, но, скорее, на «спасение» человека. На первый взгляд Фрейд был создателем новой терапии психических болезней, посвятившим этому предмету все свои интересы и всю свою жизнь. Однако стоит присмотреться внимательнее, и мы увидим, что за медицинской практикой — терапией неврозов — лежал совсем иной интерес, редко получавший у Фрейда четкое выражение, вероятно, даже редко им осознававшийся. Эта скрытая либо только лишь подразумеваемая концепция касалась не столько лечения психических болезней, сколько чего-то выходящего за пределы понятий «болезнь» и «лечение». Чего именно? Что было основанием «психоаналитического движения»? Каким видел Фрейд будущее человека? Каковы фундаментальные догматы, исповедовавшиеся его движением?

Самым ясным ответом на эти вопросы являются, по-видимому, слова Фрейда: «Там, где было *Оно*, должно стать *Я*». Его целью было господство разума над иррациональными и бессознательными страстями, освобождение че-

---

* ***Фромм Э.*** Психоанализ и дзен-буддизм // ***Фромм Э., Судзуки Д., Мартино Р. де*** Дзен-буддизм и психоанализ. М.: Весь Мир, 1997. С. 102—109.

[1] *Гуманистический психоанализ* — неопсихоанализ Э. Фромма, где акцент ставится на культурных и социальных факторах решения проблем человека на пути построения «здорового общества». *Экзистенциальный психоанализ* — направление психотерапии, основанное французским философом Жан-Полем Сартром (1905—1980) на постулате, согласно которому приоритетной ценностью человека является его собственный выбор. — *Ред.-сост.*

ловека от власти бессознательного настолько, насколько это вообще возможно. Человек должен осознать эти силы, таящиеся в нем самом, чтобы овладеть ими, чтобы контролировать их. Целью Фрейда было максимальное познание истины, познание реальности, которое было для него единственным лучом света, способным направлять человека в этом мире. Его цели — это традиционные цели рационализма[2], философии Просвещения[3], пуританской этики[4]. Но если религия и философия выдвигали эту цель самоконтроля, так сказать, *утопически*, то Фрейд был — или считал себя — первым, кто поставил ее на *научную* основу посредством исследования бессознательного, а потому мог указать пути ее достижения. Фрейд представляет собой вершину западного рационализма, но в то же время его гений способствовал преодолению ложных аспектов рационализма и поверхностного оптимизма. Рационализм был синтезирован с романтизмом — с тем самым движением, которое на протяжении всего XIX века противостояло рационализму благодаря своему почитанию иррационального, аффективной стороны человеческого бытия[5].

Философские и этические цели занимали Фрейда в его подходе к индивиду значительно больше, чем это обычно считалось. В своих «Лекциях по введению в психоанализ» он говорит о попытках неких мистиков посредством своей практики достичь фундаментального преображения личности. «Мы должны признать, — продолжает Фрейд, — что терапевтические усилия психоанализа близки такому подходу. Их намерением является усиление *Я*, чтобы сделать его независимым от *Сверх-Я*, расширить поле наблюдения таким образом, чтобы ему стали доступны новые области *Оно*. Там, где было *Оно*, должно стать *Я*. Это такая же работа культуры, как осушение Зюйдерзее» (курсив мой. — *Э.Ф.*)[6]. В том же духе он говорит о психоаналитической терапии, состоящей в «исключении из *бытия человека* невротических симптомов, заторможенности и аномальностей характера» (курсив мой. — *Э.Ф.*)[7]. Итак, образ аналитика далеко превосходит для него просто доктора, «лечащего» пациента. «Аналитик должен в известном смысле занимать высшее положение, поскольку в некоторых аналити-

---

[2] *Рационализм* — философское направление, признающее разум главным источником истинного познания. — *Ред.-сост.*

[3] *Философия Просвещения* — философия эпохи крушения феодализма и утверждения капиталистического общества. — *Ред.-сост.*

[4] *Пуританская этика* — система норм поведения, предписывающая строгий образ жизни и строгие нравы. — *Ред.-сост.*

[5] Детальное рассмотрение квазирелигиозного характера психоаналитического движения дано мною в книге «Миссия Зигмунда Фрейда» (см.: *Fromm E.* Sigmund Freud's Mission. N. Y., 1959. [Рус. пер. см.: *Фромм Э.* Миссия Зигмунда Фрейда. М.: Весь Мир, 1996. — *Ред. источника.*])

[6] См. также: *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 349. — *Ред.-сост.*

[7] *Freud S.* Analysis, Terminable or Unterminable? // Collected Papers. Hogarth Press. Vol. V. P. 316.

ческих ситуациях он должен служить пациенту *образцом,* а в других действовать как его *учитель»*[8]. «Наконец, — пишет Фрейд, — мы не должны забывать о том, что отношения между аналитиком и пациентом основываются на любви к истине, то есть на признании реальности, а тем самым полностью исключают и *чувство стыда,* и обман» (курсив мой. — *Э.Ф.*)[9].

Имеются и другие черты и принципы фрейдовского психоанализа, которые выходят за пределы общепринятых понятий «болезнь» и «лечение». То, что они перекликаются с понятиями и размышлениями, характерными для восточного ума, заметит всякий, кто знаком с восточной мыслью, особенно с дзен-буддизмом[10]. Первым из принципов, о которых идет речь, является фрейдовская концепция *преобразующего знания,* согласно которому теория и практика нераздельны — в самом акте *самопознания* мы себя *трансформируем.* Нет нужды специально подчеркивать все отличие этой идеи от основоположений научной психологии — как времен Фрейда, так и нашего времени, — для которой познание остается теоретическим знанием, не имеющим функции преобразования познающего.

Метод Фрейда еще в одном отношении близок восточной мысли, и в особенности дзен-буддизму. Фрейд не разделял завышенной оценки сознательного мышления, столь характерной для современного западного человека. Напротив, он полагал, что наше сознание есть лишь малая часть всех наших психических процессов, причем не слишком важная, если сравнить ее с теми скрытыми, бессознательными, темными и иррациональными началами, сила которых огромна. Чтобы проникнуть в реальную природу человека, Фрейд хотел взломать систему сознательного мышления с помощью метода *свободных ассоциаций.* Посредством свободных ассоциаций следовало преодолеть логическое, сознательное, конвенциональное мышление[11]. Это должно было привести к первоистоку нашей личности, а именно к бессознательному. Как бы мы ни критиковали *содержание* понятия бессознательного в учении Фрейда, фактом остается то, что, подчеркивая свободное ассоциирование в противоположность логическому мышлению, он выходит за пределы конвенционального рационалистического способа мышления западного мира и движется по направлению к тому, что куда радикальнее и в значительно большей мере разрабатывалось на Востоке.

Есть еще одно коренное отличие позиции Фрейда от современных западных взглядов. Я имею в виду его стремление проводить анализ личности один,

---

[8] *Freud S.* Analysis, Terminable or Unterminable? // Collected Papers. Hogarth Press. Vol. V. P. 351.

[9] Там же. P. 352.

[10] *Дзен-буддизм* — одно из направлений буддизма, возникшее в Китае в VI в. и позже, с XII в., получившее широкое распространение и признание в Японии. — *Ред.-сост.*

[11] *Конвенциональное мышление* — условное, соответствующее установившимся традициям мышление. — *Ред.-сост.*

два, три, четыре, пять и даже более лет. Это послужило причиной немалой доли критики в адрес Фрейда. Само собой разумеется, анализ должен быть максимально эффективным, но я хочу отметить смелость Фрейда, заявившего, что есть смысл проводить годы и годы с одной личностью — хотя бы для того, чтобы помочь ей прийти к самопониманию. С точки зрения полезности, издержек или прибыли это не слишком осмысленное занятие. Скорее, могут сказать, что время, потраченное на столь длительный анализ, неоправданно велико, если иметь в виду *социальный эффект* изменений, происшедших в одной личности. Метод Фрейда обретает смысл только при том условии, что мы выходим за рамки современного понятия «ценности», самого отношения между средствами и целями. Если мы держимся взгляда, согласно которому человеческое существо несоизмеримо с любой *вещью*, что его освобождение, его благо и просветление — возьмем любой другой подходящий термин — являются «целью в себе», то никакое количество времени и денег не годится для определения ценности этой цели. Такой подход — так же как и смелое провозглашение метода, предполагающего длительную заботу об отдельной личности, — был проявлением позиции, существенно выходящей за рамки конвенциональной западной мысли.

Эти замечания никоим образом не означают, что преследовавшиеся Фрейдом цели близки восточной мысли, в частности дзен-буддизму. Многие указанные мной элементы присутствовали в его мышлении скорее тайно, чем явно, скорее неосознанно, нежели сознательно. Фрейд был сыном западной цивилизации, его взгляды определялись прежде всего философией XVIII и XIX веков, а потому остались бы далеки от принципов восточного мышления в той форме, как их выражает дзен-буддизм, даже если бы Фрейд был знаком с последним. Нарисованная Фрейдом картина человека в главных чертах соответствовала образу, сформированному экономистами и философами XVIII и XIX веков. Они видели человека изолированным и ведущим конкурентную борьбу, связанным с другими людьми только нуждой в обмене, в удовлетворении экономических и инстинктивных нужд. Человек был для Фрейда движимой либидо машиной, регулируемой принципом сохранения минимального уровня возбуждения. Человек представал у него в качестве фундаментально эгоистического существа, общающегося с другими людьми только в силу взаимной нужды в удовлетворении инстинктивных желаний. Удовольствие для Фрейда — это ослабление напряжения, а не опыт радости. Раскол между интеллектом и аффектами приводил к тому, что от целостного человека оставалось только интеллектуальное *Я* философов Просвещения. Братскую любовь Фрейд считал неразумным требованием, противостоящим реальности; мистический опыт был для него регрессией к инфантильному нарциссизму[12].

[12] *Инфальтильный нарциссизм —* возвращение в поведении и мышлении на одну из ранних стадий психосексуального развития.— *Ред.-сост.*

Я попытался показать, что, вопреки всем этим очевидным противоречиям дзен-буддизму, в системе Фрейда имелись элементы, выходившие за рамки конвенциональных понятий болезни и лечения, а в равной степени и за пределы традиционной рационалистической концепции сознания. Эти элементы привели к дальнейшему развитию психоанализа, которое уже прямо шло по направлению к дзен-буддизму.

Но перед тем как перейти к обсуждению связи между «гуманистическим» психоанализом и дзен-буддизмом, мне хотелось бы указать на некоторые факторы, которые важны для понимания эволюции психоаналитического движения, — на изменение типа пациентов, приходящих к аналитику, и их проблем.

В начале нашего века к психиатрам приходили в основном люди, страдавшие от определенных *симптомов* заболеваний. У них были парализованы конечности, наблюдались навязчивые симптомы, вроде мытья рук, или навязчивые мысли, от которых они не могли избавиться, — иными словами, они были больны в том смысле, в каком слово «болезнь» употребляется в медицине. Что-то мешало им функционировать в обществе так, как функционирует так называемая «нормальная личность». Представление о лечении соответствовало их представлению о болезни. Они страдали и хотели избавиться от подобных симптомов; «здоровьем» для них было отсутствие болезни. Их пожелания сводились к следующему: быть такими же, как любая средняя личность, иначе говоря, не быть несчастными, не испытывать больших затруднений, чем средняя личность нашего общества.

Такие люди по-прежнему приходят к психоаналитику за помощью, и для них психоанализ, как и раньше, представляет собой терапию, направленную на освобождение от болезненных симптомов и дающую возможность функционировать в обществе. Но если раньше такие пациенты составляли большинство посетителей, то сегодня они в меньшинстве в кабинетах психоаналитиков — быть может, не потому, что абсолютное их число сократилось, но потому, что их количество относительно меньше по сравнению со множеством новых «пациентов». Эти неплохо функционируют в обществе, они не больны в обычном смысле слова, но страдают от *maladie du siucle*[болезни века (франц.). — *Ред.-сост.*], от той неудовлетворенности и внутренней омертвелости <...> Такие пациенты приходят к психоаналитику, не зная, от чего они в действительности страдают. Они жалуются на подавленность, бессонницу, на несчастливый брак, на отсутствие радости от работы и другие подобные затруднения. Обычно они верят в то, что вся проблема сводится к тому или иному симптому какой-то болезни — стоит от него избавиться, и все пойдет как надо. Однако они не видят того, что суть дела вовсе не в их подавленности или бессоннице, не в их супружестве или работе. Эти жалобы являются единственной сознательной формой, в которой наша культура позволяет им выразить нечто куда более глубокое — общее для самых разных лиц, думающих, будто им мешает тот или иной частный симптом. Общей для всех них причиной страданий является отчуждение человека от самого себя, от другого человека, от природы; ощущение

того, что жизнь проходит, как песок сквозь пальцы, что мы умираем, в общем-то так и не прожив жизни; что жизнь безрадостна, несмотря на материальное изобилие.

Какую помощь может предложить психоанализ страдающим от *maladie du siucle*? Эта помощь отличается — и не может не отличаться — от «лечения», заключающегося в избавлении от болезненных симптомов, препятствующих функционированию человека в обществе. Для страдающих от отчуждения излечение заключается не в ***отсутствии болезни,*** но в ***наличии благоденствия.***

Мы сталкиваемся с немалыми трудностями, пытаясь определить, что это такое. Пока мы остаемся в рамках фрейдовской системы, благоденствие определяется в терминах теории либидо, как способность к генитальной сексуальности, либо, под другим углом зрения, как осознание скрытой Эдиповой ситуации[13]. Эти определения, по моему мнению, внешне касаются реальной проблемы человеческого существования, обретения благоденствия целостным человеком. Любая попытка разрешить эту проблему должна выходить за рамки фрейдовского подхода, поскольку ведет к обсуждению, пусть всегда неполному, базисного понятия человеческого существования, что и послужило фундаментом гуманистического психоанализа. Только на этом пути мы можем найти основания для сравнения психоанализа и дзен-буддизма.

[13] ...*осознание скрытой Эдиповой ситуации* — здесь, по-видимому, осознание идей и чувств, концентрирующихся вокруг желания обладать родителем противоположного пола и устранить родителя своего пола. — *Ред.-сост.*

Д.П. Шульц,
С.Э. Шульц

[Страницы жизни Зигмунда Фрейда]*

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в г. Фрайберге, Моравия (ныне г. Прибор, Чешская Республика). В 1990 г. одна из центральных площадей этого города была переименована из площади Сталина[1] в площадь Фрейда. Отец Фрейда торговал сукном. После того, как его дела зашли в тупик, он вместе с семьей перебрался в Лейпциг, а затем, когда маленькому Фрейду исполнилось четыре года, — в Вену. В дальнейшем Фрейду было суждено провести в этом городе почти 80 лет.

Отец Фрейда был на двадцать лет старше матери. По складу характера это был жесткий и авторитарный человек. В детстве Фрейд испытывал по отношению к отцу смешанные чувства страха и любви. Его мать, напротив, была женщиной мягкой и заботливой. К ней он всегда испытывал сильную привязанность. Страх по отношению к отцу и сексуальное влечение к матери — именно это Фрейд впоследствии назвал *эдиповым комплексом.* Истоки же этого понятия могут быть найдены в его детских переживаниях. Как мы позже увидим, вообще многие моменты учения Фрейда имеют автобиографические истоки.

Фрейд был одним из девяти детей в семье. С детства он проявлял недюжинные интеллектуальные способности, что получало постоянную поддержку в семье. Во всем доме только в его комнате была масляная лампа, дававшая больше света, чем свечи, которыми пользовались все остальные. И все только ради того, чтобы он мог беспрепятственно продолжать свои занятия. Осталь-

---

* *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 392—406.

[1] Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — виднейший деятель Коммунистической Партии Советского Союза, занимавший в разное время высшие государственные посты в правительстве Союза Советских Социалистических Республик. После Второй мировой войны его ничем не ограниченная власть распространилась и на ряд стран Восточной Европы, в том числе на Чехословакию. — *Ред.-сост.*

ным детям, к которым Фрейд относился несколько свысока, не разрешали даже заниматься музыкой, чтобы это не помешало занятиям юного ученого.

Фрейд пошел в среднюю школу на год раньше положенного. За годы учебы он проявил себя как блестящий ученик и закончил школу с отличием в 17 лет. Знакомство с теорией эволюции Дарвина[2] пробудило в нем интерес к научным исследованиям, и он решил посвятить себя медицине. Он не чувствовал особого влечения к занятиям медицинской практикой, но надеялся, что ученая степень в области медицины позволит ему впоследствии сделать карьеру ученого.

В 1873 г. он поступил в Венский университет. Поскольку он проявил интерес к различным курсам, не относящимся непосредственно к медицине — таким, как философия, — ему пришлось, прежде чем он получил свою первую ученую степень, провести в стенах университета целых восемь лет. Поначалу он увлекся биологией. Известно, что он собственными руками препарировал более 400 самцов угря, изучая структуру их половых желез. Впрочем, полученные им выводы оказались недостаточно определенными. Однако любопытно, что уже первые его научные интересы были связаны с вопросами пола. В дальнейшем он занялся физиологией и изучал строение хорды у рыб, проведя у микроскопа более шести месяцев.

Еще во время своих занятий медициной Фрейд начал экспериментировать с употреблением кокаина[3]. Он принимал его сам, приучил к нему свою невесту, а также давал его всем друзьям. Именно он ввел применение кокаина в медицинскую практику. Фрейд был полон воодушевления по поводу этого препарата, который, как он утверждал, снимал у него депрессию[4] и помогал бороться с хроническими нарушениями пищеварения. В тот период Фрейд был убежден, что именно в кокаине он нашел некое чудесное средство, при помощи которого можно излечить любую болезнь — от ишиаса[5] до общей слабости, и, как он полагал, это принесет ему столь желанные славу и известность.

Увы, надеждам не суждено было оправдаться. Один из коллег Фрейда по его медицинским занятиям случайно подслушал его разговор по поводу перспектив использования кокаина, провел серию собственных исследований и обнаружил, что последний может быть весьма полезен в качестве анестезирующего средства при глазных операциях. Последнее обстоятельство, безусловно, оказало существенное влияние на развитие методов лечения глазных болезней и, прежде всего, хирургических.

В 1884 г. Фрейд опубликовал специальную работу, посвященную преимуществам применения кокаина. Можно сказать, что именно эта статья частич-

---

[2] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[3] *Кокаин* — сильный наркотик, используемый в медицине как болеутоляющее и обезболивающее (анестизирующее) средство. — *Ред.-сост.*

[4] *Депрессия* — подавленное, угнетенное психическое состояние. — *Ред.-сост.*

[5] *Ишиас* — невралгия (приступы боли) седалищного нерва. — *Ред.-сост.*

но ответственна за ту повальную эпидемию увлечения кокаином в Европе и Соединенных Штатах, которая продолжалась вплоть до 20-х гг. XX в. Впоследствии Фрейд подвергся суровому осуждению за пропаганду наркотиков и их применения для иных целей, нежели глазная хирургия. Его обвиняли в том, что именно он выпустил джинна из бутылки, создал новую чуму. До конца жизни Фрейд старался избавиться от любых напоминаний об этих событиях. Он даже не указывал работы, посвященные использованию кокаина, в своих библиографических списках.

Многие годы считалось, что Фрейд прекратил использование кокаина еще во время учебы на медицинском факультете. Но последние данные — в частности, письма самого Фрейда — говорят о том, что он продолжал принимать наркотики — по крайней мере, еще в течение десяти лет после этого, будучи уже в зрелом возрасте[6].

Фрейд собирался продолжить научную карьеру в академической сфере, но Эрнст Брюкке, профессор медицины в университете и одновременно директор физиологического института, где Фрейд впоследствии работал, отговорил его от этого намерения по финансовым соображениям. Фрейд был слишком беден, чтобы позволить себе в течение многих лет дожидаться профессорской должности в университете. Фрейд вынужден был согласиться с доводами Брюкке и в итоге решил готовиться к сдаче экзаменов на право заниматься частной медицинской практикой.

Он получил ученую степень доктора медицины в 1881 г. и начал практику в качестве клинического невролога. Как Фрейд и ожидал, клиническая практика оказалась делом не слишком увлекательным. Но экономические реалии взяли верх, и он продолжил свою клиническую деятельность. Вскоре он объявил о помолвке с Мартой Бернейс, у которой, кстати, также не было денег. В итоге они вынуждены были несколько раз откладывать свадьбу из-за финансовых затруднений.

В период ухаживания Фрейд жестоко ревновал свою невесту. Более того, он претендовал на безраздельное обладание всем вниманием Марты, даже в ущерб ее семье. «Отныне Вы в своей семье не более чем гость. <...> Если же Вы не в состоянии отречься ради меня от семьи, то потеряете меня, погубите всю свою жизнь и никогда не будете иметь счастья в семейной жизни. <...> В моей натуре есть определенная тираническая черта»[7].

Наконец после четырехлетнего изнурительного ожидания свадьба состоялась. Для этого молодая чета вынуждена была заложить свои часы и взять деньги взаймы. В конце концов, их финансовое положение поправилось, но до конца жизни Фрейд не забыл эти дни нищеты.

---

[6] См.: *Masson*, 1985. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью. — *Ред.-сост.*]

[7] Цит. по: *Appignanesi, Forrester*, 1992. P. 30, 31.

Необходимость много и напряженно работать не давала ему возможности проводить много времени в кругу семьи с женой и детьми (а их в скором времени стало уже шестеро). Свои выходные дни он проводил в одиночестве или же с двоюродной сестрой Минной, поскольку Марта не поспевала за его стремительной походкой во время пеших прогулок за городом.

Случай Анны О. Фрейд подружился с врачом Йозефом Брейером (1842—1925), который получил известность благодаря своим работам по исследованию процесса дыхания, а также изучению функций полукружного канала в человеческом ухе. Неплохо устроенный в жизни и уже ею умудренный, Брейер часто давал молодому Фрейду разнообразные советы и даже одалживал деньги. Для Фрейда он был чем-то вроде отца, символической фигурой. Брейер же, по-видимому, относился к Фрейду как к не по годам развитому младшему брату. «Интеллект Фрейда парит в заоблачных высотах, — писал Брейер одному из своих друзей. — Я иногда смотрю на него, как курица на ястреба»[8]. Они часто обсуждали вместе трудные случаи из практики Брейера, в том числе и случай Анны О. Именно этим событиям суждено было сыграть решающую роль в становлении психоанализа. <...>

Случай Анны О. чрезвычайно важен для становления психоанализа, поскольку именно здесь Фрейд впервые соприкоснулся с методом катарсиса[9], лечебной беседы, который впоследствии сыграл столь значительную роль в его собственных исследованиях.

Секс и метод свободных ассоциаций. В 1885 г. Фрейду удалось получить небольшой грант[10], позволивший ему провести несколько месяцев в Париже на стажировке у Шарко[11]. Он знакомился с применением метода гипноза при лечении истерии[12]. Вскоре Шарко стал еще одной фигурой символического отца в жизни Фрейда. Он даже воображал себе, насколько способствовала бы его карьере женитьба на дочери Шарко. Он писал в письмах Марте, как, по его мнению, хороша и привлекательна эта молодая женщина[13].

Шарко также обратил внимание Фрейда на роль секса в развитии истерического поведения. Однажды на вечеринке Фрейд нечаянно подслушал, как

---

[8] Цит. по: *Hirschümller*, 1989. S. 315.

[9] *Метод катарсиса* — эмоциональная разрядка и освобождение, «очищение» (греч. — катарсис) от аффекта, связанного с воспоминанием о травмирующем событии; на раннем этапе развития психоанализа считалось, что эта разрядка дает лечебный эффект сама по себе, независимо от того, понимает ли пациент значение вытесненного переживания. — *Ред.-сост.*

[10] *Грант* — денежное пособие, предоставляемое государственными или частными фондами на проведение научных исследований, публикацию их результатов, специальное обучение и др. — *Ред.-сост.*

[11] Шарко (*Charcot*) Жан Мартен (1825—1893) — врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии. — *Ред.-сост.*

[12] *Истерия* — функциональное нервно-психическое заболевание, проявляющееся в виде галлюцинаций, параличей, потери чувствительности, хождения во сне и других самых разнообразных расстройств психики и поведения. — *Ред.-сост.*

[13] См.: *Gelfand*, 1992.

Шарко высказывал свое мнение об одном интересном случае из своей практики. Он сказал, что причины затруднений у пациента, несомненно, имеют сексуальную основу. «В такого рода случаях речь, в конечном счете, всегда идет о гениталиях [половых органах. — *Ред.-сост.*] — всегда, всегда, всегда»[14]. <...>

Разрыв с Брейером. В 1895 г. совместно с Брейером Фрейд выпустил работу под названием «Исследования по истерии» («Studien über Hysterie»). Именно эту публикацию считают формальным началом психоанализа, хотя сам Фрейд еще в течение по крайней мере года избегал пользоваться термином «психоанализ»[15]. В этой книге содержались статьи обоих авторов, а также подробные описания некоторых историй болезни, в том числе и случай Анны О. Хотя появилось и несколько отрицательных рецензий, в целом в научных и литературных кругах Европы книга была оценена высоко. Пусть и скромное, но все же это было начало признания, которого так жаждал Фрейд.

Брейер долго колебался, прежде чем согласился на публикацию. Он не был согласен с фрейдовской трактовкой роли сексуальных сил. По его мнению, эти факторы важны, но нельзя считать их исключительной причиной появления невротических расстройств. С его точки зрения, фрейдовская позиция не имела достаточного подтверждения. Настойчивое стремление Фрейда все же опубликовать работу привело к появлению первой трещины в их дружбе.

Фрейд же, со своей стороны, был убежден, что прав именно он, и в дополнительных исследованиях нет необходимости. Вполне возможно, что он просто опасался, как бы кто-нибудь иной не опередил их, отобрав приоритет. Амбиции Фрейда явно брали верх над осмотрительностью ученого. <...>

Самоанализ и толкование сновидений. <...> Фрейд, хоть и подчеркивал роль секса в эмоциональной жизни человека, сам в целом негативно относился к сексу и испытывал определенные затруднения в этой сфере. Он писал об опасностях, таящихся в сексуальности, даже для людей совсем не невротического плана. Он настаивал на том, что человечество должно приложить все силы, чтобы подняться над уровнем «обычных животных потребностей». Фрейд считал, что половой акт унижает человека, оскверняя как его тело, так и душу. В 1897 г., когда Фрейду был 41 год, он сообщил, что лично он полностью отказался от секса: «Сексуальное возбуждение совершенно безразлично для такого человека, как я»[16]. Известно, что время от времени у Фрейда бывали периоды импотенции [полового бессилия]. Кроме того, часто он вынужден был воздерживаться от секса, поскольку не переносил презервативы и прерванный акт — обычные методы контроля рождаемости в то время[17].

В тот же самый год, когда Фрейд объявил о своем намерении воздерживаться от секса, он приступил к серьезнейшей работе по анализу собственно-

---

[14] Цит по: *Freud*, 1914. P. 14.

[15] См.: *Rosenzweig*, 1992.

[16] *Freud*, 1954. P. 227.

[17] См.: *Gay*, 1988.

го *Я*. Он страдал от многочисленных невротических симптомов, которые сам определял как невроз беспокойства. Причины же этого невроза виделись ему в накопившемся сексуальном напряжении. Он жаловался на жестокие мигрени[18], проблемы с мочеиспусканием и спазмы прямой кишки. У него развился страх смерти, боязнь путешествий, пребывания на открытом пространстве и внезапных сердечных приступов. Это был для Фрейда период величайшего внутреннего конфликта и беспорядка, но, тем не менее, в то же время это один из наиболее продуктивных периодов в его жизни. В самом деле, теория неврозов Фрейда в значительной мере основывается на его собственном опыте невротических расстройств и попытках их анализировать. «Главным моим пациентом был я сам», — писал он[19]. Он предпринял работу по самоанализу для того, чтобы разобраться в себе самом и лучше понять своих пациентов. Средством такого самоанализа был избран метод *анализа сновидений*[20].

В ходе своей работы Фрейд убедился, что сны пациента могут быть источником богатейшей информации о его эмоциональной жизни. Сновидения часто содержат в себе ключ к пониманию глубинных причин тех или иных расстройств. В соответствии со своими позитивистскими убеждениями, он полагал, что все должно иметь свои причины. А коли так, то и события в сновидениях нельзя рассматривать как чистые и безосновательные фантазии. Сновидения должны отражать некоторые подсознательные проблемы пациента.

Понимая, что не может анализировать самого себя с помощью метода свободных ассоциаций, поскольку невозможно быть одновременно врачом и пациентом в одном лице, он решил обратиться к анализу сновидений. Каждое утро при пробуждении он тщательно записывал свои сны, а уже потом применял к ним метод свободных ассоциаций.

Подобный самоанализ длился в течение почти двух лет. Его результатом и кульминацией послужила книга «Толкование сновидений» («Die Traumdeutung», 1900 г.), которую ныне считают одной из главных работ Фрейда. Именно в этой работе он впервые раскрывает природу эдипова комплекса[21], основываясь преимущественно на собственном опыте детских переживаний. Нельзя сказать, что книга повсюду была встречена с восторгом. Однако в целом она получила благоприятные отзывы. О ней писали не только профессиональные, но и популярные журналы и газеты в Вене, Берлине и других крупных европейских городах. В швейцарском городе Цюрихе эту книгу прочитал

---

[18] *Мигрени* — повторяющиеся приступы головной боли (обычно одной половины головы), часто с тошнотой и рвотой. — *Ред.-сост.*

[19] Цит. по: *Gardner*, 1993. P. 71.

[20] *Анализ сновидений* — одна из психоаналитических техник, включающая в себя толкование сновидений с целью открыть с их помощью скрытые бессознательные конфликты. — *Ред.-сост.*

[21] *Эдипов комплекс* — группа бессознательных идей и чувств, концентрирующихся вокруг желания обладать родителем противоположного пола и устранить родителя своего пола. — *Ред.-сост.*

молодой человек по имени Карл Юнг[22]. С этого момента его судьба была решена: он твердо поверил в психоанализ.

Успех «Толкования сновидений» был настолько велик, что книга выдержала девять прижизненных изданий. С этого времени Фрейд принял данный метод в качестве стандартной техники психоанализа. Сам он отныне ежедневно полчаса перед сном посвящал самоанализу.

Признание, но разлад в своем стане. В первые годы XX в. Фрейд продолжал развивать идеи психоанализа. В 1901 г. он опубликовал свою знаменитую работу «Психопатология обыденной жизни» («Zur Psychopathologie des Altagslebens»). Именно там впервые прозвучала популярная ныне идея о значении ошибок, обмолвок и других непроизвольных действий — то, что впоследствии получило название *фрейдовской оговорки*[23]. Фрейд высказал предположение, что в нашем повседневном поведении бессознательные идеи, которые конкурируют между собой за то, чтобы выйти на уровень осознания, могут оказывать существенное воздействие на наши мысли и поступки, изменяя их. То, что на поверхности явлений выглядит как случайность, оговорка или простая забывчивость, на самом деле отражает реальные, но еще не осознанные мотивы. <...>

Следующая работа Фрейда под названием «Три очерка по теории сексуальности» («Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie») появилась в 1905 г. Тремя годами ранее группа студентов обратилась к нему с просьбой руководить еженедельным семинаром по проблемам психоанализа. Темой первого занятия была психология изготовления сигар[24]. В число этих первых учеников Фрейда, которые называли сами себя «собранием маргинальных[25] невротиков»[26], входили Карл Юнг и Альфред Адлер[27], впоследствии отошедшие от основных положений своего учителя.

Как мы уже видели на примере разрыва с Брейером, Фрейд совершенно не терпел никаких разногласий со своей оценкой роли сексуальности в психической жизни человека. Всякий, кто не принимал или же пытался ее видоизменить, немедленно изгонялся из круга общения. Фрейд писал: «Психоанализ — это мое творение. На протяжении десяти лет я был единственным человеком, отдавав-

---

[22] Юнг (*Jung*) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр; см. его тексты на с. 345—357, 358—380 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[23] *Фрейдовская оговорка* — неожиданная забывчивость, пропуски или ошибки в письменной и устной речи, которые отражают наличие беспокойства или бессознательных мотивов поведения. — *Ред.-сост.*

[24] См.: *Kerr*, 1993.

[25] *Маргиналы* — личности, социальные слои или группы, находящиеся на «окраинах», т.е. за рамками характерных для данного общества социально-культурных норм и традиций. — *Ред.-сост.*

[26] *Gardner*, 1993. P. 51.

[27] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, один из первых учеников Фрейда. — *Ред.-сост.*

шим себя психоанализу целиком. <...> Никто лучше меня не может знать, что такое психоанализ»[28].

За период с 1900 по 1910 г. профессиональное положение Фрейда заметно упрочилось. Частная практика процветала, а коллеги стали считаться с его заявлениями. 1909 г. принес ему международное признание, когда вместе с Юнгом его пригласил Дж. Стэнли выступить на праздновании двадцатилетия университета Кларка в штате Массачусетс. Фрейду предоставили право выступить с серией публичных лекций. Он также был удостоен почетной докторской степени по психологии. <...>

Хотя Фрейда и принимали в Америке с почестями, он все же многим остался недоволен и продолжал вспоминать об этом до конца жизни. Ему не понравилась кухня, он был не доволен недостатком общественных туалетов, его возмутили простота и беспардонность манер. Когда гид у Ниагарского водопада назвал его «стариной», Фрейд был просто взбешен. Он никогда больше не бывал в Соединенных Штатах, отзываясь об этой стране своему биографу следующим образом: «Вся Америка — это ошибка, гигантская ошибка; это все правда, но это, тем не менее, ошибка»[29]. Справедливости ради отметим, что он не слишком жаловал и Вену, в которой прожил большую часть своей жизни.

Все эти события произошли незадолго до того, как разногласия и распри по поводу отдельных фрейдовских идей и сюжетов стали раздирать официальное психоаналитическое сообщество изнутри. В итоге все закончилось расколом. Разрыв Фрейда с Адлером произошел в 1911 г., а с Юнгом, которого Фрейд считал своим духовным сыном и наследником психоаналитической системы, — в 1914-м. Фрейд был в ярости. Однажды на семейном обеде он пожаловался на измену тех, кто прежде был так предан общему делу. «Твои проблемы, Зиги, в том, — заметила ему тетушка, — что ты совсем не разбираешься в людях»[30].

Последние годы жизни. В 1923 г., на пике его популярности, у Фрейда обнаружили рак полости рта. Более 16 лет он провел в непрерывных страданиях. Он перенес 33 операции, в результате которых часть неба и верхней челюсти были удалены. Он лечился рентгеновскими лучами и радием, ему также сделали вазектомию[31], что должно было, как полагали некоторые врачи, привести к рассасыванию раковой опухоли. После подобных операций на ротовой полости ему потребовался специальный речевой аппарат, в результате чего речь стала весьма неразборчивой. С трудом можно было понять, что он вообще говорит. Хотя Фрейд продолжал видеться с пациентами и учениками, все прочие контакты были ограничены. Он привык выкуривать по 20 сигар в день и не отказался от своей привычки даже после того, как была обнаружена болезнь.

[28] *Freud*, 1914. P. 7.

[29] *Jones*, 1955. P. 60.

[30] *Hilgard*, 1987. P. 641.

[31] *Вазектомия* — стерилизация. — *Ред.-сост.*

Писатель Антони Бёрджесс[32] так описал свои впечатления от посещения дома Фрейда в Вене, где ныне находится его музей: везде видны яркие свидетельства мучительности последних лет его жизни — «записанный на фонографе вялый и безжизненный голос Фрейда, его педантично правильный английский, прерываемый мучительным клацаньем протезов»[33].

После того, как к власти в Германии пришел Адольф Гитлер[34], официальная позиция наци по поводу психоанализа быстро прояснилась. Книги Фрейда подверглись публичному сожжению на одной из берлинских площадей в мае 1933 г. Пока они пылали в костре, нацистский лидер надрывался в крике: «Против разлагающего наши души копания в вопросах секса — и во славу благородства человеческой души — предаю я огню книги некоего Зигмунда Фрейда!»[35]. Фрейд прокомментировал эти события так: «Прогресс налицо. В средние века они сожгли бы меня, теперь жгут всего лишь мои книги»[36].

К 1934 г. наиболее дальновидные евреи-психологи и психоаналитики уже эмигрировали. Кампания нацистов по искоренению психоанализа набирала обороты. Идеи Фрейда, прежде столь популярные, были почти полностью изъяты из употребления. Один из студентов организованного нацистами в Берлине Института психологических исследований и психотерапии сообщает, что «имя Фрейда никогда не упоминалось публично, а его книги хранились в постоянно запертом шкафу»[37]. Даже сегодня, спустя 60 с лишним лет после этих событий, многие важные работы Фрейда все еще недоступны в Германии.

Фрейд настоял на том, чтобы остаться в Вене. В марте 1938 г. германские войска вошли в Австрию, а уже 15 марта к нему домой нагрянула банда нацистов. Еще неделю спустя дочь Фрейда Анна[38] была задержана и арестована. Все это вынудило Фрейда признать, что для безопасности его и семьи они должны уехать. Отчасти благодаря вмешательству американского правительства нацисты согласились выпустить Фрейда в Англию. (Четверо сестер Фрейда, оставшиеся в Вене, погибли в фашистских концентрационных лагерях.) Для того, чтобы получить возможность беспрепятственного выезда, Фрейд вынужден был подписать некий документ об отсутствии у него каких бы то ни было претензий к гестапо[39]. Говорят, что когда он подписывал эти бумаги, то саркастически заметил: «Я могу от всего сердца порекомендовать гестапо каждо-

---

[32] Бёрджесс (*Burgess*) Антони (1917—1993) — английский писатель. — *Ред.-сост.*

[33] New York Times. 1984. 7 oct.

[34] Гитлер (*Hitler*) (наст. фам. Шикльгрубер, *Schicklgruber*) Адольф (1889—1945) — вождь Национал-социалистической партии и глава германского фашистского государства, инициатор развязывания Второй мировой войны. — *Ред.-сост.*

[35] *Shur*, 1972. P. 446.

[36] Цит. по: *Jones*, 1957. P. 182.

[37] New York Times. 1984. 3 jul.

[38] Фрейд (*Freud*) Анна (1895—1982) — дочь Зигмунда Фрейда, психоаналитик. — *Ред.-сост.*

[39] *Гестапо* — тайная государственная полиция в фашистской Германии. — *Ред.-сост.*

му»[40]. По крайней мере, Эрнст Джонс, друг и биограф Фрейда, считает, что такое вполне вероятно. Правда, вновь найденные документы (оригинал подписанного Фрейдом заявления) не содержат подобных комментариев[41].

Хотя Фрейда и приняли с почетом в Англии, его последние годы были отравлены прогрессирующей болезнью. В своих дневниках и письмах к друзьям Фрейд постоянно упоминает о тягостном настроении и болях от развивающегося недуга. «Я вынужден был на 12 дней прекратить свою работу. Меня мучила боль. Я лежал, обложенный бутылками с горячей водой, на кушетке, которая прежде предназначалась для пациентов»[42]. Но его ум был по-прежнему остр. До самого последнего момента он продолжал работать.

За несколько лет до этих событий, когда Фрейд выбрал в качестве лечащего врача Макса Шура, он взял с него клятву, что тот не позволит ему мучиться понапрасну. 21 сентября 1939 г. Фрейд напомнил Шуру о его обещании. «Вы обещали не оставить меня, когда придет мое время. Сейчас в моей жизни нет ничего, кроме беспрерывной муки, в ней нет никакого смысла»[43]. Врач давал Фрейду чрезмерно большие дозы морфина в течение 24 часов, тем самым прервав бесконечную цепь мучений.

---

[40] Цит. по: *Jones*, 1957. P. 226.

[41] См.: *Decker*, 1991.

[42] *Freud*, 1992. P. 229.

[43] *Shur*, 1972. P. 529.

4 *Поведение как предмет психологии*

Дж. Уотсон

[Предмет психологии]*

Задачи и цели психологии

Традиции средневековья мешали психологии стать наукой

До последнего времени психология находилась в таком сильном порабощении у традиционной религии и философии — этих двух главных оплотов средневековья, — что долго не могла от них освободиться и сделаться естественно-научной дисциплиной. Химия и физика уже освободились от этого угнетения. Зоология и физиология находятся еще в процессе освобождения. Но они встречают при этом серьезные затруднения, что доказывается, например, непрекращающейся агитацией против преподавания в школах теории эволюции.

В последнее шестидесятилетие была сделана попытка превратить психологию в экспериментальную науку. Не раз высказывалось горделивое утверждение, что психология, выросшая на почве этой попытки, сделалась «наукой без души», — т.е. естественной наукой. Но, несмотря на организацию целого ряда лабораторий, как у нас, так и за границей, она никогда не могла доказать на деле справедливости этого утверждения.

Необъективность предмета изучения традиционной психологии

Причиной неудач традиционной психологии является в значительной мере ограничение предмета изучения, выбор метода. Психология ограничила предмет своего изучения так называемыми «состояниями сознания» — их анализом и синтезом. «Состояния сознания», подобно пресловутым спиритуалистическим

---

* *Watson J.B.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia, L.: J.B. Lippincott, 1919. P. VII—IX, 8—15, 194—199, 231—233, 269—270, 295—300. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

явлениям, не поддаются объективной проверке и поэтому никогда не смогут стать предметом научного исследования[1].

Во всех других науках наблюдаемые факты объективны, поддаются изучению, а также могут быть воспроизведены и проверены любым подготовленным наблюдателем. Например, физиолог может отметить усиление дыхания у подопытного животного, находящегося в определенных условиях; специалист по физиологической химии может установить, что это усиление зависит от наличия определенных химических веществ, циркулирующих в крови; физико-химик может после соответствующего изучения выяснить состав и строение этого химического вещества, его атомный вес и ионное состояние. Иначе говоря, изучаемые наукой явления (проверенные наблюдения) представляют собою общее достояние для всех наук; таковы же, в принципе, и методы изучения, как бы они ни различались по форме. Между чисто естественными науками имеется, однако, разделение труда и разделение потребностей. Это можно пояснить примером. Тироксин — гормон щитовидной железы — у физиолога, работающего над животными, послужит поводом к одному роду экспериментов; у врача, специалиста по заболеваниям желез, — к другому; и совершенно иной ряд опытов предпримет специалист по физической химии. Психология же, как наука о «сознании», изучает явления, которые совершенно не обладают такой общедоступностью. Психология ни сама не может поделиться ими с другими науками, ни другие науки не могут при желании ими воспользоваться. Психолог *А* не может поделиться ими не только с физиком *Б*, но даже со своим собратом — психологом *В*. Если бы эти явления даже и существовали, то они неизбежно существовали бы только как обособленные и необычные «душевные» курьезы[2].

Метод самонаблюдения (интроспекции) как серьезная помеха дальнейшему развитию психологии

Другой серьезной помехой дальнейшему развитию психологии является пользование «самонаблюдением» в качестве главного метода исследования. Метод самонаблюдения, т.е. углубления внутрь себя для того, чтобы увидеть,

---

[1] Когда речь идет о состояниях сознания, было бы правильнее говорить не о предмете психологии, а об объекте ее исследования, поскольку понятие предмета научной дисциплины включает в себя не только объект как группу определенных явлений, но и совокупность особых методов их исследования и объяснительных понятий. Кроме того, необходимо сразу отметить особенности перевода часто встречающихся в дальнейшем терминов — «раздражитель», «реакция» и «привычка». Как видно из контекста, читателю в большинстве случаев следует вместо них иметь в виду, соответственно, термины «стимул», «ответ» и «навык». — *Ред.-сост.*

[2] Бихевиорист не находит никаких доказательств существования «душевных явлений» или «душевных процессов» какого бы то ни было рода.

что происходит в нашей душе, всегда являлся основным методом у психологов-структуралистов. При этом предполагается, что самонаблюдение не сразу приобретает научный характер; для того, чтобы оно стало научным, начинающему самонаблюдателю необходима предварительная многолетняя лабораторно-психологическая тренировка в производстве наблюдений над калейдоскопическими изменениями в состояниях сознания, непрерывно сменяющих друг друга. Такая тренировка, как полагают, облегчает ему восприятие собственных состояний сознания и их анализ. Иначе говоря, интроспекционисты утверждают, что таким путем они приобретают способность разлагать сложные состояния на более простые, пока, наконец, не доходят до неразложимых элементов, называемых ощущениями и чувственным тоном.

Единственное, на что делает способным психолога данный метод, это анализ, и притом анализ только своих собственных прошлых состояний. Синтез же, который является необходимым условием современной науки, оказался для психологии невозможным. Все, что интроспективная психология могла в этом отношении дать, сводится к утверждению, что душевные процессы состоят из многих тысяч неразложимых элементов, например: из тысяч элементарных ощущений, вроде ощущений красного, зеленого, холодного, теплого и тому подобного, и их психических производных, называемых образами, а также из аффективных (чувственных) элементов удовольствия и неудовольствия (последнее в шести видах, если включить сюда еще напряжение и разрядку, возбуждение и угнетение).

Но истинность или ложность подобного утверждения ничем не может быть доказана, так как интроспективное наблюдение можно производить только над самим собою и ни над кем другим. Было ли здесь десять элементарных ощущений или сто тысяч их (даже если признать их существование), имелось ли здесь два чувственных тона или пятьдесят — этот вопрос ни в малейшей мере не относится к той стройной и связной системе общепризнанных данных, которую мы называем наукой.

Бесполезность интроспективной психологии

Психологии вундтовской школы не удалось, таким образом, стать наукой. Еще более плачевными оказались ее попытки увеличить наше понимание природы человека хоть сколько-нибудь научно-полезными данными — с целью помочь людям понять, почему они поступают так, как они поступают, а не иначе, и каким путем можно изменить их поведение; как облегчить и ускорить воспитание у подрастающего поколения таких навыков, которые давали бы юношам возможность жить, развиваться и находить свое место в общественной жизни и которые спасали бы их личность от подавления и угнетения обществом.

Психология нуждается в переоценке своих предпосылок

Одной из причин, приведших психологию вундтовской школы на этот ложный путь, является то, что она не порвала со своим прошлым. Она цеплялась, с одной стороны, за традиции, а с другой — пыталась двигаться вперед как наука. Астрономия, прежде чем получить возможность дальнейшего развития, должна была порвать с астрологией[3]; неврология должна была отказаться от френологии[4]; химия должна была порвать с алхимией[5]. И только общественные науки — психология, социология, политика и экономические науки — не хотят расставаться со своими «знахарями». По мнению многих современных ученых, психология, даже если она будет продолжать свое существование, должна, не говоря уже о превращении ее в чисто естественную науку, по крайней мере отказаться от субъективного предмета изучения, интроспективного метода исследования и прежней терминологии. Сознание с его структурными элементами, неразложимыми ощущениями (и их производными — душевными образами) и чувственными тонами, с его процессами, вниманием, восприятием, воображением — все это только фразы, не поддающиеся определению. Какова научная ценность того колоссального количества томов, которые написаны в терминах сознания, — об этом лучше всего могут дать представление те случаи, когда психологические проблемы, послужившие поводом к написанию этих томов, разрешаются действительно научно-объективными методами.

Бихевиоризм как естественно-научный подход к психологии

Считая эти возражения против господствующих общепринятых предпосылок психологии правильными, бихевиоризм, впервые поднявший голову в 1912 г., сделал попытку внести в психологию свежую чистую струю, порывая как с ходячими теориями, так и с традиционными понятиями и терминологией. Для бихевиориста психология является тем отделом естественных наук, который предметом своего изучения берет поведение человека, т.е. все его поступки и слова, как приобретенные в течение жизни, так и врожденные. Психология — это изучение того, что люди делают, начиная еще с утробного периода жизни и до смерти.

---

[3] *Астрология* — псевдонаука, утверждающая, что небесные тела влияют на личность или поведение человека. — *Ред.-сост.*

[4] *Френология* — псевдонаука, утверждающая существование связи между формой черепа и функциями психики человека. — *Ред.-сост.*

[5] *Алхимия* — средневековое донаучное направление химии, задачей которого было превращение простых металлов в золото и серебро посредством особого вещества — «философского камня», на самом деле в природе не существующего. — *Ред.-сост.*

Каждое человеческое существо проявляет деятельность в течение всей своей жизни. Деятельность эта появляется с началом эмбрионального развития и продолжается непрерывно, до самой смерти. В течение этого периода деятельность человека имеет свои приливы и отливы. Во время сна, обморока и паралича, например, она понижается как будто до абсолютного минимума как по своей интенсивности, так и по характеру. И интенсивность, и характер деятельности колеблются также и по периодам жизни — от младенчества к детству, отрочеству, зрелому возрасту и старости.

Непрерывная организация и реорганизация поведения

В первые годы жизни человека мы находим у него некоторые высокоорганизованные врожденные действия («инстинкты»), но в сравнительно малом количестве. Зато мы обнаруживаем многочисленную группу плохо интегрированных рефлексов, проявляющихся, например, в брыкании, хлопании руками и топании ногами, двиганиях всем телом и в движениях голосовых связок. Два-три года спустя мы находим, что одни из врожденных действий перешли в этот возраст неизмененными, другие предстали перед нами в измененной форме, а третьи исчезли вовсе. Мы наблюдаем также прогресс в координировании плохо согласованных действий в такие сочетания, которые мы называем навыками (*learnings*) или привычками.

Ребенок теперь точно и согласованно реагирует своими руками, ногами и туловищем на разнообразные комбинации условий или «ситуации». Он умело реагирует отдельными словами и их группами на многие речевые «ситуации».

Если мы исследуем его еще позже, то обнаружим, что он обладает еще более сложной системой навыков; но эти навыки совершенно отличны от тех, которыми он обладал во время нашего предыдущего наблюдения. Он одевается, говорит правильным языком, у него установились общественные навыки, он ходит в школу, читает и пишет.

Если мы подвергнем его исследованию в зрелом возрасте, то сложность организации его привычек оказывается настолько большой, что нам трудно ее измерить каким-либо образом. Он выполняет много сложных и ловких действий, имеет развитую систему профессиональной деятельности, он женился, обзавелся семьей, стал интересоваться мировой политикой, наукой и так далее.

Бихевиоризм стремится найти принципы, лежащие в основе изменений в поведении

Бихевиористская психология пытается — путем систематического наблюдения и эксперимента — установить обобщения, законы и принципы, лежащие в основе человеческого поведения. Если человек действует, т.е. выполняет что-ни-

будь при помощи своих рук, ног или голосовых связок, то при этом неизменно должна быть группа предшествовавших событий, являющаяся «причиной» его нынешнего действия. Подходящим термином для этой группы предшествовавших событий является термин «ситуация» (совокупность условий) или раздражитель. Когда человек сталкивается с какой-нибудь ситуацией — например, с пожаром, с опасным животным или человеком, с превратностью судьбы, то он проявит какую-нибудь деятельность, даже если будет только спокойно стоять или лежать в обмороке. Таким образом, перед психологией сразу возникают две задачи: во-первых, определение ситуации или раздражителя, послуживших вероятной причиной для возникновения данной реакции: во-вторых, предсказание вероятной реакции по данной ситуации.

1. *Определение вероятной ситуации путем наблюдения вызванной ею реакции.* — Первой задачей является такое изучение деятельности человека от рождения до старости, которое дало бы возможность бихевиористу, после наблюдения над поведением человека, сказать с достаточной вероятностью, какая ситуация или раздражитель вызвали данное действие, т.е. дало бы возможность научно определить раздражитель.

Возьмем самый простой пример. Сосед видит, что его друг выходит из дому в 7 ч 54 мин утра, как раз вовремя, чтобы попасть на специальный поезд, отходящий в 8 ч 45 мин; сделавши несколько шагов, его друг останавливается, начинает рыться в карманах, затем внезапно поворачивает назад и бежит к дому. Сосед говорит: «А, Джордж опять забыл свой проездной билет. Это вечная с ним история». Здесь наблюдатель установил раздражитель или ситуацию, вызвавшие данный поступок, основываясь отчасти на нынешнем поведении своего друга, отчасти же на тех сведениях, которые он имел о его поведении в прошлом. Этот пример настолько банален, что смешно, кажется, пользоваться им в качестве примера научного метода — он иллюстрирует как будто только метод обыденного житейского наблюдения. И, однако, психолог постоянно сталкивается с проблемами аналогичного характера, требующими только гораздо больших познаний для своего разрешения. Почему люди воюют? Почему некоторые лица борются против учения об эволюции? Почему Джордж Смит разошелся со своей женой? Почему служащие бросили мою контору, прослуживши только один-два месяца? Почему Генри живет под забором, несмотря на то, что он вполне здоров и имеет хорошее техническое образование? Почему демократический народ часто выбирает президентом бездарную личность? Любой такой вид поведения имеет столь же определимый ряд причин, как и вулканическое извержение, которое уничтожает сотни селений. Эта сторона психологии описывалась и изучалась совершенно случайно и неудовлетворительно социологами, экономистами, журналистами и многими другими. Эти лица чувствуют, что они вправе (в такой же мере, как и современные психологи, если не больше) писать об этих сторонах поведения. Но, к сожалению, даваемые ими ответы редко оказываются пригодными. При объяснении они ссылаются на некоторые свойства, присущие естественной приро-

де человека, относительно которой мы не имеем почти никаких данных. Для того, чтобы правильно ответить на все эти вопросы, нам необходимо иметь определенные, поддающиеся проверке данные относительно врожденного поведения человека: о традициях и факторах, влиявших на ту социальную группу, к которой он принадлежит; о тех общественных обычаях, которым он теперь следует; о том, какое влияние на его развитие оказали школа и религия. Для того, чтобы правильно ответить на одно из этих «почему», относящихся к деятельности человека, нам необходимо изучить человека так же, как химику нужно изучить какое-нибудь новое сложное органическое вещество. Но покамест человек в психологическом отношении является еще для нас реагирующим куском неизученной протоплазмы.

2. *Предсказание вероятной реакции по данной ситуации.* — Другой столь же важной задачей психологии является экспериментальное изучение поведения человека с детства до старости таким образом, чтобы быть в состоянии по данной ситуации или раздражителю предсказать вероятную реакцию.

Со многими практическими проблемами подобного рода мы встречаемся в мире социальных явлений[6]. Какое влияние на половое поведение людей окажут, например, недавно установленные в Норвегии и Швеции либеральные бракоразводные законы?

Такие же вопросы постоянно возникают и по поводу отдельного человека. Если хронически больная жена гражданина *А* умрет, сможет ли он это перенести? Как отразится на *Б* неожиданное получение богатства? Допустим, что какой-нибудь человек плохо справляется со своей работой. Как отразится на его поведении, если мы заставим его выполнять трудную работу сгребания угля? Улучшит ли он свою работу, или же она пострадает еще больше?

Тысячи практических вопросов подобного рода возникают не только перед психологами, но и перед обыкновенными людьми в их повседневной жизни. Человеческая жизнь все усложняется. Становится необходимым уметь предсказывать до некоторой степени, какой результат вызовет та или иная совокупность условий. Но до тех пор, пока психология не сделается наукой и не накопит данных о том, какие реакции дает человек на экспериментально создаваемые ситуации, — предсказание человеческого поведения в условиях повседневной жизни всегда будет носить такой же случайный и ошибочный характер, какой оно носило с начала рода человеческого.

---

[6] Обращаются ли за советом к эксперту по человеческому поведению в тех случаях, когда нужно провести в жизнь какую-нибудь новую крупную социальную ситуацию? Ни один город или округ не станет строить плотину через большую реку, не посоветовавшись предварительно с экспертами по сельскому хозяйству, лесоводству и так далее для того, чтобы предсказать то вероятное влияние, которое окажет это мероприятие на почву и растительность местности, лежащей выше плотины. Но здесь совет эксперта поможет, конечно, избежать излишних денежных расходов и судебных процессов. А когда делаются социальные промахи, то там ведь это влечет за собою только человеческие жертвы и неудобства.

Управление (*control*) поведением человека

Каждый ученый чувствует, что движется вперед в своей области лишь постольку, поскольку ему удается добиться управления теми явлениями, которые он изучает — например, сдержать напор воды при грозящем наводнении, защищаться от молнии посредством громоотвода, экспериментально вызывать молнию и дождь, рассеивать облака и тому подобное.

Точно так же и психолог, избравший предметом своего изучения человеческое поведение, чувствует, что он делает успехи в своей науке лишь постольку, поскольку может регулировать поведение и управлять им. Имеются ли в репертуаре действий данного человека, приобретенных путем обычного воспитания и образования, навыки такого рода, развитие которых даст ему возможность стать артистом, певцом, администратором? Можно ли сделать из этого человека выдающегося игрока в гольф? Если можно, то какие меры следует предпринять и какую технику нужно применить для того, чтобы воспитать у него необходимые навыки возможно быстрее и возможно прочнее?

Другой случай: мы видим, что человек пуглив, излишне робок, застенчив, заикается. Можем ли мы изменить такое поведение? Если можем, то какого метода воздействия нам следует придерживаться? Или наоборот: в состоянии ли мы внушить здоровый страх ребенку, который играет со змеями, обнимается с каждой увиденной им собакой, дразнит всякую бродячую кошку?

Подобная работа требует не только умения определить раздражитель по данной реакции и предсказать вероятную реакцию по данному раздражителю, но включает также экспериментальное регулирование раздражителей и создание намеченной реакции, для чего нужно усиливать или ослаблять раздражители до тех пор, пока соответствующая реакция не будет получена; а если намеченной или ожидаемой реакции нет в репертуаре данного человека, то ее необходимо воспитать, если только в нем имеется сырой материал такого рода, которым можно воспользоваться с этой целью.

Именно здесь мы и находим подлинное и законное поле для экспериментального изучения нашего человеческого материала. Оно должно производиться экспериментальным путем, для чего нам часто необходимы лаборатории. До тех пор, пока мы не добудем больше данных об управлении поведением ребенка в нежные годы младенчества, воспитание ребенка по-прежнему останется, пожалуй, довольно небезопасным экспериментом. Старый довод о том, что до сих пор, в течение тысячелетий, многие миллионы детей благополучно вырастали и воспитывались, опровергается теми установленными и общепризнанными ныне неудачами, которые терпит большинство людей при попытке удовлетворительно приспособиться к условиям жизни в обществе.

Бихевиорист считает, что только систематические генетические исследования над человеческим родом, производимые достаточно долго, начиная с младенчества и до наступления зрелости, дадут нам когда-либо возможность экспериментально (по своему желанию) управлять человеческим поведением,

что столь необходимо как для общего управления обществом и его развития, так и для счастья отдельных людей. <...>

Методика научного исследования

Более подробное описание предмета изучения научной психологии

Психология как наука ставит себе целью разобраться в сложных факторах развития человеческого поведения с детства до старости и найти законы для управления поведением.

Для разрешения этих задач нам необходимо изучить все те простые и сложные явления, которыми вызываются поступки человека; необходимо знать, как рано в жизни он уже может реагировать на различные простые и сложные раздражения органов чувств; в каком возрасте проявляются обычно различные инстинкты, и каковы условия, вызывающие их. Каков характер его инстинктивных действий, т.е. может ли человеческое существо совершать какие-либо сложные акты инстинктивно, без обучения, как это делают низшие животные? Если может, то каков полный репертуар его инстинктов? Когда проявляется эмоциональная деятельность? Каковы условия, вызывающие ее, и какие особенности в эмоциональном поведении можно отметить? Как рано можем мы наблюдать появление привычек у младенца? Какие специальные методы можно выработать для быстрого и надежного воспитания телесных и речевых навыков, требуемых обществом?

Раздражитель и реакция

Это общее описание предмета изучения психологии очень мало помогает нам при анализе частных проблем поведения. Прежде чем приступить к экспериментальному разрешению какой-нибудь проблемы психологии, мы должны сначала разложить ее на простейшие элементы. Если мы просмотрим приведенный в предыдущем параграфе и в наших примерах из жизни перечень проблем, относящихся к изучению человеческого поведения, то увидим, что имеются общие факторы, красной нитью проходящие через все формы человеческой деятельности. В каждом акте приспособления всегда имеется *реакция* или *действие* и *раздражитель* или *ситуация*, вызывающие данную реакцию. Не слишком выходя за пределы фактов, можно сказать, что раздражитель всегда доставляется или окружающей средой, внешней для человека, или же движениями его собственных мускулов и секрецией его желез и, наконец, что реакция всегда следует почти непосредственно за раздражителем. Это, конечно, только гипотезы, но они являются, пожалуй, основными гипотезами для психологии. Прежде чем окончательно принять или отвергнуть их, нам придется исследовать как природу раздражителя или ситуации, так и природу реакций.

Если мы условно примем их, то можем сказать, что целью психологического изучения является *установление таких фактов и законов, при помощи которых психология сможет при данном раздражителе предсказать, какая реакция последует; или наоборот, по данной реакции определить природу вызвавшего ее раздражителя.*

Употребление термина «раздражитель»

Мы употребляем в психологии термин *раздражитель* в том же самом смысле, как он употребляется в физиологии. Мы только несколько расширили область его применения. В психологической лаборатории мы говорим о раздражителе, когда имеем дело с относительно простыми факторами, например, с действием эфирных волн различной длины, с действием звуковых волн и так далее и пытаемся выяснить влияние каждого из них в отдельности на приспособляемость человека. В том же случае, когда факторы, влекущие за собой реакцию, более сложные, как например, в социальной жизни, мы говорим *о ситуациях*. Ситуация, таким образом, представляет собой сложную группу раздражителей. Как пример раздражителей мы можем назвать световые лучи с различной длиной волны, звуковые волны различной амплитуды, длины и пр., газовые частички столь малого диаметра, что они действуют на слизистую оболочку носа, различные растворы, содержащие частицы вещества такого объема, что вкусовые сосочки ими возбуждаются, твердые предметы, действующие на кожу и слизистые оболочки, лучистые раздражители, вызывающие температурные реакции, вредоносные раздражители, например — колотье, резание, и вообще повреждение целости тканей. Наконец, сокращения самих мускулов и деятельность желез, действуя на окончания чувствительных нервов, также являются раздражителями.

Следует отметить, что даже в экспериментальных условиях нам очень редко удается воздействовать на организм только одним раздражителем. Жизнь преподносит раздражители в разнообразных и смешанных сочетаниях. Например, когда вы пишете, на вас действует сложная система раздражителей — пот струится с вашего лба, перо ускользает из ваших рук, слова, которые вы пишете, собираются в фокусе на сетчатке; стул также дает раздражение и, наконец, шум с улицы беспрестанно раздражает вашу барабанную перепонку. Но, что более важно, тонкие чувствительные аппараты показали бы, что хотя вы не говорите вслух, однако ваш голосовой механизм (язык, глотка и мускулы гортани) постоянно движется привычным образом. Эти движения глотки и гортани действуют как раздражители, вызывая пишущие движения рук. Тот факт, что вы находитесь здесь в аудитории, лицом к лицу с вашим преподавателем, окруженные вашими сотоварищами, является другим очень важным элементом. Мир раздражителей является, таким образом, чрезвычайно сложным, всю эту массу воздействующих факторов, которые заставляют реагировать всего человека в целом, удобнее назвать ситуацией. Ситуации могут быть как самые

простые, так и очень сложные. Наконец, следует отметить, что существует много видов физической энергии, которые непосредственно не действуют на наши органы чувств. В качестве примера приведем тот факт, что эфирные волны длиннее 760 ангстрем или короче 397 ангстрем не вызывают зрительных реакций и что многие из волнообразных движений воздуха имеют такую длину или амплитуду, что не производят слухового раздражения. Неспособность человеческого организма реагировать на многие возможно существующие формы раздражения будет рассмотрена дальше.

Общая природа реакции

Подобным же образом мы употребляем в психологии физиологический термин «реакция»; но опять-таки мы должны несколько расширить его применение. Движения, которые получаются, если мы будем постукивать молоточком по коленному сухожилию или проводить им по подошве ноги, являются «простыми» реакциями, изучаемыми физиологией и медициной. В психологии мы также иногда изучаем простые реакции этого рода, но чаще мы изучаем целую совокупность сложных реакций, наступающих одновременно. В последнем случае мы иногда употребляем житейский термин «действие или приспособление», подразумевая под этим целую группу реакций, соединенных в таком сочетании (инстинкт или привычка), которое указывает, что человек совершает что-нибудь, для чего у нас есть определенное название: например, «строит дом», «ест», «плавает», «пишет письмо», «разговаривает»[7].

Психология не касается вопроса о том, хороши поступки или дурны, успешны или нет, и не вдается в их профессиональную или моральную оценку. То обстоятельство, что человек терпит неудачу при отдельных попытках добыть себе пищу, построить жилище, решить математическую задачу или наладить семейную жизнь, не является основанием для того, чтобы отвергнуть его как предмет психологического изучения. Нас интересует в нем его *способность к реакциям*, и мы изучаем его *без всяких предубеждений*. Обнаружение того факта, что данный человек в некоторых отношениях плохо приспособляется к среде, является очень важной частью нашего исследования,— столь же важной, как и установление того, какие акты приспособления он в состоянии выполнять. Общество обычно оценивает поступки как «успешные» или «неуспешные», «дурные» или «хорошие». Каждая социальная эпоха устанавливает опре-

[7] Необходимо хорошо усвоить следующее: что бы человек ни делал под влиянием раздражителя, все это является реакцией или приспособлением; покраснение, усиленное сердцебиение, изменение дыхания и так далее — это тоже отдельные акты приспособления. У нас имеются названия только для немногих тысяч из всего возможного количества таких актов приспособления. Термин «приспособление» большинством авторов употребляется для обозначения поступков и действий, имеющих вышеуказанный характер и специальное название. В настоящей книге термины «приспособление», «ответ» и «реакция» употребляются без особого различия.

деленные нормы поведения, но эти нормы меняются от одной эпохи к другой. Отсюда следует, что они не являются психологическими нормами. Однако способность к реакциям остается, в среднем, приблизительно одинаковой в течение многих веков. Если бы нам удалось достать новорожденного, принадлежащего к династии фараонов, и воспитывать его вместе с другими мальчиками в Бостоне, то вполне вероятно, что он развился бы в такого же юношу, как и другие студенты Гарвардского университета. Его шансы на успех в жизни, вероятно, совсем не отличались бы от шансов его сотоварищей. Результаты научного анализа человеческих поступков должны годиться для всякой культурной эпохи. Одна из задач психолога и заключается именно в том, чтобы определить, имеет ли в себе данный человек способности к таким реакциям, которые позволят ему приспособиться к нормам поведения данной культурной эпохи, и каким образом он должен действовать, чтобы возможно скорее достичь этого приспособления. Тот факт, что социальные ценности (общественные *нравы*) меняются, всегда создает новые трудности для психолога: каждое изменение в *нравах* подразумевает различные новые условия, на которые человек должен ответить комбинацией разнообразных действий, и всякий новый комплекс действий должен присоединиться к прежней системе реакций индивидуума и тесно с ней связаться. Задачи, которые при этом ставятся перед психологией, состоят в решении вопроса, может ли данный человек приспособиться к новым нормам, и в определении и разработке методов для руководства им.

Двигательные реакции и реакции желез. Что может наблюдать психолог? Конечно, *поведение*. Но поведение, в конечном счете, сводится к отдельным системам реакций, посредством которых индивидуум приспособляется к окружающей среде. Когда мы подходим к изучению механизма подобных актов приспособления, то оказывается, что они заключаются в системе рефлексов, вызванных интеграцией рецепторов с мускулами и железами. Следует подчеркнуть здесь, что объективная психология не разлагает такие интегрированные системы на простейшие элементы, помимо тех случаев, где это требуется для решения какой-нибудь проблемы. Бихевиориста, как и всякого другого психолога, интересует, преимущественно, конкретная и цельная деятельность.

<...> Железы, подобно мускулам, являются реагирующими органами; и всякий раз, когда имеет место двигательная реакция, происходит и особая реакция желез. Деятельность желез, в свою очередь, влияет на мускульную систему и ее функции. Далее, мы находим два рода мускулов: поперечно-полосатые и гладкие. Поперечно-полосатыми мускулами приводятся в движение руки, ноги, туловище, язык, гортань. Гладкие мускулы управляют, главным образом, кровеносными сосудами, внутренними органами, половыми органами и органами выделения. Когда мы говорим о реакции, мы обычно подразумеваем, что организм двигается вперед, вправо, влево или сокращается в целом, что он ест, пьет, сражается, строит жилище или работает. Но эти явные, легко наблюдаемые изменения не исчерпывают понятия реакции в том смысле, как мы ее определили [ранее. —*Ред. сост.*] Мы должны понимать под реакцией со-

вокупные изменения гладкой и поперечно-полосатой мускулатуры, а также изменения желез, которые следуют в ответ на данный раздражитель. Наши конкретные задачи данного момента определяют, какие движения должны изучаться сравнительно изолированно. У человека, впрочем, нас интересует преимущественно процесс интеграции отдельных реакций, т.е. приучение его выполнять что-либо руками, ногами или при помощи голосовых связок. Чрезвычайно важно с самого начала усвоить себе правильное понимание термина «реакция». Человек или животное может оставаться совершенно неподвижным под влиянием раздражителя, но мы не вправе сказать, что здесь нет реакции. Более тщательное наблюдение показывает, что при этом имеются изменения в напряжении мускулов, в дыхании, кровообращении и в деятельности желез.

Общая классификация реакций

Ясно, таким образом, что разнообразие реакций, с которыми мы можем встретиться в жизни, чрезвычайно велико; столь велико, что, на первый взгляд, какая бы то ни было классификация их должна показаться невозможной. Но мы можем все-таки найти для них подходящую группировку, которая облегчит нам как обсуждение вопроса, так и постановку экспериментальных задач. Большинство реакций могут быть отнесены к одному из четырех главных видов:

1. Наружные или видимые приобретенные реакции (*explicit habit responses*). В качестве примера мы можем назвать открывание двери, игру в теннис, игру на скрипке, постройку жилища, разговор с людьми, поддерживание хороших отношений с лицами своего или противоположного пола.

2. Внутренние или скрытые приобретенные реакции (*implicit habit responses*). К ним относятся: ***«мышление», под которым мы разумеем внутреннюю («неслышную») речь***; те общие телесно-речевые навыки и телесные установки или позы, которые трудно наблюдать без применения особых аппаратов или без помощи эксперимента; различные условные рефлексы с участием желез и гладкой мускулатуры, например, слюнные условные рефлексы.

3. Наружные (видимые) наследственные реакции (*explicit hereditary responses*), т.е. такие инстинктивные и эмоциональные реакции человека (проявляющиеся наружу), какие мы наблюдаем, например, при хватании, чихании, мигании, убегании, а также при страхе, ярости, любви.

4. Внутренние (скрытые) наследственные реакции (*implicit hereditary responses*). Сюда входит активность всей системы желез внутренней секреции, изменения в кровообращении и т.д., столь широко изученные физиологией. Для возможности наблюдения здесь также необходимо применение аппаратуры и помощь эксперимента.

<...> Приведенная классификация в целом должна быть ясна сама по себе, за возможным исключением пункта второго (скрытые приобретенные реак-

ции). Эта группа реакций столь важна, и рассмотрением ее обычно так пренебрегают, что мы должны, в виде исключения, кратко остановиться на ней здесь же <...>.

В чем состоит деятельность человека, когда он внешне не проявляет никаких видимых действий

У такого высокодифференцированного организма, как человек, часто даже тщательным наблюдением нельзя обнаружить никакой видимой реакции. Человек может, например, сидеть неподвижно за своим столом, с пером в руке и бумагой перед собою. Выражаясь житейски, можно сказать, что он сейчас сидит праздно, либо «думает»; но мы *считаем*, что на самом деле его мускулы работают, и даже, может быть, работают больше, чем при игре в теннис. Но какие мускулы? Те мускулы, которые обычно действуют, когда он находится в подобных условиях, а также мускулы его глотки, языка и мускулы органов речи[8]. Эти мускулы так активно работают и так точно совершают свою систему движений, как если бы он исполнял сонату на пианино. Действуют ли они хорошо или плохо — это зависит от тренировки человека в том отношении, которое необходимо ему в данном случае. Хотя мы не можем еще наблюдать игры внутреннего потока слов, однако нет причин предполагать в этом тайну. Если бы мы могли подвергнуть наблюдению процесс «мышления» так же, как мы наблюдаем греблю или игру в теннис, то необходимость в его «объяснении» исчезла бы. <...>

Врожденные (*unlearned*) формы поведения: «эмоции»

Введение

<...> Всю человеческую деятельность можно разделить на наследственные реакции (эмоциональные и инстинктивные) и на приобретенные реакции (привычки). <...> Мы считаем правильным временно подчеркнуть эту разницу. Такой способ действия в науке вполне законен. Только немногие из биологических проблем допускают иной подход. С этой целью мы применяем генетический метод. Мы должны начинать изучение с момента появления ребенка на свет (мы начали бы и раньше, если бы это не повредило матери и ребенку) и следовать шаг за шагом за его развитием, отмечая первое появление наследственных форм реакции, их течение и влияние на формирование всей личности ребенка, а также отметить начало приобретенных способов реагирования.

[8] В действительности в работу вовлекается почти вся система желез и мускулов .

Приобретение навыков, без сомнения, начинается в *утробе матери* (нет оснований полагать, что условные рефлексы там не возникают) и, вероятно, многие наследственные типы реакций (особые типы рефлексов) целиком протекают *in utero* [в матке (лат.). — *Ред.-сост.*]. Но здесь мы вступаем в область, которая еще до сих пор остается чисто умозрительной.

Что такое эмоция?

Точные и незыблемые формулировки в психологии эмоций невозможны, возможны только общие определения, которые и помогают нам классифицировать наблюдаемые явления. Определение, которое подойдет к отдельным группам эмоциональных реакций, может быть выражено следующим образом: ***эмоция есть наследственная «стереотипная» реакция*** (*«pattern-reaction»*), ***влекущая за собой глубокие изменения во всем организме и в особенности в сосудистой и железистой системах***. Под стереотипной реакцией мы подразумеваем такую реакцию, отдельные детали которой появляются с определенным постоянством, правильностью и приблизительно в одном и том же последовательном порядке всякий раз, когда предъявляется соответствующий раздражитель. <...> Для удобства отличия *эмоциональных* реакций от *инстинктивных* полезно включить в определение эмоции фактор, который можно сформулировать следующим образом: шок, производимый эмоциональным раздражением, приводит весь организм, хотя бы на мгновение, в хаотическое состояние. В первый момент эмоционального шока человек плохо приспособляется к окружающему. Как мы увидим далее, инстинкты представляют прямую противоположность этому. При инстинктивном акте человек обычно производит какое-нибудь действие: он поднимает руки для защиты, мигает глазами, или нагибает голову, убегает, кусается, царапается, лягается и схватывает, что попадется под руку. Мы можем выразить наше определение в наиболее подходящих терминах приблизительно следующим образом: когда акты приспособления, вызванные раздражителем, являются внутренними и ограничиваются телом человека, то мы имеем эмоцию, например, покраснение; когда же раздражитель вызывает приспособление всего организма к окружающим предметам, то мы имеем инстинкт, например, защитные реакции, схватывание и так далее. Эмоции редко появляются изолированно. Обычно раздражитель вызывает одновременно как эмоционально-инстинктивные реакции, так и приобретенные. <...>

Положительные результаты опытов; ранние типы эмоциональных реакций

Исходя из наблюдений над большим числом детей исключительно в первые месяцы их жизни, мы предлагаем следующую классификацию эмоциональных реакций, относящихся к первичной и основной природе человека: страх, гнев

и любовь (употребляя *любовь* в том смысле, в котором Фрейд[9] употребляет «секс»). Мы с большой осторожностью пользуемся этими терминами, столь обычными в психологии, и просим читателя не искать в них ничего такого, чего нельзя было бы выразить в понятиях ситуации и реакции. Мы охотно назвали бы их состояниями *X, У* и *Z* эмоциональной реакции. Их гораздо легче наблюдать на животных, чем на детях. <...>

Условные эмоциональные реакции

Под влиянием факторов окружающей среды (влияние привычек) условия, обычно не вызывавшие эмоциональной реакции, со временем начинают их вызывать. Это увеличение числа раздражителей, которые в состоянии вызвать эмоциональную деятельность, и обусловливает в значительной мере всю ту сложность, какую мы видим в эмоциональной жизни взрослого. До последнего времени не велось никаких экспериментальных работ, которые указывали бы на самый процесс образования таких обусловленных эмоциональных реакций.

Недавно в лаборатории [университета. — *Ред.-сост.*] Хопкинза были проведены нижеописанные опыты на Альберте, ребенке 7 месяцев, весом 21 фунт [около 9,5 кг. — *Ред.-сост.*]. Этот ребенок был туповат и флегматичен, но хорошо выглядел и был здоров.

Альберт был сыном одной из кормилиц. Всю свою жизнь он провел в госпитале. Почти с момента рождения он находился под непрерывным наблюдением экспериментаторов.

При этом опыте следует для начала пользоваться простым врожденным или основным раздражителем, который *может* вызвать страх (например, электрическим током). Мы уже указывали, что громкие звуки являются наиболее действенными из подобного рода раздражителей. Мы решили взять Альберта и испытывать условный страх на белую крысу: показывали ему крысу и, как только он приближался и касался ее, ударяли позади него тяжелым металлическим прутом. Но сначала, путем повторных испытаний, мы установили, что Альберт не боялся ничего, за исключением громких звуков (или удаления поддержки). Ко всему, что находилось от него на расстоянии 20 дм, он тянулся, трогал и хватал. Это наблюдалось по отношению к животным, людям и вещам. Однако его реакция на звук от удара металлическим прутом была характерной и, как мы убедились, она была таковой у большинства, если не у всех детей. Когда позади впервые раздался неожиданный удар, то наблюдалась внезапная задержка дыхания и подбрасывание ручек кверху. При втором раздражении губки его начали морщиться и дрожать, на третье он разразился плачем, отвернулся в сторону и начал уползать со всей возможной для него быстротой, отворачивая голову.

---

[9] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с. 312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Результат этих наблюдений, указывающий на то, что громкий звук может вызвать реакцию страха, дал нам возможность предполагать, что мы сможем пользоваться этим раздражителем для *воспитания условных эмоциональных реакций*, подобно тому, как комбинация электрического тока с одновременным показыванием какого-нибудь цветного предмета в конце концов вызывает условную двигательную реакцию пальца. Наши лабораторные записи, регистрировавшие ход этого испытания, являются весьма убедительными.

Возраст 11 месяцев и 3 дня.

(1) Белую крысу быстро вынули из корзины и поднесли Альберту. Он стал тянуться к ней левой ручкой. Как только его ручка коснулась животного, в тот же момент ударили прутом за его головой. Ребенок быстро вскочил и упал вперед, спрятавши лицо в матрац. Однако он не плакал.

(2) Как только он дотронулся ручкой до крысы, снова ударили металлическим прутом. Ребенок опять быстро вскочил, упал вперед и стал хныкать. Чтобы не нанести ребенку серьезных расстройств, дальнейших испытаний в эту неделю не велось.

Возраст 11 месяцев 10 дней.

(1) Крысу поднесли неожиданно, не производя удара. Ребенок долго смотрел на нее, но не проявлял тенденции тянуться к ней. Тогда крысу поднесли ближе, ребенок стал делать пробные движения тянуться к ней правой рукой. Когда же крыса стала обнюхивать левую ручку ребенка, он немедленно отдернул ее. Он стал тянуться к голове животного указательным пальцем левой ручки, но тотчас же отдернул ее, не коснувшись животного. Таким образом, мы видим, что сочетание двух раздражений, данных на прошлой неделе, дало эффект. Вслед за этим его подвергли испытанию при помощи его кубиков для того, чтобы выяснить, не участвуют ли и они в этом процессе (обусловливания образования условного рефлекса). Он тотчас стал разбирать их, бросать, колотить ими и так далее. Во время последних испытаний часто употреблялись кубики с целью успокоить его и определить его общее эмоциональное состояние. Их всегда удаляли из поля зрения, когда производился процесс обусловливания.

(2) Совместное раздражение крысой и звуком. Вздрогнул, немедленно перевернулся вправо. Не плакал.

(3) Комбинированное раздражение. Упал направо, лежал, опираясь ручками и отвернувши голову от крысы. Не плакал.

(4) Комбинированное раздражение. Та же реакция.

(5) Неожиданно поднесли крысу одну. На лице появилась гримаса, захныкал и быстро отодвинулся влево.

(6) Комбинированное раздражение. Перевернулся тотчас направо и стал хныкать.

(7) Комбинированное раздражение. Сильно вздрогнул и заплакал, но не перевернулся.

(8) *Крыса одна*. В тот момент, когда показали крысу, ребенок начал плакать. Почти тотчас же он быстро отвернулся влево, перевернулся, сам же при-

поднялся и начал уползать на четвереньках со всей возможной быстротой, с трудом цепляясь, пока не достиг стола.

Это был настолько убедительный случай вполне обусловленной реакции страха, какой только можно было теоретически представить. Ничего не будет необычного в том, если при ударе большей интенсивности у ребенка с более нежной организацией достаточно будет двух или трех совместных раздражений, чтобы обусловить эмоцию.

Таким образом, мы видим, как легко такие обусловленные страхи могут воспитываться в домашней обстановке. У ребенка, который в течение года отправлялся спать без света, не испытывая никакого страха, может, благодаря хлопанью дверью или неожиданному сильному удару грома, появиться обусловленная боязнь темноты. Мы можем легко объяснить то, почему неожиданный блеск молнии приводит вас в напряженное состояние, вы затыкаете уши руками прежде, чем ударит гром, который, собственно, и является истинным раздражителем для подобного действия. Далее, мы наблюдаем, как уже один вид няньки, которая неловко обращается с ребенком, либо дурно его одевает, повергает ребенка в гнев, или как мелькнувшая шляпка возлюбленной может вызвать реакцию любви у ее друга.

Перенос обусловленных эмоциональных реакций

У нас возник экспериментальный вопрос — будет ли после этого Альберт бояться только крыс или же страх будет перенесен и на других животных, а может быть и на другие предметы. Для получения ответа на этот вопрос Альберта опять принесли в лабораторию 5 дней спустя и подвергли испытанию. Наши лабораторные записи опять-таки дали вполне убедительные результаты.

Возраст 11 месяцев 15 дней.

(1) Сначала провели испытание с кубиками. Он охотно тянулся к ним и играл с ними обычным образом. Это указывает, что не было общего ***переноса*** на комнату, стол, кубики и так далее.

(2) Испытание с одной крысой. Немедленно захныкал, отдернул правую ручку, отвернул голову и туловище.

(3) Вновь предлагаются кубики. Охотно играет с ними, улыбается, лепечет.

(4) Крыса одна. Откинулся влево, как можно дальше от крысы и затем перевернулся, встал на четвереньки и укатился прочь, как только мог скорее.

(5) Опять предложены кубики. Немедленно потянулся к ним, улыбаясь и заливаясь смехом, как и прежде.

Вышеприведенное предварительное испытание показывает что обусловленная реакция на крысу вполне сохранилась в течение 5 дней, в которые испытания не велись. Следующим вопросом, который мы решали, был: существует ли ***перенос*** или нет.

(6) *Кролик* один. Перед ребенком неожиданно поместили на матрац кролика. Реакция была ясно выражена. Отрицательные реакции появились сразу же. Ребенок откинулся от животного, как только мог дальше, захныкал и разразился слезами. Когда кролика поднесли к нему вплотную, он зарылся лицом в матрац, затем поднялся на четвереньки и отполз плача. Это было весьма убедительное испытание.

(7) Затем после некоторого интервала ему дали кубики. Он играл с ними, как и прежде. Четверо наблюдавших заметили, что он играл с ними на этот раз более энергично, чем когда-либо прежде. Он подымал кубики над головой и с силой швырял их на пол.

(8) *Собака* одна. Собака не вызвала столь бурной реакции, как кролик. Как только его глаза остановились на собаке, он сразу сжался и с приближением животного старался подняться на четвереньки, но сперва не плакал. Как только собака ушла из его поля зрения, он успокоился. Затем собаку заставили приблизиться к голове ребенка (он лежал в этот момент). Альберт моментально выпрямился, перевернулся на другой бок и отвернул голову. Затем он начал плакать.

(9) Опять предложены кубики. Немедленно он стал с ними играть.

(10) *Меховая шуба* (котик). Немедленно отодвинулся влево и начал хныкать. Шубу положили близко к нему, с левой стороны. Он моментально отвернулся, стал плакать и старался отползти на четвереньках.

(11) *Вата*. Вата была предложена в бумажном свертке. На концах вата не была прикрыта бумагой. Ее положили сперва на ноги ребенка. Он отбрыкнул ее ножкой, но не дотронулся ручкой. Когда его ручку положили на вату, он ее моментально отдернул, но не обнаружил того шока, которые в нем вызывали животные и меховая шуба. Затем он начал играть с бумагой, избегая соприкосновения с самой ватой. В конце, под влиянием инстинкта манипулирования, несколько ослабело отрицательное отношение к вате.

(12) Как будто шутя, *W*[10] опустил голову с тем, чтобы посмотреть, будет ли Альберт играть с его волосами. Альберт отнесся вполне отрицательно. Двое других наблюдателей проделали то же. Он начал тотчас играть с их волосами. Затем принесли маску деда Мороза и предложили ее Альберту. Он опять отнесся явно отрицательно, хотя во время прежних опытов играл с нею. Таким образом, мы видим, что обусловленный страх по отношению к крысе, вызванный экспериментально, был перенесен и на многие другие объекты. Этот перенос совершился непосредственно и без всяких добавочных опытов по отношению к этим другим предметам.

Итак, в этих перенесенных эмоциональных реакциях, быть может, и кроется причина той сильной перемены в личности детей, а возможно и взрослых, которая получается в результате даже однократной эмоциональной реакции, вызванной каким-либо предметом или ситуацией. Этим объясняются многие неразумные страхи и многие случаи особой чувствительности людей к опреде-

[10] По-видимому автор, т.е. Джон Уотсон — *Ред.-сост.*

ленным предметам, для объяснения реакции на которые мы не находим достаточных оснований в прошлой жизни данного человека. Нам нет нужды лишний раз подчеркивать важность этого фактора в формировании жизни ребенка.

Для прикладной психологии наиболее важным является вопрос: «Каким образом устранить эти обусловленные реакции страха, ярости и любви?». Обусловленные реакции любви являются, вероятно, более серьезными, чем реакции страха и вспыльчивости, так как общество не только терпит, но даже поощряет их. По нашему мнению, обусловленные реакции любви, особенно реакции по отношению к матери и отцу, являются, вероятно, самыми мрачными факторами во всей системе человеческой организации, создавая слишком сильную *зависимость от родителей, как это и есть в действительности*. Если бы психоанализ даже и мог перевоспитывать людей, то применение его оказалось бы запоздалым, — привычки и связи, берущие начало в младенчестве и продолжающиеся в течение периода юношества, препятствуют и тормозят организацию по другим направлениям. Взрослый, имеющий такие инфантильные привычки, является и должен оставаться неуравновешенным с точки зрения своей общей организации. Когда будут учреждены лаборатории по изучению детского поведения, то исследователи со временем научатся устранять эти обусловленные эмоциональные реакции. Эмоциональное перевоспитание обещает стать столь же важным для общества, как и медицина. Но это перевоспитание будет бесплодным занятием до тех пор, пока родители не будут обучены воспитывать детей. <...>

Врожденные формы поведения: инстинкты

<...>

Что такое инстинкт

Мы могли бы определить инстинкт как наследственную, стереотипную паттерн-реакцию, отдельными элементами которой являются движения поперечно-полосатых мускулов. Другими словами, инстинктом можно называть совокупность наследственных (безусловных) реакций, появляющихся при соответствующем раздражении. <...> Многие из наследственных реакций, конечно, приспособлены, но многие не приспособлены и даже, наоборот, противоречат приспособлению.<...>

Различие между рефлексом и инстинктом

<...> Под рефлексом мы разумеем реакцию, возникающую в ответ на соответствующее раздражение какой-либо определенной ткани: железистой или мускульной. Но это понятие абстрактно, потому что рефлекторная реакция гла-

за, ноги, руки и ступни никогда не является в изолированном виде. Реакция сопровождается изменениями также и в других частях тела.<...> Все же термин «рефлекс» чрезвычайно удобен, и под ним мы разумеем простейшие виды деятельности. Теоретически мы могли бы получить чистый рефлекс, раздражая окончание изолированного волокна центростремительного нерва или изолированное окончание двигательного нервного волокна, связанного с мускульным волокном. Но такая изоляция никогда не производилась, и никто не интересовался ее произвести. Выше мы определили инстинкт как совокупность наследственных реакций, появляющихся сериями (цепями) при соответствующем раздражении. Если бы мы пожелали выразить инстинкт в простейших понятиях, то лучше всего будет считать каждый элемент такой инстинктивной деятельности, как рефлекс. Лёб[11], например, говорит, что инстинкт есть система цепных рефлексов. Мы не возражаем против такого схематического определения инстинкта. <...>

Торможение инстинктов и воздействие на них

Задачи, связанные с разрушением и подавлением инстинктов и с заменой их привычкой, имеют как практический, так и теоретический интерес. Если инстинкты извращаются, они должны быть разрушены прежде, чем из них разовьется дальнейшая деятельность. Более того, многие вполне нормальные инстинкты должны быть подвергнуты социальному воздействию прежде, чем человек станет членом общества. Самым повседневным примером раннего общественного воздействия на нормальные инстинктивные акты является приучение ребенка к воздержанию в физиологических функциях (испражнение, мочеиспускание). Здесь инстинктивная деятельность остается нетронутой, поскольку дело касается ее стереотипного механизма, но осложняются условия, необходимые для ее проявления. Мать начинает процесс воздействия простым образом, относя ребенка в уборную через каждые два часа или чаще и оставляя его там, пока акты эти не будут выполнены, а затем принося его обратно в обычную, нормальную обстановку. У нормальных детей ассоциация образуется быстро. Внутриорганическое раздражение (давление мочи и кала) заставляют ребенка подать какой-нибудь знак, обычно голосовой, который побуждает мать обратить внимание на ребенка и отнести его в соответствующее место, предназначенное для выполнения таких функций. По мере того, как ребенок становится старше, действие таких раздражителей вызывает добровольное посещение соответствующего места. Внеорганический раздражитель (условный фактор — вид уборной) вызывает физиологический акт испражнения. Таким

[11] Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог и биолог, активно работавший в области сравнительной психологии; в 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

образом, многие привычные действия образуются вокруг инстинктивных функций; последние же остаются неизменными, как таковые, за исключением временного начального (торможения) подавления (воздействие на сфинктеры).

Простой пример из жизни животных наглядно доказывает, что самые стереотипные наследственные реакции могут быть изменены до известной степени. Когда легавую собаку учат приносить добычу, она сперва инстинктивно кусает раненую птицу, в особенности, если птица трепещет. Зачастую трудно бывает добиться исчезновения этой стереотипной реакции. Этого можно достигнуть, натыкавши булавок в убитую птицу. Когда в таком случае собака схватит птицу сколько-нибудь крепко, острия будут колоть ее и для избежания болевого раздражения ей придется нести птицу более осторожно. Собаки и кошки часто выпивают яйца; у собак это, во всяком случае, является чисто инстинктивной функцией. Отучить от этого можно, наполнивши яйцо хинином или перцем. На этих примерах мы видим действительное исчезновение стереотипной реакции благодаря изменениям, введенным в самый раздражитель. Раздражитель становится иным, чем он был. Прежде он вызывал реакции $a + b + c + d$ (например, обнюхивание, облизывание яйца, разбивание скорлупы, лакание содержимого), а теперь он вызывает реакции $a + x$, т.е. обнюхивание и избегание. Некоторые дети от рождения инстинктивно сосут пальцы. Если их не отучить, это может продолжаться долгое время после детского возраста. Самый обычный способ заглушить этот инстинкт заключается в посыпании пальцев чем-нибудь, вызывающим иную реакцию (хинин, перец и тому подобное), или же в накладывании на руку картонной трубки, что сделает невозможным сгибание руки вообще.

Инстинкт при этом умирает, потому что действие не может быть выполнено. Преимущественное пользование правой рукой в значительной мере зависит от влияния общества. Если преимущественное пользование какой-либо рукой является инстинктивным, как обычно предполагают, то исправление леворукости представляет случай замещения инстинктов. Всякая вещь подносится к правой руке ребенка, люди здороваются с ним за правую руку, родители ставят все таким образом, чтобы ребенок пользовался правой рукой значительно чаще левой. Таким образом, все привычки образовываются вокруг правой руки. Леворукость же постепенно умирает от бездействия, т.е. недостатка раздражения. Привычки дурного характера также трудно разрушить, как и инстинкты.

Итак, мы можем сказать, что разрушить инстинкт или воздействовать на него можно следующими способами.

1. Мы можем организовать условия среды таким образом, чтобы проявление инстинкта стало невозможным; организму ставятся такие препятствия, что хотя реакции возникают, они не могут быть выполнены. Примеры: привязывание руки ребенка, надевание намордника на собаку, взнуздывание коровы (чтобы воспрепятствовать ей высасывать собственное молоко). Ставя животное в сдерживающие условия, мы на место инстинктивных реакций по от-

ношению к некоторым предметам создаем желаемые привычки. Вор часто днем кормит сторожевую собаку и мягко с ней разговаривает, надеясь, что дружелюбные привычки по отношению к нему задержат инстинкт бросаться и рвать его ночью.

2. С другой стороны, с этой же целью мы можем *изменить* раздражитель, как видно из наших примеров — посыпание перцем пальцев ребенка, приготовление яиц с хинином и так далее. Измененный раздражитель вызывает один или несколько раз прежнюю реакцию. Но новые добавочные к раздражителю элементы вызывают вдобавок к прежней стереотипной инстинктивной реакции еще кое-что, например, реакцию «избегания», а может быть, также и рвоту, высовывание языка, чтобы он остыл и тому подобное. Эти добавочные к раздражителю элементы могут быть настолько сильными, что в следующий раз прежде всего возникнет реакция «избегания».

В жизни взрослых процесс «привыкания» является самым могучим фактором, особенно для уничтожения инстинктивной пугливости (хотя многие из таких реакций и являются условными, они часто столь же сильны, как если бы были прирожденными). Вид рабочего, движущегося по железной балке на высоте двадцатого этажа, вызывает у вас сильные реакции страха и даже тошноту. Если бы вас действительно заставили в первый раз идти по такой балке, то без сомнения, это вызвало бы у вас обморок и вы упали бы. Но если к этому действию привыкать постепенно, то оно выполняется так же свободно, как и всякое другое. Так же обстоит дело с лазаньем на высоте, с вбеганием в горящие здания, с приручением львов, тигров и так далее. Это становится возможным, благодаря привычке. <...>

Приобретение навыков

Введение

<...> Мы имели дело с наследственным репертуаром человеческих действий, т.е. с теми действиями, которые человек выполняет без выучки. Из нашего изучения явствует, что если бы человек принужден был приспособляться только при помощи его природных данных, то в его поведении не было бы той сложности и разнообразия, которые мы наблюдаем у взрослых. Привычка приводит нас к более высокому и более разнообразному уровню деятельности. По разным причинам о привычке сложилось ошибочное представление. Многие смотрят на этот термин несколько предвзято, находя в нем нечто неизбежное, неизменяемое и даже фатальное. По их мнению, термин этот обозначает привычку к наркотикам, алкоголю, или какое-нибудь другое патологическое проявление деятельности. Нам хотелось бы рассеять такие недоразумения, потому что, по нашему мнению, на привычках основана вся сложность человеческой деятельности.

Условно-рефлекторный уровень деятельности

Между уровнем чисто инстинктивно-рефлекторной деятельности, наблюдаемой уже у новорожденных, и уровнем вполне развитых привычек, к рассмотрению которых мы собираемся перейти, существует еще промежуточная стадия деятельности (тоже с образованием привычек), которая заслуживает большего внимания, чем ей до сих пор уделялось. Пока ребенок не начнет трогать предметов и вообще манипулировать с ними, строить из кубиков или лепить из глины, ползать, ходить и приобретать речевые навыки — в нем мало человеческого. Но немыслимо, чтобы человек до достижения этого уровня не делал никаких индивидуальных приобретений. Мы в нескольких местах рассматривали эту фазу деятельности: при ассоциациях и диссоциациях реакций на эмоциональные раздражители и в связи с положительными и отрицательными реакциями, развивающимися в очень раннем возрасте. Остается обратить специальное внимание на эту стадию деятельности в связи с привычкой. Формы этой деятельности стереотипны и несложны; потому ее часто рассматривают просто как видоизмененную инстинктивную деятельность. Мы полагаем, что она принадлежит к типу условных рефлексов и, следовательно, является приобретенной. Весь этот уровень деятельности следовало бы подвергнуть более подробному изучению, так как он весьма важен с педагогической точки зрения для родителей и учителей. Останавливаться на этом подробнее было бы здесь неуместным. Но все признают, что именно на этой стадии создается или калечится личность ребенка. Напомним только о той массе объектов, которые связываются с реакциями страха, или о том, как младенец восьмидесяти дней от роду научается управлять окружающими его людьми, плача или впадая в ярость. Мы повторяем эти соображения, уже изложенные в другом месте, для того, чтобы подчеркнуть здесь, что привычки того типа, который мы будем рассматривать, не являются самыми ранними по развитию.

Природа привычки

Всякий определенный способ действий (как внутреннего, так и наружного характера), не относящийся к наследственному репертуару человеческих реакций, следует считать привычкой. Привычка — это индивидуально приобретенное или выученное действие. <...> Даже самое поверхностное наблюдение показывает, что у человека образование привычек начинается с рождения и, весьма вероятно, даже до рождения.

И действительно, уже при рождении или вскоре после него можно отметить те элементы, или отдельные акты (реакции), из которых формируется каждая привычка. Мы напомним сокращение и сгибание пальцев, плеча и предплечья, поднимание и опускание головы, поворачивание головы, сгибание туловища в разные стороны, хорошо координированные движения ног и

множество других движений, и мы должны заключить, что для образования привычек нет нужды в новых элементарных движениях. С рождения их существует достаточно и даже больше, чем их когда-либо войдет в отдельный сложный акт. Так как в очень многих психологических руководствах имеются вольные рассуждения об образовании «новых путей» при формировании привычек, то полезно будет обратить внимание на тот простой математический факт, что число перестановок и комбинаций, скажем, из ста отдельных действий выразится в поражающих цифрах. Такие умозрительные рассуждения, однако, бесплодны. Достаточно только изучить пяти- или шестидневного ребенка, чтобы вполне убедиться, что для дальнейшей организации человеческой деятельности вовсе нет надобности в образовании добавочных рефлекторных дуг[12]. Новым или приобретенным элементом в привычке является только связывание или интегрирование отдельных движений таким образом, что получается новая цельная деятельность. А под цельной деятельностью мы подразумеваем не что иное, как повседневные жизненные действия, например: протягивание руки за предметом, раздражающим глаз, поднимание предмета и поднесение его ко рту или укладывание на стол; поднимание молотка правой рукой, а гвоздя — левой, придерживание гвоздя левой рукой, в то время, как правая бьет молотком до тех пор, пока гвоздь не войдет, а затем отнимание левой руки и забивание гвоздя до конца. Конечно, эти простые и элементарные акты по степени своей сложности сильно отличаются от постройки модели аэроплана или сочинения романа. Но ребенку, вероятно, требуется больше времени научиться вбивать гвозди, чем взрослому инженеру — строить аэропланы.

И инстинкт, и привычка, несомненно, представляют совокупность одинаковых элементарных рефлексов. Они различаются только происхождением этой совокупности (числом и локализацией простых рефлекторных дуг) и порядком следования (временным соотношением) входящих в нее элементов. В инстинкте состав и порядок реакций унаследован; в привычке же и то и другое приобретается в течение жизни данного человека. Итак, привычку, подобно инстинкту, мы можем определить как сложную систему рефлексов, совершающихся в определенном порядке при воздействии соответствующего раздражителя; мы только прибавляем, что в привычке состав и порядок следования реакций приобретены, в инстинкте же они унаследованы. Из этого определения следует, что при наблюдении отдельных поступков взрослых людей мы должны всякий раз обращаться к генетическому методу для того, чтобы определить — инстинкт это или привычка, и в каком соотношении входят они в данный поступок. Следует заметить, что обычно инстинктивная реакция тесно связана с определенным раздражителем или ситуаци-

[12] Говоря так, мы, конечно, упускаем из виду некоторые поздно появляющиеся элементарные рефлекторные движения, как, например, мигание, разгибание большого пальца ноги вместо сгибания при прикосновении к подошве и поздние половые рефлексы.

ей, тогда как при приобретенной деятельности один и тот же предмет может вызвать у культурного человека буквально сотни различных реакций, в зависимости от небольших различий в обстановке, при которой он с данным предметом сталкивается, или от его личных потребностей в данный момент. Вспомните о том множестве действий, которое может быть вызвано у одного и того же лица каким-нибудь хламом, кусочком кожи, камня, мрамора или металла. <...>

Неврологическая основа привычек

В деле приобретения привычек человек пользуется преимущественно зрением и слухом. Под этим разумеется, что в течение всего периода приобретения всякой привычки эти два органа чувств дают начало большинству импульсов, на которые человек реагирует двигательным образом. Это далеко от утверждения, что другие органы чувств не используются или не могут быть использованы в том же направлении. Конечно, тактильное и кинестетическое чувства также являются важными факторами во всякой привычке, даже в период ее возникновения. Тем не менее человеческое существо, предоставленное самому себе при образовании привычки, стремится, где только возможно, пользоваться зрением. Схема имеющихся здесь взаимоотношений довольно проста. Проследите за взрослым, впервые пытающимся писать на машинке зрительным способом. Дайте ему печатное слово «кот». Он смотрит на клавиатуру и как только «к» попадает в его поле зрения, он нажимает клавишу и смотрит на результат; затем он опять смотрит на заданное ему слово и повторяет всю процедуру, пока последняя буква не будет напечатана. Весь ряд действий каждый раз начинается со зрения. Некоторые действия почти всегда необходимо выполнять тем способом, каким производилось обучение им; но большинство актов, независимо от органа чувств, игравшего главную роль в их приобретении, стремятся со временем достигнуть кинестетической стадии. Хороший пианист редко смотрит на клавиатуру. Машинистка-стенографистка никогда не смотрит на клавиатуру, а только на рукопись. Ее пальцы буквально сами бегают (сегментальные рефлексы), пока не произойдет какой-либо заминки.

Как только появляется ошибка в печатании, то целость цепи нарушается и на сцену выступает зрительно-моторное приспособление. <...> Мы обращали внимание на то, что каждый мускул является как органом чувств, так и двигательным органом. Факты объяснят нам, каким образом сложные действия могут целиком или в значительной части выполняться моторно. Приведем следующий, чисто схематический пример. Предположим, что *A, B, C, D, E, F* и так далее представляют ряд зрительных раздражителей, на каждый из которых мы реагируем определенной группой движений: движением *1* на *A*, движением *2* — на *B*, движением *3* — на *C* и так далее. Если ряд реакций заучивается всегда одним и тем же способом, то через некоторое время человек доходит до того,

что достаточно только первого члена зрительного ряда, чтобы вызвать реакции № *1, 2, 3, 4* и так далее в соответствующем их порядке[13].

Как это происходит? Какие изменения при этом происходят в системе привычек? Когда дается зрительный раздражитель *А*, появляется движение *1*. Но сама реакция *1* дает начало кинестетическому импульсу. Этот кинестетический импульс так долго ассоциировался с зрительным раздражителем *В*, что он сам может вызвать движение *2* без того, чтобы зрительный раздражитель *В* действительно попал в поле зрения (замещение раздражителя). Аналогичным образом движение в мускуле *2* вызывает кинестетический импульс, который приводит в действие мускул *3*. До сих пор мы говорили о нормальных людях. Приобретение привычек у слепоглухонемых происходит совсем иначе. Место зрительных и слуховых раздражителей в этом процессе занимают кожные. Этот принцип, столь кратко нами рассмотренный, является важнейшим во всей психологии. Благодаря раздражениям, исходящим от самих мускулов, человек становится частично независимым от раздражений, исходящих со стороны так называемых высших органов чувств. В пользе этого мы убеждаемся, когда нам приходится работать в темноте, или когда мы действительно лишаемся одного из высших органов чувств. Конечное завершение этого процесса мы видим в мышлении, где вместо любого реального предмета из окружающей среды имеется замещающий их словесный процесс. Эти замещающие словесные процессы могут вызывать обычные телесные движения точно так же, как это делают замещаемые ими зрительные и слуховые раздражители. <...>

Определители поступков

У взрослых каждый отдельный предмет или ситуация может вызывать не одну, а несколько реакций. Например, при виде собаки я могу убежать и вскарабкаться на дерево, либо позвать эту собаку и приласкать ее. Равным образом вид этого животного может заставить меня пойти и принести ему пищу, либо надеть ему намордник, или же взять ружье и отправиться на охоту. И чем культурнее человек, тем большее число реакций может вызвать у него всякий раздражитель. Если же еще принять во внимание наружные и внутренние речевые реакции, то мы получим некоторое представление о том громадном числе реакций, которые могут быть вызваны любым предметом или явлением. Эта возможность множества реакций на отдельный раздражитель и затрудняет предсказание человеческих поступков в каждом отдельном случае. Эти приобретенные реакции (привычки) являются очень гибкими в том смысле, что на

---

[13] Так называемый осязательный метод обучения письму на машинке сокращает обучение, очевидно, с самого начала. Движения с самого начала обучения контролируются тактильным и кинестетическим чувством, и глаза, таким образом, остаются свободными для того, чтобы следить по рукописи. Устраняется потеря времени на перебегание глаз от рукописи к клавишам и наоборот.

всякое значительное изменение в раздражителе или ситуации человек в состоянии ответить соответствующим изменением в реакции. Такая изменчивость реакций ярче всего проявляется в речевых приемах двух спорящих людей, в утонченных шутках светского разговора между остроумным мужчиной и женщиной, либо в состоянии борцов, фехтовальщиков и боксеров. Оттенки реакций столь разнообразны, что термин «привычка» с первого взгляда кажется крайне неудачным для их обозначения. Но мы забываем о долгих годах упражнения, через которые должен был пройти индивидуум прежде, чем могла появиться такая разнообразная деятельность. Если бы мы могли проследить развитие такого поведения, то увидели бы, что оно происходило постепенно и в определенном порядке. Ввиду многочисленности возможных реакций, мы должны рассмотреть вопрос о том, какая же именно реакция появится в ответ на данный раздражитель. Мы можем дать на это только общий ответ и притом неоднозначный, а лишь с известной степенью вероятности.

1. Наиболее вероятно, что в ответ на данный раздражитель появится та реакция, которая появлялась на него в самое последнее время.

2. Если дело не в недавности, то наиболее вероятной реакцией будет та, которая наиболее часто вызывалась данным раздражителем.

3. Если же и это не имеет значения, то наиболее вероятной реакцией будет та, которая наиболее тесно связана с общей обстановкой всей ситуации в целом. Например, некто, совершая океанское путешествие в приятном обществе, может начать подпрыгивать и танцевать при виде человека со скрипкой. Но если раньше, перед тем, некоторыми соблюдающими традиции дамами было сделано замечание, что «сегодня воскресный день и никакие танцы недопустимы», то вид человека со скрипкой может вызвать просто словесное возмущение традиционными законами, связывающими даже за пределами трехмильной полосы. В известных случаях мы неизбежно проявляем церковное, погребальное или свадебное поведение. Окружающие условия так влияют на нас, что в данный момент, при данных условиях, всякий предмет может вызвать только строго соответствующий и обусловленный образ действий.

4. Очень важными определителями поступков являются условия, в которых данный человек находился в течение часов, предшествовавших появлению того раздражителя, на который ему теперь приходится реагировать, а также степень эмоционального напряжения, вызванного предшествующей деятельностью. Обычной реакцией на револьвер, лежащий на полке, является, пожалуй, только периодическая чистка его; если же кто-либо изо дня в день обкрадывает вашу кассу или кладовую, то, придя домой, вы возьмете оружие, зарядите его, пойдете в контору и ляжете в засаде в ожидании грабителя.

5. Чрезвычайно сильное влияние на наши поступки оказывают временные внутриорганические факторы (состояние организма). Приступ зубной или головной боли, расстройство пищеварения или приступы морской болезни могут временно превратить жизнерадостного человека в такого, от которого невозможно получить нормальных реакций.

6. Весьма важным определителем поступков является, конечно, история жизни данного человека в том смысле, что его воспитание, образование, болезни, неудачи, излюбленные занятия, семейные влияния и тому подобное развили у него определенные установки и склонности. Например, для религиозного человека всякое новое открытие в науке — прямое доказательство благости «творца»; для ученого оно служит доказательством проницательности и настойчивости исследователя; пришибленный жизнью человек на всякое нововведение смотрит просто как на добавочное налоговое бремя.

Таким образом, мы видим, что хотя разнообразие возможных реакций почти безгранично, однако всегда имеются определенные факторы, которые обусловливают образ поведения и дают ему причинные основания. У нормальных людей влияние этих факторов на их поведение столь могуче, что в каждый данный момент никакой иной образ поведения для него невозможен, пока он остается уравновешенным: для уравновешенного человека является совершенно невозможным настолько раздражиться под влиянием обстоятельств, чтобы бросить камень в окно соседа, украсть его кошелек или автомобиль, похитить его детей. Точно так же он не может совершить самоубийства, искалечить себя или других. Все эти действия для него возможны, конечно, в том смысле, что все двигательные координации, необходимые для выполнения таких преступлений, имеются в репертуаре его действий. Однако все системы его реакций связаны таким образом, что в тот момент, когда он начинает выполнять некоторые из них с преступными целями, создаются новые условия, которые быстро вызывают совсем иные действия, чем те, которые он собирался совершить. Психологически человек может действовать только в направлении, данном ему воспитанием, и сообразно унаследованным его слабым и сильным сторонам. (Следует упомянуть здесь о таких факторах, как конституциональная недостаточность, происходящая от многих причин, но чаще всего наблюдаемая в потомстве алкоголиков, сифилитиков и слабоумных родителей).

Дж. Уотсон

Метод разобусловливания*

Самый успешный из разработанных к настоящему времени метод устранения страхов — это метод *разобусловливания* или переобусловливания (unconditioning or *reconditioning*). Термин «переобусловливание» был бы несколько более приемлемым, если бы его не использовали физкультурники в различных видах пропаганды здорового образа жизни. Поэтому в нашем распоряжении, остается, по-видимому, только термин «разобусловливание» как отвечающий определенным требованиям.

Я хочу подробно описать один случай, в котором была предпринята попытка разобусловливания, поскольку он иллюстрирует не только используемый метод, но и трудности, с которыми сталкивается исследователь в такого рода работе.

Это случай Питера, активного и энергичного ребенка в возрасте около трех лет[1]. В целом он был прекрасно приспособлен к повседневным условиям своей жизни, если не считать его систематических страхов. Он боялся белых крыс, кроликов, меховых пальто, ваты, лягушек, рыб и механических игрушек. Из данного описания страхов вы можете сами сделать вывод, что Питер — это как бы подросший Альберт, о котором говорилось раньше[2]. Только не следует забывать, что страхи Питера «домашнего происхождения», т.е. не были сформированы в экспериментальных условиях, как в случае Альберта и, тем не менее, были более резко выражены, о чем свидетельствует следующее описание.

---

* *Watson J.B.* Recent experiments on how we lose and change our emotional equipment // Psychologies of 1925 / C. Murchison (Ed.). Worchester, Mass.: Clark University Press, 1928. P. 63—66. (*Перевод С.А. Капустина.*)

Настоящий текст представляет собой фрагмент лекции Д. Уотсона, прочитанной 17 января 1925 г. в университете Кларка (США).

[1] См. подробнее: *Jones M.C.* A laboratory study of fear: The case of Peter // Pedagogical Seminary. 1924. Vol. 31. P. 308—315.

[2] См. текст Дж. Уотсона на с. 439—467 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Питера ставят в манеж, расположенный в детской комнате, и он сразу же с увлечением начинает возиться с игрушками. Затем в манеж, позади Питера, сажают белую крысу. Экспериментатор находится в это время за ширмой. Увидев крысу, Питер пронзительно кричит и падает на спину в приступе страха. Стимул [т.е. крысу. — *Ред.-сост.*] удаляют, а Питера вынимают из манежа и переносят в кресло. Затем в манеж сажают двухлетнюю Барбару и ту же крысу. Девочка не пугается и берет крысу в руки. В это время Питер спокойно наблюдает за Барбарой и крысой. В манеже лежат бусы Питера. Всякий раз, когда крыса к ним прикасается, Питер жалобно говорит: «Бусы мои», но не возражает, когда это делает Барбара. На приглашение слезть с кресла он отрицательно качает головой: страх все еще не прошел. Прошло 25 мин, пока он решился играть, бегая по всей комнате.

На следующий день проведено наблюдение за реакциями Питера на следующие ситуации и объекты:

Детская комната и манеж	Выбирает игрушки и спокойно заходит в манеж.
В манеж вкатывают белый мяч	Подбирает и держит его в руках.
На стенку манежа вешают меховой коврик	Плачет до тех пор, пока его не убирают.
На стенку манежа вешают меховое пальто	Плачет до тех пор, пока его не убирают.
Вата	Хнычет, отходит, плачет.
Шляпа с перьями	Плачет.
Игрушечный белый кролик из грубой ткани	Ни положительных, ни отрицательных реакций.
Деревянная кукла	Ни положительных, ни отрицательных реакций.

<...> Затем мы использовали метод прямого разобусловливания. Питание ребенка во всем объеме мы не контролировали; нам разрешили давать ему только полдник, состоящий из печенья и стакана молока. Мы усаживали Питера на высокий стул за небольшой столик. Полдник проходил в комнате длиной около сорока футов [т.е. около 12 м. — *Ред.-сост.*]. Как только Питер стал есть, ему показали кролика, находящегося в проволочной клетке с широкими ячейками. В первый день кролика показали ***на таком достаточно большом расстоянии, чтобы не нарушался процесс еды***. Это расстояние было зафиксировано. На следующий день кролика стали подносить все ближе и ближе, пока у Питера не были замечены первые признаки беспокойства. Это расстояние также было зафиксировано. На третий и в последующие дни повторялась та же самая процедура. В итоге клетку с кроликом поставили на стол, а затем ему на колени. В следующий раз терпимое отношение Питера к кролику сменилось на положительное. В конце эксперимента он уже мог одной рукой есть и одновременно другой рукой играть с кроликом, что свидетельствовало о том, что его

внутренние органы переучивались вместе с его руками (viscera were retrained along with his hands)!

После устранения у Питера реакций страха на кролика — животное, вызывавшее ответы страха наиболее явного вида, мы решили проверить его реакции на другие пушистые объекты и на других животных. *Реакции страха на вату, меховое пальто и перья* исчезли полностью. Он их рассматривал, брал в руки и затем спокойно переключался на другие вещи. Он взял пушистый коврик и даже отнес его экспериментатору.

Реакция на белых крыс заметно улучшилась. Какого-то ярко выраженного положительного ответа они не вызывали, но в крайнем случае это была реакция терпимости. Питер брал маленькие жестяные ящики, в которых находились крысы и лягушки и носил их по комнате.

Затем проверялись реакции на животных, для него абсолютно новых. Питеру дали мышь и клубок земляных червей, которых раньше он никогда не видел. Вначале его реакции были отчасти отрицательными, но спустя несколько минут реакция на червей стала положительной, а мышь не вызывала никакого беспокойства.

Здесь, как и всегда при работе с «домашними страхами», мы теряемся в догадках относительно первичной ситуации, на которую возникла условная реакция страха (условный рефлекс первого порядка). Если бы мы располагали соответствующей информацией и провели разобусловливание первичного страха, то, возможно, все «перенесенные» реакции мгновенно улетучились бы. Но пока мы не знаем в точности, как образовался первичный страх, в этой интересующей нас области мы не будем чувствовать себя уверенно как в отношении переноса, так и разобусловливания. Вполне вероятно, что между первичным условным ответом (первого порядка), вторичными условными ответами (второго и последующих порядков) и различными перенесенными ответами существуют определенные различия в интенсивности. Если это верно, то, предъявляя детям, эмоциональная история которых неизвестна, широкий набор различных ситуаций, нам бы удалось определить ситуацию первичного обусловливания страха у каждого такого ребенка.

С позиций данного экспериментального подхода область эмоций в целом становится чрезвычайно захватывающей и открывает реальные перспективы практической работы в семье, школе и в повседневной жизни.

Как бы то ни было, к настоящему времени нам уже удалось экспериментально проследить возникновение и развитие реакции страха и, по меньшей мере в одном случае, искоренить страх путем применения надежного экспериментального метода. Если таким образом можно манипулировать страхом, то почему нельзя управлять и любыми другими формами эмоциональной организации, связанными с гневом (вспышками раздражения) и любовью? Я твердо уверен, что можно. Иначе говоря, организация эмоций подчиняется точно таким же законам, как и другие навыки, и в плане возникновения, как мы уже показали, и в отношении разрушения (decline).

Дж. Уотсон

Как психолог-бихевиорист изучает детей*

Самая древняя профессия человечества — профессия материнства и отцовства — в настоящее время забывается. Многие тысячи матерей даже не подозревают, что материнство также является профессией, и что существуют такие специальные вопросы, как вопросы воспитания ребенка. Они думают, как думали в старину, что все, в чем нуждается ребенок, заключается в том, чтобы давать ему пищу, тепло, одежду, жилище и только, и что все остальное почти без всякой помощи сделает природа. При этом они ссылаются на то, что люди воспитывали детей в течение многих веков таким же образом, и что поэтому нет никакой особой необходимости учиться чему-либо новому.

Еще большее число матерей полностью отдается своим детям. Весь мир для них сосредоточивается в их детях. Они окружают своих детей чрезвычайной заботливостью, стараются дать им всевозможные физические удобства, не позволяют им, как говорится, «дохнуть» свободно. Такие матери необычайно расточительны в своих чувствах и постоянно изливают на своих детей дождь поцелуев, объятий, нежных эпитетов и других ласк. Для таких матерей ключом к воспитанию ребенка является любовь к нему.

Счастливую противоположность матерям этих двух типов составляет третья группа матерей — матери, которые начинают понимать, что воспитание ребенка — самая трудная из всех профессий, гораздо более трудная, чем инженерное дело, общественная работа или медицина. Сознавая это, они настойчиво ищут знаний, которые могли бы помочь им в деле воспитания. К сожалению, в настоящее время их поиски не могут дать им полного удовлетворения, так как никто в наши дни пока еще не знает столько, чтобы дать исчерпывающий точный ответ на все вопросы о воспитании.

Материнство и отцовство в настоящее время являются больше инстинктивным искусством, а между тем оно должно было бы быть наукой, основные поло-

---

* *Уотсон Дж.* Психологический уход за ребенком. М.: Работник просвещения, 1929. С. 9—12, 21—26, 92—93.

жения которой должны быть так же тщательно проработаны с помощью точных лабораторных методов, как прорабатываются основные положения всякой другой науки. Человечество, несомненно, значительно улучшилось бы, если бы мы могли приостановить лет на двадцать рождение детей (кроме детей, воспитываемых с экспериментальными целями) и посвятить эти годы самому интенсивному изучению законов развития детей, а затем на основе приобретенных знаний начать новое воспитание, более научное и более совершенными методами.

Поверите ли вы тому маловероятному факту, что до сих пор еще ни один научно подготовленный человек, ни мужчина, ни женщина, не провел систематического ежедневного наблюдения за развитием хотя бы одного ребенка, начиная с момента его рождения и хотя бы до трех лет? Мы знаем, как развиваются растения и животные, потому что мы тщательно изучили их развитие, но ход развития ребенка до самого последнего времени оставался неизвестным. Радий в течение последних пятнадцати лет подвергся более тщательному изучению, чем дети до трех лет в течение всего существования человечества. А между тем мы не можем получить знаний о том, как воспитывать ребенка, если не проведем специальных научных исследований о том, как развиваются дети.

Конечно, матери с первых времен человечества наблюдали развитие своих детей. Они видели и видят, что ребенок может при рождении плакать, знают, что в связи с развитием все большее и большее число окружающих вещей вызывает у ребенка плач. Если ребенок начинает плакать по сто раз в день, как это делают многие миллионы детей, говорят, что ребенок «испорчен», «капризен» и начинают бранить ребенка, вместо того, чтобы бранить отцов и матерей, которые виновны в этом.

Каждая мать знает также, что ребенок при виде ее может улыбаться, лепетать, протягивать к ней свои ручонки и обнаруживать другие признаки радости. Что может быть приятнее такого зрелища для молодой любящей матери?! Мать, чтобы получить такое удовольствие, начинает принимать специальные меры. Она то и дело пестует ребенка, целует его, шлепает, награждает всевозможными эпитетами. Наконец, дело доходит до того, что ребенок настолько привязывается к своей матери, что чувствует себя несчастным каждый раз, когда не имеет физического соприкосновения с ней. И тогда, как только окружающие сталкиваются с таким неприятным фактом, начинают говорить: «Ребенок капризен, его испортили». И на самом деле, огромное большинство наших детей испорчено, и редко кто видел нормального ребенка, который в возрасте старше девяти месяцев был бы вполне спокоен и счастлив в присутствии взрослых.

Большинство матерей вполне естественно думает, что всякая деятельность ребенка, дурная или хорошая, обусловливается раскрытием врожденных особенностей его, и что мать не может сделать многого для изменения процесса развития ребенка.

В течение последних лет, однако, во взглядах на процесс развития детей произошел коренной переворот. Взгляд на процесс развития ребенка изменился настолько, что это изменение обещает сделать эпоху в истории человечества.

Это новое течение обнаруживается в вопросах некоторых матерей, спрашивающих себя: «Не являюсь ли я единственно ответственной за то, как развивается мой ребенок? Не возможно ли, что почти ничего не дается ребенку по наследству, и что практически весь ход развития ребенка обусловливается тем, как я воспитываю его?» Когда такая мысль впервые приходит в голову матери, она в ужасе отшатывается от нее, настолько эта мысль кажется ей страшной. Она предпочитала бы возложить бремя ответственности на наследственность, на «судьбу», на чьи угодно плечи, но только не на свои собственные. Однажды возникшая мысль укрепляется в сознании матери, начинает угнетать ее, и она задает себе вопрос: «Что же мне делать, если я отвечаю за то, чем будет это маленькое существо? Где я могу найти указания, как мне воспитывать моего ребенка?» Если мы слышим такие вопросы все чаще и чаще, удивительно ли после этого, что в последние годы мы наблюдаем необычайно сильный интерес к тому, что нам говорят педологические лаборатории[1] об уходе за ребенком.

Но даже и лаборатории пока могут помочь нам слишком мало. Предубеждение против лабораторного изучения детей было очень сильно, и научное изучение ребенка очень медленно и с большим трудом пролагало себе путь. Поэтому в настоящее время мы являемся свидетелями только начала этой работы. Но работа все же началась, и ее начало обещает дать нам практические результаты, которые могут быть использованы также и семьей. Какая же работа ведется в этих лабораториях? Что мы можем делать с детьми и младенцами в педологических лабораториях, и какие практические выводы могут быть сделаны из уже выполненной работы? Попытаемся дать ответ на эти вопросы.

Организация экспериментальных исследований

Чтобы составить представление о том, что мы делаем в лабораториях, я попрошу вас прежде всего представить себе родильный дом, в котором ежемесячно рождается 40—50 детей. Рядом с помещением, где находятся только что родившиеся дети, находится педологическая лаборатория. После того, как новорожденные дети вымыты и одеты, их приносят в лабораторию и кладут на специальное место для наблюдений. Так как новорожденные большую часть дня должны спать, то продолжительность наблюдений за ними на первых порах невелика и возрастает постепенно. Но наблюдения за ними ведутся систематически ежедневно в течение довольно длительного времени, а некоторые специально отобранные дети (матери которых остаются в родильном доме в качестве кормилиц) остаются под наблюдением в течение целого года, а иногда и

[1] *Педология* — течение в педагогике и психологии, возникшее в конце XIX в. в США и получившее широкое распространение в Западной Европе и позже в России. В Советском Союзе после кратковременного расцвета была разоблачена и осуждена как лженаука и окончательно запрещена в 1936 г. специальным постановлением Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). — *Ред.-сост.*

больше. При наших исследованиях в родильном доме Джона Хопкинза, в котором впервые была начата такая работа, мы наблюдали более пятисот детей. В течение ряда лет при этих наблюдениях в этом доме не было ни одного несчастного случая. Новорожденные дети очень выносливы и совсем не похожи на тепличные растения, с которыми их обычно сравнивают. Простой физический акт рождения и ежедневные купания и одевания причиняют им гораздо больше неприятностей, чем наблюдение в лаборатории.

Для того, чтобы сделать нашу работу более полной, мы наблюдали детей также и в детских домах в возрасте от одного до шести дет. Наконец, для того, чтобы сравнить полученные в лаборатории результаты с результатами, получаемыми при домашнем воспитании, мы изучали группу детей, воспитываемых в нескольких хорошо обеспеченных семьях. <...>

Для чего мы производим указанные опыты

Зачем мы производим указанные испытания? Испытания эти производятся для того, чтобы узнать, с чего именно мы должны начинать при воспитании ребенка, и что именно мы должны образовывать для того, чтобы правильно воспитать человека. Опыты эти необходимы также и для того, чтобы найти способ контроля[2] общего развития ребенка и определить, что должен уметь делать нормальный ребенок в первый день рождения, через месяц после рождения, в трехмесячном возрасте, в шестимесячном и так далее.

Для того, чтобы дать полную картину полученных нами результатов и методов, которыми мы пользуемся для изучения развития ребенка, нужна была бы большая книга, которая потребовала бы от наших читателей слишком много времени и терпения для ее изучения.

Поэтому мы остановимся только на некоторых элементах нашей работы, тем более что и родители больше заинтересованы в том, какие результаты получены нами и какие мы делаем выводы, чем в деталях нашей работы.

Чему мы научились из наших опытов

Когда мы впервые учли, что может делать ребенок тотчас после рождения и в первые дни после него, мы были готовы поразиться больше тем, что он может делать, нежели тем, чего он не может делать. Но на самом деле оказалось, что мы нашли очень мало имеющихся у ребенка от рождения свойств, которые действительно заслуживают удивления. Когда мы сравнили в лаборатории поведение новорожденного детеныша обезьяны и поведение новорожденного ребенка, мы увидели, что новорожденный детеныш обезьяны может делать все, что

---

[2] Английское слово *control* часто, как и в данном случае, переводят буквально, тогда как в психологической литературе более правильно переводить его как *управление*. — *Ред.-сост.*

делает новорожденный ребенок и сверх этого может делать еще очень много такого, чего детеныш человека делать не в состоянии. В месячном возрасте детеныш обезьяны может выполнять много таких действий, которых человек не может выполнять спустя даже несколько лет после рождения.

Но вернемся к ребенку и имеющимся у него способностям при рождении. Даже такие простые рефлексы, как дыхание, движение рук, ног и туловища, улыбка и прочее, быстро оказываются под влиянием того образа жизни, который вы заставляете ребенка вести. То, что вызывает у ребенка улыбку или плач, задерживает его дыхание, заставляет его сердце биться быстрее или медленнее, в весьма большой степени зависит от тех ежедневных обстоятельств, которые имеют место в данной семье. Вы можете спросить, не имеются ли у новорожденного ребенка более сложные унаследованные формы поведения, появляющиеся позднее в виде так называемых инстинктов. Не являются ли чисто инстинктивными, т.е. появляющимися и развивающимися совершенно независимо от воспитательного воздействия родителей и среды, такие действия, как лазание, подражание, соревнование и зависть, драчливость, гнев, симпатия, страх, любовь к собственным вещам, игры, любопытство, общительность, застенчивость, опрятность, скромность, стыд, любовь, ревность и прочее? На первый взгляд, как будто бы все эти свойства не зависят от тех условий, которые мы предоставляем нашим детям. Большинство старых психологов согласилось бы с этим мнением. Мы также в начале своей работы думали, что некоторые из указанных свойств появляются в дальнейшем окончательно сформированными, но мы напрасно ожидали появления этих свойств при наших наблюдениях. В настоящее время в результате произведенных опытов и наблюдений над детьми мы вынуждены признать, что все указанные выше формы поведения создаются родителями и условиями, в которых находятся дети. Инстинктов нет. Мы в раннем детстве создаем все, что появляется в старшем возрасте.

Наша мысль может быть будет яснее, если мы скажем, что родители уродуют психику своих детей, пользуясь при воспитании неправильными методами, применявшимися их собственными родителями при воспитании их самих. Если вы возьмете молодое растение и поставите его возле освещенного окна, оно согнется в сторону света. Вы искривили растение, поставивши его в определенные условия. Если вы, выращивая молодой дубок на открытом воздухе, привяжете тяжесть к его верхушке, дубок начнет сгибаться и будет расти вершиной книзу. Точно так же искривляют родители своих детей. Старая американская поговорка: «куда ветки клонятся, туда и дерево сгибается», приобретает новый смысл. Родители путем прямого или косвенного воздействия ежедневно пригибают своих детей, и этот процесс сгибания продолжается до тех пор, пока дети не покинут родителей. Но и в этом случае, когда дети оставляют родительский дом и родители утрачивают возможность непосредственного воздействия на детей, их искривляющее влияние настолько прочно закрепилось в образе поведения детей и в их мыслях, что ничто уже никогда не может полностью выпрямить детей. Мы на самом деле создаем нашу молодежь по нашему образу и подобию.

Это же самое применимо и к выбору профессии вашими детьми. Профессия, которую выбирают ваш сын или дочь, определяется отнюдь не самостоятельным «внутренним» выбором, а влиянием извне, чаще всего вашим собственным, и тем образом жизни, к которому вы их приучили. Если ваши дети не склоняются к какой-либо определенной профессии, причина этого опять-таки в той же самой степени определяется вашими методами воспитания. В тех случаях, когда ребенок физически дефективен, некоторые профессии делаются для него недоступными, но это встречается настолько редко, что эти случаи не могут изменить наших общих выводов.

Наша точка зрения почти совершенно противоположна той, которой придерживаются многие современные американские педагоги. Так, например, профессор Джон Дьюи[3] и ряд других педагогов в последние двадцать лет настаивают на методах воспитания, которые позволяют ребенку развиваться «изнутри». На самом деле такое мнение является мистикой[4]. Оно учит, что существуют какие-то особые скрытые в психике ребенка стимулы деятельности, выявления которых следует выжидать до тех пор, пока они не обнаружатся самопроизвольно, и которые с момента их появления должны всячески поддерживаться и выхаживаться. Я думаю, что это мнение приносит серьезный вред школе. Оно лишает нас возможности внушить подрастающим реальный интерес к определенной профессии или определенным видам труда. Только в очень редких случаях я встречал подростков, оканчивающих среднюю школу с отчетливым представлением о том, какую профессию они изберут по окончании школы. В большинстве случаев у них нет никакого горячего стремления к определенному виду деятельности и никакого организованного представления о том, как подготовиться к этой деятельности. Оканчивающий среднюю школу в этом отношении в настоящее время почти так же беспомощен, как тростник, колеблемый ветром. Он готов взяться за любой случайно подвернувшийся ему род деятельности в надежде, что его специальные склонности и способности обнаружатся при этом. Между тем нет решительно никаких оснований отказываться от подготовки к будущей профессии во время обучения в элементарной школе в возрасте двенадцати лет и даже раньше.

Психолог-бихевиорист считает, что нет ничего такого внутри, что подлежало бы развиванию. Если вы имеете дело со здоровым телом, нормальным количеством рук, ног, пальцев, глаз и прочего и с нормальными элементарными движениями при рождении, вам не нужно больше никакого другого первоначального материала для того, чтобы воспитать человека, будет ли этот человек гением или просто культурным гражданином.

Это справедливо и в отношении общего поведения, которое вы можете непосредственно наблюдать у ваших детей. Но как быть с тем, чего вы не мо-

---

[3] Дьюи (*Dewey*) Джон (1859 — 1952) — американский философ, педагог и психолог. — *Ред.-сост.*

[4] *Мистика* — вера в сверхъестественное, таинственное или божественное. — *Ред.-сост.*

жете наблюдать непосредственно? Как быть со способностями, талантами, темпераментом, личностью, «умственной одаренностью», общей интеллектуальной характеристикой и всей вообще внутренней эмоциональной жизнью?

Возьмем в качестве примера страх и драчливость. Мы только что видели, что единственной вещью, которой боится новорожденный ребенок, являются или громкий звук, или потеря опоры. Все прочее, чего ребенок может бояться, создается, является результатом воздействия той среды, в которой ребенок вырастает. Если вы не изучили, как происходят все эти страхи, никто, конечно, не может ожидать от вас, чтобы вы знали, что вы полностью ответственны за все другие реакции страха, которые ваш ребенок может обнаружить. Избегает ли он темных комнат, животных, чужих людей, незнакомой обстановки, труслив ли, застенчив ли он, — все это результат вашего воспитания и воздействия той среды, в которой находится ваш ребенок. Не лишили ли вы вашего ребенка значительных преимуществ в его дальнейшей жизни, приучивши его чуждаться новых людей и бояться новых условий?

Как быть с капризами, повышенной раздражительностью ребенка? Только одна ситуация вызывает у ребенка гнев и выводит его из себя — это ограничение движений ребенка, удерживание в одном положении его рук и ног. Гнев и капризы, возникающие при других условиях, создаются домашними условиями жизни ребенка. Родители не подозревают, что когда они или няньки небрежно одевают детей, насильно удерживая ручонки ребенка при натягивании на него узкого платьица, или когда <...> [помещают. — *Ред.-сост.*]его в узкое место в наказание [например, ставят в угол. — *Ред.-сост.*], они создают у ребенка таким образом то, что в дальнейшей жизни обнаруживается в виде припадков гнева, эмоциональных расстройств и повышенной раздражительности. Более спокойный образ поведения при одевании ребенка приучил бы его и вырастающего из него в дальнейшем взрослого побеждать неблагоприятные внешние обстоятельства вместо того, чтобы быть побежденным ими.

Как быть с любовью ребенка, с его привязанностями? Не являются ли они естественными? Не «инстинктивно» ли ребенок любит свою мать? Только одно вызывает у ребенка любовь к другим лицам — это поглаживание его тела, прикосновение к его коже, губам, половым органам и прочим частям тела. Неважно кто прикасается, ребенок будет «любить» того, кто прикасается. Это почва, на которой вырастает всякая любовь — материнская, отцовская, супружеская. Трудно поверить, но это верно. Определенная степень привязанности социально необходима, но не многие родители представляют себе, как легко они могут перейти границу при воспитании этого чувства у ребенка. Такой взгляд на родительские чувства может быть вам неприятен, мысль о необходимости задержки внешнего выражения вашей привязанности к детям и их ответной любви к вам может болезненно отражаться в вашем сердце, но если вы убеждены, что так лучше для ребенка, не захотите ли вы побороть эти несколько неприятные переживания? Матери совершенно не подозревают, что как раз именно тогда, когда они ласкают своих детей, целуют и пестуют их, они в это время и

таким способом постепенно воспитывают человека, неспособного к активной борьбе в том мире, в котором ему в дальнейшем придется жить.

Различные способы, с помощью которых происходит воспитание такого неспособного к борьбе человека или, как мы говорили раньше, процесс искривления в раннем детстве в настоящее время достаточно изучен. Некоторые из этих способов можно наблюдать и в лаборатории. <...>

* * *

<...> Я считаю необходимым отметить, что психолог-бихевиорист не указывает определенных «идеалов» воспитания ребенка. Пока бихевиорист еще не знает, каким образом должен быть воспитан идеальный ребенок. Нормы же, предлагаемые современным обществом, являются для него весьма далекими от идеала.

По мнению бихевиориста, в настоящее время существует столько путей воспитания ребенка, сколько существует культур; например, бихевиорист мог бы предложить руководство психологического ухода за китайским ребенком, отличное от руководства для воспитания детей, рожденных в Австралии или Африке, но это не было бы идеальное руководство с собственной точки зрения бихевиориста. Идеальной культуры в настоящее время нет, имеются только фактически существующие культуры, и соответственно практическим установкам этих культур и воспитываются обычно дети.

Вместе с изменением культур изменяются и нормы воспитания, а культуры изменяются на наших глазах гораздо быстрее, чем они изменялись в «прежние» времена. Не говоря уже о тех переменах, которые произошли во времена французской революции[5] и происходят в настоящее время в Советской республике[6], я считаю, что внутренняя структура нашей американской цивилизации изменяется в самой своей основе гораздо быстрее и фундаментальнее, чем большинство из нас думает об этом. Следовательно, теперь более чем когда-либо нецелесообразно воспитывать наших детей по тем сложившимся трафаретам, по которым воспитывали нас наши родители.

Резюмируя <...> я должен сказать, что <...> я пытался дать схему воспитания ребенка, свободного от сентиментальности и одновременно в полной мере обладающего навыками общественного поведения и личной трудовой дисциплины. Вместе с этим я отмечаю необходимость воспитания у ребенка умения самостоятельно ориентироваться в новых для него условиях и необходимость тренировки навыка самостоятельно решать возникающие перед ним проблемы. И то и другое имело большое значение в культурах прошлого и несомненно огромное значение будет иметь в культурах будущего.

---

[5] *Французская революция* — буржуазно-демократическая революция, происшедшая во Франции в период с 1789 по 1794 г. и проложившая путь к развитию капитализма. — *Ред.-сост.*

[6] *Советская республика* — здесь автор имеет в виду Союз Советских Социалистических Республик (СССР), образовавшийся на большей части России в 1922 г. в результате Октябрьского коммунистического переворота (Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.) и победы коммунистов-большевиков в гражданской войне. — *Ред.-сост.*

Э.Ч. Толмен

Молярный феномен поведения*

Ментализм в сравнении с бихевиоризмом

Менталист — это тот, кто считает, что «психика» является, по существу, потоком «внутренних событий». Люди, говорит он, «заглядывают в себя» и замечают нечто «происходящее внутри». И хотя животные к такому «заглядыванию» не способны или, во всяком случае, не могут сообщить о его результатах, менталист предполагает, что «внутренние события» есть и у них. По мнению менталиста, задача зоопсихолога состоит в том, чтобы, исходя из внешнего поведения, прийти к заключениям относительно таких «внутренних событий»; психологию животных он сводит к сериям доказательств по аналогии.

Теперь сопоставьте сказанное с положениями бихевиоризма. Для бихевиориста «психические процессы» должны быть установлены и определены в терминах тех видов поведения, к которым они приводят. «Психические процессы» для бихевиориста — это только предполагаемые детерминанты поведения, выводимые, в конечном итоге, из поведения. Поведение и эти подразумеваемые детерминанты есть два рода сущности, определяемые объективно. Где бы и что бы о них ни говорилось, бихевиорист не имеет в виду ничего приватного или «внутреннего». Организмы людей и животных — это биологические объекты, погруженные в окружающую среду. В силу своих физиологических нужд они должны приспособиться к своему окружению. Их «психические процессы» суть функционально устанавливаемые аспекты, определяющие

---

* *Tolman E.C.* Purposive Behavior in Animals and Men. Appleton-Century-Crofts, 1967 (repr. 1932). P. 3—23, 437—454. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

приспособления. Для бихевиориста все факты доступны и публичны; для него психология животных служит[1] психологии человека[2].

Бихевиоризм и бихевиоризмы

Бихевиоризм — общая позиция данной работы. Но это его особая разновидность, поскольку существует бихевиоризм и бихевиоризмы. Прародитель бихевиоризма Уотсон[3] предложил один его «сорт». Другие же, а именно Хольт, Перри, Сингер, де Лагуна, Хантер, Вейсс, Лешли[4] и Фрост позже выложили «на витрину» свои, до некоторой степени различные, варианты[5]. Невозможно провести полный анализ и сопоставление всех указанных разновидностей бихевиоризма. Здесь мы представим только те их отличительные черты, которые послужат для знакомства с нашим собственным вариантом.

Уотсон: молекулярное определение

Создается впечатление, что Уотсон описывает поведение преимущественно в терминах простых связей стимула с ответом. Сами же стимулы и ответы он описывает, по-видимому, в терминах, довольно близких к физическим и физиологическим. Так, в первом полном изложении своей теории он писал:

---

[1] Это не значит, что зоопсихология не имеет самостоятельного поля исследования, однако ее данные могут и должны быть использованы при изучении поведения человека и находятся в полном распоряжении психологов. — *Ред.-сост.*

[2] Мы, конечно, упростили взгляды как «менталиста», так и «бихевиориста». Очевидно, что следует воздержаться от каких-либо попыток представить прогресс в виде прямого состязания этих «движений» (ср.: *Boring E.G.* Psychology for eclectics // Psychologies of 1930. Worcester, Mass.: Clark Univ. Press, 1930. P. 115—127). Но искушение слишком велико.

[3] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[4] Лешли (*Lashley*) Карл Спенсер (1890—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[5] У. Макдуголл заявляет о своем приоритете в определении психологии как науки о поведении. Он говорит: «Еще в 1905 г. я начал пытаться исправлять такое положение дел (т.е. недостатки психологии «идей». — *Э.Т.*), предложив определить психологию как позитивную науку о поведении, используя слово “позитивная” для того, чтобы отличить ее от этики как нормативной науки о поведении» (см.: *McDougall W.* Men or robots? 1 and 2 // Psychologies of 1925. Worcester, Mass.: Clark Univ. Press, 1926. P. 277). Ср. его же: «Тогда мы можем определить психологию как позитивную науку о поведении живых существ» (*McDougall W.* Psychology, the Study of Behavior. N.Y.: Henry Holt and Company, 1912. P. 19). Однако возвышение этого определения до уровня «изма» определенно заслуга или вина Уотсона (см.: *Watson J. B.* Psychology as a behaviorisrt views it // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 158—177; *Watson J. B.* Image and affection in behavior // J. Philos., Psychol. Sci. Meth. 1913. Vol.10. P. 421—428). Самый лучший анализ различных течений бихевиоризма, определившихся к 1923 г., и соответствующую библиографию см.: *Roback A.A.* Behaviorism and Psychology. Cambridge, Mass.: Sci-art, 1923. P. 231—242.

Термин *стимул* мы используем в психологии так же, как его используют в физиологии. Только в психологии необходимо несколько расширить его употребление. В психологической лаборатории, когда мы имеем дело с относительно простыми факторами типа воздействия волн эфира различной длины, звуковых волн и т.п. и их влияния на приспособление человека, мы говорим о стимулах. Конечно, при полном анализе и ситуацию можно представить в виде какой-то сложной группы стимулов. В качестве примеров стимула можно привести такие явления, как пучки света различной длины волны, звуковые волны, отличающиеся по амплитуде, длине и фазе, а также их комбинации; газообразные частицы, выделяемые порциями столь небольшого диаметра, что они могут воздействовать на носовую мембрану; растворы, содержащие частицы вещества такой величины, при которой вкусовые сосочки приходят в состояние активности; твердые объекты, воздействующие на кожу и слизистую оболочку; лучистые стимулы, вызывающие тепловой ответ; вредные стимулы, типа режущих или колющих, и вообще те стимулы, которые разрушают ткань. Наконец, движения мускулов и активность желез сами по себе выступают в качестве стимулов, воздействуя на афферентные нервные окончания движущихся мускулов. <...>

Подобным образом мы используем в психологии термин *ответ*, но опять-таки мы должны несколько расширить сферу его применения. Движения, возникающие в результате легкого удара по коленному сухожилию или поглаживания подошвы ступни, являются «простыми» ответами, изучаемыми как в физиологии, так и в медицине. Наше психологическое исследование также иногда имеет дело с простыми ответами такого рода, но чаще — с несколькими сложными ответами, происходящими одновременно[6].

Необходимо, однако, заметить, что, несмотря на это определение поведения в терминах составляющих его строго физических и физиологических *мускульных сокращений*, Уотсон мог плавно перейти к иному и несколько противоречащему первому представлению о поведении. Так, например, в завершение только что прочитанного отрывка он говорит следующее:

В последнем случае (т.е. когда наше психологическое исследование имеет дело с несколькими сложными ответами, происходящими одновременно. — *Э.Т.*) мы иногда используем популярный термин *акт* или говорим о настройке, подразумевая при этом, что какая-то целостная группа ответов интегрирована таким образом (в виде инстинкта или навыка), что индивид делает нечто, обозначаемое нами такими словами, как «ест», «строит дом», «плывет», «пишет письмо», «говорит»[7].

---

[6] *Watson J.B.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia: Lippincott, 1919. Rev. ed. 1929. P. 10f.

[7] См. Там же. P. 11f.

Тут, вероятно [можно было бы предположить. — *Ред.-сост.*], что эти «интегрированные ответы» обладают качествами, отличающимися от качеств тех физиологических элементов, из которых они составлены. На самом деле Уотсон и сам, по-видимому, допускает такую возможность, когда в примечании к главе «Эмоции» пишет следующее:

> Весьма вероятно, что при описании солидного, всестороннего и точного исследования эмоций — их видов, взаимосвязей с навыками, функции и др. — изучающий поведение будет полностью игнорировать симпатическую систему, железы, гладкую мускулатуру и даже центральную нервную систему в целом[8].

Но это последнее высказывание, по-видимому, противоречит предшествующим. Если бы, как он утверждал в предыдущих цитатах, изучение поведения имело дело «исключительно со стимулами как их определяет физик» и с «мускульным сокращением и выделением железы как их описывает физиолог», то, конечно, исследователь поведения не мог бы «полностью игнорировать симпатическую нервную систему, железы, гладкую мускулатуру и даже центральную нервную систему в целом при описании солидного, всестороннего и точного исследования эмоций».

В наиболее недавней публикации Уотсона мы опять обнаруживаем подобные заявления, например, следующее:

> Некоторые психологи, по-видимому, думают, что бихевиорист заинтересован только в регистрации мельчайших мышечных реакций. Не может быть ничего более далекого от истины. Позвольте мне еще раз подчеркнуть, что в первую очередь бихевиориста интересует поведение человека в целом. С утра и до ночи он отслеживает, как тот выполняет круг своих повседневных обязанностей. Если бы это была кладка кирпичей, то бихевиористу захотелось бы подсчитать количество кирпичей, которое этот человек может уложить при различных условиях; измерить, сколь долго он сможет работать, не падая с ног от усталости; сколько времени ему понадобится, чтобы научиться этому ремеслу; сможем ли мы увеличить производительность его труда или сделать так, чтобы он выполнял то же количество работы за меньшее время. Иначе говоря, бихевиорист заинтересован в получении ответа на обычный вопрос: «Что делает данный человек и почему он это делает?» Конечно, если сказанное иметь в виду как положение общего характера, то никому не удастся исказить платформу бихевиоризма в такой степени, чтобы заявить, что бихевиорист — это просто «физиолог, изучающий мышцы»[9].

В этих высказываниях ударение ставится на целостном ответе, а не на физиологических элементах таких целостных ответов. Короче говоря, мы с

---

[8] *Watson J.B.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia: Lippincott, 1919. Rev. ed. 1929. P. 195.

[9] *Watson J.B.* Behaviorism. N.Y.: W. W. Norton and Company, 1930. P. 15.

необходимостью приходим к выводу, что в действительности Уотсон играет с двумя разными понятиями поведения, хотя и не видит ясно, насколько они различны. С одной стороны, он определяет поведение в терминах определенных, лежащих в его основе, физических и физиологических деталей, т.е. в терминах рецепторного процесса, процесса поведения и эффекторного процесса самих по себе. Обозначим это как *молекулярное* определение поведения. С другой стороны, он, хотя быть может и смутно, начинает признавать, что поведение как таковое — это нечто большее, чем сумма его физиологических частей и отлично от нее. Поведение как таковое — «эмерджентный» феномен[10], обладающий своими собственными описательными и определяющими свойствами[11]. Обозначим это как *молярное* определение поведения[12].

Молярное определение

В данной монографии защищается второе, молярное понимание поведения. Мы будем отстаивать (следуя Уотсону), что «акты поведения» полностью и однозначно соответствуют лежащим в их основе фактам физики и физиологии, но, вместе с тем, будучи «молярными» целыми, они обладают своими эмерджентными свойствами. Далее, при настоящем состоянии наших знаний, пока на опыте не установлено множество связей между поведением и его физиологическими коррелятами, мы не можем даже путем умозаключения вывести эти молярные свойства из простого знания физических и физиологических фактов, лежащих в основе поведенческих актов. Минуя опыт, невозможно каким-либо образом выяснить свойства стакана воды, если исходить из свойств отдельных

---

[10] *Эмерджентный феномен* — новое и неожиданное по своим свойствам или качествам явление, возникшее в результате комбинаций или перестановок существующих элементов. — *Ред.-сост.*

[11] Краткий и очень ясный обзор различных понятий «эмерджентности», широко распространенных в настоящее время среди философов, см.: *McDougall W.* Modern Materialism and Emergent Evolution. N.Y., 1929. Необходимо, однако, подчеркнуть, что здесь, характеризуя поведение как обладающее эмерджентными свойствами, мы используем этот термин только в описательном смысле. Здесь мы не придерживаемся какой-либо философской интерпретации окончательного философского статуса этих понятий.

Феномены «эмерджентного» поведения коррелируют с физиологическими проявлениями работы мышцы, железы и органа чувств. Но описательно они отличаются от них. Здесь мы не будем даже пытаться ответить на вопрос, сводимы ли они в итоге и в каком-то метафизическом смысле к этим последним.

[12] Различение молярного и молекулярного бихевиоризма впервые предложил К.Д. Броуд (см.: *Broad C.D.* The Mind and Its Place in Nature. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 2nd impression, 1929. P. 616f); наше внимание привлек к нему Д.К. Уильямс (см.: *Williams D.C.* A metaphysical interpretation of behaviorism // Harvard Ph.D. Thesis. 1928). Броуд хотел, в первую очередь, указать на разницу между бихевиоризмом, который обращается только к *определенным*, явно наблюдаемым деятельностям, и бихевиоризмом, который вынужден ссылаться на гипотетические процессы взаимодействия клеток головного мозга и нервной системы.

молекул воды. Точно так же и свойства «акта поведения» не могут быть выведены непосредственно из физических и физиологических процессов, которые лежат в его основе и его составляют. Поведение как таковое, по меньшей мере в настоящее время, невозможно вывести из простого перечня тех мускульных сокращений и простых движений *как* движений, из которых оно состоит. Пока еще его необходимо исследовать как взятое само по себе и ради него самого.

Данный акт *как* «поведенческий» обладает отличительными, исключительно ему присущими свойствами. Они должны быть выявлены и описаны независимо от лежащих в их основе процессов в мышцах, железах и нервах. Эти новые свойства, характеризующие молярное поведение, вероятно, строго коррелируют и, если хотите, зависят от физиологических движений. Однако описательно и сами по себе они другие.

Крыса пробегает лабиринт, кошка выбирается из проблемной клетки[13], человек едет домой пообедать, ребенок прячется от незнакомцев, женщина стирает или болтает по телефону, ученик заполняет бланк психологического теста, психолог диктует список бессмысленных слов; беседуя с другом, мы говорим о своих мыслях и переживаниях — все это *варианты поведения* (как *молярного*). Следует отметить, что при упоминании любого из них мы не стыдимся признаться в том, что часто даже не знаем, какие именно мускулы, железы, сенсорные и моторные нервы в нем участвуют, а если и знаем, то не обязаны об этом говорить.

Другие сторонники молярного определения

Далее пора и должно вспомнить, что и другие теоретики боролись за такое молярное понятие поведения, т.е. за представление поведения как проявляющего свои собственные характерные и определяющие свойства, отличные от свойств его физической и физиологической основы. В особенности следует поблагодарить Хольта, де Лагуну, Вейсса и Кантора. <...>[14]

---

[13] *Проблемная клетка* Торндайка (*Thorndike puzzle box*) — ящик, собранный из деревянных планок, одна из первых лабораторных установок, созданная Э.Л. Торндайком с целью исследования научения животных. Для того, чтобы открыть дверцу и выйти из ящика, кошке надо было нажать на рычаг, расположенный внутри клетки. — *Ред.-сост.*

[14] В подтверждение сказанного автор приводит ряд цитат из следующих работ: *Holt E.B.* The Freudian Wish. N.Y.: Henry Holt and Company, 1915. P. 78, 155; *De Laguna G.A.* Speech, its Function and Development. New Haven: Yale Univ. Press, 1927. P. 169f; *De Laguna G.A.* Sensation and perception // J. Philos., Psychol. Sci. Meth. 1916. Vol. 13. P. 630; *Weiss A. P.* The relation between physiological psychology and behavior psychology // J. Psychol. Sci. Meth. 1919. Vol. 16. P. 634; *Kantor J.R.* The evolution of psychological textbooks since 1912 // Psychological Bulletin. 1922. Vol. 19. P. 429; *Kantor J.R.* Principles of Psychology. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1924. Vol. 1. I. P. 3, а также ссылается в своих примечаниях на работы: *Holt E.B.* Animal Drive and Learning Process. N.Y., 1931 и *Weiss A.P.* A Theoretical Basis of Human Behavior. Columbus, O.: R.G. Adams Company, 1925. Ch. 6. — *Ред.-сост.*

Описательные свойства поведения как молярного феномена

Итак, согласившись с тем, что поведение *как таковое* обладает собственными свойствами, мы тут же должны задать вопрос: в чем же именно и более подробно эти определяющие свойства заключаются? В первом пункте ответа на этот вопрос следует обратиться к тому факту, что поведение в нашем смысле этого слова всегда должно быть охарактеризовано как исходящее из определенного целевого объекта или целевой ситуации или приводящее к ним[15]. Полное определение любого отдельного акта поведения требует, в первую очередь, включения того особого целевого объекта или объектов, к которым данный акт приводит, или, быть может, от которых он уводит, либо и то, и другое. Так, например, поведение «пробега по лабиринту» крысы имеет в качестве первой и возможно наиболее важной черты тот факт, что оно приводит к пище. Сходным образом, поведение кошки Торндайка[16] при открывании проблемной клетки имело бы в качестве определяющей черты тот факт, что оно выводит кошку из заточения в клетке или, если хотите, приводит к свободе вне клетки. Или, опять-таки, диктовка психологом бессмысленных слогов в лаборатории имеет в качестве своей первой определяющей черты тот факт, что она приведет (позвольте нам предположить) к «приглашению в другой университет». Или, наконец, пустопорожние реплики, мои и моего друга, имеют в качестве своей первой определяющей черты ряд достижений тех или иных взаимных готовностей к предстоящим вариантам поведения.

В качестве второй описательной черты поведенческого акта мы отметим тот дополнительный факт, что такое достижение или избегание характеризуется не только спецификой данного целевого объекта и соответствующей настойчивостью, но и тем, что акт поведения всегда включает в себя определенную систему обращений, связей, столкновений и контактов с теми или иными промежуточными объектами-средствами, выступающую в качестве данного способа такого достижения или избегания[17].

Например, пробег крысы, приводящий к пище, выражает себя в терминах специфического паттерна[18] бега и прохода по каким-то определенным

---

[15] Для удобства термины *цель* и *результат* мы повсюду будем использовать для обозначения как избегаемых, так и достигаемых ситуаций, т.е. как в смысле *termini a quo* [термины, обозначающие исходный пункт (лат.) — *Ред.-сост.*], так и в смысле *termini a quem* [термины, обозначающие конечный пункт (лат.). — *Ред.-сост.*].

[16] Торндайк (*Thorndike*) Эдуард Ли (1874—1949) — американский психолог и лексикограф. — *Ред.-сост.*

[17] Терминами *обращение с, связь с, столкновение с, контакт с (commerce-, intercourse-, engagement-, communion-with)* мы пытаемся описать особого рода взаимообмен между актом поведения и тем окружением, которое мы здесь имеем ввиду. Однако для удобства далее мы будем использовать главным образом один термин — *обращение с* (*commerce-with*).

[18] Паттерн (*pattern*) — в научной литературе в зависимости от контекста: «рисунок», «картина», «структура» или «форма» — *Ред.-сост.*

коридорам. Подобно этому, поведение кошки Торндайка — это не просто выход из заточения в клетке, но и проявление специфического паттерна надкусывания, жевания и царапанья тех или иных деталей клетки. Или, опять же, поведение мужа, уходящего со службы к своей жене и обеденному столу: это, вдобавок, осуществление данного акта посредством того или иного специфического паттерна обращения с объектами-средствами: автомобилем, дорогами и др. Или, наконец, поведение психолога заключается не просто в получении приглашения из другого университета; оно также характеризуется тем, что выражает себя как специфический паттерн опосредствующих деятельностей или обращений с объектами-средствами, а именно, в прочтении вслух бессмысленных слогов, в записи результатов воспроизведения этих слов испытуемым и множества другой всякой всячины в протокол, позже — в подготовке рукописи и др.

Третью описательную черту актов поведения мы находим в том, что, говоря об осуществлении достижений и избеганий целевых объектов путем обращений к тем или иным объектам-средствам, поведенческие акты надо также характеризовать в терминах *избирательно большей готовности* к *более кратким* (т.е. легким) опосредствующим деятельностям. Так, например, если крысе предоставлены два альтернативных пространственных средств-объектных маршрута к данному целевому объекту и один из них будет более длинным, а другой — более коротким, то она выберет при прочих равных условиях более короткий путь. Сходным образом дело обстоит и для укороченных по времени и облегченных гравитационно средств-объектных маршрутов. То, что сказано о крысах, несомненно будет справедливо и выступает подобным и даже более отчетливым образом для более высших животных и для человека. Иначе говоря, такая избирательность по отношению к объектам-средствам и к маршрутам-средствам связана с «направлением» от средств к результату и с «расстоянием» до целевого объекта. Если животному предоставлен ряд возможностей, то рано или поздно оно всегда остановит свой выбор на тех из них, которые в конечном счете приводят к желанному или уводят от избегаемого целевого объекта или ситуации, и которые достигают цели по кратчайшим маршрутам обращения со средствами.

Итак, полное описательное определение поведенческого акта как такового требует описательных утверждений относительно: (а) достигаемого или избегаемого целевого объекта или объектов; (б) специфического паттерна обращений с объектами-средствами, участвующими в данном достижении или избегании; (в) фактов, говорящих об избирательном определении тех маршрутов и объектов-средств, которые подразумевают краткие (легкие) обращения с объектами-средствами, служащими для данного достижения или избегания.

Целевые и когнитивные детерминанты

Уверен, что каждый «строго мыслящий» читатель уже дошел до состояния полной боевой готовности. Ибо ясно, что определение поведения в терминах целевого объекта и паттерна обращения с объектами-средствами как кратчайшего пути достижения или избегания данного целевого объекта подразумевает что-то опасное, вроде целей и знаний. И это, конечно, будет неприятно любому здравомыслящему и благовоспитанному психологу наших дней.

Но все-таки никакого другого пути, по-видимому, не существует. Поведение как таковое, т.е. как молярное, *есть* целевое и когнитивное поведение. Цели и знания выступают как уток и основа[19] прямого описания ткани поведения.

Вне всякого сомнения, поведение строго и полностью зависит от множества лежащих в его основе физических и химических процессов. Однако исходно и при первичном определении поведение как таковое «попахивает» целью и знанием. Позже мы увидим, что такие цели и такие знания очевидны в поведении крысы настолько, как если бы это было поведением человека[20].

Но, в конечном итоге, необходимо подчеркнуть, что цели и знания, выступающие в поведении столь непосредственным и имманентным[21] образом, всецело объективны по определению. Они определяются по особенностям и отношениям, выявляемым нами при наблюдении данного поведения. Мы, наблюдатели, пристально следим за поведением крысы, кошки или человека и отмечаем его специфику как то или иное достижение посредством того или

---

[19] *Основа* в ткачестве — нити, идущие параллельно друг другу вдоль ткани. *Уток* — поперечные нити ткани, расположенные обычно перпендикулярно к продольным нитям основы и переплетающиеся с ними. — *Ред.-сост.*

[20] У. Макдуголл в своей лекции под названием «Люди или роботы» делит всех бихевиористов на «строгих бихевиористов», «близких к бихевиоризму» и «целевых бихевиористов» (см.: *McDougall W.* Men or robots? 1 and 2 // Psychologies of 1925. Worcester, Mass.: Clark Univ. Press, 1926. P. 273—305). Меня и профессора Р.Б. Перри он относит к последней группе. Следовательно, используя в заголовке данной монографии термин «целевое поведение», мы оказываемся в долгу перед профессором Макдуголлом, тогда как используя представления о непосредственно целевом и познавательном характере поведения мы признательны главным образом профессору Перри.

Наконец, следует отметить, что целевой и когнитивный аспекты идут рядоположенно, так что если мы рассматриваем поведение как целевое, то мы тут же *pari passu* [букв. равным шагом, равномерно (лат.). — *Ред.-сост.*] считаем его также и когнитивным. Этот взаимодополняющий характер цели и знания сходным образом подчеркивается Макдуголлом (см.: *McDougall W.* Modern Materialism and Emergent Evolution. N.Y., 1929. Ch. 3) и Перри, который также довольно подробно показывает, что «не бывает цели без знания» (см.: *Perry R.B.* A behavioristic view of purpose // J. Philos. 1921. Vol. 18. P. 85—105), и что «все виды целевого поведения зависят от понимания результата (см.: *Perry R.B.* The independent variability of purpose and belief // J. Philos. 1921. Vol.18. P. 169—180, а также *Perry R.B.* The cognitive interest and its refinements // J. Philos. 1921. Vol. 18. P. 365—375).

[21] Термин *имманентный* мы используем в чисто нейтральном смысле как обозначение того, что открывается только и непосредственно в поведении (см. словарь).

иного избранного паттерна обращений. Мы, будучи независимыми и нейтральными наблюдателями, отмечаем эти совершенно объективные особенности как имманентные данному поведению; и случилось так, что в качестве общих наименований этих характеристик мы выбрали термины *цель* и *знание*.

Объективное определение целей в терминах поведения

Давайте рассмотрим более подробно эти динамические особенности поведения, названные нами целью и знанием. Мы начнем с цели. В качестве иллюстрации возьмем случай кошки Торндайка. Цель кошки — оказаться снаружи, вырвавшись из заточения в клетке — для нас является просто названием абсолютно объективной специфики ее поведения. Это наше название детерминанты поведения, которое сейчас будет описано, и она определяется путем исчерпывающего анализа определенных фактов научения. Торндайк описывает конкретный случай такого поведения следующим образом:

> Когда кошку помещают в клетку, она как бы демонстрирует явные признаки дискомфорта и импульсы к бегству из заточения. Она старается протиснуться в любую щель; она царапает и кусает проволочную сетку; она просовывает свои лапы в каждую щель и царапает все, до чего может дотянуться; она продолжает свои попытки, когда наталкивается на что-то незакрепленное и неустойчивое; она может царапать вещи, находящиеся внутри клетки... Кошка борется с чрезвычайной энергией. В течение восьми или десяти минут она непрерывно царапает, кусает и протискивается... Постепенно все другие безуспешные импульсы затормаживаются, а тот особый импульс, который приводит к успешному акту, закрепляется благодаря результирующему удовольствию. [Все это продолжается до тех пор. — *Ред.-сост.*] пока после целого ряда успешных проб кошка, помещенная в данную клетку, не будет сразу же царапать кнопку или петлю определенным образом[22].

В этом описании мы находим две важных особенности: (а) факт готовности организма к настойчивому продолжению поведения путем проб и ошибок и (б) факт тенденции организма по ходу последовательных благоприятных случаев все быстрее и быстрее отбирать акт, ведущий к освобождению — т.е., факт *обучаемости* (docility)[23].

Эти два взаимосвязанных признака, как мы будем отныне утверждать, и определяют ту непосредственную специфику поведения, которую мы называем

---

[22] *Thorndike E.L.* Animal Intelligence. N.Y.: The Macmillan Company, 1911. P. 35f.

[23] В словаре Уэбстера (*Webster*) *docility* определяется как (а) обучаемость (*teachableness*), понятливость; (б) охота к обучению или тренировке; послушание, податливость. Мы используем это слово в смысле «обучаемости» (см. словарь).

целью кошки выйти на свободу. Положение, которое мы здесь отстаиваем, вкратце заключается в том, что повсюду, где ответ обнаруживает обучаемость по отношению к какому-то результату, а именно — там, где он проявляет готовность (а) выступить в виде попыток и ошибок и (б) отбирать, постепенно или сразу, среди таких проб и ошибок наиболее эффективные для достижения данного результата — повсюду такой ответ выражает нечто, что мы для удобства называем целью. Везде при появлении такой группы фактов (не сохраняется ли их возможность и в случае наиболее простых и ригидных тропизмов и рефлексов?) мы объективно обнаруживаем и определяем то, что удобно называть целью. <...>[24]

Необходимо подчеркнуть еще одно отличие [моего определения цели. — *Ред.-сост.*]. В то время как у профессора Перри и у нас цель — это переменная, определяемая чисто объективно: фактами проб, ошибок и, в итоге, обучаемости, для профессора Макдуголла[25] цель, по-видимому, есть определяемое самонаблюдением субъективное «нечто», несколько иное и большее, чем способ его проявления в поведении; это нечто «психическое», «ментальное», стоящее за своими объективными проявлениями, и познаваемое, в конечном счете, только при помощи самонаблюдения. Различие точек зрения Макдуголла и нашей в этом пункте является фундаментальным и означает *bouleversment complet* [полный переворот (фр.). — *Ред.-сост.*][26].

Объективное определение знаний в терминах поведения

Теперь обсудим факт знания. Мы будем также отстаивать мнение, что признак обучаемости поведения объективно определяет и те непосредственные, имманентные особенности поведения, которым подходит общее название *знаний* и *познавательных процессов*. Более конкретно, мы будем утверждать, что в спе-

---

[24] В опущенном отрывке Э. Толмен пишет об истоках и развитии своей трактовки поведения как целевого, цитируя и ссылаясь на работы У. Макдуголла (см.: *McDougall W.* Outline of Psychology. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1923. Ch. 2. P. 44—46; *McDougall W.* Purposive or mechanical psychology // Psychological Review. 1923. Vol.30. P. 273—288), Р.Б. Перри (см.: *Perry R.B.* Purpose as systematic unity // Monist. 1917. Vol. 27. P. 352—375; *Perry R.B.* Purpose as tendency and adaptation // Philos. Rev. 1917. Vol. 26. P. 477—495; *Perry R.B.* General Theory of Value. N.Y., 1926. P. 288f) и Э.А. Сингера (см.: *Singer* E.A. Mind as Behavior and Studies in Empirical Idealism. Columbus, O.: R.G. Adams Company, 1924. P. 59; *Singer E.A.* On the conscious mind // J. Philos. 1929. Vol. 26. P. 561—575). — *Ред.- сост.*

[25] Макдуголл (*McDougall)* Уильям (1871—1938) — англо-американский психолог. — *Ред.-сост.*

[26] Это было написано до выхода в свет публикации в «Психологиях 1930 г.» главы У. Макдуголла «Гормическая психология» (см.: *McDougall W.* The hormic psychology // Psychologies of 1930. Worcester, Mass.: Clark Univ. Press, 1930. P. 3—36), в которой он явно отрицает какую-либо связь между своим учением о цели и анимизмом.

цифических паттернах предпочитаемых маршрутов и обращений с объектами-средствами, идентифицирующих любой данный поведенческий акт, может обнаружиться обучаемость, и *parri passu* [в то же время (лат.), букв. равным шагом, равномерно. — *Ред.-сост*], можно сказать, когнитивно, заявят о себе: (а) специфика объекта-цели, (б) его начальное «положение» (т.е. направление и расстояние) относительно актуальных и возможных объектов-средств, и (в) специфика объектов-средств как способных поддерживать те или иные обращения с объектом-целью. Если хотя бы одна из этих реалий окружения не будет установлена как таковая и должная, то данный акт поведения будет разрушен и обнаружит срыв. Затем произойдет какая-то перестройка. Следовательно, такие сопряжения, происходящие по ходу любого данного акта поведения, и основанные на особенностях окружения, которые заявляют о себе актуально как таковые и должные, и определяют познавательные аспекты этого акта.

Факт наличия этих познавательных аспектов легко показать на примере поведения крысы в лабиринте. После научения в данном лабиринте крыса совершает стремительный и определенный пробег по нему. Но экспериментально легко показать, что устойчивое повторение в ряду последовательных проб одной и той же и весьма определенной пробежки зависит от тех обстоятельств окружения, которые *должны быть испытаны в действительности и в качестве необходимых*. Пробежка зависит от характера пищи. Она зависит и от тех или иных коридоров, действительно испытанных в качестве самого лучшего и кратчайшего пути к этой пище. И, наконец, эта пробежка зависит от этих коридоров как действительно формирующих тот путь, который они образуют. Если какой-нибудь из этих фактов окружения неожиданно изменяется, т.е. его уже нельзя испытать как должный, то данный вид поведения, данная пробежка разрушится. В ней обнаружится срыв. Постоянство поведения в неоднократных пробах образует поэтому объективное выражение какой-то группы непосредственных сопряжений. Это постоянство манифестирует собой, что определенные обстоятельства окружения обладают такими особенностями, при которых данное поведение не разрушается. Общее название знаний, по-видимому, соответствует именно таким сопряжениям.

Организм как целое

Вышеизложенное представление о поведении как обучаемом и, следовательно, целевом и познавательном, подразумевает также и то, на что теперь необходимо обратить особое внимание: поведение — это всегда дело организма как целого, а не отдельных сенсорных и моторных сегментов, работающих в отдельности и сами по себе. За обучаемостью, иллюстрации которой мы приводим, стоят замены, сдвиги и выборы среди моторных ответов и сенсорных активно-

стей, зачастую распространяющиеся и распределенные по всем частям организма. Готовность [к упорному продолжению и настойчивому возобновлению того или иного вида поведения. — *Ред.-сост.*] может вовлекать широкие переходы с одного сенсорного или моторного сегмента на другой. Поведение как род обращения с окружением может осуществляться только организмом в целом. Оно не происходит в определенных сенсорных и моторных сегментах, изолированных друг от друга и предоставленных самим себе.

В действительности, тот факт, что поведение суть приспособление целого организма, а не ответ изолированных сенсорных и моторных сегментов, выстреливающих поодиночке в глухой изоляции, можно легко показать на организмах, стоящих на шкале развития даже ниже, чем крысы. Так, например, наблюдение за поведением рака в простом Т-образном лабиринте привело Гилхаузена к следующим выводам:

> Даже в случае этих сравнительно примитивных животных не получено никаких ясных данных в пользу *какой-либо* теории, представляющей научение как, в основном, усиление или торможение определенной реакции на данный стимул. Как показано <...> при анализе маршрутов, для научения характерно непрерывное *изменение* реакций на лабиринтную ситуацию. Физически полноценный краб действовал превосходно, ***но не путем реагирования неизменно на одни и те же определенные сигналы какой-то неизменной реакцией***, а, насколько можно было видеть, ***путем реагирования соответствующими способами на различные сигналы в разных пробах*** [последний курсив наш. —*Э.Т.*][27].

В связи с этим необходимо отметить, что некоторые бихевиористы склонны к тому, чтобы принять этот факт (поведение есть поведение целого организма) за фундаментально отличительный признак поведения. Например, Перри, которому мы благодарны за то, что он впервые обратил особое внимание на обучаемость поведения, указывал на тот факт, что поведение — это поведение *целого* организма. Он пишет:

> Психология [т.е. бихевиоризм. — *Э.Т.*] имеет дело с крупными фактами органического поведения и в особенности с теми внешними и внутренними приспособлениями, посредством которых организм действует как единый, в то время как физиология имеет дело с более простыми, составляющими процессами, такими как метаболизм или нервный импульс. Однако психология настолько приближается к физиологии, насколько она разделяет организм, а физиология настолько приближается к психологии, насколько она интегрирует организм[28].

---

[27] *Gilhousen H.C.* The use of vision and of the antennae in the learning of crayfish // Univ. Calif. Publ. Physiol. 1929. Vol. 7. P. 85.

[28] *Perry R.B.* A behavioristic view of purpose // J. Philos. 1921. Vol. 18. P. 85.

Далее он говорит:

> Центральная особенность этой концепции человеческого поведения заключается в представлении о том общем состоянии организма, которое названо детерминирующей тенденцией. Организм как целое занят в течение какого-то времени определенной задачей, которая поглощает его энергию и его соответствующие механизмы[29].

И снова:

> Соразмерно тому, насколько организм един и функционирует как целое, его поведение нельзя объяснить на языке простых реакций, соотносимых по отдельности с внешними событиями[30].

Ту же самую мысль подчеркивают также Вейсс[31] и де Лагуна[32].

Однако в итоге можно заметить, что с представленной здесь точки зрения факт, что поведение — это поведение целого организма, есть факт, по-видимому, производный, а не первичный. Это простое следствие того более фундаментального факта, что поведение *qua* [как (лат.). — *Ред.-сост.*] молярное обучаемо, а успешное обучение требует соответствующих взаимосвязей между всеми частями данного организма.

Инициирующие причины и три разновидности детерминант поведения

Мы попытались показать, что в любом поведении имманентно имеются какие-то непосредственные, «в нем располагающиеся» цели и знания. Эти функционально определяемые переменные являются последним звеном в причинном уравнении детерминант поведения. Они должны быть обнаружены и определены с помощью соответствующих экспериментальных приемов. Они объективны. Мы же, внешние наблюдатели, раскрываем их — или, если хотите, выводим и придумываем — в качестве имманентных детерминант поведения. Они выступают как последние и самые прямые причины поведения. Поэтому мы называем их «имманентными детерминантами».

Однако необходимо, пока вкратце, указать на то, что эти имманентные детерминанты, в свою очередь, причинно определяются стимулами окружаю-

---

[29] *Perry R.B.* A behavioristic view of purpose // J. Philos. 1921. Vol. 18. P. 97.

[30] Там же. P. 102.

[31] См.: *Weiss A.P.* A Theoretical Basis of Human Behavior. Columbus, O.: R.G. Adams Company, 1925. P. 346.

[32] См.: *De Laguna G.A.* Speech, its Function and Development. New Haven: Yale Univ. Press, 1927. Ch. 6.

щей среды и инициирующими физиологическими состояниями. Такие стимулы окружения и такие органические состояния мы называем первичными, или «инициирующими причинами» поведения. Имманентные детерминанты входят в причинное уравнение как промежуточное звено, расположенное между инициирующими причинами и поведением как конечным результатом.

Но далее следует сразу пояснить, что кроме указанных имманентных детерминант поведения реально существуют и два других класса детерминант поведения, расположенных между стимулами (а также инициирующими физиологическими состояниями) и поведением. Их следует назвать «способностями» и «настройками поведения». Такие способности и настройки поведения будут подробно рассмотрены в последующих разделах данной книги. Пока же необходимо и достаточно обратить внимание на сам факт их существования и предложить несколько их характеристик.

Во-первых, о способностях. Теперь, во времена умственных тестов и настойчивого подчеркивания индивидуальных и генетических различий, становится довольно ясным то, что свойства имманентных причин, в конечном счете активируемых, будут сами по себе и в любом конкретном случае зависеть не только от характеристик инициирующих причин — текущих стимулов и физиологических состояний, но также и от способностей конкретного организма или рассматриваемого вида организмов.

Стимулы и инициирующие состояния, вызывающие имманентные — целевые и познавательные — детерминанты и тем самым, в конечном счете, поведение, действуют через способности.

Во-вторых, о настройках поведения. Необходимо также отметить, что в определенных ситуациях особого типа обнаруживается, что характеристики тех имманентных целей и познаний, которые, в конечном счете, будут допущены к функционированию, могут зависеть от предварительной активации в организме чего-то, что следовало бы назвать настройками поведения. Настройки поведения — это наша бихевиористская замена или определение того, что менталисты назвали бы сознательной осведомленностью и идеями. Это уникальные органические события, которые могут в определенных случаях произойти в данном организме как заместитель или суррогат действительного поведения. И они служат для того, чтобы произвести какого-то рода модификации или усовершенствования в первично активированных имманентных детерминантах организма, так что его конечное поведение, соответствующее этим обновленным, измененным детерминантам, отличается от того, которое происходило бы в противном случае.

Подведем итог. Стимулы окружающей среды и инициирующие физиологические состояния — это начальные, инициирующие причины поведения. Они воздействуют на детерминанты поведения или действуют через них. Эти детерминанты поведения можно, по-видимому, разделить далее на три класса: (а) непосредственно «находящиеся в нем» объективно определяемые цели и

знания — т.е. «имманентные детерминанты»; (б) целевые и познавательные «способности» данного индивида или вида, которые опосредствуют специфические имманентные детерминанты как результат определенных стимулов и данных инициирующих состояний; (в) «настройки поведения», которые при определенных условиях продуцируются имманентными детерминантами вместо действительного явного поведения и служат для того, чтобы оказать обратное воздействие на эти имманентные детерминанты, чтобы реформировать и «откорректировать» последние и в итоге произвести соответствующее им обновленное, открытое поведение, отличное от того, которое произошло бы в противном случае.

Выводы

Поведение как таковое является молярным феноменом в противоположность тем молекулярным явлениям, которые образуют его физиологическую основу. Как молярный феномен поведение обнаруживает непосредственно описываемые характеристики достижения или избегания целевых объектов, проявляющиеся в виде выбора определенных объектов-средств-маршрутов среди прочих и в виде специфических паттернов обращений с ними. Но эти описания в терминах достижений или избеганий, выборов маршрутов и паттернов обращений означают и определяют непосредственные, имманентные — целевые и познавательные — аспекты поведения. Однако два указанных аспекта поведения есть сущности, определяемые сугубо объективно и функционально. Они подразумеваются в фактах обучаемости поведения. Они не определяются путем самонаблюдения ни прежде всего, ни в конечном счете. В актах поведения кошки и крысы они выявляются столь же легко, как и в более утонченных речевых реакциях человека. Такие цели и знания, такая обучаемость являются, очевидно, функциями организма, как целого[33].

В заключение следует также обратить внимание на то, что, кроме имманентных детерминант, существуют два других класса поведенческих детерминант, а именно способности и настройки поведения. В уравнении они также располагаются между стимулами и инициирующими физиологическими состояниями, с одной стороны, и поведением — с другой.

---

[33] Следует отметить, что К. Коффка (см.: *Koffka K.* The Growth of the Mind. 2d ed. rev. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1928) и Г. Мид (см.: *Mead G.H.* A behavioristic account of the significant symbol // J. Philos. 1922. Vol. 19. P. 157—163) предлагали термин *conduct* [поведение. — *Ред.-сост.*], чтобы обозначить, как это может показаться многим, почти то же самое, что мы называем *behavior qua behavior* [поведение *как* поведение. — *Ред.-сост.*], т.е. поведением как молярным феноменом.

Словарь[34]

Аспект поведения *(Behavior-aspect).* То же самое, что *имманентная детерминанта* (см.)

Бихевиоризм *(Behaviorism).* Любая психология, которая, в противоположность ментализму, утверждает, что «психические события», происходящие в [«головах». — *Ред.-сост.*] животных и людей, можно охарактеризовать полностью и наиболее успешно в терминах тех способов, посредством которых они функционируют, чтобы произвести действительное или возможное поведение.

Целевой бихевиоризм, отстаиваемый в данной работе, — бихевиоризм особого рода, утверждающий, что эти психические события надо описывать дополнительно как группу промежуточных переменных: *имманентных детерминант* (см.) и *настроек поведения* (см.), которые вставлены в уравнение поведения между стимулами окружающей среды и инициирующими физиологическими состояниями, с одной стороны, и наблюдаемым в итоге поведением или настройками поведения — с другой.

Детерминанты поведения *(Behavior-determinants).* Это общий термин, используемый в данной работе для обозначения промежуточных переменных, которые следует понимать как функционирующие между *инициирующими (независимыми) причинами поведения* (см.) с одной стороны уравнения поведения и наблюдаемым в итоге поведением, — с другой.

Под этим общим названием детерминант поведения можно выделить три подгруппы, а именно: (а) *способности* (см.), (б) *имманентные детерминанты* (см.) и (в) *настройки поведения* (см.).

Имманентная детерминанта *(Immanent determinant).* Функционально определяемая переменная (целевая или познавательная), которая выводится [из данных наблюдения за поведением как молярным феноменом. — *Ред.-сост.*] как имманентная или «заложенная» в самом акте поведения. Одна из трех подгрупп *детерминант поведения* (см.). Такие имманентные детерминанты могут быть только выведены. Они выводятся из вариаций обучения, проявляющихся в характере поведения как результат экспериментально контролируемых условий.

Имманентные детерминанты разделяются на два фундаментальных вида: (а) цели (требования) и (б) знания. Знания, в свою очередь, дополнительно разделяются далее на (1) *средство-целевую готовность* и (2) *ожидания*.

---

[34] В предисловии к своей монографии автор просит извинения за то, что ему пришлось ввести множество новых терминов и по-своему использовать целый ряд старых, известных терминов. Поэтому, чтобы облегчить задачу читателя, он написал и привел в конце книги собственный словарь. Мы приводим лишь необходимые для понимания вышеприведенного текста первой главы термины, а также некоторые из указанных в перекрестных ссылках внутри словаря. — *Ред.-сост.*

Инициирующее физиологическое состояние *(Initiating physiological state).* Высвобождающая физиологическая причина какого-либо влечения или отвращения.

Во *влечении* это инициирующее состояние суть метаболически возбуждаемое условие, которое, будучи в наличии, вызывает *требование* определенного специфического типа для достижения *физиологического покоя.*

В *отвращении* это инициирующее состояние вытекает из: (а) специфической окружающей ситуации плюс (б) врожденной или приобретенной *средство-целевой готовности (знаково-гештальтной готовности)* к тому, что окружающая ситуация такого типа в конечном счете «угрожает» каким-то *физиологическим нарушением*, которого следует избегать. И, будучи в наличии, такое инициирующее состояние вызывает и поддерживает требование избежать данного физиологического нарушения и тем самым избежать той ситуации окружения, которая «угрожает» таким финальным нарушением.

Инициирующие (независимые) причины поведения *(Initiating [independent] causes of behavior).* Предельно независимые переменные, определяющие поведение, следует представлять как (а) унаследованные особенности данного организма, (б) его прошлая тренировка в окружающей среде, (в) стимулы, которые предъявляются здесь и теперь или предъявлены более или менее недавно и (г) здесь и теперь активированные в нем инициирующие физиологические состояния.

Предполагается, что некая группа промежуточных переменных, а именно *детерминанты поведения* (см.) вмешиваются между этими предельно независимыми переменными и получающимся в итоге поведением и определяют форму того уравнения, посредством которого последнее вытекает из первых.

Маршрут *(Route).* Любая последовательность главных и подчиненных целевых объектов-средств в *средство-целевом поле.*

Менталист, ментализм *(Mentalist, mentalism).* Этими терминами обозначается психологический подход определенного типа, открыто отвергаемый в настоящей работе. Здесь они используются в отношении к тем ортодоксальным или классическим психологам, которые считают, что «психика» — это по сути нечто, происходящее внутри, и доступное, в первую очередь, только самонаблюдению.

Мышление *(Ideation).* Наиболее скрытая форма *сознательной осведомленности* (см.), при которой выборочное обследование альтернатив или вариантов средство-целевых возможностей происходит благодаря *настройкам поведения* (см.) на пробежки «туда—сюда».

Настройка поведения *(Behavior-adjustment).* Явно ненаблюдаемый заменитель какой-то действительной пробежки «туда—сюда». Обычно она происходит тогда, когда нужно «выборочно обследовать» (осуществить пробежку перед чем-то), те особенности окружения, которые не даны актуально и чувственно. Она составляет *мышление* (см.) в противоположность *очевидной осведомленности* (см.).

Неврологическое и иное физиологическое строение таких настроек поведения неизвестно. Однако их важной особенностью является не физиологический состав, а функциональный характер как суррогатов действительных пробежек «туда—сюда». Существенным здесь является то, что, чем бы они ни были — беззвучной речью, мелкими движениями или чем-то еще — они успешно выполняют то же самое «выборочное обследование» альтернатив и вариантов, которое могло бы быть осуществлено посредством действительных пробежек «туда—сюда» перед такими альтернативами или вариантами.

Обращение с *(Commerce-with)*. Любой акт поведения включает в себя глубокий взаимный обмен (поддержка, обладание, общение) с особенностями окружения — теми, что можно различить (*discriminanda*), теми, чем можно манипулировать (*manipulanda*) и средство-целевыми отношениями. Для обозначения таких взаимных обменов или использования ***опор поведения*** мы ввели термин *обращение с*.

Обучаемость (обучаемое) *(Docility* [*docile*]) — термин, используемый для обозначения характеристики ***поведения как молярного*** (см.), которая заключается в том факте, что если данный акт поведения оказывается в данном окружении сравнительно безуспешным, т.е. вообще не приводит к целевому объекту требуемого типа или приводит к нему только путем прохождения сравнительно долгой *дистанции*, то в последующих случаях он уступит дорогу такому акту или актам, которые смогут привести к этому объекту или приведут к нему по сравнительно кратчайшему маршруту.

Любое поведение как молярное, которое демонстрирует обучаемость, суть обучаемо.

Если поведенческий акт *А* обучаем, то в результате значительного изменения в данной окружающей ситуации он уступит дорогу (вследствие *срыва*) последующему акту *В*. Этот новый акт *В* будет приспособлен к новой окружающей ситуации (приведет к целевому объекту требуемого типа) таким образом, что будет включать то, что отсутствует в акте *А*.

Осведомленность очевидная *(Awareness, simple)*. В противоположность ***мышлению*** (см.), очевидная осведомленность есть ***сознательная осведомленность*** (см.), когда пробежки «туда—сюда» явно совершаются в зависимости от особенностей окружения, существующих здесь и теперь.

Осведомленность сознательная *(Awareness conscious)*. Процесс «выборочного обследования» посредством пробежек «туда—сюда» перед окружающими объектами, размещенными в виде альтернатив или вариантов. Эти пробежки могут быть явными и совершаться по отношению к окружающим объектам, актуально и чувственно существующим здесь и теперь. В таком случае их следует назвать ***очевидной осведомленностью*** (см.). Или же они могут быть в форме простых ***настроек поведения*** (см.) и осуществляться по отношению к окружающим объектам, которые здесь и теперь чувственно не даны. В этом последнем случае их следует назвать ***мышлением*** (см.).

Поведение как молекулярное *(Behavior qua molecular).* Понимание поведения, которое подчеркивает лежащую в его основе физическую и физиологическую природу. Это одно из двух конфликтующих понятий поведения. Этого понятия, как правило, придерживаются Уотсон, Вейсс и Мейер. Принимаемое в данной работе понимание поведения как *молярного* находится в оппозиции к его пониманию как молекулярного.

Поведение как молярное *(Behavior qua molar).* В том смысле, в котором термин «поведение» используется в данной книге, это любая деятельность организма, протекание которой может быть охарактеризовано как *обучаемое* (см.) по отношению к его последствиям. Поведение в этом смысле следует отличать от других органических активностей, которые не являются ни результатами прошлого научения, ни способными к будущему научению. Поведение как молярное обладает характерными *молярными* свойствами, которые более детальное *молекулярное* описание (см. *поведение как молекулярное*) его физических и физиологических оснований совершенно игнорирует. Термины *поведение* или *акт поведения* используются для обозначения любого отрезка поведения, вычленяемого в терминах какого-то *одного целевого объекта* и какого-то *одного объекта-средства*.

Поведение как таковое *(Behavior as such).* То же самое, что *поведение как молярное* (см.).

Знание (познавательный) *(Cognition [cognitive]).* Общий термин, обозначающий один из двух классов *имманентных детерминант* (см.) поведения. Знание (какая-то *средство-целевая готовность* или какое-то *ожидание*) присутствует в поведении постольку, поскольку его возобновляющееся осуществление зависит от характеристик окружения, т.е. от того, что можно различить (*discriminanda*), чем можно манипулировать (*manipulanda*), и средство-целевых отношений, которые могут быть «такими или другими». Когда характеристики окружения окажутся такими или другими, эта зависимость всегда проявится в том, что в поведении произойдет *срыв,* а затем последует научение.

Стимулы *(Stimuli).* Данности окружения, вызывающие ожидания (т.е. знаково-гештальтные восприятия, припоминания или выводы) и «устанавливающие» организм на ожидание определенных комплексов опор поведения.

Способность сознания и способность мышления *(Consciousness-ability and ideation-ability).* Определенные индивидуальные организмы и виды организмов обладают большей, чем другие, способностью «задерживать» свои обычные акты поведения, чтобы выполнить пробежку «туда—сюда» или настройку поведения на нее. Иначе говоря, определенные особи и виды обладают большей, чем другие, способностью к *очевидной осведомленности* (см.) и к *мышлению* (см.). Вместе эти способности могут быть выражены терминами *способность сознания* и *способность мышления.*

Целевой объект, целевая ситуация, задача (*Goal-object, goal-situation, goal*) — необходимое внутреннее физиологическое условие или объект внешнего окружения (*требование*), которые должны быть достигнуты или избегаемы.

Примеры

Целевой объект, который достигается сериями актов поведения, называемого голодным, — это физиологический покой, возникающий в результате удовлетворения голода.

Целевой объект, который избегается посредством серии актов поведения, называемого испугом, — это физиологическое болевое расстройство или телесное повреждение.

Непосредственно достигаемый путем простого акта поведения (такого как вхождение в коридор лабиринта) целевой объект — это интерьер данного коридора.

Непосредственно избегаемый путем простого акта поведения (такого как балансирование на узком приподнятом рельсовом лабиринте) целевой объект — это избегание полной потери опоры.

В сложных последовательностях или иерархии поведенческих актов целевые объекты организуются как главные и подчиненные. Подчиненные целевые объекты с точки зрения главных целевых объектов следует обозначать как объекты-средства.

Цель (целевое) *(Purpose [purposive]).* Общий термин для одного из двух классов *имманентных детерминант* (см.) поведения. Цель — это *требование* достижения или избегания целевого объекта определенного типа. О такой цели объективно свидетельствует тот факт, что поведение имеет тенденцию настойчиво продолжаться в определенном направлении и обнаруживает *обучаемость* (см.) по отношению к достижению или избеганию *целевого объекта* (см.) или конкретной целевой ситуации.

Э.Ч. Толмен

Когнитивные карты у крыс и людей*

Основная часть этой статьи посвящена описанию экспериментов с крысами. Но <...> я попытаюсь вкратце также показать значение этих полученных на крысах данных для понимания поведения людей, находящихся в клинике. Большинство исследований на крысах, о которых я буду говорить, выполнено в лаборатории в Беркли[1]. Иногда я буду также включать описания поведения крыс родом не только из Беркли, но и всех тех, которые были вынуждены, очевидно понапрасну, растратить свои жизни в других лабораториях. Кроме того, рассказывая о наших экспериментах в Беркли, мне придется упустить очень многое. Эксперименты, о которых я *должен* сообщить, выполнены аспирантами (или низкооплачиваемыми младшими научными сотрудниками), получившими некоторые из своих идей, вероятно, от меня. И лишь некоторые, правда немногие, «избранные» были проведены мною.

Позвольте начать с показа схем пары обычных лабиринтов — коридорного и эстакадного (см. рис. 1 и рис. 2, соответственно). В типичном эксперименте голодную крысу помещают у входа лабиринта (коридорного или эстакадного). Она блуждает по различным верным и тупиковым участкам, пока в конце концов не достигнет пищевого ящика и не поест. Это повторяется (опять-таки в типичном эксперименте) один раз через каждые 24 ч и от пробы к пробе животное совершает все меньше и меньше ошибок (т.е. заходов в тупики), затрачивая на проход от старта до целевого ящика все меньше и меньше времени, пока, в итоге вообще не заходя в тупики, не пробегает расстояние от старта до цели всего за несколько секунд. Результаты обычно представляют в виде кривых количества заходов в тупики или времени, затраченного от старта до финиша, усредненных по группе крыс.

---

* *Tolman E.C.* Cognitive maps in rats and men // *Tolman E.C.* Behavior and Psychological Man. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1958. P. 241—264. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] *Беркли* — университет, расположенный в г. Беркли (США, штат Калифорния). — *Ред.-сост.*

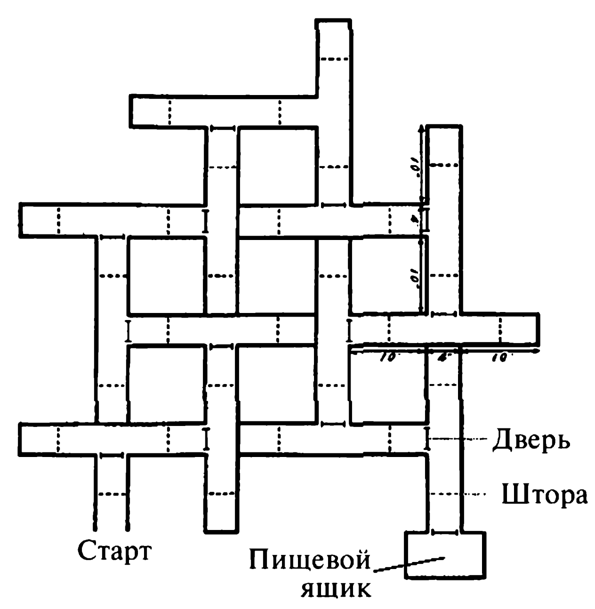

Рис. 1. Схема лабиринта: 14-секционный Т-коридорный лабиринт[2]

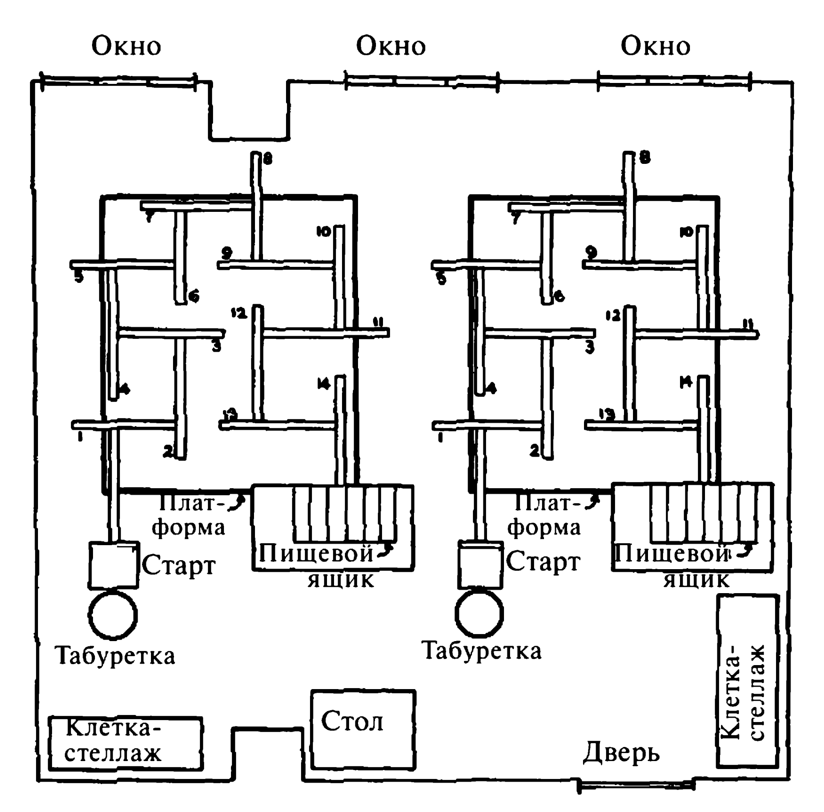

Рис. 2. 14-секционные Т-эстакадные лабиринты, расположенные бок о бок в одном помещении[3]

[2] *Elliott M.H.* The effect of chance or reward on the maze performance of rats // Univ. Calif. Publ. Psychol. 1928. Vol. 4. P. 20.

[3] По: *Honzik C.H.* The sensory basis of maze learning in rats // Compar. Psychol. Monogr. 1936. Vol. 13, № 4. P. 4.

Все исследователи сходятся во мнении относительно этих фактов. Однако они расходятся в теории и объяснении.

1. Во-первых, существует школа зоопсихологов, которые считают поведение крыс в лабиринте результатом простейших соединений стимулов с ответами. Научение, по их мнению, состоит в усилении некоторых из этих соединений и в ослаблении других. Согласно этой «стимульно-реактивной» школе крыса двигается вперед по лабиринту, беспомощно реагируя на последовательность внешних стимулов — знаков, звуков, запахов, давлений и т.д., попадающих на ее внешние органы чувств плюс на внутренние стимулы, исходящие от внутренних органов и скелетных мускулов. Эти внешние и внутренние стимулы вызывают проходы, пробежки, повороты, возвраты, принюхивания, вставания и тому подобные проявления. Согласно этому взгляду, центральную нервную систему крыс можно уподобить запутанному коммутатору телефонной станции. На его вход поступают звонки от органов чувств, а с выхода идут команды на мышцы. До заучивания определенного лабиринта соединительные переключатели (синапсы в терминах физиолога) замкнуты на какую-то группу путей и выдают, в первую очередь, исследовательские ответы, которые появляются в ранних пробах. *Научение* состоит в относительном усилении и ослаблении множества этих соединений. Соединения, которые приводят к продвижению животного по правильному маршруту, становятся более открытыми для прохождения нервных импульсов, чем соединения, заводящие его в тупики.

Однако необходимо дополнительно отметить, что эту стимульно-реактивную школу можно разделить далее на две подгруппы.

А. Существует подгруппа, которая утверждает, что простая механика, включаемая в пробежку по лабиринту, состоит в том, что решающие стимулы, исходящие от лабиринта, оказываются предъявленными одновременно с правильными ответами более часто, чем с каким-либо из ошибочных ответов. Поэтому только благодаря этой большей частоте нервные соединения между решающими стимулами и правильными ответами будут склонны, как говорят, к усилению по сравнению с ошибочными соединениями.

Б. В этой стимульно-реактивной школе существует вторая подгруппа, которая утверждает, что основание усиления соответствующих соединений относительно несоответствующих скорее заключается в том, что ответы, получающиеся в результате правильных соединений, сопровождаются спустя некоторое время редукцией потребности. Поэтому голодная крыса все *быстрее* приближается к пище и, благодаря правильным, а не тупиковым, маршрутным ответам, удовлетворяет свой аппетит. И такие идущие незамедлительно вслед редукции потребности или, воспользуемся другим термином, «положительные подкрепления» постепенно, так или иначе, как говорят, усиливают соединения, наиболее близко им предшествующие. Это происходит так — хотя сами представители этой подгруппы так, конечно бы, не сказали — как будто бы какая-то удовлетворенная часть крысы звонит обратно на станцию и говорит девушке-телефонистке: «Сохраните это соединение, оно оказалось полезным, при-

сматривайте за ним, чтобы сразу же послать все другие на фиг, если придут те же самые стимулы». Эти теоретики также предполагают (сейчас, по меньшей мере, некоторые из них), что если последуют плохие результаты — «неприятности», «отрицательные подкрепления» — тогда та же самая часть крысы, которая получала удовлетворение, а теперь оказывается недовольной, позвонит обратно и скажет: «Убери это соединение и впредь не смей его использовать».

Для краткого изложения представлений этих двух разновидностей «стимульно-реактивной» или телефонно-коммутаторной школы вполне достаточно уже сказанного.

2. Теперь разрешите обратиться ко второй основной школе. Эту группу (и в том числе меня) можно назвать теоретиками поля. Мы считаем, что по ходу научения в головном мозгу крысы строится нечто подобное полевой карте данного окружения. Мы соглашаемся с другой школой в том, что на крысу, бегущую по лабиринту, действуют стимулы, и что, благодаря в конечном счете этим стимулам, она склоняется к тем ответам, которые происходят фактически. Однако мы полагаем, что промежуточные процессы головного мозга более сложны, более структурированы и зачастую, скажем прямо, более автономны, чем это думают психологи стимульно-реактивной школы. Хотя мы и признаем, что крыса бомбардируется стимулами, мы утверждаем, что ее нервная система удивительно избирательна по отношению к тем из них, которые она будет впускать в любой данный момент времени.

Во-вторых, мы утверждаем, что сама центральная служба гораздо более похожа на планирующую диспетчерскую, чем на устаревший телефонный коммутатор. Стимулы, которым позволено пройти в нее, не соединяются с выходными ответами один к одному посредством только простых переключений. Скорее, поступающие импульсы перерабатываются и разрабатываются в центральной диспетчерской, образуя ориентировочную, как бы познавательную карту (*tentative, cognitive-like map*) данного окружения. В конечном счете, именно эта ориентировочная карта, показывающая маршруты, пути и взаимосвязи окружения, определяет, какие ответы будут, если вообще будут, выполнены животным в итоге.

Наконец, по-моему, не менее важно было бы выяснить, в какой степени эти карты являются сравнительно узкими и похожими на авиационные маршрутные карты или же сравнительно широкими и полными. Как маршрутные, так и полные карты могут быть либо правильными, либо ошибочными в том смысле, что они могут (или не могут), когда действуют, успешно вести животное к цели. Различия между такими маршрутными и такими полными картами будут выявлены только впоследствии, когда данная крыса столкнется с каким-то изменением внутри данного окружения. В этом случае перенос первоначальной карты на новую проблему будет тем менее успешным, чем она у́же и чем больше напоминает маршрутную; если же она была более широкой и более полной, то в этой новой обстановке она будет служить более адекватно. В маршрутной карте определенная позиция животного связана с позицией цели по-

средством только одной, сравнительно простой траектории. В полной же карте представлен широкий сектор данного окружения, так что, если стартовая позиция животного меняется или вводятся вариации в определенные пути, то эта более широкая карта все-таки позволит животному вести себя сравнительно правильно и выбрать соответствующий новый маршрут.

Но теперь разрешите нам обратиться к реальным экспериментам. Среди множества экспериментов я попросту отобрал для данного сообщения те, которые кажутся особенно важными для подкрепления той теоретической позиции, которую я представляю. Эта позиция, я повторяю, содержит два предположения. Первое — что научение состоит не в стимульно-реактивных соединениях, а в построении в нервной системе устройств *(sets)*, которые функционируют подобно когнитивным картам, и второе — что такие когнитивные карты могут быть с пользой охарактеризованы как варьирующие в диапазоне от узких, маршрутных до широких, полных.

Эти эксперименты распадаются на пять рубрик: (1) «латентное научение», (2) замещающая проба и ошибка» или «ЗПО», (3) «поиск стимула», (4) «гипотезы» и (5) «пространственная ориентация».

Эксперименты на «латентное научение»

Первый из экспериментов на латентное научение проведен Блоджетом в Беркли и опубликован в 1929 г. Блоджет не только выполнил эти эксперименты, но и впервые предложил понятие латентного научения. Он запускал три группы крыс в шестисекционный коридорный лабиринт, показанный на рис. 3.

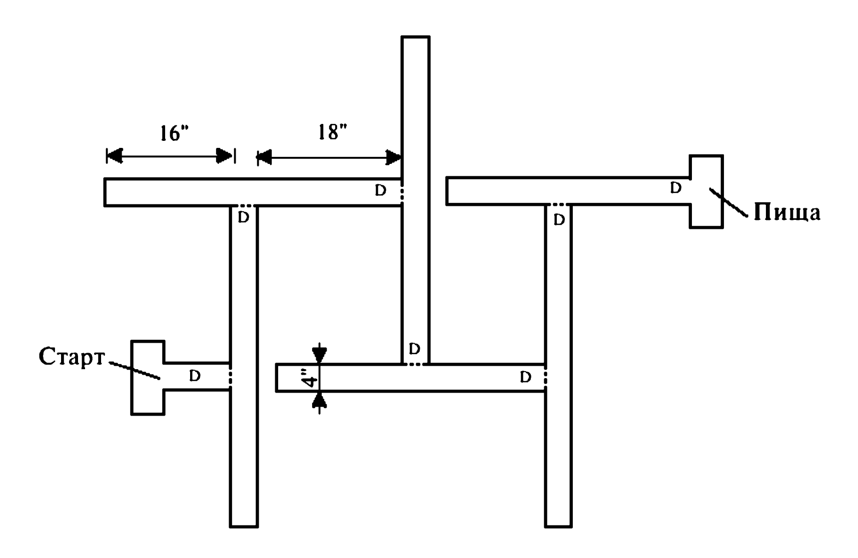

Рис. 3. Шестисекционный Т-коридорный лабиринт [4]

[4] По: *Blodgett H.C.* The effect of the introduction of reward upon the maze performance of rats // Univ. Calif. Publ. Psychol. 1929. Vol. 4, № 8. P. 117.

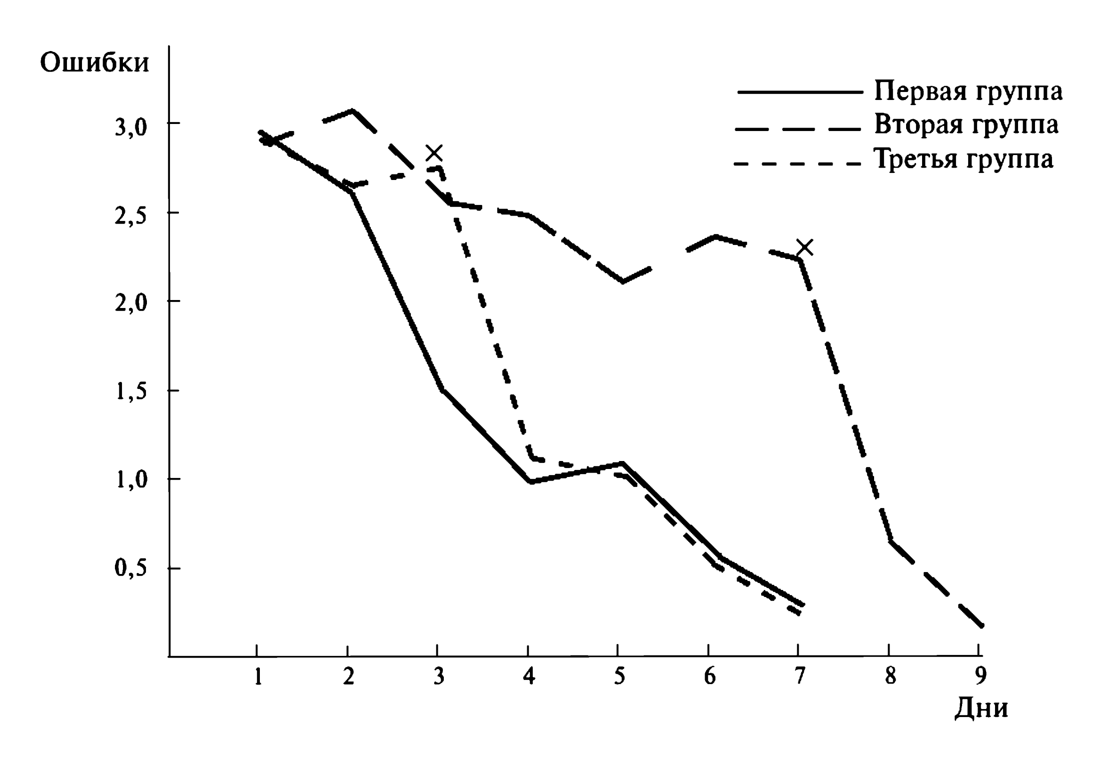

Рис. 4. Результаты экспериментов Блоджетта[5]

Одна группа была контрольной и две экспериментальными. Кривые ошибок этих групп представлены на рис. 4.

Сплошной жирной линией показана кривая ошибок первой, контрольной, группы. Эти животные пробегали традиционным образом, т.е. один раз в день и в конце каждой пробы находили пищу в целевом ящике. Вторая и третья группы были экспериментальными. Животных второй группы (штриховая линия) в первые шесть дней кормили не в лабиринте, а только в их домашних клетках приблизительно на два часа позже. На седьмой день (указан маленьким крестиком) эти крысы впервые обнаруживали в конце данного лабиринта пищу и продолжали находить ее в последующие дни. С животными третьей группы обращались подобным же образом за исключением того, что они впервые обнаруживали пищу в конце лабиринта на третий день и продолжали находить ее там в последующие дни. Видно, что у экспериментальных групп, до тех пор пока они не стали находить пищу, научение проявляется незначительно (их кривые ошибок не падают). Но в дни, идущие непосредственно за первым обнаружением пищи, их кривые ошибок поразительно резко падают. Одним словом, ясно, что в течение не вознаграждаемых проб эти животные научились гораздо большему, чем это было ими проявлено. Это научение, которое не проявляло себя до тех пор, пока не вводилась пища, Блоджет назвал латентным. Интерпретируя эти

[5] См.: Там же. P. 120.

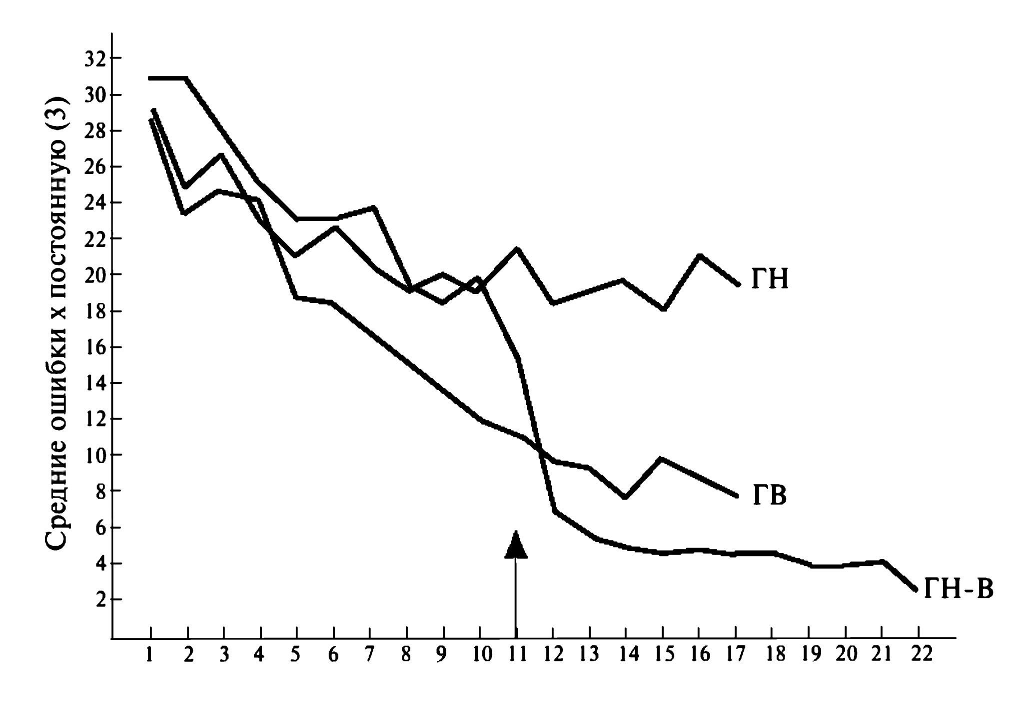

Рис. 5. Кривые ошибок для голодных вознаграждаемых (ГВ), голодных невознаграждаемых (ГН) и голодных невознаграждаемых-вознаграждаемых (ГН-В) групп крыс[6]

результаты антропоморфически[7], мы могли бы сказать, что до тех пор, пока животные не стали получать в конце данного лабиринта какую-то пищу, они проводили свое время в прогулках по нему и продолжали заходить во множество тупиков. Но как только им стало известно о пище, они показали, что во время этих предшествующих, не вознаграждаемых проб они запомнили расположение большинства тупиков. Они построили «карту» и сумели ею воспользоваться сразу же, как только их к этому мотивировали.

Сходные результаты были получены при повторении этих экспериментов Гонзиком и мною (точнее, повторил их он, а я добывал финансирование) в 14 секциях Т-образных лабиринтов, показанных на рис. 1, и с большим количеством животных в группах. Итоговые кривые показаны на рис. 5. У нас были две контрольные группы: одна никогда не находила пищу в лабиринте (ГН) и другая, которая находила ее всегда (ГВ). Экспериментальная группа (ГН-В) находила пищу в конце лабиринта начиная с 11-го дня и продемонстрировала стремительное снижение кривых ошибок того же типа.

Но, быть может, самый лучший эксперимент, демонстрирующий латентное научение, провели Спенс и Липпит, к сожалению, не в Беркли, а в университете

[6] *Tolman E.C., Honzik C.H.* Degrees of hunger, reward and non-reward, and maze learning in rats // Univ. Calif. Publ. Psychol. 1930. Vol. 4, № 16. P. 267.

[7] Т.е. перенося свойства и способы поведения человека на животных (здесь, конечно, чисто условно). — *Ред.-сост.*

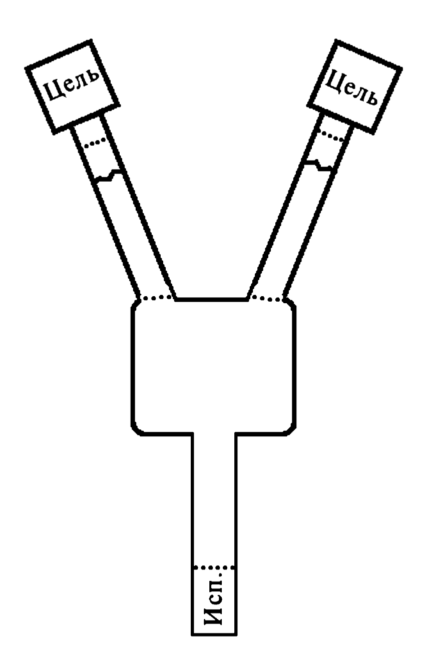

Рис. 6. Принципиальная схема установки[8]

штата Айова. Пока опубликован только реферат этого исследования. Спенс все же прислал черновую рукопись, выжимкой из которой и будет последующее описание.

Использовался простой Y-образный лабиринт (рис. 6) с двумя целевыми ящиками. Вода была в конце правого плеча лабиринта, а пища — в конце левого. В период тренировки крысы пробегали лабиринт не испытывая голода и жажды. Перед каждой ежедневной пробой их поили и кормили досыта. Однако они охотно бегали, потому что после каждой пробежки их вынимали из конечных ящиков и помещали в жилую клетку, где находились другие животные. Ежедневно в течение семи дней проводили четыре пробы: две вправо и две влево.

В решающем опыте этих животных разделили на две подгруппы: одну из них не кормили, другую — не поили. Оказалось, что с первой же попытки голодная группа поворачивала налево, где находилась пища, статистически чаще, чем направо; а группа испытывающих жажду поворачивала направо, где находилась вода, статистически чаще, чем налево. Эти результаты показывают, что в первоначально недифференцированных условиях и при весьма умеренном вознаграждении простым возвращением в домашние клетки животные все-таки усвоили, где находится вода, а где пища. Одним словом, они приобрели когнитивную карту (*cognitive map*), содержание которой состоит в том, что пища была слева, а вода справа, хотя во время усвоения этой карты они не проявляли каких-либо стимульно-реактивных наклонностей к тому, чтобы чаще проходить в ту сторону, которая позже стала соответствовать цели.

---

[8] См.: *Spence K.W., Lippitt R.* An experimental test of the sign-gestalt theory of trial and error learning // Journal of Experimental Psychology. 1946. № 36. P. 494; здесь они описывают другой эксперимент, но лабиринт использовали тот же.

В Беркли и других местах проведено множество других экспериментов на латентное научение. В целом, подавляющее большинство из них полностью подтверждает того же рода данные, о которых говорилось выше. <...>

А теперь, наконец, я подошел к общественно значимой и захватывающей проблеме, а именно, какие условия способствуют возникновению узких маршрутных карт и какие — широких, полных карт, и не только у крыс, но и у людей?

По данному вопросу в литературе рассыпано множество фактов, имеющих отношение как к крысам, так и к людям. Некоторые из этих фактов получены в Беркли, а некоторые — в других местах. Я не располагаю временем, чтобы представить их сколько-нибудь подробно. Я могу лишь суммировать их, сказав, что узкие маршрутные карты, а не широкие полные карты, по-видимому, возникают в связи с (1) повреждением головного мозга, (2) неадекватным расположением сигналов окружения, (3) чересчур большим числом повторений ранее заученного пути и (4) наличием слишком сильно мотивирующих или слишком сильно фрустрирующих[9] условий.

В заключение я хочу коротко остановиться на четвертом указанном факторе, ибо здесь моя позиция состоит в том, что по меньшей мере часть так называемых «психологических механизмов», раскрываемых клиническими психологами и другими определенными исследователями личности[10] в качестве бесовских причин большинства наших индивидуальных и социальных недугов, может быть интерпретирована как сужение наших когнитивных карт вследствие слишком сильных мотиваций или слишком значительной фрустрации.

Мое доказательство будет кратким, бесцеремонным и категоричным, поскольку сам я не являюсь ни клиническим, ни социальным психологом. Сказанное мною следует поэтому рассматривать как естественное для психолога, изучающего крыс, открытое выдвижение разумных обоснований.

В качестве примера разрешите предположить, что по меньшей мере три динамических явления (*three dynamisms*), названные, соответственно, «регрессией», «фиксацией» и «смещением агрессии на другие группы» — суть выражения когнитивных карт, крайне узких и построенных в нас в результате слишком сильной мотивации или слишком значительной фрустрации.

А. Рассмотрим *регрессию*. Этот термин используют в тех случаях, когда индивид перед лицом очень трудной проблемы возвращается к предшествующим, более ребяческим способам поведения. Возьмем, к примеру, случай сверхзащищенной женщины средних лет, о которой писали в журнале «Тайм» пару лет тому назад. Потеряв мужа, она, к большому неудовольствию своих уже взрослых дочерей, стала одеваться в молодежном стиле и отбивать у них поклонников и затем, в конце концов, повела себя как ребенок, требующий постоянной

---

[9] *Фрустрация* (*frustratio* (лат.) — обман, неудача, тщетная надежда) — здесь: психологический термин, обозначающий любое препятствие как внешнего, так и внутреннего характера, стоящее на пути к достижению цели. — *Ред.-сост.*

[10] Здесь автор имеет в виду представителей школы классического психоанализа, т.е. верных последователей З. Фрейда. — *Ред.-сост.*

заботы. Я бы не хотел, чтобы вы чересчур доверились репортерской точности «Тайма», но этот предельный случай не слишком отличается от многих других, действительно происходящих в наших психиатрических больницах, а иногда даже и с нами. Я мог бы доказать, что во всех подобных случаях такая регрессия (1) происходит в результате слишком сильной актуальной эмоциональной ситуации и (2) состоит в возвращении к какой-то очень узкой предшествующей карте, сложившейся в раннем детстве вследствие слишком большой фрустрации или мотивации. Женщина среднего возраста из «Тайма», когда умер ее муж, оказалась в чрезвычайно фрустрирующей эмоциональной ситуации и регрессировала — я бы держал пари — к крайне узким юношеским и детским картам, которые исходно запечатлелись благодаря напряженным переживаниям, происходившим в то время, когда она росла.

Б. Рассмотрим *фиксацию*. Регрессия и фиксация склонны идти рука об руку. Факт неимоверной живучести предшествующих карт можно изложить иначе, сказав, что они зафиксировались. Это показано даже на крысах. Если при исходном заучивании крысы мотивированы слишком сильно и первоначальный путь с какого-то момента оказывается ошибочным, то переучиваются они с огромным трудом. Кроме того, после переучивания они склонны к регрессу и подобно женщине из «Тайма» вновь выбирают ранний путь, если получат удар током.

В. Наконец, рассмотрим *смещение агрессии на другие группы*. Преданность своей группе — тенденция, вездесущая среди приматов. Установлено, что у шимпанзе и других обезьян она проявляется так же сильно, как и у людей. Мы — приматы, действующие в группах. Каждый индивид в такой группе стремится к слиянию со своей группой в целом, в том смысле, что цели данной группы становятся его целями, а жизнь и вечность группы — его жизнью и бессмертием. Кроме того, каждый индивид быстро усваивает, что если он как индивид оказывается фрустрированным, то ему нельзя нападать на других членов своей группы. Взамен этого он учится перемещать свою агрессию на другие группы. Такое смещение агрессии, на мой взгляд, есть также сужение определенной когнитивной карты. Индивид уже не различает истинное местонахождение причины своей фрустрации. Те малоимущие белые южане, которые находят ее в неграх, перемещают свою агрессию с землевладельцев, с экономической системы Юга, с капиталистов Севера и с любой иной подлинной причины их фрустраций на другую, вблизи расположенную группу. На отделении естественных наук критикуют гуманитариев; мы же, психологи, выступаем с критикой всех факультетов; университет в целом критикует систему средней школы, а та — университет; или — более масштабное и намного более опасное явление — американцы критикуют русских, а русские критикуют нас[11]. За все это, по меньшей

[11] Во время подготовки и прочтения данного доклада (март 1947 г.) в отношениях правительств бывших союзников антигитлеровской коалиции, США и СССР, начинался длительный период сложных, практически враждебных отношений, получивший название «холодной войны». — *Ред.-сост.*

мере отчасти, также отвечает ничто иное, как такое неразумное смещение нашей агрессии на другие группы.

Я не делаю вывода, что это обязательно, *всецело* и *исключительно* смещенные агрессии, что не может быть каких-то подлинных разногласий между данной группой и целями другой группы и, следовательно, настоящей агрессии членов одной группы против членов другой. Однако я утверждаю, что чаще всего и в основном они представляют собой именно такие простые смещения.

Снова и снова люди, ослепленные неистовыми мотивациями и слишком сильными фрустрациями приходят в состояние темной и безрассудной ненависти к чужакам. И эта смещенная ненависть выражается во всем диапазоне, начиная с ограничения прав меньшинств и кончая пожарами мировой войны.

Что же мы, призывая Провидение и Психологию, можем с этим поделать? Мой единственный ответ — выступить еще раз в защиту сил разума — т.е. широких когнитивных карт. И убеждать, что воспитатели и мировые организации, планирующие будущее, если и смогут добиться незримого присутствия необходимой разумности (т.е. полных карт), то лишь при условии контроля за тем, чтобы никто из детей не оказался сверхмотивированным или слишком фрустрированным. Только тогда эти дети смогут научиться заглядывать вперед и оглядываться, находить обходные и наиболее безопасные пути к своим совершенно правильным целям; смогут научиться, т.е. понять, что благополучие белого и негра, католика и протестанта, христианина и иудея, американца и русского (и даже мужчин и женщин) взаимозависимо.

Мы не смеем позволить себе и другим стать настолько сверхэмоциональными, настолько голодными, настолько плохо одетыми и настолько сверхмотивированными, чтобы развивались только узкие маршрутные карты. Каждый из нас, в Европе и Америке, на Востоке и Западе, должен быть достаточно спокоен и достаточно накормлен для того, чтобы оказаться способным к развитию подлинно полных карт или, как сказал бы Фрейд[12], научиться жить согласно принципу реальности, а не в соответствии со слишком узким и слишком непосредственным принципом удовольствия.

Короче говоря, мы должны провести испытание наших детей и самих себя (как это сделал бы со своими крысами мягкий экспериментатор) в условиях оптимальной умеренной мотивации и отсутствия ненужных фрустраций всякий раз, когда мы ставим их и себя перед огромным Богоданным лабиринтом — нашим человеческим миром. Я не берусь предсказать, сможем ли мы или нет, и разрешат ли нам это сделать, но я *могу* утверждать, что наша надежда обоснована лишь в той мере, в какой мы *уже* можем и нам *уже* разрешено это делать.

---

[12] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр; см. его тексты на с.312—341, 342—344 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Э.Ч. Толмен

Бихевиористское определение сознания*

Эту статью следовало бы назвать «Возмутительная попытка бихевиориста дать определение сознания». И в самом деле, теоретический взгляд, который я вам представлю, кажется совершенно недоказуемым даже мне самому, а уж ваше мнение о нем будет, без сомнения, гораздо хуже моего. И все же моя вера в грядущий триумф бихевиоризма столь велика, что я скорее предпочел бы высказать даже такую весьма сомнительную гипотезу, чем держать свой рот на замке. Если уж мы, бихевиористы, не способны выдвинуть хорошей теории, мы можем, по крайней мере, выдвигать как можно больше плохих, чтобы их последовательное опровержение привело нас в конце концов к верной теории или, если таковой не существует, к отказу от всего нашего бихевиористского замысла.

Однако, прежде чем я попытаюсь дать свое определение сознания, позвольте мне вкратце описать природу поведения, как ее вижу я. Любой поведенческий акт, постоянное возникновение которого зависит от тех или иных конкретных особенностей среды, следует связывать с наличием некоторого предположения об этих особенностях или с фактом их опознания. Например, если обученная крыса, находясь в проблемном ящике[1], готова войти в белый коридор, но не в черный, постоянство такого варианта поведения следует связать с наличием у нее когнитивного предположения о различиях между белым и черным цветами. Более того, постоянство тенденции входить в белый, но не

---

* *Tolman E.C.* A behaviorist's definition of consciousness // *Tolman E.C.* Behavior and Psychological man. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1958. P. 63—68. (***Перевод Е.Н. Осина***); *Tolman E.C.* A behaviorist's definition of consciousness // Psychological Bulletin. 1928. Vol. 25. № 8. P. 448—449. (***Перевод Ю.Б. Дормашева.***)

[1] ***Проблемный***, точнее, дискриминативный ***ящик*** (discrimination box) — одна из типичных разновидностей экспериментальных установок для исследования поведения животных. В простейшем случае это может быть огороженное со всех сторон небольшое пространство (ящик или клетка) с двумя дверцами, открывающимися изнутри путем простого нажатия. За одной дверцей, например, белой, начинается коридор, ведущий к кормушке, а за другой — например, черной — коридор, заканчивающийся тупиком. — *Ред.-сост.*

в черный коридор зависит также от того, будет ли соблюдено условие наличия пищи в одном коридоре и ее отсутствия в другом; поэтому такое поведение должно быть связано также со способностью к познавательному различению между наличием пищи и ее отсутствием. И, кроме того, постоянство предпочтения крысой белого коридора должно свидетельствовать также о наличии у нее познавательного различения между значениями белого и черного цветов, первый из которых указывает на наличие, а второй — на отсутствие пищи. Если одно из этих трех условий среды внезапно изменится, поведенческий акт будет разрушен. Т.е., если исчезнет различие между белым и черным цветами, или между наличием и отсутствием пищи, или между значениями белого и черного цветов как наличия и отсутствия пищи, то постоянное предпочтение крысой белого коридора и избегание черного прекратится. Короче говоря, постоянное повторение этого поведенческого акта исходит из предположения о наличии этих трех конкретных наборов условий среды и их взаимосвязей, или постулирует их.

То, что мы доказали для поведения в проблемном ящике, должно быть, является истинным и для любого другого поведения. Любой поведенческий акт, совершаясь, предполагает наличие определенных особенностей среды. И это верно потому, что можно показать зависимость его постоянства от действительного наличия этих особенностей. Если их не удается обнаружить, поведенческий акт рано или поздно прекращается или подвергается преобразованиям. Поведение побуждают органические потребности; возникая, поведение постулирует наличие таких условий и взаимосвязей факторов среды, в которых оно окажется успешным для удовлетворения побудивших его потребностей. Совершение акта поведения связано с определенной, соответствующей ему особенностью среды. И это является справедливым для всех поведенческих актов, будь то новые, только что усвоенные, или старые, твердо установившиеся. Есть лишь одно условие: акт должен быть готов к преобразованиям, если события среды развиваются иначе.

В свете нашего заключения о том, что практически любое поведение является когнитивным или постулативным, мы, тем не менее, должны указать на тот факт, что во многих случаях оно выполняется абсолютно автоматически и бессознательно. Чтобы поведение было когнитивным или постулативным, оно не обязательно должно быть сознательным. Твердо установившийся и полностью автоматизированный акт привычного действия также связан, в нашем смысле, с некоторым предположением о среде или с опознанием ее особенностей, поскольку постоянство этого акта зависит от того, будет ли среда действительно соответствовать ему. Но такой акт привычного действия может, тем не менее, осуществляться абсолютно бессознательно.

Спрашивается, в чем же тогда заключается дополнительный повод и причина сознания? Наш ответ будет следующим: ***сознание есть тогда, когда организм в ситуации определенной стимуляции переходит от состояния готовности реагировать на нее относительно менее дифференцированным образом к состоя-***

нию готовности реагировать более дифференцированно. Возьмем, к примеру, нашу крысу, и будем исходить из того, что до некоторого момента ее реакция на белый и черный коридоры была неопределенной. Возможно, крыса отличала их оба от какого-то третьего коридора другого цвета, но относительно этих двух — черного и белого — ее поведение не различалось. Однако в какой-то момент у крысы происходит некое внутреннее событие, в результате которого она переходит от состояния готовности не дифференцированно реагировать на коридоры к готовности реагировать на них дифференцированно. Момент этого перехода и есть момент сознания. В этот момент организм осознает различие между черным и белым цветами. Во всех предыдущих случаях его поведение по отношению к этим двум цветам было одинаковым. С этого момента он начинает вести себя по отношению к ним по-разному. Именно этот переход к новой дифференциации мы называем сознанием. После такого перехода поведение может стать таким же автоматизированным, как и поведение до него. Акты, которые предполагают большую степень когнитивной дифференциации, могут быть в такой же мере автоматизированы, как и акты, предполагающие меньшую ее степень. Сознание определяется только этим переключением, которое происходит в какой-то момент времени.

В чем же тогда состоит механизм таких переключений? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо рассмотреть новый принцип. Он состоит в том, что организмы, или, по крайней мере, наиболее высокоразвитые из них, способны не только к актам поведения, но и к тому, что можно было бы назвать простыми настройками поведения. Суть этих настроек поведения мы полагаем в том, что они позволяют животному так или иначе входить в контакт с теми стимулами-результатами, с которыми оно столкнулось бы, если бы в действительности совершило поведенческий акт. Таким образом, результаты любого возможного поведенческого акта могут быть, с помощью всего лишь попытки его совершения или настройки к нему, привнесены *в настоящее*, чтобы выступить как положительное или отрицательное подкрепление этого акта. Совершить настройку к действию означает приобрести представление о возможных стимулах-результатах, которых следует ожидать в итоге его выполнения (конечно, это представление основывается на прошлом опыте — случаях, когда это действие или похожее на него было реально совершено).

Теория о том, что посредством простых настроек поведения организм способен представлять себе возможные результаты действий, может показаться вам довольно мистической и недостойной рассмотрения любым трезво мыслящим ученым, тем более бихевиористом. И все же, спрошу я у вас, в чем состоит теория скрытой или беззвучной речи <...> Уотсона, в той мере, в какой она выглядит убедительной, как не в четком описании именно таких настроек поведения? Конечно, Уотсон не называет их так, но описанные им жесты и беззвучные сокращения имеют ту же самую функцию, которую мы приписываем настройкам поведения. Его теория кажется убедительной лишь в той части, где он имеет в виду, что жесты и беззвучные мышечные сокращения

подают (т.е. представляют) действующему или слушающему организму стимулы-результаты того типа, которые следовало бы ожидать от реального поведения, если бы оно было совершено. Когда ребенок размышляет о том, чего он хочет, он беззвучно произносит, среди прочих слов, слово «кукла». И само произнесение этого слова предоставляет ему тот тип стимулов, которого следовало бы ожидать, если бы ребенок действительно пошел и взял куклу. Если эти представленные им стимулы куклы удовлетворяют его, ребенок совершает действие — идет за куклой и берет ее. Если стимулы его не удовлетворяют, он произносит, возможно, беззвучно, названия остальных игрушек.

Описанный выше ход мысли, конечно, не совсем точно воспроизводит рассуждения <...> Уотсона. Однако я считаю, что именно так их следует читать и что именно в силу такого прочтения они приобретают свою убедительность. Тем не менее, я представил вам теорию беззвучной речи и едва заметного жеста не для того чтобы предложить вам принять ее как таковую, но чтобы плавно подвести вас к моему собственному, более общему представлению о настройках поведения. В чем бы ни состояла их неврологическая или физиологическая природа, функционально настройки поведения следует рассматривать как суррогат реального поведения; такой суррогат, который каким-то образом привносит в настоящее, позволяя им влиять на организм здесь и теперь, те стимулы-результаты, которых следует ожидать от соответствующего реального поведения.

Предположив, ради нашего рассуждения, что вы принимаете эту теорию, мы совершаем следующий шаг, утверждая, что именно рассмотренные нами настройки поведения производят сознание или *являются* сознанием. Когда крыса в некоторый момент переходит от неготовности различать белое и черное к готовности различать их и, как мы говорили, тем самым осознает различие между ними, этот переход и это осознание опосредствованы настройкой поведения. В данном случае это есть настройка поведения к акту подбегания и быстрому осмотру то одного, то другого цвета. Стимулом-результатом, который мог бы возникнуть благодаря реальному подбеганию и осмотру, скорее всего, стал бы сложный паттерн, содержащий как цвет, от которого крыса отбегает, так и тот цвет, к которому она бежит. Т.е. быстрое перебегание от одного цвета к другому, скорее всего, сформировало бы у крысы некий гештальт (?), содержащий оба цвета, поставленные в непосредственное соседство друг с другом. И настройка к такому перебеганию должна привнести уже имеющийся гештальт в момент, который предшествует реальному поведению. Благодаря этому, если бы животное столкнулось с каждым цветом по отдельности, оно все равно смогло бы по-разному реагировать на них. Необходимо также подчеркнуть еще один важный пункт: когда новое, дифференцированное поведение закрепляется, его осознание и настройка, вероятно, могут исчезнуть, однако само различение в нем при этом сохранится.

Мы должны предположить, что сложный паттерн, в котором белый цвет соседствует с черным, является необходимым для того, чтобы сохранялось

различающее поведение. Но мы думаем, что, в конце концов, этот паттерн возникает в результате чисто ассоциативного распространения либо от одного белого стимула, либо от одного черного. Простые взаимосвязи стимулов, возникшие в результате пробегания от одного цвета к другому, теперь соединяются с белым и черным стимулами по отдельности.

Вот то, что касается осознания различия между белым и черным стимулами. Однако в начале этой статьи мы увидели, что акт поведенческого выбора одного коридора включает в себя не только это различение белого и черного, но и различение наличия пищи и ее отсутствия, а также различение значений этих двух цветов. Теперь мы утверждаем, что возникновение двух других различений также связано с сознанием, и их также можно объяснить функционированием настроек поведения.

Переход от неспособности к способности различать наличие и отсутствие пищи опосредствован настройкой поведения к быстрому перебеганию от одной цели к другой. Результатом этой настройки становится сложный гештальт, в котором два вида цели сопоставляются друг с другом. И благодаря наличию такого опосредствующего гештальта происходит осознание того, является или нет пищей конкретная цель, представленная внешне или репрезентируемая.

И, наконец, переключение от неспособности к способности воспринимать значения черного и белого стимулов как различные также осуществляется посредством настройки поведения. В этом случае происходит настройка поведения к реальному входу в предъявленный коридор и обнаружению в нем пищи или ее отсутствия. Таким образом возникает слитный гештальт, в котором представленный черный или белый стимул не только противопоставлен другому по цвету, но и снабжен дополнительным значением наличия пищи или ее отсутствия. Только на основании этого тотального гештальта может возникнуть поведенческий акт входа в коридор или избегания коридора.

Подведем итог. Мы предполагаем, что весь процесс научения крысы происходит примерно следующим образом. В начале у животного после некоторого количества проб возникает, при столкновении с белым или черным стимулом, настройка поведения к пробеганию туда-сюда. Таким образом у крысы возникает осознание белого или черного цвета. Аналогично, при столкновении с едой или ее отсутствием возникает настройка поведения к пробеганию туда-сюда и осознание наличия или отсутствия пищи. В конце концов, когда крыса сталкивается с белым или черным стимулом, у нее возникает настройка поведения ко входу в тот или другой коридор и, тем самым, осознание пищевого или непищевого результата этого действия. На основании трех таких настроек возникает, скажем так, один большой тотальный гештальт, который и служит основой для ответа. Этот гештальт содержит различение черного и белого цветов, пищи и ее отсутствия, а также пищевого значения белого стимула и непищевого значения черного. И сознание будет в тех случаях, когда этот гештальт формируется первоначально. Впоследствии

этот большой тотальный гештальт начинает возникать посредством простой ассоциативной связи и без вмешательства настроек поведения, т.е. бессознательно.

Несколько слов напоследок. Возможно, вы сомневаетесь, что такое животное как крыса ко всему этому способно. Точно так же, пожалуй, сомневаюсь и я. Важно следующее: если крыса учится сознательно, то выше мы дали полностью объективное определение того, как это может происходить. Но, возможно, крыса учится бессознательно. В таком случае нам следует предположить, что переход от готовности к недифференцированному поведению (т.е. опосредствованному простыми «гештальтами» стимулов) к готовности к дифференцированному поведению (т.е. опосредствованному более сложными «гештальтами» стимулов) происходит как-то автоматически между пробами. Затем мы предположили бы, что эти изменения происходят без помощи настроек. Т.е. первоначальные стимулы как-то усиливаются и должным образом «гештальтируются» путем простого механического объединения.

[Резюме]

Поведение меняется при научении. Научение возникает в ситуации, особенности которой определяют неуспех [прежних способов. — *Ред.-сост.*] поведения. Поэтому можно сказать, что неизменность поведения постулирует следующее: определенное окружение таково, что данное поведение должно происходить успешно, т.е. соответственно этому окружению. Этот постулат верен как для поведения, ставшего автоматическим, так и для только заучиваемого поведения. Но автоматическое поведение бессознательно. Иначе говоря, хотя постулат о неизменности успешного поведения справедлив всегда, нет необходимости в том, чтобы поведение было всегда сознательным. Сознание возникает в определенный момент научения, т.е. в тот момент стимуляции, когда организм переходит из состояния готовности отвечать менее дифференцированным образом в состояние готовности отвечать более дифференцированным образом. Например, можно сказать, что крыса осознает белое или черное, когда в данном месте и в какой-то момент стимуляции она переходит из состояния неготовности в состояние готовности отвечать на эти цвета как на различные. Такие сдвиги от одной степени различения к другой можно объяснить настройками поведения. По отношению к действительному поведению поведенческую настройку следует определять как притворную или замещающую. Такая симуляция или замена действительного поведения может служить функции привнесения в активное настоящее стимульных результатов действительного поведения, ожидаемых как должные (*the to-be-expected stimulus-results*). Благодаря настройке поведения эти ожидаемые как должные стимульные результаты участвуют в качестве факторов, определяющих или предотвращающих какое-то действительное поведение. В случае крысы, помещенной в проблемный

ящик, настройка поведения, лежащая в основе осознания белого или черного цвета дверцы, вероятно заключается в симуляции действительной быстрой пробежки (или разглядывания) туда-сюда от дверцы одного цвета к дверце другого цвета. Такая настройка служит для привнесения в активное настоящее этих двух цветов таким образом, чтобы они оказались, попросту говоря, бок о бок или по соседству. Окончательный гештальт (?) цветов, комбинированных благодаря настройке, затем может послужить в качестве фактора, определяющего новое действительное поведение выбора дверцы одного цвета вместо дверцы другого цвета. Но полный процесс научения выбору одного цвета вместо другого может, кроме того, включать в себя и настройки поведения, заменяющие пробежки туда-сюда от места пищи [т.е. от кормушки. — *Ред.-сост.*] к месту ее отсутствия [т.е. в тупик. — *Ред.-сост.*], пробежки от дверцы белого цвета к месту пищи и от дверцы черного цвета к месту отсутствия пищи. Для такого научения понадобятся все три настройки, предпринятые совместно для того, чтобы привнести в активное настоящее тотально необходимый гештальт белого как отличающегося от черного, места пищи как отличающегося от места ее отсутствия, белого цвета как ведущего к месту пищи и черного цвета как ведущего к месту отсутствия пищи. Однако, в конце концов, после достаточного числа повторений этот тотальный комплекс (гештальт) будет присоединяться только к белым стимулам или только к черным стимулам автоматически и без помощи каких-либо промежуточных настроек. Тогда новая дифференцировка станет автоматической, а сознание вновь улетучится.

Д.П. Шульц,
С.Э. Шульц

[Страницы жизни Джона Бродеса Уотсона]*

Джон Б. Уотсон родился [9-го января 1878 г. – *Ред.-сост.*] на ферме недалеко от Гринвилла, штат Южная Каролина. Начальное образование он получил в сельской школе, где все классы располагались в одной комнате. Его мать была глубоко религиозным человеком, зато отец, напротив, был неверующим. Старший Уотсон пил, был подвержен проявлениям буйного нрава и имел внебрачные связи.

Поскольку отец Уотсона никогда надолго не задерживался ни на одной работе, семья жила на грани нищеты, за счет своей фермы. Соседи относились к этой семье с жалостью и презрением. Когда Уотсону было тринадцать лет, его отец сбежал из семьи с другой женщиной, чтобы больше никогда не вернуться, и для Уотсона это была травма на всю жизнь. Много лет спустя, когда Уотсон стал богатым и известным человеком, его отец приехал в Нью-Йорк, чтобы увидеться с ним, но Уотсон отказался от встречи.

В ранней юности и в молодости Уотсон, по слухам, был типичным правонарушителем. Он сам говорил о себе как о подростке ленивом и непослушном. В учебе он выполнял ровно столько, чтобы обеспечить себе перевод в следующий класс. Учителя характеризовали его как нерадивого ученика, спорщика, часто не поддающегося контролю. Он ввязывался в драки, дважды был арестован, причем один раз за стрельбу в черте города. Тем не менее, в возрасте шестнадцати лет он поступил в баптистский университет Фурмана в Гринвилле, намереваясь стать священником, как когда-то обещал своей матери. Молодой Уотсон изучал философию, математику, латынь и греческий язык и собирался следующей осенью, в 1899 г., закончить университет и поступить в Принстонскую теологическую семинарию.

---

* *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 118—122.

Но в последний год обучения в университете Фурмана с Уотсоном произошла странная вещь. Профессор предупредил, что те студенты, которые сдадут экзаменационную работу со страницами, расположенными в обратном порядке, получат неудовлетворительную оценку за весь курс. Уотсон вступил в спор, сложил страницы задом наперед и в таком виде сдал экзаменационную работу. И провалился. По крайней мере, так об этом рассказывал сам Уотсон.

Недавние исследования документальных материалов показали, что на самом деле Уотсон вовсе не провалил этот экзамен. Биограф полагает, что история, рассказанная Уотсоном, все же раскрывает нечто в личности ученого, а именно его «<...> двойственное отношение к успеху. Постоянное стремление Уотсона к достижению успеха и одобрения окружающих нередко вступало в противоречие с актами открытого упрямства или импульсивности, которые в большей степени характерны для того, кто уклоняется от респектабельности»[1].

Один из преподавателей университета Фурмана вспоминает Уотсона как «блестящего, но несколько ленивого и дерзкого студента, немного тяжеловесного, но мужественно-красивого молодого человека, который был слишком высокого мнения о себе и в большей степени интересовался собственными идеями, чем другими людьми»[2].

Уотсон оставался в университете Фурмана еще год и получил степень магистра в 1900 г., но в этом году скончалась его мать, освободив его от обета стать священником. Вместо того, чтобы поступать в Принстонскую теологическую семинарию, Уотсон направился в Чикагский университет[3]. В то время он был «крайне честолюбивым юношей, озабоченным своим социальным статусом, стремящимся оставить свой след в науке, но совершенно не имеющим понятия о выборе профессии и отчаянно страдавшим от неуверенности из-за недостатка средств и умения вести себя в обществе. Он приехал в студенческий городок, имея всего пятьдесят долларов»[4].

Уотсон выбрал Чикаго для написания своей диссертации по философии вместе с Джоном Дьюи[5], но через некоторое время оказалось, что он не может найти с Дьюи общего языка. «Я никогда не мог понять, о чем он тогда говорил, — вспоминал Уотсон позднее. — К сожалению, я и сейчас этого не понимаю»[6]. Его увлечение философией угасло.

---

[1] *Buckley*, 1989. С. 11. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью.— *Ред.-сост.*]

[2] *Brewer*, 1991. P. 174.

[3] *Чикагский университет* — частный университет в г. Чикаго (США, штат Иллинойс). Основан в 1857 г. — *Ред.-сост.*

[4] *Buckley*, 1989. P. 11.

[5] Дьюи (*Dewey*) Джон (1859—1952) — американский философ, педагог и психолог. — *Ред.-сост.*

[6] *Watson*, 1936. P. 274.

Ознакомившись с работами Эйнджелла[7] в области функциональной психологии, Уотсон увлекся психологией. Кроме того, он начал изучать биологию и физиологию вместе с Жаком Лёбом[8], который изложил ему концепцию механицизма[9]. Уотсон работал в нескольких местах – официантом в пансионе, уборщиком в лаборатории (в его обязанности входило вытирание пыли с рабочего стола Эйнджелла). Незадолго до окончания аспирантуры Уотсон пережил период, когда у него случались приступы беспочвенного беспокойства; некоторое время он даже не мог спать, если в его комнате не горел свет.

В 1903 г. Уотсон получил степень доктора философии и стал самым молодым доктором Чикагского университета. Несмотря на то, что он закончил университет с почетом (*magna cum laude*, Phi Beta Kappa)[10], он испытывал сильнейшее чувство собственной неполноценности, потому что Эйнджелл и Дьюи сказали ему, что он сдал экзамен на звание доктора не столь блестяще, как Хелен Томпсон Вули, которая закончила университет за два года до него[11].

В том же году Уотсон женился на своей студентке, девятнадцатилетней Мэри Икес, которая вышла из влиятельной в политической и общественной жизни семьи. Молодая женщина в одной из экзаменационных работ написала Уотсону длинное любовное послание в стихах. Неизвестно, получила ли она какую-нибудь ученую степень, но Уотсона она, несомненно, получила.

До 1908 г. Уотсон оставался в Чикагском университете в должности преподавателя. Он опубликовал диссертацию, посвященную физиологическому и неврологическому созреванию белой крысы, тем самым продемонстрировав свою приверженность к исследованиям на животных. «Я никогда не хотел проводить опыты на людях, — писал Уотсон. — Мне самому всегда претило быть подопытным. Мне никогда не нравились тупые, искусственные инструкции, которые даются испытуемым. В таких случаях я всегда ощущал неловкость и действовал неестественно. Зато работая с животными, я чувствовал себя как дома. Изучая животных, я стоял ближе к биологии, я стоял обеими ногами на

---

[7] Эйнджелл (*Angell*) Джеймс Роуленд (1869—1949) — американский психолог и педагог; один из основателей функционализма; см. его текст на с. 94—102 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[8] Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог, биолог, активно работавший в области сравнительной психологии; в 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

[9] *Механицизм* — философское учение, согласно которому все события и феномены, независимо от их сложности, можно, в конечном счете, объяснить механическим движением. — *Ред.-сост.*

[10] *... он закончил университет с почетом* (*magna cum laude*, *Phi Beta Kappa*) — т.е. с отличием (*magna cum laude* — вторая по значимости из наиболее высоких общих оценок успеваемости) и будучи членом Фи-Бета-Каппа — старейшего (основано в 1776 г.) студенческого сообщества США. — *Ред.-сост.*

[11] О Вули Дьюи говорил как о наиболее выдающейся студентке, которая у него когда-либо училась; она закончила университет с *summa cum laude* [с наибольшим почетом, т.е. с высшей оценкой. — *Ред.-сост.*] и позднее стала первым исследователем психологии женщин (см.: *James*, 1994).

земле. Постепенно у меня сформировалась мысль о том, что, наблюдая за поведением животных, я смогу выяснить все то, что другие ученые открывают, используя подопытных людей»[12].

Коллеги Уотсона вспоминают, что он не был силен в области самоанализа. Он определенно не обладал ни талантами, ни темпераментом, необходимыми для проведения самонаблюдений. Возможно, именно этот недостаток и направил его энергию на изучение объективной психологии поведения. Ведь если уж у него ничего не вышло с самоанализом, который являлся основной методикой в избранной им области науки, то перспектива карьеры для него становилась весьма туманной. В этом случае ему необходимо было выработать совершенно иной подход. Кроме того, если психология является наукой, которая изучает только поведение — а это можно исследовать на животных точно так же, как и на людях, — то профессиональные интересы специалиста по зоопсихологии вполне можно ввести в основное русло этой области науки.

В 1908 г. Уотсону предложили должность профессора в университете Джонса Хопкинса в Балтиморе. Несмотря на то, что ему совсем не хотелось покидать Чикаго, новая престижная должность, возможность управлять своей лабораторией и значительная прибавка к заработной плате, которую предложил Джонс Хопкинс, не оставили ему иного выбора. Уотсон провел в университете Джонса Хопкинса двенадцать лет, и эти годы стали для него самыми плодотворными.

Человеком, который пригласил Уотсона на работу в университет Джонса Хопкинса, был Джеймс Марк Болдуин (1861—1934), тот самый психолог, который совместно с Каттеллом[13] начал издавать журнал «Психологическое обозрение». Через год после приезда Уотсона Болдуин вынужден был уйти с работы в результате крупного скандала: его задержали во время полицейской облавы в публичном доме. Объяснения Болдуина о причинах его пребывания в этом мало почтенном заведении не показались президенту университета удовлетворительными. «Я по глупости согласился на предложение посетить после ужина бордель, — сказал Болдуин, — чтобы посмотреть, что там происходит. Пока я не попал туда, я понятия не имел о том, что в этом месте собираются женщины непристойного поведения»[14].

Болдуин стал изгоем в американской психологии и провел остаток жизни в Европе. Спустя одиннадцать лет история повторилась, когда президент того же университета потребовал отставки Уотсона по причине скандала.

Но в то время, после отставки Болдуина, Уотсон получил повышение. Он стал заведующим кафедрой психологии и занял место Болдуина в качестве редактора влиятельного журнала «Психологическое обозрение». Таким образом,

---

[12] *Watson*, 1936. P. 276.

[13] Каттелл (*Cattell*) Реймонд Бернард (1905—1998) — американский психолог и издатель. — *Ред.-сост.*

[14] *Evans, Scott,* 1978. P. 713.

в возрасте тридцати одного года Уотсон стал важной персоной в американской психологии. Он оказался в нужном месте в нужное время.

В университете Джонса Хопкинса Уотсон пользовался огромной популярностью среди студентов. Они посвятили ему выпускной альбом и объявили самым красивым профессором, что несомненно является уникальным в истории психологической науки знаком отличия. Уотсон, как и прежде, оставался столь же честолюбивым и целеустремленным, нередко он доводил себя до грани истощения. Он постоянно боролся против «страха утратить контроль, и потому заставлял себя работать еще напряженнее»[15].

С 1903 года он начал серьезно размышлять о более объективном подходе к психологии, а впервые публично высказал эти идеи в 1908 г. в Балтиморе, во время ежегодной конференции Южного общества психологии и философии. В своей статье Уотсон утверждал, что концепции психических процессов, или процессов мышления, «не имеют никакой научной ценности»[16]. В 1912 г. по приглашению Каттелла Уотсон выступил с циклом лекций в Колумбийском университете, где затронул те же самые вопросы. В следующем году он опубликовал свою ставшую знаменитой статью в журнале «Психологическое обозрение», положив таким образом начало бихевиоризму как разделу науки[17].

Книга «Поведение: введение в сравнительную психологию» (Behavior: An Introduction to Comparative Psychology) появилась в 1914 г. В этой работе Уотсон выступает за признание зоопсихологии и описывает преимущества использования подопытных животных в психологических исследованиях. Многим более молодым психологам и аспирантам его идеи о психологии поведения показались привлекательными. Они считали, что Уотсон очистил затхлую атмосферу психологической науки, отбросив устаревшие мифы, перенесенные из философии.

Мэри Ковер Джонс (1896—1987), в те годы аспирантка, а затем президент Департамента развития психологии при Американской психологической ассоциации, вспоминает, с каким восхищением и энтузиазмом приветствовалось появление каждой новой работы Уотсона. «Они потрясали основы традиционной европейской психологии, и мы радостно приветствовали их <...> он указал путь от диванной психологии к действию и реформам, и мы воспринимали его методы как панацею...»[18]. Более старые психологи не были в такой степени захвачены программой Уотсона. Фактически, многие отвергали его подход.

Только через два года после публикации статьи в журнале «Психологическое обозрение» Уотсон был избран президентом Американской психологической ассоциации. В то время ему исполнилось тридцать семь лет. Это избрание не следует считать официальным одобрением его позиций. Оно скорее явилось

[15] *Buckley*, 1989. P. 67.

[16] Цит. по: *Pate*, 1993. P. 5.

[17] См.: *Watson*, 1913.

[18] *Jones*, 1974. P. 582.

признанием его значительной роли в области психологии и его тесных личных связей со многими выдающимися психологами.

Уотсон хотел, чтобы бихевиоризм имел практическое значение. Его идеи имели отношение не только к работе в лабораториях, но и ко всему окружающему миру, и потому он напряженно работал, продвигая специалистов по прикладной психологии. В 1916 г. он стал консультантом по персоналу в крупной страховой компании и предложил прочитать курс лекций по психологии рекламы для студентов, изучающих бизнес в университете Джонса Хопкинса.

Профессиональная деятельность Уотсона была прервана начавшейся Первой мировой войной, он стал майором авиационной службы. После войны, в 1918 г., он начал проводить исследования на детях, что стало одной из самых первых попыток проведения экспериментальной работы с детьми.

Его следующая книга «Психология с точки зрения бихевиориста» (Psychology from the Standpoint of a Behaviorist) была опубликована в 1919 г. Она являлась более полным изложением основ бихевиоризма и утверждала, что методы и принципы, рекомендуемые для зоопсихологии, являются уместными и при изучении поведения людей.

Тем временем семейная жизнь Уотсона постепенно шла к крушению. Его неверность огорчала жену. В письме к Эйнджеллу Уотсон писал, что жена больше не любит его. «Она инстинктивно не переносит моей близости. <...> Неужели мы сами так запутали нашу жизнь?»[19] Однако Уотсон был готов запутать свою жизнь еще больше. Он влюбился в свою аспирантку и ассистентку Розалию Рейнер, девушку вдвое младше его по возрасту, из богатой балтиморской семьи (Рейнеры делали университету крупные денежные пожертвования). Уотсон писал ей страстные (хотя и несколько наукообразные) любовные послания, пятнадцать из которых были перехвачены его женой. Выдержки из этих писем были опубликованы в газете «Baltimore Sun» во время сенсационного бракоразводного процесса, который не замедлил последовать. «Каждая клетка моего тела принадлежит тебе, индивидуально и в совокупности... — писал Уотсон. — Моя общая реакция на тебя только положительна. Соответственно положительна и реакция моего сердца. Я не могу быть твоим в большей степени, разве что нас хирургическим путем превратят в единое существо»[20].

Это положило конец многообещающей академической карьере Уотсона. Его вынудили подать в отставку и покинуть университет Джонса Хопкинса. «Уотсон был поражен. До самого конца он отказывался верить, что его действительно могут выгнать с работы... он был уверен в том, что его положение в науке делает его неуязвимым против любого вмешательства в его личную жизнь»[21]. Несмотря на то, что Уотсон женился на Розалии Рейнер, он так никогда и не смог получить академической должности. Ни один университет не

---

[19] Цит. по: *Backley*, 1994. P. 27.

[20] Цит. по: *Pauly*, 1979. P. 40.

[21] *Backley*, 1994. P. 31.

осмеливался пригласить его на постоянную работу из-за репутации, связанной с его именем, и вскоре он понял, что должен начать новую жизнь. «Я могу найти себе применение в коммерции, — писал он другу. — Но если честно, я люблю мою работу. Я чувствую, что моя работа важна для психологии и что тот маленький огонек, который я старался поддерживать ради будущего науки, будет затоптан, стоит лишь мне уйти»[22].

Многие коллеги из научного мира, в том числе и наставник Уотсона, Эйнджелл из Чикагского университета, открыто критиковали его. Он испытал горькую обиду и «так никогда и не смог простить академическое сообщество, которое, как ему казалось, предало его»[23]. По иронии судьбы, один только Э.Б. Титченер из Корнелльского университета, несмотря на всю разницу темпераментов, оказал Уотсону эмоциональную поддержку во время его душевного кризиса[24].

Безработный, обязанный выплачивать алименты бывшей жене и детям в размере двух третей заработка, Уотсон начал вторую профессиональную карьеру — прикладного психолога в области рекламы. В 1921 г. он поступил в рекламное агентство Дж. Уолтера Томпсона на годовой оклад в 25 тысяч долларов, что в четыре раза превышало его академические заработки. Он проводил опросы потребителей, продавал кофе, работал кассиром в универмаге Мэйси — и все это для того, чтобы лучше познакомиться с миром бизнеса. Работая со свойственной ему энергией и одаренностью, он в течение трех лет стал вице-президентом фирмы. В 1936 г. он перешел в другое агентство, где и работал до ухода в отставку в 1945 г.

Уотсон полагал, что люди действуют как машины, и что их поведение в качестве потребителей можно контролировать и предсказывать, как и поведение других машин. Для того, чтобы управлять потребителем, «необходимо лишь поставить перед ним фундаментальный или условный эмоциональный стимул <...> сказать ему что-то такое, что скует его страхом или вызовет легкое раздражение, или вызовет приступ нежности и любви, или коснется глубоко запрятанных психологических или житейских потребностей»[25].

Он предположил, что поведение потребителя необходимо изучать в лабораторных условиях и настаивал на том, что рекламные сообщения должны делать акцент не столько на содержании, сколько на форме и стиле, должны стремиться произвести впечатление новым дизайном или образом. Цель состоит в том, чтобы заставить потребителя почувствовать неудовлетворенность теми товарами, которыми он пользуется в настоящее время, и разбудить в нем желание обладать новыми.

---

[22] Цит. по: *Pauly*, 1986. P. 39.

[23] *Brewer*, 1991. P. 179—180.

[24] Здесь говорится «по иронии судьбы», поскольку в науке Уотсон и Титченер занимали противоположные позиции и вели острую полемику в печати. — *Ред.-сост.*

[25] Цит. по: *Barkley*, 1982. P. 212.

В течение многих лет Уотсону приписывали первенство в высказывании идеи привлечения знаменитостей для рекламы товаров и услуг, а также в применении методов манипулирования мотивами, эмоциями и потребностями людей. Недавние исследования показали, что, несмотря на активное продвижение этих методов Уотсоном, они уже применялись до того, как он занялся рекламной деятельностью[26]. Тем не менее, вклад Уотсона в рекламный бизнес был довольно ощутимым и дал ему положение, процветание и известность.

После 1920 г. все контакты Уотсона с миром науки стали исключительно косвенными. Он уделял много времени популяризации своих идей с помощью различных средств массовой информации. Он читал лекции, выступал на радио, публиковал статьи в популярных журналах, таких как «Harper's», «Cosmopolitan», «McCall's», «Collier's», «Nation», что несомненно способствовало расширению его известности.

В своих статьях Уотсон предпринял попытку донести идеи бихевиоризма до широкой публики. Он излагал все простым и понятным, можно даже сказать, примитивным языком. В своей автобиографии он писал, что, поскольку у него нет больше возможности публиковать свои работы в научных психологических журналах, то он не видит причин, почему бы ему не попытаться «продать свои изделия» широкой публике[27]. Несмотря на то, что эти публикации популяризировали его научные идеи, Уотсон подвергся еще большему отчуждению научной общественности. «Те, кто не особенно терпимо относился к более широкому применению принципов психологии или бихевиоризму как научной доктрине в целом, проявили еще меньше терпимости по отношению к “кампании” Уотсона»[28].

Единственным официальным контактом Уотсона с академической психологией явилась серия лекций, прочитанная им в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорк Сити. Эти лекции послужили основой его будущей книги «Бихевиоризм» (Behaviorism, 1925, 1930), в которой он излагал свою программу оздоровления общества.

В 1928 г. он опубликовал книгу о воспитании детей «Психологическое воспитание ребенка» (Psychological Care of the Infant and Child)[29], в которой описал отнюдь не либеральную, а скорее предписывающую выполнение строгих правил систему воспитания ребенка — систему, способствующую формированию у ребенка устойчивых связей с окружающей средой. Книга содержала множество рекомендаций по воспитанию ребенка в духе бихевиоризма.

К примеру, родителям запрещалось «обнимать и целовать детей» и рекомендовалось «никогда не позволять им садиться к себе на колени. Можно в

---

[26] См.: *Coon*, 1994; *Kreshel*, 1990.

[27] См.: *Watson*, 1936.

[28] *Kreshel*, 1990. P. 56.

[29] Фрагменты перевода этой книги на русский язык представлены на с. 471 — 478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

крайнем случае один раз поцеловать ребенка в лоб, когда он приходит сказать “спокойной ночи”. С утра можно пожать ребенку руку. Можно погладить ребенка по голове, если он особенно хорошо выполнил трудное задание <...> вы увидите, насколько просто быть вполне объективным по отношению к собственному ребенку, и в то же самое время добрым. Вы сами устыдитесь того, сколь сентиментально и слащаво вы обращались с ребенком раньше»[30].

Эта книга преобразила принятую в Америке практику воспитания детей, она оказала на людей самое сильное влияние из всего, что было написано Уотсоном. Поколения детей, включая его собственных, были воспитаны в соответствии с установленными предписаниями. Сын Уотсона Джеймс, предприниматель из Калифорнии, вспоминал в 1987 г., что отец не мог позволить себе проявлений нежности по отношению к детям, никогда не целовал их и не прикасался к ним.

Он писал, что отец был «неотзывчивым, не способным к эмоциональному общению, он не умел выразить собственные чувства и переживания, не мог совладать с ними. Он намеренно, как я считаю, лишил меня и моего брата всяческой душевной поддержки. Он глубоко веровал в то, что любое проявление нежности или привязанности окажет на нас вредное влияние. В своем стремлении претворить в жизнь свои научные бихевиористские идеи он был непреклонен»[31].

Розалия Рейнер Уотсон опубликовала статью в журнале для родителей, озаглавленную «Я — мать сыновей бихевиориста» (I am the Mother of a Behaviorist’s Sons), в которой она высказывает некоторое несогласие с методами воспитания, практикуемыми ее мужем. Она писала, что ей со своей стороны трудно полностью подавить проявления нежности к детям и что нередко она страстно желает поломать рамки и правила бихевиоризма. Правда, ее сын Джеймс что-то не может припомнить, чтобы такое когда-либо происходило.

Уотсон был умен, умел хорошо говорить, его мужественная красота и легендарное обаяние сделали его знаменитостью. Большую часть своей жизни он был на глазах у широкой публики и с удовольствием принимал знаки внимания. Его одежда всегда была элегантной и стильной. Он принимал участие в гонках на скоростных катерах. Он общался со сливками общества Нью-Йорка и «гордился тем, что может на спор выпить больше, чем любой другой»[32].

Кроме того, он считал себя хорошим любовником и искателем романтических приключений. Он привлекал толпы молодых поклонниц[33]. В штате Коннектикут он завел себе имение со множеством слуг, но тем не менее любил одеться в старую одежду и собственноручно выполнять все работы по саду.

---

[30] *Watson*, 1928. P. 81—82.

[31] Цит. по: *Hannush*, 1987. P. 37—138.

[32] *Buckley*, 1989. P. 177.

[33] См.: *Brewer*, 1991. P. 180; *Burnham*, 1994. P. 69.

Жизнь Уотсона изменилась в 1935 г., когда умерла его жена Розалия. Джеймс вспоминает, что это был единственный случай, когда он увидел отца плачущим. На какое-то короткое мгновение Уотсон обнял сына за плечи. Миртл Мак Гро, психолог из Нью-Йорка, встретила Уотсона вскоре после этого события. Он рассказал ей, насколько неподготовленным он оказался к смерти жены; будучи на 20 лет старше Розалии, он всегда был уверен в том, что умрет раньше. Он долго беседовал с Мак Гро и «сомневался, что когда-нибудь сможет оправиться от своего горя»[34].

Действительно, Уотсон так никогда и не оправился. Он стал затворником, изолировал себя от всяких общественных контактов и полностью погрузился в работу. Он продал свое имение и перебрался в деревянный фермерский домик, который напоминал дом его детства.

В 1957 г., когда Уотсону исполнилось 79 лет, Американская психологическая ассоциация проголосовала за то, чтобы внести его имя в почетный список, оценив его работу как «одну из определяющих в современной психологии <...> как исходную точку многих плодотворных исследований различных направлений». Компаньон привел Уотсона в гостиницу в Нью-Йорке, где должна была состояться церемония. Но «в последний момент Уотсон отказался войти и настоял на том, чтобы на церемонии вместо него присутствовал его старший сын <...> Уотсон боялся, что в ответственный момент чувства захлестнут его и что апостол полного контроля за поведением не выдержит и разрыдается»[35].

Он умер в следующем году. Но прежде сжег все свои письма, рукописи и заметки, бросая их в огонь друг за другом — он ничего не оставил историкам.

---

[34] *McGraw*, 1990. P. 936.

[35] *Buckley*, 1989. P. 182.

5 *Основные положения гештальттеории*

М. Вертхаймер

Гештальттеория*

Предисловие Курта Рицлера

На следующих страницах «Социальных исследований» публикуется доклад, с которым Макс Вертхаймер выступил в 1924 г. в Берлине на собрании общества Канта. Устная лекция была стенографирована, поскольку у Вертхаймера никакой рукописи не было за исключением нескольких заметок. Лекция произвела настолько сильное впечатление на слушателей, что к Вертхаймеру обратились с настоятельной просьбой опубликовать ее. Он согласился и внес в текст только минимальные исправления. Этот документ уникален, так как является единственным программным заявлением Вертхаймера относительно гештальтпсихологии в целом. Здесь проливается свет на внутренний импульс и основные идеи уже проведенных и предстоящих исследований в гештальтпсихологии. Этот текст показывает отношение, позицию, дух и пафос Макса Вертхаймера лучше, чем все, что когда-либо им было написано и чем это может быть сделано в любой статье, посвященной его памяти[1].

Несколько предварительных слов, возможно, помогут читателю яснее увидеть философскую позицию докладчика в произнесенной им речи. Вертхаймер был и музыкантом, и логиком, и ученым. Но союз «и» предполагает агрегат[2] и, следовательно, неуместен. Будучи одним, он был и тем, и другим, и третьим в том удивительном и неуловимом единстве, которое стало внутренней формой этого человека и его мысли, его гениальной и искренней сущностью.

Чудо прекрасной мелодии поставило проблему перед Вертхаймером как логиком. Мелодию невозможно объяснить, исходя из элементов и построения

---

* *Wertheimer M.* Gestalt theory // Social Research. An International Quarterly of Political and Social Science. 1944. Vol. 11, № 1. P. 78—99. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*) [Текст М. Вертхаймера предваряет предисловие, написанное К. Рицлером, главным редактором журнала «Социальные исследования» — *Ред.-сост.*].

[1] Макс Верхаймер умер 12 октября 1943 г. в Нью-Йорке, и данная публикация, конечно, связана с этим печальным событием. — *Ред.-сост.*

[2] *Агрегат* — здесь: механическое соединение разнородных частей. — *Ред.-сост.*

формы как суммы отношений между ними. Отдельный тон — это не кусочек, он является частью в некотором целом, и это целое живет в каждой части. Мелодия припоминается и узнается. Мы можем ее транспонировать, изменить все элементы и даже некоторые отношения между ними и, несмотря на это, мы все-таки узнаем ее. Внутренняя форма — вот что управляет нашим узнаванием. Как логик, Вертхаймер видел, что вызов, брошенный этой логической проблемой, наносит центральный удар традиционной логике классов и у него возникло сомнение в отношении многих укоренившихся утверждений.

Тревогу у Макса Вертхаймера вызывало несомненное социальное бесплодие научной психологии того времени. Она ставила бессодержательные вопросы и давала безжизненные ответы. Концептуальная схема и логические орудия психологии оказались непригодными и, следовательно, разрушительными для многих прекрасных вещей. С чистым сердцем и смиренным разумом он всматривался в природу, осознавал топорность наших представлений, ненавидел любое насилие, бережно относился к феноменам, терпеливо прислушивался к тому, что они нам говорят, если мы задаем адекватные вопросы на адекватном языке. Ученый в нем отказывался уйти от объяснения того, что не укладывалось в предвзятую схему. Для него путаный ответ, данный природой, означал путаный вопрос, поставленный человеком.

Существует множество вещей и явлений, элементы и факторы которых, казалось бы, исходные и отдельные, нельзя изолировать и коррелировать. Всматриваясь более пристально и смиренно, Вертхаймер спрашивает: возможно, ошибка заключается именно в том, что отдельные элементы принимают за исходные и кроме такого разрезания на части у нас нет никакого метода? Нет, этого не может быть. Он отказывался принести жизненные явления в жертву бесплодному умствованию. Он знал то, что известно каждому математику: у математики есть запасные и даже не исследованные возможности, далеко выходящие за пределы текущего уровня ее развития. Следовательно, и наука не вправе в приказном порядке, без предварительного учета специфики объекта исследования присваивать звание научного метода какой-либо предвзятой схеме. На почве трепетного отношения и глубокого уважения к природе, в связи с желанием оставить вещи такими, какие они есть, у него возникло недоверие к большей части психологии того времени. Это приводило к все более и более важным открытиям, которые, в свою очередь, подтверждали его недоверие. Таким образом, ученый в нем задавал ему вопросы как логику, а логик ставил проблемы, выходящие за рамки психологии.

Он не позволял своей вере в гештальт свернуть на легкий путь романтиков, обращавшихся к иррациональному. Напротив, конкретные исследования были и его гордостью, и его ограничениями. Наблюдать тот или иной определенный случай, экспериментировать, оттачивать на практике понятийные орудия логики, распутывать головоломки особых случаев, принимать к рассмотрению конкретные вопросы, обходиться без обобщений и предвосхищений, никогда не

соскальзывать на поверхностный уровень само собой разумеющегося — в этом, а не в метафизическом умозрении, состоял его пафос.

Если мы, как дети исторического мышления, начнем выяснять позиции идейных предшественников Вертхаймера, то будем вынуждены признать, что постановка такого вопроса в отношении этого человека и его пути едва ли правомерна. Он не задумывался о своих истоках и о своем месте в истории мысли. Вместо того, чтобы придерживаться какой-то традиции, он прислушивался к зову своего сердца и к голосу вещей. Но все-таки, если настаивать на этом вопросе, независимо от того, насколько спокойно он сам к нему относился и знал ли ответ на него, Вертхаймер был последователем той великой традиции, которая, возможно, переживет большинство современных школ мысли и большинство самонадеянных прогнозов результатов научных исследований. Это традиция Спинозы[3] и Гёте.

Природа едина, хотя и не однообразна — она едина во всех своих проявлениях. Как видно из лекции, Вертхаймер испытывал отвращение к тому, чтобы заранее принимать на веру любой раскол между органической и неорганической природой, человеком и природой, душой и телом, историей и наукой. Наши разделения областей, сфер, наук и методов не окончательные; разграничение, отделение и классификация не разрешат фундаментальной проблемы. Мы сталкиваемся с различными проявлениями универсальной структуры. Структурные аналогии позволяют проникнуть в природу глубже, чем различия в материальном содержании. Разнообразные аспекты природы в различных сферах науки могут быть всего лишь проекциями на разные и пока еще предварительные планы концепций. Как говорил Гёте, мы можем исследовать только то, что доступно исследованию, и молчаливо поклоняться тому, что исследованию недоступно.

Хотя Вертхаймер ни разу не позволил этой общей идее ослепить себя, она никогда не покидала его, выступая в качестве предпосылки конкретного исследования явлений. Она руководила им как эвристический принцип[4] и дала возможность увидеть множество вещей, которые не замечали другие исследователи, а также открыть глаза своим друзьям и ученикам.

Гештальттеория. Доклад Макса Вертхаймера

Что такое гештальттеория, какова ее цель?

Гештальттеория возникла непосредственно из конкретной научной работы на почве определенных безотлагательных проблем психологии, антропологии, логики и теории познания. Ее отправным пунктом стали конкретные пробле-

---

[3] Спиноза (*Spinoza, d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

[4] *Эвристический принцип* — основное правило или ограничение пространства поиска путей решения проблемы или группы проблем. — *Ред.-сост.*

мы, и работа над ними все больше и больше сводилась к одной фундаментальной, центральной проблеме.

Какой была основная ситуация? Она была подобна той, с которой сталкиваются в настоящее время многие ученые и философы и в которую с неизбежностью вновь и вновь попадает молодежь, действительно приступившая к научным занятиям. Проблема заключается в следующем: от совершенно реальных жизненных событий мы переходим к науке, в которой ищем прояснения происходящего, глубокого проникновения в его суть, и там, действительно, как правило обнаруживаем какие-то знания, сведения и связи, но в итоге чувствуем себя беднее, чем прежде. Возьмем для примера психологию. После какого-то в особенности жизненно важного переживания мы обращаемся к нашим книгам и пытаемся отыскать, как научная психология разъясняет эти вопросы. И вот мы читаем и читаем. Или же, воспользовавшись традиционными методами, мы начинаем свое исследование и завершаем его с чувством, что располагаем множеством данных, но в действительности — ничем. То, что мы считали самым решающим, самым существенным и жизненно важным, по ходу этого процесса почему-то теряется.

Позвольте привести конкретный пример. Разве не переживали все мы значение того, что происходит, когда ученик улавливает какую-то мысль? Разве не было у любого из нас своего переживания процесса такого понимания — проблеска озарения (*dawning enlightenment*) в математике или в физике? Советую вам поискать и посмотреть, что же на эту тему вплоть до настоящего времени говорят в психологии, в учебниках по педагогике и педагогической психологии. Я действительно рекомендую вам когда-нибудь это сделать, именно в данном аспекте. Вы будете поражены нищетой, бесплодием, оторванностью от жизни, абсолютной банальностью того, что там сказано. Вы прочитаете о формировании понятий, об абстракции[5] и обобщении, о понятиях классов и суждений, о силлогизмах[6] и, возможно, об ассоциациях[7]. Вдобавок иногда встречаются такие превосходные слова, как творческое воображение, интуиция, талант и тому подобное. Для читателя они могут означать самые прекрасные вещи, но если он пожелает добавить к ним красоту научной точности, то строгое исследование обнаружит, что эти термины всего лишь называют проблемы, но не дают какого-нибудь действительного понимания данного вопроса или проникновения в суть его решения. В настоящее время в науке накопилась целая коллекция таких идей, как «личность», «сущность», «интуиция» и так

---

[5] *Абстракция* — мысленное отвлечение от ряда свойств предметов, явлений или процессов и отношений между ними. — *Ред.-сост.*

[6] *Силлогизм* — умозаключение, состоящее из двух суждений (посылок), из которых следует третье суждение (вывод). — *Ред.-сост.*

[7] *Ассоциация* — мысленная связь, образующаяся при определенных условиях (смежности в пространстве и/или времени) между двумя (и более) элементами (идеями, актами, образами, стимулами и ответами, воспоминаниями и т.д.). — *Ред.-сост.*

далее, которые к тому же становятся модными в кругах образованной публики и которые не без успеха распахивают ворота воображению. Но если вы захотите разобраться с ними поглубже, то попытки конкретного применения этих понятий обычно заканчиваются полным провалом.

Такова основная ситуация, с которой многие люди уже сталкивались, и еще большее число людей продолжают стоять лицом к лицу с ней. Как же они с этим справляются? Характерная и весьма важная особенность развития нашей культуры заключается в том, что в течение нескольких последних десятилетий эта проблема повсеместно возрождается во всех закоулках самых разных наук. Попытки ее решения резко отличаются друг от друга. Всем вам известны важнейшие попытки справиться с этой своеобразной и довольно мрачной ситуацией. Например, идет борьба за полное разделение науки и жизни. Говорят, что наука ничего не может поделать со всеми этими интересными вещами, наука судит здраво (*science is sober*) и вам не следует требовать от нее того, что она не в состоянии выполнить. Вы помните тот исторический период отчаяния в науке, когда полагали, что благодаря точному разграничению сфер науки можно найти спасение от ее «рационализма» и «интеллектуализма». Говорили, что наука не должна выходить за эти границы и заниматься какими бы то ни было чуждыми ей вопросами. И эту установку с неподдельным величайшим смирением провозгласили ее самые сильные и лучшие защитники.

Еще один способ справиться с этой проблемой заключался в неудавшемся разделении методов естественных гуманитарных дисциплин (*Geisteswissenschaften*). Основная мысль состояла в следующем: мы согласны, что методы, обычно считающиеся научными, необходимы так называемым точным наукам, т.е. наукам естественным, но только им одним. Существует иная область познания, а именно гуманитарные дисциплины, которые должны разрабатывать свои методы в резком противопоставлении естественным наукам и отбросить такие привлекательные понятия, как возможность определения, строгая процедура и объективное прояснение. Гуманитарные науки просто используют общие понятия другого рода. Есть ряд других подходов к решению данной проблемы, но, вероятно, этих двух примеров достаточно.

В чем суть этой ситуации? Уверены ли мы, что дело именно в этом, с необходимостью господствующем характере науки? Должны ли точные науки в самом деле обязательно и повсеместно быть такими, какими мы позволяем им быть? Разве исключено, что какая-то определенная установка, определенные фундаментальные допущения распространятся и достигнут необыкновенной зрелости, вовсе не располагая обязательным признаком общего научного метода? Уверены ли мы, что наука не сдерживает в совершенно другом направлении свойственные ей тенденции движения, которые подавляются только в силу существования некоего, как кажется, необходимого и всемогущего метода? Неужели нельзя предположить, что этот метод может быть адекватным для одних вопросов и неудачным для других? Разве не может быть, что в предшествующей основной установке науки что-то нередко, если не всегда, ослепляет ее перед лицом именно тех

существенных, живых, решающих факторов, с которыми мы сталкиваемся в жизни и при жизненно важном правильном восприятии событий?

Гештальттеория *не* пытается «заштопать» эту проблему или уклониться от нее, она не старается решить ее в приказном порядке: «это наука, а жизнь-то иная» или «в сфере духа, в отличие от материального, действуют другие факторы». Гештальттеория не пытается найти решение в разделении предмета познания. Она старается прозондировать в критическом пункте ядро проблемы, расположенное глубоко внутри, следующим вопросом: нет ли в этом точно определенном пункте чего-то вроде основного положения или фундаментальных предубеждений, опора на которые считается необходимой для сферы науки, но в действительности таковой вовсе не является.

В течение долгого времени казалось самоочевидным, а для европейской теории познания и науки было в высшей степени характерным, что ученый может идти только следующим путем: когда передо мной оказывается явление, которое необходимо изучить и понять, то сначала я должен рассмотреть его как агрегат, как нечто, разрезаемое на разрозненные элементы; затем я должен изучить закономерности, управляющие такими элементами. Проблема может быть решена только посредством соединения элементарных данных и установления связей между отдельными кусками. Все это не ново и в течение последних десятилетий вызывало в умах большинства ученых вопросы. Вкратце можно сказать, что важнейшее предположение заключалось в том, что для анализа и синтеза посредством комбинирования элементов и частиц в более крупные комплексы необходимо вновь обратиться к отдельным связям, существующим между такими индивидуальными частицами или элементами.

Согласно гештальттеории, решающий момент заключается в признании существования явлений и контекстов другой, формально иной природы. И это утверждается не только для гуманитарных наук. Основное положение гештальттеории может быть сформулировано следующим образом: существуют контексты, в которых то, что происходит в целом, не может быть выведено из характеристик отдельных частей, и наоборот, в ясно описанных (*clear-cut*) случаях то, что происходит с частью некоторого целого, определяется закономерностями внутренней структуры последнего.

На этой формулировке я мог бы закончить, поскольку это и есть гештальттеория, не больше и не меньше. Однако здесь мы сталкиваемся с еще одним вопросом. В настоящее время эта формула трактуется как решение проблемы различными — фактически весьма расходящимися — группами теоретиков, толкующих ее совершенно по-разному. И вы понимаете, что теперь мне придется, в соответствии с ожиданиями, как я уверен, большинства слушателей, перейти к развернутому изложению — как принято среди философов — пунктов согласия, иногда совершенно полного, и пунктов расхождения в интерпретациях этого положения.

Как я сказал в самом начале, гештальттеория возникла в русле реальной исследовательской работы. Однако она не только появилась на ее основе, но и

стала ее орудием. Дело в том, что обсуждаемая здесь проблема не занесена в науку извне, а была обнаружена в рамках конкретной научной работы. Конкретная разработка этого открытия обнажила режим (*process*) внутренних закономерностей. Этот процесс нельзя игнорировать так, как это, к сожалению, довольно часто делается, чтобы посредством формулировки определенных возможностей, систематизации и классификации сохранить прежнее ви́дение мира. Главное заключается в том, чтобы проникнуть внутрь реальных фактов, вооружившись духом нового метода и руководствуясь исключительно объективным характером данных. В таком толковании это положение невозможно обсуждать на уровне общих мест; оно отражает желание двигаться вперед, являясь движущей силой, вызовом науке.

Есть еще одна трудность, которую я покажу вкратце на примере из точных наук. Когда математик представляет на обсуждение теорему, она может быть отмечена, занесена в каталог, названа и промаркирована в качестве конкретной, исторической и теоретической категории, а также классифицирована как принадлежащая к данной сфере знания. Я не думаю, что какой-нибудь действующий математик стал бы этим заниматься. Философы, напротив, могут, к сожалению, обсуждать обстоятельства такого рода десятки лет. Математик мог бы настаивать, что им не удастся понять теорему до тех пор, пока они не поймут ее функционирования, результата и следствия; что без концепции динамической функциональной взаимосвязи теоремы с целым у них нет ничего, кроме отличия ее формулировки от других формул. Абсолютно то же справедливо для гештальттеории; отсюда следует, что попытка в течение одного часа объяснить суть гештальттеории будет не просто в высшей степени неуклюжей, но и обреченной на неминуемый провал. Даже при условии точно сформулированных утверждений объяснить ее гораздо труднее, чем математическую теорему, так как философия, в отличие от математики, не находится в том счастливом состоянии, когда существует основная интерпретация любой функциональной взаимосвязи, понимаемая всеми и каждым более или менее одинаково.

Все понятия, используемые в данном обсуждении, такие как «часть», «целое» и «внутренняя структурная детерминация» очень сложно определяются в философских дискуссиях; каждый интерпретирует их по-своему. В особенности они пострадали от того, что рассматривались не как средства, помогающие пониманию конкретных данных, а в качестве материала для каталогизации. Люди часто воображают, что могут решать эти вопросы, как определенные «философские» проблемы, совершенно внезапно, в полном отрыве от действительности и далеко удалившись от конкретной научной работы.

Что же в таком случае я могу поделать? Единственное, это пригласить вас в мастерскую и вкратце познакомить с нашими рабочими методами, показывая, как действует и развивается гештальттеория при решении различных проблем в разных сферах науки.

Разрешите повторить: проблема, которую я вкратце описал, и ситуация, из которой она вырастает, не являются изолированной проблемой частной науки, —

это фундаментальная проблема нашего времени. Гештальттеория не возникла неожиданно. Напротив, все самое важное из всех наук и даже из наиболее расходящихся философских тенденций сводится в фокусе крайне необходимого решения этой, согласно гештальттеории — наиболее фундаментальной среди всех других, проблемы.

Я должен обратиться к одному из сюжетов истории психологии. Когда кто-то, исходя из жизненного опыта, обращался к поискам его научного объяснения и прояснения, то что же он обнаруживал? Он узнавал о существовании элементов, ощущений, образов, силы воли и даже, если повезет, эмоций. Кроме того, находились закономерности, определяющие эти явления, так что ученому оставалось всего лишь выбрать какие-то элементы или их комбинации, для того чтобы охватить интересующее его явление. По ходу такой работы, придерживаясь данного подхода, все чаще и чаще сталкивались с препятствиями, вырастающими на этом пути в наиболее резко подчеркнутой форме в виде проблемы, сформулированной Эренфельсом[8].

На первый взгляд в этой проблеме нет ничего сложного. Для человека постороннего, непрофессионала, который приближается к науке с позиций жизни, непостижимой кажется даже постановка такого вопроса. Он бы не понял, почему здесь возникает вопрос. Проблема заключается в следующем. Мы можем сохранять в памяти и узнавать мелодии и рисунки. Все психологическое основано на сумме элементов. В том, что человек, услышав какую-то мелодию во второй раз, узнает ее посредством памяти, нет ничего удивительного. Ситуация внезапно становится абсолютно непонятной, если задать один очень простой вопрос. Эренфельс, ссылаясь на наблюдения Маха[9] и других авторов, обратил внимание на то, что мелодия узнается и после ее транспонирования[10]. В сумме элементов ничего не остается тем же самым и тем не менее я узнаю мелодию. При определенных обстоятельствах я даже могу не знать, что мне предъявлены другие элементы. Например, транспонируйте мелодию из до-мажора в до-диез мажор и большинство слушателей не заметят, что такая вещь, как сумма элементов, полностью изменилась. Как же это объяснить?

Высказывались различные мнения. Спасти ситуацию пытались посредством специально сформулированных тезисов[11]. Эренфельс действовал радикальным образом, другие же психологи отклонялись от генеральной линии незначительно. Если мы рассмотрим тезис Эренфельса сегодня, то удивимся, каким образом оказалось возможным предложить теорию, в которой не было

---

[8] Эренфельс (*Ehrenfels*) Христиан фон (1859—1932) — австрийский философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[9] Мах (*Mach*) Эрнст (1838—1916) — австрийский физик, философ и психофизик. — *Ред.-сост.*

[10] *Транспонирование* — перенос всех звуков музыкального произведения на определенный интервал вверх или вниз; при этом меняется тональность произведения. — *Ред.-сост.*

[11] *Тезис* — положение, истинность которого должна быть доказана. — *Ред.-сост.*

ничего конструктивного, кроме прибавления *X*, и в то же время мы должны испытывать чувство восхищения при виде того, с какой смелостью человек прибегает к подобному тезису, подчиняясь требованиям научной строгости.

К какому же заключению мы придем при серьезном обсуждении тезиса Эренфельса? Если мелодию, состоящую из шести тонов, я воспроизвожу, играя шесть совершенно других тонов, и, несмотря на это, она узнается, то каков остаток? Эти шесть элементов, конечно, представлены там в виде суммарной совокупности <...>, но помимо них необходимо предположить существование седьмого элемента — он-то и будет гештальткачеством (*Gestaltqualität*). Благодаря именно этому седьмому элементу я узнаю данную мелодию. Это решение может показаться странным. Однако в истории науки, например физики, мы находим целый ряд величественных примеров, когда ученый с чувством научной ответственности смело выдвигал хотя и грубую, но зато ясную гипотезу, которая оказывалась чрезвычайно полезной для последующего развития науки, несмотря на то, что в аспекте содержания не внесла никакого вклада в конечный результат.

Предпринимались и другие попытки решения данной проблемы. Например, указывалось, что при правильном транспонировании что-то, а именно интервалы и отношения, остается неизменным. Некоторые авторы чувствовали себя обязанными выдвинуть такие странные гипотезы, как предположение о существовании, вдобавок к элементам, «отношений» в виде отдельных частей. Так продолжалось до тех пор, пока не признали, что допущения такого рода в действительности не помогают. Существует основное правило: что-то может измениться в каждой частичной составляющей, а целое останется тем же самым и, напротив, изменение может быть ничтожным, а целое полностью меняется. Это основное правило распространяется и на отношения. Они могут значительно измениться и все-таки любой узнает ту же мелодию. С другой стороны, отношения могут чуть измениться в каком-то решающем пункте и каждый осознает, что в результате получилось нечто совершенно иное и неузнаваемое. Понятно, что все это такие вещи, которые я могу отметить лишь вкратце.

Предлагались и другие рецепты. Они относятся к тому классу объяснений, который прекрасно известен всем наукам и к которому в истории философии нередко прибегали в подобных ситуациях. Говорили: данные явления обусловлены воздействием «определенных высших процессов» и достижения такого рода следует приписывать этим процессам.

Итак, вот какой была ситуация, пока гештальтпсихология не поставила коренной вопрос: а верно ли то, что, когда я слышу мелодию, я действительно слышу, по меньшей мере как первичную основу, сумму отдельных тонов? Может быть то, что во мне свернуто, происходит от начала до конца иначе и способ, которым я воспринимаю отдельный тон как часть, определяется структурой целого? Другими словами, мелодию мне дает то, что не строится (с помощью каких-то дополнительных средств) вторично из суммы отдельных частей, а происходящее в отдельной части коренным образом определяется

целым. Разве не ясно, что плоть и кровь определенного тона в мелодии зависит от роли, которую он играет в этой мелодии; что *си*, как вводный тон *до*, полностью отличается от *си* тонического; что роль и функционирование данных в некотором целом относятся к жизни и сущности этих данных? <...>

Позвольте сделать следующий шаг. Что сказать о взаимоотношениях между телом и психикой? Что я знаю о психике другого человека? Древние бездоказательные утверждения на эти темы укоренились настолько, что чуть ли не стали частью каждого из нас. Говорят, что психическое и физическое абсолютно разнородны. Это две области, «к счастью», полностью отделенные друг от друга. Разумеется, мы получаем ряд метафизических выводов из этого положения, предназначенных для того, чтобы душа выглядела совершенно прекрасной, а природа довольно грязной. Кроме того, если я могу чувствовать психику другого человека, если я знаю и чувствую, что в нем происходит, то это возможно только благодаря умозаключению по аналогии, т.е. в соответствии с принципом отсутствия осмысленной связи конкретно психического с чем-то физическим. Я наблюдаю физическое и по нему делаю вывод о гетерогенном психическом. Схема, примерно, следующая: я вижу как человек протягивает руку к чему-то черному на стене и делаю вывод, что он хочет включить свет. Такие [осмысленные. — *Ред.-сост.*] связи могут существовать. (Возникают ли они, как это предполагают, при соединении разнородных частей, здесь можно не обсуждать.) Это рассечение — такая же дилемма в этой области, как и во всех других — занимала умы ряда ученых, и чтобы спасти ситуацию они вернулись к самому странному из всех положений. В действительности это обман, когда неискушенного человека начинают убеждать, что если он видит другого человека возмущенным, напуганным или разгневанным, то наблюдает только определенные физические данные; что внутренне эти данные не имеют никакого отношения к психологическим; что они связаны лишь внешним, несущественным образом с тем, что происходит в другом человеке. Вы уже часто наблюдали эти два события соединенными в вашем опыте. <...>

Для того, чтобы справиться с этой проблемой, предпринимались попытки самого разного рода. Как о единственной возможности объяснения говорили об интуиции: в конце концов я могу *видеть* страх другого человека. Неверно, что я вижу просто физический процесс, с которым бессмысленно соединяется что-то иное. Лучшая часть положения об интуиции заключается в чувстве, что в действительности дело должно быть совершенно в другом. Однако слово «интуиция» в конце концов может представлять собой лишь наименование того, что некто хотел бы понять с его помощью. Другое — сходное — положение поясняет, что кроме физического зрения существует психическое, духовное видение. Говорят, что одинаково трудно понять, например, то, что красное должно видеться при длине волны 700 ммк, как и то, что можно видеть страх другого человека; но, тем не менее, я это вижу моим психическим глазом. В своей настоящей форме эти положения научно бесплодны; главное в науке понимание (*penetration*), а не каталогизация и систематизация.

Итак, в чем же заключается современная точка зрения? При более внимательном рассмотрении мы обнаружим третий предрассудок, а именно, что психологическое событие, происходящее, когда человек испуган, — это психически осознаваемое явление. Вот как! Представьте, что вы видите человека, который ведет себя в отношении своих товарищей дружелюбно или живет добродетельной жизнью. Может ли кто-нибудь серьезно думать о нем, как о человеке, имеющем, допустим, соответствующее чувство приветливости? Никто не имеет в виду ничего подобного. Подразумевают характерную психологическую установку и поведение, т.е. нечто такое, что имеет весьма отдаленное отношение к сознанию. Простое отождествление психики с сознанием является одним из наиболее легких приемов в философии.

Позвольте иллюстрировать мою мысль. Об идеализме говорят как о противоположности материализму, предполагая при этом под идеализмом нечто прекрасное, а под материализмом нечто мрачное, бесплодное, скучное и мерзкое. Неужели на самом деле они подразумевают под сознанием нечто противоположное, скажем, спокойно цветущему дереву? Если человек задастся вопросом, что же отвратительного он находит в материализме и механицизме, и что кажется ему возвышенным в идеализме, то не обнаружит ли он, что проблема заключается в *материальных свойствах* элементов? Откровенно говоря, существуют психологические теории и даже множество психологических учебников, которые, хотя и говорят непрерывно и только об элементах сознания, являются более материалистическими, неинтересными, бессмысленными и безжизненными, чем живое дерево, в котором, скорее всего, вообще нет никакого сознания. Дело не в том, из каких материалов состоят частицы вселенной, а в характере целого, значении целого, смысле целого, природе целого.

При возвращении к обсуждаемым здесь более конкретным проблемам сразу становится очевидным, что только мы, европейцы, натолкнулись на более поздней стадии развития культуры на идею такого отделения физического и психического применительно ко многим физическим процессам. Представьте себе танцующего человека. В его танце есть радость и грация. Что это? Может быть, они представляют собой, с одной стороны, игру мускулов и движение конечностей, а с другой стороны, сознательную психику? Нет. Но это не решает нашу проблему, а только ее ставит. Я считаю, что нам посчастливилось найти плодотворный исходный пункт. В действительности существует множество таких процессов, которые, если мы перестанем обращать внимание на материальные характеристики частей, сразу обнаруживаются как одинаковые в своей структуре гештальта (*gestalt structure*). Если человек застенчив и неуверен в себе, или энергичен и неунывающ, или жалок, то может быть установлено — и такие исследования проводятся — что природа физического проявления, которое можно описать конкретно, и психологические процессы одинаковы или сходны в своей структуре гештальта.

Я опять-таки могу лишь вскользь затронуть эти вопросы. Цель моего примера состоит в том, чтобы показать связь между нашей проблемой и определен-

ными философскими вопросами. Я хочу сделать акцент на этой связи. Что можно сказать о позиции по данному вопросу в теории познания и логике? <...>

Здесь была представлена попытка обзора нескольких избранных проблем. Не знаю, достиг ли я своей цели. Наверное, в заключение мне надо привести какое-то суммирующее основное заявление. Если окинуть взором ситуацию с позиций теории множеств и спросить, как выглядел бы мир, в котором не было бы возможности для существования науки, понимания, проникновения в суть явлений или схватывания внутренних взимоотношений, то ответ будет очень простой. Такой мир состоял бы из простого нагромождения в корне отличных друг от друга (*disparate*) элементов. Следующий вопрос такой: на что должен быть похож мир и как следует понимать множественность, если наука будет двигаться дальше по пути анализа частей? Описать его можно тоже очень просто. Единственная возможность заключалась бы в возвращении к концепции мира как бессмысленных соединений частей природы; тогда все необходимое для деятельности традиционной логики, поэлементной математики и науки оказалось бы под рукой. Существует пока еще недостаточно разработанный третий тип теории формирования множеств, многообразие которых обеспечивается не различной сборкой отдельных элементов, а целостными условиями множества, определяющими характер и место каждой его отдельной части.

Итак, опишем образно, в какой ситуации мы находимся. Каждый видит один особенный участок мира и этот участок сам по себе действительно небольшой. Представьте себе мир, состоящий из большой плоской возвышенности, на которой сидят и играют музыканты. Я хожу вокруг, слушаю и смотрю. Здесь появляется несколько принципиально разных возможностей. Во-первых, этот мир может быть бессмысленной множественностью. Каждый музыкант действует по своему усмотрению, для самого себя. Комбинация, которую я в этом случае мог бы получить, слушая одновременно всех или десяток из них, была бы случайным суммарным результатом всего того, что каждый из них делает индивидуально. Это соответствует теории элементов в чистом виде, такой как кинетическая теория газов. Вторая возможность заключается в том, что когда один музыкант играет *до*, второй музыкант спустя строго определенное число секунд играет *фа*. Здесь я бы установил некоторое слепое отношение частей, связывающее действия отдельных музыкантов, которое давало бы в результате опять-таки в целом нечто бессмысленное. Таково представление большинства людей о физике. Однако физика, если рассматривать ее правильно, интерпретирует мир иначе. Наша третья возможность — это, например, симфония Бетховена, где, исходя из части целого, мы могли бы прийти к пониманию внутренней структуры этого целого. В таком случае фундаментальные законы были бы не законами частей, а структурными характеристиками целого. На этом я хотел бы завершить свое выступление.

К. Коффка

Поведение и его поле*

Определения психологии

<...> Можно выделить три различных определения предмета психологии: психология как наука (1) о сознании, (2) о психике и (3) о поведении. Хотя психология создавалась как наука о сознании и о психике, мы выберем в качестве краеугольного камня предмета психологии поведение. Это не означает, что я считаю старые определения абсолютно неверными — действительно, было бы странным, если бы наука изначально строилась на совершенно неверных предположениях — но означает, что если мы начнем с рассмотрения поведения, то так будет легче найти место в психологии и для сознания, и для психики, чем наоборот. Сдвиг фокуса внимания от сознания к поведению произошел в основном под влиянием американской психологии, хотя, насколько я знаю, Уильям Макдугалл[1] фактически первым определил психологию как науку о поведении. Однако то, что он понимал под поведением, отличалось и было более содержательным по сравнению с тем, что понималось под этим термином в американском направлении бихевиоризма. Поскольку термин поведение используется этой американской школой в специальном смысле и подразумевает *теорию* поведения, нам следует вернуться к чисто описательному, как это имеет место в работах Макдугалла, его употреблению, не свидетельствующему в пользу какой-либо теории.

---

* *Koffka K.* Principles of Gestalt Psychology. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., Ltd; N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1935. P. 25—68. (*Перевод С.А. Капустина.*)

[1] Макдугалл (*McDougall*) Уильям (1871—1938) — англо-американский психолог. — *Ред.-сост.*

Молярное и молекулярное поведение

Различие между бихевиористским пониманием поведения и пониманием Макдугалла было хорошо описано Толменом[2] как различие между молекулярным и молярным феноменами поведения. Я приведу несколько примеров в качестве иллюстрации этого различия без какого-либо детального анализа. К молярному поведению относится занятие студента в аудитории, выступление лектора, волнение болельщиков на футбольном матче, флирт мистера Баббитта, работа Галилея[3], совершившая переворот в науке, преследование гончей убегающего зайца, поклевка рыбы и охота тигра, короче все те бесчисленные случаи нашей повседневной жизни, которые обычные люди называют поведением. Молекулярное поведение — это нечто иное: это процесс, начинающийся с возбуждения органов чувств живого организма, которое передается по нервным волокнам в нервные центры, затем переходит на эфферентные волокна и завершается мышечным сокращением или секрецией железы. Обычные люди, к которым, вероятно, можно отнести 99 % населения земли, ничего не знают о последнем, в то время как каждый из них знаком с первым; с другой стороны, те, кто знаком с психологией, должны согласиться, что молярное поведение всегда включает в себя мышечные сокращения, которые возбуждаются нервными импульсами и приводят конечности в движение.<...>

Молярное поведение и его среда

Что прежде всего характеризует молярное поведение? Это то, что оно происходит в определенной среде, тогда как молекулярное поведение — в пределах организма и только инициируется средовыми факторами, называемыми стимулами. Так, во всех следующих примерах молярное поведение осуществляется во внешнем окружении: работа студента происходит в аудитории, где выступает лектор, и, наоборот, лектор приходит в аудиторию, заполненную студентами, по крайней мере понимающими его язык, если не более того; мистер Баббитт флиртует в очень определенном социальном окружении; гончая и заяц бегут через поле, и для каждого из них другой — это важный объект окружения. Все это очевидно и банально. Но это не так тривиально, как кажется на первый взгляд. На самом деле во всех только что упомянутых случаях можно выделить две весьма отличающиеся друг от друга среды. Таким образом, возникает вопрос: в какой из них осуществляется молярное поведение? Позвольте мне проиллюстрировать это на примере одной немецкой легенды.

---

[2] Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог; см. его тексты на с. 479—499, 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[3] Галилей (*Galilei*) Галилео (1564—1642) — итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного естествознания, заложивший основы классической механики. — *Ред.-сост.*

Географическая и поведенческая среда. Зимним вечером в сильную метель на постоялый двор прибыл всадник. Он был счастлив найти приют после многочасовой скачки по занесенной снегом равнине, где все дороги и ориентиры были заметены снегом. Хозяин, вышедший на порог, удивился, увидев незнакомца, и спросил его, откуда он прибыл. Когда мужчина указал направление, хозяин со страхом и удивлением спросил: «Вы знаете, что вы скакали через озеро Констанция?» Услышав это, всадник замертво упал к его ногам. В какой среде в данном случае происходило поведение незнакомца? Очевидно, это было озеро Констанция, так как он скакал через него. Но это не совсем так. Именно то обстоятельство, что это было замерзшее озеро, а не твердый грунт, повлияло на его поведение. Местность, в которой происходило это поведение, представляет интерес скорее для географа, но не для психолога, изучающего поведение; это поведение было поведением человека, пересекающего заснеженную равнину. Но психолог знает кое-что еще: человек умер от испуга, когда узнал, что было в действительности. Из этого следует, что если бы незнакомец знал об этом раньше, его поведение значительно отличалось бы от того, каким оно фактически было. Тогда психолог скажет: есть второе значение среды, согласно которому наш всадник вообще не скакал через озеро, а пересек обычную заснеженную равнину. Его поведение было скачкой-по-равнине, но не скачкой-по-озеру.

То, что сказано о поведении человека, пересекшего озеро Констанция, справедливо для любого поведения. Можно ли сказать, что крыса бежит в лабиринте, который установил экспериментатор? Согласно значению предлога «в», и да, и нет. Давайте, таким образом, делать различие между *географической* и *поведенческой* средой. Можно ли сказать, что мы все живем в одном и том же городе? Да, если мы имеем в виду географическое «в», нет, если мы имеем в виду поведенческое «в»[4].

В какой среде происходило поведение? После того, как мы различили два вида среды, нам нужно более подробно обсудить вопрос, в какой из них происходило поведение. Разобраться в этом нам поможет постановка следующего вопроса: какова основная характеристика связей между поведением и средой? Возьмем для примера гончую и зайца: заяц выскакивает из кустов и бежит через открытое поле по прямой, гончая следует за ним; когда он достигает канавы, собака сменяет бег на прыжок и перепрыгивает ручей. Когда заяц меняет направление, собака моментально делает то же самое. Нет необходимости продолжать; сказанного достаточно, чтобы сделать вывод, что поведение *регулируется* средой. *Какой* же из двух сред оно регулируется, географической или поведенческой? Кто-то мог бы сказать — географической. Однако предположим теперь, что канава была покрыта тонким слоем льда, достаточным, чтобы выдержать вес зайца, но не гончей. Что случится в этом случае? Собака упадет в

---

[4] Эта точка зрения тщательно разрабатывалась впервые в превосходной книге Эддингтона (см.: *Eddington A.S.* The Nature of the Physical World. Cambridge, N.Y., 1928).

канаву, так как, когда она достигнет канавы, она не будет прыгать через нее, а будет продолжать бежать. До падения ее поведение соответствовало среде, в которой нет канавы. Однако поскольку в географической среде канава есть, поведение гончей, по-видимому, осуществлялось в другой среде, названной поведенческой. То, что истинно для того периода времени, когда собака проходила по предательскому слою льда, должно быть истинным и для всего ее поведения; она все время находилась в поведенческой среде

Стимулы как заместители поведенческой среды. <...> Возьмем другой пример. Два шимпанзе по очереди помещаются в клетку, к потолку которой подвешен соблазнительный банан. В клетке ничего нет за исключением ящика на расстоянии десяти футов от точки, над которой висит приманка. Одно из животных, после более или менее длительной паузы, подбегает к ящику, подносит его под плод и, используя его в качестве подставки, достает банан. Другое, менее интеллектуальное животное, после ряда неудачных прыжков смиряется и в конечном счете взгромождается на ящик, чтобы посидеть на нем и вздремнуть. Обе обезьяны находились в географической среде, содержащей ящик; для обеих стимульная ситуация была идентичной. И все же они вели себя по-разному, и поведение каждой регулировалось средой. Географическая среда, или стимульная ситуация, не может быть причиной разного поведения. Но это различие можно объяснить, если мы рассмотрим среды двух наших животных. Можно хорошо описать или объяснить деятельность каждого из них, если мы допустим, что поведенческая среда одного включала «подставку», а другого — «стул», или, другими словами, поведенческая клетка для одного из них содержала объект, функционально пригодный к соответствующим действиям, а для другого — объект, функционально не пригодный. <...>

Локализация поведенческой среды. Теперь давайте сделаем еще один шаг. До сих пор поведенческая среда рассматривалась нами как промежуточное звено между географической средой и поведением, между стимулом и ответом. Последние два термина обозначают объекты, которые имеют вполне определенное место в нашей системе знания; оба они принадлежат внешнему миру. Но где локализована поведенческая среда? Чтобы подготовить ответ на этот вопрос, мы обсудим новый пример — серию экспериментов Ревеца[5]. Ревец учил цыплят клевать меньшую из двух одновременно предъявляемых фигур. Предъявляя круги различных размеров, которые затем сменялись прямоугольниками, квадратами и треугольниками, он специально следил за тем, чтобы позиции предъявления двух фигур постоянно менялись. Это делалось для того, чтобы исключить возможность научения животных выбору «правой» или «левой», «верхней» или «нижней» фигуры вместо меньшей. В конце тренировки он ввел в качестве новых фигур два сегмента круга разных размеров, и затем провел контрольный эксперимент: предъявлялись два *эквивалентных* сегмента та-

[5] См.: *Révész G.* Experiments on animal space perception // VII- th Internation. Congr. of Psych. Held at Oxford. Proceedings and Papers. Cambridge, 1924. P. 29—56.

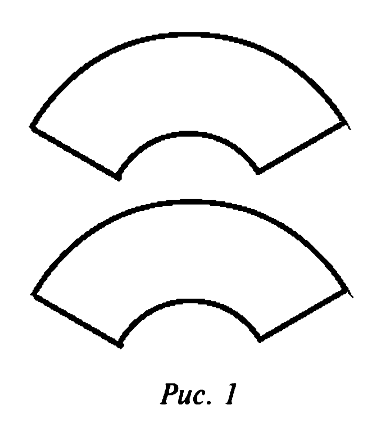

Рис. 1

ким образом, чтобы вызвать хорошо известную оптическую иллюзию Ястрова (см. рис.1). В подавляющем большинстве случаев цыплята клевали тот сегмент, который кажется *нам* меньшим <...>.

Для наших настоящих целей контрольные эксперименты представляют особый интерес. Почему животные выбирают одну из двух равных фигур несмотря на то, что они научены выбирать меньшую? С *географической* точки зрения их поведение выглядит довольно странным: ни свойства стимула, ни опыт не могут объяснить их поведение. Но все станет очевидным и понятным, если мы ответим на наш вопрос так же, как ответил бы обычный человек: животные выбирают одну из двух одинаковых фигур, потому что одна из них *воспринимается* ими как меньшая, точно так же, как она воспринимается меньшей и для нас. Или, используя нашу терминологию, поведенческая среда в контрольных экспериментах была сходна с поведенческой средой в обучающих экспериментах, так как она также содержала большую и меньшую фигуру, хотя географическая среда в контрольных экспериментах содержала две фигуры одинакового размера. Поведение цыплят нельзя объяснить иначе, как только предположив, что они руководствовались в своем выборе отношением. Так как это отношение явно находится не в географической среде, то оно должно присутствовать где-то в другом месте; и это где-то в другом месте и является тем, что мы называем поведенческой средой. Теперь, если мы еще раз вспомним то, что должен был сказать об этом эксперименте обычный человек, мы поймем, что различие между географической и поведенческой средой совпадает с различием между вещами, какими они являются «в действительности», и вещами, какими они выглядят для нас, т.е. между реальностью и видимостью. И мы также поймем, что видимости могут обманывать, что поведение, хорошо приспособленное к поведенческой среде, может быть не пригодным для географической. <...>

Сознание. В начале этой главы я предложил считать поведение в качестве основного предмета психологии. Но не получается ли так, что я, проводя различение между географической и поведенческой средой, что по общему мнению соответствует действительности и видимости, попытался протащить в психологию незаконно через черный ход сознание? Я должен отвергнуть это обвинение. Если мы вынуждены ввести понятие сознания, то мы должны его ввести независимо от того, нравится нам это или нет. Важно иметь в виду, что *слово* сознание не меняет *значения* нашего термина «поведенческая среда». Если кто-то хочет говорить о сознании животного, он должен применять это слово по отношению к тому же самому, что мы называем поведенческой средой. Таким образом, сознание собаки, гонящейся за зайцем, должно быть «заяц, бегущий по полю», сознание обезьяны при попытке достать подвешенный плод

должно быть «подставка, стоящая в этом углу» и так далее. Поле и заяц, подставка и плод, обозначаемые как сознаваемые, или объекты сознания, при этом не должны рассматриваться как находящиеся *внутри* животного, поскольку они имеют значение внутри поведения или опыта. Антипатия бихевиористов по отношению к сознанию во многом основывается, как мне кажется, именно на этом неправильном понимании. И, как теперь можно показать, их заявление о том, что они могут описать психологию без сознания, является ошибочным. Животные, за которыми они наблюдают, лабиринты и проблемные ящики, которые они используют в своих экспериментах, книги, в которых они записывают результаты исследований, — все это, прежде всего, является частями их поведенческих сред. Забывая этот факт, и полагая, что они рассуждают лишь о географических средах, они всерьез думают, что могут создать в чистом виде «географическую» теорию без поведенческих данных. Но все *данные* являются поведенческими данными; физическая реальность — это не данные, а конструкт. <...> В дальнейшем во избежание смешения понятий я буду использовать термин «сознание» как можно меньше. Наш термин «поведенческая среда», хотя он включает только часть того, что понимается под сознанием, позволит избежать этого смешения. Как полностью эквивалентный сознанию, Кёлер[6] использовал термин «непосредственный опыт»[7], который мы также будем иногда использовать. Наш термин имеет преимущество, которое состоит в том, что обозначаемое им содержание занимает точное место в системе, а именно, место посредника между географической средой и поведением.

Поведенческая среда — это только часть непосредственного опыта. Но, как я сказал, — это еще не весь опыт; сознание означает нечто большее, чем поведенческая среда. И теперь самое время указать по крайней мере то направление, в котором сознание должно быть доопределено, хотя еще долгое время мы будем уделять внимание только поведенческой среде. Это направление мы увидим, если подвергнем термин «поведение» такому же анализу, который мы проделали в отношении термина «среда». Мы действительно можем описать поведение, соотнеся его с обеими нашими средами, и эти описания зачастую могут оказаться в противоречии друг с другом. Но, независимо от того, будет ли между ними согласованность или нет, поведение само по себе должно иметь в этих двух описаниях разное значение: поскольку поведенческая и географическая среды принадлежат двум разным областям рассуждений, поведение, которое происходит в каждой из них, также должно принадлежать двум разным областям рассуждений. Человек, который скакал через озеро Констанция — хороший тому пример: его географическая среда была этим большим озером, а его поведенческая среда — обычной покрытой снегом равниной; соответственно,

---

[6] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 568—580 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Köhler W.* Gestalt Psychology. N.Y.; L., 1929.

как мы уже отметили это ранее, в то время, как в географической среде его поведение было скачкой через озеро, в поведенческой среде оно было скачкой по равнине. Или, как выразился бы обыкновенный человек, он *думал*, что скакал по заснеженной земле, и не понимал, что скакал по тонкому льду.

На первый взгляд кажется, что различие между этими двумя видами поведения полностью аналогично различию между нашими двумя видами сред: здесь — вещи как они выглядят и какими они являются в действительности, а там — деятельность как она *представляется* совершающему ее и какой она является в действительности. Но это сходство не так велико, как кажется. Давайте рассмотрим другой пример: мы наблюдаем за тремя крысами в одном и том же лабиринте; каждая из них запускается в одном и том же месте и в конечном итоге оказывается в другом. На этом основании мы могли бы сказать, что все три крысы пробежали через лабиринт; это географическое утверждение. Но наше наблюдение убедило нас, что в их поведении были очевидные различия: одна бежала в поисках пищи, другая — чтобы изучить лабиринт, третья ради упражнения или от состояния беспокойства. Эти характеристики соотносятся с поведением в *поведенческой* среде. Крыса бежит в поисках пищи не только начиная с того момента, когда приманка достаточно близка, чтобы ее увидеть или почувствовать ее запах, а с самого начала. Книга Толмена[8] содержит мощное экспериментальное подтверждение этому утверждению. Но в начальной части географического лабиринта нет ни пищи, ни какой-либо стимуляции, исходящей от пищи. Если, несмотря на это, поведение направлено к пище, то оно должно происходить в поведенческой среде. То же самое верно и для исследовательского поведения. Мы можем изучать непосредственно только нашу поведенческую среду и только косвенно, через поведенческую, —географическую среду. И даже в последнем случае поведение ради упражнения или от состояния беспокойства — это будет поведение в поведенческой среде, поскольку оно ею регулируется. В настоящее время применительно ко всем этим случаям вряд ли можно дать более истинное описание этих двух типов поведения, чем сказать: поведение в географической среде — это такая активность, какой она является в действительности, а поведение в поведенческой среде — это то, каким животное его себе представляет. Для возбужденного поведения оно действительно представляется возбужденным, для исследовательского — действительно исследовательским, и для направляемого пищей — действительно направляемым пищей, даже если экспериментатор убрал в это время пищу из кормушки. В последнем случае, на самом деле, также истинным является и то, что животное не бежит к пище, поскольку географически пищи нет, и в каком-то смысле здесь то же самое различие, что и в примере с озером Констанция. Но это не является чем-то большим, чем описание *поведения*. Попытаюсь объяснить это на следующем примере: шар катится по наклонной поверхности и в конце ее падает в яму. В яме может быть вода или ее там может не быть, и поэтому я могу сказать, что

[8] См.: *Tolman E.C.* Purposive Behavior in Animals and Men. N.Y., 1932.

шар падает в яму с водой или без воды. Но это различие не влияет на движение шара, пока он не достигнет той точки в пространстве, где в одном случае будет вода, а в другом ее не будет. Для всего остального движения наличие или отсутствие воды абсолютно безразлично; подобным же образом утверждение о том, что крыса не бежит к пище, когда экспериментатор только что убрал ее, совершенно не применимо к бегу крысы до тех пор, пока она не приблизится настолько, чтобы заметить отсутствие пищи.

Поведение и достижение. Если описание поведения относительно географической среды является неточным, то что представляет собой точное описание поведения? Для упрощения используемой нами терминологии мы будем в дальнейшем называть поведение по отношению к географической среде «достижением», а поведение по отношению к поведенческой среде просто поведением. Термин «достижение» прямо указывает на мотив поведения, рассматриваемого в географической среде, так как его основные результаты, как мы уже указывали, состоят в изменении географической среды. Мы часто интересуемся именно этими результатами, которые являются достижениями животного. Но теперь мы поняли, что знание о достижениях животного — это еще не знание о его поведении. Я приведу яркий пример, в котором достижение и поведение в каком-то смысле противоположны друг другу. Представьте себе, что я вижу человека, стоящего на скале, которая, как мне известно, должна взорваться в эту самую минуту. Он находится слишком далеко от меня, чтобы объяснить ему всю опасность его ситуации, поэтому я просто кричу ему изо всех сил: «Иди сюда, быстро!» Человек, если мой призыв произвел на него определенное впечатление, с поведенческой точки зрения побежит *по направлению ко мне*, но с географической точки зрения, он, двигаясь по направлению ко мне, в то же самое время будет убегать прочь от опасного места; с географической точки зрения оба эти описания поведения абсолютно эквивалентны. Когда я впоследствии буду описывать этот инцидент, то я скажу, что человек побежал прочь до того, как произошел взрыв. Я опишу его достижение, а не его поведение; последнее было движением к чему-либо, первое — движением от чего-то. Если бы связь между поведением и достижением была всегда такого типа, наш мир был бы действительно странным, к которому не применимо понятие разума. Он скорее должен был бы быть миром сказок; вспомните Аладдина, который тер свою лампу, что приводило к определенному достижению — появлению джина.<...> Поскольку отношение между достижением и поведением, как правило, не сказочного типа, мы часто имеем возможность на основании достижений делать выводы о поведении и *его* среде. Объективный метод извлекает пользу из этой возможности; время, за которое крыса пробегает лабиринт, количество ошибок, которые она совершает, в какой тупик она войдет, а в какой нет, —все эти факты дают нам ключи к интерпретации поведения и поведенческой среды, но они сами по себе не являются утверждениями о поведении. <...>

Источники знания о поведении. Каким образом мы приобретаем знания о поведении? Поведение животного — это часть нашей поведенческой среды, и

мы знаем его таким наряду со всеми другими объектами и событиями, находящимися в ней. Следовательно, вопрос о том, как мы можем познать *реальное* поведение, в принципе не отличается от вопроса, как мы познаем какую-либо не поведенческую реальность. Сейчас мы не будем заниматься этим вопросом; мы не сможем ответить на него, пока не разберемся в том, как связаны между собой географическая и поведенческая среда. В данный момент достаточно сделать два замечания: 1) мы должны признать существование реального поведения точно так же, как и существование реальных столов, книг, домов, животных; 2) в связи с тем, что мы показали, что поведение (не наше, а поведение животного) всегда происходит в поведенческой среде, мы должны ответить на одно замечание, обвиняющее нас в антропоморфизме[9]. Мы наблюдаем поведение животного в нашей поведенческой среде. Если мы утверждаем без дальнейших доказательств, что наша поведенческая среда и поведенческая среда животного идентичны, то мы становимся уязвимыми для критики в антропоморфизме. С другой стороны, утверждение о том, что поведение животного осуществляется в поведенческой среде, а точнее, в его собственной поведенческой среде, вовсе не антропоморфно. Насколько его среда идентична нашей и по каким характеристикам отличается — это действительно очень важные вопросы, и в их решении мы должны быть предельно осторожными, чтобы избежать антропоморфизма. Но давайте вновь вернемся к нашему основному аргументу: на основании поведения животного в нашей поведенческой среде и с помощью более косвенных методов мы делаем выводы о природе реального поведения животного. Но у нас у самих тоже есть поведение. И у нас также есть знания об этом поведении. Мы обнаруживаем его происходящим в нашей поведенческой среде, но слово «в» имеет здесь иное значение, чем оно имело до этого, когда мы говорили о другом поведении — поведении животного, происходящем в нашей собственной поведенческой среде. Животное является *частью* нашей поведенческой среды, мы сами являемся центром нашей среды, а не животного. Среда — это всегда чья-то среда. Так, моя поведенческая среда — это среда, где есть я и мое поведение. Так же, как я знаю свою поведенческую среду, я знаю и себя, и свое поведение в этой среде. Если мы включим это знание в поведенческую среду, мы получим полный эквивалент того, что Кёлер называл непосредственным опытом, или того, что называют сознанием. Это знание включает (перечислю несколько пунктов) знания о моих желаниях и намерениях, успехах и разочарованиях, радостях и печалях, любви и ненависти, а также о том, что я делаю это, а не то. Последнее можно продемонстрировать следующим примером: мой друг спрашивает меня: «Кто эта дама, которую вы поприветствовали, сняв шляпу?» Я отвечаю: «Я не снимал шляпу для приветствия; просто она мне жмет».

Реальное, феноменальное и наблюдаемое поведение. Теперь мы можем ввести новую терминологию. Мы поняли, что нужно отличать *два класса* поведения —

[9] *Антропоморфизм* — наделение объектов живой и неживой природы человеческими свойствами. — *Ред.-сост.*

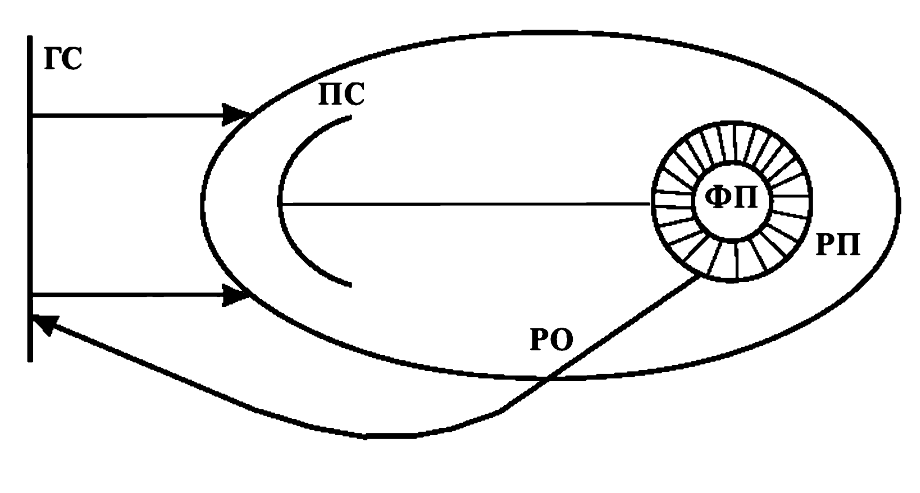

Рис. 2

феноменальное и наблюдаемое — от реального поведения, которое происходит в действительности: мое поведение в чьей-либо поведенческой среде от моего поведения в моей собственной поведенческой среде; или, поменяв местами субъектов, чье-либо поведение в моей поведенческой среде от его поведения в его собственной поведенческой среде. Мы назовем первое из каждой пары *наблюдаемым* поведением, а второе — *феноменальным*, или *данным в опыте* поведением. Наблюдаемое поведение, как демонстрирует наш пример со снятием шляпы, может вводить в заблуждение относительно реального поведения, но оно может быть и верным его индикатором, как, например, в случае, если бы я действительно поприветствовал даму. С другой стороны, феноменальное поведение в данном случае было правильным индикатором реального. Нет сомнения в том, что феноменальное поведение является очень ценным ключом к познанию реального поведения. В то время, как отношение наблюдаемого поведения к реальному того же рода, что и отношение между поведенческой и географической средой, отношение между феноменальным и реальным поведением иной природы. В некоторой степени реальное поведение проявляет себя в феноменальном поведении. Но только в некоторой степени. В феноменальном поведении всегда проявляется только часть реального поведения, и эта часть не всегда оказывается самой важной. Позже мы обсудим этот вопрос. Сейчас же мы сделаем вывод о том, что было бы так же неверно отказываться от феноменального поведения как источника нашего познания реального поведения, как и использовать его в качестве единственного источника и бездумно.

Резюме о поведении и среде. В заключение мы можем представить в виде схемы все наши основные положения о поведении и среде (см. рис.2). *ГС* — географическая среда. Она продуцирует *ПС* — поведенческую среду. В ней осуществляется регулируемое ею *РП* — реальное поведение, которое частично проявляется в *ФП* — феноменальном поведении. В каком-то смысле *ПС*, *РП* и *ФП* происходят внутри реального организма — *РО*, но не в феноменальном *Я*, которое соотносится с *ФП*. *РО* испытывает непосредственное воздействие от *ГС*

и оказывает на нее обратное воздействие через *РП*. Наша схема не показывает зависимость *ПС* и *ФП* от организма и также не содержит результатов поведения. Но под воздействием *РП* на *ГС* в дальнейшем происходят два изменения: изменяются *ПС* и феноменальное *Я*. Когда обезьяна съедает плод, ее поведенческая среда становится «бесплодной», а само животное «удовлетворенным».

Концепция поля

Когда мы разъясняли понятие молярного поведения, мы показали, что оно осуществляется в поведенческой среде, и что мы знаем о нем двояким образом: как о внешне наблюдаемом молярном поведении (поведении других), — и как о феноменальном молярном поведении (нашем собственном). Для понимания или объяснения реального молярного поведения необходимо использовать оба источника знания. Кроме того, мы достигли некоторого понимания динамического аспекта реального молярного поведения. Таким образом, мы создали фундамент для психологии как науки о молярном поведении. Теперь мы должны более детально разработать этот вопрос. Какие понятия в нашей системе должны быть наиболее фундаментальными? Одно из важнейших положений нашей психологии состояло в том, что она должна быть *научной*. В таком случае, позвольте нам попытаться предложить вам одно из фундаментальных научных понятий, которое мы можем использовать для решения нашей задачи. Короткий экскурс в историю науки поможет нам в этом. Как Ньютон[10] объяснял движение тел? По его мнению, всякое изменение движения тела происходит благодаря силе, возникающей в результате либо столкновения с другим телом (два бильярдных шара), либо в результате взаимного притяжения тел, согласно его закону гравитации, который представляет собой количественную формулу этой силы. Ньютон предположил, что сила гравитации действует постоянно и оказывает свое влияние на расстоянии. Так, между Солнцем и Землей находится пустое пространство, и нет ничего, что могло бы передать Земле силу притяжения Солнца и наоборот. Когда значительно позже были открыты законы сил магнитного и электрического притяжения и отталкивания и оказалось, что они количественно идентичны закону гравитации Ньютона, им была дана та же самая интерпретация: действия на расстоянии. Понятие об этом постоянном действии было совсем несвойственно для Ньютона; он использовал его потому, что не находил ничего более подходящего. Но когда были открыты первые законы электричества, это понятие окончательно закрепилось в системе науки. Поэтому один молодой человек, чьи блестящие эксперименты в области электричества и магнетизма были должным образом признаны, столкнулся со значительным сопротивлением, когда попытался объяснить полученные результаты в других терминах, исключающих действие на расстоянии и объясняющих

---

[10] Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Ред.-сост.*

электрическое притяжение и отталкивание двух тел процессами, происходящими в пространстве между ними (в диэлектрике) и распространяющимися во времени. Но все же эти идеи Майкла Фарадея[11] были восприняты, разработаны и обрели математическую форму в работах Клерка Максвелла[12], который ввел более общие понятия электрического и магнитного поля в качестве носителей этих сил и смог определить скорость распространения электрических и магнитных сил, равную в вакууме скорости света. Сторонники понятия силы, действующей на расстоянии, развернули мощное наступление, но их позиции в области электричества и магнетизма были поколеблены и атака захлебнулась. Одна крепость оставалась в руках неприятеля — гравитация Ньютона. И только в начале этого столетия она пала. В теории гравитации Эйнштейна[13] действие на расстоянии исчезло точно так же, как исчезло оно ранее в теории электромагнетизма, и его место заняли гравитационные поля. Пустое пространство как геометрическое небытие исчезло из физики и было заменено системой гравитационных и электромагнитных сил, которая определяет геометрию пространства. И это распределение сил в данной среде будет определять то, как поведет себя в ней тело определенного состава. И наоборот, когда мы знаем тело и наблюдаем то, что с ним происходит в определенной среде, мы можем вывести свойства поля в этой среде. Так, мы определяем магнитное поле земли, наблюдая за отклонениями магнитной стрелки в различных местах. Аналогичным образом мы определяем гравитационное поле земли, измеряя период колебаний маятника заданной длины в разных местах.

Таким образом, поле и поведение тела соответствуют друг другу. Поскольку поле определяет поведение тел, то поведение может быть использовано как индикатор его свойств. Поведение тела — это не только его движение в поле, но и изменения, которым оно подвергается; так, кусок железа намагничивается в магнитном поле.

Поле в психологии

Вернемся вновь к нашей проблеме. Можем ли мы использовать понятие поля в психологии, имея в виду систему сил, определяющих реальное поведение? Если можем, то у нас сразу же появляется общая и научная категория для всех наших объяснений и вместе с ней те же два вида проблем, с которыми имеет дело физик, а именно: 1) что собой представляет поле в данный момент? 2) каким будет поведение в данном поле?

---

[11] Фарадей (*Faraday*) Майкл (1791—1867) — английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле. — *Ред.-сост.*

[12] Максвелл (*Maxwell*) Джеймс Клерк (1831—1879) — английский физик, создатель классической электродинамики. — *Ред.-сост.*

[13] Эйнштейн (*Einstein*) Альберт (1879—1955) — физик-теоретик и мыслитель, один из основателей современной физики. — *Ред.-сост.*

Поведенческая среда как психологическое поле. Где же находится такое поле, которое играет ту же роль в психологии, что и физические поля в физике? То, что оно должно быть другим, с очевидностью следует из нашей предшествующей дискуссии. Физическое поле — это поле географической среды, а мы показали, что поведение должно объясняться поведенческой средой. Не является ли именно она в таком случае психологическим полем? Давайте проверим, насколько правомерно это предположение. Оно означает, что наша поведенческая среда как детерминанта и регулятор поведения должна быть наделена силами. Итак, мы должны придерживаться следующей аксиомы: без силы нет изменения движения. Отвергает ли это положение поведенческую среду в качестве искомого нами поля? Никоим образом. При адекватном описании нашей поведенческой среды мы должны не просто указывать объекты, которые в ней есть, но также и их динамические свойства. Обсудим несколько примеров. Представьте, что вы загораете, расположившись на горном лугу или на берегу; находясь в полностью расслабленном и умиротворенном состоянии, вы не делаете ничего, и ваше окружение — не более, чем мягкое покрывало, которое окутывает вас, дает вам отдых и защиту. Вдруг вы слышите пронзительный крик: «На помощь! На помощь!» Насколько иначе вы себя почувствуете и как изменится ваше окружение? Давайте опишем эти две ситуации в терминах поля. Сначала ваше поле было гомогенным по отношению ко всем вашим намерениям и целям, вы находились в равновесии с ним. Никакой активности, никакого напряжения. Фактически в таких условиях *Я* сливается со средой; *Я* является частью ландшафта, а ландшафт — частью *Я*. Когда в полной тишине раздается резкий, не предвещающий ничего хорошего звук, все меняется. Если до этого все направления были динамически равны, то теперь выделяется одно направление, которое вас притягивает. Это направление обладает силой притяжения. Кажется, что среда сузилась, как будто на ровной поверхности образовалась брешь, и вас затягивает в нее. Происходит резкая дифференциация между вашим *Я* и голосом, во всем поле возникает высокая степень напряжения.

Если рассмотреть описания этих полей с точки зрения их однородности или неоднородности, то нетрудно заметить, что первое встречается в жизни значительно реже, чем последнее, особенно у нас — сверхактивных людей западной цивилизации. Активность предполагает наличие негомогенных полей, полей с силовыми линиями с разным потенциалом. Исключительно хорошее и полезное описание простейшего неоднородного поля дал Левин[14] на примере поля боя[15]. Это поле, помимо всех деталей, имеет полярную структуру в одном изме-

[14] Левин (*Lewin*) Курт (1890—1947) — немецкий психолог, представитель гештальпсихологии в области психологии мотивации и личности; с 1932 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

[15] См.: *Lewin K.* Kriegslandschaft // Zts. Angew. Psych. 1917. Bd. 12. S. 440—447. [Рус. пер. см.: *Левин К.* Военный ландшафт // *Левин К.* Динамическая психология. Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 87—93. — *Ред.-сост.*]

рении: земля неприятеля с одной стороны, и дом, безопасность — с другой. Векторное свойство — это основополагающая характеристика поля, никакая другая его характеристика не является полностью независимой от нее.

Несколько других очень полезных примеров содержится в статье Хартгенбуша[16] о психологии спорта. Автор описывает свой собственный опыт, или поведенческое поле, в нескольких видах спорта. Я выбрал несколько примеров из футбола. «По мере того как они (футболисты) движутся по направлению к воротам противника, они видят футбольное поле как поле, состоящее из изменяющихся линий, направленных к воротам»[17]. Эти линии представляют собой настоящие силовые линии в поведенческом поле, непрерывно меняющиеся в связи с изменением расположения игроков и направляющие их действия. «Все действия игроков (такие как перемещения по полю) связаны с зрительно воспринимаемыми изменениями. Несомненно, что здесь нет места для логического мышления, мысли в их обычном значении чужды игроку. Он не думает; в этом напряженном состоянии его действия непосредственно управляются зрительно воспринимаемой ситуацией»[18].

Следующий пример мы должны предварить более общим наблюдением. Наша поведенческая среда содержит предметы и пустоты между ними. Как правило, силы, управляющие нашим поведением, исходят из предметов, а не из пустот. Является это следствием опыта или нет — вопрос, который мы можем оставить открытым, хотя утвердительный ответ, кажется, плохо согласуется с тем фактом, что новичка, обучающегося велосипедной езде, более притягивают различного рода объекты, хотя опыт и должен был бы подсказывать ему о болезненных последствиях столкновения. И все же любой выступающий предмет в его поведенческой среде будет притягивать его, будь ли это женщина с детской коляской или большой грузовик. Уже одно то, что мы говорим о «выступающих» объектах в среде, указывает на ее неоднородность: там, где находится предмет, есть нечто *большее*, чем там, где находится пустота. Конечно, пустота *может* стать более выступающей областью, но тогда нечто *большее* будет в пустоте, чем в окружающих ее объектах, т.е. теперь пустота будет являться притягивающей массой. Это можно проиллюстрировать другой цитатой из Хартгенбуша: «Ворота противника воспринимались нападающим как полностью закрытые, за исключением небольшого пространства слева. С моей позиции позади атакуемых ворот я увидел, как атакующий левый полузащитник принял мяч, зафиксировал глазами брешь в обороне и со всей силы послал мяч в это единственное открытое место. Когда я спросил его впоследствии, что он чувствовал в этот момент, счастливый игрок ответил: "Я видел только

---

[16] См.: *Hartgenbusch H.G.* Gestalt Psychology in Sport // Psyche. 1927. № 27. P. 41—52; Originally published as: Beobachtungen und Bemerkungen zur Psychologie des Sports // Psych. Forsch. Bd. 7. S. 386—397.

[17] Там же. P. 50.

[18] Там же.

брешь в обороне"». Тем не менее, примеры из футбола также дают нам подтверждение и нашему первому предположению, согласно которому предметы, а не пустоты являются доминантными участками, центрами сил. Игроки должны *научиться* обращать внимание на пустоты и игнорировать вратаря: «Когда зритель <...> внимательно следит за игрой в футбол, он всегда замечает, что во вратаря, стоящего перед сравнительно большими воротами, попадают чаще, чем это можно объяснить случайным попаданием со стороны противников»[19], даже если учесть, что вратарь пытается перехватывать мяч. Автор продолжает: «Вратарь представляет собой выступающую точку в пространстве, которая приковывает глаза противников. Если удар происходит в тот момент, когда глаза игрока зафиксированы на вратаре, то мяч обычно приземляется около него. Но когда игрок научится перестраивать свое поле так, чтобы смещать свой феноменальный "центр притяжения" с вратаря на другую точку пространства, то новый "центр притяжения" будет обладать той же притягательной силой, какой прежде обладал вратарь»[20]. <...>

Эти мои примеры должны были продемонстрировать значение термина «поведенческое поле» с его динамическими свойствами, а также пользу этого понятия. Существует много областей в психологии, где не нужно большего объяснения, а в других к нему потребуется лишь небольшое дополнение. <...>

Неадекватность использования поведенческой среды в качестве психологического поля. Однако у нас есть серьезные доводы, в силу которых мы не можем рассматривать поведенческую среду в качестве психологического поля, являющегося для нас *фундаментальной* объяснительной категорией. Они следуют из рассмотрения: 1) онтологического статуса поведенческой среды, 2) отношения между поведенческой и географической средой, 3) недостаточности поведенческого поля. Давайте обсудим их по отдельности.

1. *Онтологический статус поведенческой среды.* Я уверен, что при знакомстве с описанием динамических особенностей поведенческой среды у читателей возникнет определенное сопротивление к тому, чтобы рассматривать поведенческую среду в качестве истинно объяснительного понятия. Мне могут сказать, что я использую термин, который имеет точно определенное значение, в такой области, где он не может иметь это значение. Я имею в виду термин «сила». «Сила», как мне могут заявить, имеет определенное значение в физическом мире, но что она может означать в поведенческой среде? Сила определенно принадлежит физическому миру, это конструкт, а не данная, но почему-то она рассматривается как свойство поведенческого мира. Она вводится из одной области рассуждений в другую, где для нее нет места. Даже если эти описания адекватны, даже если допустить, что можно говорить о притягательной силе соблазна и отталкивающей силе опасности, это будут не более чем описания; в

---

[19] *Hartgenbusch H.G.* Gestalt Psychology in Sport // Psyche. 1927. № 27. P. 49.

[20] Там же.

то время, как сила в физике — это объяснительный термин, причина изменения. Не протаскиваете ли вы незаконно в поведенческий мир объяснительное значение силы вместе с описательным? Поведенческая сила даже используется для того, чтобы объяснить *реальное* поведение, т.е. физическое движение, тогда как физическое движение, несомненно, может вызываться только физическими силами. <...>

Я признаю убедительность этого аргумента, т.е. считаю, что в наших *конечных* объяснениях должна присутствовать лишь *одна* область рассуждений, и что она должна быть той, о которой нам так много сообщила физика. Не только энергия, которая расходуется на осуществление нашего поведении, имеет химическое происхождение, но и силы, ответственные за каждое отдельное движение, должны также рассматриваться как физико-химические силы. Организм является относительно самостоятельной физико-химической системой, хотя и зависящей от географической среды, и его действия должны *в конечном итоге* объясняться процессами, происходящими внутри этой системы. Если действие можно свести к причинной последовательности органических процессов, то оно становится понятным, так как сводится к единой области рассуждений, идентичной той, в которой происходит это действие.

Было бы неправильно полагать, что этот довод исключает возможность использования понятия поля. Напротив, если поведение происходит в физическом мире, то понятие поля, являющееся таким мощным инструментом в физике, должно быть приложимо и к поведению. Наш довод просто отрицает, что это понятие поля следует рассматривать как тождественное с понятием поля в поведенческой среде.

2. *Отношение между поведенческой и географической средой.* Второй довод против такого отождествления основывается на отношении между поведенческой и географической средой. То, что первая зависит от последней, является прописной истиной, хотя эта зависимость непроста и неоднозначна. <...> Здесь <...> уместно указать лишь на один ее аспект: мы полагаем, что эта связь является причинной, т.е. географическая среда является причиной поведения. Но тогда опять возникает трудность, состоящая в том, что они принадлежат разным областям рассуждений. Как может причина, принадлежащая одной области рассуждений, вызывать следствие в другой? Все наши причинные законы относятся к событиям, находящимся в пределах одной области рассуждений, следовательно, поскольку географическая среда принадлежит физическому миру, мы требуем, чтобы и ее следствия также принадлежали этому же миру. Итак, мы снова вынуждены отказаться от поведенческой среды и заменить ее некоторыми событиями, происходящими в реальном физическом организме.<...>

3. *Недостаточность поведенческой среды.* Наше поведение не объяснимо целиком в понятиях поведенческой среды. Есть по крайней мере три разных типа поведения, для которых нельзя указать соответствующую им поведенческую среду. Мы обсудим их по отдельности.

А. *Так называемые рефлексы.* В каждый момент нашей жизни осуществляется регуляция тонуса нашей мускулатуры. Если бы этого не происходило, мы не могли бы ни сидеть, ни стоять, ни ходить. Но все эти приспособления происходят без нашего знания о них; для них поведенческая среда отсутствует. То, что верно для тонических рефлексов, также верно и для так называемых фазических рефлексов: я направляю яркий луч света в глаза человека, и его зрачки сужаются; я убираю свет, и они расширяются снова. В данном случае можно сказать, что здесь присутствует поведенческая среда, так как человек будет видеть свет. Но, хотя это и так, он все-таки не все знает о своем поведении; ему абсолютно неведомы движения его зрачков до тех пор, пока он не узнает об этом. Поэтому, даже в том случае, если поведенческая среда присутствует, феноменальное поведение может отсутствовать. Более того, нет никакой разницы в том, будет ли присутствовать поведенческая среда или нет. Зрачки нокаутированного боксера, находящегося в бессознательном состоянии, все еще будут реагировать.

Тогда достаточно очевидно, что если понятие поля должно быть применимо к подобным рефлексам, оно не может быть тем же самым, что поле в поведенческой среде.<...>

Б. *Силы за пределами поведенческой среды, которые детерминируют поведение.* Силы, которые детерминируют наше поведение, могут быть не всегда теми, о которых мы думаем, что именно они являются этими детерминантами. Мы можем что-нибудь делать, чтобы, как мы думаем, угодить *X*, но в действительности мы делаем это назло *Y*, хотя *Y* в данный момент отсутствует, и мы о нем не думаем. Психоанализ в различных его вариантах пролил свет на многие подобные факты, и, по видимому, его общая направленность может служить определенным доказательством того, что все наши действия являются действиями такого типа, которые можно свести к небольшому числу скрытых сил, полностью отсутствующих в нашем поведенческом поле. Несмотря на то, что психоаналитики могут ошибаться, этот тип действий, который нельзя объяснить в понятиях поведенческой среды, существует, и он настолько распространен, что нуждается в общем объяснительном понятии. Так как понятие поля применимо ко всему поведению, то опять становится очевидным, что психологическое поле нельзя отождествлять с полем в поведенческой среде.

В. Память. Существует память. Память в очень большой степени оказывает влияние на наше поведенческое поле, и в какой-то степени не может служить в качестве довода против универсальности этого понятия. То, что я разговариваю с *А*, с которым познакомился вчера, и не разговариваю с *В*, которого прежде никогда не видел, является следствием того, что *А* в моей поведенческой среде — это знакомый человек, а *В* — незнакомый. Но память может определять поведение и без посредничества поведенческого поля. Быстрая и точная деятельность опытной машинистки не объяснима в понятиях актуально представленной поведенческой среды, как и движения во многих спортивных играх. Научение проявляется в непосредственном исполнении, но оно не находится в актуальной поведенческой среде. Но влияния памяти, ко-

торые находятся за пределами пространства поведенческой среды, не сводятся только к навыкам. Я думаю о городе, о горе, о человеке, но не могу вспомнить их названия. Я стараюсь изо всех сил, но все мои усилия бесполезны. Я бросаю это занятие и занимаюсь чем-то другим, но вдруг название всплывает. И опять мы сталкиваемся с типом поведения, которое происходит без участия поведенческой среды, но несмотря на это должно рассматриваться как результат действующих сил, полевого процесса.

«Бессознательное». Обозначение фактов, представленных в пунктах (Б) и (В), как бессознательных или подсознательных мало помогает нам. В данном случае мы видим преимущество нашей терминологии, в то время как термин «сознание» допускает образование новых слов с помощью приставок «бес-» и «под-», термин «поведенческая среда» не может стать «бес-» — или «под-» — поведенческой средой без полной потери его смысла. И поскольку мы согласились, что термин «сознание» должен быть использован как эквивалентный непосредственному опыту, который содержит в себе и поведенческую среду, и феноменальное поведение *Я*, мы должны отказаться от использования терминов «бес-» и «под-сознательное». Однако должна существовать какая-то причина, почему эти термины были созданы и широко распространились. Почему не все психологи делали простое различение между сознательными и чисто физиологическими процессами? По моему мнению, ответ заключается в том, что физиологические процессы не рассматривались как полевые процессы, тогда как процессам, называемым бес- или под-сознательными, были присущи вполне определенные свойства, которые мы в нашей терминологии называем свойствами поля. Тогда, если мы рассматриваем свойства поля как присущие физиологическим процессам, у нас больше не будет искушения говорить о бессознательных процессах. И если мы вновь вернемся к фактам, представленным под заголовком «недостаточность поведенческого поля», мы должны относиться к ним как к физиологическим фактам.

Сводный баланс. Что же является результатом этой дискуссии? Мы одновременно что-то приобрели и что-то потеряли. Наше приобретение состоит в создании единой области рассуждений. Физическое поле географической среды воздействует на физический объект — организм — и оказывает влияние на физиологическое поле организма; в результате происходящих в физиологическом поле событий изменяется географическое поле, и это изменение вновь оказывает влияние на физиологическое поле. Мы получаем чисто физическую проблему, осложненную взаимоотношением двух взаимодействующих полей, физического и физиологического, а также сложностью последнего. Но, несмотря на сложность, проблема больше не является непонятной; мы понимаем свои термины и, что существенно, мы можем проследить весь ход любого события от начала до конца, не перепрыгивая из одной области рассуждений в другую.

Но очевидна и наша потеря. Мы, если мы на этом остановимся, утрачиваем все преимущества, которые привнесло в нашу систему понятие поведенческой

среды. Теперь мы имеем дело не с психологическими фактами, а с чистой физиологией. На самом деле это окажется не потерей, а приобретением для многих психологов, которые, видимо, не преминут сделать замечание: «Если вы хотите объяснить все поведение физиологическими терминами, зачем вы ввели поведенческую среду?» Мы возложили большие надежды на нашу поведенческую среду. Мы думали, что с помощью этого понятия мы могли бы построить психологию, которая была бы приемлема и для историка, и для художника и для философа, поскольку она включала бы в себя и мотивацию, и красоту, и рациональность. И теперь мы вернулись назад и нашли прибежище в чистой физиологии. Не равноценно ли это отречению от молярного поведения и восстановлению на его месте молекулярного поведения? Не сводим ли мы на нет нашу собственную цель? И наконец, как можем мы надеяться построить систему психологии в чисто физиологических понятиях, если наши знания о центральной нервной системе почти нулевые? Не вводим ли мы новую разновидность умозрительной психологии вместо экспериментальной? О поведенческой среде мы кое-что знаем, но нам абсолютно не известно, что такое наше физиологическое поле.

Таковы итоги нашего сводного баланса. И если мы посмотрим на те приобретения и потери, которые оказались в нем в результате введения нами понятия физиологического поля, мы увидим, что они являются причинами противостояния между разными психологическими школами. Те, кто сделал акцент на приобретениях, стали бихевиористами, легко относящимися к потерям. С другой стороны, те, кто глубоко осознал потери, не задумались о приобретениях и стали «понимающими» психологами. Между этими двумя крайностями мы находим все виды компромиссов. Но любые компромиссы неудовлетворительны, так как они препятствуют нахождению пути использования приобретений для возмещения потерь. А это как раз то, что мы должны делать, если хотим быть честными и продолжать нашу работу по плану, который ведет нас уже в течение длительного времени и который охраняет нас от постоянной угрозы неминуемого банкротства. Или, используя другую метафору, мы должны знать, куда мы идем, и быть уверенными, что дорога, по которой мы идем, ведет к нашей цели. Я вспоминаю эпизод из своих студенческих лет. Мой коллега, с которым я шел домой, задал мне вопрос: «Как Вы думаете, куда ведет нас психология, которую мы изучаем?» У меня не было ответа на этот вопрос, и мой коллега после получения степени доктора отказался от профессии психолога. Сегодня он известный писатель. Но я был менее щепетильным и менее способным и поэтому продолжал свою работу. Но его вопрос никогда не переставал беспокоить меня, и я был готов ухватиться за любой шанс попытаться найти ответ на него.

Решающее отношение между поведенческим и физиологическим полем. Итак, если я не забыл ту случайную беседу, то и другая беседа с другим коллегой сохранилась в моей памяти как один из ключевых моментов моей жизни. Это

произошло во Франкфурте-на-Майне в начале 1911 г. Вертхаймер[21] только что завершил свои эксперименты по восприятию движения, в которых Кёлер и я участвовали в качестве основных испытуемых. Он решил рассказать мне о цели своего эксперимента, о которой я, как хороший испытуемый, ничего не знал. Безусловно, до этого я участвовал во многих дискуссиях с этими двумя людьми. Невозможно было жить, постоянно общаясь с Вертхаймером, и при этом не познакомиться с отдельными аспектами гештальттеории, даже в те старые времена. Но в тот день он высказал нечто такое, что произвело на меня огромное впечатление: это была его идея о функции физиологической теории в психологии, об отношении между сознанием и лежащими в его основе физиологическими процессами или, в нашей новой терминологии, об отношении между поведенческим и физиологическим полем. Однако говорить об этом, используя наши новые термины, не совсем этично, потому что это стало возможным только благодаря идее Вертхаймера; до него никто не думал о физиологическом или, как в нашем случае, о поведенческом *поле*.

Традиционные физиологические теории поведения и сознания. Какие предположения об этом существовали в то время в физиологии? Нервные процессы представлялись как события только *единственного типа*: возбуждения, где-то начинаясь, проходят по нерву, передаются на другой нерв, затем на третий, пока, наконец, не вызовут сокращение мышцы или секрецию железы. Громадная сложность поведения не объяснялась подобной же сложностью нервных процессов, а лишь комбинацией множества отдельных процессов все того же единственного типа, совершающихся в разных местах. Наиболее важным аспектом нервных процессов была *локализация* возбуждения; разнообразие процессов объяснялось участием в них разных сенсорных модальностей и качеств. Звуковые стимулы должны были вызывать возбуждение волокон акустического нерва, которое передавалось в темпоральную зону коры и возбуждало ганглиозные клетки, вызывая их специфические формы реагирования, соответствующие свойствам отдельных ощущений; световые стимулы подобным же образом должны были вызывать возбуждение, которое передавалось в окципитальную зону коры и вызывало возбуждение клеток, которое, из-за иной природы последних, отличалось от возбуждения темпоральной зоны коры. Но и темпоральная, и окципитальная клетки должны были быть способными воспринимать разные виды возбуждения. Поскольку, в соответствии с этой системой гипотез, существует фиксированная связь между клетками коры и клетками рецепторов, например между клетками зрительной коры и колбочками в сетчатке, то при возбуждении одной и той же колбочки всегда будет возбуждаться одна и та же клетка коры. Одна и та же колбочка может быть возбуждена светом разной длины волны, в результате чего организм воспринимает раз-

[21] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии; см. его текст на с. 528—539 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ные цвета. Следовательно, одни и те же нервные волокна и ганглиозные клетки от колбочки до коры должны быть способны реагировать по-разному.

Это было единственной качественной переменной, свойственной нервным процессам; в остальном же вся их сложность объяснялась комбинацией различным образом локализованных возбуждений клеток. Не удивительно, что вопрос о мозговой локализации начинал вырисовываться на горизонте психологии.

Я уже сказал, что этот тип физиологической теории превалировал в 1911 г., и теперь должен добавить, что за десять лет до этого известный физиолог И. фон Криз привел доказательство, что она совершенно неверна. Но он не смог предложить взамен нее адекватную теорию, и старая теория продолжала существовать, как будто ничего не случилось; действительно, эта теория сделана из железа; в 1929 г. она обладала еще такой силой, что Лешли[22] в своем президентском обращении к Американской психологической ассоциации, прочитанном перед IX Международным Конгрессом психологии в Йеле, попытался нанести ей новый смертельный удар. После знаменитого выступления фон Криза накопился огромный материал против этой теории; атака Лешли выглядела смертельной, но теория продолжала жить, и, кажется, живет и по сей день. <...>

Решение Вертхаймера. Изоморфизм. Теперь читатель сможет понять вклад Вертхаймера; теперь он увидит, почему его физиологическая гипотеза произвела на меня огромное впечатление. То, что он сказал, можно выразить в двух словах: давайте думать о физиологических процессах не как о молекулярных, а как о молярных феноменах. Тогда исчезнут все трудности старой теории. Если они молярные, их молярные свойства будут такими же, как и свойства сознательных процессов, в основе которых они, как предполагается, лежат. Если это так, то две эти области вместо того, чтобы быть разделенными непроходимой пропастью, так тесно связываются друг с другом, что вследствие этого мы можем использовать наши наблюдения за поведением и поведенческой средой в качестве данных для разработки конкретных физиологических гипотез. Тогда, вместо единственного типа такого рода процессов, мы будем иметь дело с множеством различных психологических процессов; вариативность двух этих областей должна быть той же самой.

Молярные физиологические процессы. Однако эта теория может оказаться голословной, пока мы не узнаем, что такое молярные физиологические процессы. Не вводим ли мы в физиологию, и тем самым в науку, новые сущности, несовместимые с научными принципами? Не является ли физика преимущественно молекулярной наукой? Вертхаймер считал, что это не так, он понимал ложность этого утверждения. Но продемонстрировать ее было завещано Кёлеру[23]. Сам термин «атомистическая теория», кажется, свидетельствует об обрат-

---

[22] Лешли (*Lashley*) Карл Спенсер (1890—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[23] См.: *Köhler W.* Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand. Braunschweig, 1920.

ном, но это только на первый взгляд. Давайте рассмотрим самый простой пример, какой только можно найти: вода, согласно атомистической теории, состоит из двух элементов, водорода и кислорода, которые образуют молекулу, состоящую из трех атомов: двух атомов водорода и одного атома кислорода. Кроме того, водород в природе существует не в виде атомов водорода, а в виде молекул, состоящих из двух атомов водорода. Итак, мы имеем H, H_2, H_2O. Это похоже на молекулярную теорию, но это не так. H, H_2 и H_2O имеют совершенно разные свойства, которые не могут возникнуть в результате *суммации* свойств водорода и кислорода. В соответствии с этим физики пытаются создавать модели атомов и молекул, отличающиеся друг от друга так же, как наблюдаемые субстанции. Простой атом водорода состоит из одного протона и одного электрона, находящихся в *определенной* динамической связи, которая описывается в теории Резерфорда—Бора с помощью орбит, по которым электрон движется вокруг протона. В H_2 объединены два атома водорода. Но что произошло? Образовалась совершенно новая система, состоящая из двух протонов и двух электронов. И движения этой новой системы, силы, действующие в каждый момент, совершенно отличны от движений в системе H. Насколько более сложной и отличной от H и O является система молекулы воды! Неверно, что эта система состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода. Где они находятся в ней? Посмотрите на это следующим образом: химический анализ, который разлагает воду на водород и кислород, означает только то, что одна система трансформировалась в другие системы и что при этой трансформации определенные характеристики, например общая масса, остались неизменными. Но это вовсе не означает, что вода — это просто водород плюс кислород в определенной пропорции. <...>

Утверждение о том, что мир состоит из протонов и электронов, так же бессмысленно для физика, как утверждение, что Европу населяют историки или политики. Второе утверждение несомненно верно, но поможет ли оно объяснить историю Европы или имеющийся в настоящий момент политический кризис? Европу населяют англичане, французы, немцы и множество других наций. Поместите француза на один необитаемый остров, англичанина на другой, немца на третий и так далее, в этом случае они будут вести себя более или менее одинаково; то, что все они люди, будет основным фактором в объяснении их поведения. Но француз во Франции, англичанин в Англии, немец в Германии будут весьма разными людьми. Почему? Потому что не только люди являются реальностями, но и человеческие общества с их институтами, формами правления, нравами и обычаями, языком и литературой, искусством и музыкой, общественной стратификацией и так далее. Если мы отрицаем реальность всего этого, мы никогда не сможем быть ни историками, ни политиками, и точно так же мы не сможем быть физиками, если мы отрицаем реальность силовых полей, или физиологами, если мы отрицаем реальность молярных характеристик физиологических процессов. <...>

Поведенческие данные для физиологических гипотез. Остается один пункт в теории Вертхаймера, который будет вызывать скептическое отношение. В качестве преимущества этой теории я указал на то, что она может использовать психологическое наблюдение, т.е. наблюдение за поведенческим полем и феноменальным поведением, как материал для физиологической теории, тем самым существенно расширяя ее эмпирические данные. Это может показаться неоправданным и очень спекулятивным предположением. Казалось бы, данные для физиологической теории должны быть только физиологическими. Только данные физического мира могут использоваться для построения теории о природе его части, а именно, о физиологических процессах. Но это возражение упускает из виду факт, который подчеркивал Кёлер[24], что любое наблюдение есть наблюдение поведенческих фактов непосредственного опыта. Путем тщательного отбора подобных фактов удалось разработать науку физику, хотя отношение между поведенческой и географической средой не является непосредственным. Между этими двумя мирами, опосредуя их, лежат физиологические процессы организма. Но тогда, если мы можем использовать поведенческий мир для того, чтобы понять географический, почему бы не попытаться понять таким же образом физиологические процессы? В последнем случае путь даже короче, чем в первом; в первом мы перепрыгиваем через промежуточное звено, в последнем же делаем только один шаг. Более того, связь между поведенческим миром и физиологическими процессами значительно теснее, чем между последними и физическим миром; разве мы не говорим о «лежащих в основе» физиологических процессах или о физиологических «коррелятах» явлений сознания? Тогда, цитируя Кёлера, «у нас нет оснований считать невозможным построение теории физиологических процессов, непосредственно лежащих в основе опыта, если опыт позволяет нам строить теорию физического мира, находящегося вовне, с которым он в гораздо меньшей степени связан»[25]. Кроме того, если *П* означает поведенческий мир, *Г* — географический и *Ф* — физиологические процессы, то *ПФ* ← *Г* указывает на их отношение. *Ф* находится в причинной связи с *Г* и в более непосредственной связи с *П*; наиболее распространенное положение, ошибочность которого мы докажем, заключалось в том, что *Ф* и *Г* в большей степени соответствуют друг другу, в то время как *П* и *Ф* полностью отличаются. Разве такое предположение не делает совершенно непонятным то, что *П* может давать нам информацию о *Г*? Если *П* полностью отличается от *Ф*, а *Ф* — существенно подобно *Г*, то как *П* может вести к *Г*? Но если *П* и *Ф* существенно подобны, тогда возможность узнать о *Г* через *Ф* зависит только от отношения *Ф* — *Г*. А если это так, то, несомненно, наблюдение за *П* выявляет свойства *Ф*. Эта теория, впервые предложенная Вертхаймером, была тщательно разработана Кёлером. В своей

[24] См.: *Köhler W.* Gestalt Psychology. N.Y.; L., 1929.

[25] Там же. P. 60.

книге «Физические гештальты»[26] он глубоко проанализировал физику и физиологию, чтобы доказать совместимость данной теории с физическими и физиологическими фактами; в книге «Гештальтпсихология»[27] он изложил теорию *изоморфизма* в виде ряда аксиом. В книге 1920 г. он сформулировал общий его принцип: «Любые сознательные процессы всегда не только тесно связаны с соответствующими психофизическими процессами, но и подобны им в их существенных структурных свойствах»[28]. Таким образом, изоморфизм, означающий подобие форм, позволяет сделать смелое предположение о том, что «движение атомов и молекул мозга» не «коренным образом отличается от мыслей и чувств», но в своих молярных аспектах, рассматриваемое более обще, идентично им. Подобным же образом и физиолог фон Фрей делает вывод из своих известных исследований тактильных ощущений о том, что прогресс в современных исследованиях менее всего обусловлен усовершенствованиями в определении понятий, а скорее убеждением в том, что соответствующие психическим гештальтам соматические процессы должны иметь сходную с ними структуру. <...>

Изоморфизм и наш сводный баланс. Теперь, когда мы имеем в руках бескомпромиссный изоморфизм, мы вновь вернемся к нашему сводному балансу, составленному после обсуждения причин того, почему при восхождении к основам мы должны выбрать в качестве фундаментального понятия физиологическое поле, а не поведенческую среду. Теперь мы видим, что не утратили ни одного из наших приобретений, но преуспели в таком их использовании, что они возмещают наши потери. Мы больше не теряем преимуществ, достигнутых в результате введения поведенческой среды, потому что рассматриваем наше физиологическое поле, свойства которого даны в непосредственном наблюдении как соответствующее ей. Таким образом, у нас есть веская причина для введения и использования понятия «поведенческая среда», даже если мы в конечном счете стремимся найти физиологические объяснения. Следовательно, все надежды, вызванные введением этого понятия, сохраняются в нашей новой системе. Если физиологические процессы рассматривать более обще как молярные, а не молекулярные, то мы избежали опасности отказа от молярного поведения в пользу молекулярного. И наконец, мы не являемся сторонниками чистого теоретизирования. Наоборот, мы хотим использовать в нашей физиологической теории *больше* фактов, чем это было в традиционной теории. Несомненно, что мозговые процессы представляют собой неизведанную область. Будем ли мы, труженики молодой науки, смиряться с таким положением дел и не прилагать никаких усилий для того, чтобы улучшить его? На наш взгляд, физиологическая теория дол-

---

[26] См.: *Köhler W.* Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand. Braunschweig, 1920.

[27] См.: *Köhler W.* Gestalt Psychology. N.Y.; L., 1929.

[28] *Köhler W.* Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand. Braunschweig, 1920. S. 193.

жна быть гораздо более сложной, чем старая теория телефонных проводов или железнодорожных путей, а также гораздо более интересной. <...>

Дополнительное преимущество изоморфизма. Таким образом, мы разобрали последовательно все те вопросы, которые возникли в связи с анализом потерь в нашем сводном балансе. И теперь мы можем добавить три пункта к нашим приобретениям.

1. Мы достигли понимания в отношении молярных и молекулярных явлений. Когда мы увидели, что психология, построенная на молекулярных явлениях, никогда не смогла бы решить самые важные психологические проблемы, проблемы историка или художника, мы предположили, что наука, построенная на молярных явлениях, может найти место и для молекулярных. И наши надежды сбылись; ни одно молекулярное явление не исчезает из нашей системы; молекулярные явления просто перестают быть независимыми событиями, подлинными элементами всех явлений. Вместо этого они рассматриваются как локальные события, детерминированные полем.

2. Разумеется, наша теория будет молярной теорией; это чисто физиологическая теория, хотя при ее построении используются психические факты, факты непосредственного опыта. Не обнаруживается ли в нашей теории материалистическая позиция, не подразумевает ли она такую оценку действительности, в которой физическое имеет более высокий ранг, чем психическое? Не является ли эта теория, в конечном счете, мертворожденным ребенком материализма? Позвольте мне сослаться на очень впечатляющий отрывок из Вертхаймера: «Когда кто-то добирается до корней антипатии к материализму и механицизму, то не обнаруживает ли он *материальные свойства* элементов, которые эти системы объединяют? Откровенно говоря, существуют психологические теории и множество учебников психологии, в которых упорно рассматриваются элементы *сознания* и, несмотря на это, они гораздо более материалистичны, бесплодны, лишены смысла и значения, чем обыкновенное живое дерево, которое, вероятно, никаким сознанием не обладает. Неважно, из каких материальных частиц состоит вселенная, важно качество целого, значение целого»[29].

Таким образом, подозрение о материалистической позиции нашей теории рассеивается. Физиологическая теория, которая рассматривает физиологические процессы как нечто большее, чем просто суммация возбуждений, менее материалистична, чем психологическая теория, которая признает только ощущения и бессмысленные ассоциативные связи между ними. Но мы можем сказать даже несколько больше. Является ли наша теория действительно *чисто* физиологической? Если это так, не означает ли это сдачу позиций? Физиологические процессы, которые мы рассматриваем как корреляты сознания, известны нам, в первую очередь, через их сознательный аспект. Рассматривать их как чисто физиологические, в отрыве от этого сознательного аспекта — это

---

[29] *Wertheimer M.* Über Gestalttheorie // Symposion. I. S. 20 [Сравн. пер. на с. 538 наст. изд. — *Ред.-сост.*].

значит игнорировать одну из характерных их особенностей. Несмотря на то, что эта сознательная сторона процессов не входит в наши причинные объяснения, тем не менее, она должна быть признана как факт. Таким образом, мы приходим к выводу, что такова природа вещей, так они «открывают себя» как сопровождаемые сознанием. Почему это так, и какими специфическими особенностями должен обладать процесс, чтобы быть таковым, — это вопросы, на которые сейчас нет ответов, и, возможно, мы их не получим никогда. Но если мы принимаем наш вывод, то сознание нельзя больше рассматривать как простой эпифеномен, как роскошь, присутствие которой не обязательно. Потому что в каком-то аспекте, который нам не известен, эти процессы были бы другими, если бы они не сопровождались сознанием.

3. И это подводит нас к последнему пункту. Что мы можем сказать о сознании у животных? То, что поведение животных является молярным, а не молекулярным, — это факт. Поведение животного сходно с поведением человека; нельзя сказать, что они полностью различаются. С другой стороны, мы никогда не можем наблюдать их поведенческую среду, их сознание. Но то же самое верно в отношении любой поведенческой среды, кроме нашей собственной. Непосредственно только я могу знать свое собственное сознание, а вы — ваше, при этом никто не заявляет о своей уникальности во вселенной. Следовательно, в предположении о наличии сознания у животных по существу нет ничего необычного. Однако, если мы принимаем его, то мы сталкиваемся с проблемой, каким животным мы должны приписывать сознание, а каким нет? Есть ли, например, в филогенетической системе определенная точка, в которой возникает сознание? Если есть, то где она? Обладает ли сознанием амеба? А краб, паук, рыба, цыпленок, кошка, обезьяна, человекообразная обезьяна? Давайте искренне признаемся, что ответа на этот вопрос нет. Поскольку мы не знаем, благодаря каким свойствам физиологический процесс является коррелятом сознательного, у нас нет абсолютно никакого критерия, по которому можно с уверенностью судить о том, является ли поведение сознательным или нет. Все попытки найти такой критерий сводились к предположению о существовании необходимой связи между определенными типами поведения и сознанием. В нашей системе этой проблеме не придается никакого значения. Разве не узнали мы от Вертхаймера, что есть гораздо более существенные характеристики поведения, чем то, является ли оно сознательным или просто физиологическим? Молярное поведение должно быть полевым процессом; изучая поведение, мы можем описывать сознание, принимая во внимание поле, в котором оно осуществляется; мы можем создавать молярные физиологические теории. Благодаря нашему изоморфизму, мы даже можем сделать еще один шаг; мы можем описывать это поле в поведенческих, а не физиологических терминах. Это очень полезно, потому что у нас есть поведенческая терминология для описания поля, но нет физиологической. Когда я ранее говорил, что шимпанзе использовал «подставку», я использовал поведенческую терминологию. Как я мог при данном состоянии науки использовать физиологическую? И, более

того, я не собираюсь использовать эту терминологию в каком-либо ином смысле, кроме как для описания физиологического поля, полностью оставляя за пределами науки вопрос, соответствует ему поведенческое поле или нет. Таким образом, мы даже менее антропоморфичны, чем это выглядело при нашем последнем обсуждении проблемы. Тогда мы заявили, что предположение о существовании поведенческой среды не было антропоморфизмом; теперь мы хотим отказаться даже от поведенческой среды, заменяя ее физиологическим полем, свойства которого могут быть наилучшим образом описаны в поведенческих терминах. Таким образом, спорный вопрос между нами и бихевиористами в отношении психологии животных заключается не в том, сознательное ли поведение у животных или оно чисто физиологическое, а в том, какого типа физиологическое поведение: *полевого* типа или типа механического соединения. Этот спорный вопрос может и должен быть разрешен в плане чистой науки, и его разрешение не может не оказать влияния на более широкий круг вопросов, в отношении которых расходятся гештальттеория и бихевиоризм.

Последнее замечание в этой связи: мы сказали, что физиологические процессы, которые сопровождаются сознанием, должны в каком-то неизвестном нам аспекте отличаться от физиологических процессов, которые не имеют такого сопровождения. Следует добавить, что в других аспектах они должны быть одинаковыми, а именно, все они — полевые процессы. Мы не смогли бы решить психофизическую проблему, если бы ограничили понятие поля сознательными физиологическими процессами. Мы и не делаем этого. Мы рассматриваем их как часть событий в значительно более широком поле событий и, тем самым, устраняем возражение против использования поведенческого поля в качестве фундаментальной категории, которую мы обозначили как недостаточность поведенческого поля. Давайте введем для последующего использования термин «психофизическое поле», указывая с его помощью и на физиологическую природу этого поля, и на его связь с непосредственным опытом.

Задача нашей психологии

Теперь можно сформулировать задачу нашей психологии: это *изучение поведения в его причинной связи с психофизическим полем*. Эта общая программа нуждается в конкретизации. Забегая вперед, можно сказать, что психофизическое поле организованно. Во-первых, это означает полярность *Я* и среды, а во-вторых, то, что каждая из этих полярных частей имеет свою собственную структуру. Таким образом, среда — это не мозаика ощущений, не цветущий и гудящий хаос, не туманное и неопределенное целое; она состоит из определенного набора отдельных объектов и событий, которые как таковые являются результатами организации. Подобным же образом, *Я* — это не точка и не сумма или мозаика влечений или инстинктов. Чтобы описать его адекватно, мы должны

ввести понятие «личность» со всей его громадной сложностью. Таким образом, если мы хотим изучать поведение как событие в психофизическом поле, мы должны сделать следующие шаги.

1. Мы должны изучить организацию поля окружающей среды, что означает: а) выявить силы, которые организуют ее в отдельные объекты и события; б) выявить силы, которые действуют между различными объектами и событиями; в) понять, каким образом эти силы создают поле окружающей среды в нашей поведенческой среде.

2. Мы должны изучить, как эти силы могут влиять на движения тела.

3. Мы должны изучить *Я* как одну из основных частей поля.

4. Мы должны показать, что силы, которые связывают *Я* с другими частями поля, имеют ту же самую природу, что и силы между различными частями поля окружающей среды, и выяснить, как они вызывают поведение во всех его формах.

5. Мы не должны забывать, что наше психофизическое поле существует в реальном организме, который, в свою очередь, существует в географической среде. Тем самым вопросы истинности познания и адекватного или адаптивного поведения также входят в нашу программу.

Пункты (3) и (4) являются ядром теории поведения; (1) и (2) необходимы для их решения. И поэтому не удивительно, что проблемы (3) и (4) значительно менее изучены по сравнению с другими; кроме того, экспериментальные исследования проведены только по первому пункту, как в психологии вообще, так и в гештальтпсихологии в частности. Поэтому читатель не должен удивляться, что первому пункту мы уделяем больше внимания, чем, по-видимому, он того заслуживает в рамках всей нашей программы. Ценность теоретических понятий проверяется в реальном исследовании. Понятия, которые мы так долго разрабатывали, не могут быть приняты без проведения конкретной экспериментальной научно-исследовательской работы, в которой они играют ключевую роль. Но есть еще один пункт, о котором мы должны вспомнить. В пятом пункте мы затронули фундаментальную философскую проблему. Исследования в области восприятия, на которые я ссылался, дают нам ключи к решению этой философской проблемы. Ее следует иметь в виду, чтобы не утратить перспективу. Мы собираемся провести множество экспериментов, которые, хотя и произведут впечатление корректных и достаточно изобретательных, тем не менее, будут выглядеть тривиальными, если рассматривать их самих по себе. Для чего эти эксперименты? Что они могут дать для реального знания о поведении? Ответ заключается в том, что они служат для демонстрации общих принципов; сами по себе они не имеют большого значения.

В. Кёлер

Об изоморфизме*

Во многих отраслях философии нам приходится преодолевать чрезвычайные интеллектуальные трудности. Однако препятствия последующего обсуждения можно отнести скорее к эмоциональной сфере. Я предлагаю рассмотреть природу корковых процессов, хотя большинству философов не нравится, когда при обсуждении философских проблем им говорят о мозге.

До некоторой степени эта неприязнь исторически обоснована. Философы еще помнят период, когда после заката гегельянства[1] в Германии маятник качнулся в противоположную сторону, и материалистические взгляды стали на какое-то время довольно популярными. Принципиальная ошибка этого движения заключалась в представлении психической жизни как продукта чего-то совершенно иного и, вне всякого сомнения, функционально более низшего. В науке тех лет господствовали непродуманные идеи о материи и поведении. Еще более незрелых идей придерживались авторы, которые в своих материалистических учениях пытались использовать науку там, где по причине недостаточности научных знаний применять ее на самом деле было невозможно. С другой стороны, некоторые из существенных характеристик психической жизни философам были прекрасно известны. Никаких специальных исследований для этого не требовалось. Простейшее наблюдение обнаруживало такие структурные особенности психических операций, которым в сфере «движущейся материи» не находили никаких аналогий. Поэтому утверждение, что психическая жизнь — это продукт материи и ее движений, вряд ли могло приобрести достаточно ясный смысл. В результате философ мог спокойно относиться к этому утверждению, опираясь на один довод: кто бы так ни говорил, он должен быть либо слеп к существенным характеристикам психической жизни, либо интерпретировать

---

* *Köhler W.* The place of Value in a world of Facts. N.Y.; Toronto: Mentor Books, 1966. P. 147—181. (***Перевод Ю.Б. Дормашева, Е.А. Загряжской, С.А. Капустина.***)

[1] *Гегельянство* — идеалистическое философское течение, которое исходило из учения немецкого философа Гегеля (1770—1831) и развивало его идеи; возникло в Германии в 30—40 гг. XIX в. и сразу же распалось на несколько направлений. — *Ред.-сост.*

их как всего лишь иллюзии. Теперь допустим, что для философа в таких особенностях психической деятельности выражаются суть и ценность человеческой природы, и тогда нам следует ожидать, что этот философ увидит в материализме серьезную опасность. Так оно и произошло, и многие философы придерживаются этого мнения до сих пор.

Однако они пошли еще дальше. Понятия и слова в некотором отношении подобны губкам. Если на протяжении ряда поколений данный объект считается очень ценным, то соответствующее понятие и даже его словесное условное обозначение будут, в конце концов, насквозь пропитаны величием. Точно так же губка поглощает жидкость, которой она окружена. А в случае неприязни понятие и его обозначение будут вскоре нагружены отрицательными характеристиками. Быстро и полностью высушить мокрую губку нелегко, а очистить понятие от ценностных характеристик, которые оно когда-то впитало, иногда кажется вообще невозможным. Меня нисколько не расстраивает тот факт, что термину «материализм» будет нелегко избавиться от своего неприятного звучания. Однако серьезное обсуждение разных философских проблем вызывает у меня тревогу во всех тех случаях, когда утверждают, что ту же самую судьбу должны разделить и такие термины, как «организм», «тело» или «мозг». Когда материализм стал концепцией с опасным подтекстом, эти реалии тоже приобрели отрицательный характер, так как описывались в терминах ненавистного учения, и к их явно низшим характеристикам материалисты пытались свести высоко ценимые свойства психической жизни. Эти губки все еще мокрые. Конечно, пройдет много лет, прежде чем все философы смогут рассматривать организм и мозг абсолютно беспристрастно и даже с должным интересом. Пока же появление этих терминов в философской дискуссии вызовет у многих философов негодование, если мы не поспешим дать заверения в счастливой развязке, а именно в том, что в итоге будет показана только вторичная роль биологических факторов в психической жизни. Но каким образом кому-то удастся выступить с таким заверением перед лицом множества свидетельств в пользу обратного? <...>

Наша ситуация в настоящем такова: о конкретных связях между психической жизнью и нейрональной активностью мы теперь знаем много больше, чем мог бы вообразить любой материалист середины прошлого века. Но философия не проявляет склонности к тому, чтобы учитывать это изменение. Она ведет себя так, как будто при обсуждении современных неврологических знаний и их отношения к фактам психики ей все еще достаточно тех отрицающих доводов, которых вполне хватало для опровержения материалистических домыслов восьмидесятилетней давности. По-прежнему верно то, что «движения материи» никогда не «объяснят» никаких феноменальных данных. Но неужели факт тесной близости нейрональных событий со всеми аспектами психической жизни не имеет никакого значения независимо от того, являются эти события движениями материи или нет? Можно подумать, что философия увидит здесь ту вызывающую и заманчивую ситуацию, в которой она сталкивается с одной из величайших проблем мира.

Но организм все еще рассматривают во многом как «тело». Таким образом, в то время как неврологи и физиологи, со своей стороны, увеличивают наше положительное знание, в философии, с другой стороны, мы повсеместно обнаруживаем установку какого-то пассивного презрения или просто обороны.

Тем временем, идеи о физической природе, которые когда-то господствовали среди физиков и, в менее продуманной форме, среди материалистов, навсегда и полностью отброшены. В этом заключается еще одно существенное изменение ситуации. Физический мир, с которым, как обнаруживают неврологи, столь тесно связана психическая жизнь, уже нельзя адекватно описывать как «движущуюся материю». Новые идеи постепенно вытеснили устаревшие представления подобного рода. Если сейчас, с переменившейся точки зрения, выглядит правдоподобным, что события в мозге имеют много общего с важнейшими аспектами феноменального мира, то каковы могут быть последствия? Многие быть может скажут, что теперь, наконец-то, материализм становится опасностью. Чем больше сходство природы с психической жизнью, тем выше шансы материализма.

Я не могу согласиться с этим мнением. Тесная связь психической жизни и функционирования мозга вызвала бы у меня тревогу лишь при условии, что функционирование мозга следовало бы рассматривать как нечто чуждое моим психическим операциям и в то же время реально их определяющее. Такой связи я понять не могу и к тому же считаю ее угнетающей. Если же, напротив, обнаружится, что «на той стороне» в определенных главных отношениях происходит то же самое, что происходит в психике «на этой стороне», то я непременно почувствую большое облегчение. Как ни толкуй эту тесную связь между кортикальными событиями и феноменами, объяснение уже не будет подразумевать, что законы совершенно иного мира скрытно определяют течение моих психических процессов.

Этот второй взгляд можно привести в качестве самого яркого примера того, на что я пытался указать, когда ссылался на характерные черты губок. Если нам удастся показать, что корковые процессы имеют общее с некоторыми из главных структурных аспектов феноменального опыта, то в меру этой общности они станут равными соответствующим фазам феноменальной сферы и, следовательно, будут столько же «хороши», как и эквивалентные им факты психики. Таким образом установка на негодование станет просто неразумной.

Понять это можно. Но я сомневаюсь, поможет ли это понимание. Такие термины как «материя» и «мозг» слишком хорошо пропитаны. В философии подлинное звучание этих терминов нам, по-видимому, не понравится, какова бы ни была действительная природа физической реальности вообще и корковых процессов в частности. <...>[2]

---

[2] В следующем, втором разделе главы В. Кёлер обсуждает вопрос сходства сознательного опыта и его корковых коррелятов, или психофизиологических процессов. Он признает, что такое сходство не обнаруживается, если эти корреляты описываются в терминах микроско-

Возьмем очень простой случай, в котором зрительным качеством является серый цвет, полностью заполняющий видимое поле. Корковым коррелятом этого серого цвета будет специфическая химическая реакция, непрерывно протекающая во всех частях зрительной коры[3]. Ситуация становится более интересной, если периферическая стимуляция неоднородна. Предположим, что на часть сетчатки проецируется простая белая фигура, круг или квадрат, а стимуляция вокруг этой фигуры, как и прежде, соответствует серому цвету. Когда нервные импульсы и от фигуры, и от фона достигнут коры, произойдут два различных химических процесса, один из которых соответствует белому цвету, а другой — серому. Первый охватит ограниченную область, а второй распространится вокруг в остальной части коркового поля. Функциональный контакт между ними будет происходить вдоль их общей границы. Ткань мозга — это электролит; среди компонентов, которые участвуют в химических реакциях, будут ионы. Более того, данный химический процесс будет характеризоваться специфической концентрацией участвующих в нем ионов, которая останется постоянной до тех пор, пока реакция не изменится. Это приводит к следующей ситуации: вне общей границы фигуры и фона — одна концентрация ионов, а внутри нее — другая концентрация[4]. Любое подобное различие в ионном составе двух областей приведет, в конце концов, к электрическим событиям. Область фигуры имеет в целом один электростатический потенциал, а фон — другой. Вдоль их общей границы потенциалы меняют одно значение на другое, и величина этого скачкообразного градиента определяется различием ионной концентрации внутри и вне этого контура. Если бы я попытался объяснить, почему различия химического состава, как правило, связаны с подобными электрическими фактами, это увело бы нас слишком далеко в техническую дискуссию. Нернст[5] объясняет это в терминах ионной диффузии, происходящей на общей границе. Его теорию принимает большинство физических химиков.

Разность потенциалов — это электродвижущая сила. Следовательно, если выполняются соответствующие дополнительные условия, через фигуру и ее

пических событий, а опыт сознания — в терминах элементарных сенсорных свойств, и предлагает искать это сходство на более высоком уровне макродинамической организации процессов и непрерывных состояний. Разницу между микроскопическим и макроскопическим подходами автор иллюстрирует примерами из физики. В третьем разделе, отрывок из которого приведен ниже, В. Кёлер с макроскопической точки зрения рассматривает процессы, происходящие в головном мозге. При этом к психофизиологическим процессам он относит не только распределение токов в виде импульсов, распространяющихся по нервным волокнам, но и химические реакции в тканях, окружающих нервные клетки. — *Ред.-сост.*

[3] Зрительная кора состоит из нескольких слоев. Нам не нужно определять, в каком из этих слоев действительно происходят реакции.

[4] Вместо различия в концентрации также можно, хотя и с меньшей уверенностью, предположить, что ионы по обеим сторонам границы качественно различны. При этом альтернативном объяснении наш вывод не меняется.

[5] Нернст (Nernst) Вальтер (1864—1941) — немецкий физик и химик, один из основоположников физической химии. — *Ред.-сост.*

окружение пойдет электрический ток[6]. Его распределение, направление, в котором он потечет, представляет большой интерес. Он будет проникать в ограниченную область фигуры, затем широко распространяться по гомогенному окружению и возвращаться, в конечном итоге, к фигуре. Фигура будет окружена токовым «ореолом», который благодаря своему специфическому распределению будет представлять фигуру за пределами ее собственной ограниченной площади. Я склонен верить, что при дальнейшем развитии психофизической теории таким токам будут придавать существенное значение. <...>

Если нервные процессы являются независимыми отдельными событиями, то любой паттерн, который они могут образовать, — не более чем мозаика. Ничто в этой мозаике не соответствует непрерывности видимого поля или выделению таких специфических данностей, как фигуры или вещи.

Макроскопические физические состояния непрерывны. Любой макроскопический физический объект выглядит связанным, потому что его частицы проникают в соседние «области». Происходящие в макроскопическом диапазоне химические реакции также повсюду связаны в силу той же самой причины. Поэтому, если коррелят однородного серого поля зрения — это однородная химическая реакция, простирающаяся в зрительной коре, то связанность или непрерывность являются характеристиками как поля восприятия, так и его психофизического подобия. А теперь давайте рассмотрим белую фигуру, которая зрительно выглядит как отдельная часть поля. Сразу же корковый континуум[7] полностью меняется. Область, соответствующая фигуре, становится одним электростатическим элементом, а окружение — другим. Отсюда не следует, что повсеместная функциональная связанность зрительной коры нарушилась. Напротив, именно функциональная связанность непосредственно приводит к электрическим изменениям внутри и вне фигуры и, следовательно, к разделению двух областей, которые поддерживают друг друга за счет разности потенциалов. Воспользовавшись терминологией, введенной раньше, мы можем сказать, что разделение происходит как результат самораспределения электростатического потенциала[8]. Это выделение одной области из остального коркового поля связано с тем фактом, что фигура феноменально воспринимается сама по себе как единый объект.

---

[6] Электродвижущая сила на границе двух растворов не может вызвать ток, если они не контактируют с третьей средой таким образом, чтобы к первой электродвижущей силе добавились дополнительные. В корковой ткани это условие будет соблюдаться практически всегда.

[7] *Континуум* — непрерывность, неразрывность явлений и процессов. В данном случае имеется в виду непрерывность определенной совокупности процессов, происходящих в коре головного мозга. — *Ред.-сост.*

[8] Те, кто рассматривает «потенциал» как простой конструкт математической физики без конкретного приложения к физической реальности, могут описать те же факты в терминах изменений зарядов поверхностей и их полей, которые появляются, когда химическое состояние в одной области отличается от химического состояния в другой области. Ни один относящийся к делу аспект ситуации не будет изменен этой процедурой. Однако в терминах электрических потенциалов описание выглядит намного проще.

Если вместо белой фигуры однородное поле заслоняет массивный объект того же цвета, то феномен трехмерности образа этого предмета ставит новую психофизическую проблему. За исключением этой проблемы, ситуация существенно не меняется: опять в ограниченной области коры идет одна химическая реакция, а вокруг нее — другая. В результате произойдет выделение одной макроскопической единицы из ее окружения. Каким бы не был коррелят видимой глубины, в психофизическом контексте это будет еще один паттерн, который в самом главном согласуется с соответствующей структурой связанного с ней опыта восприятия.

Ни пятно, ни фигура, ни вещь никогда не возникнут в качестве видимой единицы сами по себе, если отсутствует хоть *какая-то* граница, где изменяется зрительное качество. Резкое падение потенциала в коре, т.е. функциональная граница, является поэтому характеристикой, сопровождающей любое выделение видимых объектов. Хотя мы прекрасно понимаем, как много сложных обстоятельств возникает в каждом конкретном случае, тем не менее, мы можем сформулировать как общее правило то, что выделение специфических макроскопических данностей в более широком континууме есть общая черта зрительного опыта и его подобий в коре.

Непрерывность — это *структурная* характеристика видимого поля. Также *структурной* характеристикой является то, что в этом поле ограниченные специфические образы восприятия выделяются как пятна, фигуры и вещи. В обеих этих характеристиках, как мы полагаем, макроскопический аспект корковых процессов имеет сходство со зрительным опытом. Следовательно, в меру этого сходства видение и его корковый коррелят *изоморфны*. Этот термин уже использовался [нами ранее. — *Ред.-сост.*]. Однако там он касался отношения между организацией зрительного восприятия, с одной стороны, и макроскопической структурной ситуацией в физическом мире — с другой. В этой же главе показано, что между физической структурой и структурой восприятия находится *корковая* структура, которая, как правило, имеет сходство с ними обеими. Например, слон Эддингтона — это макроскопический объект, отдельная данность в физическом мире. Если образ этого животного проецируется на мою сетчатку, корковые процессы в ограниченной области моего мозга непосредственно выделяются как специфическая макроскопическая единица — мой «психофизический слон»; и в моем видимом поле появляется единая феноменальная вещь — образ слона. Три человека идут впереди меня по физической улице как отдельные физические объекты; соответственно существуют три психофизические единицы в моей коре и три образа этих людей в моем видимом поле. Физически, мой собственный организм — это макроскопический объект; я также вижу его как нечто обособленное, т.е. как видение себя, и в моей зрительной коре его коррелят занимает область, в которой он отделен от общего психофизического контекста как макроскопическая структура. Когда организация восприятия не согласуется с фактами физического мира, корковая организация согласуется с восприятием, а не с физикой. Если два объекта, рассматриваемые

ночью и с большого расстояния, время от времени сливаются в одну странную видимую массу, то это значит, что стимуляция, как правило, недостаточно дифференцирована по их общей границе, и в зрительной коре организуется одна большая единица, которая является коррелятом этого странного образа моего восприятия. <...>[9]

Иногда я слышу, что теория психофизического изоморфизма разрабатывается не на деле, а на словах. Как кажется некоторым, не представляет особого труда извлечь из психологических фактов их структурные характеристики и потом описать такие психологические структуры дважды: сначала в психологических терминах, а затем еще раз на языке с бóльшим физиологическим звучанием. Суть этой критики, очевидно, заключается в том, что теория на самом деле не содержит в себе утверждений относительно и физических, и психологических данных; что в действительности в ней представлены утверждения о фактах только с одной-единственной стороны, которые, благодаря использованию двух различных способов выражения, принимают дуалистический вид.

Отвечая на это возражение, мы должны ясно понимать его смысл. В нем говорится не о том, что теория выдвигает необоснованные предположения о психофизических коррелятах феноменальных данных, а о действительном отсутствии таких предположений. С этой критикой я согласиться не могу. По-видимому, она игнорирует тот факт, что основные термины физиологической и физической науки имеют значения, установленные задолго до какой-либо теории психофизического изоморфизма. В течение длительного времени казалось очевидным, что любое сформулированное в таких терминах утверждение не может быть даже аналогом тех утверждений, с помощью которых психологи описывают структуру феноменов. Теория психофизического изоморфизма формулирует утверждения, использовать которые таким образом считалось недопустимым. Но это не просто проделки с языком. В этой теории действительно появляются такие выражения, которые для обсуждения корковых процессов вплоть до настоящего времени никогда не применялись. Однако дело тут не только в языке. Появление новых терминов связано с тем, что отныне в психофизическом функционировании предполагается участие таких аспектов (*phases*) физической природы, на которые в прошлых обсуждениях не обраща-

[9] Далее вплоть до окончания четвертого раздела В. Кёлер пишет о топологической метрике соответствия психофизиологических процессов и структур опыта сознания. Изоморфизм предполагает не геометрическое, а функциональное соответствие. Автор отмечает: «Быть “внутри” или “вовне”, “между”, “в контакте с”, “на расстоянии от” — взаимоотношения, которые в математике называют *топологическими* . От других пространственных отношений они отличаются тем, что в данном случае они могут оставаться инвариантными, хотя метрические качества среды полностью меняются. Видимое поле имеет определенные *метрические* черты, и между его частями существуют метрические отношения. <...> Более полная теория психофизического мира должна включать в себя определенные предписания, согласно которым расстояние и другие количественные аспекты протяженности измеряются в терминах корковых *функций*» (P. 174). — *Ред.-сост.*

ли внимания. Что на самом деле означают заявления о том, что с позиций философского монизма[10] корковые процессы и психологические факты могут быть почему-то «одной и той же вещью»? Практически ничего, если *in concreto* [в конкретном виде (лат.) — *Ред.-сост.*] данные этих двух реальностей выглядят как совершенно различные. Даже положение об изоморфизме, которое является намного более определенным утверждением, — это еще не теория; оно будет постулатом до тех пор, пока мы не сможем указать те виды физической функции, которые обладают подлинной *структурой*. Это не просто новое словесное выражение: утверждение, что в качестве коррелятов феноменальных контекстов выступают макроскопические физические состояния, а не микроскопические события, является положительной гипотезой. Такие макроскопические состояния должны обладать специфическими структурами. И когда мы стараемся показать, что такие состояния происходят, наверное, в корковой ткани, — это опять-таки не просто правдоподобное словесное выражение; мы обсуждаем физиологические факты, которые могут находиться, а могут и не находиться в согласии с нашим физическим предположением.

Положение дел прояснится, если добавить еще одно замечание. Изоморфизм является постулатом. Он становится теорией посредством выдвижения не какой-то одной гипотезы, а целого ряда конкретных предположений. Первое предположение указывает на корковый коррелят видимой непрерывности; вторая гипотеза касается коррелятов видимого разделения; третья — изоморфической представленности топологических отношений в видимом поле; четвертая необходима в случае метрических отношений; пятая — для третьего измерения поля; и так далее для всех доступных различению структурных характеристик мира феноменов.

С другой стороны, наша свобода выдвижения таких гипотез в значительной степени ограничена. Они должны быть не только согласованными с доступными данными физики и физиологии, но и взаимно сочетаемыми. Принцип, согласно которому изоморфизм объясняет разделение, должен быть в гармонии с принципом, согласно которому корковая функция образует континуум. В случае метрических пространственных отношений неприемлема любая из гипотез, противоречащих принципу топологического изоморфизма. Опять же, кто бы ни пытался выявить изоморфический коррелят видимой глубины, он может столкнуться с тем, что для этого ему предоставлено всего лишь несколько возможностей, так как предшествующие предположения устанавливают множество условий, с которыми будущее исследование должно быть согласовано. Можно также себе представить, что в каком-то пункте по ходу исследования для дальнейшего продвижения не останется ни одной возможности. В этом случае теория изоморфизма достигла бы пределов своей

---

[10] *Монизм* — философское учение, признающее основой всего существующего одно начало: либо материю, либо дух. — *Ред.-сост.*

применимости. Я не верю, что так случится на самом деле. Но такая возможность лишний раз говорит о том, насколько далеко эта теория в действительности выходит за рамки обсуждения вопроса выражений.

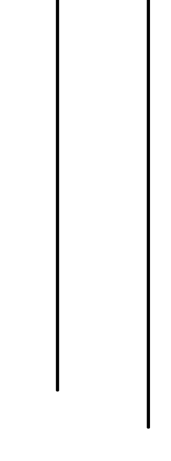
Сделав еще один шаг в теории изоморфизма, мы вновь сталкиваемся с нашей основной проблемой. Согласно феноменологическому анализу, настояние[11] происходит внутри контекстов как специальная форма отношения или зависимости между их частями. До сих пор мы имели дело только с такими взаимоотношениями, которые не зависят от каких-то конкретных свойств объектов или участников этих отношений. Теперь же мы рассмотрим отношения другого рода, а именно те, которые получаются между их участниками, потому что они обладают определенными характеристиками. Настояние принадлежит к этому классу, как может быть его самый интересный особый случай. Следовательно, если бы в принципе оказалось невозможным себе представить, что у любого такого отношения как переживания отсутствует изоморфный коррелят в корковой функции, то же самое было бы верно и для настояния. Таким образом, перед нами открывается хорошая возможность для исследования этой дополнительной проблемы с позиций теории изоморфизма. Естественная осторожность требует для начала исключить факт самого настояния и изучить более элементарные отношения этого класса.

Вкратце отношение можно определить как «продукт» элементов, в которых оно утверждается. Этот особый продукт обладает свойствами, благодаря которым он резко отличается от других вещей, которым мы даем то же самое название. Соляная кислота — это продукт хлора и водорода. При образовании данного продукта эти вещества исчезают, и вместо них мы получаем другое химическое вещество, т.е. определенную данность того же общего класса. Или возьмем немного другой пример: двух животных разного пола. Их детеныша можно считать продуктом, хотя было бы правильнее сказать, что данная молодая особь — продукт соединения мужской и женской зародышевых клеток. В этом случае продуцирующие компоненты также исчезают в продукте, и этот продукт принадлежит к тому же общему классу, что и его компоненты. Если рассматривать вышесказанное как типичные примеры образования продуктов в физическом мире, то можно утверждать, что в образовании продукта в виде отношений в опыте сознания и физических продуктов мало общего: в опыте элементы не исчезают, когда они «продуцируют» какое-то отношение, и это отношение, будучи их продуктом, не является данностью того же самого класса. Верно, что эти элементы при переживании их отношения в известной степени «объединяются». Но все-таки они остаются двумя отчетливо различимыми рядами данных. С другой стороны, само отношение может быть «продуктом» этих элементов, но относится оно к иному классу, о чем наиболее ясно свидетельствует факт отсутствия у него собственной жизни (*по*

---

[11] *Настояние* (requiredness) — свойство явно незавершенного или искаженного гештальта (целостной структуры), заключающееся в том, что он настаивает быть самим собой. Например, настояние проявляется при восприятии окружности с небольшим разрывом. — *Ред.-сост.*

proper life of its own). Когда мы разъединяем элементы, мы не уменьшаем их отношение, а уничтожаем его в целом. Можно ли в природе найти нечто сколько-нибудь подобное?

Рис. 1

Пока сказанное выглядит убедительным. В психологии аспекты опыта, имеющие такие характеристики, хорошо известны как качества Эренфельса[12]. Сам фон Эренфельс подчеркивал, что отношения отвечают каким-то критериям, согласно которым можно установить их «гештальт-качества». Я сомневаюсь, что в природе нет ситуаций, обнаруживающих такие характеристики.

Но сперва позвольте обсудить пример, который я возьму из области восприятия. Посмотрев на две параллельные линии немного разной длины, мы обнаруживаем, что такое предъявление пары этих линий сразу говорит нам: отрезок справа длиннее (рис. 1). *Где* мы это видим? В данном случае мы это видим в верхних и нижних окончаниях линий. Когда мы сравниваем эти линии, то на самом деле они видятся не как две совершенно отдельные вещи, а как левый и правый край области, расположенной между ними. Там, где они заканчиваются, завершается и эта область, хотя никаких отчетливых краев у нее здесь нет. Область расширяется вправо и суживается влево. Иначе говоря, от концов одной линии идут как бы наклоны к соответствующим концам другой линии. Но это эквивалентно утверждению, что линия справа длиннее. Два первых выражения явно ближе к действительному феноменологическому основанию нашего суждения о длине линий. Последняя же формулировка, в большей степени соответствующая обычному способу выражения, имеет более прямое отношение к объектам, интересующим нас в данном случае, а именно к линиям. Все три утверждения указывают на один и тот же существенный факт, хотя и описывают его с несколько различных точек зрения.

Наклоны между окончаниями линий — это эренфельсовские качества данной пары, возникающей как единица восприятия, когда эти линии предъявляются совместно. Расширение и сужение не принадлежат к тому классу фактов восприятия, к которому относятся восприятия линий или их длин. Кроме того, в единице, которую они формируют, сами линии, конечно, не исчезают. Наконец, наклоны между их окончаниями также не обладают независимым существованием; если линии изолировать друг от друга, то не будет ни наклонов, ни расширения, ни сужения. Таким образом, наше описание этого очень простого случая включает в себя все характеристики, присущие воспринимаемым отношениям.

---

[12] Эренфельс (*Ehrenfels*) Христиан фон (1859—1932) — австрийский психолог и философ. — *Ред.-сост.*

Однако наклон — это частный случай «градиента», а градиенты встречаются не только как аспекты восприятий или других феноменальных ситуаций. Физические ситуации обнаруживают градиенты настолько регулярно, что в физике данный термин используют гораздо чаще, чем в психологии. Опираясь на более раннюю теорию, которую я предлагал некоторое время тому назад, фон Лауэнштайн отмечает, что градиенты в психофизических контекстах могут быть коррелятами отношений в восприятии подобных тем, пример которых мы только что обсудили[13].

Что называют градиентом в физике? Примеры скажут нам больше, чем формальные определения. Между двумя объектами с разным электростатическим потенциалом образуется градиент «поля» и при определенных условиях проходит соответствующий электрический ток. Между двумя объектами с разной температурой устанавливается температурный градиент и тепловой ток. Можно сказать, что в том и другом случае различия между двумя физическими состояниями реализуются или функционируют посредством особых событий, которые появляются между ними. Теория фон Лауэнштайна правдоподобно предполагает, что когда два феноменальных факта в некотором отношении различаются, их корковые корреляты будут разными физическими состояниями. Однако в такой среде, как мозговая ткань, не бывает, чтобы два одновременных психофизических процесса выступили как функционально изолированные события. Поэтому между ними может установиться градиент, обязанный своим возникновением различию между этими двумя процессами. Соответственно природе этих процессов и их различию могут быть градиенты различного вида, которые в этой теории считаются коррелятами всех разнообразных отношений, обнаруживаемых в поле восприятия.

Сравнение отношений в восприятии и физических градиентов показывает, что их структуры одинаковы по своему характеру. Можно сказать, что градиент — это «продукт» тех различных физических состояний, между которыми он образуется. Сами состояния в этом продукте не исчезают. Они в известной мере объединяются градиентом и становятся членами более крупного функционального контекста, оставаясь при этом двумя отдельными фактами. С другой стороны, градиент не относится к тому же классу данностей, что и состояния, между которыми он возникает; например, ток — это не объект, не потенциал и не температура. Опять же, градиенты не существуют сами по себе. Градиент полностью исчезает, если изолировать состояния или объекты, между которыми он устанавливается. По-видимому, можно сделать верный вывод, что в природе есть ситуации, которые в форме градиентов представляют те же структурные аспекты, что и отношения в восприятии. Следовательно, градиенты изоморфны этим отношениям. Если бы наблюдатель макроскопических событий в мозге упомянул в своем отчете, что между двумя разными состояни-

[13] См.: *Lauenstein O.* Ansatz zu einer physiologischen Theorie des Vergleichs und der Zeitfehler // Psychol. Forsch. 1932. Bd. 17. P. 130 ff.

ями он обнаружил градиент, зависящий от их различия, то таким образом он указал бы на характерное свойство структуры ситуации, которым совместно обладают какое-то отношение в феноменальном поле и коррелят этого отношения.

Применяя это понятие к психофизическим проблемам, нам не следует в точности и сразу же определять, какие градиенты являются коррелятами всевозможных отношений. Не опираясь на какие-либо предположения такого рода, мы можем вывести из нашей гипотезы одно следствие, которое можно сразу же проверить. Какие бы другие свойства градиент ни имел, данный термин сохраняет свое установленное значение лишь до тех пор, пока с его помощью мы понимаем нечто физически наблюдаемое, которое «ослабевает» в пространстве перехода от одной вещи к другой. Если это так, крутизна любого градиента между двумя данными объектами или состояниями должна зависеть не только от действительного различия между их свойствами, но и от расстояния между ними. Например, увеличение этого расстояния могло бы сделать градиент менее крутым. Вернемся к примеру с двумя параллельными линиями. При условии небольшого различия их длин, область, которую они образуют, расширяется или суживается, т.е. она подобна трапеции, но только в том случае, если расстояние между линиями небольшое. При увеличении расстояния наклоны, идущие от окончаний одной линии к окончаниям другой линии, постепенно становятся все менее и менее заметными, и в конечном счете наблюдатель не сможет их воспринимать. Феноменально данная область превратится тогда в прямоугольник, в фигуру продолговатой формы. Следовательно, объективная разница линий, едва заметная при меньшем расстоянии, перестанет восприниматься при каком-то определенном большем расстоянии. Восстановить в этих условиях возможность видения наклонов можно только путем увеличения объективной разницы длин линий. Едва заметное различие будет в таком случае функцией расстояния между линиями.

Но если гипотеза фон Лауэнштайна верна, тот же самый вывод оказывается применим к подавляющему большинству случаев. Будучи феноменальными аналогами градиентов, все воспринимаемые отношения такого рода должны в диапазоне пороговых различий зависеть от расстояния между элементами этих отношений. Таким образом, это предположение может быть проверено экспериментально. К настоящему времени опубликованы данные исследования только одного специфического отношения, а именно сравнительной яркости (*comparative brightness*). Под руководством доктора Метцгера[14] мисс Джейкобз измеряла едва заметное различие яркости двух поверхностей, предъявляемых на разных расстояниях друг от друга[15].

---

[14] Метцгер (Metzger) Вольфганг (1899—1979) — немецкий гештальтпсихолог, ученик В. Кёлера и М. Вертхаймера. — *Ред.-сост.*

[15] См.: *Jacobs M.* Ueber den Einfluss des phänomenalen Abstandes auf die Unterschiedsschwelle für Helligkeiten // Psychol. Forsch. 1933. Bd. 18. P.109 ff.

Экспериментальная процедура была следующей. Испытуемый фиксировал взгляд на определенной точке. Симметрично, справа и слева от фиксационной точки, одновременно предъявляли два объекта, незначительно отличающиеся по яркости. Едва заметное различие определяли для трех расстояний между объектами. О технических деталях можно узнать из статьи мисс Джейкобз. Основная предосторожность заключалась в выборе таких позиций объектов, при которых их образы проецировались бы на точки сетчатки с одинаковой чувствительностью.

Для группы из 10 наблюдателей средние величины едва заметных различий при расстояниях 10, 80 и 200 см оказались равными соответственно 11.1, 23.5 и 45.2 условных единиц в первом эксперименте и 10.9, 23.5 и 45.3 условных единиц во втором эксперименте, процедура которого была немного изменена. Этот результат полностью согласуется с гипотетическим выводом о том, что градиент — это психофизический коррелят различия в яркости как факта восприятия. При увеличении расстояния между объектами едва заметное различие заметно возрастает. Эксперимент был повторен несколько раз и несколькими студентами. В простых условиях, типа вышеуказанных, получился тот же самый основной результат.

Применяя теорию градиента в данном случае, предполагали, что при прочих равных условиях расстояние между двумя корковыми процессами будет тем больше, чем больше будут разнесены соответствующие этим процессам сетчаточные образы. В экспериментальных условиях, при которых получены результаты этих экспериментов, такое предположение выглядит вполне обоснованным.

Р. Арнхейм

Макс Вертхаймер и гештальтпсихология*

Макс Вертхаймер появился на авансцене американской психологической науки в начале 30-х гг. нашего столетия как заметная и взволновавшая умы фигура. Это было время, когда стало очевидно, что новое поколение ученых принесло с собой глубокие и важные реформы существовавших тогда основных воззрений и научных перспектив в области психологии. Убаюканные точностью приборов, измерений и формул, многие из появившихся ученых-практиков, казалось, не обращали никакого внимания на очевидную бесконечность своих занятий, на исключительную сложность строения мозга, изящную и тонкую согласованность работы всех его отделов, на трепетно вдохновенное таинство мыслительной деятельности человека. Деловые и практичные, они были приучены к деятельности, протекающей по накатанной колее; они привыкли, что от них ждут ответа на конкретно поставленный вопрос, причем сформулированный таким образом, чтобы для получения ответа можно было провести какие-нибудь измерения в контролируемых ситуациях. Эти люди проводили эксперименты, обсчитывали результаты, публиковали их и далее приступали к следующей работе.

Нельзя сказать, чтобы молодых ученых оставило полностью равнодушными обаяние и привлекательность гораздо более опытных и старших по возрасту коллег, на лицах которых, казалось, было навеки запечатлено осознание непостижимого. Самонадеянные утверждения молодых наталкивались на спокойную улыбку, и молодые слушали старого заведующего кафедрой, цитирующего классиков, как слушают дети волшебные сказки из уст взрослых. Они чувствовали, что в его словах таится нечто невыразимо прекрасное и притом странным образом связанное с их непосредственной деятельностью; они понимали, что здесь есть что-то, чего им не хватает и о чем следовало бы поразмышлять — но не сейчас, а в преклонном возрасте или по выходе на пенсию.

---

* *Арнхейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994. С. 42—51.

Отсюда-то и проистекает мощное воздействие личности Макса Вертхаймера на несколько сотен студентов и ученых, которые находились с ним в непосредственном контакте во время его десятилетнего пребывания в Америке[1]. Макс Вертхаймер был человек, который призывал к возможно более полному постижению и отражению мира, причем по возможности наименее механическими способами; все это он представлял себе не как некий идеал, а как следование строгим научным принципам, которые с обязательностью должны применяться на практике. Романтик по натуре, хилый и болезненный, с неконформистскими усами *a la* [на манер (фр.). — *Ред.-сост.*] Ницше[2], Вертхаймер на своем импровизированном английском языке читал лекции выпускникам Новой Школы социальных исследований в Нью-Йорке. Буквально ошеломив слушателей глубиной понимания проблем, он описывал в своих лекциях различные стороны мыслительной деятельности, которым нельзя было дать объяснение исходя из общепринятых процедур. И хотя представление о мире получал человек, и представления эти были весьма слабыми, изучение механизма восприятия потребовало от М. Вертхаймера создания новой и несколько неожиданной науки, к строгости аргументации и системе доказательств которой студенты не привыкли. Отсюда их почтительное отношение к этой науке, сочетавшееся с раздражением и отчаянием.

М. Вертхаймер был одним из трех переехавших жить в США основоположников гештальтпсихологии. Именно благодаря пребыванию этих людей в Америке причудливое название новой теории получило широкую известность в среде американских психологов. Но в какой степени теория и практика были подвержены влиянию этих новых идей? Немецкий психолог Вольфганг Кёлер, поселившийся в Сварфморе, был знаменит своими экспериментами по изучению интеллекта антропоидов и, главным образом, шимпанзе. Однако несмотря на то, что результаты, полученные Кёлером, считались весьма важными, введенные им в обиход концептуальные единицы, такие, как, например, понятие «проникновение» [инсайт. — *Ред.-сост.*], были довольно неудобными, а специальные работы ученого в области психологии решения задач мало кем тогда воспринимались как фрагмент абсолютно нового детально разработанного подхода к психологии вообще. Его книга о гештальтах в физике, изданная в виде отдельной монографии[3], никогда не переводилась на английский, а более поздние эксперименты по исследованию остаточных представлений, возникающих при визуальном восприятии, были опять-таки восприняты как хотя и интересные, но частные результаты, не имеющие широких приложений и не поддающиеся содержательным обобщениям. Третий ученый, входивший в триумвират, Курт Коффка из Смит-колледжа[4], написал классический трактат по гештальтпсихо-

---

[1] М. Вертхаймер эмигрировал в США из Германии в 1933 г., спасаясь от возможных нацистских преследований. — *Ред.-сост.*

[2] Ницше (*Nietzsche*) Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

[3] Имеется в виду работа: *Köhler W.* Die physischen Gestalten in Ruhe und im stationären Zustand. Braunschweig, 1920. — *Ред.-сост.*

[4] Знаменитый женский колледж в штате Массачусетс.

логии[5], книгу, насыщенную ценными наблюдениями, фактами и идеями, но настолько трудно читаемую, что содержащийся в ней материал был скорее полезен философам, нежели психологам.

Что же говорится о гештальтпсихологии и о М. Вертхаймере в учебниках психологии? Читая их, студенты узнают, что, согласно теории гештальтов, целое представляет собой нечто большее и отличное от простой суммы своих частей, т.е. перед студентами появляется вполне безобидное утверждение, которое вряд ли производит впечатление революционного или практически полезного. Про Вертхаймера они могут прочесть, что тот начинал свое научное творчество с экспериментов по изучению иллюзорного движения[6] и восприятия зрительных форм. Однако и здесь, как и в случае с Кёлером, ничего не говорится о связи этих занятий с основными идеями и тезисами гештальтпсихологии.

В учебниках можно встретить описание предложенных Вертхаймером правил объединения объектов при восприятии: когда человек смотрит на множество каких-то форм, он воспринимает их как связанные друг с другом в случае, если они похожи по размеру, очертанию, цвету или какой-нибудь еще визуально воспринимаемой характеристике.

Такого рода объединение, по всей видимости, не есть пример гештальтпроцесса; правила группировки объектов составляют по сути лишь первую часть работы, в которой ученый совершил революционный поворот от классической традиционной теории к новому научному подходу. В ней Вертхаймер показывает, что зрительный образ нельзя объяснить лишь *изнутри*, т.е. прослеживанием отношений между отдельными его элементами, как это делается в правилах объединения. Здесь необходимо объяснение, так сказать, *извне*: лишь анализируя всю структуру образа в целом, можно определить место и функцию каждой его части, а также понять природу отношений между частями. Когда студентам рассказывают о работе Вертхаймера про восприятие форм, то им, как правило, ничего не говорят об этом перевороте в традиционном научном сознании, потребовавшем абсолютно новых методов исследования.

Сколь бы разрозненными и предварительными ни были правила группировки объектов при восприятии, можно показать, что они включают в себя основной признак гештальтподхода, а именно, оценку внутренней структуры наблюдаемой ситуации. Макс Вертхаймер считал, что правила группировки — это не просто правила, навязанные хаотической совокупностью форм и носящие произвольный характер. Скорее наоборот, сама совокупность форм, их

---

[5] Здесь имеется в виду работа: *Koffka K.* Principles of Gestalt Psychology. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., Ltd. N.Y.: Harcourt, Brace and Co., 1935. — *Ред.-сост.*

[6] *Иллюзорное* (или кажущееся) *движение* — если последовательно предъявить два кратковременных неподвижных стимула (напр. две точки), то при определенном интервале и расстоянии между ними мы видим один движущийся стимул (напр., точку); эта иллюзия лежит в основе восприятия кинофильмов; Макс Вертхаймер исследовал это явление на двух испытуемых — Вольфганге Кёлере и Курте Коффке, что и послужило началом гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

объективные свойства предопределяют признаки и характеристики результирующих групп, создаваемых разумом наблюдателя.

Такое отношение к структуре физического мира, когда тот соприкасается с нервной системой человека, впервые было выделено гештальтпсихологами, намеренно противопоставившими свою концепцию субъективизму британской эмпирической философии, на которой была воспитана большая часть американских психологов. В соответствии с традицией философии эмпиризма вся чувственно воспринимаемая информация о внешней среде сама по себе является некоей аморфной массой, простой совокупностью случайных единиц. Только разум реципиента — человека или животного — связывает эти единицы вместе отношениями, установленными в далеком прошлом. В результате объединение единиц на основе их частого совпадения в субъективном пространстве и во времени становится доминантным объяснительным принципом в американской школе экспериментальной психологии.

Очевидно, что две противоборствующие теории исходили из противоположных взглядов на мир. Одна из них гордо утверждает приоритет суждений и воззрений человека над окружающей средой, другая, явно раздраженная таким эгоцентризмом[7], считает, что цель и назначение человека состоят в том, чтобы найти свое скромное место в мире и, опираясь на мировой порядок, определить свое поведение и отыскать пути к познанию мира. В социальной сфере гештальттеория требовала от граждан, чтобы они выводили свои права и обязанности, исходя из объективно установленных функций и потребностей общества. Таким образом, и здесь прочно укоренившийся индивидуализм англосаксонской традиции, подозрительное отношение к централизованной власти и к планированию сверху были безоговорочно отброшены научным подходом, который иногда, под горячую руку, обвиняли даже в тоталитаризме[8].

Одним из самых любимых слов в лексиконе Вертхаймера, бросающих вызов противникам эпитетов, было слово «слепой».

Он относил его к эгоцентричному, бесстрастному, бесчувственному поведению, к полной невосприимчивости «требований ситуации» (еще один ключевой термин гештальтпсихологии). Анализ поведения — обычная тема уникальных, обособленных занятий Вертхаймера, тема, относящаяся к его исследованиям структуры восприятия и творческого мышления; это также тема научных трудов его учеников из Новой Школы. Приведу три примера таких работ. Один из ассистентов Вертхаймера, Соломон Е. Аш[9], разработал теорию социальной психологии, призванную сменить дихотомию «индивид—группа»

---

[7] *Эгоцентризм* — крайняя форма индивидуализма и эгоизма; воззрение, ставящее в центр мироздания индивидуальное «я» человека. — *Ред.-сост.*

[8] *Тоталитаризм* — здесь подразумевается сочувствие к тоталитарным формам государства, т.е. к правлению, характеризующемуся полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества, репрессиями в отношении инакомыслящих и оппозиции, фактической ликвидацией конституционных прав и свобод. — *Ред.-сост.*

[9] Аш (Asch) Соломон (1907—1996) — американский психолог польского происхождения. — *Ред.-сост.*

интегральным подходом к социальному взаимодействию и его внутренней динамике. Студент из Китая Гуан-Иен Ли изучал даосистское понятие не-воли [не деяния. — *Ред.-сост.*] (wu-wei) как философскую доктрину, раскрывающую, как может человек достичь состояния гармонии с космическими или общественными силами. Третий ученик Вертхаймера, Эйбрахам С. Лачинз[10], проводя экспериментальное исследование стойкости и твердости человека, показал, что наличие заранее фиксированного множества психических единиц мешает человеку искать именно то решение проблемы, на которое указывают определенные свойства проблемной ситуации.

Сам Вертхаймер несколько своих последних работ посвятил философскому анализу категорий этики, ценности, свободы и демократии, указывая каждый раз на различие между своевольным личным предпочтением и объективными требованиями ситуации. Все эти объективные характеристики, однако, не следует искать только вовне, в физической реальности; их можно также найти в физиологической и умственной деятельности каждого человека. И нервная система, и сознание, будучи частями мира человека, вносят свой вклад и навязывают свои ограничения; их не следует путать с обычными субъективными преференциями [предпочтениями. — *Ред.-сост.*]. Например, то, каким способом человек может зрительно воспринять данный рисунок, зависит от: а) стимульной конфигурации объектов на рисунке и б) организующих способностей нервной системы, т.е. от факторов, отличных от проявлений интересов наблюдателя, его прошлого опыта и капризов выбора.

Здесь явно чувствуется нетерпимое отношение к индивидуальным различиям между людьми, что на самом деле было характерно для гештальтпсихологов. Такое отношение не вызвало протеста со стороны бихевиористов, но, видимо, разочаровало тех американских психологов, интересы которых концентрировались на генетических, социальных и медико-клинических аспектах личности с четко выраженным акцентом на характере отдельного индивида и его потребностях. Гештальтпсихологию интересует прежде всего «человеческая натура» — как человек воспринимает мир, как он растет и развивается, каков его механизм понимания и т.п.

Вертхаймер подошел к психологии не только как ученый-теоретик, исследующий общие закономерности функционирования науки, но и как поэт, воспевающий человечество. Легко показать, что основным импульсом к созданию новой науки явилось внимание Вертхаймера к природному, одушевленному и вместе с тем к органическому, неодушевленному. Отсюда понятен его протест против «атомизма», т.е. расчленения целостных объектов на отдельные элементы, а также против весьма претенциозных утверждений, будто целое построено в результате суммирования частей. Только после того как были отвергнуты казавшиеся ясными и удобными традиционные методы анализа, обнаружилось, что природные объекты не являются аморфными сущностями, что они

---

[10] Лачинз (*Luchins*) Эйбрахам С. (1914—2005) — американский гештальтпсихолог, ученик и коллега М. Ветхаймера. — *Ред.-сост.*

обладают внутренней структурой со свойственной ей динамикой и даже объективной красотой. Таков был закон «хорошего гештальта», сформулированный Вертхаймером в противовес доктрине субъективного объединения единиц.

Основной закон гештальтпсихологии отражает борьбу, которую ведут физические и психические элементы за самую простую, самую правильную и симметричную структуру, достижимую в данной ситуации. Стремление к образованию такой структуры наиболее отчетливо видно на примере зрительного восприятия, но оно в такой же степени проявляется и в тенденции к ослаблению напряженности в мотивации. По мнению гештальтпсихологов, эта важнейшая особенность человеческой психики отражает также тенденцию, свойственную нервной системе. Кроме того, как показал Кёлер, эта борьба характерна и для физических процессов. Исторически основной закон гештальтпсихологии соотносится непосредственно с законом увеличения энтропии в термодинамике, однако их родство уже не столь очевидно в случае, когда закон гештальтов описывается как отражающий стремление к порядку, а закон роста энергии — как отражающий стремление к беспорядку, хаосу.

Борьба за «хороший гештальт» как закон природы касается прежде всего отдельных наблюдаемых фактов, однако состояние максимальной упорядоченности объектов в системе тоже дает определенные преимущества. Например, в процессе зрительного восприятия рисунка, как только был воспринят и понят самый простой из имеющихся вариантов, он оказался более устойчивым, чем другие, в нем оказалось больше смысла, с этим вариантом легче было обращаться. Аналогично, в состоянии согласованного, соразмерного, гармоничного порядка намного лучше функционируют человеческая психика, команда игроков, да и общество в целом. Именно к такой оценке пришел Макс Вертхаймер. В природе он находил стремление к равновесию, порядку, добродетели. Вертхаймер считал, что такое стремление заложено в основных жизненных импульсах человека, даже когда последние изрядно испорчены искажениями, навязанными культурой или непродуктивными церебральными нарушениями. В своей основе человек хорошо организован и потому отвечает своему назначению (т.е. находится в надлежащей для адекватного функционирования форме) — ведь хорошая организация — это состояние, достичь которого стремятся все естественные системы. По этой причине Вертхаймер не любил людей, получающих удовольствие от разных трюков и замысловатых конструкций, порожденных их изощренными умами; он всегда также нападал на философов и психологов, утверждавших, что эгоистические наслаждения и склонность к разрушению являются основными побудительными мотивами жизнедеятельности человеческой натуры. Его отвращение к психоанализу бесспорно окрашено личными чувствами, хотя можно сказать, что в каком-то смысле Фрейд и Вертхаймер преследовали одни и те же цели: один пытался воздействовать на разум, исправляя отклонения во врожденных инстинктах человека, другой хотел восстановить в людях врожденное, но с трудом управляемое ощущение гармонии и гармоничного функционирования.

Таким образом, высказывания Вертхаймера как психолога были инспирированы оптимизмом и доверием к людям, и это было его кредо[11], выразившееся в теоретическом учении. Вертхаймер утверждал, что в нашем мире все предметы именно такие, какими они кажутся, что внешне и внутренне, поверхностно и по сути они связаны друг с другом. Поэтому можно считать, что ощущения передают истинную информацию о мире, если, конечно, только очистить их от всякого рода вторичных наслоений и деформаций. Отсюда его любовь к музыке, живописи, где, по определению, властвует мудрость чувств.

В 1940-х гг. в доме Вертхаймера в Нью-Рочел (штат Нью-Йорк) мне довелось быть свидетелем жаркого спора между хозяином дома и одним из его старых друзей, искусствоведом Полом Франклом. Франкл был убежден, и совершенно справедливо, что для понимания композиции типично западного произведения живописи необходимо рассмотреть его проекцию на фронтальную плоскость. Это утверждение возмутило Вертхаймера, полагавшего, что ничем не испорченные люди воспринимают только естественную трехмерную глубину картины. Думать, что люди обращают внимание на какую-то неестественную оптическую проекцию лишь затем, чтобы притвориться, что они в действительности воспринимают мир не наивно, означает бросить тень на человека. Эта сердитая реплика напоминает атаку, предпринятую Гёте[12] на открытие Ньютоном природы белого цвета (который, вопреки тому, что воспринимают глаза, состоит из нескольких цветов спектра).

В представлении Вертхаймера имеется образ идеального человека, известного нам по европейской литературной традиции (Персифаль, Симплициссимус, Кандид, князь Мышкин, бравый солдат Швейк)[13] — этакий непритязательный герой, чья детская непосредственность и невинность будоражат мысль, обнажают чувства, обескураживают, забавляют, взывают к благородству. В эссе о природе свободы («A Story of Three Days») Вертхаймер писал: «Насколько поразному воспринимают люди контрдоводы, насколько различно ведут они себя, сталкиваясь лицом к лицу с новыми фактами! Одни встречают факты прямо, непредубежденно, открыто, рассматривают их объективно, должным образом принимая их во внимание, другие же решительно неспособны так относиться к новым данным или доказательствам: они остаются к ним глухи и непреклонны, не в состоянии отказаться от догм, не могут воспринять новые факты и доводы, а если и делают это, то лишь для того, чтобы позже уклониться от них или по-

---

[11] *Кредо* — убеждения, взгляды, основы мировоззрения. — *Ред.-сост.*

[12] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[13] *Персифаль* — герой куртуазного эпоса, образующего одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях; *Симплициссимус* — герой одноименного романа Гриммельсгаузена, простодушный бродяга, в эпоху разрушительной 30-летней войны ведущий жизнь, полную горестных и веселых приключений; *Кандид* — герой одноименной философской повести Вольтера; князь *Мышкин* — главный герой романа Ф.М. Достоевского «Идиот»; бравый солдат *Швейк* — главный герой сатирического романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». — *Ред.-сост.*

просту их избежать — они абсолютно не способны смотреть фактам прямо в глаза. Эти люди не могут смотреть на все эти доводы и факты, как смотрел бы на них свободный от предрассудков человек, они остаются рабски покорными и скованными перед ними». Среди читателей всегда находились такие, кто реагировал на эти слова Вертхаймера, как Аглая Ивановна у Достоевского, прятавшая письмо князя Мышкина в свой экземпляр «Дон Кихота».

Макса Вертхаймера, однако, никак нельзя называть бесплодным мечтателем. Его духовными предшественниками были Спиноза[14] и Гёте. От Спинозы Вертхаймер унаследовал представление о том, что мудрость и порядок не навязаны природе извне, а присущи ей внутренне. Большое влияние оказала на него и мысль Спинозы, что психическое и физическое существования являются двумя сторонами одной реальности и взаимно дополняют друг друга. У Гёте он заимствовал убежденность в цельности перцепта (= объекта восприятия) и концепта (= объекта познания), в единстве и взаимодополнительности наблюдения и идеи, поэтического вдохновения и научного исследования; как и Гёте, Вертхаймер гордился своей преданностью неустанной экспериментальной работе.

Частенько он строил свои рассуждения и доказательства по образцу геометрического подхода, взятого от Спинозы; он любил алгебраические формулы и наполнял свои работы тысячью замечаний, которые у него были обычно исключительно лапидарными[15].

Ответственность за окончательную редакцию своих трудов всякий раз причиняла ему неимоверные страдания, и в результате единственное более или менее полное изложение теории — книга «Продуктивное мышление» — была, выпущена <...> лишь за несколько недель до смерти в 1943 г., после приблизительно двадцати лет подготовки к печати[16]. Хотя его постоянные обращения к богатству и красоте природных объектов, казалось, обещали ленивому читателю отдых от научной строгости, ученый был крайне непримирим, вплоть до жестокости, к тем своим ученикам и коллегам, которые затушевывали проблемы и жертвовали верификацией[17] своих научных утверждений ради убаюкивающего псевдопоэтического красноречия. Вертхаймер был строг по отношению к себе и не менее строго и критично подходил к работам своих учеников.

Макс Вертхаймер любил Америку. Сын древней Праги, он нашел в молодой культуре Нового Света творческую свежесть, которую сам проповедовал всю свою жизнь. Ему нравилась стихийная изобретательность молодых людей и неиспорченное воображение женщин. Однако его постоянно раздражала и возмущала эгоистичная политика Америки и социальная несправедливость, ибо эти пороки бросали тень не только на страну, приютившую его, но и на образ, которому он всегда поклонялся и как ученый и как человек.

---

[14] Спиноза (*Spinoza, d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

[15] *Лапидарные* — написанные в предельно сжатом, кратком и выразительном стиле. — *Ред.-сост.*

[16] Рус. пер. см.: *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.: Прогресс, 1987. — *Ред.-сост.*

[17] *Верификация* — проверка истинности теоретических положений опытным путем. — *Ред.-сост.*

6 *Современное состояние и тенденции развития психологии*

Б.Ф. Скиннер

Что произошло с психологией как наукой о поведении?*

Едва ли существует нечто более знакомое, чем человеческое поведение. Мы постоянно находимся в ситуации, где происходит поведение хотя бы одного человека. И нет ничего важнее поведения, будь то поведение наше собственное или поведение тех людей, с которыми мы встречаемся ежедневно, или поведение тех, кто несет ответственность за происходящее во всем мире. Однако поведение — это явно не то, что мы понимаем лучше всего. Согласившись, что поведение, вероятно, самый трудный объект среди тех, которые когда-либо подвергались научному анализу, все-таки приходишь в замешательство от того, что при помощи тех же инструментов и методов, которые оказались столь продуктивными в других науках, сделано так мало. Возможно, корень зла в том, что поведение чаще всего рассматривают не как объективную реальность саму по себе, а всего лишь как выражение или симптом более важных событий внутри субъекта поведения.

Во времена Гомера греки полагали, что знают важные внутренние органы [в которых происходят эти события. — *Ред.-сост.*]. Одним из них было сердце, или *thumos*. Сердце всегда считалось жизненно важным органом (если оно останавливается, человек умирает), но для древних греков сердце, кроме того, было опорным центром таких явлений как голод, радость, страх, воля и мысль. Например, у человека, испытывающего неуверенность в чем-то, должен быть разделенный *thumos*. У нас это может вызвать улыбку, но и мы сами нередко выражаемся точно так же. Вот несколько слов, значение которых может раскрываться, согласно современным толковым словарям, при помощи слова сердце: личность в целом («человек большого сердца»), понимание («читать в сердце»), сочувствие («отзывчивое сердце»), настроение («с тяжелым серд-

---

* *Skinner B.F.* Whatever happened to psychology as the science of behavior? // American Psychologist. 1987. Vol. 42, № 8. P. 780—786. (*Перевод М.В. Фаликман.*)

цем»), искренность («от всего сердца» или «от чистого сердца»), несчастная любовь («разбитое сердце»), смелость («храброе сердце»), преданность («верное сердце») и склонность («по зову сердца»). Конечно, мы не подразумеваем настоящее сердце, но и древние греки, возможно, вовсе не его имели в виду. Главное, что, подобно им, для объяснения того, что человек делает, мы обращаемся к чему-то находящемуся внутри этого человека.

Когда Гален[1] описал анатомию человека и, в частности, нервы, соединяющие головной мозг с органами чувств и мышцами, более детально, стало ясно, что древние греки ошибались. Им следовало бы говорить о головном мозге. Декарт[2] же показал как работой головного мозга и нервов можно объяснить тот вид поведения, который позже назвали рефлексом. Хотя понятие стимула предполагало какую-то внешнюю причину, поиск внутренних причин не прекратился. В течение XIX-го и в начале XX-го вв. рефлексы изучались физиологами. Книга Шеррингтона[3] называлась «Интегративное действие нервной системы» (1906)[4], а у книги Павлова[5] был подзаголовок «Физиологическая деятельность коры головного мозга» (1927)[6].

Конечно, для объяснения большинства видов поведения найти какие-то правдоподобные органы было трудно. Платон[7] и другие исследователи сдались и прекратили свои попытки поиска. В связи с этим стали возможными более вольные домыслы. Например, мы считаем, что видим объект, на который смотрим. Вопреки этому стали утверждать, что мы должно быть видим его внутреннюю копию, потому что, закрыв глаза, мы все еще можем его видеть, а позже даже извлечь из памяти. Далее, чтобы действовать, нам достаточно подумать об этом действии. У нас могут быть намерения, ожидания или идеи и мы имеем дело только с ними. Короче говоря, где-то внутри нашего тела, по-видимому, должен существовать другой субъект, сделанный из вещества иного рода. Философы и психологи 2500 лет обсуждали природу этого вещества, но сейчас и в наших целях, вполне достаточно не без удовольствия привести знаменитое шутливое высказывание, впервые опубликованное в «Панче»[8] в 1885 г.:

---

[1] Гален Клавдий (ок. 130— ок. 200) — римский врач и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[2] Декарт Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[3] Шеррингтон (*Sherrington*) Чарлз Скотт (1859—1952) — английский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1932). — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Sherrington C.C.* Integrative Action of the Nervous System. New Haven, CT: Yale University Press, 1906. [Рус. пер. см.: *Шеррингтон Ч.* Интегративная деятельность нервной системы. М.; Л.: Наука, 1969. — *Ред.-сост.*]

[5] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

[6] См.: *Pavlov I.P.* Conditioned Reflexes: The Physiological Activity of the Cerebral Cortex. L.: Oxford University Press, 1927.

[7] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[8] «Панч» («Punch», Петрушка) — лондонский юмористический журнал. — *Ред.-сост.*

What is Matter? — Never mind.
What is Mind? — No matter[9].

Неважно, сознание или материя, — все равно это находилось внутри человека и определяло, что человек делает.

Ранний бихевиоризм

В теории эволюции вопрос о внутренних причинах был поставлен в иной форме. У животных есть рефлексы и телесные органы, но располагают ли они разумом? Дарвин[10] твердо придерживался положения о непрерывности развития видов и ответил на этот вопрос положительно. Ему и его современникам удалось привести примеры, которые, казалось бы, доказывали его правоту. Но Ллойд Морган[11] не согласился, утверждая, что эти примеры можно объяснить иным образом, а Уотсон[12] совершил следующий шаг в этом направлении, сказав то же самое о людях. Так появилась ранняя форма бихевиоризма.

Пристрастие к внутренним причинам все-таки сохранилось. Возможно, как реакция на явно менталистскую психологию того времени, центральной проблемой бихевиоризма стало существование сознания. Эксперименты проводились для того, чтобы выяснить, смогут ли животные делать все то, что традиционно рассматривали как обусловленное переживаниями и состояниям сознания. Если не смогут, придется признать у них какое-то подобие умственной жизни. Вероятно потому, что вначале Уотсон изучал инстинкты, на место переживаний и состояний сознания он поставил навыки. Он мог бы ограничиться утверждением, что поведение представляет собой инстинкты и навыки, но впоследствии обратился к условным рефлексам, а его коллега Лешли[13], пойдя еще дальше, — к нервной системе. Затем Толмен[14] вернул организму

---

[9] Цит. по: *Bartlett J.* (Ed.) Bartlett's familiar Quotations. Boston: Little, Brown, 1968. P. 810A. [Б. Рассел пишет: «Когда я заинтересовался философией — предметом, который в силу каких-то причин предавался анафеме, — мне сказали, что всю ее можно резюмировать следующим образом: *What is Mind? — No matter. What is Matter? — Never mind.* После 15 или 16 повторений шутка перестала казаться забавной». (*Рассел Б.* Почему я не христианин: Избранные атеистические произведения. М.: Политиздат, 1987. С. 213). А.А. Яковлев в примечании к английскому тексту этой цитаты пишет: «Игра слов. Фраза имеет двойной смысл: 1) Что есть сознание? — это не материя. Что есть материя? — это не сознание; 2) Что есть сознание? — неважно. Что есть материя? — не имеет значения» (там же, с. 327). — *Ред.-сост.*]

[10] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основатель эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[11] Морган (*Morgan*) Конвей Ллойд (1852—1936) — английский зоолог и психолог. — *Ред.-сост.*

[12] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[13] Лешли (*Lashley*) Карл Спенсер (1890—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[14] Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог; см. его тексты на с. 479—499, 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

цель и еще позднее он вмонтировал в него когнитивные карты и гипотезы. Кларк Халл[15] построил сложную систему внутренних процессов, которая, например, в «афферентном нейронном взаимодействии» становилась все более физиологической. Короче говоря, через 3000 лет после гомеровских греков, психологи-менталисты и психологи-бихевиористы все еще и в равной степени всматривались внутрь организма в поисках объяснений его поведения. Можно привести множество других примеров, говорящих о том, что эта привычка глубоко укоренилась.

Радикальный бихевиоризм

Поведение, по-видимому впервые, начали рассматривать в качестве объективной реальности как таковой при изучении низших организмов, поведение которых было слишком простым, чтобы предполагать у них какие-то внутренние процессы, инициирующие его. «Поведение низших организмов» (1906)[16] Г.С. Дженнингза[17], безусловно, является великим классическим трудом, но еще большее значение имеют теоретические и экспериментальные исследования Жака Лёба[18]. Подчеркнув в своем определении тропизмов, что это «вынужденное движение», Лёб тем самым объяснил их без ссылок на внутренние причины. Тем, что следовало изучать, стало поведение «организма как целого»[19]. То же можно сказать относительно изучения более высших организмов.

Столь же важными оказались новые философские представления о науке. Понятия начали определять более точно, в терминах тех операций, из которых они выводились. Влиятельной персоной стал Эрнст Мах[20], особенно благодаря своей «Науке механики» (1915)[21]. Позже подобную линию проводил П.У. Бриджмен[22] в своей «Логике современной физики» (1927 г.)[23]. Бертран Рас-

---

[15] Халл (*Hull*) Кларк Ленард (1884—1952) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Jennings H.S.* The Behavior of the Lower Organisms. N.Y.: Columbia University Press, 1906.

[17] Дженнингз (*Jennings*) Герберт Спенсер (1868—1947) — американский зоолог и генетик. — *Ред.-сост.*

[18] Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог, биолог, активно работавший в области сравнительной психологии. В 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

[19] См.: *Loeb J.* The Organism as a Whole, from a Physicochemical Viewpoint. N.Y.: Putnam, 1916; превосходное изложение научного вклада Леба см.: *Pauly P.J.* Controlling Life: Jacques Loeb and the Engineering Ideal in Bilogy. N.Y.: Oxford University Press, 1987.

[20] Мах (*Mach*) Эрнст (1838—1916) — австрийский физик, философ и психофизик. — *Ред.-сост.*

[21] См.: *Mach E.* Science of Mechanics; a Critical and Historical Account of its Development. Chicago: Open Court Publishing, 1915.

[22] Бриджмен (*Bridgman*) Перси Уильямс (1882—1961) — американский физик и философ, лауреат Нобелевской премии (1946). — *Ред.-сост.*

[23] См.: *Bridgman P.W.* The Logic of Modern Physics. N.Y.: Macmillan, 1928.

сел[24] в «Философии»[25] — книге, как тогда говорили, написанной халтурно, на несколько лет обогнал логических позитивистов[26] и «бихевиористически рассмотрел» ряд психологических процессов.[27] В том же духе была сделана моя диссертация «Понятие рефлекса в описании поведения».[28] Я доказывал, что рефлекс не является чем-то происходящим внутри организма; рефлекс — это закон поведения. Все действительно наблюдаемое — это ответы, определяемые стимулами. Наблюдаемое может быть также функцией таких переменных как обусловливание, мотивация и эмоции, но и эти переменные находятся вне организма. Я назвал их «третьими переменными», однако Толмен впоследствии снова вернул их внутрь и назвал «промежуточными».

Привести соответствующие доказательства мне было нетрудно, потому что условные и безусловные рефлексы составляют лишь незначительную часть поведения более сложных организмов. Однако исследование, проведенное мною в то время, имело широкое значение: окружающая среда не только запускает поведение, но и производит его отбор. То, что последует, в действительности важнее того, что предшествует. Конечно, важная роль последствий в виде вознаграждений или наказаний признана давно. Первые экспериментальные исследования эффектов вознаграждения и наказания были выполнены Торндайком[29]. Когда кошке предоставлялась возможность решать проблему, то в конце концов она находила путь, приводящий к успеху, а все неправильные пути или «ошибки» отсеивались.

Тот же самый процесс я исследовал другим способом. Опираясь на указание Павлова относительно важности управления условиями, я убедился, что все «ошибки», о которых писал Торндайк, устраняются еще до того, как происходит успешный [вознаграждаемый. — *Ред.-сост.*] ответ. Тогда достаточно было одного «подкрепляющего» последствия, чтобы этот ответ сразу и быстро повторился. Я назвал этот процесс оперантным обусловливанием. Торндайк приписывал этот эффект переживаниям удовлетворения и досады, которые находились, конечно же, внутри организма; я же связал усиливающий эффект оперантного подкрепления с его жизненно важным значением для естественного отбора видов.

---

[24] Рассел (*Russell*) Бертран (1872—1970) — английский философ, логик и математик. — *Ред.-сост.*

[25] См.: *Russell B.* Philosophy. N.Y.: Norton, 1927.

[26] *Логический позитивизм* (неопозитивизм) — одно из основных направлений современной философии. Его лидеры и сторонники призывали очистить науку от идеологических, мифологических и метафорических представлений, квазинаучных построений и псевдопроблем. — *Ред.-сост.*

[27] Всестороннее обсуждение бихевиоризма и логического позитивизма см.: *Smith L.D.* Behaviorism and logical Positivism. California: Stanford University Press, 1986.

[28] См.: *Skinner B.F.* The concept of the reflex in the description of behavior // Journal of Genetic Psychology. 1931. Vol. 5. P. 427—458.

[29] Торндайк (*Thorndike*) Эдуард Ли (1874—1949) — американский психолог и лексикограф. — *Ред.-сост.*

Мой первый вариант экспериментальных условий, в которых устанавливалась связь между окружением, ответом и последствиями, был крайне простым, но уже в книге «Поведение организмов»[30] я привел данные о влиянии более сложных «условий подкрепления»[31]. Свыше пятидесяти лет в лабораториях, рассеянных по всему миру, изучали еще более сложные условия. Большинство исследований проводилось на животных с тем, чтобы охватить более широкий диапазон условий, чем это возможно с испытуемыми-людьми, и чтобы избежать «вербального вмешательства»[32].

Однако это вмешательство тоже изучалось. Вербальное поведение отличается от невербального определенными особенностями условий подкрепления. Вербальные стимулы, называемые нами советом, правилами или законами, описывают или подразумевают какие-то условия подкрепления. Люди следуют совету, правилу и повинуются законам по одной из двух, весьма разных причин: либо их поведение подкрепляется прямо, благодаря своим последствиям, либо они ведут себя соответственно лишь описаниям условий. Как и почему они ведут себя соответственно этим описаниям, необходимо также объяснить, опираясь на анализ условий вербального подкрепления.

К тому же благодаря лучшему пониманию вербальных условий оперантный анализ распространился на две важные области психологии. Первая — самонаблюдение. Наш анализ не «пренебрегает сознанием» и в то же время не возвращает его в науку о поведении; он просто изучает тот путь, по которому условия вербального подкрепления приводят к тому, что *личные, скрытые от всех* события[33], которые мы называем интроспективными, управляют поведением. Основание для наблюдения и припоминания своего поведения и управляющих им переменных появляется только тогда, когда нас спрашивают, что и почему мы сделали, делаем или собираемся сделать. Любое поведение людей, как и животных, бессознательно; оно становится «сознательным», когда вербальное окружение предоставляет условия, необходимые для самонаблюдения. («Сознательным» или «бессознательным» может быть, конечно же, человек, а не его поведение.) Другие вербальные условия порождают поведение, называемое самоуправляемым или мышлением, в котором проблемы разрешаются

---

[30] См.: *Skinner B.F.* The Behavior of Organisms. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1938.

[31] *Условия подкрепления* (contingencies of reinforcement) — обстоятельства или правила, определяющие, какой из ответов и каким образом подкрепляется. — *Ред.-сост.*

[32] *Вербальное вмешательство (контаминация)* (verbal contamination) — смешение (контаминация) в одном чего-то разнородного, в данном случае, стимулов двух видов — физических и речевых (вербальных). К ряду физических стимулов как бы подмешиваются словесные. Отсюда возможен буквальный перевод — «словесное загрязнение». Негативный оттенок значения этого термина появляется и уместен только в плане экспериментальной психологии научения. — *Ред.-сост.*

[33] *... личные, скрытые от всех события* (private events) — здесь автор имеет в виду процессы осознания своих действий и результаты этого осознания (традиционно — содержания сознания), недоступные внешнему наблюдению. — *Ред.-сост.*

путем манипулирования условиями (как при решении практической задачи) либо правилами (как при «рассуждении»).

Большая часть сказанного — это, на данный момент, только интерпретация, но такова обычная научная практика. Астрономы интерпретируют волны и частицы, попадающие на Землю из внешнего пространства, опираясь на данные, полученные в контролируемых условиях, например, в лаборатории физики высоких энергий. Подобным же образом и мы используем результаты экспериментального анализа, чтобы объяснить поведение, которое, по крайней мере сейчас, невозможно изучать экспериментально, например, скрытое поведение[34] или поведение, наблюдаемое от случая к случаю в повседневной жизни.

Традиционное пристрастие к внутренним объяснительным посредникам разбивает поведение на фрагменты. Например, психофизики исследуют влияния стимулов, но только до того пункта, в котором, как они предполагают, стимулы воспринимаются каким-то внутренним посредником. Психолингвисты регистрируют изменения количества слов или длины предложений, произнесенных ребенком за определенное время, но, как правило, не отмечают того, что произошло, когда этот ребенок услышал сходные слова и предложения, или последствий того, что они были произнесены им. Психологи изучают вербальное научение, предлагая своим испытуемым запоминать и воспроизводить бессмысленные слоги, но из самого слова *бессмысленные* становится ясно, что переменные, управляющие поведением, их совершенно не интересуют. В начале или прекращении поведения каким-то образом участвует некая внутренняя сущность или внутренний процесс. Ощущения изучает один психолог, поведение — другой, а переход между ними — третий. Наш экспериментальный анализ поведения собирает этого Шалтая-Болтая[35] заново в исследовании сравнительно целостных эпизодов, изучая в каждом из них историю подкрепления, текущее окружение, ответ и подкрепляющее последствие.

Большинство фактов и даже некоторые законы, открытые психологами, которым могло показаться, что они, кроме того, обнаруживают что-то внутреннее, тем не менее остаются полезными. Например, мы можем согласиться с тем, что говорят психофизики относительно ответов на стимулы, но не с тем, что они выявили математическую связь между психическим и физическим миром. Мы можем согласиться с большинством фактов, полученных когнитивными психологами, не принимая на веру то, что их испытуемые перерабатывают информацию и припоминают представления и правила. Мы можем согласиться с тем, что происходит, когда испытуемые отвечают на описания условий подкрепления, но отметаем мнение, что они «субъективно оценивают ожидаемые выгоды».

---

[34] *скрытое поведение* (covert behavior) — поведение, недоступное простому внешнему наблюдению. Например, наблюдение мышления как формы поведения (разговора с самим собой, по Дж. Уотсону) требует регистрации микродвижений связок голосовой мускулатуры. — *Ред.-сост.*

[35] Шалтай-Болтай — герой детских стихов; человек-яйцо, падающий и разбивающийся вдребезги. — *Ред.-сост.*

В отношениях между анализом поведения как такового и физиологией нет проблем. Каждая из этих наук располагает инструментами и методами, соответствующими своей части эпизода поведения. Пробелы в поведенческом объяснении неизбежны. Стимул и ответ разнесены во времени и пространстве. Так, например, подкрепление, данное сегодня, может быть отделено от подкрепляемого поведения, которое произойдет завтра. Эти пробелы можно заполнить только с помощью инструментария и методов физиологии. Посредством самонаблюдения их заполнить невозможно, потому что ощущающих нервов, идущих к соответствующим частям головного мозга, не существует.

За полстолетия экспериментальный анализ поведения как функции переменных окружения и его применение для объяснения и изменения поведения распространились во всем мире и проникли во все области традиционной психологии. И все-таки они оказались психологии не по нраву[36]. Спрашивается — почему? Наверное, мы найдем ответы, если рассмотрим три труднопреодолимых препятствия, стоящих на пути экспериментального анализа поведения.

Препятствие первое: гуманистическая психология

Выводы, к которым приходит наш анализ поведения, у многих вызывают возмущение. Традиционное направление взаимодействия организма и окружения выглядит перевернутым. Вместо того, чтобы сказать, что организм смотрит, обращает внимание, воспринимает, «перерабатывает» или как-то еще воздействует на стимулы, оперантный анализ утверждает, что стимулы, посредством той роли, которую они играют в условиях подкрепления, берут на себя управление поведением. Вместо того, чтобы сказать, что организм сохраняет копии тех условий подкрепления, с которыми он столкнулся, а затем восстанавливает эти копии и отвечает на них снова, оперантный анализ утверждает, что организм изменяется этими условиями подкрепления и позже отвечает как измененный организм, а сами эти условия остаются в прошлом. Окружение берет в свои руки то управление, которое прежде приписывали какому-то внутреннему созидателю-посреднику.

В таком случае некоторые, издавна вызывающие восхищение особенности человеческого поведения, оказываются под угрозой. Следуя примеру теории эволюции, оперантный анализ заменяет созидание на изменчивость и отбор. Отныне не требуется никакой созидающей психики, плана, цели или целевой направленности. Мы говорим, что видоспецифическое поведение эволюционировало *не с целью, чтобы* данный вид смог адаптироваться к своей

[36] Иначе говоря, оказались не впору, не к лицу (или не по нутру?) современной психологии. — *Ред.-сост.*

среде, а *когда уже* он адаптировался, точно так же мы говорим, что оперантное поведение усилилось *не с целью, чтобы* индивид смог приспособиться к своему окружению, а *когда* он приспосабливается (где «адаптироваться» и «приспособиться» означает «вести себя эффективно в отношении чего-либо»).

Свержение с трона некоего созидателя-посредника, по-видимому, угрожает свободе личности (можем ли мы быть свободными, будучи управляемыми окружением?) и ее достоинству (можем ли мы ставить себе в заслугу наши достижения, если они суть не более чем эффекты обстоятельств?). Так же угрожающе это выглядит для этических и религиозных учений и государственных структур, которые утверждают, что люди несут ответственность за свои поступки. На кого же или на что можно возложить эту ответственность, если неэтичное, распутное и противоправное поведение происходит в результате наследственности или личной жизненной истории? Именно в этих направлениях гуманистические психологи атаковали науку о поведении. Подобно креационистам[37], нападавшим на светских гуманистов (вместе с гуманистами иного толка), они нередко ставят под сомнение содержание и подбор учебников, назначение на должность преподавателей и администраторов, структуру учебных планов и распределение фондов.

Препятствие второе: психотерапия

Определенные запросы некоторых помогающих профессий[38] — это еще одно препятствие на пути научного анализа поведения. Психотерапевтам необходимо беседовать со своими клиентами и, за редким исключением, они говорят на повседневном языке, весьма нагруженном ссылками на внутренние причины. Например: «Я поел, потому что был голоден» или «Мне удалось это сделать, потому что я знаю, как это делается» и т.д. Конечно, все области науки стремятся к тому, чтобы говорить на двух языках. На одном языке ученые разговаривают со случайными знакомыми, и на другом — с коллегами. В такой сравнительно молодой науке как психология использование обычной речи может вызвать замешательство. Сколь часто бихевиористы слышали: «Вы только что сказали — это пришло мне на ум — а я-то думал, вам нельзя ссылаться на какой-либо ум». Прошло много времени с той поры, когда некто мог поддеть физика, сказавшего: «Этот письменный стол сделан из сплошного массива

---

[37] *Креационисты* — сторонники религиозного учения о сотворении мира Богом из ничего. — *Ред.-сост.*

[38] *Помогающие профессии* — практические специализации, направленные на оказание разнообразной (медицинской, социальной, психологической) помощи человеку. Здесь автор имеет в виду самый большой отряд американских психологов-практиков, работающих в рамках психоанализа, и, возможно, практики психологического тренинга и консультирования, основанные на идеях и методах гуманистической психологии. — *Ред.-сост.*

дуба», возражением: «А я-то думал, вы считаете, что вещество — это по большей части пустое пространство».

Наличие двух языков ставит перед психологией особую проблему. То, что мы переживаем, когда голодны или когда знаем, как что-то сделать, — это состояния наших тел. Достаточно надежными способами их наблюдения мы не располагаем, а у тех, кто нас учит наблюдению этих состояний, как правило, никакого способа нет вообще. Например, нас учат говорить «я голоден» люди, которым, возможно, известно только то, что мы не ели в течение долгого времени («ты сегодня не завтракал и, значит, ты голоден»), или люди, что-то заметившие в нашем поведении («ты ешь с такой жадностью, значит, ты голоден»). Таким же образом нас учат говорить «я знаю» люди, которые, возможно, всего лишь видели, как мы что-то делали («о, ты знаешь, как это делать!»), или те, которые, рассказав, как надо что-то сделать, затем говорят: «Теперь ты это знаешь». Беда в том, что субъективные состояния весьма редко коррелируют с данными внешнего наблюдения.

Однако в целом ряде случаев ссылки на субъективные события вполне достаточны, чтобы они оказались полезными на практике. Когда мы готовим товарищу еду, мы вряд ли спросим его: «Сколько времени прошло с того момента, когда ты поел последний раз?» или: «Может быть, ты съешь бóльшую порцию?» Мы просто спросим: «Ты очень голоден?» Если приятель везет нас в какое-то учреждение, мы вряд ли спросим его: «А ты бывал там раньше?» или: «Тебе кто-нибудь рассказал, где это находится?» Вместо этого мы спрашиваем: «Ты знаешь, где эта контора?» Быть голодным и знать пункт назначения — это состояния тела, получающиеся в результате последовательностей событий, когда-то происшедших с данным субъектом, и единственным общедоступным свидетельством этих событий может быть то, что о них сказано. Однако количество съеденного определяется историей отсутствия питания, а не тем, как себя чувствует лишенное пищи тело, и доедет ли человек до места назначения определяется тем, ездил ли он туда раньше, или говорилось ли ему, как туда проехать, а не данными самонаблюдения эффектов этих событий прошлого.

Психотерапевт должен расспрашивать людей о том, что с ними случилось, и как они себя чувствуют, потому что отношение доверия между ним и клиентом не допускает прямого исследования. (Иногда утверждают, что припоминаемое человеком может оказаться более важным, чем происшедшее с ним в действительности, но это верно только когда случилось что-то еще, о чем было бы лучше получить независимые наблюдения.) И хотя использование сообщений о переживаниях и состояниях психики может быть оправдано по практическим причинам, их применение для построений теории никак не оправдано. Соблазн, однако, велик. Психоаналитики, например, специализируются на переживаниях. Вместо того чтобы исследовать, как жил их пациент раньше или провести наблюдение за ним в кругу семьи, друзей и коллег, они расспрашивают его о том, что же с ним случилось и как он переживает проис-

шедшее. Поэтому не удивительно, что они просто обязаны сочинять свои теории в терминах воспоминаний, переживаний и состояний психики и заявлять, что нашему анализу поведения в терминах событий окружения не хватает «глубины».

Препятствие третье: когнитивная психология

Было бы интересно построить кривую, показывающую частоту использования слова «когнитивный» в психологической литературе. Ее начальный подъем, наверное, стал бы заметен около 1960 г. и затем она пошла бы вверх с положительным ускорением по экспоненте. Есть ли сегодня хоть одна область психологии, в которой что-то, как это может показаться, не завоевано всего лишь путем добавления этого очаровательного прилагательного к тому или иному существительному? Объяснить эту экспансию можно без особого труда. В период нашего становления психологами нас учили новым способам описания поведения человека. Не будучи «бихевиористскими», они бы вряд ли отличались от старых. На прежние термины был наложен запрет, и если мы их использовали, глаза у преподавателей делались круглыми[39]. Но когда определенные направления как будто бы установили, что прежние способы в итоге могут оказаться правильными, все смогли расслабиться. Психика вернулась в психологию.

Одним из этих направлений стала теория информации, другим — компьютерная технология. Мучительные проблемы, казалось, исчезли как по волшебству. Необходимость детального изучения ощущения и восприятия отпала; можно было просто поговорить о переработке информации. Стало ненужным создание ситуаций наблюдения поведения; можно было просто описать их. Вместо того, чтобы наблюдать, что люди действительно делают, можно было просто спросить, что же они делают чаще всего.

То, что психологи-менталисты[40] обеспокоены таким использованием самонаблюдения, ясно из того безрассудства, с каким они разворачиваются в сторону науки о мозге, требуя от нее объяснить «подлинную суть» восприятий, переживаний, идей и намерений. А исследователи мозга с восторгом принима-

---

[39] Здесь автор, по-видимому, говорит о крайнем удивлении и недоумении, которые в то время вызывали термины из области психологии сознания у его преподавателей и коллег, например, во время экзамена или при обсуждении результатов эксперимента. Психологический словарь любого образованного человека и, тем более, психолога, в то время включал в себя, благодаря чтению превосходной философской, религиозной и художественной литературы, множество подобных слов и выражений. Поэтому, чтобы стать бихевиористом, нужно было научиться выходить за рамки своей культуры, что, по А. Маслоу, характерно для высшего уровня развития личности, т.е. для самоактуализирующихся личностей, к которым, вероятно, можно отнести и самого Скиннера. — *Ред.-сост.*

[40] *Психологи-менталисты* — т.е. психологи, считающие, что поведение человека невозможно понять и объяснить без привлечения субъективных явлений психики (*mental phenomena*). — *Ред.-сост.*

ют это задание. Полное объяснение какого-то эпизода поведения (например, того, что происходит, когда благодаря подкреплению организм начинает управляться определенным стимулом) выходит за пределы не только сферы современной науки о мозге; такому объяснению не помогло бы и волшебное разоблачение тайны психики. Но психология должна осознавать, что обращаться за помощью к неврологии опасно. Как только вы заявите обществу, что действительный смысл ваших ключевых терминов когда-нибудь объяснит другая наука, вам придется простить его, если оно решит, что пусть именно та, другая наука выполнит эту важную работу.

Когнитивные психологи любят говорить, что «психика — это то, что делает мозг». Но ведь остальное тело, вне всякого сомнения, тоже играет какую-то роль. Психика — это то, что делает *тело*. Это то, что делает *человек*. Другими словами, — это поведение, о чем бихевиористы говорят уже в течение более полувека. Специально выделить какой-то орган, — значит, примкнуть к грекам времен Гомера.

Когнитивные психологи и исследователи мозга организовали новую дисциплину, названную когнитивной наукой[41]. Выглядит она крайне привлекательно. Прочитав одну страницу книжного обзора в «Нью-Йорк Таймс», озаглавленного «Внутри мыслящего животного»[42], мы узнаем, что разделение психики и мозга, представленное разделением психиатрии и неврологии, теперь выглядит расплывчато, что биохимия расскажет нам о депрессии[43], что в сновидениях информация перерабатывается во многом иначе, чем в бодрствующем состоянии, что когнитивная нейронаука объяснила бы забывание имени приятеля не вытеснением[44], а поломкой механизма восстановления следа памяти, что предшественником современных разработок нейронауки был психоанализ, и что квантовая физика предлагает наиболее удобный путь к пониманию отношений между психикой и головным мозгом, а также природы реальности как таковой. Ассортимент сервируемых блюд действительно роскошный, но много ли в них калорий? Конечно, биохимики когда-нибудь поймут то состояние тела, которое

---

[41] *Когнитивная наука* — наименование группы разнородных научных дисциплин, изучающих психику человека. В нее включают когнитивную психологию, нейропсихологию, лингвистику, а также различные направления компьютерного и математического моделирования, разработки искусственного интеллекта и соответствующие разделы программирования, математики и гносеологии. — *Ред.-сост.*

[42] См.: *Restak R.M.* Inside the thinking animal // New York Times Book Review. 1985. January 20. Section 7. P. 1.

[43] *Депрессия* — длительное и устойчивое расстройство эмоциональной сферы человека, характеризуемое переживаниями печали, уныния, грусти и отчаяния, потерей интереса к окружению. Негативное настроение образует ядро т.н. депрессивного синдрома, включающего в себя и определенные нарушения когнитивной и моторной сфер. — *Ред.-сост.*

[44] *Вытеснение* — термин в психоанализе, обозначающий процесс устранения из сознания и удержания в области бессознательного мыслей, образов, чувств и воспоминаний, связанных с удовлетворением запретных влечений. — *Ред.-сост.*

переживается как депрессия (в настоящее время это состояние изменяют, используя биологически активные соединения, которые мы называем наркотиками). Сновидение, конечно, отличается от состояния бодрствования, но вопрос о том, происходит ли вообще какая-то «переработка информации» в том и другом состоянии, по-прежнему остается открытым. Существует ли какая-то разница между «забыванием» и «сбоем восстановления следа памяти», помимо ничем не обоснованной метафоричности последнего выражения? Насколько вероятно то, что неврология в конце концов обнаружит сложный «психический аппарат»[45] психоанализа? Неужели нам следует подождать, пока квантовая физика не сообщит что-нибудь полезное о соотношении психики и головного мозга, не говоря уже о реальности как таковой?

Предпочтение отдают поведению, управляемому правилами (*rule-governed behavior*), а не формируемому условиями подкрепления (*contingency-shaped behavior*). Этим объясняется тот энтузиазм, с которым когнитивные психологи столь же радушно принимают искусственный интеллект[46]. Искусственные организмы, демонстрирующие искусственный интеллект, намного сложнее тех автоматов, которые вдохновили Декарта на создание рефлекторной теории. Однако и те, и другие делают только то, что им велели делать. Построены довольно простые модели, изменяющиеся благодаря определенным последствиям своего поведения и гораздо больше напоминающие настоящие организмы, чем те, которым, как и следовало ожидать, отдают предпочтение когнитивные психологи, а именно моделям, следующим правилам, и в том числе правилам выведения новых правил из старых. Логики и математики в течение столетий занимаются тем, что открывают, составляют и проверяют правила последнего типа. Машины могут выполнить определенную часть работы и, подобно карманному калькулятору, делают ее намного быстрее человека. Математики и логики никогда не давали последовательных и согласованных описаний своей работы именно потому, что старались обнаружить свои «процессы мысли». Если бы удалось создать искусственный организм, делающий то, что делают логики и математики или даже сверх того, что они когда-либо делали, то это было бы лучшим среди имеющихся доказательством, что интуитивное математическое и логическое мышление, каким бы темным оно ни было, — это всего лишь следование правилам. А следование правилам — это поведение.

---

[45] *Психический аппарат* — термин в психоанализе, обозначающий функциональную структуру психики, «пространственная» и временная организация которой не может быть сведена к организации физиологической. — *Ред.-сост.*

[46] *Искусственный интеллект* (artificial intelligence) — научная дисциплина, занимающаяся разработкой сложных компьютерных программ, предназначенных для решения сложных задач познавательного характера. К психологии в большей степени относится направление или подход с позиций искусственного интелекта, целью которого является моделирование познания человека при помощи компьютера. В настоящее время это направление вместе с когнитивной психологией и некоторыми разделами нейрофизиологии образует ядро новой области междисциплинарных исследований — когнитивной психологии. — *Ред.-сост.*

Урон и возмещение

Антинаучная позиция гуманистической психологии, практические запросы помогающих профессий и когнитивная реставрация психики всем своим существом противодействуют определению психологии как науки о поведении. Этому, пожалуй, можно было бы найти оправдание, если бы они добились чего-то более стоящего, но добились ли они чего-либо? Есть ли у них какая-нибудь более адекватная идея предмета психологии? Если судить по психологической литературе, то у них есть либо целый ряд по большей части несовместимых представлений, либо ясных идей нет вообще. Учебники, посвященные введению в психологию, здесь не помогут, потому что авторы, отслеживая, чтобы их книги были доступными для широкого круга читателей, определяют свой предмет как «науку о поведении и душевной жизни» и уверяют, что удовлетворят интерес к любой области психологии. В той же степени сбивает с толку и то, что люди узнают о психологии из средств массовой информации.

Есть ли у них интенсивно пополняющийся массив фактов и закономерностей? Из трех наших оппонентов в качестве экспериментальной науки представляет себя только когнитивная психология. Ее заявления обычно сопровождаются определенным шумным успехом, но выполняет ли она свои обещания? Когда журнал «Психология сегодня»[47] праздновал свою пятнадцатую годовщину, редакция обратилась к десяти ведущим психологам с просьбой перечислить наиболее важные открытия, совершенные за этот период времени. Как отмечает Никлас Вэйд, из этих десяти не нашлось и двух, мнения которых совпали бы в отношении какого-то одного достижения, которое можно было бы назвать собственно психологическим[48]. В журнале «Наука»[49] более двух лет не выходило в свет ни одной психологической статьи, если не считать одного исследования цитирования по памяти, проведенного на людях, перенесших операцию или травму головного мозга, и одной работы, посвященной изучению нейрофизиологических механизмов восстановления следов памяти. Похоже, что редакторы «Науки» уже не считают психологию членом научного сообщества.

---

[47] «Психология сегодня» («Psychology Today») — американский психологический красочно оформленный журнал, рассчитанный на самую широкую аудиторию. Публикует оригинальные статьи и перепечатки-рефераты работ, написанные преимущественно психологами, но, как правило, на темы полемического содержания, волнующие общественность. — *Ред.-сост.*

[48] См.: *Wade N.* Smart apes or dumb? // New York Times. 1982. April 30. P. 28.

[49] «Наука» («Science») — журнал Американской ассоциации распространения науки. Публикует специальные статьи, написанные на доступном образованному читателю уровне и посвященные последним открытиям и новым достижениям по всем направлениям фундаментальной науки. — *Ред.-сост.*

В психологии также не разработано и продуктивной технологии[50]. Представления о внутренних детерминантах поведения мешают и здесь. Статья «Поведение, экономно использующее энергию», опубликованная в журнале «Американский психолог»[51] имеет многозначительный подзаголовок «Трудный путь от информации к действию»[52]. Если вы пойдете по «рационально-экономическому» пути и расскажете людям о последствиях того, что они делают, или того, что они могли бы делать вместо этого, то они вряд ли изменятся. (По вполне обоснованной причине — одной информации недостаточно; люди, как правило, не следуют данному им совету до тех пор, пока подкрепляется выполнение противоположного). Если же, с другой стороны, вы выберете подход «изменения социальных установок», то люди также вряд ли изменятся. Социальные установки — это выводы из того поведения, которое свидетельствует об их наличии, и напрямую они недоступны. Если у себя дома я выключаю лишний свет и неиспользуемые электроприборы, то это происходит не оттого, что у меня есть какая-то «позитивная социальная установка» на сбережение энергетических ресурсов, а потому, что такое поведение влечет за собой подкрепляющее последствие определенного рода. Чтобы склонить людей экономить электроэнергию, необходимо изменить условия подкрепления, а не социальные установки. Прилагать усилия, чтобы пробить «путь от информации к действию», не надо, потому что действительная проблема заключается в действии, а ее решение — в условиях подкрепления.

Будучи неспособной предложить эффективную идею своего предмета, психология не установила и плодотворных контактов с другими науками. Как показано выше, перед неврологами она ставит невыполнимые задачи, а поиск внутренних детерминант только вносит путаницу вместо помощи, которую она могла бы оказать генетикам. Как только вы образуете существительное «способность» из прилагательного «способный», вы попадаете в ловушку. Царская водка обладает *способностью* растворять золото, но химики не станут разыскивать эту способность, а будут исследовать атомарные и молекулярные процессы. Большинство дебатов вокруг наследуемости интеллекта, шизофрении, склонности к правонарушениям и т.д. является следствием концептуализации способностей и черт характера как объяснительных сущностей. Долголетие — «наследуемая черта», но генетики, вместо того, чтобы попытаться приписать ее

---

[50] *Продуктивная технология* (a strong technology) — термин «технология» здесь следует понимать как совокупность специальных методик и приемов прикладных отраслей психологии, направленных на удовлетворение запросов и решение задач образования, медицины, промышленности и т.д. — *Ред.-сост.*

[51] «Американский психолог» («American Psychologist») — главный журнал, официальное периодическое издание Американской психологической ассоциации (общества психологов США). Публикует обзорные статьи, полемические выступления и доклады ведущих психологов всех специализаций, а также материалы информационного характера. Данная работа Б.Ф. Скиннера вышла именно в этом журнале. — *Ред.-сост.*

[52] См.: *Costanzo M., Archer D., Aronson E., Pettigrew T.* Energy conservation behavior: The difficult path from information to action // American Psychologist. 1986. Vol. 41. P. 521—528.

какому-то гену, будут изучать процессы, влияющие на продолжительность жизни. Генетику поведения можно изучать гораздо более прямым образом, а именно путем интербридинга [т.е. скрещивания особей разных пород. — *Ред.-сост*] данного вида и исследования различий в способах поведения их потомства в контролируемых лабораторных условиях.

Психология практически бесполезна и для таких «наук о поведении», как социология, антропология, лингвистика, политология и экономика. Они располагают своими специальными словарями, но если выходят за их пределы и «не занимаются легким флиртом» с прагматизмом[53], марксизмом[54], психоанализом и т.п., то пользуются обыденным языком со всеми ссылками на внутренние причины. Обычно их данные более объективны, чем психологические, но малообоснованные объяснения все еще процветают и там.

За пределами современного радиуса действия всех наук лежит проблема, которую без риска не может игнорировать ни одна из них, а именно — проблема будущего мира. Каждый из трех наших «оппонентов» имеет свои основания для пренебрежения этой проблемой. Гуманистические психологи не хотят ради будущего пожертвовать чувствами свободы и достоинства. Когда же психологи обращаются к переживаниям и состояниям психики — когнитивные в теоретических целях, а психотерапевты в практических — то придают особое значение происходящему здесь и теперь. Изменение поведения [которое предлагаем мы. — *Ред.-сост.*], напротив, чаще всего выступает как предупредительная, а не исправительная мера. Как при обучении, так и при терапии текущие подкрепляющие факторы (нередко новаторские) располагаются так, чтобы усилить то поведение, в полезности которого учащийся и клиент убедятся в будущем.

Говорят, что Ганди[55] на вопрос «Что же нам делать?» ответил: «Вспомните самого бедного человека среди всех, которых вы когда-либо видели, и затем задумайтесь, приносит ли ему хоть какую-то пользу то, что вы делаете». Однако он, должно быть, имел в виду «хоть какую-то пользу определенному множеству людей, которые без вашей помощи станут подобными этому бедняку». Накормить голодного и одеть раздетого — это акты исправления. В подобных случаях понять, что здесь плохо и что надо делать, мы можем без особого труда. Гораздо труднее разобраться и что-то сделать с тем фактом, что мировая агрокультура[56]

---

[53] *Прагматизм* — течение в русле современной философии, возникшее на американской почве и утверждающее примат практической деятельности (*pragma* (греч.) — дело, действие) над познанием. Одним из основателей прагматизма был У. Джеймс. — *Ред.-сост.*

[54] *Марксизм* — философское и социально-политическое учение, идеология рабочего класса и коммунистических партий. К. Маркс и Ф. Энгельс — его основоположники. — *Ред.-сост.*

[55] Ганди (*Gandhi*) Мохандас Карамчанд (1869—1948) — лидер индийского национально-освободительного движения, получивший на родине почетный титул Махатма (букв. «великая душа»). — *Ред.-сост.*

[56] *Агрокультура* — совокупность приемов повышения культуры земледелия. Здесь, по-видимому, надо понимать шире — как совокупность всех прикладных сельскохозяйственных наук. — *Ред.-сост.*

должна накормить и одеть миллиарды людей, большинство которых еще не появились на свет. Людям недостаточно посоветовать, как и куда идти, чтобы делать будущее осуществимым; им надо предоставить эффективные основания такого поведения, а значит — эффективные условия подкрепления в настоящем.

К сожалению, разговоры о переживаниях и состояниях психики взывают к эмоциям, что не характерно для обсуждения поведения. Вот образец: «Чтобы спасти мир, люди должны научиться быть благородными, а не жестокими, быть исполненными веры и все же открытыми истине, быть вдохновленными великими целями, но без ненависти к тем, кто им препятствует». Безусловно, эта сентенция[57] «вдохновляющая». Нам нравятся благородство, вера, истина и великие цели и не нравятся жестокость и ненависть. Но вдохновляет ли она нас на какое-нибудь *дело*? В чем заключаются те необходимые изменения, при условии осуществления которых люди с необходимостью будут вести себя благородно, а не жестоко; будут доверять словам, но ни в коем случае не слепо; будут заниматься делами с последствиями слишком отдаленными, чтобы играть роль подкреплений, и будут воздерживаться от нападок на тех, кто им противодействует? В том, что мы мелкие сошки, виноваты <...> не наши путеводные звезды и ***не мы сами***. Виноват мир. Тот мир, который мы построили и который мы должны изменить, если хотим выжить как вид.

В течение по меньшей мере 2500 лет философы и психологи опираются на допущение, что поскольку они сами являются субъектами своего поведения, они должны обладать привилегированным доступом к его причинам. Но было ли какое-нибудь интроспективно наблюдаемое переживание или состояние психики когда-нибудь однозначно определено в психологических или физических терминах? Была ли какая-нибудь способность или черта характера статистически обоснована ко всеобщему удовлетворению? Знаем ли мы, как тревожность изменяет намерения, как воспоминания вносят изменения в решения, как интеллект меняет эмоцию и т.д.? И, конечно же, объяснил ли кто-нибудь и когда-нибудь, как психика воздействует на тело или тело — на психику?

Никогда не следует задавать вопросы такого рода. Психология должна следовать доступному ей предмету, а все остальное в поведении человека передать физиологии.

---

[57] *Сентенция* — изречение нравоучительного характера. — *Ред.-сост.*

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

Респондентное и оперантное поведение*

<...> *Респондентное поведение* подразумевает характерную реакцию, вызываемую известным стимулом, последний всегда предшествует первой во времени. Хорошо знакомые примеры — это сужение или расширение зрачка в ответ на световую стимуляцию, подергивание колена при ударе молоточком по коленному сухожилию и дрожь при холоде. В каждом из этих примеров взаимоотношение между стимулом (уменьшение световой стимуляции) и реакцией (расширение зрачка) невольное и спонтанное, это происходит всегда. Также респондентное поведение обычно влечет за собой рефлексы, включающие автономную нервную систему. Однако респондентному поведению можно и научить. Например, актриса, которая очень потеет и у которой «сосет под ложечкой» от страха перед выходом на публику, возможно, демонстрирует респондентное поведение. Для того, чтобы понять, как можно изучать то или другое респондентное поведение, полезно познакомиться с трудами И.П. Павлова[1], первого ученого, чье имя связывают с бихевиоризмом.

Павлов, русский физиолог, первым при изучении физиологии пищеварения открыл, что респондентное поведение может быть классически обусловленным. Он наблюдал, что пища, помещенная в рот голодной собаки, автоматически вызывает слюноотделение. В таком случае, слюноотделение — это безусловная реакция или, как Павлов назвал это, *безусловный рефлекс* (БР). Он вызывается пищей, которая является *безусловным стимулом* (БС). Великое открытие Павлова состояло в том, что если ранее нейтральный стимул многократно объединялся с БС, то в конце концов нейтральный стимул приобретал способность вызывать БР и в тех случаях, когда он предъявлялся без БС. На-

---

* *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 339—352.

[1] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

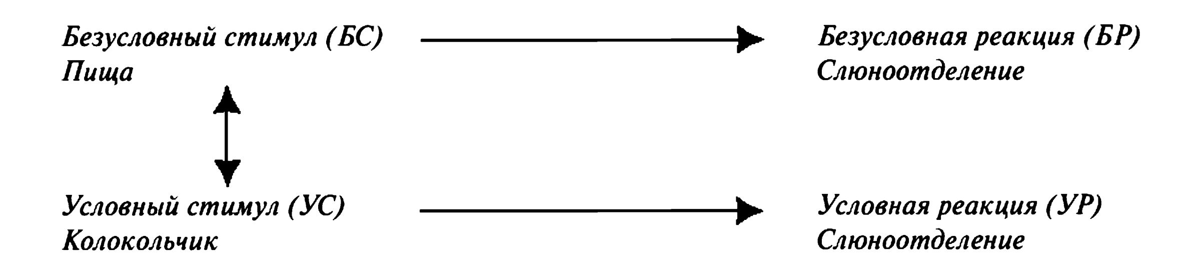

Рис. 1. Парадигма классического обусловливания по Павлову

пример, если колокольчик звонит каждый раз непосредственно перед тем, как пища оказывается в пасти собаки, постепенно у нее начнет выделяться слюна при звуке колокольчика, даже если пищи нет. Новая реакция (слюноотделение на звук колокольчика) называется *условным рефлексом* (УР), а ранее нейтральный, вызывающий ее стимул (звук колокольчика) получил название *условный стимул* (УС). На рис. 1 можно видеть процесс *классического обусловливания*.

В более поздних трудах Павлов отмечал, что если он переставал давать пищу после звука колокольчика, у собаки в конце концов совсем прекращалось слюноотделение на этот звук. Этот процесс называется *угасание* и демонстрирует, что *подкрепление* (пища) значимо как для приобретения, так и для сохранения респондентного научения. Павлов также обнаружил, что если собаке дают длительный отдых в период угасания, то слюноотделение будет повторяться при звуке колокольчика. Это явление соответственно называется *самопроизвольное восстановление*.

Несмотря на то, что вначале Павлов проводил эксперименты на животных, другие исследователи начали изучать основные процессы классического обусловливания на людях. Эксперимент, который провели Уотсон и Рейнер, иллюстрирует ключевую роль классического обусловливания в формировании эмоциональных реакций — таких, как страх и тревога[2]. Эти ученые обусловливали эмоциональную реакцию страха у 11-месячного мальчика, известного в анналах психологии под именем «Маленький Альберт». Как и многие дети, Альберт вначале не боялся живых белых крыс. К тому же его никогда не видели в состоянии страха или гнева. Методика эксперимента состояла в следующем: Альберту показывали прирученную белую крысу (УС) и одновременно за его спиной раздавался громкий удар в гонг (БС). После того, как крыса и звуковой сигнал были представлены семь раз, реакция сильного страха (УР) — плач и запрокидывание — наступала, когда ему показывали только животное. Через пять дней Уотсон и Рейнер показали Альберту другие предметы, напоминающие крысу тем, что они были белые и пушистые. Было обнаружено, что

[2] См.: *Watson J., Rayner R.* Conditioned emotional reactions // Journal of Experimental Psychology. 1920. Vol. 3. P. 1—14.

реакция страха у Альберта распространилась на множество стимулов, включая кролика, пальто из котикового меха, маску Деда Мороза и даже волосы экспериментатора. Большинство из этих обусловленных страхов все еще можно было наблюдать месяц спустя после первоначального обусловливания. К сожалению, Альберта выписали из больницы (где проводилось исследование) до того, как Уотсон и Рейнер смогли угасить у ребенка страхи, которые они обусловили. О «Маленьком Альберте» больше никогда не слышали. Позже многие резко критиковали авторов за то, что они не убедились в отсутствии у Альберта стойких болезненных последствий эксперимента. Хотя ретроспективно этот случай можно назвать жестоким, он действительно поясняет, как подобные страхи (боязнь незнакомых людей, зубных врачей и докторов) можно приобрести в процессе классического обусловливания.

Респондентное поведение — это скиннеровская версия павловского, или классического обусловливания. Он также называл его *обусловливанием типа С,* чтобы подчеркнуть важность стимула, который появляется до реакции и выявляет ее. Однако Скиннер полагал, что в целом поведение животных и человека нельзя объяснять в терминах классического обусловливания. Напротив, он делал акцент на поведении, не связанном с какими-либо известными стимулами. Пример для иллюстрации: рассматривая поведение, вы непосредственно сейчас занимаетесь чтением. Определенно, это не рефлекс, и стимул, управляющий этим процессом (экзамены и оценки), не предшествует ему. Наоборот, в основном на ваше поведение чтения воздействуют стимульные события, которые наступят после него, а именно — его последствия. Так как этот тип поведения предполагает, что организм активно воздействует на окружение, с целью изменить события каким-то образом, Скиннер определил его как *оперантное поведение.* Он также называл его *обусловливание типа Р,* чтобы подчеркнуть воздействие реакции на будущее поведение.

Оперантное поведение (вызванное оперантным научением) определяется событиями, которые следуют за реакцией. Т.е. за поведением идет следствие, и природа этого следствия изменяет тенденцию организма повторять данное поведение в будущем. Например, катание на роликовой доске, игра на фортепиано, метание дротиков и написание собственного имени — это образцы оперантной реакции, или операнты, контролируемые результатами, следующими за соответствующим поведением. Это произвольные приобретенные реакции, для которых не существует стимула, поддающегося распознаванию. Скиннер понимал, что бессмысленно рассуждать о происхождении оперантного поведения, так как нам неизвестны стимул или внутренняя причина, ответственная за его появление. Оно происходит спонтанно.

Если последствия благоприятны для организма, тогда вероятность повторения операнта в будущем усиливается. Когда это происходит, говорят, что последствия подкрепляются и оперантные реакции, полученные в результате подкрепления (в смысле высокой вероятности его появления) обусловились. Сила позитивного подкрепляющего стимула, таким образом, определяется в

соответствии с его воздействием на последующую частоту реакций, которые непосредственно предшествовали ему.

И напротив, если последствия реакции не благоприятны и не подкреплены, тогда вероятность получить оперант уменьшается. Например, вы скоро перестанете улыбаться человеку, который в ответ на вашу улыбку всегда бросает на вас сердитый взгляд или вообще никогда не улыбается. Скиннер полагал, что, следовательно, оперантное поведение контролируется *негативными последствиями*. По определению, негативные, или аверсивные последствия ослабляют поведение, порождающее их, и усиливают поведение, устраняющее их. Если человек постоянно угрюм, вы, вероятно, попытаетесь совсем избегать его. Подобным же образом, если вы паркуете свою машину в том месте, где есть надпись «Только для президента» и в результате на ветровом стекле машины находите штрафной талон, вы, несомненно, скоро прекратите парковаться там.

Для того, чтобы изучать оперантное поведение в лаборатории, Скиннер придумал на первый взгляд простую процедуру, названную *свободным оперантным методом*. Полуголодную крысу поместили в пустую «свободно-оперантную камеру» (известную как «ящик Скиннера»), где был только рычаг и миска для еды. Сначала крыса демонстрировала множество оперантов: ходила, принюхивалась, почесывалась, чистила себя и мочилась. Такие реакции не вызывались никаким узнаваемым стимулом; они были спонтанны. В конце концов, в ходе своей ознакомительной деятельности крыса нажимала на рычаг, тем самым получая шарик пищи, автоматически доставляемый на миску под рычагом. Так как реакция нажатия рычага первоначально имела низкую вероятность возникновения, ее следует считать чисто случайной по отношению к питанию; т.е. мы не можем предсказать, когда крыса будет нажимать на рычаг, и не можем заставить ее делать это. Однако лишая ее пищи, скажем, на 24 часа, мы можем убедиться, что реакция нажима рычага приобретет, в конце концов, высокую вероятность в такой особой ситуации. Это делается при помощи метода, называющегося *научение через кормушку*, посредством которого экспериментатор дает шарики пищи каждый раз, когда крыса нажимает на рычаг. Потом можно увидеть, что крыса проводит все больше времени рядом с рычагом и миской для пищи, а через соответствующий промежуток времени она начнет нажимать рычаг все быстрее и быстрее. Таким образом, нажатие рычага постепенно становится наиболее частой реакцией крысы на условие пищевой депривации. В ситуации оперантного научения поведение крысы является инструментальным, т.е. оно действует на окружающую среду, порождая подкрепление (пищу). Если далее идут неподкрепляемые опыты, т.е. если пища не появляется постоянно вслед за реакцией нажатия рычага, крыса в конце концов перестанет нажимать его, и произойдет *экспериментальное угасание*.

Теперь, когда мы познакомились с природой оперантного научения, будет полезно рассмотреть пример ситуации, встречающейся почти в каждой семье, где есть маленькие дети, а именно, — оперантное научение поведению плача. Как только маленькие дети испытывают боль, они плачут, и немедленная ре-

акция родителей — выразить внимание и дать другие позитивные подкрепления. Так как внимание является подкрепляющим фактором для ребенка, реакция плача становится естественно обусловленной. Однако плач может возникать и тогда, когда боли нет. Хотя большинство родителей утверждают, что они могут различать плач от расстройства и плач, вызванный желанием внимания, все же многие родители упорно подкрепляют последний.

Могут ли родители устранить обусловленное поведение плача или ребенку уготована судьба быть «плаксой» на всю жизнь? Уильямс сообщает о случае, который показывает, как обусловленный плач был подавлен у 21-месячного ребенка[3]. Из-за серьезного заболевания в течение первых 18 месяцев жизни ребенок получал повышенное внимание от своих обеспокоенных родителей. Фактически, из-за его крика и плача, когда он ложился спать, кто-то из родителей или тетя, жившая вместе с этой семьей, оставались в его спальне до тех пор, пока он не засыпал. Такое ночное бодрствование обычно занимало 2-3 часа. Оставаясь в комнате, пока он не засыпал, родители, несомненно, давали позитивное подкрепление поведению плача у ребенка. Он прекрасно контролировал своих родителей. Чтобы подавить это неприятное поведение, врачи велели родителям оставлять ребенка засыпать одного и не обращать никакого внимания на плач. Через 7 ночей поведение плача фактически прекратилось. К десятой ночи ребенок даже улыбался, когда его родители уходили из комнаты, и можно было слышать его довольный лепет, когда он засыпал. Через неделю, однако, ребенок сразу начал кричать, когда тетя уложила его в постель и вышла из комнаты. Она возвратилась и осталась там, пока ребенок не заснул. Этого одного примера позитивного подкрепления было достаточно, чтобы стало необходимым во второй раз пройти через весь процесс угасания. К девятой ночи плач ребенка наконец прекратился, и Уильямс сообщил об отсутствии ремиссий в течение двух лет.

Режимы подкрепления

Суть оперантного научения состоит в том, что подкрепленное поведение стремится повториться, а поведение неподкрепленное или наказуемое имеет тенденцию не повторяться или подавляться. Следовательно, концепция подкрепления играет ключевую роль в теории Скиннера.

Скорость, с которой оперантное поведение приобретается и сохраняется, зависит от режима применяемого подкрепления. *Режим подкрепления* — правило, устанавливающее вероятность, с которой подкрепление будет происходить. Самым простым правилом является предъявление подкрепления каждый раз, когда субъект дает желаемую реакцию. Это называется *режимом непрерывного подкрепления* и обычно используется на начальном этапе любого оперантного

---

[3] См.: *Willams C.* The elimination of tantrum behavior by extinction procedures // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1959. Vol. 59. P. 269.

научения, когда организм учится производить правильную реакцию. В большинстве ситуаций повседневной жизни, однако, это либо неосуществимо, либо неэкономично для сохранения желаемой реакции, так как подкрепление поведения бывает не всегда одинаковым и регулярным. В большинстве случаев социальное поведение человека подкрепляется только иногда. Ребенок плачет неоднократно, прежде чем добьется внимания матери. Ученый много раз ошибается, прежде чем приходит к правильному решению трудной проблемы. В обоих этих примерах неподкрепленные реакции встречаются до тех пор, пока одна из них не будет подкреплена.

Скиннер тщательно изучал, как режим *прерывистого,* или *частичного подкрепления* влияет на оперантное поведение. Хотя возможны многие различные режимы подкрепления, их все можно классифицировать в соответствии с двумя основными параметрами: 1) подкрепление может иметь место только после того, как истек определенный или случайный временной интервал с момента предыдущего подкрепления (так называемый режим *временного подкрепления*); 2) подкрепление может иметь место только после того, как с момента подкрепления было получено определенное или случайное *количество реакций* (режим *пропорционального подкрепления*). В соответствии с этими двумя параметрами выделяют четыре основных режима подкрепления.

1. *Режим подкрепления с постоянным соотношением* (ПС). В данном режиме организм подкрепляется по наличию заранее определенного или «постоянного» числа соответствующих реакций. Этот режим является всеобщим в повседневной жизни и ему принадлежит значительная роль в контроле над поведением. Во многих сферах занятости сотрудникам платят отчасти или даже исключительно в соответствии с количеством единиц, которые они производят или продают. В промышленности эта система известна как плата за единицу продукции. Режим ПС обычно устанавливает чрезвычайно высокий оперантный уровень, так как чем чаще организм реагирует, тем большее подкрепление он получает.

2. Режим *подкрепления с постоянным интервалом* (ПИ). В режиме подкрепления с постоянным интервалом организм подкрепляется после того, как твердо установленный или «постоянный» временной интервал проходит с момента предыдущего подкрепления. На уровне человека режим ПИ действителен при выплате зарплаты за работу, выполненную за час, неделю или месяц. Подобно этому, еженедельная выдача денег ребенку на карманные расходы образует ПИ форму подкрепления. Университеты обычно работают в соответствии с временным режимом ПИ. Экзамены устанавливаются на регулярной основе и отчеты об академической успеваемости издаются в установленные сроки. Любопытно, что режим ПИ дает низкую скорость реагирования сразу после того, как получено подкрепление — феномен, названный *паузой после подкрепления.* Это показательно для студентов, испытывающих трудности при обучении в середине семестра (предполагается, что они сдали экзамен хорошо), так как следующий экзамен будет еще нескоро. Они буквально делают перерыв в обучении.

3. *Режим подкрепления с вариативным соотношением* (ВС). В этом режиме организм подкрепляется на основе какого-то в среднем предопределенного числа реакций. Возможно, наиболее драматической иллюстрацией поведения человека, находящегося под контролем режима ВС, является захватывающая азартная игра. Рассмотрим действия человека, играющего в игральный автомат, где нужно опускать монетку или специальной рукояткой вытягивать приз. Эти аппараты запрограммированы таким образом, что подкрепление (деньги) распределяется в соответствии с числом попыток, за которые человек платит, чтобы управлять рукояткой. Однако выигрыш непредсказуем, непостоянен и редко позволяет получать свыше того, что вложил игрок. Это объясняет тот факт, почему владельцы казино получают значительно больше подкреплений, чем их постоянные клиенты. Далее, угасание поведения, приобретенного в соответствии с режимом ВС, происходит очень медленно, так как организм точно не знает, когда будет следующее подкрепление. Таким образом, игрок принуждается опускать монеты в прорезь автомата, несмотря на ничтожный выигрыш (или даже проигрыш), в полной уверенности, что в следующий раз он «сорвет куш». Такая настойчивость типична для поведения, вызванного режимом ВС.

4. *Режим подкрепления с вариативным интервалом* (ВИ). В этом режиме организм получает подкрепление после того, как проходит неопределенный временной интервал. Подобно режиму ПИ, подкрепление при этом условии зависит от времени. Однако время между подкреплениями по режиму ВИ варьирует вокруг какой-то средней величины, а не является точно установленным. Как правило, скорость реагирования при режиме ВИ является прямой функцией примененной длины интервала: короткие интервалы порождают высокую скорость, а длинные интервалы порождают низкую скорость. Также при подкреплении в режиме ВИ организм стремится установить постоянную скорость реагирования, и при отсутствии подкрепления реакции угасают медленно. В конечном итоге, организм не может точно предвидеть, когда будет следующее подкрепление.

В повседневной жизни режим ВИ нечасто встречается, хотя несколько его вариантов можно наблюдать. Родитель, например, может хвалить поведение ребенка довольно произвольно, рассчитывая, что ребенок будет продолжать вести себя соответствующим образом и в неподкрепленные интервалы времени. Подобно этому, профессора, которые дают «неожиданные» контрольные работы, частота которых варьирует от одной в три дня до одной в три недели, в среднем одна в две недели, используют режим ВИ. При этих условиях от студентов можно ожидать сохранения относительно высокого уровня прилежания, так как они никогда не знают, в какой момент будет следующая контрольная работа.

Как правило, режим ВИ порождает более высокую скорость реагирования и большую сопротивляемость угасанию, чем режим ПИ.

Условное подкрепление

Теоретики, занимающиеся научением, признавали два типа подкрепления — первичное и вторичное. *Первичное* подкрепление — это любое событие или объект, сами по себе обладающие подкрепляющими свойствами. Таким образом, они не требуют предварительной ассоциации с другими подкреплениями, чтобы удовлетворить биологическую потребность. Первичные подкрепляющие стимулы для людей — это пища, вода, физический комфорт и секс. Их ценностное значение для организма не зависит от научения. *Вторичное*, или *условное* подкрепление, с другой стороны, — это любое событие или объект, которые приобретают свойство осуществлять подкрепление посредством тесной ассоциации с первичным подкреплением, обусловленным прошлым опытом организма. Примерами общих вторичных подкрепляющих стимулов у людей являются деньги, внимание, привязанности и хорошие оценки.

Небольшое изменение в стандартной процедуре оперантного научения демонстрирует, как нейтральный стимул может приобрести подкрепляющую силу для поведения. Когда крыса научилась нажимать на рычаг в ящике Скиннера, сразу же ввели звуковой сигнал (сразу после осуществления реакции), за которым следовал шарик еды. В этом случае звук действует как *различительный стимул* (т.е. животное учится реагировать только при наличии звукового сигнала, так как он сообщает о пищевом вознаграждении). После того, как эта специфическая оперантная реакция устанавливается, начинается угасание: когда крыса нажимает на рычаг, не появляются ни пища, ни звуковой сигнал. Через какое-то время крыса перестает нажимать на рычаг. Затем звуковой сигнал повторяется каждый раз, когда животное нажимает на рычаг, но шарик пищи не появляется. Несмотря на отсутствие первоначального подкрепляющего стимула, животное понимает, что нажатие на рычаг вызывает звуковой сигнал, поэтому оно продолжает настойчиво реагировать, тем самым ослабляя угасание. Другими словами, установленная скорость нажатия на рычаг отражает тот факт, что звуковой сигнал теперь действует как условный подкрепляющий фактор. Точная скорость реагирования зависит от силы звукового сигнала как условного подкрепляющего стимула (т.е. от числа случаев, когда звуковой сигнал ассоциировался с первичным подкрепляющим стимулом, пищей, в процессе научения). Скиннер доказывал, что фактически любой нейтральный стимул может стать подкрепляющим, если он ассоциируется с другими стимулами, ранее имевшими подкрепляющие свойства. Таким образом, феномен условного подкрепления в значительной степени увеличивает сферу возможного оперантного научения, особенно, если это касается социального поведения человека. Иначе говоря, если бы все, чему мы научились, было пропорционально первичному подкреплению, то возможности для научения были бы очень ограничены, и деятельность человека не была бы столь разнообразна.

Характерным для условного подкрепления является то, что оно генерализуется, если объединяется с более чем одним первичным подкреплением. День-

ги — особенно показательный пример. Очевидно, что деньги не могут удовлетворить какое-либо из наших первичных влечений. Все же благодаря системе культурного обмена деньги являются мощным и сильным фактором для получения множества удовольствий. Например, деньги позволяют нам иметь модную одежду, яркие машины, медицинскую помощь и образование. Иные виды генерализованных условных подкрепляющих стимулов — это лесть, похвала, привязанности и подчинение себе других. Эти так называемые *социальные подкрепляющие стимулы* (включающие в себя поведение других людей) часто действуют очень сложно и едва уловимо, но они существенны для нашего поведения в разнообразных ситуациях. Внимание — простой случай. Все знают, что ребенок может получить внимание, когда притворяется больным или плохо себя ведет. Часто дети назойливы, задают нелепые вопросы, вмешиваются в разговор взрослых, рисуются, поддразнивают младших сестер или братьев и мочатся в постель — и все это для привлечения внимания. Внимание значимого другого — родителей, учителя, возлюбленного — особенно эффективный генерализованный условный стимул, который может содействовать ярко выраженному поведению привлечения внимания.

Еще более сильный генерализованный условный стимул — это социальное одобрение. Например, многие люди проводят массу времени, прихорашиваясь перед зеркалом, в надежде получить одобряющий взгляд супруга или любовника. И женская, и мужская мода — это предмет одобрения, и она существует до тех пор, пока есть социальное одобрение. Студенты высшей школы соревнуются за место в университетской легкоатлетической команде или участвуют в мероприятиях вне учебного плана (драма, диспут, школьный ежегодник) для того, чтобы получить одобрение родителей, сверстников и соседей. Хорошие отметки в колледже — тоже *позитивный подкрепляющий стимул,* потому что ранее за это получали похвалу и одобрение родителей. Будучи мощным условным подкрепляющим стимулом, удовлетворительные оценки также способствуют поощрению учения и достижению более высокой академической успеваемости.

Скиннер полагал, что условные подкрепляющие стимулы очень важны в контроле поведения человека[4]. Он также отмечал, что каждый человек проходит уникальную науку научения, и вряд ли всеми людьми управляют одни и те же подкрепляющие стимулы. Например, для кого-то очень сильным подкрепляющим стимулом является успех в качестве антрепренера; для других важно выражение нежности; а иные находят подкрепляющий стимул в атлетике, академических или музыкальных занятиях. Возможные вариации в поведении, поддержанные условными подкрепляющими стимулами, бесконечны. Следовательно, понять условные подкрепляющие стимулы у человека намного сложнее, чем понять, почему крыса, лишенная пищи, нажимает рычаг, получая в качестве подкрепления только звуковой сигнал.

---

[4] См.: *Skinner B.F.* Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Knopf, 1971.

Контроль поведения посредством аверсивных стимулов

С точки зрения Скиннера, в основном поведение человека контролируется *аверсивными* (неприятными или болевыми) стимулами. Два наиболее типичных метода аверсивного контроля — это *наказание* и *негативное подкрепление*. Эти термины часто используются как синонимы для описания концептуальных свойств и поведенческих эффектов аверсивного контроля. Скиннер предложил следующее определение: «Вы можете различать наказание, при котором происходит аверсивное событие, пропорциональное реакции, и негативное подкрепление, в котором подкреплением является устранение аверсивного стимула, условного или безусловного»[5].

Наказание. Термин *наказание* относится к любому аверсивному стимулу или явлению, которое следует или которое зависит от появления какой-то оперантной реакции. Вместо того, чтобы усиливать реакцию, которую оно сопровождает, наказание уменьшает, по крайней мере временно, вероятность того, что реакция повторится. Предполагаемая *цель* наказания — побудить людей не вести себя данным образом. Скиннер заметил, что это наиболее общий метод контроля поведения в современной жизни[6].

По Скиннеру, наказание может быть осуществлено двумя различными способами, которые он называет *позитивное наказание* и *негативное наказание* (табл. 1). Позитивное наказание встречается всякий раз, когда поведение ведет к аверсивному исходу. Вот несколько примеров: если дети плохо себя ведут, их шлепают или бранят; если студенты пользуются шпаргалками на экзамене, их исключают из вуза или школы; если взрослых ловят на краже, их штрафуют или сажают в тюрьму. Отрицательное же наказание встречается всякий раз, когда за поведением следует устранение (возможного) позитивного подкрепляющего стимула. Например, детям запрещают смотреть телевизор из-за плохого поведения. Широко используемый подход к негативному наказанию — методика приостановки. В соответствии с этой методикой человека моментально удаляют из ситуации, в которой доступны определенные подкрепляющие стимулы. Например, непослушного ученика четвертого класса, мешающего занятиям, могут выгнать из кабинета.

Негативное подкрепление. В отличие от наказания, *негативное подкрепление* — это процесс, в котором организм ограничивает аверсивный стимул или избегает его. Любое поведение, которое препятствует аверсивному положению дел, таким образом чаще повторяется и является негативно подкрепленным (табл. 1). Поведение ухода — это тот самый случай. Скажем, человек, который прячется от палящего солнца, уходя в помещение, скорее всего снова пойдет туда, когда солнце вновь станет палящим.

---

[5] *Evans R.B.* B.F. Skinner: The man and his ideas // Handbook of Clinical Behavioral Therapy with Adults / M.Hersen, A.S. Bellak (Eds.) N.Y.: Dutton, 1985. P. 33.

[6] См.: *Skinner B.F.* A Matter of Consequences. N.Y.: Knopf, 1983.

Таблица 1

Позитивное и негативное подкрепление и наказание

	Позитивное	**Негативное**
Подкрепление	Предъявление положительного стимула	Удаление аверсивного стимула
Наказание	Предъявление аверсивного стимула	Удаление положительного стимула

Как подкрепление, так и наказание могут выполняться двумя способами, это зависит от того, что следует за реакцией: предъявление или устранение приятного или неприятного стимула. Обратите внимание на то, что подкрепление усиливает реакцию; наказание ослабляет ее.

Следует заметить, что уход от аверсивного стимула не то же самое, что избегание его, поскольку аверсивный стимул, которого избегают, физически не представлен. Следовательно, другой способ бороться с неприятными условиями — научиться избегать их, т.е. вести себя так, чтобы предотвратить их появление. Эта стратегия известна как научение избегания. Например, если учебный процесс позволяет ребенку избежать домашнего задания, негативное подкрепление используется для усиления интереса к обучению. Поведение избегания также имеет место, когда наркоманы разрабатывают искусные планы, с тем чтобы сохранить свои привычки, но не довести дело до аверсивных последствий — тюремного заключения.

Скиннер боролся с использованием всех форм контроля поведения, основанных на аверсивных стимулах[7]. Он особо выделял наказание как неэффективное средство контроля поведения. Причина в том, что из-за своей угрожающей природы тактика наказания нежелательного поведения может вызвать отрицательные эмоциональные и социальные побочные эффекты. Тревога, страх, антисоциальные действия и потеря самоуважения и уверенности — это только некоторые возможные негативные побочные явления, связанные с использованием наказания. Угроза, внушаемая аверсивным контролем, может также подтолкнуть людей к моделям поведения даже более спорным, чем те, за которые их первоначально наказали. Рассмотрим, например, родителя, который наказывает ребенка за посредственную учебу. Позже, в отсутствии родителя, ребенок может вести себя еще хуже — прогуливать уроки, шататься по улицам, портить школьное имущество. Вне зависимости от исхода ясно, что наказание не принесло успеха в выработке желаемого поведения у ребенка. Так как наказание может временно подавлять нежелательное или неадекватное поведение, основным возражением Скиннера было то, что поведение, за которым последовало наказание, скорее всего вновь появится там,

[7] См.: *Skinner B.F.* Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Knopf, 1971; *Skinner B.F.* A Matter of Consequences. N.Y.: Knopf, 1983.

где отсутствует тот, кто может наказать. Ребенок, которого несколько раз наказали за сексуальную игру, совсем необязательно откажется от ее продолжения; человек, которого посадили в тюрьму за жестокое нападение, не обязательно будет меньше склонен к жестокости. Поведение, за которое наказали, может опять появиться после того, как исчезнет вероятность быть наказанным[8]. Этому легко можно найти примеры в жизни. Ребенок, которого отшлепают за то, что он ругался в доме, может свободно это делать в другом месте. Водитель, оштрафованный за превышение скорости, может заплатить полицейскому и продолжать свободно превышать скорость, когда поблизости нет патруля с радаром.

Вместо аверсивного контроля поведения Скиннер рекомендовал *позитивное подкрепление,* как наиболее эффективный метод для устранения нежелательного поведения[9]. Он доказывал, что поскольку позитивные подкрепляющие стимулы не дают негативных побочных явлений, связанных с аверсивными стимулами, они более пригодны для формирования поведения человека. Например, осужденные преступники содержатся в невыносимых условиях во многих карательных учреждения (свидетельство тому — многочисленные тюремные бунты в Соединенных Штатах за последние несколько лет). Очевидно, что большинство попыток реабилитировать преступников провалились, это подтверждает высокий уровень рецидивов или повторных нарушений закона. Применив подход Скиннера, можно было бы так урегулировать условия окружения в тюрьме, чтобы поведение, напоминающее поведение законопослушных граждан, позитивно подкреплялось (например, научение навыкам социальной адаптации, ценностям, отношениям). Подобная реформа потребует привлечения экспертов по поведению, имеющих знания о принципах научения, личности и психопатологии. С точки зрения Скиннера, такую реформу можно было бы успешно выполнить, используя уже имеющиеся ресурсы и психологов, обученных методам бихевиоральной психологии.

Скиннер показал возможности позитивного подкрепления, и это повлияло на стратегии поведения, используемые в воспитании детей, в образовании, бизнесе и промышленности. Во всех этих областях появилась тенденция к все большему поощрению желательного поведения, а не наказанию нежелательного.

Генерализация и различение стимулов

Логическим расширением принципа подкрепления является то, что поведение, усиленное в одной ситуации, весьма вероятно повторится, когда организм столкнется с другими ситуациями, напоминающими ее. Если бы это было не

[8] См.: *Skinner B.F.* Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Knopf, 1971. P. 62.

[9] См.: *Skinner B.F.* Reflections on Behaviorism and Society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1978.

так, то наш поведенческий набор был бы так сильно ограничен и хаотичен, что мы бы, возможно, проснувшись утром, долго размышляли над тем, как реагировать должным образом на каждую новую ситуацию. В теории Скиннера, тенденция подкрепленного поведения распространяться на множество подобных положений называется *генерализацией стимула*. Этот феномен легко наблюдать в повседневной жизни. Например, ребенок, которого похвалили за утонченные хорошие манеры дома, будет обобщать это поведение в соответствующих ситуациях и вне дома, такого ребенка не нужно учить, как прилично вести себя в новой ситуации. Обобщение стимула также может быть результатом неприятного жизненного опыта. Молодая женщина, изнасилованная незнакомцем, может генерализировать свой стыд и враждебность по отношению ко всем лицам противоположного пола, так как они напоминают ей о физической и эмоциональной травме, нанесенной незнакомцем. Подобно этому, единственного случая испуга или аверсивного опыта, причиной которого явился человек, принадлежащий к определенной этнической группе (белый, черный, латиноамериканец, азиат), может быть достаточно для индивида, чтобы создать стереотип и таким образом избежать будущих социальных контактов со всеми представителями данной группы.

Хотя способность обобщать реакции — важный аспект многих наших повседневных социальных интеракций, все же очевидно, что при адаптивном поведении нужно обладать способностью делать различия в разных ситуациях. *Различение стимула,* составная часть обобщения, — это процесс научения реагировать адекватным образом в различных ситуациях окружения. Примеров множество. Автомобилист остается в живых в час пик благодаря тому, что различает красный и зеленый цвета светофора. Ребенок учится различать домашнюю собачку и злобного пса. Подросток учится различать поведение, находящее одобрение у сверстников, и поведение, раздражающее и отчуждающее других. Диабетик сразу обучается различать пищу, содержащую много и мало сахара. В самом деле, практически все разумное поведение человека зависит от способности делать различение.

Способность к различению приобретается через подкрепление реакций в присутствии одних стимулов и не подкрепление их в присутствии других стимулов. Различительные стимулы, таким образом, дают нам возможность предвидеть вероятные результаты, связанные с изъявлением особой оперантной реакции в различных социальных ситуациях. Соответственно, индивидуальные вариации различительной способности зависят от уникального прошлого опыта различных подкреплений. Скиннер предположил, что здоровое личностное развитие происходит в результате взаимодействия генерализирующей и различительной способностей, с помощью которых мы регулируем наше поведение так, чтобы максимизировать позитивное подкрепление и минимизировать наказание.

Последовательное приближение: как заставить гору прийти к Магомету

Первые опыты Скиннера в области оперантного научения были сфокусированы на реакциях, обычно изъявляемых со средней или высокой частотой (например, клевок голубя по ключу, нажатие рычага крысой). Однако вскоре стало очевидным, что стандартная методика оперантного научения плохо подходила для большого числа сложных оперантных реакций, которые могли спонтанно встречаться с вероятностью, равной почти нулю. В сфере поведения человека, например, сомнительно, что с помощью общей стратегии оперантного научения можно было бы успешно научить пациентов психиатрического отделения приобретать соответствующие навыки межличностного общения. Для того, чтобы облегчить эту задачу, Скиннер придумал методику[10], при которой психологи могли эффективно и быстро уменьшить время, требуемое для обусловливания почти любого поведения в том наборе, которым располагал человек. Эта методика, названная *методом успешного приближения,* или *формированием поведения,* состоит из подкрепления поведения, наиболее близкого к желаемому оперантному поведению. К этому приближаются шаг за шагом, и поэтому одна реакция подкрепляется, а затем подменяется другой, более близкой к желаемому результату.

Скиннер установил, что процесс формирования поведения обусловливает развитие устной речи. Для него язык — это результат подкрепления высказываний ребенка, представленных первоначально вербальным общением с родителями, братьями и сестрами. Таким образом, начинаясь с довольно простых форм лепета в младенчестве, детское вербальное поведение постепенно развивается, пока не начинает напоминать язык взрослых. В «Вербальном поведении» Скиннер дает более подробное объяснение тому, как «законы языка», подобно любому другому поведению, постигаются с помощью тех же самых оперантных принципов[11]. <...>

Мы закончили краткий обзор научающе-бихевиорального направления Скиннера. Как мы увидели, Скиннер не считал необходимым рассматривать внутренние силы или мотивационные состояния человека в качестве причинного фактора поведения. Скорее он сосредотачивался на взаимоотношениях между определенными явлениями окружения и открытым поведением. Далее, он придерживался мнения, что личность — это не что иное как определенные формы поведения, которые приобретаются посредством оперантного научения. Добавляют что-то эти рассуждения к всеобъемлющей теории личности или нет, но Скиннер имел глубокое влияние на наши представления о проблемах научения человека.

---

[10] См.: *Skinner B.F.* Science and Human Behavior. N.Y.: Macmillan, 1953.

[11] См.: *Skinner B.F.* Verbal Behavior. N.Y.: Appleton Century Crofts, 1957.

Д.П. Шульц, С.Э. Шульц

[Страницы жизни Берреса Фредерика Скиннера]*

Самой влиятельной фигурой в психологии в течение нескольких десятилетий являлся Б.Ф. Скиннер. Один из историков психологии назвал его «без сомнения, наиболее знаменитым американским психологом в мире»[1]. Опрос историков психологии и заведующих кафедрами показал, что Скиннер является одним из самых выдающихся ученых современности[2]. Когда в 1990 г. Скиннер умер, редактор журнала «Американский психолог» писал о нем как об «одном из гигантов нашей области науки», который «оставил неизгладимый след в психологии»[3]. А в некрологе «Журнала по истории бихевиоральных наук» о нем писали как о «ведущей фигуре в бихевиоризме нынешнего века»[4].

Начиная с 50-х гг. и в течение многих лет Скиннер являлся ведущим бихевиористом Соединенных Штатов Америки и привлекал огромное количество верных и восторженных продолжателей и сторонников. Он разработал программу бихевиорального контроля общества, изобрел автоматизированный детский манеж и стал одним из главных вдохновителей и создателей методик модификации поведения и обучающих машин. Он написал роман «Уолден Два» («Walden Two»), который и через пятьдесят лет после выхода в свет оставался популярным. В 1971 г. его книга «По ту сторону свободы и достоинства» («Beyond Freedom and Dignity») стала национальным бестселлером, а сам Скиннер — «самым популярным персонажем различных национальных и го-

---

* *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 324—327.

[1] *Gilgen*, 1982. P. 97. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью. — *Ред.-сост.*]

[2] См.: *Korn, Davis, Davis*, 1991.

[3] *Forwer*, 1990. P. 1203.

[4] *Keller*, 1991. P. 3.

родских ток-шоу»[5]. Он стал знаменитостью: его прекрасно знала и широкая общественность, и коллеги.

Скиннер родился [20 марта 1904 г. — *Ред.-сост.*] в городке Саскуиханна, штат Пенсильвания, где и жил до поступления в колледж. Согласно его собственным воспоминаниям, его детство прошло в обстановке любви и спокойствия. Он учился в той же самой школе, где когда-то учились его родители; в выпускном классе Скиннера было всего семеро учеников. Он любил свою школу и по утрам всегда приходил раньше всех. В детстве и отрочестве он увлекался созданием самых разных предметов: плотов, тележек, каруселей, пращей и рогаток, моделей самолетов, и даже паровой пушки, которая стреляла поверх крыши соседского дома картофелинами и морковками. Несколько лет он потратил на то, чтобы изобрести вечный двигатель. Он также много читал о поведении животных и держал дома целый зоопарк, состоявший из черепах, змей, ящериц, жаб и бурундуков. Как-то раз на ярмарке он увидел дрессированных голубей; много лет спустя он сам научил голубей разным трюкам.

Психологическая система Скиннера отражает опыт его жизни в детстве и юности. Согласно его собственным взглядам, жизнь человека является плодом прошлых подкреплений. Он утверждал, что его собственная жизнь была настолько предопределенной, упорядоченной и правильной, насколько его система предписывает быть любой человеческой жизни. Он полагал, что все аспекты человеческой жизни можно проследить до самых их истоков.

Скиннер поступил в Гамильтон колледж в Нью-Йорке, но там ему не понравилось. Он писал:

> Я никогда не мог вписаться в студенческую жизнь. Я вступил в это братство, совсем не зная, что это такое. Я не преуспевал в спорте и жестоко страдал, когда в хоккее меня били по голени или когда искусный баскетболист отыгрывал мяч от моего черепа... В сочинении, которое я написал после первого курса, я пожаловался на то, что в колледже меня постоянно одолевают ненужными требованиями (одно из них — ежедневное посещение церкви) и что большинство студентов не имеют никаких интеллектуальных интересов. На старших курсах я был уже открытым бунтовщиком[6].

Бунтарство Скиннера, в частности, проявлялось в розыгрышах, а также в том, что он шокировал студенческое сообщество и открыто высказывал критические замечания о факультете и об администрации. Его непослушание прекратилось только в день выпуска, когда перед началом торжественной церемонии президент колледжа предупредил Скиннера и его друзей, что если они не успокоятся, им не выдадут дипломов.

---

[5] *Bjork*, 1993. P. 192.

[6] *Skinner*, 1967. P. 392.

Скиннер все-таки успешно закончил колледж со степенью по английскому языку, правом принадлежности к обществу *Фи Бета Каппа*[7] и стремлением стать писателем. На летнем писательском семинаре поэт Роберт Фрост [1874—1963. — *Ред.-сост.*] с похвалой отозвался о стихотворениях и рассказах Скиннера. В течение двух лет после выпуска из колледжа Скиннер занимался литературной деятельностью, а затем решил, что ему «нечего сказать». Его неудача на писательском поприще настолько обескуражила его, что он даже стал подумывать о консультациях психиатра. Он считал себя неудачником. Чувство собственной значимости было жестоко поколеблено.

Кроме того, он разочаровался в любви. Его отвергли по меньшей мере полдюжины молодых женщин, что доставляло ему, по его собственному выражению, сильную физическую боль. Один раз он был настолько потрясен, что выжег на своей руке инициалы возлюбленной. След от ожога остался на многие годы. Биограф отмечает, что «любовные интересы» Скиннера «всегда были несколько подавлены раздвоением чувств и разочарованием. Правда, вскоре Скиннер приобрел репутацию ветреника»[8].

Прочитав об экспериментах Уотсона[9] и Павлова[10] по формированию условных рефлексов, Скиннер круто повернулся от литературных аспектов человеческого поведения к научным. В 1928 г. он поступил в аспирантуру Гарвардского университета[11] по психологии — несмотря на то, что до этого ни разу не прослушал курса психологии. По его собственным словам, он поступил в аспирантуру «не потому, что вдруг почувствовал непреодолимую тягу к психологии, а только из-за того, чтобы избавиться от невыносимой альтернативы»[12]. Было иль не было у него непреодолимой тяги к психологии, но через три года он получил ученую степень доктора философии. По завершении научной работы, после защиты докторской диссертации, он преподавал в университете штата Миннесота (1936—1945) и университете штата Индиана (1945—1974), после чего вернулся в Гарвард.

Тема его диссертации относится к положению, которому Скиннер неуклонно следовал в течение всей своей карьеры. Он предположил, что рефлекс представляет собой корреляцию между стимулом и реакцией, и ничего более.

---

[7] *Фи-Бета-Каппа* — престижное студенческое общество с отделениями во многих колледжах США, в которое избираются лишь наиболее успевающие студенты, обычно менее 10 % от общего числа. — *Ред.-сост.*

[8] *Bjork*, 1993. P. 116.

[9] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[10] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

[11] Гарвардский университет — старейший (основан 8 сентября 1636 г.) и один из самых известных университетов США, находится в городе Кембридж, штат Массачусетс. — *Ред.-сост.*

[12] *Skinner*, 1979. P. 37.

В его книге 1938 г. «Поведение организмов» («The Behavior of Organism») описываются основные положения этой системы. Любопытно, что за первые восемь лет после публикации было продано всего лишь 500 экземпляров книги, и она получила в основном отрицательные рецензии, а пятьдесят лет спустя об этой книге говорили, что она «является одной из немногих книг, которые изменили облик современной психологии»[13].

Тем качеством описываемой в книге системы, которое изменило отношение к ней от полного провала до потрясающего успеха, было ее очевидное прикладное значение для самых разных областей психологии. «В шестидесятые годы началось восхождение звезды Скиннера, отчасти по причине принятия его идей в области образования, отчасти — благодаря растущему влиянию идей Скиннера в области клинической модификации поведения»[14]. Столь широкая применимость идей Скиннера соответствовала его устремлениям, поскольку он испытывал глубокий интерес к проблемам реальной жизни. Его более поздняя работа «Наука и человеческое поведение» («Science and Human Behavior», 1953) стала основным учебником по бихевиоральной психологии.

Скиннер продолжал плодотворно работать до самой своей смерти в возрасте 86 лет — причем трудился он с тем же энтузиазмом, который проявлял и шестьдесят лет назад. В подвале своего дома он оборудовал персональный «скиннеровский ящик» — контролируемую среду, которая давала положительное подкрепление. Он спал там в большой желтой пластиковой коробке, в которой как раз помещался матрас, несколько полок с книгами, а также маленький телевизор. Каждый вечер он ложился спать в десять часов, спал три часа, час работал, затем спал еще три часа и вставал в пять часов утра, чтобы отработать еще три часа. Утром он отправлялся в свой кабинет в университете и там снова работал, а во второй половине дня давал себе положительное подкрепление, слушая музыку. Кроме того, огромное положительное влияние на него оказывал процесс написания статей. «Мне очень нравится писать, и было бы очень жаль, если бы когда-нибудь мне пришлось от этого отказаться»[15].

В возрасте 78 лет Скиннер написал статью под названием «Как сохранить интеллект в старости» («Intelelctual self-management in old age»), в которой он ссылался на свой собственный опыт[16]. В этой статье говорится о том, как полезно в старости упражнять мозг по несколько часов в день, при этом обязательно давая перерывы между всплесками активности — для того, чтобы поддержать слабеющую память и не допустить снижения интеллектуальных способностей.

В 1989 г. у Скиннера обнаружили лейкемию[17]. Жить ему оставалось не более двух месяцев. В интервью по радио он говорил о своих чувствах:

---

[13] *Thompson*, 1988. P. 397.

[14] *Benjamin*, 1993. P. 177.

[15] *Skinner*, 1985; цит. по: *Fallen*, 1992. P. 1439.

[16] См.: *Skinner*, 1983.

[17] *Лейкемия*, иначе лейкоз, белокровие — заболевание кроветворной системы. — *Ред.-сост.*

Я не религиозный человек, и потому меня не беспокоит, что произойдет со мной после смерти. И когда мне сказали, что у меня такая болезнь и что через несколько месяцев я умру, я не испытал никаких эмоций. Ни паники, ни страха, ни тревоги. Вообще ничего. Единственное, что тронуло меня и от чего мои глаза увлажнились, была мысль о том, как я сообщу об этом жене и дочерям. Видите ли, когда умираешь, ты невольно ранишь тех, кто тебя любит. И ничего с этим не поделаешь <...> Я прожил хорошую жизнь. С моей стороны было бы довольно глупо в каком-либо смысле на нее жаловаться. А потому я радостно проживу оставшиеся мне месяцы — так же, как я всегда радовался жизни[18].

За восемь дней до смерти [18 августа 1990 г. — *Ред.-сост.*], сильно ослабевший, Скиннер представил свою статью на заседание Американской психологической ассоциации в Бостоне. Она была посвящена наблюдаемым и ненаблюдаемым стимулам, и, соответственно, ***респондентному*** и ***оперантному поведениям***[19].

---

[18] Цит. по: *Catania*, 1992. P. 1527.

[19] ***Респондентное поведение*** — поведение, вызываемое определенным стимулом; ***оперантное поведение*** — поведение, характеризуемое в терминах его воздействий на окружение и не имеющее определенного предшествующего стимула окружения; см. также текст Л. Хьелла и Д. Зиглера на с. 606—619 наст. изд. — *Ред.-сост.*

М. Айзенк

История когнитивной психологии*

Продуктивно обсуждать развитие когнитивной психологии во второй половине XX в. следует в сравнении с доминировавшим перед ней подходом — бихевиоризмом. В начале XX в. Джон Уотсон[1] выдвинул положение о том, что психология может стать по-настоящему экспериментальной и научной дисциплиной, лишь сосредоточившись на исследовании явлений, доступных внешнему наблюдению. Это означало, что бихевиористский подход сосредоточился на отношении между наблюдаемыми стимулами и наблюдаемыми ответами и не желал вводить какие-либо гипотетические теоретические конструкты[2].

Появление бихевиоризма объясняется тем, что Уотсон и его последователи хотели, чтобы психология достигла уровня таких общепризнанных естественно-научных дисциплин, как физика и химия. Логические позитивисты, например Карнап[3], считают, что в любой науке теоретические конструкты имеют смысл только в той степени, в какой они могут быть наблюдаемы. К тому же научные теории подкрепляются только наблюдаемыми фактами. Взгляды логических позитивистов позволили некоторым ведущим психологам, например Б.Ф. Скиннеру[4], утверждать, что физики и химики более продуктивны,

---

* *Eysenck M.W.* History of cognitive psychology // The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / M.W. Eysenck (Ed.). Cambridge, Mass.: Blackwell, 1994. P. 61—66. (*Перевод В.В. Петухова.*)

[1] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог; см. его тексты на с. 439—467, 468—470, 471—478 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] Термин *гипотетический конструкт* обычно вводят с целью обозначения (пока) не доступного наблюдению или измерению процесса, который предполагается существующим, поскольку согласно гипотезе вызывает определенные, доступные измерению явления. — *Ред.-сост.*

[3] Карнап (*Carnap*) Рудольф (1891—1970) — австрийский философ и логик, ведущий представитель логического позитивизма. — *Ред.-сост.*

[4] Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного течения радикального бихевиоризма; см. его текст на с. 589—605 наст. изд. — *Ред.-сост.*

чем психологи, потому что физика и химия в большей степени, чем психология, соответствуют характеристикам хорошей науки, на которые настойчиво указывали логические позитивисты.

В течение долгого времени бихевиоризм оставался крайне влиятельным, особенно в США. Но даже там, начиная с 50-х гг., его очарование стало постепенно рассеиваться. Это происходило по двум основным причинам.

Во-первых, бихевиоризм так и не предложил детального и адекватного объяснения сложной познавательной деятельности. Многие явления обусловливания[5] можно было объяснить (хотя, быть может, и ошибочно) в терминах ассоциаций между стимулами или между стимулами и ответами, но оказалось трудным, почти невозможным реализовать этот стимульно-реактивный подход в понимании такой сложной системы, как речь. То же самое можно сказать о попытках бихевиористов объяснить такие познавательные деятельности, как творчество и решение задач.

Во-вторых, философы науки в течение двадцатого столетия все больше и больше ставили под сомнение традиционные взгляды на научную деятельность. Так, Поппер[6] оспаривал положение о том, что научное наблюдение гарантирует объективность[7]. Он утверждал, что оно, напротив, во многом основано на предвзятых идеях и теоретических построениях. Нередко в своих лекциях он просил слушателей наблюдать, показывая, насколько типична их реакция «а что наблюдать?» в ответ на эту просьбу. Иначе говоря, наблюдение происходит не в вакууме, во многом оно зависит от того, что же мы хотим обнаружить.

Наиболее резко традиционные взгляды на науку критиковал Фейерабенд[8]. Он утверждал, что существует удивительно мало правил, которым подчиняется научная деятельность. На практике ученые следуют только одному правилу — «что-то происходит (*anything goes*)». Наука отличается от не науки больше, чем считает Фейерабенд, но его взгляды, а также взгляды многих философов науки, несомненно, оказали раскрепощающее влияние на психологию. Если даже точные науки, такие как физика и химия, не придерживаются строгих правил, то и психологии не нужно им следовать. Это означало, что жесткие позиции и ограничения бихевиоризма могут быть преодолены более гибкими подходами, среди которых вскоре заявила о себе и когнитивная психология.

---

[5] *Обусловливание* — один из основных процессов научения, заключающийся в том, что стимулы, прежде не вызывающие определенные ответы, начинают их вызывать. — *Ред.-сост.*

[6] Поппер (*Popper*) Карл Раймунд (1902—1994) — австрийский, позже британский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Popper K.R.* Objective Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 1972.

[8] См.: *Feyerabend P.* Against Method: Outline of an Anarchist Theory of Knowledge. L.: New Left Books, 1975. [Фейерабенд (*Feyerabend*) Пол Карл (1924—1994) — американский философ и методолог науки (см., например, сборник его работ «Избранные труды по методологии науки». М.: Прогресс, 1986). — *Ред.-сост.*]

Найти отправную точку для такой крупной академической дисциплины, как когнитивная психология, довольно трудно. Одна из причин этого состоит в том, что невозможно провести границу между ранними исследованиями, которые несомненно родственны современной когнитивной психологии, хотя и внесли в ее развитие небольшой вклад, и исследованиями, сыгравшими решающую роль в ее становлении. Блестящим примером такой ранней работы является исследование, проведенное нейропсихологами в конце XIX в. Его авторы попытались объяснить нарушения речи больных с травмами головного мозга поражением его особых участков, отвечающих за речевую деятельность, и определить те области мозга, которые функционально ей соответствуют[9]. Данное исследование и теория нейропсихологов XIX в. имеют прямое отношение к тому разделу современной когнитивной психологии, который называется когнитивной нейропсихологией, хотя они и не оказали практически никакого влияния на возникновение когнитивной психологии в 50-е гг. двадцатого столетия.

Общепризнано исключительное влияние на развитие когнитивной психологии идей Уильяма Джеймса[10]. Он был прежде всего теоретиком, и большинство его теоретических представлений о внимании и памяти приемлемы и сегодня. Например, он различал «первичную память», которая образует психологическое настоящее, и «вторичную память», определяемую им как психологическое прошлое. Когнитивные психологи, например Аткинсон и Шиффрин, предлагают, по сути, сходное различение между кратковременной и долговременной памятью[11].

Еще один существенный вклад в становление когнитивной психологии внес сэр Фредерик Бартлетт[12]. Уже во время Первой мировой войны он начал исследования памяти в условиях, близких к реальной жизни, выясняя, сколь хорошо могут сохраняться рассказы через разные временные интервалы. Особенно важным оказался его теоретический подход к памяти. Он утверждал, что запоминание рассказа определяется некоторой схемой, т.е. каким-то организованным знанием, имеющимся у читателя. Теоретические представления Бартлетта о схемах практически не повлияли на исследования памяти в 40-е и 50-е гг., но позже, в 60-е гг. и далее, оказались в фокусе внимания когнитивных психологов.

---

[9] См.: *Ellis A.W., Young A.W.* Human Cognitive Neuropsychology. L.: Lawrence Erlbaum Associates Ltd., 1988.

[10] См.: *James W.* Principles of Psychology. N.Y.: Holt, 1890. [Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ; см. его текст на с. 74—93 наст. изд. — *Ред.-сост.*]

[11] См.: *Atkinson R.C., Shiffrin R.M.* Human memory: A proposed system and its control processes // The Psychology of Learning and Motivation. Vol. 2 / K.W. Spence, J.T. Spence (Eds.). L.: Academic Press, 1968.

[12] См.: *Bartlett F.C.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932. [Бартлетт (*Bartlett*) Фредерик Чарлз (1886—1969) — английский психолог. — *Ред.-сост.*]

Еще несколько важных предпосылок современной когнитивной психологии можно обнаружить и в рамках самого бихевиоризма. Толмен[13] был одним из ведущих бихевиористов. Его исследования привели к необходимости пересмотра классической психологии поведения в нескольких направлениях, соответствующих когнитивной психологии[14]. Халл[15] и другие исследователи, опираясь на строгие бихевиористские понятия, утверждали, что крысы научаются пробегать лабиринт путем связывания лабиринтных стимулов с конкретными ответами — мышечными движениями. Толмен же сумел доказать, что пробежка крыс по лабиринту включает в себя намного больше, чем простые связи «стимул — реакция» (*S* — *R*). Он обнаружил, что крысы, научившиеся пробегать по определенному маршруту лабиринта, столь же успешно проплывали по нему, когда этот лабиринт заполняли водой, хотя мышечные движения при этом были совершенно иными, чем при пробежке. Отсюда Толмен заключил, что у крысы, пробежавшей по лабиринту несколько раз, сформировалась «когнитивная карта», т.е. внутреннее представление лабиринта, которое дает ей возможность либо пробегать, либо проплывать его в зависимости от ситуации. Основной вывод состоял в том, что научение крысы можно понять, только учитывая внутренние процессы и структуры.

Важную роль в развитии когнитивной психологии сыграла компьютерная метафора работы познавательной сферы человека. Психологи всегда были склонны к использованию результатов новейших технологических разработок в качестве метафор основных психических процессов. В особенности ясно это можно увидеть в попытках теоретического описания памяти[16]. Древние греки сравнивали работу мнемической системы с восковыми дощечками. Спустя века эти метафоры были заменены другими, такими как коммутаторы, граммофоны, магнитофоны, библиотеки, ленты конвейера и маршруты метро. Что касается компьютера, то утверждалось важное сходство между его работой и тем, что происходит в головном мозге человека. Как пишет Саймон[17], «еще десятилетие тому назад подобие информационных процессов, протекающих в таких конкретных системах, как компьютеры и нервная система человека, надо было доказывать. Теперь же оно очевидно всем»[18].

---

[13] Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886 — 1959) — американский психолог; см. его тексты на с. 479—499 , 500—510, 511—517 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[14] См.: *Tolman E.C.* Purposive Behavior in Animals and Men. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1932.

[15] Халл (*Hull*) Кларк Ленард (1884—1952) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Roediger H.L.* Memory metaphors in cognitive psychology // Memory and Cognition. 1980. Vol. 8. P. 231—246.

[17] Саймон (*Simon*) Герберт Александр (1916—2001) — американский психолог, философ и экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (1978). — *Ред.-сост.*

[18] *Simon H.A.* Cognitive science: The newest science of the artificial // Cognitive Science. 1980. Vol. 4. P. 45.

Гарднер отмечает следующие основные вехи развития когнитивной психологии[19]. Он утверждает, что решающим стал 1956 г. В этом году состоялась конференция в Массачусетском технологическом институте, на которой Джордж Миллер[20] сделал доклад о магическом числе семь в кратковременной памяти, Ньюэлл[21] и Саймон вынесли на обсуждение свои компьютерные модели, названные «общим решателем проблем», а Ноам Хомский[22] представил свою теорию языка. В том же году прошла знаменитая Дартмутская конференция, в работе которой участвовали Хомский, Маккарти[23], Миллер, Минский[24], Ньюэлл и Саймон. Теперь считают, что эта конференция положила начало исследованиям в области искусственного интеллекта[25]. В том же году вышла в свет первая книга, в которой с позиций когнитивной психологии описывалось формирование понятий[26].

В 60-е и 70-е гг. когнитивная психология находилась под сильным влиянием теории Бродбента[27]. По существу, было признано, что между явлениями внимания, восприятия, кратковременной и долговременной памяти существуют важные связи. Все эти явления могут быть поняты, если предположить, что информация проходит через сложную когнитивную систему, состоящую из множества взаимозависимых процессов. Согласно данному теоретическому подходу, процесс переработки стимулов состоит из сравнительно неизменной последовательности стадий, начиная от модально-специфических хранилищ и кончая поступлением в долговременную память.

Одну из лучших попыток когнитивной психологии представить базовую схему основных процессов переработки информации предприняли Р. Лакман, Д. Лакман и Баттерфилд[28]. Этот подход состоит из нескольких допущений.

---

[19] См.: *Gardner H.* The Mind's New Science. N.Y.: Basic Books, 1985.

[20] Миллер (*Miller)* Джордж Армитидж (р. 1920) — американский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

[21] Ньюэлл *(Newell)* Аллен (1927—1992) — американский когнитивный психолог и специалист по информатике. — *Ред.-сост.*

[22] Хомский (*Chomsky*) Ноам (р. 1928) — американский лингвист, философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[23] Маккарти (*McCarthy*) Доротея (1906—1974) — американский психолог, специалист в области возрастной психологии. — *Ред.-сост.*

[24] Минский (*Minsky*) Марвин Ли (р. 1927) — американский философ и специалист в области искусственного интеллекта. — *Ред.-сост.*

[25] *Искусственный интеллект* (artificial intelligence) — область междисциплинарных исследований, занимающаяся разработкой компьютерных систем, имитирующих мышление человека и способных к решению сложных задач. — *Ред.-сост.*

[26] См.: *Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A Study of Thinking. N.Y.: Wiley, 1956.

[27] См.: *Broadbent D.E.* Perception and Communication. L.: Pergamon Press, 1958. [Бродбент (*Broadbent*) Дональд (1926—1993) — английский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*]

[28] См.: *Lachman R., Lachman J.L., Butterfield E.C.* Cognitive Psychology and Information Processing. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Ltd., 1979.

Первое заключается в том, что психику можно рассматривать как многоцелевую систему, обрабатывающую символы. Согласно второму предположению, цель когнитивной психологии заключается в определении тех процессов символизации и репрезентации, которые участвуют в решении всех когнитивных задач. Дополнительно предполагается, что психика — это процессор, мощность (*capacity*) которого имеет как структурные, так и ресурсные ограничения.

Этот общий подход до сих пор остается в силе. Однако одной из его главных слабостей в 60-е и 70-е гг. было то, что ударение ставилось не на концептуально ведомых (*conceptually driven*) процессах, а на процессах, ведомых данными (*data driven*). Другими словами, игнорировались способы изменения обработки стимуляции в зависимости от прошлого опыта и ожиданий человека. Зачастую предполагалось, что обработка происходит последовательным образом, т.е. следующий процесс начинается тогда, когда завершается предыдущий. Быть может, это и справедливо для решения определенных задач, но в настоящее время установлено, что допущение о последовательной обработке правомерно далеко не всегда. В последние годы все более популярным становится другой взгляд, согласно которому процессы нередко перекрываются и взаимодействуют друг с другом.

Еще одно важное ограничение исследований в когнитивной психологии в 60-е и 70-е гг. состояло в том, что они проводились, главным образом, в лабораторных условиях и были направлены на решение академических, а не прикладных вопросов. Иначе говоря, когнитивной психологии не хватало того, что обычно называют экологической валидностью, т.е. связей с реальными жизненными проблемами. В последние годы это положение существенно меняется. Например, во много раз увеличилось количество исследований речи, которая в реальной жизни, конечно, имеет центральное значение. Детально изучаются и такие ключевые вопросы, как достоверность свидетельских показаний. Наконец, пожалуй, особенно важно то, что в когнитивной психологии резко возросло количество исследований познавательной деятельности лиц особых категорий, например, пациентов с травмами головного мозга, с нарушениями в эмоциональной сфере, а также принадлежащих к разным социальным группам.

При внимательном взгляде на современное состояние когнитивной психологии становится очевидным, что когнитивные психологи значительно отличаются друг от друга по своим целям и подходам. Действительно, быть может именно этим разнообразием современная когнитивная психология наиболее явно отличается от той, какой она была десять или двадцать лет тому назад. В настоящее время когнитивные психологи работают в разных отраслях: в социальной, возрастной психологии и в психологии личности. Но, пожалуй, самое удивительное то, что когнитивные психологи начинают атаковать даже цитадель бихевиоризма — явления обусловливания. Например, установлено, что обусловливание зависит от процессов обработки информации и

включает в себя отбор соответствующей информации и ее интеграцию с хранимой в памяти информацией о соответствующих переживаниях и событиях[29].

Айзенк и Кейн считают, что когнитивных психологов можно разделить по меньшей мере на три основные группы[30]. В первую группу входят когнитивные психологи-экспериментаторы, которые следуют традиционному когнитивно-психологическому подходу, фокусированному на сборе данных и построении теорий. Во вторую — когнитивные психологи, которые создают компьютерные модели и считают компьютер хорошей метафорой человеческого познания. Как представители когнитивной науки они отличаются друг от друга в оценке значения традиционного эксперимента. Третью группу образуют когнитивные нейропсихологи. Их интересуют типовые паттерны когнитивных нарушений у больных с поражениями головного мозга, так как исследование патологии может оказаться полезным для понимания нормального человеческого познания. Детально изучая пациентов с разными локальными поражениями головного мозга, у которых обнаруживаются различные нарушения познавательной сферы, можно, в принципе, определить если не все, то хотя бы большинство механизмов познавательной деятельности.

Существуют основания и для выделения четвертой группы когнитивных психологов, которых можно назвать практиками. Безусловно верно, что они отличаются от остальных когнитивных психологов в том, что именно они изучают, и какие методы при этом используют. Однако далеко не ясно, есть ли систематические различия между прикладными и остальными когнитивными психологами в плане теоретических концепций и ориентаций, и потому едва ли стоит выходить за пределы вышерассмотренной классификации когнитивных психологов на три группы.

Конечно, многих когнитивных психологов отнести исключительно к одной из упомянутых категорий невозможно. Так, ряд когнитивных психологов в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии являются и экспериментаторами, и нейропсихологами. Следовательно, разделение когнитивных психологов на три категории не абсолютное. Айзенк и Кейн все-таки утверждают, что большинство когнитивных психологов в точности укладываются в одну из этих категорий, и потому предлагаемая ими схема классификации имеет определенную ценность[31].

Разные категории когнитивных психологов разделяются и по своей приверженности либо эмпирическому, либо рационалистическому направлению. Когнитивные психологи-экспериментаторы и когнитивные нейропсихологи

---

[29] См.: *Alloy L.B., Tabachnik N.* Assessment of covariation by humans and animals: The joint influence of prior expectations and current situational information // Psychological Review. 1984. Vol. 91. P. 112—149.

[30] См.: *Eysenck M.W., Keane M.T.* Cognitive Psychology: A Student's Handbook. L.: Lawrence Erlbaum Associates Ltd., 1990.

[31] См.: Там же.

тяготеют к эмпиризму, поскольку предполагают, что понимание поведения человека может быть достигнуто на основе наблюдения и эксперимента. Представители когнитивной науки [вторая группа в вышеприведенной классификации. — *Ред.-сост.*], напротив, склонны к рационализму, поскольку более адекватным считают путь построения формальных систем, подобных тем, которые встречаются в математике. Разумеется, многие когнитивные психологи занимают позицию компромисса между полным эмпиризмом и абсолютным рационализмом.

Новейшая история когнитивной психологии говорит о том, что ни один из указанных подходов (т.е. экспериментальная когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная нейропсихология) не обладает каким-то ему присущим превосходством над другими подходами. Каждый из них значим и по-своему правомерен. Было бы особенно важным постараться показать, что все три подхода дают *воедино сводимые доказательства* (*converging evidence*). Другими словами, уверенность в правомерности теории растет в том случае, когда она находит подтверждение во всех трех подходах, а не только в одном или двух. Это значит, что в будущем скорее всего должно произойти не отбрасывание какого-то из этих трех подходов, а их расширение и развитие.

В целом история говорит о том, что когнитивная психология становится все более и более влиятельной и разветвленной. Когда-то она была сосредоточена на изучении лабораторных явлений. Но к настоящему времени методы и теоретические взгляды когнитивной психологии распространились почти на все области психологии. Томас Кун[32] убедительно доказал, что научная дисциплина становится повсеместно господствующей благодаря особой теоретической ориентации, которую он назвал «парадигмой». Существуют сильные доводы, подкрепляющие предположение о том, что такую парадигму образует подход переработки информации, принятый в когнитивной психологии.

---

[32] Кун (*Kuhn*) Томас Сэмюэл (1922—1996) — американский историк и философ (см. его книгу «Структура научных революций». М.: Изд-во АСТ, 2003). — *Ред.-сост.*

Э.Х. Маслоу

[Третья сила в психологии]*

Впервые вышедшая в свет в 1954 г., эта работа, в сущности, представляла собой попытку построения такой теории, которая *базировалась* бы на классической психологии того времени и в то же самое время никак не отвергала бы ее и не противостояла бы ей. Я пытался расширить наши представления о личности, выходя на «высшие» уровни человеческой природы. (Я даже подумывал назвать ее «Дальние пределы человеческой природы».) Если бы вы попросили меня кратко изложить основной тезис той книги, то я бы сказал так: психология много толковала о человеческой природе, но *кроме* этой природы человек имеет еще и высшую природу, и эта его природа инстинктоподобна, т.е. является частью его сущности. <...>

<...> Я ценю эмпирический багаж, накопленный экспериментальной психологией и психоанализом, но мне претят проповедуемые этими науками идеи. Мне близок экспериментаторский задор бихевиоризма и всеобнажающий, всепроникающий дух психоанализа, но я не могу согласиться с тем *видением* человека, которое они предлагают. Иначе говоря, своей книгой я представляю иную философию человеческой природы, предпринимаю попытку иначе очертить образ человека.

Однако если раньше я воспринимал свои разногласия с бихевиоризмом и психоанализом как спор, не выходящий за рамки психологии, то теперь я вижу в них локальное проявление нового *Zeitgeist* [дух времени (нем.). — *Ред.-сост.*], своего рода знамения времени, я воспринимаю их как признак зарождения новой генерализованной и всеохватывающей философии жизни. Это новое гуманистическое мировоззрение внушает мне радость и оптимизм; оно, как мне кажется, может оказаться плодотворным в любой области человеческого знания, будь то экономика, социология или биология, в любой сфере профессионального знания — в юриспруденции, политике, медицине; оно поможет нам понять истинное значение таких социальных институтов как семья, религия, образова-

* *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 11—13, 16, 21—22, 27, 31, 32.

ние. Именно это убеждение побудило меня переработать свою книгу, посвятив ее изложению новой психологии. Эта психология — лишь часть общего мировоззрения, один из аспектов всеобъемлющей философии жизни, философии, пока не приобретшей завершенной формы, но которая видится нам все более и более возможной, а значит, требует к себе серьезного отношения.

Не могу не упомянуть здесь крайне огорчительный для меня факт, заключающийся в том, что это поистине революционное знание (новое представление о человеке, обществе, природе, ценностях, новое понимание науки, философии и т.п.) до сих пор не попало в поле зрения наших интеллектуалов, а порой сознательно не замечается ими, особенно теми, в чьем ведении находятся средства связи с образованной частью общества и молодежью. (Отчасти поэтому я говорю о «тайной революции».)

Мировоззрение очень многих представителей интеллектуальной элиты отмечено печатью глубокой безысходности и цинизма, цинизма, доходящего порой до разъедающей душу злобы, даже жестокости. Эти интеллектуалы отрицают возможность совершенствования человека и общества, отказываются видеть внутренние, сущностные ценности, заложенные в каждом человеке, не признают за ним жизнелюбия и любви. <...>

Этой субкультуре безнадежности, этой установке «ты ничем не лучше», этой антиморали, в основе которой лежат агрессия, безнадежность, где нет места для доброй воли, прямо противостоит гуманистическая психология, вооруженная данными предварительных исследований, которые представлены в этой книге, и трудами, указанными в библиографии. <...>

<...> Я пытаюсь выстроить некую систему сущностных человеческих ценностей, своего рода свод общечеловеческих добродетелей, которые сами для себя служат обоснованием и подтверждением — они изначально, по сути своей благие, они исконно желанны и именно поэтому не нуждаются ни в оправданиях, ни в оговорках. Эта иерархия ценностей уходит корнями в саму природу человека. Человек не просто желает их и стремится к ним, они необходимы ему, необходимы для того, чтобы противостоять болезни и психопатологии. Облекая эту мысль в другие слова, скажу, что базовые потребности и метапотребности[1] являются своего рода внутренним подкреплением, тем безусловным стимулом, на базе которого в дальнейшем произрастают все инструментальные навыки и условные связи. Иначе говоря, для того чтобы достичь этих внутренних ценностей и животные, и люди готовы научиться чему угодно, лишь бы новые знания или новые навыки приближали их к этим главным, конечным ценностям.

Мне хотелось бы, пусть мельком, затронуть здесь еще одну идею. На мой взгляд, мы можем рассматривать инстинктоподобные базовые потребности и метапотребности не только как потребности, но и как неотъемлемые *права* человека. Эта мысль неизбежно приходит в голову, стоит только признать, что

---

[1] См.: *Maslow A.N.* A theory of metamotivation: the biological rooting of the value-life // J. humanistic Psychol. 1967. № 3. P. 93—127.

человек имеет такое же право быть человеком, как кошка имеет право быть кошкой. Только удовлетворяя свои потребности и метапотребности, человек становится «дочеловеченным», и именно поэтому их удовлетворение следует рассматривать как естественное человеческое право. <...>

По моему мнению, человек обладает лишь *очень слабыми* рудиментами инстинктов, которые даже не стоило бы называть инстинктами в истинном, животном, смысле этого слова. Эти рудименты, эти инстинктоидные тенденции настолько слабы, что не могут противостоять культуре и научению, — последние факторы гораздо более сильны и могучи. Фактически, можно сказать, что психоанализ и другие формы вскрывающей терапии, хотя бы тот же «поиск идентичности», выполняют очень трудную, очень деликатную задачу высвобождения инстинктоидных тенденций, вызволения слабо обозначенной сущностной природы человека из-под груза внешних пластов, сформированных научением, привычками и культурными влияниями. Одним словом, человек имеет биологическую сущность, но эта сущность очень слаба и нерешительна; необходимы специальные методы, чтобы обнаружить ее. Человеку приходится искать и обнаруживать в себе — индивидуально и субъективно — свое животное начало, свою биологическую человечность.

Таким образом, мы приходим к выводу, что человеческая природа чрезвычайно податлива, податлива в том смысле, что культура и среда с легкой небрежностью угнетают или даже убивают в нас присущий нам генетический потенциал, но они не в состоянии породить его или усилить. Мне думается, этот вывод может послужить веским аргументом в пользу предоставления абсолютно равных социальных возможностей всем младенцам, приходящим в этот мир. Он же может стать чрезвычайно мощным аргументом в пользу хорошего общества, поскольку плохое общество угнетает развитие врожденного потенциала человека. Последнее положение подкрепляет и развивает ранее выдвинутое мною утверждение о том, что принадлежность к роду человеческому *ipso facto* [в силу самого факта (лат.). — *Ред.-сост.*] дает человеку право стать дочеловеченным, т.е. актуализировать все возможные человеческие потенции. Человечность как принадлежность к человечеству должна определяться не только в терминах бытия, но и в терминах становления. Мало *родиться* человеком, нужно *стать* им. В этом смысле младенец только в потенции является человеком, он должен дорасти до человечности, и в этом ему должны помочь семья, общество и культура.

Приняв эту точку зрения, мы в конечном итоге станем серьезнее, чем прежде, относиться и к самой идее человечности (биологической), и к индивидуальным различиям между людьми. Рано или поздно мы научимся думать об этих феноменах по-новому. Во-первых, мы поймем, что человечность — слишком пластичное и хрупкое, легко изменяемое и уничтожаемое явление, что вторжение в процесс дочеловечивания и стремление грубо воздействовать на индивидуальные особенности человека может порождать всевозможные тонкие, почти неуловимые формы патологии. Это понимание, в свою очередь, поставит перед нами весьма деликатную задачу поиска и раскрытия характера

конституции скрытых *наклонностей* каждого индивидуума, с тем, чтобы индивидуум мог расти и развиваться в своем стиле, индивидуальном и неповторимом. Такой подход потребует от психологов гораздо большего внимания к тем едва уловимым психологическим и физиологическим нарушениям, к тем страданиям, которыми человек расплачивается за отрицание и забвение своей истинной природы и которые порой не осознаются им и ускользают от внимания специалистов. Это, в свою очередь, означает гораздо более точное, и вместе с тем более широкое употребление термина «правильное развитие», распространение его на все возрастные категории. <...>

Мы неуклонно приближаемся к открытию и познанию ценностей, свойственных человеческой природе, стоим на пороге постижения системы ценностей, которая может заменить собой религию, удовлетворить человеческое стремление к идеалу, вооружить человека нормативной философией жизни, дать каждому то, в чем он нуждается, о чем тоскует, без чего человеческая жизнь становится порочной, вульгарной и тривиальной. <...>

Движение в сторону самоактуализации[2] и дочеловеченности становится возможным благодаря целостной иерархии «хороших условий». Эти физические, химические, биологические, межличностные, культуральные условия значимы для индивидуума настолько, насколько они обеспечивают или не обеспечивают удовлетворение его базовых человеческих потребностей и «прав», насколько позволяют ему стать достаточно сильным, достаточно автономным, чтобы самостоятельно управлять своей жизнью.

Человека, взявшегося изучать эти предпосылки, может потрясти, насколько хрупок человеческий потенциал, насколько легко он может быть разрушен или угнетен, настолько легко, что дочеловеченный человек кажется нам чудом, невероятной случайностью, внушающей благоговейный страх и трепет. Но вместе с тем уже сам факт существования самоактуализированных людей убеждает нас в возможности самоактуализации, и, воодушевленные, мы верим, что все опасности преодолимы, что финишная черта может быть пересечена. <...>

В заключение мне бы хотелось назвать книгу, которую вы держите в своих руках, провозвестницей гуманистической психологии, или воплощением того, что сегодня называют Третьей силой. Очень юная с точки зрения классической науки, гуманистическая психология открыла перед учеными двери для изучения таких психологических явлений, которые можно назвать трансцендентными или трансперсональными, тех фактов, которые прежде были принципиально исторгнуты из сферы научного рассмотрения бихевиоризмом и фрейдизмом.

---

[2] *Самоактуализация* — введенный немецко-американским психологом К. Гольдштейном (1978—1965) термин, обозначающий мотив полной реализации собственных возможностей или потенциала (талантов и способностей), а в теории Э. Маслоу самоактуализацией называется высший уровень развития психики человека. Однако оба автора в качестве особенностей (личностных черт) самоактуализирующихся людей имеют в виду примерно одно и то же: независимость, самостоятельность, немногочисленные, но глубокие дружественные связи, «философское» чувство юмора, сопротивляемость давлению внешних обстоятельств. — *Ред.-сост.*

Э.Р. Валентайн

Гуманистическая психология*

Когда мы изображаем человека таким, какой он есть, мы оказываем ему плохую услугу; но когда мы изображаем человека таким, каким он должен быть, мы помогаем ему стать таким, каким он может быть.

Гёте

<...> Мы рассмотрим диффузное направление, которое заслуживает особого внимания, потому что бросает серьезный вызов общепризнанной бихевиористской психологии. Это течение известно как гуманистическая психология. Так называют множество не связанных друг с другом определенных групп, имеющих, несмотря на это, общую тематику. Для адекватного понимания этого направления необходимо начинать с рассмотрения его главных исторических предшественников — феноменологии и экзистенциализма.

Феноменология

Термин *феноменология* (от греч. *phenomenon* — явление, т.е. то, что само себя показывает) был введен в середине XIX в. в связи с изучением сущностной природы сознания. Его следует отличать от термина *феноменализм,* обозначающего метафизическую теорию, в которой в качестве реально существующих постулируются только феномены, отделенные от некой лежащей в их основе реальности: ***ноуменов***, или вещей в себе. С точки зрения феноменологии реальность связана с сознанием, хотя и выходит за его пределы. Феноменологию следует отличать от самонаблюдения, изучающего факты внутри сознания. Цель фено-

* *Valentine E.R.* Conceptuall Issues in Psychology. L.: Georg Allen and Unvin, 1982. P. 154—163. (***Перевод С.А. Капустина.***)

менологии заключается в систематическом описании инвариантных структур сознания, которые устанавливают необходимые предпосылки опыта и знания. В этом смысле она предваряет все другие исследования. Ее цель состоит в том, чтобы выяснить, «какой должна быть психика, чтобы мир объектов был для нее существующим», или, в их терминологии, как объективное устанавливается субъективно[1]. Сознание и допускается реальностью, и обнаруживает реальность.

Для того, чтобы постичь *zu den Sachen Selbst* [вещи сами по себе (нем.) — *Ред.-сост.*], необходимо неотступно следовать методу феноменологической *редукции*, ступенчатой последовательности изменений видения в истинном свете. ***Натуралистическая точка зрения*** поясняется на примере естественных наук, исследующих объективную реальность. В ***описательной феноменологии*** объектом исследования становится само сознание. Шпигельберг выделяет три фазы этого исследования:

> (а) интуиция — интенсивное сосредоточение и внимательный внутренний пристальный взгляд на феномены; (б) анализ — нахождение различных составляющих феноменов и их взаимосвязи; (в) описание — составление отчета об интуитивном постижении и анализе феноменов таким образом, чтобы другие люди могли понять эти феномены[2].

Трансцендентальная феноменология включает в себя интуитивное постижение сущностей посредством эйдетической редукции, при которой идея чего-то может быть достигнута путем изучения ее примеров; этот метод может быть расширен путем исследования воображаемых изменений для того, чтобы определить пределы и, следовательно, сущностную природу объекта.

Феноменологический метод требует устранения каких-либо предположений настолько, насколько это возможно. Центральным приемом в этом методе является ***заключение в скобки*** или отбрасывание в сторону предположений, характерных для натуралистической установки, например, веры в существование объективной реальности, пространства, времени и самого себя. Если эта приостановка суждения (или *epoche*, согласно древнегреческому слову, обозначающему воздержание от суждения) успешно достигнута, тогда и только тогда обнаруживается поток чистого сознания. Опыт сохраняется, но способ его восприятия трансформируется. (Интересно сравнить это с определенными формами медитации.)

Взаимозависимость познающего и познаваемого — центральный принцип феноменологии. Наука не обнаруживает, а устанавливает мир. Не суще-

---

[1] См.: *Bolton N.* Phenomenology and psychology: being objective about the mind // Philosophical Problems in Psychology / N. Bolton (Ed.). L.: Methuen, 1979. P. 158—175.

[2] *Spiegelberg H.* The Phenomenological Movement: A Historical Introduction. The Hague: Nijhoff, 1971.

ствует воззрения, обладающего онтологическим приоритетом. По существу здесь подразумевается диалектическая модель. Отвергается как дуализм между субъективным и объективным, так и сведение одного из них к другому. Таким образом устраняются крайности рационализма, который придает чрезмерное значение вкладу психики, и эмпиризма, который придает чрезмерное значение вкладу мира. Боултон[3] проводит сопоставление феноменологии с концепцией взаимодействия Пиаже[4]. Применительно к психологии, феноменология привела к фокусировке внимания, во-первых, на перспективе субъекта и том значении, которое имеет для него данная ситуация — то и другое рассматривают как ключи к пониманию его поведения; во-вторых, на интерсубъективности или коллективных значениях. Акцент ставится не на объяснении, а на понимании, и принимается позиция антиредукционизма.

Истоки феноменологической мысли можно найти у Августина[5] и Аквинского[6], а также у Канта[7], который занимался предпосылками познания. Кант пришел к выводу о существовании двенадцати априорных категорий познания, таких, например, как субстанция и причина, а также двух фундаментальных «форм интуиции», а именно, пространства и времени. Они необходимы в качестве предварительных условий как аналитического, так и синтетического познания.

Еще одним предшественником был Франц Брентано[8], который ввел понятие *интенциональности*, согласно которому психические акты (такие как восприятие, мышление или желание) всегда направлены или имеют ввиду объекты (нечто воспринимаемое, мыслимое или желаемое), не обязательно являющиеся объектами внешнего мира.

Основоположник феноменологии, Эдмунд Гуссерль[9], опубликовал формальное изложение своей системы в «Логических исследованиях» (1901) и «Идеях» (1913). Центральным здесь стало понятие *Lebenswelt*, в буквальном переводе с немецкого — «жизненного мира», т.е. мира повседневного опыта. Идеи *Lebenswelt* как мира жизненного опыта и динамического отношения меж-

---

[3] См.: *Bolton N.* Phenomenology and psychology: being objective about the mind // Philosophical Problems in Psychology / N. Bolton (Ed.). L.: Methuen, 1979. P. 158—175.

[4] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

[5] Августин (*Augustinus*) (Блаженный) Аврелий (354—430) — философ и христианский теолог. — *Ред.-сост.*

[6] Фома Аквинский (*Thomas Aquinas*) (1225 или 1226—1274) — христианский богослов и философ. — *Ред.-сост.*

[7] Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классическй философии. — *Ред.-сост.*

[8] Брентано (*Brentano*) Франц (1838—1917) — австрийский философ. Среди его непосредственных учеников в разные годы были К. Штумпф, А. Мейнонг и Э. Гуссерль. — *Ред.-сост.*

[9] Гуссерль (*Husserl*) Эдмунд (1859—1938) — немецкий философ, основатель феноменологии. — *Ред.-сост.*

ду сознанием и реальностью разработал Мерло-Понти[10] в работах «Структура поведения» (1942) и «Феноменология восприятия» (1945).

Феноменология, в особенности ее методологические следствия, привлекла внимание ряда психологов. Феноменологическими можно назвать методы, использованные при изучении восприятия цвета Гёте[11] и Пуркинье[12] и звуков Штумпфом[13]. С Гуссерлем был непосредственно связан представитель вюрцбургской школы психологов Карл Бюлер[14], а также Давид Катц[15], работа которого наряду с работами Э.Р. Йенша[16] и Эдгара Рубина[17] предвосхитила гештальтпсихологию. Бюлер, Катц и гештальтпсихологи предпочитали методику «наивного» наблюдения. Вертхаймер[18], Коффка[19] и Кёлер[20] работали в Геттингене одновременно с Гуссерлем, но с самого начала не признавали его взгляды, а позже Кёлер специально провел грань между своей философской позицией и философией Гуссерля. Феноменологический метод использовали также Бойтендайк, Э. Штраус и Мишотт[21] в Европе; Гольдштейн[22], Снигг и Маклауд в США и, в более недавнее время, Роджерс[23], Гоффман и Шоттер. К группе, которая разделяла некоторые из методологических идей феноменологии, хотя и сформировала собственную традицию, можно отнести этологов,

---

[10] Мерло-Понти (*Merleau-Ponty*) Морис (1908—1961) — французский философ, представитель феноменологии, близкий к экзистенциализму. — *Ред.-сост.*

[11] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[12] Пуркине (Пуркинье) (*Purkinje*; *Purkyne*) Ян Эвангелиста (1787—1869) — чешский физиолог и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[13] Штумпф (*Stumpf*) Карл (1848—1936) — немецкий психолог. — *Ред.-сост.*

[14] Бюлер (*Buhler*) Карл (1879—1963) — немецко-австрийский языковед и психолог. — *Ред.-сост.*

[15] Катц (*Katz*) Давид (1884—1953) — немецкий психолог, эмигрировавший в 1933 г. в Англию и затем в Швецию. — *Ред.-сост.*

[16] Йенш (*Jaensch*) Эрих (1883—1941) — немецкий психолог, основоположник струтурной типологии —*Ред.-сост.*

[17] Рубин (*Rubin*) Эдгар (1886—1951) — датский психолог. — *Ред.-сост.*

[18] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии; см. его текст на с. 528—539 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[19] Коффка (*Koffka*) Курт (1886—1941) — немецкий, позже американский психолог; один из основателей гештальтпсихологии; см. его текст на с. 540—567 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[20] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии, с 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 568—580 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[21] Мишотт (*Michotte*) Альберт (1881—1965) — бельгийский психолог. — *Ред.-сост.*

[22] Гольдштейн (*Goldstein*) Курт (1978—1965) — немецкий, позже американский, нейролог, психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

[23] Роджерс (*Rogers*) Карл (1902—1987) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

полагавших, что описанию поведения в естественном окружении следует отвести более высокую позицию, чем объяснению поведения в искусственных лабораторных условиях.

Оценка

Феноменология изучает природу сознания. [В предыдущих главах. — *Ред.-сост.*] мы пришли к выводу, что опыт сознания был законным объектом психологического исследования, и связанные с ним методологические трудности не были ни непреодолимыми, ни радикально отличными от тех, которые возникали в связи с другими объектами исследования. Поскольку феноменология рассматривает сущностные характеристики сознания, необходимые для установления мира объектов, то как основание всех наук она в большей степени связана с гносеологией[24], чем с психологией.

Понятие интенциональности, на мой взгляд, в большей степени связано с основами философии, чем с психологией. Тем не менее, оно привело к существенной разработке понятия репрезентации, занимающего центральное место в когнитивной психологии[25]. Магин благосклонно обсуждает использование этого понятия при объяснении поведения.

Понятие жизненного мира, подразумевающее как отказ от дуализма субъекта и объекта, так и сведение одного из них к другому, представляет собой совершенно иное основание, которое не было полностью признано в психологии, хотя и подтолкнуло Пиаже в психологии развития и авторов некоторых теорий в социальной психологии[26] к рассмотрению субъекта как взаимодействующего со своим окружением. Диалектическая модель, подразумеваемая феноменологией[27], противоположна во всех отношениях той модели причинности, которой твердо придерживается психология. Трудности, с которыми столкнулась философия в своих попытках дать связное определение понятия причинности, современные исследования в области общественных наук и, в особенности, в физике[28], говорят о том, что феноменологическая перспектива может оказаться более адекватной.

---

[24] *Гносеология* — теория познания; раздел философии, в котором изучаются сущность и возможности познания, его предпосылки, условия достоверности и истинности знания, его отношения к реальности. В странах английского и французского языка соответствующую область философских исследований называют эпистемологией. В данном тексте английский термин *epistemology* переводится как гносеология. — *Ред.-сост.*

[25] См. напр.: *Fodor J.A.* The mind-body problem // Scient. Am. 1981. Vol. 244. P. 124—132.

[26] См. напр.: *Mischel T.* Toward a cognitive social learning reconceptualization of personality // Psychological Review. 1973. Vol. 80. P. 252—283.

[27] См.: *Rychlak J.F.* The Psychology of Rigorous Humanism. N.Y.: Wiley, 1977.

[28] См. популярное изложение: *Capra F.* The Tao of Physics. L.: Wildwood House, 1975.

В русле психологии растет понимание требования сосредоточить внимание на субъективном значении, увеличивается критика в адрес бихевиоризма и вопросов научности вообще, и предпринимаются попытки учета всего этого в особенности в области психологии мотивации, когнитивной и социальной психологии. Кроме того, в качестве конкретной реализации феноменологической перспективы в зоопсихологии начинают рассматривать этологию[29].

Феноменология рекомендует метод теоретически нейтрального наблюдения и описания, который пользовался успехом в психологии функционализма[30] и в этологии на этапе ее становления. Хотя это методическое условие во всем его объеме неосуществимо (невозможно без остатка устранить предположения и нереально передать опыт сознания без использования понятий), тем не менее, стремление к удовлетворению данного требования заслуживает похвалы. В сложных отраслях знания особенно плодотворным такое стремление оказывается на начальной стадии исследований, которую психологи, как правило, обходят стороной.

Экзистенциализм

Экзистенциализм — направление в философии и литературе, ростки которого появились в середине XIX в., хотя само название, происходящее от латинского ex-sistere (выстоять, возникать, становиться), впервые появилось в 20-е гг. XX в. и лишь в 40-е стало общеупотребительным. Первым толчком к движению в этом направлении послужила критика Гегеля[31] в лекциях Шеллинга[32]. Экзистенциализм сформировался как реакция на философию Гегеля и на западную

---

[29] См.: *Thines G.* Phenomenology and the Science of Behaviour. L.: Georg Allen and Unwin, 1977. [*Этология* — область междисциплинарных исследований биологии, зоологии и сравнительной психологии, сравнительно недавно выделенная как особая научная дисциплина, занимающаяся тщательным наблюдением за поведением животных в естественных условиях среды обитания и его описанием, а также обобщениями теоретического характера относительно тонкого взаимодействия в этом поведении генетических факторов и факторов окружения. — *Ред.-сост.*]

[30] *Психология функционализма* (или *функциональная психология*) — в широком смысле позиция функционализма в психологии представляет собой взгляды, подчеркивающие необходимость анализа психики и поведения не в плане их содержания, а в терминах их функций и пользы в плане приспособления к природной среде и социальному окружению. В данном случае о психологии функционализма говорится в более узком смысле как о психологической школе, формально заявленной и существовавшей в Чикагском университете в 10-е и 20-е гг. XX столетия (см. также текст Дж.Р. Эйнджелла на с. 94—102 наст. изд.). — *Ред.-сост.*

[31] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[32] Шеллинг (*Schelling*) Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854) — немецкий философ, представитель немецкого классического идеализма. — *Ред.-сост.*

философию в целом, с ее ориентацией на позитивизм[33], материализм[34], прагматизм[35] и разделение между субъектом и объектом.

Говорят, что человек, читающий экзистенциалистов без чувства раздражения, почти наверняка понимает их неправильно, и что их основные работы интеллектуально доступны только тем, кто тренирован в абстрактном теоретическом рассуждении и основательно изучил историю философии. Действительно, эти работы очень разнородны и трудны. Как замечает Айер[36], иногда они производят впечатление попытки просвистеть то, о чем не могут сказать[37].

Как следует из самого названия, в противоположность классической философии, в центре внимания которой находится сущность (т.е. анализ природы вещей), в философии экзистенциализма основной акцент ставится на существовании (т.е. на сознательном опыте). По мнению экзистенциалистов, все характеристики и свойства человека — следствия его существования. Их главный интерес сосредоточен не на мире, а на человеке, в особенности на условиях его существования и смысле его жизни. Барретт определяет экзистенциализм как философию, «которая встает лицом к лицу с человеческой ситуацией в целом, чтобы выяснить в чем заключаются основные условия человеческого существования, и как человек может создать свой собственный смысл в этих условиях»[38]. От вопроса Платона[39] и Аристотеля[40] «Что есть человек?» они переходят к вопросу Августина «Кто я есть?». Внимание фокусируется на индивидуальном и субъективном опыте, который принимается как достоверный и считается достаточным критерием истины. Допускаются иррациональные процессы и отрицается верховенство разума. Негативными аспектами условий человеческого существования считается смертность и подчиненность индивида обществу. Позитивный аспект — свобода. Для экзистенциалиста существенно важным положением является наличие свободы выбора: человек — это самоопределяющийся деятель, который творит свою собственную судьбу. По сло-

---

[33] *Позитивизм* — философская точка зрения, согласно которой познание ограничено наблюдаемыми фактами и выводами, которые могут быть сделаны на их основе, тогда как метафизические, умозрительные рассуждения должны быть полностью отброшены. — *Ред.-сост.*

[34] *Материализм* — философская позиция, в соответствии с которой только физическая материя признается первичной и реальной, т.е. действительно существующей. — *Ред.-сост.*

[35] *Прагматизм* — философская позиция, согласно которой ценность, значение и истинность утверждений приравниваются к их практическим, эмпирическим следствиям. — *Ред.-сост.*

[36] Айер (*Ayer*) Алфред (1910—1989) — британский философ. — *Ред.-сост.*

[37] См.: *Ayer A.J.* Reflections on existentialism // Metaphysics and Commonsense. L.: Macmillan, 1969. P. 203—218.

[38] *Barrett W.* What is Existentialism? N.Y.: Grove Press, 1964.

[39] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[40] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

вам Карла Ясперса[41], «человек — это то, чем в конечном итоге он станет благодаря причине, которую создал самостоятельно». Акцент ставится на потенциале, «становлении» и на возможностях существования. Задача заключается в стремлении к аутентичности[42].

Экзистенциалистами чаще всего называют следующих авторов:

Сёрен Кьеркегор[43], в наиболее известных книгах которого «Или — или», «Страх и трепет» и «Болезнь к смерти» доминирует тема человека и его конфликтов, возникающих главным образом в связи с его смертностью.

Мартин Хайдеггер[44], главная работа которого «Бытие и время» была посвящена человеческому существованию (*Dasein*), неразрывно связанному с миром (*бытие-в-мире*). Отличительной особенностью человека является сознавание существования и смертности, что вызывает у него страх и страдание, избавиться от которых он пытается с помощью условностей (*convention*).

Жан-Поль Сартр[45] разрабатывал экзистенциалистские темы смысла человеческого существования и реальности свободы и выбора. Самые известные его книги «Бытие и ничто» и «Тошнота», а также психологические работы «Воображение» и «Эмоции».

Карл Ясперс, психиатр, ставший философом, в «Общей психопатологии» (1913) подчеркивал важность субъективного опыта пациента и эмпатии[46] терапевта — темы, которые позже разрабатывал Карл Роджерс. Он писал о *становлении себя* и поддерживал *verstehende* [понимающую (нем.). — *Ред.-сост.*] психологию[47].

---

[41] Ясперс (*Jaspers*) Карл (1883—1969) — немецкий философ и психиатр. — *Ред.-сост.*

[42] Термин «аутентичность» (authenticity (англ.) — подлинность, достоверность) использован здесь в значении, близком к тому, которое встречается в психиатрической литературе, а именно, как обозначающий качество подлинности и реальности опыта сознания человека, т.е. его мыслей, чувств и восприятий. — *Ред.-сост.*

[43] Кьеркегор (*Kierkegaard*) Серен (1813—1855) — датский теолог, философ и писатель. — *Ред.-сост.*

[44] Хайдеггер (*Heidegger*) Мартин (1889—1976) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

[45] Сартр (*Sartre*) Жан-Поль (1905—1980) — французский философ и писатель. — *Ред.-сост.*

[46] Термин *эмпатия* используется в психологии в нескольких значениях; здесь, по-видимому имеется в виду так называемое эмпатическое понимание как осознание чувств, мыслей и установок другого человека, достигаемое путем мысленного погружения самого себя в конкретную ситуацию этого человека. — *Ред.-сост.*

[47] *Verstehende* (понимающая психология (нем.)) — в узком смысле: психологическая школа или направление в немецкой психологии конца XIX — начала XX в., утверждавшее необходимость интуитивного понимания психических процессов, а не их строгого научного описания и причинного объяснения. В более широком смысле о подходе понимающей психологии можно говорить как о соблюдении следующего условия: интерпретация, оценка и анализ результатов тестирования и экспериментальных данных требуют знания или предварительного исследования (например методом включенного наблюдения) особенностей языка, окружения и социально-культурных норм испытуемых, а также эмпатического общения с каждым из них. — *Ред.-сост.*

Дополнительно в ряды экзистенциалистов нередко включают Марселя, Ницше, Достоевского, Шелера, Тиллиха, де Бовуар, Толстого, Рильке, Дильтея и Кафку[48].

На психиатрию экзистенциализм повлиял больше, чем на психологию. Особо следует упомянуть Людвига Бинсвангера[49], первоначально фрейдиста, который разработал *Daseinanalyses* [анализ бытия (нем.). — *Ред.-сост.*], способствовавший развитию представлений о самоактуализации, а также Виктора Франкла[50], который разработал основанную на стремлении к смыслу логотерапию, которой посвящена книга «Человек в поисках смысла». К той же традиции можно отнести Эриксона[51], Фромма[52] и Лейнга[53].

Оценка

Экзистенциализм критиковали как метафизическую бессмыслицу (Карнап[54]), невразумительную и крайне субъективную. Его философия часто считалась запутанной, а психология слишком общей и потому непригодной для практического применения. Пиаже пишет:

> Мы видим, что Сартр проецирует свое *Я* (*self*) в сознание <...> для того, чтобы обнаружить там, что его «причинность» магическая, а Мерло-Понти приходит к выводу, что субъективность в самой своей основе неоднозначна. Вот что они

[48] Марсель (*Marcel*) Габриель (1889—1973) — французский философ, драматург и критик, основоположник католического экзистенциализма; Ницше (*Nietzsche*) Фридрих (1844—1900) — немецкий философ; Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — русский писатель; Шелер (*Scheler*) Макс (1874—1928) — немецкий философ и социолог; Тиллих (*Tillich*) Пауль (1886—1965) — немецко-американский христианский мыслитель, теолог, философ культуры; Бовуар (*Beauvoir*) Симона де (1908—1986) — французская писательница, жена Ж.П. Сартра; Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель; Рильке (*Rilke*) Райнер Мария (1875—1926) — австрийский поэт; Дильтей (*Dilthey*) Вильгельм (1833—1911) — немецкий историк культуры и философ; Кафка (*Kafka*) Франц (1883—1924) — австрийский писатель. — *Ред.-сост.*

[49] Бинсвангер (*Binswanger*) Людвиг (1881—1966) — швейцарский психиатр. — *Ред.-сост.*

[50] Франкл (*Frankl*) Виктор Эмиль (1905—1997) — австрийский психиатр и психотерапевт. — *Ред.-сост.*

[51] Эриксон (*Erikson*) Эрик Хомбергер (1902—1994) — американский психолог и психоаналитик. — *Ред.-сост.*

[52] Фромм (*Fromm*) Эрих (1900—1980) — немецко-американский философ, социолог и психолог, ведущий представитель неофрейдизма; см. его тексты на с. 381—402, 692—696 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[53] Лейнг (*Laing*) Рональд Дейвид (1927—1989) — шотландский психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

[54] Карнап (*Carnap*) Рудольф (1891—1970) — австрийский философ и логик, ведущий представитель логического позитивизма. — *Ред.-сост.*

нам дают как знание Человека и противопоставляют рациональной, научной психологии поведения[55].

Основной вклад экзистенциализма заключается в новой фокусировке внимания. Его акцент на смысле жизни и стремлении к аутентичности оказал значительное влияние главным образом на клиническую психологию и психотерапию. Изучением позитивных аспектов условий человеческого существования, в особенности самоактуализации, занимаются гуманистические психологи.

Единственным методологическим вкладом экзистенциализма в психологию стало настойчивое утверждение достоверности субъективного опыта, которое не всегда обоснованно.

Заявление экзистенциалистов о существовании свободы выбора будет противоречить детерминистической психологии до тех пор, пока не удастся внятно объяснить самодетерминацию. Эту проблему мы уже обсуждали и пришли к выводу, что хотя и существует объяснение свободы воли, совместимое с детерминизмом, оно проводится не в том смысле, который обычно подразумевается.

Гуманистическая психология

Термин «гуманистическая психология» предложил в 1955 г. Кантрил, определяя ее как проект построения «науки *о* человеке *для* человека»[56]. В 1958 г. Маслоу[57] вводит термин «третья сила», отражающий недовольство двумя другими силами, а именно психоанализом и бихевиоризмом, которые многие считали дегуманизирующими, т.е. механистичными и редукционистскими, и узко, по выражению Кестлера[58], «крысоподобно» (*«ratomorphic»*), обоснованными.

Тематика гуманистической психологии сфокусирована на человеке и, в особенности, на изучении характеристик, которые следует считать исключительно человеческими, таких как сознательный опыт, уникальность, смысл, выбор и достоинство. Природа человека оценивается положительно и внимание направлено на ее высшие качества и развитие этих качеств. Отсюда акцент на личностном росте[59], самоактуализации и движении в направлении реали-

---

[55] См.: *Piaget J.* Insights and Illusions of Philosophy. N.Y.: World, 1965/1971.

[56] См.: *Brewster Smith M.* Social Psychology and Human Values. Chicago: Aldine, 1969.

[57] Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог; см. его текст на с. 633—636 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[58] Кестлер (*Koestler*) Артур (1905—1983) — английский писатель и философ. — *Ред.-сост.*

[59] *Личностный рост* — общий термин, обозначающий постепенное прогрессивное развитие личности человека, происходящее благодаря благоприятным для этого (естественным или специально организованным) условиям ближайшего окружения. — *Ред.-сост.*

зации человеческого потенциала[60]. Фокус внимания исследователей сосредоточен не на прошлом человека, а на его настоящем (и будущем). Гуманистическая психология занимает позицию феноменологии в отношении к индивидуальному опыту и подчеркивает уникальность каждого человека с позиций теоретического подхода к его изучению как организма и целого. Значимость изучаемых проблем считается более важной, чем строгость и объективность их исследования.

Непосредственным фактором развития гуманистической психологии послужила эмиграция европейцев из стран материковой Европы в Соединенные Штаты Америки. В американской атмосфере, восприимчивой ко всему новому, витало недовольство первой и второй «силами» и чувство разочарования, вызванное мировыми войнами. Интенсивность этих настроений увеличивалась по мере перевода ряда европейских книг на английский язык. Формальная организация этих процессов в США начинается в 50-е гг., когда Маслоу в 1954 г. публикует общий очерк, а в 1956 г. статью, специально посвященные гуманистической психологии. В 1962 г. выходит первый номер «Журнала гуманистической психологии» и в следующем году образуется Ассоциация гуманистической психологии.

Психологи-гуманисты имеют много общего с такими неофрейдистами, как Юнг[61], Адлер[62], Ранк[63], Хорни[64] и Фромм, а также с приверженцами традиций понимающей и идеографической психологии[65].

Центральной фигурой среди гуманистических психологов остается, по-видимому, Э.Х. Маслоу. В своей главной работе «Мотивация и личность» (1954) он постулировал существование иерархии потребностей: физиологических, безопасности, принадлежности и любви, уважении и самоактуализации,

---

[60] *Движение в направлении реализации человеческого потенциала* (Human Potential Movement) — общее название подхода в психологии и психотерапии, основанного на поисках способов личностного роста, развития самосознания, чувствительности к прекрасному и к переживаниям других людей, спонтанности повседневного поведения. Движение включает множество разнородных как в теоретическом, так и в практическом плане групп людей, некритически ориентирующихся на пестрый спектр воззрений и учений. — *Ред.-сост.*

[61] Юнг (*Jung*) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр; см. его тексты на с. 345—357, 358—380 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[62] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, один из первых учеников Фрейда. — *Ред.-сост.*

[63] Ранк (*Rank*) Отто (1884—1939) — австрийский психоаналитик. — *Ред.-сост.*

[64] Хорни (*Horney*) Карен (1885—1952) — немецко-американский психолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

[65] *Идеографическая психология* — точнее, идеографический подход, детальное исследование индивидуальных случаев с выделением специфических особенностей конкретного человека, уникальности его поведения и способов приспособления к окружению. Противоположный подход называется *номотетическим* и направлен на изучение универсального и общего; здесь основная цель научного исследования состоит в поиске общих закономерностей. — *Ред.-сост.*

утверждая при этом, что удовлетворение низших потребностей является необходимым условием удовлетворения высших. Он провел исследование самоактуализации, основанное на изучении самоактуализирующихся, по его мнению, людей, и в результате дал описание пятнадцати черт последних. Кроме того, он описал пиковые переживания — моменты наивысшего счастья и реализации потенциальных возможностей.

Быть может, еще одной фигурой, которую следует упомянуть особо, является Карл Роджерс — создатель клиент-центрированной терапии[66] и групп встреч[67]. В своих работах он описал «полностью функционирующую личность». Согласно Роджерсу, необходимыми условиями успешной терапии являются положительное отношение терапевта к клиенту, безусловное принятие его и эмпатическое общение с ним. Один из главных вкладов Роджерса состоит в проведении эмпирического исследования, подтвердившего его заявления, хотя оно и не лишено недостатков[68]. Несмотря на последние, подход Роджерса вызывает чувство оптимизма в плане возможного сочетания гуманистических идей со строгим научным исследованием.

Оценка

Сильная сторона гуманистической психологии заключается в фокусировке внимания на положительных характеристиках человека и подготовке к изучению таких его сторон, которые игнорировались другими подходами. Как следствие, она отчасти компенсирует дисбаланс, порождаемый пессимистичным бихевиоризмом. Гуманистическая психология мужественно повернулась лицом к сложной проблеме значимости психологических исследований и энергично приступила к решению важных, существенных вопросов. Практические приложения гуманистической психологии становятся попу-

---

[66] *Клиент-центрированная терапия* — разработанная К. Роджерсом (1902—1987) разновидность психотерапии, цель которой заключается в создании условий, способствующих лучшему самопониманию и, как следствие, самостоятельному решению своих проблем и реализации собственных возможностей. — *Ред.-сост.*

[67] Группы встреч (*encounter groups*) — сравнительно небольшие группы людей, собирающихся с целью интенсивного взаимодействия и общения, в результате которого снимаются психологические барьеры и защиты их участников, они становятся откровенными и эмоционально экспрессивными, устраняются попытки рационализации и происходят столкновения (*encounters*) между ее членами на эмоциональном уровне, способствующие, при условии умелого поведения специалиста, ведущего группу, конструктивному пониманию, продуктивному взаимодействию, развитию сопереживания и личностному росту участников. Техники взаимодействия в группах могут быть разными (конфронтация, игры, «шоки», проигрывание в лицах какого-либо события), и потому говорят о «движении групп встреч» как о размытом, но в то же время особом направлении психологической практики. — *Ред.-сост.*

[68] См.: *Shapiro D.* The effects of therapeutic conditions: positive results reviseted // Br. J. Med. Psychol. 1976. Vol. 49. P. 315—323.

лярными благодаря группам встреч, деятельности института Исейлен (*Esalen Institute*) и других направлений движения за реализацию человеческого потенциала.

Слабая сторона гуманистической психологии, где она может быть подвержена критике, заключается в рыхлых и неопределенных теоретических построениях. Возникают сомнения, обоснован ли ее оптимизм и научны ли ее методы. Неизъяснимый опыт невозможно передать другому, а в проводимых исследованиях зачастую отсутствует строгость и контроль переменных. По признанию самого Маслоу, гуманистические психологи, «воодушевленные “опытом переживания”, балансируют на грани антинауки и иррациональных чувств»[69]. В общем, гуманистическая психология явно нуждается в оценочных критериях и эмпирическом подтверждении.

Может ли феноменология помириться с бихевиоризмом?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какая феноменология (европейская или американская) и какой бихевиоризм (методологический или радикальный) мы будем иметь в виду. Если мы возьмем исходные европейско-материковые формулировки феноменологии и экзистенциализма, то, как мы уже видели, на понятийном уровне они вступают в серьезное противоречие с бихевиоризмом в отношении связи между субъектом и объектом, свободой выбора и детерминизмом, диалектическими и причинными моделями. Здесь, на мой взгляд, примирение невозможно.

Однако большинство авторов допускают возможность примирения между ними. Например, четверо из семи участников райсовского симпозиума по бихевиоризму и феноменологии заявили, что это примирение в той или иной форме возможно[70]. Броуди и Оппенхейм, обсудив напряженные отношения между этими двумя школами, предлагают две формы восстановления дружеских отношений: терминологическую и взаимодополняющих ролей[71]. Они считают, что последняя могла бы состоять в использовании методов бихевиоризма для построения теоретических систем и их проверки методами феноменологии, или наоборот, в использовании методов феноменологии для построения теоретических систем и их проверки методами бихевиоризма. Вторая из

[69] См.: *Maslow A.H.* Toward a humanistic biology // American Psychologist. 1969. Vol. 24. P. 724—735.

[70] См.: *Wann T.W.* (Ed.). Behaviorism and Phenomenology: Contrasting Bases for Modern Psychology. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

[71] См.: *Brody N., Oppenheim P.* Tensions in psychology between the methods of behaviorism and phenomenology // Psychological Review. 1966. Vol. 73. P. 295—305.

этих альтернатив, а именно опора на бихевиористские методы при решении феноменологических проблем, предложена Дэем, согласно которому «существует целый ряд областей, где преуспевающая феноменология и радикальный бихевиоризм нуждаются друг в друге»[72].

Очевидно, что большинство такого рода примирений имеет в виду весьма приглаженную версию феноменологии. Как отмечают Квейл и Греннесс в своей крайне интересной статье, под феноменологией на райсовском симпозиуме имелось в виду всего лишь исследование сознательного опыта и признание словесных отчетов[73]. Затем они переходят к обоснованию положения о том, что радикальный бихевиоризм Скиннера[74] обнаруживает моменты удивительного сходства с взглядами Сартра и Мерло-Понти на психологию. В качестве доказательства они приводят документальные доказательства, говорящие о том, что обе школы отвергают дуализм между личным и публичным или между психологом и его испытуемым. «"Граница" между личным и публичным — это не кожа человека, она проходит между тем словарным запасом сообщества (*verbal community's*), который может различным образом подкреплять поведение, и тем запасом, который на это не способен вообще или делает это с большим трудом»[75]. Обе школы отрицают то, что Квейл и Греннесс называют иллюзией удвоенного мира, т.е. взгляд, что внутренний мир является копией внешнего мира[76], есть предрассудок объективного мира, т.е. точка зрения, согласно которой физическое более «реально», чем восприятие, и прыжок к внутреннему человеку, т.е. к объяснению поведения на основе предположения, что оно является показателем и/или следствием каких-то внутренних процессов. Та и другая школы подчеркивают необходимость адекватного описания, делают акцент на поведении в связи с окружением как объекте психологического исследования и понимают познание как действие. Авторы считают, что Скиннер пытается придерживаться феноменологии, хотя и соскальзывает иногда с этого пути!

Итак, примирение между феноменологией и бихевиоризмом в плане применения строго научных методов бихевиоризма при решении важных и

---

[72] См.: *Day W.F.* Radical behaviorism in reconcilation with phenomenology // J. Exp. Analysis Behav. 1969. Vol. 12. P. 315—328.

[73] См.: *Kvale S., Grenness C.E.* Skinner and Sartre: towards a radical phenomenology of behaviour? // Rev. Exist. Psychol. Psychiat. 1967. Vol. 7. P. 128—148.

[74] Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного течения радикального бихевиоризма; см. его текст на с. 589—605 наст. изд.

[75] См.: *Skinner B.F.* Behaviorism at fifty // Behaviorism and Phenomenology / T.W. Wann (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1964. P. 79—97.

[76] См.: *Still A.* Perception and representation // Philosophical Problems in Psychology / N. Bolton (Ed.). L.: Methuen, 1979. P. 135—157.

существенных вопросов феноменологии не только желательно, но и возможно, несмотря на то, что на уровне теоретических положений между бихевиоризмом и феноменологией существуют фундаментальные различия. И тем не менее, вопреки всем ожиданиям, между радикальным бихевиоризмом Скиннера и феноменологией можно провести некоторые удивительные параллели.

Значимость индивидуального — центральное положение всех рассмотренных <...> направлений. В рамках большинства из них утверждается, что данный подход соответствует социальным наукам и коренным образом отличается от подхода естественных наук. При этом речь идет не только о различии методов, но и о фундаментальном различии в самой природе этих подходов.

Д.П. Шульц, С.Э. Шульц

[Страницы жизни Эйбрахама Харолда Маслоу]*

Маслоу родился в Бруклине, штат Нью-Йорк. Детство его не было счастливым. Отец, бабник и пьяница, мог надолго исчезать из семьи. Мать тоже трудно назвать ангелом. Она была человеком жестким и полным предрассудков. Она сурово наказывала сына за малейшее неповиновение и явно предпочитала ему двоих младших детей. Маслоу запомнилась яркая картина детства: мать разбивает о стену головы двум кошкам, которых Маслоу притащил с улицы. Он ничего не забыл и не простил. Когда мать умерла, Маслоу отказался прийти на похороны. Эти переживания сказались на всей жизни Маслоу. Он писал: «Вся моя жизненная философия и мои исследования в конце концов имеют один общий исток: они питаются ненавистью и отвращением ко всему тому, что воплощала в жизни она [моя мать. — *Ред.-сост.*]»[1].

В детстве Маслоу испытывал чувство неполноценности из-за своего щуплого тела и огромного носа. Сам он описывал свою юность как постоянную борьбу с гигантским комплексом неполноценности, который он пытался компенсировать хорошей атлетической подготовкой. Если впоследствии Маслоу заинтересовался концепцией комплекса неполноценности Альфреда Адлера[2], то можно сказать, что в юности он сам был таким воплощенным комплексом неполноценности, по Адлеру. Маслоу не удалось добиться самоутверждения и реализации в спорте, и он с тем же рвением занялся наукой.

---

* *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 473—474.

[1] Цит. по: *Hoffman*, 1988. P. 9. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью.— *Ред.-сост.*]

[2] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, один из первых учеников Фрейда. — *Ред.-сост.*

Он поступил в Корнелльский университет и именно там впервые столкнулся с психологией. Его впечатления от первого университетского курса по психологии были самыми ужасными. По его отзывам, это было нечто «невыносимо скучное и совершенно безжизненное, ничего общего не имеющее с действительным миром, а потому я с содроганием бежал оттуда»[3]. Профессором психологии, вызвавшим у Маслоу столь яркие эмоции, был Э.Б. Титченер[4]. Вскоре Маслоу перевелся в университет штата Висконсин, где в 1934 г. получил научную степень доктора философии.

Поначалу Маслоу был ярым бихевиористом, убежденным в том, что именно с помощью механистического, естественно-научного подхода можно в итоге разрешить все мировые проблемы. Однако впоследствии под влиянием собственного жизненного опыта (рождение первого ребенка, начало Второй мировой войны) и знакомства с гуманистическими идеями в философии, гештальтпсихологией и психоанализом он убедился в ограниченности бихевиористского подхода.

Большое влияние на Маслоу оказало также знакомство с некоторыми европейскими психологами, бежавшими от преследований нацистов в США: Адлером, Хорни[5], Коффкой[6], Вертхаймером[7]. Именно под влиянием благоговейного восторга по отношению к Максу Вертхаймеру и американскому антропологу Рут Бенедикт[8] он занялся исследованием психически здоровых людей, которым удалось в той или иной степени достичь в жизни самоактуализации. Именно Вертхаймер и Бенедикт послужили для Маслоу моделями наиболее полного воплощения лучших качеств человеческой природы.

Однако первые попытки Маслоу гуманизировать психологию, предпринятые во время его преподавательской работы в Бруклинском колледже, имели негативные последствия прежде всего для него самого. Бихевиористское психологическое сообщество подвергло его подлинному остракизму [гонению. — *Ред.-сост.*]. И хотя его исследования пользовались успехом у студентов, коллеги по факультету сторонились его как отступника. Коллеги-пси-

---

[3] *Hoffman*, 1988. P. 26.

[4] Титченер (*Titchener*) Эдуард Брэдфорд (1867 — 1927) — англичанин, ученик Вундта и позже (с 1892 г.) американский психолог; см. его тексты на с. 54—64, 65—73, 236—248, 249—255 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[5] Хорни (*Horney*) Карен (1885—1952) — немецко-американский психолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

[6] Коффка (*Koffka*) Курт (1886—1941) — немецкий, позже американский психолог; один из основателей гештальтпсихологии; см. его тексты на с. 261—262, 540—567 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[7] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии; см. его текст на с. 528—539 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[8] Бенедикт (*Benedict*) Рут (1887—1948) — американский антрополог, этнопсихолог и поэтесса. — *Ред.-сост.*

хологи считали, что он слишком далеко зашел в отрицании основ главенствующей психологической школы, а ведущие научные журналы отказывались публиковать его статьи и сообщения[9].

Продолжить свои начинания и опубликовать ряд работ ему удалось лишь в университете Брэндис, г. Вальтхэм, штат Массачусетс, где он работал с 1951 по 1969 г. Расцвет его популярности пришелся на 60-е гг., а в 1967 г. он был избран президентом Американской психологической ассоциации.

[9] См.: *DeCarvallo*, 1990.

Р. Уолш

Трансперсональное движение: история и современное положение дел*

В конце 1960-х гг. небольшая группа людей собралась в районе залива Сан-Франциско[1], чтобы попытаться раздвинуть границы западной психологии и культуры, в которых как будто намеренно не обращалось внимания на некоторые характеристики человеческого существования, являющиеся одними из самых содержательных и важных. В то время в западной психологии и психиатрии, рожденных в лаборатории и клинике, господствующее положение занимали бихевиоризм и психоанализ. Они сделали много ценного, но в то же время, поскольку фокусировались на простом, доступном измерению поведении и на патологии, многое упустили из виду, и в том числе феномены психологического здоровья и исключительного благополучия. Более того, они редуцировали и сводили к патологии такие ключевые характеристики опыта человека как духовность и альтернативные состояния сознания[2], рассматривая их как проявления незрелости или хаотической работы нервных механизмов.

Первопроходцы трансперсонального движения во многом ориентировались на тех психологов, которые в начале 1960-х гг. стали основателями

---

* *Walsh R.* The transpersonal movement: A history and state of the art // The Journal of Transpersonal Psychology. 1993. Vol. 25, № 2. P. 123—139. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] *Залив Сан-Франциско* — небольшая бухта на западном, тихоокеанском побережье США (штат Калифорния), на берегах которой расположены города Сан-Франциско, Окленд, Беркли и Ричмонд. Этот район является крупнейшим учебным и научным центром США. Многонационален по составу своего населения, сохраняющего и поддерживающего различные культурные традиции. — *Ред.-сост.*

[2] *Альтернативные состояния сознания* — устойчивые состояния сознания, адаптивные для определенного социально-культурного окружения или определенной ситуации, но по каким-то характеристикам или содержаниям резко отличающиеся друг от друга, и, главное, от обычного состояния сознания взрослого, здорового человека западной культуры. — *Ред.-сост.*

гуманистической психологии[3]. Действительно, несколько психологов, в том числе Эйбрахам Маслоу[4] и Энтони Сутич[5], выступили в качестве ключевых фигур обоих направлений[6].

Теория Маслоу занимала центральное положение в гуманистической психологии и сыграла главную роль в рождении трансперсонального движения не случайно. Интерес Маслоу к психологическому здоровью как противоположности патологии неуклонно возрастал и в результате он пришел к следующему знаменитому выводу: «Если выражаться предельно упрощенно, то можно сказать, что Фрейд дал нам психологию болезни, а мы теперь должны дополнить ее психологией здоровья»[7].

Катализатором возникновения трансперсонального движения послужило описание Маслоу одной из характеристик в высшей степени здоровых или, как он их называл, «самоактуализирующихся» людей. Маслоу обнаружил у них склонность к пиковым переживаниям — спонтанным, экстатическим и объединяющим состояниям сознания, сходным с мистическими переживаниями. Сообщения о таких мистических переживаниях встречаются в разных странах, им придавали большое значение во все времена и в различных культурах. Все это говорило о том, что психологическое здоровье и потенциал человека могут заключать в себе такие возможности, о которых не мечтали представители главных направлений психологии и даже гуманистической психологии. Трансперсональная психология появилась ради того, чтобы исследовать эти возможности.

Вначале думали, что пиковые переживания являются спонтанными, кратковременными и потрясающими. Испытуемые Маслоу считали эти переживания высшими моментами своей жизни, а также выражали сомнение в том, что могли бы испытывать такое состояние в течение продолжительного периода времени[8].

---

[3] См.: *Wertz F.* (Ed.) The humanistic movement in psychology: History, celebration, prospectus // The Humanistic Psychologist. 1992. Vol. 20, № 2—3. [*Гуманистическая психология* — направление в современной психологии, разработанное главным образом Э. Маслоу и выступившее, по его словам, как «третья сила» в психологии после бихевиоризма и психоанализа. Объектом исследования гуманистической психологии являются высшие, специфически человеческие потребности в самосовершенствовании, в познании и понимании, в созидании и восприятии прекрасного. С гуманистической психологией как с общим подходом тесно связаны работы таких психологов, как Ролло Мей, Карл Роджерс и Эрих Фромм. — *Ред.-сост.*]

[4] Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам (Абрахам) Харолд (1908—1970) — американский психолог; см. его текст на с. 633—636 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[5] См.: *Sutich A.J.* Some considerations regarding transpersonal psychology // The Journal of Transpersonal Psychology. 1969. Vol. 1. P. 11—20.

[6] Автор хотел бы выразить свою признательность множеству людей, которые помогли трансперсональному движению появиться на свет и оказали ему поддержку.

[7] *Maslow A.* Toward a Psychology of Being. 2nd ed. Princeton: Van Nostrand, 1968. P. 5. [Цит по: *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. С. 29. — *Ред.-сост.*]

[8] См.: *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. N.Y.: Viking, 1971. [Рус. пер. см.: *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. — *Ред.-сост.*]

Разнообразие состояний сознания

Множество состояний сознания

Со временем был описан целый ряд альтернативных состояний сознания; стали признавать, что многие из этих состояний могут быть адаптивными. Это происходило вопреки общепринятой на Западе точке зрения, согласно которой измененные состояния сознания в течение долгого времени считались сравнительно малочисленными и в своей основе патологическими. Бред[9] и интоксикация[10] — два примера такого рода состояний. Действительно, наша культура насчитывает длительную историю сопротивления признанию даже существования, а не только ценности, альтернативных состояний сознания.

В качестве одного из наиболее драматичных примеров этого сопротивления можно привести отношение к гипнозу и, в связи с ним, к британскому врачу Джеймсу Эздейлу. Свыше столетия тому назад он находился на службе в Индии и обнаружил замечательную способность гипноза уменьшать боль и процент смертности оперируемых больных. Открытия Эздейла были настолько удивительными, что медицинские журналы отказались печатать его сообщения. Поэтому по возвращении в Великобританию Эздейл выступил на заседании Британской корпорации врачей и хирургов с демонстрацией ампутации пораженной гангреной ноги больного в состоянии гипноза. Во время операции его пациент спокойно лежал и улыбался. Каково же было заключение его коллег? Они решили, что Эздейл заплатил какому-то закаленному мошеннику, чтобы тот притворился, что не чувствует никакой боли! «Да, видно, в те времена мошенники были очень крепкими и мужественными!»[11] — критически замечает Чарлз Тарт[12].

В результате этого сопротивления наша культура стала, как сказали бы этнографы[13], не «многосторонней», а «односторонней»[14]. Это означает, что наши

[9] *Бред* (delirium) — состояние затуманенного сознания, при котором отмечается сужение внимания, неправильное восприятие окружения и хаотическое мышление. — *Ред.-сост.*

[10] *Интоксикация* (intoxication) — здесь: расстройство сознания в результате приема наркотических веществ (алкоголя, амфетаминов, марихуаны); клиническая картина включает в себя нарушения внимания, восприятия и контроля эмоций. — *Ред.-сост.*

[11] *Tart Ch.* Waking up: Overcoming the Obstacles to Human Potential. Boston: Shambhala, 1986. P. 80. [Цит по: *Тарт Ч.* Пробуждение — преодоление препятствий к реализации человеческих возможностей. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997. С. 118. — *Ред.-сост.*]

[12] Тарт (*Tart*) Чарлз (р. 1937) — американский психолог, профессор психологии Института трансперсональной психологии в Пало-Альто, Калифорния. — *Ред.-сост.*

[13] *Этнографы* — в данном случае так переведен термин *anthropologists*, поскольку здесь имеются в виду представители одного из направлений этнографии — культурной антропологии, изучающей закономерности формирования человеческой культуры, а не изменчивости физического типа человека (физическая антропология). — *Ред.-сост.*

[14] См.: *Laughlin Ch., Mcmanus J., D'Aquile E.* Brain, Symbol and Experience. N.Y.: Columbia University Press, 1992; *Laughlin Ch., Mcmanus J., Shearer J.* Transpersonal anthropology // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 190—194. [Рус. пер. см.: *Лафлин Ч.Д., Макмэнус Дж., Ширер Дж.* Трансперсональная антропология // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 264—271. — *Ред.-сост.*]

оценки и взгляд на мир — это производные практически одного состояния сознания, а именно, состояния обычного бодрствования. Тогда как оценки и взгляды на мир многосторонних культур являются производными множества состояний сознания: обычного бодрствования, сновидений и различных состояний созерцания. Поэтому одна из целей трансперсонального движения заключается в том, чтобы уменьшить эту «культурную близорукость» и подвигнуть общество, психологию и другие отрасли знания от односторонней к многосторонней позиции.

Кратко резюмируя историю начального этапа трансперсонального движения, можно сказать, что первые открытия его инициаторов сосредоточились на ценности и разнообразии альтернативных состояний сознания. Более конкретно, они обнаружили, что существуют целые семейства возможных трансперсональных состояний, и что в разных культурах эти состояния описывались и признавались ценными на протяжении столетий, тогда как на Западе их, напротив, по большей части отрицали или игнорировали.

Различия в состояниях сознания: феноменологическая картография

За признанием множественности и изменчивости состояний сознания естественно следовал вопрос о возможных способах классификации и сопоставления альтернативных состояний сознания и тех практик[15], продуктами которых они являются. Первый ответ был такой — свалить все в одну кучу и сказать о разных состояниях и порождающих их практиках, что, как дороги, ведущие к одной и той же вершине, все они одинаковы. В теории общих систем это является утверждением об эквифинальности, согласно которому различные состояния и пути всегда сойдутся в одном и том же общем состоянии.

Это был ловкий ход, но, к сожалению, слишком упрощенный. Действительно, становилось все более ясно, что реальная ситуация гораздо сложнее. Между состояниями сознания, порождаемыми разными практиками, существуют важные различия, но, тем не менее, существуют и способы категоризации и группировки этих состояний, а именно, методы феноменологической картографии и анализа ядерных структур.

Прежде большинство попыток сопоставления конкретных состояний сознания проводилось только для того, чтобы сказать, одинаковы они или различны. Более точные и многогранные сопоставления можно провести путем анализа и сравнения состояний сознания по целому ряду характеристик внутреннего опыта, т.е. методом феноменологической картографии. Говорят, что «шаманы, йоги и буддисты схожи в том, что достигают одного и того же состо-

[15] *Практика*, или *дисциплина* — здесь данный термин используется в широком смысле, т.е. не только как подчинение определенным правилам и нормам поведения, но и в смысле обучения управлению собственным поведением, т.е. как передача определенных знаний и освоение соответствующих приемов путем специальной тренировки. — *Ред.-сост.*

яния сознания»[16], и «переживание единства всего существующего шаманом — это самадхи индусов или то, что мистики и спиритуалисты на Западе называют просветлением и озарением, а также *unio mystica* [лат. — таинственный союз; соединение с абсолютом. — *Ред.-сост.*]»[17].

В действительности, когда мы раскладываем состояния, соответствующие этим практикам, по множеству характеристик внутреннего опыта, то обнаруживаем важные различия. При сравнении по таким ключевым характеристикам, как умственный контроль, осознание окружающего мира, сосредоточение, возбуждение, эмоции, чувство *Я*, и по содержанию опыта многочисленные различия между состояниями шаманов, йогов и буддистов становятся очевидными (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение состояния шаманского путешествия с медитативными состояниями умелых йогов и буддистов

Характеристика	Шаманизм	Буддистская медитация прозрения (Випассана)	Йога Патанджали
Контроль (управление)	↑ Частичный	↑ Частичный	↑↑ Предельно высокий в некоторых самадхи
Осознание окружающего	↓ Уменьшенное	↑ Увеличенное	↓↓ Весьма понижено
Концентрация	↑ Увеличенная; подвижная	↑ Увеличенная; подвижная	↑↑ Увеличенная; неподвижная
Возбуждение (*Arousal*)	↑ Увеличенное	↓ Обычно уменьшенное	↓↓ Весьма уменьшенное
Эмоция	+ или –	+ или – (положительная увеличивается)	Неописуемое блаженство
Идентичность (*Identity*)	Отделенное чувство *Я*, может быть нематериальной «душой»	Чувство *Я* разжижается в изменчивый поток: «отсутствие *Я*»	Неизменное трансцендентное *Я*, или *пуруша*
Опыт внетелесных переживаний OOBE (*out of body experience*)	Есть; управляемый экстаз («экстазис»)	Нет	Нет; потеря осознания тела («энстазис»)
Опыт сознания	Организованное упорядоченное воображение, определяемое космологией шаманизма и целью путешествия	Разделение сложных переживаний на компоненты стимуляции и поток	Один объект («самадхи с опорой») или чистое сознание («самадхи без опоры»)

Сильная сторона феноменологической картографии заключается в том, что с помощью этого метода мы можем анализировать, сравнивать и разграничивать состояния сознания не по одному, а по многим характеристикам внут-

[16] *Doore G.* (Ed). Shaman's Path. Boston: Shambhala, 1988. P. 223.

[17] *Kalweit H.* Dreamtime and Inner Space. Boston: Shambhala, 1988. P. 236.

реннего опыта и с гораздо большей точностью, чем прежде. В результате нам удается продвинуться в понимании значения множественности и разнообразия трансперсональных состояний, а также провести четкую границу между ними и патологическими состояниями, например, шизофренией, с которой их иногда смешивают[18].

Общее в состояниях сознания: анализ ядерных структур

Вслед за признанием существования множественности этих состояний возник целый ряд вопросов. Можем ли мы понять, какой прок от такого изобилия состояний? Можем ли мы определить что-то общее между ними и сгруппировать их каким-то логически упорядоченным образом? Не объединены ли они в некой последовательности развития? Быть может, нам удастся найти всеобъемлющую схему для логически упорядоченного понимания функций и взаимосвязей этих состояний? В последние годы мы получаем положительные ответы на все эти вопросы. Во многом это происходит благодаря работам Кена Уилбера[19], который с целью определения общего между состояниями сознания и адекватной их группировки применяет принципы генетического структурализма[20].

Одно из ключевых понятий работ Уилбера — «ядерные структуры». Это понятие впервые введено в лингвистике[21]. Но, наверное, проще всего его пояснить, опираясь на аналогию с восприятием лиц. В основе миллиардов уникальных лиц лежит небольшой набор ядерных структур, соответствующих, например, ушам, глазам, носу, рту и волосам. Эти несколько структур считывают огромное количество разных лиц, образуя поверхностные структуры и позволяя нам отличить одно лицо от другого.

---

[18] См.: *Walsh R.* The Spirit of Shamanism. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1990.

[19] Уилбер (*Wilber*) Кен (р. 1949) — один из ведущих теоретиков трансперсональной психологии. — *Ред.-сост.*

[20] См.: *Wilber K.* The Atman Project. Wheaton, IL: Quest. 1980 [Рус. пер. см.: *Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М.: ООО «Издательство ACT» и др., 2004. — *Ред.-сост.*]; *Wilber K.* The spectrum of transpersonal development // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J. P. Tarcher, 1993. P. 116—117 [Рус. пер. см.: *Уилбер К.* Спектр трансперсонального развития // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 169—172. — *Ред.-сост.*]; *Wilber K., Engler J., Brown D.* (Eds.). Transformations of Consciousness: Conventional and Contemplative Perspectives on Development. Boston: New Science Library/Shambhala, 1986; *Walsh R., Vaughan F.* The worldview of Ken Wilber // Journal of Humanistic Psychology (in press).

[21] В лингвистике (языкознании), в частности, в трансформационной грамматике, понятие «ядерных структур» («deep structure») введено для различения поверхностной структуры высказывания, представленной в виде произнесенных или написанных слов, и структуры, лежащей в основе этого высказывания. В данном контексте важно, что в основе высказываний с различной поверхностной структурой может лежать одна и та же ядерная структура. — *Ред.-сост.*

Применение анализа ядерных структур к состояниям сознания — одна из главных заслуг Уилбера. Он предположил, что в основе огромного множества состояний сознания находится сравнительно небольшое количество ядерных структур. Например, шаман[22], видящий божественных зверей, христианин, созерцающий ангелов, и практик-индус, слившийся со своим *Иштадеватой*[23] имеют, вне всякого сомнения, разные переживания. Однако на ядерном структурном уровне все они пребывают в созерцании архетипических фигур[24] духов. Подобно этому, буддист в состоянии *нирваны*[25] и последователь Веданты[26] в состоянии *нирвикальпа самадхи* переживают состояние без осознания какого-либо объекта или образа. Следовательно, ядерная структура этих внутренних опытов сходная или одинаковая. Но она, несомненно, отличается от ядерной структуры архетипических фигур духов.

Данная разновидность анализа ядерных структур открывает возможность классификации переживаний и состояний созерцания, а также определения ограниченного числа стоящих за ними ядерных структур. А это, в свою очередь, позволяет перейти к построению типологии опыта созерцания. В действительности Уилбер именно это и сделал.

Хотя новаторское применение анализа ядерных структур к трансперсональным переживаниям является вкладом довольно значительным, Уилбер на этом не остановился и соединил его с генетическим анализом, разработав таким образом генетический структурализм. Уилбер предположил, что трансперсональные ядерные структуры и соответствующие им состояния сознания могут появляться в определенной генетической последовательности, состоящей из нескольких основных стадий. Среди основных стадий выделяются три самые важные: осознание все более тонких [*subtle* — едва различимых, трудно уловимых. — *Ред.-сост.*] областей психики; затем — выход за пределы восприятия

---

[22] *Шаман* — колдун-знахарь, в основном у северных народностей, выступающий как посредник между человеком и духами. «Общение» шамана с духами происходит в состоянии экстаза, вызываемого особыми ритуалами поведения, сопровождаемыми пением, плясками, ударами в бубен и т.п. Культ шаманов связан с анимизмом — именно поэтому автор говорит здесь о видениях «божественных животных». — *Ред.-сост.*

[23] *Иштадевата* (Ishta deva) — главное божество мандалы (магической диаграммы), выступающее объектом медитации в религиозной практике одного из направлений буддизма. — *Ред.-сост.*

[24] *Архетипические фигуры* — образы сновидений и воображения, в основе порождения которых лежат, по К. Юнгу, схемы коллективного бессознательного, т.е. архетипы; см. подробнее текст К. Юнга на с. 345—357 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[25] *Буддизм* — одна из трех мировых религий (наряду с христианством и исламом) и философское учение, возникшее в древней Индии в VI—V вв. до н.э. *Нирвана* — высшее состояние сознания, в котором преодолены все привязанности, отсутствуют желания и страсти. Положительных определений нирваны не существует. — *Ред.-сост.*

[26] *Веданта* — индийское религиозно-философское учение, сложившееся в VII—VIII вв., утверждающее возможность единения души человека с божеством или мировым духом. — *Ред.-сост.*

любых объектов и видимостей к чистому сознанию; и наконец, осознание всех объектов и феноменов как порождений или проекций сознания. Уилбер называет эти три стадии соответственно тонкой, причинной и абсолютной.

Тонкие состояния. Если практики созерцания проходят успешно, то обычная неугомонная умственная деятельность затихает, психика успокаивается, становится более чувствительной, и тогда, как утверждают различные традиции, в сознании появляется внутренний мир тонких умственных явлений. Эти феномены психики могут быть бесформенными, как свет и звук в Шабд (*Shabd*) и Наад Йоге (*Nad Yoga*), или как эмоции любви и радости в буддийской Брахме Вихаре (*Brahma Viharas*). С другой стороны, умственные явления на этих тонких стадиях могут принимать особые формы, такие как вышеуказанные архетипические образы божественных животных у шаманов, фигур ангелов у христиан или Иштадеваты у индусов.

Причинные состояния. После углубления и стабилизации тонких состояний могут возникнуть состояния без каких-либо объектов, образов или феноменов. Это непроявляемая область чистого сознания, духа или *Geist* [дух, душа (нем.) — *Ред.-сост.*], о котором говорят как о трансцендентальном источнике или основе всех явлений. Это причинное состояние называли по-разному: бездной в гностицизме[27], атманом в Веданте, нирваной в буддизме и дао в даосизме[28].

[*Абсолютное. — Ред.-сост.*] *состояние.* В этом состоянии снова появляются объекты и образы, но они мгновенно осознаются как переживания, проекции или видоизменения сознания[29]. Теперь кажется, что существует только сознание, проявляющее само себя в виде вселенной. В различных вариантах это Единый Ум в дзен[30], суперразум у Ауробиндо[31], Брахман-Атман (*Brahman-Atman*) или Сат-Чит-Ананда (*Sat-Chit-Ananda*) в индуизме[32]. Говорят, что сознание, отныне пробужденное, видит себя во всех вещах, узнает себя во всех мирах, областях и существах вселенной и как эти миры, области и существа вселенной; что оно не ограничено пространством, временем и какими-то пределами, потому что само создает пространство, время и пределы; что оно и трансцендентно по отношению к миру, и полностью имманентно ему, будучи этим миром. Об этом

---

[27] *Гностицизм* — религиозно-философское течение раннего христианства, представляющее собой соединение христианских догматов с древнегреческой идеалистической философией и восточными религиями. — *Ред.-сост.*

[28] *Даосизм* — одно из основных направлений древнекитайской философии, которое сложилось в IV—III вв. до н.э. и позже, во II в. н.э., легло в основу религии с тем же названием. — *Ред.-сост.*

[29] См.: *Avabhasa.* The Dawn Horse Testament (rev. ed.). Clearlake, CA: Dawn Horse Press, 1991.

[30] *Дзен* — японское название одного из направлений в буддизме, возникшее в Китае в VI в. — *Ред.-сост.*

[31] Гхош Ауробиндо (1872—1950) — индийский религиозный философ и поэт. — *Ред.-сост.*

[32] *Индуизм* — религия, возникшая в V в. и наиболее распространенная в современной Индии. — *Ред.-сост.*

говорят как об окончательной реализации просветления, как о спасении, как о Ву (*Wu*), как о Мокше[33] и Фане (*Fana*); это конец всех исканий, цель всех целей, *summum bonum*, т.е. высшая цель и высшее благо человеческого существования.

Стабилизация и отдача

Какого бы состояния или стадии ни достиг практикующий ту или иную технику, после первичного переживания этого состояния перед ним встают две дополнительные задачи. Первая — сделать так, чтобы временно измененные состояния стали устойчивыми, растянуть пиковые переживания до плато-переживаний[34] или, по красноречивому выражению Хьюстона Смита, «преобразовать вспышки праздничных огней в постоянное освещение»[35]. В традиционных терминах проблема состоит в преобразовании восторга христианского мистика в обожествление, или чем-то побуждаемого состояния буддиста — в самопроизвольное или спонтанное сознание, трансцендентального сознания практикующего трансцендентальную медитацию[36] — в непрерывное космическое сознание.

Следующая, вторая задача — перенести этот свет обратно в мир для общей пользы. «То, что человек получает в созерцании, — настойчиво повторял Майстер Экхарт[37], — он должен без остатка передать в любви»[38]. Поделиться светом — более высокая задача, чем добиться праздничных огней и постоянного освещения. Об этом метафорически говорили многие. Для Платона[39] это было возвращение в пещеру, для христиан — «плодородие души», когда божественная свадьба мистического единения приносит плод в этот мир, тогда как в пастушьих картинах дзэн, — это «выход на рыночную площадь с пригоршнями даров вспоможения». Джозеф Кэмпбелл[40] описал эту фазу как возвраще-

[33] Мокша (*Moksha*) — особождение от круговорота рождений и смерти, синоним нирваны. — *Ред.-сост.*

[34] *Плато-переживания* — термин Маслоу, обозначающий состояние сознания, сходное с пиковым переживанием, но более продолжительное и менее интенсивное. Во время пикового переживания человек чувствует себя целостным, бодрым, спонтанным и самодостаточным; он переживает свое единство с миром, осознает в меньшей степени течение времени и в большей — красоту, истину, благо, простоту и порядок. — *Ред.-сост.*

[35] См.: *Smith H.* Forgotten Truth. N.Y.: Harper and Row, 1976.

[36] *Трансцендентальная медитация* — одна из современных техник медитации, заключающаяся в том, что медитирующий сидит два раза в день по двадцать минут с закрытыми глазами, повторяя т. н. мантру.— *Ред.-сост.*

[37] Экхарт (*Eckhart*) Иоганн (Майстер Экхарт) (ок. 1260—1327) — немецкий мистик, монах-доминиканец. — *Ред.-сост.*

[38] См.: *Stage W.* Mysticism and Philosophy. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1987. P. 338.

[39] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[40] Кэмпбелл (*Campbell*) Джозеф (1904—1987) — американский исследователь мифологии. — *Ред.-сост.*

ние Героя, тогда как историк Арнолд Тойнби[41] назвал цикл внутреннего поиска и служения окружающим «циклом ухода и возвращения» и утверждал, что это характеристика людей, необыкновенно много давших человечеству.

Просветление в лаборатории

Разговоры о просветлении создают впечатление милой теории, но по содержанию они голословны. Существуют ли данные, подтверждающие просветление, или эти разговоры представляют собой всего лишь приятную фантазию? В последние годы такого рода подтверждения получены как в описаниях сходных состояний сознания, так и в результате лабораторных исследований.

Лабораторные данные свидетельствуют о возможности повышения осознания как в бодрствовании, так и в состояниях сна. Тахистоскопические исследования[42] восприятия испытуемых, овладевших практикой медитации и достигающих по меньшей мере первой из четырех буддийских стадий просветления, обнаружили более высокую чувствительность и скорость процесса восприятия[43]. Особенно интересные данные получены в исследованиях с использованием теста Роршаха[44]. Они говорят о том, что вышеуказанные просветленные испытуемые не обязательно свободны от обычных психологических конфликтов, связанных с зависимостью, сексуальностью и агрессией. Но больше всего удивляет практически полное отсутствие у них защит и реакций на эти проблемы[45].

---

[41] Тойнби (*Toynbee*) Арнолд Джозеф (1889—1975) — британский историк, дипломат, общественный деятель, социолог и философ. — *Ред.-сост.*

[42] *Тахистоскопические исследования* — исследования зрительного восприятия при условии кратковременного (в течение нескольких миллисекунд) предъявления зрительного материала. — *Ред.-сост.*

[43] См.: *Brown D, Forte M., Dysart M.* Differences in visual sensitivity among mindfulness meditators and non-meditators // Perceptual and Motor Skills. 1984. Vol. 58. P. 727—733; *Brown D., Forte M., Dysart M.* Visual sensitivity and mindfulness meditation // Perceptual and Motor Skills. 1984. Vol. 58. P. 775—84.

[44] *Тест Роршаха* — методика исследования личности, предложенная и разработанная швейцарским психиатром Германом Роршахом (1884—1922). Испытуемому предъявляют изображения билатерально симметрично расположенных чернильных пятен и просят в свободной форме сообщить, что он видит в целом изображении или в каких-то его частях. Поскольку этот стимульный материал неоднозначен и слабо структурирован, предполагается, что его восприятие будет во многом зависеть от эмоционального состояния субъекта, его ожиданий, потребностей и желаний, в том числе, и даже преимущественно, неосознаваемых. — *Ред.-сост.*

[45] См.: *Brown D., Engler J.* The stages of mindfulness meditation: A validation study. Part II. Discussion // Transformations of Consciousness: Conventional and Contemplative Perspectives on Development / K. Wilber, J. Engler, D. Brown (Eds.). Boston, MA: Shambhala, 1986. P. 191—218; *Shapiro D., Walsh R.* (Eds.). Meditation: Classic and Contemporary Perspectives. N.Y.: Aldine, 1984. [С точки зрения психоанализа, вытесненный в бессознательное материал не допускается в сознание, поскольку работают специальные механизмы защиты; в данном случае испытуемые осознают такого рода материал, но без обычных поведенческих и психосоматических, в том числе невротических, проявлений этого осознания. — *Ред.-сост.*]

Осознание может быть повышено и во время сна. В традиции трансцендентальной медитации первую стадию просветления называют космическим сознанием, определяя его как не нарушаемую непрерывность осознания во время состояний бодрствования и сна. В пользу этого говорят предварительные данные электроэнцефалографических исследований[46] испытуемых, продвинувшихся в практике этой медитации и утверждавших, что они достигают этого состояния[47].

Превосходной аналогией или метафорой просветления может послужить осознание того, что видишь сон, т.е. явление так называемых сознаваемых (*lucid*) сновидений. В йоге, суфизме[48] и тибетском буддизме о сознаваемых сновидениях убежденно говорили в течение сотен лет. Однако на Западе психологи не признавали сознаваемых сновидений до тех пор, пока в 70-е гг. не продемонстрировали возможность их получения в лабораторных условиях[49].

Когда сновидение становится сознаваемым, испытуемые как бы пробуждаются. В этот момент они с удивлением осознают, что содержание сна, прежде казавшееся им несомненно объективным, материальным и независимым миром, на самом деле представляет собой внутренний, субъективный, нематериальный и управляемый продукт психики, и что они творцы, а не жертвы сновидения. С этого момента, находясь внутри сновидения, они могут, если захотят, заниматься различными медитативными духовными практиками[50].

---

[46] *Электроэнцефалографические исследования* — исследования с регистрацией изменений электрического потенциала головного мозга. — *Ред.-сост.*

[47] См.: *Gackenbach J., Bosveld J. Control your Dreams.* N.Y.: Harper Collins, 1989; *Gackenbach J., Bosveld J.* Beyond lucidity: Moving towards pure consciousness // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. [Рус. пер. см.: *Гакенбах Дж., Босвелд Дж.* За пределами осознания: движение к чистому сознанию // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 330—332. — *Ред.-сост.*]

[48] *Суфизм* — мистико-аскетическое направление, возникшее в исламе в VIII—IX вв. — *Ред.-сост.*

[49] См.: *Laberge S.* Lucid Dreaming. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1985 [Рус. пер. см.: *Лаберж С.* Осознанные сновидения. Киев: София; М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. — *Ред.-сост.*]; *Gackenbach J., Bosveld J. Control your Dreams.* N.Y.: Harper Collins, 1989; *Walsh R., Vaughan F.* Lucid dreaming // The Journal of Transpersonal Psychology. 1992. Vol. 24. P. 193—200; *Walsh R., Vaughan F.* (Eds.). Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. [Рус. пер. см.: Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. — *Ред.-сост.*]

[50] См.: *Kelzer K.* The Sun and the Shadow: My Experiment with Lucid Dreaming. Virginia Beach, VA: ARE Press, 1987 [Рус. пер. см.: *Келзер К.*. Солнце и тень. Мой эксперимент с осознаваемым сновидением. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1997. — *Ред.-сост.*]; *Norbu N.* Dream Yoga and the Practice of Natural Light. Ithica, NY: Snow Lion, 1992.

О возможностях этой практики можно узнать, например, от последователей тибетской йоги сновидений, Ауробиндо[51], Рудольфа Штейнера[52] и, возможно, Карлоса Кастанеды[53], хотя работы последнего весьма спорны[54]. В тибетской йоге сновидений практикующих сначала учат, как войти в состояние осознания сновидений и затем как использовать эти сновидения в качестве части своей медитативной практики. Затем это состояние преобразуется в сон без сновидений, благодаря чему йоги добиваются сохранности непрерывного осознания двадцать четыре часа в сутки. В дневные часы они культивируют осознание того, что опыт во время бодрствования тоже является сном[55]. В идеале вначале наступает ненарушаемое осознание двадцать четыре часа в сутки и чувство, что весь опыт сознания всего лишь сновидение[56], а затем, в пределе — «Великое Понимание» (*Great Realization*).

> Последний шаг приводит к Великому Пониманию, а именно, что внутри *Сансары*[57] (существования) нет и не может быть ничего кроме нереального, подобного сновидению. Мироздание (*Universal Creation*) с его многочисленными

---

[51] См.: *Aurobindo*. Continuous consciousness // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 83—84. [Рус. пер. см.: *Ауробиндо Шри*. Непрерывное сознание // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 125—126. — *Ред.-сост.*]

[52] См.: *Steiner R.* Knowledge of the Higher Worlds and Its Attainment (3rd ed.). G. Metaxa (Trans.). Hudson, NY: Anthroposophic Press, 1947. [Штейнер (*Steiner*) Рудольф (1861—1925) — австро-немецкий философ, мистик, основоположник антропософии. — *Ред.-сост.*]

[53] См.: *Castaneda C.* The Art of Dreaming. N.Y.: Harper Collins, 1993. [Рус. пер. см: *Кастанеда К.* Искусство сновидения. Киев: София, 1999; Кастанеда (*Castaneda*) Карлос (1925—1998) — американский писатель, антрополог, этнограф, мистик. — *Ред.-сост.*]

[54] См.: *Kremer J.* Lifework: Carlos Castaneda // ReVision. 1992. Vol. 14. P. 195—203.

[55] См.: *Dalai Lama*. Talk Given at The International Transpersonal Association Conference in Switzerland,1983; *Laberge S.* Lucid Dreaming. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1985 [Рус. пер. см.: *Лаберж С.* Осознанные сновидения. Киев: София; М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. — *Ред.-сост.*]; *Laberge S.* Learning lucid dreaming // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J. P. Tarcher, 1993. P. 78—80. [Рус. пер. см.: *Лаберж С.* Обучение осознанным сновидениям // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 119—122. — *Ред.-сост.*]

[56] Здесь уместно привести одну из притч древнекитайского философа, основателя даосизма Чжуан-цзы (ок. 369—286 до н.э.). «Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой — счастливой бабочкой, которая порхала среди цветков в свое удовольствие и вовсе не знала, что она — Чжуан Чжоу. Внезапно я проснулся и увидел, что я — Чжуан Чжоу. И я не знал, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он — бабочка, то ли бабочка, которой приснилось, что она — Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой, несомненно, есть различие. Вот что такое превращение вещей» (Чжуан-цзы. Ле-цзы /Пер. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 73). — *Ред.-сост.*

[57] *Сансара* (*Samsara*) — в этических и религиозных воззрениях индийцев обозначение мирского бытия, связанного цепью рождений и переходом из одного существования в другое; противопоставляется нирване. — *Ред.-сост.*

ячейками существования, начиная от самых низших и кончая высшим раем Будды, и любая пребывающая в них вещь, органическая и неорганическая, материя или форма, проявляющаяся в любых бесчисленных физических аспектах в виде газов и твердых тел, жары и холода, радиации, энергий и элементарных частиц — все это не более чем содержание Высшего Сновидения. При первых проблесках Божественной Мудрости микрокосмическая сторона Макрокосма полностью пробуждается; капля росы соскальзывает обратно в Сияющий Океан, в Блаженство и Искупление Нирваны, обладающей Всем Обладаемым, в Познающего все Познаваемое, в Создателя Всех Созданий, т.е. в Единый Разум, в Саму Реальность[58].

Обычное состояние нашего сознания

Ясно, что условия человеческого существования предоставляют гораздо большие возможности по сравнению с обычно признаваемыми. Отсюда следует, что то, что мы называем «нормальным», представляет собой не вершину человеческого развития, а возможно, какую-то форму его задержки. Коротко и ярко эту ситуацию описал Маслоу: «Становится все более и более ясно — то, что мы в психологии называем “нормой”, на самом деле является психопатологией серости, настолько лишенной драматизма и настолько широко распространенной, что мы, как правило, даже не замечаем ее»[59].

В самом деле, в традициях мировой мудрости широко представлено единое мнение, согласно которому обычное состояние сознания не только ниже оптимального, но и в значительной степени искажено и подобно сновидению. На Востоке призрачность нашего обычного состояния называют *майя*, или иллюзорностью, а на Западе по-разному: согласованным трансом (Чарлз Тарт), вербальным трансом (Фриц Пёрлз[60]), гипнозом (Уиллис Харман), коллективным психозом или общим умопомешательством.

По ряду причин этот сон обычно проходит незамеченным. Мы все погружены в него, мы загипнотизированы уже с младенчества, и мы живем, все до единого, при величайшем среди всех возможных культе[61] — культе культ-уры (*in the biggest cult of all: cult-ure*).

---

[58] *Evans-Wentz W.* (Trans.) Tibetan Yoga and Secret Doctrines. Oxford: Oxford University Press, 1958.

[59] *Maslow A.* Toward a Psychology of Being. 2nd ed. Princeton: Van Nostrand, 1968. P. 16. [Цит. по: *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. С. 41. — *Ред.-сост.*]

[60] Пёрлз (*Perls*) Фридрих (Фриц) (1893—1970) — немецко-американский психотерапевт. — *Ред.-сост.*

[61] *Культ* — здесь в смысле преклонения перед западной культурой и чрезмерного ее возвеличивания по сравнению с другими культурами. В данном высказывании автора присутствует постоянный мотив американских интеллектуалов, разочарованных в так называемом американском образе жизни. — *Ред.-сост.*

Итак, эту проповедь великих духовных традиций можно легко суммировать одним словом: Проснись! Проснись, чтобы выйти из своего неоптимального завороженного состояния сознания; проснись, чтобы увидеть свою подлинную сущность и тот факт, что ты — нечто большее, чем твое тело, большее не только того, что ты думаешь о себе, но и того, что ты можешь вообразить; проснись, чтобы осознать, как сказал Уильям Джеймс[62], что «существует континуум космического сознания, опираясь на который, наша индивидуальность строит всего лишь случайные смыслы, и в который как в первородный океан погружаются только некоторые умы человечества». <...>

Искусство Трансценденции

Если существуют возможности развития, далеко выходящие за пределы того, что мы считаем максимумом человеческого потенциала, и эти возможности включают в себя просветление, тогда естественно возникает практический вопрос: «Каким образом мы можем реализовать эти возможности применительно к самим себе?» Ответ заключается в том, что человеку надо практически заниматься какой-то трансперсональной практикой, возбуждающей и ускоряющей трансперсональное развитие, например, йогой.

Однако на пути практического освоения традиционных духовных дисциплин возникают препятствия. Эти дисциплины прошли проверку временем, но разобраться в них, как правило, очень трудно, поскольку сформулированы они на устаревшем языке, предназначенном для посвященных, и за столетия покрылись непонятными наслоениями. Поэтому трансперсональное движение внесло бы ценный вклад, если бы ему удалось установить существенные общие элементы, процессы или практики, образующие подлинные дисциплины созерцания. Мы и в самом деле можем это сделать благодаря тому, что именно теперь, впервые в человеческой истории, нам доступны почти все существующие в мире традиционные практики созерцания и духовные традиции. Предварительное исследование говорит о существовании шести общих элементов этих практик: моральное воспитание, укрепление внимания, преобразование эмоциональной сферы, изменение направленности мотивации, усовершенствование восприятия и развитие мудрости. Обсудить эти элементы здесь невозможно из-за ограничений, накладываемых на объем данной статьи — соответствующее подробное изложение этих вопросов можно найти в других работах[63].

---

[62] Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ; см. его текст на с. 74—93 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[63] См.: *Walsh R., Vaughan F.* (Eds.). Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993 [Рус. пер. см.: Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. — *Ред.-сост.*]; *Walsh R., Vaughan F.* The art of transcendence // The Journal of Transpersonal Psychology. 1993. Vol. 25. P. 1—9.

Новое понимание религии

Эти и другие открытия дают нам возможность нового и жизненно важного понимания фундаментальной природы и цели аутентичных религиозных традиций. В данном случае слово «аутентичные» используется в том смысле, в котором его употребляет Уилбер, а именно как «обеспечивающие возможность эффективной трансценденции»[64]. К настоящему времени в созерцательном или мистическом ядре аутентичных религий нам удалось обнаружить особые техники и путеводные предписания: практики умственной тренировки и вызывания трансцендентных измененных состояний, достигающих высшего пункта в просветлении, спасении, или *мокше,* и путеводители с разметкой этих состояний и описанием переживаний, озарений и осознаний, которые эти практики порождают.

Трансперсональные исследования дают ответ на вопрос о том, почему эти практики созерцания понимают неправильно. Одна из ключевых находок, связанных с альтернативными состояниями сознания, заключается в специфичности состояний, т.е. в открытии того, что понимание и знание, приобретенные в одном состоянии, могут быть доступны в других состояниях лишь отчасти. Поскольку в своем ядре созерцания религии — это дисциплины, предполагающие множественность состояний сознания, это означает, что их мудрость может быть отчасти «состояние-специфичной», т.е. ее можно постичь только в той степени, в какой мы умеем непосредственно входить в эти состояния и насколько эти состояния нас изменяют[65]. Когда-то Олдос Хаксли[66] пришел к выводу: «Знание есть функция бытия. Когда происходит изменение бытия знающего, происходит соответствующее изменение в природе и объеме знаемого»[67].

Состояние мира

За двадцать пять лет трансперсональные психологи очень многому научились и совершили важные открытия, в то время как в мире нарастали безрассудство и деградация.

Произошел ошеломляющий скачок роста населения. В течение прошедших двадцати пяти лет оно увеличилось на два миллиарда человек, несмотря на

[64] См.: *Wilber K.* A Sociable God. N.Y.: McGraw-Hill, 1983. — *Ред.-сост.*.

[65] См.: *Tart C.* States of Consciousness. El Cerrito, CA: Psychological Processes, 1983 [Рус. пер. см.: *Тарт Ч.* Состояния сознания // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1994. С. 180—248. — *Ред.-сост.*]; *Tart C.* (Ed.). Transpersonal psychologies: Perspectives on the Mind from Seven Great Spiritual Traditions. San Francisco: Harper, 1992; *Walsh R.* Can Western philosophers understand Asian philosophies? // Crosscurrents. 1989. Vol. 39. P. 281—299; *Walsh R., Vaughan F.* (Eds.). Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. [Рус. пер. см.: Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. — *Ред.-сост.*]

[66] Хаксли (*Huxley*) Олдос (1894—1963) — английский писатель. — *Ред.-сост.*

[67] *Huxley A.* The Perennialphilosophy. N.Y.: Harper and Row. 1945. P. VII.

то, что приблизительно полмиллиарда умерло из-за недоедания и истощения. Немыслимо огромный показатель смертности дошел до отметки около 50 000 смертей в день, т.е. каждые четыре месяца от голода умирает столько же людей, сколько было уничтожено в период холокоста[68].

Окружающая среда находится в состоянии огромного и все увеличивающегося экологического напряжения. Леса исчезают, количество загрязняющих отходов растет, ресурсы истощаются, отдельные виды животных вымирают со скоростью, небывалой со времен гибели динозавров, а истощение озонового слоя, которого двадцать пять лет тому назад никто не замечал, теперь составляет главную опасность для окружающей среды и здоровья человека[69].

Продолжается безрассудство гонки вооружений и войн. За двадцать пять лет мировые расходы на вооружение составили более *десяти триллионов долларов*, и только за один 1993 год с этой целью будет потрачено свыше одного триллиона долларов. Даже если бы на войны тратили миллион долларов в день, начиная с рождения Христа, то все равно общие расходы не превысили бы триллион долларов. Согласно оценке Президентской комиссии по проблеме мирового голода (1979 г.), предотвращение смертности по причине недоедания во всем мире будет стоить только шесть миллиардов долларов в год, т.е. меньше, чем сумма военных расходов за одну неделю. Безрассудство и безнравственность достигли по этой шкале небывалой в истории человечества отметки.

Однако наши проблемы разрешимы, и возможность выхода из тупика все еще сохраняется. Например, согласно заключению Института мирового наблюдения[70], мы уже располагаем запасом технологических средств, необходимых для контроля численности населения и предотвращения энергетических кризисов[71].

Самое лучшее средство для уменьшения стремительного роста населения заключается в том, чтобы обеспечить женщинам третьего мира доступ к образованию. Уровень рождаемости резко понизится, когда эти женщины вместо того, чтобы рожать побольше детей, будут с удовольствием учиться и работать с целью приобретения социального статуса и чувства уверенности в будущем.

Расходы, связанные с использованием солнечной энергии, быстро приближаются к стоимости добычи горючих ископаемых. Для того, чтобы применение солнечной энергии стало экономически целесообразным, необходимы относительно небольшие капиталовложения, особенно по сравнению с теми миллиардами, которые идут на поддержку атомной энергетики и производства энергии,

---

[68] *Холокост* — массовое уничтожение евреев фашистами. — *Ред.-сост.*

[69] См.: *Barney G.* Global 2000 Revisited. Arlington, VA: Millennium Institute, 1993; *Brown L.* State of the World. N.Y.: W. W. Norton, 1993; *Goldsmith J.* The Way: An Ecological World View. Boston: Shambhala, 1993.

[70] *Институт мирового наблюдения* (Worldwatch Institute) — независимая исследовательская организация, созданная для анализа глобальных проблем и привлечения к ним всеобщего внимания; основан в 1974 г. — *Ред.-сост.*

[71] См.: *Brown L.* State of the World. N.Y.: W.W. Norton, 1993.

получаемой на основе использования горючих ископаемых. Использование солнечной энергии плюс водородного топлива, полученного путем электролиза воды, могло бы в значительной степени уменьшить загрязнение среды, тепличный эффект и разбазаривание ресурсов. Благодаря этим явно недорогостоящим и возможным решениям, выиграет каждый из нас и вся планета в целом.

Как видно из вышесказанного, судьбу человечества и нашей планеты решающим образом будут определять не столько технологические, сколько психологические и духовные факторы. Впервые в человеческой истории причины почти всех глобальных проблем лежат в самом человеке. Перенаселение, истощение энергетических ресурсов, загрязнение и разрушение окружающей среды — все это результаты поведения людей и, следовательно, отражают психологические силы, действующие внутри нас и между нами[72]. В настоящее время состояние мира отражает состояния нашего индивидуального и коллективного разума и то, что мы называем глобальными кризисами, в действительности является признаками всеобщей болезни.

Мир находится в состоянии безрассудства — главным образом потому, что безрассудно обычное состояние нашей психики. Мы видим себя, как нечто обособленное, с присущей этому нечто направленностью вовне ради своего, по словам Алана Уоттса[73], «инкапсулированного кожей *Я*», и мир отражает позицию нашей изолированности и соперничества.

С трансперсональной точки зрения открывается более здравая и обнадеживающая перспектива. В этой перспективе обнаруживается наша взаимосвязь и единство со всем человечеством и миром живых организмов, а также предлагаются практики и дисциплины, с помощью которых к ясному пониманию этого единства может прийти каждый из нас. Из этого переживания взаимозависимости и единства самопроизвольно рождаются забота об экологии и милосердное действие. Эти осознание и забота образуют основу глубинной экологии и появление новой области — трансперсональной экологии[74].

Очевидно, мы участвуем в состязании между сознанием и катастрофой. Поэтому важнейшими вопросами нашего времени будут: 1) удастся ли нам вырастить критическую массу[75] осознающих, неравнодушных людей? 2) сможет ли каждый из

---

[72] См.: *Elgin D.* Voluntary Simplicity. N.Y.: William Morrow, 1993; *Walsh R.* Staying Alive: The Psychology of Human Survival. Boston: Shambhala, 1984; *Walsh R.* Toward a psychology of human survival // American Journal of Psychotherapy. 1989. Vol. 43. P. 158—180; *Walsh R.* (Ed.). The ecological imperative // ReVision. 1993. Vol. 16, № 2.

[73] Уоттс (*Watts*) Алан Уилсон (1915—1973) — англо-американский философ, исследователь в области сравнительного религиоведения. — *Ред.-сост.*

[74] См.: *Devall B., Sessions G.* Deep Ecology: Living as if Nature Mattered. Layton, UT: Gibbs M. Smith, 1985; *Fox R.* Towards a Transpersonal Ecology. Boston: Shambhala, 1990; *Fox R.* Transpersonal ecology // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 240—241. [Рус. пер. см.: *Фокс У.* Трансперсональная экология // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 330—332. — *Ред.-сост.*]

[75] *Критическая масса* — в ядерной физике: минимальное количество делящегося вещества, необходимое для начала самоподдерживающейся цепной реакции деления. — *Ред.-сост.*

нас достаточно широко и эффективно распространить трансперсональную точку зрения для того, чтобы помочь предотвратить катастрофу, преобразовать разрушительные силы и поставить их на службу пробуждения и благоденствия?

Времени мало, а проблемы грандиозные. Справиться с ними можно будет только при условии массовой мобилизации всех наших ресурсов — индивидуальных и культурных, внутренних и внешних, персональных и трансперсональных — мобилизации, названной Питером Расселом «Внутренним Манхэттенским Проектом»[76].

Этот проект является для нас вызовом. От того, ответим ли мы достойно на этот вызов, зависит многое — либо мы построим устойчивое и оказывающее поддержку общество, либо превратим нашу планету в отравленный, грязный и разграбленный пустырь. А мы способны и к тому, и к другому.

Выводы

Итак, чего мы достигли за двадцать пять лет?

Мы начали с признания того, что существует нечто большее в бытии и возможностях человека, чем на тот момент было признано, и это «нечто» включает в себя пиковые переживания.

Мы думали, что бывают пиковые переживания только одного типа, но затем установили существование целых семейств таких опытов сознания и разработали способы их классификации и сопоставления.

Мы узнали, что наша культура является односторонней, вследствие чего страдает определенными недостатками, и работали над ее преобразованием в многостороннюю культуру.

Мы установили общие структуры, лежащие в основе, на первый взгляд, во многом разных опытов сознания, и благодаря этому смогли сгруппировать трансперсональные переживания и состояния в особые типы.

Мы определили пути трансперсонального развития как расположенные сверх того, что прежде считалось верхней границей человеческих возможностей, и получили предварительные доказательства существования общих стадий психологического и духовного развития в разных традициях.

Мы обнаружили общие элементы и процессы в мировых аутентичных духовных дисциплинах и установили, что эти дисциплины включают в себя искусство и технологию трансценденции. Кроме того, мы собрали лабораторные данные, говорящие об эффективности и благотворности этих дисциплин, и к настоящему времени располагаем данными сотен исследований, посвященных одной только медитации.

---

[76] См.: *Russell P.* An Inner Manhattan Project // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 252—253. [Рус. пер. см.: *Рассел П.* Внутренний Манхэттенский проект // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша, Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 345—346. Первое ядерное оружие было разработано в конце Второй мировой войны, в 1944 г., в рамках американского сверхсекретного «Манхэттенского проекта».— *Ред.-сост.*]

Мы достигли нового понимания сути и цели практик созерцания и узнали, что великие религии дают путеводители и техники описания и вызывания трансцендентных состояний сознания.

Мы узнали, что такие трансперсональные психологии и философии, как веданта, буддизм, суфийская и христианская традиции созерцания, которые все вместе представляют собой неувядаемые философию и психологию, являются дисциплинами, которые предполагают множественность и специфичность состояний сознания. Поэтому вследствие ограничений, накладываемых данной специфичностью на обучение этим дисциплинам, их во многом не понимают и недооценивают те люди и в тех культурах, у которых нет прямого опыта соответствующих состояний созерцания, вызываемых этими практиками.

Мы начали применять эти новые взгляды к мировым кризисам и приступили таким образом к разработке трансперсональной экологии.

Мы также исследовали другие следствия и приложения и приступили к разработке ряда других дополнительных дисциплин, включающего трансперсональные антропологию, социологию, психиатрию и психотерапию, изучение клинических расстройств, таких как наркомания и духовные кризисы, и исследования в таких областях, как предсмертный и психоделический опыт, психосоматика, философия, образование и медитация[77].

---

[77] См.: *Grof C.* The Thirst for Wholeness. San Francisco: Harper Collins, 1993 [Рус. пер. см.: *Гроф К.* Жажда целостности. Наркомания и духовный путь. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2000. — *Ред.-сост.*]; *Grof C., Grof S.* The Stormy Search for Self: Understanding Spiritual Emergence. Los Angeles: J. P. Tarcher, 1990 [Рус. пер. см.: *Гроф К., Гроф С.* Неистовый поиск себя. М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 1998. — *Ред.-сост.*]; *Grof C., Grof S.* Spiritual emergency: The understanding and treatment of transpersonal crises // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 137—144 [Рус. пер. см.: *Гроф К., Гроф С.* Духовные опасности: понимание и лечение трансперсональных кризисов // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 197—207. — *Ред.-сост.*]; *Grof S.* The Adventure of Self-discovery. Albany, N.Y.: SUNY Press, 1988 [Рус. пер. см.: *Гроф С.* Путешествие в поисках себя. М.: Издательство Трансперсонального института, 1996. — *Ред.-сост.*]; *Grof S.* Realms of the human unconscious: Observations from LSD research // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 95—106 [Рус. пер. см.: *Гроф С.* Области человеческого бессознательного: данные исследований ЛСД // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 141—156. — *Ред.-сост.*]; *McDermott R.* Transpersonal worldviews: Historical and philosophical reflections // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 203—205 [Рус. пер. см.: *Макдермотт Р.* Исторические и философские размышления о формах трансперсонального мировоззрения // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 285—294. — *Ред.-сост.*]; *Murphy M.* The Future of the Body: Explorations into the Further Evolution of Human Nature. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1992; *Murphy M.* Integral practices: Body, heart, and mind // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 171—173 [Рус. пер. см.: *Мерфи М.* Интегрирующие практики: тело, сердце и разум // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 242—244. — *Ред.-сост.*]; *Murphy M., Donovan S.* The Physical and Psychological Effects of Meditation. San Rafael, CA: Esalen Institute. 1989; *Laughlin C., Mcmanus J., D'Aquile E.* Brain, Symbol and Experience. N.Y.: Columbia University Press, 1992; *Laughlin C., Mcmanus J., Shearer J.* Transpersonal anthropology // Paths beyond Ego: The

Короче говоря, в течение своих первых двадцати пяти лет трансперсональная психология стала интернациональным и междисциплинарным направлением.

Мы также начали понимать то, что в течение столетий считалось *summum bonum* [высшим благом (*лат.*). — *Ред.-сост.*]: просветлением или освобождением, и получили лабораторные данные, говорящие о замечательных умениях и способностях просветленных людей.

Мы даже начали думать, что большинство глубоких и кардинальных утверждений этой неувядаемой философии могут быть правильными и, быть может, действительно верно то, что:

> ***Царство небесное — внутри вас*** (христианство).
>
> ***Понимая Себя, познаешь всю Вселенную*** (упанишады).
>
> ***Атман (индивидуальное сознание) и Брахман (вселенское сознание) едины*** (веданта).
>
> ***Бог пребывает внутри тебя в качестве твоей сущности*** (йога).
>
> ***Вглядись внутрь — ты и есть Будда*** (буддизм).
>
> ***Небеса, земной мир и человек сделаны из одного вещества*** (неоконфуцианство).
>
> ***Кто знает самого себя, знает своего Бога*** (ислам).

Итак, наша задача заключается в том, чтобы, практикуя трансперсональную дисциплину, осознать трансперсональную точку зрения; проверить и улучшить ее с помощью исследований, раздумий и критического осмысления; осуществить и выразить ее в своей жизни; по-возможности всюду делиться ею и распространять ее; применять ее, помогая оздоровить наш мир; разрешить позволить этой точке зрения поставить нас на службу делу всеобщего пробуждения и благоденствия.

Это и есть трансперсональная точка зрения. Это то, рождению чего нам посчастливилось помогать в течение первых двадцати пяти лет. Может ли кто-нибудь хотя бы приблизительно угадать, что принесут следующие двадцать пять лет? Наши притязания определяются только нашими возможностями.

Наш мир находится в серьезной опасности. Однако этот мир держится в хороших руках, потому что, в конечном счете, эти руки ваши.

Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 190—194 [Рус. пер. см.: *Лафлин Ч.Д., Макмэнус Дж., Ширер Дж.* Трансперсональная антропология // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша, Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 264—271. — *Ред.-сост.*]; *Ring K.* Life at Death. N.Y.: Coward, McCann and Geoghe-gan, 1980; *Ring K.* The near-death experience // Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision / R. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. P. 195—202 [Рус. пер. см.: *Ринг К.* Околосмертный опыт // Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. С. 271—281. — *Ред.-сост.*]; *Rothberg D.* Philosophical foundations of transpersonal psychology: An introduction to some basic issues // The Journal of Transpersonal Psychology. 1986. Vol. 18. P. 1—34; *Shapiro D., Walsh R.* (Eds.). Meditation: Classic and Contemporary Perspectives. N.Y.: Aldine, 1984; *West M.* (Ed.). The Psychology of Meditation. Oxford: Clarendon Press, 1987; *Wilber K.* Up from Eden. N.Y.: Doubleday, 1981; *Wilber K.* A Sociable God. N.Y.: McGraw-Hill, 1983; *Wilber K.* Eye to Eye: The Quest for the New Paradigm. Garden City, NY: Anchor / Doubleday, 1983; *Walsh R., Vaughan F.* (Eds.). Paths beyond Ego: The Transpersonal Vision. Los Angeles: J.P. Tarcher, 1993. [Рус. пер. см.: Пути за пределы «эго» / Под ред. Р. Уолша и Ф. Воон. М.: Открытый Мир, 2006. — *Ред.-сост.*]

М. Селигман

Прошлое и будущее позитивной психологии*

На первой конференции по позитивной психологии[1], спонсором которой был фонд Гэллапа, один наш коллега задал колкий вопрос: «Если бы мы занимались бизнесом, стали бы мы вкладывать деньги в позитивную психологию и позитивную социологию?». <...> Стоит ли это научное направление того, чтобы инвестировать в него время, энергию и усилия исследователей? Думаю, что стоит, поскольку уверен, что психология должна быть чем-то большим, чем исправлением того, что плохо. Кроме этого, она должна изучать и воспитывать то, что хорошо.

Однако исторически сложилась другая картина — когда народы бедствуют, когда происходят войны и социальные беспорядки, когда люди живут в нищете и голодают, то они, естественно, заботятся о своей обороне и восстановлении разрушенного. С тем же связаны науки, которые финансируют в таких государствах, искусство, которое ценят их граждане, художественная литература, которая им понятна. Это не исключает, что добродетели человека нередко проявляются и тогда, когда общество бедствует. В такие времена добродетель труднее осуществить и потому она становится более героической. Но ведь в трудных условиях разворачивалась большая часть истории человечества, и если такое общество концентрируется только на исправлении того, что плохо, то лучшим результатом, которого может достичь даже утопически успешная программа, будет *нуль*.

Если же общество материально обеспечено и в нем нет социальных волнений, то происходит сдвиг. Такое общество смотрит выше, переводя свой взор

---

* *Seligman M.E.P.* Foreword: The past and future of positive psychology // Flourishing: Positive Psychology and the Life Well-Lived / C.L.M. Keyes, J. Haidt (Eds.). Washington, DC: APA, 2003. P. XI—XX. (*Перевод И.С. Никитиной*.)

[1] Конференция состоялась 9—12 сентября 1999 г. в г. Линкольне (штат Небраска, США). По материалам этой конференции был издан сборник работ. Данный текст написан как предисловие к этому сборнику. — *Ред.-сост.*

от забот о разрушениях и жертвах к исследованию того, что делает жизнь достойной. Что же в жизни является наилучшим? Как от нуля мы можем продвинуться к +2 и даже к +6?

В истории мы находим несколько примеров подобных обществ: в Золотом веке колыбелью демократии и философии была Греция; в викторианской Англии почитались честь, долг и доблесть; в 1450-х гг., благодаря торговле шерстью и активности ростовщиков, разбогатела Флоренция. Хотя Флоренция могла стать в военном отношении самой сильной в Европе, флорентийцы вкладывали свои средства в красоту. В отличие от Флоренции, позитивная психология создает не эстетический, а научный монумент человечности — мы используем науку для решения вопроса о том, что является наилучшим в жизни и как люди могут этого достичь.

После 11 сентября 2001[2] я задумался о роли позитивной психологии во времена бедствий[3]. Позитивная психология держится на трех основаниях. Первое — изучение позитивных эмоций. Второе — изучение позитивных качеств, прежде всего и по большей части сил и добродетелей человека, но, кроме того, и таких его «способностей», как интеллект и занятие физическими упражнениями и спортом. Третье — изучение позитивных общественных институтов, таких как демократия, крепкие семьи и независимое расследование, которые поддерживают добродетели; последние, в свою очередь, поддерживают позитивные эмоции. Позитивные эмоции, например, доверие, надежда и чувство долга, в наибольшей степени необходимы не тогда, когда жизнь легка, а когда она трудна. Во времена бедствий большое значение имеет понимание и поддержка позитивных институтов, — таких как демократия, крепкая семья и свободная пресса. В эти периоды понимание и укрепление сил и добродетелей, таких как доблесть, устремленность в будущее, целостность, равенство, лояльность, может стать более необходимым, чем в хорошие времена.

Время бед — это время страданий, и можно задать вопрос, чему отдать приоритет — пониманию и смягчению страданий или пониманию и созиданию счастья. Иначе говоря, это вопрос о том, не станет ли позитивная психология в трудные времена неуместной. Думаю, что не станет. Позитивная психология помогает страдающим людям одним из самых лучших способов, — она концентрирует их внимание на положительном. Людям в состоянии нищеты, депрессии[4] или на пороге самоубийства нужно большее, чем просто облегчение их страданий. Эти люди стремятся — иногда отчаянно — к добродетели, цели,

---

[2] *11 сентября 2001 г.* в США террористы захватили четыре гражданских самолета. Два авиалайнера врезались в башни Центра международной торговли в Нью-Йорке, третий — в здание Пентагона. Четвертый авиалайнер разбился после того, как пассажиры попытались оказать террористам сопротивление. В общей сложности, в результате терактов 11 сентября погибли более 3 тыс. человек. — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Seligman M.E.P.* Authentic Happiness. N.Y.: Free Press, 2002.

[4] *Депрессия* — пониженное, мрачное, подавленное настроение. — *Ред.-сост.*

целостности и смыслу. Опыт, вызывающий положительные эмоции, быстро рассеивает отрицательные. Силы и добродетели служат амортизаторами при невзгодах и психологических нарушениях, и могут стать ключом к созиданию способности быстро восстанавливать физические и душевные силы. Таким образом, позитивная психология способна оказаться более важной во времена бедствий, хотя истерзанный народ может и не понимать того, что в перспективе созидание сил и добродетелей эффективно вылечит его раны.

Рождение позитивной психологии

Кори Киз пишет об увядании (*languishing*)[5]. Обычно мы говорим о вялости индивидов, но я считаю, что таким же образом может увядать и область или отрасль знания. В последние 50 лет психология использовалась преимущественно как средство исправления того плохого, что есть в жизни. Она не занималась изучением того, что делает людей счастливыми, что создает позитивный характер человека и делает жизнь стоящей того, чтобы жить. Если психология игнорирует эти задачи, она может завянуть так же, как увядают социальные науки и многие люди.

Идея позитивной психологии возникла у меня в 1997 г., вскоре после того, как я был избран президентом Американской психологической ассоциации (АПА). До этого момента я барахтался на одном месте. Я подумал, что моей темой как президента АПА будет профилактика, и поэтому собрал дюжину ведущих специалистов по предотвращению психических болезней, среди которых был и Майк Чиксентмихайи. Мы провели заседание, которое мне показалось скучным. Там не было ничего, кроме рутинного применения упреждаю-

---

[5] См.: *Keyes C.L.M.* Complete mental health: An agenda for the 21st century // Flourishing: Positive Psychology and the Life Well-Lived / C.L.M. Keyes, J. Haidt (Eds.). Washington, DC: APA, 2003. P. 293—312. [Киз пишет: «Обзор исследований говорит о том, что существуют серьезные основания для беспокойства относительно психического здоровья взрослого населения США. Во-первых, менее четверти взрослых в возрасте от 25 до 74 лет отвечают критериям процветания (*flourishing*) в жизни; процветание определяется как состояние, в котором индивид чувствует позитивную эмоцию в отношении к жизни и прекрасно функционирует в психологическом и социальном планах. Во-вторых, индивиды, диагностируемые как цветущие, обладают превосходным эмоциональным здоровьем, меньше прогуливают и реже сокращают рабочие дни и менее физически ограничены в своей повседневной жизни. В-третьих, отсутствие психического здоровья — состояние, описываемое как увядание — распространено больше, чем основное депрессивное расстройство. Увядание (*languishing*) определяется как состояние, в котором у индивида нет позитивной эмоции в отношении к жизни, он плохо функционирует психологически и социально и не испытывал депрессии в течение одного прошедшего года. Короче, увядающие не являются ни психически больными, ни психически здоровыми. Увядание — это «расстройство», которое расположено на отрезке континуума психического здоровья, соответствующем полной отчаяния жизни. Такая жизнь описывается в клинических отчетах пациентов как «фальшивая» или «пустая». В-четвертых, увядание в той же степени связано с эмоциональным дистрессом и психосоциальным ухудшением, что и с основным эпизодом депрессии» (p. 294). — *Ред.-сост.*]

ще направленной медицинской модели. Я не только подумал, что такая профилактика не будет работать, но и решил, что данный подход чрезмерно механистический и не может взбудоражить воображение лучших молодых ученых и врачей. После собрания Майк сказал мне: «Марти, у всего этого должна быть какая-то разумная основа, это может быть намного интереснее».

Спустя некоторое время вместе со своей дочкой Никки, которой недавно исполнилось 5 лет, я работал в саду. Сразу должен признаться, что хотя пишу книги о детях, я не очень хорошо умею с ними общаться. Я слишком целеустремлен и настойчиво их подгоняю. Если я занимаюсь прополкой, то полностью сосредоточен на прополке. А Никки стала бросать сорняки в воздух и танцевала вокруг них. Я заорал на нее. Она посмотрела на меня и ушла. Вернувшись, она сказала: «Папа, я хочу поговорить с тобой». «Да, Никки?». «Папа, ты помнишь, какой я была до того, как мне исполнилось 5 лет? С трех до пяти лет я была плаксой. Я плакала каждый день. Но когда мне исполнилось пять, я решила больше не хныкать. И это было самое трудное из всего того, что я когда-либо делала, но я это сделала. Итак, если мне удалось перестать плакать, то ты, папа, сможешь перестать быть таким сварливым!».

Слова Никки стали для меня откровением. В тот день я понял кое-что о Никки, кое-что о воспитании детей, кое-что о себе, и многое о моей профессии. Во-первых, я понял, что воспитание Никки не сводится к тому, чтобы она прекратила плакать. Она смогла сделать это сама. Воспитание Никки должно было состоять в приумножении той силы, которую она показала — ее удивительного дара смотреть в душу! Я понял, что воспитание детей включает в себя нечто большее, чем просто констатация того, что в них неправильно. Оно состоит в обнаружении и воспитании их самых сильных качеств — того, что они уже имеют и что является хорошим — чтобы они могли использовать их в качестве амортизаторов жизненных невзгод.

Что касается меня, то Никки была абсолютна права: я действительно был раздражительным и ворчливым, несмотря на то, что меня окружали жена и дети, которые были как лучи солнца. У меня не было оправданий своей ворчливости, и все, чего я достиг в жизни, совершилось, вероятно, независимо от моей брюзгливости. Итак, я решил измениться, как это сделала Никки. И это было самым трудным, что я делал когда-либо.

Но самое широкие последствия урок Никки имел для науки и практики психологии. Миссия позитивной психологии состоит в том, что обратить внимание на половинчатость нашей науки. Мы достигли успеха в изучении душевных болезней и исправлении повреждений. Но в других областях мы достигли немногого, в том числе при изучении феноменов счастья, сильных сторон человека и его добродетелей.

На следующий день я позвонил Майку и сказал: «Майк, я не знаю, какие у тебя планы на Новый год, но хотел бы, чтобы ты их отменил и поехал со мной и Мэнди в Мехико, дабы обсудить идею создания области позитивной психологии». Затем я позвонил Рею Фаулеру и попросил его о том же. Мы

провели неделю в Мехико, гуляя, разговаривая и размышляя о прошлом и будущем психологии. Мы задавались вопросом, почему психологию стали называть «исцеляющей» профессией, которая занимается исключительно обнаружением и исправлением того, что у людей плохо. Далее следует наш диагноз психологии.

Как была сужена психология

Перед Второй мировой войной у психологии было три миссии. Первая — лечение душевных болезней. Вторая — сделать жизнь каждого человека более счастливой, продуктивной и осуществленной, при этом образцовым примером была идущая на подъем психология труда. Третья — выявление и развитие таланта и гениальности.

Сразу же после войны психология перевела стрелки на одни рельсы, и две из трех ее миссий были забыты. На это повлияли два события материального рода. Первое произошло в 1946 г. с утверждением указа о ветеранах, когда тысячи психологов поняли, что они могут зарабатывать на жизнь лечением неврозов в Омахе. Вторым событием, дополняющим первое, стало учреждение в 1947 г. Национального института психического здоровья (НИПЗ). Поскольку он ориентировался на модель болезни, а психическим здоровьем занимался только косвенно, его было бы лучше назвать «Национальным институтом психических заболеваний». С основанием НИПЗ многие ученые, в том числе и я, поняли, что могут получать гранты[6], если представят результаты своих исследований в свете исцеления психических болезней.

И все же я считаю, что эти перемены привели к двум большим победам. В 1947 г. ни одно из так называемых главных заболеваний психики не было излечимым. Они были окутаны суевериями и туманом. Сейчас же 14 из них излечимы, а два можно вылечить с помощью психотерапии или психофармакологии[7].

Вторая большая победа заключалась в том, что стала развиваться наука о психических заболеваниях. Ученые смогли дать определение неясным понятиям (например, депрессии, гнева, алкоголизма, шизофрении и импотенции). Мы научились оперировать ими и количественно их оценивать с помощью валидных и надежных методик. Позже нам удалось определить их причины, используя метод эксперимента и сложные лонгитюдные планы. И самое главное, мы разработали методы биологического и психологического воздействия, которые в дальнейшем выдержали тщательную проверку на эффективность. В результате мы смогли создать науку о психических заболеваниях.

---

[6] *Гранты* — средства, предоставляемые государством или специальными фондами для проведения научных исследований. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Seligman M.* What You Can Change and What You Can't. N.Y.: Knopf, 1994.

Но ценой этих побед явилось то, что психология забыла две другие свои миссии. Она забыла, что должна делать жизнь людей более продуктивной, счастливой и осуществившейся. Она также забыла, что еще одной ее миссией является развитие дарований, выявление наших наиболее ценных ресурсов — талантливых молодых людей — и поиск условий, при которых они могут расцвести. Слова *гений* и *талант* в настоящее время стали почти неприличными, и психология обязана вернуть к ним должное уважение.

Модель профилактики с точки зрения болезни и почему она не работает

Темой заседания АПА в Сан-Франциско в 1998 г. была профилактика. Мы обсуждали, как можно предотвратить такие проблемы, как депрессия, наркомания и шизофрения у молодых людей, которые являются генетически предрасположенными к ним или живут в условиях, провоцирующих возникновение подобных проблем. Мы задавались вопросом, как мы можем предотвратить кровопролитие в школах, когда детям доступно оружие, когда у них может быть неуживчивый характер и когда родители не уделяют им должного внимания. В модели болезни мы не находили ответов на эти вопросы[8].

В течение 50 лет мы убеждались в том, что модель болезни не приводит нас к предотвращению этих серьезных проблем. Основные успехи в сфере профилактики были достигнуты в результате целенаправленного создания умений, а не на основе исправления недостатков. Позитивные психологи обнаружили, что человеческие силы препятствуют психическим заболеваниям подобно амортизаторам[9]. Основной задачей профилактики в XXI в. будет продолжение этого плодотворного направления и создание науки о человеческих силах, миссией которой будет понимание того, как воспитывать в молодых людях эти добродетели[10].

В области профилактики я работаю более 15 лет. Сначала я думал, что профилактика является всего лишь применением проактивно направленной модели болезни. Но затем появились публикации по профилактике, и стало ясно, что работает, а что нет. И тогда я понял, что моих знаний по биологии и психотерапии психических заболеваний совершенно недостаточно для их профилактики. Профилактика — это не ремонт неисправностей. Мое исследование «вы-

[8] См.: *Catalano R. et al.* Positive youth development in the United States: Research findings on evaluations of positive youth development programs // Prevention and Treatment. 2002. Vol. 5. Retrived June 24, 2002, from http://www.aspe.hhs.gov/hsp/positiveyouthdev99/prg0050015a.html

[9] См.: *Keyes C.L.M., Lopez S.J.* Toward a science of mental health: Positive directions in diagnosis and interventions // Handbook of Positive Psychology / C.R. Snyder, S.J. Lopez (Eds.). N.Y.: Oxford University Press, 2002. P. 45—59.

[10] См.: *Bornstein M.H. et al.* (Eds.). Well-being: Positive Development across the Life Course. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003.

ученного оптимизма» подтверждает эту точку зрения[11]. Обучая детей и взрослых оптимизму, мы не ремонтируем поломки, а обучаем умениям. Мы учим их четко определять причины плохих событий. Мы также изменяем способ интерпретации плохих событий, предлагая считать их локальными и преходящими, а не всеобъемлющими и устойчивыми.

Применяя этот метод, нам удалось на 50 % снизить уровень депрессии у детей и взрослых. Следовательно, профилактика должна быть сконцентрирована на силах — надежде, оптимизме, храбрости, умении общаться, стойкости, честности, профессиональной этике, мыслях о будущем, способности к инсайтам и др. — и создавать на их основе амортизатор депрессии. Но поскольку психология всегда была профессией и наукой, сконцентрированной на слабостях и недостатках, мы почти ничего не знаем о силах и добродетелях. И если мы хотим достичь успехов в профилактике психических заболеваний, мы должны объяснить, что такое силы и добродетели.

Три основания позитивной психологии

Теперь о моем видении позитивной психологии как науки. Первым основанием позитивной психологии является позитивное субъективное переживание прошлого, настоящего и будущего. Позитивное субъективное переживание прошлого — это удовлетворенность, довольство и благополучие. Позитивное субъективное переживание настоящего — это счастье, поток[12], восторг и чувственные удовольствия. А позитивное субъективное переживание будущего — это оптимизм и надежда.

Вторым основанием этой науки является исследование позитивных характеристик индивида: его сил и добродетелей. Если мы хотим, чтобы общественность, конгрессмены и врачи начали задумываться о том, как оценить позитивную жизнь, мы должны отойти от DSM-модели[13]. Нам необходима альтернати-

---

[11] См.: *Seligman M.E.P. et al.* The Optimistic Child. N.Y.: Houghton-Mifflin, 1995.

[12] *Поток* (flow) — сложное состояние, подробно описанное американским психологом Михайи Чиксентмихайи, одним из «учредителей», как это видно из данного текста, позитивной психологии. В этом состоянии субъект активен и в то же время забывает о себе; не прилагая усилий, он остается чрезвычайно внимателен, ясно и четко осознает цели и результаты своих действий и без расчета на вознаграждение испытывает наслаждение от самого процесса деятельности. Человек счастлив только потому, что в трудной ситуации успешно действует на пределе своих возможностей. См. подробнее, напр.: *Макалатия А.Г.* Опыт аутотелической деятельности // Общая психология. Тексты: В 3 т. / Отв. ред. В.В. Петухов. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2004. Т. 2: Субъект деятельности. Кн. 2. С. 264—278. — *Ред.-сост.*

[13] DSM (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) — «Руководство по диагностике и статистике психических расстройств» — официальная система классификации психологических и психиатрических расстройств, подготовленная и периодически дополняемая Американской психиатрической ассоциацией. Автор ссылается на версию DSM-IV (1994 г.). — *Ред.-сост.*

ва, которая по сути противоположна DSM. Другими словами, нам необходима рациональная классификация сил. Такую новаторскую классификацию предложил в 1999 г. Дон Клифтон и в настоящее время ее расширяет Крис Питерсон. Эту попытку спонсировал фонд Мейерсона. В результате было выделено 24 силы и добродетели, которые считаются важными во всех культурах и эпохах. С помощью этой классификации мы сможем оценить, насколько каждый человек реализует такие силы и добродетели, как, например, забота о будущем, лидерство, доброта, целостность, оригинальность, мудрость и близость.

Третье основание позитивной психологии — изучение позитивных институтов и сообществ. Социология увядала таким же образом, как психология. Она изучала главным образом неблагоприятные условия, разные «измы» — расизм, дискриминацию по половому признаку (*sexism*), дискриминацию пожилых (*ageism*), и то, как они разрушают жизнь человека. Даже если мы сможем избавиться от всех этих «измов», мы придем только к нулю. Поэтому позитивная психология и позитивная социология должны задаться вопросом: «Какие институты поднимают людей *выше* нуля?».

Невежливость — хороший пример того, чем стоило бы заняться социальным наукам. Невежливость приводит к тому, что вы сердитесь на человека, который груб с вами, к желанию отомстить ему; она повышает ваше кровяное давление. Но вежливость — это не просто отсутствие невежливости. Вежливость приводит к тому, что Барбара Фредриксон называет расширением и созиданием позитивных эмоций[14]. Вежливость выводит вас из спора как способа обороны и приводит в созидательное, терпимое и открытое расположение духа, от которого выигрывают обе стороны.

Применение и цели позитивной психологии

Три основания позитивной психологии укрепляются благодаря трем ее применениям. Первое — это оценка. На основе списка сил и добродетелей, который предложила группа Клифтона, в фонде Гэллапа был разработан опросник, состоящий из 107 вопросов. Он называется «Источники» и предназначен для определения психологического здоровья. Он может использоваться для оценки психологического здоровья индивида, общества и даже науки. Этот подход предполагает рост экономических показателей и раскрывает, как должно действовать государство или политическая система, опираясь на психологию, и как это действие должно меняться со временем.

Второе применение — это вмешательство. При классификации сил и добродетелей мы можем задать вопрос, какие из них можно формировать и каким образом. Третье применение — это развитие в течение жизни. Как силы и добродетели изменяются и взаимодействуют с миром на протяжении жизни? Ка-

---

[14] См.: *Fredrickson B.* What good are positive emotions? // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2. P. 300—319.

кие ранние предшественники у каждой из них? Какие условия являются благоприятными для их развития, а какие нет?

Создать научную позитивную психологию будет несложно, поскольку большая часть ее методологии уже разработана в науке о психических болезнях. Мы можем основываться на успехах, достигнутых в изучении психических заболеваний, и использовать те же виды операциональных определений, методов оценки, структурных уравниваний, экспериментов, вмешательств и тестирования их результатов, которые были разработаны в науке о психических болезнях. В научной позитивной психологии их можно применять практически полностью.

Каковы же долгосрочные цели позитивной психологии? Первая — улучшение профилактики путем амортизации. Вторая — обучение дополнительно к известным способам терапии и практикам выявления и целенаправленного созидания сил. Третья — сокращение всякого рода виктимологии[15], которая пропитывает социальные науки. Модель болезни закладывает патологию и пассивность в основу картины мира человека. Мир действует на людей и заставляет отвечать на свои воздействия. Однако чем больше мы убеждаем людей, что они пассивные жертвы, тем больше *делаем* их пассивными и беспомощными[16]. Проповедь виктимологии вводит в заблуждение и, как ни странно, увеличивает число жертв.

Четвертая цель позитивной психологии — сдвиг психологии от эгоцентрической к филантропической позиции. Для иллюстрации приведу пример из моей учебной практики. Я пригласил 20 студентов-старшекурсников на курс занятий по позитивной психологии. Каждую неделю они писали и читали свои эссе. Кроме того, студенты выполняли еженедельные домашние задания, основанные на том, что мы обсудили в аудитории. Однажды мы обсудили работу Джонатана Хайдта о возвышенном[17]. Хайдт начинал изучение нравственности с негативной эмоции социального отвращения, возникающей у человека в ответ на низкие, подлые или недостойные действия других людей. Но затем его заинтересовало, будут ли возвышенные, альтруистические или сверхчеловеческие действия других людей вызывать противоположные по знаку эмоции. Тогда он стал собирать и анализировать отчеты людей, которые были свидетелями подобных действий и реагировали на них эмоционально. Одна студентка из университета Виргинии рассказала о том, как однажды после обильного снегопада она возвращалась домой с добровольной службы в Армии Спасения. Один из ее друзей-волонтеров попросил водителя высадить его, когда они проехали мимо по-

---

[15] *Виктимология* (victimology) — букв.: наука, изучающая поведение жертв преступлений, которое могло спровоцировать преступление; в данном случае этот термин используется в более широком значении. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Seligman M.* Helplessness: On Depression, Development, and Death. San Francisco: Freeman, 1975.

[17] См.: *Haidt J.* The Positive emotion of elevation // Prevention and Treatment. 2000. Vol. 3. Retrieved from http://journals.apa.org/prevention/volume3/pre0030003c.html; chapter 12, this volume.

жилой женщины, которая пыталась расчистить себе дорогу. Когда девушка увидела, как ее товарищ идет помогать этой женщине, ее захлестнули чувства. В ответ на вопрос, вызвали ли эти чувства желание совершить какое-то действие, она написала: «Я чувствовала, что сейчас выпрыгну из машины и обниму этого парня. Я чувствовала, будто я пою, бегу, катаюсь на лыжах или смеюсь. Просто делаю что-то. Я чувствовала, будто говорю о людях что-то хорошее. Пишу прекрасную поэму или любовную песню. Играю в снегу, как ребенок. Рассказываю всем о его поступке»[18].

Такие истории вызывали у студентов вопрос: неужели счастье вытекает из проявлений доброты так же как из деятельности, доставляющей удовольствие. Чтобы разобраться в этом, каждый студент должен был выполнить одну деятельность, доставляющую удовольствие, и одну филантропическую деятельность (и описать обе). Результаты оказались ошеломляющими. «Приятные» деятельности (общение с друзьями, просмотр фильма) поблекли в сравнении с эффектами доброты. Когда филантропические деятельности были спонтанны и когда они апеллировали к силам совершавшего их человека, в прекрасном настроении проходил весь день, тогда как удовольствие от приятных деятельностей сразу же пропадало. Одна студентка рассказала о том, как ее племянник, ученик третьего класса, попросил помочь ему выполнить задание по арифметике. После часа занятий с ним она обнаружила, что «в течение остального дня я более внимательно слушала собеседников, стала мягче и нравилась другим людям больше, чем обычно». Один студент, бывший бизнесмен, признался, что приехал в университет учиться тому, как заработать больше денег, чтобы стать счастливым, но был поражен, обнаружив, что, помогая другим людям, он почувствовал себя намного счастливее.

Я изложил свой взгляд на научную позитивную психологию, ее применение и долгосрочные цели. Я мечтаю о том, что научная позитивная психология будет разработана в течение нескольких ближайших лет и появится специализация по ней. Ее миссией будет оценка и созидание сил человека. Я мечтаю о том, что психология будет направлена на созидание сил, поскольку именно психологи могут это сделать. Я надеюсь, что психологов будут просить не только восстановить утраченное чувство собственного достоинства, но и созидать его на основе реальных способностей человека. Я надеюсь, что психологов будут просить не только восстанавливать разрушенные браки, но и помогать семейным парам вновь обрести радость и дружбу. Я надеюсь, что психология будет работать не только над профилактикой насилия среди молодежи, но и взращивать нравственную молодежь. Я надеюсь, что мы будем не только объяснять, почему мы не доверяем нашим лидерам, но и зададимся вопросом, что же в лидере заслуживает доверия и как можно это создать. Я надеюсь, что мы будем не только исправлять грубость в нашей жизни, но и созидать вежливость. Я наде-

---

[18] См.: *Haidt J.* The Positive emotion of elevation // Prevention and Treatment. 2000. Vol. 3. Retrieved from http://journals.apa.org/prevention/volume3/pre0030003c.html

юсь, что психология узнает не только то, как сделать работу менее скучной, но и как отыскать в работе радость и смысл. Я надеюсь, что психологов будут просить не только облегчить боль и страдание умирающих, но и помочь им найти в умирании достоинство.

Когда я баллотировался в президенты APA в 1996 г., меня спросили, почему ученый, который провел свою жизнь, затворившись в лаборатории, берется за такое сложное и неприятное дело, как управление 150-ю тысячами психологов. Как это ни странно звучит, я верил, что у меня есть призвание, но тогда я не знал, в чем оно состоит. Я подумал, что если займу пост руководителя американской психологии, то открою свое призвание. И я открыл его. Мое призвание — помогать создавать позитивную психологию.

К. Мадсен

Марксистская психология в Советском Союзе*

Первый период (1920—1930)

Сразу после коммунистической революции (1917 г.) и окончания Первой мировой войны в Советском Союзе был предпринят ряд попыток разработки марксистской психологии. Ведущим психологом этого периода стал Константин Николаевич Корнилов (1879—1957). Ссылаясь на *реакции* как объект психологического исследования, он назвал свою версию марксистской психологии *реактологией*. Таким образом марксистская психология отграничивалась как от современной психологии *бихевиоризма*, которая имела дело с *рефлексами* (безусловными и условными), так и от классической психологии *интроспекционизма*, которая занималась *сознанием*. Таким пониманием реакции Корнилов стремился соединить биологически ориентированное понятие рефлекса с социальными и культурными аспектами, характеризующими содержания сознания[1].

В исследованиях применялись объективные методы, в частности регистрация реакций и тесты. Эти методы использовались и в прикладной психологии, особенно в педагогической и индустриальной.

В 1923 г. Корнилов возглавил Институт экспериментальной психологии при Московском университете и в 1928 г. стал редактором первого русского психологического журнала[2].

---

* *Madsen K.B.* A History of Psychology in Metascientific Perspective. North-Holland, Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ. Com. Inc., 1988. P. 443—449. (*Перевод В.В. Петухова*.) [В оригинальный текст внесены дополнения: имена и отчества советских психологов, а также годы их жизни. — *Ред.-сост.*]

[1] Детальная ссылка в источнике отсутствует. По-видимому, здесь имеется в виду книга: *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенный с точки зрения диалектического материализма. М.; Л., 1931. — *Ред.-сост.*

[2] Здесь, по-видимому, имеется в виду журнал «Психология, педология и психотехника», который стал выходить в 1928 г. К.Н. Корнилов был редактором серии «Психология» этого журнала. — *Ред.-сост.*

Рис. 1. Обзор марксистской психологии

Второй период (1930—1950)

После публикации в 1930 г. «Философских тетрадей» Ленина[3] реактология Корнилова и в особенности его психология тестов подверглись жестокой критике. Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии, вышедшее в 1936 г.[4], запрещало тестирование как не отвечающее требованиям марксизма.

[3] Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — политический деятель, вождь русского и международного пролетариата, основатель Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Советского государства. В его «Философских тетрадях» опубликованы конспекты и критические замечания к ряду философских произведений. — *Ред.-сост.*

[4] В энциклопедической статье «Педология», опубликованной в 1955 г., читаем: «Постановление ЦК ВКП (б) от 4 июля 1936 г. “О педологических извращениях в системе наркомпросов” разоблачило и осудило педологию как лженауку, ставящую своей задачей доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и “высших рас” и, с другой стороны, — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и “низших рас”» (БСЭ. 2-е изд. Т. 32. С. 279). — *Ред.-сост.*

В период 30-х — 40-х гг. марксистская психология находилась в состоянии застоя. Наиболее признанным психологом этого периода был Сергей Леонидович Рубинштейн (1889—1960), написавший несколько широко известных учебников по общей психологии[5].

Третий период (1950—1960)

После Второй мировой войны в Советском Союзе возникла необходимость в национальной реорганизации естественных наук. В связи с этим «научным перевооружением» Центральный Комитет Коммунистической партии обратил внимание на И.П. Павлова[6], как на человека, способного обновить российскую психологию и физиологию. Это произошло в год его столетнего юбилея, и в 1950 г. в течение недели была проведена конференция, на которой советская Академия наук обсуждала, являются ли исследования Павлова и его теория адекватной основой для психологии, физиологии и психиатрии. В результате этой конференции вышел национальный указ о том, что теория Павлова должна быть официальной основой или, другими словами, установленной государством парадигмой психологии. Этот указ привел к огромному количеству эмпирических исследований, вдохновленных в основном павловскими лекциями в его «Семинарах по средам», которые проводились в последние годы его жизни. Исследования включали изучение языка и мышления (вдохновленные идеей Павлова о языке как «второй сигнальной системе»), изучение индивидуальных различий (в основе которого лежала теория типов Павлова) и исследования явлений психопатологических (вдохновленные теорией экспериментальных неврозов Павлова).

В течение этого периода «павловизации» Рубинштейн написал важную философскую работу «Бытие и сознание» (1957). В этой работе был представлен синтез теории Павлова и теории отражения Ленина. Условный рефлекс рассматривали как «прототип» отражательной активности головного мозга, которая, по Ленину, была эквивалентна сознанию. С 1930-х гг. ленинская теория стала наиболее предпочитаемым марксистским решением психофизиологической проблемы. В то же время ленинская теория являлась и гносеологией: ***«отражение» представляет собой познание и осознание объективно существующего окружающего мира, и это отражение является функцией мозга*** (или тождественно определенным мозговым процессам).

Синтез теорий Павлова и Ленина, проведенный Рубинштейном, сильно повлиял на психологию последующего периода.

---

[5] Речь идет об учебниках С.Л. Рубинштейна «Основы психологии» (1935 г.) и «Основы общей психологии» (1940; 1946); см. текст Рубинштейна на с. 697—702 наст. изд. —*Ред.-сост.*

[6] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности; лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

Четвертый период (после 1960 г.)

После того, как «культ личности» Павлова и некоторых других исследователей отошел на второй план, начинают выходить на поверхность другие направления марксистской психологии и среди них так называемая культурно-историческая школа, которая занимает господствующие позиции в 1970-е гг.

Эта школа оформилась уже в 1920-е гг.; она была основана рано умершим Львом Семеновичем Выготским (1896—1934), который успел воспитать нескольких известных учеников (в том числе А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьева). Он был первым среди тех, кто использовал теорию Маркса[7] о роли труда в развитии человеческих культур. Человек отличается от всего остального животного царства не биологической адаптацией к природе, а *продуктивной работой (производительным трудом)*. Производительный труд отличается от других форм поведения тем, что (1) в нем используются *орудия*, и (2) он *социально организован*.

Особым вкладом Выготского было осознание *роли лингвистического знака как орудия, социально и культурно детерминированного*. Именно благодаря овладению инструментальной функцией лингвистических знаков дети усваивают социальные нормы и культурные ценности. Благодаря использованию языка психические процессы трансформируются из непроизвольных в произвольные, и язык включается в сознательное управление человеческой деятельностью. Сначала действия детей управляются речью взрослых, затем дети начинают говорить для себя (эгоцентрическая речь) и, наконец, они обретают способность управлять собственным поведением при помощи внутренней речи (мысленно). Выготский не согласился с Пиаже[8] в вопросе о связи языка и мышления[9].

После безвременной кончины Выготского его работу продолжили его ученики. Наиболее известным примером исследований, проведенных с позиций культурно-исторической школы, является опубликованная впоследствии и переведенная на английский язык работа Лурия «Познавательное развитие: его культурные и социальные предпосылки» (1976). В этой книге представлены результаты психологической экспедиции, инициатором которой был Выготский, а руководителем Лурия. В начале 30-х гг. экспедиция отправилась в отдаленную часть Советского Союза (Узбекистан). Жившие там крестьяне в большинстве своем были необразованны, но в то же время там существовало несколько механизированных сельскохозяйственных коммун и жили студенты местного педагогического института. Таким образом, были представлены три уровня образования испытуемых, которых исследовали с помощью экспериментов и неформальных тестов (подобных «клиническим экспериментам» Пи-

---

[7] Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

[8] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

[9] См.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.

аже). Это исследование ясно показало, что уровень образования влияет на такие психические процессы, как восприятие (классификация цветов и форм), абстракция и обобщение, рассуждение и решение задач, а также на самопонимание (*self-insight*) и самооценку. Для представителей культурно-исторической школы это служило веским доказательством зависимости сознания от лингвистического развития, образования и культуры. Вероятно, в силу жесткой критики психологии тестов и других немарксистских направлений психологии, которые были широко распространены именно в тот период, эти результаты не были напечатаны вплоть до их публикации Лурия в 70-е гг.

Несмотря на это, Александр Романович Лурия (1902—1977) приобрел широкую известность в основном благодаря своим *нейропсихологическим* исследованиям. Опираясь на данные исследований пациентов с травмами головного мозга, он разработал теорию функционирования мозга и систему тестов для исследования пациентов с мозговыми поражениями. Эта теория является по сути *системной*, так как рассматривает различные процессы головного мозга как функционирующие на различных системных уровнях[10]. После перевода нескольких его книг Лурия становится самым известным российским психологом в западном мире, если не считать Павлова[11].

Алексей Николаевич Леонтьев (1903—1979) — еще один знаменитый ученик Выготского. Он не только продолжил традиции культурно-исторической школы, но и связал их с тем синтезом теорий Павлова и Ленина, который провел Рубинштейн. Таким образом, именно Леонтьеву удалось объединить основные направления марксистской психологии (см. рис. 1)[12]. Мы выбрали его работы для более тщательного метатеоретического анализа, поэтому здесь мы приведем лишь краткий обзор.

Теория Леонтьева рассматривает эволюцию психики. ***Роль психики заключается в отражении (включая сознание) и руководстве поведением.*** Отражение происходит на нескольких стадиях.

1. *Элементарная сенсорная психика*: отражение сенсорных свойств. Она обнаруживается у всех организмов, у которых могут быть сформированы условные рефлексы (классическое обусловливание).

2. *Перцептивная психика*: отражение предметов. Она обнаруживается у организмов с развитой корой головного мозга.

3. *Интеллектуальная психика*: организация актов, выполняющих две функции — подготовительную и исполнительную. Она появляется у организмов с развитыми «ассоциативными зонами» головного мозга.

---

[10] См: *Luria A.R.* Human Brain and Psychological processes. N.Y.: Basic Books, 1966. [Рус. пер. см.: *Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы: нейропсихологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963; *Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1970. Т. 2. — *Ред.-сост.*]

[11] См. также: *Madsen K.B.* Modern Theories of Motivation. N.Y.: Halsted Press, 1974.

[12] См. текст А.Н. Леонтьева на с. 703—708 наст. изд. — *Ред.-сост.*

4. С*ознание человека* требует развития как центров речи в головном мозге, так и общества, и может находится на трех стадиях:

а) первобытное человеческое сознание;

б) классовое общественное сознание;

в) социалистическое сознание.

С появлением человеческого сознания на смену *биологической* эволюции психики приходит *культурно-историческая* эволюция.

Более детально эта теория развития будет рассматриваться позже при анализе научного продукта Леонтьева[13].

После смерти Леонтьева ведущими представителями культурно-исторической школы становятся Петр Яковлевич Гальперин (1902—1988)[14], Даниил Борисович Эльконин (1904—1984) и Нина Федоровна Талызина (р. 1923).

Рассмотрим вкратце еще одну советскую школу — *грузинскую*. Лидером этой школы был Дмитрий Николаевич Узнадзе (1886—1950)[15]. Он изучал психологию под руководством Вундта[16] в Лейпциге и проводил эксперименты по восприятию. На основе этих экспериментов Узнадзе предложил объяснительную концепцию *установки*. Установка — это состояние или совокупность процессов организма, которое обусловлено отчасти внешней *ситуацией* (как она воспринимается организмом) и отчасти его *потребностями*. Установка, как правило, *подсознательно* влияет на сознательные процессы и *поведение*. Следовательно, установка является гипотетической переменной, объясняющей связь между ситуацией и потребностями, с одной стороны, и сознанием и поведением — с другой. В традициях грузинской психологической школы работал ряд учеников Узнадзе, но в диалог с другими направлениями советской психологии она вступила только после Второй мировой войны. (Школа Узнадзе была тщательно изучена Айгилем Нилсеном в его неопубликованной диссертации «Узнадзе и грузинская психологическая школа».)

Перечислим также нескольких советских психологов, которые, хотя и относятся косвенным образом к доминировавшей культурно-исторической школе, тем не менее являются последователями Павлова.

Борис Михайлович Теплов (1896—1965) — создатель направления психологии индивидуальных различий, которое развивалось на основе теории типов Павлова.

Петр Кузьмич Анохин (1898—1974) — наиболее выдающийся среди психологов, развивавших общую психологию на основе теории Павлова.

---

[13] В монографии Мадсена марксистской психологии посвящена специальная (десятая) глава, в которой он, используя аппарат своей связующей метатеории, подробно анализирует научный продукт А.Н. Леонтьева. — *Ред.-сост.*

[14] См. тексты П.Я. Гальперина на с. 709—713, 730—735 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[15] См. текст Д.Н. Узнадзе на с. 403—417 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[16] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии; см. его тексты на с. 22— 53, 231—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Евгений Николаевич Соколов (1920—2008) — еще один известный последователь Павлова, автор теории «настороженности» и «любопытства». В этой теории он рассматривает отражение как образование *нервных моделей* окружающих предметов[17].

В заключение скажем о Блюме Вульфовне Зейгарник (1900—1988) — одной из учениц К. Левина[18], которая прославилась благодаря экспериментам, показавшим влияние незавершенности заданий на запоминание («эффект Зейгарник»[19]). В Советском Союзе она известна благодаря своим работам в области *экспериментальной психопатологии*.

Кроме того, следует назвать Бориса Федоровича Ломова (1927—1989), который внес особый вклад как в развитие индустриальной психологии в Советском Союзе, так и в организацию психологии в области международного сотрудничества[20].

[17] См.: *Madsen K.B.* Modern Theories of Motivation. København og N.Y.: Munksgaard og Wiley, 1974.

[18] Левин (*Lewin*) Курт (1890—1947) — немецкий психолог, представитель гештальпсихологии в области психологии мотивации и личности; с 1932 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

[19] Незавершенные действия (задания) припоминаются лучше, чем завершенные, в среднем в 1,9 раза. — *Ред.-сост.*

[20] Более детальный обзор советской психологии можно найти в книгах: *Sexton S.V., Misiak H.* (Eds.). Psychology around the World. Monterey, CA: Brooks / Cole Publ., 1976; *Mammen J.* Den menneskelige sans. Et essay om psykologiens genstandsomrede. Kobenhavn: Dansk Psykologisk Forlag, 1983.

Э. Фромм

Маркс и фальсификация его мыслей*

Ирония истории состоит в том, что, несмотря на доступность источников, в современном мире нет предела для искажений и неверных толкований различных теорий. Самым ярким примером этого рода является то, что сделано в последние десятилетия с учением К. Маркса[1]. В прессе, литературе и речах политических деятелей постоянно упоминается Маркс и марксизм, так же как в книгах и статьях известных философов и социологов. Создается впечатление, что ни политики, ни журналисты ни разу не прочли ни единой марксовой строчки, а социологи и обществоведы привыкли довольствоваться минимальными знаниями текстов Маркса. И при этом они явно чувствуют себя совершенно уверенно, ибо никто из влиятельных в этой области людей не высказывает недоумения по поводу их сомнительных, невежественных заявлений[2].

---

* *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 376—378.

[1] Маркс (*Marx*) Карл (1818 — 1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

[2] С грустью приходится констатировать факт, что это незнание и искажение Маркса в США встречается гораздо чаще, чем в какой-либо европейской стране. Следует отметить, что за последние 15 лет в Германии и Франции снова проходят весьма широкие дискуссии о Марксе, и особенно по поводу публикуемых здесь впервые «Экономическо-философских рукописей 1844 года». В Германии активное участие в этой дискуссии принимают протестантские теологи. Особо хочется отметить блистательную серию Иринга Фетчера («Marxismusstudien») и великолепное предисловие Ландгута к изданию Кренера (1971), затем — работы Лукача, Блоха, Попитца. В США в последнее время также наблюдается постепенное пробуждение интереса к Марксу. К несчастью, этот интерес нашел выражение в целой серии книг, искажающих марксизм. Примером тому являются работы Л. Шварцшильда «The Red Pression» (1948); Г. А. Оверстрита «What We Must Know About Communism» (1958). Зато прекрасное изложение марксизма дает нам И. Шумпетер в работе «Capitalism, Socialism and Democraty» (1962). Проблемы исторического натурализма обсуждаются у И. Беннета («Christianity and Communism Today», 1960), а также в прекрасной антологии Л. Фойера, Т.Б. Боттомора и М. Рабела (1957, 1967). В связи с марксовым понятием «человеческой природы» я бы хотел упомянуть работу В. Венабля «Human Nature: The Marxian View» (1945), которая, правда, страдает тем, что ав-

Самым распространенным заблуждением является идея так называемого «материализма» Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой) выгоде, к удобствам, к максимальной прибыли в своей жизни и жизни своего рода. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый «бездушный» человек. Одновременно марксова критика религии отождествляется с отрицанием всех духовных ценностей (ибо духовность понимается этими интерпретаторами как вера в Бога).

Исходя из вышеприведенных представлений, социалистический рай Маркса преподносится нам как общество, в котором миллионы людей подчинены всесильной государственной бюрократии; как общество людей, которые отдали свою свободу в обмен на равенство; это люди, которые удовлетворены в материальном смысле, но утратили свою индивидуальность и превратились в миллионы роботоподобных автоматов, управляемых маленькой, материально более обеспеченной элитой.

Следует отметить сразу, что это расхожее представление о марксовом «материализме» совершенно ошибочно. Цель Маркса состояла в духовной эмансипации человека, в освобождении его от уз экономической зависимости, в восстановлении его личной целостности, которая должна была помочь ему отыскать пути к *единению с природой и другими людьми*. Философия Маркса на нерелигиозном языке означала новый радикальный шаг вперед по пути пророческого мессианства[3], нацеленного на полное осуществление индивидуализма, т.е. той цели, которой руководствовалось все западное общественное мышление со времен Возрождения[4] и Реформации[5] и до середины XIX в.

Такое представление, вероятно, шокирует многих читателей. Но прежде чем перейти к доказательству, я хочу еще раз подчеркнуть, в чем состоит ирония истории: *она* состоит в том, что обычно описание марксовых целей и его идей социализма как две капли воды совпадает с современным западным ка-

---

тор «не мог познакомиться с текстами “Экономическо-философских рукописей 1844 года”». По поводу философских основ учения Маркса рекомендую блистательные книги Герберга Маркузе «Reason and Revolution» (1941) и «Soviet Marxism» (1958). Я же сам высказал свои идеи по этому поводу в «The Sane Society» и в журнальных статьях. Во Франции заслуживают внимания книга Дж. Кальвеза «La pense de Karl Marx» (1950), а также работы А. Кожева, Ж.-П. Сартра и особенно А. Лефевра.

[3] *Мессианство* — религиозная вера в пришествие Мессии, т.е. спасителя, ниспосланного с неба для установления Царства Божьего в земном мире. — *Ред.-сост.*

[4] *Возрождение*, или Ренессанс — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии в XIV—XVI вв., в других странах в XV—XVI вв.), наступивший после Средневековья. — *Ред.-сост.*

[5] *Реформация* — общественно-политическое и религиозное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в., носившее антифеодальный характер и принявшее форму борьбы против католической церкви. — *Ред.-сост.*

питалистическим обществом: поведение большинства людей мотивировано материальной выгодой, комфортом и растущим потреблением. Рост потребностей безграничен, он сдерживается лишь чувством безопасности и стремлением избежать риска. Люди достигли такой степени конформизма[6], которая в значительной мере нивелирует индивидуальность. Они превратились, по марксовой терминологии, в беспомощный «человеческий товар» на службе у сильных и самостоятельных машин. Фактическая картина капитализма середины XX в. совпадает с карикатурой на марксистский социализм, как его рисуют его противники.

Еще более удивительно, что люди, которые обвиняют Маркса в «материализме», сами критикуют социализм за отрыв от реальности, за то, что он не признает, что единственным стимулом человека к труду является материальная выгода.

Я попытаюсь доказать, что такая интерпретация Маркса ошибочна:

1) в марксистской теории нет такого положения, что главным мотивом человеческой деятельности является материальная выгода; 2) истинная цель Маркса состояла в освобождении человека от давления экономической нужды, с тем чтобы он мог — и это главное — развиться как человек (сформировать себя как гармоничную личность). Т.е. главная забота Маркса — освободить человеческую личность, помочь человеку преодолеть утраченную гармонию с природой и другими людьми; 3) философия Маркса — это скорее духовный экзистенциализм (на секуляризованном языке[7]), и именно ввиду своей духовной сущности он не совпадает, а противостоит материалистической практике и материалистической философии нашего века.

Как это стало возможно, что философия Маркса оказалась искажена до неузнаваемости, до своей полной противоположности?

Для этого есть несколько причин. И первая из них — это чистое невежество. Дело в том, что материализм не изучается в университетах, не подвергается ни анализу, ни критике. Поэтому многие, вероятно, считают, что им предоставлено полное право говорить об этом все, что взбредет на ум, без всякого знания дела. Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, чтобы разобраться в сложной системе его мыслей и идей. Кстати, одна из главных работ Маркса по проблеме отчуждения и эмансипации[8] до 1959 г. вообще была неизвестна англоязычной публике («Экономическо-философские рукописи 1844 года»).

Вторая причина состоит в том, что русские коммунисты присвоили себе марксистскую теорию и попытались убедить мир, что они в своей теории и

---

[6] *Конформизм* — приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующих мнений, некритическое следование общим мнениям, тенденциям и авторитетам, отсутствие собственной позиции. — *Ред.-сост.*

[7] *Секуляризованный язык* — т.е. освобожденный от церковного влияния. — *Ред.-сост.*

[8] *Эмансипация* — освобождение от зависимости, угнетения и предрассудков. — *Ред.-сост.*

практике являются последователями Маркса. И хотя на деле все обстоит как раз наоборот, Запад согласился с их пропагандистским тезисом о соответствии русской теории и практики идеям Маркса. Но не только русские коммунисты виноваты в фальсификации Маркса. Мысль о том, что Маркс отстаивал идеи экономико-гедонистского материализима, разделяется многими антикоммунистами и реформ-социалистами. Причины этого нетрудно отыскать.

Хотя теория Маркса представляет собой критику капитализма, многие ее сторонники сами были так сильно пропитаны капиталистическим духом, что они наполняли логику рассуждений Маркса экономическими и материалистическими понятиями, которые распространены в современном капитализме.

Это факт, что советские коммунисты и реформ-социалисты считаются врагами капитализма, но сами они понимают коммунизм (или социализм) именно в духе капитализма. Для них социализм — это не такое общество, которое коренным образом отличается от капитализма (с точки зрения проблемы человека), а скорее это некая форма капитализма, в которой на вершине социальной лестницы оказался рабочий класс; для них социализм — это, по ироническому выражению Энгельса[9], «современное общество, но без его недостатков».

Я назвал логические, рациональные причины искажений Маркса. Однако существуют еще причины иррационального характера. На протяжении многих лет Советский Союз считается абсолютным воплощением всякого зла, поэтому его идеи носят отпечаток дьявольщины. Как в 1917 г. слова «кайзер» и «гунны» стали воплощением всемирного зла (а все немецкое, включая музыку Моцарта, попадало в этот чертов круг), так сегодня это место заняли русские коммунисты, и поэтому их доктрину никто не способен изучать объективно.

Причиной этой ненависти обычно называют террор эпохи сталинизма. Однако есть серьезные основания для того, чтобы усомниться в искренности подобных объяснений: ведь аналогичные террористические акции и бесчеловечность французов в Алжире, Трухильо в Сан-Доминго, Франко в Испании и так далее не вызвали к жизни подобного морального разоружения. И далее: смена сталинской системы террора хрущевским реакционно-политическим государством не привлекла к себе достаточного внимания Запада...

Все это дает нам основание задуматься, а не коренятся ли антироссийские настроения в морально-гуманистических чувствах в том ощущении, что система, которая не знает частной собственности на средства производства, является бесчеловечной и опасной.

Трудно сказать, какой из вышеназванных факторов несет максимальную ответственность за искажение марксистской философии. Наверное, в разное время один — больше, другой — меньше, а может быть, все вместе.

---

[9] Энгельс (*Engels*) Фридрих (1820—1895) — немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма. — *Ред.-сост.*

С.Л. Рубинштейн

Психика и деятельность*

Всякое действие человека исходит из тех или иных *мотивов* и направляется на определенную *цель;* оно разрешает ту или иную *задачу* и выражает определенное отношение человека к окружающему. Оно вбирает в себя, таким образом, всю работу сознания и всю полноту непосредственного переживания. Каждое самое простое человеческое действие — реальное физическое действие человека — является неизбежно вместе с тем и каким-то психологическим актом, более или менее насыщенным переживанием, выражающим отношение действующего к другим людям, к окружающим. Стоит только попытаться обособить переживание от действия и всего того, что составляет его внутреннее содержание, — мотивов и целей, ради которых человек действует, задач, которые его действия определяют, отношения человека к обстоятельствам, из которых рождаются его действия, — чтобы переживание неизбежно исчезло вовсе. Жизнью подлинных больших переживаний живет только тот, кто занят непосредственно не своими переживаниями, а реальными, жизненно значимыми делами, — и обратно — подлинные, сколько-нибудь значимые в жизни человека деяния всегда исходят из переживания. Когда специально ищут переживание, находят пустоту. Но пусть человек отдастся действию — глубокому, жизненному — и переживания нахлынут на него. Переживание рождается из поступков, в которых завязываются и развязываются отношения между людьми, — как и самые поступки, особенно такие, которые становятся существенными обстоятельствами в жизни человека, рождаются из переживаний. Переживание — и результат и предпосылка действия, внешнего или внутреннего. Взаимопроникая и питая друг друга, они образуют подлинное единство, две друг в друга взаимопереходящие стороны единого целого — жизни и деятельности человека.

Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание — не два в разные стороны обра-

---

* *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. С. 26—29; Т. 2. С. 6—10.

щенных аспекта. Они образуют органическое целое — не тожество, но единство. Движимый каким-нибудь влечением, человек будет действовать иначе, когда он осознает его, т.е. установит объект, на который оно направлено, чем действовал, пока он его не осознал. Сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым ее течение и характер; деятельность перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды; она по-иному регулируется; закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии; объяснение деятельности требует раскрытия и учета психологических закономерностей. С другой стороны, анализ человеческой деятельности показывает, что самая *осознанность* или *неосознанность* того или иного *действия зависит от отношений, которые складываются в ходе самой деятельности.* В ходе деятельности действие осознается, когда частичный результат, который им достигается, превращается в прямую цель субъекта, и перестает осознаваться, когда цель переносится дальше и прежнее действие превращается лишь в способ осуществления другого действия, направляемого на более общую цель: по мере того как более мелкие частные задачи приобретают относительную самостоятельность, действия, на них нацеленные, осознаются; по мере того как они вбираются в более обширные общие задачи, действия, на них направленные, выключаются из сознания, переходят в подсознательное. *Таким образом, сознание включается и выключается в зависимости от отношений* — между задачами и способами их осуществления, — *которые складываются в самом процессе деятельности.* Сознание не является *внешней* силой, которая *извне* управляет деятельностью человека. Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство.

Сознательное действие — это не действие, которое *сопровождается* сознанием, которое *помимо* своего объективного обнаружения имеет еще субъективное выражение. Сознательное действие отличается от неосознанного в самом своем объективном обнаружении: его структура иная и иное его отношение к ситуации, в которой оно совершается; оно иначе протекает. Определение деятельности человека в отрыве от его сознания так же невозможно, как определение его сознания в отрыве от тех реальных отношений, которые устанавливаются в деятельности. Так же как явление сознания не может быть однозначно определено вне своего отношения к предмету, так и акт поведения не может быть однозначно определен вне своего отношения к сознанию. *Одни и те же* движения могут означать *различные* поступки, и *различные* движения — *один и тот же* поступок. Внешняя сторона поведения не определяет его однозначно, потому что акт деятельности сам является единством внешнего и внутреннего, а не только внешним фактом, который лишь внешним образом соотносится с сознанием. Акт человеческой деятельности — это сложное образование, которое, не будучи только психическим процессом, выходя за пределы психологии в области физиологии, социологии и т.д., внутри себя включает психологические компоненты. Учет этих психологических компонентов является необходимым

условием раскрытия закономерностей поведения. Бихевиористское понимание поведения должно быть так же радикально преодолено, как и интроспективное понимание сознания.

Поведение человека не сводится к простой совокупности *реакций,* оно включает систему более или менее сознательных *действий* или *поступков.* Сознательное действие отличается от реакции иным отношением к объекту. Для реакции предмет есть лишь раздражитель, т.е. внешняя причина или толчок, ее вызывающий. Действие — это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. Действие, далее, становится *поступком* по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т.е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступок отличается от действия иным отношением к субъекту. Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание. Генезис поступка и самосознания — это сложный, обычно внутренне противоречивый, но единый процесс, так же единым процессом является генезис действия как сознательной операции и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому структура сознания принципиально может быть определена по внешнему, объективному протеканию действия. Преодоление бихевиористской концепции поведения является вместе с тем и преодолением интроспективной концепции сознания.

Наша психология включает, таким образом, в область своего изучения и определенный, а именно *психологический* аспект или сторону деятельности или поведения. Путь нашей психологии не может заключаться в том, чтобы вернуться к изучению психики, оторванной от деятельности, существующей в замкнутом внутреннем мире. Ошибка поведенческой психологии заключалась не в том, что она и в психологии хотела изучать человека в деятельности, а в том, как она понимала эту деятельность, и в том, что она хотела деятельность человека в целом подчинить закономерностям биологизированной психологии. Психология не изучает поведение в целом, но она изучает *психологические* особенности деятельности. Наше понимание деятельности, психологические особенности которой изучает психология, при этом так же радикально отличается от механистического понимания поведения, как наше понимание психики от ее субъективно-идеалистической трактовки.

Решение вопроса не может заключаться в том, чтобы дать «синтез» одной и другой концепции. Такой «синтез», поскольку он утверждал бы, что нужно изучать и деятельность и сознание, объективное обнаружение поведения и,

помимо того, его субъективное выражение, фактически неизбежно привел бы к объединению механистического понимания деятельности с идеалистическим пониманием сознания. Подлинного единства сознания и поведения, внутренних и внешних проявлений можно достигнуть не внешним, механическим объединением интроспективного идеалистического учения о сознании и механистического бихевиористского учения о поведении, а лишь радикальным преодолением как одного, так и другого.

Единство сознания и поведения, внутреннего и внешнего бытия человека раскрывается для нас в самом их содержании.

Всякое переживание субъекта всегда и неизбежно является, как мы видим, переживанием чего-то и знанием о чем-то. Самая внутренняя его природа определяется опосредованно через отношение его к внешнему, объективному миру. Я не могу сказать, что я переживаю, не соотнеся своего переживания с объектом, на который оно направлено. Внутреннее, психическое неопределимо вне соотнесения с внешним, объективным. С другой стороны, анализ поведения показывает, что внешняя сторона акта не определяет его однозначно. Природа человеческого поступка определяется заключенным в нем отношением человека к человеку и окружающему его миру, составляющим его внутреннее содержание, которое выражается в его мотивах и целях. Поэтому не приходится соотносить поведение как нечто лишь внешнее с сознанием как чем-то лишь внутренним; поведение само уже представляет собою единство внешнего и внутреннего, так же как, с другой стороны, всякий внутренний процесс в определенности своего предметно-смыслового содержания представляет собой единство внутреннего и внешнего, субъективного и объективного.

Таким образом, единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта. Одно и то же отношение к объекту обусловливает и сознание и поведение, одно — в идеальном, другое — в материальном плане. Этим в самой основе своей преодолевается традиционный картезианский дуализм. <...>

Осознавшая свой предмет и понявшая свои задачи психология никак не может замкнуться на изучении психических функций и процессов; она не может не включить в поле своего изучения поведение, деятельность. Преодоление пассивной созерцательности, господствовавшей до сих пор в психологии сознания, составляет одну из важнейших и актуальнейших задач нашей психологии. Психика, сознание формируются в деятельности, в поведении, и лишь через поведение, через деятельность они объективно познаются. Таким образом, деятельность, поведение неизбежно включаются в круг психологического изучения. Это, однако, не значит, что поведение, деятельность человека в целом являются предметом психологии. Деятельность человека — сложное явление. Различные стороны ее изучаются разными науками: ее общественная сущность является предметом общественных наук, физиологические механизмы — предметом физиологии; психология изучает *психическую* сторону деятельности.

Человек — не пассивное созерцательное существо, а существо действенное, и изучать его поэтому нужно в свойственной ему активности. Поведенческая психология, выдвинув эту проблему, исказила и скомпрометировала ее тем, что попыталась, с одной стороны, превратить действие целиком в предмет психологии, с другой — упразднить психику в ее качественном своеобразии. Задача же заключается в том, чтобы, не превращая действие и деятельность в психологическое образование, разработать подлинную психологию действия. Только построение такой подлинной *психологии поведения* будет действительным, положительным преодолением *поведенческой психологии.*

Разработка психологии поведения является актуальнейшей задачей передовой научной мысли в области психологии. Анализ психических механизмов деятельности приводит к функциям и процессам, которые уже были предметом нашего изучения. Однако это не значит, что психологический анализ деятельности целиком сводится к изучению функций и процессов и исчерпывается ими. Деятельность выражает конкретное отношение человека к действительности, в котором реально выявляются свойства личности, имеющие более комплексный характер, чем функции и аналитически выделенные процессы. Психологическое изучение деятельности, включая в себя изучение функций и процессов как необходимый и существенный психологический компонент, открывает поэтому новый, более синтетический план психологического исследования, отличный от того, в котором протекает изучение функций.

<...> Конечно, и отношение человека к действительности, выражающееся в его деятельности, зависит от его психических процессов, от его мышления и прочее, но еще существеннее зависимость его мышления, воображения, чувств и т.д. от его деятельности. Конкретное, действенное отношение личности к окружающему существенно обусловливает и направляет работу психических функций и процессов. И в развитии ведущее значение принадлежит не формированию отдельных функций и процессов самих по себе, а развитию, перестройке, изменению основного типа деятельности (игра, учение, труд), которые влекут за собой перестройку функций или процессов, в свою очередь, конечно, определяясь ими. Таким образом, психологический план более конкретных, проявляющихся в деятельности отношений личности к окружающему, к которому мы в ходе изучения подходим позже, по существу является более глубоким, фундаментальным и в этом смысле первичным.

Специфическая особенность человеческой деятельности заключается в том, что она сознательна и целенаправленна. В ней и через нее человек реализует свои цели, объективирует свои замыслы и идеи в преобразуемой им действительности. Вместе с тем объективное содержание предметов, которыми он оперирует, и общественной жизни, в которую он своей деятельностью включается, входит определяющим началом в психику индивида. Значение деятельности в том прежде всего и заключается, что в ней и через нее устанавливается действенная связь между человеком и миром, благодаря которой бытие выступает как реальное единство и взаимопроникновение субъекта и объекта.

В процессе воздействия субъекта на объект преодолевается ограниченность данного и раскрывается истинное, существенное и объективное, содержание бытия. Вместе с тем в деятельности и через деятельность индивид реализует и утверждает себя как субъект, как личность: как субъект — в своем отношении к объектам, им порожденным, как личность — в своем отношении к другим людям, на которых он в своей деятельности воздействует и с которыми он через нее вступает в контакт. В деятельности, осуществляя которую человек совершает свой жизненный путь, все психические свойства личности не только проявляются, но и формируются. Поэтому психологическая проблематика многообразно связана с изучением деятельности.

Специфическая психологическая проблематика самой деятельности как таковой и действия как «единицы» деятельности связана прежде всего с вопросом о целях и мотивах человеческой деятельности, о ее внутреннем смысловом содержании и его строении. Предметы, существующие в окружающем человека мире или подлежащие реализации в нем, становятся *целями* человеческой деятельности через соотношение с ее мотивами; с другой стороны, переживания человека становятся *мотивами* человеческой деятельности через соотношение с целями, которые он себе ставит. Соотношение одних и других определяет отправные и конечные точки человеческих действий, а условия, в которых они совершаются в соотношении с целями, определяют способы их осуществления — отдельные операции, которые входят в их состав. Необходимость нахождения отвечающих условиям способов их осуществления превращает действие в решение задачи. Предметный результат действия определяет его объективное значение. В контексте различных конкретных общественных ситуаций одно и то же действие может приобрести объективно различный общественный смысл. В контексте целей и мотивов действующего субъекта оно приобретает для него тот или иной личностный смысл, определяющий внутреннее смысловое содержание действия, которое не всегда совпадает с его объективным значением, хотя и не может быть оторвано от него.

В действиях людей и их деятельности раскрывается при этом двойной план.

Каждое действие и деятельность человека в целом — это прежде всего воздействие, изменение действительности. Она заключает в себе отношение индивида как субъекта к объекту, который эта деятельность порождает, объективируясь в продуктах материальной и духовной культуры.

Но всякая вещь или объект, порожденные человеком, включаются в общественные отношения. Через посредство вещей человек соотносится с человеком и включается в межлюдские отношения. Поэтому действия человека и его деятельность в целом — это не только *воздействие,* изменение мира и порождение тех или иных объектов, но и общественный акт или *отношение* в специфическом смысле этого слова. Поэтому деятельность — это не внешнее *делание,* а *позиция* — по отношению к людям, к обществу, которую человек всем своим существом, в деятельности проявляющимся и формирующимся, утвер-

ждает. И особенно важным в мотивации деятельности является именно ее общественное содержание, точнее — выражающееся в его мотивах отношение человека к идеологии, к нормам права и нравственности. На отношение человека к вещам, таким образом, накладываются и с ним переплетаются отношения человека к другим людям, к обществу. Значение, которое результаты действий человека, направленных на ту или иную предметную цель, приобретают для него в общественно-организованной жизни, построенной на разделении труда, зависит от значения их для общества. Поэтому центр тяжести в мотивации человеческих действий естественно в той или иной мере переключается из сферы вещной, предметной в план личностно-общественных отношений, осуществляющихся при посредстве первых и от них неотрывных.

В любой деятельности, в каждом действии человека эта сторона в какой-то мере представлена. И это обстоятельство имеет существенное значение в мотивации человеческой деятельности. В некоторых случаях эта сторона приобретает в действиях человека основное, ведущее значение. Тогда деятельность человека приобретает новый специфический аспект. Она становится ***поведением*** в том особом смысле, который это слово имеет, когда по-русски говорят о поведении человека. Оно коренным образом отлично от «поведения» как термина бихевиористской психологии, сохраняющегося в этом значении в зоопсихологии. Поведение человека заключает в себе в качестве определяющего момента отношение к моральным нормам. Самым существенным в нем является общественное, идеологическое, моральное содержание. «Единицей» поведения является поступок, как «единицей» деятельности вообще — действие. Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали. Поскольку определяющим в поступке является его идеологическое содержание, поступок до такой степени не сводится лишь к внешнему действованию, что в некоторых случаях воздержание от участия в каком-нибудь действии само может быть поступком со значительным резонансом, если оно выявляет ***позицию, отношение*** человека к окружающему.

В поступках, в действиях людей их отношение к окружающему не только ***выражается,*** но и ***формируется:*** действие выражает отношение, но и обратно — действие формирует отношение. Когда я действенно участвую в каком-нибудь деле, включаясь в его осуществление собственными делами, оно становится моим, его идейное содержание в ходе этой деятельности включается определяющим началом в *мое* сознание; это изменяет мое отношение к нему и в каком-то отношении меня самого. В этом источник огромного воспитательного значения действенного включения человека в дело, имеющее идейное содержание.

А.Н. Леонтьев

[Марксизм и проблема деятельности в психологии]*

Об общих основаниях марксистской психологии

В теории марксизма решающе важное значение для психологии имеет учение о человеческой *деятельности*, о ее развитии и ее формах.

Свои знаменитые тезисы о Фейербахе Маркс, как известно, начинает с указания «главного недостатка всего предшествующего материализма». Он состоит в том, что предмет, действительность берутся им лишь в форме объекта, в форме созерцания, а не как человеческая деятельность, не субъективно[1].

Говоря о созерцательности старого материализма, Маркс имеет в виду то обстоятельство, что познание рассматривалось им только как результат воздействия предметов на познающего субъекта, на его органы чувств, а не как продукт развития его деятельности в предметном мире. Таким образом, старый материализм отделял познание от чувственной деятельности, от жизненных практических связей человека с окружающим его миром.

Вводя понятие деятельности в теорию познания, Маркс придавал ему строго материалистический смысл: для Маркса деятельность в ее исходной и основной форме — это чувственная практическая деятельность, в которой люди вступают в практический контакт с предметами окружающего мира, испытывают на себе их сопротивление и воздействуют на них, подчиняясь их объективным свойствам. <...>

Глубокий переворот, совершенный Марксом в теории познания, состоит в том, что человеческая практика была понята как основа человеческого познания, как тот процесс, в ходе развития которого возникают познавательные задачи, порождаются и развиваются восприятие и мышление человека и который

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 20–23, 81.

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 1.

вместе с тем несет в себе критерий адекватности, истинности знаний: в практике, говорит Маркс, должен человек доказать истинность, действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. <...>

Философское открытие Маркса состоит вовсе не в отождествлении практики с познанием, а в том, что познание не существует вне жизненного процесса, который по самой природе своей есть процесс материальный, практический. Отражение действительности возникает и развивается в процессе развития реальных связей познающих людей с окружающим их человеческим миром, этими связями определяется и, в свою очередь, оказывает обратное влияние на их развитие.

«Предпосылки, с которых мы начинаем, — читаем мы в «Немецкой идеологии», — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни...»[2]. Предпосылки эти вместе с тем составляют три необходимых основных момента, три звена, диалектические связи которых образуют единую саморазвивающуюся систему. <...>

Старая метафизическая психология знала только абстрактные индивиды, подвергающиеся воздействию противостоящей им внешней среды и, со своей стороны, проявляющие присущие им психические способности: восприятие, мышление, волю, чувства. <...> Психолог-метафизик упускает главное звено — процессы, опосредующие связи субъекта с реальным миром, процессы, в которых только и происходит психическое отражение им реальности, переход материального в идеальное. А это суть процессы деятельности субъекта, первоначально всегда внешней и практической, а затем приобретающей также форму внутренней деятельности, деятельности сознания.

Анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания психического отражения, сознания. В изучении форм общественного сознания — это анализ бытия общества, свойственных ему способов производства и системы общественных отношений; в изучении индивидуальной психики — это анализ деятельности индивидов в данных общественных условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого из них.

Два подхода в психологии — две схемы анализа

Итак, в психологии сложилась следующая альтернатива: либо сохранить в качестве основной двучленную схему: *воздействие объекта → изменение текущих состояний субъекта* (или, что принципиально то же самое, схему S → R), либо исходить из трехчленной схемы, включающей среднее звено («средний термин») — деятельность субъекта и соответственно ее условия, цели и средства, — звено, которое опосредствует связи между ними.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 18.

С точки зрения проблемы детерминации психики эта альтернатива может быть сформулирована так: либо мы встаем на позицию, что сознание определяется окружающими вещами, явлениями, либо — на позицию, утверждающую, что сознание определяется общественным бытием людей, которое, по определению Маркса и Энгельса, есть не что иное, как реальный процесс их жизни[3].

Но что такое человеческая жизнь? Это есть совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей. В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности совершается также переход деятельности в ее объективные результаты, в ее продукты. Взятая с этой стороны, деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами «субъект-объект». «В производстве объективируется личность; в потреблении субъективируется вещь»[4], — замечает Маркс.

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 25.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 25.

В.А. Лекторский

Деятельностный подход: смерть или возрождение?*

10—15 лет тому назад проблематика деятельности и деятельностного подхода к разного рода философским сюжетам, начиная от вопросов теории познания и методологии науки и кончая философской антропологией, была у нас весьма популярна. Разные варианты этого подхода разрабатывались такими выдающимися философами, как Э.В. Ильенков[1], Г.С. Батищев, М.К. Мамардашвили[2], Г.П. Щедровицкий[3], Э.Г. Юдин и др.[4] Успешно развивалась так называемая психологическая теория деятельности, которая тоже существовала в разных вариантах. Один из них был представлен работами А.Н. Леонтьева[5], П.Я. Гальперина[6], В.В. Давыдова[7] и др.[8], которые продолжали и развивали ряд

---

* *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 75—87.

[1] Ильенков Эвальд Васильевич (1924—1974) — философ, психолог, педагог. — *Ред.-сост.*

[2] Мамардашвили Мераб Константинович (1930—1990) — философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[3] Щедровицкий Георгий Петрович (1929—1994) — философ, психолог, методолог, создатель научной школы методологии. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Батищев Г.С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969; *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1974; *Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984; *Щедровицкий Г.П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М., 1995; *Юдин Э.Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. М., 1997.

[5] Леонтьев Алексей Николаевич (1903—1979) — психолог, создатель психологической теории деятельности; см. его тексты на с.704—709 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[6] Гальперин Петр Яковлевич (1902—1988) — психолог, автор концепции формирования умственных действий; см. его тексты на с. 710—714, 731—735 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[7] Давыдов Василий Васильевич (1930—1998) — психолог, философ и педагог. — *Ред.-сост.*

[8] См.: *Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М., 1966.; *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; *Давыдов В.В.* О месте категории деятельности в современной теоретической психологии // Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990.

принципиальных идей Л.С. Выготского[9], другой — работами С.Л. Рубинштейна[10] и его школы. Нужно иметь в виду, что данная проблематика в те годы была своеобразным способом противостояния официально насаждавшемуся у нас марксизму-ленинизму, и рассматривалась многими представителями последнего как еретическая. Можно вспомнить резкую реакцию официальных партийных инстанций на тексты Г.С. Батищева, посвященные деятельностной природе человека, драматическую судьбу Г.П. Щедровицкого, в основе методологической концепции которого лежал своеобразный вариант теории деятельности. Я вспоминаю, как в 1971 г. на философском совещании в Варне Тодор Павлов[11], официальный вождь болгарских философов, во многом благодаря которому непререкаемой догмой не только в Болгарии, но и в СССР стала так называемая «ленинская теория отражения», заявил, что психологическая теория деятельности, разрабатывавшаяся в те годы в нашей стране, является отходом от марксизма.

Между тем, сегодня деятельностная тематика как в философии, так и в психологии утратила былую популярность. В адрес деятельностного подхода выдвигается ряд обвинений.

Первое из них обусловлено тем, что сторонники этого подхода связывали его с определенной интерпретацией идей К. Маркса[12]. Их взгляды, как я сказал, противостояли официально толкуемому марксизму-ленинизму, но тем не менее самими адептами[13] этого подхода — при всем различии разрабатывавшихся ими концепций — он понимался как современная интерпретация и развитие некоторых важных марксовских идей. Сегодня, когда все, так или иначе связанное с именем К. Маркса и его философией, воспринимается многими как нечто нехорошее, неудивительно и негативное отношение к деятельностному подходу. Отсюда распространение мнений (в том числе и среди бывших сторонников этого подхода), что по крайней мере в психологии эта проблематика была вынужденной формой приспособления к официальной идеологии, что все интересные результаты, полученные в рамках этого

---

[9] См.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. [Выготский Лев Семенович (1896—1934) — психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*]

[10] См.: *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1; *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4. [Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ; см. его текст на с.697—703 наст. изд. — *Ред.-сост.*]

[11] Павлов Тодор Димитров (1890—1977) — болгарский философ-марксист, эстетик, литературный критик, педагог и общественный деятель. — *Ред.-сост.*

[12] Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

[13] *Адепт* — ревностный приверженец какого-либо учения, идеи. — *Ред.-сост.*

подхода и так называемой психологической теории деятельности, могут быть интерпретированы иначе и что современные науки о человеке вообще должны искать иную методологию.

Второе обвинение обращает внимание на то, что конкретные теории деятельности, разработанные в отечественной философии, методологии, психологии, столкнулись с рядом проблем, которые, по мнению критиков деятельностного подхода, не могут быть решены в рамках этих теорий, а предполагают выход за них. В этой связи немало критических замечаний делается по адресу деятельностной методологии Г.П. Щедровицкого и психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и др.

Третье обвинение исходит из того, что деятельностный подход предполагает очень узкое понимание философии, которое было возможно тогда, когда наши исследователи имели плохое представление о современных философских концепциях. Между тем, за последнее десятилетие в нашей стране сложилась новая ситуация в исследовании философских тем. Новая литература по проблемам феноменологии, герменевтики, постмодернизма, религиозной философии, появившаяся у нас в большом количестве за последнее время и активно осваиваемая нашими философами[14], представляется не просто отличной от того, что у нас практиковалось в рамках деятельностного подхода, но и принципиально ему противостоящей. В самом деле, как можно совместить, например, феноменологию с этим подходом, если первая исходит из идеи созерцания, интуитивного схватывания, а последний — из идеи конструирования и созидания? Деятельностному подходу противостоит и развитие экологического сознания, которое все беды современной цивилизации усматривает именно в насильственной переделке окружающей среды и считает саму установку на проектирование и конструирование весьма опасной.

Я попробую ответить на эти обвинения и показать, что деятельностный подход в современных условиях не только имеет смысл, но и обладает интересными перспективами. Но это, как мне представляется, предполагает его переосмысление и отказ от его узкой интерпретации. Это означает также различение деятельностного подхода (или, если угодно, деятельностной исследовательской программы) и конкретных теорий деятельности — в философии, методологии, психологии и т.д., — созданных в его рамках. Конкретные теории могут и должны развиваться, трансформироваться, по-новому интерпретироваться, от них можно отказываться — все это само по себе не обязательно означает отказ от деятельностного подхода как рамки для новых деятельностных теорий.

---

[14] См. напр. статьи об указанных философских течениях в книге: Современная западная философия: Словарь. М.: Политиздат, 1991. — *Ред.-сост.*

I

Начну с первой группы обвинений. Они исходят из ложной предпосылки: отождествление деятельностного подхода с соответствующими идеями К. Маркса. В действительности К. Маркс предложил лишь один из вариантов этого подхода, который в нашей стране в силу конкретных исторических обстоятельств был интерпретирован как единственно существовавший. Мысли К. Маркса о деятельности, о практике могут быть поняты лишь в контексте развития немецкой философии начала XIX столетия, наследником которой он был. Уже Фихте[15] стал развивать идею о том, что субъект определяет себя лишь через деятельность объективации, через создание такого предмета, который внешне противостоит субъекту и вместе с тем является единственно возможным способом конституирования самого субъекта. Созидание *не-Я* — это, по Фихте, не просто опредмечивание *Я*, не просто его удвоение, а превращение его из неопределенного в определенное, фактически его появление. Ибо лишь через объективацию *Я* может рефлексивно отнестись к себе, что является необходимым условием его существования. Идеи Фихте были развиты Гегелем[16] в его учении об Абсолютном Субъекте, который существует лишь постольку, поскольку самоопределяется в процессе саморазвития, что предполагает созидание предметного мира человеческой культуры через труд, язык и другие формы деятельности. Именно этого рода деятельность является необходимым условием саморефлексии Абсолюта и тем самым его становления. Но это же необходимое условие конституирования самосознания каждого индивида (и тем самым превращения его в субъект). Именно в русле этого рода идей К. Маркс развивает свое понимание деятельности как практики. К. Маркс подчеркивает, что в созданном им предметном мире человек не просто удваивает себя, не просто ставит перед собой своеобразное зеркало, в котором он отражается, а впервые себя созидает. Именно это имеет в виду К. Маркс, когда пишет о том, что практика должна быть понята как «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения...»[17]. Иными словами, самоизменение возможно лишь через «изменение обстоятельств», через предметную деятельность. Это идея немецкой философии, получившая новую интерпретацию, поскольку у К. Маркса речь идет не о «чистом *Я*» Фихте и не об Абсолюте Гегеля, а о реальном эмпирическом человеке. К. Маркс подчеркнул также то важное обстоятельство (которое в предшествующей немецкой философии было несколько в тени), что деятель-

[15] Фихте (*Fichte*) Иоганн Готлиб (1762—1814) — философ, представитель немецкого классического идеализма. — *Ред.-сост.*

[16] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[17] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Тезисы о Фейербахе // Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 262.

ность, практика предполагает также вступление индивида в отношения с другими, совместную деятельность, использование одними индивидами предметов, созданных другими.

Важнейшая общая черта деятельностных концепций, созданных Фихте, Гегелем, Марксом — это идея опосредствования. Эта идея проивостоит тому пониманию сознания и *Я* как его центра, которое было само собой разумеющимся для европейской философии и наук о человеке (включая психологию), начиная с Декарта[18]. Согласно этому пониманию сознание является чем-то данным и абсолютно непосредственным. В своей субъективности оно противостоит всему, что находится вне него и что в отличие от него вовсе не является очевидным. При таком понимании нелепо ставить вопрос о том, как возникает сознание и *Я*. Психология может лишь описывать явления сознания. Но она, как писал в конце XIX столетия один известный психолог, в принципе не может ответить на вопрос, что такое сознание и *Я*. Отсюда возникает целый ряд неразрешимых для такого понимания сознания и *Я* проблем. Как возможно познание внешнего мира и как доказать само его существование? Как возможно познание чужого сознания? Для Фихте, Гегеля и К. Маркса все эти проблемы снимаются. Ибо сознание и *Я* возникают и существуют лишь в результате деятельности по созданию внешнего объекта. Для Фихте и Гегеля речь идет прежде всего об актах духовной деятельности, для К. Маркса это прежде всего деятельность по созданию предметов культуры, в основе которой лежит труд.

Интересно заметить, что эти идеи в полной мере были востребованы философией и науками о человеке только в XX столетии, когда с разных позиций и в разных направлениях развернулась борьба за снятие декартовской абсолютной дихотомии субъективного и объективного миров.

При этом деятельностный подход в XX столетии развивался не только в марксовом варианте. Своеобразной версией этого подхода можно считать немецкое неокантианство марбургской школы, основная установка которого была в растворении всякой «данности» в создавшей ее деятельности и которое было по сути дела новой версией фихтеанства (и отчасти гегельянства[19]). Проблематика деятельности была центральной для разных версий неогегельянства. По-своему эта тематика развивалась в прагматизме в 20—30-е гг. XX в.[20] Мне представляется, что философия позднего Витгенштейна[21] тоже может рассматриваться как своеобразный и интересный вариант деятельностного подхода. У Витгенштейна речь идет о деятельности с языком, о коммуникации, кото-

[18] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[19] См.: *Cohen H.* Kants Theorie der Erfahrung. Berlin, 1925.

[20] См.: *Thayer H.S.* Meaning and Action // A Study of American Pragmatism. N.Y., 1973.

[21] Витгенштейн (*Wittgenstein*) Людвиг (1889—1951) — австрийский философ и логик, представитель аналитической философии. — *Ред.-сост.*

рая вплетена в реальные практические акты и сама может рассматриваться как практика. При этом исходной является деятельность коллективная, в которой снимается дихотомия субъективного и объективного, внешнего и внутреннего[22]. Марксовы идеи практики, деятельности существенно повлияли на такие разные философские школы, как Франкфуртская школа (наследник этой школы Хабермас[23] развивает ныне идеи коммуникативного действия[24]), как французский экзистенциализм после Второй мировой войны (в особенности Сартр)[25], как группа югославских философов «Праксис» и др. При этом под теориями, развивавшими деятельностный подход, я имею в виду только те концепции, для которых была важна проблематика культурного опосредствования, а не те, которые исследовали действия единичного субъекта как бы сами по себе. К последним можно отнести методологию операционализма[26], операциональную теорию развития интеллектуальных структур Ж. Пиаже[27], «технический материализм» Г. Башляра[28] и многие другие.

Философию Сартра, например, можно рассматривать как своеобразный вариант деятельностного подхода. Правда, по Сартру деятельность уже предполагает существование сознания. Но это сознание абсолютно бессодержательно и равнозначно ничто. *Я* возникает лишь в результате коммуникации с другими и как следствие определенного поступка, который выводит сознание за его пределы и ставит человека в отношение к другим и к объективной ситуации. В этом смысле человек создает сам себя через деятельность: создание проектов и их осуществление[29]. Позднее, когда Сартр ассимилировал ряд идей К. Маркса, он развил свои деятельностные представления, выделив различные виды практики: творческую и инертную[30].

Не без основания считается, что деятельностный подход в отечественной философии и психологии возник сначала в работах С.Л. Рубинштейна, а затем

---

[22] См.: *Витгенштейн Л.* Философские иследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч. I.

[23] Хабермас (*Habermas*) Юрген (р. 1929) — немецкий философ и социолог. — *Ред.-сост.*

[24] См.: *Habermas J.* The Theory of Communicative action. Boston, 1984. Vol. 1; Boston, 1987. Vol. 2.

[25] См.: *Sartre J.P.* Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. Vol. 1. [Сартр (*Sartre*) Жан Поль (1905—1980) — французский писатель, философ и публицист, глава французского экзистенциализма. — *Ред.-сост.*]

[26] См.: *Bridgman P.W.* The Logic of Modern Physics. N.Y., 1954.

[27] См.: *Пиаже Ж.* Психология интеллекта // *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969. [Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*]

[28] См.: *Башляр Г.* Новый рационализм. М., 1987; *Зотов А.Ф.* Концепция науки и ее развитие у Г. Башляра // В поисках теории развития науки. М., 1982. [Башляр (*Bachelard*) Гастон (1884—1962) — французский философ и литературовед. — *Ред.-сост.*]

[29] См.: *Сартр Ж.П.* Бытие и ничто. М., 2000.

[30] См.: *Sartre J.P.* Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. Vol. 1.

Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева (некоторые, правда, не относят Л.С. Выготского к сторонникам этого подхода). Первый абрис этого подхода на отечественной почве находят в опубликованной в 1922 г. работе С.Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности»[31]. Обычно при интерпретации этой работы обращают внимание на то, что ее автор еще не стал марксистом, но уже принципиально отошел от марбургской школы неокантианства, в которой он прошел философскую выучку. Однако внимательный анализ этой работы показывает, что в ней С.Л. Рубинштейн занят именно развитием философских идей марбуржцев. Как раз в русле этих идей он и шел к разработке деятельностной тематики. И это не было сложно, ибо марбургское неокантианство было одной из версий деятельностного подхода. Особенно хорошо это видно на еще более ранней работе С.Л. Рубинштейна «О философской системе Г. Когена», которая была написана в 1917—1918 гг. В этой работе автор претендует только на изложение взглядов Г. Когена[32] как его верный ученик. И уже в этом тексте можно найти многие принципиальные идеи относительно деятельности, которые С.Л. Рубинштейн развивал в своих последующих работах. Ссылаясь на Г. Когена, С.Л. Рубинштейн пишет о том, что субъект не стоит «за» своими деяниями, не в них выражается и проявляется, а в них порождается. Субъект тождественен со своими деяниями, «...существуя не помимо и вне их, а в них, ...субъект, определяясь своими деяниями, этим *самоопределяется*»[33]. Поэтому, когда С.Л. Рубинштейн стал в конце 20-х и начале 30-х гг. развивать свои деятельностные представления в духе идей К. Маркса, это было не приспособлением к получившей господство идеологии, а естественным развитием тех идей, которые были во многом общими для К. Маркса и других наследников немецкой философии и которые в других вариантах разрабатывались многими философами в XX столетии.

Нужно сказать, что в марксовом понимании деятельности существует один изъян, который сказался и на философских и психологических разработках деятельностной тематики в нашей стране. Дело в том, что исходной и привилегированной формой деятельности считается труд. Такое понимание связано с идеей о взаимоотношении производственной и иных форм деятельности, базиса и надстройки — идеей, которая не выдержала испытания временем. Сегодня труд во все большей мере опосредуется деятельностью в сфере науки, а богатство страны все больше зависит не от деятельности в сфере материального производства, а от производства знаний. В этой же связи ясна и невозможность

---

[31] См.: *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. № 4.

[32] Коген (*Kohen*) Герман (1842—1918) — немецкий философ, основоположник марбургской школы неокантианства. — *Ред.-сост.*

[33] *Рубинштейн С.Л.* О философской системе Г. Когена // *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М., 1997. С. 154.

противопоставления практической деятельности и коммуникации (правда, у самого К. Маркса такого противопоставления нет): в практике индивид вступает в отношения с другими, практическая деятельность исходно имеет коллективный характер и поэтому опосредуется коммуникацией. Сама коммуникация может быть видом деятельности и быть формой создания социальной реальности: это относится не только к так называемым перформативным высказываниям, но и к многим иным текстам, которые могут иметь характер поступка. Недаром в современной философии получил широкое распространение термин «дискурсивные практики».

II

Теперь по поводу второй группы обвинений в адрес деятельностной тематики. Речь идет о критике конкретных теорий деятельности. Не буду разбирать деятельностную концепцию Г.П. Щедровицкого. Скажу только несколько слов по поводу психологической теории деятельности. Последняя, как она была разработана А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным и другими[34], критикуется прежде всего за то, что в центре ее внимания была все же индивидуальная деятельность, а также анализ отдельных действий (и операций, на которые можно разложить эти действия), а не коллективная деятельность, от которой в действительности индивидуальная деятельность и тем более отдельные действия производны. Критикуется также и одна из основных идей этой теории: попытка представить возникновение если не всех, то по крайней мере специфически человеческих психических образований в качестве результата интериоризации внешних предметных действий, их переноса во «внутренний план». Критики этой идеи обращают внимание на то, что при таком понимании неясно, как возникает сам «внутренний план». Кроме того, уподобление внутренних психических процессов трансформированным внешним действиям представляется большим упрощением. Мне кажется, что в этой критике речь идет о реальных проблемах, с которыми столкнулась разработка психологической теории деятельности. Но ответ на эту критику вовсе не обязательно означает отказ от деятельностного подхода, а возможен на основе развития деятельностных представлений в психологии в рамках новых вариантов, которые учитывают то, что было ранее сделано в теории деятельности, и вместе с тем открывают новое поле для теоретических и экспериментальных исследований.

По моему мнению, новый этап разработки психологической теории деятельности был намечен в последних работах В.В. Давыдова и его коллектива[35]. В.В. Давыдов начал строить психологическую теорию коллективной деятельности. Он показал, что коллективная деятельность — это не расширение деятель-

---

[34] См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

[35] См.: *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996.

ности индивидуальной. Это не простое перенесение особенностей индивидуальной деятельности (с ее взаимоотношениями деятельности, действий и операций) на коллектив. Деятельность коллективная включает взаимную деятельность и взаимные действия. Взаимодействие ее участников может быть понято как коммуникация. В этом случае участники должны постоянно обсуждать некоторые проблемы друг с другом, включаться в диалоги и полилоги, чтобы уметь понять позиции других и в то же время научиться смотреть на себя глазами других, т.е. выработать в себе качество саморефлексивности. В исследованиях коллективной деятельности было показано, что нужно иначе понять сам процесс интериоризации: не просто как «перенос» внешней деятельности во «внутренний план», а как индивидуальное присвоение форм коллективной деятельности.

Но если коллективная деятельность включает взаимодействие участников, в частности их коммуникацию, то меняется и само понимание деятельности. Действия, включенные в взаимодействие с другим человеком, не являются теми же, что действия по производству предмета или по изменению объективной ситуации. Ведь взаимодействие с другим предполагает, что последний является таким же самостоятельным субъектом, как и я сам. Результат таких моих действий не может быть в полном моем распоряжении, я не могу полностью его контролировать.

Мне кажется, что этот новый вариант психологической теории деятельности существенно меняет ее характер и ее возможности.

III

Наконец, о третьей группе обвинений, которые мне представляются наиболее серьезными. Ибо в данном случае речь идет не о конкретной версии деятельностного подхода (как выше речь шла о марксовой версии) и не о конкретных теориях деятельности (например, о психологической теории деятельности А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина), а о деятельностном подходе вообще во всех его возможных разновидностях.

Верно, что не все современные влиятельные философские концепции разделяют деятельностные идеи. Например, феноменология вряд ли может быть интерпретирована как деятельностная концепция. То же можно сказать о неотомизме, о философии Хайдеггера[36]. Правда, нужно заметить и то, что деятельностное понимание человека и культуры все же оказалось очень влиятельным в философии XX столетия. Несколько лет тому назад один западный философ попросил многих своих коллег ответить на вопрос: какие три мыслителя оказали наибольшее влияние на философию XX в.? Большинство указало на трех фило-

[36] Хайдеггер (*Heidegger*) Мартин (1889—1976) — немецкий философ, один из основоположников экзистенциализма. — *Ред.-сост.*

софов: Витгенштейн, Хайдеггер и Лукач[37]. И Витгенштейн, и марксист Лукач развивали деятельностные представления. Хайдеггер противостоял этим идеям, но он же считал, что именно Маркс наиболее глубоко понял суть современной европейской цивилизации и европейского человека: создавая мир человеческих предметов, человек творит самого себя. Однако сегодня деятельностные идеи вызывают большую критику. Эта критика идет с двух сторон. Во-первых, со стороны экологически и консервативно настроенных философов. Во-вторых, со стороны сторонников популярного ныне постмодернизма. Остановлюсь подробнее на этих двух видах критики.

Деятельностный подход обвиняется в пагубном антропоцентризме[38]. При таком понимании этот подход является следствием сциентизма[39]. Если мы претендуем на точное знание каких-то процессов, то это значит, что мы можем если не фактически, то в принципе контролировать их протекание, можем вмешиваться в их ход и преобразовывать их в наших интересах. А это ведет, с одной стороны, к пониманию природы в качестве простого ресурса человеческой деятельности, к идее безграничной ее «переделки», покорения, а с другой стороны, к установке на проектирование социальных процессов, а возможно, и самого человека, к технократической иллюзии[40]. Результаты такого рода подходов сегодня хорошо известны. Наивно-технократическое представление о возможностях переделки природы и господства над ней привело к переживаемому человечеством экологическому кризису. Идеи искусственной переделки общественных отношений и человека имели в качестве следствия возникновение тоталитарных систем. Ведь если разумное управление социальными процессами понимается как их рациональная калькуляция, контроль и полная предсказуемость результатов воздействия, то, значит, нужен специальный бюрократический аппарат, манипулирующий людьми и подавляющий все уклонения от того, что считается «разумным». Развитие цивилизации по технократическому пути показало, говорят эти критики деятельностного подхода, что всякое вмешательство в естественные процессы (не только природные, но и социальные, и человеческие) пагубно. Мы слишком плохо знаем сложные связи и зависимости этих процессов. В результате самонадеянное «деятельностное» вмешательство, претензии на проектирование и конструирование всего и вся порождают такие следствия, которые ставят под угрозу само существование человека[41].

---

[37] Лукач (*Lukacs*) Дьердь (1885—1971) —венгерский литературовед и философ. — *Ред.-сост.*

[38] *Антропоцентризм* — воззрение, согласно которому человек есть центр Вселенной и конечная цель всего мироздания. — *Ред.-сост.*

[39] *Сциентизм* — абсолютизация роли науки в системе культуры, в духовной жизни общества. — *Ред.-сост.*

[40] *Технократическая иллюзия* — представление о том, что политическая власть должна принадлежать специалистам, управляющим обществом на базе научного знания. — *Ред.-сост.*

[41] См.: *Кутырев В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994.

Нужно признаться, что некоторые варианты деятельностного подхода дают основания для подобной критики. Если понимать деятельность как создание таких предметов, которые как бы полностью подконтрольны человеку, которые в известном смысле являются его простым продолжением, тогда, действительно, этот подход становится синонимичным технократическому проекту. На мой взгляд, подобное понимание деятельности можно увидеть, например, во всеобщей организационной науке А.А. Богданова[42] (хотя она не сводится к технократической иллюзии и обнаруживает сегодня большой смысл в связи с изучением сложных организованных систем[43]). Технократическое понимание деятельности — это современный вариант утопического сознания: природу можно переделывать, общество и человека можно проектировать.

Подобный взгляд глубоко укоренен в европейской культуре, по крайней мере, начиная с XVII в., со времени возникновения экспериментального естествознания. Даже в немецкой философии начала XIX в., весьма далекой от технократической иллюзии, смысл деятельности понимается как самостановление субъекта (Абсолютного *Я* или Абсолютного Духа), как вбирание субъектом, включение им в свой состав продуктов собственной объективации — а других объектов с этой точки зрения и не существует. У Маркса унаследованное от немецкой философии понимание деятельности соединилось с технократической иллюзией: идеей о возможности полного контроля за природными и социальными процессами.

Но ведь возможно и иное понимание деятельности. И именно это иное понимание оказывается сегодня весьма актуальным. Это не деятельность по созданию предмета, в котором человек пытается запечатлеть и выразить самого себя, т.е. такого предмета, который как бы принадлежит субъекту. Это взаимная деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим и в результате которого оба они изменяются. Именно исследование взаимодействия участников коллективной деятельности лежит, как я писал выше, в основе того нового варианта психологической теории деятельности, который разрабатывал в последние годы В.В. Давыдов. Так понятая деятельность предполагает не идеал антропоцентризма в отношениях человека и природы, а идеал коэволюции, совместной эволюции природы и человечества, что может быть истолковано как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге.

Но это означает, что искусственные и естественные процессы, которые не могут быть сведены друг к другу, вступают в сложные отношения. Деятель-

[42] Богданов Александр Александрович (1873—1928) — политический деятель, врач, философ, экономист. — *Ред.-сост.*

[43] См.: *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: В 2 кн. М., 1989; *Садовский В.Н.* Системная концепция А.А. Богданова // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1998; 1999. Ч. 1.

ность — это, конечно, искусственный процесс. Но деятельность, которая превратилась в традицию и которая стихийно воспроизводится, может рассматриваться как процесс квази-естественный, в отличие от подлинно естественных (природных) процессов, с одной стороны, и той деятельности, которая сознательно проектируется, с другой. Конечно, невозможно предвидеть все последствия той или иной сознательно проектируемой деятельности, ибо она всегда включается в сложную сеть естественных и квази-естественных процессов. Мысль о возможности полного контроля за результатами деятельности — не более чем иллюзия. Это особенно ясно сегодня, когда мир становится все более сложным и чреватым опасностями, о которых ранее нельзя было подозревать. Вместе с тем степень предвидения может быть разной, и если бы результаты деятельности нельзя было предсказать хотя бы в некоторой мере, то она была бы бессмысленной. Верно и другое: человек — не только природное, но и искусственное существо. Если бы искусственная составляющая, выражающаяся в деятельности, исчезла, человек перестал бы существовать. Человек не может не проектировать свое будущее, хотя реализация проектов никогда не совпадает полностью с замыслом. Вместе с тем многое из того, что мы считаем обретениями европейской культуры, было когда-то ничем иным как проектом, замыслом. Таким, например, проектом была когда-то сформулированная философами идея правового государства, которую в период этого формулирования можно было бы считать чем-то совершенно утопическим[44]. Между тем, этот проект был в значительной степени (хотя и не абсолютно) реализован. Самое же главное состоит в том, что если раньше многие виды деятельности, лежащие в основе воспроизводства человека как специфического естественно-искусственного существа, осуществлялись квази-естественным образом, то сегодня они стали настолько сложными или же столкнулись с такими трудностями реализации, что предполагают сознательное проектирование. Впервые в истории возникла возможность искусственного вмешательства в сами природные, биологические основы человека с помощью генной инженерии. Существуют ли границы этого вмешательства и чем они определяются? Может ли это вмешательство регулироваться сложившимися этическими, правовыми, религиозными предписаниями или же последние сами нуждаются в пересмотре? Может ли человек проектировать не только собственную индивидуальную и социальную жизнь, но также и собственную биологию? Это острейшие вопросы, которые сегодня являются предметом горячих споров. Ясно, во всяком случае, что особенности современной экологической и социальной ситуации не только не ведут к отказу от деятельностной тематики, но напротив, делают последнюю одной из самых актуальных.

---

[44] См.: *Черткова Е.Л.* Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал. Утопия и критическая рефлексия. М., 1996.

Второе обвинение против деятельностного подхода связано сегодня со ставшей популярной, в том числе и в нашей стране, философией постмодернизма. С одной стороны, постмодернизм сохраняет определенные связи с деятельностным подходом. Согласно постмодернистам, человек живет в мире сделанных предметов (самым главным из таких «предметов» является текст), и сам он — сделанное существо. Известно высказывание Ж. Деррида о том, что в мире нет ничего, кроме текстов. Постмодернисты в современной психологии по-своему истолковывают идеи М.М. Бахтина[45] и Л.С. Выготского и ссылаются на них как на своих предшественников. Вместе с тем нормы так понимаемой деятельности согласно этой точке зрения совершенно условны и могут произвольно меняться, она имеет фрагментарный и произвольный характер. Результаты деятельности не могут контролироваться. Она как бы расползается. Поэтому ее бессмысленно проектировать. Утопии как осуществление идеала невозможны. Поэтому нужно отказаться как от утопий, так и от идеалов. Самое же главное состоит в том, что такое понимание деятельности предполагает отсутствие ее носителя — делателя. Сторонники этой философии считают, что нужно отказаться от идеи целостной личности вообще (идея «смерти человека»). Разные потоки коммуникации, в которые оказывается втянутым современный человек, настолько многочисленны и разнородны (а иногда и несоизмеримы), считают эти теоретики, что индивидуальное сознание неспособно интегрировать их в виде единства *Я*. Сознание оказывается «перенасыщенным» и «фрагментированным». Все без исключения традиции с воплощенной в них иерархией ценностей утратили сегодня авторитет, не могут считаться непререкаемыми. Поэтому личность как агент действия, предполагающий наличие определенных ценностей, представлений о правах и обязанностях и ответственность за поступки, теряет смысл. Человек не может рассматриваться как автор своих поступков, считают эти теоретики, ибо реагирует в основном в соответствии с теми системами коммуникации, в которые оказался случайно втянутым. Он не является и автором собственных текстов, ибо последние в действительности не что иное, как коллажи, склейки из текстов иных. Философы и психологи, придерживающиеся постмодернистского подхода, считают, что сегодня проблема самоидентичности личности вообще потеряла смысл. Став фрагментированной, личность исчезает. Европейская философия, начиная с Декарта, исходила из самоочевидности сознания и центрирующего его *Я* и из не самоочевидности всего остального. Отсюда и традиционный вопрос: «Как возможен мир (если возможен)?» Ответ на этот вопрос пыталась дать немецкая философия в начале XIX в. и ряд течений европейской мысли в XX в. Деятельностный подход в разных своих версиях исторически возник как попытка снять абсолютную дихотомию субъективного и объективного миров. Сегодня постмодернисты ставят

[45] Бахтин Михаил Михайлович (1895—1975) — литературовед, теоретик искусства. — *Ред.-сост.*

другой вопрос: «Как возможно *Я* (если возможно)?» Их ответ сводится к тому, что *Я* в современном мире невозможно.

Но это значит, что постмодернисты имеют дело уже не с тем пониманием деятельности, которое до сих пор фигурировало в философии и науках о человеке, включая психологию. По крайней мере, я не могу считать постмодернистскую философию версией деятельностного подхода.

Но если согласиться с постмодернистами, тогда нужно отказаться от многих традиций и ценностей европейской культуры. Одна из таких ценностей, идущая от христианства, легшего в основание этой культуры, — это признание субъективного мира, «внутреннего человека», не зависимого в своих решениях от конкретной ситуации и от давления социальных обстоятельств (декартовское понимание внутреннего мира как чего-то принципиально отличного от мира внешнего — лишь одна из версий этой идеи).

Вместе с тем нельзя не признать, что постмодернисты верно отмечают: *Я*, субъект с его внутренним миром не являются чем-то непосредственно данным, как это полагали в течение долгого времени многие представители европейской философии, а в известном смысле являются чем-то созданным, сконструированным. Они правы и в другом: ситуация в современной культуре с ее сложными потоками коммуникаций такова, что *Я* как единство сознания и как центр принятия решений оказывается под угрозой. Однако из отмеченных ими реальных фактов в действительности следует другой вывод: те деятельности, осуществление которых означает конституирование субъекта, в современных условиях во все большей степени предполагают уже не их стихийное протекание (в качестве квази-естественных), а целенаправленное проектирование.

В этой связи мне представляются интересными исследования становления «внутреннего мира», предпринятые в последнее время известным английским философом и психологом Р. Харре[46]. Последний показывает, что вообще традиционное противопоставление субъективного и объективного в связи с изучением психических процессов теряет смысл. Процессы могут быть публичными по форме их выражения и коллективными по способу их осуществления, они могут быть коллективными в последнем смысле, но приватными по форме их выражения, они могут быть приватными и в первом смысле, и во втором, наконец, они могут быть приватными, индивидуальными по способу осуществления, но публичными по форме выражения. Эта схема не формальна, ибо она используется не только и не столько для описания многообразия психических феноменов и процессов, сколько прежде всего для анализа генезиса внутреннего мира. То, что традиционно связывалось с этим миром, относится в строгом смысле слова лишь к третьему случаю. Что же касается всех остальных случаев, то они явно не могут быть отнесены ни к внутреннему в традиционном смысле слова, ни к внешнему. Однако существование внутреннего мира исключи-

[46] См.: *Harre R.* Personal Being. Cambridge, 1984. P. 34—57.

тельно важно для нашей культуры. Ибо только на основе этого мира и может существовать *Я* как единство сознания, единство индивидуальной биографии и центр принятия свободных решений. Р. Харре пытается соединить с идеями Л. Витгенштейна знаменитую идею Л. Выготского о том, как процессы, совершавшиеся между индивидами, участвующими в процессе речевого общения, становятся процессами «внутри» индивида, соответствующим образом преобразуясь[47]. Он использует эту идею в составе своей концепции, для которой деятельность неотделима от соответствующих речевых актов, которые вплетены в реальные практические действия и сами в свою очередь рассматриваются как действия (коммуникация как действие, как создание, порождение чего-то). Для того чтобы возник внутренний мир, сама идея «внутреннего» должна сначала возникнуть в культуре, т.е. осуществиться именно в формах коллективной деятельности (поэтому идея В.В. Давыдова об интериоризации как способе индивидуального присвоения форм коллективной деятельности, на мой взгляд, не противоречит, а во многом соответствует концепции Р. Харре). Но это значит, что возможны культуры и формы деятельности (и соответствующие им формы коммуникации), при которых индивид может участвовать как агент в коллективной деятельности и вместе с тем не обладать *Я* и внутренним миром как субъективно сознаваемым.

IV

Итак, деятельностный подход, с моей точки зрения, не только возможен в современных условиях, но и весьма перспективен. Однако его развитие предполагает переосмысление и пересмотр ряда связанных с ним представлений. Об этом я и пытался сказать.

В заключение я хочу отметить, что развитие деятельностного подхода и построение частных теорий деятельности менее всего может быть понято как простое навешивание термина «деятельность» на разнообразные феномены. Такого рода процедуры не дают никакого нового понимания. Речь идет о другом: о попытках конкретного объяснения разных типов деятельности и понимания с позиций деятельности тех феноменов, которые непосредственно кажутся недеятельными (например, созерцание, субъективное переживание, захваченность эмоцией и т.д.). Это предполагает соответствующие теоретические построения, а разворачивание теории, как хорошо известно, возможно только на основании развития некоторой исходной порождающей модели. Это важно подчеркнуть, ибо из самого по себе понятия «деятельность» никакой теории вывести невозможно. Какой должна быть исходная модель деятельностной теории? Я не буду специально обсуждать этот вопрос, но хочу все же отметить, что, по-видимому, она должна включать ряд моментов, в частности, момент транс-

[47] См.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.

формации внешнего предмета или ситуации и момент коммуникации. Может быть, в эту модель следует включить и другие моменты с фиксирующими их понятиями[48]. Возможны разные попытки создания деятельностных теорий. Я не исключаю случая, когда существуют разные несводимые друг к другу теории для объяснения разных типов деятельности. Поэтому, как мне кажется, бессмысленны претензии на создание некоей «Единой Теории Деятельности».

Я хочу также подчеркнуть, что деятельностный подход может показать свою состоятельность в современных условиях только в том случае, если в его рамках будут предприниматься попытки понимания тех феноменов, которые были выявлены в недеятельностных и анти-деятельностных концепциях: феноменологии, ряде вариантов аналитической философии сознания и аналитической философской психологии, в когнитивной психологии, исходящей из компьютерной метафоры психических процессов. Явления субъективного мира, сознания исключительно сложны, и деятельностный подход пока не может претендовать на то, что все они легко объяснимы с его точки зрения. Между тем, философия сознания (в сущности тождественная философии психологии) — одна из наиболее интенсивно развивающихся областей современной философии. Использование в этой области деятельностных представлений, как мне кажется, может быть весьма результативным и для философии, и для наук о человеке, включая психологию.

---

[48] Это имеет место во всех научных теориях. Так, например, развертывание классической теории механики предполагает в качестве исходной модели движение тела при отсутствии воздействия внешних сил и сил сопротивления. Однако эта модель для своего формулирования (и для формулирования исходных законов механики) использует по крайней мере несколько понятий: силы, массы, ускорения.

П.Я. Гальперин

К воспоминаниям об А.Н. Леонтьеве*

Мое знакомство с Алексеем Николаевичем совпало с организацией в самом начале 30-х гг. в Харькове Академии психоневрологических наук, в составе которой намечался и сектор психологии. Для руководства этим сектором были приглашены Л.С. Выготский[1], А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия[2], М.С. Лебединский, а на работу с ними — их младшие сотрудники Л.И. Божович[3], А.В. Запорожец[4].

А.Н. Леонтьев стал во главе сектора; кроме того, вскоре он возглавил кафедру психологии Педагогического института и Отдел психологии Научно-исследовательского института педагогики. А.Н. Леонтьев вместе со своими ближайшими помощниками Л.И. Божович и А.В. Запорожцем вовлекал в активную работу харьковских психологов: В.И. Аснина[5], П.Я. Гальперина, П.И. Зинченко[6], О.М. Концевую (а несколько позже — Д.М. Арановскую, Е.В. Гордон, К.Е. Хоменко), развернув при этом кипучую деятельность по подготовке новых кадров. Одновременно Алексей Николаевич вел большую научно-исследовательскую и преподавательскую работу во всех трех учреждениях.

Алексей Николаевич обладал замечательным даром воодушевленно и убежденно излагать свои научные идеи, — даром, который он сохранил до по-

---

* *Гальперин П.Я.* К воспоминаниям об А.Н. Леонтьеве // А.Н. Леонтьев и современная психология / Под ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 240—244.

[1] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*

[2] Лурия Александр Романович (1902—1977) — отечественный психолог, один из основателей нейропсихологии. — *Ред.-сост.*

[3] Божович Лидия Ильинична (1908—1981) — отечественный психолог; основная область исследований — педагогическая и детская психология. — *Ред.-сост.*

[4] Запорожец Александр Владимирович (1905—1981) — отечественный психолог, автор теории перцептивных действий. — *Ред.-сост.*

[5] Аснин Владимир Ильич (1904—1956) — отечественный психолог, изучавший формирование двигательных навыков, развитие мышления и воли школьников. — *Ред.-сост.*

[6] Зинченко Петр Иванович (1903—1969) — отечественный психолог, автор ряда работ по психологии памяти. — *Ред.-сост.*

следних дней жизни. А тогда он был молод и «горел» задачами построения новой марксистско-ленинской психологии. Ее конкретное истолкование было гениально намечено Л.С. Выготским. Но в системе его идей А.Н. Леонтьев усмотрел некий пробел, на теоретическое и экспериментальное заполнение которого он и нацеливал усилия своего коллектива. Этот пробел состоял в том, что между исходной формой деятельности ребенка и ее общественно заданной «идеальной формой», в частности, между житейскими понятиями, с которыми ребенок приходит в школу, и с научными понятиями, которые он усваивает в ней, существует период, на который Л.С. Выготский указывал лишь в самом общем виде, не уточняя, какого рода деятельности он требует от ученика. А.Н. Леонтьев подчеркивал, что лишь в крайнем и довольно искусственном случае ребенку удается непосредственно воспроизвести и усвоить заданный образец. Как общее правило в процессе усвоения общественного опыта, в частности, при усвоении научных понятий, речь идет о многолетнем и сложном процессе — жизни ребенка, в течение которой и совершается это овладение «идеальной», общественно заданной формой. Но жизнь — понятие довольно широкое и, чтобы выделить одну его важную и всеобщую сторону — активность ребенка в овладении общественным опытом, — А.Н. Леонтьев подчеркивал: не просто жизнь, а собственная деятельность ребенка — активная, целенаправленная, выходящая за пределы обучения, протекающая в системе реальных отношений со взрослыми и сверстниками, деятельность, которая через производство реального продукта формируется и развивается.

Так возникло учение о роли внешней, осмысленной, предметной (в логическом, а не вещественном значении слова) деятельности в формировании и развитии собственно психической деятельности.

Конечно, оно привело к существенному изменению в акценте исследований — Л.С. Выготский подчеркивал влияние *высших психических функций* на развитие низших психических функций и практической деятельности ребенка, а А.Н. Леонтьев подчеркивал ведущую роль *внешней*, *предметной деятельности* в развитии психической деятельности, в развитии сознания. По линии эксперимента эта идея А.Н. Леонтьева получила выражение в разнообразных исследованиях по детской и педагогической психологии, а в теоретическом плане — в попытках выделить собственно психологические компоненты в предметной деятельности ребенка.

Две опасности стояли тогда перед нами: бихевиоризм — с одной стороны, и субъективизм — с другой. Чтобы избежать субъективизма, необходимо было руководствоваться идеей о примате внешней деятельности, а чтобы не скатиться к бихевиоризму, надо было отыскать психологические компоненты в самой внешней деятельности. Какие же бесспорно психологические компоненты можно выделить в осмысленной, хотя и предметной деятельности? Это, во-первых, внешняя предметная цель деятельности; во-вторых, то, чего деятель хочет на самом деле, что отвечает его действительной потребности, но может и не совпадать с его предметной целью. Потребность как субъективное переживание есть нечто бесспорное, но довольно неопределенное; в зависимости от обстоятельств одна и та же потребность может воплощаться в разных объектах, и не потребность

как таковая, а именно это конкретное ее воплощение определяет конкретные способы действия. Поэтому в отличие от общепринятой традиции было решено называть мотивом не потребность, а именно это ее определенное воплощение. А так как мотив в этом понимании слова может и не совпадать с целью, то отношение между целью и мотивом получило специальное обозначение — смысла, того смысла, который деятельность имеет для действующего лица. Это учение о ведущей роли предметной деятельности в психическом развитии ребенка и в настоящее время оживленно обсуждается в советской психологии.

Годы до Великой Отечественной войны были заняты интенсивными и разнообразными экспериментальными исследованиями зависимости психической деятельности от места, какое она занимает в осмысленной деятельности (фиксируется ли она на мотиве, цели или средствах), отвечают ли наличные возможности требованиям обстоятельств или последние требуют развития или даже формирования новых психических возможностей. К последней категории исследований относятся замечательные опыты А.Н. Леонтьева по формированию чувствительности к свету кожи ладони, обычно совершенно к нему не чувствительной. Великолепными опытами он доказал, что если световые лучи становятся единственным сигналом, предупреждающим о болевом раздражении, то в активных поисках такого сигнала у испытуемого начинает вырабатываться некая первичная чувствительность к световым лучам (специально очищенным от всякого теплового сопровождения), чувствительность весьма неопределенная, но достаточная для предупреждения о грядущей неприятности, а следовательно, и возможности избежать ее. Эти исследования привели А.Н.Леонтьева к поискам сигнальных раздражителей в филогенезе поведения; критический обзор огромного количества литературы вместе с упомянутыми экспериментальными исследованиями составил его докторскую диссертацию.

Другая линия развития аналогичных идей — о соотношении разных компонентов осмысленной предметной деятельности — привела А.Н. Леонтьева к различению значения предметов в объективной организации деятельности и значения результатов деятельности (а через него и других ее составляющих) для самого деятеля, по отношению к мотиву его деятельности. Так возникло важнейшее различение объективного значения в системе вещей и личностного смысла для самого действующего лица.

Во время Великой Отечественной войны А.Н. Леонтьев организовал восстановительный госпиталь, в котором для лечения поражений периферических нервов и мышц был использован следующий замечательный факт: «пустое» движение («как можно больше, как можно выше!») оказывается гораздо менее эффективным, чем такое же движение, наведенное на достижение цели. Эти исследования были объединены и обобщены в совместной книге А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца «Восстановление движения».

Осознание мотива как образующего личностный смысл (деятельности) переключило внимание А.Н. Леонтьева на исследование мотивов, а в связи с этим — и на исследование сознательности деятельности, и прежде всего учебной деятельности. В дальнейшем проблема мотивов играла все большую роль в

научных интересах Алексея Николаевича и переросла в проблему психического развития личности. Но в конце 40-х — начале 50-х гг. внимание А.Н. Леонтьева и его сотрудников привлекли проблемы, возникшие в связи с дискуссиями по вопросам языкознания, а вскоре — по вопросам перестройки психологии на основе учения И.П. Павлова[7] о высшей нервной деятельности.

Вопрос о природе языка играл большую роль в учении Л.С. Выготского, и для всех нас имело большое значение развенчание учения Н.Я. Марра[8] о происхождении звуковой речи из так называемого «ручного языка». Критика этого учения показала принципиальную ошибочность выведения значений естественного языка из первоначального изображения рукой предметного содержания того, о чем производится сообщение, ошибочность приравнивания индикативной [указательной. — *Ред.-сост.*] функции речи к познавательному содержанию сообщения.

Проблема взаимоотношения высшей нервной деятельности и психологии заставила советских психологов осознать, что условные рефлексы есть не замена психической деятельности, а физиологический механизм формирования индивидуального опыта, приобретения сознания и общественных форм деятельности. Решение этой проблемы получило у А.Н. Леонтьева наиболее яркое выражение в противопоставлении рефлекторной, т.е. деятельностной, теории восприятия его традиционному пассивному рецепторному пониманию. И возможно, что именно это еще раз привело Алексея Николаевича к экспериментальному доказательству развития чувствительности в результате активной деятельности по различению ощущений. Его составили известные опыты по формированию звуковысотного слуха, проведенные под руководством А.Н. Леонтьева его сотрудниками Ю.Б. Гиппенрейтер и О.В. Овчинниковой с людьми, первоначально «тугоухими» к восприятию высоты звука.

Интересы к изучению восприятия никогда не покидали А.Н. Леонтьева и под конец его жизни выросли в грандиозный замысел книги «Образ мира». Увы, этот замысел остался неосуществленным. Зато другой линии интересов Алексея Николаевича — к мотивам, личностному смыслу, психологии личности — суждено было развиться: она получила развернутое изложение в его последней книге «Деятельность. Сознание. Личность».

А сколько сделал Алексей Николаевич для развития психологии в нашей стране, для утверждения достойного места советской психологии в мировом психологическом сообществе! Это заслуга А.Н. Леонтьева, что в крупнейших университетах нашей страны отделения психологии при философских факультетах были преобразованы в самостоятельные психологические факультеты, что ВАК [Высший аттестационный комитет. — *Ред.-сост.*] выделил психологические науки (в составе 12 дисциплин) в самостоятельную группу из общего состава

---

[7] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

[8] Марр Николай Яковлевич (1864/65—1934) — кавказовед, автор ряда исследований по проблемам кавказского языкознания, истории, археологии и этнографии Кавказа. — *Ред.-сост.*

педагогических наук, что психология была введена в номенклатуру АН СССР и Отделение философии и права этой Академии было переименовано в Отделение философии, психологии и права; что Сектор психологии Института философии АН СССР был преобразован в самостоятельный Институт психологии; что при факультете психологии МГУ был создан новый журнал «Вестник психологии».

Долгое время А.Н. Леонтьев представлял советскую психологию в Международной Ассоциации научной психологии и состоял ее вице-президентом.

Благодаря его усилиям и под его председательством в 1966 г. в Москве был проведен XVIII Международный конгресс научной психологии. По мнению зарубежных психологов, это был один из наилучшим образом организованных конгрессов Международной Ассоциации.

Да, большой человек, большая жизнь! В истории психологии его имя будет стоять в первом ряду ее выдающихся строителей!

Учебное пособие

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты

В трех томах

Том 1

Введение

Книга 2

Редактор *М. И. Черкасская*
Корректор *Т. П. Толстова*
Верстка *О. В. Кокорева*
Дизайн обложки *В.Д. Ентинзон*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Подписано в печать 08.10.12
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 45,5. Усл. печ. л. 58,98
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6